

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Материалы
VIII Международной научно-практической
конференции памяти М.Ю. Кондратьева

11 – 12 мая 2023 г.

Москва, МГППУ

УДК 316.6
ББК 88.5
С69

Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (11–12 мая 2023 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. – 988 с.

Рецензент:

Волкова Е.Н., доктор психологических наук, профессор.

Вошедшие в сборник статьи представляют исследования и практические разработки специалистов, направленные на решение актуальных социально-психологических проблем.

Рассматриваются актуальные проблемы психологии больших и малых групп, социальной психологии личности, киберпсихологии, возрастной социальной психологии. Обсуждаются вопросы развития современной организационной психологии. Значительное внимание на страницах сборника уделено исследованиям в области практической этнопсихологии, организационной психологии, социальной психологии дорожного трафика. Представлены новейшие психологические и психолого-педагогические технологии работы с дошкольниками, школьниками и взрослыми людьми.

Сборник будет интересен психологам, педагогам и другим специалистам, профессиональная деятельность которых связана с решением задач оптимизации и повышения эффективности межличностного и межгруппового взаимодействия.

ISBN 978-5-94051-289-9

© ФГБОУ ВО МГППУ, 2023.

ПРЕДИСЛОВИЕ	29
Авраменко В.Г. Диалоговое взаимодействие как фактор формирования мотивации подростков к ЗОЖ	30
Азизова Н.Б., Туниянц А.А. Развитие позитивной модальности самоотношения посредством фототерапии у девушек	33
Азнаурьянц А.А., Гайдар К.М. Психологические особенности невротической религиозности	36
Айбушев Я.К., Толстых Н.Н. Связь характера временной перспективы с уровнем субъектности личности у старшекласников	39
Аймаганбетова О.Х., Адилова Э.Т. Межконфессиональная напряженность через призму теоретического изучения агрессивности	41
Аймаганбетова О.Х., Красмик Ю.Н., Рахмалин Б.Р. Особенности мотивации профессиональных спортсменов в период подготовки к соревнованиям: квалификационный аспект	44
Аксеновская Л.Н. Потенциал российской духовной психологии в развитии современных организационно-психологических исследований	49
Алейникова Т.Н., Аблековская О.Н. Изучение эмоционального интеллекта у старших подростков с различной склонностью к интернет-зависимости.....	52
Андрюшкова Н.П. Психологические ресурсы личностного развития.....	55

Анисимова Е.В. Модель взаимосвязи эмпатических способностей и ценностно-смысловых ориентаций личности в контексте социального взаимодействия.....	58
Антипин П.А., Хлябич Ю.Н. Ценностные ориентации старшеклассников (на примере Мурманской области).....	63
Артеменко О.А., Кочетков Н.В. Взаимосвязь субъективной удовлетворенности жизнью и авторитарности личности студентов вузов	66
Афанасьева О.Ф., Феоктистова С.В., Чанкаева И.Р. Взаимодействие психологов и педагогов по обеспечению профилактики виктимного поведения в современных условиях	68
Бабанин П.А., Виноградова А.В. Взаимосвязь агрессивного поведения подростков и чувства их субъективного благополучия	73
Бавшенко В.О., Миновская О.В. Игровые технологии в профорientационной работе педагога-психолога с детьми с ограниченными возможностями здоровья	75
Багданян А.Г., Красило Д.А. Ценностные установки старшеклассников и готовность к выбору профессии в современных социокультурных условиях	78
Баканов А.С. Информационные технологии в управлении современной организацией	81
Баканова Н.Б. Поддержка управленческой деятельности на основе информационных систем организационного управления	85
Балева М.В. Социальное восприятие в пре-стимульном контексте	88

Бардиер Г.Л. Инкультурация и аккультурация как механизмы социализации детей-мигрантов	91
Баринова Н.Г. Трудности психологической адаптации у российских женщин в межкультурных браках с гражданами ОАЭ	96
Басанова Е.Е., Алейникова К.И. Влияние родительского отношения на восприятие временной перспективы в подростковом возрасте	99
Башилова-Селезнева Е.В. Копинг-стратегии в профессиональной деятельности медицинского персонала красных зон.....	105
Безродный В.И. Роль семьи в формировании копинг-стратегий поведения подростка в травмоопасных ситуациях	108
Белинская Е.П. Динамика массового визуального контента в цифровую эпоху.....	111
Белоглазов И.Д., Шомникова И.В. Типы копинг-стратегий в романтических отношениях при разных жизненных стратегиях у молодежи	114
Беспанская-Павленко Е.Д. Проблема управления взаимодействием младших школьников в учреждениях образования.....	117
Бешенцев И.Д., Лобанова Ю.И. Устойчивая мобильность: на стыке гуманизма и технократии.....	120
Биндасова О.В., Дроздова Е.Н. Взаимосвязь субъективного ощущения одиночества с уровнем тревожности в студенческой группе.....	123
Биндасова О.В. Прокофьева К.В. Взаимосвязь характеристик эмпатии и агрессивности у медицинских работников.....	126

Блинова Е.Е. Восприятие студентами корпоративной культуры университета как фактор социально-психологического климата студенческой группы.....	128
Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В. Тело: парадоксальный объект социальных представлений	132
Богачева Т.И. Исследование взаимосвязи тревожности и социабельности студентов-психологов	135
Богущая Д.И., Погодина Е.К. Кибербуллинг как форма проявления киберагрессии в подростковой среде	138
Бочкова М.Н., Мешкова Н.В. О предварительных результатах апробации опросника моральной идентичности на российской выборке.....	140
Будякова Т.П. Социально-психологическая компетентность тренеров, оказывающих услуги пожилым людям.....	144
Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Калининченко О.В. Буллинг в школе и социальная успешность студентов в будущем	149
Бухарина А.Ю. Наставничество как драйвер развития временной компетентности управленцев в ситуации высокой неопределенности.....	150
Быч К.Э., Литвинова Е.Ю. Эмоциональное выгорание, профессиональное самоотношение и стратегии совладающего поведения у педагогов СПО.....	153
Бычкова Д.И., Сачкова М.Е. Типы потребления и вовлеченность в интернет у студентов колледжа	156
Валова А.В., Ковалева Т.В. О проблеме командного лидерства в современных условиях.....	159

Васильев В.А. Экстремистские взгляды в обществе: сущность, критерии, диагностика	162
Васильева С.В., Микляева А.В. Опыт разработки подростковой шкалы конструктивного патриотизма: экспертные оценки педагогов	166
Вержибок Г.В. Цифровизация образования и проблемы подготовки современного специалиста	169
Видулина В.С. Представления о психологической безопасности у сотрудников подразделений с различными типами корпоративной культуры	172
Визгина Е.Н., Дунаева Н.А., Ратманова С.А. Литотерапия как современная психолого-педагогическая технология в работе с детьми дошкольного возраста.....	175
Виноградова Е.С. Развитие социального интеллекта в подростковом возрасте	180
Виталёва Я.В. Характеристика межличностных отношений детей дошкольного возраста в старшей группе детей с ОВЗ	183
Вишнякова О.А. Опыт использования авторских коллективных настольных игр при формировании коммуникативного компонента личностного потенциала школьников	186
Власов И.Ю., Орлов В.А. Связь особенностей эмоционального интеллекта учителя начальных классов и профиля учебной мотивации его учеников.....	190
Волкова Н.В. К вопросу об организационном социальном капитале поколений	193
Волох А.Д., Касымжанова А.А. Взаимосвязь рефлексивности и личностных особенностей казахстанских студентов	196

Воронко Е.В. Групповая сплоченность в студенческих группах медицинского университета	199
Воронова В.Е., Кожухарь Г.С. Оценка показателей психологической безопасности сотрудниками организации	202
Гарбажа М.С., Воронкова И.В. Семейные детерминанты психологического неблагополучия в зрелом возрасте.....	205
Гафиятуллин Э.Э., Гриценко В.В. Предубеждение: определение феномена, дифференциация от смежных понятий	208
Гафурова С.Ш., Султанова Л.З. Взаимосвязь стилей юмора и особенностей копинг-стратегий	212
Гильмутдинова Д.Д., Кружкова О.В., Матвеева А.И., Робин С.С. Изучение отношения обучающихся к научно-исследовательской деятельности	215
Глушакова А.В. Опыт разработки и применения анкеты для изучения социокультурного контекста	218
Гордеева Е.Н., Тельшева В.А. Исследование буллинга в школьной среде	222
Горькая Ж.В. Смыслоразнозначные ориентации представителей разных поколений.....	225
Гревцев И.А., Кожухарь Г.С. К вопросу о месте фэндомов в современном обществе	228
Григорян А.Г., Павлова О.С. Исследование социальной дистанции старших подростков г. Москвы	231
Гриднева Д.А., Толстых Н.Н. Особенности временной перспективы современных подростков и юношей.....	234

Гритченко М.А. К проблеме профессиональных кризисов у женщин	236
Давыденко А.П. Использование дистанционного обучения и интернет-технологий как инновации воспитательно-образовательного процесса в ДОУ	239
Даниленко О.В., Федотова Л.А. Актуальные вопросы работы психолога с участниками образовательной системы после чрезвычайного происшествия в школе.....	242
Даниленко О.В. Экспресс-диагностика эмоционального отношения учащихся 5 класса к разным сторонам своего актуального функционирования в школьной и внешкольной жизни.....	246
Даниленко О.И., Быховская А.В. Сильные стороны личности как предикторы удовлетворенности жизнью	251
Деканова Ю.Н., Пашенко А.К. Функции организационной культуры современного торгового предприятия и факторы ее формирования	254
Делиденко А.А., Волк М.И. Связь жизнестойкости и копинг-стратегий у студентов	258
Демина А.В. Психолого-педагогические средства формирования благоприятного социально-психологического климата в школьных классах.....	262
Демьяненко Е.Э., Аблековская О.Н. Взаимосвязь самооценки спортсменов-профессионалов с успешностью их выступления на соревнованиях	265
Дергилева Я.А., Завгородняя И.В. Локус контроля и мотивация достижений у курсантов ВУЦ с разным социометрическим статусом	268

Дёмина И.С. Особенности психолого-педагогического сопровождения семей в условиях образовательной организации	271
Добрынина Е.И., Шпунтова В.В. Ценности и направленность личности в ситуации неопределенности	274
Дубовских Ю.В., Чикер В.А. Парадоксы доверия	277
Дунская Е.Ю., Кузнецов И.М. Магические практики и толерантность к неопределенности в психологической работе: экспериментальное исследование.....	280
Душина И.А. Формирование детского коллектива как профилактика школьной травли	284
Елесичева Н.И., Ковалева Т.В. Влияние менеджмента руководителя на повышение эффективности сотрудников в организации	288
Ершов Д.С. Возможности использования компьютерных технологий в образовательных процессах в детском лагере	292
Ефременкова М.Н. Взаимосвязь ценностей и компонентов планируемого миграционного поведения	295
Жарков А.В., Курило М.В. Тренинг как форма профилактики конфликта реального и виртуального «Я» в подростковом возрасте.....	298
Жилияев Д.В., Шнайдер Д.Ж. Эйджизм в рабочих группах	302
Жукова Н.Н., Кожухарь Г.С. Административный стиль управления и предпочтение командных ролей у педагогов образовательного учреждения.....	304

Журкин Д.В. Влияние мужских союзов на изменение гендерной идентичности взрослого мужчины	308
Зарецкий П.С., Фокина М.В. Рациональная и иррациональная потребительская мотивация в области цифровых валют	311
Зикеева А.А., Гриценко В.В. Связь общечеловеческой идентичности и межэтнического восприятия	314
Зими́на А.А. Личностные ресурсы как фактор замедления биопсихологического возраста у мужчин и женщин во втором периоде зрелости в Кавказском регионе России	317
Зими́на Н.А. Эмоциональный интеллект как ресурс изменений в сфере мотивации достижения.....	321
Зубова Ю.К. Особенности мотивации участников корпоративного обучения	323
Ивакина П.А., Кочетова Т.В. Исследование взаимосвязи психологической безопасности личности в организации с эмоциональным игнорированием (неглектом).....	326
Иванкова Д.Л. Социально-психологическая реабилитация осужденных, имеющих наркотическую зависимость	329
Ивина А.В., Сачкова М.Е. Особенности учебно-профессиональной мотивации студентов-психологов, обучающихся в системе высшего и дополнительного образования	332
Игнатенко И.Н., Литвинова Е.Ю. Анализ проблемы привлечения и удержания ценных кадров в современной организационной психологии	335
Ильиных Ю.В., Панфилова А.В. Личностные детерминанты субъективного качества выбора стратегии родительского поведения	338

Истомина Е.В. Особенности социально-психологической адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья в период пандемии	342
Камчыбек уулу М. Этнонациональная идентичность как форма социальной идентичности	345
Карев К.А., Александрова Е.А. К вопросу об изучении социально-психологических аспектов сохранения этнической идентичности в инокультурной среде (на примере Московского общества греков)	350
Кауненко И.И. Миграционные установки студенческой молодежи в ситуации социальной неопределённости	353
Качаева И.А., Хаймовская Н.А. Особенности принятия решений и критического мышления у взрослых с разной степенью погруженности в информационную среду.....	355
Киселев К.А. Особенности связи личностного адаптационного потенциала и интернет-зависимости у объектов сексуального онлайн груминга	359
Киселева Т.Г. Формирование логического мышления у детей с тяжелыми нарушениями речи как механизм социализации	363
Кисляков П.А., Белов М.С. Просоциальное и моральное поведение в спорте: утопия или реальность?	366
Клементьева М.В. Динамика «формирующейся взрослости» от 18 до 30 лет	369
Клочкова А.С., Расходчикова М.Н. Исследование особенностей фаббинг-поведения и тревожности у молодежи	372
Ковалева П.В., Орлов В.А. Мотивационные факторы участия школьников в олимпиадном движении.....	375

Ковыльникова Е.А. Тревожность у школьников, переживших развод родителей.....	379
Кожухарь, Г.С., Сутягина А.А. Моральное развитие и оценка социальной поддержки от значимого окружения студентами вуза	382
Кожухарь Г.С., Тихонова Д.В. Проявления феномена буллинга у старшекласников и студентов первого курса вуза	385
Колесник Е.А., Синельникова Е.С. Осмысленность жизни, временная перспектива и копинг-стратегии в юношеском возрасте и в ранней зрелости.....	389
Кольвах П.П., Кочетков Н.В. Гендерные аспекты ревности, готовности прощать и аутентичности личности	392
Комаров В.В. Наставничество как фактор результативности первичной трудовой адаптации	394
Комарова П.С., Усманова Э.З. Взаимосвязь проявления тревожности и уровня академической успеваемости у младших школьников.	398
Комарова Т.К., Вильчевская В.Е. Взаимосвязь самооценки и статуса подростка в буллинг-структуре.....	401
Кононыхина В.Б. Современные технологии диагностики и развития эмоционального интеллекта	404
Кончакова Е.В. Возможности применения ценностно-ориентированной психологии в терапевтической группе	408
Конысбай Т.Е., Аймаганбетова О.Х. Стресс-факторы в эпоху глобализации, влияющие на эмоциональное благополучие лиц поздней зрелости	411

Коробцева К.Д., Завгородняя И.В. Стратегии конфликтного поведения у сотрудников МЧС с разным уровнем эмоционального выгорания	414
Косицина В.И. Темная триада и копинг стратегии военнослужащих различных категорий	417
Косолапова А.В. Кросс-культурные аспекты сепарации от родителей	420
Косьмина Д.Г., Бусарова О.Р. Связь социальных аксиом со склонностью к девиантному поведению в подростково-юношеском возрасте	423
Кочетков Н.В. Проблема психического выгорания через призму теорий А.В. Петровского	426
Кочетова Т.В., Попова К.А. Предпочитаемый тип организационной культуры в представлениях педагогов дошкольных образовательных организаций	429
Красило Т.А., Лазарева А.В. Влияние оценки человеком родительского отношения к нему в детстве на становление его жизнестойкости	432
Кружкова О.В., Бабилова М.Р. Социально-психологические механизмы реализации soft-power потенциала вандально нанесенных текстов	436
Крюкова Т.Л., Рымина А.В. Что привлекает русскоязычных пользователей в восточную фан-культуру	439
Кудратходжаева М.Ш., Молчанов С.В. Особенности проявления лидерских качеств у первоклассников в межличностном общении со сверстниками	441

Кузнецова А.Д., Расходчикова М.Н. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и гейм-аддикции в подростковом возрасте	444
Кулиева С.З., Смирнова Ю.С. Взаимосвязь привязанности и особенностей доверия и недоверия у юношей и девушек	447
Куприкова Д.А., Денисенкова Н.С. Отношение родителей дошкольников и младших школьников к использованию гаджетов детьми	450
Курило М.В, Андрущенко П.В. Уровень агрессии в виртуальной коммуникации у подростков	452
Курьянова А.Ю. О психодиагностике уровня гражданской культуры обучающихся в учреждении дополнительного образования.....	455
Куценок Р.Г. К вопросу о возможностях технологии айттрекинга как нового подхода в детектировании скрываемой информации	457
Ладушкин С.И. Социально-психологические аспекты философского консультирования.....	462
Ланщиков Д.Н., Крушельницкая О.Б. Исследование склонности к девиантному поведению у старшеклассников	465
Лапицкая Ю.С. Сравнительный анализ показателей временной перспективы у юношей и девушек с сиротским статусом	469
Лебедева В.Е., Рягузова Е.В. Социально-психологическая типология жертв домашнего насилия	472
Левашова А.И., Шорохова В.А. К вопросу исследования социально-психологических аспектов религиозности	476

Лежнева Е.Ю., Веселова Е.К. Монетарные установки современных студентов и уровень их моральной ответственности	480
Леонова О.И., Киселева Л.Г. К постановке проблемы о влиянии психологической безопасности образовательной среды на показатели тревожности у подростков	483
Леонович О.О. Проблема изучения психологического благополучия у взрослых и детей	486
Лесин А.М. Ценность непримиримости к недостаткам в себе и других у молодежи	490
Лисова Е.Н. Психологические аспекты преодоления социально-педагогической запущенности приемного ребенка	493
Лобанова Ю.И., Юдин Г.Л. Транспортные коммуникации в больших городах. Анализ возможностей совершенствования на основе междисциплинарного подхода.....	496
Лобза О.В. Социальная и этническая идентичность как фактор доверия политической власти у молодежи	500
Логвинова М.И. Просоциальные молодежные субкультуры: взгляд в будущее	503
Лукьянченко Н.В., Захарова Л.С., Аликин М.И. Представления подростков об оценивании нормативности-девиантности характеристик взаимодействия сверстниками и взрослыми.....	506
Лындина Е.И., Шорохова В.А. Психодрама как метод формирования межкультурной компетентности	510
Майсак Н.В., Качевская Е. Н. Коммуникативные девиации в габитусе специалиста	513

Майский Д.О. Представления о феномене «майндфулнесс» в зарубежной науке	517
Макаров Д.Р., Пащенко А.К. Нормативное поведение специалистов информационной безопасности	520
Макушина О.П. Агрессивность участников буллинга и кибербуллинга	523
Малова Г.А., Толстых Н.Н. Особенности эмоционального интеллекта и жизнеспособности в юношеском возрасте и молодости	526
Маринова Т.Ю. Игровая компьютерная зависимость и социальное благополучие подростков	528
Маринова Т.Ю., Кучерова Е.Ю. Ценностные ориентации молодежи в формировании пищевого поведения	531
Маркина Н.В., Гумницкая А.С. Принципы командообразования в образовательных организациях	534
Матчанова К.М., Пронин Р.О. Особенности запоминания названия брендов при их однократном и многократном предъявлении	537
Мельникова О.Т., Нестерова Е.М. Факторы удовлетворенности студентов дистанционным обучением в контексте социализации личности	540
Мельничук А.С. Ценность конфликта как фактор конфликтного поведения	544
Мизаев Р.А., Чупракова Н.Н. К вопросу об изучении взаимосвязи религиозности с эмоциональной устойчивостью, и склонностью к депрессии у лиц молодого возраста	546

Милованова А.В. К вопросу о проявлении эмоционального выгорания у сотрудников силовых структур в современном мире	549
Мишина Т.А., Литвинова Е.Ю. Взаимосвязь самоотношения и компонентов профессиональной востребованности личности ...	552
Могилевская Я.В. Психосоциальные условия благополучного самоопределения подростков, обучающихся в детской музыкальной школе	555
Мороз К.И., Крушельницкая О.Б. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и особенностей конфликтного поведения у студентов	558
Морозова Н.Б., Зиязетдинова А.Р. Инклюзивные проекты как возможность проявления социальной активности родителей детей с ОВЗ.....	561
Московцева А.С., Красило Т.А. Удовлетворенность браком у супругов в разных типах брака.....	564
Муковнина Д.Д., Мешкова Н.В. К вопросу о порождении решений социальных ситуаций и их связи с психологическими характеристиками у старших подростков	567
Нагаев М.М. К вопросу о различиях в психологических характеристиках сотрудников военных организаций	570
Назарова Ш.Р., Бабаджанова Н.Р. Коммуникативные особенности и переживание одиночества у замужних женщин	573
Насыйбуллина Э.З., Павлова О.С. Стрессоустойчивость и жизнестойкость волонтеров в зависимости от их религиозности	578

Наурузбаева Б.И. Взаимосвязь тревожности и типов реагирования на ситуацию изменений у юношей и девушек	581
Нестерова А.А. Онлайн-дейтинг: социально-психологический анализ.....	583
Николаева Н.В. Психологические детерминанты благополучия личности и социального дистанцирования в период пандемии Covid-19.....	587
Никулин С.А. Перспективы исследования проявлений статусности в контексте отношений межличностной значимости у среднестатусных членов группы	590
Ничипорчук Е.С., Павлова О.С. Социально-психологические характеристики этнической идентичности турок, проживающих в России.....	593
Нурматова У.Ф. Проблема соотношения эмоционального и социального интеллекта в психологии.....	596
Огарева Е.И., Туманова В.М. Психологические особенности прокрастинации учащихся	600
Одинцова М.А., Прудникова М.Г., Кузьмина Е.И. Жизнеспособность семей лиц с инвалидностью	603
Онучина А.В. Влияние токсичного контента на суицидальные намерения подростков	606
Орлов В.А. Структура социально-психологической компетентности школьного учителя	610
Орлова И.В. Красило Д.А. Проблема самооффективности студентов в контексте статуса их профессиональной идентичности	615

Отмани В.Ю., Павлова О.С. Динамика ценностных ориентаций на примере двух поколений жителей юга Алжира	618
Очеретина Ю.А., Ястребова А.А. Анализ результатов анкетирования подростков по проблеме курения электронных сигарет	621
Павлова О.С. Этническая и религиозная идентичность удин: первые результаты кросс-странового исследования	624
Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Чибисова М.Ю. Об оценке эффективности программы психолого-педагогического сопровождения детей иностранных граждан	627
Павлова Ю.Б., Крушельницкая О.Б. Смыслоразнонаправленные ориентации старшеклассников кадетской и общеобразовательной школ	630
Пак В.Ю., Мешкова Н.В. Подход «под другим углом» как один из эффективных способов подачи информации.....	633
Панина И.А., Александрова Е.А. Этническая идентичность русских в современных социально-психологических условиях .	636
Паулова Д.А., Ткаченко Н.В. Стратегии поддержания идентичности в условиях социального вызова (на примере Москвы и Новосибирска).....	639
Пенькова В.Н., Палагина А.А. Неосознаваемое отношение российской молодежи к институту выборов.....	642
Перевёртова М.В., Кочетков Н.В. Взаимосвязь переживания опыта потока, мотивации к онлайн-играм и удовлетворённости жизни геймеров	647
Петрушихина Е.Б. К вопросу об эмоциональном труде руководителя	650

Писарчук П.М., Горохов А.Ю. Особенности организационной лояльности сотрудников в сфере гостеприимства	654
Плюснин А.С., Ларина Г.Н. Динамика интереса к избранной врачебной специальности у студентов старших курсов медицинского вуза	657
Позднякова Т.Б. К вопросу о доверии в межличностных отношениях	660
Позняков В.П., Поддубный С.Е. Индивидуальные ценности и межличностные ориентации мужчин и женщин, партнеров в парах с разным статусом близких отношений	663
Полякова И.С. Красило Д.А. Показатели привязанности и семейного функционирования у взрослых с различными семейными дисфункциями в период детства	666
Пономарева О.Д., Завгородняя И.В. Копинг-стратегии в воинском коллективе у военнослужащих с разным уровнем самооценки ..	669
Посохин А.С. К вопросу о различиях организационных культур подразделений с дистанционным и контактным взаимодействием персонала.....	672
Почебут Л.Г., Чикер В.А., Недошивина М.А., Ларькина В.А. Консолидация социального капитала организации: модель социально-психологического сопровождения	675
Провоторова Н.В. Профилактика эмоционального выгорания будущих специалистов государственного и муниципального управления.....	678
Пынтя Е.С., Красило Д.А. Проблема профессионального выбора современной молодежи	681

Пышнова А.И., Кочетков Н.В. К вопросу о монетарных представлениях, мотивации к профессиональной деятельности и отчуждению сотрудников сферы высшего образования	684
Радина Н.К. Новые методы изучения социальных представлений в оцифрованных текстах	688
Расходчикова М.Н., Клочкова А.С. Исследование фаббинг-поведения и социальной тревожности у молодежи	689
Ратнер Е.В., Толстых Н.Н. Особенности становления персональной и социальной идентичности современной молодежи	692
Репещук К.Ю. Содержание образа профессионала в процессе реального самоопределения студентов	694
Романова Н.М., Эшманова Э.Ф. Гендерный аспект в структуре кибербуллинга	698
Ромашева Ж.Ж. Ценности казахстанской и российской молодежи в условиях пандемии	700
Рябинкина Е.В., Шорохова В.А. К вопросу об исследовании понятия «доверие» методом социальных представлений	704
Савченкова В.А., Кондратьев М.Д. Связь важности скидки с личностной тревожностью, академической мотивацией и успеваемостью у студентов	707
Садыкова Р., Павлова О.С. К вопросу о ценностных ориентациях студенческой молодёжи Казахстана	710
Саенко А.Ю. Изучение восприятия обществом технологии беспилотного транспорта в исследованиях зарубежных и отечественных авторов	713

Сапего Е.И. Психологические аспекты цифрового этикета	717
Сачкова М.Е., Семенова Л.Э. Отношение к глобальным рискам и самоэффективность учащейся молодежи	721
Седова А.Р., Красило Т.А. Личностные и социально-психологические факторы удовлетворенности браком	724
Семенова Н.С. Психологическое сопровождение детей-мигрантов	727
Семина А.И. Влияние имиджа руководителя на мотивацию сотрудников в педагогической сфере	730
Серебрякова К.А. Тревога и агрессия в интра- и интерпсихическом пространстве	733
Серова В.В., Александрова Е.А. Взросление и инициация в современном мире	737
Симакова М.В., Маринова Т.Ю. Взаимосвязь мотивации к обучению с уровнем стресса у студентов	741
Скарлош И.А. Специфика интеграции бикультурной идентичности у молодежи из инокультурных семей	744
Скоробогатько О.В., Фокина М.В. Стилевой подход к анализу особенностей делового поведения в персональном банковском обслуживании	747
Смолина Т.Л., Романенко Д.А. Образ коучинга в восприятии студентов	750
Смык А.А. К вопросу об особенностях профессиональной деятельности психолога	752

Собкин В.С., Калашникова Е.А. Особенности жизненной позиции отцов и матерей учащихся начальной, основной и старшей школы	756
Созинова М.В., Чан-Сян М.А. Феномен цифровой идентичности в киберпсихологии.....	760
Соколова И.В. Предикторы преодоления геронтологического эйджизма.....	763
Соколова Т.А. Психологическое сопровождение внедрения педагогической технологии трехмерной методической системы обучения.....	766
Солодкова А.В. Особенности представлений о своем прошлом, настоящем и будущем у детей начальной школы	770
Сорокин К.Г. «Миметический треугольник» как фактор социального взаимодействия.....	773
Стаменкович Ю.В., Шаповаленко И.В. Специфика супружеских отношений в семьях взрослых детей алкоголиков.....	774
Столярова Е.В., Безгодова Д.Л., Лебедева А.А. Эффекты развития целеполагания в ходе профориентации старших школьников ..	778
Субботина Т.А., Сачкова М.Е. Взаимосвязь интеграционных характеристик групп молодежных парламентов России	781
Судакова В.Д., Кочетков Н.В. Взаимосвязь удовлетворённости романтическими отношениями, рефлексии и долженствования	784
Сунгурова Н.Л., Махлаева А.П. Анализ тенденций в проявлении социальной и школьной тревожности у младших подростков ...	786
Суннатова Р.И. Учебная лень старшеклассников и удовлетворенность отношением педагогов.....	789

Тамаров Л.И. Кибержертвы: психологические и социальные последствия онлайн-жестокости и насилия.....	792
Тарасов С.В., Сиваш О.Н., Первачёва О.А. Включенность руководителя в совместную деятельность операторов «Система 112»	796
Тарулина Н.В., Ткаченко Н.В. Анализ отношения российских учителей к межкультурному разнообразию	799
Текутьева Д.Е., Бессчетнова О.В. Детерминанты рискованного поведения пешеходов в городском пространстве мегаполиса	803
Темирболат Е.Н., Синельникова Е.С. Осмысленность жизни, тревожность и копинг-стратегии в юношеском возрасте	808
Терехова Е.С., Орлов В.А. Детско-родительские отношения как фактор адаптации первоклассников к школе.....	811
Терещенко А.А., Кочетков Н.В. Психологическая состоятельность сотрудников организации и баланс жизненных сфер.....	814
Титова О.В., Ткаченко Н.В. Аккультурация и трансформация идентичности у русскоязычных мигрантов в Норвегии.....	818
Титовец Т.Е. Особенности организации образовательного процесса при реализации совместных образовательных программ высшего образования.....	821
Тихомандрицкая О.А., Хайитова Д.И. Удовлетворенность браком как фактор восприятия успешности карьеры у женщин	824
Томлянович Е.Т., Александрова Е.А. Связь этнической идентичности с выбором коммерческого продукта	827
Третьякова В.Э. Особенности исполнения решения группой: процессуальный подход	830

Троицкая Е.А. Склонность к конформности у старшеклассников с разными личностными особенностями	834
Трушевская В.С., Шляхта Д.А. Сравнительный анализ факторных структур стратегий совладающего поведения и психологического благополучия у студентов	837
Трушкова С.В. Особенности семейного самоопределения юношей и девушек.....	840
Туйчиева М.Д., Делибалт В.В. Специфика предпочтений в типах медиаконтента у подростков и юношей с разными типами поведения.....	843
Углова Е.К. Взаимосвязь вовлеченности в профессиональную деятельность и самооотношения личности	846
Усоская Д.О., Смирнова Ю.С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и невербального поведения в конфликтно-напряженных ситуациях	850
Федорова Д.Д., Александрова Е.А. Суеверия как социально-психологический феномен	853
Филько Д.Д., Есенова А.Ю. Условия достижения взаимопонимания в межличностном взаимодействии	855
Фоке-Алехин Ф. Цифровая этнография, применяемая для улучшения обучения: приложение для отслеживания взгляда ..	859
Фокина М.В., Чентырёв Р.А. Напористость как личностная черта: обзор теоретических подходов и возможностей психодиагностики	862
Фофанова Г.А. Проблема измерения патриотизма	865

Фрольцова К.И., Кожухарь Г.С. Особенности дезадаптивного мышления у молодежи с разной готовностью к саморазвитию ..	869
Хавыло А.В., Кобак Е.С. Социально-психологический тренинг как инструмент изменения поведения в конфликтах педагогов ДОУ	872
Хаймовская Н.А., Берда М.А. Дисфункциональная семья как источник созависимых отношений	875
Хван А.А. Особенности формирования копинг-стратегий у педагогов с разным стажем профессиональной деятельности.....	878
Хегай А.С. ИмPLICITные представления сотрудников НКО и государственных центров помощи о молодых выпускниках детских домов	881
Храмова С.Л., Андрианова И.Н. Как поддержать ресурсное состояние педагога и сохранить его эмоциональную устойчивость в современной образовательной среде	884
Худякова Т.Л., Петросянц В.Р., Гридяева Л.Н., Клепач Ю.В. Психологическое благополучие личности как фактор референтной значимости образовательной среды.....	887
Чернева С.П. Факторы социальной адаптации личности в условиях глобальных вызовов: стратегии психолого-педагогического сопровождения.....	890
Чубукова Р.А., Кротова Н.В. Возможности применения современных технологий для развития способностей детей дошкольного возраста.....	894
Шарапов Н.А. Профессиография UX-исследователя в деятельности информационного типа	897

Шаталина В.В., Ивашиненко Н.Н. К вопросу о взаимодействиях преподавателя и студента в образовательных платформах e-pedagogy	901
Шаталина С.В., Ковалева Т.В. К вопросу о профессиональном выгорании сотрудников и возможностям развития талантов в организации	904
Швалева Н.М., Воронкина Л.Б. Развитие субъектного потенциала личности обучающихся в ситуации неопределенности	909
Ширинская А.Д., Ревуцкая И.В. Анализ структуры эмоционального интеллекта	912
Шляпников В.Н. Восприятие изменений традиционного образа жизни тувинцами	915
Шляхова Е.В. Цифровые технологии и традиционные формы работы в психологии и образовании	918
Шмелева Е.А., Ланцова С.В., Кисляков П.А. Моральная идентичность как предиктор просоциального поведения подростков.....	921
Шмелева О.В., Ковалева Т.В. Современные методы адаптации и сопровождения персонала в организации	924
Щелокова Е.Г. Игра «Топ-7 качеств для эффективного общения» как технология активного обучения на занятиях по социальной психологии	928
Щукина О.Г. Ревность как субъективный предиктор ожидания измены партнера.....	931
Эгамбердиева Е.В. Социальная дистанция как фактор межкультурного взаимодействия	935

Юнусова Д.Д. Связь эмпатии и эмоциональной компетентности супругов с их удовлетворенностью супружескими отношениями	937
Юров И.А. Социально-психологическая подготовка спортсменов	941
Ямщикова О.А. Возможности технологии Клуба «Точка сборки», в работе с одарёнными детьми, имеющими высокий риск школьной неуспешности	944
Ярмыш И.А. Проявление межличностной толерантности в отношениях у подростков с разным уровнем успеваемости.....	947
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	953

ПРЕДИСЛОВИЕ

VIII Международная научно-практическая конференция «Социальная психология: вопросы теории и практики», посвященная памяти профессора М.Ю. Кондратьева, состоялась в Московском государственном психолого-педагогическом университете 11-12 мая 2023 года. Она объединила специалистов, чья профессиональная деятельность связана с общением людей в различных ситуациях социального взаимодействия. Авторы представили свои исследования и практические разработки, посвященные актуальным проблемам социальной психологии личности и группы, этнопсихологии, киберпсихологии, организационной психологии, социальной психологии дорожного трафика.

Представленные в сборнике эмпирические исследования построены с учетом современного состояния и тенденций развития общества, его социальных институтов. Авторские технологии социально-психологической работы с детьми и взрослыми базируются на результатах научных изысканий и профессиональном опыте специалистов помогающих профессий. Ряд статей содержат идеи, которые были выдвинуты в ходе пилотажных исследований и выносятся на обсуждение научной общественности.

В сборник вошли работы отечественных и зарубежных авторов из стран ближнего и дальнего Зарубежья. Многие статьи посвящены исследованиям, которые выполнены опытными специалистами в сотрудничестве с молодыми учеными – аспирантами и студентами вузов.

Диалоговое взаимодействие как фактор формирования мотивации подростков к ЗОЖ

Авраменко В.Г.

*ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
avramenko_vg@mail.ru*

Одной из целей современного образования является сохранение здоровья обучающихся и формирование у них установок на ведение здорового образа жизни (ЗОЖ), воспитание отношения к своему здоровью как к высшей ценности.

В то же время, исследования отношения подростков к ЗОЖ показывают неудовлетворительный уровень мотивации к реальной заботе о своем здоровье. Среди причин данного явления можно выделить дефицит ценности здоровья, неразвитость рефлексивных и регулятивных процессов, несформированность внутреннего диалога как условия саморазвития.

Проблема мотивации современных подростков к ЗОЖ активно обсуждается сегодня как в теоретическом, так и в практическом аспектах. В самом общем виде мотивация к ЗОЖ представляет собой иерархию мотивов, побуждающих обучающегося заботиться о своем здоровье. В научной литературе описаны виды, возрастная специфика мотивации к ЗОЖ, условия и факторы ее формирования в системе образования [1; 2].

Важным педагогическим условием формирования мотивации обучающихся к ЗОЖ является принцип субъект-субъектного взаимодействия, который реализуется в процессе диалога. Диалог предполагает взаимопроникновение в мир другого, он основан на равенстве позиций участников общения, на открытости, доверии и принятии другого (Г.А. Ковалев). Значимым другим для подростка может стать сверстник или педагог, который выступает в роли равноправного партнера.

Мы полагаем, что диалог как феномен межличностного взаимодействия является действенным педагогическим ресурсом для развития мотивации школьников к здоровью. В процессе взаимного обмена опытом, ценностями, чувствами, знаниями появляется смысл

заботы о своем здоровье. Внутренним механизмом такого ценностно-смыслового обмена является рефлексия.

Обучение подростков самопознанию, рефлексии и ведению диалога – важное условие усиления мотивации к обсуждению проблем, связанных с заботой о здоровье. Психическое развитие подростков позволяет активно использовать этот механизм для использования диалоговых ситуаций в процессе обучения. Согласно М.М. Бахтину, в диалоге смысловые позиции развиваются как во внешнем диалоге, так и во внутреннем, а сама диалогическая позиция отличается не только мыслью о предмете, но и отношением к ней.

В рамках реализации разработанной коллективом авторов лаборатории городского благополучия и здоровья МГПУ программы формирования грамотности обучающихся в области здоровья в школах г. Москвы (10 экспериментальных классов, 290 обучающихся), был использован рефлексивно-диалоговый подход к организации учебного взаимодействия. Апробация программы проходила в формате внеурочной деятельности, что позволило создать условия для активного «включения» личности обучающегося в процесс самопознания и приобретения нового опыта здоровьесберегающего поведения. В процессе диалога важно было добиться, чтобы подростки не только осознавали свои ресурсы и возможности, но и примеривали на себя опыт других, обменивались смыслами, благодаря чему и становится возможным развитие интереса и ответственности за свое здоровье и, как следствие, усиление самоконтроля за своим здоровьесберегающим поведением. В каждом классе было проведено по шесть занятий, содержательно охватывающих разные аспекты ЗОЖ. Использовались такие формы работы как дискуссия, модерация личного опыта, упражнения на самоанализ, использование проблемных вопросов, личный пример, выполнение практических домашних заданий, работа с кейсами. Педагоги обучали навыкам ведения конструктивного диалога и сами были его равноправными участниками.

Апробация программы показала, что ориентация на личную активность, саморазвитие и самопознание в отношении здоровья и активизация диалога в процессе групповой работы способствуют развитию мотивации к заботе о своем здоровье, закреплению умений

проектировать свой образ жизни, осознанно оценивать информацию о здоровье. Об этом свидетельствуют как сравнительные результаты начальной и итоговой диагностики знаний и мотивации к здоровому образу жизни, так и высказывания самих обучаемых по итогам курса:

- «благодаря этому курсу мы узнали много новой информации, хотелось обмениваться ею со своими одноклассниками, родителями»;
- «постепенно появлялся интерес, приходило осознание важности заботы о своем здоровье, желание опробовать опыт других на себе», и т.п.

Атмосфера открытого и доброжелательного общения в форме диалога способствовала усилению готовности подростков искать наиболее оптимальные для себя модели здоровьесберегающего поведения.

Апробация показала также необходимость обучения школьников диалоговой коммуникации, в которой при правильной ее организации зарождается не только смысл, но готовность подростка самостоятельно выстраивать индивидуальную траекторию сохранения и укрепления своего здоровья.

Литература

1. *Авраменко В.Г., Нехорошева Е.В., Касаткина Д.А.* Готовность педагогов к формированию персональной позиции в отношении собственного здоровья и здоровья обучающихся // Проблемы современного образования. 2022. №4. С. 174-189. DOI: 10.31862/2218-8711-2022-4-174-189.
2. *Касаткина Д.А.* Персональный форсайт сторителлинг как фактор поддержания психологического благополучия/здоровья // Непрерывное образование в контексте идеи будущего: новая грамотность. Сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции. Составитель Н.И. Шевченко. 2020. С. 185-189.

Развитие позитивной модальности самоотношения посредством фототерапии у девушек

Азизова Н.Б., Туниянц А.А.

*Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г.Ташкенте,
Ташкент, Республика Узбекистан
azizovan0055@gmail.com, anna.tuniyants@gmail.com*

Самоотношение является ключевым аспектом психологического благополучия, определяющим восприятие себя, включая оценку своих качеств, способностей, достоинств и недостатков. Изначально интерес к феноменологической области самоотношения возник в рамках отечественной психологической науки, в которой данный конструкт не сводился к понятиям самосознания и эмоциональному отношению к себе, а интерпретировался через категорию социальной установки как общего и единого механизма формирования всей системы отношений человека, в которую самоотношение включено в качестве структурного элемента. Более полную концепцию самоотношения, включающую психологические и социальные структуры активности индивида разработали В.В. Столин и С.Р. Пантилеев, определяя самоотношение как «непосредственную представленность в сознании личностного смысла «Я» [2]. Таким образом, отношение человека к себе будет опосредовано тем, как он оценивает свои личностные характеристики, выражающиеся в мотивах, связанных с самореализацией, и насколько его «Я» препятствует или способствует достижению данной потребности. Однако недостаточная выраженность описываемого феномена может быть первоисточником неприятия себя, проявления чрезмерной самокритичности, отсутствия самоинтереса и ощущения собственной ценности. В связи с этим целесообразно изучать методы и конструкты, через которые можно опосредствованно влиять на развитие позитивной модальности самоотношения, и в нашем исследовании в качестве такого инструмента мы использовали фототерапию, поскольку фотография в эпоху визуально-ориентированной массовой культуры может частично определять отношение человека к себе. Фототерапия подразумевает создание и использование фотографических образов,

дополняемое чувствами, воспоминаниями и мыслями, которые ими порождаются [4].

Целью нашего исследования было определить, какие компоненты самооотношения в большей степени изменяются в процессе фототерапевтической групповой работы. В качестве методического инструмента мы использовали модифицированную методику «Опросник самооотношения» В.В. Столина, С.Р. Пантилеева и шкалу «Самопринятие» из методики «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф. Также участники работали с методикой «Страх негативной оценки внешности», разработанной Дж.Д. Лундгреном и адаптированной А.Ю. Разваляевой и Н.А. Польской [3].

Нами был проведен тренинг «Фототерапия самооотношения» продолжительностью 3 дня. Выборка экспериментальной группы составила 30 девушек в возрасте от 18 до 25 лет. В контрольную группу вошли 30 респондентов, которые заполняли опросник два раза без тренингового воздействия.

Целью первого дня было установление доверительной атмосферы, самопознание и конструирование образа для съемки. Это реализовывалось через презентацию себя посредством фотоколлекции участников, через обсуждение сюжетной линии фотографий с помощью авторских фотокарт.

Второй день тренинга структурно отличался от первого и третьего дней, поскольку он включал в себя индивидуальную работу с участником тренинга в виде фотосъемки. Процесс фотографирования участника подразумевал проработку уверенности, понимания своего тела и личности, создания образов и работу с комплексами. Если у респондента не было четкого представления о конечном варианте снимка, в процессе фотосъемки психолог помогал определиться с желаемым образом.

Задачами третьего дня было представление сделанных снимков, соотнесение ожиданий и полученных снимков, освоение тех образов, которые находились за пределами привычных представлений респондентов, и осознание своих сторон личности посредством других участников.

Для определения психологических эффектов групповой фототерапевтической работы данные опроса экспериментальной и контрольной групп сравнивались посредством двухфакторного

дисперсионного анализа. Были обнаружены различия в интегральном показателе самооотношения (для межфакторного взаимодействия $p = 0,05$). В отдельных шкалах также были выявлены различия: эмоционально-чувственная составляющая по отношению к себе ($p = 0,017$), ожидаемое отношение от других ($p = 0,004$), самоинтерес ($p = 0,019$) и самопринятие ($p = 0,027$). Поскольку тренинг предполагал творческую деятельность, и респонденты сталкивались с вариативностью художественных образов, это способствовало появлению самоинтереса и расширению границ своего восприятия и принятия себя [1]. В шкалах «самоуважение» ($p = 0,139$) и «аутосимпатия» ($p = 0,176$) различий найдено не было. По результатам статистического анализа можно констатировать сфокусированное тренинговое воздействие, однако нельзя утверждать, что в данных шкалах сдвиг отсутствовал полностью, поскольку это бы не позволило обнаружить различия в интегральном показателе.

Различия были значимы в шкале «страх негативной оценки» ($p = 0,036$). Вследствие целенаправленного исследования образа «Я» участников группы посредством включения в совместную деятельность, в которой развивалась перцептивная сторона общения, проявляющаяся в конструктивном оценивании фотографий участников, оказании взаимной эмоциональной поддержки, у респондентов виден значимый сдвиг к более позитивной оценке себя в рамках взаимодействия с другими.

Литература

1. *Копытин А. И.* Тренинг по фототерапии. СПб., 2003. С 8-10.
2. *Столин В.В.* Самосознание личности / В.В. Столин. М.: МГУ, 1983. 284 с.
3. *Lundgren J.D., Anderson D.A., Thompson J.K.* Fear of negative appearance evaluation: Development and evaluation of a new construct for risk factor work in the field of eating disorders // *Eating Behaviors*. 2004. Vol. 5. №. 1. P. 75–84.
4. *Weiser J.* PhotoTherapy techniques: Exploring the secrets of personal snapshots and family albums // *Child & Family*, 2002. Spring/Summer. P. 16-25.

Психологические особенности невротической религиозности

Азнаурьянц А.А., Гайдар К.М.

*ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия
artemwork@yandex.ru, marlen_lora@mail.ru*

В последние десятилетия наметился отчетливый вектор обращения россиян к религии. Причем многие стали интересоваться и разбираться в религиозных канонах не с детства, а в зрелом возрасте, имея сложившиеся взгляды на жизнь и мировоззрение. Согласно принципу детерминизма С.Л. Рубинштейна [3], религиозные правила и устои при их освоении человеком преломляются через его внутренний мир, преобразуются и порождают личную религиозность, имеющую свои разновидности. Одной из них является религиозность невротическая.

Неврозы – группа «пограничных» функциональных нервно-психических расстройств, проявляющихся в специфических клинических феноменах при отсутствии психотических эффектов. Выделяют виды неврозов: неврастению; истерические неврозы; неврозы, связанные с разными страхами; неврозы навязчивых состояний. При изучении невротической религиозности мы говорим прежде всего о двух последних видах: невроз, вызванный страхами, и невроз навязчивых состояний, или обсессивно-компульсивное расстройство.

Приходя к вере в Бога, человек формирует иное мировоззрение (религиозное), открывает для себя иную реальность, новый мир. В этом мире, помимо всего прочего, что было и остается в его жизни, появляется Бог, религиозное учение и религиозные обряды, а также доселе непознанный чувственный мир Божьей благодати, ощущаемой в церкви или во время молитвы. В первое время возникает много противоречий между образом жизни христианина (как правило, идеализированным) и привычным образом жизни нерелигиозного человека. Привычки и установки вступают в конфликт с религиозными догмами и правилами поведения религиозного человека. В зависимости от жизненных ситуаций побеждают то одни, то другие. И личность «мечется» от тяжких грехов до раскаяния и «любви ко всем». Такие особенности воцерковления создают

довольно сильное психическое напряжение. Человек начинает искать компромиссы с самим собой и с Богом. Так зарождается невротическая религиозность, которая у каждого проявляется индивидуализировано. Привычка бояться никуда не исчезает. Но если раньше человек боялся черной кошки, теперь он начинает бояться бесов и прочих «темных сил». Для защиты от них (фактически для уменьшения страха) он может изобретать собственные обряды или прибегать к существующим. Но выполняет их не осмысленно и естественно, а невротически, на фоне высокой тревожности. Считаем, что к невротической религиозности относятся все виды внешней религиозности, по Г. Оллпорту [2], сопровождающиеся навязчивым выполнением предписанных и непредписанных, но надуманных, правил, норм, постов, бездумных вычитываний молитв и пр. Так невротик находит способ избавления от тревоги, и никакие уговоры о том, что подобное поведение неверное и что Богу совсем не это нужно от человека, для невротической личности неубедительны и не достигают своей цели, пока остается выраженное тревожное состояние. Причем часто такие люди продолжают верить в различные предрассудки (черных кошек, гороскопы и т.п.), и используют религию исключительно в своих целях самоуспокоения и удовлетворения потребности в определенности и стабильности.

Анализ невротических потребностей, проведенный К. Хорни [4], позволяет заключить: религиозный невротик находит в церковных догматах способ удовлетворения жизненно важные потребности в четких ограничениях, установленном порядке жизни, стабильности и определенности. Заметим, что эти потребности существенно обостряются в периоды исторических переломов, значительных трансформационных процессов, протекающих в обществе и порождающих чувства психологической незащищенности, неустойчивости, размывания ценностных оснований, социальной нестабильности, многозначности и неопределенности. Именно этим мы объясняем известный факт, что как раз в такие периоды среди людей, проявляющих интолерантность к неопределенности [1], возрастает число обращающихся к религии. Творческие отношения любви и гармонии для невротика непостижимы, недостижимы и пугающие, как и все неопределенное. Вместе с тем человек, характеризующийся невротической религиозностью, внешне во что

бы то ни стало будет поддерживать впечатление безупречности и совершенства.

В бессознательном стремлении снизить тревогу человек с невротической религиозностью актуализирует защитные механизмы психики. К примеру, используя замещение, он уменьшает свои страхи через совершение навязчивых действий, имеющих отношение к религии (распыление вокруг себя «святой воды» для защиты от злых духов, учащенное использование молитвенных жестов и пр.). Нередко индивид прибегает к проекции, не желая осознать свои ошибки и снимая с себя ответственность за собственную жизнь, объясняя все с ним происходящее как волю Божью, получая утешение от убеждения в том, что за него все в жизни решается свыше. Такая безответственная позиция свойственна многим религиозным невротикам.

В заключение сделаем вывод о том, что невроз создает препятствия развитию религиозности человека. Многочисленные искажения и «подстраивания под себя» религиозных догматов, с одной стороны, приводит к успокоению, с другой, фактически ведет человека по пути заблуждений и самообмана. В этом случае истинная цель построения гармоничных отношений с Богом, людьми и самим собой не стоит для личности на первом месте или вообще не осознается. Таким образом, прослеживается четкая взаимосвязь психического здоровья человека и его способности к осознанной религиозной жизни.

Литература

1. *Леонов И.Н.* Толерантность к неопределенности как психологический феномен: история становления конструкта // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Вып. 4.
2. *Оллпорт Г.* Личность в психологии / Ред. Л.М. Шлионский. М.; СПб., 1998.
3. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 1998.
4. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени; Самоанализ / Общ. ред. Г.В. Бурменской. М., 2000.

Связь характера временной перспективы с уровнем субъектности личности у старшеклассников

Айбушев Я.К., Толстых Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
aibushev@mail.ru, nnvt@list.ru

Внутреннюю позицию старшего школьника Л.И. Божович описывала таким образом, что восприятие настоящего у них очень тесно связано с будущим, на которое направлено их основное внимание [1].

В старшем школьном возрасте завершается процесс становления личности, подростки уже проявляют себя в качестве активных взрослых, поведение которых всё более обусловлено собственными идеалами, а не только влиянием внешней среды. Возникает достаточно устойчивая мотивационная иерархическая структура, одними из главных мотивов которой становятся мотивы, связанные с будущими жизненными планами [1].

Объектом нашего исследования является субъектность личности. М.А. Щукина выделяла ряд функций, присущих субъектности, которые заключаются в стремлении действовать максимально независимо от влияния среды, претворяя свои замыслы в творческой, в самом широком смысле этого слова, деятельности. К.А. Абульханова-Славская считает, что эти функции интегрируются воедино посредством саморегуляции, иницирующей, выстраивающей и поддерживающей активность. М.А. Щукина, дополняя К.А. Абульханову-Славскую, отмечает важность социального контекста, где протекает активность человека, а также направленность на социальные отношения [5], и дает свое общее определение субъектности личности – «это способность, обеспечивающая человеку возможность осуществлять самоуправление в социальном контексте своего бытия в противоположность существованию в качестве объекта социальных влияний» [5, с. 147].

М.А. Щукина [4] выделила следующие качественные и количественные оценки уровня субъектности: активность/реактивность, автономность/зависимость,

опосредованность/непосредственность, целостность/фрагментарность, креативность/репродуктивность, самооценнность/малоценность.

Предметом нашего исследования является фактор временной перспективы в становлении субъектности личности. К. Левин был одним из основоположников изучения временной перспективы и ее влияния на развитие личности в онтогенезе. Одним из факторов, влияющих на настроение индивида, он называл его взгляды на свое прошлое, а фактор, влияющий на моральное состояние – ожидания от будущего. Временная перспектива – феномен, который изучается в философии, истории и культурологии, и результаты этих исследований позволяют предполагать наличие взаимосвязи развития личности и субъектности человека с его отношением ко времени [3].

Ф. Зимбардо разработал методику по оценке временной перспективы, позволяющую выделить следующие факторы временной перспективы: негативное прошлое, позитивное прошлое, гедонистическое настоящее, фаталистическое настоящее и будущее. На нескольких тысячах испытуемых была доказана эмпирическая валидность этой методики, и сегодня она широко применяется во всем мире. Позднее методика была адаптирована А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой и О.В. Митиной для проведения исследований в нашей стране [5].

Целью нашей работы была проверка гипотезы о связи временной перспективы с субъектностью личности. Для ее эмпирического доказательства были собраны данные с использованием методик М.А. Шукиной «Опросник «Уровень развития субъектности личности (УРСЛ)» [4] и Ф. Зимбардо «Опросник временной перспективы Зимбардо» [2] среди школьников старших классов (всего было опрошено 18 подростков 10 класса и 21 подросток 11 класса общеобразовательной школы г. Москвы).

Как показали результаты исследования, имеется статистически значимая, средняя по силе взаимосвязь между уровнем субъектности и фактором «Негативное прошлое» ($p < 0,001$), а также умеренная по силе взаимосвязь с факторами «Будущее» ($p < 0,05$) и «Фаталистическое настоящее» ($p < 0,05$): при увеличении выраженности факторов «Негативное прошлое» и «Фаталистическое настоящее» уровень субъектности снижается, а при увеличении выраженности фактора «Будущее» – увеличивается.

Литература

1. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.
2. *Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В.* Адаптация опросника временной перспективы Ф.Зимбардо // Психологический журнал. 2008. №3 (29). С. 101-109.
3. *Толстых Н.Н.* Хронотоп: культура и онтогенез. Монография. М.: Универсум, 2018.
4. *Щукина М.А.* Опросник «Уровень развития субъектности личности (УРСЛ)»: руководство по применению. Методическое пособие. Тюмень, 2005.
5. *Щукина М.А.* Психология саморазвития личности. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2015.

Межконфессиональная напряженность через призму теоретического изучения агрессивности

Аймаганбетова О.Х., Адилова Э.Т.
КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан
alnara25@mail.ru

Статья подготовлена в рамках Проекта Министерства образования и науки Республики Казахстан «Психофизиологическое исследование подверженности радикалистским настроениям с помощью полиграфа и первичная профилактика радикализации студентов» (ИРН- АРО 9261155).

Если взглянуть на историю человечества, то можно сделать вывод, что она является показателем не только развития в целом человеческого общества, но и проявления насилия, агрессивности, различных степеней напряженности, существующих между группами, составляющими это общество. Особое место среди всех видов напряженности занимает межгрупповая напряженность, которая в социальной психологии рассматривается как напряженность,

возникающая между различными группами – социальными, возрастными, гендерными, этническими, конфессиональными и др.

В психологии наиболее широкое понимание межконфессиональной напряженности и ее основных дефиниций сводится к ее детерминации как определенного уровня психологической напряженности, присущему любому обществу, независимо от его поли- или моноконфессиональности. В тоже время, это понятие не подразумевает того негативного содержания, которое определяет особенности конфликтов и которое способно проявляться в том обществе, где относительно адекватно реализуются как позитивная, так и негативная религиозная идентичность, как позитивные, так и негативные религиозные стереотипы.

Российский исследователь Б.Ф. Поршнев создал конструктивную концепцию этногенеза, где он сформулировал вывод, что взаимодействие между группами получило развитие тогда, когда люди, встречая друг друга, похожего на себя, начали постепенно обособляться от каких-то «они», т.е. когда они осознали бинарную оппозицию: «Мы – люди», «Они – не люди». В этом противопоставлении, по его мнению, нашел проявление механизм одновременно локальной интеграции и дифференциации человеческого коллектива [1].

Экстраполируя эти выводы в плоскость своих исследований, Б.Ф. Поршнев считал, что межгрупповая напряженность (в том числе, и конфессиональная) основана на двух диалектически взаимосвязанных процессах. Прежде всего, на процессе обособления и противопоставления (контрсуггестии), которые реализуются в недоверии, отчуждении от аутгруппы. Затем – на процессе уподобления и сближения (суггестии, означающей открытость, приятие, усвоение, эмоциональной основой которой являются чувство единства и доверие) [1]. Вследствие этого степень межгруппового противопоставления может проявляться на различных уровнях, реализуемых как во враждебном и агрессивном антагонизме и неприятии, так и в констатации существующих различий и поиске их тождественности. Следовательно, межгрупповое противопоставление предполагает не только противопоставление, но может ограничиваться сопоставлением и сравнением.

В контексте такого понимания межконфессиональную дифференциацию можно рассматривать как констатацию существующих различий, определяющих взаимодействие между членами существующих конфессий. В то же время нельзя отрицать, что существующая дифференциация между разными конфессиональными группами одновременно предполагает возможность усвоения чужого социокультурного и религиозного опыта, которые, в свою очередь, могут привести к нивелированию существующих различий и определенных заимствований.

Такое видение позволяет представлять психологический механизм суггестии – контрсуггестии как проявления внешнегрупповой суггестии и внутригрупповой контрсуггестии, которые способствуют в целом межгрупповому обмену, в том числе – межэтническому, межконфессиональному и др.

В связи с этим, исходя их современных реалий, актуализируется проблема исследования межконфессиональной напряженности через призму теоретического изучения агрессивности.

Одной из основных теорий, рассматривающих проблему агрессивного поведения и напряженности в отношениях между людьми, является теория триединого мозга, где мозг определяется как ретикулярная формация, основанная на модели Ч. Дарвина и предполагающей, что в мире соперничества и конкуренции выживает сильнейший.

Э. Фромм в своём исследовании «Анатомия человеческой деструктивности» [2] указывает, что человеческая агрессия отличается от агрессивности животного. Животное проявляет агрессивность, прежде всего, на охоте, когда ему нужно найти пропитание в виде другого животного, когда он борется за обладание своим сексуальным партнером и за свою территорию.

В свое время З. Фрейд, изучив и восприняв основные идеи Г. Ле Бона об агрессивных аспектах поведения «толпы неорганизованной» и идеи У. Мак-Даугола о «толпе организованной», попытался в своей работе «Массовая психология и анализ человеческого «Я» придать им законченную психоаналитическую интерпретацию.

В концепции инстинктов социального поведения У. Мак-Даугола З. Фрейда привлекла идея о том, что «...импульс драчливости находит исход в постоянной междоусобной войне общин, отношения которых

не регулированы законом... Эта постоянная война ... обуславливается всецело непосредственным проявлением инстинкта драчливости» [3].

Более детальный анализ современных концепций межгруппового взаимодействия, а точнее межгрупповой напряженности, нашедшей свое развитие в проявлениях различных видов радикализма и экстремизма, показал, что это одна из точек зрения, которая сегодня имеет место быть. В связи с этим мы считаем, что исследование межконфессиональной напряженности через призму изучения агрессивности ждет своих исследователей, которые попытаются найти то концептуальное основание, предопределяющее общность и взаимодействие всех конфессиональных групп, существующих сегодня в Казахстане.

Литература

1. *Поршнев Б.Ф.* Принципы социально-этнической психологии. М.: Политиздат, 1966.
2. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с англ. Э. М. Телятникова. М.: АСТ, 2014.
3. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я». Эксклюзивная классика. Москва: АСТ, Neoclassic, 2022.

Особенности мотивации профессиональных спортсменов в период подготовки к соревнованиям: квалификационный аспект

Аймаганбетова О.Х., Красмик Ю.Н.

КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Рахмалин Б.Р.

Казахская академия спорта и туризма,

Алматы, Республика Казахстан

alnara25@mail.ru, julkrasmik@gmail.com

Спорт можно рассматривать как феномен, имеющий две стороны: первая связана с процессом профессиональной и личностной самореализации, вторая – представляет собой тяжелейшие нагрузки на человеческий организм [2, с. 2]. Также спорт предполагает достаточно

высокий уровень мотивации, что объясняется как стремлением достигнуть наиболее высоких результатов, так и сформированным чувством ответственности [5; 3].

В качестве дополнительного звена в исследовании был взят аспект жизнестойкости. Жизнестойкость рассматривается нами как создание мотивации к трансформационному совладанию, которое подразумевает открытость всему новому, готовность спортсмена активно действовать в стрессовой ситуации подготовки к соревнованиям и выступления на них [4, с. 100].

В нашем исследовании участвовали 60 профессиональных спортсменов (КМС, МС, МСМК, 1-2 разряд). Средний возраст профессиональных спортсменов 23,1 лет, в спорте они в среднем 11,5 лет. Из них 32 женщины и 28 мужчин. Уровень спортивной квалификации подтверждался наличием званий «Мастер спорта международного класса» и «Мастер спорта» объединены в одну группу (МС) и «Кандидат в мастера спорта» (КМС) и третья группа спортсмены, имеющие разряд 1-3 и не имеющие спортивной квалификации (Р).

Для проведения диагностического тестирования использовались: методика «Изучение мотивов занятий спортом» В.И. Тропников; опросник «Мотивы спортивной деятельности» (МСД) Е.А.Калинин; тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой).

С помощью критерия Крускала-Уоллиса были выявлены различия в выраженности отдельных мотивов в группе профессиональных спортсменов с зависимости от уровня спортивной квалификации:

- мотив борьбы ($p = 0,050$) – данный мотив чаще более выражен в подгруппе мастеров спорта и мастеров спорта международного класса и подгруппе кандидатов в мастера спорта, чем в подгруппе с разрядом или отсутствием спортивной квалификации;
- мотив поощрения ($p = 0,050$) – данный мотив также чаще более выражен в подгруппе мастеров спорта и мастеров спорта международного класса и подгруппе кандидатов в мастера спорта, чем в подгруппе с разрядом или отсутствием спортивной квалификации.

Также были выявлены различия в выраженности отдельных мотивов (по методике Тропникова) в группе профессиональных спортсменов, в зависимости от уровня их спортивной квалификации:

- мотив повышения престижа, желание славы ($p = 0,044$) – данный мотив чаще более выражен в подгруппе мастеров спорта и мастеров спорта международного класса и подгруппе кандидатов в мастера спорта, чем в подгруппе с разрядом или отсутствием спортивной квалификации;
- мотив развития характера и психических качеств ($p = 0,050$) – данный мотив чаще более выражен в подгруппе кандидатов в мастера спорта, чем в подгруппе мастеров спорта и мастеров спорта международного класса и подгруппе с разрядом или отсутствием спортивной квалификации;
- мотив стремления к одобрению ($p = 0,051$) – данный мотив также чаще более выражен в подгруппе мастеров спорта и мастеров спорта международного класса и подгруппе кандидатов в мастера спорта, чем в подгруппе с разрядом или отсутствием спортивной квалификации.

Полученные нами результаты не совпадают с данными исследования А.А. Сергеевой, которая показала, что группе мастеров спорта более выражены мотивы познания и престижа по сравнению с группой кандидатов в мастера спорта. Однако в ее исследовании в структуре мотивации КМС также выделяется мотив развития характера и психических качеств [6, с. 64]. Кроме того, отличия могут быть объяснены разной системой психологической подготовки профессиональных спортсменов.

В результате сравнения показателей жизнестойкости (по тесту Мадди) у спортсменов с разным уровнем квалификации были выявлены различия:

- по шкале вовлеченности ($p = 0,050$) – для КМС характерна большая уверенность в себе, удовлетворенность от своей спортивной деятельности и восприятие мира как великодушного, дающего шансы на самореализацию их потенциала;
- по шкале принятия риска ($p = 0,017$) – для КМС свойственна позиция активного усвоения новых знаний, опыта, стремление извлечь опыт из любых жизненных спортивных событий, как

позитивных, так и негативных, выраженное стремление действовать на свой страх и риск в соревнованиях ради достижения победы;

- по общему уровню жизнестойкости ($p = 0,021$) – для КМС характерна такая система убеждений и мотивации, которая препятствует возникновению высокого уровня напряжения на тренировках и соревнованиях, благодаря стойкому совладанию с тревогой и стрессом.

Результаты нашего исследования позволили сделать следующие выводы.

1. Структура мотивации профессиональных спортсменов различается в зависимости от их квалификационной категории, что необходимо учитывать тренерам при подготовке спортсменов к соревнованиям.

2. В структуре мотивации профессиональных спортсменов в подгруппе мастеров спорта и мастеров спорта международного класса преобладают мотивы борьбы, поощрения, повышения престижа и славы, потребность в одобрении.

3. В структуре мотивации профессиональных спортсменов в подгруппе кандидатов в мастера спорта преобладают мотивы борьбы, поощрения, повышения престижа и славы, развития характера и психических качеств и потребность в одобрении.

4. Отметим, что структура мотивов третьей подгруппы исследуемых спортсменов, у которых отсутствует квалификационная категория, мотивационная структура не обладает сформированными ведущими мотивами спортивной деятельности, вследствие чего тренерам необходимо уделять особое внимание развитию и формированию мотивов молодых спортсменов.

5. Уровень жизнестойкости, вовлеченность и склонность к риску, проявляющиеся в уверенности в себе, способности извлекать опыт из побед и поражений, рисковать на соревнованиях и препятствовать возникновению высокого уровня напряжения на тренировках и соревнованиях, характерна для подгруппы кандидатов в мастера спорта. В целом данная подгруппа характеризуется более сформированной и гибкой системой убеждений и мотивации, позволяющей совладать со стрессом и тревогой во время тренировок и соревнований.

6. Необходимо обратить внимание, что в первой подгруппе профессиональных спортсменов (МС и МСМК) уровень жизнестойкости значимо ниже, что может свидетельствовать о профессиональном выгорании и возникновении демотивационных тенденций.

Для спортивной деятельности характерны высокий уровень конкуренции и четкие критерии оценки результатов, что формирует сильнейшую мотивацию спортсменов. В исследованиях психологических особенностей спортивной деятельности и личности спортсмена проблема мотивации имеет стержневое значение. Принципиально важно отметить, что необходимость управления мотивами спортсмена возникает на всех этапах их становления и, особенно, на пике спортивной карьеры. Более того, высокий уровень мотивации занятия спортом считается одним из главных и необходимых факторов, способствующих самореализации личности спортсмена [1, с. 370].

Литература

1. Багадирова С.К. Структурная модель самореализации спортсмена в условиях профессионализации в дзюдо // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта, 2019. №12(178). С. 369-374.
2. Бочавер К.А., Довжик Л.М. Совладающее поведение в профессиональном спорте: феноменология и диагностика // Клиническая и специальная психология, 2016. Том 5. № 1. С. 1-18.
3. Мнацаканян Б.Х., Хачатурова Э.В., Степанян Л.С. Основные факторы демотивации у спортсменов различных групп видов спорта // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта, 2016. №1. С. 64-68.
4. Никитина Е.В. Феномен жизнестойкости: концепция, современные взгляды и исследования // Academy, 2017. № 4 (19). С. 100-103.

5. *Панкратова И.А.* Влияние копинг-стратегий на мотивацию у спортсменов-профессионалов // Мир науки. Педагогика и психология, 2021. Том 9. № 4. С. 32-44.
6. *Сергеева А.А.* Особенности самореализации личности в спортивной деятельности // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2011. № 1. С. 56-67.

Потенциал российской духовной психологии в развитии современных организационно-психологических исследований

Аксеновская Л.Н.

*СГУ имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
liudmila_aksenovskaya@mail.ru*

Обращение психологов к теме духовности имеет давнюю традицию, начавшуюся с работ В. Вундта о «духе целого», реализующегося в психологии народов. Известен интерес К.-Г. Юнга к феномену духа и его исследования в этой области. Среди психотерапевтических систем наиболее авторитетным подходом к разработке, в том числе, темы духовности является логотерапия В. Франкла. Среди отечественных психологов наиболее значительный вклад в фундаментальные исследования духовности как психологического феномена внесли Г.Г. Шпет и С.Л. Франк [1].

По мнению П.Н. Шихирева, первый масштабный «проект духовной психологии» [2, с. 334] был предложен С.Л. Франком. Франку удалось решить сразу две задачи: во-первых, дать психолого-философскую интерпретацию самому феномену духовности, во-вторых, раскрыть его социально-психологическое содержание. В первом случае Франк обосновывает психологическое содержание духовности как «непостижимого» до конца явления и раскрывает связь духовных и душевных процессов в психике человека, отмечая укорененность душевного в духовном. Он выделяет такие аспекты духовного, как нравственный, познавательный, религиозный и эстетический. Во втором случае Франк формулирует тезис о репрезентации духовного мира наблюдателю через нравственное

сознание общества, что делает духовность частично познаваемой. В конституировании нравственного сознания, по его мнению, ведущая роль принадлежит нравственному (общественному) идеалу, а эмпирическими методами психологам надлежит исследовать проявления «добра» и «зла».

Идеи С.Л. Франка о духовной психологии получили развитие в рамках ордерного подхода к социально-психологическому изучению организационной культуры. Организационная культура здесь понимается как этикодeterminированный феномен (порядок) и эмпирически исследуется на уровне этико-смысловых систем участников организационно-управленческого взаимодействия (личности, команды, организации).

Этико-смысловая феноменология организационной культуры структурируется по двум основаниям: базовым этическим смыслам и функциональным этическим смыслам, в рамках систем которых участники взаимодействия принимают решения, руководствуясь своим пониманием «правильного/неправильного», «хорошего/плохого», «добра/зла». В результате делаемых выборов участники взаимодействия распределяются по уровням. Наличие этических уровней в организации определяет сложность порядка взаимодействий и вытекающую из нее сложность решения задачи управляемости организации с социально-психологической точки зрения.

В данных обстоятельствах с неизбежностью встает вопрос о поиске решения задачи согласования различных этических программ участников организационно-управленческого взаимодействия. Решающую роль в решении данной задачи принадлежит лидеру организации и членам его команды, поскольку привести к «общему знаменателю» контрастирующие этические «тексты» можно на основе программы, обладающей соответствующим потенциалом – потенциалом более емким содержательно и более высокого уровня. Такой программой является *духовная программа*, предложить которую и убедить в целесообразности и истинности которой может только лидер, обладающий соответствующими личностными характеристиками – духовными, и соответствующим уровнем личностного развития – духовным уровнем развития.

Духовный лидер способен актуализировать «дух целого», показать и объяснить глубинные связи между «смыслами жизни» сотрудников и организации, организации и общества/страны, страны и человечества. Духовный лидер, помимо объяснения, способен продемонстрировать личным поведением, всем образом жизни, возможность и реализуемость того нравственного идеала, который связан, соотносим с заявленным «смыслом жизни» (миссией, по О.С. Виханскому и А.И. Наумову).

Разделяющая духовное видение и духовный образ жизни лидера управленческая команда, следующая за лидером, идущая с ним одним путем, является *духовной управленческой командой*. На командном уровне появляются как новые сложности в согласовании «духовных частей» в «духовное целое», так и новые возможности, связанные с взаимной помощью и поддержкой, с увеличением творческого потенциала группы, объединенной целью нравственного самосовершенствования в процессе профессионального развития и достижения профессиональных целей.

Наличие духовного лидера и духовной управленческой команды в организации есть решающее условие для формирования *духовной организации*.

Если раньше под духовными организациями/корпорациями понимали только религиозные организации, то в периоды лиминальности, разломов и поляризации ценностно-смысловых основ общественного сознания и бытия статус «духовной» может быть распространен на любой тип организации, имеющей: а) свою духовно-этическую программу выживания и развития в переломный исторический период, построенную на базе общего нравственного идеала и являющуюся системообразующим компонентом организационной культуры; б) духовного лидера, предложившего и реализующего духовно-этическую программу организации и ее культуры; в) духовную управленческую команду, согласованно взаимодействующую с целью ее реализации.

Таким образом, современная организационная психология, опираясь на потенциал российской духовной психологии в сложных условиях трансформации жизнедеятельности общества и его организаций, имеет хорошие перспективы для развития нового направления исследований, связанных с развитием духовного

лидерства, духовных управленческих команд и духовных организаций, способных выдерживать нагрузки периода лиминальности без ущерба для духовно-нравственного состояния человека и без патологизации организационной культуры.

Литература

1. *Аксеновская Л.Н.* Духовная психология С. Л. Франка в контексте современных задач развития российской социальной психологии// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 413–422.
2. *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология. – М., 1999.

Изучение эмоционального интеллекта у старших подростков с различной склонностью к интернет-зависимости

Алейникова Т.Н., Аблековская О.Н.
ФФСН БГУ, Минск, Республика Беларусь
tat.aleinikova@gmail.com

Большинство теорий в зарубежной и отечественной психологии, изучающих и описывающих феномен эмоционального интеллекта, определяют его как способность личности распознавать эмоции (свои и чужие) и управлять ими, что способствует успешному и эффективному взаимодействию и социальной адаптации личности [1; 4]. Таким образом, эмоциональный интеллект является необходимым составляющим успешного функционирования любой личности, включая и различные проявления межличностного общения - разрешение разногласий, поддержание социальных связей, сотрудничество с другими людьми. Для подростков же эмоции, как отмечает Е.П. Ильин, в значительной мере связаны с общением, поэтому личностно-значимые отношения с другим людьми определяют содержание и характер их эмоциональных реакций,

вливают на качество выстраиваемого взаимодействия и коммуникацию с другими людьми [3].

Изучение выраженности эмоционального интеллекта у подростков особенно актуально в период массового распространения интернета, мобильных устройств и других гаджетов, которые могут привести к развитию у них технологических зависимостей, включая и интернет-зависимость как самостоятельное нарушение, что может негативно отразиться на формировании взрослеющей личности. Все сказанное определило цель нашего исследования – изучить особенности эмоционального интеллекта у старших подростков с различным уровнем сформированности интернет-зависимости (ИЗ).

В исследовании приняли участие 132 респондента обоих полов (70 женского и 62 мужского) из разных городов Республики Беларусь, являющихся подростками в возрасте от 15 до 17 лет, что соответствует периоду старшего подросткового возраста по возрастной периодизации Д.Б. Эльконина. В качестве психодиагностического инструментария были использованы методика К. Янг в адаптации В. А. Лоскутовой на выявление уровня ИЗ [2] и методика оценки эмоционального интеллекта («Опросник EQ») Н. Холла для измерения уровня развития эмоционального интеллекта в адаптации Е.П. Ильина [3]. Полученные данные обрабатывались с помощью электронных таблиц Microsoft Excel и статистического пакета программы Statistica версия 10.01. Сравнительный анализ проводился с помощью U-критерия Манна-Уитни, корреляционный – с применением непараметрического критерия Спирмена.

Анализ полученных данных показал, что подростков, для которых характерно чрезмерное увлечение интернетом, выявлено не было. Большинство испытуемых являются обычными пользователями интернета – 61 %, другая часть респондентов вошли в группу тех, у которых есть некоторые проблемы с чрезмерным увлечением интернетом, это 39 % (далее мы называем их группой подростков, имеющих склонность к ИЗ). Надо отметить, что статистически значимых половых различий в выраженности интернет-зависимости не было выявлено. Однако если более пристально рассматривать уровни интернет-зависимости у юношей и девушек, все же можно говорить об определенных тенденциях к различиям. Именно девушки в большей степени проявляют склонность к интернет-аддикции в

отличии от юношей. Так, например, среди подростков-обычных пользователей девушки составили 56 %, в то время как юноши – 68 %. Как показали результаты нашего исследования, интернет-активность девушек в большинстве связана с пребыванием в различных социальных сетях (Instagram, Tik Tok, Like и прочее): именно 86% девочек-подростков предпочитают данный вид интернет-активности, в то время как только 61% юношей проводят свое время в социальных сетях.

В ходе дальнейшего исследования нами был проведен сравнительный анализ выраженности интегративного и парциального эмоционального интеллекта у подростков обеих групп. Полученные результаты позволили выявить следующие статистически значимые различия. Так, подростки-обычные пользователи интернета обладают более высоким уровнем эмоционального интеллекта ($U = 1610,0; p = 0,03$), а также демонстрируют более высокие значения по шкалам «управление эмоциями» ($U = 1616,5; p = 0,04$), «самотивация» ($U = 1595,5; p = 0,03$) и «эмоциональная осведомленность» ($U = 1648,5; p = 0,05$). Однако надо отметить, что общий показатель эмоционального интеллекта у подростков в обеих группах находится на низком уровне. По шкалам «эмпатия» и «распознавание эмоций других людей» статистически значимых различий не было обнаружено. Что же касается половых различий в проявлении эмоционального интеллекта в исследуемых группах, то как юноши, так и девушки демонстрируют сравнительно одинаковые его значения. Однако было установлено статистически значимое различие по шкале «управление эмоциями» ($U = 1591,0; p = 0,01$).

Анализ данных корреляции между интернет-зависимостью и эмоциональным интеллектом показал наличие статистически значимых обратных взаимосвязей между исследуемыми переменными. Так, были установлены взаимосвязи между уровнем интернет-зависимости как по отдельным шкалам эмоционального интеллекта – «эмоциональной осведомленности» ($r = -0,199, p = 0,02$), «управлениями эмоциями» ($r = -0,255, p = 0,003$), «самотивацией» ($r = -0,270, p = 0,002$), так и его интегративному уровню ($r = -0,258, p = 0,002$). Обращая внимание на данный блок корреляционных связей, мы можем заключить, что чем выше уровень ИЗ в подростковом возрасте, тем в меньшей степени подростки способны анализировать

свое поведение и эмоции, в меньшей степени способны не только управлять своими эмоциями, но и вызывать у себя различные эмоциональные состояния. Результаты нашего исследования согласуются с данными других исследователей [5].

Таким образом, такие компоненты эмоционального интеллекта как управление эмоциями, самомотивация и эмоциональная осведомленность меньше выражены у подростков, для которых характерно чрезмерное увлечение интернетом. Снижение понимания эмоций как своих, так и других людей, неумение управлять ими может создавать предпосылки для возникновения трудностей в ситуациях межличностного общения.

Литература

1. *Андреева И.Н.* Эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность: специфика и взаимодействие. Новополоцк, 2020.
2. *Большот Т.Ю. Юрьева Л.Н.* Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика. Днепропетровск, 2006.
3. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб., 2001.
4. *Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М., 2014.
5. *Малыгин В.Л.* Особенности эмоционального и социального интеллекта среди интернет-зависимых подростков // Мед. психология в России, 2011, № 5.

Психологические ресурсы личностного развития

Андрюшкова Н.П.

*ГОУ ВПО ДОННУ, Донецк, Россия
andruchkova@rambler.ru*

Определение понятия ресурса достаточно широко, оно трактуется как набор разнообразных способностей, знаний, умений,

возможностей, чаще всего обусловленных внутренними психологическими резервами, которые могут быть задействованы для процессов развития и саморазвития личности. Ресурсы личности – это те внутренние резервы, которые есть у человека и позволяют ему обеспечивать свои основные потребности. Наличие определенных ресурсов расширяет поле деятельности личности, делая более достижимыми значимые цели в жизни. Когда мы оцениваем другого человека, мы учитываем не только актуальные, но и потенциальные возможности и ресурсы, поскольку они, в определенном смысле, являются значимым капиталом каждой личности.

Психологические ресурсы человека включают в себя мотивационно-ценностные и эмоционально-регулятивные компоненты. В психологии среди ресурсов традиционно выделяют: физиологические, типологические особенности, когнитивные процессы, личностные качества, социальную поддержку, финансовое благополучие, полученные знания, а также навыки и опыт применения ресурсов в трудных жизненных ситуациях [2].

Ю.С. Прошутинский предлагает под ресурсами понимать, в первую очередь состояние, необходимое для конкретной деятельности, на фоне которого вообще становится возможным осуществление данного вида деятельности, либо обеспечивается максимальная результативность при минимально возможных энергетических затратах, или осуществляются оба этих условия [3].

Главная идея ресурсного подхода состоит в том, что между личностью и окружающим миром существуют обменные отношения, которые наблюдаются не только на внешнем результативном уровне деятельности, но и на всех уровнях психических явлений, от ощущений и перцепции до интеллектуальных, эмоционально-волевых и личностных качеств, а также на уровне социально-психологических феноменов.

Е.С. Штепа отмечает, что психологические ресурсы являются эффектом синергии компетентности и личностного потенциала, которые проявляются, как способность личностно зрелого человека самостоятельно преодолевать жизненные кризисные ситуации и могут характеризоваться разным уровнем сформированности. Согласно этому, на самом низком уровне сформированности психологического ресурса – «подражание», по Е.С. Штепе, личность на данном уровне

не умеет формулировать собственные цели, а также не способна к самодетерминации – самостоятельно определять приоритеты ценностей, не умеет сотрудничать. Это определенного рода инфантильность и низкий уровень личностной зрелости.

На следующем уровне «цели» – личность способна к самостоятельной постановке целей, но ей трудно осуществлять прогноз собственных действий. Саму личность можно охарактеризовать как не ориентированную на будущее.

На уровне «ценности» личность обладает своим психологическим ресурсом, умеет самостоятельно определять приоритеты и одновременно, подвластна сомнениям относительно перспективности собственных усилий.

Высочайшим уровнем сформированности психологических ресурсов личности является «смысл», когда человек понимает собственную миссию, назначение, может стать наставником для других [4].

Достаточно важными психологическими условиями, которые обеспечивают развитие и рост личности можно считать: зрелое Я личности, открытость, толерантность и готовность к новому, наличие осознанной цели как ориентира саморазвития и активной жизненной стратегии [1].

Механизмами же и функциональными средствами развития и личностного роста могут выступать рефлексия, саморегуляция и обратная связь. Рефлексию можно считать и механизмом-средством, и механизмом-условием развития как осознанного и управляемого процесса личностных изменений.

Следовательно, развитие личности является непрерывным процессом, в котором под влиянием конкретных мотивов, за счет внутренних психологических ресурсов ставятся и достигаются конкретные цели путем трансформирования собственной деятельности, поведения или изменения самого себя, используются формы самоутверждения, самосовершенствование и самоактуализации.

Личностные психологические ресурсы проявляются во взаимодействии человека и жизненной среды как непрерывного процесса развития личности, способствуют сглаживанию противоречий между личностью и жизненным пространством,

преодолению неблагоприятных условий путем преобразования ценностно-смысловой подсистемы личности, задающие направление развития направленности, создают основу для самореализации.

Литература

1. *Блинова В.Л., Блинова Ю.Л.* Психологические основы самопознания и саморазвития: учебно-методическое пособие. Казань: ТГГПУ, 2009. 222с.
2. *Калашикова С.А.* Личностные ресурсы как интегральная характеристика личности // Молодой ученый. 2011. № 8. Т. 2. С. 84-87.
3. *Прошутинский Ю.С.* Ресурсное направление психологической помощи // Прикладная психология и психоанализ. 2011. №. 4. С. 12-12.
4. *Штена О.С.* Структура та актуалізація психологічних ресурсів особистості // Збірник наукових праць інституту психології ім. Г.С.Костюка НАПНУ. Проблеми загальної та педагогічної психології. Т. XII. Ч.3. С. 428-434.

Модель взаимосвязи эмпатических способностей и ценностно-смысловых ориентаций личности в контексте социального взаимодействия

Анисимова Е.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anisimovaev@mgppu.ru*

Наиболее полный взгляд на природу эмпатии, позволяющий проследить ее взаимосвязь с ценностно-смысловой сферой личности в контексте социального взаимодействия рассматривается в социоцентрированном подходе [2; 3; 5; 6], в котором, согласно мнению авторов, эмпатия, как **компонент культуры общества**¹, закреплена в определенных общественных институтах, задачей которых является формирование на уровне осмысленных ценностных

установок и последующее воспроизведение сочувственного, понимающего, *эмоционально⁷ окрашенного сознания⁶ и поведения⁸*.

С опорой на социоцентрированные представления, Н.И. Сарджвеладзе так определяла феномен: «Эмпатия – это особый психический акт, целостное образование *когнитивных⁶, эмоциональных⁷ и моторных (поведенческих) компонентов⁸*, которое включено в качестве особой формы в социальное взаимодействие. Суть данного психического акта: 1) проникновение во внутренний мир другого человека, будь то его эмоциональное переживание, личностные качества, потребности, стремления или оценочные суждения; 2) реагирование субъектом на проявления внутреннего мира другого человека» [6].

Являясь частью общественной культуры, эмпатия вступает во взаимодействие с ценностно-смысловой сферой личности индивида и встраивается в нее посредством сопряжения с соответствующими компонентами ценностно-смысловой системы.

Для ценностно-смысловой сферы личности такими компонентами являются *внутренние средства²*, которые необходимы для осуществления процесса интериоризации ценностных и смысловых ориентаций и их окончательного оформления, а также *внешние условия*, внутри которых происходит это оформление. Внешние условия представляют собой среду, в которой осуществляется развитие, взаимодействие и функционирование индивида. К внутренним средствам относятся, помимо внутренних характерологических особенностей индивида, такие психические образования, как *когнитивный³ (воля, особенности мышления) и эмоциональный⁴ (эмоции, чувства, особенности восприятия)* компоненты и, собственно, *поведение⁵* [1].

В процессе социализации, когда человек «покидает» семью и открывает для себя новые социальные институты, он начинает функционировать не просто как часть какой-либо группы, но как элемент всего социума, и попадает под влияние изменяющихся условий его существования. Именно социум в широком его понимании, его *культура¹*, а также связанные с ней изменения в обществе являются одним из *внешних условий*, в которых происходит дальнейшее становление ценностно-смысловых ориентаций индивида.

Именно культура, как внешнее условие, обеспечивающее развитие и формирование ценностно-смысловой направленности связано с так называемой «культурой эмпатии», по словам Б.Х. Бгажнокова и К.Л. Pike [2; 5], существующей внутри социума в качестве уникального эмпатического элемента, включающего систему норм, правил и ценностей, благодаря которым для индивида становится возможным заботливое отношение и помогающее поведение. Таким образом, эмпатия и ценностно-смысловые ориентации личности взаимосвязаны через особые культурные нормы, ценности и моральные устои, которые могут быть усвоены человеком в процессе социализации или взаимодействия с обществом, где существует «культура эмпатии». А эмпатия, в свою очередь, являясь частью культуры общества как внешнего условия для развития ценностно-смысловой сферы личности, встраивается в нее и имеет с ней взаимосвязь через когнитивные и эмоциональные компоненты, затем находя свое выражение в определенной модели поведения (рис. 1).

Применяя данную логику к выстраиваемой нами модели, обратимся к исследованиям М. Davis, где, согласно мнению автора, анализ эмпатических феноменов возможен с точки зрения теоретической модели, разделяющей поле эмпатических способностей на процессы («perspective taking – децентрация» и «fantasy – сопереживание») и результаты («empathic concern – эмпатическая забота» и «personal distress – личностный дистресс») [4]. Также М. Рокич среди личностных ценностей выделял терминальные (образ конечного результата, в том числе – цели жизни) и инструментальные (средства для достижения целей).

Переходя к выстраиваемой модели (рис. 1) и опираясь на мнение В. Франкла, Ф.Е. Василюка и Д.А. Леонтьева о том, что смыслы формируются на основе ценностей, являются ее продуктом, а также, что ценности являются одновременно и источниками и носителями значимых для человека смыслов, можно сказать, что развитые эмпатические способности к сопереживанию и децентрации способствуют формированию устойчивой ценностно-смысловой позиции личности относительно значимости альтруистических терминальных ценностей на уровне смысловой жизненной цели.

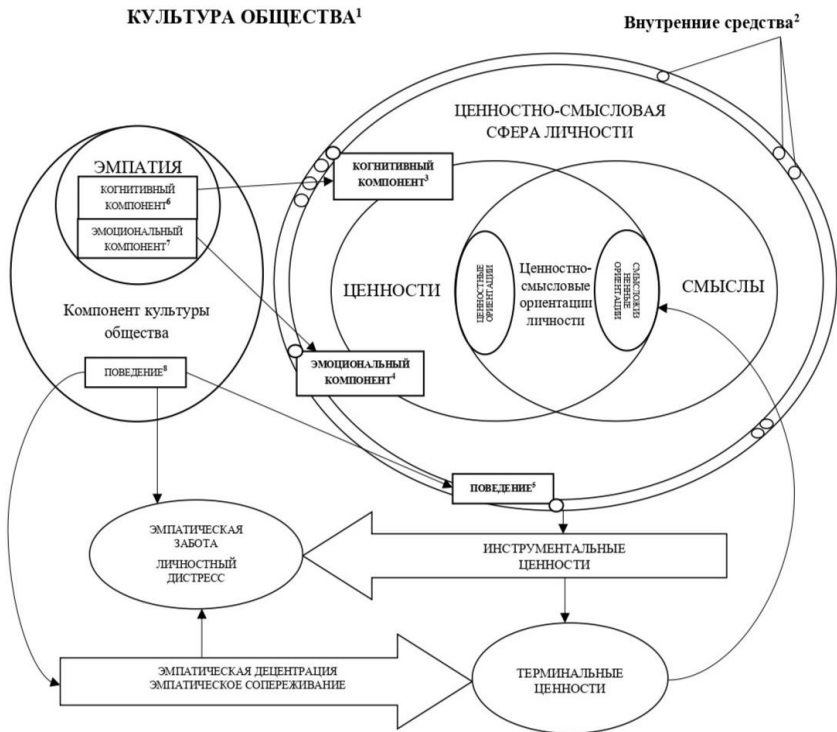

Рис. 1. Модель взаимосвязи эмпатических способностей и ценностно-смысловых ориентаций

В подтверждение этого приведем слова Д.А. Леонтьева, который подчеркивает, что: «жизнь каждого человека, поскольку она к чему-то устремлена (интенциональна), объективно имеет смысл, придающий ей витально необходимую определенность посредством реальных ценностных отношений с действительностью, т.е. носит характер превращенной формы жизненных отношений с миром» [3]. Таким образом, претворение личностных смыслов, состоящих из ценностей, есть смысложизненная ориентация, а значит принятая и эмоционально прожитая посредством, например, эмпатического сопереживания, терминальная ценность действительно может стать смысложизненной

целью для индивида. Схожая связь может быть обозначена, когда осмысленные инструментальные ценности как процесс (например, чуткое и терпимое отношение к другому), могут привести к получению такого результата, как, например, эмпатическая забота.

Таким образом, возвращаясь к мнению авторов о том, что «культура эмпатии» способствует формированию заботливого и помогающего поведения, скажем, что развитие эмпатических способностей, согласно представленной модели, будет способствовать формированию устойчивой просоциальной позиции индивида за счет интериоризации альтруистических ценностей и формирующихся вместе с тем жизненных смыслов.

Подведем итог: в структуре эмпатии и ценностно-смысловой системы личности существуют компоненты, взаимосвязь которых (рис. 1) способствует формированию на уровне осмысленных ценностных установок сочувственного, понимающего, эмоционально окрашенного сознания и альтруистического, просоциального поведения индивида.

Литература

1. *Анисимова Е.В.* Социально-психологическая модель структуры ценностно-смысловых ориентаций личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 1А. С.150–163. DOI: 10.34670/AR.2020.45.1.018
2. *Бгажноков Б.Х.* Культура эмпатии // Этнографическое обозрение. 2003. № 1. С. 55-68.
3. *Брызгалин Е.А.* Ключевые положения о личностных ценностях и смыслах (по материалам отечественных и зарубежных научных источников // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. №2 (15). С.46–66.
4. *Карягина Т.Д., Кухтова Н.В.* Тест эмпатии М. Дэвиса: содержательная валидность и адаптация в межкультурном контексте // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. №4. С. 33–61.

5. *Лебедева Ю.В.* Кросс-культурные особенности эмпатии (на примере студентов из России и Китая) дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2017. 200 с.
6. *Сарджвеладзе Н.И.* О балансе проекции и интроекции в процессе эмпатического взаимодействия / Н. И. Сарджвеладзе // Бессознательное: природа, функции, методы исследования: в 4 т. Т. 3 / под общ. ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассина. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С. 485–490.

Ценностные ориентации старшеклассников (на примере Мурманской области)

Антипин П.А., Хлябич Ю.Н.

СГМУ, Архангельск, Россия

antipinp@gmail.com, yuhlyabich@gmail.com

Современный мир характеризуется значительными трансформациями социально-экономического и социокультурного пространств. Р. Инглхарт в работе «Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества» отмечает, что «перемены в мироотношении людей, глубинные и массовые, изменяют облик экономической, политической и социальной жизни», под влиянием этих изменений происходят «изменения в базовых ценностях населения» [1].

Проблема ценностей и ценностных ориентаций остается одной из актуальных тем современных философских [4, с. 136-138; 8, с. 84-98], социологических [2, с. 1506-1512], психолого-педагогических [7, с. 88-96], медицинских [3, с. 1506-1512] научных исследований. Большинство авторов рассматривают ценностные ориентации своего рода регуляторами поведения человека, оказывающими влияние на процесс становления личности [6, с. 69; 8, с. 97].

Известно, что основные индивидуальные ценности формируются в процессе социализации в детском и подростковом возрасте. В.Н. Селезнев подчеркивает, что подростковый возраст многие психологи считают «сензитивным» для формирования ценностных ориентаций как устойчивого образования личности, способствующего

становлению мировоззрения и отношения к окружающей человека действительности [6, с. 69].

На примере одной из школ Мурманской области нами изучены ценностные ориентации старшеклассников (учащихся 7-11 классов, 2021-2022 учебный год).

Источником информации служили данные социологического опроса, выполненного на основе методики изучения ценностных ориентаций М. Рокича, основанной на прямом ранжировании ценностей, сгруппированных в два списка: терминальных и инструментальных ценностей. В настоящем исследовании анализируются терминальные ценности, которые сам автор рассматривал как «убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной и общественной точек зрения заслуживает того, чтобы к ней стремиться» [5].

Общая численность респондентов составила 120 человек, из них учащиеся 7-9 классов (2006-2007 г. рождения) – 70 человек (58,3%), учащиеся 10-11 классов (2003-2005 г. рождения) – 50 человек или 41,7% от общего числа опрошенных. Средний возраст респондентов – 15,6 года (7-9 классы – 14,5; учащиеся 10-11 классов – 16,75 соответственно).

Установлено, что первое ранговое место в системе жизненных ценностей большинства школьников занимает ценность «здоровье» (77,5% от общего числа опрошенных). При этом доля учащихся седьмых – девярых классов составила 54,84%, доля учащихся десятых – одиннадцатых – 45,16% от общего числа опрошенных.

Второе ранговое место в системе жизненных ценностей респондентов занимает ценность «материальный достаток» (52,5% от общего числа опрошенных; 34,3% респондентов 7-9 классов и 78% респондентов 10-11 классов).

Ценности «друзья» (49,2% случаев), «семья» (45% от общего числа опрошенных) занимают соответственно третье и четвертое ранговые места, что позволяет сделать вывод о высоком уровне потребности респондентов во взаимодействии с ближайшим социальным окружением.

43,3% опрошенных пятое ранговое место присвоили ценности «любовь». При этом наиболее значимой эта ценность является для учащихся 7-9 классов (35,7% случаев, третье ранговое место), у

учащиеся старших классов эта ценность занимает 7 ранговое место (54% случаев).

«Уверенность в себе» как значимую ценность отметили 41,7 % опрошенных. Для учащихся 10-11 классов более значимыми являются ценности «активная деятельная жизнь» (62% случаев) и «интересная работа» (56% случаев). Вместе с тем, ценности «познание» – возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры и интеллектуального развития – в общей выборке соответствует лишь 26,6% (10 ранговое место).

Девятое ранговое место занимает ценность «свобода» (37,7% случаев). Ценность «продуктивная жизнь» или максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей, как и ценность «творчество» отмечены в 15% случаев от общего числа опрошенных (11 ранговое место). Доля учащихся 7-9 классов, присвоивших ценности «продуктивная жизнь» 11 ранговое место, составила 10%. Доля старшеклассников – 24,0%. Также в 24,0% случаев старшеклассники отметили ценность «развлечения».

К числу наименее значимых ценностей в каждой из возрастных групп были отнесены «красота природы и искусства» (11,6%), «счастье других» (5,8%).

Исследование отражает изменение ценностей старшеклассников по мере взросления. Для школьников, проживающих в условиях Кольского Заполярья, в сравнении с данными исследований, выполненных в иных климатических зонах [8, с. 68-78], ведущей является ценность «здоровье».

Литература

1. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. URL: <https://sociology.mephi.ru/docs/polit/html/ingl.htm>.
2. *Колосова В.В.* Социологические подходы к изучению ценностей личности в процессе профессиональной деятельности // Молодой ученый. 2016. № 9 (113).
3. *Лядова А.В.* Ценность здоровья в современном обществе // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире:

- Методология, опыт эмпирического исследования», 16-18 марта 2017 г., Екатеринбург: УрФУ, 2017.
4. *Мешков И.М.* «Цели и средства» в системе ценностных ориентаций философии кантианства и прагматизма Дж. Дьюи // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1-2.
  5. Психологические тесты для профессионалов / авт.-сост Н.Ф. Гребень. Минск. 2007.
  6. *Селезнёв В.Н.* Ценностные ориентации старших школьников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 4.
  7. *Степучев Д.М.* Исследование ценностно-смысловых ориентаций и отношения к здоровью учащихся общеобразовательной школы // Вестник науки. 2023. №2 (59).
  8. *Суворова О.С.* Является ли здоровье личностной ценностью? //Философская мысль. 2017. № 2.

Взаимосвязь субъективной удовлетворенности жизнью и авторитарности личности студентов вузов

Артеменко О.А., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
olesya.art77755@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

В современном быстро меняющемся обществе для качественной оценки субъективной удовлетворенности жизнью существует необходимость учета огромного многообразия индивидуально-типологических различий индивидов, полоролевых, культурных и других факторов. В зарубежной и отечественной психологии авторитарность была рассмотрена как комплекс социальных установок, которые отражают отношение личности к вопросам доминирования и подчинения, а также близких к ним свойств [4]. Авторитарность – социально-психологическая характеристика личности, которая выражается в стремлении максимально подчинить своему влиянию партнеров по взаимодействию и общению [3]. Авторитарная личность — личность, которая стремится стать лидером

и организует вокруг себя четкую иерархическую структуру, основанную на строгом выполнении ее просьб, требований и приказов [1]. Сексизм является составляющей частью авторитарной личности. [2]. Сексизм – форма негативных или позитивных предубеждений по отношению к объекту на основе его принадлежности к тому или иному гендеру [5].

Целью нашего исследования является изучение взаимосвязи субъективной удовлетворенности жизнью и авторитарности личности студентов вузов.

В исследовании приняли участие 100 студентов гуманитарных и технических вузов в возрасте от 17 до 26 лет, из которых 65% женщины, 35% мужчины. Респонденты, наряду с вопросами методик, направленных на выявление уровня авторитаризма правого толка, присущего личности, межличностной, организационной и социально-политической авторитарности и субъективной удовлетворенности жизни, также отвечали на вопросы, в которые входили социально-экономические и демографические переменные – такие, как пол, возраст, образование и материальное положение. Для проведения исследования мы воспользовались рядом методик, включающим в себя шкалу авторитаризма правого толка Дж. Даккита, шкалу удовлетворённости жизнью, шкалу субъективного счастья Любомирски и шкалу амбивалентного сексизма (П. Глика и С. Фиск).

Проведенное исследование показало, что у мужчин существует взаимосвязь между авторитарностью и субъективной удовлетворённости жизнью ($r = 0,537$, $p \leq 0,01$), соответственно, чем выше уровень авторитарности у мужчин, тем выше уровень субъективной удовлетворённости жизнью, что характерно для патриархального общества.

У женщин существует взаимосвязь между уровнем враждебного сексизма и их субъективным счастьем ($r = 0,337$, $p \leq 0,01$). Это можно объяснить это тем, что несмотря на построение феминистического общества, в нем до сих доминируют традиционные ценности.

Проведенная эмпирическая работа показывает, что субъективное счастье и удовлетворенность жизнью в нашем обществе прямо связаны с такими явлениями, как авторитарность личности и сексизм, при этом примечательно, что враждебный сексизм как совокупность представлений о роли женщины в обществе, обусловленной ее

биологическими функциями, играет свою роль именно у представительниц женского пола, увеличивая их переживания счастья. Все это говорит о том, что, несмотря на феминистическую повестку, которая декларативно присутствует и в современном отечественном дискурсе, мы до сих пор находимся в условиях консервативного патриархального общества, поэтому именно наличие у его представителей традиционных ценностей будет обеспечивать большую удовлетворенность жизнью.

Литература

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М., 2012.
2. Барчунова Т.В. «Эгоистичный гендер», или Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях // Общественные науки и современность. 2002. № 5.
3. Попов Л.М., Меркель Р.В. Психологические особенности авторитарной личности // Образование и саморазвитие. 2009, № 4(14). С. 143-148.
4. Юртайкин В.В., Дьяконова Н.А. Авторитаризм в системе установок российских и американских студентов // Социологическое исследование. 2001. №9. С. 58–67.
5. Longres J.F. Men's issues and sexism: a journal review / J. F. Longres, R. H. Bailey // Social work 1979. № 24.

Взаимодействие психологов и педагогов по обеспечению профилактики виктимного поведения в современных условиях

*Афанасьева О.Ф., Феоктистова С.В., Чанкаева И.Р.
АНО ВО «РосНОУ», Москва, Россия
oafanaseff@gmail.com, svfeoktistova@mail.ru, 17irada17@mail.ru*

Профессиональная компетенция любого специалиста подразумевает не только наличие умений и навыков, но и предвидение возможных негативных ситуаций. Для многих профессий такие компетенции являются жизненно необходимыми. В перечень таких

профессий с жизненно важными компетенциями входят профессии психолога и педагога. На каждом этапе становления личности важен наставник, особенно в период формирования личности.

Главной особенностью психолого-педагогической работы является то, что основной предмет труда этой деятельности – личность другого человека. И не просто личность, а формирующаяся личность, которая более чувствительна к социальным воздействиям, более ранима и менее устойчива [6].

В контексте вопроса взаимодействия педагога с виктимными подростками в ситуациях школьного буллинга, хотелось обратить внимание на само понятие виктимности (с лат. *viktima* – жертва). Виктимность – понятие, неотъемлемо включающее в себя внутренние (индивидуальные личностные особенности) и внешние факторы (социокультурная среда) влияющие на возникновение данного свойства [5].

Нами были проведены исследования на предмет выявления различных видов и уровней виктимности у подростков, а также причин влияющих на возникновение виктимного поведения. Мы считаем, что данное исследование актуально в современных условиях, так как различные проявления виктимности являются мощным фактором, снижающим качество жизни ребенка в различных социумах, особенно в школе (проявления школьного буллинга).

Среди 44 испытуемых в возрасте 12-13 лет у 4,8% высокий уровень агрессивного виктимного поведения (склонность к антиобщественному и провокационному поведению). В школе это возможные буллы. Высокий уровень активного виктимного поведения способствует формированию поведения жертвы, склонной к самоповреждающему и саморазрушающему поведению. Склонность к такому поведению обнаружена у 11,4% испытуемых в возрасте 12-13 лет, так же у 26,3% испытуемых в возрасте 14-15 лет (всего 38 учащихся). В данной референтной группе зависимому и беспомощному поведению подвержены 6,8% (12-13 лет) и 10,5% (14-15 лет). В процессе буллинга это потенциальные жертвы. Существует корреляция виктимности с акцентуированными чертами характера. Подростки с эмотивным, тревожно-мнительным и гипотимным типом акцентуаций (застенчивость, уныние, зависимость, низкая самооценка,

неуверенность) в большей степени подвержены быть жертвами доминирования возбудимых типов акцентуаций (буллеров) [1; 2; 8].

Важную роль в преодолении виктимных проявлений играет педагог. «Профессионально-персонологическая антиципация» педагога [6, с. 277] должна способствовать предвидению последствий своего воздействия на личность ребенка, так как результатом педагогической деятельности является не только само развитие ребенка, но и создание условий *комфортного* развития личности.

К сожалению, роль педагога может быть негативной. Сам педагог может выступить предиктором виктимного поведения. Принимая во внимание феномен подросткового возраста, педагог может не учесть чувствительность восприятия подростка в разных ситуациях. В случае неправильно выстроенных межличностных отношений у подростка, имеющего склонность к виктимному поведению или реализованную виктимность, усугубляются негативные поведенческие реакции. Он становится еще более замкнутым, зависимым, не верит в собственные силы, вплоть до самоповреждения (self-harm). Возможны проявления агрессии в случае невозможности реализации потребностей [3; 5].

В наших исследованиях был выявлен существенный процент учащихся, у которых проявился высокий (18% среди испытуемых 12-13 лет; 15% среди учащихся 14-15 лет) уровень общей школьной тревожности (тест Филлипса). И выявлен достаточно большой процент (22,7% и 25,0% соответственно) повышенного уровня по шкале «проблемы и страхи в отношении с учителями». При качественном анализе опросников «Незаконченные предложения» в блоке «отношение к школе и учителям» у 55,0% (12-13 лет) и 73,8 % (14-15 лет) учащихся среди ответов были фразы с негативным оттенком по отношению к педагогам и школе в целом.

В связи с наличием нескольких предикторов виктимного поведения, работа с виктимными подростками должна быть комплексной.

Роль педагога в работе с виктимными подростками – быть связующим звеном между родителями, ребенком и профильными специалистами, в первую очередь – с психологом. Психолого-педагогическое взаимодействие является совокупностью межличностного доверительного, индивидуального и творческого подходов [3].

Не каждый ребенок, особенно в дисфункциональных семьях, получает необходимые социально-ролевые навыки, которые позволяют сформироваться адекватной самооценке и рефлексии подростка. Креативный подход в педагогической деятельности, инициация практических социально-значимых проектов со сменным ролевым участием подростков позволяют формировать необходимые навыки в каждой ролевой реализации, а также осознавать разницу между реальным и идеальным Я [4; 7].

Одной из главных задач взаимодействия педагога и психолога является организация объективной психодиагностики, в результате которой изучаются условия социокультурной среды, личностный профиль ребенка, выявляются факторы, влияющих на дезадаптацию в школьной среде и формирование девиантного (виктимного) поведения.

Немаловажным в превентивной работе с виктимностью является подготовка будущих специалистов с высоким уровнем компетенций (учителей, социальных педагогов, психологов) с использованием современных методов обучения. Подготовка включает в себя информирование о виктимном поведении, предикторах такого поведения, симптоматике его проявления, последствиях реализованной виктимности и возможных триггерах в состоянии предвиктимности. Важным в профилактической работе является формирование практических навыков посредством участия в тренингах, деловых играх, практикумах [9].

Опираясь на вышеобозначенное, можно сформулировать вывод о том, что виктимность – сложное свойство, характеризующееся многообразием моделей проявления виктимного поведения. Виктимность является следствием объективных и субъективных предикторов экзогенного и эндогенного характера. Возможно латентное протекание виктимности до возникновения неблагоприятных условий. Реализованная виктимность оказывает негативное влияние на качество жизни, особенно в подростковом возрасте. Несмотря на то, что виктимное поведение является девиантным, а виктимность не является ригидным свойством, при совместной квалифицированной работе психолога и педагога проявления виктимности поддаются корректировке.

Литература

1. *Андронникова О.О.* Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков. Автореф. дис. ... канд. психол. н. Новосибирск, 2008.
2. *Богачек И.С.* Акцентуированные черты характера как фактор социально-психологической дезадаптации в подростковом возрасте // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». 2021. №3(56).
3. *Клачкова О.А.* Структурная организация виктимной личности. Автореф. дис. ... канд. психол. н. Санкт-Петербург, 2008.
4. *Леонова И.В.* Особенности социально-педагогической работы с виктимными детьми. Автореф. дис. ... канд. пед. н. Смоленск, 2003.
5. *Малкина-Пых И.Г.* Виктимология. Психология поведения жертвы. СПб., 2021.
6. *Реан А.А.* Психология личности. СПб., 2013.
7. *Рябинкина А.Н.* Особенности самооценки подростков в неблагополучных семьях // Материалы VIII Международно-практической конференции «психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса: проблемы, перспективы, технологии, 1-2 апреля 2021 г., Орел). Орел. 2021.
8. *Феоктистова С.В., Григорьева И.В., Афанасьева О.Ф.* Взаимосвязь виктимного поведения и буллинга в подростковой среде // Высшее образование сегодня. М., 2022. №8
9. *Шнейдер Л.Б.* Учись учиться: личностное развитие и профессиональное совершенствование педагога // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». Тверь, 2021. №3(56).

Взаимосвязь агрессивного поведения подростков и чувства их субъективного благополучия

*Бабанин П.А., Виноградова А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
babaninpa@mgppu.ru, aaavinaaa123@gmail.com*

Подростковый возраст по праву признается одним из сложных в жизни каждого человека и характеризуется нестабильностью, трудностями, повышенной восприимчивостью. В этом возрасте подросток связан с миром детства и взрослой жизнью. Стэнли Холл считает, что подростковый возраст представляет собой период «бури и натиска».

Авторы, изучающие специфику переходного возраста (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Э. Эриксон и др.) акцентируют внимание на том, что подростковый возраст более, чем другие периоды жизни, имеет зависимость от реального социума, среды. Именно в этот возрастной период подросток более склонен к агрессивности, гневу, раздражительности, депрессивности и др.

Под агрессивным поведением понимается мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения, приносящее физический или моральный ущерб людям, вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т.п.).

Термин «субъективное благополучие» означает собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, которые имеют важное значение для человека в соответствии с нормативными представлениями о внешней и внутренней среде, а также характерными ощущениями удовлетворения.

В нашей работе мы предполагаем, что существует взаимосвязь между агрессивным поведением подростков и чувством их субъективного благополучия.

Исследование проводилось в московском колледже ГБПОУ «26 КАДР», в нем приняли участие три группы респондентов – студентов разных специальностей. Выборку составили 60 респондентов – 30 девушек и 30 юношей.

При изучении взаимосвязи агрессивного поведения подростков и чувства их субъективного благополучия были использованы следующие методики: тест агрессивности (опросник Л.Г. Почебут); «Шкала субъективного благополучия» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов); «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко). Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась при помощи критерия Спирмена. Представим результаты анализа ответов респондентов по каждому опроснику в отдельности.

По результатам теста агрессивности (Опросник Л.Г. Почебут) было выявлено, что у опрошиваемых респондентов преобладает средний уровень агрессивности и адаптивности – 68,3%, низкой агрессивностью и высокой адаптивностью обладают 21,7% респондентов и 10% имеют высокую степень агрессивности и низкие адаптационные возможности.

Обратим внимание на результаты «Шкалы субъективного благополучия». Благополучие по этой шкале определяется критериями добродетельной и правильной жизни, следованием системе ценностей, принятой в данной культуре и стандартами, которые подросток считает благополучной жизнью. В данной выборке преобладает средний уровень субъективного благополучия у 45% респондентов, высокий уровень наблюдается у 26,7% респондентов и низкий уровень у 28,3% подростков.

Следующей методикой, результаты которой мы рассмотрим, будет Опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко).

Высокие баллы показателя «Баланс аффекта», свидетельствующие о негативной самооценке подростка наблюдаются у 21,7% респондентов, средние показатели у 55%, низкие у 23,3%. Низкие и средние баллы говорят о положительной самооценке подростка и принятии себя.

Показатель «Осмысленность жизни» свидетельствует о наличии жизненных целей и убеждений. Высокий уровень этого показателя наблюдается у 48,4% респондентов, средний у 43,3%. Низкие значения этого показателя, которые трактуются как бессмысленность жизни и преобладание в ней скуки встречаются только у 8,3% подростков.

Показатель «Человек как открытая система» с высокими баллами отражает целостность, реалистичность личности и открытость новому опыту. Высокие баллы показали 68,4% респондентов, средние баллы у 28,3%; низкий уровень показателя, свидетельствующий о неспособности интегрировать новый опыт, только у 3,3% подростков.

Показатель «Психологическое благополучие» отражает социальное, эмоциональное и ценностное благополучие человека. Самый высокий уровень этого критерия наблюдается у 68,3% респондентов, средний у 26,7% и низкий у 5% подростков. Следовательно, в данной выборке преобладают подростки с высоким и средним уровнем психологического благополучия.

Для выявления взаимосвязи между агрессивным поведением подростков и чувством их субъективного благополучия был использован критерий Спирмена. Анализ показал, что существуют статистически значимые различия в уровне агрессивности подростков и чувства субъективного благополучия по критерию внутренней удовлетворенности. Влияние внутренней удовлетворенности подростка коррелирует с проявлением его агрессивности: чем выше показатель внутренней удовлетворенности, тем ниже показатель агрессивности.

Таким образом, с помощью статистического анализа, гипотеза, выдвинутая в данной работе, была доказана.

Перспективой исследования является расширение выборки, тогда существует вероятность появления наиболее высокой и часто встречающейся корреляции между агрессивным поведением и чувством субъективного благополучия.

Игровые технологии в профориентационной работе педагога-психолога с детьми с ограниченными возможностями здоровья

*Бавишенко В.О., Миновская О.В.
ФГБОУ ВО КГУ, Кострома, Россия
verba.o@mail.ru*

Профессиональное ориентирование учащихся с ограниченными возможностями здоровья затруднено в связи с бедностью жизненного опыта, неточностью понятий, представлений, незрелостью чувств,

интересов, неадекватностью самооценки. Мы предположили, что использование игровых средств будет способствовать принятию школьниками осознанного решения о выборе направления дальнейшего обучения и формированию готовности подростков к социально-профессиональному самоопределению.

Исследование проводилось на базе ГКОУ «Школа № 3 Костромской области для детей с ограниченными возможностями здоровья». Выборку составили 12 учащихся 9 класса в возрасте 15-16 лет с ограниченными возможностями здоровья (умственная отсталость легкой степени).

Был проведен анализ сложившейся практики профориентационной работы педагога-психолога в школе и изучение индивидуальных особенностей воспитанников с ОВЗ. На основании данных анализа была разработана рабочая программа и рабочая тетрадь для курса «Профориентационные пробы». Курс направлен на решение задач профориентации и коррекционной работы. Предполагалось достижение образовательных результатов в следующей логике: 1 этап – общая осведомленность школьника о профессиях, профессиональной деятельности в окружающем мире; 2 этап – ориентация в доступных для ребенка профессиях, востребованных в Костромском регионе, обучение по которым будет проходить в рамках социального партнерства школы с организациями; 3 этап – готовность к выбору неквалифицированного труда (грузчик, уборщик) либо дальнейшего обучения в вечерней школе для получения аттестата о среднем образовании.

Каждое занятие коррекционного курса «Профориентационные пробы» включало игры, игровые приемы, упражнения и этюды, способствующие развитию навыков классификации, анализа и синтеза, произвольности и саморегуляции, внимания, памяти, расширения запаса знаний об окружающем мире, коммуникативных навыков. Занятия в 9 классе предполагали 1 час в неделю, курс рассчитан на 34 часа (34 учебные недели).

Основная часть игр, используемых на занятиях, была специально разработана автором для курса с учетом психологических и физиологических особенностей учащихся с интеллектуальной недостаточностью:

1. Игра «Разложи по типу профессии. Классификация по Е.А. Климову» способствует развитию навыков классификации,

расширению представлений о различных сферах труда, доступных для получения профессий в Костромском регионе, различных профессиях в целом. Алгоритм игры: учащимся предлагается разложить карточки Домана с профессиями по следующим категориям: «Техника», «Человек», «Природа», «Знак», «Художественный образ» и обосновать свой выбор. В дальнейшем проводится контрольный срез.

2. Игра «Угадай профессию» способствует развитию навыков анализа и синтеза, расширение представлений о различных сферах труда, мире профессий. Алгоритм игры: в левой части – карточка с описанием профессии (текстовым), задача учащихся – подобрать к карточке с текстом карточку с изображением профессии и прикрепить ее на правую часть. Обосновать свой выбор.

3. Игра «Угадай профессию по результату» способствует развитию навыков синтеза и анализа, расширению представлений о различных сферах труда, мире профессий. Алгоритм игры: в левой части – картинки с изображением предмета или результата чьей – либо деятельности, задача учащегося найти карточку с названием профессии и прикрепить справа. Дополнительный вопрос: расскажи, чем занимается представитель этой профессии?

4. Игра «Плюсы и минусы профессий» направлена на развитие ассоциативного мышления, формирование адекватной профессиональной самооценки. Алгоритм игры: учащимся предлагается выбрать карточку с профессией, и прикрепить в центре; из представленного списка предлагается выбрать «плюсы» и «минусы» в этой профессии, обосновать выбор.

5. Игра «Угадай кто Я?» способствует развитию творческого мышления, связной речи. Алгоритм игры: участнику (не показывая и не называя) помещают на голову картинку с профессией. Участник задает вопросы, предполагая, какая профессия изображена на картинке (я очень устаю после работы? я работаю на свежем воздухе? и т.п.). Остальные участники могут отвечать на вопросы только фразами «Да» и «Нет».

6. Игра «Перевертыши» направлена на развитие произвольного внимания, творческого воображения. Алгоритм: на столе разложены карточки с картинками (пиктограммы профессий), участник переворачивает карточку с картинкой и читает слово (профессия) и находит соответствующую картинку. Игра продолжается до тех пор, пока картинки не будут полностью заменены на слова.

7. Трансформационная игра «Компас профессий» представляет все игры курса, оформленные на игровом поле. Участники, кидая кубик, попадают на определенный сектор, выполняют задание.

Формы диагностики результатов: промежуточное тестирование, итоговое тестирование, трансформационная игра «Компас профессий». Для оценки результатов были определены такие уровни: продвинутый уровень – представления обо всех типах профессий, умение дать развернутое описание профессии, иметь представление о своих способностях и профессионально-личностных качествах, осознавать свои мотивы выбора профессии и учебного заведения для дальнейшего обучения (сделать выбор); базовый уровень – представления обо всех типах профессий, умение подготовить краткое описание профессии, иметь представление о своих способностях и профессионально-личностных качествах, понимать свои мотивы выбора профессии и учебного заведения для дальнейшего обучения (2-3 возможных варианта для выбора).

Результаты диагностики показали, что 70% выборки достигли продвинутого уровня, 30% – овладели базовым уровнем. Таким образом, игровые приемы обеспечили решение профориентационных задач.

Ценностные установки старшеклассников и готовность к выбору профессии в современных социокультурных условиях

Багданян А.Г., Красилов Д.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, г. Москва, Россия

b.alice@mail.ru

В современных социокультурных условиях развития и самоопределения человека актуальность вопроса выбора профессии с каждым годом возрастает. Выбор будущей профессии является одним из главных решений в жизни старшеклассника. От этого выбора зависит положение личности в социуме, ее удовлетворенность жизнью, здоровье как физическое, так и душевное. В настоящее время вопрос выбора профессии учениками выпускных классов актуализировался в связи с непрерывной адаптацией к событиям мирового масштаба и неопределенности будущего. Проблема

готовности к выбору профессии становится актуальной, как никогда ранее.

В психологической науке различаются интерпретации понятия «готовность к выбору профессии». Как устойчивое состояние личности обучающегося, где в основе лежит сочетание определенных свойств, включая интересы и склонности, практический опыт и знание своих особенностей в связи с выбором профессии, – так трактуют одни ученые [2; 4]. Другие считают готовность внутренней убежденностью и осознанностью фактора выбора профессии, осведомленностью о мире труда и о том, какие физические и психологические требования профессия предъявляет к человеку [3; 4].

Профессия (от лат. *profession* – специальность, официально указанное занятие, от *profiteor* объявляю своим делом) – род трудовой деятельности, требующий определенных навыков, умений, подготовки являющийся источником существования. Иногда профессию определяют как единство способностей человек и его знаний, которые проявляются в деятельности предметной и духовной [1].

Обзор литературы показал существование различных подходов в определении понятия «ценности». М. Рокич рассматривает ценности как разновидность устойчивого убеждения, когда предпочтительнее одни цели и способ существования, чем иные. У Д.А. Леонтьева выделены несколько плоскостей ценностей, например, конкретные значимые для человека и/или удовлетворяющие его потребности предметы [5].

Ценность – это важность, также синоним смысла, значимости *для конкретного субъекта*. Значимость и полезность не врожденные и не природные свойства. Под влиянием внешних условий (социума, среды, культуры) общество задает критерии выбора и формирует единую систему ценностей, на нее человек ориентируется, являясь членом данного общества, или идентифицируя себя с обществом. Ценности формируются и под влиянием внутренних условий (свойств личности, потребностей, интересов). Основополагающими жизненными ценностями в гуманистической и экзистенциальной психологии считаются: любовь, свобода, мир, добро, дружба, вера, природа и жизнь в целом. Без них дальнейшее социокультурное развитие человека под вопросом.

В процессе своего становления личность усваивает традиции и установки общества, а также нормы морали и этики. Так формируются представления и понятия человека о самом ценном в жизни, к чему стремиться (терминальные ценности) и каким способом достичь усвоения ценностей (инструментальные ценности). Эффективными ценности становятся, когда полностью осмысливаются и сознательно используются людьми в тех обстоятельствах и объективных условиях, в которых они живут [3].

С помощью опросника В.Б. Успенского «Готовность к выбору профессии» было обнаружено, что в 9-х классах (40 человек) высоким уровнем готовности обладают 5 человек (13%), средним – 30 (74%), низким – 5 (13%). В 11-х классах (32 человека): низкий уровень готовности наблюдается у 4 человек (13%), средний – у 21 (65%), высокий – у 7 (22%). В 11-х классах обучающихся с высоким уровнем готовности больше, а с низким – меньше, чем в 9-х классах.

Результаты теста смысловых ориентаций Д.А. Леонтьева показали, что в 9-х и 11-х классах наибольший процент обучающихся находится на среднем уровне показателя «Результаты», и составляет 74% и 83% соответственно.

Анализ данных методики М. Рокича «Ценностные ориентации» показал, что в списке терминальных ценностей 1-6 места в 9-х классах занимают здоровье, материально обеспеченная жизнь, уверенность в себе, жизненная мудрость, развитие и интересная работа. В 11-х классах – здоровье, свобода, активная деятельная жизнь, материально обеспеченная жизнь, уверенность в себе и жизненная мудрость. В списке инструментальных ценностей 1-6 места в 9-х классах занимают воспитанность, независимость, аккуратность, образованность, смелость в отстаивании своего мнения, ответственность. В 11-х классах – воспитанность, рационализм, широта взглядов, образованность, ответственность, жизнерадостность.

В каждой профессиональной сфере формируется особая система ценностных предпочтений. Значимым устойчивым убеждением в жизни человека является ценность, она в некоторой степени оказывает влияние на профессиональные предпочтения и склонности человека. Таким образом, в подобном двунаправленном процессе развития ценностей у подростков постепенно формируется готовность к выбору профессии.

Литература

1. *Ангеловский А.А.* Анализ понятий профессия, профессиональное сознание, профессиональная деятельность, профессионализм // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010, т. 12. №5(2).
2. *Воронина Е.В.* Педагогическая поддержка формирования готовности к профессиональному самоопределению школьников // Концепт. 2013. №4.
3. *Кожухарь Г.С., Кочетков Н.В., Красило Д.А., Красило Т.А., Крушельницкая О.Б., Новгородцева А.П., Орлов В.А., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Сачкова М.Е., Хаймовская Н.А., Шнейдер Л.Б.* Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2021. 262 с.
4. *Красило Д.А.* «Реальное самоопределение» в контексте социальной ситуации развития в период вхождения во взрослость / Международный симпозиум «Л.С. Выготский и современное детство». Сборник тезисов. Ответственный редактор К.Н. Поливанова. М., 2017. С.40-42.
5. *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. №5. С.25-26.

Информационные технологии в управлении современной организацией

Баканов А.С.

*ИП РАН, Москва, Россия
arsb3151@gmail.com*

Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № 0138-2022-0010 «Регуляция профессионального взаимодействия в условиях организационных и технологических вызовов».

Современное состояние и перспективы развития организационной психологии неразрывно связаны с работами выдающихся российских и зарубежных ученых, в числе которых необходимо выделить работы Ф.У. Тейлора, А.В. Петровского, М.Ю. Кондратьева, А.Л. Журавлева,

А.Н. Занковского и ряда других. Развиваясь совместно с социальной и инженерной психологией, организационная психология наиболее близко связана с психологией труда. Актуальные проблемы инженерной психологии определяются влиянием современных вызовов и внедрением информационно-технических достижений во все сферы общества. Организационной психологии всегда были созвучны реальные задачи и насущные потребности организаций, которые в свою очередь неразрывно связаны с задачами и потребностями работника – субъекта трудовой деятельности. В фокусе внимания организационной психологии находятся проблемы организационной культуры, вопросы повышения жизнеспособности, конкурентоспособности и эффективности организации.

Жизнеспособность, эффективность и конкурентоспособность организации напрямую связаны с принятием управленческих решений в процессе организационной деятельности. В настоящее время в крупных организациях принятие управленческих решений представляет собой распределенный процесс [1; 2; 3], в этом процессе принимает участие значительное количество руководителей разного уровня, а также специалистов разных тематических направлений, консультантов, исполнителей. Все участники процесса принятия решения связаны между собой информационными потоками. В целях обработки и анализа информационных потоков используются корпоративные информационные системы, например, системы электронного документооборота организации, системы документационного обеспечения управления, которые выполняют функции информационной поддержки управленческой деятельности.

Процессы организационного управления в современных организациях предполагают обработку значительного количества информационных потоков, больших объемов информации, которые включают различного вида документы, а также аудио- и видеоинформацию, представленную в цифровом виде. В настоящее время корпоративные информационные системы предоставляют возможность реализовывать большое количество функций для реализации задач организационного управления. Однако с увеличением возможностей, предоставляемых корпоративными информационными системами для решения задач организационного управления, также увеличиваются и потребности пользователей информационных систем. В качестве примера таких потребностей

можно упомянуть функции предоставления удаленного взаимодействия, либо предоставление возможности подписывать документы юридически значимой цифровой подписью и т.д.

Потребности и запросы субъектов трудовой деятельности – пользователей информационных систем обуславливают процессы эволюции информационных систем в организационном управлении, способствуют развитию интеллектуальных функций информационных систем.

Информационные технологии, реализованные в современных корпоративных информационных системах, повышают эффективность управления в организации. В настоящее время корпоративные информационные системы предоставляют широкий набор функций и возможностей для управления распределенными организациями, для обеспечения процессов интеграции и повышения эффективности взаимодействия организационных структур внутри самой организации.

Каждая организация обладает особой индивидуальностью, эта индивидуальность обуславливается такими факторами, как организационная культура, особенности управленческой деятельности руководителя, стилем управления и т.д. Все эти факторы необходимо учитывать при организации процессов обработки информации, в структуре и маршрутах информационных потоков, в интерфейсах пользователя корпоративной информационной системы.

Психологические факторы, обуславливающие индивидуальность как руководителя, так и самой организации [4; 5; 6; 7], должны быть учтены при проектировании и разработке новых сервисов и функций корпоративных информационных систем. Проектирование не абстрактной информационной системы, а информационной системы конкретной организации с учетом ее индивидуальных особенностей является актуальным и востребованным направлением разработки информационных технологий. Разработка новых функций и сервисов информационных систем с учетом факторов, обуславливающих индивидуальность каждой организации, позволит повысить эффективность использования всей информационной системы в целом. Новые функции обработки информационных потоков, спроектированные и реализованные с учетом вышеперечисленных требований, позволят обеспечить эффективность управленческой деятельности в организации.

Таким образом, к актуальным направлениям развития информационных технологий в организационном управлении можно отнести не только цифровизацию деловых процессов и увеличение количества интеллектуальных функций в корпоративной информационной системе, но и учет психологических особенностей участников трудового коллектива [8; 9] для успешной реализации технологий, способствующих эффективному использованию информационных систем в управлении организацией.

Литература

1. *Алдашева А.А., Медведев В.И., Сарбанов У.К.* Психологические механизмы банковского менеджмента. М., 2002.
2. *Баканов А.С.* Актуальные задачи систем управления информационными ресурсами организации // Информационные ресурсы России. 2021. № 5. С. 25-32. DOI: 10.52815/0204-3653_2021_05183_25
3. *Баканова Н.Б.* Проблемы реализации электронного взаимодействия в распределенных системах документооборота // Электросвязь. 2013. № 10. С. 43–45.
4. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Отечественная социальная психология труда: некоторые тенденции развития // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 6. С. 18–29.
5. *Журавлев А.Л., Занковский А.Н.* Тенденции развития организационной психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 77–88.
6. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология в образовании. М., 2008.
7. *Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М.* Психология отношений межличностной значимости. М., 2006.
8. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
9. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Индивид и его потребность быть личностью // Вопросы философии. 1982. № 3.

Поддержка управленческой деятельности на основе информационных систем организационного управления

Баканова Н.Б.

ИПМ им. М.В. Келдыша РАН, Москва, Россия

nina@keldysh.ru

Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием № FFMN-2022-0005 «Теоретические и прикладные проблемы информационных технологий, реалистичной компьютерной графики, визуальной аналитики и обработки многомерных данных».

Современные теории организаций базируются в основном на системном подходе, рассматривающем организацию как некоторое единство различных процессов, направленных на успешное решение целевых задач организации [4 - 7].

Изначально основные принципы организационного управления сформулировал основоположник школы административного управления А. Файоль. Он показал универсальность подходов для изучения организаций разных типов: в экономике, армии, флоте, учебных заведениях, рассмотрел основные элементы организационных процессов на предприятиях [9].

П. Друкер внес новые направления в исследование деятельности организаций, сформировал общую теорию менеджмента, теорию глобального рынка и принципы эффективного управления, в том числе некоммерческими организациями [4].

За сравнительно короткий срок развития науки организационного управления проведены исследования законов развития, сформулированы особенности различных парадигм управления [4 - 7]. Как отмечает А.Л. Журавлев, «управление будет эффективным тогда, когда при реализации целевых задач будут учтены особенности деятельности, как субъекта, так и объекта управления» [5].

С появлением информационных технологий началось создание информационных систем организационного управления, основным назначением которых является поддержка реализованных в организации внутренних деловых процессов, накопление данных об этапах и результатах выполнения управленческих задач, об

информационных процессах, протекающих в организации, об участниках этих процессов. Посредством таких систем осуществляется взаимодействие субъектов трудовой деятельности в коллективе [5; 6; 7].

В настоящее время информационные системы организационного управления достаточно широко распространены и постоянно развиваются, учитывая новые направления информационных технологий (возможности удаленного взаимодействия, подключение нового оборудования), а также необходимость постоянного расширения функциональных возможностей [1; 2].

К системам, традиционно включаемым в вычислительный комплекс организационного управления, как правило, относятся:

- документооборот организации;
- учет финансовой деятельности;
- управление кадровыми службами;
- материально-техническое обеспечение;
- задачи планирования различного целевого направления и др.

В результате работы таких информационных систем создаются крупные программные комплексы, формируется множество баз данных, содержащих информацию о выполнении управленческих задач. Эти базы данных представляют собой мощный информационный ресурс организации, обеспечивающий формирование интегрированных хранилищ данных, что, в свою очередь, является основой для разработки сервисов поддержки принятия управленческих решений, базирующихся на новейших исследованиях в области искусственного интеллекта [1; 8].

В процессе научных исследований определяются характеристики информационных процессов крупных организационных структур, проводится анализ влияния целевых задач на парадигмы управления, реализацию деловых и информационных процессов в организациях различного типа.

Выявлено, что при разработке моделей информационной поддержки и реализации интерфейсов для лиц, принимающих решения, требуется учитывать процессы выработки управляющих воздействий, методы управления, а также рассматривать деятельность руководителя не только с точки зрения технических вопросов

обработки информации, но и с точки зрения психологических подходов к управлению [5].

Главным достоинством функций информационной поддержки, базирующихся на основе ресурсов информационных хранилищ организации, является оперативная, актуальная и достоверная информация, сформированная в организации или полученная из внешних источников, проверенных в прикладных системах организации [2; 3].

Рассмотренные вопросы реализации поддержки управленческой деятельности на основе ресурсов информационных систем организационного управления являются весьма актуальными и диктуются активным развитием социальных и экономических систем, повышением сложности задач управления организационными структурами, необходимостью оперативно решать актуальные задачи.

В целом проведение таких исследований и разработок направлено на решение задач многоцелевого использования данных, накопленных в процессе функционирования информационных систем организационного управления

Литература

1. *Баканова Н.Б.* Аспекты разработки сервисов поддержки управленческой деятельности на основе информационных ресурсов систем организационного управления. Часть 1 // Институт психологии Российской Академии Наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т.7. № 2. С.140-155.
2. *Баканова Н.Б.* Информационный подход к разработке систем поддержки управленческой деятельности / Вестник университета (Государственный университет управления). 2013. № 16. С. 193-200.
3. *Баканов А.С.* Аспекты интеграции систем электронного документооборота с системами поддержки принятия решений / М.; Научно-технический журнал «Электросвязь», 2015. № 1. С. 23-25, ISSN 0013-5771.
4. *Друкер П.Ф.* Управление в обществе будущего [Текст] / Питер Фердинанд Друкер. М.: Вильямс, 2007. 320 с.

5. Журавлев А.Л., Занковский А.Н. Тенденции развития организационной психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 77-88.
6. Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М. Психология отношений межличностной значимости. М., 2006.
7. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
8. Петровский А.В. Теория принятия решений. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 400 с.
9. Файоль А. Общее и промышленное управление [Текст] / А. Файоль. М.: Контроллинг, 1992. 111 с. (Библиотека журнала «Контроллинг». Серия «Классики менеджмента», вып. 3).

Социальное восприятие в пре-стимульном контексте

Балева М.В.

*ФГАОУ ВО ПГНИУ, Пермь, Россия
milenabaleva@yandex.ru*

Цель настоящего исследования заключалась в изучении эффектов пре-стимула экстремальной личностной валентности на восприятие объекта с амбивалентными и валентными (т.е. такими же экстремальными) личностными характеристиками [1].

Выдвигалась гипотеза о контрастном эффекте экстремального пре-стимула на отношение к амбивалентному (Исследование 1) и к валентному (Исследование 2) объекту: после восприятия экстремально «плохой» личности отношение к целевому объекту будет улучшаться, а после восприятия экстремально «хорошей» личности – ухудшаться [5; 7].

В Исследовании 1 выборку составили 608 студентов от 17 до 35 лет ($M = 20,17$, $SD = 1,53$), из них 173 мужчины (28%) и 435 женщин (72%). В исследовании 2 – 462 студента от 20 до 24 лет ($M = 20,38$; $SD = 0,87$), из них 101 юноша (22%) и 361 девушка (78%). В качестве стимульного и пре-стимульного воздействия использовались специально сконструированные видео-интервью с объектами мужского и женского пола, которые отвечали на вопросы «Короткого

опросника Темной триады» [3] как абсолютно «плохая», абсолютно «хорошая» и «амбивалентная» личность. Роли «хорошего», «плохого» и «амбивалентного» персонажей играли одни и те же исполнители – студенты, обучающиеся по направлению «Актерское искусство», юноша и девушка [8].

В Исследовании 1 интервью с «хорошей» и «плохой» личностью предъявлялись в качестве пре-стимула примерно в равных пропорциях участникам двух экспериментальных групп. Интервью с «амбивалентной» личностью предъявлялось в качестве целевого стимула. Участники контрольной группы не подвергались пре-стимульному воздействию, т.е. смотрели интервью только с «амбивалентной» личностью. В Исследовании 2 половина участников смотрели сначала интервью с «хорошей» личностью (контрольные условия для «хорошего» объекта), а затем – с «плохой» личностью (экспериментальные условия для «плохого» объекта). Другая половина выборки смотрела сначала интервью с «плохой» личностью (контрольные условия для «плохого» объекта), а затем – с «хорошей» личностью (экспериментальные условия для «хорошего» объекта). После просмотра каждого интервью давалась инструкция оценить его персонажа по Шкале общего отношения к объекту восприятия [4].

Изучив эффекты пре-стимульного воздействия на восприятие амбивалентного персонажа, мы обнаружили, что его оценка чувствительна к воздействию негативного прайминга. После предъявления объекта с экстремально «плохой» личностной валентностью оценки амбивалентного и экстремально «хорошего» персонажа сдвигаются в позитивную сторону. Другими словами, на фоне выраженных негативных черт и нейтральный, и позитивный объект начинают производить более благоприятное впечатление.

Наша гипотеза об эффекте контраста как вероятном исходе восприятия амбивалентной и валентной личности подтвердилась в отношении негативного, но не подтвердилась в отношении позитивного пре-стимула. На наш взгляд, этот факт можно проинтерпретировать с позиций теории управления ошибками М. Хаселтон и Д. Басса [6], которая объясняет явную асимметрию в оценках или решениях разной степенью тяжести последствий неверного выбора [2]. При этом остаются не совсем понятны причины половой специфики восприятия в условиях негативного пре-стимула.

Первоначальная интерпретация заключалась в том, что исключением из общей закономерности являются мужчины, у которых восприятие женщины устойчиво к контексту (мы усматривали за этим повышенную значимость целевого объекта с учетом возраста испытуемых). Однако во втором исследовании аналогичная резистентность к негативному пре-стимулу при восприятии женщины обнаружилась и в выборке мужчин, и в выборке женщин. Этот факт опровергает нашу первоначальную интерпретацию и позволяет предположить, что негативные образы противоположного пола одинаково значимы для женщин и мужчин (в качестве пре-стимулов). При этом женский негативный персонаж, видимо, запоминается обоими полами как более необычный или опасный.

В качестве главного ограничения проведенных исследований следует признать выборку, состоящую из студентов. Возможно, именно возрастом и статусом участников можно объяснить выявленную специфику межполового восприятия.

Литература

1. *Балева М.В.* Восприятие амбивалентного Другого в условиях контрастного пре-стимульного воздействия // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 26-38. DOI:10.17759/sps.2022130303
2. *Балева М.В., Ковалева Г.В.* Формирование отношения к амбивалентному Другому: какая информация принимается в расчет? // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 1. С. 32–41. DOI:10.31857/S020595920018767-9
3. *Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В.* Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. С. 1. DOI:10.54359/ps.v8i43.1052
4. *Щебетенко С.А., Балева М.В., Корниенко Д.С.* Стереотип и социальная угроза как факторы восприятия иммигрантов русскими // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2007. Т. 3. № 1. С. 57–69.
5. *Green L.J.S., Luck C.C., Gawronski B., Lipp O.V.* Contrast effects in backward evaluative conditioning: Exploring effects of affective

- relief/disappointment versus instructional information // *Emotion*. 2021. № 21(2). P. 350–359. DOI:10.1037/emo0000701
6. *Haselton M.G., Buss D.M.* Error management theory: A new perspective on biases in cross-sex mind reading. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. № 78(1). P. 81–91. DOI:10.1037/0022-3514.78.1.81
  7. *Schwarz N., Bless H.* Mental Construal Processes: The Inclusion/Exclusion Model // *Assimilation and contrast in social psychology* / D.A. Stapel, J. Suls (Eds.). Psychology Press, 2007. P. 119–141.
  8. *Todorov A., Uleman J. S.* Spontaneous trait inferences are bound to actors' faces: Evidence from a false recognition paradigm // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2022. № 83(5). P. 1051-1065. DOI:10.1037/0022-3514.83.5.1051

Инкультурация и аккультурация как механизмы социализации детей-мигрантов

Бардиер Г.Л.

*Невский институт языка и культуры,
Санкт-Петербург, Россия
galinabardier@yandex.ru*

Одним из наиболее важных и серьезных вызовов современности является увеличение миграционных потоков – как в всем мире, так и в России. Вопросы психологического исследования и сопровождения мигрантов становятся актуальными, и от их решения зависит и успешность социокультурной адаптации самих мигрантов, и толерантность по отношению к ним со стороны граждан принимающей страны.

Обобщая многочисленные исследования процессов адаптации мигрантов по прибытии ими в другую страну, можно выделить следующие типовые стратегии их аккультурации:

- приспособление к нормам новой культуры (ассимиляция),
- избегание принятия этих норм (автономизация),
- активное сопротивление принятию этих норм (конфронтация),

- согласование норм собственной и чужой культуры (интеграция).

Эти типовые стратегии у разных авторов по своей сути похожи, хотя терминологически различаются [1].

Так, Джон Берри выделяет стратегии ассимиляции, сепарации, интеграции и маргинализации [1; 4].

Классификация К. Додда этносоциологическая. Она предполагает выделение четырёх стратегий поведения в межэтническом взаимодействии. Эти стратегии обозначаются как четыре модели «F»: Fligt (избегание чужой культуры), Fight (этноцентризм), Filter (принятие новой культуры и отказ от прежней), Flex (проявление гибкости, гибкости, гибкости) [1; 7].

Майкл Уолцер в своей книге «О терпимости», обсуждая иммигрантские сообщества, в которых «все терпят всех», описывает фактически те же типологические стратегии [6].

При этом большинство авторов сходится в определении самого понятия аккультурации, понимая под ним процесс усвоения знаний и навыков, необходимых для жизни в чужой культуре.

В плане психологического сопровождения адаптации мигрантов и принятия ими норм новой для них культуры проведена большая работа. Проводятся ориентационные тренинги (нередко еще в стране исхода), составляются ориентированные на возможные недопонимания жизненных ситуаций культурные ассимиляторы, изучаются и подробно описаны механизмы протекания у мигрантов культурного шока.

В результате, в случае успешной аккультурации мигранты преодолевают культурные барьеры, осваивают новый язык и расширяют свой репертуар идентичности, формируя новую идентичность – идентичность носителя культурных норм новой страны.

Важно отметить, что при успешной адаптации речь идет именно о расширении репертуара идентичности, а не о замене сформированной с детства идентичности, соответствующей культурным нормам страны исхода.

То есть, у взрослых мигрантов сохраняются нормы родной культуры, сформированные в процессе инкультурации, и к ним

добавляются нормы новой культуры, принятые ими в результате аккультурации.

Мы на концептуальном уровне этот феномен параллельного сосуществования двух идентичностей называем «расщепленной идентичностью» [2].

Иная ситуация адаптации складывается у детей из семей мигрантов.

Их социализация на момент переезда в другую страну еще не завершена. Еще не завершен у них процесс инкультурации, то есть, освоения норм родной культуры. И на этот незавершенный процесс неизбежно накладывается аккультурация – необходимость освоения норм новой, чужой культуры. Причем, аккультурация у них проходит достаточно интенсивно, поскольку они начинают посещать образовательные учреждения, которые являются институтами социализации их сверстников – носителей норм новой для них культуры.

Как у детей-мигрантов протекают оба этих процесса? Пока в литературе сведений на этот счет не вполне достаточно, хотя программ социализации (адаптации) таких детей разработано немало. Но в них все внимание направлено на аккультурацию. А об инкультурации в этих программах найти что-либо практически невозможно. Типичным примером аннотации таких программ можно считать интервью с экспертом, размещенное на сайте КонтурШколы [9].

При этом не понятно, как у детей-мигрантов совмещаются незавершенная инкультурация и интенсивная аккультурация?

Можно ли говорить о тех же типовых стратегиях вхождения в новую культуру, которые характерны для взрослых?

Или начинать надо с понимания того, какие варианты дальнейшей социализации и социокультурной адаптации таких детей наиболее вероятны?

Нам представляется, что наиболее вероятными в данном случае оказываются крайние варианты: либо ассимиляция (нормы новой культуры осваиваются по механизму инкультурации), либо конфронтация (конфликт нормативной регуляции поведения в семье и вне семьи – в детском саду, школе).

Стратегия автономизации маловероятна, так как ребенок не может и не должен постоянно находиться только в кругу семьи (хотя в редких случаях и такое бывает). Стратегия интеграции ему еще не по силам, так как процесс инкультурации у него еще не завершен, то есть нормы родной культуры еще не вполне сформированы.

Стратегия ассимиляции чревата маргинализацией – не освоив в полной мере нормы родной культуры, ребенок вряд ли сможет в полной мере освоить и нормы чужой.

Конфронтация еще сложнее, поскольку она чревата психотравматизацией: ребенку трудно преодолеть нормативное противоречие. Например, специалисты, которые в школах Финляндии работают с детьми-мигрантами, приехавшими из стран с традиционной культурой (например, из Турции), отмечают, что усилия по адаптации девочек-школьниц к требованиям учебного заведения встречают активное сопротивление со стороны их семей, в которых воспитание нацелено преимущественно на подготовку девочки к будущей семейной жизни.

Таким образом, вопрос о направленности психологического сопровождения детей-мигрантов остается открытым. Новый язык дети осваивают довольно быстро. Нормы школьной жизни – медленнее, но, как правило, к шестому-седьмому классу – успешно. Но что происходит при этом с их социальной и этнической идентичностью? Носителями какой культуры они будут уже к окончанию школы? Насколько травматичными для них оказываются ситуации несовпадения норм внутрисемейного поведения родителей и норм их взаимодействия с одноклассниками?

Вероятно, ответы на эти вопросы – предмет еще предстоящих эмпирических исследований, актуальность и востребованность которых уже не оставляет никаких сомнений.

В качестве гипотезы можно предположить, что дети-мигранты будут формировать иную, отличную от взрослых, стратегию социокультурной адаптации.

Если сопоставить перечисленные выше типовые стратегии адаптации мигрантов, известные в культурологии, с известными в психологии стратегиями поведения человека в психологически напряженных (конфликтных) ситуациях, предложенных К. Томасом [8], то можно думать о пятой стратегии, которую Томас обозначает

как компромисс. По логике Томаса, эта стратегия предполагает в случае конфликта интересов партнеров по коммуникации обращение к формированию пространства сбалансированных взаимных уступок. Причем, важно отметить, что это не интеграция, в которой интересы обеих сторон сохраняются в полной мере, а именно уступки.

Можно далее предположить, что, если ребенок из семьи мигрантов, посещающий то или иное образовательное учреждение в России, будет адаптироваться по этой стратегии, то вариантов его дальнейшей социализации будет два.

Первый вариант можно рассматривать как позитивный – ребенок будет параллельно осваивать нормы и родной, и чужой культуры, формируя две параллельных идентичности. Этот механизм может быть аналогичен тому, как формируется лингвистическая идентичность у естественных билингвов. И этот вариант можно рассматривать как начало пути к интеграции двух культур, что очень перспективно в плане реализации идей мультикультурализма, диалога культур, миротворчества.

Второй вариант взаимоуступок при освоении параллельно норм двух культур не столь успешен. Возможной аналогией механизма формирования этнической и социальной идентичности такого ребенка будет то, что в лингвистической литературе называют спонтанным смешением языков – суржик, трясанка, пиджин [3; 5].

Как в этом случае будет выглядеть спонтанное смешение (или даже смещение) этно-идентичностей – это, как уже было подчеркнута выше, важный, актуальный и практически значимый пока еще открытый вопрос.

Литература

1. *Бардиер Г.Л.* Социокультурная адаптация мигрантов // Практика работы с семьями, имеющими в своем составе иностранных граждан: опыт учреждений социального обслуживания населения Санкт-Петербурга [Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник] // под ред. Ю.Ю. Ивашкиной, О.В. Костейчука, С.П. Павлова. СПб., 2014. Вып. 3, с. 36-45.

2. *Бардиер Г.Л.* Феномен расщепленной этно-конвенциональной идентичности у мигрантов больших городов (мегаполисов) // Экономическая психология: современные проблемы и пути развития. Материалы 12-й международной научно-практической конференции. Научн. ред. Карлик А.Е., Локшина Э.Х. СПб., 2012, с. 45-50.
3. *Беликов В.И.* Пиджины и креольские языки Океании. Социолингвистический очерк. М., 1998. 198 с.
4. *Берри Дж.* Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы. URL: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html (дата обращения 09.04.2023)
5. *Вахтин Н., Жиронкина О., Лисковец И., Романова Е.* Новые языки новых государств: явления на стыке близкородственных языков на постсоветском пространстве (о суржике и трасянке). <http://old.eu.spb.ru/ethno/projects/project3/list.htm> (дата обращения 09.04.2023)
6. *Уолцер М.* О терпимости / Пер. И. Мюрнберг. Общ. науч. ред. М.А. Абрамов. М., 2000. 159 с.
7. *Dodd C.* The dynamics of intercultural communication. N.Y., 1991, 390 с.
8. *Thomas K.W., Kilmann R.H.* The Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument. Mountain View, CA: CPP, Inc., 1974.
9. <https://school.kontur.ru/publications/2496> (дата обращения 09.04.2023).

Трудности психологической адаптации у российских женщин в межкультурных браках с гражданами ОАЭ

Баринова Н.Г.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nbgvae@gmail.com*

В результате расширения взаимодействия между людьми из разных стран романтические отношения и браки между культурно разными людьми становятся все более распространенными. Кросс-

культурные семьи стали неотъемлемой частью общества, и ОАЭ в этом вопросе является одним из самых показательных государств мира [2].

Межкультурные пары сталкиваются с уникальными проблемами адаптации к культурным различиям, возникающими из-за их особенностей в ценностных ориентациях, взглядах, языках и стилях общения. Тем не менее, число русско-арабских браков увеличивается с каждым годом. Это в свою очередь выявляет назревшую потребность психологической практики в изучении особенностей психологической адаптации россиянок в межкультурных браках с гражданами ОАЭ и недостаток подобных исследований.

Психологический аспект адаптации охватывает приспособление человека как личности к существованию в обществе в соответствии с требованиями и данного общества, и с собственными потребностями и интересами, и, таким образом, непосредственным образом касается способности человека функционировать в чужой среде и справляться со стрессом, фрустрацией и т. д.

Проведенный в нашей работе теоретический анализ выявил значительные культурные различия в традициях брачных и семейных отношений у представителей российского и эмиратского обществ. Учитывая то, что более широкий контекст для общения в русско-эмиратских браках обычно представляет собой культура супруга из ОАЭ, это требует большей степени адаптации от супруги из России.

В настоящей работе был выбран метод сбора качественных данных, известный как описательная (биографическая) феноменология, который ставит перед собой в виде цели – получение опыта участников из их собственных описаний [1, с. 57-59].

В ходе пилотажного полуструктурированного интервью с одной из респонденток мы учитывали важность социальных контекстов – контекста происхождения и контекста заселения интервьюируемой [3, с. 43-48]. Женщина отметила, что переезд из малого российского города со сложной экономической ситуацией, из незащищенной неполной семьи, которая жила в немусульманском окружении, в мультикультурное исламское государство благосостояния ОАЭ было значимым и психологически непростым событием, особенно учитывая ее юный возраст (на момент событий – 16 лет). В формировании мотивации к эмиграции (в данном случае – реактивной)

немаловажную роль сыграли «выталкивающие факторы»: настойчивые советы со стороны матери, сложное экономическое положение, трудности в реализации вероисповедания в родном городе и др. Респондентка отмечает высокие миграционные ожидания: «я шла к лучшей жизни», «я знала, что мой муж меня ни в чем не обделит», «замужем за уважаемым эмиратцем быть очень почетно». Культурная дистанция ощутилась сразу: отличие во внешнем облике с женщинами принимающей семьи, количество членов семьи, проживающих в одном доме, прохладное отношение супруга, общая необычная атмосфера и стиль общения в доме.

В ходе интервью были отмечены следующие факторы, имеющие место в процессе аккультурации: несовпадение ожиданий с реальным контактом со средой, недоброжелательное социальное отношение в рамках принимающей семьи, дискриминация по этническому признаку. Тем не менее, присутствовала и социальная поддержка – с пониманием и добротой относились к ней сестры мужа. Из основных копинг-стратегий женщина отмечает уединение и обращение к религиозной практике. Стратегию аккультурации можно определить как ассимиляцию: «я все принимала, со всем соглашалась», «около двух лет я вообще почти ни с кем не говорила на русском языке и начала полностью говорить на арабском...поэтому и с детьми своими не смогла уже говорить на русском».

Респондентка отмечает множество стрессоров в процессе адаптации: ревность со стороны дочерей мужа, нехватка общения с русскоговорящими, отсутствие ощущения «дома», эмоционально сложные отношения с мужем, страх при общении с членами принимающей семьи и др. Из благоприятных факторов, повлиявших на психологическую адаптацию, женщина отметила то, что она стала не только говорить, но и думать на местном языке, а также по мере взросления детей стала ощущать их поддержку и защиту. Рассуждая о своей идентичности, респондентка опирается в основном на внешний локус: «я мать пятерых местных детей», «мне приятно мнение людей, которые меня видят и думают, что я местная».

Важным фактором психологической адаптации в межкультурном союзе являются факторы удовлетворенности брачными отношениями. Интервьюируемая отметила, что зрелый образ супруга («от мужа я ждала «отцовской» любви»), его религиозная принадлежность,

социальный статус и материальное положение, жилищные условия, патриархальный уклад и гендерные роли в семейной жизни, наличие детей являются удовлетворяющими факторами брачного союза. Однако этически-эмоциональные, психофизиологические отношения супругов, поведение в конфликтных ситуациях, отношения с родителями/друзьями супруги оцениваются женщиной как неудовлетворительные.

Таким образом, анализ интервью показал, что значительная культурная дистанция между россиянкой и ее супругом с принимающей семьей из ОАЭ в условиях относительной изоляции от внешних контактов значительно затруднило психологическую адаптацию и отрицательно сказалась на ее психологическом благополучии и физическом здоровье. Удовлетворенность браком по некоторым показателям, тем не менее, позволила на протяжении 22 лет сохранять брачные отношения.

Литература

1. *Бусыгина Н.П.* Качественные и количественные методы исследований в психологии: учебник для вузов. М., 2020.
2. *Bristol-Rhys J.* Weddings, Marriage, and Money in the United Arab Emirates // *Anthropology of the Middle East*. 2007. Vol. 2(1). P. 20-36.
3. *Sam D. L., Berry J. W. (Eds.)* The Cambridge handbook of acculturation psychology. Cambridge University Press, 2006.

Влияние родительского отношения на восприятие временной перспективы в подростковом возрасте

Басанова Е.Е., Алейникова К.И.

ФГБОУ ВО ПГУ, Пятигорск, Россия

lenmit@yandex.ru, ksenia.mendes17@icloud.com

В подростковом возрасте переживания становятся глубже, появляются более стойкие чувства, эмоциональное отношение к ряду явлений жизни длительнее и устойчивее. Для многих этот возраст

представляет период, когда влияние эмоций на духовную жизнь становится наиболее очевидным [1]. В этот кризисный период определяются жизненные цели, идеалы, планы на будущее и взгляды на жизнь.

Ведущую роль в качестве детско-родительских отношений играют родители – их опыт, убеждения, установки ценностей во многом будут определять психологический и эмоциональный климат в семье. Какими будут эти отношения – полными грубости, крика, оскорблений, либо теплыми, наполненными любовью и поддержкой, – определит чувство психологической безопасности подростка и прогнозирование им своего будущего.

Действительно, самыми важными и самыми сложными в подростковом возрасте являются отношения с родителями. Эта особенность связана с желанием приобрести независимость в экономическом плане и многих других аспектах. Подростки хотят сами принимать решения и не зависеть от «разрешения» родителей. Помимо этого, они страдают от постоянных конфликтов с семьей, чаще с родителями, которые продолжают контролировать своих детей в выборе одежды, прически, друзей, порядке в комнате, частоте посещения школьных мероприятий, свиданий и многого другого. Но, несмотря на это, родители для юношей и девушек этой возрастной группы остаются теми людьми, к которым они предпочли бы обратиться в важные и тяжелые периоды. Больше всего старшеклассникам хотелось бы видеть в родителях друзей и советчиков. К сожалению, часто случается так, что это желание не соответствует действительности.

Именно родители закладывают в ребенка нормы, ценности, идеалы. Они также влияют на формирование самооценки, на восприятие индивидуального опыта и, конечно, именно с ними формируется фундаментальная привязанность, от которой зависит построение отношений с людьми в целом.

В данной статье под родительским отношением мы подразумеваем тип привязанности.

Основоположником теории привязанности является английский психиатр и психоаналитик Джон Боулби. Сегодня ни у кого не вызывает сомнений или возражений то, что дети остро нуждаются в безопасной и постоянной физической и эмоциональной близости

значимых людей. Игнорирование этой потребности может нанести им непоправимый вред [2; 3].

Мэри Эйнсворт определила три типа привязанности – надежный, тревожный и избегающий. По результатам проведенных экспериментов исследователь добавила четвертый тип привязанности – тревожно-избегающий.

В своих исследованиях С. Tounnissen и его коллеги выявили важную роль привязанности к родителям в личностном становлении юношей и девушек [5]. В исследовании J. Mattanh эмпирически доказана связь между надежным типом привязанности и успешной эмоционально-личностной адаптацией в различных сферах жизни [4].

Целью нашего исследования было выявление взаимосвязи между типом привязанности к родителям и восприятием временной перспективы в подростковом возрасте

В исследовании приняли участие ученики 9-х и 10-го классов МБОУ СОШ №22 в поселке Свободы (53 человека: 29 юношей и 24 девушки). Эмпирическое исследование проводилось с помощью опросника «Привязанность к близким людям» Н.В. Сабельниковой и Д.В. Каширского и методики «Временной перспективы» Ф. Зимбардо.

Первым подросткам предлагался опросник «Привязанность к близким людям», направленный на выявление типа привязанности респондентов. Согласно данному опроснику, выделяют четыре типа привязанности: надежный, тревожный, избегающий, тревожно-избегающий.

Согласно результатам исследования, большинство опрошенных подростков характеризуются тревожным типом привязанности (30%), т.е. они высоко оценивают партнера и не уверены в себе, а также избегающим (30%) типом привязанности, т.е. стремятся к автономности и не умеют выстраивать полноценные отношения. 28% респондентов характеризуются надежным типом привязанности, что говорит о том, что они умеют выстраивать безопасные и доверительные отношения. А 12% опрошенных подростков характеризуются тревожно-избегающим типом привязанности, т.е. не умеют выстраивать отношения с людьми, предпочитают, чтобы их боялись, а не любили.

Старшеклассники характеризуются четырьмя различными типами привязанности. Тип привязанности образован двумя шкалами

опросника «Привязанность к близким людям». Надежный тип привязанности зафиксировал низкие баллы по шкале избегания и шкале тревожности. Тревожно-избегающий тип привязанности – высокие баллы по шкале избегания и высокие баллы по шкале тревожности. Тревожный тип создают высокие оценки по шкале тревожности и низкие оценки по шкале избегания. И, наконец, избегающий тип привязанности диагностируется при высоких баллах по шкале избегания и низких баллах по шкале тревожности.

Для установления значимых статистических различий между четырьмя группами респондентов были найдены средние значения по двум шкалам у каждого типа привязанности.

Надежный и тревожный типы привязанности фиксируют низкие баллы по шкале избегания, избегающий и тревожно-избегающий – высокие. По шкале тревожности низкие баллы характерны для надежного и избегающего типа привязанности, а высокие баллы – для тревожного и тревожно-избегающего типа привязанности.

На следующем этапе проводилось сравнение результатов диагностики восприятия индивидуального опыта с помощью методики «Временная перспектива» Ф. Зимбардо у подростков с различными типами привязанности.

Оказалось, что между группами подростков с различным типом привязанности существуют значимые различия по всем пяти показателям методики «ZTRI».

Так, подростки с различным типом привязанности различаются по шкале «Негативное прошлое». Согласно методике, о благополучном восприятии негативного прошлого свидетельствуют баллы меньше 3. Так, наиболее благополучными можно назвать подростков с надежным, избегающим и тревожно-избегающим типом привязанности. Они характеризуются как люди, имеющие позитивный и оптимистичный взгляд на прошлое. Вероятнее всего, в прошлом, они не переживали травмирующих и слишком негативных событий. Наименее благополучными по шкале «Негативное прошлое» можно назвать подростков с тревожным типом привязанности. Они характеризуются как люди с низкой самооценкой, депрессивным состоянием и тревожностью. Межличностные отношения таких людей чаще всего неудовлетворительны.

По шкале «Гедонистическое настоящее» между подростками практически отсутствуют различия. Согласно методике, о благополучном уровне восприятия настоящего свидетельствуют баллы ниже 3,93. Так, подростки с надежным, тревожным, избегающим и тревожно-избегающим типом привязанности показали неблагополучный уровень восприятия настоящего. Их единственная цель – наслаждение. Они характеризуются как люди, не способные предвидеть и взвешивать будущие последствия, непоследовательные, плохо контролирующие эго, они не имеют ясных целей на будущее.

По шкале «Будущее» между подростками выявлены незначительные различия. Согласно методике, о благополучном уровне восприятия будущего свидетельствуют баллы больше 3,38. Наиболее благополучный уровень восприятия будущего показали подростки с надежным, тревожным и тревожно-избегающим типом привязанности. Это говорит о том, что данные респонденты ориентированы на будущее. Их поведение определяется мотивацией на достижение будущих целей и вознаграждений. Они всегда думают о последствиях. Наименее благополучный уровень восприятия будущего показали подростки с избегающим типом привязанности. Они не готовы принести в жертву сегодняшние удовольствия ради вознаграждения в будущем. У них нет планов и целей.

По шкале «Позитивное прошлое» между подростками практически не выявлены различия. Согласно методике, о благополучном уровне восприятия позитивного прошлого свидетельствуют баллы больше 3,22. Подростки с надежным, тревожным, избегающим и тревожно-избегающим типом привязанности показали благополучное восприятие своего прошлого. Они принимают его как опыт, способствующий развитию.

По шкале «Фаталистическое настоящее» между подростками практически не выявлены различия. Согласно методике, о благополучном уровне восприятия настоящего свидетельствуют баллы меньше 2,44. Так, подростки с надежным, тревожным, избегающим и тревожно-избегающим типом привязанности характеризуются как люди, демонстрирующие фаталистическое и беспомощное отношение к будущему и к жизни в целом.

Наиболее благополучные показатели у подростков с надежным и тревожно-избегающим типом привязанности. Данный факт требует

дополнительной проверки. Можно предположить, что подростки с тревожно-избегающим типом привязанности совладают с тревожностью в ходе деятельности.

Наиболее психоэмоционально неблагополучный – избегающий и тревожный тип привязанности. Особенности личности при этом – неудовлетворенность жизнью, убежденность в том, что человек – игрушка в руках судьбы, отсутствие планов и целей на будущее. От жизни такие люди ждут только наслаждения, у них низкая самооценка и подавленное состояние. Согласно теории привязанности, тревожный тип характеризуется высокой тревожностью и низким избеганием. Избегающий тип характеризуется низкой тревожностью и высоким избеганием. Вероятно, на сдерживание тревожности или избегания (в зависимости от типа) и уходят все силы представителей данных типов, восстановить которые невозможно в близком общении из-за стремления к автономности или страха близких отношений (в зависимости от типа).

Литература

1. *Авдеева Н.Н.* Теория привязанности: современные исследования и перспективы // Современная зарубежная психология, 2017. Том 6. № 2. С. 7-14.
2. *Басанова Е.Е.* Условия психологической безопасности подростка в семье // Социально-психологические проблемы современной семьи: сборник статей VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Под общей редакцией И.В. Ткаченко. Армавир. 2018. С. 42-46.
3. *Джонсон С.* Обними меня крепче. 7 диалогов для любви на всю жизнь / С. Джонсон; пер. с англ. Э. Каировой [науч. ред. И. Хамитова]. 5-е изд. М: Манн, Иванов и Фербер, 2022.
4. *Цуркин В.А., Разуваева Т.Н.* Когнитивный компонент образа физического я испытуемых с разными типами привязанности к матери // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 22. № 13 (184). С. 369-381.

5. *Thoennissen C., Wendt E.-V., Schmahl F. et al.* Adolescents' and young adults' individuation problems in relation to parents and partner: comparing findings from Germany, Italy, Spain and Sweden // Paper presented at the XII EARA Conference. Vilnius, Lithuania, 12–15th May, 2010.

Копинг-стратегии в профессиональной деятельности медицинского персонала красных зон

Башилова-Селезнева Е.В.
ФГАОУ ВолГУ, Волгоград, Россия
bashilova.ekaterina@mail.ru

Социально-психологические детерминанты поведения оказывают воздействие на личность и определяют уровень готовности медработников выполнять свои обязанности и компетенции в чрезвычайных условиях, к которым относятся, в числе прочих, пандемии. В условиях коронавирусной инфекции и постковидного этапа ее развития врачи, средний медперсонал приняли на себя основной «удар», работая в красных зонах. В неофициальном списке медработников, погибших во время пандемии КОВИД в России на начало 2023 года указаны 1523 человека, из стран бывших республик СССР – 220 сотрудников [2].

Работа в неблагоприятной санитарно-эпидемиологической ситуации обусловила необходимость использования медиками эффективного копинга для преодоления различных деструктивных явлений, связанных с повышенной напряженностью, стрессами, преодолением усталости, профессионального выгорания [1]. Применению адаптивных копинг-стратегий медработниками красных зон способствуют следующие факторы: максимальная полная информированность о передаче, диагностике, профилактике, лечении и мерах контроля заболевания; финансовая поддержка со стороны государственных систем здравоохранения; возможность оказания бесплатной психологической помощи; предоставление временного жилья для врачей, где они находятся после работы, связанной с

риском заражения, чтобы свести к минимуму цепочку передачи инфекции, уменьшить негативное влияние на своих родных.

Рассматривая механизм выживания медработников в условиях пандемии, мы приходим к выводу о том, что отсутствие эффективных систем регуляции психического здоровья и психосоциальной поддержки увеличивает риск психологического стресса и прогрессирования психопатологии у врачей и среднего медперсонала. Ряд авторов указывает на три составляющих механизма преодоления трудностей медперсоналом, работающих в красных зонах [3]: 1) социальная поддержка со стороны коллег, руководителей, пациентов, друзей и семьи; гибкий график работы; участие в виртуальных группах для обсуждения проблем; 2) личные практики, среди которых регулирование воздействия новостей, связанных с COVID-19; наличие хобби, увлечений; позитивное мышление; правильное питание, физические упражнения, режим, прием витаминов; сосредоточение на альтруизме и преданности своему труду; 3) меры по минимизации риска заражения коронавирусом на основе использования средств индивидуальной защиты; непрерывное образование и повышение своей квалификации (ее подтверждение); участие в процедурах инфекционного контроля; избегание большого скопления людей; ограничения, связанные с путешествиями.

Врачи используют различных копинг-стратегии, среди которых выделены: рационализм (медики поняли сложившуюся ситуацию, рационализировали ее и включили пандемии в свои жизненные решения); коммуникатизм (четкая и своевременная информация/коммуникация помогает врачам выполнять свои обязанности); стандартизм (неуклонное соблюдение стандартов и протоколов лечения коронавирусных больных); самомотивизм на основе медицинской этики и профессионального долга; религиозность (особенно характерная для мусульманских стран) [5]. Результаты исследований бельгийских ученых [4] показали, что, в то время как врачи чаще использовали «планирование» в качестве стратегии выживания, медсестры и фельдшеры – «поведенческое отстранение» и «самоотвлечение». Специалистами был сделан вывод относительно того, что использование стратегий избегания медработников красных зон вызвано их чрезмерной вовлеченностью в трудовую деятельность. Связь между стрессом и психологическим благополучием медиков

опосредована дисфункциональным совладанием. Уменьшению симптомов дистресса и соматизации способствовали следующие виды деятельности: чтение, интеллектуальные игры, коллекционирование, иные хобби, учеба; регулярный секс; выполнение домашних дел; прогулка вместе с кем-либо; совместное времяпровождение с друзьями в кругу семьи и т.п.

Постоянный поиск баланса между рабочими требованиями и собственным физическим и психологическим здоровьем во время вирусной эпидемии COVID-19 поставил перед медицинским и сестринским персоналом сложные задачи по преодолению острых стрессовых реакций и психосоматических симптомов. Адаптивные копинг-стратегии выступают буфером для стресса, связанного с работой, в отношении психического благополучия медперсонала красных зон.

Литература

1. *Башилова-Селезнева Е.В.* Психологическое сопровождение медицинских работников в период пандемии COVID-19 // Человеческий капитал. 2023, №3(171). С. 79-88. DOI: 10.25629/НС.2023.03.07
2. Список памяти. URL: <https://sites.google.com/view/covid-memory/home>
3. *Dullius W.R., Scortegagna S.A., McCleary L.* Coping strategies in health professionals facing Covid-19: s systematic review// *Psicol. teor. prat.* vol.23 no.1 São Paulo jan./abr. 2021. URL: <http://dx.doi.org/10.5935/1980-6906/ePTPC1913976>
4. *Franck E., Haegdorens F., Goossens E., van Gils Y., Portzky M., Somville F., Abuawad M., Sloomans S. and Van Bogaert P.* (2021) The Role of Coping Behavior in Distress and Somatization of Health Worker for COVID-19. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.684618/full>
5. *Gul A., Farooque A., Naveed A., Sehrish S., Mansoor A.K.* COVID-19 stress and wellbeing: A phenomenological qualitative study of Pakistani Medical Doctors *Front. Psychol.*, 12 October 2022 Sec. Organizational Psychology. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.92019>

Роль семьи в формировании копинг-стратегий поведения подростка в травмоопасных ситуациях

Безродный В.И.

*ДонНУ, Донецк, Россия
0504721736aa@gmail.com*

Исследование копинг-стратегий поведения подростков в ситуациях неопределенности и опасности имеет большое теоретическое и практическое значение [3; 4]. Определение типичных механизмов поведения в этих условиях, понимание соотношения личностных и ситуативных детерминант поможет разработать практические рекомендации, которые будут способствовать снижению травматизма среди подростков. Целью наших исследований было установление взаимосвязи между вероятностью травмирования детей подросткового возраста и копинг-стратегиями поведения. Исследованиями были охвачены 248 подростков в возрасте 11-13 лет школ Донецка и Донецкой Народной Республики. Одной из важных задач было формирование экспериментальной и контрольной групп. В экспериментальную входили подростки с повышенной вероятностью травмирования. Отбор происходил на основе специально разработанных анкет, которые предлагались родителям, учителям, одноклассникам. Контрольная группа охватывала детей, которые очень редко травмировались. Естественно, трудно найти подростка, который никогда не получал легких травм (разбитые колени, локти, порезы и др.). Для исключения влияния гендерной составляющей в экспериментальную и контрольную группу входили только мальчики. Из методов исследования использовались анкетирование, психологическое тестирование, социометрия.

Результаты исследований свидетельствуют, что подростки, которые склонны к частому травмированию, по сравнению с редко травмируемыми, характеризуются гипертимным, возбудимым и демонстративным типами акцентуаций, реакциями экстрапунитивной направленности. Они более подвижны, склонны к рискованному поведению, по оценкам родителей, и имеют более высокие показатели по тесту RSK г. Шуберта, который оценивает склонность к риску в условиях физической опасности; в то же время они менее

дисциплинированы, внимательны, осторожны, уравновешенны ($p < 0,05-0,001$).

Сопоставляя данные межгрупповых сравнительных исследований, следует отметить, что родители детей экспериментальной группы часто нарушают правила безопасности не только сами, но и вместе со своими детьми, и делают они это чаще, чем родители детей контрольной группы ($p < 0,05$). Недооценка опасности родителями детей, которые часто травмируются, приводит к тому, что отцы и матери детей экспериментальной группы чаще травмируются на работе и в быту. Корреляционный анализ свидетельствует о наличии положительной связи между частотой несчастных случаев, происходящих с ребенком, и аналогичным показателем у отца на работе ($r = 0,46$; $p < 0,01$), в быту ($r = 0,41$; $p < 0,01$), а также у матери на работе ($r = 0,38$; $p < 0,05$). Подобная взаимосвязь может свидетельствовать о бессознательной передаче специфических установок на безопасное поведение от родителей к детям, особенно от отца к сыну. Следует отметить положительную корреляционную связь между частотой несчастных случаев на работе и в детстве у родителей детей экспериментальной группы ($r = 0,49$; $p < 0,01$).

Можно предположить, что, усвоив специфические установки на безопасное поведение и выработав соответствующие копинг-стратегии поведения, мальчики из экспериментальной группы и в будущем будут чаще травмироваться на работе, по сравнению с детьми из контрольной группы. Влияние семьи на формирование специфических копинг-стратегий поведения подростка в опасных ситуациях сложное, многогранное и еще недостаточно изученное. Так, в семьях подростков, которые часто травмируются, родители чаще наказывают своих детей ($p < 0,05$), что в сочетании с повышенной экстраверсией подростка ($p < 0,001$) может способствовать развитию негативизма, попытке поступать вопреки воле родителей, особенно когда это касается наказаний за нарушение правил безопасного поведения. Один из возможных механизмов, который объясняет специфическую копинг-стратегию травмоопасного поведения детей в подобных семьях, может заключаться в неосознанном стремлении ребенка обрести облегчение в травмировании, которое представляет собой звено длительного динамического процесса [2]. На основании результатов исследования можно сделать следующие выводы.

1. Подростки, которые часто травмируются, используют в ситуациях неопределенности и опасности специфические копинг-стратегии поведения.

2. Эти дети склонны к импульсивным действиям, характеризуются низкой степенью осознанности, что в ситуации опасности приводит к несчастным случаям. Подобное свойство в сочетании с пониженной критичностью может существенно повышать вероятность получения травм.

3. Значительное влияние на формирование копинг-стратегий поведения подростка в травмоопасных ситуациях имеют специфические установки семьи на опасность.

4. Для характеристики копинг-стратегий поведения можно использовать показатель психологической готовности к безопасному поведению (ПГБП), а также методику его измерения [1].

Литература

1. *Безродный В.И.* К проблеме измерения уровня психологической готовности к безопасному поведению. Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). Том 5: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. С. 240-42.
2. *Дементий Л.И.* К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии. 2004. №3. С. 20-25.
3. *Иванова О.И.* Особенности копинг-стратегий старших подростков из неполных семей // Психология и право. 2020. Т.10. № 1. С. 103-115.
4. *Чернобровкина С.В.* Психология развития и возрастная психология [Электронный ресурс]: учебно-методическое пособие. Саратов: Вузовское образование, 2018. 88 с. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/74285.html>.

Динамика массового визуального контента в цифровую эпоху

Белинская Е.П.

*ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия
elena_belinskaya@list.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, в рамках проекта «Предикторы психологической адаптации личности в ситуации глобальных рисков цифрового мира: межпоколенный и гендерный анализ».

Общая характеристика современного мира все чаще опирается на категоризацию его как цифрового. Нарастающая цифровизация повседневности, рассмотренная как в социальном, так и в персональном аспекте, неотделима от возрастающей роли в ней визуального содержания, провоцируя, в свою очередь, поступательное развитие «визуального поворота» в науке и культуре. Будучи наиболее емкой формой «упаковки» любого контента, массово тиражируемый образ в любых его вариантах – статичном (фотография) и/или динамичном (кино, видео), – сегодня однозначно доминирует над словом, определяя новые формы и нормы социальных взаимодействий и приводя к медиатизации общественного сознания. Иными словами, современные ускорение и глобализация коммуникации, опираясь преимущественно на обмен образами, задают постоянное возрастание роли визуальной информации в социальном пространстве.

Подобная онтологическая динамика неминуемо расширяет гносеологические рамки анализа для социо-гуманитарного знания в целом и для социальной психологии в частности. Так, можно поставить целый ряд вопросов, которые еще далеки от своего решения. Как меняются процессы и механизмы социального познания в условиях постоянного конструирования образов? Каким образом такое «инаковое» познание влияет на социальное конструирование реальности? Насколько человек сохраняет способность к категоризации и тем самым свою субъектность в условиях визуализации повседневности? Ведь, по меткому замечанию Ж. Бодрийяра, образ останавливает мысль, и тем самым противостоит прерогативе смысла [4]. Иными словами, сегодня речь идет не только

и не столько о возможностях визуальных методов как способов исследования в социальных науках, сколько о том, что медиатизация реальности, будучи основным трендом социальной динамики, расширяет само предметное поле наук об обществе и человеке. Последнее происходит в силу, как минимум, трех процессов: 1) введения в научный аппарат новых категорий, связанных с медиатизацией; 2) попыток соотнесения научных понятий и «образов повседневности»; 3) изменения проблемного поля исследований в силу снятия традиционной дихотомии индивидуального и социального. Закономерности подобного предметного «расширения» можно проследить, в частности, на примере фотографии как определенного вида социальной практики.

В момент своего возникновения фотографический визуальный контент в основном служил своеобразной инвентаризации реальности: создаваемые образы были для массового потребителя новым источником знания о природном и социальном мире (неслучайно внимание фотографов того времени к фиксации экзотических для западного зрителя ландшафтов и особенностей образа жизни их обитателей). Довольно быстро и вполне закономерно к этому добавилась задача оказать влияние на Spectator'a, преимущественно через воздействие на его аффективную сферу, что, однако, не всегда достигало цели, – ведь практически любое изображение может стать пространством проекции бесконечного количества индивидуальных смыслов. Но следование определенным правилам создания изображения, умноженное на право массового зрителя испытывать довольно упрощенные эмоциональные реакции [1], привело в итоге не только к возможностям социального влияния посредством фото-образа, но и к экспликации через него социальных переживаний. Собственно, с этого времени фотография перестает быть только документом, все более превращаясь в «решающий момент» [2], кульминацию представляемого зрителю нарратива, где многое происходило до или же произойдет после. И тем самым уникальность фиксируемого факта заменяется на уникальность сопровождающего его переживания, а представление образа Другого-для-меня в силу возможности идентификации с героем истории, стоящей за «решающим моментом», все более превращается в явление меня-в-качестве-Другого.

Подобное насыщение визуальной информации бесконечно тиражируемыми «историями» позволило решить еще одну задачу, а именно – медиатизировать саму реальность. Последняя, однако, становилась все более изменчивой и «текучей», а потому требовала какой-то визуальной стабилизации. Это было реализовано через внимание фотографии уже не к моменту, а к фрагменту (вернее – множественным фрагментам) реальности, когда постепенно в фото-образе стал исчезать и герой, и событие (а тем самым – и сама история), заменяясь неким «клипом», мозаикой осколков реальности, связанных друг с другом лишь ассоциативно. Доминирование в массовом сознании идеи уникальности субъективного видения в сочетании с неограниченными сегодня техническими возможностями позволяет каждому автору изображения объективировать через него свой образ социального мира для всех желающих. И думается, что именно подобная глубинная медиатизация повседневности [3] порождает новые социально-психологические реалии, среди которых можно выделить, как минимум, три вектора: 1) стирание граней между важным и неважным жизненным событием – когда запечатленная в образах повседневность уже перестает иметь «выпуклые» жизненные вехи; 2) своеобразную динамику социального влияния – когда референтность действия заменяется количеством ссылок и «лайков»; 3) исчезновение вопроса о том, что считать достойным/не достойным фиксации в образе – эстетическое в такой повседневности оказывается все более относительным.

Литература

1. *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии. Мю: Ad Marginem Press, 2011.
2. *Картье-Брессон А.* Воображаемая реальность. СПб.: Лимбус Пресс, 2017.
3. *Хорошилов Д.А.* Оцифрованный разум: медиатизация социального познания в культуре, науке и искусстве // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 4. С. 9-22.

4. *Baudrillard J. La photographie ou l'écriture de la Lumiere: litteralite de l'image // Baudrillard J. L'Echange impossible. Paris: Galilee, 1999. P.175-184.*

Типы копинг-стратегий в романтических отношениях при разных жизненных стратегиях у молодежи

Белоглазов И.Д., Шомникова И.В.

*ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия
i.d.beloglazov@gmail.com, shomnikova.irina@yandex.ru*

В предыдущих исследованиях были выявлены значимые различия между молодежью, которая живет в регионах, в Москве и теми, кто переехал в столицу [4]. Люди, которые переехали из региона в Москву, ощущают себя уязвимыми, так как они самостоятельно конструируют свой жизненный путь без опоры на опыт близкого социального окружения. Поэтому сейчас для них первостепенная задача – добиться финансовой стабильности и независимости. Жители регионов выбирают и следуют готовым «шаблонным» общепринятым в социуме жизненным планам. Москвичам же важно найти собственное признание в конкретной профессиональной нише, при этом для них финансовое состояние не является приоритетным при конструировании жизненного пути. На основе предыдущих исследований можно предположить, что эти три группы молодежи будут иметь разные взаимодействие личной и профессиональной сфер жизни. Также остается открытым вопрос: как молодые люди при разных жизненных стратегиях будут решать стрессовые ситуации со своими партнерами. Поиски ответов на эти вопросы и является целью нашего исследования.

В исследовании приняли участие 18 человек, по 6 человек в каждой группе: москвичи, жители регионов, переехавшие в Москву. Исследование состояло из 2 этапов. На первом этапе было проведено полуструктурированное интервью с целью уточнения актуального статуса романтических отношений, сферы профессиональной деятельности, условий проживания (совместно с партнером или раздельно). Также респонденты заполняли опросник: «Экспресс-

опросник копинга Brief COPE Ч. Карвера» [2], «Когнитивная оценка стрессовой ситуации» [3], «Опросник диадического копинга Г. Боденманна» [1]. Задачей этого этапа было выявление основных стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями, в том числе в контексте романтических отношений.

На втором этапе исследования с респондентами была проведена методика «линия жизни»: респонденты располагали на линии важные, по их мнению, жизненные события, которые были в прошлом, и те, о которых они думают, что произойдут в будущем. Основная задача этапа – выявить взаимодействия профессиональной и личной сфер жизни.

Основные результаты исследования. У жителей регионов отсутствуют представления о развитии профессиональной сферы. Они заканчиваются на получении специальности и выходе на работу. У москвичей же эта линия развития имеет «финал» в получении признания в профессиональном сообществе и становлении себя как специалиста. У тех, кто переехал, эта сфера носит более материальный характер: получение высокого уровня заработка. С этим связан и разный тип взаимодействия между профессиональной и семейной сферой жизни. У тех, кто переехал, последняя подчинена первой. Респонденты объясняли это тем, что сначала нужно достичь финансовой стабильности и только потом думать о браке. У москвичей эти сферы взаимодействуют друг с другом. События каждой из них чередуются на линиях. Они стремятся к гармонии, чтобы в их жизни была развита как профессиональная, так и семейная сфера жизни. У жителей регионов на линии жизни в будущем присутствует только семейная. Для них характерен уход профессиональной части жизни на задний план. При этом обе сферы существуют параллельно и подчиняются социальным нормам. То есть планируемое время для рождения детей и начало карьеры задаются, исходя из социальных норм.

Значимые отличия в оценке ситуации нахождения в романтических отношениях у респондентов, состоящих и не состоящих в романтических отношениях, не выявлены. Молодежь, которая переехала из регионов, романтические отношения оцениваются как новая, неизвестная, неопределенная территория, в которой также нужно разбираться и вкладывать ресурсы. Для них характерно

использование более широкого спектра диадических копингов, а также использование по отношению к своим партнерам амбивалентных и негативных копинг-стратегий в сравнении с москвичами и жителями регионов. Для москвичей и жителей регионов ситуация состояния в романтических отношениях скорее оценивается как малозначительная, при этом москвичи рассматривают эту ситуацию как способствующую развитию. Это может быть объяснено тем, что москвичи, стремящиеся к «гармонии» во всех сферах жизни, стараются поддерживать и развивать отношения, даже если они находятся на трудном этапе. Те, кто переехал, ставя личную сферу на задний план, не готовы вкладываться в отношения и конструктивно разрешать трудные ситуации в своих романтических отношениях, так как всех их силы направлены на обретение стабильности в профессиональной сфере. Так как, по их мнению, достижение финансового и профессионального – гарант удачного создания и личной жизни в будущем.

Таким образом, можно утверждать, что создание собственного жизненного пути в ситуации неизвестности позитивно влияет как на профессиональную, так и на личную сферу жизни. Респонденты, которые переехали в Москву, были вынуждены решать большое число трудных жизненных ситуаций. В настоящий момент для них характерна большая вариативность копинг-стратегий, что при достижении стабильности в будущем поможет им выстраивать романтические отношения.

Литература

1. *Екимчик О., Крюкова Т.* Диадический копинг в российских парах: исследование психометрических качеств Опросника диадического совладания Г. Боденманна // Психологические исследования. 2017. Т. 10. №. 55.
2. *Крюкова Т.Л.* Когнитивная психология совладания с одиночеством // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2013. Т. 19. №. 2. С. 93-97.
3. *Маленова А.Ю., Маленов А.А.* Копинг-ресурсы личности в ситуациях оценивания (на примере экзаменационной

аттестации) // Общество. Коммуникация. Образование. 2011. Т. 4. №. 136. С. 150-159.

4. Федотова С.В., Белоглазов И.Д. Конструирование жизненного пути молодежью, проживающих в Москве и регионах // Психология сегодня: актуальные исследования и перспективы. Том 1. Екатеринбург, 2022. С. 844-847.

Проблема управления взаимодействием младших школьников в учреждениях образования

Беспанская-Павленко Е.Д.

*ФФСН БГУ, Минск, Республика Беларусь
bespanskaya@yandex.ru*

Проблема организации и управления взаимодействием школьников в рамках современных учреждений образования всегда была актуальной, но в последнее время она становится более выраженной и очевидной, особенно для педагогов, которые все чаще обращаются в психологическую службу с подобным запросом.

Составной частью взаимодействия, как известно, являются межличностные отношения. Изучению вопроса межличностных отношений в психологии посвящали достаточно много внимания и изучали различные его аспекты такие выдающиеся ученые, как В.Н. Мясищев, Е.П. Ильин, А.В. Петровский [2; 5; 6], исследованием особенностей межличностных отношений в детском возрасте занимались такие психологи, как Л.И. Божович, М.И. Лисина, Е.О. Смирнова и другие [1; 3; 7].

Несомненно, младший школьный возраст является очень важным для формирования коммуникативной компетентности личности. Именно в рамках общения в классном коллективе и установления отношений с учителями приобретаются необходимые навыки и умения, которые ребенок сможет в дальнейшем использовать в жизни для реализации межличностного взаимодействия с окружающими его людьми. Поэтому одной из важных задач для педагогов является формирование навыков эффективной коммуникации у школьников. Однако в последнее время они сталкиваются с рядом проблем,

обусловленных, прежде всего, особенностями современной социокультурной среды.

Исследования недавних лет в области межличностных отношений в детском возрасте свидетельствуют о несформированности у младших школьников коммуникативных навыков и умений, необходимых для реализации межличностного взаимодействия, прежде всего, со сверстниками. Д.И. Фельдштейн указывает на недостаточную социальную компетентность детей данного возрастного периода, их беспомощность в отношениях со сверстниками, неумение разрешать простейшие конфликтные ситуации. В своих работах он проводит анализ тенденций и специфики развития детства в сложившейся исторической социокультурной ситуации, акцентирует внимание на роли взрослых, как родителей, так и педагогов, в развитии детей [8].

Специалисты, работающие с современными детьми, все чаще указывают на снижение качества коммуникаций между школьниками, на затруднения в установлении и поддержании контактов друг с другом, на то, что общение детей все чаще становится обусловленным различного рода гаджетами и все реже происходит непосредственно в оффлайн режиме. Учителям становится сложнее управлять поведением детей на уроках и тем более на переменах. Им недостает современных методических инструментов, которые помогли бы им на практике организовать эффективное взаимодействие детей в изменившейся социокультурной ситуации.

Образовательный процесс в условиях меняющегося мира, усложнение школьных программ, увеличение объема информации, которую необходимо усвоить влияет на увеличение нагрузки на детский организм и требует большого умственного и нервно-психического напряжения. Потребность в снятии напряжения, испытываемого часто младшими школьниками на уроках, проявляется в повышенной двигательной активности детей на переменах. Попытки взрослых ограничить излишнюю, на их взгляд, и неуместную в рамках образовательного учреждения подвижность детей, желание установить запрет на избыточную активность детей может приводить к накоплению напряжения. Учитывая, что в младшем школьном возрасте потребность в повышенной физической активности является естественной, это может приводить к переутомлению и истощению

функциональных возможностей организма учащихся. Поэтому правильная организация активности и взаимодействия детей в перерывах между уроками может снизить уровень перегрузки на организм и повысить продуктивность интеллектуальной деятельности на уроках. Для этого можно использовать, например, игры с активным физическим компонентом, которые помогут удовлетворить потребность младших школьников в двигательной активности, снять физическое и психоэмоциональное напряжение. И кроме того, это будет способствовать формированию навыков общения и повышению уровня коммуникативной компетентности учащихся.

Безусловно, обнаружение, констатация проблемы – это первый шаг на пути к ее решению, однако важно не останавливаться на этом пути и делать следующий шаг – разрабатывать основы психолого-педагогического сопровождения процесса воспитания личностных особенностей современного подрастающего поколения, при обязательном учете изменившейся, а точнее будет сказать, постоянно и очень быстро меняющейся социокультурной среды [4].

Таким образом, можно сказать, что разработка методических рекомендаций по организации и управлению взаимодействием младших школьников в учреждениях образования, реализации развивающих программ и мероприятий, основанных на научных исследованиях в данной области, является актуальным направлением в теории и практике социально-психологического знания.

Литература

1. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб., 2009.
2. *Ильин Е.П.* Психология общения и межличностных отношений. СПб., 2009.
3. *Лисина М.И.* Формирование личности ребенка в общении. СПб., 2009.
4. *Лукьяненко Е.С., Линецкая О.А.* Проблема межличностных отношений младших школьников со сверстниками // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 5 (14). С. 135-137.
5. *Мясищев В.Н.* Психология отношений. М., 2011.

6. *Петровский А.В.* Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды. М., 1984.
7. *Смирнова Е.О.* Особенности общения с дошкольниками: Учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. М., 2000.
8. *Фельдштейн Д.И.* Психология взаимодействия Взрослого мира и Мира Детства. М., 2006.

Устойчивая мобильность: на стыке гуманизма и технократии

Беженцев И.Д., Лобанова Ю.И.
ФГБОУ ВО «СПбГАСУ», Санкт-Петербург, Россия
ivanbehnsnetsev@yandex.ru, gretta25@list.ru

За развитие городского транспорта в первую очередь отвечают технические специалисты. Их приоритеты лежат в сфере логистики и заключаются в повышении скорости движения транспортных потоков и сокращении времени в пути с опорой на развитие общественного транспорта и сокращение личного. Но пользователями транспорта являются люди, жители городов, имеющие собственные предпочтения и потребности в сфере транспорта [1; 3; 5]. Поэтому проводить транспортные реформы крайне важно на стыке технократического и гуманистического подходов.

Рассмотрим основной вопрос любого пользователя транспорта – выбора маршрута. Естественно, невозможно обеспечить каждому человеку наилучшую доступность до его объектов притяжения с помощью исключительно общественного транспорта, ведь он для того и создан, чтобы перевозить группы людей в наиболее востребованные объекты притяжения. Для этого проводятся транспортные обследования – просчитывается пассажиропоток, анализируются потребности пассажиров в конкретных видах транспорта – в этом заключается попытка учитывать социальный эффект транспорта [2; 4].

Технические специалисты используют следующие подходы к развитию транспорта: разделение маршрутов на центрально-диаметральные (соединяют окраинные район с центром города), магистральные (соединяют окраинные районы друг с другом) и социальные (соединяют социальные объекты в одном районе). Однако

массовый транспорт не способен обеспечить мобильность «от двери до двери» – эта функция возложена на личный или немоторизованный транспорт – можно поехать на своем автомобиле, или велосипеде. Здесь и возникает основная проблема транспортного комплекса: как правильно сочетать личный и общественный транспорт, не вызывая транспортных коллапсов в мегаполисах?

На данный момент времени эту проблему пытаются решить скорее принудительным путем: создать лучшие условия для общественного приоритета и экономические барьеры для использования личного транспорта [5; 6]. Для экономии городского пространства – что особенно актуально в больших городах с историческими центрами – вводятся такие меры, как платная парковка, закрытие улиц для автомобильного движения.

Однако личный транспорт – это больше, чем просто средство передвижения. Это место защищенности личного пространства, место отдыха, общения с близкими людьми. Это возможность легкого перемещения необходимых вещей, а также способ удовлетворения потребностей в уважении (престиже). Логистических проблем при продолжении развития личного транспорта в русле предыдущих двух десятилетий никто не снимает. Как же подойти к развитию транспорта, соединив технократический и гуманистический подход?

Ответ следующий: личный транспорт можно и нужно использовать совместно. Технократия поддерживает этот метод, и многие городские агрегаторы такси и онлайн-сервисами запускают каршеринг, карпулинг, кикшеринг и райдшеринг. Данные программы, конечно, воспримут не все пользователи, однако финансовая выгода в сочетании с личным комфортом могут сыграть свою роль в перенаправлении транспортных потоков на эти сервисы.

Смена транспортного поведения не ограничивается лишь совместным использованием личных видов транспорта. Также необходимо стимулировать использование немоторизованного транспорта – самокатов, велосипедов и каргобайков. Последние используются в случае доставки малогабаритных грузов. Для этого необходимо создавать безопасные велодорожки, отделённые от потока автомобилей клумбами, а не просто делиниаторами, а также создавать комфортные и доступные велохабы для парковки, чистки и ремонта немоторизованных видов транспорта. По исследованиям аналитиков,

эффекты от стимулирования использования данными видами транспорта не ограничиваются улучшением транспортной ситуации. Также это позволяет:

- укреплять здоровье населения,
- повышать покупательскую способность населения,
- повышать безопасность дорожного движения,
- успокаивать дорожный трафик,
- сокращать финансирование на строительство дорог, развязок и парковочных пространств,
- снижать уровень шума и загрязнения воздуха.

Итак, мы рассмотрели основные вопросы городского транспорта с позиций технократии и гуманизма, представили ряд соображений, которые позволят сблизить общество и технику в условиях ограниченного городского пространства. Свободное пространство, особенно в историческом центре города – ценнейший ресурс, и использовать его необходимо максимально эффективно. Транспортное планирование напрямую влияет на экономику города, благополучие его жителей и качество городской среды. Социальная справедливость и инклюзивность транспортного комплекса и лежат в основе комплексного подхода, который призван сбалансировать интересы пользователей и возможности техники. Достижение гармонии в этой сфере важно для профилактики негативных последствий в будущем.

Литература

1. *Березовская И.П., Иванов М.В.* Транспорт как социальное и культурное явление. Научно-технические ведомости СПбПУ. Гуманитарные и общественные науки. СПб, 2017. С. 47-55.
2. *Бочарова О.В.* Роль социального института транспорта в социальном пространстве города. Вестник СарГТУ. Саратов, 2010. С. 290-294.
3. *Горев А.Э., Пугачёв И.Н., Куликов Ю.И. [и др.]* Синергия концептов развития транспортных систем в условиях современной урбанизации России. СПбГАСУ. СПб., 2019 С.: 54-68.

4. *Морозов В.М., Аземиа С.А.* Анализ результатов опроса пользователей различных видов общественного транспорта. Техника и технологии строительства. Гомель, 2022. С. 8-14
5. *Сорокина Н.В.* Городской общественный транспорт как социокультурный феномен. Автореферат на соискание учёной степени кандидата социологических наук. Саратов, 2010.
6. *Юдин Г.Л., Лобанова Ю.И.* Разработка комплекса методов для оценки факторов выбора отдельных видов транспорта участниками дорожного движения в условиях мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга) / XVIII Невские чтения. СПб, 2022. С. 35-41.

Взаимосвязь субъективного ощущения одиночества с уровнем тревожности в студенческой группе

Биндасова О.В., Дроздова Е.Н.

*МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь
bindasova.olga@bk.ru, oktyabrdk@mail.ru*

Переживание одиночества всегда воспринималось мыслителями как сложное, негативное явление. Многие исследователи считают, что уединение полезно для самопознания, творчества, и внимания на важнейших этапах жизни человека.

Одиночество часто создает устойчивый негативный эмоциональный фон, который значительно снижает возможность самореализации, и иногда может приводить к депрессии и психосоматическим последствиям. Именно поэтому его изучение является актуальной задачей, которая имеет важнейшее, практическое значение в выявлении причин и методов психологической помощи людям, которые его испытывают.

Построение межличностных отношений часто бывает сложной задачей. В то же время отношения являются важным активом, и неудачи, которые случаются или ожидаются, естественно расстраивают человека и существенно влияют на качество его отношений. Тревога может быть как следствием, так и причиной психологического одиночества [1, с. 275].

Особую роль в возникновении чувства одиночества отводится семейному воспитанию. Проблема эмоциональной близости между матерью и ребенком всегда была, есть и будет актуальной. Она служит барьером для развития коммуникативных способностей, позволяющих выстраивать взаимоотношения с другим человеком [2].

Тревожное состояние представляет собой переживание эмоционального дискомфорта, предчувствие надвигающейся опасности, выражение неудовлетворения значимых потребностей индивида, актуальных при ситуативном переживании тревоги.

По мнению А.М. Прихожан [5, с. 96], наличие тревожности как устойчивого образования является свидетельством нарушений в личностном развитии и препятствует нормальной жизнедеятельности, полноценному общению.

Студенческий возраст – это возраст, в котором формируются собственные взгляды и отношения. Именно в этом выражается самостоятельность студента. Но стремление быть самостоятельным, не исключает потребности в общении со взрослыми. Подобная потребность объясняется растущими проблемами самосознания и самоопределения, решить которые молодому человеку бывает трудно. Именно в этом возрасте происходит развитие интеллектуальных и физических возможностей.

По мнению А.Р. Кирпикова [3, с. 13], одним из факторов, способствующих одиночеству, является нежелание человека оказаться в такой ситуации межличностного общения, при которой он подвергается риску получить отказ в установлении нужных для него взаимоотношений, почувствовать смущение и разочарование. Из-за боязни отрицательных результатов, человеку становится все труднее преодолевать одиночество, и страх, порожденный прежним неудачным опытом, способствует созданию обстановки, которая еще более усиливает чувство одиночества.

Тревожность как состояние принято обозначать ситуативной тревожностью, то есть отрицательным эмоциональным состоянием, связанным с изменением нервно-психической деятельности. Под личностной тревожностью понимается устойчивая индивидуальная характеристика индивидуума, которая отражает его предрасположенность к тревоге.

Актуальность исследования чувства одиночества и тревожности у студентов обусловлена их практической значимостью. Целью исследования является выявление взаимосвязи субъективного ощущения одиночества с уровнем тревожности в студенческой группе. В качестве инструментария были использованы «Методика субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона [4, с. 234] и опросник «Шкала ситуативной и личностной тревожности» Спилбергера-Ханина [3, с. 137], методы статистической обработки данных, включая коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Исследование проводилось на базе МГУ им. А.А. Кулешова. В исследовании приняли участие 40 студентов-психологов в возрасте 18-20 лет.

В ходе корреляционного анализа установлены две взаимосвязи показателей между субъективным ощущением одиночества и тревожностью у студентов: Ситуативная тревожность – субъективное ощущение одиночества ($r = 0,38$ при $p < 0,01$) и личностная тревожность – субъективного ощущения одиночества ($r = 0,37$ при $p < 0,01$).

Это свидетельствует о том, что существует взаимосвязь субъективного ощущения одиночества с уровнем тревожности в студенческой группе. Чем выше ощущение одиночества, тем выше уровень тревожности у студентов.

Литература

1. *Кон И.С.* Психология ранней юности. М.: Просвещение, 2009. 256 с.
2. *Петровская Л.А.* Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. М.: 1982. С. 30-37.
3. *Рассел Д.* Измерение одиночества / Д. Рассел // Лабиринты одиночества: сб. иауч.тр. М., 2009. С. 192-226.
4. *Рогов Е.И.* Настольная книга практического психолога в образовании. М., 1996. С. 234.
5. *Тудупова Т.Ц.* Особенности проявления одиночества в подростковом возрасте / Т.Ц. Тудупова, И.С. Худякова // Вестник Бурятского государственного университета. 2019. №5. С.135-138.

Взаимосвязь характеристик эмпатии и агрессивности у медицинских работников

Биндасова О.В., Прокофьева К.В.

*МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь
bindasova.olga@bk.ru, Lybava108@ya.by*

Профессиональная деятельность медицинского работника, независимо от разновидности исполняемой работы, относится к группе профессий с повышенной моральной ответственностью за здоровье и жизнь отдельных людей, групп населения и общества в целом. Постоянные стрессовые ситуации, в которые попадает медицинский работник в процессе сложного социального взаимодействия с пациентом, постоянное проникновение в суть социальных проблем пациента, личная незащищенность и другие морально-психологические факторы оказывают негативное воздействие на здоровье медицинского работника.

Эмпатия в медицинской практике играет все возрастающую роль и ее значение в работе врача становится все более очевидным [4, с. 129].

Агрессия представляет собой поведение, направленное на причинение вреда или ущерба другому живому существу. В настоящее время становится актуальным анализ проблемы проявлений и уровня агрессии.

Целью проведения исследования явилось изучение взаимосвязи характеристик эмпатии с уровнем агрессивности у медицинских работников.

В исследовании приняли участие 40 медицинских работников в возрасте 28 – 42 лет (27 женщин и 13 мужчин).

В качестве инструментария были использованы «Опросник агрессивности» Басса-Дарки [6, с. 12], «Многофакторный тест эмпатии» М. Дэвис [2, с. 8]; методы статистической обработки данных, включая коэффициент ранговой корреляции Спирмена [5, с. 12].

В ходе анализа выраженности агрессивных реакций медицинских работников было определено, что для 50,9% респондентов характерен умеренный уровень физической агрессии, для 70,2% – умеренный уровень косвенной агрессии, для 68,4% – умеренный уровень

раздражительности, для 59,6% – умеренный уровень обиды, для 68,4% – умеренный уровень подозрительности, для 54,4% – умеренный уровень вербальной агрессии, для 49,1% – умеренный уровень вины, для 80,7% – слабый уровень враждебности, для 50,9% – умеренный уровень агрессивности.

С помощью корреляционного анализа установлено, что существует отрицательная взаимосвязь эмпатической заботы и раздражительности ($r = -0,334$; $p < 0,05$). Из этого следует, что для медицинских работников с высоким уровнем симпатии и сочувствия к несчастьям других, жалости, желания помочь, характерен низкий уровень вспыльчивости и раздражительности. Также установлена положительная взаимосвязь децентрации и чувства вины ($r = 0,348$; $p < 0,05$). Таким образом, для медицинских работников, с выраженной тенденцией восприятия, понимания, учета, принятия в расчет точки зрения, опыта другого человека, характерен повышенный уровень чувства вины.

Следовательно, для медицинских работников, с выраженной тенденцией восприятия, понимания, учета, принятия в расчет точки зрения, опыта другого человека, характерен повышенный уровень чувства вины. Это связано с тем, что эмпатическая способность ставить себя на место другого актуализирует желание оказать ему помощь, однако в случае невозможности организации помощи ввиду различных причин вызывает у медицинских работников переживание вины перед пациентом. Склонность к переживанию вины у медицинских работников может провоцировать у них невротические состояния, актуализировать негативные мысли и установки о себе, вызывать тревожность и приводить к эмоциональному выгоранию.

Для медицинских работников со склонностью к сочувствию и жалости к другим среди медицинских работников характерно контролировать свои негативные эмоции, не реагировать негативно на внешние и внутренние раздражители. Это говорит о том, что когнитивная эмпатия у медицинских работников – ключевая характеристика, которая способствует нейтрализации злости, гнева и раздражительности, в свою очередь способствует снижению агрессивного поведения, тревожности. Полученные данные в некоторой степени согласуются с исследованиями взаимосвязи эмпатии и агрессии [1, с. 184; 3, с. 194].

В заключение стоит отметить, что чем больше в структуре личности медицинских работников представлены эмпатические черты, тем меньше проявляются агрессивные свойства личности. Полученные данные могут применяться в профилактической и коррекционной работе в системе здравоохранения.

Литература

1. *Биндасова О.В.* Взаимосвязь показателей эмпатии с типами просоциального поведения и асоциальными личностными чертами осужденных за убийство // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2022. №1 (43). С. 184–188.
2. *Карягина Т.Д., Будаговская Н.А., Дубровская С.В.* Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // Консультативная психология и психотерапия, 2013. Том 21, №1.
3. *Кухтова Н.В.* Просоциальное поведение медицинских работников // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». Витебск, 2009. Т. 8. С. 194-202.
4. *Паренс Г.* Агрессия наших детей / Г. Паренс. М.: Просвещение, 1997. 155 с.
5. *Сидоренко Е.В.* «Методы математической обработки в психологии». СПб.: ООО «Речь», 2007.
6. *Хван А.А., Зайцев Ю.А., Кузнецова Ю.А.* Стандартизация опросника А. Басса и А. Дарки // Психологическая диагностика, 2008. №1.

Восприятие студентами корпоративной культуры университета как фактор социально-психологического климата студенческой группы

Блинова Е.Е.

ГБОУ ВО «Херсонский государственный университет»

Херсон, Россия

elena.blynova@gmail.com

В настоящее время изменения в системе высшего образования непосредственно касаются университетов, как научных и

образовательных корпораций, имеющих внутреннее и внешнее пространство своего развития. Поэтому констатируем классическое предназначение корпоративной культуры – быть инструментом адаптации к внешним изменениям и внутренней интеграции университетской среды.

Важно подчеркнуть, что трансляторами корпоративной культуры университета, ценностей и традиций в общество, формирующих имидж и репутацию вуза, прежде всего, являются студенты, причем не только во время обучения, но и далее – в профессиональной деятельности.

Когда корпоративная культура формирует такие ценности, как компетентность, готовность работать в команде, творчество, гордость за свой университет, тогда повышается сплоченность коллектива и преподавателей, и студентов, согласованность их поведения, соответствие общим нормам и ценностям университета.

Преимуществами сильной корпоративной культуры университета, кроме повышения эффективности работы всех субъектов образовательного процесса, является повышение конкурентоспособности выпускников, улучшение их профессиональной адаптации [1; 2; 4].

Анализируя вопросы развития корпоративной культуры университета, логично соотнести ее основные компоненты со структурой организации: университет в целом, преподаватели и студенты, личность. Первая группа компонентов корпоративной культуры связана с образовательным процессом, миссией и целями университета: стратегия, общечеловеческие ценности, ориентация на перспективу в развитии. Вторая группа компонентов: нормы и правила поведения, стиль руководства, управление конфликтами, участие преподавателей и студентов в принятии управленческих решений. Третья группа – мотивация, возможности для самореализации личности. Все три системы для успешного функционирования университета должны быть взаимосвязанными [3].

В эмпирическом исследовании поставлена задача установить взаимосвязь восприятия студентами корпоративной культуры университета и социально-психологического климата в студенческой среде.

Культура связана с глубинным уровнем организации, с ее ценностями и убеждениями, а социально-психологический климат показывает, как люди воспринимают (видят и чувствуют) культуру, т.е. ее субъективное отражение [1; 2]. Результатом формирования благоприятного социально-психологического климата является высокий уровень сплоченности коллектива и уровень развития межличностных контактов, сотрудничество и взаимопомощь, высокая продуктивность совместной работы, защищенность личности [2].

Для диагностики представлений о типе корпоративной культуры университета (открытый, закрытый, случайный, синхронный) использована методика «Шкала организационных парадигм» (The Constantine Organization Paradigm Scales – OPS); для изучения социально-психологического климата в студенческой среде университета – методика выявления степени интеграции коллектива Р. Немова. Для обработки результатов использован корреляционный анализ.

Показатель «стремление к сохранению целостности группы» коррелирует с тремя моделями корпоративной культуры – «открытой», «закрытой», «синхронной» (здесь и далее $p < 0,05$), т.е. констатируем, что стремление сохранить целостность важно для членов группы, но при этом отличаются пути достижения целостности и видение ее сущности: в открытой культуре это единство взглядов и мнений; в закрытой – подчиненность цели и ориентация на результат; в синхронной культуре – общность ценностей членов организации.

Получены взаимосвязи показателя «сплоченность» с открытой моделью корпоративной культуры, и одновременно – с закрытой моделью, что, на первый взгляд, выглядит несколько парадоксальным, однако поясняем этот факт разным пониманием сплоченности: для открытой культуры сплоченность основана на осознанном понимании общности цели, идеи и ценностей, на взаимной поддержке; для закрытой культуры – сплоченность отражает четкость иерархической организации управления, выполнения своих функций, подчиненность правилам и нормам.

Шкала «Контактность» коррелирует с представлением о корпоративной культуре как о синхронной, т.е. при такой модели

культуры личные отношения в большей степени раскрываются, эмоционально насыщаются, спонтанно выявляются.

Шкала «Открытость» ожидаемо взаимосвязана с открытой моделью, и, что важно подчеркнуть, отсутствует корреляция с закрытой моделью: доверие к сокурсникам, готовность их услышать, получить помощь преимущественно проявляются в открытой университетской среде с элементами креативности, новаторства, отсутствия стереотипов.

«Организованность» проявляется в закрытой корпоративной культуре, что является логичным, поскольку стремление к предсказуемости, стабильности, контролю, неизменности, упорядоченности лучше реализуется при четком иерархическом управлении в организации. Считаем, что аналогично можно пояснить корреляцию между «ответственностью» и «закрытой моделью» культуры.

Таким образом, в открытой университетской среде все члены коллектива имеют право высказать свое мнение и определенные возможности для этого; направление движения информации разновекторное, информация является полной, не искаженной, основана на доверии членов коллектива друг к другу.

Литература

1. *Армстронг М.* Практика управления человеческими ресурсами. СПб: Питер, 2004.
2. *Базаров Т. Ю.* Психология управления персоналом. М., 2019.
3. *Копытов В.С., Пучков В.М.* Корпоративная культура как важнейший маркетинговый актив вуза // Наука и образование. МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2015. №12.
4. *Blynova O., Lappo V., Kalenchuk V., Agarkov O., Shramko I., Lymarenko L., Popovych I.* Corporate culture of a higher education institution as a factor in forming students' professional identity // Revista Inclusiones. Vol. 7. / Numero Especial / Julio – Septiembre 2020.

Тело: парадоксальный объект социальных представлений

**Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.,
Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В.**
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
*innabovina@yandex.ru, dvorian@gmail.com,
melnikovadv@mgppu.ru, lavreshkinnv@gmail.com*

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00661.

Тело – это полиморфный объект, находящийся на пересечении ряда измерений: здоровье–болезнь; природное–социальное–культурное; индивидуальное–социальное; мужское–женское; нормальное–анормальное; приличное–неприличное; реальное–виртуальное и многие другие. Это многообразие измерений научного и обыденного дискурсов о теле не является исчерпывающим, но уже этих некоторых измерений достаточно для того, чтобы продемонстрировать многомерность и комплексность этого объекта. Д. Жоделе отмечает, что тело – важный вопрос для психологии в целом, а также привилегированная тема для теории социальных представлений (СП) [8], в частности. Д. Жоделе утверждает, что реальность тела является одновременно социальной и субъективной, именно это делает теорию СП наиболее адекватным инструментом, который позволяет вскрыть «социальное в глубине индивида» [8, р. 212]. На важность изучения тела в рамках теории СП указывал С. Московиси еще в 60-х годах. К. Фламан и М.-Л. Рукет [6] говорят о теле как объекте СП, причисляя его к категории «здоровье и социальная сфера». Отсюда можно ожидать солидного количества исследований, в которых тело оказывалось бы в фокусе внимания теории СП. Однако анализ литературы свидетельствует о немногочисленности исследований СП о теле. Среди вопросов, на которые искали ответы исследователи: специфика СП о теле в различных группах; связь СП о теле с СП о здоровье, старении и СПИДе; гендерная специфика СП о теле; воздействие социальной практики на СП о теле; специфика образа тела в СМК [2-5; 11-13].

Итак, имеет место парадокс: столь важный объект СП в реальности не получил соответствующего изучения в рамках теории СП.

По сравнению с различными объектами СП тело обладает специфическими особенностями: 1) тело едва ли понимается вне размышлений о собственном теле, вне отождествлений между *Я* и собственным телом. 2) тело мыслится через призму одной из категорий быстрой социальной категоризации (пол, возраст, этническая принадлежность). Для иллюстрации обратимся к идее *тематы*, предложенной использовать в рамках теории СП С. Московиси [9]. Оппозиция «мужчина – женщина» сопряжена с разными качествами: мужчине приписывается сила, женщине – красота [8]. Очевидно, что при обсуждении тела как объекта СП актуализируется эта старинная оппозиция, которая, как отмечает С. Московиси, определяет образы, языковые конструкции, поведение СП [9]. 3) тело – это «сензитивный» объект СП, связанный с сексуальностью, с определенными социальными нормами и табу, социальными практиками. В этой связи становятся понятными и ожидаемыми результаты исследований СП о теле, в которых систематически присутствуют элементы – красота и здоровье [1; 2]. Эти составляющие имеют достаточно устойчивую нормативную коннотацию. Исследователи имеют дело с так называемым феноменом «скрытой зоны» [10], когда элементы СП «замаскированы», что объясняется природой объекта СП. Без использования специальных исследовательских приемов элементы, касающиеся тела, наталкиваются на определенные табу, как следствие – маскируются. Сказанное выше предполагает использование специальных процедур [10] для того, чтобы вскрыть эти «немые» элементы в будущих исследованиях СП о теле.

Литература

1. *Aim M.-A., Dany L., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B.* How Kids Understand Health and Illness: Some Reflections from and for the Theory of Social Representations // *Cultural-Historical Psychology*. 2018. Vol. 14. № 1.
2. *Camargo B.V., Goetz, E.R., Bousfield A.B.S., Justo A.M.* Representações sociais do corpo: estética e saúde // *Temas em Psicologia*. 2011. Vol. 19.

3. *Camargo B.V., Wachelke J.* The study of social representation systems: relationships involving representations on aging, AIDS and the body // Papers on social representations. 2010. Vol. 19.
4. *Costalat-Founeau A.M., Picot M.C., Hauchard D., Klimekova M., Favier F.* Représentation du corps et de l'alimentation chez une population de femmes de plus de 75 ans // Papers on Social Representations. 2002. Vol. 11.
5. *de Souza-Filho E.A., Beldarrain-Durandegui A.* The contextual analysis in social representations of the body among ethnic groups in Rio de Janeiro, Brasil // Universitas Psychologica. 2009. Vol. 8.
6. *Flament C., Rouquette M.-L.* Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003.
7. *Goetz E.R., Camargo B.V., Bertoldo R.B., Justo A.M.* Representação social do corpo na mídia impressa // Psicologia & Sociedade. 2008. Vol. 20.
8. *Jodelet D.* The representation of the body and its transformations. In R. Farr & S. Moscovici (Eds.), Social Representations. Cambridge, Cambridge University Press. 1984.
9. *Moscovici S., Vignaux G.* Le concept de thémata // Structures et transformations des représentations sociales / C. Guimelli (ed.).. Paris: Delachaux et Niestlé, 1994.
10. *Rateau P., Lo Monaco G.* The Mute Zone of Social Representations and the Effects of (Un) Masking: Review and Prospects // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2021. Vol. 18.
11. *Secchi K., Camargo B.V. Bertoldo R.B.* Percepção da imagem e representações sociais do corpo // Psicologia, Teoria e Pesquisa. 2009. Vol. 25.
12. *Silveira A., Camargo B., Giacomozzi A.* Social Representations of the Body and Bodily Care Practices of Older Adults // Psico-USF, Bragança Paulista. 2021. Vol. 26.
13. *Souza, S. C. S. D., Ribeiro R. D., Polli G. M., Wanderbroocke A. C.* Social representations of the body and health for physically active and inactive individuals // Trends in Psychology. 2019. Vol. 27.

Исследование взаимосвязи тревожности и социабельности студентов-психологов

Богачева Т.И.

*МБДОУ детский сад «Ивушка» № 10, Орёл, Россия
Logtat91@gmail.com*

На сегодняшний момент молодой специалист должен обладать не только определенными профессиональными компетенциями, но и хорошей психологической подготовкой: уметь выстраивать доброжелательные отношения с коллегами, адаптироваться к новым социальным ситуациям взаимодействия в рамках профессиональной деятельности, уметь разрешать конфликтные ситуации, обладать сформированными навыками самопрезентации и т.д. Эти и другие важные для эффективного осуществления профессиональной деятельности психологические умения и навыки во многом обусловлены уровнем развития социабельности личности.

Социабельность следует понимать как «свойство личности, характеризующее меру ее включенности в социальную микросреду, обусловленное психоэмоциональной устойчивостью индивида и проявляющееся в его адаптационных и перцептивно-интерактивных навыках» [1, с. 78]. Специфику взаимодействия личности и социальной среды можно установить посредством анализа актуального состояния структурных составляющих социабельности: социальное познание, социальная приспособляемость, социальная эргичность, контактность и эмоциональная устойчивость.

Важно понимать, что социабельность – это свойство личности, которое не является врожденным и статичным, т.е. неизменным в процессе жизнедеятельности человека. Одной из личностных особенностей, которая в значительной степени влияет на уровень развития социабельности личности, является тревожность. Согласно Большому психологическому словарю, тревожность следует понимать как «индивидуальную психологическую особенность, проявляющуюся в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги, а также в низком пороге его возникновения» [2, с. 673].

Ч.Д. Спилбергер выделяет две формы проявления тревожности: ситуативную и личностную. Как считает автор, ситуативная тревожность возникает в ситуациях, которые вызывают у человека беспокойство. Такое состояние можно рассматривать как нормальное в связи с тем, что в нем человек проявляет способность и готовность к решению возникающих проблем. Личностная тревожность проявляется в склонности индивида испытывать состояние тревоги в большом спектре жизненных ситуаций, в том числе и таких, которые объективно к этому не располагают [3].

В связи с тем, что тревожность как состояние личности может негативно влиять на жизнедеятельность и на взаимодействие личности с социумом, представляет высокий научный интерес выявление взаимосвязи тревожности и социабельности личности. На основании чего цель настоящего исследования заключалась в изучении взаимосвязи тревожности и социабельности студентов-психологов.

В исследовании приняли участие студенты-психологи ФГБОУ ВО КГУ, обучающиеся на факультете педагогики и психологии (1-3 курсы). Общий объем выборки составил 76 респондентов. Методический инструментарий исследования включил авторскую методику диагностики социабельности личности [1] и методику диагностики тревожности Ч.Д. Спилберга, Ю.Л. Ханина [3].

Как было установлено, в процессе эмпирического исследования, большинство (35,2%) респондентов характеризуется уровнем развития социабельности выше среднего. Отметим, что достаточно большое количество студентов-психологов (27,3%) имеет высокий уровень развития данного референта. Средний ее уровень свойственен 24,7% исследуемых. Немаловажно, что низкий уровень развития социабельности характерен лишь для 12,8%. Итак, как было установлено, у студентов-психологов преобладает уровень развития социабельности выше среднего, в связи с чем справедливо заметить, что студенты-психологи достаточно успешны в межличностном взаимодействии, они не испытывают серьезных трудностей в процессе адаптации к социальным условиям жизнедеятельности, что особенно значимо именно для данной категории респондентов, так как их профессиональная деятельность носит ярко выраженный социальный характер.

Исследование личностной и ситуативной тревожности студентов-психологов позволило установить следующее. У респондентов

преобладает высокий уровень развития личностной тревожности (47,8%). При этом средний уровень ее развития выявлен у 38,4% студентов-психологов, а низкий имеет 13,8% исследуемых. Показатели ситуативной тревожности респондентов также свидетельствуют о преобладании у них высокого уровня (39,5%). Отметим, что достаточно большое количество исследуемых характеризуется средним уровнем ее развития (31,2%), низкий уровень свойственен для 29,3% студентов-психологов. Таким образом, доминирование у студентов-психологов высокого уровня личностной и ситуативной тревожности свидетельствует о том, что респонденты склонны воспринимать значительную часть стимулов внешней среды как угрозу для своей жизнедеятельности и самооценки.

Для установления взаимосвязи тревожности и показателей социабельности студентов-психологов был осуществлен корреляционный анализ (использовался коэффициент корреляции Спирмена). Результаты анализа показали наличие статистически значимой отрицательной корреляции между личностной тревожностью и показателями социабельности личности ($r = -0,32, p < 0,05$), а также между ситуативной тревожностью и социабельностью ($r = -0,45, p < 0,01$). В связи с чем справедливо утверждать, что высокие показатели тревожности, как личностной, так и ситуативной, негативным образом влияют на развитие социабельности личности, а студенты-психологи, обладающие высокими показателями тревожности, потенциально могут иметь определенные трудности в процессе взаимодействия с социальной средой.

Литература

1. *Богачева Т.И.* Исследование социабельности как личностной характеристики лидера: построение опросника и его валидизация // *Экспериментальная психология*. 2021. Т. 14. № 4. С. 76-89.
2. *Большой психологический словарь*. Сост. Мещеряков Б., Зинченко В. Олма-пресс. 2004.
3. *Карелин А.А.* Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Эксмо, 2007.

Кибербуллинг как форма проявления киберагрессии в подростковой среде

Богущая Д.И., Погодина Е.К.

*БГПУ имени Максима Танка, Минск, Республика Беларусь
dianabogutskaya@mail.ru, pogodinaek@mail.ru*

Стремительное развитие информационных технологий оказало огромное влияние на социализацию подрастающего поколения. В современный период развития общества Интернет является не только важной частью жизни подростков, позволяющей им находить необходимую информацию, разнообразно проводить досуг, но и незаменимым источником общения. Однако многие подростки в процессе онлайн общения зачастую сталкиваются с проявлениями деструктивного поведения со стороны других пользователей.

В Сети подростки могут как становиться жертвами, так и проявлять различные виды киберагрессии, такие как флейминг, троллинг, хейтинг, киберсталкинг, кибербуллинг. Распространенной формой проявления киберагрессии среди подростков является кибербуллинг. Кибербуллинг как форма онлайн насилия отличается рядом особенностей, таких как:

- преднамеренность насильственных действий по отношению к жертве со стороны киберагрессора;
- систематичность насильственных действий;
- анонимность киберагрессора;
- возможность фальсификации;
- перевес сил в пользу киберагрессора;
- групповой характер кибербуллинга с наличием ролевой структуры (агрессор, жертва, наблюдатели);
- неограниченное количество наблюдателей в интернет-пространстве;
- возможность насильственных действий по отношению к жертве круглосуточно (24/7);
- негативное психологическое воздействие на всех участников кибербуллинга вне зависимости от роли.

Исследование, проведенное среди обучающихся 7-8 классов учреждений общего среднего образования г. Минска, показало, что

43,7% опрошенных мальчиков и 36,5% опрошенных девочек регулярно сталкиваются с кибербуллингом [1].

Опрос показал, что самой распространенной формой кибербуллинга подростки считают использование данных (логин, пароль к аккаунтам в социальных сетях) с целью распространения фэйковой информации или рассылка оскорбительных и компрометирующих сообщений от имени жертвы другим пользователям (78%).

Часто встречаемой среди подростков формой кибербуллинга (76,7%) является распространение компрометирующих видео, неудачных или отредактированных фотографий и видео, снятых в не самый подходящий момент [2].

Респонденты отметили, что многие из них (69,9%) часто сталкиваются с грубостью, хамством и неприятными комментариями в сети Интернет. Довольно распространенной формой кибербуллинга (67,1%) является высмеивание других пользователей в социальных сетях.

Среди других форм киберагрессии подростки выделили также:

- оскорбления (61,6%);
- провокативные сообщения с целью разозлить, вывести из себя (58,9%);
- распространение ложной информации, выставляющей жертву в неприглядном виде (56,2%);
- угрозы, запугивания (53,4%);
- исключение из круга общения (47,9%);
- публикацию личных сведений с целью унижить человека (45,2%).

На вопрос о том, к кому подростки обращаются за помощью в случае кибербуллинга, 45,2% респондентов ответили, что пытаются решать возникшую проблему самостоятельно; 24,6% подростков рассказывают о буллинге своим друзьям. Крайне редко подростки обращаются за помощью к родителям, школьному психологу или социальному педагогу, предпочитая умалчивать о том, что с ними происходит.

Распространенность кибербуллинга в подростковой среде обуславливает необходимость проведения профилактической работы, направленной на предотвращение деструктивного поведения

подростков в сети Интернет, включающей предоставление подросткам объективной информации об онлайн рисках, предупреждение проявления киберагрессии, обеспечение кибербезопасности подростков, формирование толерантности и коммуникативной компетентности учащихся.

Литература

1. *Богуцкая Д.И.* Деструктивное поведение подростков в сети Интернет // Актуальные проблемы современного образования в наследии Л.С. Выготского: материалы III Международной научно-практической конференции, г. Гомель, 18 ноября 2022 г. / УО «Гомельский государственный педагогический колледж имени Л. С. Выготского»; редкол. Л. Л. Капаткова [и др.]. Гомель, 2022. С. 53-57.
2. *Погодина Е.К., Богуцкая Д.И.* Особенности деструктивного поведения подростков в интернет-пространстве // Социально-психологические проблемы современного общества: пути решения (памяти профессора А.П. Орловой): сборник научных статей / сост.: Т.В. Савицкая, Н.Ю. Андрущенко, Н.Э. Шабанова; под науч. ред. Е.Л. Михайловой; отв. за вып. С.А. Моторов. Витебск, 2022. С. 372-377.

О предварительных результатах апробации опросника моральной идентичности на российской выборке

Бочкова М.Н., Мешкова Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
bochkova.m84@gmail.com; nmeshkova@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00236, <https://rscf.ru/project/23-28-00236>.

Взаимосвязь между креативностью и моралью является центральным вопросом, касающимся индивидуальных различий в креативности [6]. Тем не менее он остается открытым, поскольку

полученные в исследованиях данные крайне противоречивы: в одних исследованиях взаимосвязь не выявлена, в других – выявлена положительная связь, в то время как в третьих – отрицательная [6]. На наш взгляд, неоднозначность результатов можно объяснить разнообразием используемого для диагностики морали инструментария: социальные дилеммы; моральные суждения; черты Темной Триады, опросники этики, ценностей, просоциальной мотивации и т.д.; а также разнообразием подходом авторов к пониманию креативности.

С ростом интереса исследователей к изучению предикторов асоциальной креативности и медиаторов ее реализации в девиантном и криминальном поведении особенно актуальным становится выявление регулирующей роли морали в поведении. В этом направлении было показано, что отрицательная связь креативности и морали определяется активацией неэтичных черт и опосредуется наличием неэтичных суждений [4], а негативные моральные черты проявляются в высокой вредоносной креативности в заданиях на дивергентное мышление [5]. Но исследований явно недостаточно, чтобы делать вывод о том, какую роль играет мораль в реализации вредоносных креативных решений в поведении, наносящем вред другим людям.

В наших исследованиях мы обратили внимание на тот факт, что некоторые респонденты, причем разного возраста, отказывались в заданиях на антисоциальную креативность придумывать оригинальные способы мести за нанесенный ущерб [1; 2], объясняя это тем, что мстить плохо и нельзя. Мы предположили, что регулировать подобное поведение может моральная идентичность. Концепция моральной идентичности была разработана K.F. Aquino и A. Reed [3].

Создавая опросник, диагностирующий моральную идентичность, K.F. Aquino и A. Reed исходили из нескольких предположений: 1) каждый индивид обладает способностью отождествления себя с другими людьми по множеству переменных, и возможно предположить, что Я-концепция индивида может быть организована вокруг моральных характеристик; 2) моральная идентичность основана на чертах характера, тем не менее она может иметь социальный референт в виде реальной социальной группы; 3) люди с

сильной моральной идентичностью должны стремиться поддерживать согласованность между представлениями о своем моральном «Я» и своими действиями в мире; 4) для измерения моральной идентичности важна активация подмножества моральных черт, связанных с другими моральными чертами, важными для Я-концепции конкретного человека; 5) моральная идентичность может быть стабильна во времени, но это не личностная характеристика, и подобно другим видам социальной идентичности может активироваться под влиянием ситуации. Тем не менее, чем выше моральная идентичность человека, тем больше вероятность ее проявления в широком спектре ситуаций и тем сильнее ее связь с моральными представлениями и нравственным поведением; 6) моральная идентичность отличается от моральных суждений. Мотивационный фактор ее связи с поведением состоит в том, что человек рассматривает определенные моральные качества как существенные для своей Я-концепции [3].

Опросник моральной идентичности состоит из двух шкал: «Интернализация» и «Символизация». В инструкции предлагается сначала представить в воображении человека, который обладает девятью характеристиками (заботливый, сострадательный, справедливый и т.д.), а затем предлагаются утверждения, с которыми нужно согласиться по 7-балльной шкале. Диагностируется интернализация данных качеств респондентом (насколько они важны для респондента, хотел бы он ими обладать и т.д.) и символизация, насколько эти качества проявляются в помогающем поведении – в волонтерстве. Оригинальная англоязычная версия опросника показала высокую надежность (альфа Кронбаха составила 0,73 для шкалы «Интернализация» и 0,82 – для шкалы «Символизация») и валидность. Конфирматорный анализ показал хорошее соответствие двухфакторной модели, выявленной эксплораторным анализом: $\chi^2(43, N = 347) = 205.96, p < 0.001, RMSR = 0.04, GFI = 0.87, CFI = 0.87, NFI = 0.84$ [3].

В нашем исследовании, направленном на адаптацию опросника моральной идентичности на российской выборке, приняло участие 303 респондента (ср.возраст 19, $MS = 2.03$; из них 144 девушек), которым были розданы бланки с инструкцией и формой для ответа на вопросы методики. Часть респондентов ($N=135$) заполнили опросник он-лайн. Статистическая обработка проводилась в программе jamovi 2.3.24.

Конфирматорный анализ показал хорошее соответствие двухфакторной модели оригинальной версии опросника: χ^2 -квадрат (33, $N = 303$) = 138, $p < 0.001$, $RMSR = 0.04$, $CFI = 0.932$. Надежность альфа Кронбаха всего опросника и каждой из шкал составила 0.868; 0.811 и 0.846, соответственно. Среднее и SD составило 5.39 и 1.36; 4.05 и 1.34. для шкал Интернализация и Символизация, соответственно.

На текущем этапе мы проверили конструктивную валидность опросника ($N=158$) и использовали для этой цели опросники «Большая пятерка», «Индекс толерантности» и агрессии (Басса-Перри). Согласно полученным результатам, шкала Символизация (проявление моральных черт в помогающем поведении) значимо положительно коррелирует со шкалой Сотрудничество (черта Большой пятерки) и значимо отрицательно – с агрессией (опросник Басса-Перри) ($p < 0.001$, соответственно); шкала Интернализация (значимость моральных черт для респондента) – значимо отрицательно с агрессией и враждебностью (опросник Басса-Перри) ($p < 0.01$; 0.05, соответственно) и значимо положительно с толерантностью как чертой ($p < 0.001$).

Работа над адаптацией опросника моральной идентичности еще продолжается, но по уже имеющимся результатам можно говорить о том, что опросник может быть использован в исследовательских целях.

Литература

1. Мешкова Н.В., Дебольский М.Г., Ениколопов С.Н., Масленков А.А. Особенности креативности в социальном взаимодействии у осужденных, совершивших корыстные и агрессивно-насиленные преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 1. С. 147–163.
2. Мешкова Н.В. Особенности взаимосвязи антисоциально направленной креативности и ценностей у подростков с разным уровнем агрессии [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2018. Том 10. № 2. С. 77–87.

3. *Aquino K.F., Reed A.* The Self-importance of Moral Identity // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 83(6). P. 1423—1440.
4. *Mai K. M., Ellis A. P., Welsh D. T.* The gray side of creativity: Exploring the role of activation in the link between creative personality and unethical behavior // Journal of Experimental Social Psychology, 2015. Vol. 60. P. 76–85.
5. *Lee S. A., Dow G. T.* Malevolent creativity: does personality influence malicious divergent thinking? // Creativity Research Journal, 2011. Vol. 23(2). P. 73–82.
6. *Shen W. et al.* A Theoretical and Critical Examination on the Relationship between Creativity and Morality// Curr Psychol (2019) 38:469–485.

**Социально-психологическая компетентность тренеров,
оказывающих услуги пожилым людям**

Будякова Т.П.

*ФГБОУ ВО «ЕГУ им. И.А. Бунина», Елец, Россия
budyakovaelev@mail.ru*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 23-28-00306 <https://rscf.ru/project/23-28-00306/> «Концептуальные
основы функционирования и развития антивиктимной личности в
пожилом возрасте».*

Пожилый возраст – это один из показателей, являющихся основанием для оказания социальных услуг со стороны государства. Одна из таких услуг – система безвозмездных физкультурно-оздоровительных мероприятий, организуемых по линии органов социальной защиты населения в разных населенных пунктах Российской Федерации. Пожилые граждане в силу возраста особо нуждаются в услугах физкультурно-оздоровительного плана, однако, несмотря на предложения со стороны социальных служб субъектов федерации, не всегда спешат воспользоваться такими возможностями.

В проведенном нами эмпирическом исследовании было установлено, что только небольшая часть нуждающихся в таких услугах пожилых людей готова систематически посещать занятия, специально организованные для них. Такая тенденция была выявлена и другими исследователями, которые предположили, что одной из причин такого положения является характер таких занятий, не отвечающих индивидуальным потребностям и интересам конкретных предпенсионеров и пенсионеров. В качестве решения этой проблемы предлагается расширение спектра оказываемых услуг, чтобы удовлетворить притязания различающихся по физическим, возрастным и психологическим характеристикам потребителей пожилого возраста [2].

Однако наше исследование выявило еще один важный аспект неготовности пожилых людей к принятию такой формы социальной заботы – социально-психологические барьеры, а именно виктимологический характер таких барьеров (victim, лат. – жертва). Новый вид барьеров мы так и назвали виктимологическими. Виктимологический барьер – это такое препятствие, которое формирует у человека комплекс жертвы. Одним из факторов, создающим такие барьеры, является неготовность тренеров, оказывающих физкультурно-оздоровительные услуги, к работе с такой категорией клиентов как пожилые люди. Это существенно снижает мотивацию пожилых людей к использованию возможности, предоставляемой государством, для поддержания своей физической формы.

В нашем эмпирическом исследовании мы использовали метод включенного наблюдения. Исследователь в качестве участника записался на занятия для пожилых людей, организованные в рамках проекта «Активное долголетие». Как было уже отмечено выше, наблюдается большой отсев участников таких мероприятий, и, соответственно, несмотря на рекламные ролики в медиапространстве, потенциальные участники получают негативную информацию от «отсевшихся», что создает антирекламу проекту. Одной из целей исследования было выяснение причин такого большого оттока. Была проанализирована работа двух тренеров групп для пожилых в рамках физкультурно-оздоровительных занятий под общим названием «Йога».

Результаты наблюдения показали, что ожидания пожилых людей с самого начала не оправдались из-за того, что в занятиях не оказалось важной мотивирующей составляющей, характерной для техник йоги, – образности и позитивных установок по отношению к своему телу и личности. Оба тренера на протяжении всего занятия рассказывали о строении мышц, расположении костей и других подобных физических характеристиках, перегружая сознание людей, пришедших дать нагрузку своим мышцам и получить психологическую поддержку своим устремлениям к физическому развитию. В результате, находясь в постоянной ситуации, требующей распределения и переключения внимания, не удалось достичь главной цели – физической зарядки: мышцы не прогрелись, остались скованными. После часового занятия появилась насущная потребность сделать нормальную физическую зарядку.

В китайских исследованиях было показано, что образный компонент физических занятий обеспечивает за счет усиления компонента самоидентификации и самоэффективности удовлетворенность жизнью и субъективное благополучие у пожилых людей. В целом таким образом организованные физические упражнения дают и более высокий оздоровительный эффект, укрепляя сердечно-сосудистую систему, повышая уровень психического здоровья пожилых людей [3]. Точно также традиционные китайские виды спорта, в которых образный компонент является основополагающим элементом, идущим из глубины китайской культуры, были признаны полезными для укрепления, поддержания и профилактики здоровья пожилых людей в Китае [4]. Отсутствие компонента образности в наблюдаемых нами занятиях привело к разочарованию и потере интереса к ним.

Общим недостатком в работе обоих тренеров было также общее отношение к пришедшим на занятия пожилым людям как к пассивным участникам, которые должны почему-то «боготворить» тренера, слушать его беспрекословно, ни в коем случае не заявлять о своих индивидуальных потребностях под угрозой отстранения от занятий. В литературе уже обсуждалась проблема конструирования образа личности пожилых как пассивных получателей помощи, что рассматривается как негативная тенденция социальной политики в разных странах [5]. Такое отношение формирует у участников

позицию жертвы, когда тренер может унижить пожилого человека только за то, что тот не понял его инструкцию или задал вопрос, на который тренер не готов ответить, что фактически происходило на наблюдаемых занятиях. Так, тренер сделал замечание одному из участников о том, что тот не неправильно выполняет упражнение. После просьбы объяснить, почему упражнение выполнено неверно и как надо делать правильно, тренер предложил спрашивавшему покинуть занятие. Здесь очевидно была проблема соматогнозиса – восприятие человеком собственного тела. Тренер показал не только отсутствие знаний о соматогнозисе, то есть не смог объяснить технологию движений в конкретном упражнении, но и отсутствие общей культуры общения с пожилыми людьми. При этом, как указывается в современных психологических исследованиях, формирование и развитие телесных знаний и основы соматической культуры – важная составляющая телесного капитала в пожилом возрасте [1]. В силу этого такая компетентность должна быть у тренера, занимающегося с пожилыми людьми.

Была отмечена и разница в общении с пожилыми людьми у двух тренеров. Первый тренер, названный в программе «серебряным волонтером», женщина пожилого возраста была более подготовлена к организации и проведению занятий с пожилыми людьми, возможно, в силу возрастного опыта. Она знала по именам участников ее занятий, старалась обращаться персонально и уважительно. Она же сняла такой виктимологический барьер как угроза здоровью, который намеренно выстраивался другим тренером.

Речь идет о виктимном требовании одного из тренеров в обязательном порядке заниматься в холодном зале босиком, а также сидя на холодном полу на тонкой подстилке. Она выразила громкое возмущение тем, что один из участников отказался снимать теплые носки и подложил в качестве сиденья поролоновую подушку, чтобы не застудить внутренние органы. Серебряный волонтер, напротив, в более теплом зале разрешил всем заниматься в носках и стоя на толстых поролоновых ковриках.

Таким образом, были выделена следующая виктимологическая некомпетентность тренеров.

1. Отсутствие учета условий проведения занятий, применительно к пожилому возрасту: (температурный режим, одежда, обувь, толщина ковриков и др.).

2. Перегруженность занятий формально-медицинской или технической информацией, меньший акцент на самих упражнениях, их последовательности и количестве повторов.

3. Отсутствие компонента образности занятий для повышения их привлекательности для пожилого возраста.

4. Отсутствие индивидуального подхода и лабильности.

5. Концентрация на авторитете собственной личности за счет умаления значимости личности участников физкультурно-оздоровительных мероприятий.

Литература

1. *Арпентьева М.Р., Тацёва А.И., Гриднева С.В.* Психолого-педагогические аспекты рекреации и забота о телесном капитале // *Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация.* 2019. Т. 4. № 1. С. 7-13.
2. *Хазова С.А., Манакова Я.А., Ногинов М.П.* Индивидуально-дифференцированное содержание занятий оздоровительной физической культурой с людьми пожилого возраста // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология.* 2021. № 1 (273). С. 89-97.
3. *Guo Y., Shi H., Yu D., Qiu P.* Health benefits of traditional Chinese sports and physical activity for older adults: A systematic review of evidence // *Journal of Sport and Health Science.* 2016. Vol. 5. Is. 3. September. P. 270-280. DOI: 10.1016/j.jshs.2016.07.002
4. *Lin Y., Zhao B., Ma X.* The Influence of Guozhuang Dance on the Subjective Well-Being of Older Adults: The Chain Mediating Effect of Group Identity and Self-Efficacy // *Public Health.* 2022. Vol. 19(21). 14545. DOI: 10.3390/ijerph192114545
5. *Weicht B.* The making of 'the elderly': Constructing the subject of care // *Journal of Aging Studies.* 2013. Vol. 27. Is. 2. April. P. 188-197. DOI: 10.1016/j.jaging.2013.03.001

Буллинг в школе и социальная успешность студентов в будущем

Буркова В.Н.

ИЭА РАН, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Бутовская М.Л.

ИЭА РАН, Москва, Россия

Калиниченко О.В.

ФГАОУ ВО ДФУ, Владивосток, Россия

burkovav@gmail.com, marina.butovskaya@gmail.com,

kalynich1@mail.ru

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

Несмотря на огромное количество работ, посвященных изучению феномена буллинга в молодежной среде, данная проблема остается одной из самых актуальных в области психологии и образования. Школьный опыт буллинга влияет на последующую жизнь человека, его психологические установки и общение с социальным окружением, а долгосрочные негативные последствия еще не так хорошо изучены. В одном из недавних исследований были представлены результаты изучения связи актуального благополучия у студентов с их опытом участия в буллинге в школьном возрасте: частота травли в школе и роль жертвы/агрессора были связаны с уровнем тревожности, депрессии и избегания личных отношений а будущем [1].

В течение нескольких лет нами был собран материал среди российских школьников и студентов с целью выявления факторов риска буллинга в современной школе, оценки влияния опыта участия в буллинге на личность самих буллеров/жертв, а также последствий перенесенного опыта вовлеченности в буллинг (в той или иной роли) для психологической и социальной успешности студентов. Было опрошено 205 школьников и 245 студентов. Для самооценки агрессивного поведения был использован опросник Басс-Перри, который включает четыре шкалы: физическая и вербальная агрессия, гнев, враждебность [2]. Также респондентам были задан комплекс вопросов относительно их опыта школьного буллинга.

Полученные результаты показывают, как опыт буллинга в школе отражается на будущем социальном взаимодействии респондентов с окружением и их успеваемости, роли (жертва/агрессор) в школьной травле как индивидуальной характеристике, влияющей на поведенческие стратегии в последующей жизни, взаимосвязи самооценок агрессивного поведения и опыта буллинга. Полученные результаты могут помочь при планировании мер психологической поддержки школьников и студентов.

Литература

1. *Бочавер А.А.* Школьный опыт буллинга и актуальное благополучие у студентов // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. Вып. 2. С. 17-27.
2. *Buss A.H., Perry M.* The Aggression Questionnaire // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 63 (3). P. 452–459. doi:10.1037/0022-3514.63.3.452

Наставничество как драйвер развития временной компетентности управленцев в ситуации высокой неопределенности

Бухарина А.Ю.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
AYBukharina@gmail.com*

В России на сегодняшний момент существуют ряд факторов, накладывающих ограничения и вызовы для развития современных управленцев. К внешним можно отнести повышение неопределенности и волатильности экономического окружения и социальной среды, пост-ковидная неопределенность, факторы BANI-мира [1], сокращение доступа к внешней экспертизе, научным достижениям и практикам. Внутренние обусловлены перераспределением финансовых потоков, сокращением лимитов на обучение и развитие, вследствие чего компании обращают внимание на собственные внутренние ресурсы и возможности для прорыва и обращаются к наставничеству как инструменту помощи одного

человека другому в процессе совершения значительных качественных переходов на другой уровень знаний, профессиональных навыков или сознания и мышления.

Современные специалисты HR сталкиваются с проблемой отсутствия запроса у самих субъектов развития. Решением может выступить расширение и насыщение временной перспективы личности через управляемые интервенции, что делает возможным развитие временной компетентности. Термин «временная компетентность» был введен Ж. Нютеном для объяснения связи мотивационных объектов актуального периода жизнедеятельности с мотивационными объектами более отдаленного будущего.

Цель исследования – доказать возможность быстрого (горизонт 6-8 месяцев) развития управленческих компетенций «критическое мышление», «открытость мышления», «социальный интеллект», а также мета-компетенции «стратегическое мышление» при работе исследуемого с наставником даже в условиях неизвестности и отсутствия прямого запроса исследуемого.

Объект исследования – стратегическое мышление и временная компетентность

Предмет исследования – развитие стратегического мышления и временной компетентности в процессе наставничества

Гипотезы исследования:

- развитие компетенции «стратегическое мышление» можно реализовать через подходы и инструменты наставничества;
- системная работа в рамках наставничества и индивидуальных планов развития позволяют расширить и насытить временную перспективу управленцев;
- участники, практикующие наставничество, добиваются более впечатляющего прироста критически важных для управленца компетенций.

Выборку исследования ($n = 158$) составили: 97 госслужащих из Правительства Москвы и Санкт-Петербурга и сотрудников госкорпорации Газпромнефть; 61 сотрудник коммерческих компаний ТехноНиколь и холдинга ФИТЦ. Временной интервал исследования: вторая половина 2021 – первый квартал 2023 года.

В процессе исследования испытуемые были разделены на 2 группы: Группа Госслужащих (N) и Группа Коммерческих сотрудников (TN). В каждой группе были выделены 2 подгруппы, определяющие характер интервенции. Одна подгруппа получала только образовательную программу и электронный индивидуальный план развития. Вторая подгруппа училась по такой же образовательной программе, что и первая подгруппа, но проходила индивидуальный план развития с наставником и коучем-ментором, а также работала с наставником в течение всего периода взаимодействия.

При $p \leq 0,001$ группы, использовавшие наставничество, показали статистически значимый прирост по компетенциям «Критическое мышление», «Открытость мышления», «Социальный интеллект» и мета-компетенции «Стратегическое мышление». Также рост компетенций участников, работающих с наставником, в разы выше тех, кто не использовал данные практики и инструментарий.

Таким образом, исследование, проведенное на двух независимых выборках, подтвердило развитие временной компетентности, выраженной через прирост корпоративных компетенций «критическое мышление», «открытость мышления», «социальный интеллект» и мета-компетенции «стратегическое мышление». Оно же доказало возможность их акселерации посредством инструментария наставничества.

Группы, которые практиковали занятия с наставником и коучем-ментором, показали прирост от 180% до 800% по сравнению с теми участниками, которые работали без подобных практик. Была эмпирически подтверждена возможность искусственно формировать временную перспективу управленцев, насыщая и расширяя ее. Все выдвинутые гипотезы нашли свое эмпирическое подтверждение.

Тема требует более широкого освещения в рамках отдельных метрик и результатов эмпирического исследования, что позволило бы расширить информированность психологов-практиков и позволило бы более предметно и точно прогнозировать результаты наставнической работы с управленцами в современной ситуации неизвестности.

Литература

1. *Cascio J. Facing the Age of Chaos // medium.com/@cascio/ Apr 29, 2020, URL:https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d, дата обращения 01.04.2023*

Эмоциональное выгорание, профессиональное самоотношение и стратегии совладающего поведения у педагогов СПО

Быч К.Э., Литвинова Е.Ю.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kira.bych@mail.ru, elen-litvinova@ya.ru*

Эмоциональное выгорание в той или иной мере наблюдается у большого количества работников социальной сферы и приводит к печальным последствиям, как для самого человека, так и для окружающих его людей и продукта его труда. Негативные последствия повышения уровня выгорания среди педагогов среднего профессионального образования (СПО) могут повлиять, в частности, на профессиональный уровень будущих специалистов, которых они обучают [4]. Поэтому важно исследовать сопутствующие эмоциональному выгоранию психологические характеристики, которые влияют как на внутренний мир педагога, например, профессиональное самоотношение, так и на его способы совладания со стрессовыми ситуациями.

Цель нашего исследования – рассмотреть теоретический и проанализировать собранный нами эмпирический материал об особенностях эмоционального выгорания педагогов колледжа. Нами было выдвинуто предположение о том, что существует взаимосвязь между уровнем выраженности синдрома эмоционального выгорания педагогов СПО и их профессиональным самоотношением, а также предпочитаемыми ими стратегиями совладающего поведения

Для определения уровня выраженности эмоционального выгорания использовалась методика «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач и С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой [2]. Для определения доминирующих копинг-стратегий использовался

опросник Р. Лазаруса и С. Фолкман, в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтык, М.С. Замышляева «Способы совладающего поведения» (Ways of Coping Questionnaire, WCQ) [1]. Для оценки показателей позитивности профессионального самоотношения или самоуничижения в профессии мы использовали опросник профессионального самоотношения личности К.В. Карпинского [3].

В исследовании приняли участие 62 педагога колледжа в возрасте от 21 года до 63 лет, среди них 33 мужчины и 29 женщин. Педагогический стаж преподавателей данной выборки варьирует от 2 месяцев до 39 лет.

В ходе анализа результатов исследования было выявлено, что существует сильная **обратная** связь между общим уровнем эмоционального выгорания и общим показателем позитивности профессионального самоотношения ($r = -0,516$ при $p < 0,001$).

Что касается конкретных шкал, обратная связь обнаружена между шкалами эмоциональное истощение и деперсонализация с саморуководством и самооценкой личностного роста в профессии. Выявлена сильная **прямая** связь между редукцией личных достижений и общим показателем позитивности профессионального самоотношения ($r = 0,443$ при $p < 0,001$), саморуководством в профессии ($r = 0,416$ при $p < 0,001$) и самооценкой личностного роста в профессии ($r = 0,531$ при $p < 0,001$).

Также обнаружена сильная **прямая** связь между общим уровнем эмоционального выгорания и внутренней конфликтностью профессионального самоотношения ($r = 0,453$ при $p < 0,001$), самообвинением в профессии ($r = 0,578$ при $p < 0,001$), самоуничижением в профессии ($r = 0,628$ при $p < 0,001$). Но сильная **обратная** связь между шкалой редукция личных достижений и внутренней конфликтностью профессионального самоотношения ($r = -0,374$ при $p < 0,01$), самообвинением в профессии ($r = -0,374$ при $p < 0,01$), самоуничижением в профессии ($r = -0,453$ при $p < 0,001$).

То есть, когда педагог начинают чувствовать себя физически и эмоционально уставшим, отстраняется и испытывает негативные чувства по поводу объекта своего труда, у него возникают мысли, что он работает не на своем месте, что его личные и профессиональные качества не помогают ему качественно выполнять его обязанности. Он может испытывать стыд, вину и досаду из-за малейших неудач, быть раздражительным. Анализируя результаты по шкале редукции личных

достижений, мы предположили, что в колледже педагог имеет дело со сложными, маломотивированными подростками, среди которых есть те, кто демонстративно обесценивают весь процесс образования. Именно, поэтому преподаватели могут расценивать себя как хороших, компетентных, реализующихся профессионалов, и при этом сильно не корить себя за рабочие ошибки.

Была выявлена **прямая** связь между общим уровнем эмоционального выгорания и копинг-стратегиями конфронтация ($r = 0,385$ при $p < 0,01$) и избегание ($r = 0,544$ при $p < 0,001$). При анализе отдельных шкал обнаружена прямая связь между эмоциональным истощением и копинг-стратегиями самоконтроль ($r = 0,336$ при $p < 0,01$), поиск социальной поддержки ($r = 0,333$ при $p < 0,01$). Кроме этого, обнаружена **обратная** связь между редукцией личных достижений и копинг-стратегией избегание ($r = -0,349$ при $p < 0,01$) и **прямая** с копинг-стратегиями планирование решения проблем ($r = 0,466$ при $p < 0,001$) и положительной переоценкой ($r = 0,336$, при $p < 0,01$).

Можем предположить, что редукция личных достижений позволяет педагогу снизить уровень тревожности или вовсе не подключаться эмоционально к ситуации, так как в целом большой ценности в работе они не видят, значит и сильно переживать на счет трудности не стоит, а можно рассудительно подойти к решению проблемы и даже увидеть в ней положительные стороны и ресурс для развития.

Мы убеждены, что проблема эмоционального выгорания педагогов СПО требует пристального и углубленного изучения с целью оптимизации педагогической деятельности и поддержания эмоционального благополучия педагогического состава.

Литература

1. *Вассерман Л.И. и др.* Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. Пособие для врачей и медицинских психологов. СПб., 2009. 38 с.
2. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.Н.* Синдром выгорания: Диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 336 с.

3. *Карпинский К.В.* Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики / К.В. Карпинский, А.М. Кольшко. Гродно: ГрГУ, 2010. 140 с.

4. *Литвинова Е.Ю., Харченко М.А., Погодина А.В.* Психологическое благополучие и эмоциональное выгорание педагогов образовательных комплексов на разных этапах инновационного процесса / // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. – 2018. – Т. 3, № 2. – С. 96-119.

Типы потребления и вовлеченность в интернет у студентов колледжа

Бычкова Д.И.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия

day45@mail.ru, sachkova@list.ru

Поведение потребителя часто обусловлено его активностью в интернет-сети. Интернет предстает как масштабный рынок товаров и услуг, где вовлеченная в него студенческая молодежь чувствует себя уверенным пользователем. Коммерческий рынок сети уже давно нацелен на студентов, их потребительские запросы, мотивы, интересы. Именно поэтому возрастает необходимость исследования интернета как цифровой реальности, в рамках которой развиваются многообразные типы потребительского поведения, опосредованные активностью и вовлеченностью личности в ее пространство [1; 2].

Как отмечает Н.В. Солодникова, потребление современных студентов может иметь противоречивый характер, с одной стороны, они приобретают новые социальные компетенции, связанные с активностью в сети, с другой стороны, наблюдается тенденция, свидетельствующая об измерении собственной успешности посредством демонстративных практик потребления, «стремление «казаться, а не быть» способно вызвать диссонанс в отношениях с

представителями других социально-демографических групп и привести к переживанию личностных кризисов [3].

Целью нашего исследования стало изучение типов потребительского поведения студентов колледжа в зависимости от степени их вовлеченности в интернет. Было выдвинуто предположение о наличии различий в типах потребления и степени вовлеченности в интернет у юношей и девушек – студентов колледжа.

Исследование проводился на базе ГБПОУ города Москвы «Колледж Архитектуры, Дизайна и Реинженеринга № 26», в нем участвовало 107 учащихся 1-х и 2-х курсов колледжа, из них 59 девушек и 48 юношей. Были использованы опросник «Методика оценки вовлеченности в ИКТ» (А.В. Татарко, А.Н. Макласова, З.Х. Лепшакова и др.); опросник «Общая шкала проблемного использования интернета» (А.А. Герасимова, А.Б. Холмогорова); опросник «Психологический профиль потребителя» (О.С. Посьпанова).

В результате было обнаружено, что девушки демонстрируют большую вовлеченность в сетевую коммуникацию (ср. балл – 3,8), чем юноши, тогда как юноши более разнообразно используют различные технические средства для обучения, работы и развлечения в сети (ср. балл – 3,8) и часто совершают разные экономический действия (ср. балл – 3,7). Девушки предпочитают онлайн-общение, а не общение в реальной жизни (ср. балл – 18,5), их потребление в сети имеет ярко выраженную когнитивную поглощенность (ср. балл – 18,3). В группе же юношей преобладает выраженность факторов самоконтроля и регуляции настроения (ср. балл – 17,3).

В целом все респонденты разделились на два доминирующих типа потребительского поведения: «модники» и «традиционалисты». Модники – это яркий тип потребителя, характеризующийся стремлением к новому, широко разрекламированному товару, выражающий себя через приобретенный товар. Традиционалисты – устойчивы в своем выборе, имеют собственные предпочтения, не склонны к экспериментам.

Среди девушек больше типов «модники» (ср. балл – 38,1), «инноваторы» (ср. балл – 32,4) и «индивидуалисты» (ср. балл – 31,4). В группе юношей доминирует традиционный тип потребления (ср.

балл – 37,7), а также выявлены «модники» и «ситуативисты» (ср. балл – 31,0 и 31,5 соответственно).

Сравнительный анализ с использованием критерия U-Манна-Уитни позволил выделить достоверно значимые различия по полу. Вовлеченность девушек в сеть в большей степени обусловлена важностью общения и взаимодействия в сети, приоритетом онлайн-коммуникаций, характеризуется выраженной когнитивной поглощенностью и импульсивным использованием интернета ($p = 0,000$) по сравнению с юношами. У девушек ярко выражены инновационные, модные и индивидуальные тенденции в потребительском поведении ($p = 0,001$). Юношам свойственна высокая вовлеченность в совершение экономических действий в интернете ($p = 0,009$), отсутствие склонности решать собственные проблемы посредством выхода в сеть ($p = 0,000$). Потребительское поведение студентов характеризуется выраженностью традиционных, консервативных и равнодушных типов потребительского поведения ($p = 0,000$).

Таким образом, девушки-студентки колледжа имеют более высокую вовлеченность в интернет, которая имеет проблемный характер, что подтверждается данными исследования, приоритетом онлайн-коммуникации, неконтролируемым мысленным возвращением в пространство сети, трудностями планирования пребывания онлайн, стремлением решать собственные проблемы и регулировать эмоциональное состояние посредством выхода в сеть. Данные тенденции прослеживаются в стремлении самопрезентации в сети с помощью ярких и новомодных приобретений. Юноши-студенты колледжа, наоборот, имеют традиционные, устойчивые, консервативные предпочтения в области потребления товаров или услуг, их вовлеченность в интернет обусловлена необходимостью совершения ряда экономических действий в рамках оплаты различных услуг, они не испытывают перепада настроений, если долгое время находятся офлайн.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с необходимостью выявления устойчивых потребительских практик в зависимости от степени вовлеченности участников в интернет, т.к. не до конца исследованы социально-психологические механизмы онлайн-потребления и активности личности в сети.

Литература

1. *Нестерова А.А.* Зарубежные и отечественные исследования интернет-зависимости и включенности в социальные сети у молодежи / А.А. Нестерова, Л.М. Левин // *Человеческий капитал*. 2020. № 1 (133). С. 92-98.
2. *Солдатова Г.У.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, Т.А. Нестик. М.: Смысл, 2017. 375 с.
3. *Солодникова Н.В.* Потребительское поведение подростков в процессе социализации: социологический анализ / Надежда Владимировна Солодникова: автореф. дисс... канд. соц. наук: 22.00.04. М., 2021. 26 с.

О проблеме командного лидерства в современных условиях

Валова А.В., Ковалева Т.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
valova@inbox.ru*

Политические и экономические кризисы последних лет, пандемия 2020 года, СВО привели к тому, что многие российские компании столкнулись с возросшей степенью неопределенности, ощущением хрупкости мира [4] и экстремальным повышением требований к скорости реагирования. Эти события также стали причиной достаточно резкого непредвиденного уменьшения штата организаций (в связи с сокращениями и эмиграцией), что заставило оставшихся сотрудников и руководство работать «на повышенных оборотах»; как следствие, по данным исследования портала hh.ru среди своих пользователей, 80% работников столкнулись с синдромом эмоционального выгорания [3]. В связи со всем вышеперечисленным проблема командного лидерства становится чрезвычайно актуальной.

Еще в 1993 году Смит и Катценбах озвучили, что достичь многое из новых подходов к бизнесу возможно только в режиме команд [1, с. 13].

Примерно последние полтора десятилетия некоторые российские компании развивались путем отхода от ставки на лидерство индивидуальное к лидерству командному – что в том числе характеризовало и переход к «бирюзовой» стадии развития организаций [2]: «Вкус Вилл», банк «Тинькофф», «Сбербанк» и пр. Именно эти компании смогли в условиях неопределенности быстро перестроить свой бизнес, завоевать новую большую долю рынка и увеличить обороты.

Командное лидерство в работах современных авторов понимается в разных значениях, которые взаимосвязаны. Во-первых, это ставка на команду как основную структурную единицу компании: благодаря своей гибкости, умению быстро реагировать на новые потребности, высокой способности к изменениям настоящие команды всегда добиваются лучших результатов по сравнению с отдельными индивидами и их группами.

Во-вторых, команда – это то пространство, которое позволяет её членам проявить свои таланты и лидерские качества (и достичь так называемого «распределенного лидерства»). Среди лидерских установок по отношению к происходящим событиям особенно выделяется возвращение авторства в решении сложных жизненных ситуаций. Ориентироваться в непредсказуемом будущем, принимать жизненно важные решения в нестандартных ситуациях, смело использовать метод проб и ошибок, творческий подход, оценивать риски, следить за инновациями, политикой, образованием, экономической системой – это, по сути, и есть все самые важные качества и навыки, необходимые каждому современному человеку [5, с. 288], а команда – это необходимая среда для раскрытия потенциала каждого члена команды, проявления и мобилизации всех этих качеств для достижения общего результата.

События последних 3 лет оказали двоякое влияние на команды: с одной стороны, часть команд была сокращена, их пришлось быстро реформировать, но это был и интересный вызов: суметь выполнить задачи компании в новых условиях. Перемены, которые планировались на несколько лет, пришлось совершать в 2-3 месяца. IT-команды вышли на первый план и приводили компанию к нужным решениям.

В современных условиях стратегия многих российских компаний потеряла актуальность; они же привели к изоляции российских организаций от мировой практики, резкому сокращению горизонта планирования, страху и стрессу и – как следствие – психоэмоциональному спаду членов команд. Можем ли мы говорить о важности раскрытия и развития командного лидерства в такой ситуации?

Да, и мы должны о нем говорить даже смелее, чем раньше. Ведь в большинстве случаев именно наличие труднодостижимых целей, важность которых группа признает, ведет к формированию успешной команды и её высокой эффективности [1, с. 48]. Новизна глобальных процессов, сложность задач, осознание взаимной ответственности могут привести к ускоренному формированию команд и актуализации (возможно, не востребованных ранее) лидерских качеств каждого члена команды.

Сотрудница одной из крупнейших инновационных компаний, начавших переживать сложнейшие перемены еще в 2021 году, делилась: «Мы ходим на работу, не зная, уволят ли нас завтра или нет; будут ли у компании завтра деньги или нет. Мы просто делаем свою работу в надежде, что наши усилия к чему-то приведут. Иногда у нас нет сил, но к нам приходит задача, что-то включается в каждом члене команды – как следствие, все работают ночью, и к утру решение уже готово». В середине 2022 года компания прошла острую фазу кризиса, и эффективные команды поощрили премией.

Подводя итог вышесказанному, можем с уверенностью сказать, что в современных реалиях успех большинства российских организаций – в ставке на командное лидерство; задача «выживания компании» зачастую будет одной из главных, но даже такая задача способна мотивировать команды и с их помощью приводить организации к успеху.

Литература

1. Катценбах Д., Смит Д. Командный подход. Создание высокоэффективной организации. М., 2005.
2. Лалу Ф. Открывая организации будущего. М., 2020

3. Портал *НН.RU*, исследование 2023 года, <https://balashikha.hh.ru/article/12445>
4. *Талб Н.Н.* Антихрупкость. М., 2014.
5. *Шекшня С., Загиева В., Улановский А.* Руководители-чемпионы. Практики аутентичного лидерства. М., 2019.

Экстремистские взгляды в обществе: сущность, критерии, диагностика

Васильев В.А.

*Академия ФСИН России, Рязань, Россия
v79106208929@yandex.ru*

Распространение экстремизма представляет серьезную угрозу для конституционного строя и безопасности нашей страны. Одним из основных источников угроз национальной безопасности выступает экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических организаций и групп, направленных на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутренней политики и ситуации в стране [5].

Характерными чертами современного экстремизма являются масштабность, жесткость действий, многообразие форм деятельности, использование широкого спектра научно-технического потенциала, стремление добиться широкого общественного резонанса и трансформация экстремистских групп в реальные политические движения имеющие существенные рычаги давления на существующий политический строй. Нередко за спиной экстремистских формирований стоят различные спецслужбы, которые курируют, направляют и финансируют данные группы с целью реализации своих интересов в нашей стране и рядовые члены данных организаций, зачастую даже не подозревают об истинных целях руководителей.

В научных источниках нет единого, четкого определения экстремизма. Согласно Российскому энциклопедическому словарю, экстремизм – это «приверженность крайним и радикальным взглядам, методам действий» [6; с. 1023]. При изучении феномена экстремизма

заметна разница в подходах к анализу данной проблемы. Например, одни ученые считают, что основным признаком экстремизма является отрицание демократии и парламентаризма [1]. Другие трактуют экстремизм через конкретные действия, связанные с применением насилия, либо пропагандой [2]. В Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», от 15 июня 2001 года, под экстремизмом понимается какое-либо деяние, направленное на *насильственный захват власти* или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение *конституционного строя* государства, а равно насильственное посягательство на *общественную безопасность*, в том числе организация в вышеуказанных целях *незаконных вооруженных формирований* или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон [9].

В законодательстве РФ определение экстремизма носит перечневый характер, то есть экстремизм и экстремистская деятельность – это перечень общественно опасных деяний, за которые предусмотрена уголовная ответственность.

Критерии экстремизма, по мнению автора, можно разделить на внешние и внутренние.

К внешним признакам экстремизма можно отнести:

- публичное распространение определенных взглядов и идей, связанных с радикальным достижением поставленных целей;
- бравада и демонстрация презрения к смерти и страданиям;
- возбуждение в обществе ненависти к отдельным социальным группам;
- нарушение формально установленных норм в соответствии с идеологией;
- достижение своих целей незаконными, радикальными способами;
- идеологическое обоснование применения насилия или угроз;
- применение или угрозы насилия;
- конфронтация, избегание компромиссов в конфликтных ситуациях.

Анализ литературы позволяет выделить следующие психологические особенности личности экстремиста:

- отсутствие эмпатии, сострадания к окружающим;

- крайне завышенная или заниженная самооценка, неустойчивая;
- желание доминировать;
- одностороннее восприятие мира (деление всего на хорошее и плохое);
- отсутствие толерантности к представителям других взглядов, неадекватные реакции на них;
- наличие образа врага;
- фанатизм [8];
- получение удовольствия от внимания и чувства собственной значимости, фантазий о героической смерти [4; 3].

Также можно выделить ряд социально-психологических особенностей деятельности экстремистских организаций:

- экстремисты практически всегда являются членами неких группировок с иерархией и конспирацией;
- данные группировки, как правило, отличаются сплоченностью, разделением функций (идеологические, боевые, обеспечивающие);
- группы стремятся придать огласку своим идеям с помощью новейших информационных и коммуникационных технологий, получить известность и материальную поддержку, проводят массовые, резонансные акции;
- пытаются привлечь как можно больше последователей в свои ряды, создавая внешне привлекательный образ членов группы;
- имеют негативную аутгруппу сравнения, на отдельных примерах культивируют образ врага, примеряя его на целые социальные группы.

Среди диссертаций, посвященных экстремизму, преобладают работы по юридическим наукам (19, из них 3 докторских) [7]. При этом мало исследований, посвященных выявлению психологических качеств, присущих экстремистам.

Крайне мало внимания уделено индивидуально-психологическим факторам, препятствующим экстремистскому поведению.

Недостаточно исследований, направленных на выявление и уточнение особенностей личности, склонной к экстремизму. Проблема заключается в том, что внешние ограничения сдерживают

стремление личности к экстремистской, противозаконной, радикальной деятельности только до определенного момента, из-за боязни ответственности, либо каких-то других последствий в результате этих действий. Как только индивид оказывается вне зоны действий внешних ограничений, он совершает различные противоправные действия экстремистской направленности. Поэтому задача состоит в том, чтобы научно обосновать индивидуально-психологические предпосылки экстремистского поведения и подобрать психодиагностический инструментарий для выявления людей, склонных к экстремистской деятельности, которых сдерживают только внешние факторы и ограничения.

После этого могут быть также разработаны эффективные способы «противодействия» экстремистским убеждениям и склонностям. Необходима комплексная психокоррекционная программа по работе с людьми, придерживающимися экстремистских взглядов и ряд превентивных мер для воздействия на подрастающее поколение по противодействию формированию экстремистских взглядов, воспитанию (формированию) внутренних сдерживающих факторов еще на ранних этапах развития личности.

В связи с вышесказанным требуется более глубокий теоретический и эмпирический анализ психологической составляющей проблемы экстремизма в обществе.

Литература

1. *Грачев А.С.* Политический экстремизм. М., 1986.
2. *Гречкина Е.Н.* Молодежный политический экстремизм в условиях трансформирующейся российской действительности: дис. ... канд. полит. н. Ставрополь, 2006.
3. *Ломброзо Ч.* Анархисты.
http://az.lib.ru/L/lombrozo_c/text_1894_gli_anarchici.
4. *Ньютон Х.П.* Революционное самоубийство. М.: Ультра культура, 2005.
5. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2009, № 20, ст. 2444.

6. Российский энциклопедический словарь // Гл. ред. А. М. Прохоров. / М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. Т. 2.
7. *Сергеев С.А.* Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках. <https://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya>.
Ekstremizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf
8. *Фридинский С.Н.* Борьба с экстремизмом (уголовно-правовой и криминологический аспекты). Автореф. дис. ... канд. юрид. н. Ростов на Дону, 2003.
9. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст. 155.

Опыт разработки подростковой шкалы конструктивного патриотизма: экспертные оценки педагогов

Васильева С.В., Микляева А.В.

*ФГБОУ ВО РПГУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
vivatvsv@mail.ru, a.miklyaeva@gmail.com*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00482, <https://rscf.ru/project/23-28-00482/>

Современные исследования свидетельствуют о содержательной неоднородности патриотических установок, что отражается в дифференцированном описании различных форм патриотизма [1; 2 и др.]. В частности, выделяются конструктивный и слепой патриотизм, которые объединяет любовь к своей стране, но различает готовность прилагать усилия для улучшения жизни [6]. Эмпирическими исследованиями установлено, что конструктивный патриотизм отрицательно коррелирует с преследованием личных интересов и ориентирует субъекта на активность, направленную на благо общества [7]. Так, например, отмечены его взаимосвязи с различными формами просоциального поведения, например, своевременной уплатой налогов или с соблюдением правил общественного здравоохранения

[5]. В целом, конструктивный патриотизм связан с ориентацией на развитие, тогда как слепой – на национальный консерватизм.

В рамках обозначенного подхода предложена широко применяемая «Шкала слепого и конструктивного патриотизма» [6], переведенная на многие языки и не имеющая к настоящему времени валидизированной русскоязычной версии. Целью нашего исследования стала адаптация «Шкалы слепого и конструктивного патриотизма» для изучения патриотических установок в подростковой среде.

Материалы и методы. «Шкала слепого и конструктивного патриотизма», включающая 18 пунктов, была переведена на русский язык методом двойного перевода. Составляющие ее утверждения были предложены для оценки экспертам, которые отвечали на следующие вопросы.

1) К какому виду патриотизма относится каждое утверждение (слепой / конструктивный)?

2) Насколько формулировка утверждения будет понятна подросткам (полностью понятна / не полностью понятна / непонятна)?

3) Каким образом можно улучшить формулировку утверждения, если она была оценена как недостаточно понятная?

Помимо этого, эксперты имели возможность сформулировать комментарии в отношении опросника и его отдельных пунктов в свободной форме.

На основе ответов на вопросы 1 и 2 рассчитывались коэффициенты содержательного соответствия пунктов анкеты субшкалам, к которым они относятся, и понятности формулировок. В качестве экспертов выступили 17 педагогов в возрасте от 24 до 56 ($36,65 \pm 9,26$) лет, в том числе 12 женщин и 5 мужчин, имеющих высшее профессиональное педагогическое образование и опыт работы с подростками от 3 до 24 ($12,41 \pm 7,90$) лет.

Результаты. Для первоначальной версии опросника были получены следующие оценки: для субшкалы слепого патриотизма коэффициент содержательного соответствия – 0,93, коэффициент понятности формулировок – 0,74; для субшкалы конструктивного патриотизма коэффициент содержательного соответствия – 0,89, коэффициент понятности формулировок – 0,81. На основе анализа оценок содержательного соответствия из первоначальной версии шкалы было исключено 7 вопросов (4 из субшкалы конструктивного патриотизма, 3 из субшкалы слепого патриотизма). По результатам

анализа комментариев экспертов пункты шкалы, получившие низкие баллы по понятности формулировок, были скорректированы в соответствии с рекомендациями. Отдельно были отмечены комментарии экспертов о нерелевантности содержания субшкалы конструктивного патриотизма формам активности, в которых могут реализовываться патриотические убеждения подростков (в отличие от взрослых людей, для которых предназначается оригинальная версия шкалы), несмотря на то, что пункты, составляющие данную субшкалу, характеризуются достаточно высоким значением коэффициента содержательного соответствия. Экспертами было предложено изменить формулировки, включая в них различные формы социальной и гражданской активности, соответствующие подростковому возрасту. С опорой на современные исследования [3; 4 и др.] в их число были включены учебная активность, активность в сфере профессионализации, экологическая и волонтерская активность, активность в сфере социально-значимых мероприятий.

По результатам экспертного опроса первоначальные формулировки пунктов шкалы слепого и конструктивного патриотизма претерпели корректировку, направленную на их содержательную адаптацию к особенностям подросткового возраста. В результате субшкалу слепого патриотизма составили шесть утверждений, аналогичные включенным в оригинальную версию, а в субшкалу конструктивного патриотизма были включены шесть утверждений, скорректированных в соответствии с содержанием социальной и гражданской активности подростков. Перспективы исследования связаны с проверкой содержательной валидности и психометрических характеристик шкалы с привлечением подростковой выборки.

Литература

1. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. № 3.
2. Кузнецов И.М. Вариативность дискурсов патриотизма в повседневном сознании россиян // Власть. 2016. № 7.

3. *Парма Р.В.* Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 2.
4. *Савельева Е.А.* Гражданская активность молодежи: варианты концептуализации понятия // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 2.
5. *Rupar M., Jamróz-Dolińska K., Koleczek M., Sekerdej M.* Is patriotism helpful to fight the crisis? The role of constructive patriotism, conventional patriotism, and glorification amid the COVID-19 pandemic // European Journal of Social Psychology. 2021. Vol. 51.
6. *Schatz R.T., Staub E., Lavine H.G.* On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism // Political Psychology. 1999. Vol. 20.
7. *Sekerdej M., Roccas S.* Love versus loving criticism: Disentangling conventional and constructive patriotism // The British journal of social psychology. 2016. Vol. 55 (3).

Цифровизация образования и проблемы подготовки современного специалиста

Вержибок Г.В.

*УО «БИП – Университет права
и социально-информационных технологий»,
Минск, Республика Беларусь
galina_minsk@mail.ru*

Современное состояние научно-технического прогресса характеризуется развитием и реализацией инновационных разработок и технологий, что определяет необходимость в подготовке высококвалифицированных и компетентных кадров. В психолого-педагогической науке и практике разрабатываются все новые подходы, методики решения обозначенной задачи. Одни из них основываются на использовании новых информационных технологий в подготовке специалистов, другие – на обновлении содержания подготовки, третьи – на усилении ее практической направленности.

Сфера образования, которая традиционно считается довольно консервативной, сегодня приспосабливается к жизни в условиях высокой неопределенности и постоянных изменений. Особую важность приобретают умения вовремя заметить набирающие силу тенденции, соизмерить их со своими целями и ресурсами, адаптировать свою стратегию.

Термин «цифровизация» появился в связи с усилением информационно-коммуникационных технологий и рассматривается как перевод информации в цифру, изменение парадигмы общения и взаимодействия друг с другом и социумом. Задачами для реализации документов государственного уровня во исполнении Декрета Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» (21.12.2017 г.) являются обеспечение доступности образования, основанного на применении современных информационных технологий как для повышения качества образовательного процесса, так и для подготовки граждан к жизни и работе в условиях цифровой экономики. Отмечается совершенствование системы информационной безопасности посредством обеспечения условий для безопасного оказания и получения электронных услуг (формирование «цифрового доверия») [1]. Обозначены следующие важнейшие тенденции: использование дополненной, виртуальной и смешанной реальностей; искусственного интеллекта; применение цифровых пользовательских устройств на уроках; создание трансформируемого рабочего пространства; персонализация учебного процесса и его геймификация, блокчейн, уберизация и др. [2]. Цифровые компетенции современного специалиста включают навыки эффективного использования технологий, что подразумевает поиск и критическое восприятие информации с помощью цифровых устройств и их синхронизации, ресурсов социальных сетей для производства мультимедийного контента, совершения финансовых операций или онлайн-покупок, расширения контактов и усовершенствования профессиональных умений.

Цифровизация образования видоизменяет и содержание преподаваемых курсов, и подачу информации, это не только презентации или видео, это уже прямые подключения к *информационным и социальным сетям*, базам данных, форумам,

актуальными в обучении становятся *электронные издания* (электронные версии) учебников. Технология *«игрофикация (геймификация)»* используется с дидактической целью, в ней применяются механизмы, которые используются в видеоиграх. Одним из ее вариантов выступают веб-квесты, которые развивают профессиональную компетенцию.

Технология *«мобильное обучение»* позволяет использовать учебную информацию с персональных цифровых устройств (смартфоны, планшеты). Предусматривается использование перспективных инновационных технологий (искусственный интеллект, блокчейн, виртуальная реальность). Технологии *виртуальной реальности* используются для виртуальных путешествий, ознакомления с другими культурами, при изучении иностранного языка. Так, обучающиеся взаимодействуют или погружаются в виртуальный мир с помощью классической компьютерной программы (VR), есть дополненная или компьютеро-опосредованная реальность (AR), в смешанной – реальный мир связан с виртуальным (MR), где трехмерное проектирование обеспечивает формирование навыков, которые в реальности не могут быть сформированы.

Широко применяется технология *онлайн-курсов*, это массовые образовательные учебные курсы, которые предоставляются вузами дистанционно для всех обучающихся. Они помогают студентам обучаться в любой удобной для них форме и получить квалифицированные навыки по конкретному направлению подготовки. Технология *«система управления курсом»* обеспечивает преподавателю возможность проектировать сами образовательные курсы и располагать их в сети.

Однако, несмотря на огромный потенциал цифровых технологий, который востребован в образовании, он используется еще не в полной мере. Это обусловлено недостаточной цифровой грамотностью преподавателей, иногда и обучающихся, что приводит к возникновению цифрового разрыва и последующем его преодолении. Современные образовательные тренды позволяют интенсифицировать поиск новых путей и способов, позволяющих заинтересовать обучающихся в учебном процессе. Необходимо акцентировать внимание на подготовке специалистов новых профессий, обладающих

такими профессиональными компетенциями, которые предполагают склонность к творческим нестандартным решениям и развитие коммуникативных навыков.

Главные тренды будущей системы образования связывают не только с поиском новых форматов обучения, подготовки специалистов новых профессий, требований к профессиональной компетентности, но и иных ролей участников образовательного процесса. Считается важным отслеживать мировые тренды в образовании, способствовать их обсуждению в педагогическом сообществе, поддерживать передовые образовательные инициативы, поскольку это работает на устойчивое развитие и достижение благоприятного будущего для всех.

Литература

1. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы: Пост. Совета Министров Республики Беларусь № 66 от 2 февраля 2021 г. // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 5/48755, 05.02.2021.
2. Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019-2025 годы: Приказ Министра образования Республики Беларусь от 15 марта 2019 г.

Представления о психологической безопасности у сотрудников подразделений с различными типами корпоративной культуры

Видулина В.С.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
le1209ra@gmail.com*

Современное развитие российского общества, характеризующееся ростом напряженности, обусловленным несоответствием достаточно высокого уровня интенсивности социальных, экономических, политических, духовных изменений возможностям людей адаптироваться к ним, а также низким уровнем качества жизни, определяет постановку и решение проблемы психологической

безопасности человека как одного из значимых направлений психологической науки.

Психологическая безопасность, проявляющаяся, в частности, в адаптивности субъекта, в его готовности к принятию решений, не только все в большей степени приобретает значимость в трудовой деятельности человека, но и, будучи результатом психической активности субъекта, влияет на формирование его личностных психологических качеств. При этом одним из видов произвольной психической активности субъекта рассматривается психическая саморегуляция функциональных состояний человека при выполнении сложной профессиональной деятельности, оказывающая влияние на формирование адаптивных свойств субъекта и определяющая ее эффективность, работоспособность человека, его психологическую безопасность (Л.Г. Дикая, В.В. Семенюк).

Исследования К.А. Абулхановой-Славской, Г.М. Андреевой, А.В. Брушлинского, В.А. Бодрова, В.Г. Зазыкина, Г.М. Заракоского, Е.А. Климова, Т.И. Колесниковой, М.А. Котика, В.А. Петровского, А.В. Петровского, К.К. Платонова, В.И. Слободчикова, А.И. Субетто, Л.Д. Чайновой, В.Д. Шадрикова и др. имеют большое значение для теории и практики изучения психологической безопасности субъекта профессиональной деятельности.

Важнейшим фактором для процесса адаптации выступает, как известно, культура. Культура обладает свойством объединения людей, обладающих отличным друг от друга сознанием и характеризующихся определенным поведением. Она инициирует процесс восприятия и рефлексии ценностей, упорядочивает и структурирует социальные общности. Социальная общность может выступать гарантом как общих, так и индивидуальных потребностей при условии непрерывного сотрудничества входящих в эту общность индивидуумов. Культура «оформляет» контент этого взаимодействия в процессе созидательной деятельности индивидов, а также формирует представление о целях сотрудничества в рамках существующей системы ценностей.

Корпоративная культура – это важный фактор, объединяющий людей вокруг общих целей компании, ее ценностях, обеспечивающих преданность общему делу, делающих коллектив единым. Более того, наличие корпоративной культуры, как акмеологической среды,

представляет собой основу психологической безопасности сотрудников, обеспечивая им ощущение стабильности и надежности.

Проблеме корпоративной культуры, или организационной культуры, посвящены исследования многих ученых различных отраслей науки. Начали эти исследования зарубежные ученые. Так, Э.Х. Шейн рассматривал корпоративную культуру как комплексное, многогранное явление, которое имеет свою структуру и компонентный состав, как единство трех уровней: поверхностного, или символического, внутреннего и глубинного. Согласно Г. Хофстеде, выделившему уровни культуры, на вершине иерархии находится национальная культура, а на нижней ступени – организационная культура. К. Камерон и Р. Куинн расширили представление о типологии организационных культур, создали инструменты их диагностики и изменения.

Психологическая безопасность сотрудников и корпоративная культура – два важнейших конструкта для жизнедеятельности любой организации.

Цель нашего исследования – сравнительный анализ представлений о психологической безопасности у сотрудников подразделений с различными типами корпоративной культуры.

Исходя из поставленной цели, был определен следующий диагностический инструментарий: опросник «Психологическая безопасность»; методика диагностики корпоративной культуры (Д. Денисон); методика свободных ассоциаций.

Методы обработки данных: количественно-качественный анализ, описательная статистика, статистический и корреляционный анализы.

В исследовании приняли участие сотрудники реальных трудовых коллективов, единицей анализа явилось подразделение (малая группа). Всего в исследовании приняли участие четыре подразделения, а именно 72 человека: департамент продаж ($n = 25$), финансово-юридическое подразделение ($n = 18$), технический отдел ($n = 15$) и рекламный отдел ($n = 14$).

Выявлено наличие статистически значимых связей ($r = 1$; $p < 0,05$) между представлением о психологической безопасности и такими показателями корпоративной культуры, как способность к адаптации, индекс видения, индекс координации и интеграции, индекс способности к консенсусу, индекс возможности развития и индекс

ориентации на работу в команде. Чем выше эти показатели корпоративной культуры, тем более психологически безопасно ощущает себя сотрудник в организации.

Литература

1. *Грачева Д.Г.* Корпоративная культура как средство адаптации сотрудников и основа психологической безопасности личности в организации. 2012.
2. *Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры / под ред. И.В. Андреевой. СПб., 2001.
3. *Козлов В.В.* Корпоративная культура: Учебно-практическое пособие. М., 2009.
4. *Несмеянова Р.К.* Взаимосвязь образа корпоративной культуры и организационной идентификации сотрудников коммерческих предприятия. М., 2018.
5. *Обознов А.А.* Культура безопасности: система оценки и формирование в организациях повышенного риска. СПб., 2016.

Литотерапия как современная психолого-педагогическая технология в работе с детьми дошкольного возраста

Визгина Е.Н.

КУ «Специализированный Дом ребенка «Малютка»

Минздрава Чувашии,

Чебоксары, Россия

Дунаева Н.А.

МБДОУ «Детский сад №16 «Красная Шапочка»,

Новочебоксарск, Россия

Ратманова С.А.

МБДОУ «Детский сад №10 «Сказка»,

Новочебоксарск, Россия

Развитие социально-коммуникативной компетентности детей основывается на развитии общения и взаимодействия со взрослыми и сверстниками, независимости, самостоятельности и

целеустремленности и контроля собственного поведения, социального и эмоционального интеллекта и эмоциональных реакций, эмпатии готовности к совместной деятельности со сверстниками, развитие установок на уважение и чувства принадлежности к детско-взрослому сообществу семьи и организации.

Многие дети имеют низкую самооценку, высокую тревожность, высокую агрессивность и слабые коммуникативные навыки организации. В связи с этим возникает необходимость развития эмоционально-волевой сферы с раннего возраста, формирования социальных компетенций (доброта, внимание, сочувствие, сопереживание, помощь), развития духовно-нравственных качеств у детей.

С этой целью нами была разработана и внедрена в образовательный процесс программа «Каменные сказки». Использование литотерапии в психологической практике, в том числе и применение методов литотерапии в детских садах – это малоизученное направление. Считаем, что игры с камушками могут широко использоваться для психологической помощи дошкольникам и подросткам испытывающие трудности в общении, для психокоррекции психопрофилактики конфликтов, замкнутости и тревожности, для оптимизации психического развития детей и подростков.

Основой коррекции стала гармонизация детско-родительских отношений.

Проблемная ситуация

Воспитанники средней группы дошкольной образовательной организации испытывают трудности в выстраивании контактов между собой, а также со взрослыми (в лице родителей и педагогов), поведение детей превалирует в части повышенного индекса агрессивности, неумении решать вопросы в конструктивном русле, слушании и слышании друг друга, что отражается на когнитивных процессах, усвоении программы ООП ДОО, мотивации посещать детский сад, низких показателях социометрии группы, отсутствии лидеров в сообществе.

Цель программы: развитие эмоционально-волевой сферы детей дошкольного возраста. Программа рассчитана на детей 4-5 лет, работа строится индивидуально или по подгруппам 6-8 человек.

Общее время, необходимое для реализации программы с детьми:
16 занятий офлайн или онлайн.

Если коррекция поведения не требуется, то в качестве профилактики и с целью обогащения эмоционального опыта детей достаточно проводить занятия один раз в неделю в игровой форме. Каждое занятие состоит из нескольких частей и занимает не более 25 минут, что полностью соответствует возрастным, психологическим и физическим возможностям младшего дошкольника.

Апробация программы «Каменные сказки» проходила в трех дошкольных учреждениях города Новочебоксарск Чувашской Республики: МБДОУ «Детский сад №1» города Новочебоксарска под руководством Визгиной Е.Н.; МБДОУ «Детский сад №16 «Красная Шапочка» города Новочебоксарск, под руководством Дунаевой Н.А.; МБДОУ «Детский сад №10 «Сказка» города Новочебоксарска под руководством Ратмановой С.А. Так как в дошкольных учреждениях имеются две параллельные группы детей одного возраста, их разделили на контрольную и экспериментальную группы (в последней реализовывалась программа «Каменные сказки»). В выборке участвовали воспитанники средней группы (4-5 лет) – 110 человек, из них 62 девочки и 48 мальчиков.

В экспериментальной группе – 55 детей, из них 31 девочка и 24 мальчика, воспитанники средней группы (4-5 лет). По наблюдением за детьми и результатам обследования – психоэмоциональное развитие у детей соответствует их возрасту. Социальный статус семьи и национальность не учитывалась при обследовании.

В контрольной группе – 55 детей из них 31 девочка и 24 мальчика, воспитанники средней группы (4-5 лет). По наблюдениям за детьми и результатам обследования – психоэмоциональное развитие у детей обеих групп соответствует их возрасту.

Для оценки эффективности программы в начале и в конце занятий использовались следующие методические средства.

- Графическая методика «Кактус» М.А. Панфилова (авторская) на оценку эмоциональной сферы ребенка [3, с. 54-58].
- Методика самооценки «Лесенка» (по В.Г. Щур) [5, с. 32].
- Изучение взаимоотношений между детьми в группе детского сада – игра «Секрет» (Т.А. Репиной) [2].

- Выявление тревожности у дошкольников по методике «Паровозик» [1].
- Диагностика эмоциональных отношений в семье [4].

Наблюдение специалиста за испытуемыми детьми проводилось в непринужденной групповой обстановке в течение дня. Методики, предполагающие индивидуальное обследование, проходили с согласия родителей (законных представителей), в присутствии родителей в кабинете педагога-психолога.

Вся информация, полученная в процессе обследования, конфиденциальна и хранится в сейфе педагога-психолога. Педагогам даются только рекомендации по работе с детьми.

Итак, показатель эмоционально-волевой сферы для контрольной группы практически не изменился и составил 69,5% в начале года и 73,8% в конце учебного года. В экспериментальной группе (по результатам прохождения программы «Каменные сказки») наблюдается положительная динамика формирования ЭВС. В начале года этот показатель составлял 67,3 %, а на конец года – 85,8 %. Такие результаты были достигнуты благодаря тому, что для каждого ребенка были созданы условия для развития, учитывающие его индивидуальные способности и потребности, пространственная среда для развития, а также использование современных технологий и методов обучения, соответствующих развитию. Стоит отметить, что среди воспитанников, не посещающих регулярно дошкольное учреждение по уважительным причинам или по болезни, выявлена незначительная положительная динамика, что говорит о необходимости систематического посещения занятий.

Результаты работы для детей:

- снижение агрессивности в группах;
- желание находиться в хорошем настроении;
- высокие темпы социализации и адаптации;
- установление в группах положительного психоземotionalного фона;
- снижение уровня заболеваемости (психосоматический компонент);
- положительное личностное развитие;
- легкое усвоение текущего учебно-образовательного материала.

Результаты для родителей:

- возможность психолого-педагогического сопровождения;
- актуализация направления развития ребенка (мини-консультаций);
- актуализация навыка слышать своих детей и по-новому взаимодействовать с ними;
- навыки анализа ситуации и самоанализа;
- навык выстраивания новых моделей отношений с ребенком.

Самое удивительное, что уже в процессе занятия участники делают для себя неожиданные открытия, коррекция происходит в актуальном моменте. И если ребенок не всегда может отследить и транслировать обратную связь, то родители чаще всего отмечали в своих отзывах ощутимые результаты в конце занятия. У родителей, настроенных на работу, появляется много важных вопросов об отношениях и развитии семьи. В рамках программы родители не остаются один на один с возникающими вопросами, а получают на них ответы здесь и сейчас – от педагога-психолога.

Литература

1. *Велиева С.В.* Диагностика психических состояний детей дошкольного возраста: Учебно-методическое пособие / С.В. Велиева. СПб: Речь, 2007. 240 с.
2. *Веракса А.Н.* Практический психолог в детском саду / А.Н.Веракса, М.Ф. Гуторова. М.: Мозайка-Синтез, 2012. 144 с.
3. *Панфилова М.А.* Игротерапия общения. Тесты и коррекция игры. Практическое пособие для психологов, педагогов и родителей / М.А. Панфилова. М.: Изд-во ГНОМид, 2018. 160 с.
4. *Прохоров А.О.* «Цветик-восьмицветик» / Методики диагностики и измерения психических состояний личности М.: ПЕР СЭ, 2004. 176 с.
5. *Широкова Г.А.* Практикум для детского психолога / Г.А. Широкова, Е.Г. Жадько. Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. 314 с.

Развитие социального интеллекта в подростковом возрасте

Виноградова Е. С.

*МБДОУ «Детский сад комбинированного вида №4 «Ласточка»,
Симферополь, Россия
katyanikitina1523@mail.ru*

В современном мире пересматривается роль и значимость человека в связи с тенденциями глобализации, интеграции, массовой информации, межкультурной коммуникации, в связи с чем встает вопрос о развитии социального интеллекта. Развитый социальный интеллект влияет на успешность индивида в деятельности и общественной жизни, позволяет грамотно выстраивать диалог, понимать партнера. Исследование социального интеллекта рассматривается как комплексная, междисциплинарная проблема. Государство всячески поддерживает идею развития социального интеллекта, о чем могут свидетельствовать Национальные проекты. Так, например, Национальный проект «Образование» включает в себя выявление одаренных детей, в том числе детей с социальной одаренностью, поощряется развитие качеств, необходимых для карьерного роста. Так же Федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения предполагают постоянное развитие коммуникативной компетентности и умения сотрудничать, что является частью социального интеллекта.

Развитие социального интеллекта происходит на протяжении всей жизни, но наиболее актуальным является его развитие у подростков. Во-первых, подростковый возраст является сензитивным для развития коммуникативной сферы и социального интеллекта. Во-вторых, общение со сверстниками становится ведущей деятельностью на данном возрастном этапе и происходит развитие личности, связанное с интимно-личностным общением и взаимодействием с другими людьми [4, с. 153]. В-третьих, происходит активное развитие личности, включая овладение подростком регуляцией поведения во взаимодействии с окружающими людьми, успешной адаптации к межличностным взаимоотношениям. Таким образом, в подростковом возрасте происходит активное развитие всех сфер личности и при благоприятном прохождении кризиса человек успешно переходит на

следующий этап развития. При негативном сценарии прохождения подросткового кризиса, могут возникать нарушения, которые могут привести к проблеме девиантного поведения у подростка. Высокий уровень развития социального интеллекта увеличивает адаптивность в социуме, делает подростка более успешным в коммуникативном взаимодействии среди сверстников, он позволяет предупредить негативные последствия. Таким образом, проблема развития социального интеллекта у подростков становится важной.

Социальный интеллект выступает основой умения человека эффективно строить социальные взаимодействия, умения работать в группе людей, быть лидером и ведомым, а также обеспечивает социальную компетентность [2, с.7]. Социальный интеллект – это важное свойство личности, которое способствует успешной самопрезентации в разных ситуациях [1, с. 215].

В структуре социального интеллекта выделяют три стороны – когнитивную, эмоциональную, поведенческую. Когнитивная сторона включает в себя социальные знания, социальную память, социальную интуицию, социальное прогнозирование. В эмоциональную входят социальная выразительность, сопереживание, способность к саморегуляции. К поведенческой можно отнести социальное восприятие, социальное взаимодействие, социальная адаптация [2, с. 11].

В.Н. Куницына определяет формирование длительных отношений в социуме на основе оценки уровня и характера общения как одну из центральных функций социального интеллекта. Помимо этого, безусловно, важной является функция мобилизации, помогающая преодолевать кризисные периоды и длительные стресс [1, с. 322]. Также В.Н. Куницына выделяет следующие функции изучаемого феномена: обеспечение успешной адаптации в изменяющихся условиях, составление плана и программы эффективных взаимоотношений и взаимодействий, решение поступающих задач, планирование событий и прогнозирование их развития в межличностных отношениях, формирование адекватной мотивации к общению, развитие социальной компетентности, самопознания, самообучения [1 с. 322].

В работе Р. Селмана, посвященной этапам развития социального интеллекта у подростков, указывается, что с развитием данного феномена на первый план выходит ориентация на внутренние мотивы поступков [3, с. 46]. Исследователь выделил пять основных этапов развития социального интеллекта. На нулевой стадии человек не различает внутренние, психологические, внешние, физические принципы поведения. Первая стадия отличается тем, что появляется способность дифференцировать внешний и внутренний мир. На второй стадии появляются попытки понять позицию партнера. Третья стадия предполагает структурирование представлений о взаимодействии между людьми. На четвертой стадии происходит понимание различных уровней близости между людьми и подросток учится выстраивать коммуникации с разными людьми [3, с. 47].

К факторам, которые влияют на развитие социального интеллекта, можно отнести: особенности семейных отношений, средства активного обучения, особенности социального окружения и т.д. [1; 2; 5]. Важно отметить, что особое внимание отводится роли семьи и семейных отношений в развитии социального интеллекта. Как правило, подростки дистанцируются и отчуждаются от родителей и взрослых. Именно в этом возрасте появляется желание противопоставлять себя взрослому. Люди подросткового возраста стараются показать свою независимость. При отстаивании равенства со взрослым, противопоставлением ему, присутствует так же желание получить защиту, поддержку и помощь [4, с. 153].

Таким образом, можно заключить, что развитие социального интеллекта в подростковом возрасте является важной и актуальной проблемой. Развитый социальный интеллект позволяет эффективно выстраивать взаимодействие между людьми, эффективно работать в команде, выступать в качестве лидера и ведомого, обеспечивает социальную компетентность. Для подростков развитие социального интеллекта является значимым в виду того, что в этот период активно развивается коммуникативная сфера, на первый план выходит общение со сверстниками, происходит всестороннее развитие личности.

Литература

1. *Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М.* Межличностное общение. Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.
2. *Савенков А.И.* Структура социального интеллекта. Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 2. С. 7-15.
3. *Селман Р.* Этапы развития социального интеллекта. Психология саморазвития под ред. Г.А. Цукерман, Б.М. Мастерова. М.: Интерпрайс. 1995. С. 45-47.
4. *Сорокоумова Е.А.* Возрастная психология: учебное пособие для среднего профессионального образования. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2023. 227 с.
5. *Ясюкова Л. А., Белавина О. В.* Социальный интеллект детей и подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 181 с.

Характеристика межличностных отношений детей дошкольного возраста в старшей группе детей с ОВЗ

Виталёва Я.В.

*МБДОУ «Детский сад № 10 «Кораблик»,
Лесосибирск, Россия
ya.vitalyova01@gmail.com*

В связи с внедрением в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273 от 29.12.2012 г. одного из ведущих направлений обновления системы образования – инклюзии, дающей право на получение дошкольного образования детьми с ограниченными возможностями здоровья, практика поступления таких детей в массовые дошкольные образовательные организации (ДОО) стала повсеместной, а проблема их социализации в группе детского сада приобрела значимость и актуальность. Не вызывает сомнения тот факт, что назрела острая необходимость в понимании

особенностей межличностных отношений дошкольников групп компенсирующей направленности.

Одним из центральных подходов к пониманию межличностных отношений является социометрический. Согласно данному подходу, мы рассматриваем межличностные отношения как избирательные предпочтения детей в группе сверстников [4].

Общение со сверстниками является важным фактором, влияющим на личностное и социальное развитие. У детей с ограниченными возможностями здоровья общение также является центральным для психического развития. М.И. Лисина выделяет следующие виды общения у детей: внеситуативно-познавательное, ситуативно-личностное, внеситуативно-личностное, внеситуативно-личностное и средства общения: вербальные и невербальные [2].

В исследованиях Т.В. Волосовец, В.Н. Мясищева, Т.А. Репиной, было выявлено, что на протяжении от 3 до 7 лет значительно возрастает структурированность детского коллектива – одни дети становятся предпочитаемыми в группе, другие отверженными [1; 3; 5].

Механизм управления своим поведением у детей формируется к старшему дошкольному возрасту. Данный механизм определяет завершающий этап развития свойств личности. У старшего дошкольника закладывается поведенческий компонент социального отношения, проявляющийся в межличностных отношениях, на основе которых возникает осознание нравственных норм и правил поведения [5].

Недостаточное развитие того или иного компонента вышеупомянутого механизма нарушает целостное развитие и социализацию дошкольника, что грозит усугублению отклонений и торможению способов ценностного вхождения и адаптации ребенка к социуму.

В нашей работе мы использовали следующие методы исследования: наблюдение и социометрический тест «Два домика» (автор – Т.Д. Марцинковская).

Наблюдение происходило за группой компенсирующей направленности. Это старшая группа, в которой 12 детей (2 девочки, 10 мальчиков): из которых 5 детей с задержкой психического развития и 7 детей с тяжелым нарушением речи.

Особенностями межличностных отношений дошкольников старшей группы компенсирующей направленности являются: повышенная эмоциональность (от ярости до радости, от нежности до драки), конфликтность, особая ненормативность поведения (поцелуи мальчиков, разглядывание своих и чужих половых органов (относится данная особенность только к паре мальчиков), передразнивание друг друга, девочкам свойственно кривляние, гиперактивность, агрессивность, конфликтность. Естественно, с возрастом контакты детей все более поддаются общепринятым нормам. Однако особая ненормативность поведения остается отличительной чертой на протяжении года в старшей группе детей с ТНР и ЗПР.

Обобщая полученные результаты диагностики, мы можем отметить, что в данной группе обозначились следующие социометрические статусы: звезда – 1, предпочитаемые – 2, принятые – 4, отвергнутые – 5.

Мы также провели беседу с воспитателем данной группы и сопоставили свои наблюдения за детьми и пришли к выводу, что дети, имеющие статус «отвергнутый» имеют следующие поведенческие характеристики во взаимодействии с другими детьми: ненормативность поведения (поцелуи мальчиков и рассматривание гениталий), агрессивность (беспочвенные нападения с предметами в руках на других детей, необоснованные вспышки гнева и крики), разговоры с самим собой, но не беседа с одноклассниками, отстраненность от совместных игр и творческой деятельности, гиперактивность и в то же время проявляются пассивность и безразличность ко всему происходящему в группе и в жизни детского сада. Примечателен тот факт, что все дети социометрического статуса «отвергнутый» имеют нозологию «задержка психического развития». Старшая группа детей с ОВЗ имеет низкий уровень благополучия взаимоотношений дошкольников.

Таким образом, проанализировав результаты исследования межличностных отношений у дошкольников старшей группы компенсирующей направленности по методике «Социометрический тест – Два домика» (автор – Т.Д. Марцинковская), можно сделать вывод о том, что в «группе риска» находится 5 человек (42%). Это те дошкольники, которые имеют социометрический статус «отвергнутый» по результатам исследования. Таким детям

свойственна замкнутость, агрессивность, пассивность, низкий уровень самоконтроля. Обобщая результаты первичной диагностики, мы пришли к выводу о необходимости разработки и реализации системы занятий, направленной на коррекцию межличностных отношений у дошкольников старшей группы компенсирующей направленности.

Литература

1. *Волосовец Т.В.* Ребенок в инклюзивном дошкольном учреждении: методическое пособие. М., 2010.
2. *Лисина М. И.* Формирование личности ребенка в общении. СПб., 2009.
3. *Мясищев В.Н.* Психология отношений. М., 1998.
4. *Петровский А.В.* Психологический словарь. М., 1985.
5. *Ретина Т.А.* Деятельность и взаимоотношения дошкольников. М., 1987.

Опыт использования авторских коллективных настольных игр при формировании коммуникативного компонента личностного потенциала школьников

Вишнякова О.А.

*МОУ СШ №24, Волгоград, Россия
poljnka1@yandex.ru*

Личность ребенка является главной ценностью системы образования в Российской Федерации. Ребенок (школьник) – это часть социума, в котором он растет, развивается, учится общаться не только со сверстниками, но и с людьми разных возрастов, профессий, социальных статусов. Школьник приобретает навыки взаимодействия с разными людьми в разных ситуациях. Кроме этого, ребенок усваивает определенную систему знаний, норм и ценностей, позволяющих функционировать в качестве полноправного члена общества. «Личность – это не природный объект, это то, что человек в процессе индивидуального развития сам из себя делает» [2, с. 146].

Существующие в современном обществе социальные факторы обрушиваются на несформированную личность школьников в виде сложных жизненных ситуаций, с которыми они вынуждены взаимодействовать.

Поэтому одной из ключевых целей образования является развитие личностного потенциала каждого ребенка, овладение им прочными знаниями, умениями и навыками с возможностью их применения на практике.

У каждого ребенка есть потенциал, и очень важно реализовать его. Понятие личностного потенциала содержательно раскрывает идею «изменяющейся личности в изменяющемся мире» [1, с. 158]. Слово «потенциал» подразумевает под собой нечто заложенное в человеке изначально. Поэтому его не нужно создавать, но его необходимо развивать.

Одним из действенных инструментов реализации личностного потенциала школьников являются психолого-педагогические коллективные настольные игры, основными целями которых являются:

- создание атмосферы, благоприятствующей общению детей, узнаванию нового друг о друге, сближению;
- формирование чувства общности, атмосферы сотрудничества и поддержки (это особенно важно для тех детей, которые боятся проявить себя в коллективе);
- нивелирование стресса, напряжения, скованности, сопровождающих в той или иной степени каждого члена нового коллектива [3].

Следовательно, игра создает необходимый фундамент для знакомства, налаживания контактов со сверстниками.

Для апробации приведенных выше тезисов автором, в рамках психолого-педагогической деятельности в средней общеобразовательной школе, была разработана, методически обоснована и неоднократно реализована на практике психолого-педагогическая коллективная настольная игра «Интересно обо мне».

Данная игра может проводиться в целях первичного знакомства и объединения детей. В этом случае, задачами игры является:

- формирование представления о товарищах, способствующего тому, чтобы незнакомые сверстники стали для ребенка «своими».
- создание пространства для «запоминания» товарищей по их интересам, увлечениям, ценностям.

Кроме того, благодаря игре, у ведущего появляется возможность отметить активистов, которые неизменно проявляют себя юмором и общительностью. В данной игре ведущий для себя может выделить и застенчивых детей, чтобы найти к ним индивидуальный подход и помочь начать общение.

Игра может проводиться и на вторичное знакомство, что позволит углубленно изучить личности товарищей, поможет сформировать взаимосвязи между детьми. Вопросы, используемые в игре, помогают узнать об увлечениях, любимых занятиях ребят, их интересах. В этом варианте мероприятие проводится после того, как ребята уже немного освоились в коллективе и привыкли к новой обстановке.

В игре используется открытый тип вопросов и неоконченных предложений («мой любимый мульт-герой...», «я люблю слушать...» и др.), которые подразумевают собственный развернутый ответ. С помощью данных вопросов можно расширить и углубить знания о человеке, познакомиться с субъективной реальностью играющего. Данный тип вопросов позволяет стимулировать активность учащегося в игре его установок, чувств, мыслей, ценностей поведения и т.д. Зачитывая вопросы, мы подталкиваем участников к развитию личностной рефлексии.

Кроме того, в игре используются ситуационные вопросы и неоконченные предложения (например: «на Новый год я был/была...»), «отсылающие» участника к конкретной ситуации. У игрока есть возможность еще раз «пережить» тот опыт, эмоции, чувства, подумать, вспомнить, осознать.

Также присутствуют направленные вопросы, позволяющие извлечь конкретизированную информацию, например: «у меня есть друзья, которые...», «мой папа для меня...».

Участниками игры могут быть дети от 4-х лет. Верхнего порога ограничений нет.

В игре могут участвовать от 2 до 6 игроков. Нужно поставить фишки на «**Старт**». Игроки ходят по очереди. В свой ход игрок

бросает кубик и переставляет свою фишку вперед ровно на столько шагов, сколько выпало очков на кубике, отвечая на вопрос, на котором находится его фишка. Вопросы перемежаются побудительными предложениями (например: «Ты такой / такая интересная, но хочется узнать еще о тебе. Вернись на 2 клеточки назад»), где рекомендуется вернуться на несколько ходов назад и ответить на вопрос, на котором стоит фишка.

Описываемая игра была неоднократно практически реализована среди учащихся первых – пятых классов общеобразовательной школы. Ввиду того, что участники являлись представителями одного класса, целью игры было углубленное изучение личности товарищей, формирование взаимосвязей между детьми, получение ими информации об увлечениях, любимых занятиях, их интересах.

В ходе проведения игры, среди учащихся была создана атмосфера благоприятствующую общению детей, узнаванию нового друг о друге, сближению; сформировано чувство общности, атмосфера сотрудничества и поддержки; снивелированы стресс, напряжение, скованность.

В финале мероприятия была проведена рефлексия, где учащиеся ответили ведущему и друг другу на вопрос «что нового они узнали о своих товарищах?»

Участники игры сами отметили тот факт, что, несмотря на совместное обучение, личные увлечения каждого из них им неизвестны. Настоящим открытием явились ценности товарищей, важные для них в других людях, в том числе проявляющиеся в отношениях к своим мамам, папам, другим членам семьи. Ребятам интересно было узнать, чему бы хотели научиться их товарищи, кем бы они хотели стать.

Таким образом, разработанная и проведенная автором психолого-педагогическая коллективная настольная игра хорошо показала себя как эффективный инструмент формирования и развития коммуникативного компонента личностного потенциала школьников. Полученный автором опыт может быть экстраполирован как на другие детские и подростковые коллективы, так и на иные процессы психолого-педагогической работы в учебных учреждениях различного уровня.

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 158.
2. *Леонтьев Д.А.* Личность как преодоление индивидуальности: контуры неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 134–147.
3. *Стрихарь Е.Ю.* Игры для знакомства детей и подростков. <https://www.rastut-goda.ru/questions-of-pedagogy/8494-igry-na-znakomstvo-dlya-detej.html>

Связь особенностей эмоционального интеллекта учителя начальных классов и профиля учебной мотивации его учеников

Власов И.Ю., Орлов В.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
igor1910@icloud.com, vladimirorlov@bk.ru*

Проблема учебной мотивации младших школьников привлекает внимание многих исследователей. Изучается влияние на мотивацию детей таких факторов, как отношение родителей к школе, качество образовательных программ и методов обучения, а также роль учителя в создании благоприятной образовательной среды [1; 2; 5].

Современные исследования проблем мотивации учения младших школьников базируются на теоретических подходах, изложенных в трудах Л.И. Божович, В.В. Рубцова, А.Н. Леонтьева и др. При этом подчеркивается необходимость в дальнейших исследованиях, особенно направленных на поддержку эмоциональной связи между учителем и учеником, а также разработку практических стратегий и методик, позволяющих повысить качество образования. Многие исследователи видят существенные ресурсы для повышения качества образования в совершенствовании системы эмоциональных взаимоотношений педагога и ученика [2].

В психологии все большее внимание уделяется исследованию эмоционального интеллекта, представляющего собой сложный

многомерный конструкт, который пока еще трудно подвергнуть развернутому диагностическому анализу. Несмотря на активное исследование эмоционального интеллекта (Д. Гоулман, П. Саловой, Дж. Майер, Р. Дэвидсон, К. Двек, М. Бранкенпоул и др.), до сих пор ощущается недостаток стандартизированных инструментов его диагностики, что вносит значительные сложности в изучение рассматриваемого феномена. В России исследованиям в области эмоционального интеллекта посвящены работы Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова и др. [4].

Цель нашего исследования – выявить связь между особенностями эмоционального интеллекта педагога начальных классов и профилем учебной мотивации его учеников.

В исследовании приняли участие 166 учеников 4-х классов начального звена общеобразовательной школы г. Москвы и 6 учителей тех же классов. Использовались «*Методика определения уровня учебной мотивации в младшем школьном возрасте*» И.Ю. Кулагиной, Е.В. Апасовой, В.В. Федорова [3] и «Тест эмоционального интеллекта» Д.В. Люсина [5].

В ходе эмпирического исследования у учителей, согласно шкалами методики, выявлены особенности эмоционального интеллекта. Также были выявлены различия в мотивационном профиле школьников. При этом у учеников педагога с очень высоким эмоциональным интеллектом были выявлены наиболее высокие среди опрошенных учеников ранговые показатели положительного отношения к учебе – 93,57, позитивного отношения к школьной жизни – 106,84 и признания социальной значимости обучения – 113,96. Самая высокая мотивация (133) – у учеников педагогов, обладающих очень высоким уровнем эмоционального интеллекта. Самый низкий показатель общей мотивации (29,5) зафиксирован у учеников педагогов с очень низким эмоциональным интеллектом.

С помощью критерия Краскела-Уоллиса подтверждено, что ученики педагогов с низким общим уровнем эмоционального интеллекта, в отличие от учеников педагогов со средним и высоким ЭИ, характеризуются менее позитивным отношением к школьному обучению ($W_{KV} = 6,79; p < 0,05$) и к школьной жизни ($W_{KV} = 35,83; p < 0,001$), более склонны к демонстрации компетентности ($W_{KV} = 38,52; p < 0,001$). У них ниже показатели социальной значимости учения (W_{KV}

= 66,02; $p < 0,001$) и общего уровня мотивации ($W_{KV} = 142,37$; $p < 0,001$).

На основании проведенного нами исследования можно сделать следующие основные выводы.

- Чем выше у педагога уровень понимания чужих эмоций, тем выше уровень учебной мотивации его учеников.
- Чем выше способность учителя к управлению своими эмоциями, тем менее негативным является отношение его учеников к школьному обучению.
- Чем выше межличностный эмоциональный интеллект педагога, тем более позитивным является отношение его учеников к школьному обучению.

Дальнейшее исследование взаимосвязи особенностей эмоционального интеллекта учителя начальных классов и профиля учебной мотивации его учеников позволит получить более развернутую информацию для повышения эффективности образовательного процесса через совершенствование эмоциональных отношений педагога с учащимися. В частности, зная особенности эмоционального интеллекта конкретных педагогов, можно разработать индивидуальные обучающие программы повышения эффективности взаимодействия с учениками.

Литература

1. Кожухарь Г.С., Крушельницкая О.Б., Мешкова Н.В., Орлов В.А., Расходчикова М.Н., Сачкова М.Е., Хаймовская Н.А. Социально-психологические феномены в современном образовательном пространстве: монография / под ред. О.Б. Крушельницкой, М.Е. Сачковой. М.: ИНФРА-М, 2022. 172 с. DOI: 10.12737/1718831
2. Крушельницкая О.Б., Орлов В.А. Представление младших подростков о личностных качествах авторитетного учителя // Современный учитель: профессиональная компетентность и социальная значимость: Материалы I Международной научно-практической конференции (Донецк, 24 июня 2022 г.). Том 1 / под общей редакцией С.В. Беспаловой, И.А. Кудрейко. Донецк: Изд-во ДОННУ, 2022. 331 с. С. 50-54.

3. Кулагина И.Ю., Анасова Е.В., Федоров В.В. Методика определения уровня учебной мотивации в младшем школьном возрасте // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 5. С. 43-53. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260504>
4. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 264 – 278.
5. Эклер А.Б., Орлов В.А. Особенности лидерства в школьных классах с различной учебной мотивацией // Социальная психология и общество: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А.В. Петровского (15-16 октября 2019 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. 506 с. С. 479-482.

К вопросу об организационном социальном капитале поколений

Волкова Н.В.

*НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия
Nv.volkova@hse.ru*

Стремительное развитие технологий, появление новых профессий, а также спад рождаемости, который наблюдался в стране в конце прошлого века, актуализировали проблему взаимодействия поколений на рабочем месте. Кроме того, культурно-исторические процессы, происходящие в современном обществе, оказывают непосредственное влияние на психологию группового развития. В этой связи возрастает роль изучения социально-психологических ресурсов, которые позволили бы активно сотрудничать представителям различных поколений и приспособляться к тем стремительным изменениям, которые происходят в обществе.

Поколение как большая социальная группа, объединенная по близким годам рождения, общим историческим опытом и сходным моделям ценностного развития, обладает набором общих черт, по

которым, согласно Г. Олпорту, можно оценивать предрасположенность людей вести себя определенным образом в большом диапазоне ситуаций [3]. Соответственно, каждая поколенческая группа имеет свои социальные представления, мотивацию, убеждения и стили поведения, которые формируются в период социализации (взросления) человека под влиянием определенных культурно-исторических событий [1].

Социальный капитал, который существует во взаимоотношениях людей и поддерживается ими посредством различного рода обмена и действий [6], подчеркивает важность качества социальных связей [2]. Эти отношения могут помочь человеку как интегрироваться в новый коллектив, так и адаптироваться к изменившимся условиям жизни. В этой связи изучение факторов формирования социального капитала поколений приводит к пониманию социально-психологических ресурсов, необходимых для формирования межпоколенческого доверия и преемственности в организации. Соответственно, цель исследования – рассмотрение концепции организационного социального капитала поколений, а исследовательский вопрос: в чем особенности организационного социального капитала в связи с социально-психологическими различиями поколенческих групп?

Проблема поколенческих различий при накоплении социального капитала получила подтверждение на уровне общества. Так, Р. Патнэм установил, что принадлежность к поколенческой группе – это второй после образования предиктор активной включенности граждан в общественную жизнь [8]. В работах Дж. Коулмана было показано, что социальный капитал в семье и обществе оказывает влияние на создание человеческого капитала в последующих поколениях [2]. А.Н. Татарко и Н.В. Чуйкина выявили отличия между множественными идентичностями и социальным капиталом у представителей двух поколений из различных этнических групп [4]. В организациях понимание таких особенностей может упростить социализацию персонала и адаптацию к организационным изменениям, в принятии которых большую роль играют ценностные ориентации, отражающие суть поведения работников разных поколений.

Согласно концепции регуляции социального поведения человека В.А. Ядова, система ценностных ориентаций является высшим диспозиционным уровнем в части влияния на цели жизнедеятельности

и средства их достижения [5]. Ценностные ориентации отражают идеологию, мировоззрение и образ мыслей индивида, сформированных под влиянием социально-конкретных, исторически обусловленных форм деятельности и, соответственно, тесно связаны с межпоколенческими различиями. Они оказывают опосредованное влияние на выбор тактик по установлению социальных связей и степень доверия между сотрудниками и партнерами, которые в совокупности определяют уровень социального капитала.

Мы считаем, что организационный социальный капитал поколений нужно рассматривать как диспозицию высшего уровня. На наш взгляд этот феномен обладает рядом специфических характеристик, поскольку основу для накопления составляют общие ценностные ориентации, усвоенные в период социализации или взросления индивида в определенный культурно-исторический промежуток времени. Именно они регулируют поведение личности в долгосрочной перспективе, а также координируют ее социальные установки [5]. В организациях наблюдается аналогичный эффект, ценностные ориентации, связанные с рабочим процессом (work values) (например, самореализация, автономия, отношение к лидерству и др.), формируют восприятие сотрудниками предпочтений на рабочем месте, оказывая прямое влияние на их поведение, и различаются у представителей поколенческих групп [7].

Таким образом, **организационный социальный капитал поколений** можно определить как совокупность коммуникативных связей и ресурсов, которые создают основу для коллективных действий в организации и формируются группой людей, родившихся в определенный период времени, с ценностными ориентациями, сформированными в период социализации под влиянием одинаковых исторических, политических и экономических событий.

Литература

1. Волкова Н.В., Чикер В.А., Почебут Л.Г. Различия поколений в консолидации социального капитала: организационный и субкультурный аспекты // Социальная психология и общество. 2019. № 2 (10). С. 127–145.

2. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. 3. С. 122–139.
3. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М., 2002.
4. Татарко А.Н., Чуйкина Н.В. Взаимосвязь множественных идентичностей и социального капитала на постсоветском пространстве: межпоколенный анализ // Культурно-историческая психология. 2021. № 4 (17). С. 65–73.
5. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М., 2013.
6. Bourdieu P. The forms of capital New York: Greenwood: Westport, 1986. С. 241–258.
7. Lyons S., Kuron L. Generational differences in the workplace: A review of the evidence and directions for future research: Generational differences in the workplace // Journal of Organizational Behavior. 2014. № S1 (35). С. S139–S157.
8. Putnam R.D. Bowling alone: the collapse and revival of American community. New York, 2000.

Взаимосвязь рефлексивности и личностных особенностей казахстанских студентов

Волох А.Д., Касымжанова А.А.

*Университет «Туран», Алматы, Республика Казахстан
alina-voloh@mail.ru, a.kassymzhanova@turana.edu.kz*

Текущие политические, экономические и социальные события, происходящие как во всем мире, так и в Казахстане, требуют того, чтобы человек достаточно быстро мог, исходя из внутренней позиции, определять свое отношение к поступающей о них информации. Одним из психологических качеств, которые этому способствуют, на наш взгляд, является рефлексивность.

Сегодня данное понятие входит в сферу интересов ученых по всему миру. Об этом свидетельствуют труды зарубежных ученых F. Gino, В. R. Staats, F. E. Motta, J. C. Rafalski, I. C. Rangel и др. В России представленной проблемой активно занимались А.В. Карпов, И.Н.

Семенов, В.А. Петровский, Д.А. Леонтьев. В современной казахстанской науке рефлексивность рассматривают А.К. Мынбаева, А.С. Мустафина, Г.Т. Абитова, А.А. Касымжанова.

И.Н. Семенов определяет рефлекссию как высшую психическую функцию, которая с помощью самонаблюдения позволяет осознать и понять свои чувства, мысли, состояния и поступки [3, с. 35]. Рефлексивность, согласно В.Д. Шадрикову, – это личностное качество, проявляющееся в направленности познавательной активности сознания на себя. Она характеризует рефлекссию как процесс и поддается измерению [2, с. 57].

По мнению А.В. Карпова, рефлексивность может быть направлена на себя или на других людей, осуществлять анализ разных промежутков времени (ситуативная, ретроспективная и проспективная) [4, с. 108]. Согласно дифференциальной модели Д.А. Леонтьева, рефлексивность может быть продуктивной, обеспечивая внимание как к внутренним процессам, так и к внешним объектам и событиям (системная). Однако она также позволяет сосредоточить мыслительную активность индивида только на себе самом (интроспекция) или фокусироваться на том, что не относится к происходящему в действительности (квазирефлексия) [1, с. 113-116]. Последней типологии мы придерживались в текущем исследовании.

В данной работе мы приводим данные проверки предположения о том, что существует взаимосвязь между рефлексивностью и личностными особенностями студентов.

Респондентами стали студенты бакалавриата Университета «Туран» с 1 по 4 курс ($N = 46$), в возрасте от 18 до 26 лет (средний возраст 21,33), из них 67,4% женского пола, 78% обучаются на гуманитарно-юридическом факультете.

Для измерения личностных особенностей студентов использовался пятифакторный опросник личности Х. Тсуи в адаптации А.Б. Хромова. Рефлексивность была оценена при помощи Дифференциального теста рефлексивности Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина.

Методики предлагались респондентам в онлайн-формате при помощи сервиса Online Test Pad. Все тестируемые принимали участие в исследовании добровольно и были информированы о целях проводимых процедур. Для статистической обработки данных был

использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Расчеты производились в программах IBM SPSS Statistics 22 и Microsoft Excel 2010.

В результате обработки полученных данных было установлено, что интегральный показатель «Общий уровень рефлексивности», отражавший суммарный балл респондентов по всем шкалам, имеет значимую положительную взаимосвязь с показателями привязанности и эмоциональности (нейротизма) ($p < 0,05$), а также положительную корреляцию с игривостью (открытостью опыту) ($p < 0,01$). То есть, чем выше общий уровень рефлексивности, тем выше показатели привязанности, эмоциональности и игривости. Обнаружена сильная положительная взаимосвязь интроспекции с эмоциональностью ($p < 0,01$), это значит, что высокому уровню интроспекции соответствует высокий уровень эмоциональности. Увеличение показателя квазирефлексии сопровождается увеличением игривости – они имеют значимую положительную корреляцию ($p < 0,05$). Системная же рефлексия положительно связана с показателем привязанности ($p < 0,05$), а также с экстраверсией, контролированием (добросовестностью) и игривостью ($p < 0,01$). Следовательно, для респондентов с высокими показателями системной рефлексии свойственны высокие значения открытости опыту, экстраверсии, привязанности и добросовестности.

Данные результаты могут свидетельствовать о том, что люди, склонные к интроспекции, наиболее эмоционально неустойчивы. Это может объясняться тем, что человек, сосредоточенный на собственном внутреннем мире и ищет истоки проблем только в самом себе, может быть менее объективным в оценке текущей ситуации и больше тревожиться. Подобная реакция блокирует использование таких продуктивных копинг-стратегий, как, например, поиск социальной поддержки или поиск решения.

Квазирефлексия предполагает размышления о том, что не связано с текущей ситуацией, а потому было ожидаемо, что выявится ее связь с игривостью, которая предполагает некоторое легкомыслие и постоянное любопытство. Системная же рефлексия, позволяя смотреть не только на себя со стороны, но и на происходящие события и окружающих людей, позволяет быть открытым к ним, проникнуться интересом, а потому обнаруживается ее взаимосвязь с экстраверсией,

привязанностью и игривостью. Однако, несмотря на это, для индивидов, которые так системно смотрят на самих себя и жизнь в целом, характерен и высокий уровень контролирования, добросовестное исполнение взятых обязательств и организованный подход к делам. Полученные данные еще раз подтвердили продуктивный характер системной рефлексии, продемонстрировав это на казахстанской выборке.

Литература

1. *Леонтьев Д.А., Осин Е.Н.* Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.
2. *Ожиганова Г.В.* Рефлексия, рефлексивность и высшие рефлексивные способности: подходы к исследованию // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. Т. 24. № 4. С. 56-60.
3. *Семенов И.Н.* Методологические проблемы этимологии и типологии рефлексии в психологии и смежных науках // Психология. Журнал Высшей школы экономики, № 2. Т. 10, 2013. С. 24-45.
4. *Шадриков В.Д., Кургиян С.С.* Исследование рефлексии деятельности и ее диагностика через оценку конструктов психологической функциональной системы деятельности // Экспериментальная психология. 2015. Том 8. № 1. С. 106-126.

Групповая сплоченность в студенческих группах медицинского университета

Воронко Е.В.

*УО «ГрГМУ», Гродно, Республика Беларусь
psiholped@gmail.com*

Ключевой фактор успешной медицинской помощи – это слаженная, согласованная работа команды (хирургическая бригада, отделение специализированной помощи, бригада скорой помощи), где

нужны знания и компетенция не одного врача, а нескольких. Умение прислушиваться к мнению коллеги, слышать коллегу, знание своих задач, определение зон ответственности, взаимный контроль, взаимопомощь и взаимозаменяемость, общие ценности и цели, определяющие поведение каждого члена команды, коллективная ответственность за результаты и эффективность работы, развитие индивидуального и группового потенциалов – все это позволяет успешно функционировать команде врачей. Качественное осуществление деятельности зависит от межличностных отношений, складывающихся в группе. Высокий уровень развития межличностных отношений в группе, проявляющийся в общих ценностях, стремлениях, действиях, в стремлении защищать интересы каждого члена группы – это сплоченность. Изучение и формирование групповой сплоченности приобретает актуальность уже на этапе профессионализации, особенно если мы говорим о студенческих коллективах в медицинских университетах. Это важная задача деятельности куратора, осуществляемой в учреждениях высшего образования.

Цель исследования – изучить уровень сплоченности и групповую мотивацию у студентов медицинского университета. В исследовании были использованы методика «Определение индекса групповой сплоченности» Сишора и методика диагностики групповой мотивации (И.Д. Ладанов). Исследование проводилось на базе Гродненского государственного медицинского университета, в нём участвовали 2 группы студентов 1 курса (14 и 12 человек, соответственно) и 1 группа студентов 4 курса (13 человек).

Диагностика групповой сплоченности показала высокий уровень в группе медико-диагностического факультета 1 курса (16,3 баллов) и в группе медико-психологического факультета 4 курса (15,6 баллов); в группе студентов 1 курса лечебного факультета определён уровень групповой сплочённости выше среднего (13,4 балла). Большинство студентов оценивают свою группу как сплочённую и единую с благоприятной атмосферой. В студенческих группах 1 курса постоянно проводится трениговая работа с целью формирования групповой сплочённости, понимаемой здесь как межличностная аттракция [1]. Основным показателем сплоченности является уровень взаимной симпатии в межличностных отношениях. На медико-

психологическом факультете работа по формированию и поддержанию высокого уровня сплоченности, понимаемой уже как удовлетворённость членством в группе [1], организована специальным образом: работа куратора-преподавателя заканчивается с переходом студентов на 3 курс, однако остается работа кураторов-студентов, которые не только привлекают студентов старших курсов для проведения тренингов с первокурсниками, но и сами постоянно организуют групповые игры разной направленности (кейс-клуб «ВМЕСТЕ», квест «Психохоос», интеллектуальная игра Science Quiz).

Взаимодействие членов группы опосредуется мотивами, обусловленными направленностью и подготовленностью группы, уровнем группового развития [2]. Результаты диагностики групповой мотивации показывают достаточную степень мотивации на достижение успеха в деятельности в студенческих группах 1 курса (132,8 и 150,9 баллов). На 4 курсе констатируется недостаточный уровень мотивации (122 балла) на получение положительных результатов группой. Для студентов 4 курса важным моментом становятся индивидуальные достижения для дальнейшего распределения после окончания университета, для студентов же 1 курса такая индивидуалистическая направленность пока не приобретает особой значимости.

Для студентов медицинских вузов важным становится формирование групповой сплочённости, понимаемой как ценностно-ориентационное единство и показывающей степень совпадения оценок, установок и позиций группы по отношению к объектам (лицам, задачам, идеям, событиям), наиболее значимым для группы в целом. Показателем сплоченности становится совпадение ориентаций членов группы на основные ценности, касающиеся процесса совместной деятельности. Формирование такой групповой сплоченности происходит уже на более поздних этапах профессионализации (на 5 и 6 курсе) и реализуется участием студентов в деловых играх, имитирующих работу команд врачей, и в олимпиадах «Моя профессия – детский врач», «Командная работа врача общей практики: от профилактики до лечения».

Результаты проведенной диагностики показали достаточно высокий уровень групповой сплочённости в начале и в середине обучения в медицинском университете. Работа кураторов-

преподавателей и кураторов-студентов в медицинском университете, направленная на формирование групповой сплоченности, показывает свою эффективность. Однако, недостаточный уровень групповой мотивации может стать помехой в реализации командной работы врача. Важным представляется разработка мероприятий для формирования и поддержания групповой мотивации.

Литература

1. *Воронко Е.В., Марищук Л.В.* Социальная психология. Гродно, 2020.
2. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.

Оценка показателей психологической безопасности сотрудниками организации

Воронова В.Е., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vita.voronova.99@mail.ru

Вопросы психологической безопасности рассматриваются как проявление безопасности личности, как создание условий для проявления ее прав и свобод в контексте единой про-социально ориентированной системы безопасности. Важно реализовать социально-психологический подход к проблемам безопасности организации, созданный в рамках как науки, так и государства. Поэтому при решении проблем обеспечения безопасности организации важную роль играет знание организационных рисков и угроз, которые снижают субъективную оценку сотрудниками показателей психологической безопасности.

«Психологическая безопасность» является производным от понятия безопасности вообще. Несмотря на то, что единого определения безопасности не существует, можно выделить несколько подходов к его анализу.

По мнению И.А. Баевой, «психологическая безопасность – это состояние психологической защищённости, а также способность человека и среды отражать неблагоприятные внешние и внутренние воздействия» [1, с. 48].

Анализ определил недостаточную проработанность методологических и методических аспектов исследования психологической безопасности.

Цель нашего исследования – выявить оценку качества показателей психологической безопасности самими сотрудниками в организации.

Был определен следующий методический инструментарий: методика диагностики психологической безопасности (И.А. Баева И.А., модификация с целью диагностики организации), методика оценки психологической атмосферы в коллективе (А.Ф. Фидлер), «Опросник компонентов удовлетворенности трудом» (Т.Ю. Иванова, Е.И. Расказова, Е.Н. Осин), «Шкала организационного стресса» К. Маклина (адаптация Н.Е. Водопьяновой); диагностика эмоционального выгорания К. Маслач и С. Джексона (адаптация Н.Е. Водопьяновой) [2].

В исследовании приняли участие сотрудники двух офисов коммерческой организации: сотрудники офиса и сотрудники службы доставки, в общем количестве 60 человек.

Нами была модифицирована методика Баевой И.А. с целью исследования организации. Методика содержит несколько критериев: отношение к трудовой среде, удовлетворенность трудовой средой, защищенность от психологического насилия.

По результатам использования методики Баевой И.А. «Психологическая безопасность», были получены данные, где сотрудники офиса достоверно отличаются от сотрудников службы доставки со степени оценки удовлетворенности трудовой средой и защищенности от психологического насилия.

Анализ оценки психологической атмосферы в двух офисах показал, что в офисе 2 наиболее выраженными негативными отношениями являются «враждебность», «несогласие», «непродуктивность», «безуспешность». Так, респонденты утверждают, что зачастую ощущают негативные взаимоотношения в группе, часты конфликты, ссоры и споры, проблемы в выстраивании межличностных взаимоотношений; оценивают, как низкоую,

продуктивность совместной деятельности, отсутствие выраженного результата.

Стоит обратить внимание, что сотрудники офиса 1 достаточно высоко оценивают удовлетворенность на рабочем месте, теплоту в общении, увлеченность в совместной работе.

Результаты исследования показывают, что большинство респондентов офиса 1 оценили психологический климат в коллективе на высоком уровне. Уровень психологической атмосферы коллектива как средний оценили в офисе 2.

Из результатов следует, что сотрудники офиса отличаются от сотрудников службы доставки по уровню психологической атмосферы на работе. Так сотрудники офиса более дружелюбны, удовлетворены работой и взаимоподдержкой в коллективе.

По результатам исследования сотрудники офиса отличаются от сотрудников службы доставки по оценке уровня психологической защищенности. Степень психологической защищенности у сотрудников офиса 1 находится на высоком уровне, а у сотрудников офиса 2 на среднем.

Сотрудники также достоверно отличаются от сотрудников службы доставки по оценке психологической комфортности и психологической удовлетворенности трудовой средой.

Анализ результатов организационного стресса показал, что сотрудники офиса отличаются от сотрудников службы доставки по уровню стресса: у работников офиса он был оценен на низком уровне, тогда как у офиса доставки на среднем уровне. У сотрудников офиса высокая восприимчивость к организационному стрессу, а у сотрудников службы доставки средняя стресс-толерантность и предрасположенность к стрессу.

Диагностика профессионального выгорания продемонстрировала, что ее оценка у сотрудников офиса отличается от работников службы доставки по всем показателям. Причем у сотрудников офиса более выражена шкала эмоционального истощения, у них более выражено формальное отношение коллегам. При этом у сотрудников доставки более низкий уровень редукции личных достижений.

Между двумя офисами выявлены достоверные различия по всем исследуемым показателям. Анализ психологической безопасности

организации проводился с целью совершенствования психологической поддержки трудового процесса.

Литература

1. *Баева И.А.* Психологическая безопасность в образовании: Монография. СПб.: Издательство «СОЮЗ», 2002. 271 с.
2. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.

Семейные детерминанты психологического благополучия в зрелом возрасте

Гарбажа М.С., Воронкова И.В.

МГППУ, Москва, Россия

Marinams@mail.ru, Voronkovaiv@mgppu.ru

Актуальность проблемы психологического благополучия в периоды социальной напряженности неизменно высока. Важнейшим фактором данного состояния является семья. Понимание семейных детерминант психологического благополучия раскрывает новые возможности для психологической работы с данной проблемой.

Приведенные в статье результаты позволяют оценить характер влияния отдельных факторов семейного функционирования на развития личности в зрелом возрасте. Исследование организовано путем проведения последовательных серий статистического анализа на предмет различий в показателях психологического благополучия между группами взрослых, разделенных по признаку наличия или отсутствия у них того или иного фактора семейной истории: наличие, либо отсутствие собственных детей; наличие опыта супружеских отношений ранее; наличие сиблингов; степень полноты родительской семьи; злоупотребление алкоголем кем-либо из родителей [4].

Характеристика выборки: 71 человек в возрасте от 27 до 60 лет, 23 мужчины и 48 женщин, где 60 человек имеют детей и 11 человек – не имеют. Все испытуемые на момент прохождения обследования пребывали в браке. Используются две психодиагностические

методики: 1) Шкала психологического благополучия Рифф (адаптация Н.Н. Лепешинского); 2) Самоактуализационный тест САТ Шострома (адаптация Ю.Е. Алёшиной). Показатели самоактуализации рассматриваются нами как важнейший компонент личностного психологического благополучия. Критерий статистического анализа – U Манна-Уитни.

Установлено, что наличие либо отсутствие у взрослых собственных детей статистически не связано с тем или иным уровнем психологического благополучия, однако выявлена зависимость от данного обстоятельство такого показателя личностной самоактуализации, как гибкость поведения ($U = 181,000$; $p \leq 0,05$). Большой уровень гибкости поведения характерен взрослым, не имеющим собственных детей. С целью проверки предположения относительно того, не является ли данная закономерность следствием взаимосвязи показателей гибкости поведения и возраста, между указанными переменными проведен корреляционный анализ. Согласно данной гипотезе, меньший уровень гибкости взрослых, которые имеют собственных детей, мог быть связан не с наличием детей, а с фактом более взрослого возраста. Значимых взаимосвязей между показателями возраста и гибкости поведения не выявлено. Результат может быть связан с тем, что семейные обстоятельства, связанные с освоением взрослым роли родителя, приводят к более жесткой фиксации поведенческих паттернов: необходимость поддержания перед ребенком единой системы убеждений и поведения, что создает для него психологическую атмосферу предсказуемости [4].

Установлено, что наличие предыдущего опыта супружеских отношений не связано с динамикой показателей психологического благополучия, однако некоторые закономерности установлены в отношении показателей самоактуализации. Так, взрослым, которые имеют опыт предыдущих супружеских отношений, по сравнению со взрослыми, которые проживают в своем первом браке, характерны более высокие показатели креативности ($U = 419,500$; $p \leq 0,05$) и сензитивности к себе ($U = 438,000$; $p \leq 0,05$). Полученный результат связывается нами с двумя предположениями. С одной стороны, опыт развода может служить хорошей психологической базой для развития чувствительности к своим потребностям и желаниям. С другой

стороны можно полагать, что люди с изначально развитым уровнем чувствительности к своему состоянию имеют больший уровень готовности к разводу в том случае, если супружеские отношения коренным образом не удовлетворяют их потребности [3].

Установлено, что взрослым, которые имеют сиблингов, характерны более высокие показатели по таким параметрам, как способность к управлению средой ($U = 75,500; p \leq 0,05$); позитивные отношения ($U = 80,000; p \leq 0,05$), а также общий уровень психологического благополучия ($U = 82,500; p \leq 0,05$). Полученный результат мы связываем с фасилитирующей социализацией семейной микросредой, в рамках которой в процессе взаимодействия с сиблингами формируются не только конструктивные навыки общения, но и более высокий уровень эмоционального благополучия. Данный процесс, на наш взгляд, во многом связан с позитивным опытом социальной децентрации личности ребенка, растущего в условиях равного взаимодействия [1]. По результатам анализа показателей самоактуализации установлено, что взрослым, имеющим сиблингов, также характерен более высокий уровень самоуважения ($U = 98,500; p \leq 0,05$), что связывается нами с формированием позитивного самоотношения через конструктивную децентрацию.

Установлено, что взрослым из неполных семей характерны более низкие показатели самопринятия ($U = 374,500; p \leq 0,05$) и самоуважения ($U = 375,500; p \leq 0,05$). Данные результат может быть связан с интериоризированной более низкой социальной самооценкой неполной семьи, члены которой могут испытывать социально индуцированное чувство неполноценности [4].

Наибольшее количество различий установлено между группами взрослых, выросших в алкоголизированных и нормальных семьях. Взрослым из семей, где родители злоупотребляли алкоголем, характерен меньший уровень по следующим показателям психологического благополучия и самоактуализации: автономия ($U = 418,000; p \leq 0,05$); поддержка ($U = 419,500; p \leq 0,05$); сензитивность к себе ($U = 409,500; p \leq 0,05$); спонтанность ($U = 400,500; p \leq 0,05$); принятие агрессии ($U = 386,000; p \leq 0,01$); контактность ($U = 418,500; p \leq 0,05$); познавательные потребности ($U = 364,500; p \leq 0,01$). Результат не нуждается в детальной интерпретации, а лишь указывает на масштаб и глубину негативного воздействия опыта воспитания в

алкоголизированной семье [2]. Этот опыт затрагивает все уровни организации личности и обозначает проблему алкоголизированных семей как сильнейший фактор психологического неблагополучия личности во взрослом возрасте.

Тем самым, семейными факторами психологического благополучия являются: наличие сиблингов, воспитание в полной семье и отсутствие опыта воспитания в алкоголизированной семье. Некоторую ресурсную сторону также могут иметь опыт предыдущего брака и отсутствие детей.

Литература

1. *Логинова И.А.* Специфика детско-родительских отношений. Семейная психология и семейная практика. № 4. 1998.
2. *Москаленко В.Д.* Зависимость: семейная болезнь. М., 2002.
3. *Острогорский А.Н.* Семейные отношения и их воспитательное значение. М. 2001.
4. *Эйдемиллер Э.Г.* Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учеб. пособ. для врачей и психологов. СПб. 2005.

Предубеждение: определение феномена, дифференциация от смежных понятий

Гафиятуллин Э.Э., Гриценко В.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
edouard.gafiatullin@gmail.com, gricenkovv@mgppu.ru

По данным «Евробарометра» за 2010 г., 45% опрошенных европейцев из 27 стран ЕС согласились с мнением о том, что присутствие в их обществе людей из других этнических групп представляет угрозу безопасности и возникновению безработицы в их стране [8]. А, согласно опросу «Левада-центра»¹ за 2020 г.,

---

¹ Настоящий материал (информация) произведен и распространен иностранным агентом АНО «Левада-Центр» либо касается деятельности иностранного агента АНО «Левада-Центр.

значительная доля россиян выступает против въезда представителей других народов: выходцев из Средней Азии (таджики, узбеки) – 26% опрошенных, чеченцев – 26%, цыган – 44%, темнокожих африканцев – 28% [6].

Предубеждение – одна из самых злободневных проблем социальной жизни, существующей во всех странах и культурах, и оказывающей негативное – прямое и косвенное влияние на всех её членов. Но что оно представляет собой как психологический феномен? Как дать ёмкое и в то же время целостное определение, не теряя при этом ценного смысла? В чём отличие предубеждения от других смежных понятий, таких как стереотип, предрассудок и дискриминация? Ответить на эти вопросы означает совершить очень важный и ответственный шаг в сторону борьбы с предубеждениями.

В истории изучения понятия предубеждения можно выделить несколько устоявшихся направлений мысли:

1. **Предубеждение как установка/аттитюд** (Г. Олпорт, Н.И. Конохов, Н. Зайнберг, И.Р. Габдуллин, Дж. Довидио, Д. Майерс, Т. Шеина). Здесь, предубеждение понимается как неоправданная негативная установка по отношению к группе и отдельным её членам, препятствующая адекватному восприятию той или иной информации, действия или субъекта [3].

2. **Предубеждение как эмоционально заряженная оценка** (С. Фиске, Г.М. Андреева, Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая, Д. Сирс, П. Генри, Т. Нельсон, К. Крэндалл, А. Эшелман, Л. О’Брайен). Представители данного направления рассматривают предубеждение как отрицательно заряженную оценку индивидом аут-группы и её представителей, которая в значительной степени зависит от собственного группового членства [7].

3. **Комплексный подход** (Д. Креч, Р. Крачфилд, Э. Баллачи, Р. Браун, П. Дэвайн, Джоунс), с позиции которого предубеждение – неблагоприятная установка к объекту, способная быть крайне обобщённой, эмоционально заряженной и сопротивляться изменениям под влиянием противоположной информации [2].

Примечательно, что даже в научных кругах понятия предубеждения (*bias*) и предрассудок (*prejudice*) часто употребляются взаимозаменяемо [4]. Традиция эта, по всей видимости, исходит из самой этимологии двух слов:

1. Pre-judice (prae=previous; judicum=judgment). Указывает на суждение, сделанное ранее, на пред-взятость, пред-убеждение.

2. Bias (от старофранцузского *biais*, «против хода, в сторону»). Указывает на отход в сторону, искажение, а пришедшее со временем юридическое понимание термина роднит его с *prejudice* (pre-justice) [9].

Несмотря на эту устоявшуюся традицию, исследователи, тем не менее, единодушно принимают попытки отделить от предубеждения другое понятие — стереотип. Так, В. Попков приводит ключевое отличие стереотипа от предрассудка: первый показывает, какими характеристиками обладают члены некоей социальной группы (более выражен когнитивный компонент), второй — какие отрицательные чувства человек склонен испытывать по отношению к данной группе (компонент эмоциональный) [5].

Предубеждение также стоит отличать и от обоснованной враждебной установки, когда человек может логически объяснять, что некая социальная группа не развита, ограничена, и приводит тому причины (например, существующие до сих пор племена или народы, живущие в странах «третьего мира»). Данное суждение не будет являться предубеждением, поскольку было выработано субъектом самостоятельно, и не подразумевает обобщения [2].

Наконец, предубеждение стоит разграничить и от понятия дискриминация. Она определяется как неодинаковое обращение с людьми или социальными группами, на основании какого-либо признака, и является одной из форм реализации в поведении (наряду с избеганием, сепарацией и другими реакциями) уже имеющегося предубеждения [1].

Подытожим основные достигнутые положения.

1. Предубеждение — сложный психический феномен сгущения собственных и общественных знаний и опыта в виде неоправданной установки по отношению к членам аут-группы, заряженной отрицательными эмоциями.

2. В науке предубеждение часто тождественно предрассудку. Однако предубеждение отличается от стереотипа и дискриминации: первое обозначает когнитивную характеристику социальной группы и её членов, второе же — форма реализации предубеждения вовне, в виде неравного обращения с членами аутгруппы.

Литература

1. *Гаджиев К. С., Гусов К. Н.* Дискриминация [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. Режим доступа: <https://clck.ru/33b4Jj> (дата обращения 16.01.2022).
2. *Кон И.С.* Психология предрассудка // Новый мир. 1961. № 10. С.187–205.
3. *Конюхов Н.И.* Прикладные аспекты современной психологии: термины, законы, концепции, методы. М., 1994. 182 с.
4. *Мешкова Н.В.* Ситуативные и личностные особенности межгрупповой предубежденности: Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. психол. наук / Центр социологии образования РАО. М., 2009. 23 с.
5. *Попков В.Д.* Стереотипы и предрассудки: их влияние на процесс межкультурной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 5. С. 178-191.
6. Статистика Левада-Центра. Настоящий материал (информация) произведен и распространен иностранным агентом АНО «Левада-Центр» либо касается деятельности иностранного агента АНО «Левада-Центр [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/33aseY> (Дата обращения: 13.01.2023).
7. *Crandall C., Eshleman A., O'Brien L.* Social norms and the Expression and Suppression of Prejudice: The struggle for Internalization // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. №82. P. 359-378.
8. EUROBAROMETER 71. Future of Europe / Standard Eurobarometer 71. Spring 2009. TNS Opinion & Social. 2010.
9. Macmillan Dictionary: Bias [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/33asoR> (Дата обращения: 28.01.2023).

Взаимосвязь стилей юмора и особенностей копинг-стратегий

Гафурова С.Ш., Султанова Л.З.

*Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в городе Ташкенте,
Ташкент, Республика Узбекистан
sewara.gafurova@gmail.com, liliyasultanova9@gmail.com*

Современная жизнедеятельность человека часто связана с негативным воздействием на него экологических, социальных, профессиональных и других факторов. Усложнение информационной среды, отсутствие времени, постоянное общение с людьми и рост ответственности за принятые решения приводят к повышению эмоциональных нагрузок на человека. Это обуславливает интерес исследователей к изучению копинг-стратегий, способности человека совладать с трудностями, предъявляющими повышенные требования к его адаптационным возможностям. На сегодняшний день исследования стилей юмора в контексте копинг-стратегий, обеспечивающими адекватное взаимодействие и адаптацию человека к быстро меняющемуся социальному миру остаются недостаточными.

Авторы определяют копинг как когнитивные и поведенческие условия, направленные на совладание с ситуацией, обретение толерантности к ней и снижение или минимизация ее требований. В широком плане – это управление внутренними и внешними условиями между человеком и окружающей средой. Копинг-стратегии предполагают привлечение новых ресурсов и включение влияния в ситуацию, как ее принятие или избегание [2].

В психологической литературе высказывается предположение, что эффективным и одним из важных навыков совладания является способность использовать юмор при стрессе. Люди с развитым чувством юмора склонны преодолевать трудные ситуации, используя разнообразные стратегии совладания и защитные механизмы [1].

Исследования Е.М. Ивановой и С.Н. Ениколопова показали, что чувство юмора положительно влияет на физическое и психологическое состояние человека [3].

Для предотвращения возможных затруднений с определением конкретного стиля юмора различными авторами были разработаны их классификации.

Классификация стилей юмора Р. Мартина основана на двух критериях: 1) направленность юмора на себя или на других; 2) поддерживающий характер юмора или уничижительный его тон, насмешка. Авторами были описаны 4 стиля юмора – это аффилиативный, самоподдерживающий, агрессивный и самоуничижительный [4, с.71].

Целью нашего исследования было выявить и изучить, существует ли взаимосвязь стилей юмора с особенностями копинг-стратегий.

В качестве методического инструмента мы использовали опросник стилей юмора Р. Мартина в адаптации Е.М. Ивановой, О.В. Митиной, А.С. Зайцевой, С.Н. Ениколопова, шкалу совладания (копинга) юмором Р. Мартина и Х. Лефкорта в адаптации Т.В. Артемьевой и опросник способов копинга в адаптации Е.В. Битюцкой.

В нашем исследовании приняли участие 80 испытуемых (29 мужчин и 51 женщина) в возрасте от 18 до 35 лет.

В рамках нашей выборки, можно констатировать, что аффилиативный ($p = 0,000$) и самоподдерживающий ($p = 0,000$) стиль юмора имеет связь с совладанием (копинг) юмором. Лицам с данными стилями юмора свойственен оптимизм, позитивное отношение к другим, дружелюбие, открытость и помощь как другим, так и себе, что может являться эффективным способом копинга в сложных жизненных ситуациях.

Агрессивный стиль юмора ($p = 0,022$) имеет связь с совладанием (копинг) юмором. Частое использование данного стиля юмора может быть разрушительным, так как человек может остаться один, без друзей и социальной поддержки. Поэтому, агрессивный стиль юмора можно соотнести с неэффективным способом копинга, он может быть эффективен на время, но не стоит использовать его постоянно.

Между самоуничижительным стилем юмора и совладанием (копинг) юмором ($p = 0,123$), отсутствует связь. У участников исследования с данным стилем юмора присутствует направленность против себя, т.е. целью является рассмешить окружающих во вред себе, но в угоду другим. Лицам с данным стилем свойственна низкая самооценка, тревога, депрессия, нейротизм. Данный стиль юмора не является адекватным в контексте совладающего поведения.

В ходе нашего исследования, как и ожидалось, мы также обнаружили связи копинг-механизмов со стилями юмора. Результаты

показали, что аффилиативный стиль юмора имеет связь с такими копинг-стратегиями как: планомерное решение проблем ($p = 0,023$), обращение за поддержкой к социальному окружению ($p = 0,001$), позитивная переоценка ($p = 0,003$). Самоподдерживающий стиль юмора взаимосвязан с такими копинг-стратегиями как: позитивная переоценка ($p = 0,001$), дистанцирование ($p = 0,017$). Агрессивный стиль юмора имеет связь с такими копинг-стратегиями как: обращение за поддержкой к социальному окружению ($p = 0,017$), дистанцирование ($p = 0,006$), уход, избегание ($p = 0,030$). Самоуничижительный стиль юмора связан с такими копинг-стратегиями как: обращение за поддержкой к социальному окружению ($p = 0,014$), самообвинение ($p = 0,000$), фантазирование и надежда на внешние силы ($p = 0,044$), дистанцирование ($p = 0,004$), уход, избегание ($p = 0,096$). Таким образом, основная наша гипотеза о том, что существует взаимосвязь между копинг-стратегиями и стилями юмора подтвердилась.

Практическая значимость результатов нашего исследования определяется возможностью их использования в практике психологов-консультантов для работы с клиентами, при подготовке соответствующих тренингов, посвященных приобретению навыков применения соответствующих копинг-стратегий с использованием конструктивных стилей юмора.

Литература

1. *Артемяева Т.В.* О методе исследования совладания (копинг) юмором и его возможностях // Казанский педагогический журнал. 2011. № 4. С. 118-123.
2. *Битюцкая Е.В.* Опросник способов копинга // Методическое пособие. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 80 с.
3. *Джеллева З.Т., Бьдтаева Э.Л.* Юмор как средство успешной коммуникации // Мир науки. Педагогика и психология, 2021 №4.
4. *Ениколопов С.Н., Иванова Е.М., Зайцева А.С.* Апробация опросника Р. Мартина на стили юмора / Материалы IV Всероссийского съезда Российского общества психологов. Ростов-на-Дону. 18–21 сентября 2007 г. Том 1. С. 357.

Изучение отношения обучающихся к научно-исследовательской деятельности

*Гильмутдинова Д.Д., Кружкова О.В., Матвеева А.И., Робин С.С.
ФГБОУ ВО УрГПУ, Екатеринбург, Россия
diana.gilmutdinova@mail.ru, galiat1@yandex.ru,
lyonchik_7777@list.ru, robinseryi@gmail.com*

В настоящее время все больше внимания уделяется проблеме вовлечения обучающихся в научно-исследовательскую деятельность. Для студентов по программам бакалавриата научными проектами являются курсовые и выпускные квалификационные работы. Подготовка научных публикаций, являясь необязательной деятельностью для студентов бакалавриата, все-таки остается обязательной частью научной и педагогической практики. Что касается программ магистратуры, то научные статьи являются обязательным пунктом отчетности в практике научно-исследовательской работы [1]. Очевидно, что довольно сложная и необязательная деятельность вызывает у обучающихся ряд личностных сопротивлений, которые сами студенты объясняют отсутствием свободного времени, недостатком теоретических знаний, сложностью научного языка и самой специфики данного рода деятельности [2]. Целью настоящего исследования стало изучение факторов, затрудняющих научно-исследовательскую деятельность обучающихся и причин низкой заинтересованности студентов в подготовке научных публикаций.

Для выявления основных факторов, затрудняющих научную деятельность обучающихся, было проведено анкетирование (декабрь 2022 – февраль 2023) обучающихся высшего учебного образовательного учреждения гуманитарной направленности. Анкета, оформленная в формате google-опроса включала в себя 4 основных содержательных блока: информация о респонденте; вопросы, касающиеся подготовки и написания курсовых/дипломных работ; вопросы, касающиеся подготовки и написания научных публикаций (статей); а также вопросы, касающиеся коммуникации с научным

руководителем. Полученные данные обрабатывались методами математической статистики: частотный анализ, анализ дескриптивной статистики.

В анкетировании приняли участие 155 обучающихся гуманитарных специальностей, средний возраст – 21,15 года ($\sigma = 5,32$). Респонденты являются обучающимися бакалавриата (87,1 %) и магистратуры (12,9%).

По результатам анализа ответов обучающихся, было выявлено, что только 39 респондентов (25,2 %) имели опыт подготовки научных публикаций. 51,3% обучающихся, имеющих опыт написания статей, указали, что публиковали результаты своих исследований в сборниках кафедры или в рамках прохождения практики. 48,7% имеют публикации в журналах, индексируемых в РИНЦ и только 17,9% – имеют публикации уровня ВАК. Кроме этого, было выявлено, что опрошенные студенты не имеют опыта написания и публикации статей в журналах, индексируемых в международных базах WoS и Scopus.

74,8% обучающихся без опыта написания научных статей (от общей выборки), выбрали наиболее весомые, по их мнению, причины низкой заинтересованности студентов в написании научных статей. Так наиболее распространенными причинами низкой заинтересованности в научной деятельности стала нехватка времени (61,2%), сложность данного вида деятельности (50,9%), и отсутствие видимой материальной выгоды (40,5%). 40,5% опрошенных считают, что написание научных работ необходимо только студентам, планирующим строить научную карьеру. Кроме этого, респонденты уточняют, какие именно факторы наиболее сильно затрудняют научную деятельность: формулировка тематики научной статьи (37,1%), отсутствие доступной информации по написанию статей (29,3%), отсутствие поддержки наставника/научного руководителя (26,7%), сложности со сбором эмпирических данных (20,7%) и отсутствие доступной теоретической информации по теме исследования (17,2%). И только 5,2 % респондентов считают, что научная деятельность не развивает полезные либо востребованные умения и навыки.

Один из вопросов был направлен на оценку факторов, затрудняющих научную работу. Респондентам было предложено

оценить факторы по шкале от 1 до 10, насколько каждый из этих факторов затрудняет их работу. Для определения силы воздействия, был проведен анализ дескриптивной статистики, в рамках которого вычислены средние значения по каждому из 13 предложенных для оценки факторов. Так, к наиболее затрудняющим факторам респонденты отнесли: отсутствие свободного времени ($X_{cp} = 7,5$), сложность сбора эмпирических данных в рамках исследования ($X_{cp} = 5,6$), отсутствие мотивации ($X_{cp} = 5,3$), нет представления с чего начать работу ($X_{cp} = 5$) и отсутствие доступных теоретических материалов ($X_{cp} = 4,6$).

Таким образом, анализ полученных результатов говорит о том, что подходить к решению проблемы незаинтересованности обучающихся в научно-исследовательской деятельности необходимо комплексно. Важно отметить, что только четверть обучающихся имеют научные публикации, избегая научных статей сложного уровня, выбирая в основном сборники кафедр. Исходя из полученных данных, для увеличения публикационной активности студентов необходимо вести комплексную работу в следующих направлениях: информационно-просветительская работа (содержание и принципы научной работы); работа с мотивацией (освещение возможностей материальной и нематериальной выгоды от участия в научной деятельности, расширение круга общения в научной среде через вступление в студенческие научные общества и посещение научных конференций, конгрессов), организационно-административная работа (анализ проблем коммуникации с научным руководителем, разработка различных форматов учебно-методических пособий, в том числе электронных приложений и веб – сервисов). Одним из способов решения данной проблемы может стать разработка цифрового продукта для оптимизации и автоматизации процесса сбора информации по требованиям к структуре, содержанию и оформлению различных видов научных проектов.

Литература

1. *Авдеева Л.Ф.* Факторы в деятельности педагога, обуславливающие продуктивное сочетание научно-исследовательской и учебной деятельности студентов // Пути

совершенствования управления качеством учебного процесса: Тезисы докладов межвузовской научно-методической конференции, Уфа, 02–03 февраля 1984 года. Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 1984. С. 94.

2. *Носова Л.С.* Новые формы организации научно-исследовательской деятельности студентов как способ повышения степени удовлетворенности студентов научно-исследовательской деятельностью // Актуальные проблемы развития среднего и высшего образования: XIV Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. О. Р. Шефер. Челябинск: Общество с ограниченной ответственностью «Край Ра», 2018. С. 199-204.

Опыт разработки и применения анкеты для изучения социокультурного контекста

Глушакова А.В.

*ГУО «Академия последипломного образования»,
Минск, Республика Беларусь
alyona.sysoeva10@gmail.com*

Быстрый рост числа иностранных студентов, приезжающих учиться в Республику Беларусь, обусловил необходимость более всестороннего изучения их системы ценностей, это знание позволит создать условия для более эффективной социокультурной адаптации, оптимизации межкультурной коммуникации среди студентов, которые оказались в новом социокультурном контексте. Таким образом, изучение системы ценностей необходимо осуществлять с учетом нового социокультурного контекста, в котором оказываются приезжающие из другой страны студенты. Это требует разработки соответствующих диагностических инструментов для оценки этих факторов.

Стоит отметить, что уже имеющийся и доступный для использования инструментарий позволяет изучить скорее социокультурные характеристики субъекта, но не сам

социокультурный контекст, в котором он находится. Поскольку поведение субъекта детерминировано социокультурно-контекстуальными факторами, необходим инструмент, позволяющий собрать данные о них. Для этих целей можно использовать опросные методы, такие как интервью и анкетный опрос. Перейдем к описанию нашего опыта разработки анкеты для изучения отдельных характеристик социокультурного контекста, которые необходимо учитывать при изучении системы ценностей и их социокультурно-контекстуальной детерминации.

Используя количественные и качественные методы, исследователь стремится получить комплексное понимание жизненных ценностей студентов в различных социокультурных контекстах. Количественные методы обеспечивают систематический и численный подход к анализу данных, позволяя количественно оценить различия и сходства в структуре жизненных ценностей. Качественные методы, такие как глубинные интервью, наблюдения, предоставляют богатую и подробную информацию о культурных и социальных факторах, формирующих жизненные ценности студентов.

Результаты подобных исследований имеют большое значение для развития межкультурного образования и международной студенческой мобильности. Понимание структуры жизненных ценностей студентов разных культур может помочь в разработке и реализации образовательных программ, способствующих личностному и академическому успеху иностранных студентов. Опираясь на смешанный метод, кросс-культурное исследование жизненных ценностей студентов поможет внести вклад в существующий массив знаний о межкультурном образовании и обеспечить всестороннее понимание данной проблематики в различных культурных контекстах.

Для изучения переменных социокультурного контекста была разработана анкета, предназначенная для опроса иностранных студентов, обучающихся в Республике Беларусь. Для того чтобы достичь всестороннего понимания культурного опыта и адаптации этих студентов, в анкете используется смешанный метод, включающий как качественные, так и количественные приемы сбора данных. Готовая анкета содержит 27 вопросов. Содержание вопросов определялось с опорой на анализ литературных источников, включая

междисциплинарные работы и социокультурные исследования [1, 3, 4], что обеспечивает целостную перспективу.

На основе проведенного теоретического анализа тема социокультурного контекста в анкете разделена на три смысловых блока, в дополнение к которым был включен традиционный для анкет блок вопросов о социально-демографических характеристиках респондента (пол, возраст и др.) [5; 6]. В анкете представлен тематический блок, который охватывает интерес к новому обществу и культуре (например, вопрос «Путешествуете ли Вы по Республике Беларусь?»). Эти вопросы относятся к процессу ассимиляции и аккультурации людей в новой культурной среде. Разделение анализа социокультурного контекста на несколько смысловых блоков проливает свет на различные аспекты, способствующие формированию социокультурной идентичности индивида, и подчеркивает важность более тонкого и всестороннего понимания этих факторов. Еще один блок связан с вопросами о взаимодействии с новой культурой и обществом (например, вопрос «Вы посещаете концерты, музеи, театры в Республике Беларусь?»). Исходя из ответов на эти вопросы, можно проследить поведенческий аспект адаптации.

Последний блок – принятие нового общества и культуры (например, вопрос «В повседневной жизни Вы ведете себя в соответствии с социальными нормами и правилами белорусского общества?»). Также важно учитывать эмоционально-мотивационный компонент адаптации. Очень важно понимать, что процесс адаптации включает в себя множество аспектов, в том числе когнитивный, поведенческий, эмоциональный и мотивационный компоненты. Эти компоненты взаимодействуют друг с другом, формируя способность человека адаптироваться к новой культурной и социальной среде.

Анкета также была подвергнута экспертной оценке. Экспертная оценка была получена от трех кандидатов психологических наук, одного кандидата социологических наук. Все эксперты являются компетентными в области кросс-культурной психологии и имеют богатый опыт работы с иностранными студентами. Мнение экспертов по возможности было учтено, в формулировке вопросов внесены коррективы.

Окончательный вариант анкеты, состоит из 27 вопросов. Включает в себя как закрытые, так и открытые вопросы. Вопросы были

составлены таким образом, чтобы затронуть целый ряд соответствующих тем и конструктов, таких как демографическая информация, отношение, убеждения и поведение [4; 5]. Разработанную анкету планируется использовать в опросе с участием китайских студентов, уровень владения русским языком у которых может быть неодинаковым. Чтобы исключить влияние таких различий в уровне языковой подготовки на результаты было принято решение о переводе анкеты на китайский язык.

Двойной обратный перевод опросной анкеты был выполнен на китайский язык. В целях сохранения целостности анкеты и соблюдения языка оригинала в процессе перевода был использован подход децентрирования. Это позволило скорректировать некоторые вопросы с учетом китайских реалий и культуры (перевод с китайского на английский, затем с английского на китайский, а затем проверка с китайского на русский). Использование децентрированного подхода помогло смягчить потенциальные предубеждения и неточности, которые могли возникнуть из-за межкультурных различий в языке и культуре.

Окончательная версия анкеты прошла апробацию на небольшой выборке. Инструкции к вопросам, а также сами формулировки вопросов и перевод были понятны и не потребовали изменений.

Литература

1. Глушакова А.В. Концептуальные основания исследования жизненных ценностей // Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі. Вып. 20 / А.В. Дзячэнка (гал. рэд.) [і інш.]; ДУА «Акад. паслядыплом. адукацыі». Мінск, 2022.
2. Гусельцева М.С. Триангуляция как метафорический конструкт: история и методологические перспективы // Вопросы психологии. 2014. №5.
3. Елишев С.О. Изучение понятий «ценность», «ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте // Ценности и смыслы. 2016. №2.
4. Разработка и психометрическая проверка шкалы аккультурации иностранных студентов к России / А. Ардила [и

др.] // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2019. № 16(3).

5. *Bolton K. Questionnaire Design: How to Plan, Structure and Write Survey Material for Effective Market Research. Kogan Page; 5th edition, 2022.*

Исследование буллинга в школьной среде

Гордеева Е.Н., Тельшьева В.А.

*МОФ МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, Руза, Россия
telysheva.vary@gmail.com, ekategor@yandex.ru*

Проблема школьного буллинга вызывает озабоченность не только у российского научного сообщества, но и у руководства страны. Школьная травля, или буллинг, представляет собой один из видов насилия, предполагающий агрессивное преследование одного из членов коллектива со стороны другого или группой лиц. В то же время буллинг не ограничивается каким-то одним действием, а может выражаться в различных формах - социальное принижение, групповое давление, физическое насилие, кибербуллинг, порча имущества и лишение благ [1; 4].

Необходимо отметить, что школьный буллинг не является новым явлением, как для российского общества, так и для зарубежья. Данную проблему активно исследуют отечественные ученые (А.А. Бочавер, С.Н. Ениколопов, В.С. Собкин и др.), которые рассматривают буллинг с психолого-педагогической и социологической стороны и в своих трудах анализируют девиантное поведение школьников, психологическую характеристику всех участников данного негативного явления [1; 3]. В свою очередь, зарубежные ученые (М. Фуди, М. Самара, С. Паппас), исследуя проблему буллинга, делают акцент на кибербуллинге и разработке специальных программ по формированию у школьников умений справляться со своей агрессией. Большинство ученых полагают буллинг латентным явлением, приобретающим все новые и специфичные формы [1; 2].

В целях изучения состояния буллинга в современной российской школьной среде в ноябре 2022 г. нами было проведено исследование в

форме опроса, в котором принимали участие подростки, обучающиеся 5–8 классов школ г. Тулы (МБОУ ЦО № 25) и г. Твери (МОУ СОШ № 40). Всего в исследовании приняли участие 337 человек, из них 162 мальчика (48 %) и 175 девочек (52 %) в возрасте от 11 до 15 лет.

Опрос проводился с помощью составленной анкеты в бланковой форме, содержащей вопросы открытого и закрытого типа. 5 вопросов были представлены в виде утверждений, ответить на которые респондентам предлагалось либо отрицательно, либо положительно. При положительном ответе предлагалось отметить позицию, если человек лично сталкивался с такой ситуацией.

Приведем некоторые результаты, полученные путем статистической обработки анкет.

На вопрос, сплетничают ли в классе об одноклассниках, распространяют ложную информацию, в т.ч. и в социальных сетях положительно ответили 47,8% (161 человек), из них 13,1% (44 человека) лично столкнулись с такой ситуацией, где сами стали жертвами.

На вопрос о том, есть ли в классе те, кого игнорируют, кому отказывают в общении, было получено 46,9% положительных (167 опрошенных), из них 9,7% (33 человека) лично столкнулись с этой или подобной ситуацией.

На утверждение о том, что регулярно в классе прячут или портят личные вещи, школьные принадлежности, отбирают деньги или еду, положительно отреагировали также более половины опрошенных – 50,7% (171 школьник), при этом 12,9% (22 человека) из них лично оказывались в такой ситуации.

На вопрос о присутствии физического насилия со стороны одноклассников в виде толчков или ударов положительно ответили 61,1% (206 человек), из которых 33 человека подвергались физическому насилию со стороны своих одноклассников.

Также в анкете школьникам предлагалось выбрать взрослого, к кому он мог бы обратиться с существующей проблемой – к любому учителю, к классному руководителю, к школьному психологу, к родителям, к друзьям, к близким родственникам, либо ни к кому, но такой человек необходим. Ответы расположены по степени их популярности: «к друзьям» – 298 опрошенных (88,4 %), «к родителям» – 267 опрошенных (79,2 %), «к классному руководителю» – 184 (54,6

%), «ни к кому, но нужен такой человек» – данный ответ был отмечен 135 (40,1 %) опрошенными. Наименее популярным ответом стал вариант «к школьному психологу», его выбрали лишь 29 (8,6 %) респондентов. Также некоторые школьники отмечали, что им не к кому обратиться.

Респондентам предлагалось указать причины буллинга в форме ответа на открытый вопрос. Контент-анализ ответов школьников позволил сгруппировать их по смыслу и проранжировать по частоте упоминания (расположены в порядке убывания): непонимание друг друга и чужих проблем; внешность; социальное и материальное положение; виновность жертвы буллинга из-за противопоставления себя обществу; плохое воспитание родителями.

Наряду с совпадающими мнениями, были получены ответы, которые заслуживают отдельного внимания. Так, 12-летняя девочка сообщила о своем намерении совершить самоубийство из-за травли, а 12-летний мальчик – жертва буллинга – считает, что он подвергается травле по причине того, что он новенький в сформировавшемся коллективе. Многочисленные ответы одноклассников жертвы указывают на то, что окружающие его осознают проблему буллинга, желают ему помочь, но либо опасаются сами стать жертвой, либо не обладают достаточными знаниями, чтобы оказать помощь [2].

Таким образом, результаты исследования подтвердили наше предположение о наличии в исследуемой школьной среде такого явления, как буллинг, и о его латентности, выявили проблему недоверия подростков школьным психологам.

Безусловно, школьный буллинг является психолого-педагогическим социальным явлением и показывает необходимость дальнейших исследований в области психолого-педагогической работы как отдельно с каждой личностью, так и с социальной группой.

Литература

1. *Бочавер А.А.* Проблема буллинга в контексте образовательной среды: опрос сотрудников школ // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 76.

2. *Гордеева Е.Н.* Особенности ценностных ориентаций молодежи в различных образовательных средах // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78 (3).
3. *Кон И.С.* Что такое буллинг и как с ним бороться? // Семья и школа. 2006. № 11.
4. *Собкин В.С.* Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросскультурного исследования) // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 2.

Смысложизненные ориентации представителей разных поколений

Горькая Ж.В.
ФГБОУ РГСУ, г. Москва, Россия
zhannagorkaya@gmail.com

Состояние ценностно-нормативной неопределенности, которым может быть описана современная социальная ситуация, делает особенно актуальной задачу нахождения личных смыслов и построения системы индивидуальных целей, обеспечивающих ощущение уверенности в будущем и максимально комфортное и активное проживание настоящего. Рассматривая среду как главный источник развития личности, мы рассматриваем цели, задачи и идеи человека как динамическую систему смыслов [1], включающую аффективное отношение человека к происходящим событиям и интеллектуальную оценку возможности достижения желаемого и результативности приложенных усилий.

Способы оценки происходящих событий во многом зависят от особенностей культурного и исторического развития, в котором родился человек. Опираясь на теорию поколений, мы выделяем «неизвестное» поколение X, «поколение миллениумов» Y и «поколение национальной безопасности» Z [2].

Цель исследования: определить уровень сформированности смысложизненных ориентаций у представителей разных поколений.

Методики: тест смысложизненных ориентаций (Д.А. Леонтьев), тест ценностных ориентаций (М. Рокич).

В исследовании приняли участие 102 человека (51 мужчина и 51 женщина) в возрасте от 18 до 55 лет из различных сфер социальной деятельности.

Результаты. Уровень целеустремленности респондентов разных поколений значимо различим: максимальные значения поколения X по параметру «цели в жизни» ($39,60 \pm 1,94$) в целом превосходят значения других групп ($Y=32 \pm 4,76$; $Z=16,9 \pm 7,23$). Интересно, что 25% респондентов поколения Y не уступают стремлению к целям респондентам поколения X. Есть исключения и в выборке «Z» – 17,7% участников демонстрируют экстремально высокие показатели. Кроме того, они имеют максимальные значения по субъективной самооценке жизни как эмоционально-насыщенной и активной.

Показатели шкалы «процесс жизни», описывающие то, насколько участники исследования считают свою жизнь интересной и наполненной смыслом, фиксируют статистически незначимое изменение медианных значений данных. При этом размах данных с возрастом уменьшается, что можно объяснить сужением сферы интересов респондентов. Но в целом чем моложе человек, тем более насыщенную и разнообразную жизнь он проживает ($Z=26,8 \pm 6,12$; $Y=23,4 \pm 6,36$; $X=20,2 \pm 4,44$). И чем старше, тем меньше он доволен организацией жизни, возможностью реализовать поставленные цели.

Средние баллы по субшкале «результативность жизни» у поколений X ($24,7 \pm 5,85$), Y ($23,4 \pm 5,3$), Z ($19,5 \pm 6,27$) фиксируют высокий уровень удовлетворенности прожитой частью жизни. Медианное значение данных незначительно увеличивается с возрастом, а высокий размах значений каждой возрастной группы говорит о зависимости данных показателей от сферы деятельности, хобби или личных приоритетов.

Способность контролировать события в своей жизни и уверенность в собственных силах увеличивается с возрастом и во многом зависит от индивидуальных особенностей ($X=17,2 \pm 6,3$; $Y=17,4 \pm 4,44$; $Z=15,4 \pm 2,88$). При этом, молодое поколение Z более «узко» мыслит и склонно ограничивать возможности своего влияния на достижение поставленных целей.

Полученные по субшкале «локус контроля – жизнь» данные уровня экстернальности, склонности воспринимать события как не зависящие от собственных действий, позволяют говорить об отсутствии влияния возраста на уровень интернальности респондентов ($X=27,7\pm 9,95$; $Y=26,2\pm 7,24$; $Z=25,2\pm 6,32$). Самый большой разброс значений зафиксирован у представителей поколения X, что можно объяснить, с одной стороны, объективной ситуаций динамичности и неопределенности будущего в мире, а, с другой стороны, более длительным опытом жизни и, вероятно, большим числом неудач.

Учитывая ценности и жизненные приоритеты, необходимо отметить, что максимальной ценностью для представителей поколения X является «семья» ($5,33\pm 0,47$) и «успех в жизни» ($5,33\pm 0,47$). «Миллениумы» находятся сейчас в активной жизненной и профессиональной фазе, уверенно чувствуют себя в настоящем, быстро принимают решения, и особенно ценят «будущее» и «семью».

Представители поколения Z максимально широко рассматривают возможные траектории развития, поэтому в их жизненных приоритетах доминирует «ориентация на их будущее», активное и комфортное «настоящее», «здоровье», «семья» и «успех».

Общий показатель осмысленности жизни повышается с увеличением жизненного опыта ($X= 91\pm 13,29$; $Y= 88\pm 14,35$; $Z = 75\pm 17,72$). Вместе с тем, приобретается опыт успехов и неудач, сужающий перечень значимых и важных для человека ценностей.

Отмечая влияние социальной ситуации на показатели осмысленности жизни, необходимо отметить, что полученное значение общей осмысленности жизни ($84,67\pm 15,12$) статистически ниже аналогичных значений, полученных в более ранние годы. Например, в 2000 году среднестатистическое значение общей осмысленности жизни равнялось $99,43\pm 15,79$ [3, с.14]. В работе 2017 года [4, с. 141], до пандемии и динамичных социально-экономических трансформаций, значения критерия фиксировались на уровне $97,96\pm 17,98$.

Выводы. Особенности смысловых ориентаций представителей разных поколений существенно различаются по критериям целей в жизни, экстернальности и удовлетворенности полученными результатами.

Повышение уровня неопределенности и динамики социально-политических и финансовых показателей в обществе в последние годы приводит к устойчивому тренду на снижение общего показателя осмысленности жизни у представителей разных поколений.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Психология. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 1008 с.
2. *Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А.* Динамика ценностных ориентаций в период социальных трансформаций (поколенный подход) // Социологические исследования. 2002. №1. С. 96-105.
3. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
4. *Мохова С.Ю.* Смысложизненные ориентации X, Y, Z / С.Ю. Мохова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6, 2А. С. 138-146.

К вопросу о месте фэндомов в современном обществе

Гревецев И.А., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
beliywolk013@mail.ru

В отечественной научной практике в настоящее время недостаточно внимания уделяется такому явлению, как фэндом. На русском языке крайне редко можно найти литературу или статьи по данной теме [2; 4; 5], в то же время, в зарубежной психологической литературе вопросы, связанные с фэндомом, активно изучаются [6; 7; 8].

Ситуация во многом напоминает явление субкультур, которые, аналогично фэндомам, долгое время избегались в отечественной науке [3]. Это в определенной степени интересно, так как эти два социальных явления занимают аналогичные ниши и исполняют аналогичные функции, хоть и отличаются по ряду характеристик, не дающих возможности приравнять их друг к другу.

Оба данных явления принадлежат такой более общей структуре как социальный институт: социологический конструкт, реализующий конкретные запросы общества в рамках социально-исторической действительности. Включает в себя, но не сводится к группе лиц, реализующих его деятельность и обладающих некими учреждениями и/или средствами для саморегуляции [1]. Как раз реализуемые запросы и набор структур, поддерживающих работу социального института и не дают приравнять фэндом к субкультурам, а выносят его в отдельное явление. Молодежные субкультуры во многом реализуют запрос на протест и самореализацию, давая молодым людям шанс на удовлетворение потребности в достижениях, которые они не могут реализовать в рамках иных социальных структур, «большой культуре» [3]. Фэндомы же изначально в большей степени ориентированы на запрос социальной активации, возможности психологически или физически отдохнуть и лишь впоследствии начинают исполнять запросы на самореализацию и коммуникацию. В роли же структур ключевым отличием стала сеть интернет. Субкультуры развивались в рамках индустриального общества и были заметно менее глобальным явлением, нежели фэндомы, которые появились вскоре после роста доступности сети интернет и быстро стали поликультурным явлением, распространяемым во многом силами своих же членов.

Рассматривая некое смешение понятий «молодежные субкультуры» и «фэндомы», как представляется, важно прежде всего учитывать особенности культурно-исторического периода и специфику социума. Как было сказано выше, молодежные субкультуры возникли в индустриальном обществе и изначально исследовались как некие маргинальные социальные конструкты или лифты, позволяющие молодежи из неблагополучных или же средних классов реализоваться. Внешние атрибуты часто брались и изменялись из иных сфер жизни, а внутренние течения часто были контркультурными, ставились в оппозицию к общественным правилам и нормам [3]. Уже позже, после войны в период расцвета культуры потребления, они начали в большей степени становится формой досуга: изменение экономического положения молодежи создавало почву для появления полноценного рынка и интеграции молодежной субкультуры в общество. Эта экономическая

возможность молодежи тратить деньги породила источник фэндомов – развлекательную культуру для молодых людей. До появления развитой сети интернет она носила достаточно локальный характер, развиваясь в рамках отдельных стран и культур. После же появления сети интернет, разными развлекательными продуктами начали интересоваться люди из иных культур. Знающие язык и достаточно увлеченные люди занялись некоммерческими переводами и распространением контента за пределы страны создателя. Это впоследствии послужило толчком для глобализации развлекательной продукции, официальные переводы и издания, мировые релизы. Достаточно ярким примером этой ситуации можно назвать аниме в России [5] или пиратские переводы игр. Задолго до официальных портов в России, энтузиасты занимались переводом и выпуском западной и японской продукции посредством болванок, сеть интернет же придала этому процессу скачкообразный рост и заметно снизила порог вхождения в фэндомы, что и стало во многом причиной текущего состояния данного явления. Поликультурные большие социальные институты, существующие в большинстве случаев в сети интернет и там же развивающиеся. В то же время, молодежные субкультуры, которые медленно, но верно замедляют свой рост и исчезают из нашей жизни, предпочитали оставаться в реальном мире, а не в цифровом пространстве.

Таким образом, фэндом – это большая социальная группа, возникшая в рамках постиндустриального общества и использующая как ключевой элемент связи внутри группы сеть интернет. Так же является специфичным социальным институтом, реализующим запрос молодежи на проявление социальной активности.

Литература

1. *Глотов М.Б.* Социальный институт: определение, строение, классификация // Социологические исследования. 2003. №. 10.
2. *Кочетова Т.В., Кузнецов С.А.* Социальная психология болельщиков спортивных команд: эволюционная парадигма исследования // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. №. 1.
3. *Омельченко Е.Л.* Молодежные культуры и субкультуры. 2000.

4. *Поляков С.И.* Мастер исторической реконструкции на сцене и в жизни // Этнографическое обозрение. 2017. №. 4.
5. *Шишкина ЕВ. и др.* Японское аниме: исследование его влияния на психологическое здоровье школьников и студентов младших курсов высших учебных заведений России // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. №. 1 (30).
6. *Lee E.* Always Fans of Something: Fandom and Concealment of Taste in the Daily Lives of Young Koreans // *Korean Anthropology Review*. 2021. Т. 5.
7. *Edwards P., Chadborn D.P., Plante C.N.* Meet the Bronies: The Psychology of the Adult My Little Pony Fandom, Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2019
8. *Reysen S., et al.* Optimal distinctiveness and identification with the furry fandom // *Current Psychology*. 2016. Т. 35. №. 4.

Исследование социальной дистанции старших подростков г. Москвы

Григорян А.Г., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
alvina.grigoryan@yandex.ru, os_pavlova@mail.ru

В зависимости от возрастных характеристик, социальное становление личности происходит под влиянием различных институтов, механизмов, способов социализации. В процессе социализации старших подростков определяющая роль принадлежит неформальным группам сверстников. Общение со сверстниками приобретает исключительную значимость, поскольку является ведущим видом деятельности в подростковом возрасте, в ходе реализации которого вырабатываются навыки социального взаимодействия, увеличивается набор социальных ролей, формируется в определенных условиях социальная дистанция к «своим» и «чужим».

Под подростковым возрастом понимается период перехода от детства к взрослости, традиционно рассматриваемый как ключевой в

жизненном, личностном и профессиональном самоопределении и развитии человека, его социализации и индивидуализации [2, с. 6]. В анализе современного научного и медийного пространства прослеживается тесная связь между понятием «подростковый возраст» и определениями «трудный», «переходный», «переломный», «критический». Это было актуально и во второй половине XX в., о чем пишет Л.И. Божович, это также остается актуальным в условиях современности [1].

В исследовании, проведенном в РГУ им. А.Н. Косыгина, РГГУ и МАИ, проанализированы ответы 100 старших подростков, в возрасте 16-17 лет; 69% выборки представлял собой русскую молодежь и 31% выборки представлял иноэтничную молодежь; 74% выборки составляли респонденты мужского пола, 26% - респонденты женского пола.

Этнический состав опрошиваемых старших подростков сравнительно однородный, поскольку большинство респондентов определили себя как русские. Ярко выраженных межэтнических конфликтов в исследуемой среде не наблюдается, в результате интервьюирования о наличии опыта межэтнических конфликтов указали не более 8 человек.

Методикой исследования выступила «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса, которая измеряет различную степень близости людей к другим членам различных социальных, этнических или расовых групп. Она измеряет степень теплоты, враждебности, безразличия или близости между этими группами.

На начальном этапе реализовывалось исследование старших подростков о наиболее приемлемой для них дистанции по отношению к 17 этническим группам и одной вымышленной. Студентам предлагался опросник, построенный на основании шкалы социальной дистанции Э. Богардуса. Социальная дистанция была замерена для 17 национальностей, список которых включал такие этнические группы, как – татары, армяне, украинцы, евреи, чеченцы, русские, арабы, китайцы, казахи, монголы, белорусы, турки, корейцы, грузины, азербайджанцы, афроамериканцы, цыгане.

Согласно результатам проведенного исследования, минимальная социальная дистанция (средняя социальная дистанция от 1,41 до 1,52 балла) – слияние, отмеченная в отношении двух этнических групп –

русских и татар. То есть, в числе наиболее предпочитаемых старшими подростками групп, оказались русские и татары, с ними, опрашиваемые студенты, готовы вступать, как в родственные, так и в дружеские отношения. Все остальные этнические группы расположились в диапазоне от 3,31 и до 5,47.

В наибольшей степени старшие подростки дистанцировались от цыган, чеченцев, украинцев и китайцев. На данные тенденции, вероятно, оказали свое влияние различные факторы. Так, в процессе интервьюирования, старшие подростки отмечали, что у них возникали конфликтные ситуации с представителями чеченской этнической группы.

Наиболее интересен феномен дистанции с китайцами, который, вероятно, вызван их более активным присутствием в условиях и мегаполиса, и университетской среды.

Относительно этнической группы – цыган, здесь на степень социальной дистанции с ними могли повлиять негативные этнические стереотипы, подпитываемые СМИ, либо отрывочные знания и представления о группе.

Представители этносов Южного Кавказа (грузины, азербайджанцы и армяне) оказались для опрашиваемых респондентов на достаточно близкой социальной дистанции.

В шкале социальной дистанции Э. Богардуса нами добавлена к списку реально существующих 17 этнических групп одна вымышленная (акталийцы). Такой прием в исследованиях получил название «методический прием Хартли». В результате исследования старших подростков выяснилось, что вымышленная группа у респондентов характеризуется меньшей социальной дистанцией и определяется толерантностью.

Согласно Шкале Богардуса, ответы в цифровом диапазоне 3-4 говорят о возможности видеть данные этнические группы соседями по дому, коллегами по работе, т.е. завязывать достаточно близкие с ними контакты.

Диапазон социальной дистанции от 4 до 5 означает для большинства респондентов возможность иметь представителей данной этнической группы в качестве коллег по работе или знакомых. В эту категорию попадают, согласно нашему исследованию, афроамериканцы и турки. Результаты исследования показывают, что

представители таких этнических групп, как корейцы и казахи оказались по социальной дистанции для старших подростков ближе многих других национальностей, включая некоторые этнические группы РФ, Южного Кавказа и Ближнего Востока.

Результаты проведенного нами исследования позволяют сделать вывод о наличии латентной этнической напряженности и необходимости профилактики ксенофобии и конфликтов на этнической почве у старших подростков.

Литература

1. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. Психологическое исследование. М., 1968.
2. *Молчанов С.В.* Психология подросткового и юношеского возраста: учебник для академического бакалавриата. М., 2016.

Особенности временной перспективы современных подростков и юношей

Гриднева Д.А., Толстых Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
grda.msk@gmail.com, nnvt@list.ru

В жизни современного общества образование играет одну из главных ролей, поскольку является основным источником генерирования, совершенствования и развития человеческого капитала, а, следовательно, и ресурсом социально-экономического развития стран и прогресса. В связи с постоянными и быстрыми обновлениями технологий, в мире и в России происходят значимые изменения в сфере образования. Перед школьниками встает сложная задача – принять важное решения, связанное с их настоящим и будущим.

Актуальность изучения особенностей временной перспективы будущего современных подростков в контексте их мотивации обусловлена регулярными социальными, культурными и экономическими переменами, поскольку в выполнении деятельности

человек часто мотивирован непосредственными или настоящими целями, а также будущими целями. А в подростковом и юношеском возрасте временная перспектива имеет решающее значение, так как в этом возрасте принимаются важные решения, касающиеся задач развития, например, выбор школы или университета [3]. Кроме того, навыки планирования и принятия решений развиваются с возрастом, когда решения молодых людей могут привести к важным будущим результатам для их карьеры, личной жизни и социальной активности.

Временное расстояние до близких и далеких целей может варьироваться от короткого, например, поплавать сегодня днем, до длительного, например, подготовка к вступительным экзаменам в колледж, чтобы стать успешным хирургом. Постановка мотивационных целей в довольно отдаленном будущем и разработка долгосрочных поведенческих проектов для достижения этих целей создают долгосрочную, или расширенную, перспективу будущего.

В качестве общей гипотезы исследования выдвигается предположение о том, что имеются различия во взаимосвязях между особенностями временной перспективы и мотивации у лиц подросткового и юношеского возраста. В частности, можно думать, что у лиц юношеского возраста обнаруживается большее количество взаимосвязей между временной перспективой и мотивацией, что отражает больший уровень сформированности представлений о своем будущем. А также у лиц юношеского возраста наблюдается большая устремленность в будущее и большая направленность на саморазвитие, чем у лиц подросткового возраста.

Целью эмпирического исследования является изучение особенностей временной перспективы у современных подростков и юношей с разной степенью зрелости в представлениях о будущем, а также проверка гипотезы о том, что лица юношеского возраста имеют более развернутые представления о своей временной перспективе.

Исследование проводилось с сентября по декабрь 2022 года. В нем приняли участие 155 человек в возрасте от 11 до 18 лет. Из них: 74 человека подросткового возраста (11-14 лет), 37 девочек и 37 мальчиков; 81 человек юношеского возраста (15-18 лет), 37 девочек и 44 мальчика, обучающихся в общеобразовательных школах города Химки.

Для изучения особенностей интенциональности личности подростков и юношей использовался опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ЗТPI) [1], а также метод мотивационной индукции (ММИ) Ж. Нюттена [2], предназначенный для изучения временной перспективы будущего.

В результате были выявлены значимые различия между двумя исследовавшимися возрастными группами как в выраженности факторов по методике ЗТPI, так и в особенностях временной перспективы будущего, выявленных по методике ММИ, а также специфику связей между показателями, полученными с помощью этих двух методик в каждой из подвыборок.

Литература

1. *Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Зимбардо Ф., Бойд Дж. // Науч. ред. Ю.Б. Гатанов. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
2. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 608 с.
3. *Толстых Н.Н.* Развитие индивидуального хронотопа в детстве и юности // Вопросы психологии. 2010. № 2. С. 30-45.

К проблеме профессиональных кризисов у женщин

Гриченко М.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
marygritch@yandex.ru*

Профессиональная сфера является одной из наиболее значимых в жизни человека. Профессия позволяет удовлетворить материальные потребности, проявить свои способности, реализовать свой потенциал, достичь признания, внести свой вклад в общество. Профессиональная деятельность нередко является одним из ключевых компонентов ценностно-смысловой структуры личности.

В процессе жизни личность человека, его мировоззрение, отношения с собой и миром претерпевают изменения. Часть из этих

изменений менее заметные, другие же – достаточно сильные и значимые, сопровождающиеся существенной перестройкой смыслов, ценностей, мировоззрения человека. Эти изменения отражают состояние психологического кризиса, который является неотъемлемым и закономерным этапом психического развития [5].

Если содержание кризиса представлено пересмотром ценностей в профессиональном и трудовом аспекте, изменением отношения к своей деятельности, профессиональной роли, вкладе в профессию, то речь идет о профессиональном кризисе [3]. Таким образом, профессиональный кризис – это период, характеризующийся субъективным чувством нестабильности, рассогласованности в смыслах и ценностях относительно профессиональной сферы.

Наш исследовательский интерес сосредоточен на проблеме профессиональных кризисов у женщин. Причины профессиональных кризисов могут быть как внутренними (изменение приоритетов, интересов, ценностей), так и внешними (изменения условий жизни и деятельности) [2]. Ввиду этого, обозначим особенности социальной ситуации в жизни женщины, которые могут определять специфику профессиональных кризисов. Профессиональное и карьерное развитие женщины может прерваться или значительно корректироваться ввиду длительного отпуска по уходу за ребенком – в этот период профессиональная активность женщины снижается или полностью приостанавливается. Возвращение к профессии после декрета сопряжено с рядом трудностей, таких как проблема поиска работы, адаптация к работе и изменениям в процессах социализации после длительного перерыва, снижение эффективности деятельности. Все это может вызывать кризис, основанный на конфликте между притязаниями женщины к профессиональному развитию и внешними ограничениями.

Также рассмотрим внутренние факторы. Приобретение новой роли матери нередко приводит к изменению приоритетов и ценностей в жизни женщины, что также может привести к профессиональному кризису (в особенности, если карьера ранее занимала ключевое место в жизни) [4]. Замужество также может привести к профессиональному кризису за счет того же самого механизма – обретение новой роли и пересмотр ценностей и приоритетов. Отметим, что для женщин в настоящее время замужество все еще остается более значимым и

влияющим на жизнь событием, в сравнении с мужчинами, чем объясняется больший эффект в формировании профессиональных кризисов.

Кризис представляет собой комплексное явление, поскольку затрагивает ценностно-смысловую сферу человека, что отражается на самоощущении, оценке пройденного пути и перспектив будущего, психоэмоциональном состоянии [4].

Следовательно, диагностика кризиса также должна быть комплексной, и включать изучение различных психологических аспектов, связанных с состоянием кризиса.

Как было отмечено, кризис является этапом пересмотра ценностей и смыслов – разрушением прежней системы и конструированием новой. Следовательно, одним из основных направлений диагностики является исследование смысложизненных ориентаций человека [1].

Следующим направлением диагностики кризиса является исследование эмоционального и психологического состояния, поскольку выраженное кризисное состояние сопровождается эмоциональным дискомфортом, а также возможным снижением концентрации внимания или работоспособности.

В контексте профессиональных кризисов важно также изучить те особенности работы, с которыми связано возникновение кризиса. Так, некоторые характеристики работы и профессии могут сохранять осмысленность и важность для человека, в то время как другие характеристики будут являться основными в содержании кризиса.

Таким образом, профессиональный кризис является одним из этапов профессионального развития человека, и может быть вызван как внутренними, так и внешними причинами. Особенности причин профессиональных кризисов женщин являются такие условия, как обретение новых социальных ролей, профессиональные ограничения, вызванные рождением ребенка и декретным отпуском, а также вызванное этим рассогласование между притязаниями женщины и внешними условиями. Диагностика профессиональных кризисов должна включать исследование смысложизненных ориентаций, психоэмоционального состояния, а также удовлетворенности различными аспектами профессиональной деятельности.

Литература

1. Головей Л.А. Кризисы профессионального развития и ресурсы личности в периоды юности и ранней зрелости // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2013. № 2. С. 31-39.
2. Зеер Э.Ф. Кризисы профессионального становления личности // Психологический журнал. 1997. Т.18. № 6. С.35-44.
3. Канаева Н.А. Кризисы, их роль в профессиональном становлении личности // Психология: традиции и инновации: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Уфа, октябрь 2012 г.). Уфа: Лето, 2012. С. 67-71.
4. Петраш М.Д. Психологическое содержание и факторы возникновения кризисов профессионального развития на этапе начала профессиональной деятельности // Экспериментальная психология. – 2011. Том 4. № 4. С. 88-100.
5. Садовникова Н.О. Конфликт профессионального самоопределения и профессиональный кризис личности как психологические барьеры профессионального развития // Russian Journal of Education and Psychology. 2016. №. 10 (66). С. 115-125.

Использование дистанционного обучение и интернет-технологий как инновации воспитательно-образовательного процесса в ДОУ

Давыденко А.П.

МБДОУ «Ясли-сад общеразвивающего типа

№3 «Радуга» города Ясиноватая»

Ясиноватая, Россия

777nastya1@mail.ru

Современные реалии требуют от работников сферы образования часто совмещать, а иногда и частично заменять традиционные подходы к обучению на инновационные [1; 2]. Новая социально-образовательная ситуация призывает специалистов системы образования находить новые решения для реализации педагогических задач образовательного процесса и взаимодействия с детьми и

родителями или законными представителями в формате дистанционного обучения [3].

С момента приостановления образовательного процесса в Донецкой Народной Республике, коллектив нашего дошкольного учреждения начал активно использовать дистанционные образовательные технологии как средство взаимодействия с воспитанниками и их семьями. Согласно статье 16 Закона Российской Федерации «Об образовании» под «дистанционными образовательными технологиями» понимаются «образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [6]. Для достижения непрерывности учебного процесса, а также реализации образовательных и воспитательных целей и задач успешно используются отечественные сервисы хранения и передачи информации (vk.com; Яндекс; mail.ru).

Результаты работы психологической службы отдела образования города Ясиноватая в последние несколько месяцев показывают, что использование неконтактных форм и интернет-технологий позволяет успешно осуществлять психологическое сопровождение и оказывать психолого-педагогическую поддержку участникам образовательного процесса. Применение дистанционных образовательных технологий в значительной мере позволило построить педагогический процесс как постоянно развивающееся взаимодействие педагога и ребенка, направленное на решение задач обучения, воспитания, формирования и развития личности ребенка [4; 5].

Дистанционные образовательные технологии, а также интернет-технологии в настоящее время стали новым средством обучения и воспитания детей-дошкольников, т.к. ранее они были востребованы в детском саду только в процессе работы консультативного пункта. Это значит, что произошло изменение роли и функции участников педагогического процесса. Ценность дистанционного обучения в сложившейся ситуации заключается в том, что родителям и детям в доступной форме предлагается учебный материал (интерактивные игры, видео-занятия, диагностические методики, консультации и прочее). Находясь дома, либо в эвакуации родители и дети вместе изучают и выполняют рекомендованные для них задания. Достигается

основная цель дистанционного обучения — предоставить ребенку возможность доступно получить образование на дому, либо на значительном расстоянии от образовательного учреждения.

Донецкий республиканский учебно-методический центр психологической службы системы образования, с целью оказания помощи при подготовке детей к школе, разработал циклы занятий в дистанционном формате для детей дошкольного возраста «Путь в страну знаний», «Я познаю мир», «Игра как средство всестороннего развития личности ребенка», «Просто о сложном», а также серию интерактивных игр. Подготовленный материал направлен на развитие познавательных психических процессов, формирование представлений об окружающем мире, а также на формирование элементарных математических представлениях.

Родители и дети, несмотря на временный переход на дистанционное обучение, продолжают выполнять рекомендованные им задания, с интересом изучают предложенный учебный материал, участвуют в детских конкурсах. Интернет-технологии дают возможность продолжить общение между педагогом и воспитанником, его родителями или законными представителями, а также делают возможным проявление эмпатии и сопереживания, сочувствия и взаимоподдержки между участниками учебно-воспитательного процесса.

Таким образом, технология дистанционного обучения не противоречит современным тенденциям развития образования и является наиболее приемлемой и актуальной в данный период времени, доступной для каждого педагога и воспитанника ДООУ, вне зависимости от местонахождения. Используя технологии дистанционного обучения, мы руководствуемся целью: обеспечить родителей необходимой информацией, а детей — необходимыми знаниями в период приостановления образовательного процесса в Донецкой Народной Республике, то есть, создать условия для качественного освоения образовательной программы.

Литература

1. *Белинская Е.П.* Психология. Интернет-коммуникации. М., 2013.

2. *Войсунский А.Е.* Интернет - новая область исследований в психологической науке. М., 2002.
3. *Куликова С.В., Шейфетдинова Н.А., Маклаков В.В., Креопалов В.В., Нарцисова С.Ю.* Взаимодействие в киберпространстве: принципы и формы: учебное пособие. М., 2018.
4. *Манеров В.Х., Королева Н.Н., Богдановская И.М.* Миробразование и личностные феномены Интернет-коммуникации: монография. СПб., 2006.
5. *Полат Е.С.* Интернет в гуманитарном образовании. М., 2001.
6. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. От 29.12.2022) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023).

Актуальные вопросы работы психолога с участниками образовательной системы после чрезвычайного происшествия в школе

Даниленко О.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Федотова Л.А.

МБУ Центр ППМСП «Успех»

Химки, Россия

olgapositive@yandex.ru

В настоящее время все большую актуальность приобретает формирование эффективной модели безопасности образовательного учреждения. «Сложность разработки такой программы по безопасности образовательной среды заключается в том, что сама безопасность – сложный многомерный феномен, в котором сочетается множество субъективных и объективных факторов и который требует участия всех участников образовательного процесса» [5].

При этом важно учитывать уровень не только первичной профилактики, но и уровень вторичной профилактики, реагирования после ЧП, который будет предупреждать дальнейшее обострение ситуации, дополнительную травматизацию у детей и взрослых,

оказавшихся прямо или косвенно вовлеченными в произошедшее событие. Реакция на событие развивается очень быстро, требует готовности к управлению взаимодействием с учащимися, родителями, СМИ, слаженной работы команды, организующей преодоление последствий события. «При этом далеко не каждый из участников образовательного процесса имеет четкое представление о своих действиях, границах ответственности и компетентности» [1; 2; 3].

В ситуации, являющейся экстремальной, выходящей за рамки обычного функционирования школьной системы, к психологам обращены особые ожидания, часто не совсем реалистичные. При этом на деле рекомендации психологов, привлеченных для оказания помощи школе, не являются обязательными ни для внимательного рассмотрения, ни тем более, для исполнения. Причина этого как раз в том, что при разработке программ, направленных на обеспечение безопасности школы, психологическая безопасность рассматривается в отрыве от других аспектов безопасности, педагоги и администрация психологическую безопасность понимают узко, как ответственность только психологической службы. Это приводит к непониманию того, что психологическая безопасность включает в себя все аспекты безопасности связанные с так называемым «человеческим фактором», который охватывает все уровни взаимодействия участников образовательного процесса, вопросы информационного освещения события как в контактах с учащимися и родителями, так и представителями СМИ [4].

В данной работе представлен анализ опыта работы по психологической поддержке субъектов одной из школ города Химки после чрезвычайного события, связанного с агрессивными действиями одного из учащихся. В поддержке коллектива школы, родителей, учащихся, в помощи администрации принимали участия психологи Центра Успех, представитель МГППУ, привлекался клинический психолог – сотрудник психдиспансера г. Химки.

Работа с ситуацией показала важность четкого и аккуратного предоставления информации, невозможность полностью исключить обсуждение ситуации с родителями и детьми, наличие большого количества затруднений у педагогов в связи с необходимостью отвечать на вопросы родителей и учащихся. Важной опорой стали разработанные нами памятки-сценарии с конкретными вариантами

возможных текстов для короткой беседы с детьми и родителями. Были разработаны варианты информационных сообщений по поводу произошедшего события, адресных для различных групп. Так, разработаны формы сообщений для рассылки в родительских чатах, содержащие краткую информацию о событии, слова поддержки и предложение консультаций на базе центра «Успех». Была проведена работа со учителями школы по поддержке в ситуации острого стресса самого себя и своих учеников, дополнительно консультация с учителями, работающими в классе, в котором произошло данное событие, встречи с родителями в формате групповых встреч, консультативный прием семей, которые выразили желание получить поддержку, проведена экспресс диагностика психологического климата класса и особенностей установок учителей по отношению к учащимся данного класса и по результатам проведена консультация с педагогами по работе с классом, контактам с родителями. Администрации также предоставлены рекомендации.

Анализ проделанной работы позволяет сделать выводы: важно создавать и внедрять программы безопасности не просто в формате разработанных инструкций. Важно обязательно проводить практикумы для внедрения программы, включать методы активного обсуждения и взаимодействия для участников образовательного процесса с использованием деловых игр, мозгового штурма, проблемного моделирования и кейс-метода. Это поможет постепенно каждому участнику образовательной системы понять необходимость сотрудничать в вопросах безопасности, только так станет понятен каждому его уровень ответственности взаимосвязи безопасности каждого с навыками сотрудничества в этой области с коллегами и родителями учащихся. Важно иметь четкие инструкции на случай ЧП и ЧС, в которые должны входить и рекомендации по предоставлению информации. В экстренном порядке растерянность, волнение могут помешать найти правильные слова в разговоре с учащимися и родителями, а это может привести к нежелательным последствиям, усилить деструктивное влияние ситуации и привести к дополнительной травме. Готовые модели информационных сообщений облегчают задачу учителю, а участие в разработке таких конкретных памяток в деловой игре, поможет более осознанно действовать в условиях реального происшествия.

Также участие в деловой игре представителей администрации поможет увидеть место психологической безопасности в целостной программе безопасности образовательного учреждения, а также сформирует реалистичные ожидания к роли психологов в команде реагирования в стрессовой ситуации.

Литература

1. *Даниленко О.В.* Использование метода проблемно-деловой игры при разработке программы обеспечения психологической безопасности школы // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2021 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. 133-135 с.
2. *Даниленко О.В.* Опыт ведения онлайн группы для подростков из трудной жизненной ситуации в условиях самоизоляции // В сб.: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева. Москва, 2020. С. 173-174.
3. *Ковалева Г.С., Даниленко О.В., Ермакова И.В., Нурминская Н.В., Гапонова Н.В., Давыдова Е.И.* О первоклассниках (по результатам исследований готовности первоклассников к обучению в школе) // Вестник образования. 2011. №6. С. 4.
4. *Романова Г.С.* Человековедческая компетентность руководителя / В кн.: Научно-практическая деятельность молодых ученых и студентов в рамках программы модернизации московского образования. Материалы II-ой городской научно-практической конференции молодых ученых и студентов учреждений высшего и среднего образования городского подчинения: Тезисы. Москва, 2003. С. 182-183.
5. *Шойгу Ю.С., Тимофеева Л.Н., Курилова Е.В.* Организация и оказание экстренной психологической помощи детям, пострадавшим в чрезвычайных ситуациях (на примере работы

специалистов психологической службы МЧС России в школе № 127 г. Пермь) // Национальный психологический журнал. № 2(34). 2019. <http://npsyj.ru>

Экспресс-диагностика эмоционального отношения учащихся 5 класса к разным сторонам своего актуального функционирования в школьной и внешкольной жизни

Даниленко О.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
DanilenkoOVolgapositive@yandex.ru*

Эмоциональное благополучие ребенка в образовательном пространстве является важнейшим индикатором психологической безопасности школы, а также важнейшим условием эффективной учебной деятельности. В связи с этим актуальным является разработка моделей и методик изучения эмоций, которые ребенок испытывает в ходе учебной деятельности [1; 2; 3]. Важным показателем благополучия школьника является его субъективное отношение к различным к разным сторонам своего актуального функционирования в школьной и внешкольной жизни. Быстрая оценка эмоционального отношения помогает оценить, насколько защищенным чувствует себя школьник в конкретно ситуации, позволяет отслеживать динамику эмоциональных реакций, а также своевременно выявлять проблемные зоны как для конкретного ребенка, так и класса.

В течение многих лет Центром оценки качества образования ИСРО РАО в различных регионах страны проводились мониторинговые исследования образовательных достижений и личностных результатов обучения учащихся с первого по 6 класс. В проекте использовалось много параметров, для чего был разработан специальный инструментарий. Выборка, на которой инструментарий апробирован и использован, составила свыше 50 тысяч учащихся и их родителей.

Для анализа эмоционального отношения к школе и к различным аспектам учебной деятельности разработана методика «Настроение» (автор О.В. Даниленко). Учащимся предлагается ответить на вопросы

о том, какое настроение у них бывает в различных школьных и внешкольных ситуациях. Учащимся нужно соотнести свое настроение в указанных ситуациях (на различных уроках, на перемене, на «продлёнке», и т.д.) с тремя рисунками: яркое безоблачное солнышко (положительное отношение), солнышко, прикрытое тучкой (нейтральное отношение) и дождливая тучка (отрицательное отношение). Данные символы хорошо понимаются детьми независимо от региона (в проекте участвовали как дети из Москвы, Владивостока, так и коренные малые народности Севера, учащиеся в Чеченской республике и Татарстане, Красноярский край и многие другие регионы). Выборочный анализ контрольных групп испытуемых показал, что исследование с помощью данных символов хорошо принимается детьми, не вызывает сопротивления, позволяет обсуждать важные аспекты детской жизни, вызывающие разные эмоции.

В выборах того или иного настроения отражается конкретный опыт и его личностное значения для ребенка. В эмоциональной окраске настроения в каждой конкретной ситуации суммируется вся гамма переживаний, связанных с данной ситуацией наиболее актуальная в данный момент (тревожное ожидание неприятностей или воспоминание о приятных моментах). Позитивное настроение способствует высокому тону работоспособности, настрою на участие в деятельности, позволяет более конструктивно принимать обратную связь. Если большое число детей отметило какую-то позицию как сопровождающуюся негативными эмоциями, необходимо дополнительно проанализировать данный вид деятельности, постараться выявить, что является для детей источником напряжения.

Методика позволяет выявить, какие моменты школьной жизни вызывают напряжение, а какие являются ресурсными для учащихся конкретного класса, школы, региона. А можно рассмотреть эмоциональную реакцию в разных моментах функционирования конкретного ученика.

При интерпретации результатов следует учитывать, что отношение ребёнка к школе или конкретной ситуации учебной деятельности зависит от индивидуальных успехов ребёнка, «затратности» его результатов, реакций учителя, атмосферы на уроке и многих других факторов.

Анализ большой базы данных позволяет выявить наиболее характерные зоны напряжения для учащихся определенного возраста во всех российских школах. Так для учащихся пятых классов больше всего «плачущих тучек» отмечают на уроках русского языка. Много негативных оценок настроения у пятиклассников по отношению к важным моментам учебной деятельности. Это ответ у доски – позитивный настрой только у 48% учащихся, когда учитель обращается к конкретному ученику с вопросом – позитивные оценки у 48% учащихся, когда проходите новый материал – 43% позитивных оценок, когда у вас контрольная работа 17% позитивных оценок настроения и 43% остро негативных. Если не получается задание сохраняют позитивный настрой только 13%, а 39% учащихся испытывают выраженные негативные эмоции. Следует отметить, что острая негативная реакция на возникающие затруднения, причем повторяющаяся постоянно, снижает эффективность учебной деятельности. Страх, возникающий в ситуации проверки знаний, может быть связан и с особенностями учительской позицией, и с высокими требованиями родителей к успехам ребенка в обучении. Также атмосфера класса с насмешками, критикой в случае неправильного ответа приводит к страху отвечать у доски, выбору стратегии избегания неудачи в противовес позиции активности в освоении нового. Это снижает эффективность обучения, может не позволять ребенку полностью реализовывать свой учебный потенциал. Особенно остро учащиеся класса реагируют на замечания учителя – не более 10% сохраняет беззаботность, а 58% испытывает остро негативные эмоции. Это показывает, что многие проблемы с поведением в данном возрасте связаны в первую очередь с возрастными особенностями и личностными сложностями в управлении своим поведением и дисциплинарными мерами не могут быть решены. У большинства не наблюдается негативизма по отношению к учителям, они хотят быть успешными учениками и получать одобрение и учителей, и родителей. Но, в силу несформированности механизмов произвольности, возможно, еще незрелой системы ценностей, не умеют управлять своим поведением. В ситуации стресса гибкость поведения уменьшается и замечания вызывают лишь кратковременное устранение нежелательного

поведения (и то не всегда), а в долгосрочной перспективе создают еще больше напряжения.

Методика дает возможность анализировать особенности психологического климата класса, выявлять неблагополучие в сфере отношений с одноклассниками и даже предполагать ситуации травли.

Например, проведенная диагностика в одной из школ города Химки показала, что 74% пятиклассников с хорошим настроением рассказывает близким о школе, 83% испытывают положительные эмоции, когда думают об одноклассниках или встречаются их случайно на улице, но есть несколько детей, у которых мысли об одноклассниках и встреча вне школы вызывают негативные эмоции. 22% указывают на то, что при обсуждении школьной ситуации у них бывает временами негативное настроение, а один ребенок указывает наличие стойких выраженных негативных эмоций при рассказе о школе. Также у этого ученика выявлено наличие негативных эмоций в ситуации перемены, при посещении столовой, в случае случайной встречи с одноклассниками. Это позволило предположить наличие серьезной проблемной ситуации для данного ребенка, возможно даже травли. Дополнительная беседа с мамой ребенка, а затем и с учителями, подтвердила гипотезу и позволила своевременно принять меры.

Также для многих пятиклассников из разных регионов характерно наличие зон напряжения в семейном пространстве. Большинство учащихся справляются с домашними заданиями, но у примерно трети бывают затруднения при выполнении заданий, вызывающие негативные эмоции. При этом помощь близких даже усиливает у многих из них дискомфорт. Это связано с тем, что приходится сталкиваться с негативными эмоциями родителей, не пониманием того, как необходимо оказывать помощь ребенку при выполнении учебных заданий.

В большинстве семей теплые отношения с детьми, что проявляется в положительных эмоциях, которые испытывают дети во время семейного ужина, в выходной день. Можно отметить наличие у части детей эмоционального напряжения при общении с братьями/сестрами, при необходимости помогать по хозяйству, примерно четвертая часть отмечает негативные эмоции при укладывании спать. Отдельно необходимо отметить, что около 30% учащихся испытывают

негативные эмоции при попытке родителей «поговорить по душам». Это указывает на то, что родители часто при этом оказывают давление, путают доверительный разговор с нравоучением.

Выявленные проблемные моменты - ситуация оценивания знаний, работа у доски, умение сохранять эмоциональную стабильность при прямом контакте с учителем на уроке, умение без острой реакции воспринимать критику и замечания учителя, ставят перед психологами важную задачу в работе как с учащимися, так и педагогами над формированием позитивного стиля взаимодействия в учебном пространстве.

Большинству родителей необходима поддержка педагогов и психологов для понимания того, как помогать с домашней работой, как преодолевать возникающие затруднения в учебных делах. Также необходима работа по развитию родительских компетенций в поддержании доверительных отношений с детьми, по вопросам режима дня подростка, психологическим особенностям подросткового возраста.

Литература

1. *Ломтатидзе О.В.* Исследование эмоционального отношения младших школьников к основным видам деятельности / О.В. Ломтатидзе, И.А. Ершова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 2 (126). С. 149-157.
2. *Даниленко О.В.* Опыт ведения онлайн группы для подростков из трудной жизненной ситуации в условиях самоизоляции // В сб.: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева. Москва, 2020. С. 173-174.
3. *Савинова Л.Ю.* Трудности диагностики эмоционально-оценочного компонента ценностных отношений младших школьников [Текст]: // Л.Ю. Савинова Комплексные исследования детства. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-dagnostiki->

emotsionalno-otsenochno-go-komponenta-tsennostnyh-otnosheniy-mladshih-shkolnikov (дата обращения: 31.03.2023).

Сильные стороны личности как предикторы удовлетворенности жизнью

Даниленко О.И., Быховская А.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
danilenko.olga@gmail.com, anna.bykhovskaya@gmail.com

Среди важнейших задач современной научной и практической психологии — помощь человеку в преодолении трудных жизненных ситуаций. Одним из показателей успешности в этом является его удовлетворенность жизнью. К настоящему времени обнаружен целый ряд психологических характеристик, которые рассматриваются в качестве личностного потенциала субъекта в преодолении трудностей, в том числе «сильные стороны личности». Этот концепт получил разработку в рамках позитивной психологии — научного направления, цель которого — помочь выявить и развить позитивные качества человека [1]. Предложенная модель «24 сильные стороны личности» получила эмпирическое подтверждение благодаря разработанному К. Петерсоном и М. Селигманом опроснику «Values in Action Inventory of Strengths» («VIA-IS»). Опросник был адаптирован для русскоязычной выборки в 2021 году. В процессе валидации опросника выявлено наличие корреляционных связей между показателями данной методики и удовлетворенности жизнью субъекта. Однако нам не удалось найти работ, посвященных сравнительному анализу относительной значимости для психологического благополучия тех или иных сильных сторон личности из модели VIA.

Цель нашей работы – выявить относительный вклад сильных сторон личности в удовлетворенность жизнью субъекта с учетом пола. В исследовании приняли участие 97 человек в возрасте от 24 до 56 лет ($M=37,9$), среди которых 60 женщин и 37 мужчин. Данные получены посредством русскоязычной версии опросника «VIA-IS120», названной «Ценности в действии: инвентаризация сильных сторон

личности» (адаптация А.А. Ставцева, А.А. Реана, Р.Г. Кузьмина) и «Шкалы удовлетворенности жизнью» (SWLS) Э. Динера (адаптация Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева). Сбор эмпирических данных осуществлялся посредством google-формы опросников. Участие респондентов было добровольным и анонимным. Для обработки данных использовались описательные статистики, корреляционный, факторный и регрессионный анализ.

Результаты исследования. В результате корреляционного анализа, который проводился в общей выборке, обнаружено пять положительных корреляций ($p < 0,05$) показателей опросников «Шкала удовлетворенности жизнью» и «Ценности в действии». Отметим, что в процессе валидации последнего [2, с. 690] выявлено, что все 24 сильные стороны личности положительно коррелируют с показателем удовлетворенности жизнью. Вероятно, меньшее число значимых корреляций объясняется значительно меньшей по объему выборкой нашего исследования по сравнению с выборкой при валидации опросника.

В соответствии с моделью VIA 24, сильные стороны личности объединяются в шесть групп — «добродетелей», которые включают от трех до пяти качеств. Однако такая иерархическая модель не всегда находит подтверждение; сильные стороны личности могут группироваться в факторы, отличающиеся от исходной модели, что делает взаимосвязь 24 сторон личности и 6 добродетелей предметом научной дискуссии [2, с. 690]. Нами был проведен факторный анализ; выбранная 6-факторная модель объясняет 67,48% дисперсии показателей. При этом распределение сильных сторон по факторам существенно отличается от оригинальной модели.

В регрессионном анализе в качестве независимых переменных использованы показатели факторных весов, в качестве зависимой переменной — показатель удовлетворенности жизнью. Результаты, полученные на общей выборке, свидетельствуют о позитивном вкладе в удовлетворенность жизнью таких сильных сторон личности, как Оптимизм, Энергичность, Благодарность, Любопытство, Любовь к учению; все они вошли в первый фактор ($\beta = 0,455$). Также позитивный, хотя менее значительный, вклад в удовлетворенность жизнью вносят качества, вошедшие в третий фактор ($\beta = 0,192$): Критическое мышление, Широта видения, Социальный интеллект,

Креативность. Такие результаты представляются вполне закономерными: эти личностные характеристики обеспечивают субъекту сочетание благоприятных характеристик когнитивной сферы, позитивный эмоциональный настрой и активность в достижении цели. Неожиданный результат — отрицательный вклад в удовлетворенность жизнью качеств, вошедших во второй фактор ($\beta = -0,206$): Беспристрастность, Просоциальная активность, Лидерство, Прощение, Доброта, Умение ценить красоту. В исходной модели VIA первые три свойства включены в добродетель Социальность. В соответствии с концепцией VIA, качества этой группы проявляются в общественной деятельности. Они предрасполагают субъекта к заботе о благополучии других людей, проявлениям справедливости, чувства долга, организаторских способностей [1, с. 200-203]. Результаты регрессионного анализа обнаружили как в мужской, так и в женской выборках в качестве позитивного предиктора качества, входящие в первый фактор ($\beta = 0,539$ и $\beta = 0,482$, соответственно). При этом качества из второго фактора является отрицательным предиктором только у мужчин ($\beta = -0,311$). Можно предположить, что негативное влияние выраженности этих качеств на удовлетворенность жизнью обусловлено сложностью в их реализации в социальной жизни субъекта мужского пола.

Таким образом, как для мужчин, так и для женщин позитивным предиктором удовлетворенности жизнью является развитость качеств личности, обеспечивающих позитивный эмоциональный настрой, активность в достижении цели и любознательность. Только в мужской выборке в качестве негативного предиктора выступает развитость качеств, побуждающих к заботе о благополучии других людей в общественной жизни.

Литература

1. Селигман М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М., 2006.
2. Ставцев А. А., Реан А. А., Кузьмин Р. Г. Сильные стороны личности российских педагогов в модели VIA: апробация русскоязычной версии опросника «24 сильные стороны

личности» (VIA – IS120) // Интеграция образования. 2021. Т. 25, № 4. С. 681–699.

Функции организационной культуры современного торгового предприятия и факторы ее формирования

*Деканова Ю.Н., Пащенко А.К.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
qahcr@inbox.ru, a.k.pashchenko@mail.ru*

Организационная культура современного торгового предприятия может быть рассмотрена и изучена как целостный социально-психологический феномен. К настоящему времени психологи уже пришли к осознанию того факта, что организационная культура не формируется стихийно и не является простой суммой представлений всех сотрудников. Об этом, в частности, в разное время писали такие специалисты в области психологии групп, организационной психологии и организационного поведения, как К. Камерон и Р. Куинн, Г. Хофстеде, Э. Шейн, С.А. Липатов, Р.К. Несмеянова, В.А. Толочек, В.И. Доминяк, Н.Н. Сулим, В.А. Штроо и др. В исследованиях перечисленных авторов подчеркивается «многослойный» ее характер, который обуславливает многоуровневую систему факторов ее формирования. В частности, Э. Шейн представляет организационную культуру предприятия метафорически в виде дерева с корнями, стволом и кроной, которым соответствуют различные уровни проявления культуры в организации [8].

Организационная культура рассматривается как мощный стратегический инструмент, который позволяет ориентировать всех сотрудников организации на выполнение единых задач, вдохновить их инициативу и творческий потенциал, содействовать общению, развивать чувство общего жизненного и творческого пространства, а также механизмы адаптации в условиях данного пространства.

Согласно ГОСТ, торговое предприятие представляет собой «имущественный комплекс, используемый торговыми организациями или индивидуальными предпринимателями для осуществления

продажи товаров и/или оказания услуг торговли» (ГОСТ Р 51303-2013, 2016). Для современного торгового предприятия организационная культура имеет особую значимость, поскольку торговые предприятия функционируют в специфических социально-экономических условиях, к которым относятся [6; 9]:

- высокая конкуренция за потребителя: торговые организации, по своей сути, не производят уникальной продукции, они перепродают существующие продукты (товары, услуги), что требует от них создания собственных конкурентных преимуществ;
- высокая текучесть среди персонала линейного уровня приводит к необходимости затрачивать колоссальные усилия на формирование и поддержание оптимальной численности сотрудников, для сплочения постоянно меняющегося коллектива;
- высокий темп изменений во внешней среде предприятия: условия торговли, цены, технологии и даже рынки сбыта постоянно меняются, что требует высокой адаптивности и гибкости компании.

Вследствие перечисленных особенностей организационная культура на торговом предприятии играет особо важную роль, обусловленную одновременным выполнением трех функций:

- стимулирующей,
- интеграционной,
- адаптивной.

Соответственно, на торговом предприятии должна быть сформирована организационная культура, которая стимулирует сотрудников к высокой личной результативности и производительности труда, при этом быстро и эффективно интегрирует новых сотрудников в коллектив и способствует удержанию ценных кадров, а также способствует гибкому и быстрому реагированию на любые внешние изменения.

Анализ актуальных исследований, посвященных организационной культуре торговых предприятий, показал, что она действительно обладает рядом особенностей [4; 5]. В частности, установлено, что организационная культура торговых предприятий имеет черты рыночного типа и закрытой парадигмы, которые включают в себя:

авторитарность руководства, принятие решений на основе приказов, ориентацию на внешнюю адаптацию, регулирование информационных каналов, конкуренцию.

Большинство авторов согласны с тем, что культура организации представляет собой сложный набор важных предположений (часто не сформулированных), которые члены команды принимают и разделяют без каких-либо доказательств. Как указывается в подавляющем большинстве исследований, посвященных процессу формирования организационной культуры, она формируется не стихийно, а под воздействием сложного комплекса факторов социально-психологической и индивидуально-психологической природы [2; 7]. Организационная культура торгового предприятия не является исключением [3]. Только волей высшего руководства или созданием искусственных норм, правил и документов сформировать организационную культуру не представляется возможным, поскольку в процессе ее формирования задействован сложный комплекс трудно управляемых показателей.

Социально-психологические факторы формирования организационной культуры торгового предприятия представлены особенностями взаимодействия сотрудников, их психологическими особенностями, проявляющимися во взаимодействии и общении друг с другом, в совместном решении трудовых задач. Эта группа факторов во многом определяет групповую и микрогрупповую динамику в трудовом коллективе торгового предприятия. Индивидуально-психологические факторы формирования организационной культуры торгового предприятия представлены личностными особенностями сотрудников коллектива, спецификой их личностных смыслов, ценностей. Эта группа факторов определяет индивидуальное восприятие норм и правил, особенности поведения и реакций участников трудового коллектива.

Таким образом, организационная культура на современном торговом предприятии выполняет стимулирующую, интеграционную и адаптивную функции, играет крайне важную роль для обеспечения конкурентоспособности и устойчивости предприятия, а также имеет выраженную специфику (рыночный тип, ориентация на внешнюю адаптацию, закрытость) и формируется под воздействием комплекса

социально-психологических и индивидуально-психологических (личностных) факторов.

Литература

1. ГОСТ Р 51303-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Торговля. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 28.08.2013 N 582-ст)
2. *Заец Д.А.* Социально-психологические основы организационной культуры // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. №4. С. 174-178.
3. *Карапетян А.Р.* Система формирования организационной культуры в сфере торгового предпринимательства // п-Есопому. 2010. №2 (96). С. 172-177.
4. *Макараченко М.А.* Исследование организационной культуры Санкт-Петербургских предприятий // Вестник Санкт-Петербургского университета, Сер. 8. Менеджмент, 2004. № 3(24). С. 53–77.
5. *Мельник Ю.И.* Представления об организационной культуре сотрудников торгового предприятия: интеграция, дифференциация или фрагментация? // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 1. С. 89–105.
6. *Меркулова Т.П.* Торговый персонал: проблемы и перспективы развития // Журнал прикладных исследований. 2019. №3. С. 11-13.
7. *Сулим Н.Н.* Социально-психологические особенности формирования организационной культуры предприятия / Диссертация на соискание степени к.п.н. Белгород. 2009. 225 с.
8. *Шейн Э.Х.* Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер. 2006.
9. Российская экономика: Аналитическое исследование [Электронный ресурс] / ООО «НКР» от 15.06.2022. URL: https://ratings.ru/files/research/corps/NCR_Resilience_150622.pdf (дата обращения 11.03.2023)

Связь жизнестойкости и копинг-стратегий у студентов

Делиденко А.А., Волк М.И.

ФГАОУ ВО РУДН, Москва, Россия

Anuta15619@mail.ru, volk-mi@rudn.ru

Жизнестойкость является ключевым фактором способности студентов переживать трудности, противостоять стрессовым ситуациям и не поддаваться тяжелым обстоятельствам.

С. Мадди исследовал жизнестойкость и описывал ее как определенную систему представлений личности о себе и окружающем его мире. Современные исследования жизнестойкости подтверждают тот факт, что она является ресурсом личности и определяется требованиями внешней среды. Иными словами, жизнестойкость – внутренняя сила, определяющая готовность удовлетворять собственные потребности и пользоваться внешними ресурсами [6]. Т.В. Наливайко определяет жизнестойкость, как личностную характеристику, сформированную ввиду человеческого опыта, которая позволяет ему избежать личной и профессиональной дезадаптации [9]. На формирование жизнестойкости влияет процесс социализации и уровень трудностей, которые индивид смог преодолеть [2; 4].

В своем ситуационном подходе Р. Лазарус и С. Фолкман выделяют копинг как процесс совладения со стрессовыми ситуациями. Они рассматривают определенный механизм, который вынуждает человека выбирать стратегии поведения. Исследователи считают, что копинг реализуется в виде широкого спектра реакций, обусловленных риском. Он влияет на то, какую поведенческую стратегию выберет для себя человек. Иными словами, это когнитивные поведенческие проявления, задача которых управлять внешними или внутренними требованиями, которые человек расценивает как собственный ресурс [10].

В своем исследовании Е.В. Битюцкая проводит линию, что для создания целостности представления о копинге, необходимо проводить полный анализ параметров: оценивать виды и типы отдельных случаев, реакции и черты личности, оценку ситуаций в которых находится человек, реакции и поведение. Таким образом,

оценка комплексного подхода даст возможность иметь более четкие представления об адаптивном поведении личности [1]. Как и другие авторы, А.А. Киселёва обращает внимание в первую очередь на когнитивные составляющие копинга, нацеленные на решение проблем. Это может быть как планирование попыток преодоления проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, так и её обдумывания, поиск всех возможных решений и т.д. [8]. Современные исследователи описывают копинг-стратегии как индивидуальные особенности и ресурсы личности, эмоциональные состояния, которые находятся в постоянном изменении и борются с внешними или внутренними конфликтами, обстоятельствами и стрессовыми ситуациями [6].

Выборку нашего исследования составили 75 студентов-психологов РУДН. Были использованы следующие методики: «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций «(SACS)» (С. Хобфолл в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой) [2] и «Тест жизнестойкости» (С. Мадди в адаптации Д. Леонтьева) [7].

Описание первичной статистики показали, что на первом месте у студентов такая стратегия, как поиск социальной поддержки (23 балла), что относится к положительным адаптивным стратегиям. На втором и третьем месте у студентов агрессивные (22 балла) и асоциальные действия (21 балл), что относится к негативным стратегиям копинга. Общая жизнестойкость характеризуется низким уровнем (50 баллов), при этом, выраженность вовлеченности – 28 баллов, контроля – 26 баллов и принятия риска – 17 баллов.

Исследования связей между изучаемыми свойствами (использовался критерий Спирмена) показало наличие как положительных, так и отрицательных интеркорреляций внутри них [3]. Общая жизнестойкость оказалась значимо положительно связанной с фактором вовлеченности (0,68) и фактором контроля (0,65) на уровне $p \leq 0,001$. Обнаружены значимые, интеркорреляции в копинг - стратегиях студентов: положительно связаны стратегии агрессивных действий со стратегиями асоциальных действий (0,32) на уровне $p \leq 0,01$, стратегии асоциальных действий со стратегиями манипулятивных действий (0,27) на уровне $p \leq 0,05$, стратегии осторожных действий обнаружили прямую связь со стратегией социального контакта (0,25) на уровне $p \leq 0,05$. Также обнаружена

отрицательная – значимая связь между стратегией избегания и стратегией поиска социальной поддержки (-0,38) на уровне $p \leq 0,001$.

Анализируя полученные связи между копинг-стратегиями и параметрами жизнестойкости, выделяются две значимые положительные корреляции. Параметр жизнестойкости «контроль», демонстрирует положительные связи со стратегией агрессивных действий (0,43) на уровне $p \leq 0,001$, и со стратегией осторожных действий (0,28) на уровне $p \leq 0,05$.

Полученные результаты показывают, что для исследуемой группы характерен достаточно низкий уровень жизнестойкости и преимущественно использование негативных и нейтральных копинг – стратегий. Связи внутри жизнестойкости показали, что, чем выше уровень вовлечённости и контроля, тем выше общая жизнестойкость. Это свидетельствует о том, что, чем больше личность убеждена в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, тем больше она получает удовольствие от собственной деятельности. Положительно связанные стратегии агрессивных и асоциальных действий, показывают, что чем сильнее личность испытывает негативные чувства, при неудачах и конфликтах с другими людьми, тем чаще они выходят за социально допустимые рамки и ограничения. Связь стратегий асоциальных действий с манипулятивными демонстрирует, что, чем выше выражен эгоцентризм и стремление к удовлетворению собственных желаний, тем чаще личностью руководят скрытые побуждения к управлению другими для достижения своих целей. Положительные связи стратегии осторожных действий со стратегией социального контакта, показывают, что тщательное обдумывание и взвешивание возможных вариантов решения проблемы, усиливает стремления к совместным действиям, а значит и более эффективному разрешению критических ситуаций. Обнаруженная отрицательная значимая связь между стратегией избегания и стратегией поиска социальной поддержки указывает что, чем сильнее стремление отдалиться от конфликтной ситуации и откладывать решение возникшей проблемы, тем меньше стремление к установлению контактов и совместному поиску решений. Параметр жизнестойкости «контроль», демонстрирует положительные связи со стратегиями агрессивных и осторожных действий. Основываясь на этих показателях, можно сделать вывод,

что, чем больше убежденность во влиянии борьбы на происходящее, тем чаще личность испытывает негативные чувства при неудачах и конфликтах, внутреннюю напряженность, разочарование. А также, чем сильнее выражен контроль, тем больше стремление избегать риска и действовать обдуманно.

Таким образом, выбор пассивных и асоциальных стратегий поведения связан у студентов с фактором контроля при низком уровне общей жизнестойкости. Использование неэффективных адаптационных стратегий и низкий уровень жизнестойкости, могут существенно влиять на способы преодоления проблем во всех сферах жизни.

Литература

1. *Битюцкая Е.В.* Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. №. 1. С. 100-111.
2. *Водопьянова Н.Е., Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. Издательский дом «Питер», 2013.
3. *Волк М.И.* Особенности проявления общительности и жизнестойкости у студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2012. №. 3. С. 98-101.
4. *Галиев Р.Р.* Обзор исследований жизнестойкости личности // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. №. 1 (93). С. 129-133.
5. *Гагарин А.В., Бехтер А.А.* Развитие копинг-стратегий будущих психологов посредством рефлексивных методов обучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2014. №. 3. С. 90-96.
6. *Запесоцкая И.В.* Структурная организация современной перцепции как ресурс жизнестойкости // Психология жизнеспособности личности: научные подходы, современная практика и перспективы исследований. 2021. С. 25-31.
7. *Киселева А.А.* Определение копинг - стратегий и их продуктивности со позиции интегративной методологии //

- Методология современной психологии. 2021. №. 13. С. 175-180.
8. *Леонтьев Д.А. Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
  9. Наливайко Т.В. Исследования жизнестойкости и ее связей со свойствами личности. – 2006.
  10. *Kramer U.* Coping and defence mechanisms: What's the difference? Second act // *Psychology and psychotherapy: theory, research and practice.* 2010. Т. 83. №. 2. С. 207-221.

**Психолого-педагогические средства формирования
благоприятного социально-психологического климата в
школьных классах**

Демина А.В.

*ГБУ ВО «ЦППП и РД», Воронеж, Россия
nas-dy22@yandex.ru*

Под социально-психологическим климатом (СПК) понимается качественная сторона межличностных отношений, проявляющаяся в виде общности психологических условий, которые способствуют или препятствуют всестороннему развитию личности и продуктивной совместной деятельности в группе [1].

Благоприятный социально-психологический климат является одним из важнейших условий для полноценного личностного развития личности и процесса обучения. Причем он имеет позитивное значение не только для обучающихся, но и для педагогического состава образовательного учреждения в целом. Сложность состоит в том, что благоприятный СПК не является простым следствием усилий отдельных классных руководителей, педагогов, педагогов-психологов. Он представляет собой итог систематической учебно-воспитательной работы с каждым субъектом образовательного процесса, заключающегося в осуществлении мероприятий, направленных на организацию отношений между классным руководителем и классом, классом и педагогическим составом, одноклассниками между собой, с родителями (законными представителями).

Процесс формирования благоприятного социально-психологического климата должен быть адаптирован к возрастному составу обучающихся, поскольку каждая возрастная категория требует своего подхода: учета возрастных особенностей, социальной среды, уровня социальных связей [2]. Вследствие чего психолого-педагогические задачи формирования благоприятного социально-психологического климата для начальной, средней и старшей школы должны учитывать эту социально-возрастную специфику.

В контексте формирования благоприятного СПК в ученическом коллективе период начальной школы имеет важнейшее значение. Именно в первые четыре года обучения младшие школьники формируют представление как себя можно и нельзя вести в процессе обучения, общения и взаимодействия друг с другом. В этот период происходят существенные изменения в детском организме, которое характеризуется определенным этапом его созревания: идет интенсивное развитие и совершенствования опорно-двигательной и сердечно-сосудистой систем организма, развитие мелких мышц развития и дифференцировка различных отделов центральной нервной системы, когнитивных процессов.

Учитывая все физические изменения организма младших школьников и резкие изменения социального пространства и окружения, процесс организации социально-психологического климата следует сначала направить на организацию и закрепление физического пространства. Так, например, в вопросах «учебного пространства / рабочего места», важно, чтобы все было предсказуемо, расположено определенным образом, желательно, так как дети сами организовали с помощью взрослых. Параллельно с этим необходимо установление правил и норм поведения, традиций класса. Они должны быть четкими и понятными для детей, и самое главное соблюдаться ими. И только после организации физического пространства переходить на уровень социальных связей (навыков). В этом возрасте формирование социально-психологического климата происходит через установление педагогом правил и норм, за соблюдением которых он следит и которые обучающиеся воспринимают как установленное правило, которое необходимо соблюдать.

Период средней школы характеризуется переходным возрастом от младшего школьного к младшему подростковому, в котором желание быть полноценным членом группы и проявить индивидуальность,

выделиться встречаются друг с другом. Это может негативно сказываться на процессе формирования благоприятного СПК, который включает в себя создание атмосферы взаимовыручки и коллективности, чувства ответственности за принадлежность к группе и за свои действия. В этом возрасте расширяется социальный круг детей, что требует постоянной работы по профилактике конфликтов, работе с потенциальными стрессовыми ситуациями и проблемами адаптации. Обучающиеся среднего звена еще прислушиваются к правилам, установленным взрослыми, но важную роль при формировании СПК уже имеют их формирующиеся ценностные установки, на которые также следует опираться.

Старшая школа – это подготовка к будущей жизни, где ученики уже сами выбирают учебный путь и формируют свои ценности. В старшей школе формирование благоприятного климата, становится ассоциированным с развитием самостоятельности и ответственности учеников. Организация процесса формирования благоприятного социально-психологического климата в старшей школе должна предполагать воспитание личности в целом, умение взаимодействовать в коллективе, находить конструктивные пути решения проблем, которое возможно только через обращение к ценностным установкам старших подростков, их ценностных ориентиров, просто фразы что «можно / что нельзя» будут неэффективны в процессе формирования благоприятного СПК.

Наконец, важно отметить, чтобы достичь общей цели формирования благоприятного социально-психологического климата, необходима гармоничная работа всех представителей педагогического и непедагогического состава школы, педагога-психолога, родителей (законных представителей).

Литература

1. Карпенко Л. А., Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Краткий психологический словарь [Электронный ресурс] // psychology.academic.ru: электронные словари и энциклопедии. Ростов-на-Дону: «ФЕНИКС», 1998. URL: https://psychology.academic.ru/901/климат_социально-психологический (дата обращения: 08.04.2023)

2. *Фролова О.В.* Особенности развития детей подросткового и юношеского возраста [Электронный ресурс] // Вестник КГЭУ. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-detey-podrostkovogo-i-yunosheskogo-vozrasta> (дата обращения: 08.04.2023): 10.04.2023).

Взаимосвязь самооценки спортсменов-профессионалов с успешностью их выступления на соревнованиях

Демьяненко Е.Э., Аблековская О.Н.
БГУ ФФСН, Минск, Республика Беларусь
lizademyanenko19@gmail.com

К настоящему времени в психологии накоплено достаточное количество эмпирических данных о связи уровня сформированности самооценки с различными свойствами личности и типами поведения. Так, например, в зарубежной психологии, благодаря работам Р. Бернса, самооценку связывают с понятием «Я-концепция», под которым понимают динамическую систему представлений индивида о себе. Результаты интегративной работы в сфере самопознания и в сфере эмоционально-ценностного отношения объединяются в особое образование самосознания личности – в самооценку [5]. Самооценка выражает фундаментальные свойства личности и, наряду с другими факторами, отражает ее направленность, активность. Кроме этого, самооценка является показателем определенного уровня психического развития личности

Являясь центральным образованием личности, самооценка в значительной степени определяет ее социальную адаптацию, выступает в качестве регулятора поведения и деятельности [1]. Формирование самооценки происходит в процессе ведущей деятельности и межличностного взаимодействия индивида с другими людьми, эффективность которого, в свою очередь, во многом опосредуется уровнем самооценки. Известно, что если у человека самооценка пониженная, то он может испытывать проблемы в установлении контакта, и, соответственно, для людей с высоким

уровнем самооценки, говорящим об их адекватном оценивании себя, характерна инициатива в общении [2; 3].

В свете сказанного можно ожидать, что успешная спортивная деятельность наряду с гармоничными взаимоотношениями спортсменов со своим социальным окружением (тренерами, товарищами по команде) может выступить в качестве средства формирования оптимальной самооценки, и наоборот.

Выборку исследования составили 107 спортсменов-пловцов в возрасте от 17 до 19 лет, профессионально занимающихся данным видом спорта. Все испытуемые принимали участие в республиканских соревнованиях 2022 г., где им были присвоены места в личном зачете. Респонденты осуществляли заплыв на разные дистанции. Для сбора эмпирических данных использовалась методика «Самооценка личности» О.И. Моткова в модификации методики Б.А. Сосновского [4]. Методика позволяет изучать *общий уровень самооценки позитивного развития личности, самооценку отдельных факторов и качеств личности, а также ее адекватность или неадекватность*. Корреляционный анализ проводился с применением непараметрического критерия Спирмена, выбор которого был обусловлен отличным от нормального распределением результатов зависимых переменных (по данным теста Колмогорова-Смирнова).

При проведении корреляционного анализа были обнаружены следующие статистически значимые положительные взаимосвязи между местом на соревновании и фактором самооценки «самостоятельность» ($r = 0,295$, $p = 0,002$), фактором самооценки «креативность» ($r = 0,210$, $p = 0,030$) и общей самооценкой позитивных аспектов личности ($r = 0,237$, $p = 0,014$). Можно предположить, что уверенные в себе спортсмены лучше справляются с психологическим давлением соревнований, больше верят в свои силы и меньше зависят от других в плане поддержки. Кроме того, спортсмены с высокой общей самооценкой и позитивными аспектами личности могут иметь более сильные сети социальной поддержки, включая тренеров, товарищей по команде и членов семьи, которые могут подбодрить и поддержать их во время соревнований. Это может помочь спортсменам чувствовать себя более уверенными и мотивированными, а также может обеспечить практическую поддержку, такую как совет и обратная связь.

В качестве дополнительного исследования мы разделили нашу выборку на две группы: «*призовые места*» (респонденты, занявшие 1-е, 2-е и 3-е места), и «*не призовые места*» (все оставшиеся респонденты). Нам удалось установить статистически значимую положительную умеренную связь призового места на соревновании и такого компонента самооценки, как «гармоничность» ($r = 0,278$, $p = 0,022$). Социальное признание и одобрение, которые приходят с победой в соревновании, также могут способствовать чувству гармоничности спортсмена. Когда другие признают и хвалят достижения спортсмена, он может чувствовать себя более признанным и принятым, что может привести к большему чувству гармонии и принадлежности в его социальном окружении.

Для спортсменов, которые не заняли призовые места, установить статистически значимых взаимосвязей самооценки и достигнутых ими результатов не удалось.

Таким образом, самооценка личности спортсменов обнаруживает взаимосвязь с достигнутыми ими результатами на соревнованиях - чем выше место, тем более высокие значения по таким факторам самооценки как самостоятельность, гармоничность и креативность, а также общей самооценке позитивных аспектов личности. На наш взгляд, полученный результат можно рассматривать в качестве существенного фактора адаптированности спортсменов к их профессиональной деятельности.

Литература

1. *Бодалев А.А.* Психология общения: Избранные психологические труды. 2-е изд. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002. 186-187с.
2. *Леонтьев А.А.* Психология общения: учебное пособие. М: Смысл, 2005. 368 с.
3. *Сидоров К.Р.* Самооценка в психологии. Мир психологии. 2006. № 2. С. 224 – 234.
4. *Сосновский Б.А.* Лабораторный практикум по общей психологии. М.: Просвещение, 1979. С. 87-91.

5. *Чеснокова И.Н.* Особенности развития самосознания в онтогенезе. Принцип развития в психологии. М., 2008, с. 26-27.

Локус контроля и мотивация достижений у курсантов ВУЦ с разным социометрическим статусом

Дергилева Я.А., Завгородняя И.В.
ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия
yanaeal@yandex.ru, zavgorodnyai@mail.ru

Исследование психологических особенностей курсантов Военного Учебного Центра (ВУЦ) при гражданском вузе в последнее время представляет особый интерес. ВУЦ является структурным подразделением государственного вуза и создан в целях подготовки граждан Российской Федерации, обучающихся в образовательной организации в очной форме, к прохождению военной службы по контракту на воинских должностях, подлежащих замещению офицерами после получения высшего образования (офицеры кадра) [1]. Это направление обучения, сочетающее в себе признаки обучения, как в гражданском, так и в военном вузе.

Исследование соотношения локуса контроля и мотивации достижения с положением курсантов ВУЦ в учебной группе может способствовать более оптимальному развитию личностных качеств будущих военнослужащих, а также позволит сделать воинский коллектив более сплоченным и, соответственно, более продуктивным, чем и обусловлена актуальность проведенного исследования.

Цель исследования заключается в выявлении специфики локуса контроля и мотивации достижения у курсантов, имеющих разный социометрический статус в учебной группе ВУЦ.

В качестве гипотезы исследования выступает предположение о том, что существуют различия в локусе контроля и мотивации достижения у курсантов ВУЦ, имеющих разный социометрический статус в учебной группе, а именно: у курсантов, занимающих высокостатусные позиции в группе, выражены интернальный локус контроля и мотивация успеха, в то время, как у курсантов,

занимающих низкостатусные позиции в группе, выражены экстернальный локус контроля и мотивация избегания неудачи.

Под высокостатусными позициями курсантов в группе ВУЦ понимаются статусы «звезды» и «предпочитаемые», а под низкостатусными – статусы «изолированные», «пренебрегаемые» и «отверженные». «Звезды» – это лица, которые эмоционально более привлекательны для других членов группы. «Предпочитаемые» востребованы и популярны в группе, могут стремиться к статусу «звезды». «Изолированные» представляют членов группы, у которых отсутствуют любые социальные выборы от членов группы, как положительные, так и отрицательные. У «пренебрегаемых» прослеживаются преимущественно отрицательные выборы и небольшое число предпочтений. «Отверженные» обладают исключительно отрицательными выборами членов группы [2].

Объектом эмпирического исследования являются курсанты ВУЦ ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». Общий объем выборки составил 46 человек.

В качестве методик исследования выступили: методика «Когнитивная ориентация (локус контроля)» Дж. Роттера (по О.П. Елисееву); тест мотивации достижения А. Мехрабиана (в модификации М.Ш. Магомед-Эминова); методика диагностики межличностных и межгрупповых отношений («Социометрия») Дж. Морено. Для выявления статистически значимых различий между переменными применялся U-критерий Манна-Уитни.

В ходе исследования было выявлено, что у курсантов чаще встречается интернальный локус контроля (53,2%), чем экстернальный (46,8%), что говорит о том, что они способны принимать ответственность за себя, свои поступки и происходящее с ними.

При этом количество курсантов, мотивированных на успех (15,2%) соответствует количеству курсантов, мотивированных на избегание неудачи (15,3%). У других курсантов выборки нельзя говорить о наличии преобладающей мотивации достижений.

В учебных группах курсантов ВУЦ ВГУ чаще всего встречаются «предпочитаемые» (26,2%) и «изолированные» (24,1%) социометрические статусы, а реже всего – «пренебрегаемые» (15,4%). Следовательно, большинство курсантов ВУЦ являются

привлекательными и востребованными в группе, проявляют стремление к более высокому социальному статусу, что может стать возможным при получении одобрения со стороны других значимых в данном сообществе лиц. Кроме того, достаточно большая часть курсантов ВУЦ мало интересна одногруппникам, что может свидетельствовать о разобщенности, слабости взаимодействия членов учебной группы. Наличие «пренебрегаемых», т.е. лиц, к которым другие курсанты относятся чаще всего негативно, лишь в отдельных случаях проявляя положительное внимание, может создавать ситуации эмоциональной напряженности в учебной группе.

В результате статистической обработки полученных данных установлено, что высокостатусные курсанты ВУЦ ВГУ характеризуются более высокими показателями интернальности, чем низкостатусные курсанты ($U = 34,5$). При этом низкостатусные курсанты характеризуются более высокими показателями экстернальности, чем высокостатусные курсанты ($U = 34,5$).

Статистическая обработка также позволила выявить различия выраженности мотивации достижения у курсантов ВУЦ ВГУ, занимающих высокостатусное положение в группе, и курсантов, занимающих низкостатусное положение в учебной группе. Высокостатусные курсанты характеризуются более высокими показателями мотивации успеха, чем низкостатусные курсанты ($U = 29,5$).

В целом, гипотеза исследования подтвердилась. Курсанты, занимающие высокостатусные позиции в учебной группе ВУЦ, характеризуются интернальным локусом контроля и мотивацией успеха. Курсанты, занимающие низкостатусные позиции в учебной группе ВУЦ, характеризуются экстернальным локусом контроля и мотивацией избегания неудач. Следовательно, личностные особенности курсантов ВУЦ такие, как способность брать на себя ответственность и видеть причины своих успехов и неудач, прежде всего, в самом себе, а также стремление к достижению поставленных целей и направленность на положительный результат, могут рассматриваться как факторы получения более высокого статуса в учебной группе будущих военнослужащих.

Литература

1. *Величко С.В.* Алгоритм психологического сопровождения курсантов учебного военного центра // Известия Южного Федерального университета. Технические науки. 2010. №10 (111).
2. *Золотовицкий Р.А.* Социометрия Я.Л. Морено: мера общения. Социологические исследования. 2002. №4.

Особенности психолого-педагогического сопровождения семей в условиях образовательной организации

Дёмина И.С.

*ГБОУ Школа №1573, Москва, Россия
indem@mail.ru*

В настоящее время семья признается приоритетной в воспитании, обучении и развитии ребенка. От включения родителей в образовательный процесс зависит его полноценное развитие, становление как личности. В соответствии с этим одной из целей взаимодействия образовательной организации с семьей является ее психологическая поддержка и повышение родительской компетентности.

Состав семей в образовательной организации неоднороден. Семьи различаются по семейной структуре: составу, количеству родителей, детей, поколений, структуре власти. Также существуют различия по особенностям функционирования семей и качеству семейной жизни, проявляющиеся в характере выполнения семейных функций, удовлетворённости супругов браком, состоянии психологического комфорта, способности продуктивно решать проблемы и т.д.

Различия в семейной структуре и особенности функционирования могут оказывать существенное влияние на формирование и развитие ребёнка. Однако и особенности развития самого ребенка могут быть фактором, определяющим специфику семьи, ее структуру, функции, характер взаимоотношений между ее членами.

В настоящее время в качестве объекта психолого-педагогического сопровождения, оказания адресной психологической помощи, поддержки в образовательных организациях определены «категории детей (целевые группы обучающихся)» [2]. В связи с этим становится актуальным изучение их семей с целью организации взаимодействия с ними и включения родителей в образовательный процесс.

Семьи категории «нормотипичных детей с нормативным кризисом развития» и «одарённых детей» развиваются и функционируют по общим закономерностям. Возможное изменение структуры и функций в этих семьях не оказывает дезадаптивного влияния на ребёнка. Приоритетными направлениями в их психологическом сопровождении являются просветительская и консультативная работа по преодолению возрастных кризисов, профилактике социальной дезадаптации детей в коллективе.

Семья «ребенка с особыми образовательными потребностями, с ОВЗ и (или) инвалидностью» развивается по общим закономерностям с другими семьями, но и имеет свои особенности функционирования и развития. В таких семьях возможно расширение функций семьи за счет реабилитационно-восстановительной, коррекционно-образовательной, рекреационной и других функций. Семья такого ребенка рассматривается как ресурс его восстановления и развития. Изменение структуры семьи проявляется в адаптации к ситуации болезни ребенка. Позитивный эффект такой адаптации проявляется в укреплении семьи, взаимной поддержке всех ее членов. Негативный эффект появления в семье ребёнка с особенностями в развитии может проявляться в дезадаптации семейной структуры, конфликтности, разобщении членов семьи вплоть до ее распада, социальной изоляции таких семей, изменении стиля родительского отношения к ребенку в сторону гипер-, гипопеки, изменениям в отношениях между сиблингами. Особенности такой семьи также являются переживания родителей из-за появления в семье неполноценного ребёнка – от отрицания его проблем до полного принятия его особенностей.

Те же трудности могут испытывать и семьи категории «детей, находящихся под диспансерным наблюдением, в том числе часто болеющих» в зависимости от тяжести состояния ребенка.

Психолого-педагогическое сопровождение этих категорий семей включает просветительское, психопрофилактическое, консультативное направления. Особое значение придаётся установлению доверительных партнёрских отношений педагогов с родителями и их включение в коррекционно-развивающую работу, способствующую пониманию родителями проблем ребенка, обучению способам адекватного взаимодействия с ним, его обучения и развития.

Семьи категории «детей, испытывающих трудности в освоении образовательных программ, развитии, социальной адаптации» неоднородны. В случае наличия у ребенка особенностей психофизического развития семьи испытывают те же трудности, что и семьи с детьми с ОВЗ. Работа с семьей в этом случае повторяет работу с ранее описанными группами. Трудности могут быть обусловлены социальными причинами (адаптация ребенка-билингва, ребёнка-инофона, ребенка, не посещавшего образовательную организацию и т.п.). Также причиной трудностей могут быть и психолого-педагогические причины со стороны самой семьи (педагогическая запущенность, отсутствие адекватной помощи и поддержки ребёнка). В этом случае работа по психолого-педагогическому сопровождению семьи направлена на информирование родителей о причинах трудностей в освоении программ и максимальное включение родителей в образовательный процесс.

Семьи с «детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации», в «социально опасном положении» и семьи обучающихся «группы риска» относятся к категории неблагополучных, проблемных или дисфункциональных. Ролевая структура и функции таких семей могут быть искажены, имеются нарушения коммуникации внутри семьи, конфликтность, дисгармоничность во взаимоотношениях супругов, искажения в типе семейного воспитания. Акцент в работе по психолого-педагогическому сопровождению данной группы семей делается на выявлении факторов семейного неблагополучия и психопрофилактической работе.

Таким образом, можно выделить общие закономерности функционирования и развития семей и специфические, зависящие от ее типа. Необходимо дальнейшее изучение данных категорий семей с целью разработки адресных программ их психолого-педагогического сопровождения.

Литература

1. *Дёмина И.С.* О некоторых перспективах развития психологии семьи // Социальная психология – XXI век. Доклады участников симпозиума. Т.2. Ярославль: ДИА-пресс, 1999. С.337-338.
2. Приказ Департамента образования и науки города Москвы от 15.08.2022 № 666 «Об утверждении Стандарта деятельности психолого-педагогических служб в системе образования города Москвы».
3. *Ткачёва В.В.* Технологии психологической помощи семьям детей с ограниченными возможностями здоровья. М.: ИНФРА-М, 2021.

Ценности и направленность личности в ситуации неопределенности

Добрынина Е.И., Шпунтова В.В.

*Самарский университет, Самара, Россия
ekaterinadobrynina37@gmail.com, vetch31@list.tu*

В последние годы особенно важной и актуальной является тема неопределенности: в череде разнообразных социальных потрясений востребованным качеством человека становится умение принимать неопределенность, совладать с ней, опираясь на себя, собственные ориентиры [1]. Последние могут быть: а) внутренними – ценности, и б) внешними, реализующимися в поведении побуждениями, – направленностью [2].

Объект исследования: ценностно-смысловая сфера личности. Предмет: ценности и направленности личности в ситуации неопределенности. Цель: изучить взаимосвязь ценностей и направленности личности в ситуации неопределенности.

Мы предполагаем, что ценности «Общение», «Познание нового в мире, природе, человеке», а также направленность на задачу, связаны с толерантностью к неопределенности.

Методы и методики исследования: «Ориентировочная анкета» Басса-Смекала-Кучера, «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С.С. Бубновой, «Новый опросник толерантности к неопределенности» Т.В. Корниловой. Наличие связей между ценностями, направленностями личности и толерантностью к неопределенности проверялось методом корреляционного анализа, для оценки достоверности различий показателей испытуемых были использованы параметрические и непараметрические критерии. Выборка: 51 испытуемый обоих полов от 21 до 63 лет ($M = 33$ года).

Результаты. Направленность на задачу слабо отрицательно связана с межличностной интолерантностью к неопределенности ($r = -0,2889$, $p < 0,05$ по критерию Пирсона) и ожидаемо положительно связана с ценностью «Познание нового в мире, природе, человеке» ($r = 0,3991$, $0,001 < p < 0,01$ по Пирсону и $r = 0,4372$, $p < 0,001$ по Спирмену – корреляция умеренная). Возможно, испытуемые не ориентированы на межличностные отношения, у них преобладают мотивы значимости самой деятельности, увлеченность и поглощенность процессом [4].

Направленность на взаимодействие умеренно отрицательно коррелирует с толерантностью к неопределенности ($-0,3178$, $p < 0,05$). Считаем, что полученные показатели указывают на зависимость испытуемых от группы [3], человек ищет ресурс вовне, старается найти опору в других людях. И действительно, направленность на взаимодействие связана с ценностями «Помощь и милосердие к другим людям» ($0,4316$, $0,001 < p < 0,01$ по критерию Пирсона и $0,3886$, $p < 0,05$ по критерию Спирмена – корреляция умеренная) и «Любовь» ($0,3414$, $p < 0,05$ по критерию Пирсона – корреляция умеренная, и $0,2946$, $p < 0,05$ по критерию Спирмена – корреляция слабая); при этом обратна зависима от ценности «Познание нового в мире, природе, человеке» ($-0,4878$, $p < 0,001$ по критерию Пирсона и $-0,4538$, $p < 0,001$ по критерию Спирмена – корреляция умеренная отрицательная). Очевидно, что испытуемые стараются избегать ситуации неопределенности, которые неизбежно возникают в процессе познания нового.

Направленность на себя показала слабую корреляцию с ценностью «Высокое материальное благосостояние» ($0,2856$, $p < 0,05$ по критерию Спирмена) и умеренную отрицательную корреляцию с ценностью «Любовь» (по Пирсону $-0,3803$, $0,001 < p < 0,0$; по

Спирмену $-0,3580$, $p < 0,05$). Это может говорить об эгоцентризме и сосредоточенности на собственных потребностях – качествах, которые приписываются людям с выраженной направленностью на себя [3].

Толерантность к неопределенности положительно корреляционно связана с ценностью «Общение» ($0,3302$, $0,001 < p < 0,01$ по Пирсону и $0,3371$; $0,001 < p < 0,01$ по Спирмену – корреляция умеренная) и отрицательно с ценностью «Помощь и милосердие к другим людям» ($-0,4022$, $0,001 < p < 0,01$ по Пирсону и $-0,4122$, $0,001 < p < 0,01$ по Спирмену – умеренная отрицательная корреляция). Иначе говоря, если взаимодействие связано со стремлением к изменениям, новизной и оригинальностью, то помощь и милосердие скорее исключают эти качества личности.

Интолерантность к неопределенности обратно зависима от ценности «Приятное времяпрепровождение, отдых» ($-0,2885$, $p < 0,05$ по критерию Пирсона – слабая отрицательная корреляция и $-0,3086$, $p < 0,05$ по критерию Спирмена – умеренная отрицательная корреляция). Здесь предположим, что дихотомичность мышления и главенствующая роль правил и принципов, свойственные личности с высокой интолерантностью к неопределенности [5], могут исключать ценности гедонистического спектра, как «неправильные».

Межличностная интолерантность к неопределенности связана с ценностями «Помощь и милосердие к другим людям» ($0,3069$, $0,001 < p < 0,01$ по Пирсону – умеренная корреляция и $0,2978$, $0,001 < p < 0,01$ по Спирмену – слабая корреляция), «Признание и уважение людей» и «Влияние на окружающих» ($0,3868$, $0,001 < p < 0,01$ по Пирсону и $0,3194$, $p < 0,05$ по Спирмену – умеренная корреляция). Полученную связь объясним стремлением личности к ясности и контролю в межличностных отношениях. Примечательно, что связи с ценностью «Общение» у испытуемых с межличностной интолерантностью выявлено не было: получается, что помощь другим, влияние и признание окружающих ценны в целях устранения неопределенности в отношениях с людьми, но не как средства построения равноправной и творческой коммуникации.

В целом, полученные результаты ставят дополнительные вопросы и обозначают направление дальнейших исследований роли ценностно-смысловой сферы личности в ситуации неопределенности.

Литература

1. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А.* Шкалы Толерантности и Интолерантности к неопределенности в модификации опросника Баднера // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 92-110.
2. *Осин Е.Н.* Факторная структура русскоязычной версии Шкалы общей толерантности к неопределенности Д. МакЛейна // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 65-86.
3. *Реан А.А.* Психология изучения личности. М., 1999.
4. *Щукина Г.И.* Педагогические проблемы формирования интересов учащихся. М., 1988.

Парадоксы доверия

Дубовских Ю.В., Чикер В.А.

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

dubovskikh@yandex.ru, vchiker@yandex.ru

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-28-00107.

Доверие – многогранный феномен, изучаемый в настоящий момент различными науками – философией, социологией, менеджментом и др. Внутри каждого научного направления, в свою очередь, существуют свои подходы к изучению столь сложного явления. В психологии, например, можно выделить несколько различных его трактовок. Доверие рассматривается психологами как ожидание, установка, чувство, отношение, процесс социального обмена, групповое настроение, социальная ситуация и т.д. Как правило, понятие «доверие» несет в себе позитивную коннотацию и рассматривается как феномен, способствующий выстраиванию человеческих отношений, накоплению социального капитала. Однако, в настоящий момент времени ученые обратили внимание и на так называемые «парадоксы» доверия, которые говорят о его сложности и многогранности.

В 2019 году ФОМ провел опрос [4], который касался межличностного доверия. Было установлено, что 78% населения считают, что в нашем обществе люди относятся к друг другу с недоверием. Однако, сами опрошенные полагают, что относятся к людям с доверием (44%). Почему же как минимум 22% людей, испытывая межличностное доверие, предполагают, что большинство людей относятся к другим с недоверием? Не принимая во внимание сопровождающие процесс восприятия человека человеком ошибки атрибуции, предположим, что такие данные связаны с различным пониманием доверия. Исследовательский вопрос нашего теоретического исследования звучит следующим образом: *какова психологическая сущность понимания доверия?*

Один из широко используемых в научном сообществе вопросов для изучения доверия, предложен в 1957 году Розенбергом. Он звучал так: «Можете ли Вы вообще сказать, что большинству людей можно доверять, или же, когда имеешь дело с людьми, осторожность никогда не помешает?». Изучение доверия в американском обществе на протяжении 20 лет с 1973 по 1993 выявило падение доверия. Дальнейшие исследования Т. Ямагиши и М. Ямагиши [3] показали, что в диагностическом вопросе существует не один фактор, а два: 1) вера в искренность людей, 2) необходимость благоразумия и проявление осторожности. Среди «недоверяющих» людей большинство (74,5%) были убеждены в необходимости проявления осторожности, что вполне логично. Но и среди тех, кто считал, что «большинству людей можно доверять», так же были те (41,3%), кто указывал на необходимость осторожности в отношении окружающих. Эти исследования расширили представление о доверии, разделив проявление бдительности и осторожности с верой в доброжелательность людей.

В американском исследовании малообеспеченных женщин с детьми [1] ученые столкнулись с очевидным парадоксом: 96% женщин имели высокий уровень гендерного недоверия, утверждая: «Мужчинам нельзя доверять». Однако на протяжении ряда лет большинство (82%) из них создавало семейные и партнерские союзы с мужчинами. Почему же женщины, транслируя установку на общее недоверие к мужчинам, тем не менее были готовы вступать в близкие отношения? Объяснение этого противоречия оказалось возможным

благодаря теории символического взаимодействия, а также лонгитюдным этнографическим данным. У женщин с высоким гендерным недоверием, были выявлены особые формы *ситуативного доверия*, позволяющие им искать и создавать отношения. В зависимости от выраженности двух черт: 1) внимание к доказательствам надежности, 2) взаимозависимость, то есть готовность положиться на партнера в определенных сферах и ориентация на отношения. Были выделены и описаны *четыре формы межличностного ситуативного доверия: приостановленное, разделенное, неоправданное и интегрированное.*

Нами было проведено эмпирическое исследование доверия в близких (семейных) отношениях с целью выявления роли доверия в них. Выборка состояла из 32 гетеросексуальных пар, состоящих в отношениях более одного года. Средний возраст $M = 25,6$ ($S = 5,6$), стаж отношений $M = 3,7$ ($S = 2,9$). Одним из методов исследования была специально разработанная немецкими психологам «доверительная» игра для пар [2]. Алгоритм игры позволил нам выделить ситуации сопоставления собственного дихотомического выбора и, соответственно, представления об аналогичном выборе партнера. Было выделено четыре интерпретации ситуаций доверия. В 76% случаев респонденты были готовы действовать во благо отношений заслуживающим доверия образом и предполагали, что их партнер поступит так же (тождественное доверие). Например, поддержка партнера во время болезни. В 8% случаев респонденты доверяли партнеру в тех ситуациях, когда он будет поступать во благо отношений, но сами были готовы поступить противоположным образом (несбалансированное доверие). В 6% случаев участники сами готовы были действовать заслуживающим доверия образом, но не были уверены в том, что их партнер поступит так же (несбалансированное недоверие). Например, будучи уверенными в любви к своему партнеру, сомневались, любит ли он их. В 10% случаев респонденты полагали, что и их партнер и они сами, в определенных ситуациях, могут поступить не во благо отношений (тождественное недоверие). Таким образом, помимо тождественного доверия в паре возникают случаи искаженного доверия.

Теоретические и эмпирические исследования доверия приводят к пониманию его разноплановости и многофункциональности. Это

показывает, что «парадоксы» доверия существуют и должны быть исследованы.

Литература

1. Межличностное доверие / ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14215> (дата обращения 20.03.2023)
2. *Burton L.M., Cherlin A., Winn D.-M., Estacion A. and Holder-Taylor C.* The Role of Trust in Low-Income Mothers' Intimate Unions// *Journal of Marriage and Family*. Vol.71.2009. P.1107-1124.
3. *Kleinert T., Schiller B., Fischbacher U., et al.* The Trust Game for Couples (TGC): A new standardized paradigm to assess trust in romantic relationships. *PLoS ONE*. 2020;15(3):1-17.
4. *Yamagishi T., Yamagishi M.* Trust and commitment in the United States and Japan// *Motivation and Emotion*. Vol. 18. 1994. P.129–166.

Магические практики и толерантность к неопределенности в психологической работе: экспериментальное исследование

Дунская Е.Ю., Кузнецов И.М.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
munarez@gmail.com, ingvar31@yandex.ru*

В ситуации труднопрогнозируемого будущего тревога и страхи значительно возрастают, вместе с укреплением религиозности и суеверности [1; 2]. Обращение к магическим практикам во время сильнейших социальных потрясений и нестабильности общества в экономической, политической и социальной сферах остается одним из механизмов саморегуляции, который заставляет искать различные способы, чтобы как-то повлиять на свою жизнь, поверить в себя и завтрашний день.

Под магическими ритуалами и практиками понимаются обряды и действия, связанные с верой в возможность повлиять с помощью

воображаемых сверхъестественных сил на окружающую действительность.

С декабря 2022 по февраль 2023 года взаимосвязь магических практик с уровнем тревоги и толерантности к неопределённости исследовалась в контексте копинговой функции магических ритуалов внутри формирующего эксперимента. Эффективность магических практик исследовалась ранее лишь в общих чертах в рамках представлений о религиозном копинге. Несмотря на то, что функции совладающего поведения магических и религиозных практик сопоставимы внутри концепции религиозного синкретизма [3], функционал магических ритуалов имеет отличительную черту – предположительную автоматическую мгновенную эффективность, и более выраженную психологическую реакцию, в сравнении с практиками религиозными.

Проведенный эксперимент ставил целью подтвердить гипотезу о существовании прямого эффекта магических ритуалов на повышение уровня толерантности к неопределенности и уменьшение уровня тревоги, ранее экспериментально не исследовавшийся.

Всего в эксперименте приняло участие 44 человека, женщины в возрасте от 30 до 50 лет. 73% из них имели детей, у 78% было высшее образование. 45% респондентов сказали, что никогда не занимались магическими практиками, однако 92% отметили, что имели с магическими ритуалами дело, когда узнали, что может попадать под это определение. Эксперимент проходил онлайн на платформе для общения Telegramm.

Исследование проводилось методом многофакторного дизайна 2x2 с повторными измерениями. Зависимыми переменными стали тревога и толерантность к неопределённости, а независимой – магические практики, которым испытуемые обучались и которые они осуществляли в течение трёх месяцев. *Уровень тревоги* у испытуемых измерялся по шкале тревоги Бека, ВАІ (1988), адаптация Тарабрина (2001). *Уровень толерантности к неопределенности* измерялся по шкале толерантности к неопределённости МакЛейна, MSTAT-I (1993), адаптация Луковицкой (1998), Осина (2004).

Испытуемые в первую группу были набраны через объявление в соцсетях – предложение улучшить качество своей жизни, обрести внутренние опоры и улучшить психологическое состояние. На

начальном этапе испытуемые были поделены на две группы по 22 человека. Всем участникам было предложено пройти шкалирование по уровню тревоги и уровню толерантности к неопределенности. Затем экспериментальная группа была приглашена в закрытый канал на платформе для общения Telegramm и начала прохождения тренинга, который длился три месяца и состоял из трёх этапов по три дня каждый. Обязательными условиями участия было внимание к каналу марафона, внимательное чтение всех заданий и посильное их выполнение, а затем обсуждение результатов в общем чате и стандартизированный самоотчет. По отношению к контрольной группе никакое воздействие не применялось. После прохождения последнего этапа в контрольной и экспериментальной группах были проведены повторные замеры уровня тревоги и уровня толерантности к неопределенности.

Эксперимент конструировался по принципу отчисления важных точек годового сезонного цикла [4]. Участники эксперимента были ознакомлены с концепциями «колесо года» и «шаманское колесо четырёх направлений». Магические практики распределялись по трём точкам таким образом:

На первой точке (Самайн/Хэллоуин/День мертвых/Осенние деды, с 31 октября по 2 ноября) производились ритуалы завершения, отпускания, поиска тотемного животного, поминовения предков и получения силы от предыдущих поколений.

На второй точке (Йоль/Зимнее Солнцестояние/Коляда, 20-23 декабря) – ритуалы загадывания желаний, встречи нового Солнца, колядование, сожжение йольского полена, прохождение лабиринта и «шаманское путешествие за дарами».

На третьей точке (Имболк/Праздник свечей/Сретение 1-3 февраля) – магические ритуалы начинания, очищения, ухода за собой, ритуальное плетение амулета «Крест Бригитты», практика магической посадки семян и раскладывание карт таро.

Проверка гипотез была осуществлена с помощью непараметрического статистического критерия Уилкоксона. Экспериментально были продемонстрированы статистически значимые различия в уровне тревоги и уровне толерантности к неопределенности в группе, осуществляющей магические практики: был обнаружен прямой эффект использования магических практик на

уровень толерантности к неопределённости и уровень тревоги. После занятий магическими практиками выраженность тревоги (22.2) у испытуемых стала ниже (14.5), а толерантность к неопределённости (86.1) выше (96.6). Тогда как в контрольной группе первоначальный уровень тревоги (15) в течение того же контрольного периода остался практически неизменным (14.8), а уровень толерантности к неопределённости (97.1) даже снизился (92.2).

Результаты исследования соответствуют предположениям о копинг-функции магических практик и выступают ее первым экспериментальным подтверждением. Уровень тревоги и толерантности к неопределённости при этом изменяются независимо друг от друга.

Литература

1. Влияние пандемии на российское общество в разрезе данных ВЦИОМ [Электронный ресурс]: ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-08-20_Vlijanie_pandemii.pdf (дата обращения: 09.04.2023).
2. Религиозность в период пандемии [Электронный ресурс]: Настоящий материал (информация) произведен и распространен иностранным агентом АНО «Левада-Центр» либо касается деятельности иностранного агента АНО «Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2021/04/14/religioznost-v-period-pandemii/>
3. *Попов А.В.* Специфика магии как формы религиозного сознания. Тамбов, 2016.
4. *Mosher J.* The Healing Circle: Myth, Ritual and Therapy, 1987.

Формирование детского коллектива как профилактика школьной травли

Душина И.А.

*МБОУ СОШ №2, Великие Луки, Россия
Dushina-Irina@yandex.ru*

Травля в коллективе встречается достаточно часто, и в детском, и во взрослом. Есть участники: «Жертва», «Преследователи», «Свидетели». Есть закономерности в этом процессе. В детском коллективе этот процесс сопровождается значимым взрослым – педагогом. Его поведение обуславливает субъективное ощущение безопасности ребенка в классе; учитель — это фигура, способная остановить или поддержать насилие.

В целом вырисовываются три основных подхода к работе с травлей.

Первый: внимание сосредоточено на индивидуальных особенностях участников ситуаций травли, внутриличностных предпосылках, которые способствуют тому, что ребенок оказывается в них жертвой или агрессором.

Второй: рассматриваются риски на протяжении жизненного пути и подчеркивается существование периодов эмоционального развития в связи с жизненными событиями, при переживании которых повышается уязвимость ребенка и возрастает риск освоения им роли агрессора или жертвы в ситуациях травли.

Третий: рассматривает роль среды, микроклимата группы и системных процессов в сообществе.

Мы остановимся на последнем, предположив, что хорошо сформированный коллектив не поддержит травлю [1].

У жертвы и агрессора есть, как правило, некие личностные особенности, которые и формируют их поведение. С ними можно поработать психологу, попробовать откорректировать. Но это работа с отдельными личностями. Травля – это проблема коллектива. Травля существует в коллективе. Поэтому и решать ее надо в коллективе.

В школе ответственность за это непосредственно ложится на педагога, на классного руководителя. Он негласный лидер в классе.

Он организатор коллектива. Он может и спровоцировать травлю в классе, и ее предотвратить.

Какова роль психолога? Психолог может провести диагностику детского коллектива. Психолог может подсказать классным руководителям приемы и способы работы с коллективом. Педагог-психолог должен находиться в постоянном контакте с педагогами. Это позволит минимизировать риски, уменьшить энергоемкость труда педагога. Это и есть профилактика конфликтных ситуаций в коллективе, профилактика травли.

Работа с коллективом, с классом по профилактике травли представляет собой не одноразовую акцию, не некую программу. Это многолетняя целенаправленная осознанная деятельность по формированию коллектива. И здесь уместно вспомнить педагогические теории. Эта идея легла в основу психолого-педагогического семинара, целью которого стало напомнить известные всем стадии развития коллектива по Лутошкину А.Н. и наполнить приёмами и упражнениями.

Как проводился это семинар? На начальном этапе обязательно введение понятий «травля», «Жертва», «Преследователи», «Свидетели». Озвучиваются подходы к работе с травлей. Понятие школьной травли хорошо закрепляется при помощи метафорической игры. Используем сказку Андерсена «Гадкий утенок».

На первом этапе вспоминаем сказку, вернее тот ее фрагмент, когда Гадкого утенка приводят на птичий двор. Далее педагогов делят любым способом на группы: «Мама-утка», «Гадкий утенок», «Птичий двор», «Старая утка». После этого группам даются вопросы:

Группа «Гадкий утенок»: Что нужно сделать, чтобы не чувствовать себя отвергнутым?

Группа «Мама-утка»: Чем помочь Гадкому утенку?

Группа «Птичий двор»: При каких условиях мы не будем отвергать Гадкого утенка?

Группа «Старая Утка»: Что должен сделать Гадкий утенок, чтобы мне понравиться?

Дается время на подготовку, потом общий обмен мнениями, обсуждение [3].

Следующий этап – работа с понятием «коллектив» [7] и со стадиями развития, предложенными Лутошкиным А.Н. [2].

Стадия первая – «Песчаная россыпь». Речь идет о людях, которые не связаны между собой; каждый сам по себе. Отсутствует авторитетный центр. Структура формальна, лидерство отсутствует, микрогруппы неустойчивы. На этом этапе уместны игры на вторичное знакомство. Суть этих игр: узнать чуть больше друг о друге. Когда это стоит проводить? Во вновь сформированном коллективе, когда дети знают друг друга поверхностно. Во время проведения семинара педагогам предлагается работать в рабочих листах и с раздаточным материалом. На этом этапе – игры на знакомство с описанием. Нужно выбрать несколько игр [6]. После этого одна из игр (например, «Интервью») проводится в группе.

Следующая стадия – «Мягкая глина». Каждый выдвигает цели и интересы, при этом интересуется целями других. Эта группа может принять ту форму, какую захочет педагог, наставник, поэтому важна организация. Педагог играет роли советника и генератора идей. На этом этапе проводится «большое общее дело» или большая игра под руководством классного руководителя. Педагогам предлагается познакомиться с большими психологическими играми и оценить возможность их использования. А потом предлагается игра «Следопыт».

Третья стадия «Мерцающий маяк». На ней взаимодействие более активное. Появляется желание совместной деятельности, возникает наибольшая вероятность конфликтов. Происходит развитие социально значимых качеств, укрепление чувства МЫ. Появляются лидеры. Педагог сопровождает, консультирует. Дети ситуативно способны на крупное дело. Основные проблемы: выделение лидеров, возможные конфликты внутри группы. Педагогам предлагают познакомиться с играми на выявление лидера [4]. А потом сыграть в несколько из них. Например, «Шаг вперед», «Скульптура».

Стадия «Алый парус». Происходит укрепление, сближение ценностных ориентаций и сплочение коллектива. Развивается как внутригрупповая, так и межгрупповая активность. Начинают развиваться и обостряются в следующей стадии такие социально-психологические феномены как внутригрупповой фаворитизм и внегрупповая враждебность. На этом этапе работы с коллективом важно отследить взаимодействие в группе. Выявить лидеров, особенно скрытых. Для достижения своих целей (объединения под

своим началом) лидер может провоцировать конфликты с другой группой. Основные проблемы: враждебность по отношению к другим. Нужно научиться правильно оценивать себя, возможности своей группы в сравнении с другими. Как практическую работу используем социометрию коллектива и драматерапию. Последняя поможет проработать роли лидеров и отверженных. Задача педагога, организатора дать роли так, чтобы лидер выполнял роль отверженного, отверженный – роль лидера. В рамках семинара используется сказка «Золушка» [5].

Последняя стадия – «Горящий факел». Взаимодействие наиболее активно. Дети полностью открыты педагогу. Способны договориться, прийти к соглашению. Ее можно назвать сплоченной и эффективной командой. Закрепление успеха проходит через творческие задания, работой над общими проектами. Педагогам предлагается следующее задание: назвать не менее 5 дел для группы. Потом выбрать одно и заполнить предложенную технологическую карту внеклассного занятия.

Завершающий этап – это анализ своего класса как коллектива: какие этапы развития коллектива ваш прошел. Отметить, что было интересного за это время. И обязательно обменяться мнениями.

Литература

1. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2013. Т. 10. № 3. С. 149–159.
2. Лутощкин А.Н. Как вести за собой: старшеклассникам об основах орг. Работы Б.З. Вульфов. 3-е изд. М.: Просвещение, 1986. С. 88-100.
3. Метафорическая деловая игра / под ред. Ж.В. Завьяловой. Речь, Санкт-Петербург, 2010.
4. Методичка игр:
https://koster.nnov.eduru.ru/media/2019/08/18/1263622086/Method_ichka_igr.pdf
5. Пеppo Ш. Золушка: <https://mnogo-skazok.ru/avtorskie/zarubejnie-skazochniki/sharl-perro/zolushka>

6. Практикум по психологическим играм с детьми и подростками / под общ. ред. М.Р. Битяновой. СПб.: Питер, 2008.
7. Фролова Л.В. Психология коллектива: основные понятия, особенности климата, советы психологов: <https://fb.ru/article/452480/psihologiya-kollektiva-osnovnyie-ponyatiya-osobennosti-klimata-sovetyi-psihologov>

Влияние менеджмента руководителя на повышение эффективности сотрудников в организации

Елесичева Н.И., Ковалева Т.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

elesicheva2014@mail.ru, Tkovaleva2007@gmail.com

Вопросами повышения эффективности персонала в настоящее время задается все большее количество руководителей. Несмотря на высокие темпы роботизации многих производств, человеческий фактор по-прежнему является ключевым стратегическим ресурсом любой компании в борьбе с конкурентами и главным условием успешного функционирования любого предприятия или торговой компании. В целях развития организации и повышения ее конкурентоспособности руководителю необходимо постоянно обучаться и углубляться не только в экономические и финансовые аспекты менеджмента, но и в психологические. Это обусловлено нестабильностью современной реальности, которая влияет не на организации в целом, а на каждого сотрудника индивидуально. Также это продиктовано потребностью в максимальном вовлечении сотрудников в работу, повышении приверженности и снижении при этом влияния негативных факторов на их производительность.

Понятие «эффективность» чаще всего рассматривается в литературе как экономическое или связанное с организацией, а не с сотрудниками. Тем не менее в жизни мы чаще сталкиваемся с этим понятием именно относительно персонала. Под эффективностью обычно понимают комплексную взаимосвязанную систему продуктивности, измеряемую в числовых показателях прибыли,

выручки, коэффициента трудового участия и пр., и удовлетворенности как психологической, мотивационной детерминанты деятельности. Удовлетворенность сотрудника – это комплексное понятие, включающее в себя и мотивационную удовлетворенность, и лояльность, и профессиональные установки относительно компании и занимаемой должности, и соотношение ценностных составляющих компании и сотрудника, доверие к организации. Часто можно увидеть, что термин «эффективность сотрудника» сопоставляется с термином «успешность сотрудника», что не всегда верно. Успешность деятельности определяется соответствием ее результатов запланированным критериям и ожиданиям потребителей. Эффективность же представляется более сложным понятием и требует изучения дополнительных методов ее контроля [3].

Согласно исследованию Родионовой Е.А., можно выделить несколько условий, способствующих эффективности сотрудников предприятия.

Во-первых, ориентация на удовлетворение потребностей и ожиданий всех заинтересованных сторон организации – от акционеров, руководства, персонала, клиентов до поставщиков и общества в целом.

Во-вторых, ориентация на результат, который сочетает в себе три компонента результативности: организационный, групповой, индивидуальный.

В-третьих, стратегия управления эффективностью ставит задачу развития работников. Это касается как ключевых компетенций в организации, так и способностей команд и сотрудников в отдельности.

Четвертое условие – это коммуникации. Очень важно, чтобы в компании были налажены «вертикальная» и «горизонтальная» ветви коммуникаций. Создание атмосферы, позволяющей выявить ожидания и осуществлять обмен информацией по вопросам организационной миссии, ценностей и целей.

Разрабатывая концепцию стратегического управления человеческими ресурсами, М. Армстронг говорил о направленности стратегий развития на повышение организационной эффективности, улучшение результатов индивидуальных работников и команд, развитие умений, навыков, компетентности, приверженности и мотивации. «Управление эффективностью может трактоваться как

стратегический и интегрированный подход к обеспечению устойчивого успеха организации за счет повышения эффективности работы сотрудников и развития их способности работать на благо организации как на индивидуальном, так и на групповом уровнях» [1, с. 201].

Существует множество инструментов управления эффективностью персонала, в большинстве своем они направлены на мотивационную составляющую и повышение профессиональных компетенций сотрудников с целью их соответствия целям компании. Но мало кто задумывается о необходимости возвращения определенных личностных конструктов, которые могли бы способствовать повышению количественных показателей эффективности сотрудников [3]. Для этого стоит глубже изучить тему позитивного организационного поведения. К примеру, доказано положительное влияние на удовлетворенность трудом и мотивацию персонала высоко развитого психологического капитала - конструкта, включающего в себя уверенность (в том, чтобы взять на себя ответственность и приложить необходимые усилия для выполнения сложных задач), оптимизм (в отношении достижения успеха сейчас и в будущем), надежда (настойчивость в достижении целей) и устойчивость при столкновении с проблемами и невзгодами на пути к успеху [5].

Т.В. Ковалева в своей работе пишет, что для сотрудников в настоящее время важны такие качества как адаптивность, гибкость, контакт с реальностью и безостановочно изменяющимися внешними обстоятельствами. Они помогают не подвергаться или более эффективно справляться со стрессом в условиях «турбулентности» [2].

Исходя из этого, руководителю необходимо обращать внимание на психологическое состояние сотрудников, создать возможность психологического просвещения и поставить развитие необходимых для эффективной работы качеств задачей для HR-отдела. Не оставлять сотрудников один на один с трудностями, а поддерживать, проявлять заботу, подчеркивать их ценность и сильные стороны, использовать правильные методы мотивации. В таких условиях приверженность и удовлетворенность работой у сотрудников может повыситься [5]. Лучшие места для работы – это уже не те, которые обещают пожизненную занятость, а скорее те, которые предоставляют своим сотрудникам возможности, ресурсы и гибкость для устойчивого роста,

обучения и развития. Современные талантливые сотрудники ищут работодателей, которые могут способствовать их карьерному росту как внутри, так и за пределами конкретного организационного контекста, где они даже становятся теми, кого некоторые прогрессивно мыслящие работодатели называют выпускниками организации [6, с. 52].

Руководителю важно осознать роль взращивания как в себе, так и в сотрудниках некой антихрупкости и позитивных стремлений, которые придадут уверенности и позволят гибко реагировать на изменения и адаптироваться к ним [2].

Управление эффективностью включает в себя большое количество работы со стороны руководителя, так как требует от него не только компетентности с точки зрения управления организацией, но и анализ психологической составляющей, являющейся не менее важной в улучшении работоспособности своих сотрудников. Руководителю стоит задуматься о том, какими способами он может создать для персонала такие условия, чтобы те были вовлечены в рабочий процесс, разделяли цели и ценности компании и работали действительно эффективно.

Литература

1. *Армстронг М.* Практика управления человеческими ресурсами. СПб.: Питер, 2004.
2. *Ковалева Т.В.* К вопросу об авторской позиции в построении собственной карьеры в новых реалиях хрупкого мира // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (12-13 мая 2022 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. С. 171-174.
3. *Родионова Е.А.* Психологические факторы эффективности сотрудников современного предприятия // Terra Linguistica. 2011. №124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-factory-effektivnosti-sotrudnikov-sovremennogo-predpriyatiya> (дата обращения: 23.03.2023).

4. Система управления эффективностью персонала. Методическое пособие Консалтинговой группы В1 ТО ВЕ. https://www.bitobe.ru/tpl/docs/pdf/upravlenie_effektivnistiyyu_personala.indd.pdf
5. *Freire C., Ferradás M.M., García-Bértoa A., Núñez J.C., Rodríguez S., Piñeiro I.* Psychological Capital and Burnout in Teachers: The Mediating Role of Flourishing. *Int. J. Environ. Res. Public Health* 2020, 17, 8403.
6. *Luthans F., Youssef C.M., Avolio B.J.* Psychological capital: Developing the Human Competitive Edge. Oxford: Oxford University Press, 2007. Vol. 198. doi: 10.1093/acprof:oso/9780195187526.001.0001

Возможности использования компьютерных технологий в образовательных процессах в детском лагере

Ершов Д.С.

АНО ВО «Российский новый университет»

Daniil.Ershov@gmail.com

Начиная с малых лет ребенок учится осваивать взаимодействие с предметами и окружающим миром. В процессе развития ребенку важно познавать не только существующие вокруг него вещи, но и самого себя, своё место в обществе. В ходе развития ребенка выделяют возрастные периоды, которые сменяют друг друга через возрастные кризисы. Например, в возрастной периодизации Д.Б. Эльконина и Л.С. Выготского в дошкольном возрасте в качестве ведущей деятельности появляется ролевая игра, а позднее в младшем школьном возрасте ведущей деятельностью становится учебная деятельность [9]. В дальнейшем в ней проявляются основные интересы человека, любопытство, стремления, а также последующие профессиональные предпочтения. Особый интерес сегодня у исследователей и практиков основан на построении эффективного и привлекательного образовательного процесса для всех сторон деятельности.

Данная работа направлена на обоснование необходимости разработки и построения образовательного процесса с использованием интернет-технологий на основе платформы детских лагерей с детьми разных возрастных групп. На сегодняшний день существует недостаток исследований образовательных процессов в детских лагерях. Цель исследования: изучение современных компьютерных технологий в образовательном процессе, которые можно использовать в программе детских лагерей. Научная новизна заключается в уточнении и дополнении данных о способах применения современных компьютерных технологий для выстраивания эффективного образовательного процесса в лагерях.

Согласно представлениям Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова, у преподавателя существует ряд задач, среди которых: сплочение группы, развитие самоконтроля и самооценки у учеников, соответствие игры возрасту учеников, выстраивание партнерских отношений с детьми [2; 8]. Эти представления отражают с одной стороны необходимость подбора актуальных игротехнических инструментов, полезных для учеников, а с другой стороны требует от педагога навыков использования современных игр для соответствия уровню развития детей в лагере [3].

Внедрение современных компьютерных технологий в образовательный процесс связано с определенными рисками [6]. Например, Н.В. Кочетков отмечает, что в отечественных исследованиях интернет-пользователи, интернет-аддикты и геймеры отличаются скорее негативными психологическими характеристиками [7]. Но важно воспринимать интернет-технологии не только как потенциальную опасность, но и как средство для реализации различных видов деятельности. Например, компьютерные игры позволяют расширить объем информации, которую получает ученик, получить новый опыт взаимодействия, а также дополнительно мотивировать ученика. Организация процесса проектирования игровой деятельности является одним из основных этапов всего образовательного процесса [4].

Г.А. Инамова и З.З. Кодиров отмечают преимущества компьютерных игр, среди которых: мгновенный выигрыш или проигрыш, развитие фантазии, визуализация сложных процессов реального мира в привлекательном виде, интерактивность и

погруженность [5]. Таким образом использование компьютерных игр не только расширяет возможную деятельность в рамках образовательной программы лагерей, но и экономит финансовые ресурсы организации, путем замены реальных моделей виртуальными. Детям нравится играть, и геймификация позволяет привносить игровую динамику в традиционно сложный и статичный процесс обучения.

Примером использования игр в образовании является компьютерная игра Майнкрафт (Minecraft). Ее мировая популярность связана с простотой визуального представления и безграничностью для реализации творческого потенциала. Данная игра выступает в качестве инструмента для объяснения различных механизмов (например, законов физики), из-за чего процесс обучения позволяет без страха ошибок изучать сложные понятия. Майнкрафт имеет большой потенциал в педагогике, например, может использоваться в командных соревнованиях, а также развивать пространственное восприятие. Международная образовательная организация MinecraftEdu была создана с целью построения эффективного и привлекательного образовательного процесса, а благодаря ученым из разных областей удалось создать полноценный учебный план, который используется в различных школах по всему миру [8].

Представленный анализ позволяет говорить о важности и удобстве использования современных технологий, компьютерных игр, для построения эффективного и привлекательного образовательного процесса. В лагерях важно учитывать потребности детей, принципы обучения, а также полагаться на различные виды образовательных мероприятий, где компьютерные игры будут выступать одним из инструментов в едином образовательном процессе. Лагерь представляется подходящей площадкой для исследования современных компьютерных технологий, которые по-новому позволяют взглянуть на устоявшийся образовательный процесс.

Литература

1. Гончаренко Д.И., Бровкин А.П. Сущность и содержание понятий «киберспорт» и «компьютерный спорт» // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2022. №2. С.84-91.

2. *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. М.: Интор, 1996. 544 с.
3. *Данилков А.А., Данилкова Н.С.* Роль детских лагерей в развитии ребёнка // Народное образование. 2016. №2-3 С.105-113.
4. *Ерогова И.С.* Компьютерные игры в обучении // Вестник Науки и Творчества. 2016. №9 (9). С.17-22.
5. *Инамова Г.А., Кодиров З.З.* Технология компьютерных игр в процессе обучения // Механика и технология. 2022. № 1. С. 181-188
6. *Исмаилов А.А.* Киберспорт как социальное явление // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №7-1. С.40-42.
7. *Кочетков Н.В.* Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 1. С. 27–54. DOI: 10.17759/sps.2020110103
8. *Чулюков В.А., Сидорова О.А., Дубов В.М.* Новые технологии эффективного вовлечения обучающихся в процесс обучения // Современное педагогическое образование. 2019. №6. С. 70-74.
9. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.,1984. 560 с.

Взаимосвязь ценностей и компонентов планируемого миграционного поведения

Ефременкова М.Н.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
mneteta@yandex.ru*

В настоящее время все больше ученых обращается к изучению социально-психологических факторов, влияющих на миграционное поведение в целом и на принятие решения о нем, в частности. Однако зачастую исследования ценностей современных мигрантов показывают противоречивые результаты [1]. Функцией ценностных ориентаций является определение стратегических жизненных целей и

мотивов в различных сферах жизненного пути личности, в том числе и при принятии решения мигрировать. Ценностно-смысловая сфера личности определяет ее направленность, лежит в основе регуляции социальной активности.

Анализ миграционного ресурсного потенциала ценностей заключается в изучении взаимосвязи с факторами, влияющими на формирование миграционных намерений [1]. Согласно теории планируемого поведения [2], к данным факторам относятся аттитюды по отношению к трудовой миграции (оценка планируемого миграционного поведения), воспринимаемые нормы в отношении трудовой миграции (оценка ожиданий значимого окружения относительно планируемой миграции), воспринимаемый поведенческий контроль (насколько посильным кажется процесс реализации миграционного поведения). Наше исследование посвящено проблеме определения роли ценностей как предикторов формирования факторов миграционных намерений и поведения по их реализации.

Опрос был проведен в 2021 году (с января по декабрь) очно и онлайн (на платформе anketolog.ru). Выборка исследования (N=418) состояла из респондентов от 20 до 56 лет (средний возраст — 36 лет) из Смоленской, Московской, Ленинградской, Саратовской, Самарской областей.

Диагностика индивидуальных ценностей проводилась сокращенной версией “Опросника портретных ценностей” Ш. Шварца (“PVQ-21 – ESS”).

Для изучения компонентов планируемого миграционного поведения были составлены вопросы, основанные на рекомендациях А. Айзена [2]. Респондентам предлагалась шкала оценки от 1 до 6 («абсолютно не согласен» - «абсолютно согласен»).

Для обработки данных была применена программа IBM SPSS Amos v. 23. Был использован метод моделирования структурными уравнениями с контролем переменных (пол, возраст, уровень образования, материальное положение, проживание в столице или регионе, опыт переезда). В качестве зависимых переменных выступили аттитюды, воспринимаемые нормы и воспринимаемый поведенческий контроль, миграционное намерение, поведение по реализации миграционного намерения (компоненты модели

планируемого миграционного поведения), моделируемые как латентные факторы. Латентные переменные в модели представлялись измеряемыми переменными (утверждениями). Независимые переменные в модели - 10 индивидуальных ценностей.

Обратимся к анализу данной модели. Полученные результаты показывают, что модель имеет хорошие индексы пригодности. CFI=0,978; RMSEA=0,035; PCLOSE=0,999; CMIN/DF=1,516.

Для респондентов, с выраженным поведенческим контролем в отношении трудовой миграции характерна приверженность ценности *Благожелательность* ($\beta = 0,16^*$), которая проявляется в стремлении оберегать благополучие близких людей. Данный тип ценности основан на потребностях в аффилиации и поддержания процветания группы. Уверенность в возможности реализовать миграцию, вероятно, обусловлено стремлением заботиться о значимом окружении.

Склонны оценивать трудовую миграцию позитивно лица, ориентированные на ценность *Достижение* ($\beta = 0,14; p < 0,05$), т.е. на личный успех с позиции социальных стандартов. Ориентация на ценности достижения базируется на стремлении к социальному признанию (одобрению, уважению, влиянию, эффективной деятельности).

Ценности *Стимуляции* как стремление к новизне, новым впечатлениям, переживаниям положительно связаны с воспринимаемым контролем ($\beta = 0,36; p < 0,001$), и воспринимаемыми нормами ($\beta = 0,15; p < 0,05$), в отношении трудовой миграции. Так, лица, уверенные в способности реализовать миграционные планы и в том, что окружение их одобряет и поддерживает, имеют выраженную потребность в разнообразии, новых впечатлениях, наполненности жизни событиями и переменами.

Убеждены в отсутствии одобрения обществом миграционного поведения лица, постулирующие ценность *Безопасность* ($\beta = -0,18; p < 0,01$), проявляющуюся в ориентации на стабильность уклада жизни, поддержание здоровья, социальный порядок, безопасность семьи, страны в целом.

Согласно полученным данным, социально-психологическими предикторами формирования миграционного намерения являются аттитуды в отношении трудовой миграции (положительное отношение к миграционному поведению) ($\beta = 0,18; p < 0,05$),

воспринимаемые нормы (одобрение миграции значимым окружением) ($\beta = 0,45$; $p < 0,001$) и воспринимаемый контроль (убежденность в собственной способности осуществить переезд) ($\beta = 0,42$; $p < 0,01$). Также выявлена значимая положительная связь миграционного намерения и поведения по его реализации ($\beta = 0,90$; $p < 0,001$).

Таким образом получило свое подтверждение выдвинутое в исследовании предположение о существовании специфических связей индивидуальных ценностей с аттитюдами, воспринимаемыми нормами и воспринимаемым контролем в отношении миграции, как факторами миграционного намерения.

Литература

1. *Мураценкова Н.В.* Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. №1. С. 25–41. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-1-25-41
2. *Ajzen I.* Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. URL: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf>

Тренинг как форма профилактики конфликта реального и виртуального «Я» в подростковом возрасте

Жарков А.В., Курило М.В.

*БарГУ, Барановичи, Республика Беларусь
Lyosha.zharkov.98@mail.ru, kurilo.mary@mail.ru*

Актуальность проблематики исследований по аспектам виртуальной реальности сети Интернет расширяется соразмерно со степенью расширения областей внедрения ресурсов сети Интернет в жизнедеятельность современного человека.

Подросток, ввиду маргинальности собственной позиции в социуме, испытывает на себе множество факторов роста увлеченности

виртуальным общением в сети Интернет. Среди них необходимо отметить:

- актуализация симптомов нормативного кризиса, выражающихся в негативизме, преобладании интеллектуализации как психологической защиты, склонности к проигрыванию пласта социальных ролей в контексте «серьезной игры» [1, с. 333], что приводит к возникновению психологического напряжения во взаимодействии с окружающими людьми и в отдельных случаях к объективнонегативным последствиям;
- возрастание конфликтности во взаимодействии с родителями в процессе трансформации и отстраивания новых личностных границ;
- осознание собственного уровня зрелости и трудностей в предъявлении его другим в контексте отсутствия необходимых навыков для включения в социальную жизнь, насыщенную истинно взрослыми ролями;
- акцентированные проявления сложностей в принятии своего физического облика, переходящие от отрицания физической составляющей собственной личности к изнуряющим попыткам физического самосовершенствования;
- переживание чувства одиночества, детерминированного развитием личностной рефлексии и переходом на новый уровень самосознания;
- проявление заниженной самооценки, интровертированности и застенчивости [1, с. 337].

Таким образом, подростки не всегда могут адекватно выразить собственные чувства и размышления, а значит, построить желаемые взаимоотношения с окружающими. Виртуальная коммуникация предоставляет им возможность наиболее легкого и безопасного пути построения желаемого «Я» и желаемых взаимоотношений: анонимность, физическая непредставленность, возможность реализации отсроченных ответов в виртуальной коммуникации, беспрепятственное прерывание и безопасное игнорирование контакта с другим в виртуальной коммуникации [2].

С целью профилактики конфликта между «Я» реальным и «Я» виртуальным у подростков мы предлагаем использовать тренинговую форму работы, поскольку в процессе тренинга подросток проявляет собственное мнение, получает значимые для него обратные связи от других, а также может безопасно апробировать формы поведения.

Нами предлагается вариант реализации тренинговой формы работы в направлении профилактики конфликта «Я» реального и «Я» виртуального — тренинг «Тайны виртуального общения». Данная форма работы была реализована на базе учреждения образования «Гимназия №1 г. Барановичи».

Тренинг состоял из следующих этапов.

1. **Этап знакомства участников и изучения правил работы в тренинге.** На данном этапе ведущий знакомит участников с содержанием и правилами работы в тренинговой группе.
2. **Расширенное знакомство.** Каждому участнику предлагается составить автопортрет и предъявить его другим участникам группы в общем обсуждении в той мере, в которой им будет комфортно сделать это здесь и сейчас.
3. **Виртуальность и реальность.** После знакомства с участниками, ведущие предлагают им поделиться собственными взглядами по вопросам значения социальных сетей в жизни общества и в их личной повседневной жизни (Как думаете, важны ли социальные сети в наше время? Какими специфическими особенностями они обладают? Какое место виртуальные коммуникативные ресурсы занимают в вашей жизни?).
4. **Обратная связь на персональные страницы в социальной сети Интернет.** До тренинга был проведен опрос среди молодых людей (10 человек). Опрашиваемым предоставлялись скриншоты персональных страниц приглашенных на мероприятие школьников и задавался вопрос: «Каково ваше первое впечатление об этом человеке, исходя из содержания его персональной страницы в социальной сети Интернет?». В итоге, каждый участник тренинга знакомится с анонимными взглядами на свою персону в виртуальном мире и рассматривает значение той или иной части его персональной страницы в социальной сети

Интернет для создания впечатления у собеседника.

5. **Обратная связь на трехминутное общение.** Участникам было предложено повзаимодействовать с приглашенными студентами на протяжении 3 минут, отвечая на заранее заготовленные вопросы общего характера. Затем студенты в анонимной форме оставляют свое первое впечатление о каждом участнике тренинга, которое сложилось у них в ходе краткосрочного общения.
6. **Консолидация обратных связей и релаксация.** Далее перед ведущим стоит задача проведения консолидации составленных студентами анонимных обратных связей на общение с участниками тренинга. Участники тренинга выполняют упражнения с целью самопознания и релаксации.
7. **Соотношение реального и виртуального «Я».** На последнем этапе тренинга участники сравнивают обратные связи на их виртуальное «Я» (на их персональные страницы в социальной сети Интернет), на их реальное «Я» (трехминутное общение с приглашенными студентами) с собственным автопортретом (который был составлен в начале тренинга). В случае обнаружения компонента, который был представлен конфликтно, ведущие тренинга строили с участником стратегию преодоления или проявления этой личностной особенности в реальном взаимодействии.

Таким образом, формат тренинга является актуальным для проведения профилактики конфликта между реальным «Я» и виртуальным «Я» у подростка, активно использующего социальные сети Интернет. Описанная структура тренинга пластична и может быть использована психологом однократно в русле профилактического воздействия или многократно в рамках программы коррекции группы подростков.

Литература

1. *Обухова Л.Ф.* Возрастная психология. М., Российское педагогическоеагентство. 1996.

Эйджизм в рабочих группах

Жиляев Д.В., Шнайдер Д.Ж.

*ЕНУ им.Л.Н.Гумилева, Астана, Республика Казахстан
qwatertain@gmail.com, djakk@mail.ru*

Одной из актуальных проблем в психологии групп является дискриминация и предубеждения. В настоящее время часто встречается проявление дискриминация участников группы по возрастному признаку. Рабочая группа также является примером любой другой социальной группы, на основании чего данная проблема представлена одним из актуальных направлений социальной психологии.

При этом, необходимо отметить, что объективно оценить и создать возрастной ценз для тех или иных специальностей невозможно в силу уникальности каждого индивида. Проблема дискриминации от этого не исчезает. Несмотря на законодательные запреты проблема эйджизма является распространённой во многих странах.

Признаки эйджизма на рабочих местах: ограничение возможностей профессионального роста, недостаточная оплата труда, ограничение при найме на работу, ограничение в выборе проектов, ограничение в участии в мероприятиях. Также эйджизм может проявляться неформально, в основном в контексте возрастных стереотипов.

По данным исследования HeadHunter [3, с. 9], в 2020 г. процент отказов в найме, вызванный возрастом кандидатов, составил 41%. Данная информация свидетельствует о проявлении возрастной дискриминации на этапе найма сотрудника.

В свою очередь, подобная проблема не ограничивается РФ или постсоветским пространством. Так, по данным исследования международного агентства AARP Research [4], проведенного в 2017 г., порядка 65% респондентов считают себя дискриминированными по возрастному признаку или наблюдали факты подобной дискриминации.

Отмечается мнение, что подобное проявление возрастной дискриминации выгодно работодателям, в частности в контексте предоставления рабочих мест, которые не интересны молодым людям [1, с. 97-112].

Большинство исследований данной темы направленно на изучение проблем преимущественно пожилых людей, однако, не следует оставлять без внимания проблему дискриминации молодежи. Так, в странах постсоветского пространства существует тренд на отказ принимать на работу молодых специалистов «без опыта работы» или ограничивают карьерный рост в пользу более опытных сотрудников.

Необходимо отметить, что пандемия коронавируса создала прецедент всеобщей необходимости в развитии компьютерной грамотности, что было несвойственно зрелому поколению в странах СНГ. Данный коллапс привычной деятельности послужил причиной небывалого стресса для пользователей, которые не соответствовали волне новых технологий.

Помимо этого, различается уровень заработных плат. По данным исследования Е.А.Клепиковой и М.Г.Колосницыной [2, с.69-77] весомый вклад в развитие эйджизма в РФ внесли заработные платы. Так, в 2017 г. различие в зарплатах между группами 45-54 лет и 55-64 лет составило 22%. Авторы не исключают возможность объективности различий в заработных платах, однако разрыв все равно остается значительным.

В восприятии общества, эйджизм на рабочем месте не воспринимается так остро, как иные формы дискриминации, например, как сексизм, расизм, гомофобия и др. Подобная ситуация обусловлена более тонким проявлением и сложностью диагностики. Также, в общественном сознании эйджизм не резонирует, как форма дискриминации и ущемления личности, а как естественное устаревание кадров.

В настоящее время методы профилактики эйджизма ограничены проведениями тренингов, балансом сотрудников и контролем со стороны руководства, что не является достаточным.

Резюмируя вышеописанное, можно утверждать, что проблема эйджизма на рабочих местах широко распространена и начинается с момента вхождения в группу (наем работника) и продолжается до момента окончательной адаптации или выхода из группы. Подобная тенденция, учитывая активное старение населения, подразумевает исключительно негативные последствия.

Литература

1. Барков С.А. Трудоустройство людей в пожилом возрасте: социальные императивы и ограничения в современной России // Вестник Российского университета дружбы, 2022. Т.22, №1.
2. Клепикова Е.А., Колосницына М.Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15, № 1.
3. Служба исследований HeadHunter, 2022 г. Трудоустройство и занятость пенсионеров, 2022 г. URL: <https://hhcdn.ru/file/16912628.pdf>
4. AARP Research. The Value of Experience Study, 2018 г. URL: <https://www.aarp.org/research/topics/economics/info-2018/multicultural-work-jobs-study/?CMP=RDRCT-PRI-OTHER-WORKJOBS-052118.html>

Административный стиль управления и предпочтение командных ролей у педагогов образовательного учреждения

*Жукова Н.Н., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kozuhargs@mgppu.ru*

Разнообразные изменения в методах и приемах преподавания в общеобразовательных организациях привели к необходимости осмысления новых педагогических подходов к преподаванию и усвоению знаний в современном педагогическом процессе. Особую актуальность приобретают вопросы, связанные с педагогическим стилем управления образовательным процессом и определением способов взаимодействия между собой разных субъектов взаимодействия. Знание основных принципов и методов формирования командного общения позволяет педагогам формировать положительный и доверительный климат в классе, а преобладающий стиль руководства влияет на образовательные результаты, сплоченность школьного коллектива.

Изменение требований к результатам деятельности общеобразовательных организаций, зафиксированных в Федеральных государственных образовательных стандартах общего образования

(ФГОС), сопровождается множеством изменений, в том числе, касающихся не только трансформации ведущих стилей управления педагогов, выступающих в роли руководителей школьного коллектива, но и командных ролей, где педагог выступает как инициатор взаимодействия и групповой сплоченности обучающихся.

Согласно Е. Туник, существует семь основных административных стилей: начиная от демократического и заканчивая авторитарным. Согласно Е. Туник, «стиль может служить характеристикой качества деятельности педагога как руководителя, его способности обеспечить эффективное управление, а также создавать и воспроизводить в школьном коллективе особую атмосферу, порождающую определенные нормы взаимоотношений и поведения» [2].

Согласно Р.М. Белбину, «диапазон полезных моделей поведения в работе любой команды достаточно ограничен, эти модели поведения в целом могут быть сведены воедино, именно к ним применяется термин «командная роль» [1, с. 33]. В командных ролях диапазон ограничен девятью командными ролями: от генератора идей до специалиста, где каждая модель характеризуется положительным вкладом в эффективное взаимодействие команды, с одной стороны, с другой, имеет определенные, но допустимые недостатки.

Целью нашего исследования являлось выявление взаимосвязей между административным стилем управления и предпочтениями командных ролей педагогов образовательного учреждения.

В исследовании принимали участие 69 педагогов общеобразовательных учреждений города Москвы. Из них 48 женщин и 21 мужчина. Все педагоги имеют профессиональный стаж от 3 до 7 лет. 37 педагогов имеют первую квалификационную категорию, 32 педагога имеют высшую квалификационную категорию. Возраст респондентов варьировался от 25 до 37 лет.

Процедура исследования включала в себя использование двух методик: «Определение административного стиля руководства (Е. Туник) и тест «Командные роли» (Р.М. Белбин).

Анализ полученных данных по методике Е. Туник, позволил выделить четыре группы педагогов с преобладанием того или иного стиля административного руководства:

- смешанный «демократически-авторитарный стиль» выявлен у 21 респондента, средний балл по группе – 11,8 балла, по показателям как демократического, так и авторитарного стиля;
- стиль, характеризующийся как «невмешательство», к которому было отнесено 15 педагогов. Средний балл – - 2,7 балла;
- смешанный стиль, связанный с преобладанием «кооперативного стиля» и стиля «ограниченного участия», преобладает у 17 педагогов, средний балл по группе – - 7,7 и 11,9 балла, соответственно;
- смешанный стиль, сочетающий в себе «демократический» и «кооперативный» выявлен у 16 педагогов, средний балл – - 5,4 и 14,8, соответственно.

В каждой из групп педагогов с доминированием разного административного стиля были проанализированы показатели, характеризующие приверженность педагогов к исполнению определенных командных ролей по тесту Р.М. Белбина.

В группе педагогов, демонстрирующих демократически-авторитарный стиль преобладает роль «исследователь ресурсов»; у педагогов со стилем «невмешательство» выражена роль «генератор идей»; в группе педагогов со стилем «кооперативный – ограниченное участие» преобладает роль «контроллер»; у педагогов, сочетающих «демократический и кооперативный стиль» выявлено доминирование двух ролей «реализатор» и «мотиватор»ю

С помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена были выявлены достоверно значимые взаимосвязи между административными стилями управления и командными ролями педагогов.

Между демократическим стилем управления и командной ролью «реализатор» ($r = -0,573^{**}$), «мотиватор» ($r = -0,446^{**}$) и «контроллер» ($r = -0,292^{**}$) выявлены отрицательные средние и умеренная взаимосвязь.

Возможно, это свидетельствует о том, что чем более педагог настроен на взаимопонимание, сплоченность, привлечение обучающихся к командной работе, тем менее часто он будет

демонстрировать отсутствие гибкости в работе с детьми, задевать их чувства, делегировать свои полномочия.

В свою очередь, между кооперативным стилем руководства и командной ролью, связанной с «руководством», существует прямая умеренная по силе взаимосвязь ($r = 0,434^{**}$), говорящая о том, что чем более педагог ориентирован на коллектив, построение взаимоотношений, достижение совместных результатов обучения, тем более четко он будет определять общие цели и руководить процессом принятий решений.

Также между данным стилем управления и ролью «аналитик» была выявлена обратная умеренная взаимосвязь ($r = -0,404^{**}$), что говорит о том, что настроенность педагога на делегирование полномочий, организацию командного взаимодействия отрицательно коррелирует с невозможностью побуждать обучающихся к действиям.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии взаимосвязей между административными стилями управления и командной ролью педагогов образовательного учреждения.

Перспективы исследования могут быть связаны с изучением индивидуального стиля деятельности педагогов, характеризующего их ориентацию на процесс или получение результата, гибкость и результативность образования во взаимосвязи с административным стилем управления и командными ролями. Полученные данные могут быть использованы с целью проведения тренингов с педагогами, направленных на снижение деструктивных и повышение конструктивных компонентов административных стилей управления, а также обучение их навыкам реализации командных ролей в зависимости от требований системы образования.

Литература

1. Белбин Р.М. Типы ролей в командах менеджеров. М.: Нипро, 2003. 232 с.
2. Туник Е.Е. Стили управления в системе образования // Школьный психолог. 2002. № 3.

Влияние мужских союзов на изменение гендерной идентичности взрослого мужчины

Журкин Д.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
dim-zhurki@yandex.ru*

Актуальность исследования определяется, с одной стороны, наличием социальных ожиданий и требований к мужчинам проявления такого поведения и таких черт, которые традиционно считаются мужскими: быть сильным, настойчивым, мужественным, жестким, способным самостоятельно принимать взвешенные решения и нести ответственность за их последствия и т.п. С другой стороны, в обществе происходит интенсивное изменение гендерных ролей, трансформация гендерной идеологии, размывание традиционных представлений о маскулинности и фемининности, о том, каким должен быть настоящий «мужчина», утрата решающей роли отца в воспитании мужской гендерной идентичности сына [4].

Альтернативой отцовскому воспитанию, эффективным способом формирования мужской гендерной идентичности у мужчин может стать участие в так называемых мужских союзах, если таковые случаются на их жизненном пути. Мужские союзы (также известные как мужские группы, мужские коллективы или мужские коммуны) – это социальные группы, состоящие из мужчин, которые объединяются на основе общих интересов, целей или определенных жизненных ситуаций. Термин «мужской союз» часто используется в психологии и социологии для обозначения специфического типа мужских отношений, которые могут оказывать значительное влияние на психологическое благополучие и развитие мужчин [1; 2].

Данная стратегия может быть реализована и в тематических психотерапевтических группах, состоящих из одних мужчин.

Цель нашего исследования – изучение влияния мужского союза (созданного в рамках психологической группы по этнографической реконструкции опыта мужчин) на изменение мужской гендерной идентичности.

Гипотеза исследования: участие в групповых занятиях, направленных на развитие мужской идентичности, повышает уровень

маскулинности, приближает статус гендерной идентичности к оптимальному, повышает показатели личностной зрелости.

Исследование включало три этапа: констатирующий, формирующий и контрольный.

На констатирующем и контрольном этапе исследования использовалась методика исследования гендерной идентичности (МИГИ) Л.Б. Шнейдера, позволяющая определить статус (уровень развития) гендерной идентичности человека [5] и тест-опросник личностной зрелости (ТОЛЗ) Ю.З. Гильбух [3]. Также с двумя респондентами, имеющими на констатирующем этапе максимальные показатели по шкале «маскулинность» методики BSRI, и двумя респондентами, имеющими минимальные показатели по шкале «маскулинность», до и после групповых занятий автором были проведены диагностические интервью (неструктурированные).

На формирующем этапе была реализована *Авторская Программа групповых занятий* по этнографической реконструкции опыта «Мужской союз».

Основные задачи программы формирования маскулинности: осознание участниками группы нездоровых паттернов поведения в родительской и/или своей семье; развитие навыков открытости и доверия к другим людям вообще и к представителям своего пола, в частности; формирование умений оказывать и принимать эмоциональную поддержку; формирование конструктивного мужского поведения. По итогам выполнения упражнения участники работали в малых группах. Восприятие реальной картины через развенчание проекций давало путь к тому, чтобы менять стиль поведения и его форму в реальной жизни со своими близкими. Каждый участник брал индивидуальную развивающую сессию у ведущего в центре круга, открыто и смело обсуждая свои трудности и недостатки. Общая продолжительность занятий в группе составила 7 месяцев, периодичность встреч – 1 раз в неделю, длительность встречи – 2,5 часа.

Выборку исследования составили 20 мужчин, в возрасте от 18 до 39 лет (автор проводил занятия параллельно в 2 группах, состоящих из 9 и 11 человек).

Результаты исследования. После участия в группе «Мужской союз» у респондентов произошли следующие изменения: 1)

повысился уровень маскулинности (с 11,3 до 17,4 баллов, различия по критерию Уилкоксона статистически значимы на уровне 0,05); 2) изменился статус гендерной идентичности с невыраженной (диффузной) идентичности (15,9 балла) на выраженную активную идентичность (43,1 балла, $p < 0,01$), 3) повысился уровень мотивации достижения и в отношении к своему «Я» (с 8,3 до 19,6 балла, $p \leq 0,01$).

При этом не выявлено достоверных различий по шкалам «фемининность» (методика BSRI), «чувство гражданского долга», «жизненная установка» и «способность к психологической близости с другим человеком» (методика ТОЛЗ).

Таким образом, гипотеза исследования о том, что участие в групповых занятиях, направленных на развитие мужской идентичности, повышает уровень маскулинности, приближает статус гендерной идентичности к оптимальному и повышает показатели личностной зрелости, подтверждена частично.

Заключение. Специализированные мужские союзы могут явиться мощным средством развития маскулинности в современном обществе. Потребность в закрытом для женщин пространстве общения с себе подобными у мужчин по-прежнему велика, мужское товарищество и дружба остаются предметами культа и ностальгии. Подобная тенденция к обособлению в спорте, музыке и даже в формах проведения досуга не может не накладывать отпечаток на психологию и идеологию современной маскулинности.

Литература

1. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. М., 1996.
2. Клименко Н.С. Гендерная сегрегация и мужские союзы как важные элементы формирования маскулинного самосознания (социально-педагогический аспект) // Вестник КрасГАУ. 2012. №2.
3. Тест-опросник личностной зрелости URL: <https://psytests.org/ident/tolz.html>.
4. Тихомандрицкая О.А., Мельникова О.Т. Исследование проблемы кризиса маскулинности в гендерной картине мира современной молодежи методом фокус-группы // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3.

5. *Шнейдер Л.Б.* Психология идентичности: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М., 2019.

Рациональная и иррациональная потребительская мотивация в области цифровых валют

Зарецкий П.С., Фокина М.В.

*ОЧУВО «Московский инновационный университет»,
Москва, Россия
zaretskiy.p.s@gmail.com, maria_fokina@mail.ru*

Цифровые валюты набирают популярность, что обеспечивает исследовательский интерес к потребительскому поведению в этой области. В настоящее время отмечается перевес доли экономических исследований криптовалют по сравнению с психологическими [5; 6]. Мы представляем результаты исследования факторов, связанных с потреблением цифровых валют.

Психологическое изучение потребления цифровых валют закономерно ново. Известность приобрела работа Di Wang и коллег о связи субъективной привлекательности криптовалют с выраженностью черт неклинического садизма и «темной триады» [1; 3; 9]. С точки зрения вклада иррациональной мотивации в потребление криптовалют интересно исследование F. Steinmetz, в котором показано структурное сходство азартных игр и спекуляций на рынке цифровых валют [12].

В отечественных исследованиях для описания психологических факторов потребления криптовалют привлекают понятия когнитивных искажений типа боязни потери и ощущения владения ценным объектом. Показано, что отношение к цифровым валютам связано с надеждами на быстрое обогащение, но и со страхами и предубеждениями. Наличие опыта финансовых операций ослабляет опасения и содействует признанию перспективности цифровых валют. Описан характерный для некоторой категории потребителей криптовалют «иррациональный оптимизм» – иррациональная уверенность в быстром обогащении [2; 4; 7].

Мы исследовали мотивы потребительского поведения в области криптовалют. Выборку исследования составили 107 участников Telegram-канала «Стуртус Media», из них 22 женщины (21%) и 85 мужчин (79%), возраст от 16 до 32 лет. Исследование проводилось методом анонимного полуструктурированного интервью.

Социально-демографический анализ выборки покупателей цифровых валют открывает неочевидные обстоятельства, связанные с приобретением криптовалют. Преимущественно, покупатель цифровых валют – мужчина 25-28 лет, не женатый, с высшим образованием, чаще в IT-сфере или в экономике, в 31% случаев проживающий за границей. Эти данные согласуются с результатами зарубежных исследований в том, что криптовалюты входят в топ-5 в портфеле финансовых инвестиционных инструментов мужчин [11; 13], чаще – молодых, имеющих высшее образование, в том числе – безработных [8].

Выявлены рациональные и иррациональные мотивы потребления криптовалют. Рациональная модель покупки цифровых валют связана с логически обоснованной оценкой риска, соразмерностью материальных вложений потенциальной выгоде, опорой на критическое мышление. Рациональные мотивы основываются на оценке покупки как полезной, безопасной, прибыльной, соответствующей осознанным экономическим потребностям. Наши результаты согласуются с данными других исследователей в том, что отношение, осведомленность и предполагаемая возможность контроля, оценка риска и воспринимаемая ценность на рациональном уровне определяют потребительское поведение в области цифровых валют [10].

Иррациональная модель покупки цифровых валют связана с преимущественным влиянием сторонних по отношению к покупке потребностей; эмоций, социальной обстановки, маркетинговых факторов – при незначительном вовлечении критического мышления, рефлексии собственного потребительского поведения и логических с точки зрения выгоды обоснований. К числу иррациональных мотивов относятся направленные на попытку улучшения образа «Я» за счет демонстрации собственного превосходства, отличия или сходства с большинством. Психологической подоплекой этих мотивов, вероятно, выступают фрустрированные или неполноценно реализуемые

личностные потребности: в личной идентичности; в смягчении комплексов неполноценности; в стремлении к установлению эмоциональных контактов, «имитации» близости с неким авторитетным лицом.

Литература

1. Ванг Д. Исследование связывает черты личности «темной триады» с покупкой криптовалют // URL: <https://earth-chronicles.ru/news/2022-04-12-161113?ysclid=lfclrl5hx1558420334>
2. Гагарина М.А., Власенкова Е.А. Какие личностные черты определяют готовность россиян инвестировать в криптовалюты? // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. №5 (35).
3. Дерши Ф.В. Симптомокомплекс «темная триада» во взаимосвязи с базовыми чертами личности // Вестник ПГТПУ. Серия № 1. 2015. №1.
4. Дробышева Т.В., Гагарина М.А., Нестик Т.А. Отношение к криптовалютам у молодежи с разным опытом финансового поведения // Вестник МГОУ. 2021. №1.
5. Коптюбенко Д.Б. Квазиденьги: становление, особенности функционирования и перспективы развития: Автореф. дис.... канд. экон. наук. Москва, 2007.
6. Красильников О.Ю. Преимущества и недостатки развития криптовалют // Изв. Саратов. ун-та. 2018. № 3.
7. Патоша О.И. Мотивация поведения потребителей на рынке товаров бытового потребления: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 2008.
8. Henry Ch. S., Huynh K.P., Nicholls Gr. Bitcoin Awareness and Usage in Canada // Bank of Canada Staff Working Paper 2017-56. December 2017.
9. Martin B.A.S., P. Chrysochoub, C. Strong, Di Wang, Jun Yao Dark. Personalities and Bitcoin: The influence of the Dark Tetrad on cryptocurrency attitude and buying intention // Personality and Individual Differences. Volume 188, April 2022.

10. *Ramachandran T., Stella M.* Behavioural Intention Towards Cryptocurrency Adoption Among Students: A Fintech Innovation // *Journal of Positive School Psychology*. 2022, Vol. 6, No. 6, 5046-5053.
11. *Senkardes G.G., Akadur O.* A research on the factors affecting cryptocurrency investments within the gender context // *Journal of business economics and Finance*. Vol. 10. Issue 4-2021.
12. *Steinmetz F.* The Interrelations of Cryptocurrency and Gambling: Results from a Representative Survey. // *BRL Working Paper Series No. 25*.
13. *Sukumaran Sh., Thai Siew Bee, Wasiuzzaman Sh.* Cryptocurrency as an Investment: The Malaysian Context. // *Risks* 2022. № 10 (86).

Связь общечеловеческой идентичности и межэтнического восприятия

Зикеева А.А., Гриценко В.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anzzero11@gmail.com, gritsenko2006@yandex.ru*

В настоящее время перед психологами стоит острый вопрос необходимости поиска методов изучения и предотвращения разрастающихся по всему миру межнациональных и межэтнических конфликтов. Т. Пейн говорил: «Мир – моя страна, а все человечество – мои братья» [4, с.141]. В последние десятилетия заинтересованные в данном убеждении исследователи все больше углубляются в значение феномена общечеловеческой идентичности и его влияния на межличностные и межгрупповые отношения. В исследованиях западных ученых общечеловеческая идентичность рассматривается как определение человеком себя как части всего человечества, которое воспринимается им как единая группа, как «одна большая семья». Общечеловеческая идентичность, как правило, сопровождается чувством беспокойства и желанием заботиться о других, стремлением к справедливости, диспозиционной эмпатией и открытостью к новому опыту. При этом общечеловеческая идентичность не исключает и не

314

противоречит наличию национальной или этнической идентичности. По мнению ученых, занимающихся исследованиями на данную тему, развитие общечеловеческой идентичности может являться ключом к предотвращению и уменьшению межгрупповых конфликтов [4].

Цель данной статьи состоит в описании некоторых результатов нашего исследования, направленного на углубленное изучение связи общечеловеческой идентичности и важных аспектов межгрупповых отношений, таких как восприятие экономической угрозы, восприятие физической угрозы, уровень социальной дистанции, воспринимаемые проблемы в адаптации и восприятие культурных различий по отношению к аутгруппе.

Используя методику «Шкала идентификации с человечеством» С. Макфарленда (русская адаптация опросника – Т.А. Нестик) [2; 3, с. 329] на выборке россиян от 19 до 62 лет, идентифицирующих себя как «русские», мы измерили три параметра у респондентов: общий уровень выраженности общечеловеческой идентичности, когнитивный аспект идентичности в рамках общечеловеческой идентичности и эмоциональная вовлеченность (готовность помогать жителям планеты).

На той же выборке, используя методику «Опросник для измерения предрассудков к мигрантам» (русская адаптация опросника – О.А. Гулевич, И.Р. Сариева, И.В. Прусова), мы измерили у респондентов уровень восприятия экономической угрозы, восприятие физической угрозы, социальную дистанцию, воспринимаемые проблемы в адаптации и восприятие культурных различий по отношению к мигрантам из Центральной Азии [1, с.325]. Также респондентам было предложено ответить на вопрос о наличии опыта взаимодействия с представителями других национальностей в формате «нет никакого опыта», «есть небольшой опыт», «есть большой опыт».

В результате исследования мы выяснили, что наиболее высокий уровень по всем трем параметрам общечеловеческой идентичности наблюдался у респондентов, входящих в возрастную группу старше 55 лет. Наименее выраженный уровень общечеловеческой идентичности и глобальной вовлеченности наблюдался у респондентов из группы 18-23 лет.

Для выявления уровня связи общечеловеческой идентичности и перечисленных аспектов межэтнического восприятия, мы провели

корреляционный анализ (вычислялся коэффициент корреляции Спирмена). В результате анализа мы обнаружили, что общечеловеческая идентичность связана с 2 аспектами: отрицательная связь с социальной дистанцией ($r = -0,273, p < 0,007$) и отрицательная связь с восприятием культурных различий ($r = -0,243, p < 0,014$). Несмотря на то, что связи достаточно слабые, они являются статистически значимыми. Таким образом, можно сказать, что, чем сильнее у индивида выражена общечеловеческая идентичность, тем меньше он ощущает отчуждение по отношению к другим этническим группам и тем менее заметны для него культурные различия. Тем не менее, на данном этапе исследования, мы не можем утверждать, что в этой связке именно общечеловеческая идентификация выступает одной из причин уменьшения социальной дистанции и восприятия культурных различий, а не наоборот.

Стоит заметить, что не выявилось статистически значимой связи между наличием опыта взаимодействия с представителями других национальностей и общечеловеческой идентичностью. Это опровергает предположение о том, что высокие показатели общечеловеческой идентичности свидетельствует о наличии обширного опыта взаимодействия с представителями других национальностей.

Литература

1. *Гулевич О.А.* Психология межгрупповых отношений. М., 2019.
2. *Нестик Т.А.* Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование, М., 2017.
3. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психология глобальных рисков, М., 2018.
4. *McFarland S., Hackett J., Hamer K., Katzarska-Miller I., Malsch A., Reese G., Reysen S.* Global Human Identification and Citizenship: A Review of Psychological Studies., 2019.

**Личностные ресурсы как фактор замедления
биопсихологического возраста у мужчин и женщин во втором
периоде зрелости в Кавказском регионе России.**

Зими́на А.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

ziminaaa5@gmail.com

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского
научного фонда, проект № 19-18-00058.*

Вместо с прогрессом, условия современного мира создают большое количество факторов, негативным образом сказывающихся на здоровье человека и его продолжительности жизни. Высокий ритм, непрерывные нагрузки, нарастающий уровень стресса, интенсивность труда, ухудшение таких сфер, как социальная, финансовая и экологическая, постоянные перемены (например, пандемия, самоизоляция или недавняя пенсионная реформа и др.) негативным образом влияют на здоровье человека. В связи с этим продиктована актуальность проблематики сохранения трудоспособного периода и увеличения продолжительности жизни человека. Данная проблематика достаточно активно исследуется учеными, возникают новые технологии работы со здоровьем, принимаются меры для улучшения здоровья населения и увеличения продолжительности жизни [2; 4; 6].

Современные авторы в своих исследованиях выявили взаимосвязи между индивидуально-личностными характеристиками человека, с его биологическим, психологическим возрастами и индексами биологического и психологического старений [1; 3; 5; 7; 9]. Наиболее распространенными, влияющими на здоровье человека и его продолжительность жизни, являются исследования, связанные с изучением образа жизни, наличия/отсутствия вредных привычек, уровня образования, семейного и социального статуса, когнитивного развития, интеллекта, общительности/замкнутости, агрессивности/доброты, оптимизма/пессимизма, наличием различных хобби т. п.) [8; 10; 11]. Наряду с этим, изучение индивидуально-личностных ресурсов, влияющих на замедление старения и

способствующих увеличению продолжительности жизни особенно актуально и важно.

Цель исследования: изучение взаимосвязей биологического и психологического возрастов с индивидуально-личностными ресурсами у мужчин и женщин во втором периоде зрелости в Кавказском регионе России.

Испытуемые – 145 человек: 103 женщины в возрасте от 36 до 55 лет и 42 мужчины в возрасте от 36 до 60 лет, представители Кавказского региона России.

Использовались следующие методические средства.

1. Метод самооценки психологического возраста по К.А. Абульхановой и Т.Н. Березиной (ПВ).

2. Анкета жизненного пути, включающая в себя индивидуальные и типологические особенности человека: пол, возраст, профессия, тип телосложения, эмоциональность, функциональная асимметрия, стиль взаимоотношений с миром, место жительства.

3. Методика В.П. Войтенко «Определение биологического возраста», включающая в формулу опросник «(СОЗ) Определение самооценки здоровья» для расчета биологического возраста (БВ).

4. Индекс старения (БВ-ДБВ), включая формулу определения Должного биологического возраст (ДБВ)

5. Индекс относительного психологического старения (ПВ-КВ)

6. Опросник «Ресурсы области».

7. Методы описательной статистики.

8. Методы математической статистики (IBM SPSS Statistics 26).

Результаты. У респондентов были изучены индивидуально-личностные характеристики, биологический и психологический возраст, рассчитаны должный биологический возраст, индекс старения и индекс относительного психологического старения. Следующим этапом был проведен корреляционный анализ для выявления взаимосвязей биологического и психологического возрастов с индивидуально-личностными ресурсами.

Были получены следующие результаты.

Дамы во втором периоде зрелого возраста, уделяющие внимание творческим (в области искусства), интеллектуальным занятиям (в области науки и техники) и увлекающиеся спортом ($p \leq 0,01$) биологически моложе сверстниц ($p \leq 0,05$). Также, занятия спортом,

интеллектуальные ($p \leq 0,05$) и творческие занятия ($p \leq 0,01$) понижают индекс старения. Целеустремленность, активность, достижения снижают психологический возраст, а духовные практики и занятие самосовершенствованием повышают его ($p \leq 0,05$). Доброта и забота повышают индекс относительного психологического старения ($p \leq 0,05$).

Мужчины второго периода зрелого возраста, интеллектуалы, оптимисты ($p \leq 0,05$), целеустремленные, активные, обладающие такими качествами, как точность, порядок, организация; добрые, заботливые, увлекающиеся спортом ($p \leq 0,01$), биологически моложе сверстников. Спорт способствует снижению индекса старения ($p \leq 0,01$), а у тех, кого он выше, чаще преобладает желание побыть на природе ($p \leq 0,05$). Психологический возраст ниже у целеустремленных, активных, добрых, заботливых мужчин, часто проводящих время на природе, увлекающихся духовными практиками, занятиями самосовершенствованием ($p \leq 0,05$) и спортом ($p \leq 0,01$). Индекс относительного психологического старения ниже у мужчин, увлекающихся спортом ($p \leq 0,05$).

Выводы.

1. В Кавказском регионе России личностные ресурсы являются фактором замедления биологического возраста у мужчин и женщин во втором периоде зрелого возраста.

2. На биопсихологический возраст мужчин личностные ресурсы оказывают положительное влияние, также как на индекс биопсихологического старения. То есть постоянное увлечение, каким-либо хобби у мужчин способствует замедлению старения. А ресурсом, замедляющим биопсихологическое старение у мужчин второго периода зрелого возраста, выступает спорт.

3. У женщин во втором периоде зрелого возраста на индекс биологического старения влияют творческие занятия (в области искусства), то есть можно говорить о том, что у женщин творческие занятия выступают фактором замедления биологического старения.

Автор выражает благодарность:

- *за поддержку руководителю проекта Т.Н. Березиной;*
- *за помощь в организации исследования Л.Г. Олисаевой, С.А. Зиминной, А.В. Зимину.*

Литература

1. Абульханова К.А. Личностная организация времени жизни // Мир психологии. 2011. № 3. С. 93–104.
2. Березина Т.Н. Личностные ресурсы как фактор биологического возраста: индивидуально-типологический подход // Психолог 2020. № 6. С. 12-28.
3. Березина Т.Н. Личностные стратегии жизненного пути и их связь с биологическим возрастом // Психология и Психотехника. 2020. № 4. С. 1–13. DOI:10.7256/2454-0722.2020.4.34025
4. Березина Т.Н. Биологический возраст и здоровье профессионалов: перспективы антистарения // Международная коллективная монография / под ред. Т.Н. Березиной. Москва, 2021. С. 159-168.
5. Зимина А.А., Фатьянов Г.В. Влияние личностной организации жизненного пути на биопсихологический возраст (Северная Осетия) – 2021 // Биопсихологический возраст и здоровье профессионалов: Перспективы антистарения. Международная коллективная монография / под ред. Т.Н. Березиной. Москва, 2021. С. 159-168.
6. Зимина А.А., Финогенова Т.А. Индивидуально-личностные ресурсы взрослых людей как фактор антистарения (Северная Осетия) // Человеческий капитал. 2022. № 8 (164). С. 122-134.
7. Калаева А.А. Показатели психобиологического возраста у представителей рабочих и прочих профессий// Психология и педагогика служебной деятельности 2020. № 1. С. 42-45. DOI: 10.24411/2658-638X-2020-10009
8. Berezina T.N., Rybtsov S.A. Use of personal resources may influence the rate of biological aging depending on individual typology // European Journal of Investigation in Health Psychology and Education. 2022. Т. 12. № 12. С. 1793-1811
9. Koteneva A.V. Psychological factors of biopsychological age of law enforcement personnel // Agathos: An International Review of

the Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 11, № 2 (21). С. 221–231.

10. *Zimina A.A., Zinatullina A.M., Fatianov G.V.* Relación entre los recursos personales y los indicadores de la edad biopsicológica en la región del cáucaso de rusia. 2022. Т. 12. № 2. P. 222–234.
11. *Zinatullina A.M., Melnik V.P., Zimina A.A.* Personal factors of biological aging in working and non-working respondents in late maturity period // International journal of health sciences. 2021. Т. 5. P. 639–648. DOI: 10.53730/ijhs.v5n3.2790.

Эмоциональный интеллект как ресурс изменений в сфере мотивации достижения

Зими́на Н.А.

*ФГБОУ ВО ННГАСУ, Нижний Новгород, Россия
n.a.zimina@yandex.ru*

Эмоции играют важную роль в жизни человека. Восприятие окружающей действительности, отношение к другим людям и себе, познание, деятельность – все пронизано миром эмоций. Важную роль играют эмоции и в сфере мотивации.

Мотивация объясняет движущие силы поведения и деятельности человека, которые интегрируют в себе различные факторы, механизмы и процессы, определяющие его активность. Мотивационная сфера имеет динамический и пластичный характер; повторяясь много раз, мотивационное явление может становится устойчивой чертой личности. Ярким примером является потребность субъекта добиваться успехов в деятельности или избегать неудач, которые со временем становятся важной личностной характеристикой. Субъекты с преобладанием мотивации достижения успеха или избегания неудачи ведут себя по-разному. Различия проявляются в выборе трудности задачи, вере в свою эффективность, настойчивости и саморегуляции на пути ее осуществления, интерпретации полученных результатов [1; 2; 3]. В целом, субъекты с мотивацией достижения добиваются более значимых результатов в деятельности, что приводит к более успешной самореализации в различных

областях. Повышение эффективности в решении жизненных задач возможно путем осознания своих мотивов и пересмотра соотношения мотивов избегания неудач и достижения успеха. Вместе с тем, такое изменение является крайне непростым, в виду сложности конструкции мотивации достижения, включающей когнитивную и эмоциональную составляющую. Когнитивные компоненты - локус контроля, каузальные атрибуции, выученная беспомощность, вера в свои способности и тип представлений о способностях – изучены достаточно хорошо, но их следует рассматривать только в тесной взаимосвязи с эмоциями [1]. Эмоции же в силу быстроты и слабой осознанности зачастую «ускользают» от нашего внимания, что затрудняет перестройку мотивации. Вместе с тем, эмоции – это огромный пласт информации, детерминирующий наше поведение; в связи с чем, осознание и управление эмоциями – важный личностный ресурс. Способность понимать и управлять своими и чужими эмоциями составляет эмоциональный интеллект личности. Можно предположить, что чем более развит эмоциональный интеллект, тем более доступно для личности использование своих эмоциональных переживаний для оптимизации мотивации достижения. Для изучения взаимосвязи эмоционального интеллекта и мотивации достижения личности было проведено исследование, в котором приняли участие 120 студентов Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета в возрасте от 19 до 23 лет. Использовались методики: опросник на эмоциональный интеллект Д.В. Люсина, методики диагностики личности на мотивацию достижения успеха и избегания неудач Т. Элерса, методика исследования уровня притязаний Й. Шварцландера.

В итоге выяснилось, что с эмоциональным интеллектом коррелирует лишь мотивация достижения (межличностный ЭИ – 0,258, $p \leq 0,01$; внутриличностный ЭИ – 0,328, $p \leq 0,01$; понимание эмоций – 0,321, $p \leq 0,01$; управление эмоциями – 0,334, $p \leq 0,01$; управление чужими эмоциями – 0,312, $p \leq 0,01$; понимание своих эмоций – 0,261, $p \leq 0,01$; управление своими эмоциями – 0,333, $p \leq 0,001$). При этом, понимание чужих эмоций и контроль экспрессии, также являющиеся компонентами эмоционального интеллекта, не связаны с мотивацией достижения. Способность управлять эмоциями коррелирует и с уровнем притязаний (0,218, $p \leq 0,05$). Мотивация

избегания неудачи не имеет статистически достоверных связей с эмоциональным интеллектом. Таким образом, чем больше субъект осознает свои эмоциональные переживания, идентифицирует их и умеет управлять ими, тем более выраженным является стремление достичь результата.

Литература

1. *Гордеева Т.О.* Психология мотивации достижения: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии. М., 2006.
2. *Макклелланд Д.* Мотивация человека. СПб., 2007.
3. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. СПб., 2003.

Особенности мотивации участников корпоративного обучения

Зубова Ю.К.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
yulia.zubova.msu@yandex.ru*

В современных организациях стремительно растет популярность программ корпоративного обучения. В связи с этим проблема мотивации участия сотрудников в обучении стоит достаточно остро. Участие в корпоративном обучении может быть мотивировано как экстринсивно, извне, так и интринсивно, изнутри [4]. Анализ теоретических представлений продемонстрировал, что эти типы мотивации оказывают существенное влияние на результаты деятельности: внутренняя мотивация повышает результативность выполняемых задач [2; 3; 4]. Обучение - полимотивированная деятельность, и мотивы участия в нем, вероятно, не ограничиваются желанием приобрести знания и навыки, другими словами, не всегда соответствуют основной цели обучающего воздействия.

Настоящее исследование посвящено выявлению содержания мотивации участников корпоративного обучения и проведено в два этапа.

1. Фокусированное интервью с экспертами, специалистами-практиками в области корпоративного обучения (8 человек). Результаты интервью подвергнуты качественному анализу. На основе полученных данных сформирован опросный лист, примененный на следующей стадии исследования.

2. Письменный опрос, нацеленный на выявление наиболее популярных мотивов участия в корпоративном обучении. Выборку составили 184 сотрудника организаций, среди них 105 женщин и 79 мужчин, средний возраст по выборке - 29 лет, стандартное отклонение от среднего составляет 7,25.

По итогам опроса экспертного мнения получены следующие результаты.

1. Мотивы участия в обучении могут быть внешними и внутренними. Наиболее популярные внешние мотивы: принуждение руководства, требования к профессиональной деятельности. Наиболее популярные внутренние мотивы: личное и профессиональное развитие, отдых, экономия денег и времени, перспективы роста и развития, знакомства и коммуникации с коллегами.

2. Внутренняя мотивация значительно сильнее у участников открытых программ обучения, чем у участников корпоративных программ.

3. Мотивация участия в корпоративных программах обучения может быть внешней по способу организации, но внутренней по содержанию.

Для последующего опроса сотрудников организаций мотивация участия в корпоративном обучении была операционализирована как эмоциональное отношение к корпоративному обучению, декларируемое поведение по отношению к корпоративному обучению и собственно мотивы участия в корпоративном обучении.

Смысловой анализ ответов респондентов продемонстрировал, что большинство участников корпоративного обучения нацелены на личное и профессиональное развитие, что соответствует целям обучения. Однако необходимо отметить, что данная категория мотивов составляет немногим более 60% упоминаний (61,7%), что свидетельствует о немаловажной роли других мотивов участия в обучении. В ряду значимых оказались такие мотивы, как: коммуникации с коллегами (12,1%), представляющие собой неформальное общение с коллегами и сплочение с ними; отдых как

способ досуга и отвлечения от рутины, смены деятельности (6,6%); экономия личных средств и времени (7,4%).

В категории «личное и профессиональное развитие» наиболее часто упоминаемым мотивом является получение знаний (54,5% от всех упоминаний в категории). Примечательно, что большинство участников обучения нацелены на получение не конкретных профессиональных знаний (29,2%), а знаний вообще (57,3%), то есть стремятся к расширению кругозора. Также значимым мотивом является личностный рост, саморазвитие (10,9%). Меньшая часть респондентов нацелена на приобретение умений и навыков (6,6%) в рамках корпоративного обучения. Таким образом, для большинства респондентов корпоративное обучение является способом получения новой информации о мире, расширения кругозора.

Говоря о связи половозрастных характеристик участников обучающих программ, опыта участия в корпоративном обучении и возможности участия в таком обучении на актуальном рабочем месте с содержанием мотивации можно сделать следующие выводы.

1. Существуют гендерные различия в содержании мотивов участия в корпоративном обучении. Женщин больше, чем мужчин, мотивирует возможность личного и профессионального развития в процессе корпоративного обучения. Также для женщин более значимой является возможность знакомства и коммуникаций с коллегами в рамках обучения.

2. Содержание мотивации участия в корпоративном обучении связано с возрастом респондента и опытом его участия в корпоративном обучении.

3. Пол респондента, опыт участия в корпоративном обучении, а также наличие корпоративного обучения на актуальном месте работы, - эти факторы не связаны со спецификой эмоционального отношения к корпоративному обучению. Интерес представляют возрастные различия в эмоциональном отношении к обучению: отмечено значительное увеличение доли положительного отношения к корпоративному обучению в возрасте 36-40 лет.

4. Большинство опрошенных респондентов положительно относится к корпоративному обучению (57,7%). Однако необходимо отметить, что значительный процент упоминаний (36,8%) составляют отрицательное и нейтральное отношение к обучению – 13,4% и 23,4%

соответственно. При этом 94% опрошенных сотрудников организаций выразило ту или иную степень уверенности в намерении посетить корпоративное обучение при возможности.

Результаты настоящего исследования могут найти применение при планировании и оптимизации корпоративных обучающих программ. Полученные данные позволяют по-новому посмотреть на вопрос соответствия содержания обучающего мероприятия ожиданиям и мотивам обучающихся.

Литература

1. *Аксенова О.А.* Корпоративные программы обучения – новый продукт на рынке образовательных услуг // Университетское управление: практика и анализ. 2008. №2. С.102-112.
2. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб., 2003.
3. *Климчук В.А.* Тренинг внутренней мотивации. СПб., 2006.
4. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. М., 1986.

Исследование взаимосвязи психологической безопасности личности в организации с эмоциональным игнорированием (неглектом)

Ивакина П.А., Кочетова Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Ivakina.P.A@yandex.ru

Вопросы, связанные с психологической безопасностью личности в современном мире, начинают рассматриваться как интегральный показатель субъектного благополучия человека, а исследования этого аспекта приобрели особую актуальность в рамках организационной психологии [4; 2]. В нашей работе психологическая безопасность рассматривается как состояние психологической защищенности, субъективного переживания комфорта и удовлетворенности средой сотрудника организации, обеспечивающее психическое здоровье и отражающее способность свободно действовать в рамках окружающей среды [3].

Среди предикторов, влияющих на психологическую безопасность, учитывая высокую турбулентность современной реальности, некоторые авторы выделяют тревожность [1]. На уровень тревожности человека могут оказывать влияние как внешние раздражители актуальной ситуации, так и факторы, обусловленные прошлым опытом человека (психотравмирующие ситуации и особенности воспитания). Сравнительно недавно Дж. Уэбб ввела такое понятие как эмоциональное игнорирование (неглект), которое означает то, что не было сказано или отмечено взрослыми, которые растили ребенка. То есть это некий эмоциональный фон, в котором рос ребенок, который воздействовал на него и выражался в том, что какие-то его заслуги не были достаточно эмоционально отражены родителями, что во взрослом возрасте, по мнению автора, может приводить к повышенной тревожности и депрессии [5]. В связи с отмеченным обстоятельством, на наш взгляд, особый интерес вызывает вопрос о том, как эмоциональный неглект может быть взаимосвязан с тревожностью и психологической безопасностью личности.

Целью нашего исследования было определение характера взаимосвязей между параметрами психологической безопасности в организации, уровнем тревожности и эмоциональным игнорированием у педагогов среднего профессионального образовательного учреждения. В качестве рабочей гипотезы выступало предположение, что личная тревожность и уровень эмоционального игнорирования педагогов взаимосвязаны с их ощущением себя в безопасности в организационной среде (образовательной организации). Для поставленной цели был определен следующий методический инструментарий: 1) тест измерения психологической безопасности в организации (Т. Geraghty), 2) опросник «Психологическая безопасность образовательной среды (ПБОС)» для педагогов (В.В. Коврова, Г.С. Кожухарь), 3) опросник эмоционального игнорирования (Дж. Уэбб) и 4) шкала тревоги Спилбергера-Ханина (State-Trait Anxiety Inventory, STAI). В исследовании принял участие 81 сотрудник двух структурных подразделений транспортного колледжа.

В ходе анализа результатов исследования было выявлено, что существует обратная взаимосвязь между психологической комфортностью и личностной тревожностью ($r = -0,669$, при $p <$

0,001), психологической комфортностью и ситуативной тревожностью ($r = -0,618$, при $p < 0,001$), удовлетворенностью средой и личностной тревожностью ($r = -0,448$, при $p < 0,01$), удовлетворенностью средой и ситуативной тревожностью ($r = -0,576$, при $p < 0,001$). Однако взаимосвязи между психологической защищенностью и тревожностью выявлено не было. А также была выявлена взаимосвязь между эмоциональным игнорированием и личностной тревожностью ($r = 0,324$, при $p < 0,05$), эмоциональным игнорированием и психологической защищенностью ($r = 0,460$, при $p < 0,01$), эмоциональным игнорированием и психологической комфортностью ($r = -0,319$, при $p < 0,05$), эмоциональным игнорированием и психологической защищенностью ($r = 0,460$, при $p < 0,01$).

Таким образом, в рамках настоящего исследования взаимосвязи рабочая гипотеза подтвердилась частично.

Подводя итоги проведенного исследования, представляется логичным определить возможные перспективы более подробного изучения характера взаимосвязей между эмоциональным игнорированием и ощущением безопасности индивида. В этой связи было бы интересно рассмотреть эмоциональное игнорирование (неглект) и личностную тревожность в качестве предикторов, обуславливающих ощущение психологической безопасности.

Литература

1. *Зинченко Ю.П.* Психология безопасности как социально-системное явление //Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология». 2011. № 4. С. 6.
2. *Ковдра А.С.* Проблема безопасности в современной психологической науке // Сборник научных трудов Sworld. 2011. Т. 20. № 2. С. 25-26.
3. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практич. руководство / под ред. И.А. Баевой. СПб., 2006. С. 6.
4. *Пилипенко В.Ф.* Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура: слов.-справ. М., 2005. С. 19.
5. Почти на нуле: как преодолеть последствия эмоционального пренебрежения родителей и дать своему внутреннему ребенку

то, что недополучили / Джонис Уэбб; [перевод с английского Т. Голокозовой]. – Москва: Эксмо, 2022. – 336 с.

Социально-психологическая реабилитация осужденных, имеющих наркотическую зависимость

Иванкова Д.Л.

*ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», Тула, Россия
lazs@inbox.ru*

Наркомания выступает не только одним из самых тяжелых и социально значимых хронических заболеваний современности, но и актуальной социальной и психологической проблемой [6]. Она разрушает личность, наносит существенный удар по политическим, экономическим и социальным аспектам жизнедеятельности общества. В этой связи актуальным направлением практической пенитенциарной психологии выступает ресоциализация лиц, прошедших медицинскую и психологическую реабилитацию в части преодоления абстиненции, физической и психической зависимости от вещества [2].

Социально-психологическая реабилитация наркозависимых осужденных призвана восстановить их социальные навыки, повысить адаптационные возможности, актуализировать психологические ресурсы личности в контексте преодоления сложных жизненных ситуаций, принятия на себя ответственности за решения, последствия которых могут отразиться на всем жизненном пути личности [1].

Необходимо отметить, что несмотря на актуальность рассматриваемой проблематики и многочисленные исследования зарубежных и отечественных авторов (А.С. Лещенко, Т.Д. Евстигнеева – Зинкевич, И. С. Ганишина, А. А. Жарких, Р.В. Воронин С. Drummond, А. Oyefeco, D. Newbury-Birch, В. Harrison и др.), отсутствует эффективный алгоритм психологической ресоциализации осужденных, страдающих наркотической зависимостью. Исключения составляют сообщество «Анонимные наркоманы» и «Страна живых», использующие программы, заслужившие мировое признание и охватывающие все этапы реабилитации. Однако их опыт не может

быть реализован в рамках исправительного учреждения в полной мере.

Вовлечение наркозависимых, находящихся в условиях социальной изоляции, в прохождение социально-психологической реабилитации ориентировано на решение следующих задач: повышение адаптационного потенциала личности формирование жизнестойкости и саморегуляции поведения, восстановление коммуникативных навыков, повышение удовлетворенности жизнью и субъективной оценки ее качества, актуализацию ресурсов личности, направленных на решение жизненных задач и саморегуляцию поведения. Разработанная программа социально-психологической реабилитации наркозависимых осужденных «Путь героя» позволяет решить поставленные задачи. В программе используются методы арт-терапевтического (Э.А. Мартинес, М.С. Вальдес Одриосола, А.И. Копытин, О.В. Богачев, К. Мальчиоди и др.), сказкотерапевтического (Т.Д. Евстигнеева – Зинкевич, И.В. Вачков, Н.С. Кирина, Дж. Холлис и др.), нарративного (Дж. Фридман, Дж. Комбс, М. Уайт, М.Л. Кроссли и др.), экзистенциального (А. Лэнгле, В. Франкл, К. Ясперс и др.) направлений.

Целью настоящего исследования является изучение изменений индивидуально-психологических особенностей личности, связанных с ее адаптивными возможностями, жизнестойкостью и самоэффективностью.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что у осужденных, прошедших социально-психологическую реабилитацию, наблюдаются положительные сдвиги в показателях адаптационного потенциала (поведенческая регуляция, коммуникативные качества, моральная нормативность), жизнестойкости и самоэффективности.

В исследовании приняло участие 37 осужденных ($N = 37$) в возрасте 18-41 года, которые в разное время завершили реабилитацию по программе «Путь героя».

Использовались методики: МЛЮ-АМ [4], тест жизнестойкости [3], шкала самоэффективности [5]. Значимость сдвига оценивалась с помощью Т-критерия Вилкоксона.

Выявлены значимые сдвиги по показателям: контроль ($p \leq 0,01$), принятие риска ($p \leq 0,001$), самоэффективности ($p \leq 0,01$), коммуникативного потенциала ($p \leq 0,001$), поведенческой регуляции ($p \leq 0,001$), моральной нормативности ($p \leq 0,001$).

Интерпретируя полученные результаты, можно отметить, что по завершению социально-психологической реабилитации осужденные в решении жизненных задач, связанных со стрессом и внутренней напряженностью ориентированы на использование приобретенного опыта и принятие самостоятельного решения в отсутствие гарантий успеха. У них присутствует осознание, что их собственная деятельность может повлиять на исход происходящего, в то время как бездействие и ощущение собственной беспомощности не только не гарантирует успех, но и лишает возможности оказывать влияние на происходящие события. Можно предположить, что увеличение показателя самоэффективности указывает на успешную социальную интеграцию. Осужденные, прошедшие социально-психологическую реабилитацию, оказываются способными адекватно оценивать свою роль в обществе, воспринимать события окружающей действительности и регулировать свое поведение в соответствии с социальными ожиданиями, обладают достаточно высоким уровнем коммуникативных способностей и ориентированы на соблюдение общепринятых норм поведения.

Таким образом, успешность социально-психологической реабилитации осужденных повышает их шансы на последующую продуктивную ресоциализацию в обществе.

Литература

1. *Зинкевич-Евстигнеева Т.Д.* Психотерапия зависимостей. Метод сказкотерапии / Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева. Санкт-Петербург: Речь, 2002. 176 с.
2. *Леценко, С. А.* Зарубежный опыт организации работы по сопровождению заключенных, имеющих наркотическую и алкогольную зависимость // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2021. № 1. С. 184-190.
3. *Осин Е.Н., Рассказова Е.И.* Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия № 14. Психология. 2013. № 2. С. 147-165

4. *Райгородский Д.Я.* Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М»/ 2006. С. 549-672.
5. *Фетискин, Н.П.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. М., Изд-во Ин-та Психотерапии. 2002. 490 с.
6. <https://narkonet.info/oficialnaja-statistika-za-2021-god-upotreblenie-narkotikov-v-rossii/>

Особенности учебно-профессиональной мотивации студентов-психологов, обучающихся в системе высшего и дополнительного образования

Ивина А.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия

ivina.alla@mail.ru, sachkova@list.ru

На сегодняшний день в России наблюдается рост интереса среди молодежи к профессии психолога. При этом образование студенты получают как в рамках системы высшего (бакалавриата и магистратуры), так и дополнительного образования, например, на курсах переподготовки. Таким образом, выделяется особая категория студентов, которые обучаются практическим навыкам, не имея базового психологического образования. При этом в магистратуру по психологическим специальностям могут также поступать люди без профильного образования. Возможно, обе эти группы студентов объединены тем, что они не видят будущей реализации на своем текущем месте работы, в своей нынешней отрасли, поэтому принимают решение о смене профессиональной деятельности. В ситуации роста количества обучающихся в психологических вузах и на программах ДПО вопрос обеспечения и повышения качества образования является первоочередным. Отсюда следует, что есть необходимость в проведении социально-психологических

исследований по проблеме учебно-профессиональной мотивации студентов, обучающихся на программах ДПО и высшего образования, в том числе и для решения задачи повышения эффективности образования [4].

В работах А.А. Вербицкого [2], Н.С. Пряжниковой [3] и ряда других исследователей учебно-профессиональная деятельность рассматривается как ведущий вид деятельности студентов. В работе О.В. Ванчиновой [1] она трактуется как «активный вид деятельности, носящий интегративный характер, основанный на достижении поставленной цели в образовательной среде, в процессе которой происходит самоизменение, саморазвитие личности будущего специалиста, определение ценностных ориентаций не только в будущей профессиональной деятельности, но и в личной жизни...» [1, с. 24]. Проблемой нашего исследования стало отсутствие сравнительных данных об особенностях учебно-профессиональной мотивации студентов в двух системах профессиональной подготовки психологов: на программах высшего образования и дополнительного профессионального образования. Полученные результаты эмпирического исследования помогут найти ответ на вопрос: какова специфика мотивации специалистов в области психологии, реализующихся в разных формах подготовки.

В исследовании было сделано предположение, что у студентов–будущих психологов, обучающихся на магистерских программах (ВО), уровень учебной мотивации выше, чем у студентов ДПО. Для проверки гипотезы была применена «методика на определение мотивации профессионального обучения» В.Г. Каташева. Данная методика направлена на определение уровня мотивации обучения в вузе, с помощью нее можно диагностировать высокий, нормальный и средний уровни. В исследовании участвовали 58 студентов первого и второго курса магистратур МГППУ и 52 студента программы переподготовки ИПКРТ в г. Москве. Было установлено с помощью критерия Комогорова-Смирнова, что распределение значимо отличается от нормального ($p < 0,05$), поэтому был использован непараметрический критерий Манна-Уитни на сравнение двух независимых выборок.

Было обнаружено, что высокий уровень мотивации характерен для 38 студентов всей выборки (34,5%), из них 14 студентов (26,9%) –

учащиеся на программах ДПО и 24 студента (41,4%) – на программах ВО. Анализируя полученные результаты, можно отметить, что преобладает средний уровень мотивации у 50 учащихся, что составляет 45,5% от всей выборки, из них 29 студентов ДПО (55,8%) и 21 человек – студенты магистратуры (36,2%). Нормальный уровень мотивации отмечен у 22 опрошенных студентов, что составляет 20% от всей выборки, из них студентов ВО – 13 человек (22,4%), студентов ДПО – 9 (17,3%). При проверке результатов с помощью критерия Манна-Уитни были зафиксированы значимые различия по среднему уровню мотивации у респондентов группы ВО и ДПО (при $p = 0,012$). Оказалось, что средний ранг у студентов ДПО по среднему уровню мотивации 63,53, что превышает средний ранг у студентов ВО – 48,30. По нормальному и высокому уровню мотивации уровень значимости $p > 0,1$, что говорит об отсутствии различий, хотя высокий уровень в большей степени и выражен у студентов магистратуры. Таким образом, средний уровень мотивации характерен больше для учащихся ДПО, а высокий для студентов ВО, однако гипотеза о том, что у магистрантов выше уровень мотивации статистически не подтвердилась.

Дальнейшие исследования на выявление основных мотивов обучения на программах ВО или ДПО помогут расширить представление о специфике учебно-профессиональной мотивации учащихся. Результаты также могут быть использованы специалистами в сфере организации процесса обучения по программам дополнительного образования, для организации тренингов, направленных на профориентацию студентов, а также тех, кто находится в стадии смены своей профессиональной деятельности.

Литература

1. *Ванчинова О.В.* Формирование исследовательских умений будущих специалистов сестринского дела. Оренбург. 2015.
2. *Вербицкий А.А., Ильязова М.Д.* Инварианты профессионализма: проблемы формирования: Монография. М.: Логос, 2011.

3. *Пряжников Н.С.* Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник и практикум для академического бакалавриата. Издательство Юрайт. 2016.
4. *Сачкова М.Е., Есина Г.К.* Об актуальности исследования социальных представлений молодежи о высшем образовании // Сборник. Высшее образование для XXI века. Доклады и материалы. 2016.

Анализ проблемы привлечения и удержания ценных кадров в современной организационной психологии

Игнатенко И.Н., Литвинова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
optimalN11.2@gmail.com, kaf_psupr@mgppu.ru

Проблема привлечения и удержания ценных кадров в организационной психологии не нова и непосредственно связана с проблемой создания, сохранения и увеличения человеческого капитала.

Данная проблема сегодня актуализирована процессами деглобализации, растущим демографическим дисбалансом, изменением внешней среды, ценностей, социальных связей, снижением уровня безработицы (по данным Росстата, в январе 2023 года зафиксирован рекордно низкий уровень безработицы – она не превысила 3,6%) [6] и повышением деловой активности российского производства и сферы услуг [5]. Указанные процессы означают возрастающий дефицит востребованных специалистов и острую конкуренцию за них, обуславливают необходимость радикальной перестройки способов жизнедеятельности организаций, требуют трансформации бизнес-стратегий и бизнес-моделей с целью концентрации на человеческом капитале.

Целью нашего исследования стало обобщение имеющегося опыта привлечения и удержания человеческого капитала и обоснование необходимости внедрения Программы продвижения HR-бренда в молодежной среде. Мы предположили, что анализ теоретических источников и практик, ведущих отечественных и зарубежных

организаций позволит выявить инновационные компоненты, которые послужат фундаментом для обоснования предложений по разработке Программы продвижения HR-бренда в молодежной среде, как инструмента привлечения и удержания человеческого капитала на современном этапе.

Понятие «человеческий капитал» появилось в публикациях второй половины XX в. в работах американских ученых – экономистов Теодора Шульца и Гэри Беккера. В общем смысле человеческий капитал – это способности, знания, умения, навыки, интеллект и здоровье человека, которые применяются в производственных процессах, а, следовательно, и для получения дохода семьи и страны в целом. Важнейшей особенностью человеческого капитала является его качество самовозрастания, т.е. человеческий капитал, рассматриваемый в единстве с самим человеком, наращивает сам себя, формирует и воспроизводит необходимые созидательные качества и характеристики.

Люди – это те элементы организации, которые способны учиться, изменяться, вводить новое и создавать дух творчества и которые, если их должным образом мотивировать, могут обеспечить организации долгую жизнь [2, с. 65]. Другими словами, человеческий капитал – это то, что способствует росту производства и капитализируется. Таких людей необходимо выявлять и поддерживать. Их ищут вне компании и внутри, их развивают сознательно и целенаправленно.

Происходящие изменения и существующие проблемы обусловили ситуацию, когда ценность для организации создают не только ее штатные сотрудники, но и внешние работники. Проводимые опросы руководителей организаций свидетельствуют, что подавляющее большинство респондентов – около 87% – включают некоторых внешних сотрудников в состав персонала организации [7]. Теория и практический опыт подтверждают, что в настоящее время для привлечения и удержания человеческого капитала работодателям необходимо внедрять и реализовывать новые инструменты работы с штатными и внештатными сотрудниками.

Одним из таких передовых бизнес-решений, которое обеспечивает поддержку для привлечения и удержания человеческого капитала в организации, является экосистемный подход, предложенный в 1993 году бизнес-стратегом Дж. Муром. В рамках данного подхода экосистемы представляют собой динамичные и совместно

развивающиеся сообщества, состоящие из разнообразных субъектов, создающих и получающих новое содержание в процессе как взаимодействия, так и конкуренции [3, с. 203]. Экосистема персонала – совокупность участников как внутри организации, так и за ее пределами, работающих для достижения как индивидуальных, так и коллективных целей, включая штатных сотрудников, внештатных сотрудников, сотрудников на контракте из цифровых агентств или кадрового резерва, рабочие платформы по запросу, а также сотрудников, которые привлекаются совместно с партнерами для реализации общих проектов [3, с. 206]. Экосистемный подход, предлагающий большое разнообразие, адаптивность, гибкость, производительность и масштабируемость, может обеспечить более высокую результативность и эффективность деятельности по сравнению с традиционными моделями управления.

В процессе проведения исследования нами был выявлен еще один инновационный компонент, а именно, маркетинг персонала. Маркетинг персонала – это сравнительно новый подход организаций к формированию своей привлекательности для занятых и потенциальных работников [4, с. 47].

Маркетинг персонала – это вид управленческой деятельности, который состоит в том, что одним из важнейших условий достижения целей организации выступает четкое определение требований к человеческому капиталу, его социальных потребностей в процессе профессиональной деятельности и обеспечение удовлетворения этих потребностей более эффективными, чем у конкурентов способами. Такой подход способствует долговременному обеспечению организации человеческим капиталом. Он позволяет все действия рассматривать и оценивать исходя из перспективы того, как они повлияют на позицию организации на внешнем и внутреннем рынке персонала, систематически, активно и позитивно заявлять о себе на рынке труда, т.е. проводить реактивную кадровую политику.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о том, что в ходе обобщения имеющегося опыта привлечения и удержания человеческого капитала нам удалось выявить инновационные компоненты, которые станут основой для разработки программы продвижения HR-бренда в молодежной среде (далее - программа). Под HR-брендом понимается система транслируемых внешней и внутренней аудитории образов, идей и представлений об организации

как о работодателе [1, с. 11]. Программа будет представлять собой механизм интеграции (экосистему) персонал-ориентированных технологий и инструментов HR-бренда, который позволит осознанно транслировать внешней и внутренней аудитории образы, идеи и представления об организации как о работодателе, решая задачу привлечения и удержания человеческого капитала.

Литература

1. *Арькова Т.Ю.* Управление человеческими ресурсами на основе HR – брендинга: Автореф. диссертации к.э.н., Казань, 2012.
2. *Армстронг М.* Практика управления человеческими ресурсами. СПб., 2018.
3. *Митрофанова Е.А., Митрофанова А.Е.* Экосистемный подход для трансформации управления человеческими ресурсами // *Лидерство и менеджмент.* – 2022. – Том 9. – № 1. – С. 201-218.
4. *Сотникова С.И.* Управление персоналом организации: современные технологии/ С. И. Сотникова [и др.]. — М., 2018. — 321 с.
5. https://www.rbc.ru/economics/03/03/2023/6400740d9a79474e8e750437?from=from_main_10
6. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2023.pdf>
7. <https://hr-portal.ru/blog/kak-ne-proigrat-v-shvatke-za-kadry-v-2023-godu>

Личностные детерминанты субъективного качества выбора стратегии родительского поведения

Ильиных Ю.В., Панфилова А.В.
*ФГБОУ ВО Институт психологии
им. Л.С. Выготского (РГГУ),
Москва, Россия
yuil2020@mail.ru*

Личностный выбор – это характеристика определенного уровня зрелости, позволяющая со всей полнотой ответственности принимать решения в соответствии с устоявшейся системой ценностей. Тема

личностного выбора возникает в тех сферах жизни, где высока значимость реализуемых стратегий поведения. Родительство представляет собой психологическое образование, связанное с принятием ключевых решений в отношении воспитания ребенка, и таким образом становится постоянным самоопределением. Личностный выбор обеспечивает целостность личности, интегрируя все её качества и особенности в единую систему [2, с. 148]. В этой связи исследование проблемы личностного выбора имеет непосредственное отношение к развитию личности.

В отечественной психологии проблема изучения личностного выбора отражена в трудах Д.А. Леонтьева, Н.Ф. Наумовой. Н.В. Пилипко, О.К. Тихомирова, А.Х. Фам. Согласно Д.А. Леонтьеву и А.Х. Фам, выбор представляет собой отражение внутренней активности по самоопределению, сложность и развернутость которой может видоизменяться. Авторы на основе этого предлагают разделять выборы на судьбоносные – т.е. связанные с решением значимых для развития личности задач, и повседневные, направленные на принятие ежедневных, не столь важных для личности решений [2, с. 202].

Д.А. Леонтьев характеризует выбор, исходя из фактора «цены», т.е. того, что принятию определенного решения все остальные варианты отвергаются. Трудности в осуществлении личностного выбора, как правило, связаны не столько с тем, что личность не понимает, как и какое решение ей принять, сколько с её неспособностью отказаться от альтернатив, в особенности, если они подразумевают как положительные, так и отрицательные последствия [1, с. 78].

А.Х. Фам, совместно с Д.А. Леонтьевым, выделили основные характеристики выбора, к которым относятся основательность, отражающая учет последствий, осознанность принимаемого решения, готовность принимать ответственность за него; бесконфликтность – наличие позитивных эмоций, связанных с выбором; самостоятельность – готовность рассчитывать на себя при принятии решения; и удовлетворенность выбором, отражающая личную оценку индивидом принятого им решения [3, с. 84].

Помимо очевидных жизненных выборов, с которыми сталкивается любой человек (выбор профессии, места жительства, направления развития в целом, повседневные выборы), существуют и выборы, реализуемые в контексте определенных сфер деятельности. К таким

типам выбора относится выбор родительской стратегии. Существуют исследования, рассматривающие взаимосвязь стилей родительского воспитания и личности родителей [1, с. 352], однако, достаточно мало исследований рассматривает личностные детерминанты качества выбора родителями стратегий поведения. Между тем, исследование субъективного качества выбора стратегий родительского поведения и их детерминант раскрывает существенные аспекты родительства, отражая ответственность родителя, его способность к самостоятельному принятию решений и личностные переменные, влияющие на это. В этой связи целью исследования стало изучить личностные детерминанты субъективного качества выбора стратегии родительского поведения.

В рамках исследования проводилась проверка гипотезы о том, что выбор стратегии родительского поведения связан с особенностями ценностно-смысловой сферы родителя. В исследовании приняли участие 56 родителей мужского и женского пола в возрасте от 35 до 55 лет, имеющих от 1 до 3 детей разного возраста. Для изучения субъективного качества выбора использовалась методика «Диагностика субъективного качества выбора» (Д.А. Леонтьев); для установления личностных особенностей родителей использовались Ценностный опросник Ш. Шварца (исследование ценностей как руководящих жизненных принципов) и тест «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев).

В ходе исследования было выявлено, что наибольшее количество связей со смысложизненными ориентациями и ценностями обнаруживают показатели бесконфликтности выбора и удовлетворенности им. Позитивные эмоции и отсутствие внутренних конфликтов, связанные с выбором родительской стратегии, сочетаются у родителей с высоким уровнем осмысленности жизни, вовлеченностью в жизнь «здесь и сейчас», удовлетворенностью самореализацией и ощущением собственной способности контролировать жизненные события, убежденностью в том, что человек сам является хозяином своей жизни, а также направленностью на ценности гармонии, стабильности общества. Это может объясняться тем, что родители, ощущающие свою жизнь как наполненную смыслом в настоящем и будущем и осознающие свою способность контролировать жизненные события в процессе принятия

решений о выборе родительской стратегии ориентируются на развитую систему внутренних смыслов и ценностей, что сопровождается пониманием своей ответственности за принятые решения и их последствия.

При удовлетворенности качеством выбора родительской стратегии у родителей обнаруживается высокий уровень выраженности всех смысложизненных ориентаций, высокая осмысленность жизни. Это может быть связано с тем, что родители, которые осознают смысл собственной жизни, принимают совершенные собой выборы, рассматривают их как ступени, которые привели их к текущему состоянию, к тому, какими они являются на данный момент. Кроме того, при осознании собственной ответственности за принятое решение, его высокой осознанности у родителей наблюдается ощущение того, что он сам контролирует свою жизнь и все события, происходящие с ним. Вероятно, это связано с тем, что при установке на способность контролировать события жизни родители более ответственно подходят к принятию решений, т.к. понимают, что любые последствия, в том числе – негативные, будут результатом их действий. При росте самостоятельности в выборе родительской стратегии у родителей растет направленность на ценности безопасности. Вероятно, это связано с тем, что ценности безопасности особенно важны для тревожных личностей, которые переживают за здоровье ребенка и его развитие. Таким людям может быть характерно недоверие окружающим и стремление полагаться, преимущественно, на собственные оценки при принятии решений.

Итак, гипотеза исследования о том, что выбор стратегии родительского поведения связан с особенностями ценностно-смысловой сферы родителя, подтвердилась. При этом наибольшее количество связей с характеристиками выбора обнаруживают смысложизненные ориентации личности. Можно предположить, что именно в смысложизненных ориентациях выражаются такие категории, как свобода и ответственность, готовность принимать последствия решений, непосредственно связанные с особенностями осуществления жизненных выборов. Это подтверждается и мнением Д.А. Леонтьева, согласно которому смысложизненные ориентации положительно коррелируют с общей интернальностью личности, с интернальностью в области достижений, и, что особенно важно – с

интернальностью в области семейных отношений [4]. Таким образом, смысложизненные ориентации могут являться основными детерминантами субъективного качества выбора родительской стратегии

Литература

1. *Бячкова Н.Б., Голдобина А.А.* Взаимодействие родителя и ребенка в связи со свойствами личности // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2020. №1. С. 351-363.
2. *Леонтьев Д.А., Овчинникова Ю.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х.* Психология выбора. М.: Смысл, 2015. 463 с.
3. *Фам А.Х., Леонтьев Д.А.* Субъективное конструирование выбора в ситуациях разного уровня значимости (Часть 1) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. №1. С. 84-96.

Особенности социально-психологической адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья в период пандемии

Истомина Е.В.

*ГБУ ДПО «Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования», Санкт-Петербург, Россия.
psy-kafedra@bk.ru*

На сегодняшний день актуальным направлением исследований является рассмотрение изменений в социальном взаимодействии личности с ограниченными возможностями здоровья в период пандемии, в сравнении с практически здоровыми лицами, находящимися в ситуации вынужденного социального дистанцирования.

Изучая особенности социально-психологической адаптации лиц с ОВЗ во время пандемии, мы концептуализируем социально-психологическую адаптацию как многогранную конструкцию – личностный адаптационный потенциал, включающую различные аспекты того, что значит для лиц с ОВЗ оптимально функционировать,

жить хорошей жизнью. Как ученые, так и специалисты-практики рассматривают оптимальное функционирование и хорошую жизнь как состоящую из счастья и смысла, в широком смысле определяемых как гедонистическое и эвдемоническое благополучие [1].

Гедонистическое благополучие сосредоточено на максимизации удовольствия и минимизации неудовлетворенности; эвдемоническое благополучие подчеркивает реализацию своих истинных потенциалов и достижение чувства автономии, зрелости и роста. В этих широких определениях гедонистическое благополучие регулярно оценивается субъективным благополучием, концептуализируемым как сочетание удовлетворенности жизнью и аффективного баланса между положительными и отрицательными эмоциями, а эвдемоническое благополучие часто измеряется психологическим благополучием, концептуализированным как сочетание самопринятия, позитивных отношений с другими, автономии, мастерства в окружающей среде, цели в жизни и личностного роста. Каждый из них был связан с множеством предикторов, таких как социальные отношения, жизненные события, покупательское поведение, физическое здоровье, доход и пр. [2].

Руководствуясь этой комплексной концепцией, мы операционализировали социально-психологическую адаптацию лиц с ОВЗ как состоящее из множества показателей, охватывающих аспекты гедонического благополучия (т.е. удовлетворенности жизнью и эмоционального баланса) и эвдемонического благополучия (т.е. чувство значение). Мы также добавили стресс в качестве индикатора психического здоровья в нашу конструкцию, учитывая последствия пандемии для психического здоровья.

Этот операционный подход имеет два основных преимущества: во-первых, полагаясь на множество показателей психологической адаптации, а не на какой-то один, можно сделать более широкий вывод о глобальной взаимосвязи между психологической адаптацией лиц с ОВЗ и благополучием во время пандемии, а также о более тонких взаимосвязях между самими показателями благополучия. Во-вторых, подразумевается, что каждый из показателей адаптационного потенциала личности имеет некоторую изменчивость на уровне между людьми и внутри человека, которая может колебаться вместе с событиями, связанными с пандемией.

Таким образом, посредством данного комплексного анализа исследований, нами всесторонне изучался вопрос о том, по-разному ли пандемия повлияла на психологическую адаптацию лиц с ОВЗ и практически здоровых людей. Используя крупномасштабные лонгитюдные онлайн-данные, была предоставлена возможность изучить наличие связи между благополучием и личностным адаптационным потенциалом в период пандемии. При этом мы руководствовались двумя разными, но связанными аналитическими подходами, а именно: (а) отслеживали траектории благополучия во время пандемии и (б) оценивали изменения благополучия в зависимости от критических ситуаций, возникающих в разные периоды пандемии. При последнем подходе мы также отдельно исследовали влияние пандемии на психологическую адаптацию на межличностном и внутриличностном уровнях, учитывая возможность того, что взаимодействие между пандемией, благополучием и адаптационным потенциалом будет отражаться по-разному на каждом уровне.

Было установлено, что независимо от того, насколько пандемия подрывает стремление практически здорового человека к общению, у него все еще есть социальные и психологические ресурсы, чем у лиц с ограниченными возможностями здоровья. Поскольку социальная поддержка облегчает чувство одиночества во время изоляции, можно предположить, что лица с ОВЗ сохраняют свое благополучие, если смогут использовать свои ресурсы для преодоления психологических переживаний, вызванных пандемией. Действительно, в более раннем исследовании Истоминой Е.В. изучалась выборка населения города Санкт-Петербурга и было обнаружено, что лица с ОВЗ демонстрировали более высокий адаптационный потенциал к карантину из-за большей психологической устойчивости и воспринимаемой социальной поддержки. В то время, как практически здоровые респонденты стремились приписывать свои негативные чувства, возникающие из-за несоответствия человека и окружающей среды, самому вирусу (например, «социальное дистанцирование необходимо для прекращения распространения пандемии») [1]. Отвечая на вопрос о выраженном снижении самочувствия в ранний период пандемии среди практически здоровых лиц, были обнаружены исследовательские данные, свидетельствующие о том, что они

испытали снижение психологической адаптации в большей степени, чем лица с ОВЗ, особенно после введения интенсивного регулирования социального дистанцирования.

Эти результаты особенно важны, потому что негативное влияние регулирования социального дистанцирования на личностный адаптационный потенциал и ощущение благополучия среди практически здоровых лиц проявляется только как изменение внутри человека, но не обязательно как различие между людьми. Учитывая, что пандемия все еще продолжается, необходимо проведение новых исследований с расширенным сбором данных.

Литература

1. *Истомина Е.В.* Адаптационный потенциал студентов разного возраста с инвалидностью / М.А. Одинцова, Е.В. Истомина, Т.В. Ветвицкая, К.В. Самарец // Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Ю.В. Богинской. Ялта, 2017. EDN ZBEIOR.
2. *Николаева Н.В.* Модель развития психологической службы в контексте цифровой трансформации // Современное образование: традиции и инновации. 2021. № 2. DOI 10.51623/23132027_121_92. EDN DIDJTM.

Этнонациональная идентичность как форма социальной идентичности

Камчыбек уулу М.

*Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына
Бишкек, Кыргызстан
myrza.kamchybekov@gmail.com*

Национальная идентичность, национализм и патриотизм.

Национальная идентичность человека может пониматься как часть социальной идентичности, которая является результатом принадлежности к определенной группе, нации. Это та часть общей

социальной идентичности, которая выходит за рамки национального образца идентификации [8]. Согласно определению М. Вогенвассер [4], за национальной идентичностью человека скрывается определенное число суждений, признание и отклонение социальных идей, организационных структур, политических целей, этические принципы, религиозные обычаи и правовые принципы и т. д., которые применяются внутри страны, регулируют требования и обязательства, которые определяют повседневное взаимодействие и уменьшают количество конфликтов в национальной системе [4, с. 36]. В этом общем смысле понятие национальной идентичности может использоваться как собирательный термин, используемый для описания и дифференциации таких разных понятий, как национальное сознание, патриотизм и национализм.

В то время как понятие нации в обычном использовании слова также обозначает объективную совокупность всех людей в фактических пределах, используется для описания и дифференциации таких разных понятий, как национальное сознание, патриотизм и национализм.

Понятие «нация» в обычном употреблении этого слова обозначает объективную совокупность всех индивидов в рамках фактических границ, конструкция национальной идентичности относится исключительно к субъективным конструкциям, на основе которых индивиды выражают свою связь со своей нацией.

Нация – это «сконструированные сущности» или «культурные артефакты», которые имеют особое отношение только для тех, кто к ним обращается [6, с. 174]. Одной из особых трудностей является разграничение национальной идентичности, национального самосознания, идентификация, национализма и патриотизма – особенно когда не обсуждается отношение к конкретным операционализациям [1; 9; 10]. Поскольку невозможно достигнуть согласия в вопросе о том, что такое нация, то и национальную идентичность можно в целом понимать как совокупность отношений к неопределенной нации.

В более узком смысле национальное сознание описывает «индивидуальные когнитивные репрезентации концепции нации», то есть представления о критериях принадлежности, знании национальных символов и аналогичных аспектах [3, с. 40].

Отождествление с нацией выходит за рамки национального самосознания, поскольку нормы и поведение нации становятся частью самоописания. Национализм и патриотизм, с другой стороны, могут быть описаны как нация, подтверждающая отношение индивида к своей нации, что предполагает субъективную идентификации индивида с нацией.

Теория социальной идентичности еще больше дифференцирует национализм и патриотизм. Под национализмом можно понять форму крайней внутригрупповой фаворитизации, которая выражается в идеализированном отношении человека в своей нации и часто ассоциируется с убежденностью в своем собственном превосходстве и стереотипном обесценивании внешних групп.

Национализм или слепой патриотизм следуя этому определению, предполагает поддержку собственного коллектива, если его цели разрушительны и ведут к обесцениванию внешних групп [3; 7]. В отличие от этого при конструктивном патриотизме, несмотря на высокий фаворитизм в группе конкретных сравнительных измерений (конституции, демократии, равноправия), несмотря на высокий уровень идентификации, существует критическая дистанция в отношении к собственной нации и, следовательно, нет места ее идеализации. В этом случае защиту, поддержку и солидарность находят межобщественное разнообразие, индивидуализация, культурные и религиозные различия [7].

Националистические ориентации относятся к идее нации (принцип этнического равенства), патриотические ориентации к идее культурной нации (принцип культурного равенства) и конституционно-патриотические ориентации к идее нации как национальности (принцип равенства гражданского статуса). Это идеалистические ориентации по отношению к собственной нации, которые связаны с конкретными интерпретациями и функциональными приписываниями.

Типология М.Р. Лепсиуса [7] и различие между прототипными национальными ориентациями позволяют в то же время выявить несогласованность в интерпретациях причин и последствий национальных настроений, поскольку можно более точно указать, о каком именно национальном чувстве идет речь [5].

Принимая во внимание различные ориентации, по которым может быть установлена национальная идентичность, возникает вопрос о том, вносят ли идентификации с нацией какой-либо необходимый вклад в социальную идентичность или же они просто выполняют компенсирующую функцию при отсутствии социальных связей. Отсутствующая или слабая национальная идентичность тогда не будет рассматриваться как дефицит, но будет выражением социальной идентичности, которая преимущественно основана на членстве в других группах, например, на региональной идентификации.

Традиционная, рефлексивная и постнациональная идентичность. Уэстл (1995) выделяет различные типы идентичности, определяя три формы национальной идентичности: традиционному национальному сознанию свойственно предпочтение своей нации или своего национального государства, независимо от главенствующих в нем политических условий. Рефлексивное национальное сознание находится в диалоге с собственным политическим сообществом, что возможно благодаря демократической конституции – равные права, как для членов своего общества, так и для представителей других демократических государств. Постнациональное сознание, как правило, не придает никакого значения нациям или принадлежности к определенной нации или национальному государству [5, с. 213].

Содержание рефлексивного национального самосознания соответствует конституционно-патриотической ориентации, в соответствии с которой предполагается рефлексивное отношение к собственной истории. Постнациональная идентичность, с другой стороны, выходит за рамки классических моделей и подразумевает те установки, в которых не важна национальная принадлежность и в которой происходит идентификация с наднациональными связями, например, такими как с Европой, или отождествлением себя с универсальными правозащитными идеалами, такими как мировое гражданство, выступающего в качестве альтернативы национальной гордости.

Изучению степени, в которой личностная идентичность в данном аспекте играет роль, пока не уделено внимание в исследованиях. Поэтому особый интерес представляет вопрос, является ли вызванное глобализацией снижение чувства безопасности в аспекте самооценки,

восприятия компетентности, способов управления будущим и другие факторы взаимосвязанными между собой.

Литература

1. *Blank T.* Wer sind die Deutschen? Nationalismus, Patriotismus, Identität – Ergebnisse einer empirischen Längsschnittstudie. Aus Politik und Zeitgeschichte, 1997, 13, c. 38-46.
2. *Blank T., Schmidt P.* Konstruktiver Patriotismus im vereinigten Deutschland? Ergebnisse einer repräsentativen Studie. In A. Mummendey & B. Simon (Hrsg.), Identität und Verschiedenheit – Zur Sozialpsychologie der Identität in komplexen Gesellschaften Bern: Hans Huber. 1997, c. 127-148.
3. *Blank T., Schmidt P.* Verletzte oder verletzende Nation? Empirische Befunde zum Stolz auf Deutschland. Journal für Sozialforschung, 1993,33(4), c. 391-415.
4. *Bornewasser M.* Nationale Identität, Zugehörigkeit und Fremdenfeindlichkeit. In R. Wakenhut (Hrsg.), Ethnisches und nationales Bewusstsein (1995). 1. FIMO-Kolloquium an der Universität Florenz Frankfurt a. M.: Peter Lang Europäischer Verlag der Wissenschaften 1994, c. 29-56.
5. *Forsthofer R., Martini M., Wakenhut R.* Nationalbewusstsein und Orientierungen gegenüber Europa bei italienischen und deutschen Studenten. In R. Wakenhut (Hrsg.), Ethnisches und nationales Bewusstsein (1995). 1. FIMO-Kolloquium an der Universität Florenz Frankfurt a. M.: Peter Lang Europäischer Verlag der Wissenschaften 1994, c. 57-75.
6. *Gallenmüller J., Wakenhut R.* Theorie und Operationalisierung von Bewusstsein nationaler Zugehörigkeit. In A. Thomas (Hrsg.), Psychologie und multikulturelle Gesellschaft. Göttingen: Hogrefe. 1994, c. 65-71.
7. *Lepsius M.R.* Nation und Nationalismus in Deutschland. In ders. (Hrsg.), Interessen, Ideen und Institutionen. Opladen: Westdeutscher Verlag. 1990, c. 232-246.
8. *Schäfer B., Schlöder B.* Nationalbewusstsein als Aspekt sozialer Identität. In P. Leidinger & D. Metzler (Hrsg.), Geschichte und Geschichtsbewusstsein. Festschrift für Karl-Ernst Jeistmann. Münster: Schnell Buch & Druck 1990, c. 309-348.

9. *Schmidt P.* Nationale Identität, Nationalismus und Patriotismus in einer Panelstudie In H. Meulemann (Hrsg.), Werte und nationale Identität im vereinten Deutschland 1993, 1995 und 1996, S. 269-281. Opladen: Leske + Budrich 1994, с. 29-56.
10. *Westle B.* Nationale Identität und Nationalismus. In U. Hoffmann-Lange (Hrsg.), Jugend und Demokratie in Deutschland. DJI-Jugendsurvey 1 Opladen: Leske + Budrich 1995, с. 195-243.

**К вопросу об изучении социально-психологических аспектов
сохранения этнической идентичности в инокультурной среде (на
примере Московского общества греков)**

Карев К.А., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.
well-go@mail.ru

В современном мире проблема формирования этнической идентичности становится наиболее актуальной. Прежде всего это связано с ростом межэтнической напряженности и распространенностью негативных национальных стереотипов. В связи с этим данная проблема приобретает особую значимость для людей, проживающих в иноэтнической среде.

Будучи движущим фактором жизни этноса, этническая идентичность остаётся важной составляющей социализации и ведущим фактором дальнейшего развития личности, в том числе психологического, оказывая влияние на функционирование личности в обществе.

Стоит отметить, что процесс развития и функционирования этнической идентичности в условиях глобализации занимает ведущую роль в социально-психологической адаптации, поддержании психического здоровья личности и сохранении целостности государства. Роль этнической идентичности заметна также в формировании этнонациональных ценностей, регулирующих жизненное пространство общества.

Исходя из того, что общество – это динамическая структура, мы можем сделать вывод о том, что необходимо изучать процессы

трансформации этнической идентичности представителей этнических групп, проживающих в инокультурной среде. Подобных исследований явно недостаточно.

Целью нашего исследования стало выявление особенностей этнической идентификации греческой молодежи как части московского общества греков, а гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что этническая идентичность греческой молодежи московского общества греков характеризуется прежде всего сложной структурой и связана с поликультурной средой проживания [2].

В процессе проверки выдвинутой гипотезы о сложности структуры этнической идентичности исследуемой группы и выявлении факторов, делающих её уникальной в контексте поликультурного общества, мы проанализировали ряд трудов, посвящённых вопросам функционирования этноса и этнической идентичности, а также подготовили материал для проведения эмпирического пилотного исследования.

Пилотное эмпирическое исследование по выраженности этнической идентичности проводилось нами на базе Московского общества греков среди его участников. В исследовании приняли участие 37 респондентов, среди которых 23 мужчин и 14 женщин, являющиеся частью московского общества греков. Возраст участников исследования варьировался от 20 до 30 лет [2].

В ходе общения с участниками исследования, было выявлено, что многие из них (24 человека) происходят из семей, в которых родители имеют разную этническую культуру. Для более системного подхода к изучению данной проблемы, на первом этапе исследования было принято решение разделить участников на две группы. Первая группа включала в себя 24 человека из национально-смешанных семей. Во вторую группу вошли 13 человек, оба родителя которых являются греками.

По данным, полученным нами в результате использования методики Н.М. Лебедевой, было выявлено, что у большинства участников опроса (84%) позитивная этническая идентичность.

Методика Дж. Финни позволила выявить, что у представителей обеих групп достаточно высокие показатели этнической

идентичности, при этом аффективный компонент в них преобладает и составляет в первой и второй группе 78% и 65% соответственно [5].

По результатам опроса по методике «Типы этнической идентичности» было выявлено, что чаще всего у представителей обеих групп (70%) встречался тип «Норма». Помимо этого, в первой группе было выявлено, что для 13% респондентов характерен «этноэгоизм». Этническая индифферентность, как и этнонигилизм, проявлялась лишь у 8% опрошенных, что говорит о том, что среди греков, участвующих в пилотном исследовании, вопрос этнического самоопределения остаётся актуальным на сегодняшний день. В то время как более радикальные типы этнического самоопределения встречались наиболее редко (6%), причём со стороны мужского пола [3; 4].

Исходя из проведенного пилотного эмпирического исследования и анализа его результатов, мы смогли сделать вывод, что члены Московского общества греков относятся к культуре и своей этнической группе с большей осознанностью, они гордятся своим происхождением и соблюдают традиции, вне зависимости от того, что большинство (84%) из них живёт в инокультурной среде всю свою жизнь или более 5 лет.

Литература

1. *Лебедева Н.М.* Ценности культуры и развитие общества / Лебедева Н.М., Татарко А.Н.; Гос. ун-т Высшая школа экономики. М., 2007. 527 с.
2. Московское общество греков [электронный ресурс]. URL: <https://www.greekmos.ru/about/>
3. *Рыжова С.В.* Этническая идентичность в контексте толерантности / Рыжова С.В.; Российская акад. наук, Ин-т социологии. М., 2011. 278 с.
4. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 386 с.
5. *Ставропольский Ю.В.* Идентичность: принципы психологической модели: монография. Саратов, 2007. 335 с.

Миграционные установки студенческой молодежи в ситуации социальной неопределённости

Кауненко И.И.

*Центр Этнологии, Институт культурного наследия,
Кишинев, Республика Молдова
irina.caunenco@gmail.com*

Целью нашего эмпирического исследования было изучение межкультурных отношений студенческой молодежи. Наряду с исследованием межкультурного интереса, межкультурного опыта взаимодействия и коммуникации с другими этническими группами, в исследование была включена задача изучения миграционных установок молодежи. Трудовая миграция в нашей стране продолжает оставаться значимой, и включает все возрастные группы. В своем исследовании мы исходили из того, что межкультурные отношения реализуются *в определенном социокультурном контексте*, и необходимо учитывать уникальность того или иного региона.

Выборка составила – 80 респондентов. Возрастной состав – 19-25 лет. Социальный статус: студенты, магистранты университетов г. Кишинева, Комрата; период исследования – 2021 г. Этническая группа – молдаване, гагаузы. *Методика исследования.* Для исследования миграционных установок нами была применена анкета Л. Б. Шнейдер «ОВР: отъезд как возможность и реальность» [1, с. 101-112].

Результаты эмпирического исследования.

1. Среди молодежи молдаван могут уехать и хотят – 32,5%, гагаузов - 25%. Если проанализировать ответы, то хотят *уехать от:* экономических трудностей «Маленькая зарплата», «Нестабильное финансовая ситуация».

Для чего: «Хочется перемен», «Потому что для молодежи больше возможностей», «Для того, чтобы было будущее». «Для личностного развития и продвижения в карьере».

2. Могут, но не хотят уезжать: среди молодежи молдаван – 50%, гагаузов – 37,5%. Преобладание родственных связей: «Не хочу покидать близких», «Здесь семья»; эмоционально положительный настрой и патриотические настроения «Люблю свою Родину», «Хочу

быть полезной для своей страны», «Здесь выросла и не хочу уезжать», «Нигде нет лучше, чем дома»; рациональная оценка ситуации: «Я смогу развиваться лично во всех аспектах, не выезжая за границу».

3. Не могут, но хотят уехать: среди молодежи молдаван – 12,5%, гагаузов – 17,5%. Здесь молодежь настроена на отъезд, однако реальные условия блокируют его: «Нет денег», «Не нравится менталитет», «Надо закончить учебу и получить диплом».

4. Не могут и не хотят уезжать. Здесь так же, как и во 2 позиции – доминируют родственные связи: «Здесь родные и близкие», «Моя семья здесь»; стабильные социальные практики: «Учусь, работаю – пока не хочу менять ничего», «Мне и здесь нравится».

При анализе данного материала, необходимо учитывать особенности нашего социокультурного контекста (возможность безвизового въезда в Европу на 90 дней). В исследовании, проведенном на данной выборке, было выявлено, что у молодежи молдаван, гагаузов весьма обширна география посещения стран, и формирование, развитие межкультурного практического опыта. Часто посещаемыми странами являются для молодежи обеих этнических групп – Румыния (молдаване – 20%, гагаузы – 12%), Украина (молдаване – 19%; гагаузы – 21%), Болгария (молдаване – 11%; гагаузы – 12%), Россия (молдаване – 8%, гагаузы – 13%). У молодежи гагаузов часто посещаемой страной является Турция (14%), так как у многих там работают родственники. Интерес представляет перечень стран, которые являются в настоящее время «притягательными» для дальнейшей эмиграции, или трудовой миграции – Канада, Англия, Франция, Чехия. Ни разу не были за рубежом из молодежи молдаван – 4%, у гагаузов – 1%.

Выводы. У молодежи молдаван и гагаузов, хотя и доминируют установки на самореализацию себя в стране, однако и группа желающих уехать («могу», «хочу, но не могу»), так же значительна. Во многом миграционные установки молодежи будут зависеть от перспективы социальных лифтов для нее и социально-экономической ситуации в стране. Необходимо учитывать богатый межкультурный практический опыт молдавской молодежи для понимания и прогнозирования молодежной политики.

Литература

1. Шнейдер Л.Б. Аттitudes патриотизма в оценке желаний отъезда из своей страны: кросс-культурное исследование // Актуальные проблемы психологического знания. 2018, 3 (48). С.101-112.

Особенности принятия решений и критического мышления у взрослых с разной степенью погруженности в информационную среду

Качаева И.А., Хаймовская Н.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kachirina1403@mail.ru, tatisheva@yandex.ru

Современное информационное общество характеризуется нарастающим темпом развития цифровых технологий и легкой доступностью информационной среды. Безграничный доступ и распространение информационных потоков позволяет свободно проникать цифровым устройствам и «чужеродной» информации в нашу жизнь и беспрепятственно изменять ее. В условиях стремительного жизненного ритма, человек оказывается зависимым от потоков информации и от доводов «медийного большинства», навязывающих «удобные» ценности и социально-значимые цели, тем самым меняя мировоззрение и духовно-нравственные ориентиры человека [1; 6]. На сегодняшний момент полностью контролировать информационные потоки и их влияние на личность не представляется возможным, поэтому необходимость в проведении исследований психологических особенностей личности, погруженной в информационную среду, не теряет своей актуальности. Проблематика исследования обширна и хотя данная тема изучалась авторами такими, как К. Штейнбух, Н. Винер, Майкл Э. Уитмам, Герберт Дж. Матторд, Д. Липман, В.Д. Аносова, В.Е. Лепский, А.Е. Войскунский, Е.П. Белинская, В.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов, В.А. Емелин, Г.У. Солдатова, Р.М. Айсина, Т.Н. Корнилова, Ю. Козелецкий, А.И. Санников, специфика научных исследований не затрагивала контекст причастности роли информации на выбор в принятии решений

личностью и на уровень ее критического мышления. Было установлено, что в «реальных» условиях жизни, стратегии принятия решений, измеряемые посредством МОПР, связаны положительно с когнитивными процессами (шкала бдительность) и отрицательно с тремя другими шкалами МОПР (Di Schiena et al., 2013) [3]. При этом избегание, прокрастинация, сверхбдительность отрицательно связаны с самооценкой эмоционального интеллекта (Di Fabio, Blustein, 2010) [3]. Из чего можно сделать предположение о включенности эмоционального компонента в процессы принятия решений личностью, а также его влияние на уровень удовлетворенности жизнью. Что подтверждается в научных работах А.В. Карпова, личность, совершающая выбор, не просто выбирает наилучший вариант решения, но и получает эмоциональное удовлетворение [2]. В научной работе Смолевой Е.О. и Морева М.В. был проведен научный анализ факторов, влияющих на удовлетворенность жизнью: счастливые люди придают особое значение свободе и независимости, с помощью развития ответственности и самостоятельности в суждениях и решениях [5]. В конструкт понятия удовлетворенности Леонтьев Д.А. включал такие критерии как, контроль над полученными результатами действий и связь приложенных усилий с результатом [4].

В связи с этим нами была определена цель работы, которая заключается в выявлении различий в особенностях принятия решений, в уровне критического мышления, а также удовлетворенности жизнью взрослых, в разной степени погруженных в информационную среду.

В исследовании были выдвинуты предположения, что существуют различия в уровне критического мышления, в особенностях принятия решений и степени удовлетворенности жизнью у личностей, в большей или меньшей степени «погруженных» в информационную среду. Для проверки гипотезы мы использовали: тест оценки критического мышления Л. Старки (в адаптации Е.Л. Луценко), Мельбурнский Опросник Принятия Решений (русскоязычная адаптация Т.В. Корниловой), шкалу удовлетворённости жизнью (Е. Diener, R.A. Emmons, R.J. Larsen и S. Griffin, адаптированную Д.А. Леонтьевым, Е.Н. Осиным), авторскую анкету «погруженности» в информационную среду. В исследовании приняли участие 108 респондентов в возрасте от 24 до 63 лет.

В ходе проведения эмпирической части исследования, мы установили, что респонденты, в зависимости от степени «погруженности» в определенный контент информационной среды, имеют различия как по показателям критического мышления, так по показателям шкал опросника принятия решений и уровню удовлетворенности жизнью. При этом отметим, что от степени «погруженности» в «смешанную» информационную среду таких отличий не обнаружено (уровень значимости $p > 0,1$). Исследуя уровень критического мышления в группе респондентов, «погруженных» в новостную информационную среду каналов телевидения и радиовещания, мы установили, что у респондентов с ответом «никогда не использую новостную информацию из каналов телевидения и радиовещания» 16 участников (14,8%) всей выборки и у респондентов с ответом «иногда использую новостную информацию из каналов телевидения и радиовещания» 21 участник (19,4%) существуют значимые различия в уровне критического мышления (при $p = 0,019$). Статистическая обработка результатов с помощью критерия Манна-Уитни показала, что средний ранг показателя критического мышления – 23,75 у респондентов, которые никогда не смотрят новостную информацию из каналов телевидения и радиовещания выше, чем средний ранг 15,38 у тех респондентов, которые «иногда» смотрят новости по каналам телевидения. Стоит отметить, что ответ «редко смотрю» предпочли 52 респондента (48,1%), ответ «никогда» 16 респондентов (14,8%), что в совокупности составляет 62,9% респондентов всей выборки. Что может говорить о том, что значительную часть новостной информации пользователи получают из других медийных источников.

Анализируя уровень «погруженности» участников исследования в фото- и видеоинформационную среду, мы определили, что пользователей с ответом «очень часто использую» 45 респондентов (41,7%) и «часто использую» 43 респондента (39,8%) составляют основную часть выборки (81,5%). Ответ «редко» выбрало всего 4 респондента, а ответ «никогда» не выбрал ни один участник исследования. Из чего можно заключить, что фото и видео материалы информационной среды используются основной массой пользователей. Сравнивая показатели шкал принятия решений у двух групп респондентов, мы установили, что есть значимые различия по показателям шкалы сверхбдительности (при $p = 0,005$). Средний ранг показателей сверхбдительности у респондентов с ответом «очень

часто» 51,91 выше, чем у респондентов с ответом «часто» 36,74. Следовательно, те пользователи, которые очень часто просматривают фото и видео материалы информационной среды, чаще используют непродуктивный копинг (сверхбдительность) в принятии решений. Исходя из проведенного анализа данных, можно предположить, что очень частое просматривание фото и видео материалов может приводить к импульсивному принятию решений и к неоправданному «метанию» между альтернативами в выборе решения.

Анализируя взаимосвязь между показателями удовлетворенности жизнью и особенностями принятия решений, мы обнаружили, что уровень удовлетворенности жизни ниже у тех респондентов, которые склонны использовать непродуктивный копинг в ситуациях принятия решений. Используя коэффициент корреляции Спирмена, мы установили, что есть статистически значимая взаимосвязь между уровнем удовлетворенности жизнью и «избеганием» (при $p = 0,039$), «прокрастинацией» (при $p = 0,003$), «сверхбдительностью» (при $p = 0,045$). Также отметим, что при выборе продуктивного копинга в принятии решений («бдительность»), взаимосвязи с уровнем удовлетворенности жизнью не выявлено.

Исследуя возрастной аспект респондентов, мы не установили значимых различий в особенностях принятия решений и в уровне критического мышления (уровень значимости $p > 0,1$).

Таким образом, в результате проведенного исследования мы установили, что респонденты, в зависимости от степени «погруженности» в определенный контент информационной среды, имеют различия как по показателям критического мышления, так по показателям шкал принятия решений и уровню удовлетворенности жизнью. Результаты нашего исследования, это малая часть научной картины, поэтому дальнейшие изыскания на тему значимости роли информации и ее влияния на особенности личности позволят более полно раскрыть эту проблематику. Однако, ориентируясь на полученные данные нашей работы, мы рекомендуем избирательно и критически относиться к любой информационной сфере, особенно в период информационных нагрузок и конфликтов. Крайне важно ориентироваться в многочисленных источниках, определять их надежность и достоверность, уметь самостоятельно «без предвзятости» аргументировать выводы и принимать решения. Принимая во внимание особые умения пользователей [1], в своей

работе мы делаем «серьезный» акцент на дальнейшем изучении особенностей личности «погруженной» в информационную среду.

Литература

1. *Ежевская Т.И.* Личностные ресурсы в обеспечении информационно-психологической безопасности человека // Гуманитарный вектор. 2011. №1. С. 25.
2. *Карпов А.В.* Методологические основы психологии принятия решения: Монография / А. В. Карпов. Ярославль, 1999. 232 с.
3. *Корнилова Т.В.* Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. Т.6. №31. С.4. URL: <http://psystudy.ru>
4. *Леонтьев Д.А.* Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля //Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С.14—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>.
5. *Смолева Е.О., Морев М.В.* Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога: монография / Е.О. Смолева, М. В. Морев; под науч. рук. д.э.н. А. А. Шабуновой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 164 с.
6. *Якушина Е.В.* Внутренние психологические фильтры как средства информационной защиты от негативного воздействия медиасреды // Вестник практической психологии образования. 2015. Том.12. №4. С.116–120. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2015_n4/akushina

Особенности связи личностного адаптационного потенциала и интернет-зависимости у объектов сексуального онлайн груминга

Киселев К.А.

*ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»
saratovian@gmail.com*

Интернет-среда предоставляет огромную возможность для личностного развития, самореализаций, общения и развлечений. В то же время имеются такие социальные риски, как формирование

интернет-зависимости [6], вовлечение в криминальное поведение [4], противоправные действия против личности несовершеннолетних [2] и т.п. Значимым является выявление личностных особенностей индивидов, вовлечение в девиантное поведение с целью организации мер по их социально-психологической реабилитации.

H. Casha, C.D. Raea, A.H. Steela и A. Winklerb, обобщая подходы к пониманию Интернет-зависимости, включают в данный феномен импульсивное поведение, связанное с неспособностью контролировать количество проведенного времени при использовании Интернета и цифровыми медиа, сопровождающиеся изменениями в настроении. В данном случае проявляется потребность в увеличении количества времени, уделяемого объекту зависимости, с целью достижения желаемого настроения; возникают «симптомы отмены», а само поведение может продолжаться несмотря на такие последствия, как ухудшение качества социальной жизни (проблемы в семье, на работе или в учебе) [5].

Согласно K. Young, существует пять типов интернет-зависимости: 1) киберсексуальная зависимость (зависимость от порнографии); 2) зависимость от киберотношений; 3) Сетевые компульсии (азартные игры, сетевые покупки, биржевая торговля и др.); 4) информационная перегрузка (неконтролируемый веб-серфинг и поиск информации в базах данных); 5) компьютерная зависимость как таковая (зависимость от встроенных в операционную систему игр и т.п.) [6].

Новой формой интернет-зависимости стал так называемый «думскроллинг» – представляющий собой «склонность к просмотру негативного новостного контента, деструктивную вовлеченность в новостную ленту и нездоровую зависимость от нее» [7, цит по 3], «вовлеченность в листание новостной ленты негативного контента в условиях информационной пандемии» [3].

Отдельным риском для развития личности несовершеннолетних является феномен сексуальных домогательств в сети Интернет (сексуальный онлайн груминг), который определяется как поведение сексуального характера, неприемлемое для жертвы, совершаемое напрямую или посредством сети Интернет. Оно охватывает такие действия, как сексуальные заигрывания, запросы сексуальных услуг, вымогательства интимных материалов и т.п. [1].

В настоящее время в современной психологической науке в недостаточной мере рассмотрена проблема личностных особенностей жертв сексуальных домогательств в сети Интернет, в том числе различные формы девиантного поведения, например интернет-зависимость.

Результаты эмпирического исследования

Методы исследования: многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина, Опросник «Поведение в Интернете» (А.Е. Жичкиной). Выборка: 112 человек (женский пол, 18-23 лет), являвшихся объектами сексуального онлайн груминга в период несовершеннолетия.

Было установлено, что 41,1% (46 чел.) испытуемых отличаются умеренным уровнем интернет-зависимости (склонность к ее формированию), 83,9% (94 чел.) опрошенных обладают низким уровнем адаптивности, 81,3% (91 чел.) респондентов характеризуются низким уровнем нервно-психической устойчивости.

На основе применения метода ранговой корреляции Ч. Спирмена выявлена значимая обратная связь интернет-зависимости со следующими личностными особенностями: а) адаптивными способностями ($r = -0,274$, $p = 0,003$); б) нервно-психической устойчивостью ($r = -0,357$, $p = 0,0001$); в) коммуникативным потенциалом ($r = -0,327$, $p = 0,0004$). В то же время не было установлено ни прямой, ни обратной достоверной связи интернет-зависимости и моральной нормативности ($r = -0,083$, $p = 0,382$).

Выводы

Таким образом, для жертв сексуальных домогательств в сети Интернет характерно наличие сниженного уровня личностного адаптационного потенциала и умеренного уровня формирования склонности к интернет-зависимости.

Для интернет-зависимых жертв сексуального онлайн груминга свойственно снижение уровня навыков построения отношений с другими людьми, ухудшение поведенческой саморегуляции и нервно-психической устойчивости.

В то же время отношение к этическим требованиям социума не связано с риском формирования Интернет-зависимости у исследуемой группы испытуемых.

Отсюда следует значимость мер по формированию психической устойчивости личности как формы психологической поддержки жертв онлайн груминга.

Литература

1. *Дозорцева Е.Г., Медведева А.С.* Сексуальный онлайн-груминг как объект психологического исследования // Психология и право. 2019. Т. 9, № 2. С. 250–263.
2. *Киселев К.А.* Социально-психологические особенности проявления сексуальных домогательств в отношении несовершеннолетних в сети Интернет // Актуальные проблемы экстремальной и кризисной психологии: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 07–08 апреля 2022 года. Екатеринбург: Уральский университет, 2022. С. 45–47.
3. *Максименко А.А., Дейнека О.С., Мортикова И.А.* Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 12. С. 129–136.
4. *Романова Н.М.* Представления студентов о рисках вовлечения личности в криминальную деятельность: фокус-групповое исследование // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. № 4. С. 439–444.
5. *Cash H, Rae C.D., Steel A.H., Winkler A.* Internet Addiction: A Brief Summary of Research and Practice // *Curr Psychiatry Rev.* 2012 Vol. 8. Iss. 4. P. 292–298.
6. *Young K., Pistner M., O'Mara J. et al.* Cyber-disorders: the mental health concern for the new millennium // *Cyberpsychol Behav.* 2000. № 3. P. 475–479.
7. *Ytre-Arne B., Moe H.* Doomscrolling, monitoring and avoiding: news use in COVID-19 pandemic lockdown // *Journalism Studies.* 2021. Vol. 22. № 13. P. 1739–1755.

Формирование логического мышления у детей с тяжелыми нарушениями речи как механизм социализации

Киселева Т.Г.

ФГБОУ ВО ЯГПУ, Ярославль, Россия

kisseleva2108@mail.ru

В настоящее время отмечается тенденция к увеличению числа детей, имеющих тяжелые нарушения речи (ТНР), что значительно затрудняет коммуникацию со сверстниками, создает трудности в социализации. Сенситивным периодом формирования речи является дошкольный возраст. Ряд исследователей Н.С. Жукова, Е.М. Мастюкова, Т.Д. Филичева [3] отмечают, что формирование логического мышления в этот период стимулирует процесс развития речи у дошкольника с ТНР, а формирование словаря и речи одновременно стимулирует развитие интеллекта, что в совокупности призвано помочь скомпенсировать трудности в развитии и перейти на новый этап развития. Комплексная работа педагога-психолога и учителя-логопеда, направленная на развитие мышления и речи ребенка с ТНР, являются предпосылками успешной коррекционно-развивающей работы. Это показано в ряде работ, например Н.Б. Печатнова и И.В. Давыдова предлагают для реализации данной задачи авторскую программу «Школа ждет» [6]. Все психические процессы у ребенка развиваются с прямым участием речи, о чем неоднократно писал в своих работах Л.С. Выготский [2], что говорит о необходимости комплексной работы по развитию речи, мышления и социализации дошкольника.

Целью исследования было изучение взаимосвязи уровня логического мышления детей с ТНР и речевого развития, а также степени принятия ребенка с ТНР сверстниками. Эмпирическое исследование проводилось в 2022 году на базе ДОУ города Ярославля. В исследовании принимали участие дошкольники 6-7 лет. Общее количество составило 62 человека, из которых нормотипичных детей – 31 человек и 31 ребенок с диагнозом ТНР. Для исследования использовались следующие методики: «Четвертый лишний» [4]; «Понимание скрытого смысла в коротких рассказах» [1]; «Установление последовательности событий» [5] и методика

«Закончи предложение» [5]. Для оценки уровня речевого развития по всем вышеназванным методикам ребенку предлагалось объяснить свой выбор. Для определения социометрического статуса использовалась методика «Выбор в действии».

Полученные результаты были подвергнуты математическому анализу. Проверялась достоверность отличий по всем компонентам между нормотипичными дошкольниками и их сверстниками с ТНР, а также был выполнен корреляционный анализ между степенью популярности ребенка в группе и компонентами развития логического мышления. Достоверные отличия между исследуемыми группами детей были обнаружены по показателям: понимание скрытого смысла, способность закончить предложение, способность объяснить свой выбор, а также социометрическая привлекательность. По этим позициям нормотипичные дошкольники достоверно превосходят детей с ТНР (уровень значимости $p = 0,05$). Отличий не обнаружено по таким параметрам как исключение 4 лишнего и понимание последовательности событий. Эти данные говорят о том, что при сохранном интеллекте дети с ТНР хорошо справляются с заданиями, имеющими визуальную опору. Как только перед ребенком стоит задача понимания исключительно вербальной информации, так он начинает уступать нормотипичному ребенку. Ребенок с ТНР испытывает трудности в том, чтобы объяснить свои желания или требования, что можно рассматривать как фактор, приводящий к непониманию и непринятию сверстниками такого ребенка, что, в конечном итоге, становится причиной более низкого социометрического статуса. Мы расцениваем эту тенденцию как крайне негативную, поскольку низкий статус делает ребенка не очень привлекательным партнером по игре, следовательно, нарушается структура ведущей деятельности дошкольника с ТНР, а также создаются предпосылки для задержки в психофизическом и социальном развитии.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы нами был проведен корреляционный анализ. Обнаружена значимая положительная корреляция между социометрическим статусом ребенка и уровнем понимания скрытого смысла, способностью понять последовательность событий и объяснить свои решения. Это означает, что для того, чтобы дошкольник пользовался авторитетом и популярностью у сверстников, он, в первую очередь, должен уметь

объяснить окружающим свои желания, свои просьбы и предложения. Для того чтобы стать инициатором игры, ребенок должен донести правила игры до партнеров. Даже в конфликтной ситуации умение вербализовать свое несогласие рассматривается как более конструктивная стратегия по сравнению с демонстрацией физической агрессии. Понимание ребенком последовательности событий и скрытого смысла интерпретируется нами как проявления эмоционального интеллекта, обеспечивающего более конструктивные коммуникации с окружающими. Это становится возможным за счет того, что ребенок способен донести свою позицию до окружающих, не ущемляя их права и достоинства. Полученные результаты и выводы были положены в основу тренинга по формированию логического мышления и эмоционального интеллекта, который проводился с дошкольниками как компонент коррекционно-развивающей работы и занятий по подготовке к школе. Программа показала свою эффективность для решения обозначенных задач.

Литература

1. *Белопольская Н.Л.* Методики исследования познавательных процессов у детей 6-11 лет. Когито-центр, 2008. 24 с.
2. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 556 с.
3. *Жукова Н.С.* Логопедия: преодоление общего недоразвития речи у дошкольников /Н.С. Жукова, Е.М. Мастюкова, Т.Б. Филичева. Екатеринбург: АРД ЛТД, 2018. 320 с.
4. *Нижегородцева Н.В.* Комплексная диагностика готовности детей к началу обучения в школе. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. 64 с.
5. *Павлова Н.Н., Руденко Л.Г.* Экспресс-диагностика в детском саду: Комплект материалов для педагогов-психологов детских дошкольных образовательных учреждений. М.: Генезис, 2008. 80 с.
6. *Печатнова Н.Б., Давыдова И.В.* Особенности реализации коррекционно-развивающей программы «Школа ждет» и результаты ее апробации у старших дошкольников //Вестник практической психологии образования. Т.19, №4, 2022. С.29-42.

Просоциальное и моральное поведение в спорте: утопия или реальность?

Кисляков П.А.

ФГБОУ ВО РГСУ, Москва, Россия

Белов М.С.

ФГБОУ ВО ИГЭУ им. В.И. Ленина, Москва, Россия

rack.81@mail.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-00190, <https://rscf.ru/project/23-28-00190/>

Спорт считается важным средством не только физического развития и совершенствования, но и воспитания и социализации, включая формирование у спортсменов таких социальных норм и ценностей, как честность, солидарность, сотрудничество, уважение. Кодекс спортивной этики «Справедливая игра – путь к победе», подготовленный Советом Европы (1992 г.), рекомендует спортсменам «отказаться от любой формы насилия в отношении соперника; помогать сопернику или другому лицу, находящемуся в опасности или испытывающему затруднения в обычной соревновательной ситуации; воздерживаться от любого преимущества, которое не является результатом собственных успешных соревновательных действий». Вместе с тем, когда человек включается в соревновательную деятельность, ответственность за моральные поступки временно приостанавливается, что приводит к распространению в спорте таких явлений, ухудшающих спортивную атмосферу, как мошенничество, физическая и вербальная агрессия. Исследователи в области педагогики и психологии спорта указывают на необходимость изучения влияния занятий спортом на различные аспекты личного и социального развития, включая моральные и просоциальные нормы [1; 4]. Просоциальное поведение в спорте включает такие действия, как помощь травмированному спортсмену, помощь сопернику спортивным инвентарем, оборудованием, моральная поддержка товарища по команде и пр. [2].

Наиболее используемой теоретической основой в исследовании психологии спортивного поведения выступает социально-когнитивная

теория морального мышления А. Бандуры. М. Кавуссану с коллегами, опираясь на теорию А. Бандуры, проводит различие между проактивной моралью спортсмена, которая представляет собой способность вести себя гуманно, и подавляющей моралью, которая представляет собой способность воздерживаться от агрессивного поведения [3].

Согласно социально-психологическому подходу к изучению личности спортсмена, моральное поведение многомерно и должно исследоваться с точки зрения как индивидуальных, так и контекстуальных характеристик. В формировании морального и просоциального поведения спортсменов играет роль широкий спектр социальных факторов: культурные, структурные (виды спорта, уровень соревнований и пр.), межличностные и ситуационные переменные (например, давление со стороны тренера и товарищей по команде, счет игры и т.д.) [5].

Чтобы изучить опыт демонстрации спортсменами просоциального и морального поведения в спорте нами была проведена серия фокус-групп с участием спортсменов-любителей и квалифицированных спортсменов (члены всероссийских, региональных, студенческих спортивных сборных команд). Всего было проведено 7 фокус-групп по 8 человек в каждой. Фокус-группы начались с общего обсуждения понятия и принципов Fair Play (честной игры в спорте) и опыта оказания помощи во время спортивных соревнований. Все респонденты положительно относятся к принципам Fair Play. Отмечают важность честной игры и победы. Однако вопрос необходимости проявления благородства к соперникам не имел однозначного ответа. Часть респондентов согласна, с мнением что победу нужно достигать «любой ценой», если это только не противоречит правилам. Около половины респондентов имели опыт оказания помощи соперникам в виде предоставления спортивного инвентаря, оказания поддержки травмированному сопернику или члену своей команды (сборной). Практически никто из респондентов не надеется на то, что во время соревнований ему окажет помощь или поддержку кто-то из других спортсменов. Около половины респондентов согласились с точкой зрения, что не во всех видах спорта и уровнях соревнований спортсменам нужно проявлять взаимопомощь. Анализируя ответы респондентов в зависимости от

уровня их спортивной квалификации и вида спорта, мы установили следующие закономерности: спортсмены, занимающиеся индивидуальными видами спорта (легкая атлетика), проявляют более высокий уровень беспокойства о сопернике по сравнению со спортсменами, занимающимися командными видами спорта (футбол, волейбол); спортсмены в контактных видах спорта (борьба), в большей степени допускают агрессию и насилие в отношении соперника, чем в малоконтактных видах спорта (легкая атлетика); профессионализм в спорте, тесно связанный с сильной конкуренцией и значительной ориентацией на победу, является существенной причиной непринятия моральных и просоциальных норм.

Полученные нами результаты позволяют заключить, что просоциальное и моральное поведение спортсменов, продиктованное принципами олимпизма и являясь эталоном честной игры, обусловлено комплексом факторов. Само по себе занятие спортом не является достаточным и необходимым условием морального развития спортсмена, необходимо, чтобы на макроуровне и на уровне отдельной сборной или команды создавалась атмосфера, которая подчеркивала бы принципы честной игры, соблюдение правил и уважение к соперникам.

Литература

1. *Кисляков П.А.* и др. Психологическая оценка социального поведения в спорте / Кисляков П.А., Белов М.С., Шмелева Е.А., Корнев А.В. // Теория и практика физической культуры. 2020. № 8. С. 82-85.
2. *Bruner M.W., Boardley I.D., Côté J.* Social identity and prosocial and antisocial behavior in youth sport // *Psychology of Sport and Exercise*. 2014. V. 15(1). P. 56-64.
3. *Kavussanu M., Seal A.R., Phillips D.R.* Observed prosocial and antisocial behaviors in male soccer teams: Age differences across adolescence and the role of motivational variables // *J Appl Sport Psychol*. 2006. V. 18(4). P. 326-344.
4. *Ricardo J. et al.* Systematic review of the literature about moral in the sport context / Ricardo J., Vissoci N., Santos L., Nickenig V., João R., Oliveira L. // *Saud Pesq*. 2021. V. 14 (1). e7761.

5. *Vallerand R.J. et al. Toward a multidimensional definition of sportsmanship / Vallerand R.J., Deshaies P., Cuerrier J-P., Brière N.M., Pelletier L.G // Journal of Applied Sport Psychology. 1996. V. 8. P. 89-101.*

Динамика «формирующейся взрослости» от 18 до 30 лет

Клементьева М.В.

*ФГБОУ ВО Финансовый университет
при правительстве РФ, Москва, Россия
marinaklementyva@yandex.ru*

К началу XXI века социально-экономические трансформации в развитых странах стимулировали исследования в области удлинившегося перехода к взрослой жизни, периода формирующейся взрослости («*emerging adulthood*»), поставив дискуссионный вопрос об универсальности нового переходного возраста и его границ.

С одной стороны, формирующаяся взрослость (18-30 лет) обладает рядом самобытных характеристик: это период откладывания социальных переходов и время оптимистичного восприятия будущего, поиска идентичности, беспокойства, отказа от обязательств перед другими людьми, переживание себя как не подростка, но ещё не взрослого [4]. С другой стороны, применимость формирующейся взрослости только к определенным историко-культурным и социально-экономическим контекстам заставляет сомневаться в целесообразности введения нового возраста.

Исследования с использованием шкалы IDEA – «Inventory of the Dimensions of Emerging Adulthood» [2] в странах Америки, Европы, Африки и Азии, убеждают, что конструкт «формирующейся взрослости» обладает шестью кросс-культурными измерениями: 1) *исследование идентичности*; 2) *эксперименты и возможности*; 3) *негативность и нестабильность*; 4) *ориентация на других*; 5) *сосредоточенность на себе*; 6) *чувство «между»*. Наряду со сходством формирующихся взрослых из разных стран, есть социокультурные особенности – азиаты и латиноамериканцы, к примеру, не столь тревожны и более оптимистичны в оценке своих

возможностей в будущем, по сравнению с американскими и европейскими сверстниками – и возрастные спецификации – обретение взрослости («*established adulthood*») к 30 годам сопровождается утверждение идентичности, снижение оптимизма, усиление заботы о других людях, утрата чувства переходности и принятия себя как взрослого, но не очень мудрого человека [3].

Своим исследованием мы вносим вклад в дискуссию о «формирующейся взрослости», исследуя возможности применения российской адаптации шкалы IDEA [1]. Так, мы обнаружили интеграцию двух факторов «исследование идентичности» и «сосредоточенности на себе» в российской выборке, что позволило предположить специфичный для российской формирующейся взрослости *рефлексивно-экзистенциальный механизм* самоопределения, лежащий в основе обретения *российской идентичности*, отличный от пути самоисследования идентичности молодыми европейцами, американцами и азиатами через стремление соответствовать социальным ожиданиям [4].

Осталась нерешенной задача выявления динамики формирующейся взрослости в период с 18 до 30 лет. Это определило *цель* настоящего исследования, в котором участвовали 410 человек 18-25 лет и 350 человек 26-30 лет и была использована российская адаптация шкалы IDEA [1].

Корреляционный анализ шкалы с возрастом (значимость критерия Пирсона при $p \leq 0,01$) продемонстрировал ожидаемое статистически значимое снижение общего показателя «формирующейся взрослости», «исследования идентичности», «чувства “между”» с возрастом, и возрастное повышение «ориентации на других». Регрессионный анализ (модели значимы при $p \leq 0,02$) выявил, что влияние возраста объясняет изменение показателей в диапазоне от 14 % до 36%. Сравнительный анализ (значимость *t*-критерия при $p \leq 0,02$) показал, что у участников в возрасте 18-25 лет более высокие значения по параметрам «исследования идентичности», «эксперименты и возможности» и «чувства “между”», но более низкие значения «ориентации на других», чем у участников в возрасте 26-30 лет.

То есть *хронологический возраст* не в полной мере объясняет динамику формирующейся взрослости. Полагаем, что обретение идентичности, вовлеченность в заботу о других людях, снижение

лиминального чувства «между» и оптимизма в отношении будущего, а также принятие себя как взрослого человека к 30 годам сопряжено также с процессами социализации и ресоциализации, динамично меняющимся событийным контекстом жизни, а также рефлексивными механизмами личностного развития человека, направляющими его к обретению психологической зрелости.

Следовательно, вопрос об универсальности формирующейся зрелости может быть решен в контексте понимания возраста как социокультурного конструкта, интегрирующего эффекты влияния многих детерминант развития в русле идей, развиваемых в отечественной традиции культурно-исторической психологии.

Таким образом, высоко оцениваем эвристический потенциал конструкта «формирующейся зрелости» и видим перспективы использования российской адаптации шкалы IDEA в психологических исследованиях современного взросления и зрелости в области межкультурных сравнений особенностей развития российской молодежи.

Литература

1. *Клементьева М.В.* Оценка психологической структуры методики «формирующаяся зрелость» // *Ананьевские чтения – 2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков – к новым достижениям и инновациям. Материалы международной научной конференции / Под ред. А.В. Шаболтас и др. Санкт-Петербург, 2022.*
2. *Reifman A., Arnett J.J., Colwell M.J.* Emerging adulthood: Theory, assessment and applicatio // *Journal of Youth Development.* 2007. Т. 2. № 1.
3. *Reifman A., Niehuis S.* Extending the Five Psychological Features of Emerging Adulthood into Established Adulthood // *Journal of Adult Development.* 2023. Т.30.
4. *The Oxford Handbook of Emerging Adulthood.* In J.J. Arnett (Ed.). Oxford, New York, 2015.

Исследование особенностей фаббинг-поведения и тревожности у молодежи

*Клочкова А.С., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anna.klochkova.99@mail.ru, rashodchikovamn@mgppu.ru*

Благодаря технологическому прогрессу и цифровизации нашей жизни, произошло повсеместное распространение различных гаджетов. Такое распространение привело к тому, что многие люди начали зависеть от смартфонов и, как следствие, это привело к ухудшению их самочувствия, возникновению беспокойства. Феномен, при котором проявляется неконтролируемое использование смартфона в процессе взаимодействия с другими людьми, называют фаббинг-поведением.

Фаббинг является относительно новым феноменом, достаточно мало изученным. Так, В.А. Чвякин и Н.Ю. Григорьев в своей работе под фаббинг-поведением понимают устойчивое поведение индивида, которое реализуется посредством пренебрежительного отношения человека к оппоненту в процессе живого общения [4]. В.Д. Менделевич определяет фаббинг как определенную разновидность девиантного поведения, которое, в свою очередь, является стойко повторяющимся и может нанести реальный ущерб личности человека [3]. А.А. Максименко, О.С. Дейнека, Л.Н. Духанина, М.В. Сапоровская в своей работе говорят о фаббинг-поведении как об аддиктивном поведении молодежи, так как индивид не контролирует использование телефона, его поведение имеет устойчивый характер, при этом страдают социальные связи [2]. К.М. Дуглас выделяет ряд возможных причин возникновения проблемы фаббинг-поведения: повсеместное распространение гаджетов и интернета; фаббинг-поведение – следствие высокого уровня тревожности и беспокойства индивида [5].

Фаббинг оказывает негативное влияние как на построение романтических отношений, так и на взаимодействие людей в других сферах жизни [4]. Дж. А. Робертс и М.Э. Дэвид выявили, что более сильное влияние фаббинга проявляется в конфликтах между людьми с более высоким уровнем тревоги и эмоциональной привязанности.

Индивиды с высоким уровнем тревоги привязанности склонны больше обращать внимание на фоббинг-поведение своего партнера [6]. Авторы утверждают, что феномен фоббинг-поведения также носит негативный характер для индивида [1; 4]. Н.Ю. Григорьев и В.А. Чвякин к негативным последствиям фоббинга относят: снижение уровня удовлетворенности отношениями; появление или усиление конфликтности в процессе межличностной коммуникации; ослабление сплоченности в группе; появление чувства социальной изоляции (одиночества в группе); снижение уровня эмпатии и доверительности в структуре межличностных отношений; ухудшение усвоения полезной информации [1].

Целью нашего исследования является выявление особенностей фоббинг-поведения, межличностной зависимости и тревожности у молодежи. В рамках гипотезы мы предположили, что существует связь между фоббинг-поведением, межличностной зависимостью и тревожностью у молодежи. Респондентами стали молодые люди в количестве 56 человек (29 юношей и 27 девушек, средний возраст 24,5 года). В нашем исследовании мы использовали следующий диагностический материал: анкета; методика Э. Карадага «Шкала фоббинга»; методика «Шкала тревоги Спилбергера-Ханина»; тест межличностной зависимости Р. Гиршфильда.

Проведя эмпирическое исследование, мы получили следующие результаты:

1) Большинство респондентов демонстрируют умеренно выраженное фоббинг-поведение с умеренно выраженной одержимостью телефоном и неадекватной коммуникацией. Эмоциональная сфера респондентов представлена умеренно выраженной ситуативной и личностной тревожностью. У большинства респондентов в структуре умеренно выраженной межличностной зависимости отмечены умеренная склонность к автономии, неуверенность в себе и потребность в эмоциональной поддержке окружающих.

2) Респонденты с умеренной склонностью к фоббинг-поведению имеют более высокий уровень личностной тревожности, по сравнению с лицами с низкой склонностью к фоббинг-поведению. Девушки с умеренной склонностью к фоббинг-поведению имеют более высокий уровень личностной тревожности и стремления к

автономии как компонента межличностной зависимости, по сравнению с девушками с низкой склонностью к фаббинг-поведению. Юноши с умеренной склонностью к фаббинг-поведению имеют более высокий уровень ситуативной и личностной тревожности, по сравнению с юношами с низкой склонностью к фаббинг-поведению.

3) Среди молодежи выраженность фаббинг-поведения напрямую связана с межличностной зависимостью, а также с отдельными компонентами – такими, как неуверенность в себе ($p < 0,01$); фаббинг связан с выраженностью ситуативной и личностной тревожности ($p < 0,01$). Среди юношей выраженность фаббинга напрямую связана с выраженностью ситуативной и личностной тревожности ($p < 0,01$), но не связана с межличностной зависимостью. Среди девушек выраженность фаббинга напрямую связана с выраженностью компонентов межличностной зависимости (эмоциональная опора на других, неуверенность в себе, стремление к автономии), а также выраженностью личностной тревожности ($p < 0,01$).

Таким образом, можно сказать, что гипотеза нашего исследования (существует связь между фаббинг-поведением, межличностной зависимостью и тревожностью у молодежи) подтвердилась.

Литература

1. *Григорьев Н.Ю., Чвакин В.А.* Фаббинг как неопределенное явление в структуре социальной девиантологии // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 2. С. 27-37.
2. *Максименко А.А., Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Сапоровская М.В.* Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4(164). С. 345-362.
3. *Менделевич В.Д.* Особенности девиантного поведения в интернет-пространстве // Практическая медицина. 2017. № 1(66). С. 143-146.
4. *Чвакин В.А.* Фаббинг в структуре социальных коммуникаций: социологический анализ явления // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9, № 5. С. 150-161.

5. *Douglas K.M.* The effects of «phubbing» on social interaction / K.M. Douglas, V. Chotpitayasunondh // Journal of applied social psychology. 2018. Vol. 48. P. 304-31.
6. *Roberts J.A., David M.E.* My life has become a major distraction from my cell phone: Partner phubbing and relationship satisfaction among romantic partners // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 54. P. 134-141.

Мотивационные факторы участия школьников в олимпиадном движении

Ковалева П.В., Орлов В.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
polina171717@mail.ru, vladimirorlov@bk.ru*

Несмотря на значимость школы как важнейшего социального института, многие дети и подростки имеют недостаточную мотивацию учения и низкий познавательный интерес [3; 4]. Во многом это определяется навязанным характером школьного обучения. Внеурочная деятельность содержит богатый потенциал для развития мотивации к учебе, располагая широким арсеналом педагогических средств. Одним из мотивационных факторов выступает олимпиадное движение школьников, о чем свидетельствуют результаты теоретического анализа психологических особенностей его влияния на учащихся [5].

Учебная мотивация определяется тем смыслом, который ученик вкладывает в учебу; она направляет учебную деятельность школьника. Учебная мотивация младших школьников разнородна по своему содержанию. Познавательная мотивация тесно переплетается с внешними мотивами, с мотивацией достижения успеха и избегания неудач. У первоклассников сильно выражен игровой мотив. Для учеников 5-9 классов характерно преобладание внешней мотивации. Познавательный мотив у обучающихся основной школы связан с мотивом социального сотрудничества с учителем. Среди старшеклассников много внутренне мотивированных обучающихся. Однако внешняя мотивация все-таки остается доминирующей.

Помимо поступления в вуз и профессионального самоопределения, для старшеклассников являются значимыми такие мотивы, как стремление к компетентности (желание быть образованным человеком), общение со сверстниками, академические достижения, похвала родителей, избегание наказания со стороны администрации школы [1].

Для того, чтобы оценить роль олимпиадного движения для развития мотивации учения, целесообразно вспомнить, что в России оно имеет продолжительную историю. Первыми возникли олимпиады по математике, физике и химии; их инициаторами были профессора ведущих вузов Москвы (МГУ, МФТИ). Начиная с 60-х гг. XX века, олимпиады проводятся по всей стране и включают несколько отборочных этапов различных уровней: школьный, муниципальный, региональный, федеральный.

Цели олимпиады – выявление и развитие у обучающихся творческих способностей и интереса к научно-исследовательской деятельности, пропаганда научных знаний, а также отбор школьников для участия в международных олимпиадах. Основные задачи олимпиадного движения: 1) углубление знаний по предмету у учеников, принявших решение об участии в олимпиаде; популяризация научных знаний; 2) развитие навыков саморегуляции, произвольного поведения, воспитание волевых качеств, формирование умения выдерживать большую интеллектуальную нагрузку при подготовке к участию в олимпиаде; 3) объединение школьного и вузовского образования в плане интеграции содержания учебных дисциплин; 4) помощь школьнику в профориентации, в том числе – в выборе вуза для поступления в случае победы в олимпиаде, а также построение учебно-профессиональной образовательной траектории; 5) повышение познавательного интереса и мотивации к учению; 6) выявление и поддержка одаренных и способных школьников, оказание им помощи в самореализации [5].

Школьники, активно участвующие в олимпиадном движении, а также призеры олимпиад, являются высокомотивированными. С одной стороны, ими движет желание поступить в вуз на льготных условиях, с другой стороны, они имеют высокую мотивацию достижения успеха и интерес к познанию. Однако только мотивации ученика недостаточно. Необходимы также мотивированный учитель-

предметник, поддержка семьи, а также система школы, которая позволяет вовлекать обучающихся в олимпиадное движение, подготавливать и поощрять их. Среди победителей олимпиад выделяется группа школьников, преимущественно юношей, у которых низкая мотивация и удовлетворенность жизнью. Они образуют группу риска и нуждаются в психолого-педагогической поддержке.

Участие в олимпиадном движении развивает креативность и критическое мышление школьников, умение мыслить нестандартно. Поддерживают мотивацию участия в олимпиадном движении когнитивные установки: вера в себя (в самоэффективность), убежденность в своей способности контролировать деятельность (процесс и результат как смысложизненные ориентации), оптимистический взгляд на жизнь. Именно такие убеждения поддерживают настойчивость и упорство, интерес школьников к олимпиадному движению, когнитивную потребность и мотивацию достижения.

Социально-психологические факторы развития учащихся в процессе участия в олимпиадном движении создаются педагогами и администрацией школы, охватывают весь процесс подготовки к олимпиаде. К ним относятся: готовность учителя к работе со способными и одаренными детьми; уровень профессионального мастерства учителей-предметников, методическая поддержка учителей; система работы школы по вовлечению школьников в олимпиадное движение; психолого-педагогическое сопровождение активных участников олимпиадного движения на базе школы.

Рекомендации учителям-предметникам в большей мере касаются создания психологически комфортной, безопасной и мотивирующей среды, осуществлению методически грамотной работы с обучающимися, вовлеченными в олимпиадное движение [1; 2]. Рекомендации родителям сфокусированы на эмоциональной поддержке школьника, создании бытовых условий, позволяющих ему справиться с интенсивными интеллектуальными нагрузками и реализовывать свой потенциал.

Для вовлечения школьников в олимпиадное движение необходимы условия, создаваемые школой, прежде всего, учителем, который непосредственно готовит ученика к олимпиаде. Также необходима поддержка родителей, благоприятная психологическая атмосфера на

уроках, на дополнительных занятиях с учителем. Важны взаимоотношения потенциального участника олимпиады и учителя. Также значима не только предметная, но и психологическая подготовка школьника. Необходимо формировать у него когнитивные установки, которые взаимосвязаны с мотивацией достижения; навыки саморегуляции; стрессоустойчивость; навыки участия в интеллектуальных соревнованиях.

Для формирования мотивации участия в олимпиадном движении важно учитывать ведущую деятельность школьника. Для младших школьников, согласно разработанной Д.Б. Элькониним периодизации психического развития, ведущей является учебно-познавательная деятельность, поэтому педагогу рекомендуется делать акцент на познании нового, создавать условия для удовлетворения любопытства, предлагая младшему школьнику принять участие в олимпиаде. Для обучающихся основной школы, ведущей деятельностью которых выступает интимно-личностное общение со сверстниками, учителю рекомендуется привлекать к участию в олимпиаде группу школьников, находящихся в дружеских отношениях, или создавать атмосферу, способствующую установлению дружеских отношений между подростками. Для старшеклассников, исходя из их учебно-профессиональной ведущей деятельности, целесообразно связывать участие в олимпиаде с возможностью профессионального самоопределения через выполнение заданий олимпиадного уровня.

Литература

1. *Кожухарь Г.С., Крушельницкая О.Б., Мешкова Н.В., Орлов В.А., Расходчикова М.Н., Сачкова М.Е., Хаймовская Н.А.* Социально-психологические феномены в современном образовательном пространстве: монография / под ред. О.Б. Крушельницкой, М.Е. Сачковой. М.: ИНФРА-М, 2022. 172 с. DOI: 10.12737/1718831
2. *Крушельницкая О.Б., Орлов В.А.* Актуальные вопросы социальной психологии образования // Ценностные приоритеты образования в XXI веке: Стратегические ориентиры высшего и общего образования в условиях социально-культурных трансформаций: материалы науч.-практ. конф. (10–11 нояб.

- 2022 г., г. Луганск) / ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». Луганск: Книта, 2022. 232 с. С. 103-108.
3. *Никитская М.Г.* Цели учебных достижений в мотивационно-потребностной сфере подростков: дис. ... канд. психол. н. М.: МГППУ, 2022. 187 с.
  4. *Орлов В.А.* Психологическая установка на активную личностную позицию обучающихся как фактор повышения их учебной мотивации // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2021 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. – 637 с. С. 420-422.
  5. *Тищенко А.А.* Воспитательный потенциал предметной олимпиады // Вестник Луганского государственного педагогического университета. 2022. № 1(77). С. 86-90.

Тревожность у школьников, переживших развод родителей

Ковыльникова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kovylnikovaeva@mgppu.ru

Главную роль в жизни ребенка играют родители. Семья, семейные ценности, забота взрослого о ребенке – это своего рода диалог взаимопонимания между родителями и ребенком, как на бытовом, так и на духовном уровне. Для ребенка - семья, это огромный мир [1; 5]. Где он развивается, радуется, познаёт много нового, вступает в определённые отношения со своими родителями и близкими, которые оказывают колоссальное влияние на ребенка, во многом определяющее его дальнейшую жизнь.

Взгляды на семью, отношения в семье в современном обществе существенно изменились. Столкнувшись с трудностями в повседневной жизни, молодые родители легко относятся к расторжению брака и построению новых отношений, часто не делая попыток создания новой семьи, не думая о том, что сам развод

родителей, не говоря уже о появлении отчима или мачехи, являются сильнейшими стрессовыми факторами для ребенка. Дети втягиваются в конфликт между взрослыми, их вынуждают делать выбор в пользу мамы или папы, что приводит к ощущению того, что их бросили и больше не любят. Вследствие чего у ребенка может развиваться тревожность.

Тревожность является наиболее распространенным феноменом психического развития, приводящего к неумению адаптироваться в новой ситуации, снижению умственной работоспособности, трудностям в общении, межличностным отношениям с другими людьми. Тревожность ребенка, является устойчивым личностным образованием, которое сохраняется на долгое время [2; 3]. Не редко тревожный ребенок не вписывается в детский коллектив, он часто не выполняет требований педагогов и вступает в конфликт с одноклассниками.

Тревожные дети могут отказаться от какой-то деятельности после неудачи, часто у них низкая самооценка, и они имеют неблагоприятное положение среди сверстников. Большинство тревожных детей отличается необычным поведением на уроках. В каких-то случаях они быстро, безоговорочно отвечают на поставленные вопросы учителя, а иногда молчаливы, замкнуты и не идут на контакт. И когда учитель вызывает его к доске, ребенок сильно волнуется, запинаясь, мнетя у доски. Тревожные дети в ответах стараются, что-то сказать неуверенно и пытаются уловить подсказки, что особенно усиливается, когда педагог указывает на ошибку.

В эмпирическом исследовании, которое было проведено ими, принимали участие московские школьники 11-12 лет, учащиеся 5 классов и их родители. Мы разделили всех участников исследования на 2 группы, первая – полные семьи, вторая группа – имеющее одного родителя, пережившего развод. Анализ результатов показал, что в неполных семьях, количество тревожных детей, выше на 35% и все они имели высокий и средний уровень тревожности. С низким уровнем тревожности оказалось 30% детей из полных семей и только 10% из неполных. То есть развод родителей определенно влияет на уровень тревожности у ребенка.

В детском возрасте закладываются и развиваются важнейшие интеллектуальные и личностные качества, формируются рефлексия и способность к адекватной оценке себя и других людей, событий своей жизни [4]. Многие трудности, сложившиеся в этот период и не разрешенные до конца, сохраняются и усугубляются в подростковом возрасте. Причины тревожности чаще всего коренятся в семейных отношениях. Отсутствие любви, эмоциональной поддержки и понимания со стороны родителей. Тревожность является наиболее распространенным феноменом психического развития, приводящим к неумению адаптироваться в новой ситуации, снижение умственной работоспособности, трудности в общении, межличностные отношения с другими людьми. Развод — это огромная травма для ребенка, является негативным событием в его жизни, приводящим к страху, к вину за развод родителей на себя, приспособлению к наличию в семье только одного из родителей.

Литература

1. Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю. О научном наследии М.Ю. Кондратьева // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 9-22.
2. Маринова Т.Ю. Методы диагностики функциональных состояний. (пособие для самостоятельной работы). М., 2008.
3. Маринова Т.Ю. О восприятии телевизионной рекламы детьми и их родителями // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. № 1. С. 155-162.
4. Никулин С.А. Среднестатусный младший подросток как «значимый другой» для одноклассников и педагогов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук // Моск. гор. психол.-пед. ун-т. Москва, 2011.
5. Никулин С.А. Основные аспекты взаимоотношений учителей со среднестатусными младшими подростками // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. №2. С. 323-326.

Моральное развитие и оценка социальной поддержки от значимого окружения студентами вуза

*Кожухарь, Г.С., Сутягина А.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anna.sutyagina@gmail.com*

В настоящее время отмечается сложность существующих социальных отношений, которые претерпевают быстрые изменения, что предполагает новую интерпретацию социального опыта, его осмысление, обнаружение особенностей морального развития личности в динамических социальных условиях. Морально-нравственное состояние современного социума характеризуется разнообразием личной и социально-групповой морали [6].

На основе близости к таким социальным общностям, как семья, друзья, а также значимые другие, чье мнение имеет особый вес в жизни человека, он формирует не только личностную, но также социальную и моральную составляющие как мировоззрения, так и поведения. Одним из важнейших показателей такой близости является ощущение социальной поддержки от обозначенных социальных групп. Формируя представления об окружающем мире, социальная поддержка не может не затрагивать сферу морально-нравственных суждений человека, определяющих его взаимоотношения с социумом [3].

Особый интерес в изучении показателей морального развития представляют студенты. Именно в студенческом возрасте происходит развитие всех компонентов морально-нравственного самосознания личности, подтвержденное многими исследованиями (Е.В. Григорьевой, Т.А. Сучковой, В.Г. Лисовского и др.). Моральное развитие личности студента как процесс представляет собой объективный феномен, который связан с наличием определенного нравственного потенциала, развивающегося в процессе учебно-профессиональной деятельности [5].

Актуальность исследования рассматривается с точки зрения взаимодействия личности с социумом. Психологические исследования, в которых соотносятся моральная сторона развития студентов и степень вмешательства окружения в систему их

взаимодействия с окружающим миром и самим собой малочисленны. Вместе с тем практика социально-психологического взаимодействия требует конкретизации специфики формирования уровня морали.

Цель исследования: изучить стадии морального развития и оценку социальной поддержки от значимого окружения по нескольким составляющим, в числе которых семья, друзья и значимые другие и определить наличие взаимосвязи между ними у студентов вузов.

В качестве методического материала мы использовали методику «Справедливость-забота» (С.В. Молчанов) и методику «Шкала социальной поддержки (многомерная шкала восприятия социальной поддержки – MSPSS)» (Д. Зимет; адаптация В.М. Ялтонский, Н.А. Сирота) [1; 2; 4].

Выборку составили студенты технических и гуманитарных направлений от 18 до 24 лет, всего было набрано 60 респондентов.

Анализ полученных данных показал, что для современных студентов характерны средние и высокие показатели уровня морального развития: по шкале «Справедливость» высокий уровень преобладает у 65% испытуемых, средний — у 35%, низкий уровень не был выявлен; по шкале «Забота» высокий и средний уровни равно преобладают среди респондентов (каждый составляет 47%), низкий уровень — лишь у 6% испытуемых.

Уровень оценки социальной поддержки у современной студенческой молодежи находился на достаточно высоком уровне. Особенно высоко студенты оценили поддержку от социальной группы «друзья».

Также была выявлена значимая взаимосвязь социальной поддержки с уровнями морального развития.

Оказалось, что выраженность доконвенционального уровня морального развития прямым образом взаимосвязана с оценкой социальной поддержки от значимых других ($p < 0,05$).

Степень выраженности постконвенционального уровня морального развития на стадии универсальных этических принципов имела прямую взаимосвязь с социальной поддержкой от друзей ($p < 0,05$).

Преобладание уровня морального развития «самопожертвование» на подуровне учета интериоризированных ценностей и защиты прав других было прямым образом взаимосвязано с общей оценкой социальной поддержки от значимого окружения. Кроме того,

существовала тенденция взаимосвязи данного уровня морального развития и социальной поддержки с категорией «семья».

Подводя итоги проведенной работы, можно сделать следующие выводы.

1. Современная студенческая молодёжь в возрасте от 18 до 24 лет имеет среднюю и высокую степень морально-нравственного развития, а также высоко оценивает социальную поддержку от значимого окружения, в особенности от друзей.

2. Выраженность уровня морального развития взаимосвязана с определенными категориями социальной поддержки от окружающих.

- При повышении дружеской поддержки возрастает постконвенциональный уровень (соответствует высокому уровню морального развития), в основе которого лежат принципы этики, принятые обществом.

- При достаточном уровне социальной поддержки от окружающих, в особенности от семьи, повышается самопожертвование (средний уровень морального развития), заключающееся в построении своего поведения на основе социальных норм и ценностей.

- Чем выше субъектом оценивается степень вмешательства в его жизнь людей, чье мнение имеет вес, тем более выражен доконвенциональный уровень (соответствует низкому уровню морального развития), характерный для инфантильных и незрелых личностей.

Таким образом, изучение морально-нравственных форм поведения современной молодежи необходимо рассматривать с учетом их взаимосвязи с социальным воздействием окружения и его референтностью.

Литература

1. *Карвасарский Б.Д.* Клиническая психология / Учебник. М., 2004.
2. *Кухтова Н.В., Доморацкая Н.В.* Просоциальное поведение специалистов, ориентированных на оказание помощи: теоретические основы и методики изучения / Методические рекомендации. М., 2011.

3. *Лифинцев Д.В., Лифинцева А. А.* Концепции социальной поддержки: позитивные и негативные эффекты социальных связей в контексте субъективного благополучия человека // Вестник Балтийского федерального университета. 2011. № 11.
4. *Молчанов С.В.* Мораль справедливости и мораль заботы: зарубежные и отечественные подходы к моральному развитию // Вестник Московского университета. 2011. Серия 14. № 2.
5. *Ольшевская Э.Н.* Когнитивный и эмоциональный компоненты морального самосознания студентов вуза: дис. канд. психол. н. Ярославль, 2010.
6. *Терёшкин А.Ф.* Моральные установки в системе отношений субъекта: дис. канд. психол. н. СПб., 2004.

Проявления феномена буллинга у старшеклассников и студентов первого курса вуза

Кожухарь Г.С., Тихонова Д.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
dasha.d.d.vslv@mail.ru

Проблема появления буллинга как целостного феномена в среде учащихся, имеет в своей основе наличие ярко выраженного внутреннего конфликта у включенных в данный процесс, случаи отвержения со стороны сверстников, неадекватная самооценка и ряд других факторов приводят к школьной травле. Обстановка усложняется тем, что, когда, после окончания школы, старшеклассники превращаются в студентов, они оказываются в совершенно иной образовательной среде, нахождение в которой нередко вначале бывает дискомфортным. Период адаптации включает в себя определенный ряд сложностей, однако буллинг в группах студентов скорее редкость, чем системное проявление. На возникновение конфликтов в высшем учебном заведении влияют факторы, схожие с причинами формирования школьной буллинг-структуры, а именно: национальные и культурные особенности, мировоззрение, ценности, социальное положение, личная неприязнь, а

также психологическое напряжение, вызванное сложностями адаптации.

В отечественных и зарубежных исследованиях (А.А. Бочавер, И.С. Бердышев, Е.А. Быкова, Л.А. Гаязова, М.Г. Нечаева, О.А. Селиванова, Т.С. Шевцова, А. Arnarsson, Y. Bjereld, K. Daneback, A. Dardiri, F. Hanum и многие другие), авторы подчеркивают высокую степень распространенности этого явления в образовательной среде, когда школьники сталкиваются с трудностями в обучении.

Формирование сложной ситуации в образовательной среде, по мнению учёных, обусловлено наличием внешних или внутренних изменений, влияющих на адаптацию учащихся к школьной жизни, в результате чего ученик становится неспособным удовлетворять свои образовательные потребности и познавательные интересы [2].

Поскольку буллинг в студенческой среде изучен еще недостаточно, целью данного исследования явился сравнительный анализ оценки риска буллинга в группе и буллинг-структуры у старшеклассников и студентов.

В качестве психодиагностических методик были использованы: опросник риска буллинга (А.А. Бочавер, В.Б. Кузнецова и др.) [1]; тест, направленный на выявление «буллинг-структуры» (Е.Г. Норкина) [3].

В исследовании приняли участие 50 старшеклассников в возрасте 16-17 лет и 50 студентов первого курса вуза, в возрасте 17-18 лет.

Были получены следующие результаты.

Факторы риска буллинга проявились следующим образом. Среди старшеклассников оказалась выше степень нормализации неуважения и игнорирования правил и границ других, субъективное чувство незащищенности, тревожность и повышенный риск возникновения различных дезадаптивных стратегий преодоления тревоги, таких как издевательства, агрессивное поведение, употребление психоактивных веществ. Также у старшеклассников выше средние значения по шкалам благополучия и равноправия, то есть важность стабильности границ других, уважение к правилам и принадлежности к группе, способность принимать различия одноклассников, успешно распределять роли и достаточно конструктивно взаимодействовать друг с другом.

Показатель разобщенности выше у первокурсников, то есть среди них в большей степени отсутствует сплоченность и имеет место

386

дистанция между членами группы, а также между студентами и преподавателями, соответственно, менее тесная взаимосвязь и влияние друг на друга, чем в школьной ситуации.

Анализируя буллинг-структуру, было обнаружено, что инициаторов больше среди старшеклассников, чем среди первокурсников. Они характеризуются высоким уровнем агрессии, нападают не только на жертву, но и на учителей и родственников. Это импульсивные члены группы, наслаждающиеся доминированием над другими детьми. По их мнению, оптимальным способом достижения своих целей является доминирование над сверстниками, их подчинение с помощью силы (физической и психологической). Давление на других людей подкрепляется неадекватно завышенной самооценкой и проблемами с коммуникативными навыками; низким развитием эмпатии, склонностью к обману не умеют сочувствовать своим жертвам; физически сильные дети; склонны ко лжи и мелкому мошенничеству.

Помощников инициатора больше среди старшеклассников, также, как и жертв буллинга, а защитники жертвы преобладают среди первокурсников. Наблюдатели данной ситуации преобладают среди первокурсников. Среди старшеклассников меньше всего подростков с неопределенной ролью в ситуации буллинга.

Далее мы рассмотрели взаимосвязи между риском буллинга и ролями в буллинг-структуре. У старшеклассников небезопасность в группе обратным образом оказалась связана с инициаторами и помощниками инициаторов в группе, а напрямую взаимосвязана с количеством жертв и защитников жертв. То есть, чем больше инициаторов и помощников инициаторов, тем ниже небезопасность в группе, а чем больше защитников жертв и жертв буллинга, тем выше небезопасность отношений в группе. Благополучие в группе имело обратную связь у старшеклассников с жертвами буллинга: то есть чем выше благополучие, тем меньше жертв среди старшеклассников. Разобщенность среди старшеклассников напрямую была взаимосвязана с защитниками жертв буллинга: то есть, чем больше разобщенность среди старшеклассников, тем больше защитников жертв среди них. Равноправие среди старшеклассников напрямую связано с количеством инициаторов среди них, и обратным образом – с защитниками жертв и жертвами буллинга. То есть среди

старшеклассников чем больше равноправия между членами группы, тем больше инициаторов буллинга, при этом меньше защитников жертв и жертв буллинга.

Среди первокурсников благополучие в группе имело отрицательную взаимосвязь с количеством жертв буллинга, иными словами, чем выше было благополучие отношений среди первокурсников, тем меньше наблюдалось студентов в роли жертв буллинга. Разобщенность среди первокурсников имела отрицательную связь с ролью помощника инициаторов буллинга, то есть чем выше была разобщенность в группе, тем меньше встречалось помощников инициаторов буллинга. Равноправие среди первокурсников также имело отрицательную взаимосвязь с количеством наблюдателей буллинга, что проявлялось в том, что при росте равноправия среди первокурсников, становилось меньше наблюдателей буллинга.

Полученные данные позволяют понять различия некоторых показателей феномена буллинга при переходе из старшей школы в студенческую жизнь, для того чтобы осуществлять профилактику и снижения проявлений травли в образовательных системах разного уровня.

Литература

1. *Бочавер А.А., Кузнецова В.Б., Бианки Е.М., Дмитриевский П.В., Завалишина М.А., Капорская Н.А., Хломов К.Д.* Опросник риска буллинга // Вопросы психологии, 2015, № 5. С. 146-157.
2. *Гришина Т.Г.* Исследование буллинга среди школьников: обзор зарубежных исследований. Современная прикладная психология: теория и практика: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 т. / под ред. Т.Н. Мельникова, Н.Т. Колесник. М.: ИИУ МГОУ, 2017.
3. *Норкина Е.Г.* Методика на выявление «Буллинг-структуры» // Таврический научный обозреватель, 2016. № 3 (8). С. 170-174.

Осмысленность жизни, временная перспектива и копинг-стратегии в юношеском возрасте и в ранней зрелости

*Колесник Е.А., Синельникова Е.С.
ФГБОУ ВО ПГУПС, Санкт-Петербург, Россия
ecaterina.colesnic@mail.ru*

Становление личности неразрывно связано с преодолением субъективно и объективно трудных жизненных ситуаций. Высокий уровень неопределенности современного мира предъявляет требования к способности личности справляться со стрессом. Осмысленность жизни и временная перспектива могут рассматриваться как личностные ресурсы, связанные с конструктивным совладанием со стрессом [3]. Осмысленность жизни отражает направленность личности, наличие жизненных целей, способность к осознанному выбору и принятию решений и умение брать ответственность за собственную жизнь [1]. Временная перспектива упорядочивает жизнь человека, придавая ей смысл. Это базовый аспект в построении психологического времени, основой которого являются когнитивные процессы и который делит жизненный опыт на временные рамки прошлого, настоящего и будущего [4; 6]. Способность принимать изменения является важным фактором направленности личности, который связан с выбором совладающего поведения [2; 5].

Цель эмпирического исследования – изучение осмысленности жизни, временной перспективы и копинг-стратегий в юношеском и зрелом возрасте.

Методики исследования: для изучения осмысленности жизни – шкала экзистенции А. Лэнгле, К. Орглера (в адаптации В.Б. Шумского, Е.М. Уколовой, Е.Н. Осина, Я.Д. Лупандина); для изучения временной перспективы – опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В. Митиной); для изучения копинг-поведения – методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Н. Эндлера, Д. Паркера (в адаптации Т. А. Крюковой). Выборка исследования представлена респондентами юношеского возраста и зрелого возраста в количестве 60 человек (50% юношеского возраста, 50% зрелого возраста). В исследовании

применялись качественный анализ, корреляционный анализ Пирсона, t-критерий Стьюдента.

По шкале осмысленности жизни у респондентов обеих групп наиболее выражен показатель самотрансценденции (36%), отражающий приоритет смысла деятельности над его целью. Низкие показатели самодистанцирования (13%) демонстрируют низкую способность к децентрации респондентов. Планирование будущего (24%) оказалось наиболее выраженной временной перспективой. Низкие показатели по шкале фаталистическое настоящее (17%) подтверждают ориентацию на будущее, исключая убежденность в том, что будущее предопределено и события настоящего не могут на него повлиять. Наиболее выраженной копинг-стратегией является решение задач (32%), в то время как социальное увлечение, склонность к уединению присуще лишь 9% респондентов.

Респонденты зрелого возраста по сравнению с респондентами юношеского возраста в большей степени склонны использовать копинг-стратегию, направленную на решение задач ($t = -5,063, p \leq 0,01$), респонденты юношеского возраста в большей степени склонны использовать стратегию отвлечения от проблемной ситуации ($r = 2,747, p \leq 0,01$). Также респонденты зрелого возраста имеют более высокие показатели восприятия позитивного прошлого ($r = -4,134, p \leq 0,01$), т.е. в большей степени принимают свое прошлое и оценивают его как опыт, способствовавшего развитию. Респонденты зрелого возраста также в большей степени ориентированы на будущее ($r = -6,066, p \leq 0,01$), стремятся к достижению целей.

Анализ показал, что экзистенциальная исполненность юных респондентов прямо коррелирует со стратегией решения задач ($r = 0,497, p \leq 0,05$), ориентацией на будущее ($r = 0,504, p \leq 0,05$) и обратно коррелирует с эмоционально-направленными копинг-стратегиями ($r = -0,403, p \leq 0,05$), ориентацией на негативное прошлое ($r = -0,627, p \leq 0,05$) и фаталистическое настоящее ($r = -0,446, p \leq 0,05$). Копинг-стратегия, направленная на решение задач, имеет положительную взаимосвязь с ориентацией на будущее ($r = 0,678, p \leq 0,05$), тогда как эмоционально-направленный копинг прямо связан с негативным прошлым ($r = 0,752, p \leq 0,05$) и фаталистическим настоящим ($r = 0,598, p \leq 0,05$) младшей возрастной группы.

Осмысленность жизни в ранней зрелости обратно коррелирует с эмоционально-направленным копингом ($r = -0,561, p \leq 0,05$), негативным прошлым ($r = -0,629, p \leq 0,05$) и фаталистическим настоящим ($r = -0,489, p \leq 0,05$). Прямая корреляция осмысленности наблюдается с ориентацией на будущее ($r = 0,465, p \leq 0,05$). Положительная взаимосвязь копинга, направленного на эмоции, отмечается с ориентацией на негативное прошлое ($r = 0,500, p \leq 0,05$) и фаталистическое настоящее ($r = 0,410, p \leq 0,05$).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что респонденты юношеского возраста, обладающие большей осмысленностью жизни и ориентированные на будущее, в ситуации стресса в большей степени склонны к активному проблемно-ориентированному совладанию. Большая осмысленность жизни связана с меньшей склонностью к деструктивному эмоциональному реагированию в обеих возрастных группах. в меньшей степени – к деструктивному эмоциональному реагированию. Неприятие своего прошлого и склонность воспринимать настоящее неподвластным сознательному контролю, связано с деструктивным эмоциональным реагированием в ситуации стресса.

Литература

1. Барцалкина В.В., Волкова Л.В., Кулагина И.Ю. Особенности ценностно-смысловой сферы при переживании трудной жизненной ситуации в зрелости // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27, № 2. С. 69–81.
2. Битюцкая Е.В. Опросник способов копинга // Методическое пособие. Москва: Смысл, 2015. С. 80.
3. Китаев-Смык Л.А. Стресс. Эмоции и соматика. М.: Академический проект, 2021.
4. Комяк М.В. Копинг-стратегии и временная перспектива личности // Материалы XV Международной научной конференции «Ломоносов». Москва: Издательство МГУ, 2008. С. 47-50.
5. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегия в структуре деятельности и саморегуляции // Психологический Журнал Высшей школы экономики, 2013. Т.1. №10. С. 82-118.

6. Сырцова А., Митина О.В. Возрастная динамика временных ориентаций личности // Вопросы психологии. 2008. №2. С.41-54.

Гендерные аспекты ревности, готовности прощать и аутентичности личности

Кольвах П.П., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

apollinaria1004@gmail.com, nkochetkov@mail.ru

Гендерная социализация может играть определенную роль в формировании аутентичности личности, а также в том, как мужчины и женщины воспринимают и выражают ревность и готовность прощать. Ревность является одной из основных причин конфликтов в отношениях, а опыт прощения может значительно уменьшить их остроту, а развитие аутентичности личности поможет сохранить индивидуальность и самобытность каждого партнера.

В психологии изучением ревности занимались многие учёные, но несмотря на это, полный психологический анализ феномена ревности до сих пор не выполнен [1]. Ревность — это комплекс эмоций, которые возникают у людей в ответ на угрозу их отношений с другим человеком. В социальной психологии ревность изучается как комплексное явление, включающее в себя биологические, психологические и социальные факторы.

Аутентичность – это личностная характеристика, выражающаяся в согласованности между внутренним миром человека и его внешней проявляемой деятельностью. Это черта, которая отражает восприимчивость человека к тому, чтобы «быть самим собой» в переживаниях, представлениях, поведении и общении [2]. Аутентичный человек является открытым, искренним, самостоятельным и достаточно уверенным в себе, он стремится к единству внутренних переживаний и внешних выражений, не прикрывая свои чувства и эмоции, и не маскируя свою личность. Если принять понимание аутентичности как чувствительности к подлинности собственной жизни, можно ожидать, что в силу большей рефлексии и осмысленности аутентичные люди будут также и более моральными [2].

Обратимся к следующей переменной нашего исследования – способности прощать. Ее можно описать как готовность и возможность человека принять и простить других за их негативное поведение. Это связано с пониманием мотивов других людей, их жизненных обстоятельств и контекста, в котором происходили их действия. Примечательно, что в психологии аутентичность и способность прощать как взаимосвязанные феномены практически не исследовались, в то время как в теологической литературе эта связь кажется очевидной и представлена целостной конструкцией — *authentic forgiveness*, подлинное и безусловное прощение [2]. Прощение не синонимично примирению или оправданию скорее, это некоторая душевная работа по добровольному изменению своих чувств, установок и поведения Л. Томпсон и соавторы определяют прощение как способ осмысления (*framing*) ситуаций, в которых нарушаются ожидания человека относительно поведения других людей, своего собственного или развития жизненных событий вообще [3].

Целью нашей работы было рассмотрение гендерных аспектов ревности, готовности прощать и аутентичности личности. Выборку составили 152 человека в возрасте от 17 до 52 лет. Каждый человек на начальном этапе указывал статус своих отношений и оценивал их длительность. Для определения уровня ревности, способности прощать и аутентичности личности нами были использованы многомерная шкала ревности (MJS) Сьюзан М. Пфайффер и Пол Т.П. Вонг, шкала аутентичности (А. Вуд) и шкала прощения Хартланд.

Результаты исследования показали, что мужчины и женщины ревнуют одинаково, но способность прощать у них выражена по-разному: представители женского пола склонны заикливаться на проблемных ситуациях в связи с чем могут иметь трудности во взаимодействии с противоположным полом, тогда как представители мужского пола более индифферентны в этом вопросе.

Также было обнаружено, что женщины в большей степени подвержены внешнему влиянию, что может быть интерпретировано через особенности традиционных ценностей нашей культуры, в которой представителей женского пола с раннего возраста учат быть более зависимыми, «послушными», в большей степени соответствовать общественным нормам, что приводит к большей зависимости от социума, чем у представителей мужского пола.

Теперь обратимся к основным различиям во взаимосвязях между переменными.

1. У женщин ревность прямо связана с аутентичной жизнью и обратно с самоотчуждением. Эта связь может быть объяснена тем, что ценность семьи у женщин больше, чем у мужчин и именно это привносит большой вклад в аутентичность представителей женского пола. Соответственно, чем больше будет наблюдаться аутентичность, тем больше будет выражена ревность. Самоотчуждение же, как прямая противоположность аутентичности, будет демонстрировать обратную взаимосвязь.

2. У мужчин есть прямая связь между готовностью прощать и внешним влиянием, чего нет у представителей женского пола. Мужчина может быть более склонен к прощению, если его окружают люди, которые сами проявляют терпимость, сострадание и уважение к другим. В целом, готовность прощать в значительной мере зависит от личной эмоциональной зрелости и восприятия готовности прощения в целом, а не только от внешних факторов.

Литература

1. *Фароян Г.Д.* Факторы, влияющие на проявления ревности // Психология и педагогика в Крыму: пути развития: журн. 2018. № 4.
2. *Нартова-Бочавер С.К.* Аутентичность и способность прощать при разных уровнях стресса предварительное исследование // Клиническая и специальная психология. 2022. Том 11. № 1.
3. *Нартова-Бочавер С.К.* Способность прощать и домашняя среда как аспекты межличностного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1.

Наставничество как фактор результативности первичной трудовой адаптации

Комаров В.В.

*ФГБОУ ВО РАНХиГС, Самарский филиал, Самара, Россия,
komarov.sn1@yandex.ru*

На процессы трудовой адаптации оказывают влияние не только производственные аспекты, содержание труда, особенности трудовой деятельности, но и интерес к ней нового работника, воздействие

394

профессиональной среды на него, а также его индивидуально-психологические особенности и личностные черты. Несомненно, наставничество является важным методом трудовой адаптации, когда опытный работник помогает освоиться на рабочем месте новичку, и чем меньше производственного опыта у нового сотрудника, тем больше значимость данного метода. Наставничество оптимизирует процедуры взаимодействия новых работников с профессиональной и социальной средой организации, а значит помогает стабилизировать кадровые процессы; способствует ускорению вхождения нового сотрудника в должность [5].

Значение наставничества трудно переоценить в современном быстроменяющемся мире, его роль для поддержания высокого темпа развития организаций высока. Однако его внедрение в контекст организационной культуры современных организаций связано с рядом трудностей. Выделим некоторые из них, отмеченные некоторыми исследователями [1]. Во-первых, поколение миллениалов, представители которых часто являются подопечными наставников, по своим ценностям, мировоззрению, цифровой грамотности существенно отличаются от своих старших товарищей, что может вызывать недопонимание и откровенный саботаж совместной работы. Другая трудность связана с формальным подходом к делу, когда за бюрократическими процедурами не замечаются реальные проблемы конкретного работника, особенности его квалификации и личностных характеристик. Отсюда вытекает и третья проблема – недостаточная квалификация самих наставников. Речь идет не о профессиональной квалификации, а о психолого-педагогической. Редкий случай в современной российской практике, когда организации проводят на системной основе обучающие мероприятия для развития компетентности наставничества. В основе такого отношения заблуждение, что наставник достаточно компетентный работник и ему не требуется обучение. При этом сами наставники зачастую не воспринимают наставничество как важную часть своей работы – скорее, как дополнительную нагрузку, которой не очень рады. Наконец, результат работы наставника не всегда очевиден и сложен в оцифровке, более того, трудно вычленить его личный вклад при анализе итогов адаптации. Данное обстоятельство может привести к разочарованию от наставнической деятельности.

Правильная система наставничества в организации выстраивается таким образом, чтобы упорядочить формальные процедуры и обеспечить наставнику соответствующую мотивацию: поощрять их работу (в том числе материально), признавать их вклад в развитие организации [4].

Активное включение наставника в реализацию адаптационных мероприятий начинается с момента знакомства нового сотрудника с рабочим местом. Важно отметить, что наставник должен назначаться из числа наиболее опытных работников, обладающих определенными личностными качествами, такими как эффективное общение, эмпатия, системные и управленческие навыки, лидерство. Лидерская позиция наставника – это не только способность увлечь и умение построить путь к определенной цели, это еще и особое, личностное видение производственных и межличностных процессов, общее понимание рабочей обстановки, осознание того, каким образом донести до нового сотрудника особенности своей организации, непростые оттенки ее организационной культуры. Также лидерство наставника – это его способность быть убедительным, уметь заражать своими идеями и энтузиазмом новичков, показывать пример в работе.

Согласно теории интерперсонального поведения У.Шутца основной потребностью личности в новом коллективе является *включение* (присоединение) [6], которое рассматривается как концепт межличностных отношений, имеющий отношение не к эмоциональной привязанности, а к желанию стать своим в группе, ее полноценной частью, быть нужным. Задача наставника распознать направление присоединения адаптанта, трудности, которые он при этом испытывает относительно всей группы, и отдельных личностей, включая руководителей.

Приемы и методы общения, которые использует наставник при работе с адаптантом должны отличаться эмпатией и доброжелательностью. Подобные общение в работах М.Розенберга называется ненасильственным и включает четыре элемента: наблюдение, чувства, потребности, просьбы [3]. Опытный наставник беспристрастно наблюдает за своим подопечным, не дает сразу скоропалительных оценок и обобщений, а констатирует реальные проявления в поведении новичка (больше для себя, чем для него); анализирует, какими чувствами и потребностями они вызваны;

уважительно корректирует его поведение через просьбы, а не указания. Такой подход требует высокого уровня внутренней готовности к психологическому восприятию другого, а значит способностей и желания вести данную деятельность.

В дополнении стоит назвать ряд специфических качеств, выделяемых некоторыми исследователями, которыми еще должен обладать наставник: корпоративность (наставник должен быть лоялен организации и разделять корпоративные ценности); системное представление о деятельности подразделения и организации в целом; профессиональный опыт, подтвержденный результатами; желание быть наставником; склонность к преподавательской деятельности, наличие педагогических знаний и опыта; высокий уровень ответственности за подопечного [2].

Повысить качество работы наставника помогут системность организации работы, а также применение эффективных техник и методов. Реализуя различные модели наставничества и техники работы с подопечным, в целом являясь организатором процессов адаптации, наставник принимает на себя несколько важных и взаимосвязанных ролей: профессионала, педагога, руководителя, коуча [2]. И это неполный список из возможных ролей наставника.

В заключении стоит подчеркнуть, что наставничество в лучших своих проявлениях становится важнейшим фактором успешности трудовой адаптации. Наставничество призвано нивелировать трудности адаптации, оперативно вносить корректировки в программу адаптационных мер, т.е. выступать опорой индивидуального подхода в данном процессе.

Литература

1. *Локтюхина Н.В., Назарова У.А., Шабеева С.В.* Развитие системы наставничества: Российский и зарубежный опыт // Научный электронный ежеквартальный журнал Непрерывное образование: XXI век, 2019. Выпуск 4 (28). С.136-151. URL: <https://readera.org/147226117>.
2. *Прохорова М.П., Лебедева Т.Е., Ястребов А.А., Иванов А.Д.* Наставник в современной компании: требования и подготовка // Московский экономический журнал, 2019. № 12.

3. *Розенберг М.* Ненасильственное общение. Язык Жизни. М., 2015.
4. *Чулкова А.В., Артемова Ю.С.* Психологическое сопровождение социальной адаптации в период трудоустройства // Инновационное развитие строительства Волгоградской области. Волгоград, 2013.
5. *Чунина М.Е., Тихонов А.И.* Развитие системы наставничества как важный элемент адаптации персонала // Московский экономический журнал, 2019. №9.
6. *Шутц У.* Human Элемент: продуктивность, самооценка и конечный результат. Природа человеческих взаимоотношений в организациях. Х., 2019.

Взаимосвязь проявления тревожности и уровня академической успеваемости у младших школьников.

Комарова П.С., Усманова Э.З.

*Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте,
Ташкент, Республика Узбекистан
nikonpolina922@gmail.com,*

Роль тревоги считается важнейшей для понимания детской психопатологии. Тревога влияет на такие сферы, как мыслительные процессы, поведенческие и физиологические реакции [1]. При этом важно разграничить термины «тревожность» и «тревога», поскольку изучение феномена тревожности является центральным звеном в нашем исследовании.

В большинстве случаев разные авторы опираются на определение Ч. Спилбергера: тревога – это неприятное по своей окраске эмоциональное состояние, которое характеризуется субъективными ощущениями беспокойства, мрачных предчувствий, а с физиологической стороны — активацией автономной нервной системы. Это состояние, по мнению автора, возникает в ситуации неопределенной опасности, угрозы и содержит в себе ожидание негативной оценки, восприятия отрицательного к себе отношения или угрозы своему самоуважению [6].

А. Прихожан определяет тревожность как «переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагополучия, с предчувствием грозящей опасности» [3]. Именно это определение взяли за основное в нашем исследовании. В Большом психологическом словаре этот же термин авторы определяют иначе: «индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги, а также в низком пороге его возникновения», а также рассматривается «как личностное и/или как свойство темперамента, обусловленное слабостью нервных процессов» [2].

Кроме того, многие авторы в своих исследованиях доказывали взаимосвязь между тревожностью в разных проявлениях и успеваемостью у студентов колледжей [5; 6]. В других работах также доказывается взаимосвязь тревожности с академической успеваемостью у учеников младших классов [4].

В нашем исследовании приняли участие дети младшего школьного возраста, обучающиеся в 3 и в 4 классе, в возрасте 9-11 лет. Общее количество респондентов составит 64 человека, где 32 – мальчики и 32 – девочки.

Использовался следующий методический аппарат.

1. Методика «Школьная тревожность» А. Филлипса для изучения школьной тревожности у младших школьников.

2. Тест тревожности Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен. Методика «Выбери нужное лицо» (для младших школьников).

Для изучения академической успеваемости школьников были проанализированы журналы по успеваемости учителя – классного руководителя.

Общие гипотезы:

- все виды тревожности (личностная, школьная, ситуативная) у младших школьников будут различны и отличаться по полу;
- академическая успеваемость у учащихся младших классов будет различной и отличаться по полу;
- предполагается связь между тревожностью как особенностью личности и уровнем успеваемости.

Частные гипотезы:

- у девочек все виды тревожности выше, чем у мальчиков;

- у девочек академическая успеваемость выше, чем у мальчиков;
- чем выше тревожность, тем выше успеваемость.

Наша первая общая подтвердилась частично: оказалось, что мальчики испытывают больше страх от ситуации проверки их знаний, и их уровень сопротивляемости физиологическому стрессу ниже, чем у девочек. Первая частная гипотеза не подтвердилась, поскольку оказалось, что мальчики имеют значимо более высокий показатель по упомянутым шкалам тревожности.

Вторая общая гипотеза подтвердилась: девочки оказались действительно успешнее в учебе, чем мальчики. Такой результат также подтверждает нашу вторую частную гипотезу.

Третья гипотеза не подтвердилась: взаимосвязи между тревожностью как личностной особенностью и успеваемостью установлено не было, однако выяснилось, что есть связь между школьной тревожностью и успеваемостью. Однако третья частная гипотеза нашла свое частичное подтверждение: по результатам, те, у кого был высокий уровень успеваемости, обладали высоким уровнем школьной тревожности, то есть высоким уровнем переживания социального стресса, фрустрации потребности в достижении успеха, страха самовыражения и низкой сопротивляемости физиологическому стрессу. Такой результат, мы полагаем, можно связать с высокими требованиями, которые ставятся перед отличниками, и, как следствие, высоким давлением, которое сказывается на их эмоциональном состоянии и вызывает страх потерять свое место в группе. Социальный стресс порождается общественными условиями: он возникает в периоды социальных трансформаций и проявляется в нарушении регуляции процессов социального функционирования личности. Такой стресс является одной из причин возникновения такого давления и страха.

Таким образом, в рамках нашего исследования мы рассмотрели не только теоретические подходы к разработке проблемы тревожности в контексте учебы и успеваемости, но и собрали и проанализировали эмпирические данные, которые вполне соответствуют уже имеющимся теоретическим воззрениям. Исходя из полученных результатов, можем сказать, что наши общие и частные гипотезы подтвердились частично. Также полученные результаты мы связали, в

основном, с социальными факторами. Наша работа вполне может задать вектор новым исследованиям, для более глубокого изучения вопроса тревоги и тревожности учеников младшей школы.

Литература

1. *Астанов В.М.* Функциональный подход к изучению состояния тревоги // Прикладная психология. № 1. 1999. С. 41-47.
2. *Мещераков Б.Г., Зинченко В.П.* Цитата // Большой психологический словарь. СПб., 2003. С. 127.
3. *Прихожан А.М.* Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. СПб., 2009. С. 192
4. *Crîșan C., Copaci I.* The Relationship between Primary School Childrens' Test Anxiety and Academic Performance // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2015. № 180. P. 1584-1589.
5. *Feinberg L.B., Halperin S.* Affective and cognitive correlations of course performance in introductory statistics // Journal of Experimental Psychology, 1978. № 46. P. 11-18.
6. *Spielberger Ch.* Anxiety: Current Trends in Theory and Research. New York, 1972. Vol 1, 2.

Взаимосвязь самооценки и статуса подростка в буллинг-структуре

Комарова Т.К., Вильчевская В.Е.

*УО ГрГУ им.Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь
komarova@grsu.by, vilchevskay_ve_19@student.grsu.by*

В современном социуме актуальность проблемы буллинга в молодежной среде подтверждается уже достаточно многочисленными исследованиями, в которых отмечается, что одним из важнейших аспектов в изучении данного феномена является исследование как объективных, так и субъективных факторов, провоцирующих такое поведение личности. В качестве таковых называются: стиль общения в семье и дефицит общения родителей с детьми: не менее значим фактор агрессивно-репрессивного поведения педагогов и родителей по отношению к детям как предиктор воспроизводства агрессивного

поведения; как существенный фактор рассматривается нарушение «вертикальной трансмиссии» социально одобряемых ценностей, знаний и опыта родительского поколения в семейном микросоциуме на фоне возрастающего влияния на формирование мировоззрения подрастающего поколения Интернет-ресурсов, пропагандирующих различные формы насилия [1; 2].

Исследовательский интерес закономерно обращен и к тем внутриличностным детерминантам, наличие которых выступает очевидным предиктором поведения личности как агрессора или как жертвы агрессии. В подростковом возрасте, например, это рефлексия школьником своего статуса в коллективе сверстников как индикатора его социально-психологического благополучия и обусловленного этим эмоционального самочувствия, сформированность жизненных планов и ценностных ориентаций, жизненной позиции в целом и т.п.. Эти личностные образования рассматриваются как факторы риска буллинга в подростковой среде [3]. По солидарному мнению исследователей, одним из важнейших факторов, определяющих для личности риск буллинга и статус в буллинг-структуре, является сформировавшаяся у неё самооценка. Вместе с тем, буллинг как социально-психологический механизм, регулирующий иерархические отношения в группе членства, с очевидностью сам оказывает влияние как на процесс формирования, так и на деформацию сформировавшейся самооценки личности, вовлеченной в такие отношения в разном статусе.

Таким образом, статус в буллинг-структуре и отношение личности к себе обнаруживают причинно-следственные связи. Особое значение это приобретает в подростничестве как сензитивном периоде формирования самосознания личности, её суверенности и автономии.

С представленных выше позиций было предпринято эмпирическое исследование, цель которого состояла в изучении взаимосвязи самооценки и статуса подростка в буллинг-структуре. Сбор эмпирических данных проводился с помощью методики количественного исследования самооценки личности (С.А. Будасси); а также методики «Буллинг-структура» (Е.Г. Норкиной). В исследовании приняли участие 134 подростка.

Данные, полученные по методике «Буллинг-структура», выявили рефлексии подростками своего вероятного статуса в ситуации

буллинга. Было установлено, что наиболее часто подростки определяют свой статус как «наблюдателя» – 47% (63 респондента), менее часто они видят себя как «жертву» – 30% (38 респондентов). Вместе с тем 23% подростков в исследуемой выборке признали свой статус «агрессора» (33 респондента). Результаты свидетельствуют о том, что подростки способны четко осознавать предпочитаемую и потенциально возможную для них позицию в буллинге.

Исходя из того, что основанием для прогнозирования и регулятором реального поведения личности выступает сформировавшаяся самооценка, на следующем этапе была проведена ее диагностика у подростков с учетом их вероятного статуса в буллинг-структуре.

Исходя из полученных результатов, можно заключить, что для «агрессоров» как инициаторов и акторов буллинга наиболее характерна неадекватная завышенная самооценка (у 55% респондентов), а также адекватная высокая (у 30%). Нетипичны для них адекватная низкая и неадекватная заниженная самооценка. «Жертвам» буллинга наиболее присуща неадекватная заниженная самооценка (у 77% респондентов), а также низкая (у 16%) и редко высокая самооценка (у 7%). Для «наблюдателей» типична адекватная высокая (у 43%) и адекватная низкая самооценка (у 14%), а также неадекватные – как заниженная, так и завышенная (у 43% респондентов).

Для реализации цели исследования по выявлению наличия и характера взаимосвязи самооценки подростка и его потенциального статуса в буллинг-структуре был проведен корреляционный анализ по Спирмену. Результаты свидетельствуют о том, что имеет место прямая умеренная по силе связь между статусом «агрессора» и самооценкой подростка ($r = 0,49$ при $p < 0,05$). Это значит, что реализация подростком этого статуса в реальном поведении в ситуации буллинга способствует повышению его самооценки. И, наоборот, завышенная самооценка подростка может быть мотиватором агрессивного поведения в буллинге.

Также выявлена обратная сильная взаимосвязь между статусом «жертва» и самооценкой ($r = -0,71$ при $p < 0,05$). Она показывает, что чем более неадекватно низко оценивает себя подросток, тем более вероятным для него становится статус «жертвы» в буллинге. Следует

иметь в виду, что заниженная самооценка современного подростка обусловлена его принадлежностью к слабым социальным стратам в макросоциуме, а также низким социометрическим статусом в группе членства и переживанием одиночества в ней [3]. Очевидно и то, что нарушение межличностных отношений со сверстниками в подростковничестве приводит к формированию таких личностных особенностей как заниженная самооценка и неуверенность в себе, виктимность и жертвенность, интрапунитивность и «привычка» к неудачам, что с большой вероятностью и делает такого подростка жертвой школьного буллинга.

Литература

1. Насилие и жестокое обращение с детьми: источники, причины, последствия, решения: учебное пособие / под ред. Е.Н. Волковой. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2011.
2. Новикова М.А., Реан А.А. Семейные предпосылки вовлеченности ребенка в школьную травлю: влияние психологических и социальных характеристик семьи // Психологическая наука и образование, 2018. Т. 23. № 4.
3. Собкин В.С., Калашикова Е.А. Подросток и поведенческие риски: к вопросу о буллинге // Практики развития: образовательные парадигмы и практики в ситуации смены технологического уклада: материалы 27-й науч.-практ. конф. Красноярск, 2021.

Современные технологии диагностики и развития эмоционального интеллекта

Кононыхина В.Б.

*АНО ВО «РосНОУ», Москва, Россия
vkononykhina@yandex.ru*

Современный мир разнообразен и многозадачен, что, в свою очередь, требует от человека обладания определенными способностями, навыками, компетенциями. Трудно представить себя и

других людей без эмоций. От того, как мы воспринимаем ситуацию, будет зависеть направление ее развития в будущем. Поэтому каждому важно обладать способностью понимать эмоции и при необходимости управлять ими. Обладание такими качествами говорит о навыках эффективного человека. Перечисленные способности входят в структуру понятия «эмоциональный интеллект». Эмоциональный интеллект включает в себя следующие способности – это понимание и управление своими эмоциями и эмоциями другого [6].

Развитие чего-либо в первую очередь начинается с анализа и определения текущего состояния. Рассмотрим существующие методы диагностики и развития эмоционального интеллекта.

На данный момент существует две основные группы методов диагностики эмоционального интеллекта. Так, к первой группе относятся методы, основанные на самоотчете – это «ЭмИн» Д.В. Люсина, методика Н. Холла, «МЭИ» М.А. Манойловой и др. Вторая группа делает акцент на решении задач – это методика MSCEITV2.0 Mayer-Salovey-Caruso и др. Все чаще в диагностике используются и проективные методики – это методика «Три желания», «Дорисовывание: мир вещей – мир людей – мир эмоций» и др. [7]. Диагностика определяет те способности эмоционального интеллекта, которые необходимо в последствии будет развивать. Описанные методы диагностики трудоемки как для тех, кто их проходит, так и для тех, кто обрабатывает полученные результаты. Описание результатов диагностики носит усредненный характер, поэтому для индивидуальной интерпретации и дальнейшей работы по развитию эмоционального интеллекта необходима помощь специалиста.

Получается, что сначала необходимо провести диагностику, проанализировать полученные данные, выявить способности, которые необходимо развить, и только потом приступать к их развитию. Это два разных процесса – диагностика и развитие.

Обычно процесс диагностики занимает много времени, если использовать, тесты, самоотчеты, методики, основанные на решении задач и др. Поэтому хочется уместить диагностику и развитие в один временной интервал «здесь» и «сейчас». Это позволяет сделать метод песочного моделирования.

Рассмотрим его подробнее. Нам понадобится юнгианская песочница с голубым дном, любые игрушечные фигурки и песок. На

основе озвученного запроса испытуемый создает композицию из песка и игрушек. Со стороны кажется, что происходит игровая ситуация, на самом деле в этой технологии задействовано больше психических процессов, чем в обычном процессе диагностики. Композиция, которая построена на песке «визуально» видна всем участникам процесса. Рассказ о том, что получилось на песке, позволяет «услышать» что и как объясняется, то есть получаем возможность дополнительно провести словесный анализ. Сам процесс взаимодействия с песком и игрушками позволяет взглянуть на «кинетику» композиции и др. [1; 5].

Основными преимуществами этого метода являются простота, доступность, индивидуальная интерпретация. Дальнейшая работа по развитию эмоционального интеллекта будет связана с изменением композиции. Так, будет предложено изменить композицию так, чтобы все в ней устраивало того, кто строит, то есть получить конгруэнтную композицию.

Дополнительно в работе используются технологии когнитивно-поведенческой терапии – это анализ мыслей, поведения и эмоций. Сначала, после создания композиции для диагностики эмоционального интеллекта «здесь» и «сейчас». Затем, после изменения композиции [2].

В результате можно сказать, что песочное моделирование позволяет не только диагностировать и развивать внутриличностный эмоциональный интеллект – понимание и управление своих эмоций, но и межличностный эмоциональный интеллект – понимание и управление эмоций других людей. Работа может проводиться индивидуально и в группах. Первый шаг в развитии эмоционального интеллекта – это научиться понимать самого себя [5].

Работа с использованием методов и технологий песочного моделирования уже проводится и описана нами среди детей с ОВЗ. Дети с ОВЗ испытывают трудности как в понимании своих эмоций, так и в распознавании эмоций других людей. Поэтому основное внимание в работе с ними уделяется диагностике и улучшению эмоционального состояния, эмоционально-волевой сферы. Нами отмечено, что детям действительно нравятся занятия с песком и они отдают им предпочтение перед другими занятиями [3; 4].

Таким образом, возможность совмещения двух процессов диагностики и развития эмоционального интеллекта позволит решать вопрос в режиме «здесь» и «сейчас». Диагностика эмоционального интеллекта станет настолько индивидуальной, насколько это возможно. Метод и технологии песочного моделирования позволят продолжить работу над развитием эмоционального интеллекта. Развитие эмоционального интеллекта должно начинаться с развития способности понимать самого себя. Описанный процесс может быть применен и к другим психологическим запросам.

Дальнейшие исследования и применение предлагаемых технологий будут направлены на сбор данных на большем количестве респондентов и их анализе. Исследование планируется провести среди детей и взрослых.

Литература

1. Визуальное кинетическое моделирование как инструмент формирования универсальных компетенций / *Е. В. Клюева [и др.]* // Человеческий капитал. 2022. № 7(163). С. 155-161.
2. Использование элементов когнитивно-поведенческой терапии для повышения эффективности визуального кинетического моделирования / *Э.В. Лихачева и др.* // Человеческий капитал. 2022. № 8(164). С. 160-165.
3. *Кононыхина В.Б., Огнев А.С.* Диагностика эмоционального интеллекта и эмоциональной сферы у детей с ОВЗ // В сборнике: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. Москва, 2022. С. 182-184.
4. *Кононыхина В.Б., Огнев А.С.* Особенности диагностики эмоционального интеллекта и эмоциональной сферы у детей с ОВЗ // В сборнике: Осознание Культуры - залог обновления общества. Перспективы развития современного общества. Материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции / Сост. В.В. Головин. Севастополь, 2022. С. 260-262.

5. Кононыхина В.Б., Огнев А.С. Роль самосознания в структуре эмоционального интеллекта // Человеческий капитал. 2023. № 3 (171). С. 99-105.
6. Кононыхина В.Б., Огнев А.С. Эмоциональный интеллект – компетенция будущего // В сборнике: Образование и педагогическая наука в XXI веке: теоретические и практические аспекты исследований. Сборник трудов IV Всероссийской межвузовской научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 139–143.
7. Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Методы диагностики эмоционального интеллекта // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8, № 4. С. 106-114.

Возможности применения ценностно-ориентированной психологии в терапевтической группе

Кончакова Е.В.

*ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия
e.konchakova@mail.ru*

Как известно, цель работы терапевтической группы, с одной стороны, – создание безопасного пространства для участников, в котором они могут поделиться травмирующими событиями и переработать связанные с ними негативные переживания и чувства. С другой стороны, в терапевтической группе каждый участник получает уникальный опыт взросления, который, будучи в дальнейшем перенесен в реальную ситуацию, развивает более конструктивные стратегии поведения в трудных жизненных обстоятельствах [4].

В настоящее время доминируют терапевтические группы следующих типов: поведенческие, динамические, экзистенциальные, – базирующиеся на наиболее популярных и востребованных психологических теориях [2]. Развитие разных современных психологических подходов, доказавших свою эффективность, свидетельствует о необходимости внедрения этих подходов в практику работы терапевтических групп, которая не должна и не может быть ограничена лишь тремя названными.

Одним из таких актуальных подходов является ценностно-ориентированная психология (далее – ЦОП). Он построен на методах, затрагивающих духовный, надличностный уровень человека и позволяющих раскрыть внутренние ресурсы. В основе ЦОП лежит взгляд на любую психологическую проблему не как на препятствие или преграду, которые необходимо преодолеть, а как позитивную обратную связь от жизни [1]. Исходя из этого, цель ЦОП отражает необходимость понять смысл жизненных трудностей и проблемных обстоятельств, а затем – скорректировать собственные мировоззрение и поведение от неадаптивных, противоречивых по отношению к окружающему миру до экологических и гармоничных. Такой взгляд на природу человека позволяет интегрировать методы и технологии ЦОП практически с любыми психологическими подходами [3].

Цели и методы ценностно-ориентированной психологии свидетельствуют о том, что их применение в рамках терапевтической группы будет эффективным, поскольку развитие гармоничных отношений с окружающим миром требует непосредственного, «живого», межличностного взаимодействия.

Исходя из вышесказанного, цель настоящего исследования мы сформулировали следующим образом: выявить эффективность включения методов и технологий ЦОП в работу терапевтической группы. Изучались участники терапевтических групп (54 мужчины и 111 женщин в возрасте от 25 до 48 лет), в работе которых применялись методы и технологии ЦОП. Группы действовали в течение одного года.

Исследование предполагало два диагностических замера: первичный проводился до участия испытуемых в терапевтических группах ЦОП и повторный (ретестовый) – проводился после завершения работы этих групп.

Сопоставление результатов, полученных в ходе первичной и ретестовой диагностики, проводившейся с помощью критерия Стьюдента, показал следующее.

Посредством опросника самоотношения В.В. Пантлеева – С.Р. Столина, в ходе ретестовой диагностики установлено снижение уровней таких компонентов, как: конфликтность и самообвинение ($t = 5,4$ и $t = 4,2$ соответственно при $p < 0,01$) и повышение уровней

зеркального Я ($t = -4,6$), самопривязанности ($t = -4,1$), самоуверенности ($t = -3,6$) и самооценности ($t = -3,2$) при $p < 0,01$.

При диагностике психологического благополучия с помощью методики К. Рифф выявлено при $p < 0,01$ наиболее значимое повышение таких его компонентов, как: положительное отношение ($t = -5,0$), самопринятие ($t = -4,1$) и управление средой ($t = -3,8$). Показатели компонентов субъективного благополучия (изучались по методике Р.М. Шамионова – Т.В. Бесковой) у участников терапевтических групп ЦОП также заметно улучшились после завершения работы этих групп. Так, значимые различия в результатах первичной и ретестовой диагностики наблюдаются при $p < 0,01$ по показателям экзистенциально-деятельностного благополучия ($t = -4,9$), эмоционального благополучия ($t = -4,4$), а также эго-благополучия ($t = -4,4$).

Таким образом, на основе полученных эмпирических данных можем сделать следующий вывод: включение технологий ЦОП в работу терапевтических групп способствовало формированию у участников целостного и устойчивого ощущения самооценности, позволило повысить событийно-смысловую и эмоциональную наполненность жизни, выработать навыки конструктивного межличностного взаимодействия и доверительных отношений с другими людьми. Следовательно, включение методов и технологий ЦОП в работу терапевтической группы эффективно как для личностного развития, так и для улучшения межличностных отношений.

Литература

1. *Гадецкий О.Г.* Ценностно ориентированная психология как одно из направлений реализации потенциала объединения общества // Антология Российской психотерапии и психологии: Сетевое научно-практическое издание. М., 2022.
2. *Дремова Л.В.* Анализ ко-терапевтической деятельности в динамической группе // Современные достижения медицинской (клинической) психологии в практике здравоохранения и психосоциальной защите населения: сборник научных статей межрегиональной научно-

- практической конференции с международным участием, посвященной 25-летию кафедры медицинской психологии и психотерапии. Самара, 2018.
3. *Краславская З.Г.* Ценностно-ориентированная психология в социальной сфере и образовании // Антология российской психотерапии и психологии: материалы Итогового международного научно-практического конгресса. М., 2019.
  4. *Немиринский О.В.* Терапевтическая динамика группы как развертывание процесса личностного роста: Автореф. дис. .... канд. психол. наук. М., 1995.

Стресс-факторы в эпоху глобализации, влияющие на эмоциональное благополучие лиц поздней зрелости

Конысбай Т.Е., Аймаганбетова О.Х.

*КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан
tolkin_25.98@mail.ru, alnara25@mail.ru*

Актуальность данного исследования заключается в изучении стресс-факторов, влияющих на эмоциональное благополучие пожилых людей в современном мире. Стресс является одним из ключевых факторов развития различных серьезных соматических, в особенности сердечно-сосудистых, желудочно-кишечных, а также неврологических заболеваний у пожилых людей.

Стресс – это физиологическая и психологическая реакция организма на воздействие любых внутренних или внешних факторов, которые вызывают угрозу или необходимость адаптации. Эти факторы могут быть как позитивными, так и негативными, и могут происходить как внутри организма (например, болезнь), так и в окружающей среде (например, потеря работы или развод) [1, с. 8].

Быстрый жизненный ритм, высокая информационная нагрузка вследствие глобализации и технологического прогресса, а также урбанизации чаще подвергают человека в эпоху модернизма, тем более лиц поздней зрелости к зрительным психоэмоциональным и физическим нагрузкам и напряжению психики, которые и служат основными предикторами (стрессоры) в развитии стрессовых и

тревожных состоянии у человека. Вместе с тем, представляет угрозу в любой момент перейти в серьезные заболевания и формирования патологии впоследствии длительных стрессовых состояний [5, с. 5].

По исследованиям, в большинстве случаев, пожилые люди, наиболее подверженные к стрессам по сравнению с теми, кто почти не сталкивался с данной проблемой, чаще всего болели различными заболеваниями и недугами в течение года, к тому же они были склонны к алкогольной зависимости, а в противовес к этому у тех, кто вел физический активный образ жизни, данная тяга к зависимости отсутствовала, аналогично и со стрессами они реже сталкивались [4, с. 109].

В Казахстане, по данным Национального статистического агентства, к 2021 году население старше 65 лет составляло 6,8% от общей численности населения страны. С учетом растущей нагрузки на пожилых людей, связанной с изменением социально-экономических условий и образа жизни, можно предположить, что некоторые из них также могут испытывать стресс и связанные с ним психические проблемы.

Также стоит отметить, что стресс у пожилых людей может быть вызван множеством факторов, включая психологические, физические и социальные, поэтому эта проблема требует дополнительного исследования в контексте конкретной культуры и контекста.

У пожилых людей в современном мире могут быть различные предикторы стресса, включая следующие аспекты.

- **Здоровье:** Ухудшение здоровья может привести к стрессу у пожилых людей, особенно если они ограничены в своих возможностях и могут испытывать боли или неудобства.
- **Экономические факторы:** Недостаток финансовых средств может стать одним из факторов стресса у пожилых людей, особенно если они не могут позволить себе необходимые медицинские услуги или не имеют возможности приобрести необходимые товары.
- **Отношения:** Одинокие пожилые люди могут страдать от социальной изоляции и одиночества, что может привести к стрессу.

- Изменения в жизни: Переезд в новое место жительства, утрата близкого человека, изменения в семейном составе или роли в обществе — все это может вызвать стресс у пожилых людей.
- Страхи и тревоги: Страх перед будущим, беспокойство о здоровье и финансах, а также другие тревожные мысли могут усиливать уровень стресса у пожилых людей.
- Политическая и экологическая ситуация и др.

Таким образом, предикторы стресса у пожилых людей в современном мире могут быть разнообразными и зависят от конкретной ситуации и жизненного опыта каждого человека.

По данным исследований Всемирной организации здравоохранения, более 20% пожилых людей во всем мире страдают от психических расстройств, связанных со стрессом, таких как депрессия и тревожность [3, с. 7].

Несмотря на то, что пожилые люди могут сталкиваться с большим количеством стрессоров, их стрессоустойчивость может быть достаточно высокой. Это связано с тем, что с возрастом люди часто приобретают более широкий жизненный опыт, наработанные навыки и знания, которые помогают им эффективно справляться со стрессом. Кроме того, многие пожилые люди обладают психологической устойчивостью и способностью к саморегуляции, что позволяет им лучше контролировать свои эмоции и реагировать на стрессоры более гибко.

Важным фактором, влияющим на стрессоустойчивость пожилых людей, является также социальная поддержка. Имея поддержку близких, друзей и соседей, пожилые люди чувствуют себя более уверенно и способны справляться со стрессом более эффективно.

Некоторые исследования также показывают, что занятия физическими упражнениями и медитация могут помочь улучшить стрессоустойчивость пожилых людей, уменьшить уровень стресса и улучшить общее эмоциональное состояние [2, с. 125].

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: стресс — это естественный и неизбежный аспект жизни, и важно научиться эффективно управлять стрессом, чтобы снизить негативные последствия и улучшить качество жизни.

Литература

1. *Бильданова В.Р., Бисерова Г.К., Шагивалеева Г.Р.* Психология стресса и методы его профилактики: учебно-методическое пособие. Елабуга: ЕИ КФУ, 2015.
2. *Бодров В.А.* Проблема преодоления стресса и теоретические подходы к его изучению // Психологический журнал. 2006. Т. 27. №. 1.
3. Всемирная организация здравоохранения: «Глобальная стратегия и план действий по проблеме старения и здоровья», 2016.
4. *Короленко А.В.* Стресс как фактор риска здоровья населения и распространения вредных привычек // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. №1(12). <http://journal.asu.ru/index.php/zosh>.
5. *Погодина В.А., Бабенко А.И., Бабенко Е.А., Половникова А.В.* Показатели комплексной оценки здоровья лиц среднего возраста (30–44 лет) // Здравоохранение Российской Федерации. 2018. №2 (62).

Стратегии конфликтного поведения у сотрудников МЧС с разным уровнем эмоционального выгорания

Коробцева К.Д., Завгородняя И.В.

ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия

korobzeva0708@yandex.ru, zavgorodnyai@mail.ru

Труд специалистов МЧС в последнее время стал несравнимо опаснее и сложнее, что связано с применением различных современных технических средств, вооружения и специальной техники. Кроме того, повышенный уровень эмоционально-стрессовых нагрузок, психическое напряжение во время выполнения задач профессиональной деятельности, наличие неожиданных и внезапно возникающих трудностей способны привести к эмоциональному выгоранию и повышению конфликтности в служебном коллективе сотрудников.

Эмоциональное выгорание рассматривается как «выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия» [2, с. 87]. Каждый человек в конфликтной ситуации выбирает ту стратегию поведения, которую считает необходимой или которая наиболее привычна для него. Стратегия поведения в конфликте – это план по достижению цели конфликта, отношение субъекта к конфликтам в целом, а не к конкретному человеку и не к конкретным условиям [1].

В связи с тем, что работа сотрудников МЧС на местности осуществляется в небольших группах, важно, чтоб в них было взаимопонимание и взаимопомощь, отсутствовали неразрешенные конфликты, которые могут привести к серьезным последствиям, особенно в экстремальных ситуациях для каждого члена группы.

Цель исследования: изучение стратегий конфликтного поведения в служебном коллективе у сотрудников МЧС с разным уровнем эмоционального выгорания.

В качестве гипотезы исследования выступает предположение о том, что существуют отличия в выраженности стратегий конфликтного поведения у сотрудников МЧС с разным уровнем эмоционального выгорания.

Объект эмпирического исследования: 60 сотрудников МЧС, мужчины в возрасте 25–50 лет со стажем работы от 5–20 лет.

В работе использовались: опросник «Диагностика эмоционального выгорания» К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой и опросник «Поведение в конфликтной ситуации (ТКИ)» К. Томас, Р. Килманн в адаптации Н. В. Гришиной. В целях статистической обработки полученных данных, был применен U-критерий Манна-Уитни.

Высокий уровень эмоционального выгорания был выявлен у 18,33% сотрудников МЧС, средний уровень – у 56,67%, низкий – у 25,00%. Это свидетельствует о том, что у большинства сотрудников наблюдается снижение энергии, достаточно часто появляется усталость, а, следовательно, снижается работоспособность и заинтересованность другими людьми.

Стратегия конфликтного поведения в служебном коллективе «соперничество» выражена у 17,96% сотрудников МЧС, стратегия

«сотрудничество» – у 18,10 %, стратегия «избегание» – у 20,86 %, «компромисс» – у 21,52 % и стратегия «приспособление» – у 22,41%. Это свидетельствует о большой разнообразии применяемых стратегий конфликтного поведения в служебном коллективе у сотрудников МЧС. При этом прослеживается преимущественная ориентация на учет интересов оппонента или нахождение баланса позиций в спорной ситуации.

В служебном коллективе у сотрудников МЧС с низким уровнем эмоционального выгорания выраженность стратегий конфликтного поведения имеют сходную частоту встречаемости («соперничество» – у 19,0 %, «приспособление» – у 19,3 %, «сотрудничество» – у 21,0 %; «компромисс» – у 20,1 %; «избегание» – у 21,4 %). У сотрудников МЧС со средним уровнем эмоционального выгорания чаще встречается выраженность стратегий конфликтного поведения «компромисс» (24,3%) и «избегание» (24,1%), в то время как другие стратегии выражены несколько реже («приспособление» (18,3%), «сотрудничество» (17,1%), «соперничество» (17,2%)). У сотрудников МЧС с высоким уровнем эмоционального выгорания чаще встречается выраженность стратегий «приспособление» (24,3%), «соперничество» (23,4%), «сотрудничество» (22,1%), в то время как реже встречается выраженность таких стратегий, как «избегание» (16,2%) и «компромисс» (15,0%).

Применение U-критерия Манна-Уитни позволило выделить статистически значимые различия в выраженности стратегий конфликтного поведения у сотрудников МЧС, имеющих различные уровни эмоционального выгорания. При высоком уровне эмоционального выгорания более выражены стратегии «соперничество» ($z = 2,71$; $z_{0,995} = 2,576$), «сотрудничество» ($z = 2,7$; $z_{0,995} = 2,576$) и «приспособление» ($z = 4,22$; $z_{0,995} = 2,576$), при среднем уровне эмоционального выгорания более выражена стратегия «компромисс» ($z = 2,61$; $z_{0,995} = 2,576$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что сотрудники МЧС с низким уровнем эмоционального выгорания более гибко используют стратегии конфликтного поведения в служебном коллективе, исходя из ситуации, по сравнению с сотрудниками МЧС с другими уровнями эмоционального выгорания. При этом при высоком уровне эмоционального выгорания повышается вероятность усиления

конфликтной ситуации сотрудников за счет использования «соперничества», которое предполагает отстаивание собственных интересов.

Таким образом, в служебном коллективе у сотрудников МЧС преобладает средний уровень эмоционального выгорания, что свидетельствует о наличии определенного перенапряжения и недостаточности психологических ресурсов у большинства специалистов. Уровень эмоционального выгорания сотрудников МЧС соотносится с используемыми ими стратегиями конфликтного поведения и может отражаться на взаимодействии в служебном коллективе. Большинство сотрудников реализуют стратегии поведения, снижающие вероятность конфликта. Однако при высоком уровне эмоционального выгорания повышается вероятность проявления соперничества, что способно обострять напряженные ситуации при выполнении служебных обязанностей сотрудниками МЧС.

Литература

1. *Андреев В.И.* Основы педагогической конфликтологии. М., 1995.
2. *Бойко Р.В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М., 2006.

Темная триада и копинг стратегии военнослужащих различных категорий

Косицина В.И.

НОЧУ ВО МИП, Москва, Россия

nica.cosits@yandex.ru

Институт армии становится все больше востребованным как в обществе, так и в государстве. В связи с возможностью получить стабильную высокооплачиваемую работу, обеспечить себя, семью и свое будущее социальными гарантиями, многие люди выбирают военную службу.

Военнослужащие представляют собой специфическую социальную группу, их деятельность сопряжена с высокой как физической, так и нервно-психической нагрузкой, что отражается на критериях отбора людей в данную государственную организацию. Во время службы они подвергаются воздействиям различных стресс-факторов, таких как экстремальные ситуации, психологические особенности службы, боевой стресс. Дабы преодолеть и разрешить все стрессы, которыми пропитана военная деятельность, военнослужащие опираются на совладающее поведение.

Цель – изучить Темную триаду и копинг стратегии в группах офицеров и военнослужащих контрактной службы.

В качестве гипотезы выступает предположение, что компоненты Темной триады и копинг стратегии значимо отличаются в группах офицеров и военнослужащих контрактной службы, а именно компоненты темной триады и непродуктивные стратегии совладания со стрессом наиболее выражены в группе офицеров, чем в группе военнослужащих контрактной службы.

Мы использовали такие методики, как: Короткий опросник Темной триады (SD3), в адаптации М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой 2015 года [1], методика Brief-COPE, в адаптации Е.В. Куфтяк и В.И. Косициной [2].

Выборка представлена 314 респондентами, из которых 166 офицеров и 148 военнослужащих по контракту в возрасте от 26 до 45 лет, средний возраст составляет 35,5 лет. Участники исследования проходят службу в Западном военном округе.

Так как показатели не соответствуют нормальному распределению, в качестве статистического критерия мы использовали критерий Манна-Уитни.

В ходе исследования мы установили, что значимые отличия представлены в группах различных категорий военнослужащих, а именно это выражено в таких шкалах как: макиавеллизм ($p < 0,05$), активный копинг ($p < 0,05$), позитивное перефразирование ($p < 0,05$), употребление наркотических веществ ($p < 0,05$) и самобичевание ($p < 0,05$). Это может свидетельствовать о том, что из-за различий в должностях, а соответственно и в должностных обязанностях, офицерам приходится чаще прибегать к навыку манипулирования для увеличения скорости работы сотрудников. Возможно, это может быть

связано также с выбором места учебы, так как офицеры заканчивают высшие военные учебные заведения и планируют строить карьеру в Вооруженных силах. Для достижения поставленных целей, для карьерного роста им приходится использовать манипуляции, начиная со студенческих лет.

Отличия в копингах могут быть обусловлены тем, что офицеры осознанно связывают свою жизнь с армией, начиная с высшего образования, и посвящают ей большое количество времени. Из-за специфики обучения, направленного на развитие дисциплинированности, исполнительности, они могут чаще использовать стратегию позитивного перефразирования. Военнослужащих контрактной службы связывают свою жизнь с армией позже, что дает им возможность набраться жизненного опыта в более комфортных условиях с одной стороны, а с другой расширяет их представления о «гражданских» и «военных» условиях жизни. В связи с этим они чаще используют активный копинг и самобичевание. Стратегия употребления наркотических веществ в стрессовых ситуациях в большей степени отличает группу офицеров, так как в армии употребление алкоголя является распространенным явлением, а такое заболевание как алкоголизм внесено в реестр профессиональных заболеваний.

Таким образом наша гипотеза о том, что компоненты Темной триады и копинг стратегии значимо отличаются в группах офицеров и военнослужащих контрактной службы, а именно компоненты темной триады и непродуктивные стратегии совладания со стрессом наиболее выражены в группе офицеров, чем в группе военнослужащих контрактной службы. данные представляют собой эвристическую ценность и расширяют знания о военнослужащих.

Литература

1. *Егорова М.С., Ситникова М.А., Паришкова О.В.* Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования, 2015, 8(43), 1.
2. *Косицина В.И., Куфтяк Е.В.* Оценка копинг-стратегий: адаптация экспресс-опросника COPE // Международная юбилейная научная конференция «История, современность и

перспективы развития психологии в системе российской академии наук», посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, 17-18 ноября 2022 г., Москва / Отв. ред. Д.В. Ушаков, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022.

Кросс-культурные аспекты сепарации от родителей

Косолапова А.В.

НИТУ МИСИС, ФГБОУ ВО ГУП,

Москва, Россия

avkosolapova@mail.ru

В современном мире, в условиях высокой неопределенности социальных процессов и вызовов, с которыми сталкивается человек, достижение психологической сепарации молодежи от родителей является одной из основных задач развития юношеского возраста. Успешность общества часто определяется в том числе и тем, насколько оно может эффективно приспосабливаться под постоянно меняющуюся реальность, сохраняя при этом свою идентичность и стабильность.

Вместе с тем, на данный момент в российском обществе прослеживается тенденция, связанная с инфантильным поведением среди современной молодежи. Об этом свидетельствует «растягивание» процесса взросления, низкая мотивация к достижению целей, отсутствие готовности к саморазвитию и самосовершенствованию. Одной из наиболее распространенных причин инфантилизации выступает незавершенность сепарации детей от родительской семьи. Кроме того, негармонично пройденная внутренняя сепарация от родителей часто приводит к формированию созависимости во взаимоотношениях, которая отражается на особенностях построения отношений в период взрослости: супружеских, партнерских и детско-родительских, так как процесс сепарации от родителей является неким прототипом для последующей модели поведения в ситуациях отделения от объектов вторичных привязанностей человека. Возможны нарушения в развитии

психологической автономии и недифференцированность когнитивной и эмоциональной сфер личности. Психологическая сепарация влияет и на социальную адаптацию личности, создавая условия формирования жизнеспособности, самооценности и зрелости личности и приобретения человеком чувства собственного «Я» в качестве самостоятельной и независимой личности.

Процесс психологической сепарации (отделения) – это очень важный аспект взросления личности, который в аспекте межличностных отношений подразумевает расставание с людьми, с которыми человек находится в доверительных отношениях. При этом сепарацией можно назвать не только расставание с родителями, но и с любыми другими людьми (школьный друг, учитель, тренер и др.)

На сегодняшний день единое определение понятия «психологическая сепарация» в психологии отсутствует. Так, например, представители психодинамического подхода, в частности, З. Фрейд, А. Фрейд, М. Малер, П. Блос, определяют сепарацию как «интрапсихический процесс, входящий в структуру процесса сепарации-индивидуации, благодаря которому ребенок приобретает чувство собственного Я как самостоятельного и независимого от родителя» [2, с. 114]. Сепарация понимается как «высвобождение ребенка из слияния с матерью. Индивидуация проявляется в достижениях ребенка, которые позволяют ребенку все более отчетливо понимать свои индивидуальные характеристики» [2, с. 115].

Другими словами, здесь рассматривается психологическая сепарация от родителей с точки зрения развития самосознания, когда человек взрослеет и начинает отделяться от родителей, приобретая независимость (independence) и самостоятельность [1; 2; 5, с.40; 115; с. 170].

Т.В. Петренко и Л.В. Сысоева под сепарацией подразумевают процесс расставания с любым близким человеком, отношения с которым на протяжении достаточного длительного времени характеризовались доверием и теплотой. В качестве такого отделения авторы приводят и сепарацию повзрослевшего ребенка от семьи родителей и становление его «как самостоятельной и независимой личности» [3, с. 182].

На наш взгляд, наиболее удачным является определение, предложенное Т.И. Сытько, которая под сепарацией понимает

«многосторонний процесс перестройки межличностных отношений между всеми членами семьи в связи с фактом взросления детей, предполагающий последовательное осознание взрослеющим человеком и его родителями отделенности друг от друга, эмоциональное переживание и принятие этого факта, формирование чувства независимости, преобразование поведения с учетом уникальной личностной идентичности каждого из членов семьи» [4, с. 22].

В процессе сепарации увеличивается эмоциональная дистанция с родителями, но это ни в коем случае не значит, что происходит эмоциональный разрыв в отношениях между родителями с повзрослевшими детьми. В этом и заключается сложность данного процесса: перед всеми его участниками стоит нелегкая задача установить психологические границы, не потеряв эмоциональной близости между родителями и детьми. Нередко данный процесс сопровождается ссорами, конфликтами и отсутствием взаимопонимания между родителями и детьми.

Психологическая сепарация является динамичным процессом, который состоит из нескольких этапов. Вместе с тем можно отметить высокую актуальность вопроса изучения возрастных этапов отделения, так как единого мнения относительно данной проблемы у исследователей пока нет.

Итак, психологическая сепарация от родителей является многосторонним процессом трансформации взаимоотношений между членами семьи, который обусловлен взрослением детей и требует последовательного осознания взрослеющим ребенком и родителями необходимости отделиться друг от друга, эмоционального переживания и принятия данного факта, формирования самостоятельности и автономности, изменения модели поведения в зависимости от личностных качеств каждого члена семьи.

Литература

1. Блос П. Психоанализ подросткового возраста / пер. с англ. М., 2010. 272 с.
2. Малер М., Пайн Ф., Бергманн А. Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация / пер. с англ. М., 2011. 413 с.

3. *Петренко Т.В., Сысоева Л.В.* Возрастные этапы процесса сепарации от родителей // *Акмеология*. 2016. № 4(60). С. 180-184.
4. *Сытько Т.И.* Структура и типы родительско-детских отношений в процессе семейной сепарации: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2014. 213 с.
5. *Hoffman J.A.* Psychological separation of late adolescents from their parents // *Journal of Counseling Psychology*. 1984. № 31. P. 170-178.

Связь социальных аксиом со склонностью к девиантному поведению в подростково-юношеском возрасте

Космина Д.Г., Бусарова О.Р.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

dariakosmos2001@gmail.com, olga-bus0@yandex.ru

Девиантное поведение – достаточно распространённая в настоящем научном дискурсе совокупность семантических образований, которая, помимо указания на конкретную семантическую единицу (в виде феномена поведения, отклоняющегося от принятых в обществе норм), включает в себя также многообразие подходов по дефиниции, систематизации и детерминации данного феномена и его компонентов.

В нижеописанном исследовании подробному анализу был подвергнут последний вопрос, а именно вопрос о детерминации девиантного поведения, то есть вопрос установления его причин и, что и стало основной целью работы, вопрос разработки гипотез о возможных причинах данного явления.

Была изучена проблема связи между склонностью к различным формам девиантного поведения и выраженностью определённых социальных аксиом.

Под социальными аксиомами понимались безусловные верования, которые касаются устройства общества и окружающего мира, специфики их взаимодействия и оценки происходящего с человеком в жизни. Другими словами, социальные аксиомы и понимаются как

убеждения человека (определённые установки), которые человек принимает как истинные, при этом не нуждаясь в доказательствах их истинности. Примерами влияния таких личностных верований могут являться: специфика локуса контроля (например, радикальный фатализм, то есть вера в определённую судьбу), ценностные ориентации (верование в допустимость альтернативного пути поведения в любой ситуации; отказ от выбора «правильного» и «неправильного» при оценке чужих поступков) и любые другие личностные образования, базирующиеся на определенном спектре установок [2; 3].

В данном исследовании изучались пять социальных аксиом:

- «социальный цинизм» (предвзятое отношение к некоторым группам людей, недоверие социальным институтам и игнорирование этики ради достижений);
- «социальная сложность» (верование в отсутствие абсолютных правил);
- «награда за усилия» (верования, указывающие на то, что вклад каких-либо личных ресурсов ведет к позитивным результатам);
- «религиозность» (верование в существование сверхъестественных сил и благотворную, исцеляющую функцию религиозной веры);
- «контроль судьбы» (верования, указывающие на то, что все события в жизни predetermined) [2; 3].

Девиянтное поведение в данном исследовании изучалось через склонность к различным его формам и проявлениям [1].

По результатам исследования подтвердилось наше предположение о том, что существует связь между выраженностью определенных социальных аксиом и склонностей к различным формам девиантного поведения: наиболее частые и выраженные прямые связи с формами девиантного поведения демонстрируют аксиомы: «контроль судьбы» (верования о predeterminedности судьбы) и «социальная сложность» (верование о многообразии допустимых форм поведения).

Существуют специфичные для групп по полу связи между социальными аксиомами и склонностью к девиантному поведению. У мужского пола это связь аксиомы «религиозность» (верование о положительном влиянии религии на жизнь) и большинства форм

девиантного поведения. У женского пола данная корреляция полностью отсутствует, но при этом с различными склонностями к девиантному поведению коррелируют аксиомы «контроль судьбы» и «социальная сложность».

Важно уточнить, что исследование основывается именно на корреляционных показателях, то есть говорит сугубо о том, что в обществе существует тяготение степени выраженности определённых аксиом к высокой склонности к определённым формам делённого поведения. То есть, другими словами, у людей с высоким уровнем девиантного поведения чаще встречаются высокий уровень выраженности данных социальных аксиом.

Таким образом, на данный момент мы ещё не можем говорить о том, что именно послужило первоначальной причиной: развитие определённых социальных аксиом вызвало склонность к девиантному поведению или же реализация девиантного поведения укрепила определённые социальные аксиомы. Также возможно одновременное включение данных механизмов, приводящее к циклической траектории усиления выраженности обоих компонентов.

Тем не менее, мы можем сформировать ряд гипотез, которые позволят нам наметить траекторию дальнейшего исследования данной темы в современном научном дискурсе.

Основной гипотезой, которую можно выдвинуть на основании данного исследования, можно назвать гипотезу о причинно-следственной связи склонности к девиантному поведению и социальных аксиом человека.

На настоящий момент для авторов данного материала наиболее вероятным предположением представляется предположение о наличие механизмов взаимосвязи между формами девиантного поведения и коррелирующими с ними социальными аксиомами, которые реализуются по принципу взаимовлияния: социальные аксиомы растормаживают и подкрепляют девиантное поведение, а результаты данного поведения подкрепляют веру в данные аксиомы.

Литература

1. *Дмитриев М.Г., Белов В.Г., Парфенов Ю.А.* Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков. СПб.: ЗАО Пони, 2010.
2. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: Издательство ВШЭ, 2011.
3. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Разработка и апробация сокращенной версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга // *Культурно-историческая психология.* 2020. Том 16. № 1.

Проблема психического выгорания через призму теорий А.В. Петровского

Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nkochetkov@mail.ru*

Нельзя сказать, что научные идеи А.В. Петровского на сегодняшний день забыты – исходя из статистики агрегатора eLibrary каждый год на его труды ссылаются десятки (а то и сотни раз), однако в большинстве случаев речь идет об интерпретации полученных эмпирических данных через теории Петровского, а не об их развитии. Тем не менее, считаем, что конструктивность и эвристичность его построений дают возможность использовать их не только в качестве объяснительного механизма, но и в качестве основы для формулирования теорий более низкого порядка. Попробуем через призму концепций А.В. Петровского рассмотреть проблематику профессионального выгорания.

Несмотря на полвека исследований этого феномена, до сих пор ведется дискуссия о факторах и механизмах выгорания [2, 5]. Одной из наиболее популярных теорий является теория рабочих требований и ресурсов (job demands-resources model), которая опирается на представления о том, что благополучие работников связано с соответствием наличествующих у них ресурсов предъявляемым работой требованиям [6]. Однако эта модель кажется организационным редукционизмом и, на наш взгляд, более глубокое

видение проблемы профессионального выгорания будет наблюдаться в случае рассмотрения его с использованием методологии социальной психологии, в нашем случае – в контексте теорий академика Петровского, с позиции которого выгорание определялось бы как деперсонализация личности в широком социуме, то есть снижение уровня инобытия в других людях.

Напомним, что одна из центральных его работ – это теория деятельностного опосредования межличностных отношений в группе, логично построенная на деятельностном подходе А.Н. Леонтьева, которую мы и возьмем за основу.

В зарубежных исследованиях выгорания делается упор на индивидуальные факторы, такие как факторы «большой пятерки» [5], представления о самоофективности [7] или же организационные, которые сводятся к бюрократии или психологическому климату [5]. Не подвергая сомнению влияние всех этих факторов на выгорание, заметим, что, с точки зрения отечественной социальной психологии, все они будут являться следствием особенностей профессиональной деятельности или ее осуществления индивидом. Именно выполняемая в группе деятельность является ядром межличностных отношений в концепции А.В. Петровского [4]. Первый слой межличностной активности касается отношения к этой деятельности; второй – межличностных отношений, опосредованных деятельностью; третий – отношений, не опосредованных деятельностью. Знакомясь с теориями А.В. Петровского можно заметить, что они несут «печать» друг друга, как в психологической теории коллектива и трехфакторной модели «значимого другого», и могут быть реализованы на различных уровнях, как в концепциях макро- и микрофаз развития личности в социальных общностях. Используем эти особенности при рассмотрении психического выгорания. Именно психического, т.к. исходной посылкой будет являться то, что выгорание осуществляется в какой-либо деятельности, не только профессиональной. Итак, если отталкиваться от страт межличностной активности, выделенных Петровским, и перенести их с малой группы на максимально большую, то есть на все общество в целом, то можно наблюдать следующие уровни выгорания:

1. Ядру соответствуют характеристики деятельности, приводящие индивида к выгоранию. В первую очередь это будет касаться

социальной направленности и общественной востребованности деятельности, а также развития личности в координатах полидеятельности. И то, и другое должно негативно влиять на формирование выгорания.

2. Первому слою будет соответствовать референтность деятельности и референтности в деятельности. Одними из самых важных факторов здесь будут являться ценностные ориентации, в рамках которых доминирующим, на наш взгляд, будет отношение к деньгам. В условиях рыночной экономики именно оно влияет на запуск механизма отчуждения, приводящего к итогу, так похожему по своим проявлениям на последствия феномена выгорания [3]. Кроме этого, на этом уровне можно перечислить такие важные факторы как: внутренняя мотивация деятельности, наличие у субъекта метациели деятельности, социальной поддержки на уровне государства. Отсутствие всего вышеперечисленного вкупе с доминирующим отношением к деньгам должно приводить к формированию выгорания. А присутствие, наоборот, к персонализации личности в широком социуме.

3. Второй слой можно обозначить как референтность группы и в группе для ее члена. Понятно, что в референтных группах и группах членства процессы выгорания будут протекать по-разному. В этой страте факторов важным будет являться социальная поддержка на уровне реальной группы, в которой происходит деятельность, наличие в ней отношений межличностной значимости, при которых будет происходить персонализация каждого из ее членов.

4. Третий слой связан с отношениями, не опосредованными деятельностью. К нему, в первую очередь, можно отнести психологический климат в группе.

Все эти слои неравнозначны и, как и у Петровского, образуют иерархию факторов выгорания: от необходимого для его возникновения ядра и наиболее важного первого слоя до наименее значимого – третьего.

В эмпирических исследованиях было выявлено, что какая-то часть приведенных выше критериев действительно связана с выгоранием [1; 2; 8], а какая-то ждет подтверждения этой взаимосвязи.

Данные тезисы являются приглашением к дальнейшей научной дискуссии и развитию идей в рамках научной школы А.В. Петровского.

Литература

1. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания. Диагностика и профилактика. М., 2023
2. *Орел В.Е.* Синдром психического выгорания личности. Ярославль. 2005.
3. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Смыслоутрата и отчуждение // Культурно-историческая психология. 2007.
4. Психологическая теория коллектива / Под ред. А.В. Петровского. М., 1979
5. *Mijakoski D., et al.* Determinants of Burnout among Teachers: A Systematic Review of Longitudinal Studies // Environmental. Research and Public Health. 2022.
6. *Roloff J., Kirstges J., Grund S. Klusmann U.* How Strongly Is Personality Associated With Burnout Among Teachers? A Meta-analysis // Educational Psychology Review. 2022.
7. *Shakeel S., Khan, M.M., Khan, R.A.A. et al.* Linking Personality Traits, Self-Efficacy and Burnout of Teachers in Public Schools: Does School Climate Play a Moderating Role? // Public Organization Review. 2022
8. *Schaufeli W.B.* Applying the Job Demands-Resources model: A «how to» guide to measuring and tackling work engagement and burnout // Organizational Dynamics. 2017. Vol. 46.

Предпочитаемый тип организационной культуры в представлениях педагогов дошкольных образовательных организаций

Кочетова Т.В., Попова К.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ms.kristinapopova@gmail.com

В настоящее время чрезвычайно актуальным становится изучение проблем, связанных с функционированием и развитием организаций.

Приоритетное значение получает изучение такого непростого феномена, как организационная культура, которая «представляет собой некий комплекс приемов и правил решения определенных проблем внешней адаптации и внутренней интеграции сотрудников, а также правил, которые в прошлом обнаружили свою актуальность и состоятельность» [4, с. 39].

Кризисное, переходное состояние современного общества вызвало необходимость обращения к организационной культуре как важнейшему ресурсу современных предприятий и организаций, поскольку она обладает способностью мобилизовать внутренние ресурсы, мотивировать и сплачивать работников, придает ценность труду, вдохновляет на решение сложных задач. Организационная культура объединяет всех сотрудников и направляет их деятельность на достижение целей организации. Принятие организационной культуры является осознанием миссии и целей предприятия, а также дает возможность формировать поведенческие установки, которые помогут добиться успеха как для организации, так и для своей карьеры [1; 2; 3].

Вместе с тем, проблема организационной культуры дошкольных образовательных организаций еще не нашла должного отражения в трудах психологов, в частности, исследования предпочитаемого типа организационной культуры во взаимосвязи с характером социально-психологического климата в коллективе педагогов ДОО немногочисленны, что свидетельствует об актуальности данной темы.

Цель данного исследования заключалась в выявлении предпочитаемого типа организационной культуры в представлениях педагогов дошкольных образовательных организаций.

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что в педагогических коллективах дошкольных образовательных организаций преобладает клановый тип организационной культуры, при этом «клановость» культуры является наиболее предпочитаемой среди педагогов.

Исследование было организовано и проведено на платформе для создания и администрирования опросов и онлайн-форм «Google Forms». Выборку составили 53 женщины – педагоги восьми детских садов г. Москвы в возрасте от 20 до 38 лет (средний возраст – $25,9 \pm 4,07$ лет). Стаж работы – от 1 месяца до 11 лет (средний стаж –

2,2±2,29 лет). Большинство педагогов - 41,5% - не замужем, 39,6% состоят в официальном браке, 11,3% проживают в гражданском браке и еще 7,5% разведены. Из числа респондентов 5,7% имеют среднее профессиональное образование, у 22,6% незаконченное высшее образование, у остальных – 71,1% – высшее образование.

Для проверки выдвинутой гипотезы использована методика «Диагностика корпоративной культуры ОСАІ» (К. Камерон, Р. Куинн).

В ходе анализа полученных результатов установлено следующее.

1. В педагогических коллективах всех детских образовательных организаций, респонденты которых приняли участие в исследовании, сложился клановый тип организационной культуры, которая направлена на создание гуманистической атмосферы в коллективе и поощрение сотрудников. Лидеры такой культуры гордятся заботой о своих подчиненных так, как заботой о своей семье. Сотрудники наделены комфортными для них полномочиями и чувствуют свою индивидуальность. В такой организационной культуре ценятся традиции и лояльность.

2. Предпочитаемый тип организационной культуры в данных педагогических коллективах – также клановый. При этом наименее предпочтительной организационной культурой практически во всех педагогических коллективах оказалась рыночная, которая характеризуется конкурентным и требовательным стилем управления, персонал целеустремлен и соперничает друг с другом, а успех измеряется долей рынка и проникновением, а также единством целей, направленных на победу. И только в одном из опрашиваемых коллективов педагоги считают наименее эффективным бюрократический тип организационной культуры, которому присуща жесткая субординация; во внутренней структуре изменения не приветствуются, так как в организации царят не идеи творческой самореализации, а необходимость четкого исполнения приказов «сверху».

Таким образом, гипотеза исследования нашла свое подтверждение: в педагогических коллективах дошкольных образовательных организаций преобладает клановый тип организационной культуры. Более того, такой тип культуры устраивает наибольшее число принявших участие в исследовании педагогов и является наиболее

эффективным для их личной самореализации и для успеха организации в целом.

Ограничением исследования является неоднородность выборки, поскольку все принявшие участие в тестировании респонденты – женщины, что требует дальнейших исследований на расширенной выборке.

Литература

1. Жукова В.В. Сравнение понятий «корпоративная культура» и «организационная культура» / В.В. Жукова, О.С. Крапивная // Интеллектуальные системы управления в цифровой экономике: сб. материалов Форума молодых ученых (Курск, 26-27 марта 2020 г.). Курск, 2020. С. 152-155.
2. Погодина А.В. Социально-психологическое обеспечение формирования и развития организационной культуры: Учебное пособие. М.: МГППУ, 2010. 116 с.
3. Соломанидина Т.О. Организационная культура компании / Т.О. Соломанидина. М.: ИНФРА-М, 2017. 624 с.
4. Шейн Э. Организационная культура и лидерство / Э. Шейн; под ред. Т.Ю. Ковалевой. СПб.: Питер, 2013. 336 с.

Влияние оценки человеком родительского отношения к нему в детстве на становление его жизнестойкости

Красило Т.А., Лазарева А.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
tkrassilo@yandex.ru, lazareva.av@list.ru*

В связи с непростой социально-политической обстановкой современного мира, в настоящее время существует угроза психологическому благополучию человека. Такая ситуация предполагает активацию психологических процессов людей на создание ресурса для переработки внутренних переживаний и сохранение психологической устойчивости к изменениям окружающей среды. Поэтому становится крайне важным изучить

специфику данных процессов и факторов, на них влияющих. Таким образом, исследование проблемы становления жизнестойкости человека обретает высокую актуальность.

Жизнестойкость представляет собой оптимальную реализацию личностью своих психологических возможностей в адаптации к неблагоприятным жизненным ситуациям. Также жизнестойкость оценивается как «психологическая живучесть» и «расширенная эффективность» в тяжелых психологических условиях [2]. Детальное исследование феномена жизнестойкости проводил профессор С. Мадди, по мнению которого, она является стержневой личностной характеристикой, ответственной за успешность человека. Им же было выделено три компонента жизнестойкости – это вовлеченность в жизненные события, контроль процессов личной жизни и принятие риска - как веры в собственные силы [1]. Общеизвестно, что паттерны поведения взрослого человека закладываются в раннем возрасте, поэтому в нашем исследовании мы сосредоточились на изучении специфики родительского отношения к человеку в детстве в качестве фактора, влияющего на развитие различных компонентов жизнестойкости. Особенностью исследования явилось изучение влияния оценки родительского отношения на формирование дополнительных аспектов жизнестойкости, таких как: удовлетворённость жизнью и толерантность к неопределенности, в первую очередь как способность терпимо относиться к проблемным и кризисным ситуациям.

Исследование было организовано и проведено в он-лайн формате на общедоступной платформе «Google Формы» для создания и генерирования опросов. Выборку составили 99 респондентов (38 мужчин и 61 женщина) в возрасте от 20 до 55 лет. Все участники воспитывались в полных семьях и имели опыт отношений со своим отцом и матерью в первые 16 лет жизни. Для России характерны разные стили воспитания мальчиков и девочек, поэтому обработка результатов проводилась отдельно для двух групп: мужчин и женщин.

Для проверки выдвинутой гипотезы были использованы следующие методики: опросник в виде самоотчета для оценки и измерения связи с родителями (PBI - Parental Bonding Instrument) Г. Паркера, «Тест жизнестойкости» (Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова),

«Новый опросник толерантности к неопределенности» в адаптации Т.В. Корниловой, «Шкала удовлетворённости жизнью (ШУДЖ)» в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина. Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась при помощи коэффициента корреляции Спирмена.

В ходе проведенного анализа было установлено, что существует статистически значимая взаимосвязь между оценкой человеком заботы и контроля по отношению к нему в детстве и показателями его жизнестойкости. Важно учесть, что подсчет корреляции жизнестойкости (всех ее параметров и аспектов) с оценкой родительского отношения осуществлялся отдельно по каждому из родителей респондента - матери и отцу. Было выявлено, что уровень заботы матери имеет прямую взаимосвязь с уровнем жизнестойкости ($r = 0,314, p \leq 0,01$). Такие же результаты были получены по данным показателя уровня заботы отца ($r = 0,340, p \leq 0,01$).

Оценка респондентами заботы в детстве со стороны матери и отца прямо пропорционально связана с такими параметрами жизнестойкости, как: *вовлеченность* ($r = 0,362$ и $r = 0,325, p \leq 0,01$), *контроль* ($r = 0,252, p \leq 0,05$; $r = 0,335, p \leq 0,01$) и *принятие риска* ($r = 0,258, p \leq 0,05$; $r = 0,294, p \leq 0,01$), что можно интерпретировать как положительное влияние заботы на соответствующие показатели жизнестойкости. На основании установленной отрицательной корреляции между уровнем контроля со стороны обоих родителей и жизнестойкости опрашиваемых ($r = -0,239$ и $r = -0,251, p \leq 0,05$), можно предположить наличие деструктивной роли данной формы родительского отношения в процессе становления жизнестойкости.

Рассматривая результаты по группам участников, можно увидеть, что в группе женщин показатель контроля матери в детстве имеет отрицательную взаимосвязь с уровнем контроля, как параметром жизнестойкости ($r = -0,284, p \leq 0,05$). В группе мужчин контроль матери в детстве обратно взаимосвязан с уровнем принятия риска во взрослом возрасте ($r = -0,398, p \leq 0,05$). В этой же группе людей уровень оценки контролирующей функции отца показал наличие отрицательной связи с показателями жизнестойкости и принятия риска ($r = -0,414$ и $r = -0,607, p \leq 0,01$).

Так же были выявлены статистически значимые взаимосвязи между оценкой родительского отношения в детстве и параметрами толерантности к неопределенности (как дополнительного аспекта жизнестойкости). Установленные связи имеют своеобразную специфику у мужчин и у женщин. Полученные данные говорят о том, что забота отца в детстве, по оценке мужчин, отрицательно связана с интолерантностью к неопределенности и межличностной интолерантностью к неопределенности ($r = -0,366$, $p \leq 0,05$; и $r = -0,657$, $p \leq 0,01$). Контролирующее поведение обоих родителей, матери и отца соответственно, по оценке мужчин, напрямую связано со становлением межличностной интолерантности к неопределенности ($r = 0,684$ и $r = 0,673$, $p \leq 0,01$). При высоком уровне заботы матери в детстве, по оценке женщин, наблюдается высокий уровень толерантности к неопределенности во взрослом возрасте ($r = 0,291$, $p \leq 0,05$).

Полученные результаты не выявили статистически значимой взаимосвязи между оценкой человеком родительского отношения к нему в детстве и уровнем удовлетворенности жизнью (как дополнительного аспекта жизнестойкости). Вероятно, в случае с удовлетворенностью жизнью имеют значение и иные факторы, относящиеся, например, к социальному статусу или материальному положению респондентов данной выборки.

Таким образом, общая гипотеза исследования частично нашла свое подтверждение. Представленные данные расширяют область знаний о процессе формирования жизнестойкости человека, включая ее компоненты и дополнительные аспекты.

Литература

1. *Мадди С.* Теории личности. Сравнительный анализ. СПб.: Речь, 2002. 539 с.
2. *Фоминова А.Н.* Жизнестойкость личности. Монография. М.: МПГУ, 2012. 152 с.

Социально-психологические механизмы реализации soft-power потенциала вандаально нанесенных текстов

Кружкова О.В., Бабикова М.Р.
ФГБОУ ВО УрГПУ Екатеринбург, Россия
galiat1@yandex.ru, nauka219@gmail.com

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01487, <https://rscf.ru/project/23-28-01487/>

Вандальное повреждение объектов городской среды – частое повседневное и практически повсеместное явление. Благодаря очевидному материальному ущербу, вандальные (несанкционированные) изменения воспринимаются в большинстве случаев как проявление хулиганства, протеста, неаккуратности или бескультурия (что соответствует дефинициям большинства определений вандализма [1]). Тем не менее, вандальные повреждения, имея определенное символическое значение как в отношении своего наличия, так и в своем содержании, могут оказывать скрытое воздействие на воспринимающего. Очевидные сигналы, которые дает вандальное повреждение среды – «это место занято», то есть маркирование пространства отдельными группами (как правило, представителями субкультур), или «здесь опасно», когда вандализм – признак деградации пространства и низкой степени социального контроля за тем, что происходит в нем. При восприятии очевидных сигналов вандализма человек начинает испытывать дискомфорт и даже тревогу. Но вандализм может реализовывать и программные сигналы, выполняя задачу формирования определенных состояний, потребностей, коррекции мнений, настроений у воспринимающего, то есть выполняя задачи soft-power технологии. При этом, обыватель воспринимает вандализм как нечто несерьезное, теневое, несущественное, что способствует снижению критичности при прочтении смыслового пространства вандального повреждения и, соответственно, увеличению потенциала скрытого воздействия вандального текста или изображения.

Вандализм, как явление, в себе реализует механизм *обесценивания*. Будучи своеобразным выражением претензии субъекта вандализма на

власть над материальным и социальным пространством, вандальное повреждение утверждает право вандала «вне закона» делать то, что он считает нужным без учета мнения других людей, в том числе тех, кто владеет и управляет вандально поврежденной средой. Поврежденный объект теряет свою целостность, первоначальные свойства, обретает тройственность его восприятия сторонним субъектом – как свой изначальный план, как измененный (поврежденный) объект, как задумка (мысль, чувства, желания, стремления), отпечаток, след личности автора вандального преобразования. В результате размывается и частично нивелируется изначальная ценность объекта в глазах стороннего субъекта, в том числе его культурное и историческое значение [2]. Обесценивание выражается и в использовании ненормативной лексики в текстовых сообщениях вандальных повреждений городской среды – противопоставление субъекта общепринятой культуре, пренебрежение нормами морали.

Иной социально-психологический механизм реализации soft-power потенциала вандальных повреждений – *исследовательский интерес*. Вандализм – это то, что не предполагается в городской среде, но присутствует в ней. Само наличие вандализма выходит за границы установленного порядка, расширяет и маргинализирует их, открывает новые возможности, перспективы, утверждает девиантные формы поведения. Не все вандальные следы вызывают сильный интерес со стороны воспринимающего, большая часть субкультурных вандальных повреждений оцениваются нами как «белый шум», присутствующее в городской среде визуальное и информационное загрязнение. Но применение специализированных приемов влияния и управления когнитивными процессами воспринимающего делает некоторые вандальные повреждения интересными и привлекательными для стороннего субъекта. Например, таким приемом выступает языковая игра, реализуемая через изложение мысли субъекта вандализма в форме, которая требует от воспринимающего приложения определенных интеллектуальных усилий для расшифровки смысла вандального повреждения. Языковая игра преимущественно реализуется через текстовые варианты вандальных повреждений, но может существовать и как креализованный текст или только символическое изображение. При восприятии таких текстов возникает ситуация, сходная отгадыванию

шарады. Субъект восприятия сталкивается с интеллектуальной задачей, которую нужно решить, чтобы сместить фокус внимания, перевести вандальный текст из категории «фигура» в категорию «фон». В результате, этот способ не только привлекает внимание, но и удерживает его, а нахождение решения вандальной «шарады» приводит к переживанию чувства победы и удовлетворения, что создает основу как для более позитивного восприятия (усвоения) заложенной смысловой нагрузки вандального текста, так и более лояльного отношения к вандальным повреждениям в целом. Стоит отметить, что способы языковой игры разнообразны и могут быть представлены в виде: трансформации слова с помощью изменения цвета и размера букв, варьирования шрифта, использования поэтического способа передачи информации, подчеркивания текста и т.п.); трансформации слова с помощью переключения языковых кодов, например, средствами другого языка (использование символов и букв другого языка); трансформации слова с помощью наложения рисунков на буквы; трансформация слова с помощью небуквенных символов (знаков препинания и пр.); сочетания текста и рисунка, взаимодополнение которых позволяет адресату отразить полный смысл графического повреждения.

Стоит заметить, что описанные механизмы (обесценивание и исследовательский интерес) являются не единственными, но базовыми для реализации soft-power потенциала вандальных повреждений городской среды.

Литература

1. *Воробьева И.В., Кружкова О.В.* Психология вандального поведения. Екатеринбург, 2015.
3. *Радченко Д.А.* «На человека стал похожим»: советские памятники Украины и России в конфликтном контексте (2013–2015) // *Genius Loci: Сборник статей в честь 75-летия С.Ю. Неклюдова* / Сост. М.В. Ахметова, Н.В. Петров, О.Б. Христофорова (отв. ред.). Москва, 2016.

Что привлекает русскоязычных пользователей в восточную фан-культуру

Крюкова Т.Л., Рымина А.В.

ФГБОУ ВО КГУ, Кострома, Россия

tat.krukova44@gmail.com

Фан-культура (фандом) – это самоидентифицированная группа людей, которые эмоционально и творчески вовлечены в чтение и просмотр произведений искусства, а также создание оригинального медиа-контента на основе данных произведений. Принадлежащие фандому люди не просто интересуются избранным предметом (читают книги или смотрят фильмы), они также участвуют в обмене информацией, общаются, делятся переживаниями [2]. Рассмотрим восточную фан-культуру любителей BL (boy's love), объединяющую в большинстве женщин, увлекающихся произведениями (литература, анимация, сериалы), где в центре сюжета фигурируют романтические отношения молодых мужчин [3]. Немало зарубежных авторов представляют данные о психологических характеристиках этого фандома (Demetrovics, McLelland, Liu, Prasannam) [1; 2; 3]. В статье представлены результаты пилотажного исследования фан-культуры любителей BL в России с целью выявления причин ее предпочтения.

Члены интернет-сообществ, посвященных BL-тематике, добровольно ответили на вопросы в формате онлайн: 13 вопросов закрытого типа в течение 10-12 минут. Участники: 512 человек. 98% опрошенных составили женщины, 2% мужчины. Средний возраст участников фандома – 27 лет ($\sigma = 2,8$). 63,1% опрошенных состоят в фандоме более четырех лет; 27,1 % – до трех лет; 9,8% состоят в фандоме год и меньше. 29,7% участников начали увлекаться BL благодаря азиатским BL сериалам; 19,9% благодаря японской анимации (аниме); 13,3% благодаря азиатской BL-литературе; 11,3% благодаря фанатскому творчеству (литературному, художественному); 10,9% благодаря англоязычным сериалам с BL-персонажами; остальные опрошенные указали иные причины.

Говоря о том, что именно впервые привлекло их в жанре BL, почти половина опрошенных указывают описание любовной линии и

отношений главных героев; 20,9% женщин заинтересовались романтическими и сексуальными предпочтениями главных героев, так как посчитали это «новым, необычным, освежающим»; 19,3% опрошенных привлек необычный сюжет; оставшаяся часть респондентов ссылались на иные причины.

Получены данные о предпочитаемых ролевых отношениях внутри BL-пары: большинство женщин (56,8%) предпочитают видеть полное равноправие, что отличается от принятой в обществе гетеросексуальной парадигмы отношений. Исследователи азиатских фандомов указывают, что женщины, состоящие в фандоме BL, отдают предпочтение красивой внешности главных героев, в противоположность этому 46,7% русскоговорящих женщин считают, что внешность героев не важна, и даже лучше, если она будет приближена к реальной, тем не менее, 43,4% опрошенных указали, что предпочитают видеть в качестве главных героев красивых мужчин.

На вопрос о предпочитаемом рейтинге произведения, т.е. наличие/отсутствие сцен секса, значительное большинство (80%) ответили, что рейтинг не важен, а роль играет лишь интересный сюжет. Знаменательно, что никто из опрошенных не выбрал вариант, предполагающий обязательное полное отсутствие сцен секса в произведении. Таким образом, несмотря на вуайеристическое наслаждение сценами секса, данный момент не является приоритетным мотивом просмотра/чтения BL с высоким рейтингом для русскоязычного сегмента.

Выводы. Основными причинами выбора жанра русскоязычными потребителями BL-контента являются:

1. Копинг от негативных факторов окружающей действительности таких как гендерные стереотипы, мужской шовинизм, зависимое положение в отношениях и порицание общества выражения женщиной сексуальных желаний.

2. Реализация стремления к идеалу мужчины и идеализируемой картине романтических отношений через механизмы самоидентификации и проекции.

3. Выражение потребности в удовлетворении тайных сексуальных желаний без риска порицания со стороны общества.

Литература

1. *Liu S.* The Social Psychology Demands of Contemporary Female Reflected in the Boy's Love Literature // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2020. № 496. С. 215-218.
2. *Prasannam N.* The Yaoi Phenomenon in Thailand and Fan/Industry Interaction. // *Plaridel*. 2019. № 16. С. 63-89.
3. *Zsila A., Demetrovics Z.* The boys' love phenomenon: A literature review // *Journal of Popular Romance Studies*. 2017. URL: <http://www.jprstudies.org/2017/04/the-boys-love-phenomenon-a-literature-reviewby-agnes-zsila-and-zsolt-demetrovics/>

Особенности проявления лидерских качеств у первоклассников в межличностном общении со сверстниками

Кудратходжаева М.Ш., Молчанов С.В.

*Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г.Ташкенте,
Ташкент, Республика Узбекистан
kudrathodjaeva@list.ru*

Тема лидерства изучалась психологами во все времена, и остаётся актуальной и по сей день. Взрослому человеку практически невозможно кардинально изменить свой характер, стиль мышления, жизненные ценности, поэтому, все самое необходимое нужно закладывать с детства, так сказать, развивать лидерские качества ещё с пелёнок. Проанализировав литературу, мы можем сделать вывод о том, что вопрос о проявлении лидерских качеств освещён недостаточно. Большое внимание уделяется развитию лидерских качеств у молодёжи, воспитанию потенциальных лидеров, формированию лидерских качеств у младших школьников, но нет ни одного источника, в котором бы описывалось проявление лидерских качеств у первоклассников.

При поступлении в школу, параллельно с овладением учебной деятельностью и адаптации к новым условиям, школьник включается и в другой процесс- усвоение социального опыта - складывающихся в

школе межличностных отношений. Уже с первых дней пребывания в школе ребёнок включается в процесс межличностного взаимодействия с одноклассниками. Среди первоклассников уже выявляются те, кто придумывает и организывает игры, руководит, распоряжается ролями. Это и есть лидеры. Но в изучении лидерства нет сведений о том, как попадая в новые условия, кто-то из детей начинает чувствовать себя лидером и имеет силы заявить о себе. Исходя из вышесказанного можно подтвердить актуальность нашего исследования и изучить проявление лидерских качеств у первоклассников в межличностном общении со сверстниками. Проблему изучения феномена лидерства, формирования лидерских качеств личности, у старших дошкольников, рассматривали в своих трудах ряд отечественных и зарубежных ученых: Е.А. Аркин, К. Берд, Л.И. Уманский и др. Исследователи убеждены, что активное участие личности в деятельности, способность получить и овладеть необходимыми знаниями и умениями, стремление к саморазвитию способствует формированию личностных качеств, включая лидерские. (Ануфриенко Л.В., 2002), (Тугянова Е.А., 2014). Тем временем «Теория черт лидера» исходит из того, что лидерами рождаются, а значит оно может проявляться намного раньше, к примеру, в первом классе. Возникают противоречия, во мнениях, что лидерство не исследовано лидерство в первом классе, так как есть теории, предполагающие, что оно формируется несколько позже. (Galton, 1892; Carlyle, 2008).

Проблема нашего исследования заключается в противоречии мнений о том, что лидерство формируется во 2-3 классе, и исследованиями, выявляющие лидерские качества гораздо раньше.

Цель: изучить проявление лидерских качеств первоклассников в общении со сверстниками.

Использовались следующие методики.

- Методика Дембо-Рубинштейн на самооценку лидерских качеств (для учеников).
- Методика Рене Жила (пункты со шкалой «Доминирование, лидерство в группе детей», карточки 20, 21, 22, 23, 39 для выявления лидерских качеств).

- Социометрическая методика «Два домика» (Т.Д. Марцинковская)

Выборку составили 96 учеников первых классов, 58 из которых – ученики государственной школы №43, а 38 – ученики частной школы Diplomat.

В результате анализа данных Методики Рене Жиля (пункты со шкалой «Доминирование, лидерство в группе детей») и социометрической методики «Два домика» (Т.Д. Марцинковская), было выявлено межполовое различие: представлений о собственном лидерстве ($p < 0,0009$), выше у мальчиков (56,7), чем у девочек (37,2), а социометрический статус ($p < 0,035$) выше у девочек (55,09), чем у мальчиков (43,15).

В результате сравнительного анализа самооценки собственных лидерских качеств учеников и оценка лидерских качеств взрослым учеников были выявлены различия в государственных и частных школах.

Различия были выявлены в следующих параметрах. По самооценке собственных лидерских качеств: желание командовать ($p < 0,0002$) (58,1), умение раздавать задания ($p < 0,05$) (52,8), уважение в классе ($p < 0 < 023$) (53,4), по оценке лидерских качеств взрослым: коммуникативность ($p < 0 < 07$) (54,1) – выше в государственных школах.

Литература

1. *Тугянова Е.А.* Теоретические основы изучения лидерства в психологии //Журнал *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*, 2014.
2. *Тургунбаева Б.А., Аспанова Г.Р.* Развитие лидерских способностей у младших школьников. Диссертация на соискание степени доктора философии *Казахский национальный педагогический университет имени Абая Республика Казахстан Алматы*, 2018.
3. *Galton F.* Hereditary genius an inquiry into its laws and consequences/ London and New York, 1892.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и гейм-аддикции в подростковом возрасте

Кузнецова А.Д., Расходчикова М.Н.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

rashodchikovamn@mgppu.ru, kuznetsovaad@mgppul.ru

Рост исследовательских усилий в области интернет-зависимости привел к тому, что Американская психиатрическая ассоциация (АПА) включила в 2013 году расстройство гейм-аддикция в приложение к обновленной версии Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (DSM-5) как состояние, требующее дальнейшего изучения, прежде чем оно будет принято для включения в основное руководство. Это привело к тому, что исследователи начали предпринимать усилия по достижению международного консенсуса для оценки расстройства гейм-аддикции с использованием нового подхода DSM-5 на основе международной экспертной группы.

Школьников подросткового возраста особенно привлекают новые технологические способы взаимодействия и общения с другими, и в то же время обеспечивают анонимность, впечатление принадлежности к сообществу и чувство социальной идентичности. Глобальная сеть – интернет связывает миллионы людей по всему миру и дает возможность пользователям обмениваться информацией, которая остается доступной в любое время и в любом месте. Но, как самое популярное и сложное средство массовой информации на сегодняшний день, интернет также представляет и опасность для подростков, пользующихся интернетом без контроля со стороны взрослых, особенно для школьников, имеющих свободный доступ к контенту, не соответствующему их возрасту и стадии развития. Доказано, что избыточное использование компьютеров и интернета влекут за собой социально-психологические, эмоциональные и физиологические изменения для личности, в особенности, для подростков, когда их психика еще не до конца сформировалась. Исследования утверждают, что именно школьники в подростковом возрасте наиболее подвержены различным видам аддиктивного поведения. Так как именно в этот период они проходят много

психофизиологических изменений, которые влияют на эмоциональное состояние и организм в целом [3].

Эмоциональный интеллект как посредник может влиять на степень гейм-аддикции и прогнозировать такую активность. Подростки, как правило, более склонны к рискованному поведению и могут предаваться аддиктивным практикам, чтобы справиться с внутренней тревогой, фрустрацией и нереалистичного оптимизма по отношению к ощущению неуязвимости или даже потребности достичь свои цели, как часть перехода во взрослую жизнь [1].

Конечно, негативное воздействие компьютерных игр на подростка будет осуществляться только в том случае, когда деятельность за ними будет переходить в зависимость, в постоянное времяпрепровождение, если прежние занятия, такие как учеба, межличностное (реальное) общение, хобби будут в дефиците. То есть, потеря контроля над участием в игре, отдавание компьютеру большего приоритета, в ущерб другим интересам повседневной деятельности, даже, несмотря на появление негативных последствий. В таком случае, будет оказываться отрицательное влияние компьютера и интернета на формирование личности подростка [2].

Целью нашего исследования является изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта гейм-зависимых и гейм-независимых подростков. Респондентами выступили учащиеся 10-х и 11-х классов московской школы в количестве 80 человек (43 девушки и 37 юношей) в возрасте от 16 до 18 лет. В нашем исследовании мы использовали следующий диагностический материал: анкета, методика Н.В. Кочеткова «Диагностика гейм-аддикции», методика Д.В. Люсина «Эмоциональный интеллект», методика М. Аткинсона «Шкала эмоциональной зрелости».

Проведя эмпирическое исследование, мы получили следующие результаты.

1) В старшем подростковом возрасте была выявлена обратная взаимосвязь между уровнем гейм-аддикции и уровнем межличностного эмоционального интеллекта ($-0,521$ при $p < 0,01$), то есть, чем выше уровень гейм-аддикции у подростка, тем уровень межличностного эмоционального интеллекта будет ниже; 2) У школьников выявлена обратная связь по шкалам гейм-аддикции и

внутриличностного эмоционального интеллекта (-0,493 при $p < 0,01$), то есть, чем выше уровень гейм-аддикции в старшем подростковом возрасте, тем ниже будет уровень внутриличностного эмоционального интеллекта; 3) У старшекласников была выявлена обратная связь по шкалам гейм-аддикции и понимания эмоций (-0,560 при $p < 0,01$), то есть, чем выше уровень гейм-аддикции у подростка, тем ниже будет уровень понимания эмоций; 4) В старшем подростковом возрасте была выявлена обратная связь по шкалам гейм-аддикции и управления эмоциями (-0,465 при $p < 0,01$), то есть, чем выше уровень гейм-аддикции у школьника, тем ниже будет уровень управления эмоциями; 5) У старшекласников выявлена обратная связь по шкалам гейм-аддикции и общего эмоционального интеллекта (-0,520 при $p < 0,01$), то есть, чем выше уровень гейм-аддикции в старшем подростковом возрасте, тем ниже будет уровень общего эмоционального интеллекта; 6) В подростковом возрасте выявлена обратная связь по шкалам гейм-аддикции и эмоциональной зрелостью (-0,359 при $p < 0,01$), то есть, чем выше уровень гейм-аддикции у школьников, тем ниже будет уровень эмоциональной зрелости; 7) У старшекласников были выявлены значимые различия у гейм-зависимых и гейм-независимых подростков между гейм-аддикцией и межличностным ЭИ, внутриличностным ЭМ, пониманием эмоций, управлением эмоциями, общим ЭМ и эмоциональной зрелостью. Это показывает, что у гейм-зависимых подростков из-за компьютерной аддикции перечисленные выше характеристики имеют ниже уровни развития, по сравнению с подростками, которые не имеют компьютерной зависимости.

Таким образом, можно сделать вывод, что гейм-аддикция влияет на уровни развития компонентов эмоционального интеллекта и на эмоциональную зрелость. Зависимым подросткам труднее осознать, что они чувствуют, вербализовать свои эмоции, понять и проявить сочувствие к собеседнику, понять, что чувствует другой человек, а также, управлять своими и чужими эмоциями, влиять на эмоции другого человека. У подростков с гейм-аддикцией теряется способность к осознанию настоящего момента и удовлетворения от жизни «здесь и сейчас».

Литература

1. *Гоулмен Д.* Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. – М., 2019. С. 89 - 164.
2. *Кузнецова А.Д., Расходчикова М.Н.* Взаимосвязь компьютерной зависимости и социальной адаптации в подростковом возрасте // В сборнике: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. Москва, 2022. С. 209-212.
3. *Расходчикова М.Н.* Статусная позиция старшеклассников и студентов на разных этапах их вхождения в учебную группу// Психологическая наука и образование. 2008. Т. 13. № 5. С. 98-103.

Взаимосвязь привязанности и особенностей доверия и недоверия у юношей и девушек

Кулиева С.З., Смирнова Ю.С.

*Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь
smiry@bsu.by*

Проблематика близких межличностных отношений представляет актуальную область социально-психологических исследований. Недоверие партнеров друг другу препятствует взаимопониманию и может стать источником страха быть отвергнутым близким человеком и дискомфорта от психологической близости с ним. Доверительные отношения, напротив, способствуют усилению близости и формированию привязанности надежного типа. С учетом сказанного в качестве предмета анализа нами была выбрана взаимосвязь привязанности в близких отношениях и особенностей доверия и недоверия личности другим людям.

Под привязанностью понимается прочная эмоциональная связь, устанавливаемая в процессе близких взаимоотношений между людьми. Причем привязанность взрослых людей имеет

индивидуальные различия, описываемые двухфакторной моделью, включающей в качестве показателей привязанности степень беспокойства и избегания [2, с. 85]. Категории «доверие» и «недоверие» в социальной психологии используются для анализа психологического отношения и взаимоотношения партнеров, формирующегося на основе сопоставления взаимных оценок, установок, представлений и ожиданий [1, с. 79]; причем доверие и недоверие не являются взаимоисключающими феноменами [1, с. 148].

С целью установления взаимосвязи привязанности в близких отношениях и особенностей доверия и недоверия юношей и девушек другим людям было проведено эмпирическое исследование. Для сбора данных использовались «Опросник привязанности к близким людям» Н.В. Сабельниковой и Д.В. Каширского и методика оценки «Доверия/недоверия личности другим людям» А.Б. Купрейченко. В опросе приняли участие 63 респондента в возрасте от 17 лет до 24 лет. 49,2% – респонденты мужского пола, 50,8% – женского. Для статистической обработки данных применялись U-критерий Манна-Уитни для установления различий, коэффициент корреляции Спирмена.

Сравнение показателей привязанности к близким людям и особенностей доверия и недоверия юношей и девушек другим людям позволило установить следующие статистически значимые различия. У юношей показатели избегания близких отношений ($U = 315,500$; $p = 0,013$) и беспокойства в близких отношениях ($U = 232,500$; $p < 0,001$) выше, чем у девушек. Девушки в сравнении с юношами выше оценивают Приятель ($U = 325,50$ $p = 0,018$) и ниже оценивают Недостатки ($U = 289,50$, $p = 0,004$) человека, который утратил доверие, демонстрируя к последнему большую лояльность. В целом, наиболее значимыми критериями доверия девушек и юношей другим людям являются Надежность и Приятель: показатели по этим шкалам в отношении человека, которому доверяют больше всего, являются наибольшими; разница в оценках по этим шкалам человека, который вызывает доверие, и человека, который утратил доверие, максимальна, что согласуется с результатами исследования А.Б. Купрейченко [1, с. 238]. При этом самыми высокими являются оценки юношами и девушками Недостатков человека, утратившего доверие.

Перейдем к результатам корреляционного анализа. Структура корреляционных связей показателей привязанности и особенностей доверия и недоверия девушек другим людям включает статистически значимые отрицательные корреляции избегания близких отношений и оценок Единства ($r = -0,596, p < 0,001$), Надежности ($r = -0,473, p = 0,006$) и Приязни ($r = -0,420, p = 0,017$) человека, которому доверяют больше всего. Чем выше девушки оценивают единство с человеком, которому доверяют больше всего, его надежность, чем больше ему симпатизируют, тем меньше степень избегания отношений привязанности, и наоборот. Обращает на себя внимание тот факт, что критерии доверия девушек другим людям взаимосвязаны только с одним из показателей привязанности – избеганием близких отношений; статистически значимых корреляций с беспокойством по поводу близких отношений у девушек обнаружено не было. Интересно также, что оценки девушками человека, который утратил доверие, не коррелируют по результатам проведенного исследования ни с одним из показателей привязанности. Можно предположить, что единство, надежность и приязнь как критерии доверия девушек другим людям минимизируют дискомфорт от психологической близости, но не сопряжены с ослаблением страха быть отверженным близким человеком. Статистически значимых корреляций беспокойства и избегания как показателей привязанности к близким людям и особенностей доверия и недоверия юношей другим людям также обнаружено не было.

Подводя итог, отметим, что наиболее значимыми критериями доверия девушек и юношей другим людям являются их надежность и приязнь. Причем девушки в сравнении с юношами демонстрируют большую лояльность к человеку, утратившему доверие, выше оценивая его приязнь и ниже оценивая его недостатки. Показатели избегания близких отношений и беспокойства в близких отношениях у юношей выше, чем у девушек. Результаты исследования позволяют предположить, что единство, надежность и приязнь как критерии доверия девушек другим людям минимизируют дискомфорт от психологической близости с другими людьми, но не сопряжены с ослаблением страха быть отверженным близким человеком. Критерии доверия и недоверия юношей другим людям не связаны с особенностями их привязанности к близким людям. Дальнейший

анализ может быть направлен на исследование взаимосвязи привязанности к близким людям и особенностей доверия и недоверия с учетом особенностей семейного воспитания и взаимоотношений в семье.

Литература

1. *Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. М., 2008.
2. *Сабельникова Н.В., Каширский Д.В.* Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. Том 36. № 4.

Отношение родителей дошкольников и младших школьников к использованию гаджетов детьми

*Куприкова Д.А., Денисенкова Н.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
liovushka@bk.ru, nataliya-denisenkova@yandex.ru*

На сегодняшний день активно ведутся споры о значении цифровых устройств в развитии детей. Однако единого мнения не существуют [2]. Одни авторы доказывают позитивное цифровых устройств, другие подчеркивают их негативное влияние на развитие ребенка (Борцова, Некрасов, Обухова, Смирнова, Goldin et. al., Huber et. al., Milani et. al., и др.). При этом многие считают, что гаджеты являются неотъемлемой частью социализации современных детей и их роль в развитии детей будет возрастать (Андреева, Веракса, Денисенкова, Красилов, Солдатова, Wood и др.).

Анализ проблемы показывает, что влияние гаджетов определяется не самим цифровым устройством, а тем, как родители организуют взаимодействие ребенка с ним: время, медиа-контент, отношение к цифровым технологиям, система контроля, стратегии медиа-посредничества и т.д. (Веракса, Клопотов, Рубцова, Cho, Genner и др.). Таким образом очевидной становится необходимость изучения поведения, установок, стратегий родителей по отношению к использованию ребенком цифровых устройств.

По мере взросления роль гаджетов меняется. Дети проводят с ними все больше времени. Однако исследований, посвященных изучению отношения родителей к детской медиа-активности в разные возрастные периоды не много.

Цель данного исследования стало сравнение отношения родителей дошкольников и младших школьников к использованию гаджетов детьми.

Мы предположили, что существуют отличия в отношении родителей старших дошкольников и младших школьников к использованию гаджетов.

Выборку составили 68 респондентов (родители 39 старших дошкольников и 29 младших школьников, посещавших в период 2022-2023 старшие-подготовительные группы детского сада и 1-4 классы общеобразовательной школы). Средний возраст родителей детей-дошкольников – 35,5 лет, а средний возраст родителей младших школьников – 41,5 год. Средний возраст детей-дошкольников – 5,7 лет, младших школьников – 9,2 лет.

Для изучения отношения, организации и мониторинга родителями детской медиа-активности использованы следующие методики: «Регламент использования гаджетов» М.В. Борцовой и С.Д. Некрасова, предназначенной для исследования особенностей регламентирования родителями использования ребенком цифровых устройств [1], и опросник «Родительское посредничество детской медиа-активности» Г. Нимрода, Д. Лемиша, Н. Элиаса, направленное на изучение родительской стратегии мониторинга детской медиа-активности [3]. Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась при помощи U-критерия Манна-Уитни.

В исследовании мы получили следующие результаты.

Существуют статистически значимые отличия в отношении родителей дошкольников и младших школьников к использованию гаджетов детьми. Родители младших школьников относятся к использованию гаджетов детьми более положительно, чем родители дошкольников.

Родители дошкольников чаще используют ограничительную стратегию мониторинга детской цифровой активности, т.е. они следят прежде всего за тем, чтобы ребенок не слишком долго и не слишком интенсивно пользовался гаджетами. Родители младших школьников

предпочитают активную стратегию всем остальным. Иными словами, родители младших школьников постепенно ослабляют контроль над цифровой активностью детей, позволяют действовать более самостоятельно, а также видят в гаджетах больше возможностей для развития детей.

Кроме того, мы обнаружили, что дети младшего школьного возраста активнее, чем дошкольники используют цифровые устройства, включают в свой досуг познавательные игры и передачи, а также проявляют больше самостоятельности при выборе вида цифровой активности.

Литература

1. Борцова М.В., Некрасов С.Д. Отношения родителей к использованию дошкольником электронных гаджетов // Южно-российский журнал социальных наук, 2017. Том 18. №3. С. 69–80.
2. Денисенкова Н.С., Тарунтаев П.И. Роль взрослого в использовании ребенком цифровых устройств [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 2. С. 59–67.
3. Nikken, P. (2017). Parental Mediation of Media. The International Encyclopedia of Media Effects, 1–13. doi:10.1002/9781118783764.wbieme0204.

Уровень агрессии в виртуальной коммуникации у подростков

Курило М.В, Андрущенко П.В.

*БарГУ, Барановичи, Республика Беларусь
kurilo.mashulya@mail.ru, jupandrush@gmail.com*

Виртуальное пространство сети Интернет обладает следующими характеристиками, исходя из концепций А. А. Гавриловой [1, с. 95–96], Ю. М. Кузнецовой и Н. В. Чудовой [2, с. 45]: 1. Субъективность – виртуальная реальность существует в той мере насколько существует в виртуальной реальности индивид; 2. Порожденность – виртуальная

реальность существует, пока есть диалог между индивидом и образом, который создает виртуальность; 3. Несубстанциональность – виртуальная реальность не фиксируется приборами; 4. Эфемерность – предоставляется свобода включения и выключения из виртуальной реальности; 5. Ирреальность – виртуальная реальность отличается от других типов реальности пластом особенностей

6. Автономия пространства и времени – включенность субъектов виртуальной реальности во время и пространство отличается от включенности в них контексте константной реальности; 7. Анонимность – различные способы остаться незамеченным во Всемирной сети; 8. Дистантность – нахождение от объекта взаимодействия на определенном расстоянии; 9. Опосредованность – дача ответа своему собеседнику в тот момент, когда удобно пользователю.

Целью нашего исследования является выявление уровня агрессии в виртуальной коммуникации у подростков.

Базой исследования выступили: УО «Средняя школа №19 города Барановичи», «Средняя школа №21 города Барановичи». Всего было исследовано 80 человек, 40 из которых парни, 40 – девушки. Средний возраст испытуемых – 14 лет.

Для реализации цели, нами была использована авторская анкета.

Рассмотрим результаты выявления уровня агрессии в виртуальной коммуникации у подростков, полученные в результате использования авторского варианта анкеты.

Уровень проявления вербальной агрессии у подростков в виртуальной коммуникации. По результатам проведенной диагностики, большинство подростков обладают низким уровнем виртуальной вербальной агрессии (53%), это означает, что данная группа подростков не характеризуется следующими особенностями в коммуникации в виртуальности со сверстниками и взрослыми: употребление в сообщениях нецензурной лексики, оскорбление близких людей виртуального собеседника. Для подростков, обладающих средним уровнем виртуальной вербальной агрессии (32%), свойственно редкое употребление нецензурной лексики в виртуальной коммуникации.

Для подростков, обладающих высоким уровнем виртуальной вербальной агрессии (15%), – наименее выраженная в количественном

соотношении группа респондентов – характерно использование таких проявлений, как использование нецензурной лексики, и оскорбление чувств другого человека.

Уровень проявления физической агрессии у подростков в виртуальной коммуникации. Низкий уровень виртуальной физической агрессии присущ большинству подростков в нашем исследовании (96%). Это связано с тем, что подростки не в состоянии применить физическую силу при отстаивании своих прав и собственного мнения. Проявления физической агрессии в сторону своих обидчиков являются малохарактерными, однако, иногда встречающимися для подростков со средним уровнем виртуальной физической агрессии (4%), когда они угрожают физической расправой в реальности.

Уровень проявления предметной агрессии у подростков в виртуальной коммуникации. По результатам нашего исследования, подростки из данной группы абсолютно не представлены со стороны виртуальной предметной агрессии (100%).

Уровень проявления эмоциональной агрессии у подростков в виртуальной коммуникации. По результатам проведенного исследования, нами было выявлено, что большинство подростков не проявляют эмоциональную агрессию по отношению к другим людям (42%), то есть они используют специальные графические обозначения для отражения гнева (смайлы и стикеры) и подобных этой эмоций. Для другой группы подростков характерен высокий уровень проявления эмоциональной агрессии (34%), это проявляется в написании сообщения в сети Интернет исключительно прописными буквами, употреблением соответствующих смайлов и стикеров. У следующей группы подростков был выявлен средний уровень виртуальной эмоциональной агрессии (24%), они характеризуются редким проявлением эмоциональной агрессии по отношению к другим людям в виртуальной коммуникации с использованием специальных обозначений.

Уровень проявления косвенной агрессии у подростков в виртуальной коммуникации. По результатам нашего исследования, большинство подростков обладают высоким уровнем виртуальной косвенной агрессии по отношению к другим людям (86%), это означает, что данная выборка подростков не ограничивается исправлением ошибок и игнорирование чужих сообщений, но и могут

добавить другого пользователь в так называемый «черный список». Далее мы выявили подростков со средним уровнем косвенной агрессии (14%), для них характерно исправление чужих ошибок и очень редкое отправление человека в «черный список», или натравливание других пользователей на своего собеседника.

Уровень проявления прямой агрессии у подростков в виртуальной коммуникации. Нами было выявлено, что большинство подростков из нашей группы обладают высоким уровнем прямой виртуальной агрессии (66%), для данных подростков характерно использование нецензурной лексики в виртуальной коммуникации, угроза физическому здоровью пользователей сети Интернет и гневное комментирование под записями других пользователей. Другие подростки обладают средним уровнем виртуальной прямой агрессии (34%), это связано с тем, что данные пользователи знают, что они анонимны в социальных сетях, но все равно продолжают опасаться за свою неприкосновенность.

Литература

1. *Гаврилов А.А.* Осмысление феномена виртуальной реальности в философском дискурсе // Омский научный вестник. 2014. № 2 (126). С 93–96.
3. *Чудова Н.В.* Особенности образа «Я» жителя Интернета // Психологический журнал. 2002. № 1. С. 45–54.

О психодиагностике уровня гражданской культуры обучающихся в учреждении дополнительного образования

Курьянова А.Ю.

*МБУ ДО ЦДОД, Ростов-на-Дону, Россия
anz5423@yandex.ru*

Новое время требует от учреждений образования нового содержания, форм и методов воспитания, адекватных современным социально-педагогическим реалиям. Появилась необходимость в решении следующих задач, важных для психологически правильного

воспитания человека и организации взаимодействия личности и общества: утверждение в сознании и чувствах подрастающего поколения патриотических ценностей, взглядов и убеждений, воспитание уважения к культурному и историческому прошлому России; формирование у учащихся готовности и способности к духовному развитию и нравственному самосовершенствованию.

Эффективность претворения в жизнь указанных задач во многом зависит от знания основ социальной психологии и четкости понимания процессов развития обучающихся. В этой связи актуальность приобретают диагностические процедуры изучения гражданской культуры личности подрастающего поколения. В Центре дополнительного образования детей Октябрьского района города Ростова-на-Дону среди подростков было проведено исследование, которое показало уровень проявления гражданской культуры в обществе. Для диагностики использовался тест Т.И. Власовой [1].

Результаты получены следующие:

- **обучающиеся ЦДОД (в целом)** – социально-дезориентированная гражданская культура присутствует – у 1% протестированных; социально-ориентированную – имеют 8% опрошенных детей; социально-ценностную – 34%; социально и личностно значимую гражданскую культуру имеют – 57% обучающихся;

- **художественное направление** – социально-дезориентированная гражданская культура у обучающихся данного направления отсутствует; социально-ориентированную – имеют 2%; социально-ценностную – 37%; социально и личностно значимую гражданскую культуру имеют – 61% воспитанников;

- **физкультурно-спортивное направление** – социально-дезориентированная гражданская культура присутствует у 3% обучающихся; социально-ориентированную – имеют 10%; социально-ценностную – 38%; социально и личностно значимую гражданскую культуру имеют – 49% протестированных детей;

- **техническое направление** – социально-дезориентированная гражданская культура у обучающихся данного направления отсутствует; социально-ориентированную – имеют 13%; социально-ценностную – 34%; социально и личностно значимую гражданскую культуру имеют – 53%;

- **естественнонаучное направление** – социально-дезориентированная гражданская культура определена у 2%

обучающихся; социально-ориентированная – 4%; социально-ценностную имеют – 30%; социально и личностно значимую гражданскую культуру имеют – 64% прошедших диагностику детей.

Гражданская культура в целом состоит из баланса равноправных компонентов: эмоциональный уровень, когнитивный уровень, деятельность-волевой уровень.

Изучив данные составляющие, мы получили следующие результаты:

- **художественное направление** – эмоциональный уровень группы составляет -53%, когнитивный – 29%, волевой – 59%;
- **физкультурно-спортивное направление** – эмоциональный уровень – 42%, когнитивный – 38%, волевой – 51%;
- **техническое направление** – эмоциональный уровень группы составляет -76%, когнитивный – 40%, волевой – 62%;
- **естественнонаучное направление** – эмоциональный уровень – 54%, когнитивный – 8%, волевой – 63%.

Таким образом, можно сделать вывод, что гражданская культура в целом у обучающихся ЦДОД имеет уровень выше среднего, который может быть повышен за счет активизации работы по гражданско-патриотическому воспитанию, в частности – путем расширения знаний о правовых основах организации общества, его истории, о государственной символике, и т.д. Важным аспектом психолого-педагогической работы также должно стать развитие о обучающихся по социальным личностным ценностям.

Литература

1. *Власова Т.И.* Диагностика гражданской культуры школьников и студентов. Ростов-на-Дону, 2001. 64 с.

К вопросу о возможностях технологии айтрекинга как нового подхода в детектировании скрываемой информации

Куценок Р.Г.

*ФГБОУ ВО УрГПУ, Екатеринбург, Россия
marstwo8@gmail.com*

Проблема методологической ограниченности в диагностике достоверности ответов испытуемых является достаточно значимой.

Скрываемые субъектом сведения часто не могут быть достоверно распознаны и обоснованы экспериментатором. Для повышения валидности и надежности тестирования становится актуально учитывать психофизиологические показатели, например, окуломоторную активность, регистрируемую с помощью технологии айтрекинга.

Целью данного обзора является обобщение результатов современных экспериментальных исследований, демонстрирующих возможности технологии айтрекинга в детектировании скрываемой информации. Произведен анализ 16 научных статей отечественных и зарубежных ученых в контексте данной проблематики.

Несмотря на традиционность применения полиграфа в детектировании скрываемых знаний, метод видеоокулографии может выступать альтернативой, при этом обладая рядом преимуществ. Данный метод позволяет выявлять фокусировку зрительного внимания на субъективно значимом стимуле. Благодаря этому, становится возможно одновременно измерять эмоциональные реакции и анализировать когнитивные процессы. В отличие от полиграфического метода, видеоокулография является менее стрессогенной процедурой за счет возможности не только контактной регистрации (электроокулография, фотооптический и электромагнитный методы), но и бесконтактной регистрации окуломоторной активности (фотоэлектрический, кино и видеорегистрация) [1].

Результаты современных исследований с применением технологии айтрекинга демонстрируют значительное влияние субъективной значимости стимулов на глазодвигательные паттерны испытуемого, независимо от попыток сокрытия. В исследованиях А. С. Огнева, Ю. В. Бессоновой, А. А. Обознова, выделяется комплекс устойчивых окуломоторных маркеров субъективно значимых стимулов: зрительная избирательность с преобладанием фокального внимания, устойчивое число фиксаций, независимость фиксаций от композиционных приемов выделения стимулов, сокращение траекторий взора, снижение количества и продолжительности морганий. По результатам исследований точность выявления субъективной значимости стимула по данным маркерам может достигать более 80% [2; 8].

В изучении механизмов лжи отдельное внимание уделяется фактору когнитивной нагрузки, поскольку обман требует больше когнитивных усилий. Т.Т. Brunye и А.Л. Gardony удалось выделить устойчивые глазодвигательные показатели в момент состояния неопределенности при когнитивной нагрузке: снижение амплитуд и длительности саккад, увеличение диаметра зрачка, снижение количества фиксаций при увеличении их длительности [11]. Когнитивная нагрузка способна оказывать влияние и на переменные моргания. Результаты исследований К. Fukuda и Ф. М. Marchak демонстрируют, что в ситуациях сокрытия информации латентность моргания, а также время между появлением стимула и началом моргания задерживаются когнитивными процессами и моторными реакциями [13; 15]. Взяв за основу фактор высокой когнитивной нагрузки коллективу исследователей из США удалось разработать оculoмоторный тест на обман (ocular-motordeceptiontest — ODT), позволяющий выявлять лжецов с точностью 85% [12].

В контексте детектирования скрываемой информации актуализируется применение технологии айтрекинга в комплексе с полиграфом, методом ЭЭГ и событийно-связанной телеметрией ритма сердца. В данных условиях субъекту недоступен сознательный контроль регистрируемых параметров, что повышает надежность тестирования. Так, EJ Lee и JH Lee сопоставляя показатели айтрекера и полиграфа, установили, что у лживых испытуемых значительно расширяется диаметр зрачка с одновременным повышением проводимости кожи [14]. Результаты комплексного применения видеокулографии и телеметрии ритма сердца показали, что при лживых ответах наблюдается уменьшение длительности RR-интервалов с одновременным возрастанием продолжительности зрительных фиксаций и сужением зрачка [9]. Применение айтрекера совместно с методом ЭЭГ позволяет одновременно проследивать нейронные и глазодвигательные реакции в момент обмана. Данное сочетание методов чаще наблюдается в практико-ориентированных исследованиях.

Применение технологии айтрекинга в детектировании скрываемой информации начинает приобретать широкую практическую значимость во многих социальных сферах. Используя айтрекинг в процедурах проверки показаний подозреваемых, исследователям

удалось выявить характерные окуломоторные проявления обмана: неравномерность зрительного внимания, расширение зрачка, наличие отсроченных морганий, продолжительное пребывание в фазе закрытых глаз, застревание взгляда на элементах, связанных с преступлением, сокращение числа фиксации с одновременным увеличением их длительности [5; 16].

Особое значение айтрекинг приобретает в рамках профессионального отбора. Применяв данный метод в комплексе с полиграфом и ЭЭГ отечественным исследователям удалось произвести оценку профессиональной пригодности работников правоохранительных органов и военнослужащих. Совпадение результатов айтрекера и полиграфа достигало 80%. У испытуемых с недостаточными адаптационными способностями наблюдались длительные фиксации на вопросах, а у неискренних кандидатов увеличение диаметра зрачка и повышенная частота морганий [3; 4].

Айтрекинг находит применение и в диагностике аддиктивных патологий. В существующих исследованиях можно найти примеры, демонстрирующие выявление субъективно значимых стимулов, которые и представляют собой аддиктивные агенты алкогольной, наркотической и игровой зависимостей [6].

Несмотря на возрастающую перспективность технологии айтрекинга наблюдается недостаток экспериментальных данных, подтверждающих объективность и доказательность результатов. Вопрос о практическом применении данного метода в детектировании лжи остается открытым, поскольку диагностические решения могут иметь существенные юридические последствия [7; 10]. Кроме того, выделяется и ряд противопоказаний, ограничивающих применение айтрекинга в отношении категорий испытуемых с серьезными нарушениями зрения, сниженным интеллектом и перенесенными травмами головы [3].

Теоретический обзор позволил определить дальнейшие исследовательские вопросы в контексте экспериментального обоснования айтрекинга как нового подхода в детектировании скрываемой информации:

- экспериментально проверить и уточнить окуломоторные маркеры сокрытия и искажения информации;
- в рамках системного подхода проанализировать степень

согласованности выделенных окуломоторных маркеров с дополнительными показателями полиграфа, ЭЭГ и событийно-связанной телеметрии ритма сердца.

Литература

1. *Brunye T.T., Gardony A.L.* Eye tracking measures of uncertainty during perceptual decision making // *International Journal of Psychophysiology*. 2017. Vol. 120.
2. *Cook A.E. et al.* Lin' Eyes: Ocular-motor Measures of Reading Reveal Deception // *Experimental Psychology*. 2012. Vol. 18. №3.
3. *Fukuda K.* Eye blinks: new indices for the detection of deception / K. Fukuda // *International Journal of Psychophysiology*. 2001. Vol. 3. №3.
4. *Lee E.J., Lee J.H.* Increase of Lie Detection Accuracy through Integrated Measurement of Pupil Dilation and Polygraph // *International Journal of Psychophysiology*. 2018. Vol. 131.
5. *Marchak F.M.* Detecting false intent using eye blink measures // *Frontiers in psychology*. 2013. Vol. 4.
6. *Peth J., Kim J.S.C., Gamer M.* Fixations and eye-blinks allow for detecting concealed crime related memories // *International Journal of Psychophysiology*. 2013. Vol. 88. №. 1.
7. *Барабанщиков В.А., Жегалло А.В.* Методы регистрации движений глаз: теория и практика // Психолого-педагогические исследования. 2010. Т. 2. № 5.
8. *Бессонова Ю.В., Обознов А.А.* Айтрекинг в диагностике правды-лжи // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 1.
9. *Дмитриев П.И., Чермянин С.В., Рознова И.А.* Оценка прогностической возможности комплекса биометрической видеоаналитики для совершенствования мероприятий профессионального психофизиологического отбора кандидатов в военно-учебные заведения // *Медицина труда и промышленная экология*. 2020. Т. 60. № 7.
10. *Жбанкова О.В., Гусев В.Б.* Применение айтрекинга в практике профессионального отбора кадров // *Экспериментальная психология*. 2018. Т. 11. №. 1.

11. *Злоказов К.В., Ворошилова М.Б.* Когнитивные и лингвистические технологии допроса // Допрос в юриспруденции и юридической лингвистике. 2019.
12. *Лобачев А.В., Никольская С.А., Корнилова А.А.* Айтрекинг в диагностике психических расстройств // Вестник психотерапии. 2017. № 61.
13. *Менделевич В.Д.* Полиграфология, профайлинг, айтрекинг и другие паранаучные методы психиатрической диагностики // Неврологический вестник. 2020. Т. 52. № 3.
14. *Огнев А.С., Венерина О.Г., Виноградова И.А.* Новые психодиагностические возможности трекинга глаз // Педагогика и психология образования. 2012. № 3.
15. *Селезнева Е.И.* Дифференциация влияния когнитивного и эмоционального возбуждения на психофизиологические показатели при сообщении заведомо ложной информации // Вестник психофизиологии. 2021. № 3.
16. *Яцык Г.Г.* К вопросу об изучении окулomotorного поведения человека в ситуации сокрытия значимой информации // Северо-Кавказский психологический вестник. 2016. Т. 14. №.1.

Социально-психологические аспекты философского консультирования

Ладушкин С.И.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД РФ»

Санкт-Петербург, Россия

modus112@gmail.com

Развитие современных средств виртуальной коммуникации, перешедшее на качественно новый уровень с возникновением в XX веке сети Интернет, существенным образом повлияло на те области интерактивных гуманитарных практик, которые имеют тысячелетние традиции в истории европейской культуры, многократно и в разных смыслах доказали свою культурную значимость, и в силу этого кажутся многим неподвластным изменениям во времени.

К числу таких практик относится, несомненно, практика сократического диалога, зародившаяся на стыке античной софистики и линии философствования, связываемой с именами Сократа, Платона и Аристотеля. Искусство майевтики как интерактивная практика вопрошающего наведения на истину оказала огромное влияние на всю европейскую философскую традиции, заложив основы диалектического мышления, разворачивающегося через синтез противоположных рассудочных к постижению в категориях всеобщих принципов единства субъекта и объекта познания. Именно практика вопрошающего диалога придала новое, собственно философское звучание древнему гностическому принципу «Познай самого себя», который стал еще с античных времен своеобразным императивом философского понятийного познания единства бытия и мышления. Быть субъектом познания себя самого как объекта, находить в этом процессе объективную истину, не теряя себя в лабиринтах субъективности, но и не рассеивая себя в мире объектов рефлексии – вот тот нерастраченный импульс, приданный Сократом европейскому философствованию, который до сих пор продолжает питать собой философское мышление современности [1, с. 145].

Следует заметить, однако, что еще во времена Сократа стали очевидны известные ограничения возможностей повсеместного использования метода сократического диалога в процессе познавательной или воспитательной дискуссии, которую ведут между собой потенциально разумные субъекты. Именно эти ограничения являются причиной того, что сократовский диалог как когнитивно-нравственная практика общения за долгие века своего существования так и не стал ведущим методом коммуникации в политике, образовании и иных сферах общественной жизни, где в спорах могла бы рождаться истина [3, с. 74].

Существует ряд социально-психологических проблем, характерных именно для удаленного (виртуального) философского консультирования, становящегося все более востребованным и популярным в последние годы. Рассмотрим подробнее некоторые из причин, затрудняющих как саму практику целенаправленной работы со смысловыми структурами в философской практике, так и ограничивающих ее потенциальные возможности при удаленном формате взаимодействия философа-практика с клиентом [2, с. 88].

Первая причина заключается в специфичной ритмике жизни типичного городского жителя. От него требуется повышенный уровень коммуникативной функциональности, осуществляемой посредством поверхностных контактов со случайными людьми, пересекающимися с ним по поводу частных вопросов. Обширные деловые и бытовые контакты с «людьми-функциями» исключают в принципе смысловое взаимодействие между ними. А более узкий круг близких, друзей и знакомых, потенциально пригодный для смыслового общения, редко становится местом целенаправленного формирования смыслов, так как принимается обычно как естественная данность, не всегда способная к рецепции, трансляции и конструктивной репродукции смысловых проблем в перспективе улучшения качества жизни.

Вторая причина неспособности человека заниматься собственно смысловыми проблемами коренится в современной информационной среде, одновременно атомизированной на кванты случайных сведений о мире и о самом человеке, что превращает окружающий человека мир в организованный кем-то (но не им самим!) информационный хаос, с другой же стороны, состоящей из стандартизированных шаблонов производства и потребления информационных потоков, менять которые и влиять на которые отдельно взятый человек категорически не способен.

Наконец, третья (по порядку, но не по значимости) причина сложности в работе со смысловыми проблемами заключается в элементарной нехватке соответствующих специалистов, способных понимать устройство, закономерности развития и динамику функционирования смысловых проблем. Следует четко различать проблемы по поводу смыслов и собственно смысловые проблемы. Первые широко представлены в психологии (особенно в тех разделах психологической науки, которые относятся к гуманистической психологии). Существуют специальные психологические методики и аргументы, относящиеся к работе с проблемными смыслами в жизни человека. Чаще всего работой со смыслами заняты психологи и психотерапевты, использующие инструменты и практики из области логотерапии, экзистенциальной терапии, когнитивно-поведенческой терапии и других смежных с ними направлений.

Подчеркнем специально, что работа с проблемным смыслом и собственно смысловая проблема – это далеко не одно и то же. Традиционно в культуре смысловые проблемы исследовались и изучались философами. Еще в античной философии выделились такие виды знаний о мире, как докса, эпистема, матема, догма, гнозис, логос, парадигма, пролепсис и пр. Современная философская практика работает преимущественно со смысловым знанием (гнозис), эксплицированным в понятийных и концептуальных формах (логос). Удаленный формат работы философа-консультанта со своими клиентами требует учета специфики и особенностей мышления последних, что накладывает ряд известных ограничений на функциональные возможности смысловых интервенций в проблемное поле клиента.

Литература

1. *Brenifier O.* Philosophical Consultation. Edition Alcofribas. Paris. 2006.
2. *Marinoff L.* Philosophical Practice. Academic Press. NY. 2002.
3. *Philosophy, Counseling, and Psychotherapy.* / Edited by Cohen E.D., Zinaich S., Jr. Cambridge Scholars Publishing. UK. 2013.

Исследование склонности к девиантному поведению у старшекласников

Ланищиков Д.Н., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
lanschikovdn@gmail.com, social2003@mail.ru

Как правило, склонность к отклоняющемуся поведению у школьников выявляется лишь тогда, когда они совершили какие-либо асоциальные действия. Поэтому сегодня актуальной проблемой является поиск психолого-педагогических инструментов, позволяющих определять те личностные особенности, которые могут стать предпосылкой девиантности [4]. Несмотря на значительный интерес исследователей к причинам и особенностям девиантного

поведения (А. Бандура, Р. Мертон, Р. Уолтерс, Д. Коннор, Ю.А. Клейберг, А.И. Донцов, Е.Б. Перельгина, А.М. Рикель и др.), данная проблема остается недостаточно изученной.

С целью определения связи психологических особенностей старшеклассников со склонностью к девиантному поведению мы осуществили эмпирическое исследование, участниками которого стали 104 учащихся 9-11 классов общеобразовательной школы г. Москвы.

Использовались: «Многофакторный опросник эмпатии» М. Дэвиса, в адаптации Т.Д. Карягиной и Н.В. Кухтовой [1], методика «Определение сформированности ценностных ориентаций» Б.С. Круглова, «Шкала доброжелательности» Д. Кэмпбелла, методика «Личностный ресурс» Р.И. Суннатовой [5], «Шкала враждебности» Кука-Медли, методика «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонд, метод экспертных оценок.

Результаты корреляционного анализа данных показали, что чем выше склонность к нарушению норм у старшеклассников, тем выше агрессивность ($r = 0,545$, $p = 0,000$), более значимы материальные ценности ($r = 0,236$, $p = 0,017$) и менее – ценности познания ($r = -0,267$, $p = 0,007$). Также у старшеклассников с повышением склонности к нарушению норм снижаются показатели «эмпатической заботы» – готовности проявить симпатию к чувствам других и оказывать им помощь на основе сострадания ($r = -0,273$, $p = 0,005$), принятия других ($r = -0,223$, $p = 0,024$). На основании полученных от классных руководителей и учителей-предметников экспертных оценок удалось выяснить, что поведение учащихся на уроках ($r = -0,240$, $p = 0,014$), благополучие взаимоотношений с одноклассниками ($r = -0,272$, $p = 0,005$), академическая успеваемость ($r = -0,200$, $p = 0,042$) и посещаемости школы ($r = -0,209$, $p = 0,033$) снижаются по мере повышения склонности к нарушению норм и правил.

Согласно данным психологических исследований, на поведение школьника могут негативно влиять агрессивность, враждебность и неприятие других [2; 3]. В нашей работе было выявлено, что, чем выше у старшеклассников агрессивность, тем меньше они готовы к проявлению «эмпатической заботы» ($r = -0,308$, $p = 0,002$). Взаимоотношения с одноклассниками и учителями, поведение в школе также хуже у старшеклассников, обладающих повышенной

агрессивностью ($p < 0,05$). Враждебность находится в обратной корреляции с показателями «вера в себя», удовлетворенность отношениями с одноклассниками и родителями ($p < 0,01$), уверенность ($p < 0,05$). Уровень неприятия других растет у старшеклассников при снижении показателей эмпатической заботы, удовлетворенности отношениями с одноклассниками и родителями, учебной активностью ($p < 0,05$). Следовательно, агрессивность, враждебность и неприятие других как возможные причины девиантного поведения связаны у учащихся с недостатком эмпатических способностей и неблагоприятием отношений со сверстниками, учителями и родителями.

Для углубления понимания связей между склонностью к девиантному поведению и психологическими особенностями старшеклассников мы использовали множественный регрессионный анализ с пошаговым отбором данных. Изучение связей возможной девиантности с выраженностью личностных ценностей у учащихся показало, что 10,1% дисперсии показателя «склонность к нарушению норм» связано с высокой значимостью для старшеклассников материальных ценностей при сниженных показателях ценности познания ($Y = 17,649 - 0,245$ («познание») $+ 0,227$ («материальные ценности»)). $R^2 = 0,101$; $F = 5,418$; $p = 0,006$). Таким образом, предпочтение материальных ценностей может способствовать девиантности учащихся, а ценности познания – блокировать склонность к отклоняющемуся поведению. Кроме того, блокираторами склонности к девиантности старшеклассников являются развитая способность к проявлению эмпатической заботы и благоприятные отношения с одноклассниками ($p < 0,01$; модель описывает 9,1% дисперсии). Регрессионный анализ, включающий всю совокупность изученных нами характеристик учащихся, показал, что наибольшие вклады в склонность к девиантному поведению вносят высокая агрессивность и неприятие других ($Y = 42,538 + 0,540$ («агрессивность») $- 0,221$ («взаимоотношения с одноклассниками») $+ 0,181$ («неприятие»)). $R^2 = 0,367$; $F = 17,595$; $p = 0,000$). В то же время, благополучие взаимоотношений с одноклассниками препятствует нарушению школьниками социальных норм (модель показывает 36,75% дисперсии).

Более подробно рассмотрение агрессивности, враждебности и неприятия других как возможных факторов девиантности позволил выявить следующие особенности. Предикторами высокой агрессивности учащихся выступают неудовлетворенность отношениями с учителями, пониженная способность к эмпатической заботе и высокая значимость материальных ценностей (модель описывает 36,7% дисперсии показателя агрессивности; $p < 0,01$). Основные вклады в проявление враждебности вносят неудовлетворенность отношениями с одноклассниками и родителями, а также низкий уровень способности к эмпатическому сопереживанию (модель объясняет 30% дисперсии; $p < 0,01$). Предпосылками к неприятию других являются неудовлетворенность отношениями с родителями, недостаток эмпатических способностей, сниженная ценность красоты (переживания прекрасного в природе и искусстве). Модель описывает 31,8% дисперсии, $p < 0,01$.

Таким образом, основными предикторами склонности к девиантному поведению у старшеклассников, согласно результатам нашего исследования, являются высокая агрессивность и неприятие других, а также предпочтение материальных ценностей и отвержение ценности познания. Учитывая, что агрессивность, неприятие (в том числе, враждебность по отношению к другим), в свою очередь, отрицательно связаны с эмпатией, верой в себя, благополучием межличностных отношений со сверстниками и взрослыми, можно предположить, что изначальными предпосылками девиантного поведения служат неблагоприятные отношения детей и подростков с их ближайшим референтным окружением, а также несформированность эмпатии и просоциальных ценностных ориентаций. Иными словами, агрессивность, неприятие других и враждебность являются следствием неудовлетворенности учащихся их отношениями с родителями, учителями и одноклассниками, а также усиливаются из-за недостатка эмпатических способностей и веры в себя.

Литература

1. *Карягина Т.Д., Кухтова Н.В.* Тест эмпатии М. Дэвиса: содержательная валидность и адаптация в межкультурном

- контексте // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. №4. С. 33–61.
2. *Кожухарь Г.С., Кочетков Н.В., Красило Д.А., Красило Т.А., Крушельницкая О.Б., Новгородцева А.П., Орлов В.А., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Сачкова М.Е., Хаймовская Н.А., Шнейдер Л.Б.* Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2021. 262 с.
  3. *Крушельницкая О.Б., Лобанов М.В.* К вопросу о взаимосвязи личностного самоопределения и системы референтных отношений школьников // Социальная психология малых групп: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А.В. Петровского. 25-26 октября 2011 г., М., МГППУ, 2011. С. 381–384.
  4. *Романова Г.С.* Проблема сплоченности студенческой группы и адаптации ее членов в студенческом сообществе // В книге: Молодые ученые – московскому образованию. Материалы V городской научно-практической конференции молодых ученых и студентов учреждений высшего и среднего образования городского подчинения. Москва, 2006. С. 217-219.
  5. *Суннатова Р.И.* Психологический тренинг «Личностный ресурс» как средство развития эмоциональной устойчивости. Вестник Казанского государственного педагогического университета им. В.И. Ульянова-Ленина, 2016 (2), с. 186-190.

Сравнительный анализ показателей временной перспективы у юношей и девушек с сиротским статусом

Лапицкая Ю.С.

*МГУ имени А.А. Кулешова, Могилёв, Республика Беларусь
lapickaya_yus@msu.by*

Юношеский возраст – это период первого серьезного обращения взрослеющей личности в будущее. Анализируя настоящее, молодые люди начинают более ясно видеть свой жизненный путь, своё «Я» как

профессионала, члена собственной семьи, общественной организации, творческой личности.

Адекватное восприятие временной перспективы, умение устанавливать взаимосвязь между событиями прошлого с настоящим и возможным будущим способствует формированию временной компетентности. Она означает искусство чувствовать время, оптимально управляя собой, эффективно используя имеющиеся ресурсы для достижения жизненных целей.

Весьма актуальным является вопрос изучения временной перспективы студентов-сирот. Согласно статистическим данным, в 2022 г. в Республике Беларусь выявлено 2449 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что на 277 человек больше, чем в 2021 г. и на 337, чем в 2020 г. [4]. Существование сиротства в общества – маркер кризиса семьи. Это предпосылка демографического спада, т.к. данная категория детей, не имея позитивного примера отношений в родительской семье, отказывается от попытки создавать собственную. Некоторые дети с сиротским статусом примыкают к движениям чайлдфри и феминизма. Также, согласно исследованиям А.Г. Рузской, Л.А. Запорожец, Н.Н. Толстых, Ю.А. Володиной, Н.И. Федотовой и др., они затрудняются в построении карьерных планов и в целом имеют абстрактный образ будущего [3, с. 3].

У них отмечается ситуативность желаний, неумение мечтать и распоряжаться свободным временем, размытые представления о том, кем быть, где быть, с кем быть. Во многом это обусловлено травматическим опытом жизни в родительском доме или в интернатном учреждении.

Для коррекции временной перспективы студентов-сирот нами была разработана тренинговая программа «Отношение к себе как к автору своей жизни». Она направлена на развитие целеполагания, формирование инициативности в самоопределении, активности в проектировании будущего, изменение локуса контроля с внешнего на внутренний и т.д. [1, с. 149].

Оценка её результативности осуществлялась с помощью методики «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо (в адаптации О.В.

Митиной, А. Сырцовой) [2, с. 68], применённой до и после проведения тренинга.

В выборку испытуемых вошли студенты (юноши и девушки) от 17 до 23 лет. Часть из них составила экспериментальную группу – студенты с сиротским статусом МГУ имени А.А. Кулешова и часть контрольную – студенты-сироты Могилёвского государственного университета продовольствия, каждая численностью по 35 человек. Формирующее воздействие осуществлялось только в экспериментальной выборке.

Цель эксперимента состояла в выявлении изменений показателей временной перспективы в ходе проведения программы тренинга.

Для определения достоверности различий в исследуемых группах применялся статистический *t*-критерий Стьюдента. Повторная диагностика испытуемых контрольной выборки зафиксировала отсутствие значимых различий.

Напротив, у испытуемых экспериментальной группы после оказания формирующего воздействия были выявлены значимые различия в рамках восприятия негативного прошлого ($t = 5,9; p \leq 0,01$), гедонистического настоящего ($t = 9,2; p \leq 0,01$), позитивного прошлого ($t = 4,6; p \leq 0,01$), будущего ($t = 5,3; p \leq 0,01$) и фаталистического настоящего ($t = 6,3; p \leq 0,01$). Следовательно, испытуемые с сиротским статусом демонстрируют позитивное восприятие прошлого и веру в будущее, которое, однако, в меньшей степени оформлено в виде конкретных целей и планов. Респонденты с азартом относятся ко времени и жизни, не заботясь о последствиях принимаемых решений.

Таким образом, тренинговая программа показала свою эффективность. У студентов-сирот изменился фокус в будущее, отношение к своему прошлому стало нейтральным или положительным. События прошлого начали восприниматься как источник опыта для построения жизни «здесь и теперь» и будущего. Цели и планы претерпели модификацию в сторону большей логичности и согласованности.

Полученные экспериментальные результаты могут быть использованы педагогами-психологами, работающими со студентами-сиротами, переживающими период оптации.

Литература

1. *Лапицкая Ю.С.* Реализация программы психолого-педагогического сопровождения студентов со статусом детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа / Ю.С. Лапицкая // *Итоги научных исследований учёных МГУ имени А.А. Кулешова 2019 г. : материалы науч.-метод. конф., Могилёв, 29 янв.–10 февр. 2020 г. / Могил. гос. ун-т им. А. А. Кулешова ; ред.: Н. В. Маковская, Е. К. Сычова. Могилёв, 2020. С. 149–150.*
2. *Митина О.В.* Опросник по временной перспективе Ф. Зимбардо (ZTP1): результаты психометрического анализа русскоязычной версии / О.В. Митана, А. Сырцова // *Вест. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2008. № 4. С. 67–89.*
3. *Федотова Н.И.* Представления о жизненных перспективах детей-сирот: на примере образовательных учреждений различного типа: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.01 / Н.И. Федотова; Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М.А. Шолохова. М., 2008. 26 с.
4. Численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выявленных за период [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=142353/>. Дата доступа: 05.04.2023.

Социально-психологическая типология жертв домашнего насилия

Лебедева В.Е., Рягузова Е.В.

*СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
lebedeva.valeriya99@mail.ru, rjaguzova@yandex.ru*

Домашнее насилие является угрозой не только для физического, но и для психологического здоровья субъекта, провоцируя его психологическую травматизацию и виктимизацию. Определение

типов жертв домашнего насилия и предикторов принадлежности к ним позволит разработать программы психопрофилактики и психокоррекции с учетом выявленных уязвимых зон в структуре личности.

Цель исследования: конструирование социально-психологической типологии жертв домашнего насилия и определение личностных предикторов, лежащих в ее основе.

Методы исследования: опросник «Авторитарный потенциал личности» [2], «Тест профиля отношений» [3], «Опросник установок к сексу» [5], «Опросник легитимизированной агрессии» [1], «Тест на межличностную зависимость» [3]; одновыборочный критерий Колмогорова–Смирнова, иерархический кластерный анализ, Н-критерий Краскела–Уоллиса и дискриминантный анализ в программе IBM SPSS Statistics, v. 28. Исследование проводилось с помощью сервиса Google.Формы. Выборку составили 198 женщин в возрасте от 18 до 49 лет ($M = 21$), переживших опыт домашнего насилия. Однородность выборки по полу обусловлена преобладанием женщин среди потерпевших от насильственных действий членов семьи [6].

На первом этапе исследования осуществлялся иерархический кластерный анализ (параметры анализа: метод Уорда, мера – квадрат Евклидова расстояния, стандартизация с помощью Z-оценок) для классификации респондентов, переживших опыт домашнего насилия. По результатам кластеризации было выделено 5 кластеров, содержательные особенности которых были установлены с помощью Н-критерия Краскела–Уоллиса. Применение данного критерия обусловлено отличием распределения данных от нормального (по результатам одновыборочного критерия Колмогорова–Смирнова), необходимостью сравнения более 2 групп [4]. Респондентов из кластера 1 ($n = 16$) отличает высокая выраженность показателей межличностной зависимости (эмоциональной опоры на Других, неуверенности в себе, противоречивых тенденций деструктивной сверхзависимости и дисфункционального отделения). Респонденты из кластера 2 ($n = 32$) характеризуются высокой выраженностью эмоциональной потребности в подчинении. Респондентам из кластера 3 ($n = 88$) свойственны высокие показатели дезадаптивных сексуальных установок – склонность к употреблению

порнографического контента и тенденция воспринимать партнера по сексу как объект для получения собственного удовольствия. Респонденты из кластера 4 ($n = 33$) отличаются высокой выраженностью легитимизации агрессии в сферах СМИ, личного опыта и воспитания. Респонденты из кластера 5 ($n = 29$) имеют преимущественно низкую или среднюю выраженность виктимных индивидуально-психологических особенностей, т.е. они являются группой условной нормы.

На втором этапе исследования осуществлялся дискриминантный анализ методом пошагового включения для определения личностных предикторов принадлежности респондентов к разным типам жертв домашнего насилия. В качестве группирующей использовалась переменная «Принадлежность к кластеру», включающая описанные выше кластеры. В состав дискриминативных переменных вошли показатели шкал «Авторитарное раболепие», «Суеверность и стереотипизм», «Обезличенный секс», «Порнография», «Личный опыт», «Воспитание», «СМИ», «Деструктивная сверхзависимость», «Эмоциональная опора на других». Анализируемый набор переменных обладает определенной дискриминативной способностью ($\text{Лямбда Уилкса} = 0,097$; $F = 16,680$; $p = 0$). Были получены 4 канонические дискриминантные функции, для интерпретации была выбрана первая в связи с большей объяснительной способностью (процент дисперсии = 48,9; каноническая корреляция = 0,798). Сопоставление действительных классификаций «известных объектов» и их классификаций при помощи канонических функций показывает, что процент совпадений по выборке составляет 85,4%. Принимая во внимание указанные выше показатели, можно считать результаты дискриминантного анализа приемлемыми [4].

Коэффициенты стандартизированной канонической дискриминантной функции позволяют сделать вывод о том, что наибольший вклад в разделение респондентов на типы жертв на домашнего насилия вносят такие переменные, как «Авторитарное раболепие» (0,522); «Эмоциональная опора на других» (0,417); «Деструктивная сверхзависимость» (0,408); «Легитимизация агрессии в сфере СМИ» (0,305). Данные параметры способствуют виктимизации личности, раскрывая ее как нуждающуюся в

подчинении авторитету вне зависимости от его личностных качеств, эмоциональной поддержке со стороны Другого, испытывающую чрезмерно сильную потребность в любви и принятии со стороны Другого на фоне ощущения собственной беспомощности и слабости, нормализующую насилие, которое транслируется в СМИ. Таким образом, различия в исследуемых группах в наибольшей степени обуславливаются перечисленными предикторами, которые могут стать мишенью для психологической работы с личностью, переживающей опыт домашнего насилия.

Выводы. Сконструирована социально-психологическая типология жертв домашнего насилия, определены предикторы принадлежности личности к разным типам жертв.

Литература

1. Барканова О.В. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум. Красноярск, Литера-принт, 2009. 237 с.
2. Денисова Д.М. Шкала F как инструмент исследования авторитарного потенциала личности // Труды СПИИРАН, 2012. С. 228–237
3. Макушина О.П. Методы психологического изучения девиантного поведения: учебное пособие по специальности «Психология». Воронеж, ВГУ, 2005. 80 с.
4. Наследов А.Д. IBM SPSS 20 Statistics и Амос: профессиональный статистический анализ данных. Питер, 2013. 413 с.
5. Психология сексуальности: учебное пособие к курсу «Психологическое консультирование в сексологии» / Под ред. Е.А. Кашенко. Воронеж, Науч. кн., 2016. 535 с.
6. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/7-25.xlsx> (дата обращения: 08.04.2023)

К вопросу исследования социально-психологических аспектов религиозности

*Левашова А.И., Шорохова В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
shorohovava@mgppu.ru*

Тема религии и религиозности человека и общества является предметом активного исследования в разных гуманитарных дисциплинах. Начиная с 1990-х вера и ее исповедание является свободным выбором современного россиянина. Этот выбор может быть основан многих факторах, как на личностных особенностях и стремлениях, так и быть социально и культурно обусловленным.

Так, через религиозность человек может, с одной стороны, удовлетворять свою потребность в духовном, высшем, смыслообразующем содержании жизни, когда религия является для него мировоззренческой ценностью, а с другой стороны, потребность в принадлежности к социальной группе, исповедующей одну веру и выраженной в единых ритуалах.

Это находит свое отражение в разнообразии концепций религиозности. С теоретических позиций большинство авторов (Г. Олпорт, Р. Горсач, С. МакФерсон) рассматривают религиозность и тесно связанной с ней религиозную идентичность как явление, как минимум с двойственной природой - индивидуальной и групповой, внутренней и внешней [4; 5; 6; 7].

Также, в работах Г. Олпорта также выдвигаются предполагаемые мотивы и основания, вследствие которых человек становится религиозным. По мнению ученого это личный жизненный опыт и индивидуальные переживания. В дальнейшем Г. Олпорт предложил более сложную, многофакторную структуру религиозности. В отличие от этого К. Паргамент рассматривал религиозность как инструмент для достижения целей, больше акцентируя, таким образом социальный полюс религиозности [9].

Более сложную структуру предложила Д. Ван Камп, которая приняла во внимание как Г. Олпорта, противопоставившего внешнюю и внутреннюю религиозность, так и подход Р. Горсача и С. МакФерсона, разделивших религиозность на внешнюю и внутреннюю,

и создала более сложную модель структуры религиозной идентичности, выделив подструктуры этих измерений [11; 12].

Религиозность играет важную роль в различных сторонах жизни человека и общества, в том числе высоко ее значение при рассмотрении социально-психологических свойств личности, включая аспекты психологического благополучия. В обыденном сознании, формирующемся как на основании личностных качеств, так и на базе общественных норм, существует восприятие религиозного человека как более счастливого. Это находит своё отражение в отдельных исследованиях по изучению роли духовности и религиозной практики в удовлетворенности жизнью и психологическом благополучии [8; 10].

Е. Плиджинг, М. Бюргер и Дж. ван Эксель обнаружено, что в целом, религиозность связана с несколько более высоким уровнем психологического благополучия. При этом, связь религиозности и психологического благополучия опосредованы социальной поддержкой, чувством уважения и целью или смыслом жизни. Однако в основе общей тенденции лежало взаимодействие, когда связь религии и благополучия зависела от социальных обстоятельств. В частности, более тяжелые условия жизни и кризисные личные ситуации способствуют усилению этой связи [10].

Тем не менее, отмечено, что люди быстро покидают институциональную религию в экономически развитых странах, где религиозная свобода высока [10]. Е. Динер даже задается вопросом: в чем парадокс религии: если религия делает людей счастливыми, почему так много отпадает от церкви? [6].

Вероятно, мотивы и причины, лежащие в основе выбора религиозности, могут быть связаны с этими тенденциями. Так, с точки зрения теории социального познания, человек стремится видеть мир упорядоченным, контролируемым и предсказуемым [1]. И религия в значительной мере может способствовать реализации этого стремления. Это отчасти видно социологических опросов, по данным которых религия большинству россиян помогает в жизни, является способом поддержки, защиты, обеспечения социально-психологической стабильности. Вместе с тем, поскольку религиозность предлагает систему руководящих убеждений,

формирующих психосоциальное функционирование, с помощью которых можно интерпретировать свой опыт и придавать ему смысл, то по мнению некоторых исследователей, эти руководящие убеждения вместе с уникальными особенностями личности могут приводить к выбору неконструктивных стратегий адаптации, к снижению самооценки, автономии, быть негативно связанными с личностным ростом и самопринятием [2; 3].

Таким образом, проблема заключается в сложной многомерной взаимосвязи религиозности и социально-психологических свойств человека, включая психологическое благополучие, которое мало изучено.

Целью исследования является изучение социально-психологических параметров религиозности и их взаимосвязь с некоторыми компонентами психологического благополучия современных москвичей.

Для изучения психологического благополучия нами выбрана шестикомпонентная методика К.Рифф, модифицированная Лепешинским, включающая шкалы автономия, управление окружением, личностный рост, цель в жизни, самопринятие и положительные отношения с окружающими; для исследования религиозности выбрана четырехфакторная модель религиозной идентичности Д. Ван Камп, в адаптации О.Е. Хухлаева и В.А. Шороховой; для исследования формальной религиозности выбрана методика Ефремовой М.В. «Следование религиозным практикам», адаптированной для православных христиан.

Литература

1. *Гулевич О.А., Сариева И.Р.* Социальная психология: учебник и практикум для вузов. Москва, 2023. 424 с.
2. *Филоник М.С.* Психологический анализ феноменов искажений религиозного опыта: Психологический анализ феноменов искажений религиозного опыта: проблемы зависимости от авторитета и искажений образа Бога // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 5. С. 115-134.

3. *Шаньков Ф.М.* Обращение к духовному и религиозному совладанию в психотерапии. Обзор западных исследований // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. № 5. С. 151–177.
4. *Шорохова В.А.* Религиозная идентичность в зарубежных психологических исследованиях: теоретические модели и способы изучения // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5, № 4. С. 44–61.
5. Allport G. Personal religious orientation and prejudice / G. Allport, M.J. Ross // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1967. 5. 432–443.
6. *Diener E., Tay L., Myers D.G.* The Religion Paradox: If Religion Makes People Happy, Why Are So Many Dropping Out? // *J Personality and Social Psychol.* 2011. 101(6):1278-90.
7. Gorsuch R., McPherson S.E. Intrinsic / extrinsic measurement: I/E-revised and single-item scales // *J Scientific Study of Religion*. 1989. 28. 348–354.
8. *Marques S.C., Lopez S J., Mitchel J.* he role of hope, spirituality and religious practice in adolescents' life satisfaction: Longitudinal findings. *J Happiness Studies*. 2013. 14(1). 251–261.
9. *Pargament K.I.* The Religious Dimension of Coping: Advances in Theory. Research and Practice. // *Handbook of the psychology of religion and spirituality*. 2013. Vol. 2. 560—578.
10. *Pleeging E., Burger M., van Exel J.* The relations between hope and subjective well-being: A literature overview and empirical analysis // *Applied Research in Quality of Life*. 2021 16(3), 1019–1041.
11. Values and Religious Identity of Russian Students from Different Religions / O. Y. Khukhlaev, V. A. Shorokhova, O. S. Pavlova, E. A. Grishina // *Societies and Political Orders in Transition*. 2018. No. 6/н. P. 175-189.
12. Van Camp D., Barde J., Sloan L. Social and Individual Religious Orientations Exist Within Both Intrinsic and Extrinsic Religiosity // *Archive for the Psychology of Religion* 2016. P. 1-26.

Монетарные установки современных студентов и уровень их моральной ответственности

Лежнева Е.Ю., Веселова Е.К.

*РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
katerinaviz59@gmail.com*

Молодежь является наиболее активной группой в обществе, при этом их морально-нравственное воспитание оказывает значительное влияние на будущее развитие социума. Поэтому особый интерес вызывает исследование их моральной ответственности, которая отражает их монетарные установки. В настоящее время отсутствуют полноценные исследования, касающихся данных вопросов. Среди близких можно назвать следующие:

1. Эмпирическое исследование нравственного самоопределения молодежи Институтом психологии РАН (2013 год), в котором было выявлено их отношение к приемлемым (нравственным) и неприемлемым способам заработка денег [3].

2. Исследование, проведенное в 2016 году Акбаровой А.А., Алексеевой И.В., Егоровой Л.А. и Кириллиной Н.К. в Великолукской государственной академии физической культуры и спорта с целью определения нравственного отношения молодежи к деньгам [7].

Следует отметить, что проведение современного исследования сталкивается с проблемой нехватки методики, позволяющей в полной мере изучить представленные категории. Поэтому для комплексной оценки монетарных установок современных студентов и уровня их моральной ответственности были выбраны и использованы следующие методики.

1. Методика погружения в ситуации морального выбора «Друг-советчик» Е.К. Веселовой, позволяющая посредством оценки различных ситуаций осуществить анализ состояния нравственной сферы личности студентов [1].

2. Методика изучения монетарных установок А. Фернама, позволяющая проанализировать отношение студентов к операциям с деньгами [5].

3. Методика ДУМЭОЛП (диагностика уровня морально-этической ответственности личности И.Г. Тимошук) [2; 6].

4. Методика диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной [4].

В марте 2023 было проведено исследование студентов, обучающихся по направлениям психология, экономика и логопедия. В опросах приняли участие 80 респондентов, из которых 45 – женщины, 35 – мужчины. Средний возраст составляет 21 год. Большинство опрошенных респондентов не замужем или не женаты (98%) и без детей (96%).

Проведенное исследование показало следующее.

1. В ситуациях морального выбора прослеживается ослабление роли нравственных норм в регуляции поведения в условиях выявленной частичной закрытости. Результаты по методике Е.К. Веселовой показали, что современная молодежь не склонна к конструктивности решений. При этом, прослеживается недостаточная степень ориентации респондентов на нормы социума, а также низкая степень склонности к спонтанности принятия решения в ситуации морального выбора без оглядки на мнение окружающих. Встречаются отрицательные эмоции в высказываниях, что может указывать на высокую affiliативную потребность, а также на эмпатию. Наличие высказываний типа Т (отчужденность) может быть связано с нежеланием нести ответственность за поступки друга и разделять с ним трудности решения. Количество высказываний типа А+ (проявлений положительных эмоций в ситуациях морального выбора) выявлено в незначительном количестве, что может указывать на равнодушие, недостаточную степень доверчивости и терпимости к людям, закрытость респондентов.

2. По методике А. Фернама полученные результаты исследование указывают на то, что в среднем для респондентов характерно:

- адекватность и рациональность поведения. Обычно респонденты ведут личный финансовый учёт. При этом часто обсуждает денежные вопросы с окружающими;
- высокая оценка денег (часто даже переоценка их значимости). Респонденты склонны к экономии, проявляют сочувствие бедным;
- частые тревоги из-за денег. Потеря финансовых источников

может стать трагедией. Склонны к риску и азарту при заработке денег;

- негативное отношение к деньгам: деньги воспринимаются как зло. Хотя респонденты испытывают чувство вины от имеющихся денег, они склонны сравнивать людей по достатку. При этом деньги являются средством влияния на других, а иногда – унижения;
- игнорирование своих финансовых проблем, поэтому часто упускают шансы их решить.

3. По методике диагностики уровня моральной ответственности личности ДУМЭОЛП полученные результаты свидетельствуют, что в целом ответы респондентов показывают средний уровень моральной ответственности личности.

4. По тесту О.Ф. Потемкиной, полученные данные не позволяют выявить определенную закономерность, а согласно полученным средним значениям можно сделать вывод, что респонденты больше ориентированы на процесс и результат, чем на альтруизм и эгоизм.

Таким образом, исследование показало, что в целом деньги современной молодежью воспринимаются как зло, что в условиях выявленного ослабления роли нравственных норм может выступать сигналом происходящих трансформационных процессов в обществе.

Литература

1. *Веселова Е.К., Коржова Е.Ю.* Оценка ситуаций морального выбора современными студентами // Развитие человека в современном мире. 2018. № 1. С. 7-15.
2. *Коваленко Е.И.* Диагностика уровня морально-этической ответственности личности ординаторов 1 и 2 годов обучения // Journal of Siberian Medical Sciences. 2015. №(6). С. 12-19.
3. *Купрейченко А.Б., Воробьева А.Е.* Нравственное самоопределение молодежи. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 480 с.
4. *Потемкина О.Ф.* Тесты для подростков / О.Ф. Потемкина, авт., худож. Е.В. Потемкина, худож. О. Чекмарева. Москва : Аст-Пресс Книга, 2005. 319 с.

5. Семенов М. Вопросы теории и методики разработки опросника изучения отношения к деньгам // Педагогические измерения. 2012. № 2. С. 92-108.
6. Шалагинова К.С., Декина Е.В. Особенности работы с подростками группы риска по формированию личностной ответственности // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. №3. С. 8-22.
7. Нравственное отношение личности к деньгам у молодежи до 30 лет / А.А. Акбарова, И.В. Алексеева, Л.А. Егорова, Н.К. Кириллина // NovaInfo, 2016. № 43. С. 317-324. URL: <https://novainfo.ru/article/5142> (дата обращения: 13.03.2023).

К постановке проблемы о влиянии психологической безопасности образовательной среды на показатели тревожности у подростков

Леонова О.И., Киселева Л.Г.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
leonovaoi@mgppu.ru

Актуальность исследования связи связана с изучением проблемы психологической безопасности образовательной среды в контексте развития личностного потенциала субъектов образовательного процесса. Необходимость исследования проявляется в том, что уровень психологической безопасности образовательной среды может выступать как условие поддержания психологического благополучия учащихся, в том числе характера взаимодействия со сверстниками.

В подростковом возрасте статусное положение учащихся зависит от ряда особенностей, в том числе и от тревожности подростка – учащиеся, которые часто испытывают тревогу и страх, не обладают стабильным положением в группе.

В связи с тем, что в школе уровень психологической безопасности образовательной среды может быть различным (низкий, средний или высокий), то влияние данного фактора на учащихся подросткового возраста является тоже неоднозначным, что может проявляться в особенностях взаимодействия со сверстниками, и оказывать влияние на развитие тревожности у подростков.

Нами была поставлена **задача** рассмотреть теоретические основания предположения о связи психологической безопасности образовательной среды и показателей тревожности подростков.

В рамках исследования представляется необходимым рассмотреть психологические особенности подросткового возраста, которые могут по-разному проявляться в образовательной среде в зависимости от психологической безопасности, изучить ее влияние на тревожность подростка. Так, в подростковый период начинает осознаваться необходимость решать новые социальные задачи, а именно: установление дружеских и романтических отношений, которые обладают большими глубиной и устойчивостью по сравнению с более ранними периодами [2].

Также в подростковый период формируется стремление «повзрослему» реагировать на ситуации, что проявляется в форме противоречащих друг другу способов решений в поведении в один и тот же момент. Кроме того, подросток сталкивается с противоречием в форме отношения к нему как к ребенку. В результате наблюдается большое число конфликтов между подростком и значимым взрослым.

Противоречия между стремлениями подростка и актуальными возможностями могут способствовать возрастанию таких показателей тревожности, как доминирование негативного психического фона, неблагоприятные психические состояния и снижение умственной работоспособности [4]. В связи с тем, что данные проявления могут усугубляться в связи с вероятностью «заражения» тревожностью, а также в связи с тем, что тревожность может препятствовать переживанию состояния безопасности, представляется важным рассмотреть содержание психологической безопасности образовательной среды.

Психологическая безопасность образовательной среды школы проявляется на уровне отсутствия угроз обретенным ценностям (объективный уровень) и отсутствия страха угроз (субъективный уровень). Психологическая безопасность является ресурсом чувства «защищенности» и устойчивости личности [5]. О достижении должного уровня психологической безопасности образовательной среды свидетельствуют положительное отношение учащихся к данной среде, высокий уровень удовлетворенности ее особенностями и

чувство защищенности во время взаимодействия с другими участниками образовательного процесса [1; 3].

Несмотря на то, что чувства «защищенности» и устойчивости в привычном понимании могут рассматриваться как фактор, однозначно способствующий повышению успеваемости учащихся, на сегодняшний день данные закономерности установлены не были. Кроме того, недостаточно изученным остается вопрос о том, как учащиеся подросткового возраста с разным уровнем тревожности выстраивают межличностные отношения со сверстниками.

Результатом проведенного анализа теоретических представлений о психологической безопасности образовательной среды и тревожности подростков является постановка проблемы связи психологической безопасности образовательной среды и тревожности подростков.

В общем плане решение данной проблемы позволит выявить такое соотношение между тревожностью учащихся и психологической безопасностью образовательной среды, которое бы и способствовало обучению, и позволяло подросткам выстраивать интимно-личностные отношения в школе.

Кроме того, ожидается, что результаты эмпирического исследования связи психологической безопасности образовательной среды и тревожности подростков позволят определить:

- какие условия позволят сохранить психологическое здоровье учащихся;
- как обеспечить устойчивость психологического состояния субъектов образования;
- как обеспечить психологическую безопасность субъектов всех уровней образовательной среды;
- как поддержать качество внешней среды, необходимое для сохранения психического здоровья и обеспечения личностного развития учащихся.

На основании результатов проведенного обзора нами был разработан дизайн эмпирического исследования, направленного на установление связи между тревожностью подростков и психологической безопасностью образовательной среды в группах раннего и позднего подросткового возраста.

Литература

1. *Баева И.А. и др.* Модель психологической безопасности подростка в образовательной среде [Текст] / И.А. Баева, Е.Б. Лактионова, Л.А. Гаязова, И.В. Кондакова // Известия Российского государственного педагогического университета им. АИ Герцена. – 2019. №. 194. С. 7-18. Библиогр.: с. 13-18.
2. *Волчанская В.О.* Ключевые аспекты успешности социально-психологической адаптации в контексте вызовов подросткового возраста [Текст] / В.О. Волчанская // Актуальные проблемы социально-педагогической деятельности в контексте социальной безопасности в современном российском обществе. 2017. С. 93-98. Библиогр.: с. 97-98.
3. *Калаева А.А.* Особенности взаимосвязи психологической безопасности психологического благополучия подростков в образовательной среде [Текст] / А.А. Калаева // Научный альманах. 2019. №. 1-2. С. 194-197. Библиогр.: с. 196-197.
4. *Месропян Г.М.* Тревожность в системе психологической безопасности личности [Текст] / Г.М. Месропян // Психология, социология и педагогика. 2016. №. 3. С. 59-66. Библиогр.: с. 65-66.
5. *Прохоров А.О., Афанасьев П.Н.* Риски социализации и психологической безопасности образовательной среды школы [Текст] / А.О. Прохоров, П.Н. Афанасьев // Филология и культура. 2017. №. 4 (50). С. 236-243. Библиогр.: с. 241-243.

Проблема изучения психологического благополучия у взрослых и детей

Леонович О.О.

*БГУ, ФФСН, Минск, Республика Беларусь
oksanka.leonovich98@gmail.com*

В определении психологического благополучия как психологического феномена до сих пор нет единого мнения. За рубежом попытка определить данный феномен осуществлялась в рамках разных направлений.

Одним из первых и наиболее распространенных в западной психологии направлений исследования психологического благополучия является гедонистический подход (от греч. *hedone* – удовольствие), который разрабатывался преимущественно в рамках когнитивной и поведенческой психологии (Н. М. Бредберн [5], Э. Динер [6]). В контексте данного подхода психологическое благополучие понимается через получение удовольствия и избегания неудовольствия. Сторонниками гедонистического подхода выделяется три составляющих психологического благополучия: 1) удовлетворенность жизнью — оценивание человеком качества жизни в целом; 2) присутствие позитивных аффективных переживаний; 3) отсутствие негативных аффективных переживаний [5; 6].

Следующим значимым подходом к психологическому благополучию является *эвдемонистический подход* (от греч. *eudaimonia* - блаженство, счастье). Данный подход выступает как альтернатива к гедонистической позиции (К. Рифф [8], Э. Диси, Р. Райн) и разрабатывался в основном в гуманистической психологии. Здесь психологическое благополучие рассматривается как полнота реализации человеком своих целей в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах. В отличие от гедонистического подхода, в данном подходе переживаемые трудности, негативные аффекты служат основой повышения уровня психологического благополучия личности, так как оно достигается благодаря более глубокому осмыслению жизни, целей, установлению более сложных отношений с окружающими людьми [8].

Следует отметить, что вышеописанные подходы к пониманию психологического благополучия применимы преимущественно к взрослым, в то время как к детям зарубежные исследователи применяют понятие «детское благополучие» («child well-being»). Детское благополучие представляет собой многомерный конструкт, который включает физические, психологические, материальные и социальные аспекты (R. Raghavan [7], А. Alexandrova [7]). Подчеркивается, что детское благополучие напрямую связано с правами и потребностями ребенка, захватывает соответствующие возрасту задачи и условия развития, которые связаны с текущим качеством жизни [7].

В русскоязычной литературе феномен психологического

благополучия рассматривается как целый ряд близких по значению понятий. Психологическое благополучие понимается как:

- *«показатель психологическое здоровье»*. Следует добавить, что исследователи изучают феномен психологического благополучия детей преимущественно в контексте проблематики психологического здоровья. По мнению И.В. Дубровиной, психологическое здоровье является динамической совокупностью психических свойств, которые обеспечивают развитие индивидуальности и обретение личностью достойного места в окружающем мире. Ключевыми компонентами психологического здоровья являются равновесие в эмоциональной и поведенческой сферах, внимание взрослого к внутреннему миру ребенка, а также адаптация его в обществе» [2, с. 4].

С.В. Логинова отмечает, что с помощью психологического здоровья можно оценить, насколько ребенок успешен в развитии, а также во взаимодействии с семьей, детским садом или школой. Таким образом, с помощью оценки интернальных и экстернальных проблем достаточно полно оценивается не только наличие проблем в эмоциональной, поведенческой и социальной сферах, но и психологическое здоровье, которое рассматривается как низкий уровень выраженности данных проблем [3].

- *«высший уровень психологического развития личности»*. П.П. Фесенко объясняет психологическое благополучие с одной стороны, как непосредственно измеряемый уровень благополучия, а с другой как переживание человеком удовлетворенности собственной жизнью, которая направлена на реализацию ключевых компонентов позитивного функционирования. П.П. Фесенко и Т.Д. Шевеленкова также отмечают, что психологическое благополучие соотносится по содержанию и смыслу с экзистенциальными переживаниями собственной жизни человека [4].

- *«системное качество человека»*. А.В. Воронина рассматривает психологическое благополучие как «системное личностное качество, которое проявляется в переживаниях человеком содержательной наполненности и ценности жизни, а также в достижении значимых и социальных целей». Выделяется четыре уровня психологического благополучия (психическое, психологическое и соматическое здоровье, социальная адаптивность) [1].

Подведем итоги представленных выше взглядов на феномен

психологического благополучия у взрослых и детей в зарубежной и русскоязычной психологии.

В зарубежной психологии выделяют два основных подхода к пониманию психологического благополучия (гедонистический и эвдемонистический). Детское благополучие связано с правами и потребностями ребенка, охватывает соответствующие возрасту задачи и условия развития.

В русскоязычной литературе феномен психологического благополучия рассматривается как целый ряд близких по значению понятий. Психологическое благополучие понимается как: «психологическое здоровье», «высший уровень психологического развития личности», «системное качество человека».

Психологического благополучия детей рассматривается преимущественно в контексте проблематики психологического здоровья. Здесь психологическое здоровье является показателем психологического благополучия. В свою очередь, психологическое благополучие детей отражает сформированность социальных отношений, успешное функционирование дома, в школе, а также отсутствие психологических проблем.

Литература

1. *Воронина А.В.* Оценка психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / А.В. Воронина. Томск, 2002.
2. *Дубровина И.В.* Психологическое благополучие школьников в системе современного образования: Монография. СПб, 2016.
3. *Логинова С.В.* Взаимодействие индивидуально-психологических и семейных факторов психологического благополучия детей дошкольного возраста: дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / С.В. Логинова. Новосибирск, 2018.
4. *Шевеленкова Т.Д.* Психологическое благополучие личности / Т. Д. Шевеленкова, П. П. Фесенко // Психологическая диагностика. 2005. №3.
5. *Bradburn N.M.* The Structure of Psychological Wellbeing / N.M. Bradburn. Chicago, 1969.

6. *Diener E. Subjective Well-being / E. Diener // Psychol. Bull. 1984. № 95.*
7. *Raghavan, R. Toward a theory of child well-being / R. Raghavan, A. Alexandrova // Social Indicators Research. 2015.*
8. *Ryff C.D. The structure of psychological well-being revisited / C. D. Ryff, C.L.M. Keyes // Journal of Personality and Social Psychology. 1995.*

Ценность непримиримости к недостаткам в себе и других у молодежи

Лесин А.М.

*ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России, Рязань, Россия
am170911@mail.ru*

Стремительно меняющаяся социальная ситуация перманентно предъявляет все новые требования к своим членам и требует от психологической науки постоянного изучения различных сторон личности для эффективной ее самореализации [3]. Основными смыслопорождающими и мотивообразующими элементами направленности личности являются ценности, которые могут быть представлены в виде важных жизненных целей и морально разрешенных средств их достижения. При этом важно рассматривать ценностную сферу и как относительно устойчивую систему, обеспечивающую жизнестойкость, и в то же время как обладающую достаточной гибкостью для осмысленной жизнедеятельности в ситуации постоянной социальной неопределенности и трансформации [2]. В этой связи представляется важным изучение ценности непримиримости к недостаткам в себе и других, которая может как обеспечивать стремление к росту, так и характеризовать костное отношение к миру, особенно молодых людей, которые через непродолжительное время сами будут определять структуру социального мироустройства.

В связи с вышеизложенным нами были исследованы взаимосвязи значимости ценности непримиримости к недостаткам в себе и других со значимостью других терминальных и инструментальных

ценностей, а также с выраженностью психологических переменных инициативности 194 молодых людей в возрасте 17-23 лет. Исследование проводилось с помощью методик: «Ценностные ориентации» М. Рокича, бланковый тест «Инициативность» А.И. Крупнова.

Интересно, что значимость ценности непримиримости к недостаткам в себе и других заняла последнее 18 место среди 18 возможных. Очевидно, что на декларативном уровне исследуемая ценность является наименее одобряемой молодыми людьми, поскольку в современном обществе присутствует понимание, что ошибки являются нормальной стороной и даже необходимой составляющей частью жизни молодых людей.

При этом не было обнаружено ни одной взаимосвязи значимости данной ценности с выраженностью психологических переменных инициативности, что может указывать на то, что данная ценность не обладает высоким мотивационным и активационным потенциалом и не определяет способность молодых людей без затруднений браться за дела без внешней наличной стимуляции [1].

Значимость ценности непримиримости к недостаткам в себе и других имела 6 взаимосвязей со значимостью других терминальных ценностей: положительные – с ценностями красоты природы и искусства, творчества и удовольствия; отрицательные – любви, счастливой семьи, материально обеспеченной жизни. Другими словами, как мы указывали в наших более ранних исследованиях [2], с самыми непопулярными и самыми популярными ценностями соответственно, что логично, учитывая последнее место в иерархии значимости исследуемой ценности. Чем выше ее значимость, тем больше молодые люди стремятся к восприятию красоты вокруг себя и получению удовольствия от этого. Данная ценность, связанная с завышенными требованиями к себе и другим, обращает активность молодых людей в большей степени к анализу своей личности и личности других людей, способствует созерцательности и вниманию к окружающей действительности. Увеличение значимости данной ценности связано с тем, что для молодых людей меньшую значимость имеют ценности, связанные с взаимодействием между людьми,

построением теплых и близких отношений, а также продуктивным воплощением плодов своей деятельности.

При этом значимость исследуемой ценности имела только отрицательные взаимосвязи со значимостью инструментальных ценностей, которые могут иллюстрировать ее смыслопорождающий потенциал. Были обнаружены отрицательные взаимосвязи со значимостью ценностей образованности, ответственности, терпимости и честности. Это может говорить о том, что чем более молодые люди считают для себя важным отсутствие возможности ошибаться, прощать эти ошибки себе и другим, тем меньшую для них значимость имеют такие способы взаимодействия с людьми, как искренность, толерантность, принятие наличия чужой точки зрения, тем меньше важно для них чувство долга, умение держать свое слово, а также широта знаний и высокий культурный уровень. Данные факты подтверждают то, что увеличение значимости данной ценности может быть связано с негибкостью не только в отношении нетерпимого отношения к своим и чужим ошибкам, но и в целом с жестким отношением к другим людям и себе, к их и своему мнению, поступкам, снижением необходимости развития.

Таким образом, в данном исследовании было установлено, что ценность непримиримости к недостаткам в себе и других не является популярной ценностью среди молодежи и в большей степени связана с повышенным самоанализом, созерцательностью, нежели чем с продуктивной активностью и межличностным взаимодействием. Значимость изучаемой ценности не имела значимых взаимосвязей с психологическими переменными инициативности. Кроме того, оказалось, что данная ценность связана с общей негибкостью в отношении себя и других людей, может препятствовать возможности развиваться, менять при необходимости свою точку зрения, повышать свой культурный уровень, строить теплые межличностные отношения на основе честности, искренности, принятия, ответственности. Очевидно, что требуются усилия по гармонизации ценностной сферы молодых людей с целью содействия их стремлению к уменьшению количества критических ошибок в профессии и личной жизни, но без утраты необходимой гибкости в отношении себя и других людей.

Литература

1. *Крупнов А.И.* Системно-диспозиционный подход к изучению личности и ее свойств // Вестник РУДН. 2008. №1 (3).
2. *Лесин А.М.* Определение личностной значимости и содержания ценностей // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2020. Т. 8. № 4 (31). DOI:10.23888/humJ20204445-455
3. Самоорганизация детей и взрослых как ответ на вызов неопределенности: Коллективная монография / Под ред. М.Р. Мирошкиной, Е.Б. Евладовой. М.: ФГБНУ ИИДЦВ, 2020

Психологические аспекты преодоления социально-педагогической запущенности приемного ребенка

Лисова Е.Н.

*ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия
grelisichka@gmail.com*

Социально-педагогическая запущенность детерминирует особенности психологического благополучия приемного ребенка [3], проявляясь в отсутствии учебной мотивации, неразвитости познавательных процессов, несформированности навыков поведения и общения [1], что создает нередко незначительную динамику психического развития на фоне ослабленного здоровья в целом, ощущение неудовлетворенности у самих детей и замещающих родителей.

Недостаточность должного воспитания и развития в соответствии с возрастом и отклонение от норм развития в содержании образа «Я», поведении, общении, взаимоотношениях с окружающими [1; 4] может не осознаваться ребенком, который стремится вернуться в биологическую семью, испытывает нередко большую эмоциональную удовлетворенность именно в ней за счет понятности происходящего и наличия привязанности к ее членам. Это влечет трудновоспитуемость [4], непослушание и непонимание важности принятия опыта и позиции замещающих родителей.

Ожидания успешности от приемного ребенка может быть одной из ошибок этапа регрессии взаимоотношений в процессе адаптации к семье [5], предрасполагая к дезинтеграции внутрисемейных отношений. Поступление в первый год в семье в детский сад либо в школу специалистами не рекомендуется, что создает повышенную нагрузку на членов новой семьи при условии, что именно внимание выступает главным условием ликвидации социально-педагогической запущенности [2]. С учетом того, что обеспечение теплых и доверительных отношений членами замещающей семьи многократно проверяется в процессе откатов ребенка к старым формам поведения, продвижение на пути нивелирования социально-педагогической запущенности оказывается нестабильно.

Отталкиваясь от своеобразия жизненной позиции приемного ребенка как «дитя двух семей» (по Л.В. Петрановской) важно учитывать, что в идеале ресурсы приемной семьи должны компенсировать недостаточность обучения и воспитания в биологической семье, обеспечить переориентацию ребенка на социально значимые и адекватные мировоззренческие и нравственные принципы и представления. При этом возможность их полной прогностической оценки может сталкиваться с неполнотой и искаженностью сведений о ней. В этой связи важное значение имеет наблюдение за его поведением в разных ситуациях и условиях межличностного взаимодействия. Психологическая диагностика должна позволять учесть личностные и возрастные особенности ребенка, специфику его педагогической ситуации и ее возможного развития.

Грамотная психолого-педагогически обоснованная система ликвидации социально-педагогической запущенности приемного ребенка предполагает: вовлечение помимо самих приемных родителей специалистов, обеспечивающих психологическое, социально-педагогическое, логопедическое, неврологическое, психиатрическое и иное обследование и сопровождение; обеспечение понимающей позиции по отношению к воспитанию и развитию этого ребенка сотрудников дошкольных и школьных учреждений основного и дополнительного образования, информирование их об ограничениях и возможностях в процессе его развития; создание среды общения со сверстниками (нередко более младшего возраста в силу задержки

психического развития; имеющих возможно тоже особенности в развитии и/ или исключительно среди приемных детей вследствие большего принятия поведения конкретного ребенка со стороны других приемных родителей).

Со стороны членов замещающей семьи требуется при этом: дифференциация отсутствия у приемного ребенка определенных знаний умений и навыков от их не проявления в силу психотравматического “отката”; активное использование программ и средств, запускающих базисные психические явления и процессы; оказывающих совокупный развивающий эффект как в педагогическом, так и в социальном планах; систематическая работа, основывающаяся на корректных притязаниях членов замещающей семьи с учетом возможности как компенсировать несформированное ранее, так и принять его принципиальную невозможность проявиться вследствие пропущенных сензитивных периодов.

Тем самым могут быть заданы: соответствие новообразований возрасту, включенность в межличностное взаимодействие, удовлетворение потребностей в образовании, медицинском обслуживании, заботе, преодолении предыдущего негативного опыта.

Преодоление социально-педагогической запущенности приемного ребенка является сложным видом деятельности, сопряжено с достижением им психологического благополучия за счет учета обусловленных предыдущим опытом социализации возможностей, принятия парциальной социальной неуспешности, укрепления ориентации на ценностно-смысловые ориентиры замещающей семьи.

Литература

1. *Голубева А.С.* Педагогическая запущенность как социально-педагогическая проблема // *Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования: сборник статей VI Международной научно-практической конференции.* Пенза, 2020.
2. *Лотарева Т.Ю.* Концепция жизнеспособности в практике социально-психологического сопровождения замещающих семей // *Человек в условиях неопределенности: сборник*

- научных трудов в 2-х т. / Под ред.а. Е.В. Бакшутовой, О.В. Юсуповой, Е.Ю. Двойниковой. Т.2. Самара, 2018.
3. *Овчаренко Л.Ю., Дорошенко Т.Н.* Психолого-педагогическое сопровождение замещающих, приемных и опекунских семей в школе // Человеческий капитал. 2018. № 5 (113).
  4. *Овчарова Р.В.* Социально-педагогическая запущенность детей, ее генезис и динамика // Психология трудного детства: материалы Международной научно-практической конференции. Курган, 2014.
  5. *Пискунова И.Е.* Особенности адаптации детей в замещающих семьях // Образование XXI века: тренды, новые модели эпохи цифровизации и провайдеры поколения NEXТ: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 20 января 2021 г. / ред. кол.: С. А. Сергейко [и др.]. Гродно, 2021.

Транспортные коммуникации в больших городах. Анализ возможностей совершенствования на основе междисциплинарного подхода

Лобанова Ю.И., Юдин Г.Л.
ФГБОУ ВО СПбГАСУ, Санкт-Петербург, Россия
iggretavlada@gmail.com , george2602@yandex.ru

Транспорт – сфера, в которую так или иначе вовлечена вся человеческая популяция. Транспорт объединяет физическую (материальную) и социальную сферы жизнедеятельности человека. Поэтому представляется логичным для решения транспортных проблем опираться на междисциплинарный подход, при выборе решений сохранять ориентацию на устойчивое развитие [2; 3; 11].

В рамках обозначенного выше подхода можно предложить следующие решения.

1. Планирование и осуществление городской среды должны осуществляться с учётом потребностей и социальных запросов жителей конкретных населенных пунктов [11]. В этом отношении особенно важно взаимодействие специалистов разных сфер в работе

над конкретными проектами и понимание сущности решаемых ими вопросов.

2. Опора на особый подход к реализации транспортных реформ в городах с историческими центрами, имеющими важное значение, где изменение пространства кардинальным образом невозможно. Возможны два направления работы: ограничение транспортных потоков на этих городских территориях и/или перенос части производств, предприятий из центра на периферию.

3. Для эффективного решения транспортных (логистических) проблем важно анализировать их как социально-психологические и внедрять практики, направленные на снижение количества ДТП и повышение уровня безопасности ДД соответственно.

Человек для системы ВАДС представляет несомненную ценность в плане способности принимать решения (прежде всего в ситуациях морального выбора) и брать за них ответственность, тогда как его слабые качества могут быть продублированы или дополнены техническими или электронными системами транспортного средства, что будет способствовать повышению надежности системы в целом [7]. Важное значение имеют также подготовка водителей, которая в идеале должна быть ориентирована на формирование гармоничного стиля вождения, установок на его корректную динамику [6; 8].

4. Снижение доли личного транспорта и увеличение общественного – то, на что направлена работа технических специалистов последних лет [2].

Изменения, вносимые сугубо с подачи технических специалистов, могут не учитывать психологические аспекты, то есть не выдерживать проверки междисциплинарным подходом. Представляется, что сподвигнуть автомобилистов пересест с личного транспорта на общественный удастся только в том случае, если выяснить причины предпочтений (на уровне мотивационно-потребностной сферы) и предоставить возможности закрыть соответствующие потребности.

Проведенные исследования [4, 5, 9, 10] показывают, что автомобиль выбирают респонденты:

- с выраженной удовлетворённостью потребностей более низшего порядка;
- стремящиеся к самоутверждению и самоактуализации;
- озабоченные защитой своего личного пространства.

В отношении самоутверждения проще предложить варианты, не связанные непосредственно с вождением автомобиля непосредственно в городе. Наиболее вероятный вариант – это реализация в сфере профессиональной деятельности, то есть продвижение по карьерной лестнице или по общественной линии. Другой – через хобби, которые могут носить и соревновательный характер, могут быть связаны со сферой автоспорта, предоставляя автолюбителям возможности реализации собственных возможностей.

Если говорить о стремлении автолюбителей непременно использовать автомобиль для перемещения в городе, то это связано с желанием отстоять, защитить свое личное пространство, не допустить попадания в него случайных людей и не оказываться вынужденным вступать с ними в коммуникативный процесс (оказываться в ситуациях конфликта, сталкиваясь с проявлениями агрессии). Это может быть вызвано:

- снижением потребности в коммуникациях с другими людьми, проявлением негативных эмоций, связанных с развитием выраженного профессионального выгорания [1];
- деятельностью в условиях нарушения режимов труда и отдыха и развитием неблагоприятных психофизиологических состояний [4];
- наличием нерешенных проблем в сферах, не связанных с автовождением.

Очевидно, что перевод людей с личного транспорта на общественный вряд ли осуществим без комплексного решения проблем в социальной сфере и без поддержки специалистов-психологов.

5. Ведение работы по повышению статуса общественного транспорта и снижение статуса личного.

Технократическим путем это можно осуществить за счет улучшения эстетических и эргономических характеристик общественного транспорта, повышения его средней скорости, оптимизации логистики [2; 3]. Повысить статус общественного транспорта возможно в случае активного пользования им лицами с высоким социальным статусом (пока он идентифицируется исключительно с личным автомобилем, что сподвигает обычных

граждан удовлетворять свои потребности в уважении за счет использования личного автомобиля).

Литература

1. *Водопьянова Н.Е.* Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда (на примере специалистов «субъект-субъектных» профессий): автореф. дис.... канд. психол. наук / Н.Е. Водопьянова. СПб., 2014. 48 с.
2. *Вучик В.Р.* Транспорт в городах, удобных для жизни / Пер. с англ. А. Калинина под науч. ред. М. Блинкина.: Территория будущего. М., 2011. С. 576.
3. *Горев А.Э., Маркелов Г.Я., Кондратенко Т.Е., Пугачёв И.Н., Куликов Ю.И.* // Синергия концептов развития транспортных систем в условиях современной урбанизации России // Монография. СПбГАСУ, 2019.
4. *Ильин Е.П.* Психофизиология состояний человека. / Е.П. Ильин. СПб.: Питер, 2005. 412 с: ил.
5. *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса / Л.А. Китаев-Смык. М.: Наука, 1983. 368 с.
6. *Лобанова Ю.И.* Исследование динамики стиля вождения: от новой методологии к эмпирике. // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 4А. С. 182-191. DOI: 10.34670/AR.2020.44.93.018
7. *Лобанова Ю.И.* О возможности обеспечения безопасности дорожного движения на основе проектирования системы человек-машина на базе ресурсно-стилевого подхода. // В сборнике: Комплексный характер устойчивого развития и безопасность в основных сферах человеческой деятельности. развитие и стабильность. Материалы Международной научной сессии. Санкт-Петербург, 2022. С. 26-35.
8. *Лобанова Ю.И.* Психология безопасного автовождения. / СПб.: СПбГАСУ, 2016. 326 с.
9. *Лобанова Ю.И., Юдин Г.Л.* Субъективные факторы предпочтения разных видов транспорта // Институт психологии Российской академии наук. Организационная

психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 4. С. 167 -194.
DOI: 10.38098/irpan.opwp_2022_25_4_008

10. *Лобанова Ю.И.* Типичные эмоции, склонность к планирующему стилю деятельности и аварийность водителей // Человек и транспорт. Эффективность, безопасность, эргономика: Материалы 111 Международной научно-практической конференции, Санкт- Петербург. 15-18 сентября 2014г. СПб., 2014. С. 337-341.
11. *Мельникова О.В.* Архитектура и политика // Мельникова О.В. В сборнике: Архитектура - строительство - транспорт. / Материалы 74-й научной конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов университета, в 2-х частях. 2018. С. 192-194.

Социальная и этническая идентичность как фактор доверия политической власти у молодежи

Лобза О.В.

*ОФ МГИМО МИД России, Одинцово, Россия
o.lobza@odin.mgimo.ru*

В эпоху политической нестабильности тема влияния социальной и этнической идентичности на доверие политической власти в стране приобретает особую значимость. По словам президента РФ В.В. Путина, для успешного решения задач, стоящих перед страной важна не только эффективная экономика и компетентное управление, но и солидарность людей, чувство сопричастности судьбе Отечества и ответственность за его настоящее и будущее, то что принято называть гражданской и этнической идентичностью. Формирование социальной и этнической идентичности находится в прямой зависимости от политической системы, представляющей интересы всех социальных групп, регионов страны и этнических сообществ [1].

Термин идентичность в психологии был впервые использован американским психологом У. Джеймсом, заслуга в более детальном изучении и определении механизмов формирования идентичности принадлежит известному психологу Э. Эриксону [5]. С точки зрения

автора идентичность это принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру. Российский психолог М.Ю. Кондратьев определяет идентичность как осознание личностью своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальных ролей и эго состояний [2].

В современной науке существует определенная сложность в понимании термина «доверие». Это обусловлено, с одной стороны тем, что данный феномен изучается в контексте различных наук о функционировании человека и общества, с другой, многогранностью его конструкции и в связи с этим невозможностью создания какого-либо универсального определения. По мнению Т.П. Скрипкиной доверие – это чувство надежности и безопасности, испытываемое человеком по отношению к объектам и субъектам окружающего мира, основанное на вере в их положительный характер [3]. Доверие политической власти может рассматриваться как чувство убежденности электората в правильности действий публичных институтов власти, которые вызывают ощущение безопасности и надежности. В качестве социально-психологических факторов, определяющих уровень доверия власти, могут выступать как внешние (экономические, географические и т.п.) так и внутренние факторы (личностные особенности, ценностные ориентации, удовлетворенность жизнью, социальная идентичность и др.).

Цель исследования – изучить особенности доверия политической власти у молодежи и определить специфику влияния социальной и этнической идентичности на уровень доверия политическим институтам власти.

В исследовании принимали участие студенты магистратуры МГИМО и МГЛУ в возрасте 25-30 лет, в количестве 74 человек (44 девушки и 30 юношей). Для реализации цели исследования использовались: авторский опросник «Доверие политической власти», разработанный О.В. Лобза; Методика изучения социальной идентичности Л.Б. Шнейдер; Типы этнической идентичности Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой; Шкала идеологической эго-идентичности, OMEIS-R Дж. Адамс. В качестве метода математической статистики применялся метод параметрической статистики k-Пирсона. Исследование проводилось в июне 2022 года.

В результате исследования было выявлено, что большинство респондентов, а именно 57%, доверяют власти, принимают активное участие в политической жизни страны, положительно оценивают проводимую государством политику, на предстоящих выборах готовы отдать свой голос за действующую власть, уверены в завтрашнем дне и чувствуют себя защищенными. Амбивалентное отношение к действующей политической власти испытывают около 28 % опрошенных и 15 % выразили недоверие власти. Амбивалентно настроенные и не доверяющие молодые люди не чувствуют себя в безопасности, не верят заявлениям и обещаниям действующей власти, не согласны с утверждением, что современный политический курс направлен на повышение качества жизни населения и не поддерживают политический курс правительства.

В результате корреляционного анализа были обнаружены прямые взаимосвязи между доверием политической власти и социальной идентичностью ($r = 0,37$), принятой эго-идентичностью ($r = 0,38$), позитивной этнической идентичностью ($r = 0,45$) и этнофанатизмом ($r = 0,55$). Обратная взаимосвязь обнаружена между уровнем доверия власти и этнической индифферентностью ($r = -0,34$). Так, молодых людей, доверяющих политической власти, отличает толерантность по отношению к собственной и другим этническим группам, готовность защищать принятые этнические интересы, а также достаточно устойчивая система ценностей, обязательств и убеждений, сформированных под влиянием семьи и социума. Для юношей и девушек с низким уровнем доверия власти характерны социальная отчужденность, сомнения в ценности собственной личности, размывание этнической идентичности, выраженное в неопределенности этнической принадлежности или ее отрицании. Наши данные подтверждаются результатами исследования, проведенного В.А. Федотовой в 2022 году, в котором принимали участие молодые россияне в возрасте 18-34 лет, проживающие в разных регионах РФ. В исследовании показано, что этническая идентичность оказывает влияние на общий уровень доверия власти, тем не менее не влияет на готовность к политическому поведению [4]. Таким образом, политика идентичности может стать весьма существенным оружием в руках власти и открывать широкие

возможности с одной стороны для укрепления ее легитимности, с другой для подрыва ее авторитета.

Литература

1. *Ачкасов В.А.* Политика идентичности в современном мире. Вестник СПбГУ. Серия 6. 2013. Вып. 4. С. 71-77.
2. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.
3. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия: учебное пособие для высших учебных заведений. М., 2000. 264 с.
4. *Федотова В.А.* Доверие к власти у современной российской молодежи: роль ценностей и этнической идентичности // Политика и Общество. 2022. № 2. С.14-27.
5. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 344 с.

Просоциальные молодежные субкультуры: взгляд в будущее

Логвинова М.И.

*ФГБОУ ВО КГУ, Курск, Россия
landaurita@mail.ru*

В современном мире, в котором и так долгосрочные перспективы и социальный оптимизм личности подвергаются воздействию различных факторов (рост социального неравенства, экономические трудности, негативные изменения климата, техно-гуманитарный дисбаланс и др.), постоянно появляются новые угрозы и вызовы. Так, одним из подобных вызовов последних лет выступила пандемия коронавируса, способствующая созданию ситуации витальной угрозы [3].

В настоящее время, в условиях проведения специальной военной операции, также, прежде всего для жителей приграничных районов, сохраняется непосредственная угроза жизни и здоровью, в ряде регионов, в том числе в Курской области, более года действует высокий уровень террористической опасности, приграничные населенные пункты находятся под обстрелом, для части населения

характерно переживание утраты, волнения за близких и другие психологические проблемы.

Т.А. Нестик отмечает, что в современных условиях идет поиск ролевых моделей успеха, которые были бы основаны не на экономическом процветании, а на просоциальном поведении. Ссылаясь на результаты проведенного исследования, он пишет о связи положительной оценки будущего страны с просоциальными установками и убеждениями личности [3].

В этих условиях особый научный интерес вызывает исследование ожиданий относительно будущего представителей молодежных субкультур просоциальной направленности.

Молодежная субкультура просоциальной направленности в нашем понимании – это неформальная молодежная группа, объединенная ценностями, внешними атрибутами, интересами, вкусами, жизненным стилем, проявляющимися во внеучебной (нетрудовой) сфере, не затрагивающая семейных и трудовых отношений, ориентированная на модели просоциального поведения. К подобным сообществам могут быть отнесены волонтерские отряды, патриотические клубы, студенческие советы и иные молодежные группы при условии, что они отвечают ряду признаков [2; 4].

Базу исследования составила учащаяся молодежь в возрасте от 14 до 19 лет – старшеклассники и студенты колледжей. В выборку исследования было включено 45 представителей молодежных субкультур просоциальной направленности, действующих на базе колледжей, средний возраст – 17 лет, 91% – девушки, 9% – юноши. Среди школьников – представителей просоциальных сообществ ($n = 64$) средний возраст составил 15,5 лет, женский пол – 80%, мужской – 10%. Общий объем выборки – 109 человек.

Методический блок исследования включил «Тест диспозиционного оптимизма» (Ч. Карвер, М. Шейер, в адаптации Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина); опросник «Социальное самоопределение» (А.С. Чернышев), анкетирование, математико-статистические методы.

Исследование проводилось онлайн, было добровольным и анонимным.

Методика «Тест диспозиционного оптимизма» опирается на понятие диспозиционного оптимизма, под которым понимается «личностная черта, представляющая собой обобщенную тенденцию человека верить в то, что в будущем его ждет больше хороших событий, чем плохих» [1, с. 6]. Анализ научных исследований

показывает, что оптимизм рассматривается как предиктор физического здоровья и удовлетворенности отношениями, отрицательно коррелирует с депрессией, способствует предупреждению развития посттравматических расстройств [1].

Методика «Социальное самочувствие» (А.С. Чернышев) предполагает ответ на вопрос: «Каким вы себя видите через 10 лет?», позволяет анализировать образ будущего личности и характеристики ее социального самоопределения.

В ходе анкетирования устанавливалась принадлежность респондента к молодежной субкультуре просоциальной направленности.

Представим полученные результаты:

- среди школьников – представителей просоциальных молодежных субкультур преобладают средние значения по шкале диспозиционного оптимизма (57,8%), при этом оптимизм выявлен у 37,8% опрошенных, а пессимизм установлен лишь в 2,2% случаев, наблюдается преобладание позитивных ожиданий относительно будущего;

- среди студентов колледжей – представителей просоциальных молодежных субкультур также преобладают средние значения по шкале диспозиционного оптимизма (58,3%), оптимизм выявлен в 47,3% случаев, доминируют позитивные ожидания относительно будущего;

- образ будущего участников просоциальных сообществ (на базе колледжей) характеризуется следующими составляющими: позитивный образ будущего сложился у 75% опрошенных, 17% затруднились составить данный образ, отрицательный образ будущего выявлен у 8% исследуемых; в 67% случаев в образе будущего отражаются характеристики, связанные с профессиональной самореализацией и личностным ростом, в 10% случаев – с созданием семьи;

- образ будущего участников просоциальных сообществ (на базе школ) включает следующие черты: не сложился образ будущего у 8% респондентов, у 90% опрошенных образ своего будущего включает позитивные характеристики, лишь у 2% – отрицательные, каждый пятый (25%) хочет видеть себя успешным, профессиональное самоопределение прослеживается в таком же количестве случаев (25%), в 11% случаев прослеживается ориентация на семью, любовь.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что для представителей просоциальных молодежных субкультур характерно преобладание позитивных ожиданий относительно будущего.

Литература

1. *Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.* Диагностика диспозиционного оптимизма, валидность и надежность опросника ТДО-П // Психология. Журнал ВШЭ. 2021. №1. С. 34-55.
2. *Логвинова М.И.* Разработка и апробация методики «Диагностика признаков молодежной субкультуры в малых социальных группах» // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 4. С. 216-230. DOI 10.17759/exppsy.2022150414. EDN IQLCOK.
3. *Нестик Т.А.* Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Т.2. № 9(14). С. 6-48.
4. *Чернышев А.С., Гайдар К.М.* Социальное самоопределение субъектов в системе современного образования // Национальный психологический журнал. 2010. №2. С. 112-117.

Представления подростков об оценивании нормативности-девиантности характеристик взаимодействия сверстниками и взрослыми

Лукиянченко Н.В., Захарова Л.С., Аликин М.И.

ФГБОУ ВО СибГУ им. М.Ф. Решетнева,

Красноярск, Россия

zls-24@mail.ru, lukiyanchenkonv@gmail.com, pm2486@mail.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20026, <https://rscf.ru/project/22-28-20026/> совместно с Красноярским краевым фондом поддержки научной и научно-технической деятельности.

Выстраивание подростком представлений о нормах и соответствии им осуществляется в сложном социальном контексте, включающем

образцы взрослых и сверстников, родителей и друзей. Эти представления можно характеризовать в нескольких ракурсах: содержательном (используемые критерии); оценочном (в какой степени полагается поведение нормативным или отклоняющимся); в соотношении своих оценок с оценками иных социальных субъектов. Для проблемы представлений о нормативности-девиантности важное значение имеет выявление типологических особенностей.

В соответствии с этим было проведено исследование оценочных представлений подростков. Первоначально посредством анкетирования выявлялись используемые подростками критерии нормативного оценивания [1]. На основе полученных данных был разработан опросник, в котором предлагается оценить 25 характеристик поведения, исходя из позиций своей, своих друзей, родителей, большинства сверстников и большинства взрослых. Респонденты - 116 красноярских подростков. Результаты опроса включились в процедуру кластерного анализа, позволившего определить три группы в соотношении 48 %, 36 % и 16% от объема выборки.

По особенностям оценочных представлений группы можно назвать «Я против!» (выраженное неприятие различных проявлений негативной девиантности); «Я за!» (сравнительно высокие оценки проявлений позитивной девиантности: социальных достижений и помогающих отношений); «Я не за и не против» (невысокие оценки позитивной девиантности при толерантности к криминогенным и буллинговым действиям) [2].

Данные каждой группы проанализированы также в аспекте соотношения собственных оценок с тем, как респонденты представляют оценки других субъектов. Анализ оценок восьми имеющих выраженное дифференцирующее для групп значение характеристик взаимодействия показал следующее.

По выборке в целом у пяти характеристик взаимодействия крайние значения (наименьшее и наибольшее) имеют представляемые подростками оценки родителей и сверстников. Это характеристики, которые можно отнести к образу социально положительного героя: честность, уравновешенность поведения при разногласиях, неприемлемость публичного обнажения и поддержки буллинговых проявлений друзей, возможность установления доверительных

отношений за пределами группы принадлежности. Родительские оценки в глазах подростков соответствуют «правильному», а оценки сверстников ближе к «неправильному» полюсу. Оценки выраженных Я-проявлений (отстаивание своего мнения и поведение в соответствии с собственными потребностями) наименьшие приписываются родителям, а наибольшие – себе. Друзья видятся как наиболее принимающие свободу в отношениях. Среднее значение их оценок проявления симпатии к кому-либо при наличии близких отношений соответствует уровню «предмет» гордости, в то время как родители такое поведение не склонны одобрять.

В представлениях подростков первой и второй групп обнажение в публичных местах и поддержка буллинга наиболее осуждаемы родителями, наименее – сверстниками; отстаивание своего мнения и честность наиболее ценимы ими самими в сравнении с другими людьми. У первой группы наименьшее соответствие социально желательным характеристикам имеют оценки сверстников, у второй – оценки друзей.

У респондентов второй группы оценки честности одинаково высокие значения имеют и в собственном мнении, и в представляемом мнении родителей. Но отстаивание своего мнения и эгоцентрическое поведение у родителей в видении подростков этой группы самые неодобряемые, а в собственном мнении самые высоко оцениваемые по сравнению с оценками других субъектов. Выше всех респонденты второй группы оценивают свободу в установлении доверительных отношений за пределами дружеской компании. А в представлении подростков первой группы поведение в соответствии с собственными желаниями независимо от отношения и самочувствия окружающих в наибольшей степени принимается сверстниками, для самих же респондентов и их друзей оно менее приемлемо.

Наивысшие оценки «отстаивания своего мнения» и «честности» принадлежат, по мнению респондентов, им самим. Но, если для отстаивания своего мнения наименьшие оценки приписываются взрослым в целом и родителям, то наименьшими ценителями честности в глазах подростков второй и третьей группы являются сверстники.

У третьей группы респондентов оценки выраженного самопроявления (отстаивание своего мнения, честность,

уравновешенность, эгоцентрическое поведение) ниже, чем у респондентов других групп. Эти подростки обгоняют в конформности даже родителей. Представители третьей группы меньше других подростков поддерживают поведение «против течения» относительно группы: как близкое к приемлемому оценивают поддержку буллингового поведения друзей и не особенно одобряют установление доверительных отношений с кем-то помимо уже имеющихся.

Результаты исследования показали, что, оценивая нормативность характеристик взаимодействия, которые можно отнести к социально желательным, свои оценки подростки видят как промежуточные между оценками взрослых и сверстников. Крайними (самыми низкими или высокими) подростки видят собственные оценки самопроявления и проявления свободы отношений во взаимодействии. Выявлено, что выделенные на предыдущем этапе исследования типологические группы подростков, различающиеся общей уровневой тенденцией оценок, имеют отличительные особенности в соотношении собственных оценок с представляемыми оценками сверстников и взрослых.

Литература

1. Лукьянченко Н.В., Аликин И.А., Захарова Л.С. Оценочные представления современных подростков о нормативности/девиантности // Психология в системе социально-производственных отношений : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Красноярск, 28 октября 2022 г. Красноярск: ФГБОУ ВО СибГУ, 2022. С. 99-103.
2. Лукьянченко Н.В., Захарова Л.С., Аликин М.И. Стилевые особенности оценки подростками девиантности // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2022 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. С. 241-243.

Психодрама как метод формирования межкультурной компетентности

Лындина Е.И., Шорохова В.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

lindin111@yandex.ru, shorohovava@mgppu.ru

Психодрама является одной из форм используемой в групповой психотерапии, которая была разработана Я.Л. Морено. Метод психодрамы был разработан для исследования конфликтов путем их разыгрывания и исследования с точки зрения настоящего, прошлого и будущего. Акты игры помогают клиентам проникнуть в свое эмоциональное состояние, чтобы понять отношение со своим внутренним «Я» и более широко осознать картину своей жизни. Основной принцип психодрамы заключается в том, что спонтанность и творчество являются движущими силами, «Я» исцеляется в действии – движении или разговоре непосредственно с кем-то [9].

Основное философское и теоретическое различие между психодрамой и другими методами психотерапии в отношении развития человека можно резюмировать, в заявлении Я.Л. Морено, что ролевая игра предшествует появлению самости. Роли не возникают из самости, но самость может возникнуть из ролей. Взяв за основу теорию ролей, Я.Л. Морено разработал соответствующие подвиды психодрамы: соматодрама (драма тела), социодрама (социальные роли и общие социальные проблемы) и психодрама (эмоциональные, психологические и духовные проблемы) [1].

Также нам следует описать несколько имеющихся форм психодрамы: психодрама, центрированная на протагонисте; психодрама, центрированная на теме; психодрама, направленная на группу; психодрама, центрированная на группе [5].

Психодрама имеет как минимум 11-ть направлений, несколько форм и множество психотерапевтических техник, наиболее популярные из них: техника самопрезентации, дублирование, обмен ролями, монолог и техника зеркала. Элементы психодрамы применяются в различных тренингах и становятся все более популярными на сегодняшний день [7].

Формирование межкультурной компетентности (МКК) зависит от социальной среды, поэтому использование метода психодрамы в качестве способа формирования данной компетентности, мы можем обеспечить только на социальном уровне т.е. использовать психодраму в образовательных учреждениях и в виде тренингов на месте работы. А.П. Садохин подмечает, что межкультурный тренинг является эффективным для формирования и развития МКК. Тренинги такого типа включают в себя семинары-мастерские межкультурной коммуникации [4].

Тренинги по межкультурной коммуникации направлены на выявление скрытых моделей поведения и правил взаимодействия между людьми, что способствует преодолению коммуникативных барьеров. Основные составляющие формирования МКК, которые надо проработать в тренинге: готовность к межкультурному взаимодействию (осведомленность об изучаемой культуре); способность анализировать и интерпретировать культурные различия; способность применить свои знания на практике в реальной жизни [6]. Психодраматические действия будут способствовать формированию у членов тренинга, таких важных качеств, как: толерантность, мироощущение, гибкость мышления и поведения, настойчивость и др. Активная роль группы также важна в психодраме, т.к. она способствует становлению личности учащегося. Для учащихся важен учебный коллектив, который составляет определенное поле разностороннего межличностного и межнационального общения. Межэтнический коллектив будет также способствовать формированию МКК и позитивным установкам, а также он будет являться необходимым условием в формировании социокультурной компетентности учащихся в иноязычном образовании [3]. Психодраму также можно использовать на занятиях иностранного языка в школах для формирования у дошкольников и школьников представления о другой культуре [8].

В пример использования психодрамы как метода формирования МКК, можно привести исследование М.В. Корниловой, целью которого было выявить влияние тренинга на формирование МКК. В исследовании приняли участие две тренинговые группы. Монокультурная группа состояла из представителей русской культуры (10 участников, от 20 до 23 лет), а поликультурная группа

состояла из 14 участников, от 19 до 30 лет, из таких стран как Китай, Монголия, Сейшельские острова, Иран, Ирак, Колумбия, Гвинея, Эфиопия, Йемен, Доминиканская республика, Боливия. Автором разработана тренинговая программа, за основу которой была взята модель общекультурного социально-психологического тренинга. В ходе исследования было выявлено разное влияние тренинга на группы. Монокультурная группа испытывала больше позитивные чувства от тренинга, а участники поликультурной группы говорили об изменениях в области когнитивной сферы. Также опросник IDI в монокультурной группе выявил динамику МКК по показателям «Минимизация» и «Принятие–адаптация», а также наибольшие изменения, на которые повлиял тренинг, произошли в эмоциональной сфере. Наблюдалась также положительная динамика по шкале «Поведенческая адаптация». Как считает исследователь, такая динамика связана с положительным опытом с представителями других культур, но более перспективными являются поликультурные группы [2].

Как мы видим, элементы, и направления психодрамы используются в исследованиях для изучения и формирования МКК. Но их не так много, как хотелось бы, поэтому новые исследования и новые методы с использованием психодрамы в этой сфере актуальны и востребованы в современном мире.

Литература

1. *Гриншпун И.Б., Морозова Е.А.* Психодрама Основные направления современной психотерапии. М., 2000.
2. *Корнилова М.В.* Формирование межкультурной компетентности: опыт тренинга Высшее образование России. 2012. №3
3. *Кусарбаев Р.И.* Психодрама как технология формирования социокультурной компетентности у студентов в иноязычном образовании / Кусарбаев Р.И., Калугина Е.В., Матушак А.Ф. Балтийский гуманитарный журнал. Том 9, №3. 2020.
4. *Лейбман И.Я., Корнилова М.В.* Межкультурный тренинг: общая характеристика и примеры упражнений / Вершок А.Б., Кацва Ю.В., Коновалов А.Ю., Корнилова М.В., Кузнецов

- И.М., Лейбман И.Я., Моисеева М.В., Розенблюм С.А., Филакова Е.М., Хухлаев О.Е., Чибисова М.Ю., Шабатина Ю.А. Технологии психологического сопровождения интеграции мигрантов в образовательной среде: Учебно-методическое пособие для педагогов-психологов. [Электронный ресурс] / под ред. О.Е. Хухлаев, М.Ю. Чибисова. М.: МГППУ. 2013 г.
5. *Морено Я.Л.* Психодрама / пер. с англ. Г. Пимочкиной, Е. Рачковой. М.: Апрель Пресс : ЭКСМО-Пресс, 2001.
  6. *Пригожина К.Б.* Межкультурные аспекты в преподавании языка для специальных целей / Пригожина К.Б. Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2013.
  7. *Cruz A, Sales CMD, Alves P, Moita G.* The core techniques of Morenian psychodrama: a systematic review of literature. *Front Psychol.* 2018; 9: 1263. doi:10.3389/fpsyg.2018.01263.
  8. *Harilaos Z, Maria T.* Planning of Activities and Alternative Teaching Approach of Motor Education and Psychodrama with the Purpose of Promoting Motor Development and Preschoolers' Intercultural Competence // January 2019. DOI:10.9790/6737-06050118
  9. *Ressler A., Kleinman S.* Encyclopedia of Body Image and Human Appearance, 2012.

Коммуникативные девиации в габитусе специалиста

Майсак Н.В., Качевская Е.Н.

*ФГБОУ «Астраханский государственный университет
им. В.Н. Татищева», Астрахань, Россия
n-maisak@mail.ru; elena21kachevskaya@mail.ru*

В межличностном общении и взаимодействии представителей разных профессий важен навык вербальной коммуникации и понимания невербальных посылов тела, на основе которого осуществляется оценка уровня взаимопонимания партнеров по общению, которые в своем сознании реконструируют внутренний

мир другого человека, чтобы понять его мысли, чувства и мотивы поведения [6, с. 347].

В восприятии и понимании поведения другого мы ориентируемся на существующие социальные нормы, которые необходимы для регуляции взаимоотношений людей во всех жизненных сферах, включая формальное деловое и неформальное общение. Ориентируясь на нормы как схемы, человек в той или иной ситуации делового общения среди поведенческих альтернатив должен выбирать наиболее подходящие, санкционированные обществом формы поведения [7]. При этом не у всех специалистов сформирован поведенческий комплаенс, заключающийся в надлежащем следовании требованиям, правилам и нормам [2]. Т.о., речь может идти о коммуникативных девиациях, к которым В.Д. Менделевич относит гиперобщительность, аутизацию, конформизм, ревность и псевдологию, а также стереотипное, фобическое и нарциссическое поведение как с признаками, так и без признаков психопатологии [4]. Они обусловлены нарушением функционирования личности из-за тревожности, зависимости, страха контактов, неадекватной самооценки (заниженной или завышенной), трудностей совладания со стрессом, стремления обвинять других, говорить неправду, уходить от ответственности при принятии решений и пр.

К коммуникативным девиациям в деловой сфере следует отнести [3]: нарушения этической и эстетической нормы в манерах, смехе, улыбке, позе и походке; использование пейоративной лексики и девиативного дискурса как нарушения стиля речи и имиджа специалиста; поведенческие проявления дезадаптации: моторная неловкость, утрата пластичности в общении, колебания настроения и активности (от гиперобщительности к аутистическому и конформистскому поведению), агрессивно-обвинительные (эгозащитные, дефензивные) реакции, нигилизм и цинизм; склонность к асоциальным проступкам и антисоциальным действиям.

Коммуникативные девиации находят отражение в габитусе специалиста. Отражая психические состояния человека и внутренний мир личности, габитус служит средством ее самовыражения.

Психосемиотика габитуса включает знаки-информаторы, знаки-регуляторы и знаки-симптомы, проявляющиеся в невербальной

коммуникации [5]. Следовательно, при изучении коммуникативных девиаций специалистов необходимо выявлять нормативные и девиативные признаки габитуса среди:

а) знаков-симптомов физического и психоэмоциональных состояний человека;

б) знаков-информаторов возрастной и половой дифференциации, а также физиогномических знаков, отражающих интеллигентность/примитивизм, добродушие/нерадушие, настойчивость/вялость, суровость/нежность, честность/хитрость и другие качества личности;

в) знаков-регуляторов координации или дискоординации движений – естественных или вынужденных поз и походки, свободных/скованных движений.

Систематизация невербальных признаков и средств общения позволила ученым классифицировать их в пять групп [8]: 1) акустическая объединяет экстралингвистику и просодику; 2) оптическая включает кинесику, жестовый кластер, проксемику, графемиду и внешний вид; 3) тактильно-кинестетическая связывает мимику и пантомимику, прикосновения и рукопожатия; 4) ольфакторная построена на анализе запахов; 5) темпоральная содержит хронемиду сообщений говорящего. Т.о., позы, походка, жесты, взгляд, вздохи, стоны, зевота, покашливание, темп, тембр и ритм речи, паузы, сила голоса, взаимное расположение собеседников, межличностная дистанция и др. признаки могут выступать маркерами невербального поведения – нормативного, девиативного (формирующегося нарушения) и девиантного (манифестного отклонения).

Невербальные психосемиотические знаки в габитусе личности порой трудны в распознавании и фиксации, однако наблюдение и их исследование обогащает индивидуально-психологическую и социально-психологическую характеристику испытуемой личности. Благодаря вербальной диагностике, фиксации габитальных признаков и особенностей невербальной коммуникации, отражающей мысли, чувства и реальное отношение к партнерам по общению (клиентам, воспитанникам, обучающимся, пациентам), можно целостно описать личность специалиста. Метаформа из действия, образа и слова

содержит внешние и внутренние средства одушевления тела и проявления души человека [1]. Учет этого факта в диагностике специалиста будет способствовать полноценному его восприятию и пониманию.

Литература

1. *Зинченко В.П.* Тело как слово, образ и действие // Человек. 2010. № 2. С. 34-47.
2. *Майсак Н.В., Минасян А.А.* Формирование комплаенса специалистов в рамках поведенческих альтернатив // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сборник материалов Второй Международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2020 года / под научной ред. В.В. Коврова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. С. 638-644.
3. *Майсак Н.В.* Структура некриминальных девиаций в профессии // Фундаментальные исследования. Электронный научный журнал. 2015. № 2 (часть 18). С. 4023-4027; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37901> (Дата обращения: 08.04.2023).
4. *Менделевич В.Д.* Психология девиантного поведения. Учебн. пособ. М.: МЕДпресс, 2001. 432 с.
5. *Петрова Е.А.* Знаки общения. М.: изд-во ГНОМ и Д, 2001. 256 с.
6. *Радугин А.А., Радугина О.А.* Социальная психология. Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Библионика, 2006. 496 с.
7. *Тюрин П.Т.* Поведенческие альтернативы в условиях нормативных и ситуативных требований (ПАУНСТ). М.: МПСИ, 2010. 264 с.
8. *Luckmann J.* Transcultural Communication in Health Care. Canada: Delmar, Thomson Learning, 2000. 320 с.

Представления о феномене «майндфулнесс» в зарубежной науке

Майский Д.О.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kudelit@gmail.com

Актуальность работы обусловлена необходимостью обратиться к понятию «майндфулнесс», которое достаточно полно и глубоко раскрыто в зарубежной науке, тогда как в отечественной психологии к изучению данного феномена исследователи обратились не так давно, поэтому освещены не все различия в многогранности этого феномена.

Исторически понятие майндфулнесс уходит корнями в медитативные практики, которые довольно давно существуют в культуре. Еще в доисторическое время ритмическое повторение слов помогало людям справляться со стрессом. Даже существует версия М. Россано, что развитости зон мозга, отвечающих за внимание и рабочую память, вполне могли способствовать шаманские целительные ритуалы у костра [8]. Известные буддистские медитации, возникшие в 1 веке до нашей эры. В 19-ом веке британцем Р. Дэвидсом было введено понятие майндфулнесс. Тогда это был перевод Буддистского слова *satī*, что означало способность осознавать и «вспоминать» свои мысли, чувства и поступки с этической позиции. Тем не менее только к концу 20-го века, прежде всего благодаря работам Дж. Кабат-Зинна, на Западе стали всесторонне исследовать проблематику осознанности [1]. Со временем, приобретая всё больше эмпирических данных, понятие майндфулнесс переросло чисто медитативную практику и стало чем-то большим. Цель данной работы – дать краткое представление о многомерности понимания майндфулнесс, характерной для зарубежных работ.

Согласно С.А. Замалиевой, руководителя центра ментального тренинга MindFulness, на русский язык чаще всего майндфулнесс переводится именно как осознанность, хотя при этом уточняется, что точнее перевод будет звучать как «практика осознанной медитации», «практика осознанного присутствия» или состояние созерцания [1].

В работе С. Бишопа с соавторами майндфулнесс определяют, как уделение внимания определенным образом: целенаправленно, в настоящий момент и безоценочно. Так, большинством практика

майндфулнесс рассматривается как двухкомпонентная модель, где первым элементом считается саморегуляция внимания в происходящие «здесь и сейчас» феномены сознания, позволяющие повысить узнаваемость психических явлений. Тогда как второй компонент характеризует особое отношение человека к наблюдаемому опыту, основанное на любознательности, открытости и принятии [3].

Существует множество практик медитации, основанных на майндфулнесс (МВР), таких как: *Майндфулнесс на снижение стресса* (MBSR) самого Дж. Кабат-Зинна, *Когнитивная терапия основанная на майндфулнесс* (МВСТ) под коллективом авторов З. Сигал, М. Уильямс и Дж. Тисдейл [9]; *диалектико-поведенческая терапия* (DBT) М. Линехан также выделяет навык осознанности как ключевой в лечении пограничного расстройства личности, *программа «Улучшение отношений на основе Майндфулнесс»* (MBRE) Дж. Карсона для пар [4]. Полный список этих практик наверняка гораздо шире, чем представленный выше, особенно если не учитывать включенные в эти подходы разные медитативные практики, например, *медитации любящей доброты* или *метта-медитация* (ЛКМ), лежащая в основе программы Дж. Карсона.

Помимо этого, исследователи выделяют и майндфулнесс в качестве личностной диспозиции (более устойчивой черты характера). В качестве основных характеристик выделяется, что *диспозиционная майндфулнесс* – это многофакторный феномен, отражающий качество и направленность внимания, отличающийся от культивируемой (обучаемой) формы осознанности, хотя его развитие связано с практикой майндфулнесс. Х. Роу и П. Уильямс подмечают, что майндфулнесс в научных работах часто используется как зонтичное понятие для диспозиционной майндфулнесс и терапии майндфулнесс, несмотря на тот факт, что это два совершенно разных явления [7]. Мета-анализы показывают взаимосвязи с показателями «Большой пятерки» (наиболее популярной в западной науке пятифакторной модели черт личности) преимущественно с нейротизмом и добросовестностью [2].

Пока весомая часть исследовательских работ была сфокусирована на интраперсональной (внутриличностной) стороне вопроса, С. Пратчер с коллегами разработали концепцию *интерперсональной (межличностной) майндфулнесс* – внимательность в настоящем

момента во время взаимодействия с другим человеком, включая внимание к внутреннему опыту (телесным ощущениям, мыслям, эмоциям, реакциям) и к внешнему опыту (вербальной и невербальной коммуникации, видимому настроению собеседника). Таким образом, в это понятие включается положительная установка замечать и принимать свои реакции во время общения и выбирать не реагировать на них без внутреннего осуждения [6].

В заключение, важно отметить, что на данный момент тематика научного изучения майндфулнесс несмотря на растущую популярность, куда медленнее растёт в методологическом плане. М. Фариас и К. Викхолм заключают две главные проблемы в изучении медитаций: диапазон между теми индивидами, которым медитация не помогает или даже вредит, и теми, кому майндфулнесс помогает слишком широк для последовательных выводов; доказуемость эффективности медитативных практик непоследовательна и незначительна, особенно в случаях, когда в клинических исследованиях применяются альтернативные воздействия [5].

Литература

1. *Замалиева С.А.* Майндфулнесс подход в современных организациях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 12-2. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10840>.
2. *Banfi J.T., Randall J.G.* A meta-analysis of trait mindfulness: Relationships with the big five personality traits, intelligence, and anxiety // Journal of Research in Personality. 2022. Vol. 101.
3. *Bishop S.R. et al.* Mindfulness: A proposed operational definition // Clinical Psychology: Science and Practice. 2004. Vol. 11(3).
4. *Carson J.W., et al.* Self-expansion as a mediator of relationship improvements in a mindfulness intervention // Journal of Marital and Family Therapy. 2007. 33(4).
5. *Farias M., Wikholm C.* Has the science of mindfulness lost its mind? // BJPsych Bull. 2016. Vol. 40(6).
6. *Pratscher S.D., et al.* Interpersonal Mindfulness: Scale Development and Initial Construct Validation // Mindfulness. 2019. Vol. 10.

7. *Rau H.K., Williams P.G.* Dispositional mindfulness: a critical review of construct validation research // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 93.
8. *Rossano M.* Did Meditating Make Us Human? // *Cambridge Archaeological Journal*. 2007. Vol. 17(1).
9. *Williams J. M. G., Russell I., Russell D.* Mindfulness-Based Cognitive Therapy: Further Issues in Current Evidence and Future Research // *J Consult Clin Psychol*. 2008. Vol. 76(3).

Нормативное поведение специалистов информационной безопасности

Макаров Д.Р., Пащенко А.К.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
makarov1471@gmail.com, a.k.pashchenko@mail.ru

В любой социальной системе особую роль играет нормативное поведение, поскольку оно упорядочивает взаимодействие и коммуникации между людьми. Норма (общепринятые «образец» и «мера»), на социальном уровне — это правовые, эстетические каноны, нравственные законы. [4] Нормы вырабатываются обществом, основываясь на представлениях о должном и необходимом. [2] Некоторые нормативные системы складываются стихийно (обычай, традиции), другие — целенаправленно утверждаются структурами власти, организациями. [5] Важным фактором, влияющим на восприятие и исполнение норм, является уровень психосоциального развития индивида, его личностные характеристики. [1; 3]

Нефтяные корпорации являются крупнейшими работодателями в РФ, более 285 организаций работают в данном секторе экономике, формируя 25% ВВП страны и около 60% экспорта. Такие организации имеют богатую многосоставную корпоративную культуру, сформированную с опорой на лучшие международные практики. Также для подобных организаций характерно наличие развитой нормативной системы, регулирующей совместную деятельность их многочисленных сотрудников.

Цель нашего исследования заключалась в изучении специфики нормативного поведения специалистов информационной безопасности нефтяной компании.

Общей гипотезой исследования было предположение о том, что существует взаимосвязь между личностными характеристиками и показателями нормативности специалистов информационной безопасности нефтяной компании.

Исследование было организовано и проведено с помощью платформы «Google Forms», предназначенной для создания и проведения онлайн-опросов и тестов. Выборка составила 61 респондент из них 47 мужчин и 14 женщин, все они работают в одной нефтяной компании и являются специалистами информационной безопасности в возрасте 24-56 из них до 30 лет — 24,6% (15 человек), 30-41 — 54,1% (33 человека) и старше 41 — 21,3% (13 человек).

Для проверки выдвинутой гипотезы были использованы пятифакторный личностный опросник «Большая пятерка» (Big five), разработанный американскими психологами Р. МакКрае и П. Коста и методика многофакторного исследования личности Кэттелла 16PF (Sixteen Personality Factor Questionnaire, 16PF). Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась при помощи программного обеспечения Jamovi версии 2.3.21.0. Использовались инструменты корреляционного анализа с коэффициентом корреляции Спирмена.

В ходе анализа полученных результатов установлено следующее:

1. Существует положительная статистически значимая взаимосвязь на уровне $r = 0,431$ ($p < 0,001$) между показателями нормативности и аккуратности. То есть чем выше уровень показателей нормативности, тем выше аккуратность специалистов информационной безопасности.

2. Существует положительная статистически значимая взаимосвязь на уровне $r = 0,423$ ($p < 0,001$) между показателями нормативности и настойчивости. То есть чем выше уровень показателей нормативности, тем настойчивее специалисты информационной безопасности.

3. Существует положительная статистически значимая взаимосвязь на уровне $r = 0,378$ ($p = 0,003$) между показателями нормативности и показателями самоконтроля/импульсивности. То

есть чем выше уровень показателей нормативности, тем ниже импульсивность и выше самоконтроль специалистов информационной безопасности.

4. Существует отрицательная статистически значимая взаимосвязь на уровне $r = -0,275$ ($p = 0,032$) между показателями нормативности и показателями эмоциональной устойчивости/эмоциональной неустойчивости. То есть чем выше уровень показателей нормативности тем ниже эмоциональная устойчивость специалистов информационной безопасности.

Таким образом специфика нормативного поведения специалистов информационной безопасности нефтяной компании характеризуется тем, что высокие показатели нормативности, приверженность соблюдению правил, сочетается с такими личностными качествами как аккуратность, настойчивость, самоконтроль и эмоциональная неустойчивость. Последняя корреляция (высокого уровня нормативности и эмоциональной неустойчивости), возможно объясняется тем, что с ростом показателей нормативности у респондентов повышается чувствительность к нарушению правил.

В качестве перспективы для данного исследования уместно было бы увеличить выборку, провести сравнительный анализ специфики нормативности и личностных характеристик специалистов информационной безопасности с личностными профилями специалистов других подразделений нефтяной компании: ИТ-специалистов и специалистов экономической безопасности.

Материалы данного исследования могут быть полезны специалистам подразделений кадров для отбора кандидатов на вакантные должности. А также руководителям подразделений ответственных за информационную безопасность для построения эффективного взаимодействия с сотрудниками.

Литература

1. *Андреева Е.Б.* Социально-психологические факторы восприятия нормативных ситуаций учащимися колледжей: Автореферат дис. канд. псих. наук: 19.00.05 Социальная психология. Москва. 2011. 32 с.

2. *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения. — М., 1987.
3. *Пащенко А.К.* Нравственное и нормативное развитие [Электронный ресурс] // Социальная психология развития в 2 частях. Часть 2. Учебник для вузов / под редакцией Н. Н. Толстых. — Москва : Юрайт, 2022. С. 135-145. URL: <https://ebs.mgppu.ru/login?url=https://urait.ru/bcode/490925> (дата обращения: 06.04.2023).
4. *Плахов В.Д.* Социальные нормы: философские основы общей теории. М.: Мысль, 1985.
5. *Флиер А.Я.* Нормативное поведение человека [Электронный ресурс] // Культура культуры. 2022. №2. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48197138> (дата обращения: 26.04.2022).

Агрессивность участников буллинга и кибербуллинга

Макушина О.П.

*ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия
helga00@yandex.ru*

В настоящее время буллинг является одной из самых распространенных форм социального насилия в молодежной среде. Буллинг (травля) понимается как преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, основанное на неравенстве социальной позиции или физической силы. Для буллинга характерно длительное физическое или психологическое насилие со стороны группы или отдельного индивида в отношении человека, который не способен защитить себя в данной ситуации [1].

Буллинг может существовать в различных сферах и формах. Возможны два варианта реализации травли – в реальной жизни (школа, места работы и т.д.) и в Интернете. Оба эти варианта характеризуются следующими признаками: систематичность, агрессивный характер, неравенство между жертвой и преследователем в силе или власти, единая цель – ухудшение эмоционального состояния жертвы и разрушение его социальных связей [1].

При этом киберпространство придает сетевой травле, или кибербуллингу, специфические особенности. Интернет делает преследователя анонимным, он может скрываться за виртуальными и ложными идентичностями, иметь влияние на большие масштабы аудитории, благодаря техническим возможностям жертва доступна всегда и везде. Преследователь может не отвлекаться от других видов деятельности и осуществлять травлю параллельно с другой активностью [3]. В отличие от традиционной травли, кибербуллинг может осуществляться в любое время суток. Более того, одно сообщение может быть многократным актом атаки. Так как Интернет является площадкой для социализации подростка, в условиях кибербуллинга жертва воспринимает эту ситуацию как полную потерю возможностей для самореализации, построения отношений и социализации. В ситуациях кибербуллинга, в отличие от традиционной травли, преследователь не может видеть жертвы, ее эмоциональных реакций. Эмоциональная обратная связь выступает регулятором взаимодействия между жертвой и преследователем в реальной жизни. В киберпространстве нет способов определения жестокости поведения. Так как и жертва, и преследователь не способны видеть эмоциональные реакции друг друга, то и коммуникация искажается с обеих сторон, участники могут даже не догадываться об этом [2].

В исследовании приняли участие 200 старшеклассников школ г. Воронежа в возрасте 14-18 лет. С целью изучения буллинга использовался опросник Д. Олвеуса «Буллинг». Для выявления участников кибербуллинга применялась Анкета «Кибербуллинг среди подростков» Я.О. Кузнецовой. Агрессивность личности диагностировалась опросником Басса–Перри в адаптации С. Н. Ениколопова, Н. П. Цибульского.

На основе результатов методики «Буллинг» можно утверждать, что почти половина выборки (49%) когда-либо являлись жертвами буллинга, 30% находились в буллинге в качестве агрессоров (буллеров) и 20% испытуемых никогда не попадали в ситуацию буллинга или наблюдали за ним со стороны. При этом девушки чаще, чем юноши становились жертвами буллинга (57%), а юноши – агрессорами (58%).

В отношении кибербуллинга получены следующие данные. Жертвами травли в сети становились 43% школьников, буллерами – 27%, а 23% испытуемых отнесли себя к роли наблюдателей, т.е. они были свидетелями данных ситуаций, а не их активными участниками. И, наконец, 7% школьников вообще не сталкивалась с травлей в условиях интернета. При этом интересно, что агрессорами кибербуллинга, в отличие от «обычного» буллинга, чаще становились девушки (56%). По всей видимости, агрессия женщин имеет меньше возможностей для выхода в обычной жизни, в то время как интернет-пространство подходит для этих целей лучше, обеспечивая агрессору анонимность, не требуя проявления от него физической силы и предполагая демонстрацию словесной изощренности и хитрости.

Обратимся к результатам диагностирования агрессивности участников буллинга и кибербуллинга. Сначала сравним их показатели относительно к занимаемым в ситуации травли позиция. Оказывается, что у всех участников кибербуллинга (и у агрессора, и у жертвы) по сравнению с участниками буллинга (агрессор и жертва) уровень агрессивности значимо выше. Объяснить это можно особенностями интернет-пространства, в котором разворачивается травля: возможностью оставаться анонимным, недоступным для ответной агрессии, легко скрываться и маскироваться, а также техническими особенностями, позволяющими задействовать в травле обширное количество способов и участников.

Теперь исследуем агрессивность участников буллинга в зависимости от того, являются ли они жертвами или агрессорами. Среднее арифметическое показателей агрессивности жертв буллинга соответствует низкому уровню (52,3), в то время как показатель уровня агрессивности буллеров – высокому (84,3). На основании статистической проверки с помощью подсчета критерия Стьюдента мы можем утверждать, что у буллеров уровень агрессивности достоверно выше, чем у жертв. Однако при сравнении участников кибербуллинга мы получили другие результаты – агрессивность жертв (среднее значение – 78,3) значимо не отличается от агрессивности агрессоров (среднее значение – 89,8). Таким образом, травля в сети предполагает меньшие различия между ролями жертвы и агрессора, жертва обладает не меньшей агрессивностью и, можно предположить, что при определенных обстоятельствах займет его место.

Итак, участники кибербуллинга проявляют более высокий уровень агрессивности, что подтверждает необходимость обращения особого внимания на взаимодействие молодежи в интернете.

Литература

1. *Бутенко В.Н., Сидоренко О.А.* Буллинг в школьной образовательной среде: опыт исследования психологических особенностей «Обидчиков» и «Жертв» // Вестник КГПУ имени В. П. Астафьева. 2015. № 3.
2. *Черкасенко О.С.* Кибербуллинг как проявление агрессивной коммуникации среди подростков в условиях социальных сетей // Научные публикации. 2016. № 3.
3. *Kowalski R.M.* Cyber bullying: Recognizing and treating victim and aggressor // Psychiatric Times. 2008. N. 25.

Особенности эмоционального интеллекта и жизнеспособности в юношеском возрасте и молодости

Малова Г.А., Толстых Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Galinalovalova.art@gmail.com, nnvt@list.ru

В современном российском обществе прослеживаются системные кризисы, охватывающие различные сферы социальной, экономической, культурной и духовной жизни. Возрастающая напряженность и нестабильность делает особенно актуальным изучение вопросов регуляции эмоционального состояния и устойчивости личности к преодолению невзгод, умения ориентироваться в социальной среде, а также во внутреннем мире.

Исследование эмоционального интеллекта и жизнеспособности имеет особую значимость для юношеского возраста и молодости. В этих возрастных периодах молодые люди активно развиваются в профессиональных и социальных сферах, вступают в близкие отношения и создают семьи. Высокий уровень эмоционального интеллекта способствует развитию навыков адаптации и ориентации в

жизни, социальной компетенции, построению доверительных отношений и наличию эмоциональной поддержки.

Целью исследования является изучение жизнеспособности и эмоционального интеллекта в юности и молодости.

В исследовании приняли участие 64 человека: в первой группе 34 человека (молодые мужчины и женщины в возрасте от 24 до 30 лет), во второй группе 30 человек (юноши и девушки в возрасте от 17 до 21 лет). Исследование проводилось онлайн с помощью «Google Forms». Использовались методики: «Жизнеспособность личности» (А.А. Нестерова) [3], опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» (Д.В. Люсин) [2], опросник «Проактивный копинг» (Е.П. Белинская) [1]. Статистическая обработка осуществлялась с использованием U-критерия Манна-Уитни и коэффициента корреляции Пирсона.

Предполагалось выявить различия между возрастными группами в показателях проактивного копинга, эмоционального интеллекта и жизнеспособности, а также охарактеризовать специфику взаимосвязи между компонентами этих конструкторов.

В ходе анализа результатов установлено следующее.

1) Существуют статистически значимые различия между возрастными группами в понимании и управлении своими эмоциями (внутриличностный ЭИ) и в понимании своих и чужих эмоций. Высокие показатели в молодости выявлены у 41% респондентов, в юношеском возрасте у 20%, средние показатели в молодости – 44%, в юности – 10%, низкие показатели у молодежи – 15%, в юношеском возрасте достигают 67%. Данные показатели могут говорить о том, что эмоциональный интеллект повышается с приобретением жизненного опыта.

2) Существуют статистически значимые различия между возрастными группами в компонентах, направленных на взаимодействие с другими людьми: «Социальная компетентность и поддержка» и «Поиск эмоциональной поддержки»: социальная компетентность и поддержка имеет более высокие показатели у молодежи (41% на высоком уровне) и только 10% – в юношеском возрасте; в то время, как в поиске эмоциональной поддержки в группе респондентов юношеского возраста высоких показателей достигают 43%, а у молодых людей высокие показатели отсутствуют. Это свидетельствует о том, что в юношеском возрасте люди ориентированы на регуляцию своего эмоционального состояния посредством коммуникации с другими людьми, а в молодости более

проявлена способность взаимодействия с другими и социальная компетентность. Данные компоненты имеют статистики значимые взаимосвязи со всеми шкалами ЭИ.

3) Существуют статистически значимые различия между возрастными группами в показателях «Проактивного копинга». Высокие показатели в молодости выявлены у 56% респондентов, в юности – у 20%, показатели на среднем уровне в молодости – 44%, в юношеском возрасте – 30%, в молодости отсутствуют показатели на низком уровне, в юности они встречаются у 50% респондентов. Это позволяет говорить о сложности восприятия трудных ситуаций как позитивного опыта для успешного решения у представителей юношеской группы. Данные компоненты имеют статистики значимые взаимосвязи со всеми шкалами ЭИ.

Литература

1. *Белинская Е.П., Вечерин А.В., Агадуллина Е.Р.* Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2018. Том 7. № 3. С. 192–211. doi: 10.17759/psycljn.2018070312
2. *Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭИИ // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
3. *Нестерова А.А.* Разработка и валидизация методики «Жизнеспособность личности» // Психологический журнал. 2017. Том 38. № 4. с. 93–108

Маринова Т.Ю. Игровая компьютерная зависимость и социальное благополучие подростков

Маринова Т.Ю.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
marinovatu@mgppu.ru*

Воздействие интернета на человека, его психику, здоровье – явление относительно новое и малоизученное. Представить жизнь современного человека любого возраста без интернета невозможно, он затрагивает абсолютно все сферы жизни: от различных платежей, до

учебы, сферы медицинской помощи. Не утихают споры о том, что такое интернет-зависимость и есть ли она вообще, а если есть то, что считать зависимостью, а что – нет [1; 3]. Очень много предстоит еще сделать исследователям по изучению проблемы «компьютер-психика», очень много нового предстоит узнать человечеству о плавании в глобальном океане по имени Интернет. Но одно понятно точно – игровая зависимость прочно обосновалась в интернете, а зависимые игроки становятся все моложе.

Причин возникновения подобного рода зависимости у подростков много, одна из них – это возможность самому смоделировать виртуальную реальность, в которой отсутствуют проблемы, нет родителей и сверстников, оценок и домашнего задания [2]. Кажется, что компьютерные игры являются чем-то вроде терапевтического метода, и идеально подходят для снятия стрессов и уменьшение тяжести депрессивных состояний. К сожалению, практика показывает, что это далеко не так. Зависимые от интернет-игр дети, как правило почти не уделяют внимание близким, словно алкоголики, скрывающие свое пристрастие, подростки начинают врать о количестве времени, проведенного за игрой. При этом любые попытки родителей как-то воздействовать, приводят к обратному эффекту, когда ребенок озлобляется и уходит в защиту от попыток ограничения его свободы пользования интернетом.

Сравнивая физический вред от традиционных зависимостей для организма, физические последствия от злоупотребления компьютером не проявляются сразу, риск для здоровья, на первый взгляд, не так велик, но тем не менее, при неконтролируемом использовании компьютерных ресурсов, становится очень ощутимым и видимым со временем [2; 4; 5; 6]. Если над подростком отсутствует контроль со стороны родителей, он начинает засиживаться в Интернет ночами, почти до утра, что приводит к хронической усталости и ослаблению иммунитета. Соответственно, повышаются риски появления многих заболеваний. Кроме того, недостаточное освещение часто приводит к проблемам со зрением, а постоянное сидячее положение тела — к проблемам с позвоночником и нарушениям кровоснабжения различных частей тела. Следует учитывать, что все эти нарушения происходят в период наиболее интенсивного роста и формирования различных тканей ребенка, последствия могут быть плачевными.

По данным некоторых исследователей дети, играющие в сети, на самом деле, испытывают острую нехватку внимания со стороны родителей, сложности в общении или иные подобные проблемы [1; 4]. Подобная статистика говорит о том, что между детьми и их родителями часто нет даже информационного контакта. Что же говорить о благоприятной эмоциональной обстановке и взаимопонимании?

С целью установления возможной закономерности между игровой интернет-зависимостью и неблагоприятными психологическими условиями жизни подростков, нами было проведено исследование среди школьников, возраст которых составлял 11—13 лет. Для выявления подростков, страдающих компьютерной зависимостью, был проведен адаптированный под детский возраст тест Кимберли Янг, включающий в себя 3 блока вопросов, направленных на изучение как личностных особенностей ребенка, так и непосредственного отношения к компьютеру. Для изучения игровой зависимости был использован методика диагностики гейм-аддикции, предложенная Н.В. Кочетковым. Чтобы исследовать межличностные отношения ребенка в семье и с друзьями, его социальную приспособленность и адекватное видение мира, всё то, что можно назвать благополучием подростка, была проведена методика Рене Жиля.

Нам удалось выявить, что игровой компьютерной зависимостью высокой или средней степени страдают более половины испытуемых, а около 70 % из них имеют проблемы в семье, трудности в общении, проявляют не всегда адекватные реакции в жизненных ситуациях. Работа требует дальнейшего продолжения, а по результатам данного исследования, можно сделать вывод, что игровая интернет-зависимость тесно связаны с неблагополучием подростков, испытывающих трудности в общении с родными и друзьями, с нарушениями развития или иными сложностями.

Литература

1. Зарецкая О.В., Кочетков Н.В., Маринова Т.Ю. Интернет-зависимость как патология социального взаимодействия // Социальная психология в образовательном пространстве. Материалы II Всероссийской научно-практической

- конференции с международным участием. МГППУ. М., 2017. С. 120-122.
2. *Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю.* О научном наследии М.Ю. Кондратьева // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 9-22.
  3. *Маринова Т.Ю.* О восприятии телевизионной рекламы детьми и их родителями // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. № 1. С. 155-162.
  4. *Никулин С.А.* Среднестатусный младший подросток как «значимый другой» для одноклассников и педагогов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук // Моск. гор. психол.-пед. ун-т. Москва, 2011
  5. *Никулин С.А.* Основные аспекты взаимоотношений учителей со среднестатусными младшими подростками // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. №2. С. 323-326.
  6. *Пенькова В.Н., Палагина А.А.* Символическая репрезентация выборов в сознании молодежи // В сб.: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы III Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет. 2018. С. 69-73.

Ценностные ориентации молодежи в формировании пищевого поведения

Маринова Т.Ю., Кучерова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
marinovatu@mgppu.ru, liza_kucherova_2000@mail.ru

Проблема ценностных ориентаций начала интересовать зарубежных и отечественных психологов еще в 20-м столетии. От ценностных ориентаций человека зависит его поведение и отношение к конкретным жизненным ситуациям. Ценностные ориентации-совокупность ценностей человека, которые отражают его отношение к

окружающему миру, к самому себе. Они оказывают значительное влияние на жизнедеятельность человека и сферы его развития и формируются на протяжении длительного времени. Какие-то ценности со временем утрачивают свою значимость у конкретного человека, какие-то – приобретают. Формирование ценностей происходит под воздействием социального окружения, жизненных условий, влияния времени и личностного роста.

Наиболее значимым возрастным периодом для подкрепления и проявления ценностных ориентаций в жизни при выстраивании своих планов и прогнозировании будущего является молодость. Молодежь – группа людей от 18 до 30 лет. Этот период взрослости определяет формирование личности человека, в том числе его представлений об окружающем мире и самом себе, что способствует формированию собственной шкалы ценностей [2]. Человек приступает к реализации своего смысла жизни, к осуществлению своих целей. Молодость является наиболее благоприятным временем для самореализации [4; 5]. Молодежная группа считается своего рода определенной субкультурой, участники которой «отклоняются» от общепринятых культурных ценностей. Они стремятся выразить их существование для привлечения внимания и самоутверждения. Ценности молодежи находятся в непрерывном развитии и трансформации, что влияет на формирование факторов новой культуры в будущем, которые со временем воздействуют на основную массу социума. Поэтому молодость считается историческим зеркалом будущего развития. Изучение ценностных ориентаций позволит понять, что преимущественно значимым и важным является для молодых людей [1; 3].

Американским психологом М. Рокичем в середине 20 века была разработана классификация человеческих ценностей по целям и средствам, согласно которой выделены терминальные и инструментальные ценности [6].

Ценностные ориентации определяют то, что для человека является важным. То, что значимо для человека, проявляется в его поведении, в том числе пищевом. СМИ, пропаганда худых тел, влияние социума могут повлиять на ошибочное восприятие своего внешнего вида и пропорций. Ценность принятия, признания, перфекционизм подталкивает человека соответствовать стандартам, принятых в

обществе. Из-за желания выглядеть «как надо» человек изнуряет себя диетами, доводит себя до состояния, физического и ментального неблагополучия. Он следит за съеденным, считает калории, соблюдает диеты, тем самым придерживается определенного пищевого поведения.

У нас появилось предположение, что люди с определенным типом питания имеют определенную шкалу ценностных ориентаций. То есть, ценностные ориентации взаимосвязаны с формированием пищевого поведения у молодежи.

Чтобы проверить данную гипотезу, мы решили провести исследование и опросить молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет, используя голландский опросник пищевого поведения и методику М. Рокича «Ценностные ориентации» [6].

Материал, результаты и выводы исследования позволят выявить и охарактеризовать взаимосвязь между ценностными ориентациями и особенностями формирования типа пищевого поведения у молодых людей. Данные, полученные в настоящем исследовании, помогут в работе сотрудникам служб психологической помощи, реабилитационных центров, различных социальных организаций. Полученные выводы и результаты могут использоваться в процессе психологического обучения и просвещения.

Литература

1. *Гуревич П.С.* Кризис ценностных ориентаций // Культура. Общество. 2008. Вып. 5-6 (44-45).
2. *Никулин С.А.* Среднестатусный младший подросток как «значимый другой» для одноклассников и педагогов. Диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук // Моск. гор. психол.-пед. ун-т. Москва, 2011.
3. *Никулин С.А.* Основные аспекты взаимоотношений учителей со среднестатусными младшими подростками // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. №2. - С. 323-326.
4. *Романова Г.С.* К проблеме создания адаптационных программ для студентов-первокурсников // В сб.: Социально-

- психологические проблемы образования: вопросы теории и практики. Сборник научных трудов. Московский государственный психолого-педагогический университет, Факультет социальной психологии. Москва, 2004. С. 80-83.
5. *Романова Г.С.* Человековедческая компетентность руководителя / В кн.: Научно-практическая деятельность молодых ученых и студентов в рамках программы модернизации московского образования. Материалы II-ой городской научно-практической конференции молодых ученых и студентов учреждений высшего и среднего образования городского подчинения: Тезисы. Москва, 2003. С. 182-183.
  6. *Rokeach M.* The nature of human values. New York, 1973.

Принципы командообразования в образовательных организациях

Маркина Н.В., Гумницкая А.С.
ГБУ ДПО ЧИППКРО, Челябинск, Россия
nvmark@mail.ru, ledi-ann87@rambler.ru

Жизнеспособность и успех организации зависят от принятия решений, готовности и способности разрабатывать и внедрять конкурентные инновации. Важной задачей в работе руководителя является создание высоко эффективной команды. Для этого научные исследования и управленческая практика предлагают разнообразные подходы. Современные отечественные исследования в области командообразования сосредоточены как в психологических [1; 2; 4], так и в экономических науках [3].

Наш опыт управленческого консалтинга инновационной деятельности образовательных организаций позволяет выделить ряд принципов командообразования проектной команды с учетом этапов ее развития, сформулированных В. Tuckman [5].

Разносторонность в команде. Наиболее успешной командой будет та, которая включает в себя участников с разнообразным профессиональным и личностным опытом. Это обеспечивает широкий спектр взглядов на цель и возможностей по ее достижению.

Единое видение целей и планируемого результата деятельности команды. Общее понимание цели каждым участником результата является основой для объединения группы людей в команду. Цель деятельности должна быть четкой, конкретной, понятной и достижимой. Планируемый результат – должен измеряться в конкретных индикативных показателях. В процессе работы обстоятельства реализации проекта могут меняться, поэтому корректировки целевых ориентиров и индикативных показателях согласовываются с командой.

Профессиональный рост каждого участника команды для достижения целей команды. Если сотрудники работают в команде над проектом впервые, важно предварительное их обучение. Может случиться, что участник или вся команда не проявят нужных компетенций. Поэтому нужна возможность повышения своих компетенций через систему наставничества как внутри команды, так и за ее пределами.

Открытое творческое пространство для участников команды. Участники команды должны иметь возможность и готовность открыто высказывать свои идеи, обсуждать их, дополнять, модернизировать. Главное условие – отсутствие осуждения и отрицания возможности. Оно позволяет команде подходить нестандартно к задачам, порождая новые способы достижения целей, что влияет на эффективность организации.

Адекватность и прозрачность системы мотивации участников команды. Система мотивации должны учитывать особенности состава команды. Мотивация для команды, состоящей из людей с высокой заработной платой значительно отличается от мотивации команды, включающей в состав рядовых сотрудников. Следует учитывать и нематериальную составляющую мотивации. Каждый должен понимать тарифную сетку, вклад в проект каждого. Если мотивация меняется, то причины и итоги ее изменений должны быть обоснованы, донесены до команды заранее и согласованы с ней.

Официально принятые и разделяемые всеми правила и нормы работы в команде. Правила работы необходимы для быстрого налаживания эффективного взаимодействия между членами команды, для предупреждения конфликтных ситуаций, принятия решений. Обеспечивают физическую и моральную безопасность участникам.

Они формулируются в начале работы команды, но в процессе могут меняться.

Единое ценностно-смысловое поле участников команды. Участники команды должны быть близки в своих морально-этических нормах, ценностях, вкладывать похожие смыслы в деятельность. Наличие единого поля позволит избежать многих конфликтов, создаст предпосылки к формированию неформального взаимодействия.

Понимание способов реализации поставленных задач проекта. Относится и к единой стратегии достижения целей, и к тактическим шагам по ее реализации. Участникам необходимо понимать свое место в этих процессах; что от него требуется команде; и как он это может достичь.

Вовлеченность и ответственность за индивидуальный и групповой результат каждого участника команды в процесс работы. Участникам важно осознавать свое уникальное место и ответственность за командный результат. Команда поддерживает каждого, создавая возможности для обмена опытом и взаимопомощи. Ответственность создает вовлеченность в процесс, внутренний азарт и эмоциональную приверженность единой командной цели.

Единое коммуникативное пространство. Информация, касающаяся деятельности команды, должна быть доступна и понятна всем ее участникам, не зависимо от роли. При недопонимании между участниками или отсутствия конструктивной обратной связи, могут возникнуть трудности в реализации целей.

Последовательность и результативность деятельности команды. Команда работает по заранее продуманной дорожной карте, реализует ее последовательно. В нее должны быть включены периодические точки контроля, мониторинги результативности и процедуры корректировки, проводимые совместно со всеми участниками команды.

Следует отметить, что приведенные выше принципы с одной стороны являются полностью самостоятельными, а с другой – объединяясь вместе, создают единую систему, в которой формируется, развивается и действует эффективная проектная команда, направленная на решение приоритетных проблем организации.

Литература

1. *Базаров Т.Ю., Дикусарова А.Р.* Влияние стилей реагирования на изменения фасилитатора и эффективность командной работы в виртуальной среде // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2021. № 4.
2. *Баркова Ю.К., Селезнева Е.В., Синягин Ю.В.* Взаимосвязь представлений руководителей организаций о факторах эффективности управленческой команды и их ценностных ориентаций // Вестник МГОУ. 2021. № 2.
3. *Клименкова Т.А., Щедрина И.В.* Эффективное использование существующих моделей и подходов в управлении процессом командообразования // КЭ. 2018. № 3.
4. *Федорова А.В., Гофман О.О., Романенко Ю.Н.* Индивидуально-психологические детерминанты командных ролей // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 3.
5. What is the Tuckman Ladder Model? Learn 5 Stages of Team Development [Электронный ресурс] // PM Column. URL: <https://www.pmcolum.com/what-is-the-tuckman-ladder>

Особенности запоминания названия брендов при их однократном и многократном предъявлении

Матчанова К.М., Пронин Р.О.

*Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ташкенте,
Ташкент, Республика Узбекистан
kamilamatchonova@gmail.com*

Память является важным психическим процессом, который задействуется в рекламной деятельности, от которого зачастую зависит продвижение товара на рынке. На сегодняшний день маркетинг интенсивно развивается, следовательно, много проводятся исследований на эту тему. Реклама окружает нас всегда и везде: в каждом приложении, в социальных сетях, на улицах в баннерах, по телевизору и т.д. Основная задача рекламистов привлечь потенциальных клиентов. Одну и ту же рекламу повторяют много раз

в течении года с целью ознакомить большее количество потенциальных покупателей с товаром. Актуальность нашего исследования заключается в том, чтобы ответить на вопрос, действительно ли количество повторений рекламы влияет на её запоминаемость.

Целью исследования является изучение особенностей запоминания названия брендов при их однократном и многократное предъявлении.

Память – один из психических процессов, процесс запечатления, сохранения, изменения, воспроизведения, узнавания и утраты прошлого опыта, который делает возможным его использование в деятельности и/или восстановление его в сфере сознания [2, с 11].

Опираясь на теорию Дж. Джоунс (John Jones) можем объяснить понятие «бренда». Бренд для покупателей представляет особую дополнительную ценность, способную удовлетворить определенные психологические потребности и побудить к покупке [1].

Д. Трэвис рассматривал в составляющих бренда символ доверия и сниженных рисков, репутацию и набор воспоминаний. Часто исследователи определяют бренд не через потребительские характеристики самого товара, но через то, как они отражаются в сознании потребителя, какое представление и эмоциональное впечатление формируется у потенциального покупателя в отношении товара. Эмоционально окрашенные воспоминания ярче и лучше запечатлеваются в памяти человека, чем эмоционально-нейтральные воспоминания. Следовательно, те торговые марки, которые смогли выйти на уровень брендинга, лучше всего всплывают в памяти человека, когда зарабатывает спусковой механизм. Спусковыми механизмами могут быть, например, цвета, эмоционально окрашенные события, песни и т.д. Можно рассмотреть те случаи, когда предъявляются триггеры торговых марок, то с ними ассоциативно механически вспоминаются сами торговые марки. Также бывает обратное – воспоминание товара либо визуальный просмотр товара напоминает по ассоциативной связи об эпизодах, оказавших эмоциональное воздействие.

Для выявления этих механизмов было проведено экспериментальное исследование. Данные теоретического основания поспособствовали созданию стимульного материала экспериментального исследования, который состоит из прочитывания

трех серий слов: 15 обычных слов, 15 названий малоизвестных торговых марок и 15 названий брендов. В создании эксперимента участвовали 100 респондентов в возрасте от 17 до 28 лет, прошедших опросник для выявления малоизвестных торговых марок и брендов.

В самом эксперименте участвовали 126 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет. Они разделились на 3 группы: первой группе зачитывались 3 серии слов 1 раз с паузами между каждой серией и возможностью воспроизвести запомнившиеся слова, второй группе – 2 раза, третьей группе – 3 раза.

В результате эксперимента можно заключить, что во всех трех сериях наивысший средний ранг имеет трехкратное повторение. Делая вывод можно сказать, что с 3 предъявлениями испытуемые запоминают материал лучше всего.

Данные результаты по тесту Вилкоксона говорят нам, что во всех сериях по количеству предъявлений есть значимые различия между сериями с обычными словами и названиями брендов, малоизвестными торговыми марками и названиями брендов.

Исходя из этого можем прийти к такому выводу, что названия брендов были воспроизведены лучше названий малоизвестных торговых марок и обычных слов, т.к. они носят в себе эмоциональную окраску. А малоизвестные товары не упрочнились в памяти из-за отсутствия смыслового содержания и эмоционального переживания для покупателей.

Если опираться на теорию Д. Нормана и Н. Во в 1965 году, можно увидеть, что кратковременная память, имея очень небольшой объем и время хранения, требует для поддержания в ней информации постоянного её повторения. Это обеспечит более качественную запоминаемость и, соответственно, хорошую воспроизводимость. Следовательно, количество повторений слов увеличивает их запоминаемость. В результате мы можем прийти к такому заключению, что большее количество предъявлений торговых марок влияет на их лучшую запоминаемость.

Выводы, которые можно сделать исходя из исследования.

1. В ходе проведения исследования и по его итогам было выявлено, что названия брендов запоминаются лучше, чем названия малоизвестных торговых марок и обычных слов. Это говорит о том,

что реклама и маркетинг продвигают бренды, вследствие чего они больше узнаются людьми, а значит лучше запоминаются в памяти.

2. В процессе исследования было обнаружено, что обычные слова лучше запоминаются, чем названия малоизвестных торговых марок. Исходя из этого можно сделать вывод, что незнакомые слова хуже сохраняются в памяти, чем обыденные слова.

3. Было выявлено, что на запоминаемость больше влияет смысловой значение и эмоциональная окраска слов, нежели количество предъявлений.

4. По итогам интерпретации мы можем заключить, что чем большее количество раз предъявляется слова, тем лучше они откладываются в памяти.

5. Запоминаемость рекламы непосредственно воздействует на количество продаж. Следовательно, те торговые категории, которые большее количество раз воспроизводились у респондентов, имеют высокий спрос на рынке.

Литература

1. *Джоунс Д.Ф.* Роль рекламы в создании сильных брендов. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005, 496 с.
2. *Нуркова В.В.* Общая психология. Под ред. Б.С. Братуся. / Том 3: Память /. М., 2006. 320, с 11.

Факторы удовлетворенности студентов дистанционным обучением в контексте социализации личности

Мельникова О.Т., Нестерова Е.М.
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия
melnikova-o@yandex.ru, nesterovaem@my.msu.ru

Социализация определяется как двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду; с другой стороны, процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет активной деятельности, активного

включения в социальную среду [1]. Социализация происходит под влиянием различных факторов, под которыми подразумеваются как целенаправленные воспитательные воздействия со стороны других людей и отдельных институтов, так и стихийные воздействия жизненных обстоятельств [3].

Исключительно важную роль в процессе социализации могут сыграть критические события в жизни общества или отдельного индивида. Под критическими событиями понимаются такие события, которые неожиданно и резко нарушают привычный процесс жизни [2]. Пандемия COVID-19, самоизоляция и вынужденный переход вузов на дистанционный формат обучения внесли существенные изменения в привычную жизнь. Сегодня стремительно развивается тренд цифровизации образования. В связи с этим, возникает потребность в организации эффективного дистанционного обучения. Принимая во внимание то, что удовлетворенность является одним из показателей эффективности образования, нами было проведено изучение факторов удовлетворенности студентов дистанционным обучением. В результате исследования были выявлены на качественном уровне и подтверждены на количественном уровне социально-психологические факторы удовлетворенности студентов дистанционным образованием [4]:

1) фактор условий и возможностей дистанционного образования, раскрывающий особенности учебной деятельности в социальной среде онлайн-обучения (доступность обучения вне зависимости от местоположения студента, вовлеченность, совместное времяпрепровождение с близкими людьми и т.д.);

2) фактор наличия непосредственного межличностного взаимодействия, отражающий особенности межличностного общения в период онлайн-обучения как внутри студенческого сообщества, так и между студентами и преподавателями. Также в этом факторе раскрывается возможность расширить в процессе дистанционного обучения социальные связи за рамками образовательной ситуации.;

3) фактор эффективного использования образовательных технологий, отражающий организационные аспекты образования и сфокусированный на беспрепятственном получении информации, которая способствует формированию самосознания студента.

Принимая во внимание тот факт, что вузы являются важнейшим институтом социализации, представляется целесообразным рассмотреть феномен удовлетворенности обучением в контексте социализации личности. Рассматривая выделенные факторы, можно отметить возможность их соотнесения со сферами, которые Г.М. Андреева выделила как содержание процесса социализации [1]. Ниже описывается, а также иллюстрируется цитатами участников фокус-групп, которые проводились в рамках эмпирического исследования удовлетворенности студентов дистанционным образованием, каждая сфера социализации в соотнесении с факторами удовлетворенности студентов дистанционным обучением:

1) Деятельность. Освоение новых видов деятельности, при которой происходит ориентировка посредством личностных смыслов в системе связей, присутствующих в каждом виде деятельности и между ее различными видами. Продуктом такой ориентации является личностный выбор деятельности, способствующий центрированию вокруг нее и сосредоточение внимания на этой деятельности. Также, в процессе деятельности, происходит освоение личностью новых ролей и осмысление их значимости.

Цитаты участников исследования, иллюстрирующие содержание учебной деятельности как сферы социализации:

«Стало больше организованности в учебном процессе»;

«На дистанционке я нашла то, что мне нравится и я начала это развивать и интересоваться этим»;

«И я реально весной нашла себя благодаря тому, что у нас появилась возможность посидеть и поучиться дома».

2) Общение рассматривается со стороны его расширения и углубления. Расширение общения понимается как умножение контактов человека с другими людьми, а углубление общения как переход от монологического общения к диалогическому.

Цитаты участников исследования, иллюстрирующие как расширение, так и углубление общения в процессе дистанционного обучения:

«Когда дистанционка началась, оказалось, что и встречу с друзьями в будний день можностроить. И оказывается, что в мире столько всего чем заняться можно!»;

«Преподаватель начал показывать котика и потом каждый взял своего котика и тоже начал показывать! И в какой-то момент я поняла, что это действительно какое-то сближение с преподавателем»;

«Такое сближение, которое не могло возникнуть в реальной жизни в универе. И это прям помогло в отношениях с преподавателями».

3) Развитие самосознания личности как становление в человеке образа его «Я»: отделение «Я» от деятельности, интерпретация «Я», которые дают личности другие люди.

Цитаты участников исследования, иллюстрирующие сложности с развитием самосознания в процессе дистанционного обучения:

«И ты вообще не понимаешь, что делать, не понимаешь, что преподаватель говорит. Очень сумбурная ситуация!»;

«Ты их [преподавателей] абсолютно не видишь и не понимаешь, что вообще происходит. В итоге, я так и не поняла, слышали они меня или не слышали»;

«Это просто ужасно, потому что ты не понимаешь, что происходит. Ты вроде отправляешь, а вроде не понимаешь дошло или нет. И обратную связь получаешь только перед зачетом».

Полученные результаты можно использовать в практике психологического сопровождения дистанционного обучения студентов. Так, с опорой на проведенный анализ факторов удовлетворенности студентов дистанционным образованием через призму сфер социализации, можно обеспечивать не только эффективность образования, но и способствовать успешной социализации личности в процессе онлайн-обучения. Более того, полученные результаты ставят вопрос о рассмотрении онлайн-образования как института социализации, что намечает направление дальнейшего исследования данного феномена.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2017.
2. *Журавлев А.Л.* Социальная психология: Учеб.пособие. Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2016.

3. Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А. Социальная психология: Учебное пособие. — М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2006.
4. Нестерова Е.М. Смешанные методы в исследовании социально-психологических факторов удовлетворенности студентов дистанционным образованием. Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2022.

Ценность конфликта как фактор конфликтного поведения

Мельничук А.С.

*РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия
melnichook@rambler.ru*

Конфликты являются одной из наиболее распространенных форм социального взаимодействия. Наряду с выполнением позитивных функций, они, как правило, сопровождаются достаточно выраженными негативными последствиями. В силу этого весьма актуальным является выявление факторов, обуславливающих те или иные варианты поведения в ситуациях столкновения интересов людей.

Согласно доминирующему сегодня ситуационному подходу к конфликту (Гришина Н.В. и др.), важными детерминантами конфликтного поведения выступают представления о различных аспектах соответствующей ситуации. Одновременно, важнейшим регулятором социального поведения являются ценностные ориентации. Рассматривая «пересечение» данных аспектов, в качестве одного из возможных факторов выбора способов действия в конфликте можно рассматривать обобщенное отношение к феномену конфликта и, прежде всего, его субъективную значимость. Как было показано нами более 10 лет назад, такая оценка может быть связана с предпочтениями в выборе стратегий действия в конфликте [1].

Для выявления специфики такой связи на иной выборке нами в 2021-2022 гг. было проведено исследование, в котором приняли

участие 220 студентов московских вузов (100 мужчин и 120 женщин, возраст от 18 до 25 лет при медиане в 21 год). Сбор данных осуществлялся под нашим руководством Е.В. Бугасовой. Для выявления субъективной ценности конфликта нами был разработан семантический дифференциал, включавший в себя 17 биполярных шкал, соответствующих фактору «оценка» и представленных в работах отечественных авторов (Петренко В.Ф., Панасюк А.Ю., Серкин В.П.). При опросе 220 респондентов альфа Кронбаха составила 0,942, что позволило использовать интегральный показатель, соответствующий сумме набранных баллов.

Согласно полученным данным, субъективная оценка конфликта прямо коррелировала с предпочтением стиля конкуренции ($r = 0,273$; $p = 0,00004$). При этом выбор соперничества сопровождается восприятием конфликта как «веселого» ($r = 0,345$; $p = 0,00001$), «интересного» ($r = 0,305$; $p = 0,00001$), «обаятельного» ($r = 0,294$; $p = 0,00001$), «умного» ($r = 0,248$; $p = 0,0002$) и «красивого» ($r = 0,213$; $p = 0,001$). Можно говорить о том, что ситуация конфликта в сознании склонных к конкуренции людей сопряжена с позитивными коннотациями и, соответственно, с позитивным отношением к себе как субъекту жесткого отстаиванию своих интересов

При этом была выявлена обратная связь оценки конфликта с выбором стратегий избегания ($r = -0,275$; $p = 0,00004$) и компромисса ($r = -0,182$; $p = 0,007$). Так в противоположность выбору стиля конкуренции, стремление избегать столкновения интересов прямо связано с приписыванием конфликту таких качеств, как «непривлекательный» ($r = -0,281$; $p = 0,00002$), «грустный» ($r = 0,269$; $p = 0,0001$), «плохой» ($r = 0,219$; $p = 0,001$), «безответственный» ($r = 0,216$; $p = 0,001$) и «печальный» ($r = 0,208$; $p = 0,002$). Можно предположить, что такое восприятие конфликта во многом обусловлено негативным опытом участия в нем (в частности - в эмоциональном плане)

Достаточно интересно, что предпочтение компромисса значимо коррелирует только с оценкой конфликта как «глупого» в противовес «умному» ($r = 0,190$; $p = 0,005$), что является противоположной тенденцией при выборе стратегии конкуренции. Можно предположить, что склонные к компромиссу люди считают участие в длительном противоборстве нерациональным («глупым»). Соответственно, они

оказываются открытыми для достаточно быстрого достижения договоренностей на основе частичного удовлетворения интересов при минимизации потерь.

Рассматривая конфликт как вид специфической ценности, мы проследили его связь с иными ценностными ориентациями по портретной методике Ш. Шварца. Полученные результаты оказались вполне объяснимыми. С одной стороны, позитивность отношения к конфликту логично прямо коррелировала с ценностями «власть» ($r = 0,302$; $p = 0,001$) и «стимуляция» ($r = 0,240$; $p = 0,008$). Вероятно, высокая оценка конфликта в данном случае объясняется тем, что такое взаимодействие рассматривается как значимая возможность навязать другим людям свою волю или же получить эмоциональную «встряску».

С другой стороны, была выявлена обратная связь оценки конфликта с ориентациями на ценности «конформность» ($r = -0,260$; $p = 0,004$), «универсализм» ($r = -0,237$; $p = 0,009$) и «безопасность» ($r = -0,223$; $p = 0,014$). В данном случае можно говорить о противоположной тенденции, когда в свете ориентации на конструктивное и комфортное взаимодействие с окружающими людьми и миром конфликтное взаимодействие воспринимается как явно негативный феномен, которого следует избегать.

Литература

1. Мельничук А.С. Ценностные факторы конфликтного взаимодействия государственных служащих // Акмеология, 2009, № 1. С. 74-83.

К вопросу об изучении взаимосвязи религиозности с эмоциональной устойчивостью, и склонностью к депрессии у лиц молодого возраста

*Мизаев Р.А., Чупракова Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.
mizaev1996@mail.ru, chuprakovan@mail.ru*

Актуальность нашего исследования связана с высокой распространенностью депрессии. Как показывает многоцентровое международное эпидемиологическое исследование, заболеваемость

депрессией в общей популяции составляет от 4,8 до 7,4%. Исходя из статистических данных Европейского регионального бюро ВОЗ, с учетом смешанных тревожно-депрессивных расстройств и более легких форм депрессии, цифра может возрастать до 25%. В России депрессией по различным данным страдает от 5 до 15% населения [2].

Распространенность депрессий среди молодежи варьируется от 15 до 40%, составляющая свыше 50% всей психической заболеваемости у пациентов данного возраста [1; 3].

В последние годы роль религиозности в душевном здоровье человека обсуждается всё более активно. Число верующих людей в нашей стране на сегодняшний день имеет тенденцию к увеличению, в связи с чем становятся актуальными нормы и ценности, которые преподносит нам та или иная религия.

Целью нашего исследования стало изучение взаимосвязи религиозности с эмоциональной устойчивостью, и склонностью к депрессии у лиц молодого возраста.

В исследовании приняли участие студенты МГППУ, и студенты из ряда университетов Северного Кавказа в возрасте от 18 до 28 лет. Общее количество респондентов составляло 60 человек (50% мужского пола, 50% женского пола). Согласно изучению религиозной ориентации, респонденты были разделены на две группы по 30 человек (15 мужчин, 15 женщин), одна группа представляла собой людей, которые склонны к атеистическому мировоззрению, а другая, у которых фиксировалась внутренняя религиозная ориентация (мусульмане).

По Г. Олпорту, для людей с внутренней религиозной ориентацией религия выступает как наиболее важный мотив. Другие потребности в независимости от силы их значения носят менее существенный характер, и в зависимости от возможности находятся в согласии с религиозными убеждениями и предписаниями [4; 5].

Для исследования нами были использованы следующие методики: шкала религиозной ориентации (Г.Олпорт, Д.Росс); личностный опросник Айзенка (EPI); шкала депрессии Бека.

Для установления статистически значимой взаимосвязи между исследуемыми показателями и статистически значимых различий,

были выбраны коэффициент корреляции Спирмена и U-критерий Манна-Уитни.

С помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена, мы выявили, что существует статистически значимая взаимосвязь между внутренней религиозной ориентацией и выраженностью эмоциональной устойчивости на уровне значимости 0,01, сила связи сильная $0,716 \geq 0,07$, направленность прямая – чем выше внутренняя религиозность, тем выше эмоциональная устойчивость.

Также была выявлена статистически значимая взаимосвязь между внутренней религиозной ориентацией и выраженностью депрессивных тенденций на уровне значимости 0,01, сила связи средняя $0,05 \leq 0,615 \leq 0,07$, направленность прямая – чем выше внутренняя религиозность, тем выше устойчивость к депрессивным тенденциям.

С помощью U-критерия Манна-Уитни были выявлены статически значимые различия между выраженностью эмоциональной устойчивости у лиц молодого возраста с внутренней религиозной ориентацией и атеистическим мировоззрением на уровне значимости 0,05. Эмоциональная устойчивость у лиц молодого возраста с внутренней религиозностью выше, чем с атеистическим мировоззрением.

Статистически значимые различия между выраженностью депрессивных тенденций у лиц молодого возраста с внутренней религиозной ориентацией и атеистическим мировоззрением на уровне значимости 0,01. Подверженность депрессивным тенденциям у лиц молодого возраста с внутренней религиозностью ниже, чем с атеистическим мировоззрением.

Таким образом, наше исследование показало, что существует статистически значимая взаимосвязь между внутренней религиозной ориентацией и эмоциональной устойчивостью, а также депрессивными тенденциями. Также существуют статистически значимые различия между выраженностью эмоциональной устойчивости и депрессивных тенденций у лиц молодого возраста с внутренней религиозной ориентацией и атеистическим мировоззрением.

Литература

1. *Олейчик И.В.* Эндогенные депрессии в юношеском возрасте: психопатологические особенности, типологическая дифференциация, нозологическая оценка, вопросы терапии / И.В. Олейчик // Доктор.ру. 2008. – № 4 (41). С. 64-68.
2. *Семенец А.* Депрессивная Россия [электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2016/08/18/1542239.html>.
3. *Холмогорова А.Б.* Многофакторная модель депрессивных, тревожных и соматоформных расстройств / А.Б. Холмогорова, Н.Г. Гаранян // Социальная и клиническая психиатрия. 1998. № 1. С. 94-102.
4. *Allport G.* The individual and his religion: A psychological interpretation / G. Allport. N.-Y., 1960, p. 147.
5. *Argyle M.* Seven psychological roots of religion / M. Argyle // Theology. 1964. Vol 67. № 530, p. 1-7.

К вопросу о проявлении эмоционального выгорания у сотрудников силовых структур в современном мире

Милованова А.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
milovanovaalina405@gmail.com*

В современном мире, где работники и работодатели стремятся к высокой производительности и результативности, многие исследователи обеспокоены проявлением феномена эмоционального выгорания (ЭВ). Постоянно меняющиеся условия профессиональной деятельности и темп жизни привели к тому, что эмоциональное выгорание стало проблемой представителей всех профессий, а не только занятых в сфере «человек-человек» [1].

Повседневная деятельность военнослужащих и сотрудников ОВД сопряжена с постоянными тяготами и лишениями службы: ненормированным графиком, наличием угрозы жизни и здоровью, общением с асоциальными членами общества, ограничениями по службе и др. Участие в специальной военной операции и «Covid-19»

осложнили повседневную деятельность сотрудников силовых структур, добавив новые задачи, связанные с охраной правопорядка, обеспечением общественной безопасности, защитой территориальной целостности государства. Однако существующие исследования не способны в полной мере описать особенности проявления феномена у представителей силовых структур.

Кроме того, видится необходимым сравнить особенности ЭВ у разных представителей силовых служб, поскольку перед каждой силовой службой стоят присущие только ей задачи. Например, деятельность сотрудников ОВД предполагает охрану правопорядка и обеспечение общественной безопасности. Сотрудники ОВД помогают гражданам, попавшим в беду, сохранить жизнь и здоровье, вернуть утраченное имущество, восстановить утраченные права, также их деятельность предполагает коммуникацию с преступными элементами. В свою очередь профессиональная деятельность военнослужащих связана с защитой экономических и политических интересов Российской Федерации, обеспечением безопасности как внутри страны, так и за ее пределами.

По мнению М.А. Савина, у военнослужащих в большей степени, чем у представителей других профессий, проявляются личные особенности, способствующие развитию эмоционального выгорания: повышенная эмоциональная лабильность, высокий самоконтроль, в частности проявляющийся при подавлении отрицательных эмоций, идеализация мотивов своего поведения, ригидность личностной структуры, повышенная тревога и депрессивные реакции, вызванные контролем над эмоциями и стремлением к непостижимому идеалу [2].

В рамках нашего исследования было выдвинуто предположение о том, что: 1) эмоциональное выгорание чаще диагностируется у сотрудников ОВД, чем у военнослужащих; 2) уровень нервно-психического напряжения у сотрудников ОВД выше, чем у военнослужащих.

Для сравнения двух выборок был использован следующий методический инструментарий: методика «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В.В. Бойко; методика «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач, С. Джексон; методика «Шкала нервно-психического напряжения, или опросник НПН» Т.А. Немчина. Для сравнения двух выборок использовался критерий U

Манна – Уитни.

В исследовании приняли участие 57 человек, среди которых 21 военнослужащий и 36 сотрудников ОВД в возрасте от 22 до 47 лет. Базой эмпирического исследования являлись учреждения системы МВД и вооруженных сил России, расположенные в центральном федеральном округе.

С помощью методики «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В.В. Бойко было выявлено, что показатель симптома «эмоционального дефицита» ($U_{эмп.} = 193$) и симптома «переживание травмирующих ситуаций» ($U_{эмп.} = 249$) имеет значимые различия в группах ($0,01 < p \leq 0,05$). Данные симптомы значительно чаще диагностируются у сотрудников ОВД, чем у военнослужащих.

При исследовании эмоционального выгорания были обнаружены различия в проявлении его компонентов: 1) имеются значимые различия ($0,01 < p \leq 0,05$) по уровню «деперсонализации» ($U_{эмп.} = 248$); 2) значимые различия ($0,01 < p \leq 0,05$) по «эмоциональному истощению» ($U_{эмп.} = 225$); 3) различия по уровню «редукции личных достижений» ($U_{эмп.} = 272$) имеет тенденции к значимым различиям ($0,05 < p \leq 0,1$). Перечисленные компоненты эмоционального выгорания также более характерны для сотрудников ОВД.

Исследование с помощью методики «Шкала нервно-психического напряжения, или опросник НПН» показало, что уровень НПН не зависит от выбранной службы силовых структур ($p > 0,1$ – незначимая взаимосвязь). Как у сотрудников ОВД (83% случаев), так и военнослужащих (90 %) в большинстве случаев нервно-психическое напряжение диагностировано на слабом уровне. Примечательно, что у военнослужащих не выявлено высокого уровня нервно-психического напряжения. В то время как у сотрудников ОВД также данный уровень проявляется реже других и соответствует 6% от выборки. Минимально представлен и умеренный уровень в обеих профессиях: 10% случаев у военнослужащих и 11% случаев у сотрудников ОВД.

Таким образом, имеют место различия в уровне эмоционального выгорания сотрудников силовых структур, по уровню НПН различий не выявлено.

Литература

1. *Литвинова Е.Ю., Харченко М.А., Погодина А.В.* Психологическое благополучие и эмоциональное выгорание педагогов образовательных комплексов на разных этапах инновационного процесса // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 2. С. 96-119.
2. *Савин М.А.* Проблемы изучения эмоционального выгорания у военнослужащих // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2018. №1. С. 75-78.

Взаимосвязь самоотношения и компонентов профессиональной востребованности личности

Мишина Т.А., Литвинова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
mishina_t_a@mail.ru, elen-litvinova@ya.ru

Самоотношение – сложный психологический феномен. Данное понятие характеризует процесс адаптации человека, регулирует его профессиональную деятельность и общественно значимую активность. По мнению Л.З. Жемуховой, позитивно направленное самоотношение способствует профессиональному развитию личности [5].

Говоря о взаимосвязи самоотношения и профессиональной востребованности, Р.С. Кузьмина отмечает, что устойчивая взаимосвязь самоотношения и компонентов профессиональной востребованности личности базируется на личных и профессиональных свойствах человека, обуславливая дальнейшее саморазвитие человека [2]. Связь самоотношения и профессиональной востребованности личности прослеживается в поиске своего места в жизни, в социуме и в профессиональной деятельности, а также является фактором профессионального планирования.

В ходе исследования мы сформулировали гипотезу, что существует взаимосвязь между самоотношением и профессиональной востребованностью личности.

Для проверки гипотезы был подобран следующий методический инструментарий: методика исследования самоотношения (С.Р. Пантилеев) [4], опросник профессионального самоотношения (К.В. Карпинский, А.М. Колышко) [1], опросник профессиональной востребованности личности (Е.В. Харитонова, А.Б. Ясько) [3], а также Шкала общей самооффективности (Р. Шварцер, М. Ерусалем, в адаптации В. Ромека). Для определения связи между переменными применялись критерий U Манна-Уитни и коэффициент корреляции Спирмена.

В исследовании приняли участие 76 человек в возрасте 26-50 лет (52 женщины, 24 мужчины), проходящих профессиональную переподготовку по программе «Психологическое консультирование». Сравнение в выборке производилось по гендерному и профессиональному (работающие психологами и занятые другими видами деятельности («не психологи»)) признакам.

Результаты исследования показали наличие взаимосвязи между самоотношением и компонентами профессиональной востребованности личности.

В частности, было обнаружено, что женщины реализуют свой потенциал на работе и чувствуют себя профессионально компетентными в большей степени, чем мужчины (шкалы «Удовлетворенность реализацией профессионального потенциала» $U = 388$; $p < 0,01$ и «Профессиональная компетентность» $U = 436$; $p < 0,05$). В то время, как для мужчин, в большей степени характерна связь основной активности с профессиональной деятельностью (шкала «Саморуководство» $U = 438$; $p < 0,05$) и одобрение своих планов и желаний (шкала «Самопринятие» $U = 260$; $p < 0,001$).

Выявлено также, что респонденты, работающие психологами, чувствуют себя более профессионально востребованными, чем респонденты «не психологи» (шкала «Переживание профессиональной востребованности» $U = 424$; $p < 0,05$). А уровень «Самопринятия» более высокий у респондентов «не психологов» (шкала «Самопринятие» $U = 280$; $p < 0,001$).

Только в выборке мужчин обнаружено, что при наличии у них склонности к самопринятию снижается их профессиональный авторитет ($\rho = -0,446$; $p \leq 0,05$), положительная оценка своей профессиональной деятельности и ее результатов ($\rho = -0,446$; $p \leq 0,05$). А внутренняя конфликтность снижает уровень положительного отношения к себе как профессионалу ($\rho = -0,494$; $p \leq 0,05$).

Только у женщин нежелание раскрываться повышает их уровень удовлетворенности реализацией профессионального потенциала ($\rho = 0,326$; $p \leq 0,05$), переживание своей значимости ($\rho = 0,321$; $p \leq 0,05$) и позитивного самоотношения, обусловленного значимостью их как профессионалов для близких ($\rho = 0,308$; $p \leq 0,05$).

По результатам исследования были разработаны рекомендации для участников программы профессиональной переподготовки по развитию позитивного самоотношения. В частности, было рекомендовано расширять знания и представления о себе, мотивировать себя к саморазвитию, повышать уровень собственной профессиональной компетенции и развивать профессионально значимые качества. В процессе профессиональной переподготовки важно, чтобы содержание информации, комплекс задач и упражнений, отобранные в соответствии с учебными программами, не только соответствовали будущей профессиональной деятельности, но и мотивировали людей к личностному росту. Важно, чтобы в процессе переподготовки стилизованно воспроизводились условные обстоятельства, требующие сотрудничества или активных действий.

Литература

1. *Карпинский К.В.* Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики. Монография. Гродно: ГрГУ, 2010.- 139 с.
2. *Кузьмина С.Р.* Профессиональная востребованность и профориентация современных школьников / С.Р. Кузьмина, Д.Ю. Федотова, С.В. Выставкин. — Текст: непосредственный // Юный ученый, 2022. № 5 (57).
3. *Литвиненко И.Ю., Переверза Р.В., Шаповалова Л.А.* Самоотношение: явление и понятие (теоретико-методологические изыскания). // Человек. Искусство. Вселенная. 2021. № 1. С. 30-35.

4. *Пантелеев С.Р.* Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: МГУ, 1991. 110 с.
5. *Харитонова Е.В.* Проблема профессиональной востребованности личности в современной психологии // Современные направления научных исследований: материалы II междунар. заочн. науч.-практ. конф / журнал «Мир гуманитарных наук». Екатеринбург, 2010. С. 67-71.

Психосоциальные условия благополучного самоопределения подростков, обучающихся в детской музыкальной школе

Могилевская Я.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
yanot@list.ru*

Обучение в детской музыкальной школе является не только способом развития интеллектуальной, эмоциональной сферы личности и музыкальных способностей, в целом, но и организует особые психо-социальные условия для направленного профессионального выбора в достаточно раннем возрасте. Проблема школьной тревожности и неустойчивости самооценки в связи с отношением к учебной деятельности становится особенно актуальной именно в подростковом возрасте, - в период глобальной перестройки личности. Как отмечает М.Ю. Кондратьев, на каждом этапе взросления происходит не количественное увеличение какой-то характеристики, свойственной предыдущему возрастному этапу. Напротив, происходит полная качественная перестройка комплекса характеристик возрастной стадии развития личности [1].

В иерархии мотивов и структуре личности подростков происходят серьезные изменения, зачастую резко снижается самооценка и повышается тревожность, что может привести к существенному снижению интереса к учебной деятельности не только в общеобразовательной, но и в музыкальной школе. В этой связи, Д.А. Красило обращает внимание на то, что ориентирующий образ наставника начинает занимать важную позицию в социальной ситуации развития подростка и взаимосвязан с его готовностью к

реальному самоопределению [2]. Задача педагогов, родителей и психологов в этот период - создать комфортную доверительную атмосферу, способную расположить подростка к занятиям и обеспечить выступления на зачетах/экзаменах и концертах без срывов и потери художественного смысла изучаемых произведений. Только когда усилия обучающегося в детской музыкальной школе будут положительно оценены, и он сам будет удовлетворен качеством своих публичных выступлений, только тогда он сможет получать удовольствие от обучения, что является одним из необходимых условий благополучного профессионального самоопределения в будущем и будет способствовать развитию адекватной самооценки и снижению школьной и личностной тревожности.

Целью нашего исследования было выявить связь отношения к учебной деятельности в процессе музыкально-исполнительской деятельности у подростков, обучающихся в детской музыкальной школе с уровнем выраженности тревожности и самооценкой.

Гипотезы исследования: Существует связь между отношением к учебной деятельности у учащихся детских музыкальных школ с уровнем и типом тревожности и самооценкой.

В нашей работе был проведен обзор отечественных и зарубежных психологических теорий и концепций, освещающих проблемы тревожности, самооценки и отношения к учебной деятельности (Л.И. Божович, С.Л. Рубинштейн, А.М. Прихожан) [3; 4]. Были использованы положения теории музыкально-исполнительской психологии (Л.Л. Бочкарев, А.Л. Готсдинер, В.И. Петрушин) [5].

В исследовании приняли участие 50 респондентов: 28 девочек и 22 мальчика, возраст участников 12 - 15 лет. Все респонденты проходят обучение в детских музыкальных школах Москвы. Надежность и достоверность полученных результатов обеспечены применением методов математической статистики (критерия Краскелла-Уоллиса и коэффициента корреляции Спирмена).

Нами были подобраны следующие методики исследования: шкала личностной тревожности А.М. Прихожан, методика диагностики учения и эмоционального отношения к учению в средних и старших классах школы Ч.Д. Спилбергера (в модификации А.Д. Андреевой), анкета для оценки уровня школьной мотивации Н.Г. Лускановой, модифицированная Е.И. Даниловой для учащихся среднего звена, методика диагностика самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации 556

А.М. Прихожан. Данные методики проявили эффективность в достижении цели и задач исследования. При этом респондентам предлагалось, отвечая на вопросы, связанные со школой, представлять именно ситуацию обучения в музыкальной школе.

По результатам исследования мотивации учения по методике диагностики учения и эмоционального отношения к учению в средних и старших классах школы Ч.Д. Спилбергера было выявлено, что большая часть подростков, обучающихся в детской музыкальной школе (46%) обладает 3-м уровнем учебной мотивации. Этот уровень соответствует среднему уровню мотивации. У 6% испытуемых был выявлен 5-й уровень учебной мотивации, т.е. самым низким уровнем учебной мотивации, который может свидетельствовать о чрезвычайно негативном отношении к учебной деятельности в музыкальной школе.

Ученики музыкальной школы с высоким уровнем учебной мотивации обладают завышенной самооценкой и нереалистичным уровнем притязаний, в то время как ученики со средней и низкой мотивацией обучения обладают, как реалистичной самооценкой, так и реалистичным уровнем притязаний по отношению к себе. Ученики с низкой учебной мотивацией обладают наиболее высокой межличностной тревожностью ($\chi^2 = 14,436; p = 0,001$) в сравнении с учениками с высокой и средней учебной мотивацией, что может свидетельствовать о повышенной тревожности детей с низкой учебной мотивацией при взаимодействии с людьми.

Литература

1. *Божович Л.И.*; Под ред. Фельдштейна Д.И. Проблемы формирования личности: избр. психол. труды. 3-е изд. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 349 с. (Сер. «Психологи отечества: Избранные психологические труды в 70 томах»).
2. *Бочкарев Л.Л.* Психология музыкальной деятельности. М.: Классика-XXI, 2008. 352 с.
3. *Кондратьев, М.Ю.* Подросток в замкнутом круге общения : учебное пособие / М.Ю. Кондратьев. Москва: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. 336 с.

4. *Красило Д.А.* Ориентирующий образ наставника в процессе реального самоопределения (период вхождения во взрослость). Автореф. дис. ... канд. психол. н. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2005.
5. *Прихожан А.М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 304 с.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и особенностей конфликтного поведения у студентов

Мороз К.И., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
hope420@mail.ru, social2003@mail.ru

Проблема конфликтных отношений в студенческой среде, изучения личностных и поведенческих особенностей их участников, а также факторов, влияющих на формирование и развитие сложных межличностных и межгрупповых отношений, является актуальной и недостаточно исследованной в психологии. Современный мир динамично развивается, что порождает новые особенности социального взаимодействия. В последнее время наблюдается рост конфликтности в социальной среде, в том числе, и у студентов вузов [4; 5; 6].

Существуют различные взгляды на психологическую природу конфликтов. Так, например, К. Митчелл, К. Райт придерживаются мнения, что конфликтное поведение обусловлено свойствами личности – уровнем ее притязаний, мотивами и особенностями целеполагания [6]. С точки зрения А.Н. Алексеевой, существенную роль в формировании конфликтного поведения играет самооценка конфликтантов [1]. Помимо индивидуальных особенностей личности, исследователи отмечают существенную роль социально-психологических факторов конфликтности, в частности – уровня сплоченности студенческой группы, адаптированности ее членов к условиям вузовского образования, специфики референтных

отношений с ближайшим окружением [4; 5]. Как правило, эмоциональный интеллект студентов при рассмотрении их конфликтного поведения в психологических исследованиях не учитывается.

Цель нашего исследования – выявить особенности взаимосвязи эмоционального интеллекта и склонности к конфликтному поведению у студентов вузов. Основной гипотезой исследования стало предположение о том, что выше у студентов эмоциональный интеллект, тем менее они склонны к конфликтному поведению. Учитывая результаты наших предшественников (в частности, работы О.В. Грибковой и Н.Б. Карабущенко [2; 3]), мы также предположили, что чем старше студент, тем выше у него уровень эмоционального интеллекта и ниже уровень конфликтности. Еще одна гипотеза характеризует особенности конфликтности обучающихся в связи с уровнем образования: студенты бакалавриата и специалитета обладают более низким уровнем эмоционального интеллекта и более высоким уровнем конфликтности, чем студенты магистратуры и аспиранты.

В исследовании приняли участие 104 учащихся различных вузов (МГУ имени М.В. Ломоносова, РГГУ, МФЮА, РГУ МИРЭА, МИТУ МАСИ, РГУ им. А.Н. Косыгина, МГХПА им. С.Г. Строганова, АГМУ). Из них 23 мужчины и 81 женщина. 51,9% респондентов – студенты бакалавриата, 30,8% – магистратуры, 12,5% – специалитета, а 4,8% – аспиранты. 42,3% респондентов получают высшее образование впервые, 57,7% уже имеют хотя бы одно высшее образование. Согласно возрастной периодизации, принятой на VII Всесоюзной конференции по проблемам возрастной морфологии (1965 г.), нами был классифицирован возраст респондентов как «юность» (18,3%), «молодость» (62,5%) и «зрелость» (19,2%). Согласно классификации профессий Е.А. Климова, в нашем исследовании приняли участие студенты профессий типа «человек-человек» (54,8%), «человек-техника» (18,3%), «человек-знак» (15,4%) и «человек-художественный образ» (11,5%).

Были использованы следующие методические средства эмпирического исследования: опросник «Определение уровня конфликтности индивида» (Д.М. Рамендик), тест эмоционального интеллекта (Д.В. Люсин).

С помощью критерия Краскала-Уоллиса выявлено, что существуют различия ($p = 0,000$) между студентами разного уровня образования: эмоциональный интеллект наиболее выражен у студентов магистратуры и аспирантов (средний ранг 75,14 и 74,50 соответственно), несколько меньше – у студентов специалитета (средний ранг 58,35), наименее выражен у студентов бакалавриата (средний ранг 35,64). Более высокий уровень конфликтности был выявлен у студентов бакалавриата и специалитета (средний ранг 66,54 и 54,50 соответственно), более низкий – у студентов магистратуры и аспирантуры (средний ранг 32,69 и 22,50 соответственно).

С помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена обнаружено, что чем старше респондент, тем выше его эмоциональный интеллект ($r = 0,465$) и ниже уровень конфликтности ($r = -0,358$). Различия значимы на уровне 0,000. Также с помощью данного критерия мы выявили, что чем выше эмоциональный интеллект, тем ниже уровень конфликтности ($r = -0,625$), что подтвердило основную гипотезу нашего исследования.

Таким образом, было выявлено, что чем выше у студентов эмоциональный интеллект, тем ниже уровень конфликтности. Студенты магистратуры и аспирантуры обладают высоким эмоциональным интеллектом и низким уровнем конфликтности, а студенты бакалавриата и специалитета характеризуются меньшими показателями эмоционального интеллекта и более высоким уровнем конфликтности. Также было доказано, что чем студент старше, тем ниже у него уровень конфликтности и выше эмоциональный интеллект.

Дальнейшее исследование будет направлено на более подробное изучение особенностей взаимосвязи эмоционального интеллекта и склонности к конфликтному поведению у студентов вузов.

Литература

1. *Алексеева А.Н.* Влияние самооценки на способ разрешения конфликтной ситуации: дис.... канд. психол. наук. Ленинград, 1983. 161 с.
2. *Грибкова О.Б.* Возрастные особенности уровня развития эмоционального интеллекта студентов и работающих

- взрослых // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Психология. 2014. № 1. С. 27–36.
3. *Зорина Н.Н., Карабущенко Н.Б.* Возрастные особенности эмоционального интеллекта у женщин разного возраста // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018 № 4 (216). С. 108-114.
  4. *Крушельницкая О.Б.* Особенности референтных отношений студентов как фактор учебно-профессиональной мотивации [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. Том 4. № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n1/50850 (дата обращения: 03.04.2023)
  5. *Романова Г.С.* Проблема сплоченности студенческой группы и адаптации ее членов в студенческом сообществе // В книге: Молодые ученые – московскому образованию. Материалы V городской научно-практической конференции молодых ученых и студентов учреждений высшего и среднего образования городского подчинения. Москва, 2006. С. 217-219.
  6. *Черняева Т.В.* Индивидуально-психологические детерминанты конфликтного поведения студентов вуза. Я., 2008. Индивидуально-психологические детерминанты конфликтного поведения студентов вуза: автореф. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2008. 22 с.

Инклюзивные проекты как возможность проявления социальной активности родителей детей с ОВЗ

Морозова Н.Б., Зиязетдинова А.Р.
СПбГУП, Инкл.Пр.«Движение – это жизнь»,
Санкт-Петербург, Россия
bykovan@mail.ru, inclusive.d@yandex.ru

Рождение ребенка с ОВЗ является психотравмирующим событием в семье. Как показывают исследования, такие семьи часто находятся на разной стадии принятия особенностей развития ребенка. Родитель,

отдавая все силы на реабилитацию ребенка с ОВЗ, может испытывать социальную депривацию. Часто социальная активность родителей, воспитывающих детей с ОВЗ, ограничивается учреждениями социальной помощи с узким кругом общения, что может приводить к социальной изоляции. Роль родителя часто сводится к транспортировке и сопровождению ребенка к месту реабилитации: такая ограниченность социальной активности может приводить высокому уровню тревожности, апатии у родителей [6]. В последние 20 лет в России усилилась активность инклюзивных проектов, благодаря которым дети с ОВЗ становятся более социально активными и включенными в социальную среду [3]. Но важным аспектом становится понимание, что ребенок находится в семейной системе, поэтому социализация ребенка с ОВЗ не может быть достигнута без приобщения к этому процессу его семьи и, в первую очередь, родителей. Организация процесса помощи ребенку с ОВЗ для достижения большего развивающего эффекта обязательно должна включать в себя сотрудничество родителей, ребенка и специалистов [2; 4; 6]. Известно, что от психоэмоционального состояния родителя зависит психоэмоциональное состояние, и, опосредованно, развитие ребенка. Болезнь ребенка, так или иначе, влияет на семейный микроклимат, что может отражаться на его развитии. [1; 5].

Деятельность инклюзивного танцевального проекта «Движения - это жизнь» (далее Проект), которая направлена на реабилитацию и социализацию детей и молодежи с ОВЗ посредством танцевального искусства, охватывает не только самих детей, но и родителей (75 семей на 2020-2021 год, 10 семей на 2022-2023 год). С детьми занимаются танцевальным искусством двигательной активностью, пластикой, танцевальным развитием, развитием осознанного выражения чувств.

Особое направление Проекта нацелено на взаимодействие с родителями, формирование поддерживающего комьюнити (или сообщества). Для родителей проекта проводятся поддерживающие встречи, «семейные квартирники», творческие мастер-классы. Интеграция инвалида в социум не может полноценно произойти, если родитель не отпускает своего ребенка, не ослабевает контроль над поведением ребенка. Роль проекта в этой цепочке является помощью родителям — поверить в силы собственного ребенка, увидеть его

важную роль в жизни общества. Перформанс-спектакли с участием детей, хореографов, волонтеров, приглашенных гостей, зрителей направлен на самореализацию и социализацию людей с особенностями, что способствует устранению психологических барьеров при взаимодействии с людьми с ОВЗ. Участие в проекте каждому предоставляет возможность приобрести данный опыт и знания, а также демонстрирует, что творчество служит тем самым эффективным инструментом этого взаимодействия и коммуникации. Так, родители, как активные участники проекта верят в большую самостоятельность своих детей, в людей, которые готовы принимать людей с ОВЗ.

Также для родителей проводятся психологические вебинары, где раскрывается важность своего собственного состояния, стилей воспитания, которые могут приводить к формированию беспомощности их детей. Практика показала, что родители активно участвуют в событиях проекта. Таким событием стал «Новогодний квартирник, 2023», который посетило 25 родителей. Данная форма совместного празднования Нового года явила собой современную форму взаимодействия и социальной активности родителей детей с ОВЗ. Важно, что при такой форме, родитель не был в роли зрителя, как это обычно, бывает на детских праздниках, а был полноценным участником. Такая форма взаимодействия носит поддерживающую роль для семей, которые нуждаются сами в поддержке, потому что многие люди сближаются непосредственно на камерных событиях. «Душевная» среда стимулирует родителя посмотреть на все иначе, другими глазами, посмотреть, что есть другие семьи, и они справляются.

Таким образом, инклюзивные проекты должны охватывать не только самих лиц с ОВЗ, но и их семьи, что будет способствовать усилению социальной активности родителя, стабилизировать его психоэмоциональное состояние, а значит опосредованно влиять на развитие ребенка с ОВЗ.

Литература

1. Баранов А.А., Махмутова Р.К., Шрейбер Т.В. Материнско-детское эмоциональное взаимодействие как фактор

- формирования психосоматических расстройств у детей раннего возраста // Вестник Марийского государственного университета. 2018. №1 (29). 128-134.
2. *Казакова Е.И.* Система комплексного сопровождения ребенка с ОВЗ // Психолого-педагогическое сопровождение развития ребенка: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет педагогического мастерства, 2017. С. 45–48.
  3. *Ленская Е.А.* О перспективах развития инклюзивного образования в России. // *Magister*. 2022. №4. 27-33.
  4. *Ондар Л.М., Базыр-Тараа Р.В.* Психологическая помощь родителям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2017. №4. 102-107.
  5. *Суворова О.В., Черемисова И.В., Мамонова Е.Б.* Влияние эмоционального взаимодействия матери на самоотношение старшего дошкольника // Вестник Мининского университета. 2017. №1 (18).
  6. *Ткачева В.В.* Семья ребенка с отклонениями в развитии: Диагностика и консультирование / Под научной редакцией И.Ю. Левченко. М.: Издательство «Книголюб», 2008. -144 с.

Удовлетворенность браком у супругов в разных типах брака

Московцева А.С., Красило Т.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
krasilota@mgppu.ru

Актуальность изучения проблемы удовлетворенности браком обусловлена тем, что в современном мире происходит активная трансформация института семьи и представлений о ней. Изменяется функционально-ролевая структура, представления о патриархальном устройстве семьи уже не являются доминирующими, все чаще в парах наблюдается стремление к эгалитарному партнерству, меняются не

только представления об устройстве, но и традиции супружеской жизни.

По опросу ВЦИОМ от 2018 года более 46% россиян считают, что совместное проживание и супружеские взаимоотношения возможны и без штампа в паспорте [1]. Тогда как у супругов, приобщенных к христианской традиции, официальное заключение брака сопровождается не только официальным заключением брака, но и благословением внутри самой общины, предполагает совершение таинства венчания.

Удовлетворенность браком является одним из важнейших показателей благоприятного фона внутри семьи. Согласно Е.В. Идзиковскому, удовлетворенность браком выступает как «характеристика супружеских отношений, связанная с удовлетворением основных потребностей супругов в процессе реализации различных видов совместной деятельности, возникающая на основе усвоенных социокультурных норм и разделяемых супругами семейных ценностей» [2, с. 68].

В современной психологической науке накоплен ряд материалов, характеризующих степень удовлетворенности браком, однако исследования, в которых бы рассматривались различия удовлетворенности браком у супругов с разным типом брака, немногочисленны.

Целью нашего исследования являлось выявление различий между уровнем удовлетворенности браком у супругов с разным типом брака.

Опрос семейных пар проводился среди 90 респондентов, находящихся в браке не более года, не имеющих детей. Возраст респондентов варьировался от 26 до 27 лет. Из них 15 пар находились в официально зарегистрированных отношениях, 15 пар жили в незарегистрированных отношениях и 15 пар были венчаны в браке.

Процедура исследования включала использование методики, направленной на выявление уровня удовлетворенности браком (методика «Опросник удовлетворенности браком» В.В. Столина, Т.Л. Романовой и Г.П. Бутенко).

Анализ данных показал, что менее всего удовлетворены браком супруги, зарегистрированные официально – 29,2 балла, на втором месте по степени удовлетворенности пары, живущие в гражданском браке – 32,4 балла, более всего удовлетворены совместной жизнью и

собственными взаимоотношениями, супруги, живущие в венчанном браке – 33,6 балла.

В ходе сравнительного анализа данных с помощью U-критерия Манна-Уитни были получены следующие данные.

Между подгруппой супругов, находящихся в зарегистрированном браке ($n=30$) и подгруппой пар, живущих в незарегистрированном браке ($n=30$), были выявлены статистически значимые различия по показателям удовлетворенности браком.

У пар, живущих в свободных отношениях, удовлетворенность браком значительно выше, чем у супругов, находящихся в официально зарегистрированном браке ($p = 0,05$; $U = 640,000$). Возможно, это объясняется тем, что отсутствие официального статуса делает пары более свободными в проявлении себя, где каждый из партнеров чувствует себя более активным и менее обеспокоенным социально-экономическими условиями функционирования семьи.

Также существуют достоверно значимые различия между парами, живущими в зарегистрированных отношениях ($n = 30$) и парами, прошедшими Священное Таинство брака – венчание ($n = 30$).

У венчаных пар более высокая удовлетворенность браком ($p = 0,01$; $U = 681,000$), что может свидетельствовать о том, что отношение к браку, основанное на христианской модели супружества, значимости духовных семейных ценностей располагает супругов к терпимости, компромиссам, отношению к браку как к Таинству.

Между парами, живущими в незарегистрированном браке ($n = 30$) и венчанными парами ($n = 30$) достоверно значимых различий по U-критерию Манна-Уитни выявлено не было.

Согласно полученным данным, можно сделать вывод о наличии различий в удовлетворенности браком у супругов в разных типах брака.

Вступление в официальный брак не всегда может гарантировать положительную эмоциональную оценку семейного благополучия, удовлетворенность супругов внутрисемейными взаимоотношениями. Молодые семьи часто сталкиваются с конфликтом интересов, несоответствием собственных представлений о семье с представлениями партнера, ролевым рассогласованием, различным отношением к семейным ценностям и представлениям о взаимоотношениях в семье.

Партнеры, живущие в незарегистрированном браке, возможно, чувствуют себя более свободными и раскрепощенными, в свою очередь, венчанные супруги, как правило, ориентируются на установки, обусловленные христианской традицией, предполагающей высокое ценностное отношение к институту семьи.

Литература

1. Брак и сожительство: ставим знак тождества? Опрос ВЦИОМ от 02.02.2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-i-sozhitelstvo-stavim-znak-tozhdestva>
2. *Идзиковский Е.В.* Социально-психологические детерминанты удовлетворенности браком в современной семье / Е.В. Идзиковский // International Journal of Medicine and Psychology. 2020. Т. 3. № 4. С. 68-78.

К вопросу о порождении решений социальных ситуаций и их связи с психологическими характеристиками у старших подростков

Муковнина Д.Д., Мешкова Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
dashamukovnina0501@gmail.com, nmeshkova@yandex.ru

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы изучить связь компонентов креативности с такими психологическими характеристиками, как толерантность, моральная идентичность и резильентность (устойчивость к проблемным ситуациям). Мы исходили из интеракционистского подхода, согласно которому креативное поведение является продуктом взаимодействия личностных характеристик, когнитивных стилей, намерений и ситуационных переменных – контекста и типа задачи [5]. Для нас представляет интерес связь и взаимодействие продуцирования креативных идей разной валентности (просоциальных и негативных) с

обозначенными выше характеристиками в разных социо-политических условиях [1; 2].

В нашем исследовании приняли участие 84 старших подростка (средний возраст 16,6, $MS = 1,21$; из них 49 девушек). Согласно, Д.Б. Эльконину, возраст подростков делится на два периода: младший 12-14 лет и старший 15-17 лет [3].

Использовались следующие методики: опросник моральной идентичности [4], экспресс-опросник «Индекс толерантности», «Шкала устойчивости» Коннор-Девидсона (CD-RISC-25) и кейс-задание в виде ситуации из реальной жизни, в которой респондентам предлагалось дать как можно больше оригинальных решений для просоциальной ситуации (задание: «У твоего друга есть американский приятель Джон, у которого будет день рождения. Придумай для друга как можно больше способов поздравить с днем рождения, которые до тебя никто не придумывал») для диагностики социальной креативности. Подсчет предлагаемых решений велся по количеству, оригинальности и валентности (позитивность/негативность) ответов.

Были выдвинуты следующие гипотезы: 1) существуют различия в психологических характеристиках между подростками, предлагающими просоциальные решения в социальной ситуации, и подростками, предлагающими негативные ответы, и 2) существует связь количества решений в социальной ситуации с толерантностью, моральной идентичностью и устойчивостью.

Анализ результатов диагностики социальной креативности жизни показал, что среди решений просоциальной ситуации присутствовали и негативные решения, что дало возможность разделить выборки на две подвыборки. Были проведены непараметрические сравнения выделенных подвыборок по критерию Манна-Уитни. Результаты показали, что у респондентов из подгруппы с негативными решениями выше резильентность (устойчивость) (значимость различий составила $p < 0,01$) с хорошим размером эффекта в 0,493. Таким образом, первая гипотеза получила свое подтверждение.

В выборке были выявлены следующие корреляции количества решений (т.е. беглости-параметр креативности) в социальной ситуации: значимо положительные с резильентностью и значимо отрицательные с социальной толерантностью (все корреляции

значимы на уровне $p < 0,05$, соответственно). Таким образом, мы получили подтверждение второй гипотезы.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) негативная креативность в виде порождения идей, наносящих вред в социальном взаимодействии, может сочетаться с высокой стрессоустойчивостью, способностью преуспевать перед лицом неблагоприятной обстановки;

2) социальная креативность связана с устойчивостью и способностью адаптироваться к сложным жизненным ситуациям, при этом характерно, что у обладающих высокими значениями резильентности может быть низкая социальная толерантность.

Полученные результаты еще предстоит осмыслить, но на данном этапе исследования можно предположить, что важную роль в полученных результатах может играть социально-политический контекст.

Литература

1. *Мешкова Н.В., Жаринова Ю.И., Муковнина Д.Д.* К вопросу о связи социальной креативности, моральной идентичности и толерантности // Социальная психология: вопросы теории и практики: Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12—13 мая 2022 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. С. 287—289.
2. *Мешкова и др.* О взаимосвязи видов социальной креативности с моральной идентичностью и толерантностью // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 159—178
3. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. Москва: Педагогика, 1989.
4. *Aquino K.F., Reed A.* The Self-importance of Moral Identity // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 83(6). P. 1423—1440.

5. *Kapoor H., Khan A. Creativity in Context: Presses and Task Effects in Negative Creativity // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. Advance online publication. 2018. June 7.*

К вопросу о различиях в психологических характеристиках сотрудников военных организаций

Нагаев М.М.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
sever26nn@gmail.com*

Военные события на Украине, в Сирии и других государствах вновь со всей очевидностью показали, что решающим условием обеспечения безопасности государства, боеспособности его вооруженных сил является высокий боевой дух воинов. Знаменитая формула Наполеона «На войне моральная сила относится к физической, как три к одному» действует с беспощадной неотвратимостью [1, с.7].

Вместе с тем, следует отметить, что современный этап развития военных действий смещает акцент с физической войны на психологическую, где воздействие идет и на психику и когнитивную сферу воина. Так называемая «гибридная» война в данный момент идет на Украине. Скорость изменения внешней обстановки, сложные и невидимые связи взаимодействия как внутри своего коллектива, так и внутри коллектива противника требуют от воинов высокой степени адаптивности [2, с. 10]. В этой связи от военнослужащих, помимо знания, умения и навыков профессиональной деятельности, требуются определенные психологические качества личности. На основе анализа научной литературы нами в качестве наиболее важных для воина психологических качеств личности были выделены такие как стрессоустойчивость, ценностные ориентации и жизнестойкость.

Изучение данных психологических характеристик проводили многие ученые. Разработку психологии стресса начали в середине XX века Г. Селье и У.Б. Кеннон. В нашей стране развитием психологии стресса занимались Л.А. Китаев-Смык, Г.Н. Кассиль, М.Н. Русалова, Ю.Л. Александровский, К.И. Погодаев, Е.В. Снедков и др. Изучением

ценностных ориентаций занимались Б.Г. Ананьев, Ф.Е. Василюк, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, И.В. Дубровина, А.В. Петровский, Н.Ф. Наумова, Г.П. Выжлецов и др. Термин жизнестойкости был введен в конце XX века С. Мадди и С. Кобейсом. В отечественной психологии его разработкой занимались Д.А. Леонтьев, Л.А. Александрова, М.В. Логинова, Е.А. Байер и др.

Л.А. Китаев-Смык отмечает, что «проблема адаптации человека к критическим факторам среды привлекает интерес современной науки, так как в последнее время выросло количество стресса» [3, с. 2]. Это было актуально в конце XX века, актуально и в настоящее время. На текущий момент Минобороны России, МЧС России имеет в своем составе службы и управления психологической работы, которые наряду с зарубежными психологами занимаются проблемами «живучести» война на поле боя, изучая его психологические и когнитивные способности, большое внимание уделяя подготовке сотрудника к предстоящим действиям, связанным с риском для жизни.

Анализ психологической и научной литературы позволяет сделать вывод, что изучение психологических характеристик сотрудников военных организаций является важным, но в то же время до конца не изученным направлением в отечественной психологии, в отличие от зарубежной психологии. Следует отметить, что:

- развитая жизнестойкость сотрудника влияет не только на его живучесть и выполнение стоящих перед ним задач, но и на сплочение группы в целом, так как жизнестойкий сотрудник оказывает положительное влияние посредством личного примера реагирования на стресс-факторы, тем самым подавая другим пример, усиливая межличностные связи;

- основная нагрузка в боевых условиях ложится на психику военнослужащего, прежде всего в связи с проявлениями боевого стресса;

- сформированные ценностные ориентации, в частности мировоззрение и духовность, составляют стержень картины мира сотрудника, давая ему верную духовную опору в трудных жизненных и служебных ситуациях;

- для сотрудника военной организации (особенно той, которая ведёт боевые действия) в приоритете такие психологические качества как жизнестойкость, ценностные ориентации, стрессоустойчивость,

высокий уровень воли, быстрота реакции и умение быстро переключать свое внимание, а также физическая выносливость.

Цель нашего исследования – выявить и сравнить психологические характеристики и специфические особенности сотрудников военных организаций, проходящих военную службу в условиях, связанных с риском для жизни и в отсутствии такового.

Нами был определен следующий методический инструментарий: шкала психологического стресса PSM-25 Лемура–Тесье–Филлиона (в переводе и адаптации Н.Е. Водопьяновой); методика «Ценностные ориентации» Ш. Шварца; методика диагностики жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева).

В исследовании приняло участие 30 сотрудников специального подразделения ФСБ России (имеющие боевой опыт) и 30 сотрудников ФСО России (не имеющие боевого опыта).

Шкала психологического стресса позволила измерить уровень стресса у сотрудников двух военных организаций. Статистический анализ показал наличие статистически значимого различия в выраженности стресса у сотрудников, имеющих боевой опыт и не имеющих боевого опыта. Уровень стресса выше у сотрудников, имеющих боевой опыт. Вместе с тем, в обеих выборках обнаружен низкий уровень интегрального показателя психической напряженности, что свидетельствует о состоянии психологической адаптированности к рабочим нагрузкам и, как следствие, о высоком уровне стрессоустойчивости. Методика «Ценностные ориентации» Ш. Шварца позволила определить значимые типы ценностей для конкретной выборки. Статистический анализ показал, что по таким ценностям, как: конформность, традиции, доброта, универсализм, самостоятельность, гедонизм, достижения, власть, безопасность – нет статистически значимых различий. Статистически значимые различия отмечены по такой ценности, как стимуляция: у сотрудников, имеющих боевой опыт, значимость данной ценности выше. Мотивационная цель этого типа ценности заключается в стремлении к новизне и глубоким переживаниям. Методика диагностики жизнестойкости позволила определить уровень жизнестойкости в двух выборках. Статистический анализ показал отсутствие статистически значимых различий как по трем компонентам (вовлеченность, контроль и риск), так и в жизнестойкости в целом. Выраженность всех

трех компонентов в выборках выше среднего, что говорит о яркой выраженности жизнестойкости (и ее компонентов), препятствующей возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что сотрудники, имеющие боевой опыт, имеют большую склонность к новизне и глубоким переживаниям. Это важно для поддержания необходимого уровня активности, что детерминировано выбранной ими деятельностью, связанной с риском для жизни. Также сотрудники с опытом участия в боевых операциях имеют более высокий уровень стресса, но этот уровень для них является оптимальным, так как их деятельность постоянно проходит в тех или иных стрессовых ситуациях, связанных с ведением боевых действий.

Литература

1. *Караяни А.Г.* Настольная книга военного психолога. М., 2022.
2. *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. М., 1983.
3. *McCristal St.* (General of U.S. Army) Team of team. N.Y., 2015.

Коммуникативные особенности и переживание одиночества у замужних женщин

Назарова Ш.Р., Бабаджанова Н.Р.
*Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова,
Ташкент, Республика Узбекистан
nazarovastudent99@mail.ru, n.babadjanova@mail.ru*

Межличностная коммуникация в семье издавна является предметом внимания многих психологов. Теоретический и практический интерес к данному вопросу связан с тем, что общение молодых супругов является одним из центральных проблем как в семейной психологии, так и в жизни каждого человека. В нашей стране, где культурные традиции и ценности предписывают обязательное вступление в брак и его сохранение, наблюдается кризис института брака и традиционных семейных отношений. В связи с тем,

что вне поля зрения оказываются проблемы реальных отношений в семье, психологическое состояние молодых супругов, в частности отношения к женщине, неудовлетворение ее эмоционально-психологических потребностей.

Нередко встречаются женщины, состоящие в браке, которые чувствуют себя одиночками. Результаты нашего исследования, проведенного в рамках выпускной квалификационной работы, посвященной изучению «Субъективной удовлетворённости браком и переживание одиночества у молодых женщин» показал, что 32% женщин испытывают одиночество в браке [3]. Появление чувства одиночества в супружеской жизни может быть связано с различными факторами: нарушением близости между партнерами, отсутствием интимности, заботы друг о друге, совместном времяпровождении, с несовпадением желаемого и реального образа супруга. Один из наиболее значимых факторов ощущения одиночества - это дефицит коммуникации, а именно отсутствие близкого эмоционального общения.

Семья, являясь малой социальной группой, рассматривалась и с позиции социальной психологии, соответственно к ней применимы и положения о том, что наиболее эффективно функционирующие группы возникают только при наличии удовлетворенности совместной деятельностью и эффективной коммуникации.

Эффективность функционирования семьи и ее развитие зависят от эффективного общения между супругами. Таким образом формирование межличностной коммуникации в современной семье должно быть одной из приоритетных задач молодых супругов.

Задачи межличностной коммуникации в семье включают в себя обмен информацией, согласование усилий и выполнения ролей в совместной деятельности, установление и развитие межличностных отношений, познание партнера и самопознание [2].

Межличностное общение в семье является ключевым моментом ее жизнедеятельности, определяет эффективность ее функционирования и ресурсы роста и развития, а его нарушение является одной из наиболее актуальных проблем семейного функционирования.

Рассматривая коммуникацию как необходимый элемент функционирования семьи и гармоничных супружеских отношений,

необходимо обратить внимание на личностные особенности в коммуникации, присущие тому или иному партнеру.

Однако, наряду с этим, исследования, посвященные изучению коммуникативных свойств женщин и переживание ими чувства одиночества практически отсутствуют. В связи с этим, нам необходимо изучить особенности межличностных отношений с супругом в соотношении с коммуникативными свойствами личности как фактора, усиливающего чувство переживания одиночества, и формирующего негативное отношение к нему.

С разработкой научной проблематики общения прежде всего связаны с именами Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, В.М. Мясищева, С.Л. Рубинштейна, В.В.Рыжова, которые рассматривали общение как важное условие психического развития человека, его социализации и индивидуализации, формирования личности.

В исследовании коммуникативных свойств личности принято выделять три подхода: аналитический, поликомпонентный и системный.

В рамках аналитического подхода исследовались отдельные коммуникативные свойства, в частности таких компонентов как общительности, эмпатии, уверенности в себе. Наряду с ними широко изучались и коммуникативные способности личности. Изучение коммуникативных способностей и структуры стало важным шагом поликомпонентного, в последствии и системного подхода в исследовании коммуникативных характеристик личности.

В данной работе под коммуникативными особенностями понимаются устойчивые характеристики поведения человека, проявляющиеся в межличностном взаимодействии. Сами особенности имеют психическое происхождение.

Возвращаясь к теме супружеской коммуникации, хотелось бы отметить следующее.

Коммуникация супругов является частной формой межличностного общения. Она является одним из значимых факторов, влияющих на супружескую связь и отношения в семье. Коммуникация супругов имеет интерперсональный характер, поскольку, находясь в процессе коммуникации, супруги оказывают друг на друга личностное влияние, что является важным условием процесса

самоидентификации, социализации и развития личности. Удовлетворение потребности в близких, теплых отношениях, в любви, дружеских связях, уважении, в заботе являются одними из важных функций супружеских отношений [4].

Супружеская коммуникация представляет собой вид отношений, характеризующийся особенной глубиной эмоциональной и умственной близости. Качество эмоциональной связи во многом зависит от качества коммуникации супругов, от персональных вербальных средств, от особенностей построения речи мужа и жены [5].

Один из наиболее значимых признаков дефицита близкого эмоционального общения – это ощущение одиночества. Оно представляет собой совокупность чувств и эмоций, в основе которых лежит нехватка количества и качества близких социальных связей. Депривация близких отношений с другими людьми приводит к ощущению одиночества, ненужности, «малоценности» личности, что в итоге, может перерасти в депрессию. Субъективное чувство одиночества может испытывать человек, находящийся в браке, но не ощущающий понимания и поддержки со стороны партнера. Так же чувство одиночества может ощущать партнер, потребности которого в любви и понимании не удовлетворяются по объективным или по необъективным причинам (например, человек не умеет достаточно понятно для супруга выразить свои потребности) [1]. Для практического преодоления ощущения одиночества в супружестве важна супружеская коммуникация во всех сферах: сознательной и бессознательной, телесной, психической, духовной, вербальной и невербальной.

Обобщая вышесказанное можно отметить, что коммуникация и коммуникативные особенности личности являются необходимым звеном для успешного взаимодействия индивида в обществе, в межличностном общении, в частности в контексте супружеских отношений. Отсутствие эффективной коммуникации может приводить не только к нарушению гармоничности семьи и ее дисфункциональности, но и субъективному переживанию чувства одиночества одним из партнеров.

Данные теоретические основания легли в основу исследовательской программы, в рамках выпускной магистерской

работы, которая в настоящее время выполняется под руководством кандидата психологических наук, доцента кафедры психологии Н.Р.Бабаджановой.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в работе выделением психических компонентов коммуникативных особенностей, разрабатывается методическая основа для его изучения. В работе коммуникативные особенности рассматриваются в контексте одиночества и межличностных взаимоотношений, в частности, на примере выборки города Ташкент.

Основная цель работы заключается в выявлении взаимосвязи коммуникативных особенностей и одиночества у замужних женщин в соотношении с субъективной оценкой межличностных отношений с супругом. Теоретическая и практическая значимость данной исследовательской работы состоит в том, что в результате проведенного исследования мы выделим психические компоненты коммуникативных особенностей, составим методическую основу для изучения коммуникативных особенностей, выявим связь коммуникативных особенностей с параметрами одиночества и изучим взаимосвязь субъективной оценки межличностных отношений с индивидуально психологическими особенностями женщин в браке. Полученные данные позволяют планировать дальнейшее исследование как в области диагностики, так и в области консультирования по вопросам супружеских отношений.

Литература

1. *Берг-Крос Л.* Терапия супружеских пар. М.: Институт психотерапии, 2005 г.
2. *Карабанова О.А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пос. М.: Гардарики, 2004.
3. *Назарова Ш.Р., Бабаджанова Н.Р.* Субъективная удовлетворенность браком и одиночество у молодых женщин, 2021.
4. *Станишевская Ж.* Вербальная коммуникация супругов как важная составляющая супружеского и семейного благополучия, № 4, 2017. С.11.

5. *Форманова С.* Речевой конфликт в сфере вербальной коммуникации // *Функциональная лингвистика.* № 4, 2012.

Стрессоустойчивость и жизнестойкость волонтеров в зависимости от их религиозности

Насыбуллина Э.З., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Enasybullina@inbox.ru, os_pavlova@mail.ru

В условиях глобальных перемен человек остается один на один со стрессами. Многие люди страдают от тотальной неопределенности, обилия информации, военно-политических конфликтов, опасности заражения вирусными инфекциями, природных катаклизмов и вызванными этим стрессами. И преодолевают кризисную ситуацию все по-разному: одни находят пути выхода из сложившихся обстоятельств и это дает им возможность не только преодолеть последствия разрушительного кризиса, но и толчок к развитию и самоактуализации личности, а другие теряют жизненные ориентиры и оказываются у обочины жизни.

Проводимое нами исследование ставит своей целью определить некоторые особенности психологического портрета религиозно практикующего волонтера: стрессоустойчивости и жизнестойкости, а также выявить уровень сформированности данных конструктов, увидеть зоны их развития. Религиозная вера и практики рассматриваются многими авторами как жизненный фундамент в становлении личности и доступный и естественный способ укрепления стрессоустойчивости и жизнестойкости [1; 2].

Актуальность исследования связана с недостаточной изученностью факторов стрессоустойчивости и жизнестойкости волонтеров и роли религиозности в их жизни. Работа дает возможность продолжить изучение влияния стрессоустойчивости на жизнестойкость волонтеров, а также попытаться раскрыть особенности взаимосвязи религиозности и стрессоустойчивости и жизнестойкости волонтеров,

и рекомендовать религиозные практики как доступный способ восстановления психологического равновесия.

Для проведения эмпирического исследования были использованы: опросник «Шкала мусульманской религиозности» Муссарата Джабен Хана; тест «Жизнестойкость» С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой); опросник, определяющий склонность к развитию стресса (по Т.А. Немчину и Тейлору).

В данном исследовании приняли участие 89 волонтеров Духовного Управления мусульман г. Москвы в возрасте от 15 до 60 лет (средний возраст 30 лет). Среди участников было 62 женщины от 15 до 60 лет (средний возраст 29 лет) и 27 мужчин от 18 до 45 лет (средний возраст 30 лет). Респонденты проходили онлайн-опросник с января по март 2023 года. Все опрошенные волонтеры являются религиозно практикующими.

На первом этапе исследования были рассмотрены особенности жизнестойкости и стрессоустойчивости у волонтеров с высоким и средним уровнем религиозности. Группы были разделены по результатам методики «Шкала мусульманской религиозности». Результаты статистических расчетов показали, что значимых различий в показателях общей жизнестойкости и ее шкалами и вероятностью развития стресса у двух разных выборок нет. Также было обнаружено, что независимо от уровня религиозности существует двухсторонняя обратная связь вероятности развития стресса и жизнестойкости ($p = 0,000$ в обеих группах), включая все шкалы жизнестойкости ($p = 0,000$ и $0,000$; $p = 0,000$ и $0,006$; $p = 0,011$ и $0,002$ соответственно). Это означает, что у волонтеров мусульман с высокими показателями жизнестойкости наблюдается низкий уровень подверженности стрессу.

На втором этапе исследования были рассмотрены результаты женщин и мужчин с высоким и средним уровнями религиозности. Так в результате проведения статистических расчетов было обнаружено, что у женщин с высоким уровнем религиозности вероятность развития стресса выше, чем у женщин со средним уровнем религиозности ($p = 0,001$). При этом женщины с высоким уровнем религиозности склонны к развитию стресса (27,22), тогда как женщины со средним уровнем религиозности имеют благоприятный

уровень стрессоустойчивости (18,82). Также были обнаружены значимые различия в такой шкале жизнестойкости, как принятие риска ($p = 0,043$); при этом женщины со средним уровнем религиозности в большей степени склонны идти на риски, стремятся и не боятся получать новый опыт, открыты новому (19,89), чем женщины с высоким уровнем религиозности (17,22). Также было обнаружено, что независимо от уровня религиозности у женщин выражена двухсторонняя обратная корреляционная связь между общей жизнестойкостью и вероятностью развития стресса ($p = 0,002$ и $0,014$ соответственно) и вовлеченность с вероятностью развития стресса ($p = 0,001$ и $0,025$ соответственно). Помимо этого, у женщин со средним уровнем религиозности обнаружена значимая обратная взаимосвязь принятия риска и вероятности развития стресса ($p = 0,008$).

По результатам подсчетов выявлено, что у мужчин с высоким уровнем религиозности уровень общей жизнестойкости, шкалы вовлеченность и контроль выше, чем, у мужчин со средним уровнем религиозности, а вероятность развития стресса ниже, различия значимы ($p = 0,019$, $0,007$, $0,011$ и $0,004$ соответственно). При этом стоит заметить, что у мужчин с высоким уровнем религиозности общий уровень жизнестойкости (106,5) и вовлеченность (46,5) высокие, а у второй группы входят в норму (87,45 и 36,26 соответственно), вероятность развития стресса низкая, то есть высоко религиозные мужчины более стрессоустойчивы (12,5), тогда как у мужчин со средним уровнем религиозности благоприятный уровень стрессоустойчивости (18,37). Независимо от уровня религиозности у мужчин вовлеченность имеет значимую обратную связь с вероятностью развития стресса ($p = 0,017$ и $0,001$ соответственно). Помимо этой связи у мужчин со средним уровнем религиозности были обнаружены значимые корреляционные связи между общим уровнем жизнестойкости и вероятностью развития стресса ($p = 0,002$) и между контролем и вероятностью развития стресса ($p = 0,003$).

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что существуют различия в связях жизнестойкости и ее компонентов со стрессоустойчивостью у волонтеров с разным уровнем религиозности.

Литература

1. *Двойнин А.М.* Психология верующего: Ценностно-смысловые ориентации и религиозная вера личности: монография. СПб., 2011. 224 с.
2. *Павлова О.С.* Психология: исламский дискурс: монография. М., 2020. 208 с.

Взаимосвязь тревожности и типов реагирования на ситуацию изменений у юношей и девушек

Наурузбаева Б.И.

*Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова в г.Ташкенте,
Ташкент, Республика Узбекистан
bibkim00@mail.ru*

Человек в своей жизни постоянно подвергается влиянию неблагоприятных факторов, что способствует проявлению в нем тревожности и стресса. В ситуациях повышенной критичности, неопределенности и при чрезвычайных воздействиях окружающей среды на организм, люди испытывают эмоцию тревоги, в таких моментах тревога может выполнять как адаптивную, так и дезорганизирующую психическую деятельность.

Термин «тревожность» используется для обозначения относительно устойчивых индивидуальных различий в подверженности индивида испытывать состояние тревоги. Если рассматривать тревожность в таком ключе, то она означает черту личности [4]. По большей части термин «тревога» применяется при описаниях состояния, несущего эмоционально приятный характер, которое сопровождается субъективными ощущениями напряжения и беспокойства, а с физиологической стороны – активацией автономной нервной системы. Тревожное состояние возникает в том случае, когда человек воспринимает определенный раздражитель или ситуацию как потенциально опасную, несущую в себе угрозу и вред [3].

В современности оптимальный уровень тревожности психологией рассматривается в качестве неделимой части успешной адаптации к

окружающей действительности. Что же касается повышенного уровня тревожности, она влечет дезадаптивную реакцию, которая проявляется в дезорганизации поведения, ошибками в той или иной деятельности и т. п. [2].

Человек сопротивляется не вторжению чего-то нового в его жизнь, а скорее сопровождающей это вторжение потере контроля над обстоятельствами. Получается человек, сопротивляется не переменам, а их последствиям. Исходя из этого для нас большой интерес представляло установление связи или же отсутствие этой самой связи между тревожностью и типами реагирования на ситуацию изменений у юношей и девушек. Выбор данного возрастного периода объясняется тем, что юность – это период самопознания, становление личности, нахождение себе места в обществе и определения своего поприща [1]. Другими словами возраст, когда человек полон сомнений и тревоги. Юность – это период перехода от подросткового возраста во взрослость и личность в это время сталкивается с большим количеством ситуации изменений.

Выборку составили 60 респондентов в возрасте от 18 до 23 лет, жители Республики Узбекистан, из которых 25 мужчины и 35 женщины.

Методом исследования стал метод опроса. В работе использовались шкала самооценки уровня тревожности Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина и опросник «Типы реагирования на ситуацию изменений» Т.Ю. Базарова и Е.В. Битюцкой.

Результаты проведенного исследования показали, что уровень личностной и ситуационной тревожности у юношей и девушек не имеют значимых различий. Сравнение производилось по критерию Манна-Уитни. Была выявлена связь между уровнем тревожности и типами реагирования на ситуацию изменений у юношей и девушек. Юноши и девушки в равной мере при высокой тревожности придерживаются непринятия изменения (типы «Избегание изменений», «Упреждение изменений» и «Сохранение стабильности»), а при низкой, наоборот открыты к изменениям, то есть придерживаются типов реагирования, как «Освоение изменений», «Преодоление трудностей», «Стремление к изменениям» и «Предпочтение неопределенности». Для выявления связи нами были

использованы непараметрические коэффициенты корреляций – Спирмена и Кендалла.

По итогам проделанной нами работы мы не выявили значимых гендерных различий в уровне тревожности, а также в типах реагирования на ситуацию изменений.

Литература

1. *Мухина В.С.* Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. 4-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 1999. С. 420-424.
2. *Прихожан А.М.* Психология тревожности: учеб. Пособие / А.М. Прихожан. М.: Изд-во МПСИ, 2011. С. 178.
3. *Ellis H.C., Ashbrook P.W.* Resource allocation model of the effect of depressed mood states on memory // *Affect, cognition and social behavior* / Eds. K. Fiedler, J. Forgas. Toronto: Hogrefe, 1988. P. 25–43.
4. *Freud S.* Hemmung, Symptom und Angst // *Gesammelte Werke*. 1940–1942. Bd. 14.

Онлайн-дейтинг: социально-психологический анализ

Нестерова А.А.

*ФГБОУ ВО ГУП, Москва, Россия
anesterova77@rambler.ru*

Интернет и привнесенные вместе с ним в нашу жизнь онлайн-технологии все больше изменяют укоренившиеся традиции человеческого социального поведения и общения [1]. В эпоху цифровизации мы общаемся с близкими посредством гаджетов, связываемся с коллегами с помощью электронной почты, отслеживаем местоположение ребенка по геолокации в смартфоне, через социальные сети находим старых школьных друзей, которых не видели несколько десятков лет. Посредством сети Интернет мы не только ищем работу, компаньонов по бизнесу, клиентов, помощников,

но часто доверяем сети и поиск партнеров для построения романтических отношений.

Онлайн-дейтинг (онлайн-знакомства) все более прочно входят в жизнь современных людей. По данным исследований, в настоящее время почти каждый третий человек имеет опыт знакомства онлайн, более 270 миллионов человек по всему миру пользуются приложением для онлайн знакомств (Tinder, Bumble, Badoo и др.) и около 20% людей создали семью в результате онлайн дейтинга. М. Розенфельд и Р. Томас в 2012 году провели масштабное исследование, которое показало, что Интернет постепенно вытесняет с «рынка романтических знакомств» офлайн-знакомства и становится основным посредником, участвующем в поиске партнера, вытеснив из списка сватов других посредников: друзей, членов семьи, коллег по работе, клубы знакомств [5]. Этот эффект в своей книге подробно описывает Мари Бергстром, называя его «приватизация интимности» [3].

Если ранее, онлайн-дейтинг стигматизировался и обесценивался, то сейчас к нему прибегают все большее количество людей [2]. Вокруг онлайн-знакомств существовало огромное количество стигматизирующих стереотипов и предубеждений: что онлайн-знакомства – это «акт отчаяния» не верящего в свою привлекательность человека; что онлайн-знакомства только для несерьезных людей, ищущих «отношения на один раз»; через Интернет нельзя найти партнера для длительных отношений; что онлайн-дейтинг – это развлечение для молодых и малообразованных людей и т.д. Все эти мифы были развеяны за последние 15 лет, в том числе с помощью исследований, проведенных социальными психологами по всему миру. Так, например, Б.Хоган, У. Даттон и Н.Ли, изучив совместно проживающие пары в 18 странах, обнаружили, что 15% встретили друг друга именно с помощью онлайн-дейтинга [4]. Эти же авторы в своей монографии отмечают, что к онлайн знакомству для создания отношений чаще прибегают не молодые люди (как считалось ранее), а люди старше 40 лет, имеющие высокий уровень образования и реализованные в профессии [4].

Какие же социально-психологические условия влияют на то, что современный человек все чаще прибегает к онлайн-знакомству? Перечислим некоторые из них.

1. *Защита самооценки от страха отвержения.* Доказано, что в онлайн- знакомствах люди гораздо легче справляются с отказом или игнорированием, потому что механизмы каузального атрибутирования позволяют в свою сторону интерпретировать поведение и личностные черты отвергающего [5]. Если человек не отвечает на наш запрос, значит, он занят, не заметил сообщения, нечаянно удалил контакт, кого-то уже нашел и т.п. Это позволяет оставаться в позиции, что со мной все ОК, просто не сложилось.

2. *Возможность найти «подобного себе» (эффект гомофилии).* Гомофилия – это тенденция ассоциировать себя с подобными, похожими на тебя людьми. Сервисы многих приложений для знакомств дают возможность подробно описать свой профиль, включив туда свои интересы, ценности, потребности и пр. Социально-психологический эффект сходства помогает нам найти таким образом «своего человека».

3. *Возможность фильтрации партнеров по искомым характеристикам («покупка нужных отношений»).* Онлайн-дейтинг позволяет человеку «выбрать» партнера по заданным признакам подобно как покупатель ищет какую-либо нужную вещь в магазине. Это согласуется с теорией фильтров в выборе романтического партнера Дж.Удри, согласно которой, человек в процессе выбора романтического партнера отсеивает «неподходящих» для себя. Подробно составленные профили людей на сайтах знакомств позволяют провести эту фильтрацию по таким категориям, как возможность встреч; привлекательность; социальный базис; сходство установок; комплементарность потребностей; готовность к браку.

4. *Более широкие возможности для самопрезентации.* В онлайн-дейтинге у человека больше способов приукрасить информацию о себе [1]. Согласно теории «саморасхождения Я» Эдварда Тори Хиггинса, люди все время сравнивают свое «реальное Я», «идеальное Я» и «должное Я» (каким должен быть Я в глазах Другого). Если они чувствуют расхождение между реальным Я и ожиданиями Другого – это приводит их к негативным эмоциям (страхам, беспокойствам, тревогам, стыду), а также обрушает самооценку, делая человека неуверенным, разочарованным и безынициативным в построении отношений с другими людьми. Но если появляется возможность как-то модифицировать свое Я в пользу

ожиданий другого, то человек воодушевляется надеждой понравится этому Другому. Кстати, исследования показывают, что большинство людей, активно включенный в онлайн-дейтинг, не злоупотребляют ложью и неверной подачей своего образа, так как в итоге, для построения серьезных отношений необходима будет очная встреча, где обман и мистификация могут быть разоблачены [4]. Поэтому в онлайн-презентации люди не столько обманывают, сколько приукрашивают свой образ.

5. *Эффект «онлайн растормаживания».* Онлайн общение обеднено тем, что в нем отсутствует большинство невербальных каналов информации, по которым в офлайн-общении мы передаем основную массу своих эмоций, чувств, переживаний, раскрывающих нашу личность в целом, и отношение к партнеру по общению, в частности. Дефицит невербальных паттернов коммуникации заставляет человека более активно писать текстовые сообщения, раскрываться в них, презентуя свой образ более вдумчиво и глубоко. Также социальная расторможенность проявляется в том, что люди в онлайн-общении чаще раскрываются, решаются на обсуждение интимных и даже табуированных тем [2; 6].

В онлайн-дейтинге есть и свои сложности, и ловушки, о которых сейчас тоже пишут на страницах научных журналов. Предстоит еще много интересных исследований в области изучения специфики онлайн-общения и особенностей виртуальных отношений, что позволит увидеть более точную и реалистичную картину этого вида нового социального взаимодействия.

Литература

1. *Айсина Р.М., Нестерова, А.А.* Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. №10(4). С. 42-57.
2. *Антонова Н.А., Ерицын К.Ю., Марарица Л.В.* Романтические знакомства в сети интернет: изучение феномена // Петербургский психологический журнал. 2015. № 10. С. 1—29.

3. *Bergström M.* The New Laws of Love: Online Dating and the Privatization of Intimacy. John Wiley & Sons, 2021.
4. *Hogan B., Li N., Dutton W.H.* A global shift in the social relationships of networked individuals: Meeting and dating online comes of age. Oxford Internet Institute, University of Oxford, 2011.
5. *Rosenfeld M. J., Thomas R. J.* Searching for a mate: The rise of the internet as a social intermediary // *American Sociological Review*. 2012. Vol. 77(4). P. 523–547.
6. *Suler J.* The Online Disinhibition Effect // *Cyberpsychology & behavior: the impact of the Internet, multimedia and virtual reality on behavior and society*. 2004. Vol. 7. P. 321-326.

Психологические детерминанты благополучия личности и социального дистанцирования в период пандемии Covid-19

Николаева Н.В.

*Научно-информационный центр АРТ, Санкт-Петербург, Россия
mail.nikolaeva.natalia@gmail.com*

По состоянию на начало 2023 года, более 595 миллионов человек во всем мире были инфицированы коронавирусной инфекцией [1]. Эта продолжающаяся пандемия с ее глобальными последствиями для здоровья и жизни людей сопровождается значительными нарушениями во всех сферах жизнедеятельности человека.

Среди многих социальных потрясений, вызванных карантином и социальным дистанцированием, необходимо отметить невозможность реализации основной потребности личности – потребности в принадлежности. Данное лишение привело к широко распространенным эмоциональным и психологическим нарушениям во время пандемии. Согласно данным И.В. Аникеевой, при обследовании 932 взрослых, которые самоизолировались или социально дистанцировались из-за COVID-19, было выявлено, что 36% страдали от плохого психоэмоционального состояния, что намного выше, чем 25% показателя распространенности плохого состояния во время отсутствия пандемии в нашей стране. Так же,

участники демонстрировали более сильную депрессию и более низкое субъективное благополучие. Аналогичные модели ухудшения самочувствия во время пандемии COVID-19 были зарегистрированы в других странах, включая Корею, Германию, Китай и США [1].

Несмотря на повсеместное психологическое воздействие COVID-19, некоторые люди, по-видимому, справляются с социальной депривацией более адаптивно, чем другие, и поддерживают оптимальный уровень благополучия и психического здоровья. По нашим наблюдениям, причина данного различия заключается в том, что пандемия COVID-19 могла по-разному влиять на благополучие и психологическую адаптацию экстравертов и интровертов. Например, у экстравертов после пандемии могло произойти более резкое ухудшение самочувствия, чем у интровертов, поскольку ограниченное социальное взаимодействие посредством самоизоляции и социального дистанцирования может быть более пагубным для экстравертов, чем для интровертов. На протяжении десятилетий исследования личности последовательно отмечали положительную связь между экстраверсией черт и различными показателями субъективного ощущения психологического благополучия. М. Вэй продемонстрировал, что участники, которых проинструктировали вести себя экстравертно (по сравнению с интровертом) во время группового обсуждения, испытывали более высокий уровень положительного аффекта, чем их коллеги-интроверты [2]. Исследования К. Гупта также подтвердило положительную связь между экстраверсией состояния и психологическим благополучием, показав, что применение экстравертного поведения в течение недели приводило к длительному улучшению благополучия, включая положительный аффект и удовлетворенность жизнью [3]. Хотя точная природа и психологический процесс, с помощью которого экстраверсия связана с субъективным ощущением достаточного психологического благополучия, до сих пор не ясны, кажется очевидным, что люди с высоким уровнем экстраверсии, будь то черта или состояние, демонстрируют большее благополучие, чем те, у кого низкий уровень экстраверсии.

Пандемия создала определенные проблемы для нашей повседневной жизни. Большинство стран выбрали введение правил

социального дистанцирования, чтобы уменьшить распространения COVID-19 и призвали людей оставаться дома, насколько это возможно. Некоторые люди добровольно выбирали самоизоляцию из-за страха перед новым вирусом. Данные меры дистанцирования противодействуют потребности личности в общении. Следовательно, фундаментальная потребность человека в социальных связях не удовлетворяется, и люди попадают в состояние психологического дискомфорта. Накапливаются эмпирические данные в пользу этого факта и все они сходятся в предположении, что отсутствие социальных контактов и принадлежности к обществу привело к значительному ухудшению самочувствия и психического здоровья во время пандемии COVID-19 [1]. Существенное сокращение социальных взаимодействий во время пандемии предполагает, что это может быть особенно сложно для экстравертов. Пандемия, похоже, создала среду, которая больше подходит для интровертов. Учитывая, что правила социального дистанцирования подобны «зеркальному отображению этого вмешательства», интроверты практикуют социальное дистанцирование на протяжении всей жизни и, таким образом, мало что меняют в своей социальной жизни во время пандемии. Маловероятно, что интроверты на самом деле чувствуют себя более счастливыми во время пандемии, чем до нее, поскольку им приходится сталкиваться с другими трудностями; однако кажется правдоподобным, что они будут меньше страдать от ограниченного социального взаимодействия, чем экстраверты [2]. В совокупности эти понятия говорят о возможности того, что во время пандемии COVID-19 самочувствие экстравертов ухудшилось в большей степени, чем у интровертов, особенно из-за ограниченных социальных контактов, социального дистанцирования и самоизоляции.

Таким образом, многоуровневый анализ показывает, что, несмотря на повсеместное психологическое воздействие COVID-19, некоторые люди справляются с коллективными ограничениями более адаптивно, чем другие, и поддерживают оптимальный уровень благополучия и психического здоровья. Что, в свою очередь, выступает предпосылками к последующим исследованиям и изучению влияния пандемии на психологическое благополучие в зависимости от изменений личности и окружающей среды.

Литература

1. *Аникеева И.В.* Корреляции симптомов тревоги, депрессии и психического благополучия, связанных с COVID-19: перекрестное исследование респондентов из Европы, Азии и России. // Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-Западного федерального округа России. 2022. № 1.
2. *Вэй М.А.* Эмпирическое исследование связи между интроверсией и психологическим воздействием косвенных изменений, связанных с COVID19. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.561609> (дата обращения: 26.03.2023).
3. *Николаева Н.В.* Исследование личности в психологии. Методики изучения направленности личности. // Практическая психология личности / Под ред. О.И. Каяшевой, Н.В. Николаевой. СПб., 2017. EDN ZOQAJF.

Перспективы исследования проявлений статусности в контексте отношений межличностной значимости у среднестатусных членов группы

Никулин С.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Nikulinsa@mgppu.ru

Сегодня различные групповые феномены, связанные с проявлениями статусных взаимоотношений, оказываются, несомненно, в фокусе социально-психологических исследований. Так, представители социальной психологии все чаще обращают фокус внимания на проявления статусности в различных сообществах, уделяя особое внимание среднестатусным членам этих сообществ и малых групп. В 2011 году было проведено исследование среднестатусных младших подростков в системе отношений

школьного класса [3; 4]. В ходе исследования было обнаружено следующее.

1. Учителя лучше определяют «полярные» статусные слои ученической группы, категория среднестатусных подростков в их представлении дифференцирована менее четко.

2. Большинство своих социометрических выборов учителя адресуют высокостатусным учащимся. Именно данная статусная категория является наиболее эмоционально привлекательной для педагогов.

3. Педагоги выделяют лидеров школьных классов, как наиболее референтных членов групп, чье мнение представляет для учителей особый интерес.

4. В классе среднестатусные учащиеся являются связующим звеном между лидерами и аутсайдерами, что способствует улучшению социально-психологического климата в ученической группе. В связи с этим внимание к категории среднестатусных учащихся открывает новые возможности для педагогической деятельности и руководства школьным коллективом.

Отдельные перспективы открывают исследования, направленные на изучение статусного поведения как устойчивого паттерна, который используют индивиды для продвижения в статусной иерархии той или иной группы. Более детальное рассмотрение поведенческих паттернов позволяет выделять стратегии статусного поведения, которые могут использоваться среднестатусными и низкостатусными членами группы для изменения своего положения в группе [2].

Рассматривая возможные перспективы исследований различных проявлений статусности, на наш взгляд, было бы логично обратить внимание на контекст отношений межличностной значимости в группе. Действительно, референтность может способствовать формированию определенных установок взаимодействия прежде всего разностатусных членов той или иной группы и реализации определенной стратегии статусного поведения, направленной на изменения положения внутри групповой иерархии.

Другим перспективным направлением исследований статусных проявлений могло бы стать изучение систем «ученик-ученик» и «учитель-ученик»; социально-психологических особенностей авторитетности. В частности, в системе «ученик-ученик» автором

профильных исследований были получены следующие выводы [1, с. 41].

1. Отношения авторитетности и соответствующая им интрагрупповая структура в учебных студенческих группах играют заметную роль в процессах группообразования и личностного развития студентов разных годов обучения, а их социально-психологическая специфика в решающей степени обусловлена уровнем социально-психологического развития контактных студенческих сообществ.

2. Внутригрупповой межличностный авторитет вне зависимости от его спецификации или степени иррадиации в учебных студенческих группах любого курса выступает в качестве крайне значимого ориентира для студентов в системе их взаимоотношений со своими сокурсниками.

3. Отношения авторитетности в учебных группах первого курса, которые могут быть охарактеризованы как сообщества «становящиеся» и при этом как просоциальные ассоциации, отличаются откровенно большим количеством авторитетных лиц, которые обладают в основном спецификационным и по преимуществу диадически выстроенным авторитетом.

Иными перспективными направлениями для исследований у среднестатусных членов группы выступают анализ взаимосвязей статусно-ролевой структуры в образовательных организациях с приемами и способами статусного продвижения и многое др.

Литература

1. *Бабанин П.А.* Социально-психологическая специфика отношений авторитетности в учебных группах современных вузовских студентов // *Социальная психология и общество.* 2015. Том 6. № 1. С. 14–44.
2. *Кочетова Т.В.* Актуальные вопросы применения опросника Д. Басса «События и факты, влияющие на статус и репутацию» в России // *Психологическая наука и образование.* 2007. Том 12. №5. С. 38–47

3. *Никулин С.А.* Среднестатусный младший подросток как «значимый другой» для одноклассников и педагогов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук Москва, 2011.
4. *Никулин С.А.* Среднестатусный младший подросток как «значимый другой» для одноклассников и педагогов: Дис. канд. психол. наук Москва, 2011.

Социально-психологические характеристики этнической идентичности турок, проживающих в России

Ничипорчук Е.С., Павлова О.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

e.nichiporchuk@gmail.com, os_pavlova@mail.ru

В ситуации изменяющихся геополитических условий и масштабных социокультурных преобразований проблемы идентичности – в частности, связанные с поиском и стремлением человека определить своё место в обществе и окружающем мире, – выходят на первый план и становятся все более актуальными [7]. Речь идет как о группах этнического большинства, проживающих в той или иной стране, так и о группах этнического меньшинства [1; 2].

Пространство современной России – многоконфессиональное и поликультурное. В условиях изменяющейся реальности социальный и культурный состав страны будет обновляться и модифицироваться.

Представленное нами исследование было проведено в начале 2022 года, однако со всей очевидностью можно отметить, что оно не теряет актуальности и в контексте изменений, произошедших в последующие месяцы в стране и мире.

Данная работа посвящена исследованию этнической идентичности представителей турецкой нации в рамках изучения форматов российско-турецких отношений и идеи интеграции в российское общество турок, мигрировавших в Россию.

Природа идентичности и психологические аспекты самоидентификации в мировой и отечественной литературе были изучена такими авторами как Э. Фромм, Д. Берри, Э. Эриксон, Т.Г. Стефаненко, В.В. Столин, В.С. Мухина и др. Исследования процессов

аккультурации, в свою очередь, описаны в работах Н.М. Лебедевой и В.В. Гриценко.

В представленной работе дан обзор содержания и форм этнической идентичности в поликультурном пространстве, описаны способы аккультурации и адаптации к новой культурной среде [3; 6], а также рассмотрены вопросы трансформации этнической идентичности в миграции на примере турок, проживающих в России [4; 5].

В исследовании приняли участие 27 представителей турецкой нации, постоянно проживающих на территории РФ: среди них 25 мужчин и 2 женщины в возрасте от 23 до 50 лет, проживающие в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Екатеринбурге и Мурманске.

В исследовании были использованы следующие методики: «Кто я?» (М. Кун); методика оценки позитивности и неопределённости этнической идентичности (А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева); опросник аккультурационных ожиданий Дж. Берри. Для обработки результатов были использованы методы качественного, частотного и корреляционного анализа с применением коэффициента корреляции Пирсона и метода описательных статистик.

При анализе результатов методики «Кто я?» были выявлены самые частые слова, используемые участниками в самоописании: «человек» (11 респондентов), «турок» (9 респондентов), «Турции» (6 респондентов), «отец» (6 респондентов), «сын» (5 респондентов).

Анализ ответов испытуемых демонстрирует следующую частоту встречаемости компонентов идентичности: социальное Я – 80 ответов (53%), рефлексивное Я – 51 ответ (34%), физическое Я и деятельное Я – по 9 ответов (по 6%), перспективное Я – 2 ответа (1%).

Полученные в результате объединенного анализа данные позволили выделить 4 группы выраженности этнической идентичности и их представленности в стратегиях аккультурации. Аккультурационная стратегия «интеграция» оказалась ярко выраженной у всех групп испытуемых. В группе с высокой позитивностью и низкой неопределенностью идентичности (10 респондентов) это выглядит логичным, однако вызывает противоречия при рассмотрении остальных групп.

Респонденты, обладающие низкой позитивностью и высокой неопределенностью (6 человек), продемонстрировали одновременно высокие баллы по показателям ассимиляции и интеграции, и низкие

по показателям сепарации и маргинализации. Участники с высокими баллами по позитивности и интеграции и низкими по неопределенности, ассимиляции, сепарации и маргинализации, вероятно, обладают способностью следовать своим ценностям, одновременно интегрируясь в принимающее сообщество.

Группа, обладающая низкими баллами по всем аккультурационным стратегиям, кроме интеграции (5 человек), дает возможность прогнозировать самоощущение респондентов как «Я не свой среди своих, поэтому все, что мне остается – стараться не выглядеть чужим среди чужих».

Последняя из описанных групп (6 человек) характеризуется высокими баллами по шкалам позитивности и неопределенности и по параметру интеграции, низкими баллами по ассимиляции и маргинализации и средним уровнем сепарации. Полученные данные можно объяснить с позиции нахождения человека в переходной точке, где он не против принадлежать к своему этносу, но где и с кем он хочет находиться – вопросы, остающиеся пока без ответа.

Полученные портреты групп могут быть использованы как социальными психологами при разработке программ адаптации, так и психологами-консультантами в частной практике для индивидуальной и групповой работы: в частности, данные могут быть использованы клиентами и послужить опорой для поиска внутренних ресурсов.

Литература

1. *Герасимова И.В.* Процессы адаптации и интеграции мигрантов как компоненты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Наука. Общество. Оборона. Москва. Т. 7. № 4. 2019. DOI: 10.24411/2311-1763-2019-10211.
2. *Головнёва Е.В.* Феномен этнического самосознания и его структура: Дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2004.
3. *Гуриева С.Д.* Аккультурация как кризис идентичности // Вестник СПбГУ. Серия 12, № 1. СПб., 2010.
4. *Гриценко В.В.* Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М., 2002.

5. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей / Под ред. Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко. М., 2009. 420 с.
6. Павлова О.С. Об этнической, религиозной и государственно-гражданской идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество. 2013. Том 4. № 2. С. 119-136.
7. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учеб. для вузов по спец. «Психология». М., 2009. 368 с.

Проблема соотношения эмоционального и социального интеллекта в психологии

Нурматова У.Ф.

*Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ташкенте
Ташкент, Республика Узбекистан
ugiloy.numatova@gmail.com*

Представленная работа посвящена анализу проблемы соотношения социального и эмоционального интеллекта в психологической литературе. Научный интерес к изучению этих видов интеллекта обусловлен тем, что социальный и эмоциональный интеллект обеспечивают эффективность социального приспособления, регулирование собственного поведения и поведения других людей, достижение высоких результатов в профессиональном росте (согласно исследованиям, социальный и эмоциональный интеллект способствуют карьерному росту) [4, с. 351].

В психологической литературе социальный интеллект представляет собой сферу возможностей индивида к пониманию самого себя, других людей, их взаимоотношения и прогнозировать межличностные события. В основу социального интеллекта включают мыслительные процессы, аффективные реакции и социальный опыт. По мнению Ю. Емельянова, социальный интеллект относится к коммуникативным навыкам, благодаря которым обеспечивается эффективное взаимодействие. Схожий взгляд на социальный интеллект можно проследить в работах А. Бодалева, рассматривающего его в качестве коммуникативной компетентности,

включающей социальную пластичность, эмпатию, культуру речи, рефлексивность и позитивное принятие другого человека [3, с. 94].

Иное понимание социального интеллекта в работах В. Куницыной, Е. Михайлова и А. Южаниновой. Авторы рассматривают социальный интеллект как совокупность интеллектуальных, личностных, коммуникативных и поведенческих качеств, обеспечивающих прогнозирование межличностных ситуаций, интерпретацию причин поведения людей и готовность к социальному взаимодействию. К тому же, согласно исследованиям В. Куницыной, социальный интеллект не связан с общим интеллектом. По этой причине высокий уровень развития интеллектуальных способностей не гарантирует эффективность в социальном взаимодействии. Подобные суждения можно заметить в работах Л.И. Анцыферовой, считающей, что люди, отличающиеся высокими достижениями в науке, на практике бывают бессильны в сфере социального взаимодействия несмотря на то, что имеют высокий уровень общего интеллекта [1, с. 109].

В работах Д. Ушакова социальный интеллект ограничивается только способностью к познанию социального взаимодействия. Согласно мнению автора, социальный интеллект формируется только в ситуациях взаимодействия людей, благодаря чему личность приобретает особый «внутренний» опыт социального общения. Именно социальный интеллект позволяет адекватно интерпретировать поведение людей в контексте конкретной ситуации взаимодействия [4, с. 351].

По мнению А. Савенкова и О.В. Луневой, эмоциональный интеллект можно рассматривать как элемент социального интеллекта, так как последний неотделим от понимания аффективного компонента поведения людей. Вместе с этим авторы считают, что социальный интеллект включает в себя два фактора: первый представлен декларативными (полученными в ходе социального научения) и опытными знаниями (сформированными в процессе взаимодействия); второй состоит из социально-когнитивной гибкости, означающей способность применять социальные знания при решении неизвестных проблем [3, с. 101].

Умение сопереживать, чувствовать «внутренний мир» человека и понимать эмоции других людей рассматривается в качестве компонента социального интеллекта Н.В. Бачмановой и Н.А.

Стафуриной. Такого же мнения придерживается О.Б. Чеснокова, считающая, что понимание своих и чужих эмоций способствует более чуткому познанию поведения людей в ситуациях социального взаимодействия [2, с. 148].

Таким образом, соотношение эмоционального и социального интеллекта в психологической литературе можно представить в следующем виде: эмоциональный интеллект является компонентом социального интеллекта; последний включает не только познание и регуляцию эмоций, но и когнитивные компоненты, позволяющие понять причины поведения людей с позиции социокультурных норм. Кроме того, социальный и эмоциональный интеллект – относительно новые понятия в психологии, которые находятся в процессе развития и уточнения. Социальный интеллект определяет уровень адекватности и успешности социального взаимодействия. Эмоциональный интеллект позволяет понимать и регулировать собственное и чужое эмоциональное состояние людей. Отличительной характеристикой и признаком личности с высоким уровнем интеллекта является достаточная социальная компетентность во всех ее аспектах.

До настоящего времени в психологии, несмотря на большое количество исследований социального и эмоционального интеллекта, большинство подходов не имеют достаточного теоретического обоснования. В основе этих подходов заключена идея о когнитивной природе социального интеллекта, наравне с общим интеллектом, помогающим «решать» задачи социального характера.

Столкнувшись с множественными проблемами при изучении социального интеллекта, исследователи все чаще уделяют внимание изучению эмоционального интеллекта. Если поведение человека в социальных ситуациях не поддается рациональному объяснению (который обеспечивается социальным интеллектом), то при познании субъект ориентируется на собственные знания и опыт, связанные с социокультурными нормами, как бы сопоставляя реально видимое с неким «эталоном». По этой причине для нас остаются непредсказуемыми и непонятными действия людей, которые выходят «за рамки» или вовсе нарушают социальные шаблоны поведения.

Это привело к тому, что внимание исследователей было переключено на аффективные компоненты взаимодействия людей. К примеру, совершение действий, не укладывающихся в установленные

социальные нормы поведения, можно детерминировать низким уровнем саморегуляции личности, в первую очередь, собственных эмоций и потребностей. Получается, социальный интеллект помогает «объяснить» социально приемлемые формы поведения, которые, ввиду социокультурных особенностей, свойственны той или иной ситуации. В свою очередь, эмоциональный интеллект описывает действия людей с точки зрения аффективной природы поведения, не связанной напрямую с социальными нормами. Если мы видим, что происходит конфликт между двумя людьми и один выражает свое недовольство достаточно агрессивно, то мы приписываем чрезмерную эмоциональность и несдержанность. Поэтому эмоциональный интеллект позволяет оценить и регулировать собственные эмоции и эмоции других людей вне контекста культурных и социальных норм. Неважны причины и следствие того или иного поведения, больший интерес вызывает «внутреннее» состояние индивида, а именно аффективная сфера.

Литература

1. *Белова С.С.* Социальный интеллект: сравнительный анализ методик измерения // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 109-119.
2. *Мачнев В.Я.* Социальный и эмоциональный интеллект: монография / В. Я. Мачнев, Е. И. Чердымова. Самара: Изд-во Самарского университета, 2022. 148 с.
3. *Савенков А.И.* Социальный интеллект как проблема психологии одаренности и творчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2005. Т.2. № 4. С. 94-101.
4. *Ушаков Д.В.* Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 351 с.

Психологические особенности прокрастинации учащихся

Огарева Е.И., Туманова В.М.

СЗИУ РАНХуГС, Москва, Россия

ogareva-ei@ranepa.ru, valeriapak228@gmail.com

Как известно, в академической среде часто успешность обучения зависит не столько от когнитивных способностей, сколько от уровня мотивации и умения организовать свою учебную деятельность. Но именно навыки самоорганизации вызывают у молодых людей наибольшие сложности. Наше исследование было посвящено анализу взаимосвязи прокрастинации, уровня тревожности и ведущей мотивации молодых людей.

В.С. Ковылин и другие авторы определяют прокрастинацию как тенденцию откладывать выполнение необходимых дел на неопределенный срок [3].

На сегодняшний день в психологической науке не существует единого и окончательного определения «прокрастинации». Однако почти все исследователи обращают внимание на два момента – наличие промедления в реализации того или иного намерения и сопутствующее ощущение психологического дискомфорта [1].

Прокрастинация соотносится с множеством психологических факторов:

- особенности когнитивной сферы (локус контроля, восприятие времени);
- особенности эмоциональной сферы (тревожность, страх неудачи, чувство вины);
- особенности поведения (несформированность навыков саморегуляции, учебных навыков, ригидность поведенческих паттернов, неорганизованность);
- биологические факторы (низкая концентрация внимания, нейротизм) [2].

Наше предположение заключалось в том, что для людей с высоким уровнем прокрастинации характерна мотивация на избегание неудач, высокий уровень личностной тревожности и низкий уровень владения навыками тайм-менеджмента.

В исследовании приняли участие 50 участников, среди них 36 девушек и 14 молодых людей, средний возраст в выборке – 21,9 лет.

В качестве диагностического инструментария были взяты: Шкала общей прокрастинации (GPS) в адаптации О.С. Виндекера и М.В. Останина; методика «Мотивация успеха и боязнь неудач» А.А. Реана; Шкала тревоги Спилбергера-Ханина в адаптации Ю.Л. Ханина и анкета, направленная на оценку навыков самоорганизации и планирования.

Анализ результатов показал, что большая часть респондентов (70 % опрошенных) демонстрирует средний уровень прокрастинации. Ведущим типом мотивации в данной группе является мотивация на достижение успеха: 51,4% респондентов данной группы демонстрируют высокие, а 25,7% повышенные показатели по шкале. Для этой группы характерен средний (16 участников, 45,7%) и высокий (37,1%) уровень ситуативной тревожности, а также средний (51,4%) и высокий (42,9%) уровень личностной тревожности. По результатам анкетирования выявлено, что участники в целом осознают свои ценности, знакомы с навыками тайм-менеджмента, но не применяют их и скорее действуют интуитивно, «чаще занимаясь тем, что беспокоит в моменте».

Для не склонных к прокрастинации респондентов (16% людей из всей выборки) также характерна мотивация достижения успеха, она выражена наиболее ярко у 87,5% испытуемых, оставшиеся 12,5% демонстрируют близкие к высокому показатели. Для этой группы также характерен средний (50% опрошенных в данной группе) и высокий уровень личностной тревожности (37,5% опрошенных), при этом четверть группы обнаруживает высокие показатели ситуативной тревожности. По результатам анкетирования выявлено, что при выполнении задач респонденты данной категории заранее просчитывают свои действия, системно выполняют задачи, знают свои цели, осознанно и планомерно движутся по направлению к ним, зачастую применяя технологии управления делами (ведут планер на неделю или составляют список того, что необходимо сделать).

Обратимся к психологическим особенностям лиц, склонных к прокрастинации (14% из всей выборки). В данной группе преобладают средние значения по шкале мотивации (57,1%), а мотивация к достижению успеха выражена у 42,9% группы. Для этой группы

характерен средняя (57,1%) и высокая (42,9%) личностная тревожность. Ситуативная тревожность выражена у 57,1% группы. Лишь 14,3% обнаруживают низкие показатели по шкале ситуативной тревожности. По результатам опроса было выяснено, что при выполнении задач респонденты данной категории долго «раскачиваются» прежде, чем начать, не владеют и не пользуются навыками тайм-менеджмента. Некоторые только записывают дела, которые необходимо сделать (без обозначения конкретных сроков). Большинство признают, что им сложно довести выполнение задачи до конца.

Применение математико-статистического анализа (коэффициент корреляции Пирсона) выявил наличие сильной отрицательной связи между показателями мотивации и прокрастинации ($R_{\text{эмп}} = -0,415, p = 0,01$). То есть чем более человек ориентирован на достижение успеха, тем, вероятно, ниже его склонность к прокрастинации. Опрос показал, что не склонные к прокрастинации респонденты осознанно подходят к выполнению задач, чаще используют навыки тайм-менеджмента, планируют свою деятельность. Отмечается наличие связи прокрастинации с личностной тревожностью ($R_{\text{эмп}} = 0,320, p = 0,05$). Вероятно, чем больше у человека выражена склонность откладывать выполнение дел, тем выше будет показатель его уровня тревожности. Мотивация достижения также положительно коррелирует с личностной тревожностью ($R_{\text{эмп}} = 0,394, p = 0,05$), то есть выраженное стремление к успеху предполагает наличие тревожности как черты личности.

Таким образом, гипотеза нашего исследования подтвердилась частично. Среди лиц, склонных к прокрастинации, не оказалось ни одного респондента с мотивацией избегания неудачи. Однако отмечена следующая связь: чем более человек ориентирован на достижение успеха, тем, вероятно, ниже его склонность к прокрастинации. Прокрастинация связана с личностной тревожностью, но значимой связи с ситуативной тревожностью не обнаружено. При этом отмечается значение навыков самоорганизации и планирования в профилактике прокрастинации. «Интуитивный» подход к ведению дел характерен для лиц с повышенной тревожностью и проблемами с откладыванием дел на потом.

Литература

1. *Барабанищикова В.В., Марусанова Г.И.* Перспективы исследования феномена прокрастинации в профессиональной деятельности // Национальный психологический журнал. 2015. №4.
2. *Баранова Р.А., Карловская Н.Н.* Взаимосвязь прокрастинации и параметров ответственности у студентов с разной академической успеваемостью // Активность и ответственность личности в контексте жизнедеятельности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск, 2008.
3. *Ковылин В.С.* Теоретические основы изучения феномена прокрастинации // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: электронный научный журнал. 2013. №2.

Жизнеспособность семей лиц с инвалидностью

Одинцова М.А., Прудникова М.Г., Кузьмина Е.И.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

mari505@mail.ru, prudnikovamg@fdomgppu.ru, kuzminaei@mgppu.ru

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00820 («Психологические ресурсы социально уязвимых групп в условиях вызовов современности (на примере лиц с инвалидностью и их семей)»).

Первым и важнейшим социальным институтом в жизни человека с инвалидностью становится семья. От ее жизнеспособности, зависит успешная интеграция людей с инвалидностью в общество, поэтому проблематика жизнеспособности семей, в которых один из ее членов является человеком с инвалидностью, привлекает внимание исследователей. Однако жизнеспособность таких семей до недавнего времени изучалась лишь косвенно в силу отсутствия надежного и валидного диагностического инструмента. Не так давно в России, была адаптирована Шкала оценки жизнеспособности семьи [1], затем

доработана с учетом рекомендаций специалистов [5], что расширило возможности для проведения исследований, в том числе, среди лиц с инвалидностью.

Наше исследование проводилось с помощью яндекс-форм. В нем приняли участие 151 взрослый в возрасте от 18 до 76 лет (23,2% мужчин). Из них 89 здоровых (средний возраст $30,1 \pm 13,7$) и 62 человека с инвалидностью (средний возраст $29,5 \pm 12,8$). Были использованы методики: 1) социо-биографическая анкета (наличие инвалидности, пол, возраст, супружеский статус, наличие детей); 2) опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» [3]; 3) Шкала жизнеспособности семьи [5]; 4) опросник «Опыт близких отношений» [4].

Группы (здоровые и люди с инвалидностью) не различались по возрасту ($p = 0,764$); полу ($p = 0,202$), наличию в семьях детей ($p = 0,238$); в обозначении типов трудных жизненных ситуаций в их семьях ($p = 0,154$). Но различались по супружескому статусу ($p = 0,022$). Среди лиц с инвалидностью более половины (54,8%) свободны, в браке 17,7%, в незарегистрированном браке 1,6%, в отношениях 8,1%, в разводе 14,5%. Среди здоровых 38,2% свободны, 29,2% – в браке; в незарегистрированном браке 5,6%; в отношениях 20,2%, в разводе 5,6%. Как видим, взрослым людям с инвалидностью крайне сложно найти партнера, выстроить отношения и создать свою семью. Если семьи создаются, то процент разводов в таких семьях достаточно высок. Схожие данные были получены в исследовании [2].

Группы здоровых и лиц с инвалидностью значимо различаются по таким характеристикам жизнеспособности семьи как: семейная коммуникация и связность (ср. знач. для здоровых $58,5 \pm 12,9$; для лиц с инвалидностью $53,3 \pm 14,2$) ($p = 0,023$); позитивный прогноз и решение проблем (ср. знач. для здоровых $31,5 \pm 5,9$; для лиц с инвалидностью $29,2 \pm 6,8$) ($p = 0,024$); духовность семьи (ср. знач. для здоровых $25,3 \pm 5,8$; для лиц с инвалидностью $23,3 \pm 6,3$) ($p = 0,054$), по общему уровню жизнеспособности семьи (ср. знач. для здоровых $157,0 \pm 29,6$; для лиц с инвалидностью $145,6 \pm 33,5$) ($p = 0,030$). В характеристиках тревожности и избегания в опыте близких отношений, а также в характеристиках родительских эмоциональных семейных коммуникаций, различий между здоровыми и людьми с

инвалидностью не обнаружено ($p > 0,05$). Полученные данные частично согласуются с исследованием [2], что связано с более зрелым возрастом нашей выборки.

Анализ взаимосвязей показателей жизнеспособности семьи, семейных эмоциональных коммуникаций в родительских семьях и характеристик близких отношений показал вполне закономерные и предсказуемые отрицательные связи тревожности, избегания близких отношений, критики, сдержанности в проявлениях эмоций в родительской семье со всеми характеристиками жизнеспособности семьи здоровых респондентов. При тревожности и избегании в выстраивании близких отношений, при эмоциональных коммуникациях в родительских семьях, заключающихся в критичности по отношению к ребенку, в запретах на выражение эмоций, происходит существенное снижение жизнеспособности семей здоровых. Эти же характеристики способствуют снижению жизнеспособности семей и лиц с инвалидностью. Наряду с этим, у лиц с инвалидностью обнаружены отрицательные связи жизнеспособности семьи и такого параметра семейных эмоциональных коммуникаций как «сверхвключенность». Склонность родителей максимально включаться в жизнь больного ребенка, может препятствовать развитию жизнеспособности таких семей.

Таким образом, сниженный уровень семейной коммуникации и связности (совместное обсуждение проблем и принятие решений, открытость семейной коммуникации, разделение ответственности и т.п.); недостаточная уверенность в том, что семейные проблемы могут быть успешно решены (позитивный прогноз и решение проблем); некоторая разобщенность в ценностях и смыслах семьи, в сохранении семейных традиций (духовность семьи) как характеристик жизнеспособности семьи, а также максимальная сверхвключенность в жизнь ребенка в родительских семьях, может препятствовать успешной интеграции лиц с инвалидностью в общество. Поэтому возникает необходимость в разработке специальных программ психологической помощи, направленных на гармонизацию детско-родительских отношений в семьях, в составе которых есть люди с инвалидностью.

Литература

1. *Гусарова Е.С., Одинцова М.А., Сорокова М.Г.* Шкала оценки жизнеспособности семьи: адаптация на российской выборке // Психологические исследования. 2021. 14(77). <http://psystudy.ru>
2. *Гусаров Е.С., Лубовский Д.В.* Особенности жизнеспособности семей и эмоциональных семейных коммуникаций лиц с инвалидностью // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию со- здания Института психологии РАН. 2022. С. 843-845.
3. *Холмогорова А.Б., Воликова С.В., Сорокова М.Г.* Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 4. С. 97–125. DOI:10.17759/cpp.2016240405
4. *Чистопольская К.А., Митина О.В., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Чубина С.А., Озоль С.Н., Дровосеков С.Э.* Адаптация краткой версии «переработанного опросника – опыт близких отношений (ECR-R) на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 87–98. DOI:10.31857/S020595920000838-7
5. *Odintsova M.A., Lubovsky D.V., Ivanova P. A., Gusarova E.S.* Special Characteristics of the Resilience of Russian Families in the Face of Modern Challenges (A Preliminary Study) // Psychology in Russia: State of the Art. 2022. Т. 15. № 3. Pp. 56-74. doi: 10.11621/pir.2022.0304.

Влияние токсичного контента на суицидальные намерения подростков

Онучина А.В.

*МОУ СОШ с УИОП № 1 г. Советска Кировской области,
Советск, Россия
anastasiya.onuchina@yandex.ru*

К категории подростков с суицидальным поведением относят тех, чье поведение и активность наносит вред ребёнку, его физическому и

душевному здоровью. Суицидальное поведение осознаётся подростком, кроме того, они представляют последствия своего поведения, но продолжают злоупотреблять опасностью. Подростковый период является наиболее непредсказуемым как для ребёнка, так и для взрослых из окружения. Трудности переходного этапа обусловлены психогормональным становлением и перестройкой Я-концепции. В некоторых случаях для подростков характерна неопределенность социальной жизни, что проявляется в неумении подростка найти позитивный смысл собственной жизни, отсутствием культуры мировоззренческой рефлексии, позволяющей прийти к уникальной ценности жизни.

В подростковом возрасте ребёнок должен накопить коммуникативный опыт, опираясь на живое общение, но современный подросток предпочитает живому (реальному) общению виртуальное. В итоге подросток не имеет возможности получать удовольствие от общения, что не способствует его успешной самореализации. Социально-значимые качества развиваются не так активно, что сопровождается защитно-деструктивными реакциями в ситуации живого общения, наблюдаются фрустрации и нарушение потребностной сферы [3]. Следует обратить внимание на то, что в виртуальном общении подросток стремится реализовать базовые социальные потребности – потребность в позитивной оценке со стороны коммуникаторов, потребность в самооценке, признании и самореализации. Общаясь в виртуальном пространстве, ребёнок должен обладать рядом умений – умение вести диалог или полилог, умение презентовать себя, умение отвечать на вопросы и грамотно выражать свои мысли, умение давать мыслям эмоциональную окраску. Но в силу своей эмоциональной незрелости большинство подростков не владеют данными умениями и поэтому могут быть жертвами токсичного контента или социального остракизма.

Категория «социальный остракизм» достаточно активно представлена в трудах отечественных и зарубежных учёных. А.Е. Войскунский, Е.П. Ильин, Е.В. Киселева, Н.Н. Киселев рассматривали социальный остракизм как феномен отвержения в межличностном общении [2]. Теоретические аспекты (социального) остракизма активно исследовались К.Д. Вильямсом [4].

В толковом словаре С.И. Ожегова остракизм определяется как изгнание, гонение, подверженность кого-нибудь отвержению.

Согласно существующей модели социального остракизма К.Д. Вильямса, остракизм вызывает у подростков нарушение потребностей – потребность в принадлежности, самоуважении, контроле, осмысленном существовании [5]. Оказавшись жертвой социального остракизма, подросток начинает антисоциально реагировать на всё происходящее вокруг, что может привести к аутоагрессии и в некоторых случаях к суициду.

В новых реалиях современной жизни подростков, а точнее в виртуальном пространстве появилась новая форма социального остракизма – киберостракизм. Термин «киберостракизм» разработан в исследованиях Е.Э. Бойкиной [1, с. 127-140].

Одной из наиболее часто встречающихся форм социального остракизма является гостинг. На сайте Urban Dictionary представлено толкование понятия «гостинг». «Гостинг – это акт исчезновения ваших друзей без предупреждения или уведомления об отмене планов, не оставляющий выбора».

Анализ научной литературы позволяет обратить внимание на другое толкование понятия «гостинг». В контексте нашего исследования наиболее актуальным является толкование Ле Февр Л.Э. «Гостинг – феномен дискретного общения, сопряженного с отказом от взаимодействия без мотивированного объяснения оппоненту». Встречаясь с данной формой социального остракизма, подросток получает негативные представления о себе, что связано с отрицательной концепцией собственной личности. Ребёнок высказывается о своей несостоятельности, некомпетентности, ненужности, «выключенности» из мира. Подросток задумывается о физической, интеллектуальной, моральной и прочей несостоятельности. Возникает формула внешнего монолога – «Я плох». Эмпирические исследования показывают, что подростки часто говорят о суицидальных намерениях, имея, следующие паттерны «Меня часто одолевают мрачные мысли», «Теперь я не надеюсь достичь желаемого положения в жизни», «Учиться мне стало труднее, чем раньше», «Большинство людей довольны жизнью больше, чем я». Таким образом, несостоятельность выражает интрапунитивный радикал.

Жертва гостинга начинает испытывать коммуникативные трудности в ситуации реального общения. На базовом уровне подросток не может самостоятельно вступить в контакт с окружающими, связано это с отсутствием положительной установки на другого человека, с неадекватной самооценкой ребёнка, с повышенной эмоционально-личностной зависимостью от партнёров по общению. К рефлексивным коммуникативным трудностям относятся трудности самоанализа, самовыражения и самоизменения. Трудности социального взаимодействия с разными категориями людей приводят к формированию дезадаптивного поведения и, как следствие, к нарушению социализации. При сочетании проблем в социализации и возникновения трудной жизненной ситуации может начать формироваться суицидальное поведение. Жертвам гостинга необходима психологическая помощь и индивидуальное психолого-педагогическое сопровождение. Индивидуальное консультирование жертв гостинга строится на принципе ценности личности.

Литература

1. *Бойкина Е.Э.* Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 127-140. DOI:10.17759/psylaw.2019090310
2. *Войскунский А.Е., Солдатова Г.У.* Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Том 27. № 3. С. 22-43. DOI:10.17759/cpp.2019270303.
3. *Савинов В.С.* Аномия дискретной коммуникации в жизни современной молодежи // Материалы VI всероссийского социологического конгресса «Социология и общества: традиции и инновации в социальном развитии регионов»: Тюмень, 14-16 октября 2020 года / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. Москва: Российское общество социологов; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 1022-1026.
4. *Williams K.D.* *Ostracism* // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425-452. DOI:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641.

5. *Williams K.D., Shore W.J., Grahe J.E.* The silent treatment: Perceptions of its behaviors and associated feelings [Электронный ресурс] // *Group Processes and Intergroup Relations.* 1988. Vol. 1. № 2. P. 117-141. DOI:10.1177/1368430298012002.

Структура социально-психологической компетентности школьного учителя

Орлов В.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vladimirorlov@bk.ru*

Развитие современной школы не может быть эффективным без достижения продуктивности взаимодействия всех индивидуальных и групповых субъектов образовательного процесса: учителя, учеников, их родителей, представителей школьной администрации, а также ученических групп и педагогического коллектива. Поэтому успешность профессиональной деятельности учителя во многом определяется его способностью и готовностью к построению конструктивных межличностных и межгрупповых отношений, а также к профилактике и преодолению, на этой основе, сложных ситуаций педагогического общения. Фактически речь идет о социально-психологической компетентности школьного учителя, которую, опираясь на результаты наших и многих других исследований, можно кратко обозначить следующим образом.

Центральный субъект школы – ученик, а цель педагогической деятельности – его всестороннее личностное развитие, которое реализуется в следующих основных задачах:

- физическое развитие;
- эмоциональное развитие;
- когнитивное развитие;
- социальное развитие;
- эстетическое развитие;
- этико-нравственное развитие;
- духовное развитие;

- идеологическое развитие.

Контекст формирования личности ученика идет по пути формирования этих восьми основных траекторий, каждая из которых может быть раскрыта в психологическом и педагогическом планах. Так, например, социальное развитие подразумевает развитие у школьника коммуникативных навыков, умения позиционировать себя в обществе, преодолевать социофобию, повышать уверенность в себе и многое другое.

Школа как социальный институт создана для ребенка. Родитель – это заказчик достижения педагогической цели. Администратор – координатор реализации ресурсов субъектов образовательного процесса для достижения той же цели.

Конечно, в сложнейшем процессе социализации молодого человека прямо и опосредованно участвуют все структуры общества со своими мультимедийными средствами (макроуровень). Важнейший и первичный компонент формирования личности ребенка – семья (микроуровень). Нельзя исключить и влияние детской группы сверстников, особенно в подростковом возрасте. Но основным проводником в процессе социализации ребенка, через которого общество передает свой культурно-исторический опыт, является специально подготовленный профессионал – школьный учитель. Поэтому именно на нем лежит *большая* доля ответственности за будущее как всего общества, так и каждого его члена. Впрочем, не надо забывать и тех, кто участвует в его профессиональной подготовке.

Напомним, что педагогическая цель разделяется на обучение (вооружение ученика знаниями и умением их использовать) и воспитание (способствование ученикам в освоении правил и норм поведения в социуме, в формировании просоциальных личностных ценностей и т.д.). Только активное объединение в профессиональной деятельности педагога учебного и воспитательного процессов может привести к полноценному личностному развитию ребенка. Чтобы учитель был эффективным фасилитатором развития личности ученика по названным направлениям (разумеется, в разной степени – в зависимости от своего предметного профиля), он и сам должен обладать высокой социально-психологической компетентностью. К ней относятся как умение донести образовательное содержание в

адекватной возрасту и индивидуальным особенностям учеников форме, так и способность выстраивать гармоничные отношения с другими субъектами образовательного процесса в разных, в том числе, сложных ситуациях педагогического общения [1; 4].

Какие социально-психологические компетенции нужны школьному учителю в соответствии с его целью профессиональной деятельности и ролью фасилитатора личностного развития учеников?

Результаты наших предыдущих работ [1 – 6] позволяют сделать вывод, что главным образом, это – следующие три группы компетенций.

Компетенции отношения (социально-психологические установки):

- уважать каждого субъекта образовательного процесса, в первую очередь – ученика, его личностное пространство (систему ценностей);
- проявлять толерантность к ученику на основе безусловного принятия;
- проявлять позитивный интерес (когнитивное любопытство) к ученику;
- строить взаимоотношения с учеником в субъект-субъектной парадигме.

Коммуникативные компетенции:

- применять адаптивный стиль общения с учениками;
- осуществлять сотруднический стиль взаимодействия с другими субъектами образовательного процесса на основе учета взаимных интересов (используя «Активное слушание», «Я-высказывание» и др.);
- применять демократический стиль общения в педагогическом коллективе;
- формировать доверительные отношения с детьми и другими участниками образовательного процесса;
- формировать средствами педагогического общения мотивацию к различным видам личностного развития учеников (прежде всего, – когнитивную мотивацию);
- применять инновационные диалоговые интерактивные средства педагогической деятельности.

Компетенции саморазвития личности учителя:

- развивать адекватные экспектации по отношению к другим участникам образовательного процесса;
- развивать социальную рефлексию;
- развивать психологическое мышление;
- развивать эмоциональный интеллект;
- способствовать развитию профессиональной мотивации;
- совершенствовать навыки командной работы в ученическом и педагогическом коллективах;
- совершенствовать социально-психологические качества (лидерство, референтность);
- совершенствовать этико-эстетическую и духовно-нравственную сферу;
- развивать информационно-технологическую, экономическую и политическую культуру.

Для того, чтобы учитель мог овладеть перечисленными компетенциями, необходимо учитывать, что общая мотивация личности складывается из внутренней и внешней (как положительной, так и отрицательной) [3]. Несмотря на то, что основным «двигателем» развития личности является мотивация внутренняя, большое значение, особенно для представителей профессий «человек – человек», является внешняя мотивация, поскольку она во многом базируется на экспектациях (ролевых ожиданиях) значимых для учителя индивидуальных и групповых референтов [6]. Это – руководители (представители школьной администрации), коллеги и педагогический коллектив, ученики, их родители, группы учащихся (школьные классы). Поведение и внутреннюю позицию личности во многом формируют именно ожидания от исполнения ею своей профессиональной роли со стороны значимых других.

Развитие социально-психологических компетенций школьного учителя представляет собой сложную психолого-педагогическую задачу для разработчиков программ повышения квалификации и психологического сопровождения участников школьного образовательного процесса [5]. Об этом свидетельствуют как результаты наших исследований последних лет, так и практический опыт работы по авторской программе для школьных учителей и психологов – «Психологические технологии бесконфликтного общения со школьниками» (тренинг-семинар)» [4]. В рамках данного

курса используется разработанная нами технология развития и проверки профессионально-личностных компетенций школьного учителя на основе их проявления в реальных или приближенных к реальным учебным ситуациям взаимодействия (кейс-метод) [2].

Литература

1. *Коттл Т.В., Крушельницкая О.Б., Орлов В.А.* Взаимодействие психолога с субъектами образовательного процесса в школах США // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 2. С. 165–178. DOI:10.17759/sps.2018090211
2. *Орлов В.А.* О разработке кейсовых заданий по обучению разрешению конфликтных ситуаций педагогического взаимодействия // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева (12–13 мая 2020 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. 594 с. С. 414-417.
3. *Орлов В.А.* Проблемы интенсификации профессиональной мотивации школьного учителя // Психологическая наука и образование. 2003. Том 8. № 4. С. 97-104.
4. *Орлов В.А.* Психологические технологии бесконфликтного общения со школьниками (тренинг-семинар) | ФПК МГППУ (mgppu.ru) URL: <http://dpo.mgppu.ru/programs/elements/ppp-98/> (дата обращения: 10.04.2023).
5. *Орлов В.А.* Социально-психологические особенности проектирования учебного курса совершенствования коммуникативной компетентности школьного учителя // Личность и группа в образовательном пространстве. Сборник научных трудов. Вып.2 / Под ред. О.Б. Крушельницкой. М., МГППУ, 2008 с.30-40.
6. *Орлов В.А.* Экспектации субъектов образовательного процесса относительно роли школьного психолога как фактор эффективности их взаимодействия: Дис. ... канд. психол.н. М., МГППУ, 2006. 180 с.

Проблема самооффективности студентов в контексте статуса их профессиональной идентичности

Орлова И.В. Красило Д.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

OrlovaIrinaW@yandex.ru, krasiloda@mgppu.ru

Актуальность проблемы самооффективности студентов в связи со статусом их профессиональной идентичности обусловлена тем, что в настоящее время в обществе происходят глобальные трансформации, вызванные развитием технологий, социально-экономическими изменениями, эпидемиологической ситуацией. Все эти факторы влияют и на изменения рынка труда. Уже сейчас мы можем отметить такие тенденции: появление «исчезающих» профессий, активное развитие новых областей деятельности, меняются требования к необходимому перечню знаний и навыков для молодых и опытных специалистов, усиливается конкуренция. Особую уязвимость в текущих условиях испытывают выпускники профессиональных учебных организаций, так как они сталкиваются с новыми реалиями, когда формируется новый рынок труда, где ни родители, ни учебное заведение, ни друзья не могут предложить готовые варианты профессиональной деятельности для трудоустройства или алгоритмы реализации себя в профессиональной сфере. Выпускники сталкиваются с тем, что им необходимо самостоятельно принимать решения относительно профессионального выбора. В связи с этим, тема профессионального самоопределения и, соответственно профессионального самосознания набирает особую популярность.

Цель исследования - выявление связи уровня самооффективности студентов со статусом их профессиональной идентичности в современных социокультурных условиях.

Общее понятие идентичности было сформулировано еще Э. Эриксеном: это некая структура, состоящая из определенных элементов, переживаемая субъективно как чувство тождественности и непрерывности собственной личности при восприятии других людей, признающими эти тождество и непрерывность. Профессиональная идентичность служит важным элементом для осуществления профессиональной деятельности. У разных авторов (Ю.П. Поваренков,

Л.Б. Шнейдер, Е.А. Климов, Н.С. Пряжников, А.А. Реан, Е.П. Ермолаева, Д.И. Завалишина), занимающихся исследованиями по теме профессиональной идентичности, встречаются несколько разные определения данного термина [1; 2]. Если их обобщить, то можно обозначить основной смысл понятия «профессиональная идентичность» -это осознание человеком своей принадлежности к какой-то профессиональной группе, и принятие занимаемого в ней положения.

В основе социально-когнитивной карьерной теории служат три элемента–убеждения в самоэффективности, ожидания результатов и цели. Разработана данная теория была Робертом У. Лентом, Стивеном Д. Брауном и Гейл Хакетт в 1994 году, основанная на общей социальной когнитивной теории Альберта Бандуры. В данном исследовании мы возьмем именно аспект самоэффективности. Самоэффективность-это убежденность человека в том, что он сможет выполнить определённый ряд задач или набор действий [3].

В исследовании были использованы следующие методики.

1.Методика выявления статуса самоэффективности (J. Maddux и M. Scheer, в модификации Л. Бояринцева под руководством Р.Л. Кричевского).

2.Методика исследования профессиональной идентичности» (МИПИ) Л.Б. Шнейдер.

В исследовании принимали участие студенты 1-4 курсов колледжей (56 человек), участвующие в профориентационных мероприятиях на базе специализированного центра занятости «Моя карьера».

В ходе проведения эмпирического исследования было выявлено, что показатель самоэффективности в сфере предметной деятельности имеет прямую связь с показателем профессиональной идентичности ($p \leq 0,01$). Можно предположить, что у студентов, которые четко осознают свой потенциал и возможные тенденции развития, будет проследиваться более сформированная профессиональная идентичность. Чем больше идет погружение в профессиональную сферу, вовлечение в профессиональные сообщества, тем больше человек осознает свою цель, ценности, необходимые в будущем.

Показатель самоэффективности в сфере межличностного общения имеет корреляционную связь с показателем профессиональной

идентичности ($p \leq 0,05$). Возможно, такая связь демонстрирует, что личность, которая обладает потенциалом в сфере межличностных отношений, достаточно успешно может усваивать определенный ряд норм и правил профессиональной деятельности, ощущать принадлежность к определенному профессиональному сообществу.

Однако при достаточно высоких показателях самооффективности у студентов может проявляться такой профессиональный статус как псевдоидентичность. Псевдоидентичность может демонстрироваться гипертрофированным поведением своего Я, повышенной чувствительностью к критике. Студенты с таким статусом профессиональной идентичности могут оценивать себя слишком высоко, что в реальности не подтверждается какими-либо достижениями и приводит к развитию неосознанных психологических защит Я.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что студенты, имеющие средний или высокий уровень самооффективности в сфере предметной деятельности или сфере межличностного общения, имеют сформированный статус профессиональной идентичности. Можно сказать, что, если студент во время обучения получает позитивную обратную связь от преподавателей, имеет развитые навыки для осуществления профессиональной деятельности, имеет уверенность в себе, то он может сформулировать свои профессиональные цели и самостоятельно осуществлять профессиональный выбор. Однако, высокий уровень самооффективности может сопутствовать и статусу псевдоидентичности у студента, что может негативно сказываться на осознании себя и своих профессиональных возможностей. Человек склонен завышать свои способности и может быть не готов к появлению ошибок в работе или принятию своей точки зрения в профессиональном коллективе.

Учитывая данные факты, можно оценить важность адекватного принятия и понимания студентами своих способностей, талантов, знаний. Помимо этого, можно говорить о значимости представления качественной обратной связи, дающей ориентир на развитие и повышения уверенности студента в его дальнейших возможностях и достижении учебных и профессиональных целях. В настоящее время, в меняющихся социокультурных условиях, в области рынка труда

особенно усиливается значимость осознания не только имеющегося профессионального опыта и навыков человека, но и умений сохранять уверенность и целеустремленность при возникновении новых и нестандартных задач, что подтверждает актуальность полученных в исследовании результатов.

Литература

1. *Кожухарь Г.С., Кочетков Н.В., Красило Д.А., Красило Т.А., Крушельницкая О.Б., Новгородцева А.П., Орлов В.А., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Сачкова М.Е., Хаймовская Н.А., Шнейдер Л.Б.* Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2021. 262 с.
2. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность. М.: МОСУ, 2001.
3. *Lent R.W. & Hackett, G.* Career self-efficacy: Empirical status and future directions // *Journal of Vocational Behavior*, 1987.

Динамика ценностных ориентаций на примере двух поколений жителей юга Алжира

Отмани В.Ю., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
zobnine@gmail.com, os_pavlova@mail.ru

В последнее время вырос интерес к изучению жизненных ценностей жителей разных стран. Согласно Ш. Шварцу, ценности не являются абстрактными концепциями, напротив, они тесно связаны с жизненными целями, которые люди ставят перед собой, а также являются побуждением, осознанным или нет, к действиям, и важным фильтром, влияющим на восприятие и отношение к происходящему в окружении и в мире [6]. Возросший интерес к изучению ценностей жителей Северной Африки и Ближнего Востока во многом связан с желанием понять, из какой среды приезжают мигранты в страны Запада, какие у них ценностные установки и ориентиры [5].

В настоящее время исследование ценностей по опроснику PVQ-RR Ш. Шварца среди арабских стран представлено лишь двумя выборками: Израиль и Оман [6]. Ценностные ориентиры жителей Северной Африки, и тем более жителей пустыни, исследованы не были.

Опросник PVQ-RR (Portrait Values Questionnaire), обновленная версия, состоит из 57 утверждений о третьем лице, и позволяет оценить девятнадцать уточненных и десять базовых ценностей. Респондентам предлагается оценить, насколько утверждения, касающиеся третьего лица, похожи на них по шкале из шести пунктов (совсем не похож на меня, не похож на меня, мало похож на меня, умеренно похож на меня, похож на меня, очень похож на меня). Опросник, переведенный на арабский язык, представлен в двух вариантах: мужском и женском [7].

В нашем исследовании мы провели опрос по PVQ-RR Ш. Шварца среди представителей двух поколений людей, проживающих на юге Алжира, за атласскими горами. Первое поколение – это люди, родившиеся в 1970-1989-х годах. Их жизнь приходится на время после Независимости, когда было введено всеобщее начальное и среднее образование на арабском языке с углубленным изучением Коранических текстов [3, с. 165]. При этом они застали время надежды и свободы: страна была открыта международному сотрудничеству и контактам. Вплоть до середины 1980-х годов в Алжире работало много иностранных преподавателей в школах и университетах, включая французов, немцев, англичан, а также советских деятелей образования и науки. Но в конце 1980-х годов все резко изменилось. Из-за политической нестабильности и турбулентности начала 1990-х, исламские партии вынуждены были удалиться в горы, образовав радикально настроенные ячейки, что послужило началу террора и внутренней гражданской войны армии против исламистов [2, с. 88]. До сих пор поколение людей, которым сейчас 30 и более лет, с ужасом вспоминают «черные годы» истории своей страны. Второе поколение – молодежь, родившаяся с 1997 по 2007 года. Они не знают «черных лет» террора на своем опыте, однако живут в условиях закрытости страны: нет преподавателей иностранцев, возможность получения зарубежной визы крайне затруднена, образование по-прежнему остается на арабском языке с

большим упором на изучение Корана, и единственное окно в мир – с перебоем работающий интернет.

Мы решили посмотреть на динамику ценностей: что различает эти два поколения и что между ними общего?

В исследовании приняли участие 226 человек: 110 человек молодежи (74 жен., 36 муж.) и 116 (45 жен., 71 муж.) людей старшего поколения. Опросник распространялся на улицах среди жителей городов Эль Уэд, Туггурт, Бискра, а также среди студентов и преподавателей государственного университета городского округа Эль Уэд.

Согласно полученным результатам исследования, ценностью, объединяющей оба поколения, стала ценность безопасности. Испытывая на себе все тяготы революционной борьбы, гражданской войны и последующей изоляции страны, все поколения сходятся в стремлении к безопасности. Возможно, это и объясняет то, что события арабской весны не затронули Алжир, а массовые протесты 2019-2020 годов, в которых участвовали десятки миллионов жителей по всей стране, проходили мирно и бесконфликтно [1].

Также оба поколения объединяет высокая приверженность традиции. У обеих групп среднее значение (median) – 5 («похож на меня»). Этому способствует, вероятно, традиционный уклад жизни, скрупулезное поддержание обычаев родного края, сходство в образовании с упором на поддержание культурных и духовных традиций, и, наконец, скудная доступность информации извне из-за дорогостоящих смартфонов и другой техники, а также малой доступности высокоскоростного интернета.

Значительная разница касается ценности власти. Молодое поколение стремится к большему равенству, в то время как старшее поколение выказывает значительно большее стремление к дистанции власти, традиционной для данного общества, согласно данным Г. Хофстеде [4]. Стремление к уменьшению дистанции власти также выделяет молодежь Алжира на фоне данных, полученных в Омане и Израиле, где дистанция власти традиционно для данного региона высока.

Таким образом, мы видим, что несмотря на большое сходство в том, что касается следования культурной и духовной традиции, все же намечаются черты новой культуры, в которой прежде всего

меняется отношение к дистанции власти. Возможно, это и станет катализатором дальнейших изменений в обществе.

Литература

1. *Бабкин С.Э.* Алжир: выстояла ли «система»? (к событиям 2019 г.) / Отв. ред. Н. Г. Романова. М.: ИВ РАН, 2020. 240 с.
2. *Долгов Б.В.* Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970-2017 гг. М., 2018.
3. *Ланда Р.Г.* История Алжира. М., 1999.
4. *Hofstede H.* Country comparison: URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/> (дата обращения 20.03.2023)
5. *Sortheix F. M.* Arab Mediterranean youth's values: The role of values and value congruence on intentions to Emigrate. 2023. DOI:10.1016/j.ijintrel.2023.101758
6. *Schwartz Sh., Cieciuch J.* (2021). Measuring the Refined Theory of Individual Values in 49 Cultural Groups: Psychometrics of the Revised Portrait Value Questionnaire. Assessment.
7. *Schwartz S. H.* (2021). A Repository of Schwartz Value Scales with Instructions and an Introduction // Online Readings in Psychology and Culture, 2(2). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1173>

Анализ результатов анкетирования подростков по проблеме курения электронных сигарет

Очеретина Ю.А., Ястребова А.А.

*ГБУ ДО ЦППМСП Выборгского района, Санкт-Петербург, Россия
rmo-vibor@yandex.ru, a.yastrebova78@yandex.ru*

Употребление табака и никотинсодержащей продукции является медико-социальной проблемой во всем мире. Ввиду условной легализации и распространения мифа о безвредности вейпинговых устройств, растет процент курящего населения. Наибольшую тревогу вызывает тот факт, что к курению электронных сигарет прибращается все больше молодых людей, в особенности подростков 12-17 лет [3].

По данным американского исследования (NYTS), в период с 2011 по 2019 г. регулярное употребление электронных сигарет среди учащихся старшей школы увеличилось с 1,5 до 27,5% [5]. Согласно данным отечественных авторов, в 2015 году в среднем 8,5% школьников употребляли электронные сигареты [2].

В феврале 2023 года прокуратурой Выборгского района города Санкт-Петербург было направлено поручение на разработку специализированной анкеты с целью изучения ситуации курения электронных сигарет среди несовершеннолетних. Для более углубленного понимания проблемы распространенности «вейпинга» среди подростков специалистом ГБУ ДО ЦППМСП Выборгского района, педагогом-психологом А.А. Ястребовой совместно с кандидатом педагогических наук, доцентом кафедры педагогики и андрагогики СПб АППО О.В. Эрлих, была разработана социально-педагогическая анкета для обучающихся 10-11 классов. Исследование ситуации «вейпинга» в подростковой среде с помощью разработанного инструментария было проведено на базах ГБОУ и ГБПОУ Выборгского района: так, в анкетировании были задействованы 8 гимназий, 1 лицей, 35 школ и 2 колледжа. Анкетирование анонимное, сама анкета представляла собой печатный бланк с 10 вопросами, которые в дальнейшем вручную обрабатывались специалистами ЦППМСП Выборгского района.

Репрезентативная выборка составила 4035 обучающихся возрастом от 15 до 18 лет. Большую часть опрошенных составили подростки в возрасте 16 лет (37%) и 17 лет (44%), 56% которых составили молодые люди. С целью дальнейшего анализа, выборка была разделена на три группы: общеобразовательные учреждения (ОУ), гимназии и лицей, колледжи (ПОУ). Согласно опросу, 16% учеников ОУ считают электронные сигареты безопаснее обычной табачной продукции; в лицее и гимназиях этот показатель составил 7%, в ПОУ – 19%. Полученные результаты соотносятся с исследованиями соотечественников: подростки демонстрируют низкую осведомленность о вреде курения табачной продукции, в том числе электронных сигарет, поэтому склонны придерживаться распространенного мифа о безвредности вейпинговых систем [2].

По результатам опроса, большинство курящих сверстников есть в окружении у 19% обучающихся ОУ и у 38% обучающихся ПОУ; 51%

обучающихся лица и гимназий отрицают наличие в их окружении сверстников, курящих электронные сигареты. Согласно мнению 35% обучающихся ОУ, сверстники курят электронные сигареты несколько раз в день, при этом многие подростки указывают в варианте ответа «другое», что они курят «ежечасно» и «постоянно». Учащиеся лица и гимназий затрудняются с ответом: вариант «другое» выбрали 68% обучающихся. Больше половины обучающихся ПОУ (52%) указывают, что сверстники курят «несколько раз в день». Данные результаты могут говорить, об особенностях пропускного режима в учреждение в течение учебного дня.

Среди причин употребления большая часть обучающихся ОУ отмечают «скуку» (35%), при этом дополняя в варианте ответа «другое», что причиной курения также могут выступать отсутствие занятости, увлечений и хобби. Респонденты, обучающиеся в лице и гимназиях, отмечают, что причиной употребления электронных сигарет выступает стресс и необходимость поднять себе настроение (22%). Респонденты ПОУ в качестве наиболее частой причины курения электронных сигарет выделяют быстрое привыкание (24%). В аналогичных исследованиях около половины всех подростков в качестве причин начала курения называют пример друзей, влияние компании и курение в кругу семьи [2]. Еще одной распространенной причиной начала курения является попытка справиться со стрессом: так, подростки отмечают наличие у них таких чувств, как обида, озлобленность, депрессивные состояния [1; 4].

По результатам анкетирования наблюдается тенденция, в которой отмечаются характерные особенности социальной группы подростка. Так, среди обучающихся ОУ выявлена широкая распространенность употребления. Среди обучающихся лица и гимназий можно отметить достаточно большую учебную нагрузку и связанные с ней трудности, в связи с чем возрастает потребность в снятии стресса. Обучающиеся ПОУ находятся на стыке возрастных периодов: с одной стороны, имеют возрастные особенности подростков, а с другой стороны получение профессионального образования, что характерно для совершеннолетних людей.

Таким образом, в подростковой среде наиболее ярко выражена реакция группирования, которая также сопровождается желанием выделяться, показать свою зрелость и независимость. Так, находясь

под влиянием референтной группы и имея склонность к импульсивным, рискованным и демонстративным поступкам, подростки прибегают к курению, по их мнению, менее вредных и популярных в настоящее время электронных сигарет, что в дальнейшем может привести к развитию опасной для здоровья привычки.

Литература

1. *Капустина Н.Р.* Курение в образе жизни детей и подростков//Вятский медицинский вестник. 2020. 1(65).
2. *Мельникова И.М.* Современные медицинские и социальные аспекты потребления табака и никотинсодержащей продукции в подростковой среде//Вестник крсу. 2021. 21(9).
3. *Скворцова Е.С.* Распространенность и основные мотивы курения среди городских старшеклассников в Российской Федерации в 2010–2011гг//Профилактическая медицина. 2016.1.
4. *Хабриев Р.У.* Факторы риска для здоровья подростков: результаты массового опроса//Рос. вестн. перинатологии и педиатрии. 2020. 65(3).
5. *Wang T.W.* Tobacco Product Use and Associated Factors Among Middle and High School Students//MMWR Surveill Summ. 2019. 68(12).

Этническая и религиозная идентичность удин: первые результаты кросс-странового исследования

Павлова О.С.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
os_pavlova@mail.ru*

Удины – малочисленный этнос, общая численность которого во всем мире насчитывает не более 10 тысяч человек. Родиной удин является территория современного Азербайджана, где к настоящему времени их проживает около 4000 тысяч. Часть удин вынуждены были

покинуть Азербайджан в 20-е годы XX века, основав в Грузии село Зинобиани. В конце XX века часть удин переселились в Ростовскую и Волгоградскую области, Краснодарский край России, где согласно переписи населения 2020-21 гг. их около 2 500 человек.

Удины исповедуют христианство. До середины XIX века они принадлежали к Албанской Автокефальной церкви, а в 1836 году согласно Указа Николая I эта церковь была упразднена и подчинена в качестве епархии Армянской Эчмиадзинской Церкви.

Удины – древний народ, о предках которых в своих трудах писал Геродот (V в. до н.э.). Они являются один из сохранившихся до наших дней народов государства, которое существовало в Восточном Закавказье уже в IV-V в. до н.э., и просуществовало до VIII века, – Кавказской Албании [1]. Удины сохранили свой язык, который лингвисты относят к лезгинской группе нахско-дагестанской семьи. Согласно историческим данным, удинский язык – один из письменных языков Кавказской Албании. В настоящее время удинская письменность существует на латинице и кириллице. Удины в России и Азербайджане получают образование на русском языке, а в Грузии – на грузинском [2; 3].

Очевидно, что изучение этнопсихологических особенностей представителей удинского народа, проживающих в разных странах, представляет большой интерес. Наше исследование началось в марте 2023 года. Теоретико-методологической базой исследования является модель аккультурации Дж. Берри, в которой изучается установка на сохранение родной культуры и идентичности со своей группой, а также установка на поиск позитивных отношений с другими группами. Особое внимание в исследовании уделялась вопросам этнической, языковой и религиозной идентичности удин. Одним из важных аспектов изучения являлся вопрос кросс-странового сравнения особенностей аккультурации и различных видов идентичности удин.

На момент написания тезисов в исследовании приняли участие 60 удин (46,6% мужчин, 53,3% женщин); однако исследование продолжается.

Согласно полученным ответам, все опрошенные респонденты проживают в этнически неоднородной среде в окружении

представителей других этнических групп. Половина респондентов (53, 33%) отметили, что в их семье прилагаются усилия, чтобы дети больше узнали об удилах, их культуре, религии, истории, героях, достижениях.

Отвечая на вопрос, что отличает удин от представителей других этнических групп, респонденты отмечали, что это: гостеприимство, сплоченность, дружелюбие, древний язык, сохранение своих традиций и веры.

Среди опрошенных 90% респондентов ощущают себя удилами, а 82 % гордятся тем, что они являются удилами.

Около 50% респондентов считают себя верующими людьми, гордятся своей религией и счастливы быть ее представителями. При этом лишь 25% опрошенных назвали себя последователями Албанской Автокефальной церкви, а 57% являются православными.

В ответах удин, живущих в разных странах, отмечалась, что родина удин – Габалинский район Азербайджана, откуда родом многие наши респонденты, в том числе и те, что живут сейчас в России. Сохранение культуры, поддержание и изучение родного языка – важная задача для удин. В России в двух воскресных школах – в Краснодаре и Шахтах удинские дети учат родной язык. В настоящее время целенаправленная работа по сохранению языка ведется удинскими активистами совместно со специалистами Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН.

Таким образом, уже первые результаты нашего этнопсихологического исследования говорят о том, что, обладая общими ценностями, сохраняя родной язык, удины живут в разных странах и считают себя последователями разных церквей, что не мешает им ощущать единую этническую идентичность, которая основывается на представлениях об общей Родине и истории. Дальнейшая реализация исследования поможет изучить особенности этнокультурных ценностей и стратегии аккультурации удин, а также основные современные черты их этнической и религиозной идентичности.

Литература

1. *Данакари Р.А.* Философия этнического бытия. Этническая группа удин(ы) в условиях глобализации человечества: монография. Волгоград, 2017. 388 с.
2. *Ганенков Д.С., Ландер Ю.А., Майсак Т.А.* Удинский язык (ниджский диалект) // *Малые языки и традиции: существование на грани.* Вып. 2. Тексты и словарные материалы / Гл. ред. А. Е. Кибрик. М., 2008. 304 с.
3. *Clifton J. M., Clifton D. A., Kirk P., Ljøkjell R.* (2005). The sociolinguistic situation of the Udi in Azerbaijan. In John M. Clifton (ed.), *Studies in languages of Azerbaijan*, vol. 1, 107–123. Baku. Available online at <https://www.sil.org/resources/archives/9063>

Об оценке эффективности программы психолого-педагогического сопровождения детей иностранных граждан

Павлова О.С., Ткаченко Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Чибисова М.Ю.

ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия

pavlovaos@mgppu.ru, tkachenkonv@mgppu.ru,

chibisovamarina0@gmail.com

*Исследование выполнено по Государственному заданию
Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00038-23-
01 от 08.02.2023 г. «Оценка эффективности реализации программы
психолого-педагогического сопровождения процессов обучения,
социальной, языковой и культурной адаптации детей иностранных
граждан, обучающихся в общеобразовательных организациях (на
основе доказательного подхода к социальным практикам в сфере
детства и дифференцированного подхода к обучению детей
иностраннных граждан)».*

В соответствии с перечнем поручений Президента РФ по итогам заседания Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям 30.03.2021, в ходе реализации проекта в ФГБОУ ВО

МГППУ в 2022 году была разработана программа психолого-педагогического сопровождения процессов обучения, социальной, языковой и культурной адаптации детей иностранных граждан [1]. В 2023-24 гг. ставится задача апробации разработанной программы с использованием критериев доказательности практик в сфере детства [2].

В российском контексте доказательная практика – это процесс, в ходе которого специалисты-практики ищут эмпирически обоснованные пути помощи пациентам/клиентам, критически оценивают описанные в научной литературе исследования практических воздействий и используют лучшие из них, чтобы вместе с пациентом/клиентом найти оптимальные способы работы с проблемой. В связи с этим ставится задача разработки критериев, доказывающих эффективность разработанной и внедряемой практики, а также проверка ее эффективности. В основу общей методологии доказательного анализа практики положена модель сбора и анализа данных, позволяющая комплексно подходить к получению новых и оценке имеющихся сведений о замысле, реализации и социальных результатах практики. Существует четыре ключевых направления доказательного анализа, позволяющих оценить уровень доказательности социальной практики:

1. Регламентированность практики (наличие и качество документов, в которых закреплены процедуры практики; формы и методы обеспечения качества работы специалистов, реализующих практику; формы и методы профилактики в области возможного негативного влияния и рисков; соблюдение обязательных требований и процедур в процессе реализации практики).

2. Обоснованность практики (непротиворечивость / логичность / убедительность причинно-следственной связи между реализацией практики и социальным результатом, который достигается за счёт ее применения; обоснованность практики с точки зрения ценностей, потребностей, опыта и знания благополучателей; обоснованность практики с точки зрения специалистов-практиков, работающих с детьми и их семьями; обоснованность практики с точки зрения научных теории и концепции, результатов научных исследований в данной области).

3. Результативность практики (степень достижения заявленного социального результата; устойчивость социального результата; отсутствие негативного эффекта или вреда для благополучателей и сообщества в целом).

4. Обоснованность данных о социальных результатах (подтверждение социальных результатов данными из разных источников; системный характер процедур сбора и анализа данных; корректность применения исследовательских инструментов).

Кроме уровней доказательности нельзя не обратить внимание на требования к соблюдению этических норм. По утверждению разработчиков Стандарта можно выделить следующие этические принципы, которые необходимо учитывать при оценке доказательности практики: нанесение вреда; конфиденциальность и ответственное обращение с личной информацией; добровольность участия в исследовании; ориентация на субъект-субъектное взаимодействие; безоценочная позиция взрослого.

Таким образом, в ходе апробации научно-методологической программы психолого-педагогического сопровождения процессов обучения, социальной, языковой и культурной адаптации детей иностранных граждан на основе доказательного подхода планируется верификация указанных критериев в соответствии с основными задачами программы, проведение исследования, направленного на изучение эффективности разработанной методики, а также уточнение ключевых направлений, методов и подходов программы.

Литература

1. Методические рекомендации по проведению программы психолого-педагогического сопровождения процессов обучения, социальной, языковой и культурной адаптации детей иностранных граждан / Под ред. О.Е. Хухлаева, М.Ю. Чибисовой и Н.В. Ткаченко. М.: МГППУ, 2022. 221 с.
2. Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Станилевский В.В. Доказательный подход в социальной сфере: основные понятия и принципы, история, перспективы [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2020. Том 1. № 1. С. 8-26.

Смысложизненные ориентации старшекласников кадетской и общеобразовательной школ

*Павлова Ю.Б., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
j.b.pavlova@mail.ru, social2003@mail.ru*

В современном российском образовании сложилась система, включающая школы, в значительной степени различающиеся не только по своему статусу, ведомственной принадлежности и другим формальным признакам, но и по целям учебно-воспитательного процесса. К числу образовательных организаций со специфической психолого-педагогической средой относятся кадетские школы, миссия которых связана с подготовкой несовершеннолетних граждан России к служению Отечеству [4; 5]. Поскольку школа является важнейшим институтом социализации обучающихся, оказывающим решающее влияние на развитие личности, ее смысловых структур [1; 2], нами было выдвинуто предположение о наличии особенностей смысложизненных ориентаций (СЖО) у старшекласников кадетской и общеобразовательной школ.

Для выявления различий СЖО кадетов и школьников осуществлялось сравнение данных, полученных с применением теста Д.А. Леонтьева [3] на выборке, состоящей из 143 старшекласников. Из них 70 (51 юноша и 19 девушек) обучаются в кадетской школе и 73 (33 юноши и 37 девушек) – в общеобразовательной.

С помощью критерия Мана Уитни были выявлены различия у кадетов и учащихся общеобразовательной школы по параметрам СЖО «Процесс жизни и эмоциональная насыщенность» ($U = 1746,5$; $p = 0,001$), «Результативность жизни» ($U = 1591,5$; $p = 0,001$), «Локус контроля – «Я»» ($U = 1863$; $p = 0,005$), и «Общая осмысленность жизни» ($U = 1787$; $p = 0,002$).

Результаты сравнения выборок по шкале «Процесс жизни» подтверждают вывод о статистически значимом более высоком развитии у старшекласников кадетской школы интереса к жизни и ее эмоциональной насыщенности ($M = 31,3$). В сравнении со своими сверстниками из общеобразовательной школы ($M = 27,8$), исследованные старшекласники-кадеты воспринимают свою жизнь

как более интересную, наполненную смыслом и эмоционально насыщенной. Важно отметить, что у кадетов показатели по шкале «Процесс жизни и эмоциональная насыщенность» немного выше тестовой нормы ($M = 31,09$), тогда как у старшеклассников общеобразовательной школы они существенно ниже. Также старшеклассники-кадеты имеют более активную жизненную позицию, в большей степени удовлетворены своей жизнью в настоящий момент.

Данные особенности мы интерпретируем как следствие влияния образовательной среды кадетской школы, которая оказывает воздействие на смысловую и эмоциональную сферу личности учащихся, при этом значительные усилия педагогов прилагаются для воспитания у кадетов духовных надпрагматических ценностей патриотизма, служения Отечеству. Различия в показателях смысловых ориентаций учащихся разных школ обусловлены и тем, что кадетские учреждения как социальные группы характеризуются большей закрытостью, по сравнению с общеобразовательными (но меньшей, чем школы-интернаты). Они представляют собой профильные сообщества, в которых образовательная деятельность опосредована целями профессионального, направленного на готовность к военной службе обучения [4]. В условиях относительной закрытости кадетских школ складывается более четкая иерархия взаимоотношений, в которой педагоги, включая профессиональных военных, высоко референтны для учащихся. Кадеты идентифицируются этими авторитетными для них педагогами. Относительная закрытость позволяет формировать в кадетских учреждениях нормы и ценности, отличные от тех, которые существуют в широкой социальной среде и которые в большей мере свойственны общеобразовательным школам (открытым группам).

Сравнение показателей по шкале «Результативность жизни» у кадетов выявило более высокую, чем у учащихся общеобразовательной школы, удовлетворенность самореализацией в течение пройденной ими части жизни. У кадетов данный показатель превышает значение тестовой нормы ($M = 25,46$), в отличие от старшеклассников общеобразовательной школы ($M = 23,3$).

Данные по шкале «Локус контроля-Я» соответствуют более выраженным представлениям старшеклассников кадетской школы ($M = 21,9$) о себе как о сильной личности, обладающей достаточной

свободой выбора для построения жизни в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Более низкие баллы по этой шкале у старшеклассников общеобразовательной школы ($M = 19,4$) отражают их меньшую уверенность в своих возможностях осуществлять контроль собственной жизни и ее событий. Данный показатель у школьников также ниже тестовой нормы ($M = 21,13$).

Общий показатель осмысленности жизни также выше у старшеклассников-кадетов ($M = 105,9$), чем у их сверстников из общеобразовательной школы ($M = 95,1$).

Вместе с тем, исследованные нами выборки не различаются распределением признаков, измеренных по шкалам «Цель жизни» и «Локус контроля – жизнь». У всех учащихся показатели по шкале «Цели в жизни» ниже тестовой нормы ($M = 32,9$), что характеризует стремление жить сегодняшним или вчерашним днем, несформированность четких целей на будущее. Показатели по шкале «Локус контроля – жизнь» у кадетов ($M = 32,1$) выше нормы ($M = 30,14$), а у школьников близки к ней ($M = 30,0$), что отражает убежденность старшеклассников в способности контролировать свою жизнь, принимать решения и воплощать их в жизни.

Таким образом, нами были выявлены различия в смысложизненных ориентациях старшеклассников кадетской и общеобразовательной школ. Полученные результаты обусловлены различиями в содержании и целях подготовки учащихся, а также в социально-психологических характеристиках самих образовательных организаций.

Литература

1. Бикбаева З.А. Исследование ценностно-смысловых основ готовности к профессиональному самоопределению учащихся кадетских образовательных организаций // Молодой ученый. № 51 (393). 2021. С. 436-338.
2. Додова Л.М., Константиныди Л.Ю. Роль образовательной среды в личностно-психологическом становлении воспитанников кадетских корпусов // Евразийский Союз Ученых. 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka> (дата обращения: 12.04.2023).

3. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2006. 22 с.
4. *Павлова Ю.Б., Крушельницкая О.Б.* О формировании ценностно-смысловых ориентаций воспитанников кадетской школы // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2022 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. 566 с. С. 340-343.
5. Приказ Минобрнауки России от 15.02.2010 № 117 «Об утверждении Типового положения о кадетской школе и кадетской школе-интернате».

Подход «под другим углом» как один из эффективных способов подачи информации

Пак В.Ю., Мешкова Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vanessa.pak.8888@bk.ru, nmeshkova@yandex.ru

Проблема создания эффективного способа креативной подачи ученикам информации, в том числе интересных заданий, становится особенно актуальной для педагогов в условиях цифровизации современной образовательной среды. Специалисты приходят к выводу о том, что различные методики развития креативности, действующие локально, вне единой системы, изолированно от общей образовательной среды являются внешними по отношению к обучающимся, имеют слабую мотивационную базу и приводят лишь к кратковременным эффектам в области решения определенного класса задач [1]. Представляется важным создать такой метод, который охватывал бы весь образовательный процесс и повышал мотивацию к обучению учащихся. Разумеется, что без креативности самих педагогов в данном случае обойтись затруднительно. Исходя из этого, мы предложили собственный подход в решении данной проблемы и опробовали его на учащихся младшего школьного возраста с тем, чтобы обобщить полученный опыт для его использования педагогами.

Суть подхода заключается в том, что предлагается взглянуть на задачу по любому предмету из школьной программы как бы «под другим углом», модифицировав ее. Мы предлагаем три варианта модификации: «под углом в 30 градусов» – меняется контекст, при этом смысл задания не меняется. Элементы условия задачи (фигуры, третьи лица, действия, конкретные условия), не знакомые ученику лично (образы, роли, действия, привычки), заменяются на привычные, либо интересующие или волнующие в реальной жизни. «Под углом в 90 градусов» – меняется формат задачи. Фигуры, третьи лица, действия, конкретные условия меняются на то, с чем сам ученик как маленький взрослый сталкивается, преодолевает (сложности во взаимоотношениях, актуальные проблемы). Это позволяет временно перейти из роли «ученика» в роль «полу взрослого». «Под углом в 180 градусов» не меняются требования к выполнению задания, трансформация заключается в предоставлении возможности ученику самому размышлять о собственных ощущениях, при этом решая конкретную задачу, как бы выполняя несколько задач одновременно. Ученик не просто становится главным фигурирующим лицом, теперь же он может осознанно задумываться о своей личности в рамках решения задачи. Это позволяет ученику задумываться о себе как о личности, помимо решения задачи. Проиллюстрирует наш подход на примере. Обычная задача: «В двух вазах по 5 роз. Сколько роз в этих вазах?» превращается в такую при модификации под углом в 30 градусов: У Питера Паркера было 2 самостоятельные работы. В каждой по 5 сложных вопросов. Сколько вопросов в самостоятельных работах? Слово вазы заменяется на словосочетание самостоятельные работы, а также появляется знакомый детям образ героя (детям не дарят вазы, дети хорошо знают образ самостоятельной работы). Под углом в 90 градусов: «Вчера у тебя была контрольная работа по математике. Сегодня ты написал контрольную работу по русскому языку. После школы мама спрашивает у тебя: «Какие у тебя оценки по контрольным?» Дома папа спрашивает у тебя: «Сколько баллов получил?» И мама, и папа спрашивали по 5 раз. Сколько раз они задавали тебе эти вопросы?» Модификация задания под 180 градусов превращается в следующую: «Сегодня ты получил пятерку по математике и по физкультуре. Дома ты нашел дневник родителей за второй класс. У папы по физкультуре 5 пятерок, ты улыбнулся и

похвалил папу. У мамы по математике 5 пятерок, ты посмотрел на маму и сказал, что она прямо как ты, и у тебя тоже пять по математике. Сколько пятерок получили родители?» Таким образом, сама задача превращается в позитивный повод для размышлений.

Отметим, что при разработке данного подхода мы опирались на свои наблюдения в процессе работы с младшими школьниками в условиях продленного дня. Мы заметили, что большинство заданий по многим предметам (математика, русский язык, иностранный язык) требуют волевых усилий; учащиеся мотивированы на то, чтобы поскорее решить их, но не мотивированы к познанию и запоминанию. В то же время, если мы давали им задания с использованием юмора и опираясь на знакомые детям образы и персонажи из сказок, события, связанные с реальной жизнью самих учащихся, то им становилось интересно решать именно такие задания. Выборка включала 10 учащихся, испытывающих трудности в решении определенных задач из школьной программы. В процессе применения метода мы наблюдали за тем, какие трудности испытывали ученики, при этом каждому ученику подбирались задачи сначала под углом в 30 градусов, а спустя около двух месяцев более сложные с учетом достигнутых индивидуальных результатов учащихся. В результате к концу полугодия были заметны улучшения в понимании учебного материала, в усвоении информации, проявлялась заинтересованность в обучении, также повышалась мотивация учеников.

Достоинством данного метода является и то, что в процессе применения модификации под углом в 180 градусов, развивается эмоциональный интеллект учащихся: понимание собственных эмоций и расширяются знания о существующих эмоциях. Кроме того, предлагаемые модификации можно использовать для запоминания исторических дат, т.е. использовать их как мнемические техники.

Литература

1. *Бакланов К.В., Потанов Д.А.* Схема психологического сопровождения развития креативности будущих педагогов // Bulletin of the international centre of art education. 2016. №2. С. 1-11. URL: http://www.art-in-school.ru/bul/2_2016_Potapov.pdf

Этническая идентичность русских в современных социально-психологических условиях

*Панина И.А., Александрова Е.А.
ФГБОУ МГППУ, Москва, Россия*

Aleksandrova.elenaandreevna@mail.ru, Paninalrendra@yandex.ru

В последние несколько лет в мире произошли события, повлиявшие на многих людей по всей планете. В данных условиях человек может испытывать разные чувства под влиянием тех или иных информационных полей и референтных групп, в связи с чем нами было проведено глубинное интервью, задачей которого было осветить, поменялось ли восприятие этнической идентичности русских в связи с резкой поляризацией общественного мнения.

Этническая идентичность – психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности. В этнической идентичности выделяются следующие компоненты: когнитивный, аффективный, поведенческий.

Этническая идентичность формируется в результате овладения культурой этнической среды. Если ребенок растет в моноэтнической среде с двумя родителями, принадлежащими к этой же этнической группе, то в большинстве случаев человек находит свою принадлежность в том же этносе. Если ребенок родился в межэтническом браке, или человек принадлежит к этническому меньшинству, могут возникать проблемы с этнической самоидентификацией [1].

В тезисах мы представляем результаты пилотажного исследования, где использовался качественный метод биографического глубинного интервью, было опрошено 3 человека, идентифицирующих себя русскими в возрасте от 21 года до 24 лет, проживающих в Подмосковье. В гайде были отражены 29 вопросов, которые содержали в себе темы, относящиеся к аффективному, когнитивному и поведенческому компонентам этнической идентичности.

Когнитивный компонент этнической идентичности в интервью был представлен такими категориями как: традиции, которые соблюдает респондент; уровень знаний о родной стране и крае; черты, которые,

по мнению респондента, характеризуют людей как русских; виды деятельности, связанные с народным творчеством или историей России, в которые был вовлечен респондент.

В полученных ответах можно увидеть, что респонденты отнесли такие праздники как Рождество, Масленицу, Новый Год, Пасху к традициям, которые они соблюдают. Все опрошенные имеют как минимум базовые школьные знания про Российскую Федерацию. Общий язык, как считают двое опрошенных, важен для определения социальной группы единым этносом. Также к критериям принадлежности человека к русским, респонденты отнесли то, что человек родился в России, а также такие качества как: «тоска», «угрюмость, но чувствительность», «широкая душа». Все опрошенные посещали кружки русского народного творчества: вышивали иконы лентами, посещали археологические кружки краеведческих музеев, один опрошенный работает в сфере, связанной с изучением культуры русского быта 19 века.

Все респонденты чувствуют себя русскими. Так же двое респондентов отождествляют в некоторой мере понятие «русский» и «россиянин». Так же стоит отметить, что все респонденты допускают взаимное влияние культур друг на друга, все допускают смену некоторых собственных ценностей при общих изменениях в культуре своей страны.

Описание аффективного компонента представляет собой более однородную картину. Хотя все респонденты ответили, что не испытывают никаких чувств, если им задают вопрос об их этнической принадлежности, все добавили, что это зависит от контекста. При этом двое респондентов добавили, что подсознательно ждут от незнакомых иностранцев либо шутки в свой адрес, либо негативные суждения. При этом никто не скрывал свою национальность, всем хотя бы раз было стыдно за соотечественников, но никому не было стыдно быть русским, а также все испытывали гордость за соотечественников, достигших выдающихся результатов в определенной сфере деятельности. Стоит отметить, что все респонденты не делают попыток намеренно выразить себя русскими.

В нашем исследовании затронут вопрос о формировании этнической идентичности респондентов. Исходя из ответов, можно

отметить, что все респонденты в детстве ощущали свою этническую идентичность через праздники, песни, а также через уроки краеведения в школе, хотя один респондент отметил, что в его осознании себя русским сыграла роль и семья. Но двое респондентов обозначили, что им было не важно ощущать себя русским в детстве, все испытуемые не припомнили никаких сильных чувств, вызванных пониманием себя как русского в детстве. Полученные данные были подтверждены рядом исследований развития этнической идентичности детей разных стран [2]. В юности уже двое респондентов были увлечены историей сверх школьной программы, ходили в кружки археологии и изучения родного края, одна из респонденток дальше связала свою жизнь с изучением русской культуры, но никто из респондентов не отмечал субъективную важность этих знаний для себя в контексте принадлежности к русскому народу.

За последний год отношение к своей этнической принадлежности никак не поменялось или поменялось незначительно у двух респондентов. Один респондент отмечал следующее: «Мотало где-то первый месяц, когда было еще много непонятого, потом устаканилось». Все опрошенные отделяют себя и народ от политических реалий. Так же у всех респондентов за последний год не изменилось ощущение своей этнической идентичности.

Резюмируя, можно сказать, что у всех респондентов ощущение своей этнической идентичности не изменилось, не смотря на сложившуюся в мире политическую ситуацию.

В будущем планируется увеличить выборку, расширив возрастной диапазон и включить людей, живущих в других регионах Российской Федерации.

Литература

1. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 1999.
2. Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. Отв. ред.: М. Барретт, Т. Рязанова, М. Воловикова. М., 2001. 196 с.

Стратегии поддержания идентичности в условиях социального вызова (на примере Москвы и Новосибирска)

Паулова Д.А., Ткаченко Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

darya.paulova@yandex.ru, tkachenkonv@mgppu.ru

Вот уже больше года продолжается специальная военная операция (далее – СВО) на Украине, ряд стран ввели санкции против России, часть жителей страны уехала за границу, для некоторых людей слово «русский» стало ругательным. По данным сервисов психологической поддержки, в первую неделю марта 2022 года, по сравнению с предшествующей неделей, выросло число жалоб на повышенную тревожность (на 6%), стресс (на 8%), панические атаки (на 10%), «непонятные» эмоции и неконтролируемую агрессию (на 10,5%). Люди также приходили к психологу с запросом об улучшении физического здоровья и самочувствия (рост на 8%), около 90% обращений были связаны с зашкаливающей тревогой, страхом и паникой [2].

В ситуации неопределенности, информационной войны [1; 3], частичной мобилизации стала актуальной тема поддержки собственной идентичности, личной и социальной. Идентичность мы определяем словами Эрика Эриксона как внутреннюю «непрерывность самопереживания индивида», «длящееся внутреннее равенство с собой», интеграцию переживания человеком своей тождественности с определенными социальными группами [4, с. 14]. Для исследования были выбраны жители двух городов, Москвы и Новосибирска, оба города поликультурны, являются городами-миллионниками.

С целью изучения стратегий поддержания идентичности в условиях социального вызова в межрегиональном аспекте (на примере жителей Москвы и Новосибирска) было проведено исследование, в котором мы выдвинули следующие гипотезы: 1) существует связь между местом проживания и типом этнической идентичности, этнонациональными установками, а также верой в справедливый мир для себя и в целом; 2) место проживания связано с выбором стратегий поддержания себя и своей идентичности.

Исследование состояло из двух частей: 1) качественная часть с проведением глубинных интервью-гайдов. На первом этапе респондентов просили пройти тест Куна – Мак-Партленда «Кто я?» и написать от 10 до 20 ответов на этот вопрос. Далее проводилось интервью-гайд на основе их ответов. Участники: 6 жителей Москвы и 2 жителя Новосибирска, средний возраст 38,6 лет. Интервью проводились с января по март 2023 года. На основании интервью были выбраны 9 способов самоподдержки, которые использовали респонденты после 24 февраля 2022 года.

2) Количественная часть: социо-демографическая анкета, 3 опросника: «Типы этнической идентичности», опросник для измерения этнонациональных установок, опросник для измерения веры в справедливый мир, к этому списку добавлен вопрос, предлагающий выбрать от 1 до 3 способов самоподдержки из интервью. Проведено онлайн-тестирование среди жителей Москвы и Новосибирска. Участники: 129 человек, 69 москвичей и 60 новосибирцев от 20 до 75 лет.

Результаты исследования.

Качественная часть: выделено 9 способов самоподдержки (теоретическая база – теория социальной идентичности Х. Тэджфела, Дж. Тернера, В.В. Гриценко об адаптации вынужденных переселенцев): сравнение ситуации в России с ситуациями в других странах и переосмысление; волонтерство; понимание, что сейчас важно хорошо делать свое дело; скрытое негативное отношение к происходящему; творчество; уход от новостей и сохранение себя ради других; понимание, что происходящее важно; «происходящее далеко и ко мне не относится»; «я просто хочу жить».

Количественная часть:

1. Тип этнической идентичности: у жителей обоих городов самый высокий средний показатель – норма (16,42 у москвичей, 16,68 у новосибирцев), т.е. позитивное отношение к своему народу с позитивным отношением к другим народам. Это характерно для полиэтнического общества, к которому относятся жители обоих городов. Ниже результаты по шкале этнической индифферентности (10,9 у москвичей и 12,4 у новосибирцев), и есть тенденция к статистической значимости различий между жителями городов

(уровень значимости $p = 0,051$). Вероятно, в повседневной жизни новосибирцам более свойственна неактуальность этноидентичности.

2. Этноустановки: для жителей обоих городов более всего характерны патриотические установки (средние значения 9,38 у москвичей, 9,85 у новосибирцев), здесь нет статистически значимых различий. А между выраженностью нейтральных (среднее 7,36 у москвичей и 8,75 у новосибирцев) и негативистских установок (среднее 6,43 у москвичей и 7,78 у новосибирцев) между жителями городов статистически значимые различия обнаружены (на уровне значимости 0,05), т.е. для новосибирцев в повседневной жизни национальность играет меньшую роль, чем для москвичей, а в некоторых ситуациях новосибирцы чаще будут считать вредным деление людей по национальному признаку.

3. У обеих групп средние значения выраженности веры в мир для себя выше, чем веры в мир вообще (19,29/19,08 против 11,36/11,98 – Москва/Новосибирск), значимых различий нет.

4. Стратегии самоподдержки: москвичи чаще всего выбирали стратегию о деле (39 человек), об уходе от новостей (26 человек), о творчестве и о понимании смысла в происходящем (по 24 человека). Новосибирцы чаще выбирали стратегии о деле (33 человека), о желании жить (19 человек) и о сравнении России с другими странами (18 человек). У москвичей способов поддержать себя больше, чем у новосибирцев (182 выбора против 133, хотя 10 москвичей и 5 новосибирцев выбрали более 3 пунктов): в среднем москвичи выбирали 2,63 пункта, новосибирцы 2,22.

Литература

1. *Андреева А.* «Против России развязана настоящая война». Как она будет защищаться. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/20/14882558.shtml?update>
2. *Лебедева Е., Нефедова А.* Психологи увидели рост числа жалоб россиян на тревогу. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/04/2022/6261ad9e9a7947ba4b87a14b>.

3. *Сорокин Н.* Информационная война против России: вбросы, фейки, паттерны паники. URL: https://zavtra.ru/blogs/informatcionnaya_vojna_protiv_rossii_vbro_si_fejki_patterni_paniki
4. *Шнейдер Л.Б.* Психология идентичности. М., 2023. URL: <https://urait.ru/book/psihologiya-identichnosti-515757>

Неосознаваемое отношение российской молодежи к институту выборов

Пенькова В.Н.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Палагина А.А.

PR-менеджер коммуникационного агентства PromoAge,

Москва, Россия

vika251267@yandex.ru, palaginanna@yandex.ru

Исследование отношения молодых людей к выборам осуществлялось посредством авторской проективной методики «День выборов», предполагающей написание респондентами соответствующих рассказов с обязательным использованием (но в любой последовательности) следующих слов и словосочетаний: «накануне», «утро воскресенья», «в день выборов я», «мое настроение», «я уверен», «я чувствую», «я считаю», «я отношусь», «я обязательно», «мои друзья», «в семье».

С целью изучения неосознаваемого уровня отношения молодежи к выборам применялся метод фоносемантического анализа текста, разработанный А.П. Журавлевым. Автором было убедительно показано, что, хотя между значением слова и его звуковой оболочкой существует определенная связь, которая опирается «на способность звука вызывать незвуковые представления» фонетическое значение носителем языка не осознается [1].

Фоносемантический анализ текстов является одним из современных способов получения информации об имплицитном и неосознаваемом эмоциональном отношении к тем или иным явлениям окружающего мира. Обозначенный вид анализа основывается на

достижениях психолингвистики в исследовании мотивированности звучания значимых языковых единиц (Е.Ю. Артемьева, А.П. Журавлев, А.А. Леонтьев, И.Ю. Черепанова и др.), в которых было доказано, что, поскольку лексическое значение слов человеком осознается, он может контролировать то, что говорит и пишет; фонетическое значение, напротив, находится вне области сознания говорящего и, следовательно, им не контролируется [2; 3; 4; 6; 7].

Фоносемантический анализ текстов осуществлялся посредством компьютерной программы «Diatone» version 1.0, разработанной в лаборатории суггестивной лингвистики и социальной-психологической терапии «Ведиум». Программа позволяет проводить определения фонетического значения текстов на основании различных параметров.

Помимо набора из двадцати фонетических признаков («прежний», «светлый», «нежный», «радостный», «возвышенный», «бодрый», «яркий», «сильный», «стремительный», «медлительный», «тихий», «суровый», «минорный», «печальный», «темный», «тяжелый», «тоскливый», угрюмый», «устрашающий», «зловещий») анализ текстов позволял определить их *тип кодирования* («жесткий», «мягкий» или «нейтральный»), иначе говоря – их эмоциональный характер: эмоционально отрицательные, эмоционально положительные и эмоционально нейтральные тексты [8].

Эмоционально отрицательные тексты определяются высокими показателями по таким оценочным шкалам, как «зловещий», «суровый», «печальный», «темный», «тяжелый», «угрюмый», «устрашающий». Так, отрицательной звуковой символикой обладает следующий текст:

«Утро воскресенья накануне дня выборов. Мое настроение, так же, как и мой кофе, темное и горькое. В день выборов, я уверен, ни я, ни мои друзья, не пойдем голосовать, так как в этом нет никакого смысла. Я считаю, что ни одна из действующих партий не имеет четко прописанной программы, которая могла бы быть альтернативой существующей власти. К выборам в РФ я отношусь с юмором, в особенности после проведения президентских теледебатов, в которых участвовали все кандидаты, кроме текущего президента, которого представлял его портрет, поставленный на стул. В моей семье, возможно, кто-то и пойдет

голосовать, но их голос не будет основан на каких-либо логических умозаключениях. Я чувствую, что в день выборов, я обязательно постараюсь забыть про день выборов.

Эмоционально положительные тексты связаны с высокими показателями по следующим шкалам: «возвышенный» «нежный», «прекрасный», «радостный», «светлый». Для примера приведем положительно окрашенный текст:

«В утро воскресенья я поехал на избирательный участок, моё настроение хорошее, потому что я уверен, что в день выборов я смогу выразить свою гражданскую позицию. Я считаю, что мой голос важен и я обязательно приму участие в голосовании. Накануне в семье мы обсудили за кого следует голосовать и обсуждали за кого мы будем голосовать. Мои друзья и я относимся к выборам серьёзно»

Эмоционально нейтральные тексты характеризуются тем, что по всем оценочным шкалам имеют низкие показатели, не выходящие за пределы нейтральной зоны. Например, следующий текст в ходе фоносемантического анализа был отнесен к категории эмоционально нейтральных:

«Утро воскресенья мы с мужем проводим вместе с ребенком». У нас неактивная политическая позиция. Я не верю в честные выборы»

Выборку испытуемых в ходе исследования составили 48 представителей молодежи, опрошенных в г. Москве; респонденты были распределены по трем возрастным группам: 18-23 года, 24 – 29 лет, 30 - 35 лет, равным по количественному, гендерному и возрастному признакам: каждая из них включала 16 человек (по 8 молодых мужчин и женщин).

В результате было получено 48 текстов, которые, прежде всего, подверглись экспертной оценке для определения эмоциональной модальности их содержания. Затем осуществлялся фоносемантический анализ данных текстов.

Анализ полученных данных показал наличие возрастных отличий в восприятии выборов и практическое отсутствие гендерных отличий.

На неосознаваемом уровне выявлено эмоциональное и ярко выраженное отношение к выборам как у мужчин, так и у женщин всех возрастных категорий, из чего следует вывод о том, что избирательный процесс никого не оставляет равнодушным, несмотря на порой демонстрируемое пренебрежение [5].

Так, 87,5% мужчин в возрасте от 18 до 23 лет подсознательно хорошо относятся к институту выборов. Период от 24 до 29 лет характеризуется критическим осмыслением данного института: 50% респондентов к выборам относятся положительно, а 50% - отрицательно; несмотря на это, к 30-35 годам 75% мужчин демонстрируют положительное отношение к выборам на неосознаваемом уровне.

Среди женщин также характерно преобладание эмоционально положительного отношения к избирательному процессу на неосознаваемом уровне. Примечательно, что с возрастом негативное отношение к выборам у женщин планомерно снижается, и к 30-35 годам лишь 25% респондентов бессознательно относятся к выборам с недоверием.

Таким образом, как показал фоносемантический анализ текстов, и мужчины, и женщины на неосознаваемом уровне положительно относятся к выборам, что идет вразрез с их осознаваемыми оценками и отношением.

Сравнение выраженного осознаваемого и неосознаваемого уровней привело к выводу о том, что в большинстве случаев декларируемое отношение к выборам не совпадает с неосознаваемым отношением индивида [5].

Мужчины возрастных категорий 18-24 и 24-29, на словах выражая свое недоверие институту выборов, на неосознаваемом уровне относятся к нему положительно. Положительное отношение мужчин к выборам на осознаваемом и неосознаваемом уровнях совпадает у мужчин в возрасте 30-35 лет. Неосознаваемое отрицательно отношение к избирательному процессу мужчин 18-23 и 24-29 лет гораздо ниже демонстрируемых.

Несмотря на то, что в каждой из трех возрастных категорий женщины демонстрируют негативное отношение к избирательному процессу на осознаваемом уровне, на уровне бессознательном процент положительно относящихся к выборам респондентов достигает 62,5% к 24-29 годам и в дальнейшем продолжает оставаться на этом уровне.

Совпадение осознаваемого и неосознаваемого негативного отношения к выборам полностью совпадает у женщин 18-23 лет; в дальнейшем неосознаваемое негативное отношение к выборам продолжает снижаться.

Сопоставление декларируемого и неосознаваемого отношения к выборам позволяет говорить о том, что на осознаваемом уровне испытуемые демонстрируют более отрицательное отношение, чем это есть на самом деле.

1. *Журавлев А.П.* Фонетическое значение. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. 159 с.
2. *Пенькова В.Н.* Отношение к «своим» и «чужим» в подростковом и раннем юношеском возрастах: Автореф. ... дис. канд. психол. н. М., 2006. 22 с.
3. *Пенькова В.Н., Палагина А.А.* Анализ социально-психологических подходов к изучению политических образов и представлений // В сб.: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева. Москва, 2020. С. 437-441.
4. *Пенькова В.Н., Палагина А.А.* Особенности политического дискурса (на примере анализа текстов СМИ в период подготовки к выборам в Московскую городскую думу) // В сб.: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. Москва, 2021. С. 443-446.
5. *Пенькова В.Н., Палагина А.А.* Отношение молодежи к институту выборов: результаты исследования// В сб.: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет. 2022. С. 349-352.
6. *Пенькова В.Н., Палагина А.А.* Символическая репрезентация выборов в сознании молодежи // В сб.: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы III Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет. 2018. С. 69-73.

7. *Романова Г.С.* К проблеме создания адаптационных программ для студентов-первокурсников // В сб.: Социально-психологические проблемы образования: вопросы теории и практики. Сборник научных трудов. Московский государственный психолого-педагогический университет, Факультет социальной психологии. Москва, 2004. С. 80-83.
8. *Селезнева А.В.* Молодежь в современной России: политические ценности и предпочтения. М.: АРГМАК-МЕДИА, 2014. 276 с.
9. *Черепанова И.Ю.* Заговор народа. Как создать сильный политический текст. М.: «КСП+», 2002, 464 с.

Взаимосвязь переживания опыта потока, мотивации к онлайн-играм и удовлетворённости жизни геймеров

Перевёртова М.В., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
alwaysbrainfrosty@gmail.com, nkochetkov@mail.ru

Опыт потока – феномен, начало которого положено в рамках позитивной психологии. Михай Чиксентмихайи – автор концепции, определяет поток как состояние глубокой концентрации и полного погружения в деятельность, при котором человек полностью сосредоточен на задаче и не отвлекается на внешние сигналы. Кроме того, состояние оптимального переживания в потоке схоже с типом послепроизвольного внимания, установленного Н.Ф. Добрыниным, при котором психическая активность минимальна и не затрачивает большого количества ресурсов [4]. М. Чиксентмихайи утверждает, что опыт потока позволяет не только повышать осознанность и мастерство в какой-либо деятельности, но и испытать большую удовлетворённость жизнью и стать счастливее [6]. Существуют и другие исследования, рассматривающие опыт потока как позитивный феномен, благоприятно влияющий на жизнь человека [1; 7].

Нам стало любопытно, насколько опыт потока выражен у онлайн-игроков, а также какова их удовлетворённость жизнью в контексте проведения времени в виртуальной реальности. В целом, игры

предполагают полное погружение в предоставленный интерактивный мир, а команды разработчиков создают современные игры таким образом, чтобы люди испытывали оптимальное переживание потока: где мотивация геймеров не превышает сложности задачи, что необходимо для поддержания интереса к игре [7]. Такая оптика к рассмотрению мотивации какой-либо деятельности также перенята у М. Чиксентмихайи. Но некоторые вопросы в данной тематике остаются открытыми, а именно, насколько качественно опыт потока в онлайн-играх соотносится с ощущением удовлетворенности жизнью и как подобный взгляд сказывается на реальной части жизни людей. Ведь у других исследователей [2; 3; 5] есть мнение, что опыт потока и сильное погружение в игры может predispose к игровой зависимости и эскапизму, и всё больше отдалять людей от реальной жизни и от осознанного удовлетворения ею.

В нашем исследовании мы решили проверить наличие взаимосвязей между опытом потока в онлайн-играх с мотивацией игры в видеоигры и с удовлетворённостью жизнью. В исследовании приняли участие 94 человека, среди них – 68 мужчин (72,3%) и 26 женщин (27,7%).

Приведём значимые корреляции опыта потока с различными аспектами мотивации игры в видеоигры. Была установлена взаимосвязь опыта потока со шкалой социальной мотивации ($r=0,267$; $p\leq 0,01$). Общение с другими игроками, построение отношений посредством виртуальной реальности и командная работа способствуют возникновению опыта потока. Можно сказать, что взаимодействие с другими игроками может являться замещением реальному общению.

Выявлены и другие значимые связи с опытом потока: с игровым прогрессом ($p = 0,007$), а, следовательно, и шкалой мотивации достижения в целом ($p = 0,016$). Такие результаты могут говорить о том, что для игроков в онлайн-игры крайне важна игровая механика и возможность выполнять какую-либо деятельность, а также замечать в ней успех. Это и есть одно из важных условий формирования опыта потока. Разработка онлайн-игр построена таким образом, чтобы мотивация игры была оптимальна, а сложность выполнения какой-либо задачи адекватна и соответствовала навыкам геймера. Мы предполагаем, что подобных инструментов, необходимых для

выполнения каких-либо поставленных целей и задач может не хватать в реальной жизни. Также немаловажен факт отсутствия альтернативных вариантов для способности справиться с эмоциональными переживаниями. Таким образом, именно онлайн-игры становится способом провести время.

Что касается удовлетворённости жизнью, значимой взаимосвязи с опытом потока не было установлено ($r = 0,090$; $p > 0,05$). С другой стороны, была выявлена обратная взаимосвязь между удовлетворённостью жизнью и эскапизмом ($r = -0,210$; $p \leq 0,050$): чем меньше удовлетворённость жизнью у геймера, тем больше эскапизма, направленного в онлайн-игры, и наоборот. А так как опыт потока и эскапизм имеют прямую и значимую взаимосвязь ($r = 0,418$; $p \leq 0,01$), мы можем полагать следующее: если игрок не удовлетворён жизнью, в качестве эскапизма он использует онлайн-игры, тем самым создавая и поддерживая опыт потока в рамках виртуальной реальности. И когда взаимодействовать с реальным миром и средой становится сложно, опыт потока будет способствовать дальнейшему возвращению в онлайн-игры.

Итак, можно сказать, что онлайн-игры и виртуальная реальность в целом – специфическая среда, результаты изучения которой могут отличаться от проблематики опыта потока и удовлетворённости жизнью в реальном мире, на котором концентрировался автор концепции опыта потока. Именно поэтому стоит продолжать исследовать опыт потока не только в рамках обыденной жизни, спорта и творчества, но и в рамках киберпсихологии.

Литература

1. *Александрова Л.А.* Концепция «потока» в свете зарубежной и отечественной психологии: история возникновения, современное состояние и перспективы развития теории // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11, № 3.
2. *Богачева Н.В., Епишин В.Е., Мильянская А.В.* Адаптация русскоязычной версии опросника мотивации игры в массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры (ММОРПГ) Ника Йи // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3.

3. *Ван Ш., Войскунский А.Е., Карпухина А.И., Митина О.В.* Связь опыта потока с психологической зависимостью от компьютерных игр // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8(4).
4. *Добрынин Н.Ф.* Произвольное и непроизвольное внимание. М., 1958.
5. *Новикова О.Н.* Игроизация культуры постмодерна и современные практики эскапизма // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 8. Екатеринбург.
6. *Чиксентмихайи М.* Поток: Психология оптимального переживания. М., 2011.
7. *Jenova C.* Flow in games (and everything else) // Journal of the ACM 50, №4. USA, 2007.

К вопросу об эмоциональном труде руководителя

Петрушихина Е.Б.

*ФГБОУ ВО РГГУ, Москва, Россия
ebpetr@mail.ru*

В современных условиях можно наблюдать все возрастающий интерес исследователей к эмоциональным аспектам трудовой деятельности персонала организации. Особое внимание уделяется лидерству на основе эмоционального интеллекта, который рассматривается как важнейшая предпосылка эффективности управленческой деятельности руководителя.

В последние годы в литературе стал использоваться конструкт эмоционального труда, позволяющий более глубоко осмыслить проблемы формирования лидерских компетенций и совершенствовать практику развития лидерства в организации.

Концепция эмоционального труда предложена американским социологом А.Р. Хохшильд. В 1983 году вышла ее книга «Управляемое сердце: коммерциализация человеческих чувств», положившая начало исследованию эмоционального труда (emotional labor) – действий, усилий по управлению эмоциями, реализуемых в разных профессиях и на разных должностных позициях в рамках

650

рабочей роли. Понятие эмоционального труда является расширением понятия эмоциональной работы (emotional work), предполагающей управление эмоциями в частной сфере. Эмоциональный труд осуществляется в организационном контексте за вознаграждение; его значимость особенно высока в ситуациях непосредственного взаимодействия сотрудников с клиентами и друг с другом.

Эмоциональный труд реализуется в соответствии с нормами эмоциональной культуры, свойственной тому или иному обществу и социальной группе, которой принадлежит индивид. А.Р. Хохшильд выделяет два типа норм эмоциональной культуры – нормы выражения и нормы чувствования. Нормы выражения определяют, как и когда следует выражать определенные эмоции. Нормы чувствования предписывают интенсивность и длительность переживания эмоций в той или иной ситуации. Указанные нормы детерминируют структуру эмоционального труда, включающей поверхностное действие (исполнение) и глубокое действие (исполнение). Поверхностное исполнение предполагает демонстрацию поведения в соответствии с существующими правилами и ожиданиями, при глубоком исполнении реализуются усилия, чтобы действительно испытать эмоции, предписанные правилами чувствования.

А.Р. Хохшильд исходит из того, что в обществе потребления эмоциональный труд как услуга продается и при поверхностном, и при глубоком исполнении, а интенсивность и объем эмоционального труда увеличиваются. Систематическое расхождение выражаемых и истинных чувств негативно сказывается на сотрудниках, порождает эмоциональное отчуждение, ведет к изменению Я-концепции индивида [2].

Работы А.Р. Хохшильда стимулировали эмпирические исследования и дальнейшие теоретические разработки, в том числе изучение эмоционального труда в связи с гендерным неравенством, различным социокультурным контекстом и применительно к разным профессиональным областям.

Эмоциональный труд руководителя представляет собой отдельную проблему [4]. Исследования показывают, что лидеры выполняют эмоциональную работу с такой же частотой, что и рядовые работники сферы услуг, которые должны постоянно оказывать «услуги с

улыбкой». Однако, несмотря на важность эмоционального труда, он исторически игнорировался учеными, организациями и самими лидерами. Теперь же, в связи с изменениями в рабочей среде, требования к эмоциональному труду руководителей существенно возросли.

Ожидается, что руководители будут заботиться о психическом и физическом здоровье и выгорании сотрудников, демонстрировать безграничную чуткость и сострадание, а также предоставлять возможности для гибкого графика и удаленной работы — и все это при необходимости достижения максимальных итоговых показателей.

Без надлежащей поддержки это дополнительное бремя эмоционального труда будет сопряжено со значительными затратами психологических ресурсов. Неуправляемый эмоциональный труд подвергает руководителей повышенному риску выгорания и возникновению проблем со здоровьем. В свою очередь, организации рискуют снижением производительности, а также высокой текучестью кадров. Чтобы избежать этих затрат, организации должны поддерживать своих лидеров в управлении эмоциональным трудом, который они выполняют.

Первым шагом должно стать признание эмоционального труда трудом и организациями, и самими руководителями. Чтобы справиться с эмоциональными требованиями роли, лидеры часто прибегают к поверхностному действию, демонстрируя поведение, противоречащее их истинным чувствам. При этом лидеры могут не осознавать пагубных последствий подавления своих эмоций. Подобное несоответствие между тем, что люди чувствуют и тем, что они сообщают, можно уменьшить, создавая психологически безопасную эмоциональную культуру. В таких организациях сотрудники имеют возможность поделиться своими переживаниями, не ощущая угрозы негативной оценки со стороны коллег.

Полезной стратегией в управлении эмоциональным трудом может стать проявление сострадания к самому себе. Подобный подход позволяет более успешно согласовать переживание истинных чувств с требованиями рабочей роли. Кроме того, по имеющимся данным, лидеры, практикующие самосострадание, отличаются стойкостью,

честностью, больше помогают другим в решении рабочих и личных проблем.

Организации также могут предложить руководителям тренинговые программы по развитию эмоциональных навыков, том числе направленные на развитие осознанности. Преобразуя свои эмоции информацию, лидеры учатся принимать свои переживания, а не оценивать их или избегать [4].

Эффективность организационных интервенций в сфере управления эмоциональным трудом руководителей будет существенно выше при наличии серьезных научных исследований. К настоящему времени в литературе преобладают теоретические разработки. Эмпирические работы чаще обращены к анализу эмоционального труда образовательных организаций [1; 3]. Отечественными учеными освоение концепции эмоционального труда только начинается, и сейчас стоит задача осмысления всего накопленного материала, выработки различных социально-психологических практик, учитывающих специфику российских организаций.

Литература

1. *Йилдирим А., Лодатко Е.* Взаимосвязь между уровнем восприятия эмоционального труда и организационной приверженностью у женщин-руководителей // *Организационная психология.* 2021. №4.
2. *Симонова О.А.* Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии дальнейшая концептуализация идей А.Р. Хохшильд // *Журнал исследований социальной политики.* 2013. Том 11 №3.
3. *Iszatt-White M.* Leadership as Emotional Labour: The Effortful Accomplishment of Valuing Practicies // *Leadership.* 2009. №5 (4).
4. *Smith D., Grandy A.* The Emotional Labor of Being Leader // *Harvard Business Review.* 02.11.2022.

Особенности организационной лояльности сотрудников в сфере гостеприимства

Писарчук П.М.

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Горохов А.Ю.

РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

pisarchuk.pavel@gmail.com, nilus1@rambler.ru

На сегодняшний день, многими исследователями уделяется особенное внимание изучению сферы гостеприимства, организационной лояльности, удовлетворенности сотрудников организацией. Все больше компаний осознают специфику и необходимость работы с организационной культурой, мотивацией, удовлетворением трудом, а, следовательно, разрабатывают современные методы работы с персоналом [4].

Для сотрудника важно быть окруженным интересными и заинтересованными коллегами, уважаемым руководством, получать отдачу от проделанной работы. Лояльность может рассматриваться в разных направлениях: во внутрь и вовне, ориентация во вне больше на клиентов, а во внутрь – на персонал. С точки зрения В.И. Доминьяка [2, с. 229], нет смысла в рассмотрении отдельности понятий «лояльность клиентов» и «лояльность сотрудников», поскольку, с точки зрения маркетинга, потенциальный сотрудник может рассматриваться как внутренний клиент. Цель организационных мероприятий заключается в контроле соблюдения принципов, высокого уровня стандартов восприятия компании клиентами, сотрудниками [1, с.34]. Лояльность – это сила, привязывающая сотрудника к образу действий, соответствующему одной или нескольким целям.

Н. Аллен и Дж. Мейер [3], как ведущие исследователи организационной лояльности, отмечают важность и актуальность этих исследований, поскольку для компаний предоставляется возможность предсказания, снижения уровня текучести кадров персонала.

В нашем исследовании приняли участие сотрудники трех различных компаний, работающих в сфере гостеприимства (трех гостиниц). Выборка состоит из 91 респондента. Исследование проходило во время общих собраний сотрудников подразделения Food

and Beverage. Данные об особенностях компании и условиях труда получены в ходе интервью, общения с руководителями, в результате анализа дополнительных внутренних корпоративных документов.

Для проведения исследования был составлен пакет стандартизированных методик, в состав которого были включены: «Шкала организационной лояльности», «Миннесотский опросник удовлетворенности», «Шкала трудовой мотивации», «Опросник вовлеченности в работу».

Целью нашего исследования стало исследование специфики организационной лояльности сотрудников компаний, занятых в сфере гостеприимства.

Результаты, полученные в процессе исследования, выявили несколько наиболее значимых факторов организационной лояльности. По существу, это два типа компаний в отношении лояльности: те, которые проводят мероприятия по формированию организационной лояльности сотрудников, и те компании, где не проводятся мероприятия по формированию организационной лояльности.

По результатам нашего исследования можно сформулировать следующие выводы: компания сферы гостеприимства, где формируют организационную лояльность персонала, имеют более качественные показатели, связанные с образом компании и образом сотрудников (87% сотрудников разделяют общий образ компании, считая, что образ компании очень важен для сотрудников). При этом сотрудники проявляют лояльность к компании в том, что планируют в ближайшие несколько лет оставаться частью команды (90% респондентов дали положительный ответ), что свидетельствует о сниженной текучести персонала организации.

Важным и значимым показателем лояльности является идентификация с компанией: желание помочь, внести свой вклад в общее дело. Восприятие компании, как возможность профессионального роста, имеет значимые показатели для персонала. Преобладают два типа организационной лояльности: «аффективный» и «нормативный». Данные компоненты лояльности свидетельствуют о желании (в первую очередь) работать в компании и ощущении своего рода ставок/инвестиций в общие дела компании, опыта, полученного в рамках работы в компании. В компании наблюдается организационная

«культура задачи». Мишени, над которыми стоит работать в компании: сотрудники, соответствующие фактору «псевдо-лояльность»; развитие трудовой мотивации; восприятие возможностей профессионального роста.

Компании, где не проводят мероприятия, направленные на формирование организационной лояльности персонала, обладают показателями более низкими в сравнении с теми компаниями, где лояльность формируют. В целом, наблюдается более высокая текучесть персонала и неуверенность в будущем. Важным и значимым показателем является возможность профессионального роста.

Восприятие компании в рамках возможности профессионального роста имеет значимые показатели, превышающие показатели компании, в которых формируют организационную лояльность у сотрудников. В компании преобладает «продолженный» компонент организационной лояльности. Высоко ценится: профессионализм, индивидуальность, сохранение свободы работника. Работники удовлетворены уровнем заработной платы, руководителем. Сильные значимые связи между организационной лояльностью, заработной платой, профессиональным ростом.

Особое внимание стоит обратить на то, что при низком уровне мотивации труда, слабом восприятии возможностей профессионального роста будет наблюдаться продолжающаяся постоянная текучесть кадров.

Лояльность сотрудников влияет на показатели производительности и психологический климат коллектива. Более лояльные сотрудники отличаются высокой мотивацией, стремятся к аккуратности при выполнении своих обязанностей, более заинтересованы в развитии компании, инициативны, творчески подходят к выполнению работы. Наличие в обоих исследуемых типах компаний общего фактора «псевдо-лояльность» позволяет выделить общую мишень. Персонал «псевдо-лояльный» имитирует лояльность, подстраивается под коллектив. При условии сформированной организационной лояльности у коллектива данные сотрудники будут стремиться подражанию лояльности.

Литература

1. *Дейнека О.С.* Экономическая психология: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Университета, 2010. 160 с.
2. *Доминяк В.И., Родионова Е.А.* Мотивационный аспект увлеченности работой // Ананьевские чтения – 2016. Психология: вчера, сегодня, завтра. Материалы международной научной конференции, 25–29 октября 2016 г., в 2-х томах // отв. ред. А.В. Шаболтас, Н.В. Гришина, С.В. Медников, Д.Н. Волков. Том 2. СПб.: ИД «ФАРМиндекс», 2016. С. 229-230.
3. *Магура М.И., Курбатова М.Б.* Секреты мотивации или мотивация без секретов. М.: Аргумент, 2007. 656 с.
4. *Почебут Л.Г., Чикер В.А., Волкова Н.В.* Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: концепция и аспекты исследований// Организационная психология, 2018. No 8(2). С.47–71.

Динамика интереса к избранной врачебной специальности у студентов старших курсов медицинского вуза

Плюснин А.С., Ларина Г.Н.
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»,
Курск, Россия
Galka.larina@yandex.ru

В процессе исторического развития наблюдается тенденция к изменению смыслового содержания понятия интерес: остаются значения понятия «интерес», связанные с выгодой и с занимательностью, важностью дела, однако исчезает значение, связанное с сочувствием другому человеку. Тем актуальнее становится изучение интереса к специальности у тех специалистов, чья деятельность не мыслится без наличия подобных высоких гуманистических качеств – врачей [3; 4].

Целью исследования явилось изучение динамики интереса к избранной врачебной специальности у студентов 5 и 6 курса лечебного факультета медицинского вуза.

Объект исследования: интерес студентов-медиков к избранной врачебной специальности.

Предмет исследования: информированность в условиях учебного процесса как фактор, влияющий на динамику интереса к избранной врачебной специальности.

В исследовании приняли участие студенты лечебного факультета Курского государственного медицинского университета в количестве 71 человека (38 – студенты 5 курса, 33 – студенты 6 курса, среди которых 53 женщины и 18 мужчин).

В определении выраженности интереса к врачебной профессии использовалась методика Дембо-Рубинштейн [5], диагностика врачебной специализации определялась с помощью онлайн-методики [1], а также использовались ответы на вопросы, сформулированные с целью выяснения динамики интереса к профессии в процессе обучения студентов в медицинском вузе.

Результаты тестирования студентов с помощью онлайн-методики показали, что у незначительного числа студентов-медиков (4,23%) были диагностированы интересы, относящиеся к типу профессий «человек-живая природа». В большинстве случаев (более 95%) тестирование подтвердило соответствие врачебных специализаций и реального выбора студентами профессии врача, которая представляет тип профессий «человек-человек» [2]. Кроме того, онлайн-методика предполагает выяснение выбора другой специальности при невозможности стать врачом.

Данные свидетельствуют, что «расширяется» круг типов профессий за счет диагностированной профессии дизайнера (в 21,13% случаев), которая относится к типу профессий «человек-художественный образ». При невозможности работать врачом студенты-медики чаще делают выбор в пользу профессии учителя (45,07%). При этом на возможный выбор той или иной (не врачебной) специальности, не оказывает влияние выраженность интереса к профессии врача, на что указывают данные статистической обработки данного показателя с помощью *H-критерия* Крускала-Уоллиса

(значение p оказалось равным 0,4842, что не имеет значения при $p < 0,05$).

Устойчивость интереса к избранной врачебной специальности и невозможность работы по другой специальности высказывают более четверти студентов, о чем свидетельствуют данные из диаграммы 3.

Большинство опрошенных студентов (64,79%) поменяло мнение по поводу выбора врачебной специальности. В большей степени это происходит на 3 и 4 курсах, соответственно, в 41,18 и 21,57% случаев.

Таким образом, психодиагностический «срез» показал относительно небольшой процент (4,23%) будущих врачей, не проявляющих интереса к избранной врачебной специальности, а тяготеющих к типу профессий «человек-живая природа», в частности профессии ветеринара. Воображаемое затруднение, связанное с невозможностью работы по избранной врачебной специальности, расширяет круг типов профессий, где могли бы реализоваться интересы студентов-медиков и связаны они с типом профессий, относящихся к группе «человек-художественный образ» (в частности, дизайнер – в 21,13% случаев). Более четверти студентов (26,76%) отмечают невозможность работы по другой врачебной специальности, которые, вероятно, при отстаивании своей твердой позиции руководствуются не только сочувствием и сопереживанием другому человеку, но и другими мотивами. Учитывая, что у большинства студентов на 3 и 4 курсе происходит изменение представления об избранной специальности (62,75%), в познавательной деятельности данного чувствительного периода необходимо делать акцент на развитии интереса к профессии, основанного на сочувствии другому человеку.

Литература

1. Какая специализация вам подходит. Врачебный тест из онлайн-журнала Greatpicture (Электронный ресурс <https://www.greatpicture.org/vrachebnyy-test/> Дата обращения 31.03.2023).
2. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 304 с.

3. *Меньшикова Е.А.* Психолого-педагогическая сущность познавательного интереса / Е. А. Меньшикова // Вестник ТГПУ. 2008, №3. С. 3-6.
4. *Плюснин А.С., Ларина Г.Н.* Особенности самооценки студентов-медиков // От мечты к открытию: психологические исследования молодых ученых. Материалы региональной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей. Курский государственный университет. Курск, 2023. С. 99-101.
5. *Сидоров К.Р.* Методика Дембо-Рубинштейн и ее модификация // Вестник Удмуртского университета. 2013. № 1. С. 40-42.

К вопросу о доверии в межличностных отношениях

Позднякова Т.Б.

*СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
tat_pozdnyakova@mail.ru*

В современном мире, наполненном динамизмом и неопределенностью, проблема доверия людей друг другу приобретает особую актуальность.

В психологии доверие нередко рассматривают как важное условие развития личности и межличностного взаимодействия. Доверие не только формируется в отношениях между людьми, но и влияет на характер отношений к другому человеку и к самому себе [2].

В настоящее время доверие определяют как относительно самостоятельный сложный многоаспектный феномен. При этом дискуссионными остаются вопросы о содержании понятия «доверие», определяющих его факторах [1; 3].

Доверие трактуют как установку, отношение, состояние, чувство, свойство, ценность и т.д. Так, по мнению А.Б. Купрейченко, доверие как психологическое отношение включает «интерес и уважение к объекту или партнеру; представление о потребностях, которые могут быть удовлетворены в результате взаимодействия с ним; эмоции от предвкушения их удовлетворения и позитивные эмоциональные оценки объекта или партнера; расслабленность и безусловную

готовность проявлять по отношению к нему добрую волю, а также совершать определенные действия, способствующие успешному взаимодействию» [1, с. 190].

В рамках данной проблемы нами было проведено исследование, направленное на изучении доверия в межличностных отношениях юношей и девушек.

В число респондентов вошли студенты вуза в количестве 125 человек в возрасте от 20 до 21 года.

Блок диагностических средств включал широкий набор методик, среди которых был опросник СУМО (Саморегуляция и успешность межличностного общения) (автор В.Н. Куницына) и 16-факторный опросник Р. Кеттелла.

О доверии личности другим людям свидетельствовали показатели по шкале «доверие» методики СУМО, отражающие способность личности доверять другому человеку.

Согласно полученным данным, среднегрупповой показатель доверия молодых людей равен 5,4 баллам из 12-ти максимально возможных, что свидетельствует о невысоком уровне готовности доверять людям.

При анализе распределения признака было установлено, что большая часть (48,8%) респондентов в меру доверчивы, их показатели находятся на среднем уровне, 42,4% – крайне осторожны и не склонны к доверию и только 8,8% можно назвать доверчивыми людьми.

Как показал корреляционный анализ, существует прямая связь между показателями доверия (методика СУМО) и доверчивости личности (фактор L) (16-факторный опросник Р. Кеттелла), что говорит о надежности полученных результатов.

Доверие на уровне статистической значимости коррелирует с отдельными свойствами личности. Так, установлены отрицательные связи между показателями доверия и боязни быть отвергнутым другими людьми, тревожности личности, напряженности и положительные – с показателями самоконтроля и оптимизма.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что доверие юношей и девушек другим людям не продиктовано импульсивностью, зависимостью, страхами. Напротив, оно сочетается с уверенностью в себе, спокойствием, умением контролировать свои

эмоции и поведение, оптимистическим взглядом на жизнь. Наличие эмоциональной устойчивости и самодостаточности позволяет открыться и довериться другому человеку.

Кроме того, показатели доверия напрямую связаны с благожелательностью по отношению к другим людям, способностью к совершению альтруистичных поступков, отсутствием ханжеских установок, общительностью, смелостью, толерантностью, не склонностью к агрессивным стратегиям разрешения трудностей, возникающих в отношениях с другими людьми, потребностью в близком доверительном общении и отношениях, стремлением к стабильности в отношениях, удовлетворенностью общением и отношениями в близком кругу.

Таким образом, можно предположить, что в основе доверия людям у юношей и девушек лежит доброжелательное отношение к ним, вера им, без каких бы то ни было условностей. Чем более они доверяют другому человеку, тем скорее они склонны к совершению бескорыстного поступка по отношению к нему, толерантны, не агрессивны в сложной ситуации межличностного взаимодействия. Доверяя, они открыты к контактам, легко вступают во взаимодействие, активны, готовы к риску и сотрудничеству с незнакомыми людьми в незнакомых обстоятельствах. Кроме того, чем сильнее потребность в близком, доверительном общении и отношениях, а также чем более выражено стремление к стабильным и прочным отношениям, тем в большей степени они склонны доверять. Примечательно, что у молодых людей удовлетворенность общением и отношениями с близкими людьми обусловлена уровнем доверия. Чем его больше, тем выше показатели удовлетворенности общением и отношениями.

Итак, на основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что у юношей и девушек доверие в отношениях во многом определяется уровнем личностной зрелости, значимостью доверительных, стабильных отношений, наличием доброжелательности и внимания к людям. Доверяя, они в большей степени склонны к проявлению альтруизма, толерантны, открыты к общению, не боятся рисковать.

Полученные данные расширяют имеющиеся представления о доверии в межличностных отношениях и требуют дальнейшего изучения.

Литература

1. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
2. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учебное пособие. СПб.: Питер, 2003.
3. Скрипкина Т.П. Доверие в социально-психологическом взаимодействии. Ростов-на-Дону: Издательство РГПУ, 1997.

Индивидуальные ценности и межличностные ориентации мужчин и женщин, партнеров в парах с разным статусом близких отношений

Позняков В.П., Поддубный С.Е.
ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, Россия
pozn_v@mail.ru

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-28-00356)

В докладе представлены результаты эмпирического исследования личностных особенностей мужчин и женщин, партнёров в парах близких отношений различного статуса (романтические отношения, незарегистрированный («гражданский») брак, официальный брак). Работа выполнена в рамках реализации научного проекта «Личностные предикторы перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям» [2]. Для сбора эмпирических данных были использованы: опросник индивидуальных ценностей С. Шварца в адаптации В.Н. Карандашева [1] и опросник межличностных ориентаций (методика FIRO В.В. Шутца) в адаптации А.А.

Рукавишников [3]. В ходе исследования было опрошено 170 гетерогенных по полу пар (мужчина и женщина) в возрасте от 18 до 35 лет. Статистический анализ данных выполнен с использованием программ STATISTICA 10. Первичная обработка результатов тестирования проводилась с помощью аппаратно-программного психодиагностического комплекса «Мультипсихометр-05» с переводом «сырых» оценок в стандартную 10-балльную шкалу стенов, что позволило использовать методы параметрической статистики [4]. В качестве статистических методов использовались: T - критерий Стьюдента для независимых, а также однофакторный дисперсионный анализ ANOVA – выборка для выявления значимых различий в личностных особенностях представителей сравниваемых групп.

В результате исследования были выявлены как общие для всей выборки, без учета половой принадлежности, различия в личностных особенностях между партнёрами, состоящими в близких отношениях разного статуса, так и специфические (зависимые от пола партнёров) различия между ними. Для представителей романтических пар наиболее значима ценность Доброта (4,99) – сохранение и повышение благополучия близких людей. Для представителей сожительствующих пар наиболее значима ценность Власть (5,38) – потребность контролировать людей и ресурсы и наименее значима – ценность Доброта (4,35). Представителей супружеских пар отличает сравнительно низкая значимость ценности Власть (4,61).

Сравнение личностных особенностей мужчин и женщин по всей выборке показало, что для мужчин достоверно более значимы такие ценности, как Конформность (5,58 против 4,48) и Власть (5,28 против 4,73). Достоверные различия также обнаружены по таким характеристикам, как Выраженное поведение в области контроля (6,46 против 5,73), Требуемое поведение в области включения (4,85 против 4,21) по опроснику В. Шутца.

Выявлены значимые различия в личностных особенностях мужчин и женщин с разным статусом близких отношений. У мужчин, состоящих в отношениях сожительства, достоверно наиболее выражена значимость ценности Власть (5,73), а у мужчин-супругов она наименее значима (4,83). Для сожительствующих женщин наиболее значима ценность Власть (5,04) и наименее – ценности

Доброта (4,27) и Самостоятельность (4,64). Для женщин, состоящих в романтических отношениях, наиболее значимы ценности Доброты (5,09) и Самостоятельности (5,59). У женщин, состоящих в супружеских отношениях, максимальные показатели требуемого поведения в области аффекта (4,42), они в наибольшей степени нуждаются в близких эмоциональных отношениях. Для них наименее значима ценность Власть (4,39).

Перспективы дальнейших исследований авторы связывают с выявлением и анализом личностных особенностей мужчин и женщин, которые могут выступать предикторами (статистическими предпосылками) перехода молодых людей от добрачных, внесемейных отношений (регулярных встреч и совместного проживания) к полноценным семейно-брачным отношениям. Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что они могут быть использованы для научного обоснования практических рекомендаций для руководителей и специалистов, занимающихся поддержкой и развитием института семьи в современном российском обществе, а также в практике индивидуального и семейного консультирования.

Литература

1. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. Спб., 2004.
2. *Позняков В.П., Поддубный С.Е., Панфилова Ю.М.* Личностные факторы перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям. замысел и программа эмпирического исследования // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3 (126). С. 144-150.
3. *Рукавишников А.А.* Опросник межличностных отношений. – НПЦ «Психодиагностика», Ярославль, 1992.
4. Универсальная психодиагностическая система «Мультипсихометр». Методическое руководство. Том 1. М.: ООО «Информационные психотехнологии», 2014.

Показатели привязанности и семейного функционирования у взрослых с различными семейными дисфункциями в период детства

Полякова И.С. Красило Д.А.

МГППУ, Москва, Россия

irene.poliakova@gmail.com

krasilo@list.ru

Проблема привязанности и специфики семейного функционирования у взрослых в контексте особенностей детско-родительских отношений только начинает изучаться в отечественной психологической парадигме исследований [3, 2]. Цель актуального эмпирического исследования: выявить различия в показателях привязанности и семейного функционирования взрослых в зависимости от различных признаков дисфункциональности их родительских семей. Выборка исследования составила 60 человек в возрасте от 23 до 60 лет, из них 13 мужчин и 47 женщин. Распределение по семейному статусу: 39 человек в браке; 5 – в разводе; 2 – в гражданском браке; 4 – в отношениях. 48 респондентов имеют собственных детей и 12 – не имеют. В отношении респондентов установлены признаки дисфункции их родительской семьи по следующим критериям: полнота родительской семьи; злоупотребление родителей алкоголем; а также опыт переживания физического насилия в родительской семье [5].

Дизайн эмпирического исследования предполагает разделение испытуемых на группы по признаку наличия в их родительской семье той или иной дисфункции с последующим сравнением статистической разницы между данными группами по показателям привязанности и семейного функционирования. Для анализа привязанности использованы 2 методики: 1. «Мульти-опросник измерения романтической привязанности у взрослых – MIMARA» в адаптации Т.Л. Крюковой, О.А. Екимчик; 2. Методика «Самооценка генерализованного типа привязанности (RQ)» К. Бартоломью и Л. Хоровиц в адаптации Т.В. Казанцевой. Для оценки семейного функционирования использован опросник «Шкала семейного окружения ШСО» Р. Мус и Б. Мус в адаптации С.Ю. Куприянова. Для

статистического расчета эмпирических данных использован непараметрический критерий U-Манна-Уитни для анализа различий между двумя независимыми группами. Расчеты проведены в компьютерном программном пакете SPSS 22.0 for Windows.

Предварительный анализ направлен на выявление различий по заявленным показателям между группами мужчин и женщин, что позволяет глубже понять специфику проявления привязанности и отдельных показателей семейного функционирования. В рамках анализа показателей привязанности между мужчинами и женщинами выявлены различия лишь по таким стилям романтической привязанности, как «ревность» ($U = 108,000$; $p \leq 0,01$) и «цепляние за партнера» ($U = 164,000$; $p \leq 0,05$). Оба стиля привязанности в большей степени характерны для женщин. Данный результат может отражать действие гендерных социокультурных стереотипов, согласно которым женщине предписывается большее стремление к построению романтических и, впоследствии, супружеских отношений, наличие или отсутствие которых в большей степени определяет ее самооценку, чем самооценку мужчины. В восприятии характеристик семейного окружения мужчинами и женщинами статистически достоверных различий не выявлено.

Установлено, что выходцам их полных родительских семей характерен больший уровень доверия в романтических отношениях, чем взрослым, выросшим в неполных семьях ($U = 222,500$; $p \leq 0,05$). Полученные данные могут быть связаны с тем, что выходцы из неполных семей не имели модели полноценных доверительных отношений между мужчиной и женщиной. В связи с этим у них могла не сформироваться привычка доверять партнеру. Также выходцы из неполных семей могли быть свидетелями разводов и сопутствующих этому конфликтов, что могло сформировать у них негативные ожидания по отношению к представителям противоположного пола [4]. Различий в показателях семейного функционирования между взрослыми представителями полных и неполных родительских семей не выявлено.

Установлено, что взрослые, выросшие в семьях, где хотя бы кто-то из родителей злоупотреблял алкоголем, проявляют более высокие значения по такому стилю романтической привязанности, как «стремление к сближению» ($U = 295,500$; $p \leq 0,05$). Результат, на наш

взгляд, объясняется тем, что взрослым женщинам из алкоголизированных семей свойственны созависимые черты характера, особенно, если алкоголем злоупотреблял мужчина (из 60 испытуемых 47 – женщины). Из особенностей семейного функционирования установлено, что взрослым, которые выросли в семьях алкоголиков, в меньшей степени характерны семейная конфликтность ($U = 295,500$; $p \leq 0,01$), а также меньший уровень ориентации на интеллектуально-культурные ценности ($U = 282,000$; $p \leq 0,01$). Это может быть связано с повышенный уровнем страха взрослых, выросших в семье алкоголиков, перед потенциально конфликтными ситуациями, в связи с чем во взрослом возрасте они стремятся избегать данных ситуаций. Более низкий уровень интеллектуально-культурных интересов может быть связан с дефицитом интереса к культурной сфере в алкоголизированных семьях [1; 5].

Статистически достоверных различий между группами взрослых, выросших в условиях наличия или отсутствия физического насилия в семье, по критерию стили привязанности не выявлено. Установлено, что взрослые, не переживавшие насилия в родительской семье, склонны отмечать больший уровень сплоченности ($U = 273,500$; $p \leq 0,01$), а также конфликтности ($U = 202,500$; $p \leq 0,01$) в семейных отношениях. Результат, на первый взгляд, является неожиданным, однако, более высокий уровень конфликтности в семьях взрослых без опыта насилия в детстве, на наш взгляд, является, скорее, копинговым фактором, позволяющим канализировать напряжение от периодически назревающих противоречий [4]. В свою очередь, взрослые, пережившие в детстве опыт насилия, по нашему мнению, избегают конфронтации, в том числе, если она несет конструктивную функцию. Такие взрослые, имея опыт насилия, могут также иметь пониженные пороги переживания дистресса на малейшую ситуацию конфронтации, в связи с чем, по-видимому, стремятся избегать не просто любых конфликтов, но и любой конфронтации в целом [1].

Таким образом, в результате эмпирического исследования установлено, что наличие отдельных факторов семейной дисфункции в родительской семье действительно связано со спецификой проявления взрослыми воспитанниками, как некоторых особенностей привязанности, так и особенностей семейного функционирования.

Литература

1. *Боулби Дж.* Создание и разрушение эмоциональных связей. М. 2006.
2. *Кожухарь Г.С., Кочетков Н.В., Красило Д.А., Красило Т.А., Крушельницкая О.Б., Новгородцева А.П., Орлов В.А., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Сачкова М.Е., Хаймовская Н.А., Шнейдер Л.Б.* Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2021. 262 с.
3. *Красило Д.А.* Автономия и привязанность в отношениях с родителями в контексте реального самоопределения у студентов // Социальная психология и общество. 2021. Т 12. №1.
4. *Олифирович Н.И.* Психология семейных кризисов. СПб. 2006.
5. *Эйдемиллер Э.Г.* Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учеб. пособ. для врачей и психологов. СПб. 2005.

Копинг-стратегии в воинском коллективе у военнослужащих с разным уровнем самооценки

*Пономарева О.Д., Завгородняя И.В.
ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия
oxitooon@yandex.ru, zavgorodnyai@mail.ru*

В современных условиях внешнеполитическая ситуация создает повышенный интерес к личностным особенностям военнослужащих и их проявлениям в воинском коллективе. Специфика профессиональной деятельности военных заключается в погруженности в стрессовые ситуации, требующие сознательного совладания с ними для самосохранения и эффективного решения поставленных задач. Копинг-стратегиями называют поведенческие, эмоциональные, когнитивные стратегии, используемые личностью для преодоления стресса и совладания с ним [1].

Самооценка служит основой, на которой человек выстраивает свои взаимоотношения с окружающими его людьми. Самооценка – это

оценка личностью самой себя, своих возможностей, качеств, и места среди других людей. [2]. От уровня самооценки военнослужащего зависит, как он общается с коллегами, как он относится к ним и как чувствует себя в их окружении. В свою очередь, использование определенных копинг-стратегий определяет не только успешность адаптации к трудным жизненным ситуациям, происходящим вне коллектива, но и адекватность построения военнослужащими личностных взаимоотношений в стрессовой ситуации внутри коллектива.

В связи с тем, что в современном мире вопрос самореализации человека в профессии является одним из самых важных, изучение специфики копинг-стратегий в воинском коллективе у военнослужащих с разным уровнем самооценки приобретает актуальность в контексте поиска возможностей повышения эффективности военно-профессиональной деятельности.

Цель исследования – изучить особенности копинг-стратегий в воинском коллективе у военнослужащих с разным уровнем самооценки.

В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что существуют отличия в выраженности копинг-стратегий в воинском коллективе у военнослужащих с разным уровнем самооценки, а именно: 1) у военнослужащих с высоким уровнем самооценки более выражены конструктивные копинг-стратегии, направленные на активное преодоление стрессовой ситуации (конфронтация, самоконтроль, положительная переоценка); 2) у военнослужащих со средним уровнем самооценки более выражены конструктивные копинг-стратегии, направленные на саморегуляцию (принятие ответственности, планирование решения проблемы); 3) у военнослужащих с низким уровнем самооценки более выражены неконструктивные копинг-стратегии (дистанцирование, поиск социальной поддержки, избегание).

Объект эмпирического исследования – 60 военнослужащих, мужчины в возрасте 23-45 лет.

В работе использовались методика исследования самооценки личности С.А. Будасси и опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, С. Фолкман.

Для установления статистически значимых различий в выраженности копинг-стратегий в воинском коллективе у

670

военнослужащих с разным уровнем самооценки использовался ранговый U-критерий Манна-Уитни.

В ходе исследования установлено, что у военнослужащих с высоким уровнем самооценки более выражены такие копинг-стратегии, как конфронтация ($z = 2,9$, $z = 3,5$, $z \geq z_{0,995}$) и самоконтроль ($z = 3,35$, $z = 2,8$, $z \geq z_{0,995}$). Это может говорить нам о том, что такие военнослужащие способны активно противостоять трудностям, избегая импульсивных поступков, рационально подходя к проблемам. Также у военнослужащих с высоким уровнем самооценки выражена копинг-стратегия положительной переоценки по сравнению с военнослужащими с низким уровнем самооценки ($z = 2,95$, $z \geq z_{0,995}$). Это означает, что они более ориентированы на более позитивное осмысление проблемной ситуации. Однако в сравнении с военнослужащими со средним уровнем самооценки, нельзя сделать однозначного вывода о наличии или отсутствии различий в выраженности данной копинг-стратегии ($z = 2,49$, $z \geq z_{0,975}$, $z \leq z_{0,995}$).

У военнослужащих со средним уровнем самооценки более выражена копинг-стратегия принятия ответственности ($z = 3,5$, $z \geq z_{0,995}$) по сравнению с военнослужащими с низким уровнем самооценки. Военнослужащие данной группы высоко осознают свою роль в возникновении актуальных трудностей.

У военнослужащих с низким уровнем самооценки более выражены такие копинг-стратегии, как дистанцирование ($z = 3,008$, $z \geq z_{0,995}$), по сравнению с военнослужащими со средней самооценкой, и избегание ($z = 2,9$, $z = 3,24$, $z \geq z_{0,995}$), по сравнению с военнослужащими с высокой и средней самооценкой. Это говорит о том, что такие военнослужащие стремятся преодолеть негативные переживания путем снижения субъективной значимости трудностей, либо путем отрицания их наличия.

Гипотеза исследования подтвердилась частично. Нашло подтверждение предположение о том, что у военнослужащих с высоким уровнем самооценки более выражены такие копинг-стратегии, как «конфронтация», «самоконтроль», «положительная переоценка»; у военнослужащих со средним уровнем самооценки более выражено «принятие ответственности»; у военнослужащих с низким уровнем самооценки более выражены копинг-стратегии «дистанцирование» и «избегание».

Не подтвердилось предположение о том, что у военнослужащих со средним уровнем самооценки более выражена копинг-стратегия «планирование решения», а у военнослужащих с низким уровнем самооценки более выражена копинг-стратегия «поиск социальной поддержки». Полученные данные можно объяснить готовностью военнослужащих в стрессовой ситуации в воинском коллективе следовать определенным правилам и нормам, регламентируемым общевоинским уставом, а также направленностью на самостоятельный поиск путей выхода из сложных ситуаций.

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о возможности повышении эффективности осуществления военно-профессиональной деятельности путем активного преодоления стрессовой ситуации и саморегуляции воинском коллективе при наличии высокого и среднего уровней самооценки у военнослужащих.

Литература

1. *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. Психологическая антропология стресса. М., 2009.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб., 2005.

К вопросу о различиях организационных культур подразделений с дистанционным и контактным взаимодействием персонала

Посохин А.С.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
posoxin33fix@mail.ru*

Непрерывность меняющихся социальных и экономических условий и стремительный рост использования компаниями информационных технологий, способствовало созданию виртуальных организаций, а также активному созданию компаниями структурных единиц, работающих в удаленном формате.

За последние 30-40 лет проведенных исследований на тематику организационной культуры, появилось большое количество теоретического и эмпирического материала. Однако, на современном этапе, вопросам организационной культуры компаний и подразделений, работающих в удалённом формате, уделяется недостаточное внимание, что обуславливает необходимость проведения теоретико-методических исследований в этом направлении [3].

Теоретические и методические основы изучения виртуальных отношений были заложены многими отечественными и зарубежными учеными, что обеспечило базу для исследования проблем организационной культуры виртуальных организаций. Разработкой этих проблем занимались такие отечественные ученые, как Б.З. Мильнер, И.Н. Алексеев, Д.В. Иванов, В.В. Трофимов и др., а также зарубежные ученые: Д. Сигел, М. Уорнер, М. Витцель.

Отечественный исследователь А.Л. Свенцицкий под организационной культурой понимает: «своеобразное сочетание компонентов материальной и духовной культуры, отражающих основные стороны жизнедеятельности данной организации» [2, с.379]. Таким образом, культуре организации присущ ряд функций, и она представляет собой систему взаимодействующих друг с другом элементов, что: «определяется не простой суммой ожиданий и реального положения вещей по каждой характеристике, а тем, как они связаны между собой» [1, с. 390].

Организационной культуре виртуальных компаний, также присущи характеристики и функции организационных культур традиционных организаций. Однако в связи с изменением условий, выходом организации в виртуальное пространство, ряд элементов организационной культуры претерпевают изменения.

Цель нашего исследования заключается в проведении сравнительного анализа организационных культур подразделений с дистанционным и контактным взаимодействием персонала.

Нами был определен следующий методический инструментарий: методика Д. Денисона «Модель исследования организационной культуры», методика К. Камерона, Р. Куинна «Инструмент оценки организационной культуры», «Анкета исследования организационной культуры» Ю.Г. Семенова.

В нашем исследовании приняли участие 55 сотрудников аутсорсинговой компании, из них 26 сотрудников, работающих в дистанционном формате, и 29 сотрудников, работающих в офисе.

Методика Д. Денисона «Модель исследования организационной культуры» строится на оценке четырех ключевых характеристик организационной культуры, которые влияют на её эффективность: адаптивность, миссия, взаимодействие, вовлеченность. Статистический анализ показал, что существуют статистически значимые различия по параметрам адаптивность, миссия и вовлеченность, между подразделениями, работающими в дистанционном и традиционном форматах, а также тенденция к статистически значимому различию по параметру взаимодействие. У подразделения, работающего в традиционном формате, выраженность всех параметров сильнее.

Методика «Анкета исследования организационной культуры» Ю.Г. Семенова позволяет исследовать такой параметр организационной культуры как информационно-деловой обмен. Статистический анализ показал, что существует тенденция к статистически значимому различию между подразделениями, работающих удаленно и в офисе. У сотрудников, работающих в офисе, данный параметр выражен сильнее, чем у сотрудников, работающих удаленно.

Методика Д. Денисона «Модель исследования организационной культуры» выявила доминирующий тип культуры подразделения, работающего в традиционном формате – им является клановый тип (51,4%). В подразделении, работающим дистанционно, наблюдается такая же тенденция, где доминирующим типом культуры является клановый (54,45%).

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что при проведении исследования организационных культур подразделений с дистанционным и контактным взаимодействием персонала, следует учитывать специфику работы, осуществляемой в дистанционном формате.

Литература

1. Занковский А.Н. Организационная психология. М., 2014.
2. Свенцицкий А.Л. Организационная психология. М., 2016.

3. Уорнер М., Витцель М. Виртуальные организации. Новые формы ведения бизнеса в XXI веке. М., 2005.

Консолидация социального капитала организации: модель социально-психологического сопровождения

*Почебут Л.Г., Чикер В.А., Недошивина М.А., Ларькина В.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
ludmila.pochebut@gmail.com, vchiker@yandex.ru,
nedoshivinam@gmail.com, vic.larkina@gmail.com*

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, № 23-28-00107.

Изучение аспектов социального капитала организации представляет собой актуальную проблему при решении как теоретических, так и практических вопросов социальной психологии. Значительная сложность заключается в том, что теоретическая и прикладная психология находятся в противоречии по этому вопросу. Существует ряд теоретических и эмпирических исследований, но ни основная идея, ни ее методология не разработаны в полноценном виде на данном этапе, поэтому в настоящее время не существует надежных и валидных методов определения степени консолидации организационного социального капитала. Для того чтобы обеспечить устойчивое развитие социальных процессов в организации, необходимо создать теоретическую базу, описывающую основные вопросы, требующие решения, провести прикладные эмпирические исследования и изучить организационные, социально-психологические, социологические, демографические и другие факторы развития социального капитала. Для повышения эффективности организации крайне важно проводить также практическую социально-психологическую работу, обеспечивающую рост и консолидацию социального капитала.

Цель проекта – разработать модель социально-психологического сопровождения консолидации социального капитала организации с учетом четырех социально-психологических составляющих –

теоретического, методологического, прикладного и практического анализа.

На теоретическом уровне рассмотрения социального капитала мы использовали идею «габитуса» [1]. Социальный капитал относится к единому значимому социальному пространству, где люди объединяются на основе доверия, приверженности общим ценностям и целям, а также соблюдения социальных норм и правил поведения. Все это способствует укреплению социального капитала, который объединяет эти характеристики [2]. К негативным факторам относятся такие явления как моббинг, конфликты, эмоциональное выгорание и профессиональная деформация, а к позитивным – лидерство, коучинг, мотивация и стимулирование персонала. Объективация социального капитала внутри организации включает такие факторы, как карьерный рост, позитивную организационную культуру и благоприятный социально-психологический климат. Консолидация социального капитала – это процесс, который является результатом управленческих решений, а также стабильного психологического состояния сотрудников [3].

Путь системного, целостного и всестороннего теоретико-методологического анализа занимает значительное место в изучении организационного социального капитала, поскольку позволяет соотнести теоретические идеи с практикой и провести надежные и валидные прикладные исследования. Соответствующий методологический инструментарий может быть создан путем эмпирической или экспериментальной оценки разработанных моделей, что является основным направлением развития теории и методологии организационного социального капитала [4].

Для разработки прикладного направления анализа была апробирована методика «Компонентов социального капитала организации» (КСКО), которая продемонстрировала высокие показатели валидности и надежности [5].

Наконец, необходима комплексная практическая работа по социально-психологическому сопровождению консолидации социального капитала в организации. Результаты теоретического и методологического анализа, а также прикладных исследований должны стать основой для практической деятельности. К основным направлениям практической работы будут относиться усилия по

формированию и развитию элементов социального капитала – доверия, приверженности групповым целям и ценностям, соответствию принятым нормам поведения, укреплению репутации организации. В данном случае социально-психологическая работа представляет собой многоступенчатую процедуру, включающую диагностику социального капитала в организации и анализ его ключевых элементов и проблем, требующих решения. Основные методы работы здесь – разработка программ тренинга и создание групп для обучения сотрудников навыкам активизации социально-психологических процессов, которые помогут организации в наращивании социального капитала.

В исследовании можно сделать следующие выводы. Модель социально-психологического сопровождения консолидации социального капитала организации состоит из трех показателей – компоненты социального капитала, факторы формирования и объективация через социально-психологический климат, карьеру сотрудников и организационную культуру. Для консолидации предлагаются четыре пути: теоретический, методологический, прикладной и практический. Практический путь включает шесть этапов: диагностику персонала, их знакомство с концепцией, разработку программ, проведение тренингов, коучинг и консультирование, групповые дискуссии.

Литература

1. *Бурдые П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007.
2. *Почебут Л.Г., Чикер В.А., Волкова Н.В.* Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: концепция и аспекты исследования // *Организационная психология.* Т. 8. № 2. 2018. С. 47–71.
3. *Почебут Л.Г., Чикер В.А., Волкова Н.В., Гуриева С.Д.* Противоречивость социально-психологических эффектов консолидации социального капитала организации // *Организационная психология.* Т. 8. № 2. 2021. С. 8–24.

4. Почебут Л.Г., Чикер В.А., Волкова Н.В., Гуриева С.Д. Методологическое обоснование изучения социального капитала организации // Организационная психология. 2021. Т. 11. № 1. С. 8–24.
5. Почебут Л.Г., Чикер В.А., Кузнецова И.В., Гуриева С.Д., Безносков Д.С., Волкова Н.В., Яничева Т.Г. Психологическая диагностика социального капитала организации // Социальная психология и общество, 2022, Т. 13, № 3, с. 62-79.

Профилактика эмоционального выгорания будущих специалистов государственного и муниципального управления

Провоторова Н.В.

*ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, Россия
provotorova.natalija@yandex.ru*

Эффективность и успешность будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления напрямую зависит от условий, в которых протекает их профессиональная деятельность, от эмоционального климата и общего положительного эмоционального фона в трудовом коллективе.

Однако реалии профессиональной деятельности в сфере государственного и муниципального управления (ГМУ) таковы, что специалисты постоянно сталкиваются с различными профессиональными стрессорами, в частности:

- с регламентированностью работы, когда инициатива и инновационные формы работы не всегда приветствуются руководством;
- с высокой рабочей нагрузкой;
- с неоднозначными требованиями в работе;
- с высоким уровнем ответственности;
- с необходимостью общаться с агрессивными настроенными, конфликтными или обиженными людьми;
- с отсутствием или недостатком социальной поддержки со стороны коллег и руководства;

- недостаточная подготовленность к профессиональной деятельности и пр. [4].

Продолжительное воздействие профессиональных стрессов может привести к постепенной утрате эмоциональной, когнитивной и физической энергии, проявляющейся в симптомах эмоционального, умственного истощения, физического утомления, личностной отстраненности и снижения удовлетворения исполнением работы. В данном случае речь идет об эмоциональном (психическом) выгорании.

Вопросам эмоционального выгорания государственных служащих посвящены труды В.С. Бодрягиной, Ю.И. Видановой, М.А. Гордеевой, Н.В. Провоторовой и др. [1; 2; 3; 4]. Исследователи уделяли внимание изучению причин, признаков, симптомов, составляющих эмоционального выгорания специалистов сферы государственного и муниципального управления и способов его профилактики.

При этом мало внимания уделялось вопросам формирования психофизического компонента профессиональной готовности в процессе подготовки будущих специалистов сферы ГМУ.

Анализ исследований в этом направлении показал, что успешность профессиональной деятельности в данной сфере зависит от уровня сформированности у будущих специалистов таких качеств, как общая выносливость, стрессоустойчивость, эмоциональная устойчивость, статическая устойчивость и пр. [5].

Ученые, изучающие вопросы профилактики синдрома эмоционального выгорания, акцентируют внимание на необходимости формирования эмоциональной устойчивости как основополагающего фактора, влияющего на эмоциональное выгорание.

Эмоциональная устойчивость специалистов ГМУ играет весомую роль в условиях инновационного государственного управления. Эмоционально устойчивые специалисты способны определить наиболее эффективные способы поведения в непредвиденных и конфликтных ситуациях.

Учитывая структуру эмоциональной устойчивости, включающей мотивационный, эмоциональный, волевой и когнитивный компоненты, и особенности студенческого возраста, стоит определить критерии формирования эмоциональной устойчивости будущих специалистов ГМУ.

Особое внимание, с нашей точки зрения стоит уделить формированию учебной и профессиональной мотивации. Также немаловажным фактором является самооценка будущего специалиста, от которой напрямую зависит уверенность в себе и эффективность интеллектуальной деятельности. Стоит обратить внимание на роль локуса контроля как основы саморегуляции поведения будущих госслужащих. Развитие познавательной и творческой активности будущих специалистов ГМУ обеспечивает формирование интеллектуального компонента эмоциональной устойчивости.

Сформированные в процессе учебной деятельности компоненты эмоциональной устойчивости способствует развитию позитивных эмоций, связанных с профессиональной деятельностью будущих специалистов сферы ГМУ.

Представленные критерии были учтены нами при разработке модели формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления [6].

В заключении подчеркнем, что от уровня эмоциональной устойчивости зависит наличие (или степень) эмоционального выгорания. Учитывая тот факт, что эмоциональная устойчивость – это интегральное свойство личности, характеризующееся таким взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных, мотивационных компонентов психологической деятельности, обеспечивающее эффективность профессиональной деятельности будущих специалистов сферы ГМУ, наряду с формированием профессионально-важных знаний и умений, стоит уделить внимание развитию качеств, способствующих развитию эмоциональной устойчивости.

Литература

1. *Бодрягина В.С.* К вопросу об эмоциональном выгорании государственных служащих // Экономика и социум. 2019. №1-1 (56).
2. *Виданова Ю.И.* Психическое выгорание в процессе профессионализации административных работников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6:

- Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2007. № 4.
3. *Гордеева М.А.* Особенности эмоционального выгорания государственных служащих в МОНО- и полиэтнических коллективах автореферат дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2015.
  4. *Провоторова Н.В.* Взаимосвязь эмоциональной устойчивости и эмоционального выгорания сотрудников органов социального обеспечения // Повышение эффективности экономики и управленческой деятельности хозяйствующих субъектов региона. Луганск, 2018.
  5. *Провоторова Н. В.* Особенности формирования психофизического компонента профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2020. № 2.
  6. *Провоторова Н.В.* Модель формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления к инновационной деятельности // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2022. Том 41. № 3.

Проблема профессионального выбора современной молодежи

Пынтя Е.С., Красило Д.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Vvoker616@gmail.com, krasiloda@mgppu.ru.*

Молодые люди, которые находятся в возрастном периоде вхождения во взрослость, еще не имеющие большого опыта в принятии самостоятельных решений, столкнулись сегодня лицом к лицу с столь важной и судьбоносной задачей, как проблема профессионального выбора в ситуации неопределенности. Более взрослые люди - родители, психологи, педагоги, наставники принимают огромное участие, помогая молодежи в поиске своего призвания, предостерегая от возможных ошибок [1; 4].

Очень важно, чтобы выбранная профессия соответствовала интересам и способностям опганта, а также была востребована на рынке труда. Ведь на сегодняшний день существует более 8.000 тысяч профессий на территории РФ, и в современных условиях развития общества все актуальнее становится вопрос не только относительно надежности приобретаемого уровня квалификации молодых людей, но и осознанности ими перспектив выбранного рода деятельности и прогноза развития в будущей профессии [3; 5].

Многие молодые люди сегодня особенно остро переживают ситуацию профессионального выбора. Они понимают, что выбор профессии будет определять их дальнейшее будущее, и хотят сделать правильный выбор, однако этот выбор может быть сложным и запутанным из-за ряда факторов.

Во-первых, некоторые молодые люди испытывают затруднения в понимании того, что им нравится, и в какой сфере общественной жизни они хотели бы профессионально развиваться. Они могут быть талантливыми и обладать разнообразными интересами, но не знают, как применить это к профессиональной деятельности. Некоторые люди испытывают трудности в выборе, когда профессия сочетает в себе привлекательные и отторгающие стороны для опганта: увлекательная работа по интересам, но низко оплачиваемая или престижная профессия, но с высоким уровнем ответственности.

Во-вторых, молодые люди могут оказаться под давлением своих родителей или общества и выбрать профессию, которая не соответствует их личным интересам способностям. Например, они могут выбрать профессию, опираясь только на критерий заработной платы или только на социальный статус, не учитывая других не менее важных критериев, связанных с актуализацией своих ценностных ориентиров и осознанием своих сильных и слабых сторон.

В-третьих, современная молодежь может иметь ограниченный доступ к информации о достаточно большом спектре востребованных обществом профессиях и возможностях карьерного роста. Они могут не знать, какие профессии предлагаются на рынке труда на момент выбора, и каких навыков необходимо постичь для успеха в конкретной профессии.

Теоретический анализ проблемы выбора профессии современными молодыми людьми позволяет обозначить основные его компоненты:

1. Когнитивный компонент. Данный компонент дает понимание уровня владения определенными знаниями, способами выбора будущей профессии, осознание оптантом собственной роли в будущей профессии.

2. Эмоциональный компонент. Данный компонент показывает субъективное психическое состояние оптанта на момент тестирования.

3. Мотивационный компонент. Данный компонент отражает актуальное положение оптанта на пути профессионального выбора.

4. Операциональный компонент. Данный компонент характеризует конкретный уровень подготовленности оптанта к реализации профессионального выбора.

5. Проективный компонент. Данный компонент отражает владение навыками выбора вида будущей профессии [1; 2].

Цель данного исследования заключается в изучении проблемы профессионального выбора молодежи в период глобальных общественных трансформаций. Исследование планируется совместно с центрами профессиональной ориентации г. Москвы. В работе используется методика диагностики типов ценностей (Методика Л. Йовайши в модификации Г. Резапкиной), в которой выделяются следующие типы ценностей: общение, интеллектуальная активность, практико-технический тип, художественная активность, соматический тип, материально-экономический тип.

Новизна и актуальность исследования заключается в том, что оно способствует уточнению проблемного поля профессионального выбора в современных социокультурных условиях.

Практическая значимость работы заключается в разработке специализированных методических рекомендаций в целях профориентации и проведения тренингов, направленных на самопознание и выбор будущей профессии молодыми людьми.

Литература

1. *Климаков Е.А.* Как выбрать профессию. М.: Просвещение, 1991. 160 с.
2. *Красило Д.А.* Методика исследования реального самоопределения подростков и молодежи // Психологическая

- диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 59-77.
3. *Красило Д.А.* Ориентирующий образ наставника в процессе реального самоопределения (Период вхождения во взрослость): автореф. дис. ... канд. психол. наук / Д.А. Красило. М., 2005.
  4. Профессиональная ориентация молодежи: библиографический указатель / сост. С.В. Ермишина; ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека им. А.А. Суркова», информационно-библиографический отдел. Ярославль, 2022. 30 с.
  5. *Чернявская А.П.* Психологическое консультирование по профессиональной ориентации. 2001. с. 6.

К вопросу о монетарных представлениях, мотивации к профессиональной деятельности и отчуждению сотрудников сферы высшего образования

Пышинова А.И., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
pysalina1993@yandex.ru

Проблема мотивации сотрудников образовательных организаций остается актуальной на сегодняшний день. Отсутствие стимулирующих выплат, индивидуального подхода к работнику постепенно приводит к отчуждению сотрудников в области их профессиональной деятельности. Отчуждение проявляется в виде апатии, ухудшении работоспособности – именно поэтому трудовая мотивация является одной из ключевых тем в организационной психологии [4].

Цель нашего исследования – изучение особенностей профессиональной мотивации работников сферы высшего образования и проведение анализа возможных решений стимулирования труда работников в сфере образования.

На сегодняшний день мотивационный работник представляет собой одно из главных преимуществ в современной конкурентной экономике [4, с. 9]. Именно от таких работников зависит, насколько

эффективно работает организация. Мотивационный работник – это человек, у которого высокая мотивация к трудовой деятельности, который искренне любит свою работу, и который хочет достигать высоких результатов [2].

В организации рабочего процесса сотрудников образовательной организации мотивация труда рассматривается как активизация их мотивов (внутренняя мотивация), а также формирование стимулов (внешняя мотивация) с целью побуждения работников к результативной трудовой деятельности [3, с. 29].

Преподавание является таким видом профессиональной деятельности, который требует большой отдачи, значительного объема знаний и специализированных качеств у человека. Если относительно недавно работа на кафедре высшего учебного заведения считалась востребованной и довольно престижной, то на сегодняшний день происходит постоянный отток сотрудников в другие сферы деятельности. Причина этому служит слишком маленькое материальное обеспечение молодого специалиста, низкие должностные оклады и прочие факторы [1].

Из-за явно низкого уровня заработной платы у сотрудников в сфере высшего образования появляется неприязнь к частому перевыполнению рабочей нагрузки. Возникает отчуждение. Под отчуждением в психологической науке подразумевается амотивация, которая подразумевает собой действие, которое человек выполняет не по собственной инициативе, не по своей воле, для выполнения определенной задачи [5, с.23]. Отчуждение сравнимо с эмоциональным выгоранием, возникающее вследствие неудовлетворенности человека конкретной деятельностью.

Сотрудники сферы высшего образования ориентированы на справедливую оплату собственного труда и затраченных усилий за выполнение большого и объемного количества работы. В связи с этим, они часто сталкиваются с несправедливостью в оценках и неумением коллег по работе объективно оценивать результаты их труда. Именно поэтому чем больше сотрудник высшего профессионального образования ориентирован на денежное вознаграждение за переработку, тем больше будет степень отчуждения. Тем больше будет выражена внешняя мотивация или амотивация, тем больше

будет отчуждение. И одна из причин, которая может порождать отчуждение, связана с тем, что человек понимает, что в процессе выполнения своей работы ему могут не заплатить за его труд в полном объеме. И в этом случае сотрудник в сфере высшего образования начинает относиться к выполнению работы как к чему-то второстепенному, как к делу, которое можно отложить на потом.

Получается, что деньги, а именно их место в системе ценностей человека, являются источником напряжения для многих людей. Множество психологических проблем, связанных с деньгами, могут способствовать появлению стресса. Стресс может привести к психологическим и физическим проблемам, таким как депрессия, беспокойство, усталость, раздражительность, нервозность и беспокойство. А это, в свою очередь, ведет к снижению эффективности работы человека. Следовательно, одним из важных моментов, на которые следует обращать внимание психологам-практикам, это монетарные представления.

Монетарные представления – это отношение человека к деньгам. Согласно монетаризму деньги – это товар, который обладает следующими характеристиками:

- 1) деньги являются мерой стоимости товаров и услуг;
- 2) деньги выступают в роли средства обращения;
- 3) деньги служат средством накопления, то есть они могут служить для приобретения товаров, которые будут использованы для получения новых денег;
- 4) деньги могут выступать в качестве средства платежа;
- 5) деньги обладают гибкостью, то есть способностью быстро реагировать на изменения в экономике.

Социальные установки по отношению к денежным средствам четко представлены в «Шкале монетарных представлений и поведения» А. Фэрнэма [6]. Шкала, в свою очередь, позволяет за счет выделенных шести шкал в точности по социальным установкам описать различное отношение к деньгам. Среди этих шести шкал выделено: деньги как средство получения власти; деньги как ценности; деньги как объект контроля; деньги как предмет сохранения; деньги как достижение; а также деньги как недостаточность.

В связи с вышеизложенным необходимо учитывать эмпирические аспекты, которые могут быть направлены на изучение представлений о карьерном росте работников высшего образования и способов повышения их трудовой мотивации.

Таким образом, вопрос повышения мотивации работников в сфере высшего профессионального образования остается важным до сих пор. Низкий уровень финансовой защищенности, неудовлетворенность отношением начальства к сотруднику на работе, и прочие факторы влекут за собой отчуждение работников из сферы образования. Для разрешения этой проблемы необходимо учитывать взаимосвязь монетарных представлений и потребностей сотрудников вузов. Только при грамотном подходе к оцениванию труда специалиста возможно избежать отток кадров.

Литература

1. Воробьёва М.А., Дворникова М.Ю., Журавлёва Е.С., Терещенко К.В. Особенности трудовой мотивации сотрудников образовательных организаций. Уральск, 2018.
2. Дейнека О.С. Экономическая психология: Учебное пособие. СПб., 2000.
3. Матвеев В.В., Соболева Ю.П. Управление процессом мотивации персонала вузов с использованием стратегического подхода. М., 2020.
4. Осин Е.Н., Иванова Т.Ю., Гордеева Т.О. Автономная и контролируемая профессиональная мотивация как предикторы субъективного благополучия у сотрудников российских организаций. М., 2013.
5. Осин Е.Н., Горбунова А.А., Гордеева Т.О., Иванова Т.Ю., Кошелева Н.В., Овчинникова Е.Ю. Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности. М., 2017.
6. Potter L.W., Lawler E.E. Managerial attitudes and performance. Homewood, IL: Dorsey Press, 1968.

Новые методы изучения социальных представлений в оцифрованных текстах

Радина Н.К.

*ННГУ им Н.И.Лобачевского, Нижний новгород, Россия
rasv@yandex.ru*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00015.

Массмедиа называют в числе ключевых факторов, влияющих на формирование социальных представлений индивида и группы, поскольку СМИ транслируют материал для социального мышления и сами являются носителями социальных представлений [3]. Современные цифровые «новые медиа» - в отличие от «старых» печатных, обладают дополнительными функциями. Благодаря цифровому формату, интерактивности и мультимедийности / мультимодальности (использование комплекса семиотических систем – вербальных, невербальных и т.п.) новые медиа не только транслируют содержание социальных представлений, но и служат публичными площадками осуществления социального мышления в формате диалогов (полилогов) или монологов. «Цифровые следы», раскрывающие особенности спонтанной естественной речи и «здесь-и-теперь» социального мышления (блоги, комментарии, чаты, репосты и т. д.) возможно исследовать различными методами, среди которых методы компьютерной лингвистики.

Так, определение частотности n-грамм для ключевого слова (или слов) в цифровом тексте СМИ позволяет в русле школы Экс-ан-Прованса, или структурного подхода, определять ядро и периферию исследуемого социального представления [1]. Для конструирования семантического поля социального представления, скрытого в цифровом тексте, необходимо определить для ключевого слова совокупность n-грамм (оптимально – биграмм) с разной частотностью. Это позволит выявить содержание изучаемого социального представления. Структура социального представления раскроется при анализе частотности биграмм благодаря использованию инструментов статистики, а именно благодаря использованию коэффициента PMI (Pointwise Mutual Information: статистической значимостью обладают

биграммы, имеющие значения более PMI 3) [4]. На основе использования данного коэффициента ядро, ближняя и дальняя периферия социального представления определяется количественным образом.

В настоящее время при изучении социальных представлений в средствах массовой коммуникации, как правило, используют контент-анализ [2]. Использование методов компьютерной лингвистики для реконструкции семантического поля социального представления в оцифрованном /цифровом тексте, а именно использование n-грамм (а именно биграмм), значительно обогатит инструментальный багаж социального психолога.

Литература

1. *Бовина И.Б.* Стратегии исследования социальных представлений // Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 5-23.
2. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В.* К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 8-25. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130302>
3. *Höijer B.* Social Representations Theory. A New Theory for Media Research // Nordicom Review. 2011. № 2. P. 3-16.
5. *Michel J. B., Shen Y. K., Aiden A. P., Veres A., Gray M. K., Pickett J. P., & Aiden E. L.* 2011. Quantitative analysis of culture using millions of digitized books // Science. № 331(6014). P. 176-182.

Исследование фаббинг-поведения и социальной тревожности у молодежи

Расходчикова М.Н., Клочкова А.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anna.klochkova.99@mail.ru

Благодаря технологическому прогрессу и цифровизации произошло повсеместное распространение гаджетов. Такое распространение привело к тому, что многие люди начали зависеть от

своих смартфонов и как следствие к ухудшению их самочувствия – высокий уровень тревожности, беспокойство, дистресс и т.д. Феномен неконтролируемого использования смартфона в процессе взаимодействия с другими людьми носит название фаббинг-поведения.

Целью исследования является выявление особенностей фаббинг-поведения и социальной тревожности у молодежи.

В качестве теоретической базы использованы научные труды в области фаббинга как отклоняющегося поведения (В.Д. Медлевич, Д. Л. Куропятник, Н. В. Кулибаба, А. А. Максименко, и др.), влияния фаббинга на межличностное общение (К.М. Дуглас, Е. Карадаг, Дж. А. Робертс и М.Э. Дэвид, М. Бозлен, Т.Л. Крюковой и др.), социальной тревожности (Е.Н. Клименкова и А.Б. Холмогорова, Т.С. Павлова, В.В. Краснова и др.).

Было проведено теоретическое исследование, посвященное анализу литературы по проблеме фаббинг-поведения и социальной тревожности у молодежи. В процессе данного исследования выяснилось следующее.

Фаббинг-поведение является устойчивым поведением индивида, которое реализуется посредством пренебрежительного отношения человека к оппоненту в результате живого общения. Проблема фаббинга является недостаточно изученной. Одни авторы относят данный феномен к девиантному поведению, другие к аддиктивному, а третьи вообще считают фаббинг субкультурой подростков [3; 4].

Фаббинг имеет негативное влияние как на построение романтических отношений, так и на взаимодействие в других сферах жизни [3]. Выявили, что более сильное влияние фаббинг имеет на конфликты между людьми с более высоким уровнем тревоги привязанности. Индивиды с высоким уровнем тревоги привязанности склонны больше обращать внимание на фаббинг-поведение своего партнера [5].

Молодежь наиболее восприимчива к формированию и развитию у них социальной тревожности. Социальная тревожность является выраженным беспокойством человека о мнении других людей, о возможном провале в процессе взаимодействия с другими и т.д. [1] Благодаря высокому уровню социальной тревожности молодой

человек начинает «уходить в мир интернета», в большей степени начинает пользоваться интернет-общением, так как в интернете проще контролировать риск достижения неудачи во время общения с другими [2].

Подводя итоги, можно говорить о том, что нет исследований, направленных на выявление взаимосвязи фаббинг-поведения и социальной тревожности, но при этом данная связь, в некоторой степени, прослеживается во многих исследованиях. Это дает нам основание провести эмпирическое исследование, которое будет направлено на выявление связи социальной тревожности и фаббинг-поведения.

Литература

1. *Никитина И.В.* Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения. Часть 2 / И. В. Никитина, А. Б. Холмогорова // Социальная и клиническая психиатрия. 2011. Т. 21, № 1. С. 60-67.
2. Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи / А.А. Максименко, О.С. Дейнека, Л.Н. Духанина, М.В. Сапоровская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4(164). С. 345-362.
3. *Чвякин В.А.* Фаббинг в структуре социальных коммуникаций: социологический анализ явления / В. А. Чвякин, Н. Ю. Григорьев // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9, № 5. С. 150-161.
4. *Douglas K.M.* The effects of «phubbing» on social interaction / K.M. Douglas, V. Chotpitayasunondh // Journal of applied social psychology. 2018. Vol. 48. P. 304-31.
5. *Roberts J.A., David M.E.* My life has become a major distraction from my cell phone: Partner phubbing and relationship satisfaction among romantic partners / J.A. Roberts, M.E. David // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 54. P. 134-141.

Особенности становления персональной и социальной идентичности современной молодежи

Ратнер Е.В., Толстых Н.Н.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

ekatrine@inbox.ru, nvt@list.ru

На сегодняшний день проблема идентичности, которая является «как природно, так и социально обусловленной категорией, поскольку объединяет в себе природные задатки, потребности и способности, а также значимые идентификации и постоянные, устойчивые социальные роли» [1, с. 19], – одна из наиболее актуальных проблем психологии, так как эффективная деятельность любого человека возможна только на основе позитивной идентичности, которая становится важным критерием развития личности на основе конструктивного или деструктивного опыта проживания кризиса. Вместе с тем, современное российское общество характеризуется тенденциями инфантилизации молодежи: продлением периода взросления, низкой мотивацией достижений, отсутствием стремления к саморазвитию. Поведение молодых людей все чаще характеризуется нежеланием брать на себя ответственность за свое социальное и профессиональное развитие, несформированностью социальной компетентности. Как результат, и наполнение кризиса 30 лет тоже меняется в связи с несформированной идентичностью и отсроченным взрослением.

Цель данного исследования заключалась в изучении факторов становления персональной и социальной идентичности в молодости.

Частной гипотезой исследования явилось предположение о том, что существуют статистически значимые различия в уровне развития персональной и социальной идентичности молодых людей в зависимости от их социально-демографических характеристик.

Исследование было организовано и проведено на платформе для создания и администрирования опросов и онлайн-форм «Google Forms». Выборку составили 69 респондентов (5 мужчин и 64 женщины) в возрасте 25-35 лет, из них 63,8% проживают в России, 36,2% – в других странах. Большинство мужчин и женщин (75,4%) состоят в официальном браке, 11,6% холосты (не замужем), 5,8%

проживают в гражданском браке и еще 7,2% разведены. Из числа респондентов 72,5% имеют детей, у остальных – 27,5% детей нет. На момент исследования 78,3% работают, 21,7 – нет. При этом получают материальную помощь от родителей только 17,4%, остальные 82,6% это отрицают.

Для проверки выдвинутой гипотезы использованы следующие методики: методика изучения профессиональной идентичности (МИПИ) Л.Б. Шнейдер, «Личностная и социальная идентичность» В. Урбанович, методика диагностики личностной зрелости (В.А. Руженков, В.В. Руженкова, И.С. Лукьянцева), Шкала оценки формирующейся взрослости (IDEA-R – Inventory of the Dimensions of Emerging Adulthood). Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась при помощи U-критерия Манна-Уитни.

В ходе анализа полученных результатов установлено следующее.

1. Существуют статистически значимые различия в уровне сформированности личностной идентичности респондентов в зависимости от наличия у них детей и семейного положения по параметру «моя семья». То есть семейные отношения в структуре личностной идентичности молодых людей, состоящих в браке и имеющих детей, более значимы, чем в группе холостых (не замужних) мужчин и женщин без детей.

2. Выявлены статистически значимые различия в уровне сформированности личностной идентичности респондентов в зависимости от страны проживания по параметру «мое здоровье». Это говорит о том, что параметр здоровья более значим в структуре личностной идентичности молодых людей, проживающих за пределами России.

3. Существуют статистически значимые различия в уровне развития профессиональной идентичности в зависимости от помощи родителей и наличия работы. Полученные различия свидетельствуют о том, что желание проявлять себя в профессии, поддерживать свое профессиональное самоуважение в большей степени развито у тех молодых людей, которым родители не оказывают финансовую помощь и которые в настоящее время работают.

Таким образом, частная гипотеза исследования нашла свое подтверждение.

Ограничением исследования является неоднородность выборки, поскольку большинство принявших участие в тестировании респондентов – женщины, что требует дальнейших исследований на расширенной выборке.

Литература

1. Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 341 с.

Содержание образа профессионала в процессе реального самоопределения студентов

Ренецук К.Ю.

*ФБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
fylata_92@mail.ru*

Психологическое становление профессионала является динамичным процессом развития и преобразования личности. Л.И. Божович считала, что внутренняя позиция зрелой личности основывается на ее самоопределении, самосознании и понимании своего места в человеческом обществе [1]. Студенческий возраст – это кризисный период, успешное разрешение которого осуществляется с помощью решения возрастных задач развития. По мнению Д.А. Красило, решение возрастно-психологических задач вхождения во взрослость осуществляется в ходе реального самоопределения [4]. Р. Хавигхерст в качестве одной из таких задач видел профессиональное обучение, подготовку к будущей профессиональной карьере [5].

Студенческий период является фундаментом для профессионального самоопределения, первых шагов на пути профессиональной самореализации, поскольку именно в это время молодые люди принимают решение о дальнейшем направлении развития собственной карьеры в той или иной области. Центром профессиональной «Я-концепции» является образ профессионала, который является регулятором профессиональной деятельности.

Важнейшей компонентой действий субъекта является образ, который ориентирует его в конкретной ситуации, направляет на достижение поставленных целей и разворачивает действие в пространстве и времени. Формирование образа профессионала возможно только в процессе профессионального обучения, когда происходит выработка индивидуального стиля будущей профессиональной деятельности, а также выстраивается определенная последовательность действий по становлению профессионала.

В ходе профессионального развития личность преобразует свои представления о выбранной профессии. В культурно-исторической концепции Л.С. Выготский, размышляя о процессе развития личности, ввел понятия «реальной» и «идеальной» формы. Идеальная форма – это конечный результат и образец, который появляется к концу развития. Применительно к процессу становления личности как профессионала в качестве идеальной формы можно предположить ориентирующий образ наставника, тип и характер взаимоотношений, с которым направляет и организует успешность деятельности. О.А. Карабанова на основе представлений об ориентировочной деятельности П.Я. Гальперина ввела в научный оборот понятие «ориентирующий образ», на основе которого осуществляется планирование и регуляция деятельности личности [2]. В социальной ситуации развития студентов в качестве ориентирующего образа «значимого другого» выступает наставник, как было показано в исследовании Д.А. Красило [3]. Представленность в сознании молодого человека ориентирующего образа наставника, характер отношений с ним и соотнесенность качеств «значимого другого» обуславливает успешность профессионально-личностного развития личности.

Важным компонентом в структуре образа профессионала является образ профессии, включающий представление человека о выбранной профессии и его отношение к ней. В.Д. Брагина выделила в содержании образа профессии следующие показатели: совокупность знаний о социальной и экономической значимости профессии, об ее производственно-технических, производственно-педагогических, социально-психологических и нравственных характеристиках.

С.Д. Смирнов в структуре образа мира в качестве ядерного слоя выделил целемотивационный комплекс, который включает

ценностные ориентации и мотивацию личности [6]. Существенное влияние на профессиональное развитие личности и сознательное отношение человека к действительности выражают ценностные ориентации. Основную роль в регуляции социального поведения личности играют ценностные ориентации, включающие установки, диспозицию личности, мотивы, интересы и даже определенный «смысл жизни». Наличие сформированной системы ценностных ориентаций свидетельствуют об определенном этапе развития взрослеющей личности, появлении особых психологических структур, способствующих формированию ее мировоззрения. Ценностные ориентации являются вектором развития мотивации личности. Мотивация является критерием успешного становления специалиста, задает направленность в достижении конкретных целей.

Сущностным компонентом в структуре образа профессионала представлена профессиональная идентичность, которая отражает объективную и субъективную целостность субъекта с учебно-профессиональной группой и выбранной профессией, выражается в преобладании основных профессиональных характеристик (нормы, ролей, статусов) и в содержании речи, общения и опыта личности (К.А. Абульханова-Славская, Э.Ф. Зеер, Н.С. Пряжников). Дж. Марсия рассматривал студенческий период как кризис идентичности, соответствующий статусу «мораторий», который характеризуется кризисом выбора между предпочтениями личности, стремлением принятия самостоятельного решения вплоть до конфликта со значимыми другими.

Анализ концептуальных моделей позволил предположить следующие структурные компоненты образа профессионала.

1. Целемотивационный комплекс – включает ценностные ориентации и мотивацию к профессиональной деятельности.

2. Образ профессии (включает представление о сфере деятельности представителей данной профессии, эмоции от данного вида деятельности, коммуникативный компонент и представления о действиях, которые составляют содержание труда).

3. Образ наставника (как идеальная форма, та часть объективной действительности, с которой студент вступает в непосредственное взаимодействие).

4. Представления о себе как о профессионале (профессиональная идентичность, самооценка).

Эмпирическое исследование проводилось на базе Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. В исследовании приняли участие 46 студентов-психологов 1-3 курсов.

С помощью комплекса психодиагностических методик были определены доминирующие типы ценностей. Исходя из полученных результатов можно сделать вывод, что абстрактные ценности занимают ведущее положение в ценностных ориентациях студентов-психологов: 4 позиции принадлежат к наиболее значимым: «уверенность в себе», «свобода», «жизненная мудрость», «любовь». Тогда как в категорию «абстрактные ценности» наиболее значимыми попали «здоровье» и «материально-обеспеченная жизнь», также у респондентов доминирует направленность на личную жизнь, этические, конформистские и альтруистические ценности.

В основе профессиональной мотивации респондентов лежит внутренняя мотивация. Соотношение трех типов мотивации можно представить следующим образом: $VM > ВПМ > WOM$, что свидетельствует об оптимальном мотивационном комплексе.

Исследование самооценки собственных профессионально-важных качеств в сравнении с профессионально-важными качествами позволило выявить значимые различия (с помощью U-критерия Манна-Уитни). Полученное эмпирическое значение $U_{эмп}(68)$ находится в зоне значимости.

Литература

1. *Божович Л.И.* Формирование личности в старшем школьном возрасте // Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. С. 275-310.
2. *Карабанова О.А.* Ориентирующий образ в структуре социальной ситуации развития ребенка: от Л. С. Выготского к П. Я. Гальперину // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2012. №4.
3. *Красило Д.А.* Ориентирующий образ наставника в процессе реального самоопределения (период вхождения во

- взрослость) автореферат дис. кандидата психологических наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2005.
4. *Красило Д.А.* Методика исследования реального самоопределения подростков и молодежи // Психологическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 59-77.
  5. *Ремимидт Х.* Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. С. 148–149.
  6. *Смирнов С.Д.* Мир образов и образ мира // Вестник Моск. ун-та. Сер.14: Психология. 1981. №2. С.15-29.

Гендерный аспект в структуре кибербуллинга

Романова Н.М., Эшманова Э.Ф.

*ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия
romanova_nm@inbox.ru, gelagil@mail.ru*

С появлением и развитием информационных технологий возникло и активно развивается новое явление – кибербуллинг.

Кибербуллинг – это форма буллинга, определяемая как преднамеренное агрессивное поведение, направленное на жертву, которая не может себя легко защитить, систематически совершаемое в течение определенного периода времени группой или отдельным лицом с использованием электронных форм взаимодействия [2].

Важность исследования кибербуллинга с одной стороны обусловлена новизной и недостаточной изученностью этого явления в нашей стране, с другой – его широкой распространенностью. При этом следует указать, что гендерные аспекты кибербуллинга изучены еще в меньшей степени.

По данным опроса, проведенного Mail.ru, 58 % пользователей сети Интернет сталкивались с кибербуллингом. При этом мужчины сталкиваются с этим явлением несколько чаще - 52 % респондентов по сравнению с женщинами (44%). 21 % опрошенных являются жертвами кибербуллинга [1].

Цель исследования – выявить наиболее значимые гендерные характеристики кибербуллинга.

Методические средства исследования:

- опросник определения уровня агрессивности Басса-Перри (*адаптация Ениколопов С.Н.*);
- методика измерения уровня тревожности Дж. Тейлор (*адаптация Немчинова Т.А.*);
- методика «Буллинг-структуры» Норкиной Е.Г.;
- авторская анкета (Романова Н.М., Эшманова Э.Ф.) «Особенности проявления кибербуллинга»;
- опросник определения уровня агрессивности Басса-Перри (*адаптация Ениколопов С.Н.*).

Эмпирическая выборка: 500 респондентов, из которых 433 респондента женского пола, и 67 – мужского пола. Возрастные характеристики варьируют от 16 до 22 лет ($M = 19$).

Процедура исследования. Исследование проводилось онлайн с помощью платформы Google Формы.

Результаты исследования.

Установлены следующие достоверные гендерные различия между испытуемыми.

1) Роль «наблюдателя» ($U = 9543, p < 0,001$) в большей степени свойственна мужчинам (4,64 б, 6,1%), чем женщинам (3,59 балла, 1,4%).

2) Уровень физической агрессии (мет. Басса-Перри) значительно выше ($U = 8314, p < 0,001$) у мужчин ($M = 24,96$ баллов), чем у женщин ($M = 20,03$ баллов).

3) Уровень гнева (мет. Басса-Перри) преобладает в большей степени ($U = 11297, p = 0,003$) у женщин ($M = 22,9769$), чем у мужчин ($M = 20,9104$).

4) Уровень тревожности (мет. Тейлора) проявляется в большей степени ($U = 11581,5, p = 0,008$) у женщин ($M = 25,52$), чем у мужчин ($M = 23,12$).

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что для мужчин в большей степени характерна пассивная роль в ролевой структуре кибербуллинга – роль «Наблюдателя». У мужчин доминирует уровень физической агрессии, а женщины отличаются более выраженными характеристиками гнева и тревожности.

Таким образом, мужчинам в большей степени свойственно проявлять инструментальный компонент агрессии в то время, как женщинам – когнитивный. Гнев как когнитивный компонент поведения состоит из чувства обиды и подозрительности, что по

выявленным результатам характерно для женщин. Инструментальный компонент агрессии определяют как причинения вреда другим.

Выводы. Выявлены гендерные различия личностных характеристик в проявлениях кибербуллинга. При этом, по полученным нами данным, некоторые гендерные стереотипы подтверждаются:

- для подростков мужского пола и юношей характерна вовлеченность в агрессивную киберкоммуникацию;
- причиной кибертравли для подростков мужского пола и юношей является несоответствие их поведения требованиям маскулинности (несамостоятельность, зависимость от родителей, неуспешность в социальной деятельности);
- девушки подросткового возраста и женщины подвергаются кибертравле в большей степени в связи с несоответствием стандартам физической привлекательности.
- уровень тревожности более присущ девушкам, а юноши и подростки мужского пола более агрессивны.

Литература

1. Mail.ru Group объявила 11 ноября днём борьбы с кибербуллингом в России // ВКонтакте URL: <https://vk.com/company/ru/press/releases/10510/> (дата обращения: 12.04.2023).
2. *Kim S., Boyle M.H., Georgiades K.* Cyberbullying victimization and its association with health across the life course: A Canadian population study // *Can J Public Health Rev Can Sante Publique*. 2018. Vol. 22. Iss. 108(5–6). P. 468–74. doi: 10.17269/cjph.108.6175

Ценности казахстанской и российской молодежи в условиях пандемии

Ромашева Ж.Ж.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Zhanagul.rom@mail.ru*

Социальная напряженность, нарастающая угроза здоровью и жизни человека, возникшие в результате пандемии COVID-19,

привели к трансформации ценностных ориентаций людей [2; 5], что актуализирует проблему исследования ценностей молодежи.

Цель исследования: сравнить ценности казахской и русской молодежи в условиях пандемии COVID-19.

В исследовании приняли участие 760 респондентов, из них 364 казах из Казахстана, в числе которых 78 % женщин (285), 396 русских из России, в числе которых 77 % женщин (303). Средний возраст в казахстанской выборке составляет 20,7 лет ($SD = 4,08$), в российской выборке – 20,9 лет ($SD = 3,97$). Опрос проведен с декабря 2020 г. по март 2021 г., при помощи PVQ-21 — ESS7 версии опросника измерения индивидуальных ценностей Ш. Шварца в адаптации В. Магуна, М. Руднева, включающий 21 утверждение [4]. Внутренняя согласованность утверждений проверена посредством коэффициента α -Кронбаха. Сравнительный анализ результатов исследования осуществлен с помощью t -критерия Стьюдента.

Результаты и обсуждение. Результаты сравнительного анализа метаценностей казахов и русских показали, что метаценности Открытость изменениям (казахи $M = 4,06$; $SD = 1,36$, русские $M = 4,32$; $SD = 1,01$, $p = 0,002$), Самоутверждения (казахи $M = 3,66$; $SD = 1,34$, русские $M = 4,26$; $SD = 1,01$, $p = 0,000$), Самопреодоления (казахи $M = 4,31$; $SD = 1,37$, русские $M = 4,61$; $SD = 1,08$, $p = 0,001$) более выражены у русских. Обнаруженная большая направленность русской молодежи на метаценности Открытости изменениям и Самоутверждения по сравнению с казахской молодежью, возможно, обусловлена большей приверженностью русского общества ценностям, отражающие интересы индивида [7]. Большая выраженность метаценности Самопреодоления у русских по сравнению с казахами объясняется преобладанием феминных черт в русской культуре [6], где важны межличностные отношения и сотрудничество, забота об окружающих. Казахская же культура характеризуется маскулинностью [1].

В выраженности метаценности Сохранения для казахской ($M = 3,87$; $SD = 1,20$) и русской ($M = 3,89$; $SD = 0,95$) молодежи различий не обнаружено ($p = 0,755$). Вероятно, это связано, во-первых, со значимостью ценности безопасности, входящей в метаценность Сохранения, в условиях повышенной угрозы здоровью молодых

людей и их близких, во-вторых, повышением уровня общей солидарности и сплоченности общества в борьбе с коронавирусной инфекцией [2].

И у казахов, и у русских наиболее выражена метаценность Самопреодоления (ранг 1) по сравнению с другими метаценностями, что, вероятно, обусловлено желанием оказать помощь нуждающимся в ней во время действия ограничительных мер. Так, во время самоизоляции наблюдается рост волонтерских движений, благотворительности среди молодежи [3; 8].

И у казахов, и у русских на 2 месте по значимости расположена метаценность Открытость изменениям. Так, молодые люди открыты новому, желают получать чувственное наслаждение, для них важна самостоятельность и независимость. По-видимому, самоизоляция и меры, принятые во время пандемии, ограничившие свободу, снизившие доходы людей, повлекшие за собой потерю работы [2; 5; 3; 8], подтолкнули молодежь к изменениям, а именно, к поиску новых способов решения старых задач, быстрому восприятию и усвоению новых идей, творческому подходу в решении возникших проблем.

У казахов на 3 месте по важности метаценность Сохранения, и на 4 – метаценность Самоутверждения. Что связано с большей направленностью казахов на коллективистские ценности, чем индивидуалистические [7].

У русских на 3 месте по значимости метаценность Самоутверждения, а на 4 – метаценность Сохранения. Вероятно, последствия карантинных мер [2] актуализировали ценности русской молодежи, направленные на достижение личного успеха, материального благополучия.

Закключение. Ценностный профиль казахов и русских различен. Так, для русских по сравнению с казахами более значимы метаценности Самопреодоления, Открытости изменениям и Самоутверждения. А метаценность Сохранения одинаково важна как для казахов, так и для русских.

В будущем планируется провести исследование ценностей казахов и русских в зависимости от пола.

Литература

1. *Жаркынбекова Ш.К., Жусупова Р.Ф.* Теория измерений Хофстеде для развития межкультурной компетенции (на примере Казахстана) // Язык в национально-культурном ракурсе: теория и практика: сб. статей / Под общ. ред. Л.А. Мардиевой, Т.Ю. Щуклиной. Казань, 2019. С. 65—73
2. *Землянухина С.Г.* Трансформация ценностных ориентаций населения России в условиях пандемии // Гуманитарный научный журнал. 2021. №1. С. 33-41. DOI: <https://doi.org/10.24412/2078-9661-2021-1-005>
3. *Лункин Р.Н.* Неформальная солидарность на фоне пандемии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 4(16). С. 122-128. DOI 10.15211/vestnikieran42020122128.
4. *Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1 (93). С. 33–58.
5. *Салихова А.Б., Алашеева А.Б., Салихова Н.Р.* Личностные ценности и изменения ценностных приоритетов в ситуации неопределенности (на примере пандемии COVID-19) // Психология. Психофизиология. 2021. Т. 14, № 3. С. 69–79. DOI:10.14529/jpps210307
6. *Хромушина, Е. А.* Феминность в контексте русской культуры // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. 2022. № 4. С. 156-160. DOI 10.37386/2687-0576-2022-4-156-160.
7. *Шамионов Р.М.* Групповые ценности и установки как предикторы психологического благополучия русских и казахов // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 35. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 24.03.2023).
8. *Ядова М.А.* Молодежь в условиях пандемии COVID-19: возрастные преимущества и ограничения // Siberian Socium. 2021. Т. 5, № 2(16). С. 20-28. DOI 10.21684/2587-8484-2021-5-2-20-28.

К вопросу об исследовании понятия «доверие» методом социальных представлений

Рябинкина Е.В., Шорохова В.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

ryabinkina.elena@bk.ru, shorohovava@mgppu.ru

Доверие является одним из ключевых понятий в вопросах успешных долгосрочных взаимоотношений людей. Современная общественная, политическая и экономическая ситуация и ее преобразования, происходящие в российском и мировом сообществе, неизбежно приводят к изменению представлений о таком понятии, как «доверие».

Изучение и исследование вопросов, связанных с доверием, остается одной из самых актуальных тем последние годы. События февраля 2022 года еще более актуализировали вопросы эффективного взаимодействия, в которых феномен доверия играет одну из ключевых ролей.

Современная наука данный феномен изучала во многих областях знания. В психологической науке оно также является фундаментальным понятием, и изучается в различных отраслях психологии, раскрываемых ниже.

В возрастной психологии доверие рассматривается (Э. Эриксон) как базовое чувство, которое развивается в течение первого года жизни [8]; в политической (Ф. Фукуяма) – как моральный капитал общества [7], в юридической (А.А. Кокуев, Т.П. Скрипкина) – как навык наделять объект доверия определенной ценностью, рассматривать его как полезный и безвредный [3; 4]. В педагогической психологии доверие понимается (П.Ф.Каптерев) как свойство отношений и условие их качественного развития, учитывая различные уровни взаимодействия [2]. В гуманистической (К. Роджерс) – как мировоззренческий аспект, отражающий степень ментального здоровья [5].

В сфере прикладной психологии (Р. Кочунас) доверие отражает то, насколько результативным оказывается терапия и консультирование [4], а в организационной является маркером улучшения

психологического и профессионального благополучия персонала (Ю.С. Горбашкова; В.А. Чикер).

Наконец, в социальной психологии (Т.П. Скрипкина) доверие понимается как социально-психологическое явление, которое рассматривается на различных уровнях: доверие к различным сторонам мира и к себе [6].

Одной из широко известных теорий, изучающих феномен доверия на групповом уровне, является теория социальных представлений. По утверждению С. Московичи, социальные представления – это определенный способ взаимодействия, «который создает реальность и здравый смысл» [9, р. 33]. Также, конструкты социальных представлений помогают привести в равновесие эмоциональное состояние участников различных социальных групп в ситуациях социальной нестабильности [1, с. 39].

Большой потенциал кроется в исследовании понятия «доверие» в рамках теории социальных представлений. Изучение структурных особенностей различных групп (подход Ж.-К. Абрика), особенно в аспекте этнического и кросс-культурного взаимодействия на фоне политических и социальных событий позволит более полно понимать – какие аспекты доверия важны для того или иного сообщества, что подразумевает под «доверием» та или иная группа. В перспективе – как меняются социальные представления под воздействием происходящих в мире изменений. А следовательно, учесть данные показатели при дальнейшем взаимодействии.

На основании нашего исследования можно сделать следующие выводы.

1. В период глобальных мировых изменений изучение феномена доверия остается актуальным в различных областях знания, включая психологию, и ее подраздел – социальную психологию.

2. Одним из направлений, в рамках которого изучался феномен «доверие» является теория социальных представлений (разработанная С. Московичи). Применительно к изучению данного феномена, инструментарий, разработанный в рамках теории социальных представлений, позволяет выявить особенности формирования устойчивой и неустойчивой частей представлений, применительно к различным группам.

3. На текущий момент этническая составляющая крайне мало отражена в вопросе социальных представлений о доверии, что говорит о большом интересе и потенциале исследований в данной области.

4. Принимая во внимание актуальность данного направления, можно сделать вывод о высокой значимости исследования феномена «доверие», используя методологию, разработанную в рамках изучения теории социальных представлений. В связи с чем, мы планируем исследовать феномен доверия, в том числе рассмотрев аспект этнической составляющей (русские), с помощью структурного подхода Ж.-К. Абрика, подразумевающего описание представлений через обозначение составных частей: ядра и периферии.

Литература

1. *Емельянова Т.П.* Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал /2001. Т. 22. No. 6. С. 39-47.
2. *Каптерев П. Ф.* Избранные педагогические сочинения // под ред. А. М. Арсеньева; сост. П. А. Лебедев; Акад. пед. наук СССР. М.: Педагогика, 1982. 703 с.
3. *Кокуев А.А.* Особенности доверия к себе и другим у несовершеннолетних преступников, отбывающих наказание в виде лишения свободы: автореф. дис.канд. психол. наук. Ростов н/д, 2003. 21 с.
4. *Кочюнас Р.* Психотерапевтические группы, теория и практика. М.: Академический проект, 2000. 240 с.
5. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс-Универс, 1994. 478 с.
6. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия //Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 264 с.
7. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М., 2008. 730 с.
8. *Эриксон Э.* Детство и общество: изд. 2-е, перераб. и доп. // пер. с англ. СПб., 1996. 590 с.
9. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations // Social representations: Explorations in social psychology. S. Moscovici /

Ed. by G. Duveen. New York: New York University Press, 2000.
P. 33

**Связь важности скидки с личностной тревожностью,
академической мотивацией и успеваемостью у студентов**

Савченкова В.А., Кондратьев М.Д.
РАНХиГС, Москва, Россия
nirey2002@gmail.com, mdkondr@gmail.com

Многие исследования говорят о том, что высокая академическая мотивация связана с высокой успеваемостью [1; 2; 7]. При этом личностная тревожность, наоборот, приводит к низким академическим результатам [5; 8]. Среди студентов со скидкой, которую необходимо сохранять высокими баллами, вероятно есть студенты с высокой личностной тревожностью. При этом скорее всего они имеют более высокую мотивацию получать высокие оценки. Напрашивается вопрос о том, что будет с их успеваемостью, ведь возникает противоречие. К тому же возникают вопросы касательно состояния группы студентов, которая характеризуется одновременно высокой личностной тревожностью и высокой академической мотивацией, потому что они могут достигать высоких результатов в ущерб своему состоянию. Это может указывать на потребность этой группы в большем внимании к себе.

Мы хотим узнать, как субъективное представление о важности удержания скидки связано с личностной тревожностью, академической мотивацией и успеваемостью. Мы предполагаем, что при высокой личностной тревожности и высокой важности удержания скидки студенты все же будут получать высокие баллы. Но, если мы обратимся к другим исследованиям, то увидим, что такая высокая успеваемость может негативно сказываться на студентах., ведь в таком положении они склонны к высокой успеваемости в ущерб своему здоровью [3; 4; 6].

Для проверки предположений мы будем давать респондентам STAI (шкала тревожности Спилбергера-Ханина) и AMS (шкала академической мотивации). Для оценки субъективного переживания

важности удержания скидки мы попросим респондентов оценить важность скидки на шкале от 1 до 5. Сам опросник будет даваться до учебной сессии, после сессии мы вновь свяжемся с респондентами и спросим у них их средний балл.

В качестве выборки будут выступать студенты ИОН РАНХиГС. Мы ограничиваемся одним институтом для того, чтобы испытуемые были частью одной системы скидок со схожими критериями.

Мы ожидаем, что важность скидки будет положительно коррелировать и с личностной тревожностью, и с академической мотивацией, и со средним баллом.

Тогда получится, что у студентов с высокой личностной тревожностью будет более высокая оценка важности скидки и они окажутся в ситуации, в которой всеми силами будут пытаться получать более высокие оценки, что, как упоминалось ранее, нехорошо, так как возникают вопросы касательно психического и физического состояния таких студентов.

В будущем стоит также посмотреть на изучаемые переменные со стороны академического перфекционизма или же “синдрома отличника”. Можно предположить, что именно студентам с высоким академическим перфекционизмом будет характерна высокая личностная тревожность в связи с высокой академической мотивацией, но на данный момент нет русскоязычных методик, позволяющих измерить уровень академического перфекционизма. Мы считаем, что к феномену важно присмотреться, так как студентов с высокой тревожностью, академической мотивацией и академическим перфекционизмом важно выявлять для дальнейшей работы с ними, предотвращая негативные последствия достижения высоких оценок (это может быть, например, работа с тайм-менеджментом и расставлением приоритетов).

Трудно удержаться от предположения, что студенты с указанными особенностями могут образовывать устойчивые неформальные группы. Поскольку их характеризует весьма специфический и, очевидно, отличающий их от большинства студентов, взгляд на себя и учебу, возникают основания для формирования таких групп в силу сходства не только социальных представлений их участников, не только потенциально высокого ценностно-ориентационного единства, но и сходства в предпочитаемых видах досуговой деятельности,

которая традиционно выступает здесь в качестве группообразующей. Поведение, которое кажется большинству одноклассников неадекватным и сверхнормативным, неэффективным или нецелесообразным, другим студентам со схожими представлениями кажется рациональным и единственно верным. Это ставит перед исследователями ряд вопросов. Существуют ли такие группы? Потенцирует ли негативную симптоматику активное членство в такой группе или выбор ее в качестве референтной? Какая форма психологического сопровождения будет наиболее эффективной для таких студентов? Все это останется в перспективе дальнейших исследований.

Литература

1. Гордеева Т.О., Шепелева Е.А. Внутренняя и внешняя учебная мотивация академически успешных школьников // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. 2011. №3. С. 33–44.
2. Губин В.А., Гайворонская И.Б., Сидорова И.А. Учебные мотивы и успешность обучения студентов университета: сущность, содержание и динамика взаимообусловленности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. №2. С. 196–200.
3. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001
4. Кочубей Б.И., Новикова Е.В. Эмоциональная устойчивость школьника. М.: Знание, 1988.
5. Пасынкова Н.Б. Связь уровня тревожности подростков с эффективностью их интеллектуальной деятельности // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 1. С. 169–174.
6. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979.
7. Herranz-Zarzoso N., Sabater-Grande G. Monetary incentives and self-chosen goals in academic performance: An experimental study // International Review of Economics Education. 2018. Vol. 27. P. 34–44. doi: 10.1016/j.iree.2018.02.002

8. *Rana R.A., Mahmood N.* The Relationship between Test Anxiety and Academic Achievement // Bulletin of Education and Research. 2010. Vol. 32. No. 2. P. 63–74.

К вопросу о ценностных ориентациях студенческой молодёжи Казахстана

Садыкова Р., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
sadykova_rd@mail.ru , os_pavlova@mail.ru

Понятие «ценность» можно воспринимать в качестве элемента философского категориального аппарата, определяющего мировоззренческие установки человека [3]. Интерпретация понятия «ценность» менялась на разных ступенях исторического развития: во времена античности, средневековья, эпохи возрождения, нового времени, эпохи капиталистических отношений. В Казахстане, как относительно молодой стране, в которой все еще идет процесс становления и развития гражданского общества, происходят различные общественно-политические процессы, которые влияют на ценностные ориентиры и идентичность молодежи.

Студенческая молодежь относится к категории наиболее социально и политически активной части населения. Во все времена во многих исторически важных общественно-политических событиях принимала центральное участие именно студенческая молодежь. В целом, молодежи уделяется особое внимание и возлагается надежда на будущее страны. Особенно студенческой молодежи, получающей высшее образование, в будущем предстоит сформировать основной средний и высший профессиональный класс общества, определяющие общий курс развития государства.

В Казахстане молодежной политике уделяется особое внимание. Научно-исследовательский центр «Молодежь» занимается исследованиями молодежных ценностей и изучением проблем социокультурной адаптации молодежи в различных регионах Казахстана. Один из главных выводов эмпирических исследований

НИЦ «Молодежь»: большинство представителей казахстанской молодежи придерживается вполне традиционных ценностных ориентаций [2].

Изучение традиционных ценностей условно можно разделить на микро и макроуровни. К микролокальному уровню относятся семья, процесс воспитания детей и их социализация. Макроуровень – это уровень ассоциации индивида с государством, нацией и определенными политическими, историческими и культурными символами, которые формируют нацию.

Традиционные ценности считаются продуктом аграрного и индустриального периодов и характеризуются следующими категориями.

Семья. Семейные ценности находят свое отражение в отношении к браку, желательности семейной жизни, отрицательному восприятию разводов и, конечно же, высоким репродуктивным установкам [1].

Воспитание. Воспитанию детей во все времена придавалась важная роль, так как при формировании личности, его будущих взглядов на жизнь и жизненных целей воспитание играет первостепенную роль. Кроме того ребенок, подрастая становится носителем своей культуры и выполняет свои социальные функции и обязанности, усвоенные им в ходе процесса воспитания.

Национальная культура и идентичность. Идеальный абсолют нации-государств – патриотизм – доминировал, как социально-культурный тренд во время расцвета и существования нации-государств в индустриальную эпоху, с XVII-ого века до первой половины XX-ого столетия. Считается, что значение патриотизма как социально-политической концепции, довольно уменьшилась в условиях постиндустриального общества и развития процесса глобализации. Патриотизм нынешних времен выражается в то, что нации стремятся сохранить свою культуру и традицию в условиях всеобщей глобализации. Однако даже такие общественно-политические тенденции и концепции переживают радикальные изменения. В современных условиях развития постиндустриального общества, доктрина патриотизма смещается в сторону концепции гуманизма и общечеловеческих ценностей.

В проведенном исследовании ценностных ориентаций и социальной идентичности студенческой молодежи Казахстана приняли участие 120 студентов в возрасте от 17 до 22 лет Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана). Среди респондентов меньше половины (40,8%) выбрали вариант «Почитающий родителей» как исключительно важный руководящий принцип их жизни, около 30% - как очень важный принцип, почти 16% - достаточно важный принцип, чуть более 13% - важный принцип.

Чуть меньше 10% респондентов определили «Уважение традиций» как не очень важный принцип, в противовес остальным почти 90% студентов, определившим данный принцип как «исключительно», «очень» и «достаточно» важный.

Следующее описание человека «Он полагает, что всегда должен проявлять уважение к своим родителям и людям старшего возраста. Для него важно быть послушным» оценили как «Очень похожее на меня» и «Похож на меня» порядка 60% респондентов. Однако с мнением, что «лучше всего поступать в соответствии с установившимися традициями, соблюдать обычаи» согласны лишь около 30% респондентов.

Таким образом, согласно первым результатам проведенного исследования, среди студенческой молодежи наблюдается доминирование в большей степени традиционных ценностей, приверженности семье, при этом беспрекословное уважение и соблюдение традиций и обычаев откликается не всем представителям молодежной студенческой среды.

Литература

1. Ростовская Т.К., Калиев Т.Б. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции. М., 2019.
2. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Семья в системе социальных институтов общества. М., 2015. С. 39.
3. Саликжанов Р.С. Система ценностей современной казахстанской молодежи. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 2014. С. 136-144.

Изучение восприятия обществом технологии беспилотного транспорта в исследованиях зарубежных и отечественных авторов

Саенко А.Ю.

ФГБОУ ВО РГСУ, Москва, Россия

a.y.saenko@yandex.ru

В настоящее время в литературе подчеркивается, что беспилотный транспорт – это начало новой эры мобильности, а дорожная инфраструктура, политика, наука и порядок эксплуатации транспортных средств претерпят существенные изменения [11, с.1]. Внедрение беспилотных автомобилей вносит фундаментальные изменения в повседневную жизнь, а степень и ускорение инвестиций в IT-сферу со стороны государственных и частных компаний свидетельствует о степени заинтересованности в их развитии [7, с.1]. А. Грунвальд и соавторы выделили ряд преимуществ, которые повлечет за собой внедрение беспилотного транспорта, в том числе снижение количества аварий, обеспечение доступа к транспортным средствам людям с ограниченными возможностями здоровья, более рациональное использование времени во время движения, улучшение экологической обстановки [1, с. 43]. Проблемы с восприятием часто определяют политику и порядок внедрения новых технологий [9, с. 177]. Существует обширный перечень исследовательских вопросов, которые необходимо будет рассмотреть и на которые необходимо будет ответить: психологические барьеры, этические проблемы, воздействие на общество, коммуникационные технологии, планирование, стандарты и политику [4, с. 295].

Существенное количество работ зарубежных авторов посвящено изучению отдельных аспектов восприятия технологии беспилотного автомобиля, препятствующих принятию обществом данной технологии. Кроме того, значительное количество исследований посвящено изучению ряда факторов, включая отношение, восприятие, социально-демографические характеристики потенциальных пользователей и атрибуты сервиса, которые могут определить, принимают ли потребители такие автомобили [8, с. 2]. Так, П. Бансал и соавторы отмечают, что мужчины с высоким уровнем технической грамотности, живущие в городских районах и имеющие опыт аварий

более способны оценить преимущества интеллектуальных технологий в плане безопасности дорожного движения [5, с. 13], в исследовании Ч. Лу и коллег изучалась готовность потребителей к изменению места жительства в более индустриально развитые районы если беспилотные автомобили позволят сэкономить время и увеличить их производительность [14, с. 123], К. Хилгартером и П. Гранигом указано, что беспилотные автомобили воспринимаются как альтернатива существующим транспортным системам, но не как их полная замена [10, с. 231]. Подчеркивается важность роли беспилотного транспорта в повышении мобильности людей с ограниченными возможностями [12, с. 270]. Отмечается, что беспилотные машины смогут предоставлять более широкие и удобные транспортные возможности людям, которые в настоящее время не могут управлять автомобилем, в силу ограниченных возможностей здоровья, тем не менее они могут испытывать серьезные опасения по поводу использования беспилотных транспортных средств - страх остаться одиноким и беспомощным после столкновения, без возможности самостоятельно выбраться из поврежденного транспортного средства, связаться с другими и добраться домой после аварии [6, с. 3]. Отмечается также необходимость законодательного регулирования, введения стандартов лицензирования, сертификации и тестирования беспилотных автомобилей [15, с. 8]. В работе Т. Литмана в качестве барьеров указываются проблемы социальной справедливости, увеличение затрат на инфраструктуру, снижение уровня безопасности и конфиденциальности [13, с. 4].

Вопросу изучения существующих барьеров, препятствующих и (или) затрудняющих процесс внедрения и принятия беспилотных автомобилей в Российской Федерации в отечественной литературе посвящено сравнительно небольшое количество работ. В исследовании А. Зомарева и М. Роженко указано, что в случае принятия мер по мотивированию организаций к приобретению беспилотных автомобилей можно добиться улучшения ситуации на дорогах, снижения аварийности, но это может повлечь за собой увеличение стоимости содержания населением персональных автомобилей и, как результат, негативную реакцию общества [2, с. 82]. Рассматривались также определенные аспекты этических и нравственных проблем, подчеркнута возможность ситуации дилеммы

и этического выбора [1, с. 44]. В исследовании Е.Н. Никишиной и Н.А. Припузовой подчеркнуто, что общество при эксплуатации беспилотных автомобилей будет обеспокоено сохранностью персональных данных [3, с. 32].

Таким образом, существующие исследования зарубежных и отечественных авторов затрагивают отдельные социально-психологические аспекты, влияющие на принятие обществом технологии автоматизированного общественного транспорта. Зачастую исследования сосредоточены на изучении восприятия технологии беспилотного транспорта с точки зрения потенциальных потребителей, но не с позиции оценки такой технологии обществом в целом. Перспективным представляется комплексное изучение существующих в обществе барьеров, способных влиять на процесс внедрения беспилотного транспорта в Российской Федерации.

Литература

1. *Грунвальд А.* Беспилотный автомобиль в свете социальной оценки техники / А. Грунвальд, В. Н. Железняк, Е. В. Середкина // *Технологос.* 2019. № 2. С. 41-51.
2. *Зомарев А., Роженко М.* Как беспилотный транспорт меняет облик наших городов? // *Форсайт.* 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-bespilotnyy-transport-menyayet-oblik-nashih-gorodov> (дата обращения: 21.03.2023).
3. *Никишина Е.Н.* Институциональное доверие как фактор отношения к новым технологиям / Е. Н. Никишина, Н. А. Припузова // *Журнал институциональных исследований.* 2022. Т. 14, № 2. С. 22-35.
4. *Bagloee S. A., Tavana M., Asadi M., & Oliver T.* (2016). Autonomous vehicles: challenges, opportunities, and future implications for transportation policies. *Journal of Modern Transportation*, 24(4), 284–303. doi:10.1007/s40534-016-0117-3
5. *Bansal P., Kockelman K.M., Singh A.* 2016. Assessing Public Opinions of and Interest in New Vehicle Technologies: An Austin Perspective. *Transportation Research Part C: Emerging Technologies* 67 (June), 1–14.

6. *Bennett R., Vijaygopal R., & Kottasz R.* 2019. Attitudes towards autonomous vehicles among people with physical disabilities. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, 127, 1-17. doi:10.1016/j.tra.2019.07.002
7. *Cohen T., Stilgoe J., Stares S., Akyelken N., Cavoli C., Day J., Wigley E.* 2020. A constructive role for social science in the development of automated vehicles. *Transport. Res. Interdiscipl. Perspect.* 6, 100133
8. *Etmnani-Ghasrodashti R., Patel R. K., Kermanshachi S., Rosenberger J. M., Weinreich D., & Foss A.* 2021. Integration of shared autonomous vehicles (SAVs) into existing transportation services: A focus group study. *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*, 12, 100481.
9. *Fagnant D.J., Kockelman K.* 2015a. Preparing a Nation for Autonomous Vehicles: Opportunities, Barriers and Policy Recommendations. *Transportation Research Part A: Policy and Practice* 77, 167–181.
10. *Hilgarter K., Granig P.* 2020. Public Perception of Autonomous Vehicles: A Qualitative Study Based on Interviews after Riding an Autonomous Shuttle. *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour* 72, 226–243.
11. *Hopkins D., & Schwanen T.* 2018. Governing the race to automation. In *Governance of the smart mobility transition*. Emerald Publishing Limited, 1-11 Doi: 10.1108/9781787543171.
12. *Hwang J., Li W., Stough L., Lee C., Turnbull K.* 2020. A Focus Group Study on the Potential of Autonomous Vehicles as a Viable Transportation Option: Perspectives from People with Disabilities and Public Transit Agencies. *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour* 70, 260–274.
13. *Litman T.* 2019. Autonomous vehicle implementation predictions. Victoria Transport Policy Institute (2019) Retrieved from: < <http://www.vtpi.org/avip.pdf> > (April 30, 2019).
14. *Lu Z., Rundong D., Dunham-Jones E., Park H., Crittenden J.* 2017. Data-Enabled Public Preferences Inform Integration of Autonomous Vehicles with Transit-Oriented Development in Atlanta. *Cities* 63, 118-127.

15. *Shladover S.E., Nowakowski C. 2017. Regulatory challenges for road vehicle automation: lessons from the california experience. Transportation Research Part A: Policy and Practice.*

Психологические аспекты цифрового этикета

Савенко Е.И.

*ККПУПУ АУ при Президенте РБ, Минск, Республика Беларусь
miltcom@tut.by*

Цифровое информационное пространство все больше проникает во многие сферы нашей жизни. Актуальность и значимость умения виртуозно коммуницировать в виртуальной среде уже не вызывает сомнений – ни в деловом, ни в личном взаимодействии.

По мнению Н.А. Носова, современному человеку необходимо быть подготовленным к контактам с виртуальной реальностью в формате грамотного диалога, а не одностороннего монодействия интернет-пространства на личность [2]. Иначе останутся без внимания чувства, потребности и интересы человека, замедлится его развитие.

Поэтому возникают закономерные вопросы: «Что необходимо, чтобы вести себя корректно, адекватно самовыражаться в электронном общении? Какими правилами руководствоваться?».

Интересны в этом плане исследования А.Е. Войскунского [1, с. 325-343], предлагающего расширенное трактование киберэтики, компьютерной этики.

Ученые предложили ввести специальное название цифрового этикета – правил общения и поведения в сети, электронной переписки – нетикет (netiquette) или сетикет (от англ. net – сеть) и «этикет» [3, с. 84].

При осуществлении электронного общения существует тенденция к сокращению, унификации, избеганию перегрузки при передаче информации. Создаются специальные единые нормы осуществления переписки, определённая тональность коммуникации.

Есть ряд причин, из-за которых следует придерживаться цифрового этикета [4, с. 39]:

1. соблюдая нетикет, отправитель письма подтверждает свой *профессионализм*;

2. цифровое послание становится более *действенным*, чем неаккуратно написанное письмо;

3. старательно составленное послание позволяет избежать недоразумений, становится *эффективнее*;

4. *повышение уровня безопасности* – грамотное письмо способствует правильному пониманию содержания текста и использования полученной информации по назначению без вреда для получателя и отправителя.

К основным цифровым правилам осуществления виртуальной переписки можно отнести следующие.

При создании письма обязательно должны быть оформлены поля: «Кому», «Тема», «Важность письма» и «Текст сообщения».

Если необходимо сделать рассылку одинакового текста, лучше воспользоваться функцией «скрытая копия», чтобы получатель видел только адрес своей почты. Иначе вы разгласите без согласия владельцев их электронные адреса, что является неэтичным.

Стандартная структура делового e-mail

1. Шапка с названием предприятия. 2. Приветствие. 3. Содержание письма и цель обращения. 4. Прощание. 5. Указание ФИО с контактами и ссылки на свой сайт.

Чтобы почтовая программа распознала ваш адрес, к названию почты лучше добавить вначале `mailto: petrov@mail.ru`, а к адресу сайта `http://www.petrov.ru` [3].

На правила общения в Интернете распространяются те же правила, что и при личном взаимодействии. ***Не допускается*** [4, с. 69]:

- оскорбление достоинства других людей;
- употребление ненормативной лексики;
- рассказывать о подробностях жизни знакомых без их согласия;
- разжигание национальной, религиозной розни;
- распространять инструкции, призывающие к каким-либо незаконным действиям;
- намеренно затевать конфликты, манипулятивные провокации;
- умышленно пытаться взламывать чужую электронную почту или сайт.

Следует избегать использования большого количества смайлов, специальных знаков препинания, аббревиатур – это может затруднять восприятие и понимание текста.

Не рекомендуется прикреплять к письму ненужные файлы, что может вызвать сбой в почтовой программе.

Дополнительно следует установить на компьютере *качественную антивирусную программу*, дабы избежать передачи вируса получателю. Сортировка входящих сообщений по разным тематическим папкам позволит быстрее найти нужное письмо.

Периодически надлежит чистить свой почтовый ящик, чтобы разгрузить его от спама и устаревших писем. Если вы решили сменить название электронной почты, вежливым будет предупредить своих абонентов о данном событии.

Среди психологических аспектов цифрового этикета можно выделить следующие [4, с. 124-130].

1. Полагается обращаться к получателю письма лично (не только в начале текста, используя его имя, но и в содержании послания).

2. Старайтесь сразу отвечать на электронные письма, поскольку люди обычно ждут оперативной реакции. По правилам нетикета полагается тактичным, если ответ на письмо не превышает одних-двух суток. Если необходимо задержаться с ответом для обдумывания, то следует уведомить об этом с пояснением причин.

3. Помните о чувстве меры при написании письма и ограничивайте по возможности объём текста. Пишите короткими фразами. Можно разделять текст на параграфы, выделять шрифтом полужирным или курсивом, цветом, оставлять между предложениями пустые строки, использовать нумерованные списки.

4. Грамотнее будет отвечать на заданные вопросы вашего респондента, поскольку он может повторить их опять в следующем письме.

5. При ответе на письмо лучше оставлять предыдущий текст без изменений, а свой ответ добавлять сверху, чтобы оставить возможность вернуться к прошлой переписке.

6. Внимательно перечитывайте письмо перед отправкой на предмет обнаружения опечаток, грамматических и прочих ошибок.

7. Старайтесь реже прибегать (или не прибегать вовсе) к пометкам в теме письма «*срочно*» и «*важно*». За исключением действительно крайне неотложных вопросов.

То же самое относится к НАПИСАНИЮ ТЕКСТА ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ. Это выглядит агрессивно и может вызвать у получателя негативную реакцию.

8. Не отправляйте копию письма или файла другим людям без согласия автора.

Письма, переданные по цепочке (просьбы о помощи, коммерческие предложения) надлежит отправлять в почтовый ящик. Поскольку они могут быть пустым розыгрышем или спамом.

Сродни телефонной беседе, сеанс электронного общения принято заканчивать инициатору переписки.

Таким образом, за время существования Интернета сформировались определённые этические нормы, технические и психологические тонкости ведения электронной переписки. Их знание и соблюдение способно повысить уровень компетентности цифрового взаимодействия современного человека, привести к успешности в деловой и личной коммуникации.

Литература

1. *Войскунский А.Е.* Психология и Интернет. М.: «Акрополь», 2010. 439 с.
2. *Носов Н.А.* Виртуальная психология. М.: «Аграф», 2000. 430 с.
3. *Печенева Т.А.* Юридическая этика. Деятельность, имидж, культура: Пособие для студентов. 2-е изд., стер. Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2020. 164 с.
4. *Пыжова Н.Н.* Психология электронной коммуникации: Пособие. Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2017. 134 с.

Отношение к глобальным рискам и самоофективность учащейся молодежи

Сачкова М.Е.,

ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия

Семенова Л.Э.

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

sachkova@list.ru, verunechka08@list.ru

Во все времена на протяжении своей жизни человек постоянно сталкивался с различными угрозами (природными, техническими, экономическими, демографическими и др.). Однако именно современное общество превратилось в общество глобальных рисков [1; 3; 6 и др.]. При этом абсолютное большинство реальных угроз обусловлено деятельностью или бездеятельностью самого человека, т.е. носит антропогенный характер.

Вполне понятно и закономерно, что в условиях глобальных рисков и угроз у разных слоев населения повышается тревога и беспокойство относительно не только отдаленного будущего, но и настоящего, что находит свое отражение и в самом отношении к глобальным рискам и угрозам [5].

По оценкам специалистов, это отношение обусловлено рядом факторов, среди которых ключевая роль отводится образу жизни и связанным с ним социально-психологическим характеристикам личности (социальному статусу, уровню образования, удовлетворенности своей жизнью, ценностям, доверию к миру, стрессоустойчивости, беспомощности и, напротив, способности к самоконтролю, саморегуляции и др.) [7].

Что же касается самого феномена отношения к глобальным рискам, то, согласно точке зрения Т.А.Нестика [4], в его структуре можно выделить следующие компоненты:

- ценностно-мотивационный,
- когнитивный,
- аффективный,
- поведенческий.

Последний компонент предполагает готовность к активным действиям субъекта по предотвращению рисков и в условиях

реальных угроз, что, на наш взгляд, во многом обусловлено самооффективностью личности, т.е. убеждением человека в своей способности компетентно действовать в той или иной ситуации, в сложившихся условиях, в различных сферах жизнедеятельности, успешно решая различные задачи [2]. В современной психологии самооффективность считается важной составляющей личностного потенциала (Д.А. Леонтьев), характеристикой, представляющей полную противоположность выученной беспомощности (М. Селигман).

Установлено, что самооффективность личности влияет на позитивную оценку будущего [7]. Констатирована также положительная роль самооффективности в ситуации глобальных угроз. В частности, в ряде исследований было показано, что в период пандемии COVID-19 самооффективность личности оказалась напрямую связана с социальной поддержкой, что косвенно предсказывает психическое здоровье [9], а самооффективность в плане эмоциональной саморегуляции является эффективным ресурсом совладания со стрессом и негативными эмоциями [8].

Целью исследования мы определили выявление специфики связей отношения к глобальным рискам с самооффективностью у учащейся молодежи.

Мы предположили, что уровень самооффективности имеет положительную связь с оптимизмом студентов в отношении глобального будущего и с готовностью активно действовать для защиты себя и своих близких.

Для сбора данных использовались опросник «Отношение к глобальным рискам» Т.А. Нестика и «Шкала общей самооффективности» Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В.Г. Ромека.

В исследовании принимали участие студенты 1-4 курсов факультетов социально-гуманитарного и медицинского профилей вузов Москвы и Нижнего Новгорода в количестве 121 человека.

Согласно полученным результатам, большинство студентов продемонстрировали достаточно высокий уровень самооффективности ($M = 30,94$; $Sd = 4,43$). Кроме того, по многим компонентам отношения к глобальным рискам показатели также оказались выше нормативных, причем, прежде всего, по

поведенческому компоненту, свидетельствующему о готовности респондентов к личному участию в предотвращении потенциальных рисков и угроз. Полагая, что в современных условиях социальной нестабильности данный факт может говорить о повышении мобилизационного потенциала студенческой молодежи. В то же время уровень тревоги респондентов не выходит за границы нормы, тогда как по показателям оптимизма наметилась тенденция роста по сравнению с результатами предыдущих исследований [5].

По итогам корреляционного анализа (с помощью критерия Спирмена) было установлено наличие только двух статистически значимых положительных связей между самооффективностью и отношением к глобальным рискам. Причем вопреки нашему предположению наряду с оптимизмом ($r = 0,19$; $p < 0,05$) связи были обнаружены не с готовностью к действиям, а с таким аспектом когнитивного компонента отношения к глобальным рискам, как религиозный авторитаризм ($r = 0,22$; $p < 0,05$). Предполагаемая взаимосвязь самооффективности с готовностью к активным действиям студентов не достигла уровня статистической значимости, что позволяет утверждать следующее: по всей видимости самооффективность студенческой молодежи носит преимущественно локальный характер и не распространяется на уровень более масштабных действий глобального характера.

Таким образом, наша гипотеза нашла только частичное подтверждение. При этом обнаруженные в исследовании связи самооффективности студенческой молодежи с отношением к глобальным рискам позволяет рассматривать эту личностную характеристику как ресурс, поддерживающий оптимизм в плане рисков и авторитарные формы борьбы с глобальными угрозами.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Булышко Н.А. К проблеме самооффективности личности в психологии // Веснік Мазырсакага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П.Шамякіна. 2009. №3(24). С. 37-44.

3. *Иванов О.Б.* Глобальные риски и тенденции современного мира // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2017. №1. С. 7-20.
4. *Нестик Т.А.* Глобальные риски как психологический феномен // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1 (50). С. 24–38.
5. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
6. *Соколов Ю.И.* Проблемы рисков современного общества // Проблемы анализа риска. 2016. Том 13. №2. С. 6-23.
7. Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ / Под ред. Т.А. Нестика, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
8. *Sui W., Gong X., Zhuang Y.* The mediating role of regulatory emotional self-efficacy on negative emotions during the COVID-19 pandemic: A cross-sectional study // *Ment Health Nurs.* 2021. Jun. 30(3):759-771.
9. *Wang S., Feng K., Zhang Y., Liu J., Wang W., Li Y.* Antecedents of Public Mental Health During the COVID-19 Pandemic: Mediation of Pandemic-Related Knowledge and Self-Efficacy and Moderation of Risk Level // *Front Psychiatry.* 2020. Nov. 12;11:567119.

Личностные и социально-психологические факторы удовлетворенности браком

Седова А.Р., Красило Т.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
A9104192152@gmail.com,tkrassilo@yandex.ru

Изучение проблем семьи и внутрисемейных отношений было актуально всегда. Сегодня исследовательский интерес объясняется не только ролью семьи в развитии личности, но и нарастанием кризиса этого социального института, который проявляется в снижении числа заключаемых браков и одновременно – в росте количества разводов, падении уровня рождаемости, а также увеличении показателей детской смертности. В контексте данных проблем значительный

интерес для общества представляет психологическое благополучие семьи и межличностные отношения супругов. Отсутствие эмоциональной близости и доверия, низкая удовлетворенность отношениями могут приводить к затяжным конфликтам или даже разрывам отношений. Этого можно избежать, если исследовать личностные и социально-психологические факторы удовлетворенности браком и учитывать их в семейной жизни супругов. При этом, по словам Е.Б. Мамоновой и М.А. Насретдиновой, «необходимо принимать во внимание целый ряд факторов, влияющих на удовлетворенность браком» [1, с. 121], то есть исследовать их в комплексе.

В рамках данной работы наш исследовательский интерес сосредоточен на таких факторах, как локус контроля, личностный эгоцентризм, самоактуализация личности, а также опыт взаимоотношений супругов в родительских семьях.

Цель данного исследования заключалась в выявлении личностных и социально-психологических факторов удовлетворенности браком.

Основная гипотеза исследования: существует взаимосвязь между удовлетворенностью супругов браком и их локусом контроля, индексом личностного эгоцентризма, уровнем самоактуализации личности, а также образом родительской семьи.

Для проверки гипотезы исследования была сформирована выборка, включающая 104 испытуемых, из них 52 мужчины и 52 женщины в возрасте от 25 до 38 лет, средний возраст составил $29,9 \pm 3,60$ лет. Все испытуемые женаты / замужем и имеют одного или двух детей. Стаж брака – от 2 до 9 лет (средний стаж – $4,8 \pm 2,04$ года). Из числа испытуемых 29 (27,9%) имеют среднее образование, 16 (15,4%) – среднее профессиональное, 5 (4,8%) – неоконченное высшее, у остальных – 54 (51,9%) – высшее образование.

Цель и гипотеза исследования предопределили выбор следующих методик: ОУБ (В.В. Столин, Т.Л. Романова, Г.П. Бутенко), УСК (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, Л.М. Эткинд), «Диагностика личностного эгоцентризма» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов), «Диагностика самоактуализации личности» (САМОАЛ) (А.В. Лазукин, адаптация Н.Ф. Калина), «Parental Bonding Instrument» (PBI) (G. Parker, H. Tupling, L.V. Brown).

Для выявления взаимосвязи удовлетворенности супругов браком, локуса контроля, индекса личностного эгоцентризма, уровня самоактуализации личности и образа родительской семьи при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена был проведен корреляционный анализ, который показал следующее:

1. Существуют положительные связи между удовлетворенностью супругов браком и показателями интернальности в области достижений ($r_s = 0,223$ при $p \leq 0,05$), неудач ($r_s = 0,250$ при $p \leq 0,01$), а также общим уровнем интернальности ($r_s = 0,292$ при $p \leq 0,01$), то есть чем выше уровень интернальности супругов, тем выше их уровень удовлетворенности браком.

2. Существует отрицательная связь между удовлетворенностью браком и уровнем эгоцентрической направленности личности супругов ($r_s = -0,275$ при $p \leq 0,01$), то есть чем выше уровень личностного эгоцентризма супругов, тем ниже уровень их удовлетворенности браком.

3. Существует прямая корреляция между удовлетворенностью супругов браком и такими показателями самоактуализации, как ориентация во времени ($r_s = 0,233$ при $p \leq 0,05$), стремление к творчеству ($r_s = 0,310$ при $p \leq 0,01$), автономность ($r_s = 0,215$ при $p \leq 0,05$), самопонимание ($r_s = 0,351$ при $p \leq 0,01$) и гибкость в общении ($r_s = 0,304$ при $p \leq 0,01$), то есть удовлетворены браком, как правило, те супруги, которые живут по принципу «здесь и сейчас», наслаждаются настоящим и не заикливаются на прошлом, при этом с оптимизмом смотрят в будущее, не обесценивая будущие успехи. Они характеризуются чувствительностью к своим желаниям и потребностям, стремятся к творчеству, свободе, автономности и независимости, но без отчуждения и одиночества, устойчивой адекватной самооценкой и уверенностью в себе и своих силах. Это достаточно общительные люди, способные без особых трудностей завязывать взаимно полезные и приятные контакты с нужными людьми, не прибегая при этом к фальши и манипуляциям в отношениях

4. Связи между удовлетворенностью супругов браком и восприятием ими родительской семьи не выявлено.

Таким образом, можно говорить о том, что основная гипотеза – существует взаимосвязь между удовлетворенностью супругов браком

и их локусом контроля, индексом личностного эгоцентризма, уровнем самоактуализации личности, а также образом родительской семьи, – подтверждена частично.

Литература

1. *Мамонова Е.Б., Насретдинова М.А.* Сравнительный анализ удовлетворенности браком супружеских пар с различным стажем семейной жизни // Нижегородский психологический альманах. 2019. Т. 1. № 2. С. 118-127.

Психологическое сопровождение детей-мигрантов

Семенова Н.С.

*МОУ Ильинская СОШ №25, Раменское, Россия
nataliya699359@mail.ru*

В настоящее время Московская область является многонациональным регионом РФ. Отмечается увеличение уровня миграционных процессов, в связи с этим на ее территории проживает большое количество представителей различных этносов. Основная сложность, с которой сталкиваются дети-мигранты, – это проблемы социально-психологической адаптации и языковой барьер. Процесс адаптации детей-мигрантов является многоплановым и достаточно длительным. Он связан с переживанием детьми-мигрантами изменений привычных условий, отличий в культуре, изоляции и депривации, которые связаны с воспитанием толерантности коренного населения и мигрантов.

Процесс социальной адаптации индивида имеет различные подходы изучения в психологии и педагогике. В работах А. Маслоу, К. Роджерса, Г. Олпорта, В. Франкла адаптация рассматривалась как восстановление идентичности личности, соответствие экзистенции ее истинной природе. Как пишет Е.А. Бауэр в исследованиях М.С. Добряковой, Б.Г. Жогина, Т.Ф. Масловой, В.К. Шаповалова затрагиваются вопросы анализа особенностей процесса социализации

мигрантов в стране иммиграции. А.В. Мудрик и Р.В. Овчарова делают акцент на аспектах процесса адаптации, анализируют его психологическое и педагогическое сопровождение в рамках социальных ситуаций [1, с. 5]. Однако при анализе научной литературы было выявлено, что практически отсутствуют работы, которые касаются форм и методов психологического сопровождения детей-мигрантов определенной возрастной группы, для поддержки и помощи в конкретной социальной ситуации в рамках образовательного учреждения.

В рамках образовательного процесса психологическое сопровождение детей-мигрантов продуктивнее всего осуществлять на основе психосоциального подхода Э. Эриксона, что будет способствовать их более эффективной адаптации и социализации. В рамках концепции Э. Эриксона можно проследить формирование личности ребенка в отдельно взятых условиях, в том числе и в образовательной среде. Психосоциальный подход позволяет учитывать значимые личностные идентификации этнокультурного характера, а индивидуальное и социогенетическое развитие индивида имеет между собой тесную взаимосвязь. На основании этого появляется возможность реализовывать психологическое сопровождение детей-мигрантов, учитывая их индивидуальные особенности, которые присущи разным этническим и социальным общностям. Психологическое сопровождение в рамках образовательной организации прежде всего должно быть направлено на развитие идентичности, толерантности и психологической устойчивости, основываясь на особенностях культуры и личности детей-мигрантов [1, с. 7].

Основываясь на работах Ковалевой Н.И. можно сказать, что психологическое сопровождение детей-мигрантов с неродным русским языком предполагает моделирование адаптивных стратегий поведения и социальных взаимодействий, которые обеспечивают основу для социализации и интеграции детей инофонов в новую социокультурную действительность, создание условий для реализации их способностей и потенциальных возможностей, изменение негативных психологических состояний, которые в свою очередь могут приводить к возникновению барьеров в межличностном общении [2, с. 77].

При осуществлении психологического сопровождения детей-мигрантов на базе общеобразовательной организации необходимо придерживаться выделенных этапов:

1. Психодиагностика. Осуществляется с целью наиболее эффективного анализа индивидуальных проблем детей-мигрантов, что позволит более точно определять направления работы и используемые средства. Необходимость обучения педагогов способам изучения личности таких детей с помощью стандартизированных методик становится во главу угла.

2. Оказание психологической помощи детям-мигрантам средствами психологического консультирования и тренинговых упражнений. На данном этапе происходит обучение детей-инофонов конструктивным стратегиям поведения в конфликтной ситуации. Неуверенность в себе, страх утверждать свои права и собственную ценность, при этом не ущемляя прав других становятся мишенями при психологическом консультировании. В результате выполнения тренинговых упражнений формируется адекватное ролевое поведение, т.е. умение принимать роли, которые соответствуют новым ситуациям и развитие ролевой гибкости.

3. Повышение этнокультурной компетентности и этнокультурной сензитивности субъектов образовательного процесса. Основные задачи третьего этапа работы по психологическому сопровождению предполагают снижение уровня тревожности при межличностном и межкультурном взаимодействии педагогов и детей-мигрантов, формирование готовности к толерантному поведению в культурной среде другого государства, освоение способов понимания поведения окружающих людей в условиях их культуры, моделирование межгруппового взаимодействия [2, с. 77].

Психологическое сопровождение в условиях образовательной организации и школьная среда выступают ключевыми факторами адаптации детей-мигрантов к новой культурной действительности. Процессы миграции приводят к появлению целого комплекса психологических сложностей для детей из других государств, которые характеризуются определенными особенностями и требуют более детального анализа [3, с. 15].

Проведенный анализ и предложенная схема психологического сопровождения не охватывают всей сложности и многогранности

рассматриваемой проблемы. Однако следует отметить перспективные направления дальнейшей работы и исследований: изучение роли семьи в процессе социальной адаптации детей-мигрантов разных возрастных групп, а также гендерные аспекты процесса социально-психологической адаптации; изучение способов адаптации к образовательным программам для более успешного усвоения учебного материала детьми-мигрантами с учетом культурных особенностей, языкового барьера и педагогической запущенности.

Литература

1. *Бауэр Е.А.* Научно-практические основы психолого-педагогического сопровождения социально-психологической адаптации подростков-мигрантов: дис. ... д-ра психол. н. М., 2012. 503 с.
2. *Долгова В.И., Дергачева Р.Г.* Проблемы адаптации детей мигрантов / монография. М., 2021. 201 с.
3. *Ковалева Н.И.* Социально-психологическое сопровождение процесса адаптации представителей разных культур в условиях образовательного учреждения // *Культурно-историческая психология.* 2010. Том 6. № 1. С. 75-80.

Влияние имиджа руководителя на мотивацию сотрудников в педагогической сфере

Семина А.И.

ОФ МГИМО МИД РФ, Одинцово, Россия

lilia.karma@yandex.ru

Несмотря на большое распространение исследований, посвященных проблеме мотивации сотрудников в различных сферах и формированию имиджа современного руководителя организации, важные аспекты их взаимосвязи в отечественной психологии управления остаются неизученными. Особый интерес в контексте современных изменений в сфере образования представляет изучение

мотивации сотрудников образовательных организаций и ее зависимость от имиджа руководителя данной организации.

В современной науке появляется большое количество исследований, посвященных изучению имиджа руководителя и педагогов средней общеобразовательной школы. Значительный вклад в понимание функций, структуры и содержания имиджа внесли С.Е. Ананьева, Л.М. Митина, А.Ю. Панасюк, Е.Б. Перельгина, Е.А. Петрова, Э.П. Утлик, В.М. Шепель, С.В. Яндарова и др. Основной целью формирования имиджа является моделирование способа восприятия руководителя подчиненными, при котором он органично вписывается в систему ожиданий подчиненных, соответствующую сложившемуся типу корпоративной культуры.

Многочисленные исследования мотивации сотрудников принадлежат Г.А. Мюрею, Д. МакКлелланду, Д. Аткинсону, А. Маслоу и др. В отечественной психологии изучению мотивации посвятили свои труды Л.И. Божович, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.И. Иванников, В.К. Виллонас, Е.В. Приходько и др. Мотивация имеет первостепенное значение для деятельности личности, т.к. именно мотивы как опредмеченная потребность побуждают к деятельности, о чем говорит А.Н. Леонтьев: «то объективное, в чем эта потребность конкретизируется в данных условиях и на что направляется деятельность как на побуждающее ее» [2, с. 292]. Непосредственным исследованием мотивации педагогических сотрудников, ее сущности и закономерностей формирования занимались отечественные авторы И.А. Вергий, С.Г. Вершловский, Н.М. Полетаева.

Вопрос ориентированности развивающейся личности на значимого для нее человека писал М.Ю. Кондратьев. Он утверждал, что высокореферентная личность обладает определенной авторитетностью для своего окружения, что позволяет последнему сформировать взгляды, ценности, жизненные позиции и т.д. [1].

Цель исследования - выявление особенностей влияния имиджа руководителя на мотивацию педагогических сотрудников. Исследование проводилось в образовательной организации г. Москвы, имеющей 5 структурных подразделений. В исследовании принимали участие 30 педагогов в возрасте от 24 до 57 лет. Из них 27 женщин и 3 мужчин.

Для осуществления исследования имиджа руководителя был разработан опросник на основе метода семантических ассоциаций, который был направлен на выявление наиболее значимых с точки зрения педагогических сотрудников элементов имиджа руководителя образовательной организации. В результате проведенного опроса была составлена иерархия структурных элементов имиджа. К наиболее значимым элементам структуры имиджа руководителя опрошенные отнесли внешние характеристики: опрятный внешний вид, принадлежность к средней возрастной группе и нормативная речь. При этом стремление к самосовершенствованию, демонстрацию элементов «статуса» и подвижность мимики опрошенные сотрудники педагогической организации посчитали наименее важными в имидже руководителя.

С целью изучения мотивации сотрудников использовался Мотивационный профиль Ш. Ричи и П. Мартина. В результате данного исследования была также составлена иерархия мотивов профессиональной деятельности педагогических сотрудников. К наименее значимым факторам мотивации опрошенные отнесли социальные контакты, амбициозные цели, разнообразие и перемены, креативность. Наиболее ярко выраженными факторами мотивации современных учителей являются факторы материального вознаграждения, комфортных условий труда, личностного развития и ощущения востребованности и значимости выполняемой работы [3].

В результате проведенного корреляционного анализа были сделаны ряд выводов. Во-первых, материальный фактор мотивации сотрудников находится в обратной зависимости от степени выраженности «статусных» элементов имиджа руководителя. Во-вторых, на одинаковом уровне в иерархия находятся фактор комфортных условий труда и принадлежность руководителя к группе среднего возраста, обладателя опрятного внешнего вида, нормативной речи. В-третьих, роль среднего уровня эмпатии у руководителя образовательной организации напрямую влияет на мотивацию признания значимости труда учителя. Также, высокая мотивация личностно-профессионального развития сотрудников коррелирует с низкой степенью выраженности стремления к саморазвитию в структуре имиджа руководителя. Тем не менее, важно отметить отсутствие амбициозных целей в мотивационном профиле учителей,

что находится на нижних уровнях иерархии мотивационного профиля, как и стремление руководителя к саморазвитию. Более того, средний уровень мотивации достижения доверительных отношений и также соответствует среднему уровню выраженности коммуникабельности в имидже руководителя. Наконец, на низших уровнях иерархий располагаются факторы мотивации креативности, новых идей и перемен, подобно слабой выраженности критического мышления у руководителя педагогической организации. Следовательно, можно предположить, что в результате повышения уровня критического мышления у руководителя образовательного учреждения существует вероятность стимулирования мотивации учителей к работе в изменяющихся условиях и развитию мотивации к креативной, творческой профессиональной деятельности.

Литература

1. *Кондратьев М.Ю.* Слагаемые авторитета. М.: Знание, 1988.
2. *Леонтьев А.Н.* *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 3-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. М., 2002.
3. *Лобза О.В.* Психология управления: учебник // О.В. Лобза, В.О. Короткова. Москва: КНОРУС, 2022.

Тревога и агрессия в интра- и интерпсихическом пространстве

Серебрякова К.А.

Институт системного консультирования и тренинга, Москва,

Россия

egiazarian@yandex.ru

Тревога и агрессия (злость) являются наиболее деструктивными эмоциями, которые привносят в жизнь человека подчас невыносимый дискомфорт и действуют разрушительным образом в социальном взаимодействии [1; 2].

Для эффективной работы с этими эмоциями необходимо учитывать: природу их возникновения, длительность и интенсивность,

характер проявлений, способы совладания, используемые человеком, телесную локализацию, степень осознания.

Тревогу можно разделить на тревогу и страх. Страх — это опредмеченная тревога, которую опредметить нельзя [5], поэтому она гораздо тяжелее выдерживается и требует немедленного объяснения, что человек и делает, находя понятные, но не реальные причины для определения беспокоящего состояния. С этим связана порой слабая эффективность работы с этой эмоцией - специалисты начинают работать с придуманным предметом дискомфорта, являющимся лишь попыткой через когнитивную уловку снизить генерализованную тревогу.

Сама тревога может иметь различную природу.

Она может быть хронической, сопровождающей человека большую часть жизни или всю его жизнь и ситуативной, связанной с конкретной недавней историей. Если человек находится в стрессовой ситуации, связанной непосредственно с угрозой жизни его самого или его близких, то ситуативная тревога неимоверно усиливается хронической. В таком случае будет очень сложно работать с ситуативной тревогой, не разделив эти два вида тревоги и не убрав из актуального состояния хроническую.

Природа тревоги может быть связана с внутренним ощущением угрозы жизни (витальная тревога), либо со страхом потери собственного Я (социальная тревога). Поэтому причины здесь разные. В первом случае истоки нужно искать в физическом или сексуальном насилии [3]. Во втором — в психологическом (эмоциональном, моральном) насилии.

Тревога может быть глубинной (ощущается редко и при определенных триггерах) и поверхностную (постоянно ощущаемую человеком как фон). В первом случае человека постоянно мучают различного рода страхи (попытки опредметить генерализованную тревогу), которые меняют постоянно свой предмет. Работа затрудняется тем, что человек не в состоянии вычленить собственно глубинную тревогу. Во втором случае возникает возможность работать уже непосредственно с самой тревогой.

Также тревога может быть осознаваемой и неосознаваемой.

К тревоге социального Я относятся:

- страх потери любви значимого объекта;
- страх потери целостности Я (страх сумасшествия);

- страх, связанный с аспектами самооценки: самоуважения и самопринятия.

Для точной диагностики причины возникновения очень важно определить телесную локализацию испытываемой эмоции. Витальная тревога ощущается внизу живота как тяжелый ком, социальная тревога ощущается в груди или в солнечном сплетении. Однако, они тесно переплетены между собой. Довольно часто социальная тревога служит для человека своеобразной защитой от витальной тревоги. Социальную тревогу гораздо легче выдерживать, поэтому так часто методы работы с самооценкой и другими компонентами социального Я не работают. Если убрать социальную тревогу, то человек столкнется с травматическим ужасом смерти, ко встрече с которым он не готов. Поэтому, как правило, если человек не чувствует и не осознает свою глубинную генерализованную хроническую тревогу стоит начинать работать с социальной тревогой. После того, как она будет снижена, наступает возможность вычлнить непосредственно другой тип тревоги.

Если же человек чувствует и осознает травматическую тревогу, то первична работа с ней.

Что же касается агрессии, то прежде всего необходимо различать эмоцию и поведение. Собственно эмоция имеет градацию по силе: ярость — злость — раздражение, и служит так же, как и агрессивное поведение для многих целей, в том числе и для защиты от реального или воображаемого нападения. Эмоция, однако, совершенно обязательно должна переходить в агрессивное поведение. Для этого в человеческом сообществе существуют правила, ритуалы и т. д. [4]. Эмоция злости служит и для нападения (устрашения). В таком случае, это эмоция искусственного происхождения, которая (у человека) имеет свой источник в мыслях, а не в телесном отклике на угрозу.

Злость как защитная эмоция и агрессия как защитное поведение может быть:

- актуальная, связанная непосредственно с ситуацией и отсроченная при неразрешенном ранее внешнем или внутреннем конфликте;
- прямая и смещенная. Прямая направлена непосредственно на источник раздражения, смещенная перенаправляет эмоцию на более слабый и безобидный объект, коим часто является сам человек. В таком случае мы имеем дело с аутоагрессией;

- конкретная и обобщенная. Конкретная эмоция связана с определенным человеком обобщенная – деперсонализована и может быть обращена на любые явления, общности людей, систему и т.д.;
- поверхностная или глубинная. Поверхностная ощущается человеком, глубинная, как правило, не ощущается, и связана с подавленными в детстве естественными эмоциями раздражения и злости, которые часто находят выход в совершенно случайных, непредсказуемых всплесках словесной или поведенческой агрессии или в аутоагрессии;
- по силе ощущений и проявлений может быть адекватной ситуации или неадекватной. Неадекватная раздражителю по силе эмоция всегда связана с подавленными эмоциями, не нашедшими выход ранее;
- осознаваемая и неосознаваемая. Неосознаваемая эмоция часто воспринимается человеком как иная эмоция, например: боль, страх, воодушевление или драйв и может ощущаться как прилив энергии.
- открытой – прямо выражаемой в словах или в действиях, и скрытой – выражаемой косвенно в интонации, словах или действиях.

Адекватная по силе и проявлению адресная злость или раздражение (назовем ее здоровой) направленная непосредственно на защиту, не вызывает неприятных ощущений ни у окружающих, ни у самого человека, она понятна и принимается как естественное свободное проявление. Но чаще мы имеем дело со смещенной или глубинной злостью, которая пугает окружающих и часто разрушает самого человека. Эта злость является вторичной по отношению к первичным эмоциям: страху (тревоге), боли, бессилию и отчаянию. И выступает скорее как защита от них, чем от реальной или воображаемой опасности.

Истоки этой злости кроются либо в травматическом прошлом, и тогда в психическом поле она выглядит как борьба за свою жизнь. Как правило это глубинная, неосознаваемая, подавленная, обобщенная, неощущаемая ярость, всегда выражаемая в неадекватных по силе и адресности проявлениях. Телесная локализация внизу живота. Либо она выступает как защита от психологического насилия. Она может быть связана как с актуальной ситуацией несправедливости,

притеснения, пренебрежения и других затрагивающих личность проявлений в социальном окружении, воспринимается как защита самооценки, так и с системой подавляющего личность воспитания, которое применялось к человеку, когда он был ребенком. В таком случае эта защита приобретает более глобальный характер и воспринимается как борьба за сохранение целостности личности. Ощущается как злость и телесно располагается в груди и горле. Так часто описываемое ощущение прилива крови к голове, шума в ушах означает то, что злость или ярость была подавлена в своем немедленном проявлении и не смогла найти выход ни в движении, ни в звуке, которые, как правило, облегчают состояние и способны вызвать быстрое успокоение.

Именно из-за того, что телесная локализация злости (ярости) идентична локализации тревоги, эти две эмоции часто путают. Маркером для различения служит наличие или отсутствие в ней энергии. Тревога парализует, а злость (ярость) побуждает к действиям.

Литература

1. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб: Питер, 2001. 752.
2. *Лоренц К.* Агрессия // Издательская группа «Прогресс», Москва, 1994.
3. *Тарабрина Н.В.* Психология посттравматического стресса. «Когито-Центр», 2009, 390 с.
4. Теория дифференциальных эмоций // Психология эмоций. Питер, 2007. 464 с.
5. *Ясперс К.* Общая психопатология / Пер. с нем. Л.О. Акопяна. Москва: Практика, 1997. 1056 с.

Взросление и инициация в современном мире

Серова В.В., Александрова Е.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

vlada.serova.99@bk.ru, aleksandrova.elenaandreevna@mail.ru

В современном обществе все больше молодых людей сталкиваются с проблемами взросления. Многие не могут перейти порог между

детством и взрослостью. В древних племенах инициация делала процесс взросления менее болезненным. После ее прохождения ребенок признавался взрослым и вливался в свое сообщество. Инициация позволяла увидеть, что через это проходили все члены общества, таким образом молодой человек получал поддержку и видимость того, что он не один проходит через новый жизненный этап. Символическое перерождение давало ребенку возможность не уходить в состояние инфантильности в трудные моменты. Он становился взрослым, который может самостоятельно находить решения проблем, не уходя в регрессию к детскому состоянию. Главным инструментом в инициации являлись ритуалы, которые были наделены сакральным смыслом. Они снимали эмоциональное напряжение, утверждали идентификации человека с новой группой и позволяли иницируемому получить новый статус, права и обязанности. То есть ритуалы позволяли присвоить ребенку чувство взрослости и перейти из мира детства во мир взрослых [1; 3].

Именно поэтому вопрос инициации в современном обществе представляет особый интерес. Феномен инициации и его видоизменение могут быть инструментом, который поможет молодым людям пройти этап взросления [2; 4].

В ходе исследования мы выдвинули следующую гипотезу: достижение ощущения взрослости у молодых людей в современном мире может достигаться за счет инициации, включающей ритуалы перехода.

Исследование состояло нескольких этапов: 1) Подбор теоретической базы и анализ научных работ, соответствующих заявленной теме; 2) Создание опроса и анкеты, и их проведение; 3) Анализ полученных результатов; 4) Подведение итогов исследования.

В исследовании приняли участие 26 человек – 8 человек в возрасте 21 года, 11 человек в возрасте 22 лет, 6 человек в возрасте 23 лет и 1 человек в возрасте 25 лет. Общий возрастной диапазон выборки составляет от 21 до 25 лет.

В опросе, который заполняли респонденты, сначала надо было указать информацию о себе (возраст, пол, опыт службы в армии, уровень образования, наличие информации о себе, живет ли человек с родителями, может ли он назвать себя физическими-независимым). Далее необходимо было заполнить анкету.

В нашей анкете было следующие шесть вопросов.

- Опишите, каким, по-вашему, должен быть взрослый человек?
- Что должно случиться в жизни человека, чтобы он мог назвать себя взрослым?
- Что должно случиться в жизни человека, чтобы его могли считать взрослым?
- Назовите событие, предшествующее появлению чувства взрослости в жизни человека
- Назовите событие, предшествующее появлению чувства взрослости в жизни человека
- О каких ритуалах взросления в современном мире вы знаете?

По результатам ответов испытуемых были выделены следующие категории, относящиеся к чувству взрослости:

1. ответственность;
2. самостоятельность;
3. наличие работы;
4. осознанность;
5. сепарация от родителей;
6. критическое мышление;
7. переломный момент-событие/инсайт;
8. появление личного ощущение/самосознание;
9. возраст/совершеннолетие;
10. появление атрибутов – семья, успех, имущество;
11. внутренняя уверенность;
12. независимость;
13. переезд;
14. желание осуществлять самостоятельный, свободный выбор;
15. поиск спутника жизни, влюбленность.

Далее мы выделили категории ритуалов взросления, исходя из ответов испытуемых:

1. армия;
2. работа;
3. съезд от семьи;
4. рождение детей;
5. окончание университета;
6. ипотека;

7. секс;
8. свадьба;
9. совершеннолетие;
10. проба алкоголя;
11. бизнес;
12. самообеспечение;
13. покупка машины;
14. поход в МФЦ;
15. самостоятельный отпуск.

По результатам нашего исследования мы можем сделать следующие выводы:

Молодые люди в возрасте 21-25 лет выделяют в качестве основных критериев взрослости различные психологические феномены. В частности взятие ответственности, наличие самостоятельности, наличие внутренней уверенности, а также различные социальные атрибуты – наличие работы, создание семьи, физическая сепарация от семьи, финансовая независимость.

Вычленение ритуалов взросления связано с событиями, меняющими жизненные условия человека, в результате которых он приобретает новый социальный статус – съезд от родителей, свадьба, рождение детей, окончание университета.

По результатам нашего исследования мы можем сделать вывод, что инициация, как важный культурный механизм, который стандартизирует человеческое поведение и поддерживает порядок, – сохраняется. Она может меняться на поверхностном уровне, но не исчезает совсем, ее содержательная часть остается неизменной вне зависимости от уровня развития общества. Важной частью инициации является ритуал, который заключается в уходе из места повседневного существования и прохождения испытаний в новой среде, в которой как раз под воздействием стимулов меняется поведение человека, и впоследствии из статуса ребенка он переходит в статус взрослого. Исходя из исследования мы предполагаем, что в современном обществе инициацией становится события, меняющие жизненные условия, например, физическая сепарация от родителей.

Литература

1. *Борко Т.И.* Культурная антропология: учебник для вузов. М., 2020.
2. *Випулис И.В.* Архаические инициации и неофициальные посвящения в современности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 5(79). С. 129-137.
3. *Геннеп В.А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов/ пер. с франц. М., 1999. 198 с.
4. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983. 304 с.

Взаимосвязь мотивации к обучению с уровнем стресса у студентов

Симакова М.В., Маринова Т.Ю.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

s-may@ya.ru marinovatu@mgppu.ru

Несмотря на большое количество работ на тему мотивации к обучению, недостаточно исследована ее взаимосвязь с уровнем испытываемого студентами стресса. В настоящее время люди живут в состоянии высокой неопределенности, нестабильности и новизны социальных процессов, что может увеличивать проявления стресса.

Мотивационный фактор является важнейшим из психологических факторов, обеспечивающих эффективность обучения. Исследованиями в сфере учебной мотивации занимались А.А. Реан, В.А. Якунин, Н.Ц. Бадмаева, Г.А. Мухина, А.К. Маркова, Н.И. Мешков, Т.О. Гордеева, А.Г. Бугрименко, О.А. Чаденкова, Е.П. Ильин и др. Установлено, что стресс обладает противоречивыми эффектами воздействия (как негативными, так и позитивными). О.М. Сергеева выявила изменение учебной мотивации под воздействием экзаменационного стресса у студентов [4]. Ю.В. Щербатых пишет о возможности возникновения синдрома экзаменационного стресса, который принесёт негативные последствия для учебной мотивации, страхи, неверие в себя [5].

Цель – выявить взаимосвязь мотивации к обучению с уровнем стресса у студентов. Основная гипотеза – существует взаимосвязь мотивации к обучению с уровнем стресса. Частные гипотезы: 1) есть взаимосвязь компонентов мотивации с уровнем стресса у студентов; 2) существуют различия в выраженности уровня стресса у студентов с внутренней и внешней мотивацией; 3) есть специфика взаимосвязи мотивации к обучению с уровнем стресса в разных компонентах мотивации из-за различий в уровне проявления стресса у студентов, получающих высшее и среднее профессиональное образование.

Эмпирическим исследованием были охвачены студенты вузов в возрасте 18-23 лет, студенты колледжей 17-23 лет. Общий объем выборки студентов ВО составил 63 человека (сред. возраст – 20,29 лет, доля мужчин в выборке – 27%), студентов СПО – 68 человек (сред. возраст – 18,32 лет, доля мужчин в выборке – 30,9%). Использовались методики Т.И. Ильиной [2] и А.А. Реана и В.А. Якунина в модификации Н.Ц. Бадмаевой [1], комплексная оценка проявлений стресса (0-66 б.) [3; 5]. Методика Т.И. Ильиной включает 3 шкалы: «приобретение знаний» (0-12,6 б.), «овладение профессией», «получение диплома» (0-10 б.). Выборка делилась на студентов с внутренней мотивацией, если преобладали мотивы приобретения знаний, овладения профессией, и на студентов с внешней мотивацией в обратном случае.

В результате применения критерия Спирмена для проверки взаимосвязей компонентов (шкал) мотивации с уровнем стресса у студентов установлены следующие корреляции: 1) Есть тенденция к значимой взаимосвязи овладения профессией с уровнем стресса у студентов ВО на уровне 0,1 ($p = 0,054$); слабая обратная связь ($r = -0,244$): с ростом уровня стресса мотивация к овладению профессией падает. 2) Есть тенденция к значимой взаимосвязи мотивов избегания неудачи с уровнем стресса у студентов ВО на уровне 0,1 ($p = 0,061$); слабая прямая связь ($r = 0,237$): с ростом уровня стресса мотивы избегания неудачи растут. 3) Есть статистически значимая взаимосвязь овладения профессией с уровнем стресса у студентов СПО на уровне 0,05 ($p = 0,030$); слабая обратная связь ($r = -0,263$): с ростом уровня стресса мотивация к овладению профессией падает. 4) Есть тенденция к значимой взаимосвязи получения диплома с уровнем стресса у студентов СПО на уровне 0,1 ($p = 0,080$); слабая обратная

связь ($r = -0,214$): с ростом уровня стресса мотивация к получению диплома падает. В результате применения критерия U Манна-Уитни установлено, что есть статистически значимые различия в выраженности уровня стресса у студентов ВО с внутренней и внешней мотивацией на уровне значимости 0,05 ($p = 0,025$). У студентов с внешней мотивацией уровень стресса значимо выше (сред. ранг 40,19). Ограничение исследования: количество человек в подгруппах студентов ВО с внутренней и внешней мотивацией различается более, чем в 1,5 раза. Не обнаружены различия в выраженности уровня стресса у студентов СПО с внутренней и внешней мотивацией ($p = 0,543$). В результате применения критерия U Манна-Уитни не установлены статистически значимые различия в уровне стресса у студентов ВО и СПО ($p = 0,314$).

В результате проведенного эмпирического исследования гипотеза о взаимосвязи мотивации к обучению с уровнем стресса у студентов подтвердилась частично. Причем, уровень стресса не взаимосвязан с учебно-познавательным компонентом мотивации. У студентов ВО менее выражена взаимосвязь мотивации к обучению с проявлением стресса, чем у студентов СПО. Это позволяет сделать предположение о более высоком уровне эффективности деятельности студентов ВО в состоянии стресса. Стресс может усиливать мотивацию избегания неудачи у студентов ВО, что будет негативно сказываться на успехах в учёбе. У студентов ВО доля внутренней мотивации (71%) больше, чем у студентов СПО (60%). Это может быть связано с более развитым профессиональным самоопределением у студентов ВО, чем у студентов СПО.

Рекомендуется проводить для студентов тренинги по приемам регуляции своих психических состояний и преодолению стресса. Перспективы дальнейшей работы заключаются в исследовании взаимосвязи мотивации к обучению с профессиональным самоопределением студентов.

Литература

1. *Бадмаева Н.Ц.* Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: Монография. Улан-Удэ: Издательство ВСГТУ, 2004. 280 с.

2. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.
3. *Никулин С.А.* Основные аспекты взаимоотношений учителей со среднестатусными младшими подростками // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. №2. С. 323-326.
4. *Сергеева О.М.* Влияние экзаменационного стресса на учебную мотивацию студентов вуза: дис. на соискание степени канд. психол. наук: 19.00.07/ Сергеева О.М. Ниж. Новгород, 2008. 192 с.
5. *Щербатых Ю.В.* Психология стресса и методы коррекции. - СПб.: Питер, 2006. 256 с.

Специфика интеграции бикультурной идентичности у молодежи из инокультурных семей

Скарлош И.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

LandSeveral@yandex.ru

Сегодня, когда возможность миграции, оформления беженства, учебы и работы за рубежом, распространены и доступны гораздо больше, чем раньше, все чаще можно столкнуться со явлением аккультурации – взаимного влияния разных культур, к которым принадлежат мигранты и коренные жители, друг на друга, и возможных последующих изменений идентичности индивидов. В 20 и 21 веке это было уже достаточно хорошо изучено – стратегии аккультурации с различными переменными представлены в моделях [1].

В первых исследованиях аккультурацию иммигрантов измеряли по шкале, где близость к доминантной культуре означает отдаление от своей собственной культуры и наоборот – то есть культурная ассимиляция противопоставлялась диссоциации. Затем появились модели с биполярными переменными для каждой культуры, воспринимаемой мигрантами, и своей, и чужой – как попытка независимо оценить идентичность и приспособленность по отношению к обеим культурам и на пересечении значений определить

общую характеристику этнической идентичности индивида. Так наиболее известная модель Дж. Берри измеряет отношения с новой группой по одной шкале и отношение со своей группой по другой, получая 4 типа стратегии аккультурации – ассимиляцию (идентификация с доминантной группой), сепарацию (идентификация с своей группой), маргинализацию (отказ от обеих групп) и интеграцию (идентификация с обеими группами). Такие модели вызвали критику в связи с тем, что две шкалы тесно связаны друг с другом; и по сути, здесь мы также наблюдаем отдаление от одной культуры при приближении к другой. В качестве альтернативы появилась модель аккультурации, измеряющая уже не только принимаемую, но и принимающую (доминантную) группу по совокупности пересекающихся факторов. Дж. Берри предложил модель, согласно которой разные стратегии аккультурации могут проявляться в разных сферах жизни: в семейных отношениях можно наблюдать интеграцию, в политике – ассимиляцию, а в религии – сепарацию. Это позволяет еще более детально изучать взаимодействие граждан различных культур.

Развивая модель Дж. Берри, ученые выделили ряд более конкретных переменных уже внутри стратегии интеграции идентичности (бикультурализма): Н. Рамирез описывает синтезированный мультикультурного индивида и функционального мультикультурного индивида с разным объемом компетенций относительно своего или чужого этноса; Д. Бирман выделяет смешанный (сочетание двух идентичностей), инструментальный (явление компетентности в обеих культурах, но отсутствие идентификации с ними) и интегрированный тип идентичности (идентификация преимущественно с одной из двух культур) [4]. В. Бенет-Мартинез с коллегами, в ходе исследования установила наличие двух независимых переменных бикультурной идентичности – культурное смешение против разобщенности (образуется ли единая культура – схоже со смешанным/инструментальным типом Д. Бирман) и гармония против конфликта (насколько противоречат друг другу культуры) [2].

В исследованиях Дж. Берри и Дж. Финни мы можем видеть связь между стратегией интеграции бикультурной идентичности и

психологическим благополучием, психологической и социокультурной адаптацией [1; 3], воспринимаемой дискриминацией и уровнем стресса. Исследования свидетельствуют о том, что интеграция бикультурной идентичности – одна из самых конструктивных стратегий жизни в поликультурной среде. Проведение этого и следующих качественных исследований на эту тему позволит расширить проблематику и объем данных о бикультурной идентичности и ее интеграции, используя методики контент-анализа можно выявить большее число новых факторов, взаимосвязь которых затем можно будет проверить количественно. Это поможет психотерапевтам, организаторам тренингов и преподавателям приобрести больше межкультурных компетенций для работы с бикультурными людьми – в исследовании могут быть перечислены как факты, связанные с нормами иных культур, так и личный опыт, переживания, мысли респондентов в разных ситуациях. Это, конечно, позволит допускать в будущем повторения таких кейсов и позволит сделать соответствующие выводы для построения плодотворной работы и отношений.

Поэтому мы проводим качественное исследование, цель которого – охарактеризовать бикультурную идентичность респондентов, согласно переменным модели интеграции бикультурной идентичности В. Бенет-Мартинез (культурное смешение – разобщенность, гармония – конфликт), определить основные темы, свидетельствующие об особенностях бикультурной идентичности респондентов. В ходе исследования проводится интервью с респондентами – выборку составляют 15 человек в возрасте от 18 до 30 лет, проживающих в России, родители которых – представители иной культуры, по отношению к русской культуре. Сбор данных в ходе интервью производится в онлайн-формате. Гайд для интервью создается на основе опросника, измеряющего выраженность компонентов бикультурной идентичности по модели В. Бенет-Мартинез [5]. В ходе исследования выделяются коды и темы на основании транскрипта диалога с респондентом, некоторые предполагаемые темы – культурное смешение; культурная разобщенность; культурная гармония; культурный конфликт; бикультурность, как чередование идентичности; бикультурность, как слияние идентичностей.

Литература

1. *Кинунен Т.А., Гуриева С.Д.* Аккультурация как кризис идентичности. Вестник СПбГУ. Сер. 12, 2010, вып. 1.
2. *Benet V. & Haritatos J.* (2005). Bicultural Identity Integration (BII): Components and Psychosocial Antecedents. *Journal of personality*. 73. 1015-49. 10.1111/j.1467-6494.2005.00337.x.
3. *Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., & Vedder P.* Immigration youth in cultural transition: Acculturation, identity, and adaptation across national contexts. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. –2006.
4. *Birman D.* Acculturation and human diversity in a multicultural societies / In: Trickett, Watt, Birman (Eds.) *Human Diversities*. 1994.
5. *Huynh Q.-L., Benet-Martínez V., & Nguyen A.-M.D.* (2018, June 14). [Электронный ресурс] Measuring Variations in Bicultural Identity Across U.S. Ethnic and Generational Groups: Development and Validation of the Bicultural Identity Integration Scale–Version 2 (BIIS-2). *Psychological Assessment*. Advance online publication. <http://dx.doi.org/10.1037/pas0000606>

Стилевой подход к анализу особенностей делового поведения в персональном банковском обслуживании

Скоробогатко О.В., Фокина М.В.

*ОЧУВО «Московский инновационный университет»,
Москва, Россия
ovskorobogatko@yandex.ru, maria_fokina@mail.ru*

Изучение факторов поддержания высокого качества персонального банковского обслуживания (ПБО), - важная практическая психологическая и экономическая задача. Современные исследователи относят к числу личностных черт и навыков в сфере ПБО: высокий когнитивный уровень, способность упрощать и ясно излагать информацию для клиента; оперативность реагирования; умение устанавливать партнерские отношения с соблюдением адекватной дистанции; умение вести переговоры, развенчивать

опасения и характеризовать риски [1; 7; 12]; «осязаемость» [13], ненавязчивость, готовность профессионально заботиться о клиенте; отзывчивость, надежность, уверенность в себе [10]. Важную роль в лояльности клиентов играет корпоративный имидж банка [11]. Опыт практической работы подтверждает: эти навыки характерны успешным специалистам и встречаются у лиц с различными личностными профилями, что ставит исследовательский вопрос: как психологически типологизировать своеобразие личностных характеристик специалистов, успешных в ПБО?

Для описания личностного своеобразия эффективных специалистов мы использовали положения интегральной теории индивидуальности и стилевого подхода к личности, заложенные в работах В.С. Мерлина [3; 4; 5; 8]. Мерлин использовал понятие индивидуального стиля для описания взаимоотношений объективных требований деятельности и личностных свойств. Стиль - проявление разных уровней индивидуальности в способах действий, мышления, общения, переживаний, служащих для адаптации личности к требованиям среды [9].

Нами было проведено пилотажное исследование особенностей делового поведения специалистов в области ПБО. В исследовательскую группу вошли 23 сотрудника 4 крупнейших банков страны, 9 мужчин и 14 женщин; 35-45 лет; стаж работы от 10 лет. Методы исследования: анкетирование сотрудников, материалы бесед с клиентами, фокусированное интервью; диагностика компетенций.

Основные результаты.

1. Выявлены 2 типа социально-психологической характеристики «имидж»: имидж преуспевания и имидж строгой сдержанности [2]. Каждый тип имиджа несет функциональное значение: выступает эффективным способом самопрезентации профессионализма, надежности, зрелости, вносит вклад в решение коммуникативных задач, содействует установлению и поддержанию делового контакта, доверию.

2. Выявлены критерии, характеризующие специфику различий по характеристике «деловой контакт с клиентом»: жесткое соблюдение границ деловой ситуации – эмпатический выход за деловые границы; наличие – отсутствие комментариев об

эмоциональном состоянии клиента. Эти критерии дифференцируют стиль контакта и взаимодействия с клиентом.

3. Сделано предположение, которое в перспективе будет проверено на большей выборке. Стилиевые характеристики поведения высокоэффективных специалистов в ПБО соответствуют нескольким типам. Эти типы формируются на основании сочетания личностных ресурсов и ситуационных требований, предъявляемых профессиональными задачами. Они исполняют адаптационную, компенсаторную и системообразующую функции. Адаптационная функция - содействуют приспособлению к требованиям деятельности. Компенсаторная функция - выявленные личностные черты как компоненты каждого типа выступают как «опорные» ресурсы эффективного осуществления профессиональных задач и компенсируют слабые стороны индивидуальности. Системообразующая функция - описанные типы увязывают в единое целое значимые индивидуально-личностные черты.

Литература

1. *Астарян Е.А.* Развитие обслуживания состоятельных клиентов для повышения конкурентоспособности банков: Автореф. дисс. ... канд. эк. н. М., 2013.
2. *Беляева М. А, Самкова В.А.* Азы имиджологии: имидж личности, организации, территории: учебное пособие для вузов. Екатеринбург, 2016.
3. *Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я.* Теория интегральной индивидуальности В. С. Мерлина: история и современность // Образование и наука. 2017. №2.
4. *Иоголевич Н.И.* Теория интегральной индивидуальности и перспективы ее использования в рамках полисистемного подхода в исследовании субъекта деятельности // Психология. Психофизиология. 2012. №6 (265).
5. *Калугин А.Ю.* История и перспективы исследования интегральной индивидуальности в рамках системного подхода // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. №2.
6. *Леонов Н.И., Васюра С.А.* Научная и педагогическая деятельность Вольфа Соломоновича Мерлина (к 120-летию со дня рождения) // Вестник Удмуртского университета. 2018. №4.

7. *Маркова О.М.* Особенности обслуживания клиентов Private Banking в российском коммерческом банке // Вестник Евразийской науки. 2018. №5.
8. *Мерлин В.С.* Психология индивидуальности. Избранные психологические труды / Москва-Воронеж, 1996.
9. *Шкуратова И.П.* Стилевой подход к исследованию личности: проблемы и перспективы // Индивидуальные и стилевые особенности личности. - Ростов-на-Дону, ЮРГИ, 2002.
10. *Ahmad F., Ahmad M., Mariam S., Mahmood Z., Qaisar M. N.* What Wins the Customer Satisfaction, Most An Evidence from Service Quality Perspectives in Banking Sector // Bulletin of Business and Economics, 9(4), 202-210.
11. *Darmawan D., Mardikaningsih R., Hadi S.* The Effect of Service Quality, Customer Satisfaction and Corporate Image on Customer Loyalty in the banking sector in Indonesia. - Journal of Business and Management. - Volume 19, Issue 11. Ver. VI (November. 2017).
12. *Vinnarasi B, Kumar N., Ganesh Ch., Agarwal A., Maguluri Ph. L.* Service quality & customer satisfaction with special reference to banking sector. - Journal of Positive School Psychology.- 2022, Vol. 6, No. 5, 1477 – 1485.
13. *Wang C.K., Masukujjaman M., Alam S.Sh, Ahmad I., Lin Ch.-Yu, Ho Y.* The Effects of Service Quality Performance on Customer Satisfaction for Non-Banking Financial Institutions in an Emerging Economy // International Journal of Financial Studies. 2023, 11, 33.

Образ коучинга в восприятии студентов

Смолина Т.Л., Романенко Д.А.

*Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия
talesm@mail.ru, dina.romanenko2016@yandex.ru*

В современном мире стремительно набирает популярность такой метод обучения как коучинг. Несмотря на то, что многие слышали о таком инструменте развития профессиональных компетенций, представления о нем носят отрывочный и фрагментарный характер.

Коучинг понимается и как метод обучения, и как процесс сотрудничества между коучем и сотрудником той или иной организации. Так, В.Е. Максимов пишет: «Коучинг – это индивидуальная тренировка человека для достижения значимых для него целей, повышения эффективности планирования, мобилизации внутреннего потенциала, развития необходимых способностей и навыков, освоения передовых стратегий получения результата» [2, с.10]. Коучинг и его методы могут быть направлены не только на развитие личностных качеств человека и достижения его собственных целей (лайф-коучинг как один из видов коучинга), но и на повышение эффективности работы сотрудников и руководителей различных организаций (бизнес-коучинг). А.П. Добровинский (2011) утверждает, что «коучинг – это процесс сотрудничества, партнерства между коучем и сотрудником организации, который желает и готов участвовать в коучинге, с тем, чтобы развить свой потенциал для достижения личных и корпоративных бизнес-результатов» [1, с. 204].

Целью нашей работы было исследование образа коучинга в восприятии студентов. В исследовании приняли участие 32 человека, среди которых было 9 юношей и 23 девушки в возрасте от 17 до 32 лет, студенты разных направлений подготовки («Психология», «Лингвистика», «Конфликтология», «Актерское искусство»). Опрос проводился с помощью авторской анкеты.

По результатам эмпирического исследования было выявлено, что 9 из 32 респондентов не знают, что такое коучинг. Около 50% опрошенных считают, что коучинг связан с обучением. 18 % понимают под коучингом наставничество. На вопрос анкеты «Кому, на ваш взгляд, может быть полезен коучинг?», 19% опрошенных ответили, что коучинг необходим всем. 14% респондентов утверждают, что коучинг нужен представителям определенной профессии, и столько же уверены, что коучинг необходим тем, кто хочет что-либо изучить. По мнению 10% участников опроса, коучинг нужен людям определенного возраста, тем кто не знает чего хочет (10% опрошенных), желающим развить навыки (10%), и тем, кому нужна помощь (10%). Также стоит отметить, что 8% респондентов не знают кому нужен коучинг, а 5% респондентов уверены, что он не нужен никому.

Один из вопросов анкеты звучал следующим образом: «Как Вы считаете, может ли коучинг помочь в развитии профессиональной компетенции руководителя?» В ходе исследования обнаружено, что 84 % респондентов считают, что коучинг может помочь в развитии профессиональной компетенции руководителей. По мнению опрошиваемых, эта помощь может реализовываться за счет правильной постановки целей, развития навыков, помощи в контроле эмоций, передаче опыта коуча, проведении различных тренингов и моделировании определенных ситуаций. 16% опрошенных предполагают, что коучинг не может помочь в развитии профессиональной компетенции руководителей, так как не верят в эффективность коучинга.

Таким образом, на основании результатов проведенного исследования можно сделать вывод о том, что образ коучинга у студентов связан с обучением. Кроме того, коучинг воспринимается как эффективный инструмент развития профессиональной деятельности руководителя.

Литература

1. *Добровинский А.П.* Управление персоналом в организации: учебное. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. 416 с.
2. *Максимов В.Е.* Коучинг от А до Я. Возможно все. СПб.: Издательство «Речь», 2004. 272 с.

К вопросу об особенностях профессиональной деятельности психолога

Смык А.А.

*УО «Гомельский государственный Университет имени Ф. Скорины», Гомель, Республика Беларусь
horchykau@mail.ru*

Профессиональная деятельность психолога достаточно сложная и ответственная область деятельности, требующая от специалиста соответствующего образования, определенного профессионального

мастерства [9]. Рассматривая данную проблему, М. Басов отмечает, что профессиональная деятельность предъявляет к личности ряд специальных требований, имеющих существенное значение для успешности ее результатов. При этом сама личность обладает определенными качествами, которые обуславливают или ограничивают ее пригодность к профессиональной деятельности [2].

При этом профессиональная деятельность психолога в общеобразовательной школе определяется необходимостью постоянного поиска современных и эффективных методов работы с субъектами образовательного процесса, стремления к личностному росту, обуславливающего развитие качеств, имеющих существенное значение для успешности предполагаемых результатов [9]. Деятельность психолога интерпретируется интегративным качеством, которое задаётся объектом его профессиональной деятельности: с одной стороны, человеком, с другой – составляющими общественной культуры [3]. Следовательно, взаимосвязь качеств личности профессионализма вызвала необходимость рассмотреть профессионализм педагога-психолога в системе учебно-воспитательного процесса с позиции акмеологического подхода, который отражает совокупность этих качеств.

Т.А. Казанцева выделяет следующие факторы, наиболее значимые для профессиональной деятельности психолога: специальные способности, личностные особенности, представления о профессиональной сфере. При этом она опирается на следующие положения:

- существуют специальные способности в деятельности психологов и индивидуально-личностные особенности, значимые для успешной деятельности;
- структура профессионально важных качеств различна для психологов-исследователей и психологов-практиков как в сфере специальных, так и личностных особенностей [7].

О.И. Дубровина и Т.С. Шевцова рассматривая вопрос о специализациях деятельности психолога, особое внимание следует обратить на различия в объекте исследования, ценностных установках и требованию к результату. Основные действия психолога вне зависимости от специализации составляют исследование,

обследование и преобразование. Умения, необходимые для преобразования, выделяются вне зависимости от основных видов практической деятельности: психодиагностики, психопросвещения, психологического консультирования и психокоррекции, сопровождения определенных видов деятельности человека; также выделяются навыки использования методов активного социально-психологического обучения [5].

Н.А. Бабаева, анализируя профессиональную деятельность психолога, предлагает следующее определение: «Практический психолог – это человек, чья профессиональная деятельность выражена, прежде всего, в оптимальном воздействии на клиента или группу» [1, с. 20]. Здесь следует подчеркнуть, что любое воздействие имеет ценность и смысл, если это воздействие направлено на оказание клиенту психологической поддержке.

Профессиональная деятельность психолога имеет свою специфику [4]. Одним из направлений работы психолога является психодиагностика и наиболее часто предметом исследования для психолога становятся эмоционально-личностные характеристики, параметры внутренней картины болезни, защитно-совладающего поведения. Также в основе психодиагностической работы психолога лежит выявление отчетливых взаимосвязей между психологическими факторами и психологическим здоровьем человека [6]. Следовательно, психодиагностическое обследование является целесообразным в процессе планирования психокоррекционной работы, определение основы психокоррекции [8]. Психологическая коррекция, в свою очередь, подразделяется на ряд этапов в зависимости от времени участия в реабилитационных мероприятиях; она может включать в себя кризисную терапию, позитивную терапию, когнитивно-поведенческую терапию.

Следовательно, обобщенные трудовые функции психолога заключаются в психологической диагностике, психологическом сопровождении профилактического, лечебного, реабилитационного процесса, оказании психологической помощи, психологическом консультировании, психолого-просветительской деятельности, разработке и реализации программ, ориентированных на сохранение и укрепление здоровья населения.

Литература

1. *Бабаева Н.А.* Структура профессиональной деятельности практических психологов / Н.А. Бабаева. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2004. 47 с.
2. *Басов М.Я.* Личность и профессия. Воля как предмет функциональной психологии / М.Я. Басов. СПб.: Питер, 2020. 224 с.
3. *Борозинец Н.М.* Профессиональное самосознание: структура и содержание / Н.М. Борозинец // Вестник Университета. 2013. № 23. С. 128–32.
4. *Вассерман Л.И.* Психологическая диагностика и коррекция в соматической клинике / науч. ред. Л.И. Вассерман. СПб.: Речь. 2011. 271 с.
5. *Дубровина О.И.* Основы профессиональной деятельности психолога: факторы профессионального становления / О.И. Дубровина, Т.С. Шевцова // Научно-практический журнал «Гуманизация образования». № 5. 2013. С. 38–40.
6. *Калмыков Ю.А.* О некоторых актуальных проблемах в работе медицинских психологов / Ю.А. Калмыков // Практическая медицина. Том 17. № 3. 2019. С. 122–124.
7. *Косарева А.Б.* Специалист-психолог: важнейшие сферы профессиональной деятельности, личностные качества. Особенности их оценки / А.Б. Косарева // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». 2007. № 2. С. 62–68.
8. *Лакомская А.В.* Психологическая помощь больным, перенесшим разные виды операций на сосудах сердца / А.В. Лакомская // Вестник психотерапии. 2015. № 55. С. 96–107.
9. *Черникова К.С.* Специфика профессиональной деятельности психолога / К.С. Черникова // Международный научный журнал «Символ науки». № 11. 2015. С. 226–228.

Особенности жизненной позиции отцов и матерей учащихся начальной, основной и старшей школы

*Собкин В.С., Калашикова Е.А.
ФГБНУ «ПНИ РАО» Москва, Россия
sobkin@mail.ru; 5405956@mail.ru*

В публикациях российских и зарубежных авторов подчеркивается, что ценностные ориентации выступают важным компонентом социального самочувствия и находятся в тесной взаимосвязи с представлениями о личностной успешности, карьере, благополучии в межличностных отношениях с ближайшим социальным окружением. При этом особую актуальность приобретают исследования социального самочувствия родителей [1; 14; 15; 16; 17]. В наших работах проблематика социального самочувствия исследуется с помощью компонентов жизненной позиции, методика выявления которых первоначально была разработана и использована в многопозиционном кросс-культурном исследовании участников образовательного процесса и показала высокую содержательную валидность [2–13].

Данная работа является продолжением цикла исследований проведенных в рамках социокультурного подхода к изучению социализации ребенка на разных возрастных этапах. Исследование проводилось на основе данных, полученных в ходе анонимного социологического анкетного опроса 302 177 родителей учащихся 1–11-х классов общеобразовательных школ из 85 регионов РФ, который был проведен в 2022/23 учебном году. Рассматривались ответы 16 463 отцов и 285 714 матерей (из них: 227 855 матери, состоящие в браке, 57 859 матери, воспитывающие ребенка в неполной семье). Родители учащихся на закрытые вопросы анкеты, которые касаются трех компонентов жизненной позиции: ценностные ориентации, эмоциональная оценка успешности своих жизненных перспектив, оценка значимости для себя тех или иных социальных угроз.

Материалы анализировались относительно влияния как социально-стратификационных факторов (полнота/неполнота семьи), так и возраста ребенка (класс обучения). Для выявления особенностей взаимосвязей компонентов жизненной позиции первичные данные

процентных распределений вариантов ответов родителей были обработаны с помощью процедуры факторного анализа.

Частотный анализ распределения ответов родителей на вопросы, определяющие своеобразие их жизненной позиции, показал, что среди наиболее значимых ценностей выступают здоровье, успешная профессиональная деятельность, достижение материального благополучия и счастливая семейная жизнь. При этом каждый пятый из них сомневается или негативно оценивает успешность своих жизненных перспектив. В первую очередь, это связано с такими социальными угрозами, как преступность, безработица, эпидемии, военное разрешение внешне- и внутригосударственных конфликтов.

Структурный анализ, направленный на выявление взаимосвязей между отдельными компонентами жизненной позиции, с учетом возраста ребенка и семейного статуса (полнота семьи), позволил выделить четыре фактора, которые характеризуют содержательное своеобразие жизненных позиций отцов и матерей: «социальный пессимизм – социальный оптимизм», «успешность в социальных отношениях – успешность в межличностных отношениях», «стремление к материальному благополучию – стремление к профессиональной успешности», «стремление к самореализации». Это позволило выделить три важных момента, которые касаются социально-психологических особенностей влияния института семьи, на социализацию современного ребенка в период его обучения в школе.

1. Принципиальное значение, на наш взгляд, имеют результаты, свидетельствующие о «дополнительности» жизненных позиций отцов и матерей при воспитании ребенка в полной семье по таким параметрам, как установки на значимость социальных/межличностных отношений и позитивные/негативные оценки своей жизненной успешности. Подчеркнем, что выявленные различия материнской и отцовской жизненной позиции определяют, в свою очередь, содержательное своеобразие социальной ситуации развития ребенка в полной семье.

2. Обращает на себя внимание явная деформация материнской позиции при воспитании ребенка в неполной семье, по сравнению с традиционной позицией матери, воспитывающей ребенка в полной семье. Компенсация матерью-одиначкой функций отца ребенка

связана не только с принятием на себя обязанностей по материальному обеспечению семьи, но и с принципиальным изменением ее ценностных ориентаций и эмоционального самочувствия относительно жизненной успешности. В этой связи важно иметь в виду, что учащиеся, воспитывающиеся в неполной семье, находятся в принципиально иной социально-психологической ситуации, по сравнению со школьниками из полных семей.

3. Материалы исследования показали, что по мере взросления ребенка родительская позиция существенно меняется относительно таких параметров как стремление к профессиональной успешности и ценность самореализации. В свою очередь это свидетельствует об учете родителями жизненной ситуации своего ребенка, у которого на этапе окончания школы актуализируются проблемы, связанные с профессиональным самоопределением. Это позволяет иначе взглянуть на взаимозависимость детской и родительской жизненной позиции в связи с проблемами ценностно-нормативной неопределенности при социализации современного ребенка.

Литература

1. Куликов Л.В., Малёнова А.Ю., Потапова Ю.В. Субъективная картина материнства в российских и зарубежных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 135–167. doi: 10.11621/vsp.2020.04.07
2. Собкин В.С. Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование. М.: ЦСО РАО, 1997.
3. Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Подросток: нормы, риски, девиации. Труды по социологии образования. Т. X. Вып. XVII. // Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2005.
4. Собкин В.С., Адамчук Д.В. Современный учитель: жизненные и профессиональные ориентации // Труды по социологии образования. Т. XVIII. Вып. XXX. М.: ФГБНУ «ИУО РАО», 2016.
5. Собкин В.С., Ваганова М.В. Российский подросток: жизненные перспективы и страхи // Социокультурные

- трансформации подростковой субкультуры: Труды по социологии образования. Т. XI. Вып. XX. / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2006. С. 7–18.
6. *Собкин В.С., Калашикова Е.А.* Особенности межпоколенных различий в жизненной позиции подростков // Социальная психология и общество. Том 10. № 3. 2019. С. 19–39. doi.org/10.17759/sps.2019100302
  7. *Собкин В.С., Калашикова Е.А.* Профессиональные предпочтения учащихся и социокультурные трансформации профессиональных групп // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 114–134. doi:10.17759/sps.2020110308
  8. *Собкин В.С., Марич Е.М.* Социология семейного воспитания: дошкольный возраст // Труды по социологии образования. Том VII. Выпуск XII. М.: Центр социологии образования РАО, 2002.
  9. *Собкин В.С., Писарский П.С.* Жизненные ценности и отношение к образованию: кросс-культурный анализ Москва-Амстердам. По материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей. М.: Центр социологии образования РАО, 1994.
  10. *Собкин В.С., Писарский П.С.* Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. М.: Министерство образования РФ, 1992.
  11. *Собкин В.С., Писарский П.С., Коломиец Ю.О.* Учительство как социально-профессиональная группа // Рос. акад. образования, Центр социологии образования, Программа «Стратегия развития образования», Программа «Социология образования». Москва: ЦСО РАО, 1996.
  12. *Собкин В.С., Скобельцина К.Н., Иванова А.И., Верясова Е.С.* Социология дошкольного детства // Труды по социологии образования. Том XVII. Выпуск XXIX. М.: Институт социологии образования РАО, 2013.
  13. *Собкин В.С., Смылова М.М.* Социальное самочувствие подростка: оценка успешности жизненных перспектив (по материалам кросскультурного исследования) // Вестник

- Тюменского государственного университета. 2014. № 8. С. 19–27.
14. *Шаповаленко И.В.* Современное родительство: новые исследовательские подходы // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 58–67. doi: 10.17759/jmfp.2022110106
  15. *Levesque S., Bisson V., Charton L., Fernet M.* (2020) Parenting and Relational Well-being During the Transition to Parenthood: Challenges for First-time Parents // Journal of Child and Family Studies. 29, 1938–1956. doi:10.1007/s10826-020-01727-z
  16. *Mikucka M., Rizzi E.* (2020) The Parenthood and Happiness Link: Testing Predictions from Five Theories // European Journal of Population. 36, 337–361. doi:10.1007/s10680-019-09532-1
  17. *Ryan R.M., Padilla C.M.* (2019) Transition to parenthood // Handbook of parenting: Being and becoming a parent / Ed. M.H. Bornstein. New York: Routledge/Taylor & Francis Group, 513–555. doi:10.4324/9780429433214-15

Феномен цифровой идентичности в киберпсихологии

Созинова М.В., Чан-Сян М.А.

*СПбГУП, Санкт-Петербург, Россия
mari-sozinova@yandex.ru*

Развитие интернета и цифровых технологий изменило нашу жизнь. От социальных сетей до виртуальной реальности, технологии повсеместно присутствуют в повседневности. Возросший интерес к тому, как технологии влияют на нас, в том числе и психологически, привел к появлению новой области психологического знания - киберпсихологии. Одним из актуальных направлений её изучения является цифровая идентичность – новый тип идентичности, который люди создают в киберпространстве. При этом понимание роли цифровой идентичности в онлайн-поведении, самопрезентации и социальном взаимодействии необходимо в современном цифровом обществе, определяет необходимость дальнейшего ее активного изучения в рамках киберпсихологии.

Однако исследования феномена цифровой идентичности представлены преимущественно работами зарубежных авторов, в отечественной науке данный феномен исследован недостаточно. Данная исследовательская работа направлена на проведение комплексного обзора научной литературы, всесторонний анализ исследований феномена цифровой идентичности.

Теория социальной идентичности была разработана в 1978 году Х. Тайфелом. Он определил социальную идентичность как «ощущение человеком того, кто он есть, основанное на его принадлежности к группе» [5, с. 84]. Благодаря виртуализации социального взаимодействия, психологическая потребность в групповой принадлежности перешла из офлайна в онлайн, что привело к возникновению нового типа идентичности – цифровой идентичности, также известной как онлайн-идентичность, виртуальная идентичность и т.д.

Онлайн-идентичность – это «конфигурация определяющих характеристик человека в онлайн-пространстве», форма цифровых следов (digital footprints) социальных субъектов [3, с. 120]. Каждый, кто пользуется интернетом, активно или пассивно создает онлайн-идентичность, независимо от осознанности предпринимаемых им действий [1].

Возможность человека конструировать и транслировать свою идентичность никогда не была такой простой, как после появления социальных сетей. Действительно, в киберпространстве имеется широкий набор инструментов для создания, контроля и изменения идентичности. По поводу этого факта П. Серджент и С. Тагг отметили, что «если идентичности дискурсивно (и семиотически) конструируются и диалогически исполняются, то нигде это не проявляется так явно, как в социальных сетях, где люди имеют относительную свободу выбора того, как они хотят себя представить, имеют возможность обратиться к новой, разнообразной и потенциально глобальной аудитории и имеют в своем распоряжении новый набор ресурсов для этого» [4, с. 9]. Так, физическая оторванность от аудитории и управление самопрезентацией облегчает скрытие или подделку личных характеристик.

Тем не менее пользователи, как правило, прибегают к активному и намеренному конструированию цифровой идентичности. Р. Холд

объясняет, почему цифровая идентичность так привлекательна для пользователя социальной сети. Он утверждает, что благодаря общению через Интернет физический реальный мир в субъективном восприятии становится гораздо менее существенным. Это означает, что представление о времени и пространстве претерпевает значительные изменения. В результате мы общаемся с людьми, которых, возможно, никогда не увидим во плоти, и это работает как спусковой крючок для создания нового лучшего «Я» без каких-либо видимых на первый взгляд последствий [2].

Наиболее важным инструментом формирования идентичности, по мнению Т. Ван Дийка, является фотографии, которые предоставляют пользователю «больше возможностей для публичного представления и формирования себя» [6, с. 71]. Другими словами, обмен фотографиями дает человеку возможность визуально конструировать свою идентичность.

Таким образом, цифровая идентичность – это современный феномен, характеризующийся посредством теории социальной идентичности, как процесс формирования чувства собственного «Я» на основе принадлежности к какой-либо группе. Это самоощущение передается и интернализируется через социальное поведение, которое формируется под влиянием окружающей среды. С ростом использования цифровых технологий у современного человека появилась новая форма идентичности - цифровая идентичность. Под ней подразумевается то, как люди представляют и определяют себя в онлайн-мире, отличая себя от других и создавая публичный образ. Онлайн-идентичность уникальна, поскольку ее можно конструировать, создавать и изменять с помощью различных инструментов, доступных на сетевых платформах. Мотивация для создания онлайн-идентичности часто проистекает из потребности чувствовать себя связанным с социальной группой. Фотографии являются одним из наиболее часто используемых инструментов для создания онлайн-идентичности, поскольку они позволяют людям визуально представлять себя публике. Изучение цифровой идентичности имеет важные последствия для понимания человеческого поведения в контексте быстро развивающихся цифровых технологий.

Литература

1. *Frunzaru V., Garbasevschi D.* Students' online identity management. *Journal of Media Research*, 9(1), (2016). p. 3-13.
2. *Holt R.* Dialogue on the Internet: Language, Civic Identity, and Computer-mediated Communication Civic Discourse for the Third Millennium, - Greenwood Publishing Group. (2004). p. 63-80.
3. *Kim H.-W., Zheng J. R., Gupta S.* Examining knowledge contribution from the perspective of an online identity in blogging communities. *Comput. Hum. Behav.* (2011). p. 115-148. URL: 10.1016/j.chb.2011.03.003
4. *Seargeant P., Tagg C. (eds.)*. The Language of Social Media. Identity and Community on the Internet, Palgrave Macmillan UK. (2014). p. 1-23.
5. *Tajfel H., Turner J. C.* The social identity of intergroup behavior. In S. Worchel & W. G. (Ed.), *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson. (1986). p. 7-24.
6. *Van Dijk T. A.* Discourse and Power. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan. (2008). p. 35-49.

Предикторы преодоления геронтологического эйджизма

Соколова И.В.

*ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения»,
Москва, Россия
Irinasokolova_psy@inbox.ru*

Рассматривая такое явление как «эйджизм» в социальной психологии и социологии видится целесообразным утверждать, что его центральную составляющую образуют различного рода предубеждения, в частности, негативные стереотипы. Геронтологический эйджизм обусловлен рядом факторов, влияющих на его формирование, однако в обсуждении данной темы видится крайне актуальным рассмотрение вопроса о предикторах, препятствующих возникновению и развитию геронтофобии.

Под предиктором в данном контексте подразумеваются факторы, способные выявить наличие геронтофобии и спрогнозировать дальнейшее развитие поведенческих проявлений у субъекта изучения [1].

Предиктором эйджизма является наличие негативных установок в отношении стигматизированной группы, которые порождают геронтофобию, которая, в свою очередь, определяется как беспричинная боязнь, ненависть или враждебность по отношению к пожилым людям. Одной из причин подобных проявлений может является непосредственно страх старости и старения, возникающий у представителей более молодого поколения ввиду различных психологических, социальных, культурных и политических факторов. Таким образом, страх старения можно определить, как один из предикторов, предопределяющий предрасположенность к формированию эйджистских установок.

Одновременно с этим в случаях, когда индивид, обладающий негативной установкой по отношению к «пожилым людям», имеет положительно окрашенную эмоциональную связь с представителем данной категории (имеет близкого друга или родственника, с которым налажена прочная эмоциональная связь), неизбежным становится формирование когнитивного диссонанса, который, в свою очередь, побуждает человека к созданию субкатегрий. Таким образом, представляется возможным сохранение негативного стереотипа по отношению к группе людей пожилого возраста и одновременно с этим исключение из данной группы близких лиц [2]. В случае формирования более тесных и прочных эмоциональных связей с людьми старшего возраста представляется возможным преодоления социальной стигматизации.

Также одной из социально-психологических детерминант геронтологического эйджизма, является общий низкий уровень толерантности к старости и процессу старения. Толерантность к старости и старению обусловлена психологическими и социальными факторами: собственной тревогой, ценностными ориентациями, наличием определенного объема знаний о геронтологических стереотипах, количеством и качеством контактов с пожилыми людьми. Соответственно, в случае наличия толерантности к старости и старению можно говорить о данном феномене как о личном

предикторе, позволяющим спрогнозировать позитивный сценарий преодоления эйджизма.

Отдельное место в социокультурном контексте занимает факт наличия проявлений геронтологического эйджизма в рамках медицинской поддержки населения. К сожалению, нередко пожилые люди подвергаются дискриминации со стороны медицинских работников в учреждениях здравоохранения ввиду своего преклонного возраста. Нередки случаи, когда среди представителей медицинских учреждений расхоже такое определение как «возраст дожития». Данное определение относится, как правило, к людям конкретной возрастной группы, категорируя таким образом представителей старшего поколения и эксклужируя их из жизни остального общества. При наличии подобных негативных практик стереотипы и проявления дискриминации в отношении пожилых людей в дальнейшем могут привести к недостаточно внимательному и некорректному отношению к данной категории пациентов со стороны более молодых врачей, начинающих свой профессиональный путь.

Как известно социальная идентичность лежит в основе психологических причин возникновения геронтологического эйджизма [3]. Под социальной идентичностью в рассматриваемом контексте понимается часть соотношения индивида в соответствии с субъективным соотносением себя с той или иной социальной группой [4]. Поддержание положительной социальной идентичности является одной из потребностей человека. В случае, если представление об аутгруппе воспринимается отрицательно, запускаются механизмы критики и обесценивания ингруппы [3]. Ввиду данного эффекта негативные аспекты социальной группы подчеркиваются для того, чтобы собственная идентификационная группа воспринималась как более привлекательная.

Одним из факторов, который запускает процесс формирования геронтологического эйджизма является наличие большого количества стрессогенных условий, под влиянием которых оказывается современный человек. Тревога, напряжение и стресс приводят к сужению восприятия, а также способствуют снижению познавательной активности и, как следствие, к процессам стереотипизации и эксклюзии уязвимых групп населения. Таким образом, закономерно сделать вывод о том, что в качестве предиктора

преодоления геронтологического эйджизма можно выделить стабилизацию психоэмоционального состояния индивида.

Литература

1. *Мещераков Б., Зинченко В.* Большой психологический словарь // Электронная библиотека Гумер [Электронный ресурс] – Режим доступа https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/17.php
2. *Kessler E.M., Bowen K.* COVID ageism as a public mental health concern. *The Lancet Healthy Longevity.* – 2020. URL: [https://doi.org/10.1016/S2666-7568\(20\)30002-7](https://doi.org/10.1016/S2666-7568(20)30002-7)
3. *Tajfel H. (Ed.)* Social identity and intergroup relations. – Cambridge University Press, 2010.
4. *Turner J.C.* Some current issues in research in social identity and self-categorization theories // *Social identity: Context, commitment, content.* – 1999. – V. 3(1). – P. 7-33.

Психологическое сопровождение внедрения педагогической технологии трехмерной методической системы обучения

Соколова Т.А.

*МАОУ «Лицей №200», Новосибирск, Россия
tatyanka_sokolova_1979@mail.ru*

В современных условиях в образовании на первый план выдвигаются требования к индивидуализации, дифференциации обучения и воспитания. В центре внимания ставится личность ребенка, ее интересы, склонности, способности и психоэмоциональное здоровье [1; 2; 4].

В 2020 году, в МАОУ «Лицей №200» г. Новосибирск, началась апробация педагогической технологии трехмерной методической системы обучения Караева Ж.А., Кобдиковой Ж.У. В состав творческой группы педагогов вошли 6 учителей начального звена.

Технология профессора Караева Ж.А., Кобдиковой Ж.У. на современном этапе развития школы позволяет решить актуальные проблемы обучения, существующие в традиционной школе [3]:

1. совершенствования методической системы учебного процесса на основе диагностичной методики целеобразования;

2. формирования высокого уровня умений, активности, потребности учащихся к самостоятельной познавательной деятельности и к развитию мыслительных способностей;

3. эффективности управления учебным процессом;

4. повышения качества обучения, гарантии 100 % (бездвоечной) успеваемости учащихся по каждому предмету на ученическом уровне;

5. создания комфортных условий для субъектов учебного процесса, снятия перегрузки, стресса и организации условий работы для каждого из них в доступном темпе;

6. обеспечения учащихся индивидуальным дифференцированным домашним заданием;

7. снятие с ребят синдрома «боязни неуспеха» (это когда школьник боится поднимать руку, получить двойку, выходить к доске);

8. обеспечения корректной диагностики и мониторинга качества обучения, объективности оценивания знаний умений и навыков учащихся;

9. выявления и развития одаренности у детей, ранней их профориентации;

Эти особенности, позволяют удовлетворить все требования к здоровьесберегающей технологии обучения.

В целях подтверждения вышесказанного, мы выдвинули предложение о том, что технология трехмерной методической системы обучения обуславливает не только качественное развитие психологической структуры личности ребенка, но и сохраняет психоэмоциональное и физическое здоровье всех субъектов педагогического процесса.

Исследование проводилось в начальном звене лицея, во вторых классах (всего 121 человек), с 2020 по 2022 года. Для изучения эффективности внедрения данной технологии использовались методики: корректурная проба, ведущий тип памяти, методика

Э.Ф.Зямбацявичене по исследованию словесно-логического мышления, социометрия, рисунок несуществующего животного.

За время апробации технологии уровень внимания в исследуемых классах, в среднем, вырос на 32 % (соответственно 29%, 38%, 61%). Зрительная память стала выше на 34% (соответственно 29%, 32%, 63%), слуховая - на 27% (34%, 52%, 61%), моторно-речевая - на 6% (47%, 50%, 53%). Показатели словесно - логического мышления повысились в среднем на 32%.

Изменилось отношение к процессу обучения. В сентябре 2020 года, до внедрения технологии, средний показатель уровня учебной мотивации в классах составил 58%. К концу 2021 года он стал выше на 8% и имел значение 66%, а к концу 2022 года он повысился на 7% и стал равен 73%, т.е. учебный процесс для ребят стал сам по себе значительно важным, значимым. Повысилось желание и стремление учиться, добиваться намеченных целей. Изменился смысл обучения: «Не потому, что надо, а потому, что хочется».

Отмечалось снижение уровня негативных эмоционально-личностных состояний школьников. Так тревожность во вторых классах, в сравнении с 2020 годом уменьшилась на 25%, агрессивность - на 15%. Повысилось стремление к самовыражению, разрешению затруднений в учебе, преодолен синдром «боязни неуспеха», несоответствия ожиданиям окружающих, снижен страх ситуации проверки и оценки знаний, конфликт в отношении субъективности педагога.

Наблюдалось качественное улучшение межличностных отношений и психологического климата, которые обуславливают развитие различных структур личности ребенка, его успеваемости. Количество лидеров за время применения технологии трехмерной методической системы обучения повысилось на 15%, «предпочитаемых» на 30%, при этом число «отвергаемых» стало меньше на 40%, а «изгоев» - на 5%.

Наряду с изучением личности школьника, проводилась диагностика педагогического коллектива – исследование «синдрома эмоционального сгорания».

Психологическое обследование в 2020 году 9 педагогов лица, начинающих внедрение технологии (методика «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В.В. Бойко [5]), показало

сформированность синдрома «эмоционального сгорания» у 20%, у 40% - он был в стадии развития, и у 40% - отсутствовал.

Повторное изучение проявлений этого синдрома в 2022 году выявило отсутствие у учителей симптомов «эмоционального сгорания». Т.е. в условиях применения ГТМСО обеспечиваются комфортные условия для самоопределения и саморазвития всех субъектов учебного процесса, доминирует взаимозависимая корпоративная деятельность ученика и учителя. За счет повышения мотивации саморазвития, креативности в подходе к решению профессиональных задач, снижения «позиции на пьедестале», отказа от карательных функций при выставлении оценок, а также, за счет активизации профессионального роста, у педагогов произошло устранение причин «сгорания», тем самым улучшение состояния физического и психоэмоционального здоровья.

Таким образом, выдвинутое нами предположение, что педагогическая технология трехмерной методической системы обучения обуславливает не только качественное развитие психологической структуры личности ребенка, его успеваемость, но и является здоровьесберегающей технологией - подтвердилось. Это в свою очередь, еще раз актуализирует роль психологического сопровождения педагогических технологий в школьном образовании.

Литература

1. *Епишева О.Б.* Что такое педагогическая технология // Школьные технологии. 2004. №1. С. 31.
2. *Калягин В.А., Матасов Ю.Т., Овчинников Т.С.* «Как организовать психологическое сопровождение в образовательных учреждениях». СПб.: «КАРО», 2019.
3. *Караев Ж.А., Кобдикова Ж.У.* «Актуальные проблемы модернизации педагогической системы на основе технологического подхода». Алматы. 2005.
4. *Райгородский Д.Я.* Практическая психодиагностика. Самара: «БАХРАХ-М», 2001.
5. *Форманюк Т.В.* Синдром эмоционального сгорания, как показатель профессиональной деформации учителя // Вопросы психологии, 2004. №6 с.57-64.

Особенности представлений о своем прошлом, настоящем и будущем у детей начальной школы

Солодкова А.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
solodkova@mail.ru*

Представления о своем прошлом, настоящем и будущем, о собственной непрерывности во времени формируются в дошкольном детстве и играют важную роль в дальнейшем развитии личности ребенка, его самосознания и идентичности [6]. Прошлое рассматривается психологами как источник опыта, влияющего на будущее и настоящее [2]; обращенность в будущее – как основа целеполагания [3] и мотивации, в том числе учебной [1]; развитие временной перспективы ведет к повышению академической успешности и личностному развитию [5].

Овладение временными представлениями возможно только в контексте обширной социализации [4]. Одним из важнейших сообществ, которые влияют на становление личности ребенка начальной школы, является классный коллектив.

В своем исследовании мы изучали представления о своем прошлом, настоящем и будущем учеников 1-4 классов частной и общеобразовательной школ г. Москвы, всего 218 человек, из них 73 ученика частной школы и 145 – общеобразовательной.

Целью исследования было обнаружить отличительные особенности временных представлений детей, находящихся в различных классных коллективах.

В качестве методики исследования использовались рисунки «Я в прошлом», «Я в настоящем» и «Я в будущем». Проводился качественный анализ сюжетов рисунков, оценивались их содержательность, отмечалось наличие «Я» ребенка в рисунках.

В нашем исследовании рисунки «Я в прошлом» чаще всего были связаны с конкретным опытом ребенка и не вызывали затруднений. Дети чаще изображали себя на этих рисунках, они носили более содержательный и реалистичный характер.

Рисунки «Я в настоящем» и «Я в будущем» вызывали большие затруднения, некоторые дети отказывались их рисовать. Вместе с тем, рисунки настоящего также были в большей мере связаны со значимыми аспектами жизни конкретного ребенка.

Наибольший интерес для выявления особенностей временных представлений в классных коллективах представляли рисунки будущего.

Так, дети 1-х классов частной школы (всего 3 класса: 10, 9 и 8 человек) более чем в половине случаев (15 из 26 рисунков в общей сложности, 1 ребенок отказался рисовать себя в будущем) носили нереалистичный бессодержательный характер (недифференцированные, «хаотичные» рисунки; тревожные сюжеты: человек среди монстров, фантастическое оружие; фантастические полеты). Себя в рисунках будущего изобразили всего 17 из 26 детей.

В рисунках детей 1-х классов общеобразовательной школы нереалистичные сюжеты встретились 2 раза (2 класса: 21 и 16 человек). Были выявлены значительные различия в сюжетах рисунков между двумя общеобразовательными классами. В одном из них преобладали содержательные рисунки (14 из 19, двое детей не изобразили будущее), самым популярным сюжетом оказалась будущая профессия (9 рисунков из 19), практически на всех рисунках дети изображали себя (18 из 19). В параллельном классе сюжет рисунков «Я в будущем» ограничивался в основном школьным временем (ближайшие каникулы, следующий учебный год, окончание школы и др. – 11 из 16 рисунков). Содержательными можно назвать только 8 рисунков, себя на них изобразили 13 детей.

Для учеников одного из 2-х классов частной школы (8 человек) было характерно преобладание собственных портретов во всех 3-х рисунках, отличающихся ростом, длиной волос или вообще не отличающихся (6 человек). В параллельном классе (10 человек) среди сюжетов будущего преобладали фантастические (летающие машины и т.д. – 5 рисунков), на 6 рисунках дети изобразили себя.

В одном из 2-х общеобразовательных классов из 13 рисунков будущего содержательными оказались лишь 5, 4 рисунка содержали фантастический сюжет; себя изобразили 12 детей. В параллельном классе (20 человек) содержательными оказались 10 рисунков, на 18

был изображен сам ребенок; самым популярным сюжетом оказался портрет (6 человек из 20).

Отличительной особенностью рисунков учеников 3-х (7 и 5 человек) и 4-х (9 и 7 человек) классов частной школы было то, что все дети на всех рисунках изображали себя и все рисунки были реалистичными, но содержательными оказались лишь 6 из 12 рисунков будущего в 3-х классах и 6 из 16 в 4-х классах (сюжеты были в основном связаны с профессией или увлечением).

Параллельные 3-е и 4-е общеобразовательные классы отличались количеством содержательных рисунков и наличием Я ребенка на них (в одном 3-ем классе содержательными оказались 3 из 14 рисунков, 4 человека отказались рисовать эти рисунки, себя изобразили 13 детей; в параллельном – 11 из 21, 18 человек изобразили себя на них; параллельные 4-е классы отличались количеством детей, изобразивших себя в будущем: 14 из 15 и 11 из 21), в каждом классе встречалось от 1 до 4 фантастических сюжетов.

Дальнейшего обсуждения требует объяснение причин выявленных различий. Вероятно, ими могут быть особенности классного руководства, материальных достаток семей, взаимоотношения в коллективе и др.

Литература

1. *Бухарина А.Ю., Толстых Н.Н.* Временная перспектива и временная компетентность как факторы учебной мотивации // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. №2.
2. *Зиновьева Е.В., Костромин С.Н.* Интеграция опыта: между прошлым и будущим // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12. Вып. 2.
3. *Литвинова А.В.* Особенности целеполагания и временной перспективы студентов // Научная школа П.Я. Гальперина: история, современное состояние, перспективы развития. М., 2017.
4. *Солодкова А.В.* Развитие представлений о времени в детском возрасте // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 2.

5. *Mello Z.R., Worrell F.C.* The past, the present, and the future: A conceptual model of time perspective in adolescence // *Time Perspective Theory; Review, Research and Application: Essays in Honor of Philip G. Zimbardo*. New York, 2015.
6. *Wilson A.E., Shanahan E.* Temporal comparisons in a social world // *Social Comparison, Judgment, and Behavior*. Oxford, 2020.

«Миметический треугольник» как фактор социального взаимодействия

Сорокин К.Г.

*Институт Психологии РГПУ им. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
kogensorus@gmail.com*

Популярность психологических треугольников в современном обществе обусловлена тем, что они наглядно демонстрируют общий механизм социального взаимодействия. Метафоры детско-родительских отношений у Эрика Берна и драматических коллизий у Стивена Карпмана позволяют выразить и объяснить огромное количество затруднительных сюжетов обыденной жизни [3]. Поэтому такие слова-связки, как – «Родитель–Ребенок–Взрослый» и «Агрессор–Спасатель–Жертва» – едва ли кто не узнает. Существуют и другие треугольники, ориентированные на те или иные жизненные ситуации, но основополагающие, казалось, были созданы только в транзактном анализе.

И все же, в рамках фундаментальной антропологии Рене Жирара, психология обретает еще один «треугольный» ключ к духовному и социальному слоям психического. Речь идет о «миметическом треугольнике», выражающем структуру человеческого желания и связанной с обретением желаемой линии поведения, проходящей как через жизни отдельных людей, так и через всю историю человечества [1; 2]. Структурными элементами миметического треугольника являются: объект желания, субъект желания и, собственно, ключевой антропологический фактор, – другой субъект, желающий тот же объект, что первый. Поэтому, между двумя субъектами желания

завязываются отношения соперничества и борьбы за обладание объектом. Но почему, спрашивается, им не договориться? А это связано исключительно с тем, что человеку нужен не объект желания, ему нужно чужое желание, которым он спешит «заразиться» и, потому, подражает этому другому человеку. Отсюда и название «миметический», обозначающее на греческом подражание.

Таким образом, понимание миметической динамики желания позволяет по-новому взглянуть на механизмы человеческой агрессии и подобрать соответствующие способы для её снижения.

Литература

1. *Жирар Р.* Вещи, сокрытые от создания мира. М.: Изд. ББИ, 2016. 518 с.
2. *Жирар Р.* Критика из подполья. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 256 с.
3. *Жирар Р.* Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.

Специфика супружеских отношений в семьях взрослых детей алкоголиков

Стаменкович Ю.В., Шаповаленко И.В.

*МГППУ, Москва, Россия
yullicha@yandex.ru*

Актуальность нашего исследования связана с рядом аспектов: кризис семьи в современном российском обществе; перманентно высокий уровень алкоголизации населения в Российской Федерации; злоупотребление алкоголем как один из важнейших факторов социального и психологического неблагополучия семьи (дисфункциональности семьи); наличие краткосрочных и долгосрочных негативных последствий влияния алкоголизированной семьи на ребенка; массовое вхождение во взрослый возраст и построение собственных семей выходцами из семей,

алкоголизовавшихся в перестроечный и постперестроечный периоды.

Исследовательский вопрос: существуют ли статистически достоверные различия в психологических характеристиках супружеских отношений в семьях взрослых детей алкоголиков и в семьях взрослых без такого детского опыта?

Предмет эмпирического исследования: различия в психологических характеристиках супружеских отношений взрослых детей алкоголиков (далее - ВДА) и взрослых без такого детского опыта. Модель сравнительного анализа предполагает разделение группы ВДА на две подгруппы: ВДА из семей, где алкоголем злоупотреблял только отец, а также ВДА, где злоупотребляли оба родителя. Группа ВДА, где злоупотребляла лишь мать, малочисленна (2 респондента), в связи с чем она исключена из расчетов.

Выборка эмпирического исследования составила 84 человека в возрасте от 25 до 63 лет, из них 27 мужчин и 56 женщин. Все респонденты находятся в супружеских отношениях. 48 человек являются ВДА и 35 – не ВДА. В группе ВДА в 37 случаях злоупотреблял только отец, в 2 случаях мать и в 9 – оба родителя. 54 человека воспитывались в полной семье и 29 человек - в условиях неполной семьи.

Для сбора эмпирических данных использовано 6 психодиагностических методик. Для определения характеристик привязанности - методика «Самооценка генерализованного типа привязанности (RQ)» К. Бартоломью и Л. Хоровиц (в адаптации Т.В. Казанцевой). Для оценки семейного функционирования - «Опросник распределения ролей в семье» (авторы Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская) и методика «Шкала семейного окружения (ШСО)» (Rudolf H. & Bernice S. Moos, 1974, в адаптации С.Ю. Куприянова). Для оценки диадического копинга задействован «Опросник диадического копинга Г. Боденманна (DCI)» в адаптации Т.Л. Крюковой, О.А. Екимчик. Для статистической обработки данных использован непараметрический критерий для анализа двух независимых выборок U-Манна-Уитни.

На первом шаге эмпирического исследования установлены различия в характеристиках привязанности. Выявлено, что в группе ВДА, где алкоголем злоупотреблял только отец, статистически более

высокие показатели сверхвовлеченного стиля привязанности (тип В), чем в группе не ВДА ($U = 481,500$; $p \leq 0,05$). Это значит, что в межличностных отношениях представителей группы ВДА, в которой злоупотреблял алкоголем отец, прослеживается переоценка ценности фигуры партнера при одновременной недооценке ценности собственной личности. Данный результат может быть связан с копированием респондентами ВДА материнской модели межличностных отношений, где в условиях супружеской жизни с пьющим супругом, часто возникают созависимые черты [3]. Данное предположение дополнительно подкрепляется тем фактом, что две трети выборки представлено женщинами. Иных различий в характеристиках привязанности между группами ВДА и группой не ВДА не выявлено.

На втором шаге эмпирического исследования между группами установлены различия в семейном функционировании. Выявлено, что с точки зрения распределения ролей в семье в группе ВДА, где злоупотреблял отец ($U = 497,000$; $p \leq 0,05$) женщины в меньшей степени задействованы в материальном обеспечении семьи, чем в группе не ВДА. Это также может быть связано с копированием респондентами ВДА модели материнского поведения в условиях супружеских отношений со злоупотребляющим алкоголем мужем. Так, жены злоупотребляющих алкоголем мужей (за исключением случаев чрезмерной алкоголизации, когда мужчины из-за алкоголизма теряют работу), нередко находятся в материальной зависимости от них. Для таких женщин характерны социальная несамостоятельность и выученная беспомощность, которые подкрепляются мужем с целью сохранения власти над супругой [2].

Также в группе ВДА, где злоупотребляли оба родителя ($U = 88,500$; $p \leq 0,05$), женщины в меньшей степени сконцентрированы на воспитании детей, чем в группе не ВДА. Данная тенденция может быть связана с отсутствием в группе ВДА модели родительской функции, так как пьющие родители, как правило, в той или иной степени дисфункциональны по данному критерию [1].

По результатам диагностики с помощью методики «Шкала семейного окружения» установлено, что представителям группы ВДА свойственен более высокий уровень семейной ориентации на морально-нравственные аспекты ($U = 643,500$; $p \leq 0,05$), тогда как

группа не ВДА в большей степени ориентирована на активный семейный отдых ($U = 635,500$; $p \leq 0,05$). Первый результат, на наш взгляд, может быть связан с тенденцией компенсации, когда за счет привлечения внимания к морально-нравственным аспектам ВДА могут стремиться предотвратить разворачивание родительского сценария в своей собственной семье [1]. Вторым результатом, вероятно, связан с более высоким уровнем эмоциональной безопасности семей не ВДА, которые не так озабочены всевозможными рисками и в большей степени открыты активным формам семейного времяпрепровождения. Также для представителей не ВДА характерен более высокий уровень ориентации на достижения ($U = 87,000$; $p \leq 0,05$), что может быть истолковано как более низкий уровень выученной беспомощности [1; 3].

На третьем шаге эмпирического исследования установлены различия в показателях диадического копинга. Респондентам не ВДА по сравнению с группой ВДА, где злоупотребляли оба родителя, в большей степени доступно общение с партнером во время стресса как копинговый фактор ($U = 94,000$; $p \leq 0,05$). Данный результат может быть связан с меньшим уровнем открытости ВДА в условиях стресса, так как у них имеется опыт переживания небезопасности в напряженных ситуациях, что характерно для алкоголизированных семей [1; 2; 3].

Таким образом, в ходе эмпирического исследования установлено, что между группами ВДА и не ВДА имеются определенные статистически значимые различия в показателях семейного функционирования, что может быть связано с травматическим опытом социализации в алкоголизированной семье.

Литература

1. *Гатальская Г.В.* Практика психологической помощи взрослым детям алкоголиков: направления формы и методы. Минск, 2014.
2. *Москаленко В.Д.* Зависимость: семейная болезнь. М., 2002.
3. *Терентьева А.В.* Особенности развития ребенка в алкогольной семье и возможности реабилитационной работы // Семейная психология и семейная терапия. 1999. №3.

Эффекты развития целеполагания в ходе профориентации старших школьников

Столярова Е.В., Безгодова Д.Л., Лебедева А.А.

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

etastolyarova@mail.ru, dlbezgodova@edu.hse.ru, aalebedeva@hse.ru

Проблема целеполагания у старших школьников является актуальной в настоящее время. По данным исследования НИУ ВШЭ, на момент 9 класса порядка 37% обучающихся не имеют представлений о будущей профессии [6]. Обучение старшеклассников навыкам постановки целей может помочь решить эту проблему, предоставив им инструменты для принятия более обоснованных решений о своей будущей карьере.

Одним из важнейших психологических механизмов развития профессионального сознания, по мнению исследователей [2; 3], является целеполагание. Формирование у человека готовности и интереса к целеполаганию рассматривается как начальный этап превращения человека в субъекта деятельности. Именно в процессе целеполагания, самостоятельно устанавливая перед собой осмысленные цели в профессиональной деятельности, человек начинает действовать как субъект этой деятельности [1]. Л.С. Выготский утверждал, что именно в переходном возрасте происходит становление целевой воли, которая надстраивается над более ранним механизмом волевой регуляции – аффектом [4]. Впоследствии мы можем ожидать постепенного формирования независимого целеполагания, тем не менее этот процесс не заканчивается одновременно с завершением обучения в школе.

В отсутствии сформированного аппарата для независимого целеполагания, нередко выбор старшеклассников детерминируется социально-значимыми взрослыми. В такой ситуации мы можем говорить об отсутствии конкордантности целей личности [8]. Конкордантность (self-concordance) как соответствие целей внутренним ценностям личности является достоверным предиктором психологического благополучия, здоровья и продуктивности в достижении таких целей. Благодаря процессу целеполагания

происходит процесс принятия чужих целей (интернализация), интеграции целей и личности [7].

Новизна исследования заключается в том, что акцент профориентации делается не на определении направленности личности (как принято в профориентации), а на развитии механизмов целеполагания старших школьников, посредством которого они смогут совершать самостоятельный выбор дальнейшей профессии, используя внутренние ресурсы [5].

В программе воздействия предполагается развитие следующих навыков: способности формулировать личные цели и определять их приоритет для карьеры; навыка осознанного планирования деятельности в соответствии с личными целями и ценностями (на основе конкордантных целей); способности устанавливать связи между целями ближней и дальней перспективы при конструировании профессионального пути; способности структурировать цели (разбиение целей на задачи или объединение целей на метауровне).

Дизайн. Квазиэкспериментальный дизайн с двумя срезами до и после воздействия и одной группой испытуемых. Выбор обусловлен невозможностью выделения равновесной контрольной группы.

Процедура. В ходе исследования на первом этапе обучающиеся записывают до пяти личностных стремлений (по Р. Эммонсу) и проходят опросники. На втором этапе эти стремления формализуются как цели, анализируются и осознаются пути достижения этих целей и устанавливается связь с ожидаемой деятельностью и профессией. Анализ данных будет проводиться с помощью однофакторного ANOVA и корреляционного анализа г-Пирсона.

Методы. Авторский опросник «Целеполагание и отношение к целям» (в апробации), «Шкала универсального воспринимаемого локуса каузальности» (UPLOC) с целью выявления качества мотивации и конкордантности целей; Опросник «Смысл использования времени» в адаптации Е.Н. Осина для диагностики динамики осмысленности целеполагания при планировании карьерного пути; Сокращенный «Пакет личностных стремлений» и матрица согласованности стремлений.

Гипотезы исследования. Мы ожидаем, что 1) профориентационная программа для старшеклассников окажется эффективным средством развития целеполагания, и что 2) по

сравнению с началом исследования у старшеклассников будут наблюдаться количественные и качественные изменения целеполагания и отношения к целям, связанным с карьерным будущим. **Выборка исследования.** Для исследования будет привлечена выборка старших школьников объемом не менее 45 респондентов (по расчету G-Power).

Ожидаемые результаты исследования. Мы ожидаем, что у обучающихся повысится осмысленность карьерного целеполагания, изменится отношение к личностным целям; личностные стремления будут преобладать в выборе карьеры, а также повысится их взаимосогласованность. У некоторых обучающихся представления о профессиональном будущем станут более осознанными и найдут свое выражение в форме конкретных целей, которые будут значимо более конкурентными личности обучающегося, чем до проведения программы профориентации. Соответственно, повысятся показатели «Планирование в соответствии со своими целями» и «Значимость целей в жизни».

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Личностные механизмы регуляции деятельности / Проблемы психологии личности. М., 1982. С. 32–41.
2. *Бесшапошников Н.О., Леонов А.Г., Прилипко А.А.* Цифровизация образования - новые возможности управления образовательными треками // ВК. 2018. №2 (30).
3. *Борисова Е.А., Макаров В.К.* Функции Я-концепции в выборе профессии старшеклассниками // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. №12-2.
4. *Выготский Л.С.* Педология подростка // Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М., 1984.
5. *Леонтьев Д.А.* Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. №. 62. С. 18-37.
6. Профориентация школьников в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <https://slon.hse.ru/news/249079734.html>

7. *Ryan R.M., Deci E.L.* Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. – Guilford Publications, 2017.
8. *Sheldon K.M.* Becoming oneself: The central role of self-concordant goal selection // *Personality and Social Psychology Review.* – 2014. Т. 18. №. 4. С. 349-365.

Взаимосвязь интеграционных характеристик групп молодежных парламентов России

Субботина Т.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия

tatyana_subbotina_98@mail.ru, sachkova@list.ru

Политические события происходят каждый день. Большое количество политической информации транслируется в СМИ, представляется в новостной ленте, аналитических программах и т.д. По статистическим данным, в настоящее время молодежь все больше проявляет интерес к политике, только десятая часть совсем не следит за изменениями в данной сфере [2].

Достаточное число молодых людей выбирает для себя политическое направление и реализует себя в молодежных парламентах. Они начинают представлять свои права и интересы как особой социальной группы в масштабах государства. При этом особое внимание должно уделяться интеграционным характеристикам таких групп, отражающихся в сплоченности, референтности и удовлетворенности от членства в них.

В нашем исследовании мы рассматриваем общие нормативные предпочтения, ценностно-ориентационное единство и групповую идентичность как интеграционные характеристики групп молодежных парламентов. Сплоченность характеризуется эмоциональными элементами, затрагивает познавательную активность, внутригрупповое взаимодействие и общие групповые цели [1].

Групповая идентичность рассматривается как конструкт, состоящий из компонентов [3]:

1) когнитивного (характеризует ощущение принадлежности личности к группе, разделение общегрупповых ценностей, норм и представлений);

2) аффективного (характеризует позитивное ощущение связи с членами группы, совместное переживание различных ситуаций как положительных, так и отрицательных);

3) поведенческого (отражает поведение личности, отвечающее ожиданиям группы).

Целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи интеграционных характеристик групп на примере молодежных парламентов разных городов России.

В качестве гипотезы исследования выступало предположение, что ценностно-ориентационное единство, показатели нормативных предпочтений и компоненты групповой идентичности будут напрямую связаны друг с другом в группах молодежного парламента.

В ходе эмпирического исследования были применены методика определения степени ценностно-ориентационного единства группы В.В. Шпалинского, методика изучения нормативных предпочтений в группе О.И. Комиссаровой, методика изучения групповой идентичности Н.С. Горбатенко и А.В. Сидоренко.

В выборку вошли респонденты молодежных парламентов больших городов России: Москвы, Иркутска, Ростова-на-Дону, Калининграда, Самары, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга. В исследовании участвовали 97 человек (средний возраст 26 лет).

Для статистического анализа данных применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

В ходе корреляционного анализа были установлены следующие связи:

1) когнитивный компонент групповой идентичности и деловые предпочтения имеют прямую слабую положительную связь ($r = 0,245$, $p < 0,05$);

2) когнитивный компонент групповой идентичности и коммуникативные предпочтения имеют прямую слабую положительную связь ($r = 0,184$, $p < 0,05$);

3) когнитивный компонент групповой идентичности и ценностно-ориентационное единство имеют прямую слабую положительную связь ($r = 0,156, p < 0,05$);

4) коммуникативные предпочтения и ценностно-ориентационное единство имеют прямую слабую положительную связь ($r = 0,211, p < 0,05$);

5) коммуникативными предпочтения и аффективный компонент групповой идентичности имеют умеренную прямую положительную связь ($r = 0,343, p < 0,05$).

Таким образом, что чем выше ориентация на деятельность группы, тем более выражена сопричастность к группе, выше принятие и усвоение ее целей и мотивов. Чем выше ориентация на дружеские взаимоотношения в группе, тем выше переживание собственной принадлежности к группе и выше ценностно-ориентационное единство. Кроме того, установлено, что чем выше приверженность к общим целям, мотивам и нормам группы, тем выше ценностно-ориентационное единство группы, чем выше ориентация на взаимодействие с членами группы, тем выше переживание человеком связи с подгруппой и проживание вместе с группой значимых событий.

В итоге гипотеза о том, что ценностно-ориентационное единство, показатели нормативных предпочтений и компоненты групповой идентичности напрямую связаны, подтвердилась. Полученные результаты, несомненно, важны для уточнения и расширения научных представлений об интеграционных характеристиках политических групп.

Литература

1. *Донцов А.И.* Проблемы групповой сплоченности. – М., 2000.
2. *Исаев А.* Интерес молодежи к политике (на примере молодежи г. Екатеринбурга) // XIV Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», Екатеринбург, 2011.

3. *Сидоренков А.В.* Методики социально-психологического изучения малых групп в организации: монография. – Ростов-на-Дону, 2012.

Взаимосвязь удовлетворённости романтическими отношениями, рефлексии и долженствования

Судакова В.Д., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
sudakova2001@list.ru, nkochetkov@mail.ru

Рефлексия и долженствование в жизни личности, а также их влияние на психологическое благополучие, активно изучаются в психологии в последние годы. Тема любви в психологии, напротив, до сих пор изучена недостаточно, несмотря на долгую историю этого феномена. Данную ситуацию лаконично описал американский психолог Г. Харлоу: «За все время обсуждений любви и привязанности психологи потерпели неудачу в своей миссии. То немногое, что мы знаем о любви, не выходит за рамки примитивного наблюдения, а то немногое, что мы о ней пишем, было написано лучше поэтами и писателями» [4]. В целом с учётом того, как подробно изучались все три вышеперечисленных феномена по отдельности, надо отметить, что взаимосвязь трёх данных параметров практически не рассматривалась.

Мы предположили, что существует взаимосвязь между удовлетворенностью отношениями, осознанностью и долженствованием. Выборку составили 229 находящихся в романтических отношениях человек в возрасте от 16 до 67 лет.

Для определения типа и степени рефлексии, выраженности долженствования, а также уровня удовлетворенности отношениями нами были использованы опросник «Дифференциальный тип рефлексии» Д.А. Леонтьева, Е.М. Лаптевой, Е.Н. Осина и А.Ж. Салиховой [1], шкалы долженствования, взятые из методики А. Элліса «Диагностика наличия и выраженности иррациональных установок» [3] и шкала оценки отношений О.А. Сычева [2].

Результаты эмпирического исследования показали, что интересующие нас взаимосвязи по-разному проявляются в зависимости от факта проживания с партнером (совместно или раздельно), пола, а также наличия совместной деятельности.

Респонденты, которые живут не вместе со своим романтическим партнером, не имеют взаимосвязи удовлетворенности отношениями и рефлексией, тогда как те, кто живет вместе, имеют обратную взаимосвязь интроспекции ($r = -0,224$; $p \leq 0,01$), квазирефлексии ($r = -0,255$; $p \leq 0,01$) с удовлетворенностью. Можно предположить, что именно совместное проживание, которое сопровождается высокой интенсивностью межличностного взаимодействия, актуализирует негативное влияние «плохих» форм рефлексии – «самокопания» и формы рефлексии, направленной на объект, оторванный от актуальной жизненной ситуации. При этом артефактом может являться факт того, что не было найдено взаимосвязи между удовлетворенностью отношениями и системной рефлексией. Так же у этих групп респондентов не прослеживается взаимосвязь удовлетворенности и долженствования.

Точно такие же закономерности были получены при разделении выборки на подгруппы в зависимости от наличия у пары совместной деятельности. Если людей объединяла только бытовая деятельность, то никакие взаимосвязи не прослеживались, тогда как в том случае, когда совместная деятельность была отрефлексированной, социально значимой, то можно было так же наблюдать обратную взаимосвязь интроспекции ($r = -0,280$; $p \leq 0,01$), квазирефлексии ($r = -0,194$; $p \leq 0,05$) с удовлетворенностью.

Еще одним фактором, влияющим на интересующие нас взаимосвязи, является пол. Оказалось, что у представителей женского пола оценка отношений обратно связана с долженствованием в отношении себя ($r = -0,183$; $p \leq 0,05$), а также с интроспекцией ($r = -0,232$; $p \leq 0,01$), квазирефлексией ($r = -0,265$; $p \leq 0,01$), тогда как у мужского пола – только с долженствованием в отношении себя, причем эта связь прямая ($r = 0,297$; $p \leq 0,05$).

Долженствование в отношении себя характеризуется высокими требованиями к себе, соответственно, чем больше это когнитивное искажение будет выражено у женщин, тем меньше они будут удовлетворены текущими романтическими отношениями, тогда как у

мужчин в таком случае можно будет наблюдать обратную тенденцию. При этом надо заметить, что у представителей женского пола интроспекция и квазирефлексия выражены значимо больше, чем у представителей мужского пола. Причем надо заметить, что и у мужчин, и у женщин нет взаимосвязей между оценкой отношениями и возрастом респондентов.

Таким образом, можно констатировать, что взаимосвязь удовлетворенности романтическими отношениями, рефлексии и долженствования не является линейной и зависит от целого ряда переменных, выявление и интерпретация которых требует дополнительных исследований.

Литература

1. *Леонтьев Д.А., Осин Е.Н.* Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4.
2. *Сычѳв О.А.* Русскоязычная версия шкалы оценки отношений // Психология. Журнал Высшей Школы Экономики. 2016. Т. 13. № 2.
3. *Ellis A.* The basic clinical theory of rational-emotive therapy // Handbook of rational-emotive therapy. Springer Publishing Company. 1977.
4. *Harlow H.F.* The nature of love // American Psychologist. 1958.

Анализ тенденций в проявлении социальной и школьной тревожности у младших подростков

Сунгурова Н.Л., Махлаева А.П.

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
sungurova-nl@rudn.ru; 1032211624@rudn.ru*

Распространенными проблемами подросткового возраста являются социальная и школьная тревожность.

Социальная тревожность выражается, когда человек сосредотачивается на своих отношениях с другими людьми и предполагает, что другие люди относятся к нему негативно или

презирают, не ценят или осуждают его. Школьная тревожность вызывается дистрессом ребенка в процессе обучения: возбуждение выражается в повышенной тревожности в учебных ситуациях, например, в ожидании плохого отношения к себе на уроке или негативной оценки со стороны учителей и сверстников. Признаками тревожности учащихся могут быть: нежелание выполнять домашнее задание и боязнь ходить в школу из-за страха осуждения; боязнь плохих оценок; боязнь учителей.

Цель исследования – выявить тенденции в проявлении социальной и школьной тревожности у младших подростков.

Описание выборки. Выборку составили младшие подростки в возрасте 12-13 лет, московские школьники. Объем выборки – 70 респондентов: 35 мальчиков и 35 девочек.

Методы и методики исследования. Авторами использовался метод опроса, методы обработки данных. Для изучения характеристик и уровня школьной тревожности у детей подросткового возраста использовалась методика диагностики уровня школьной тревожности Филлипса. С целью выявления уровня дискомфорта ребенка в социальных ситуациях, а также склонности к избеганию контактирования с другими применена шкала социального избегания и дистресса [1, с. 34; 6, с. 450.]. С помощью краткой шкалы страха негативной оценки [4, с. 32; 5, 371.] исследован уровень тревожности, содержанием которой являются переживания по поводу получения негативной оценки от окружающих. Для статистической обработки данных использован X_r^2 - критерий Фридмана. Компьютерная обработка осуществлялась с использованием программных пакетов «Excel» и «IBM SPSS Statistics 26».

Результаты исследования.

В результате исследования социального избегания и дистресса подростков определены значения средних рангов по шкалам методики: «Социальная тревожность» – 2,92, «Дистресс» – 1,76, «Избегание» – 1,31. Статистическая обработка по критерию Фридмана подтвердила значимость представленной тенденции ($X_r^2 = 114,178$; $p = 0$). Таким образом, наблюдается выраженная тенденция в отношении склонности подростков к социальной тревожности. Дистресс и избегание могут быть вызваны различными факторами: давление со стороны сверстников, контрольные работы, трудности в семье и др. [2;

3].

Анализ средних рангов по шкале «Краткая шкала страха негативной оценки» также выявил значимость различий ($X^2 = 123,312$; $p = 0$). Было получено следующее распределение по шкалам методики: «Страх негативной оценки» – 3, «Страх ситуации проверки знаний» – 1,66, «Страх не соответствовать ожиданиям окружающих» – 1,34. Следует отметить, что школьники боятся получить неодобрение, осуждение и негативную оценку. Возможно, причина кроется в негибкой и неадекватной самооценке подростка. В этом возрасте ребенок начинает сравнивать себя с другими и оценивать других. Потребность быть принятым в группе возрастает.

По данным, полученным в результате применения опросника школьной тревожности Филлипса, установлены средние ранги: «Общая тревожность в школе» – 7,81, «Переживание социального стресса» – 5,48, «Фрустрация потребности в достижении успеха» – 6,5, «Проблемы и страхи в отношениях с учителями» – 4,39, «Страх самовыражения» – 4,23, «Страх ситуации проверки знаний» – 3,1, «Страх не соответствовать ожиданиям окружающих» – 2,69, «Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу» – 1,81. Значимость различий подтверждена по критерию Фридмана – $Xr^2 = 363,118$; $p = 0$. На уровень общей школьной тревожности могут влиять такие факторы, как социальная тревожность подростков, страхи и проблемы, вызванные необходимостью в общении с окружающими.

Выводы.

Анализ результатов исследования позволил выделить следующие тенденции. Младшие подростки демонстрируют склонность к избеганию различных социальных ситуаций, испытывают дискомфорт в социальном взаимодействии. При выраженном уровне социальной тревожности наблюдается страх негативной оценки, переживание социального стресса, страхи ситуации проверки знаний, несоответствия ожиданиям окружающих, в отношениях с учителями, нереализованность потребности в достижении успеха и самовыражении. Это может объясняться как личностными особенностями каждого отдельно взятого ребенка, так и социальными условиями, в которых находится ребенок. На уровень социальной и школьной тревожности могут влиять взаимоотношения в семье, общение со сверстниками, уровень самооценки, чрезмерное увлечение

интернет-коммуникацией, специфика организации образовательного процесса.

Литература

1. *Клименкова Е.Н., Холмогорова А. Б.* Валидизация методик диагностики социальной тревожности на российской подростковой выборке// Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 1.
2. *Краснов В.Н.* Тревожные расстройства: их место в современной систематике и подходы к терапии // Социальная и клиническая психиатрия. 2008. Т. 18, № 4.
3. *Прихожан А.М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000.
4. *Klimenkova E.N., Kholmogorova A.B.* Validation Of Methods Of Diagnosis Of Social Anxiety On The Russian Adolescents. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2017. Vol. 25, no. 1, DOI: 10.17759/cpp.2017250103.
5. *Leary M.R.* A brief version of the Fear of Negative Evaluation Scale // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1983. № 9.
6. *Watson D., Friend R.* Measurement of social-evaluative anxiety/ *D. Watson R. Friend* // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1969. 33(4). doi: <http://dx.doi.org/10.1037/h0027806>.

Учебная лень старшеклассников и удовлетворенность отношением педагогов

Суннатова Р.И.

*ИППО ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
sunrano@mail.ru*

Учебная лень или нежелание учиться школьников проблема давняя и, создающая определенные трудности, как для самих обучающихся, так и для значимых взрослых – родителей и педагогов. Традиционно в

психолого-педагогической литературе этот феномен обозначается, как сниженная учебная мотивация, а в обыденном представлении чаще определяется как личностная характеристика школьника. В психологической литературе исследований, нацеленных на изучение феномена лени, оказалось не мало, но при этом определения этого феномена различны.

Предметом нашей работы стал феномен учебной лени старшеклассников как эмоционально-действенное состояние личности, блокирующее активность в учебной деятельности. Была разработана методика диагностики учебной лени в контексте методологии эконсихологического подхода к пониманию развития психики [1; 2], в котором активность обучающегося выступает показателем уровня становления его субъектности. Для ответа на основной вопрос, связанный с феноменом учебной лени, как блока активности, необходимо изучение различных детерминант ее проявления. Такой подход позволит не только понять в чем специфика лени, проявляемой, как правило, в бездействии, но и вскрыть ее психологическую сущность, как состояния личности, определяющего особенности поведения. Отличительной особенностью авторской методики «Учебная лень, или Причины нежелания учиться» является дифференциация внутриличностных причин снижения учебной активности, т.е. выявление психологической специфики лени как бездействия, которое определяется неким личностным статусом.

Гипотеза заключалась в предположении, что феномен учебной лени или причины нежелания учиться и оценка школьниками значимых отношений могут рассматриваться, как связанные явления. Возможно, удовлетворенность отношением педагогов будет способствовать активности школьника в учебной деятельности. Довольно значительный ряд исследований, нацеленных на выявление возможных связей характера отношения школьника с учителями с академической успеваемостью, показывает, что, как правило, неудовлетворенность отношениями может выступать условием для возможных нарушений в развитии активности личности. В исследованиях S.O. Emadian, N.F. Pasha доказана взаимосвязь между стилем привязанности, я-концепцией и академической прокрастинацией. Сочувствие значимых взрослых к ребенку рассматривается как источник его успеваемости в школе [3]. В

исследовании А.К. Hirschauer, F. Aufhammer, R. Bode, A. Chasiotis, T. Künne также показано, что сочувствие значимого взрослого может рассматриваться как источник успеваемости ребенка в школе [4].

В эмпирическом исследовании приняли участие 72 педагога и 402 обучающихся 7 – 11 классов этой же общеобразовательной Московской школы. Показатели Альфа Кронбаха двух шкал методики «Учебная лень или, Причины нежелания учиться» ,773 ,785. Валидизации методики была осуществлена посредством опросников ШУДЖИ, СЖО и САН. Результаты корреляционного анализа показывают наличие статистически значимых связей между учебной ленью и характером оценки удовлетворенности отношением учителей - ,508** при уровне значимости $p < 0,001$ (Спирман).

Выявлено, что 33,1 % обучающихся не видят смысла в школьной учебе, не осведомлены о цели и значимости этой формы обучения, считают, что «зря тратят время». 28,0 % школьников отмечают отсутствие или низкий уровень одобрения и положительного внимания со стороны педагогов; в особенности, когда имеют место ошибки при выполнении учебных заданий, не понимание нового или сложного учебного материала.

Более трети обучающихся средней и старшей школы испытывают неудовлетворенность отношением к ним со стороны учителей, которое связано с пренебрежительным отношением к их личным чувствам, которые учителя, как правило, оценивают, как капризы, бунт или как нечто несерьезное. По словам подростков, такое отношение «отбивает желание что-либо вообще делать или стараться». С другой стороны, считают обучающиеся, когда взрослые доверяют, верят, и «вообще видят в нас личность и уважают», то «хочется еще лучше подготовить домашнее задание и лучше себя вести».

Такие характеристики коммуникативного поведения педагогов, как: – создание у обучающихся чувства веры в свои возможности, доверительного отношения и способность взрослых воздерживаться от давления на личность и есть суть экологичности отношения педагогов к обучающимся.

Широкое внедрение цифровизации в образовательную среду внесло новые факторы, обуславливающие особые требования к субъектам образовательного пространства, однако система

взаимодействия «педагог – обучающиеся», имея «прошлые» не решенные проблемы, в определенной мере обострилась. Поскольку особенности взаимодействия в режиме онлайн не обладают всеми теми возможностями «живого» человеческого общения в формате офлайн. Особенности коммуникативного поведения учителя были и остаются значимыми, как создающие ту необходимую атмосферу доверия, дружелюбия и активности обучающихся в учебной деятельности, которая так необходима для достижения всех целей образования.

Литература

1. *Панов В.И.* Субъект и субъектность: от феномена к процессуальности // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлёв. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2018. С. 341-356.
2. *Панов В.И.* Экопсихологические аспекты детства // Мир психологии. 1997, №1. С.55-67.
3. *Emadian S.O., Pasha N.F.Z.* The relationship between attachment style, self-concept and academic procrastination // *Humanities*. – 2016. Т. 3. №. 1. С. 32-38
4. *Hirschauer, A.-K., Aufhammer, F., Bode, R., Chasiotis, A., Künne, T.* Parental empathy as a source of child's scholastic performance. In: *Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition*, 1st edn. Göttingen: Hogrefe. - 2018.

Кибержертвы: психологические и социальные последствия онлайн-жестокости и насилия

Тамаров Л.И.

ФГАОУ ВО РУДН, Москва, Россия

Tamarov.lev@gmail.com

В настоящее время все больше людей сталкиваются с онлайн-жестокостью и насилием, которые могут иметь серьезные психологические и социальные последствия. Онлайн-жестокость

может включать в себя кибербуллинг, киберсталкинг, онлайн-хейтинг и другие формы поведения, которые нарушают права и достоинство человека. В данной статье мы рассмотрим психологические и социальные последствия онлайн-жестокости и насилия для жертвы.

Кибербуллинг – это форма онлайн-жестокости, которая проявляется через социальные сети, мессенджеры и другие платформы. Часто кибербуллинг начинается в школе и может продолжаться во взрослой жизни. Кибербуллинг может включать в себя угрозы, оскорбления, высмеивание, распространение ложной информации и другие формы онлайн-жестокости. Исследования показывают, что кибербуллинг может привести к тревоге, депрессии, суицидальным мыслям и поведению [1, с. 124-129]. Особенно опасным является кибербуллинг, который происходит в социальных сетях, таких как Facebook и Instagram, где сообщения и комментарии могут быть видны многим людям.

Киберсталкинг - еще одна форма онлайн-жестокости, которая может привести к серьезным последствиям для жертвы. Киберсталкинг включает в себя преследование, угрозы и насилие через интернет [2, с. 345-351]. Жертвы киберсталкинга могут чувствовать себя беспомощными и уязвимыми, что может привести к тревожности и депрессии. Особенно тяжелым является киберсталкинг, связанный с сексуальным насилием или шантажом.

Онлайн-хейтинг – это проявление негативных эмоций и насилие в онлайн-среде в отношении конкретных людей, групп или сообществ. Это может включать в себя угрозы, оскорбления, дискредитацию, преследование и даже физическое насилие [5, с. 235-237]. Хейтеры могут использовать различные онлайн-платформы, такие как социальные сети, форумы, чаты и игровые приложения, чтобы распространять свои негативные комментарии и сообщения.

Онлайн-хейтинг может иметь серьезные последствия для жертвы. Как и в случае с другими формами онлайн-жестокости, жертвы могут испытывать стресс, депрессию, тревогу и посттравматический стрессовый синдром. Они также могут столкнуться с негативными последствиями для своей репутации и имиджа, что может привести к серьезным социальным и профессиональным проблемам [6, с. 92-94].

В России онлайн-хейтинг также является серьезной проблемой. Согласно исследованию, проведенному Центром исследований интернета и общества (ЦИИО) ВШЭ в 2021 году, 23% российских пользователей интернета сталкивались с онлайн-хейтом. Большинство

из них были женщины, молодые люди и люди с высшим образованием [8].

Правительство РФ принимает меры для борьбы с онлайн-хейтингом. В 2021 году в России был принят закон, который обязывает социальные сети и мессенджеры удалять сообщения, содержащие неприемлемую информацию, включая угрозы жизни и здоровью, призывы к насилию и экстремизму, распространение порнографии и насилия [9]. Однако, некоторые эксперты считают, что этот закон может привести к цензуре и ограничению свободы слова в России [10].

Онлайн-хейтинг является серьезной проблемой, которая может нанести вред как жертве, так и обществу в целом. Необходимо принимать меры для предотвращения этого явления и защиты жертв.

Среди рекомендаций для предотвращения онлайн-хейтинга можно выделить следующие.

1. Образование и осведомленность: необходимо повышать осведомленность о проблеме онлайн-хейтинга, а также обучать людей навыкам цифровой грамотности и эмоциональной интеллектуальности, чтобы помочь им распознавать онлайн-хейтинг и реагировать на него [11].

2. Модерация: владельцы онлайн-платформ должны обеспечивать модерацию и контроль за контентом, который публикуется на их платформе, чтобы предотвратить онлайн-хейтинг и защитить пользователей от нежелательного контента [10].

3. Строгие законы: необходимо ужесточать законодательство в отношении онлайн-хейтинга и наказывать нарушителей, чтобы снизить уровень этого явления и уберечь потенциальные жертвы [12].

4. Поддержка жертв: необходимо предоставлять поддержку и помощь жертвам онлайн-хейтинга, в том числе путем создания сети организаций, которые могут помочь жертвам получить поддержку и защиту, а также путем создания платформ для сообщения о случаях онлайн-хейтинга [3; 4; 7].

Кроме того, важно отметить, что в России существуют специальные законы, которые запрещают выражение ненависти и вражды в интернете, такие как статья 282 УК РФ. Однако, проблема онлайн-хейтинга в России все еще актуальна, и необходимо принимать меры, чтобы снизить ее уровень и защитить жертв.

В заключение, онлайн-хейтинг является серьезной проблемой, которая может иметь негативные последствия для жертв и общества в

целом. Предотвращение этого явления и защита жертв требуют усилий со стороны общества, включая повышение осведомленности о проблеме, модерацию платформ, ужесточение законодательства и предоставление поддержки жертвам.

Также важно обратить внимание на роль образования в борьбе с онлайн-хейтингом. Некоторые исследования показывают, что развитие компетенций цифровой грамотности и эмоционального интеллекта у учащихся может снизить риск столкновения с онлайн-хейтингом [11, с. 85-89]. Это может включать в себя обучение основам безопасности в сети, культуре этики и уважения в онлайн-сообществах, а также развитие навыков эмпатии и понимания своих и чужих эмоций [12, с. 107-114].

Наконец, важно отметить, что борьба с онлайн-хейтингом является общественной ответственностью. Необходимо совместными усилиями общества, правительства, бизнеса и образовательных учреждений создавать безопасное и уважительное онлайн-пространство, где каждый может чувствовать себя защищенным и уважаемым.

Литература

1. *Бурыкин И.А., Васильев А.А.* (2021). Онлайн-хейтинг в России: психологические, правовые и этические аспекты. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика, 22(3), 614-630.
2. *Карминский В.В., Гуляева Н.И., Никульшина Н.В.* (2019). Киберсталкинг: психологические аспекты проблемы. Психологическая наука и образование, 24(2), 85-89
3. *Линдовский М.В., Герасимова А.С., Хакимуллин Р.Н.* (2019). Причины, формы и последствия онлайн-буллинга. Научно-методический электронный журнал «Концепт», 12, 107-114.
4. *Beran T., Li, Q.* (2005). The relationship between cyberbullying and school bullying. Journal of Student Wellbeing, 1(2), 124-129.
5. *Campbell M.A.* (2005). Cyber bullying: An old problem in a new guise? Australian Journal of Guidance and Counselling, 15(1), 345-351.
6. *Hinduja S., Patchin J.W.* (2018). Cyberbullying fact sheet: Common facts and myths. Cyberbullying Research Center. Retrieved from <https://cyberbullying.org/cyberbullying-fact-sheet-common-myths-and-misconceptions>.

7. *Ksiazek T.B., Peer L.* (2018). Cyberbullying in schools: A review of the theories, social-ecological model, and intervention strategies. *Journal of Educational and Developmental Psychology*, 8(1), 117-128.
8. *Shariff S.* (2018). Cyberbullying and human rights in Canada and beyond. *Canadian Journal of Learning and Technology*, 44(2), 235-237.
9. *Slonje R., Smith P.K.* (2008). Cyberbullying: Another main type of bullying? *Scandinavian Journal of Psychology*, 49(2), 92-94.
10. *Tynes B.M.* (2018). Online racial discrimination and psychological adjustment among adolescents. *Journal of Adolescence*, 62, 36-43.
11. *Wang J., Nansel T.R., Iannotti R.J.* (2011). Cyber and traditional bullying: Differential association with depression. *Journal of Adolescent Health*, 48(4), 415-417.
12. *Wolak J., Mitchell K.J., Finkelhor D.* (2007). Does online harassment constitute bullying? An exploration of online harassment by known peers and online-only contacts. *Journal of Adolescent Health*, 41(6 Suppl 1), S51-S58.

**Включенность руководителя в совместную деятельность
операторов «Система 112»**

Тарасов С.В.

ФГБУН ИП РАН

Сиваш О.Н.

ГБУ «Система 112»

Первачёва О.А.

ФГБОУ ВО ГАУГН, Москва, Россия

tarasovsemy@ipran.ru, maiskya@gmail.com, opervacheva@gmail.com

Работа подготовлена в рамках Государственного задания № 0138-2023-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

Спецификой деятельности операторов службы «Система 112» является факт выполнения ими индивидуальной деятельности, которую можно отнести к совместно-индивидуальной форме

совместной деятельности (СД) – взаимодействие между работниками минимально, все выполняют свой объем работы, учитывая индивидуальные особенности, объединяющим выступает лишь предмет труда [1; 3]. Решение экстренных и чрезвычайных ситуаций требует от операторов актуализации межличностного взаимодействия и единства, т.е. смена проявляет свою субъектность как свойство группы, которой способствует «организованность» - система групповых характеристик (направленность, лидерство, самоуправляемость и др.), обуславливающая эффективность деятельности [там же]. В таких ситуациях, в соответствии с нормами организационной культуры, а также исходя из того, что оно характеризуется обязательностью участия каждого в решении общей задачи, особенности их деятельности определяются руководителем. В связи с этим важным является понимание того как включенность руководителя, проявление его активности, влияет на организованность и эффективность совместной деятельности. В связи с тем, что специфика работы операторов не позволяет провести исследование непосредственно на рабочем месте с фиксацией их взаимодействия и учитывая ранее выполненные исследования [2] нами был использован метод моделирования совместной деятельности с использованием аппаратной методики «Арка».

Цель нашего исследования состоит в анализе специфики совместной деятельности рабочих групп операторов «Система 112» при разной включенности руководителя. Основная *гипотеза* – группы операторов с отсутствующим или не включенным в совместную деятельность руководителем демонстрируют большую организованность в ситуациях неопределенности и экстремальности, чем группы с включенным руководителем.

Методы и выборка исследования. Аппаратурная методика «Арка», применялись следующие процедуры: «сборка в обычных условиях», «на рекорд» (напряженные условия), «при фиксации ведущей руки» и «с объявлением затраченного времени через каждую секунду» (экстремальные условия), «безымянная» и «безымянная арка с подброшенной деталью» (ситуация неопределенности) [4]. Фиксация и оценка групповых процессов во взаимодействии (иерархия, самостоятельность, включенность, план, согласованность, четкость исполнения, единство действий, самоуправляемость) проводилась методом экспертной оценки, по 7 балльной шкале.

Статистическими методами выступили частотный анализ, анализ различий (непараметрический критерий для k выборок Н Краскала-Уоллиса).

Выборку исследования составили 56 групп операторов ГБУ «Система 112»: группы с руководителем, участвующим в деятельности – 24 группы; группы с руководителем, не участвующим в деятельности – 16 групп; и группы с отсутствующим руководителем – 16 групп.

Результаты

Частотный анализ показал, что в рамках совместной деятельности в обычных условиях и экстремальных группы с не участвующим руководителем более организованы; в рамках напряженной ситуации организованность выше у групп с активным руководителем; а в ситуации неопределенности лучше организованы группы без руководителя. При этом в уровне организованности не отмечалось статистически значимых различий.

Различия между группами обнаружены в рамках экспертной оценки групповых процессов. Так рабочие коллективы с отсутствующим руководителем быстрее принимали решение, что вероятно определяется тормозящим эффектом фигуры руководителя в рамках СД, ввиду того что члены коллектива при принятии решения ориентируются на него. Имеются различия и в рамках экспертной оценки включенности членов группы в деятельность – большая активность у групп с не участвующим в СД руководителем. Данные результаты могут быть связаны с тем, что позиция руководителя как наблюдателя за СД выступает для ее членов ситуацией оценки, а, следовательно, побуждает их к большей активности, проявлению лидерских качеств.

Заключение

Моделирование совместной деятельности среди групп операторов «Система 112» показало, что руководитель, не включенный в совместную деятельность, а выступающий как наблюдатель в экстремальных условиях способствует порождению диффузного лидерства в данных группах и большей включенности членов во взаимодействие. В свою очередь отсутствие руководителя способствует уменьшению времени принятия решения в ситуации неопределенности. В дальнейшем необходимо более детально изучить стиль руководства, ситуацию групповой творческой деятельности и

соотнести результаты с ценностно-мотивационными компонентами личности операторов.

Литература

1. *Ларина Г.Н., Сарычев С.В.* Роль организованности в управлении группой // современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии. М.: Институт психологии РАН, 2021. С. 875-886
2. *Первачева О.А.* Ценностно-смысловые регуляторы профессионального взаимодействия в группах с разной эффективностью труда // Психологические исследования: Вып. 11 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенковой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С. 90-99
3. *Сарычев С.В.* Моделирование групповых социально-психологических феноменов в параметрической теории малых групп и коллективов // Осознание культуры – залог обновления общества. Перспективы развития современного общества. Материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции. Сост. В.В. Головин. Севастополь: ООО "Рибест", 2022. С. 92-95
4. *Сарычев С.В., Чернышев А.С.* Аппаратурная методика «Арка» как метод социально-психологического исследования // Вестник практической психологии образования, 2009, №1. С. 112-117.

Анализ отношения российских учителей к межкультурному разнообразию

Тарулина Н.В., Ткаченко Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

tarulina.natalia@gmail.com, tata_tkachenko@mail.ru

Этническая и культурная неоднородность классов в сегодняшней школе и снижение общей успеваемости поставила остро вопрос во многих образовательных организациях о том, что с детьми иностранных граждан, приехавших в нашу страну и поступивших на

учебу в школу, необходимо выстраивать иную стратегию воспитания и обучения. Все больше учителей признают необходимость развития межкультурного педагогического образования.

Однако, известно, что на реальный процесс обучения детей учителями влияют их имплицитные и эксплицитные убеждения [3, с. 146], а не профессиональные знания и принципы, усвоенные при обучении [5, с. 1793].

Именно убеждения в отношении культурного разнообразия формируют существующие межгрупповые отношения в школьном коллективе, а также в других местах [2, с. 342].

Модель, представленная М. Татаром и Г. Горенчиком [4, с. 134] описывает четыре категории субъективных представлений в отношении культурного разнообразия в школе и могут оказывать существенное влияние на выбор стратегии поведения, воспитания и обучения детей иностранных граждан [1, с. 35].

В исследовании, проведенном в формате фокус-группы с учителями трех российских школ, имеющих в составе обучающихся детей иностранных граждан, проанализированы ответы 17 респондентов женского пола, возрастом от 34 до 53 лет. Все школы участвуют в программе содействия межнациональному образованию.

Этнический состав учителей различен. Так 76% (13 чел.) учителей, участвовавших в исследовании, причисляет себя к русским, 24% (4 чел.) имеют двойное гражданство и/или долгосрочный личный опыт межкультурного взаимодействия и адаптации в другой стране.

В процессе исследования группам учителей были заданы вопросы, направляющие беседу в сторону выявления их отношения к межкультурному разнообразию в их школе. Затем все высказывания подверглись тщательному анализу на предмет соотнесения их с моделью М. Татара и Г. Горенчика. Таким образом, были отобраны высказывания, описывающие отношение учителей как ценный ресурс, как проблему, как вызов или определяемое как безразличие.

Так как данные школы уже несколько лет (от 3 до 15) встречаются с вопросом работы в разнообразной культурной среде среди ответов довольно много высказываний, описывающих отношение учителей к культурному разнообразию как ценному ресурсу: «дети безусловно талантливые, очень умные, и очень сильные», «они представляют и защищают класс и школу на международных конкурсах». В процессе

работы эти учителя смогли оценить старания детей адаптироваться в новом обществе и помогли проявить их лучшие стороны: «Поэтому задача учителя найти какие-то особенности, положительные или талантливые способности ребенка». Понимая, что для каждого человека после миграции, для успешной адаптации к новой культуре, важно опираться на опыт жизни в своей культуре, учителя знакомят учеников с культурами разных стран: «Сотрудничать стараемся с национальными диаспорами, чтобы несмотря на то, что они учатся в русской школе, где русский язык основной, они все равно свою культуру сохраняли. И относились с пониманием к детям, которые учатся рядом, с иной культурой». Со временем учителя осознают, как детям сложно привыкнуть к смене практически всех сфер жизни, и в своем стремлении помочь адаптироваться детям изучают азы другого языка: «В пятом классе, например, приехала девочка из Таджикистана, практически не знает русского языка. И мы вместе с нашими ребятами стали изучать еще один язык дополнительно. Мы учимся по-узбекски здороваться, прощаться. Ну и в то же время девочки помогают ей освоить русский язык. Я объясняю, что ей сложно, что ей трудно. Что она сейчас нуждается в поддержке, в помощи одноклассников. И ребята, по возможности, ей помогают».

Но такое отношение к ученикам бывает не всегда, и зависит от личности учителя, его личного опыта, от общего состояния учительского коллектива и настроения администрации школы. Отношение может меняться и проявляться как проблема: «Плохо говорит на русском языке, не понимает нас». Для адаптации в российской культуре ребенка необходимо ввести в принимающее сообщество, однако учителям сложно понять, как решить этот вопрос: «У них нет русских друзей, и эта проблема именно с таджиками». С увеличением количества детей-инофонов в школах вопрос становится сложнее: «Сейчас их в школе больше, они между собой общаются и им нет необходимости говорить на русском». Искать подход к каждому ребенку с учетом его культурных особенностей затратно: «То, что для наших детей – норма, для него вот оскорбление».

Когда учителю требуется больше времени, методической поддержки, понимания и возможность обсуждения с коллегами и специалистами специфики работы с учениками из других стран, он может воспринимать ситуацию как вызов. «Дети, которые приехали из

других стран, вызывают у учителя такое сложное положение, потому что учитель знает, что эти дети требуют большего к себе внимания. Это значит, что работу надо выстраивать дифференцированно, индивидуально». Учителя осознают, что придется достаточно долго и плодотворно трудиться. И это не простое решение. Они понимают, что дело не только в учениках-инофонах: «Мне вот привели ребенка, у которого есть проблема – войти в класс, и проблему мне надо решить. Надо помочь ребенку решить эту проблему. Ну мне и самой как бы... Надо помочь себе решить».

Безразличное отношение к вопросу культурного разнообразия также, как и в других странах, проявляется и среди российских учителей. Такое отношение проявляется в двух направлениях: попытке избежать решения вопроса, желании переложить его на родителей или на правительственные решения, и на желании нивелировать отличия в попытке уравнивать всех учеников, не выделять одного ученика перед всем классом, что по мнению учителей позволяет ребенку-инофону почувствовать себя принятым, одним из равных и успешно адаптироваться в принимающем обществе: «Действительно к ним ко всем отношение просто как к детям. Почти как к своим. К сожалению, ли к счастью, это природа моя такая. Ко всем детям (относиться) реально как к своим».

Таким образом, можно сказать, что выбор стратегии отношения к культурным различиям у российских учителей имеет большой спектр дополнительных условий, из которых складывается индивидуальный рисунок отношения каждого конкретного учителя к межкультурному разнообразию.

Литература

1. Хухлаев О.Е., Ткаченко Н.В. Отношение российских учителей к культурному разнообразию в трудных педагогических ситуациях: опыт качественного анализа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10, вып. 1 (37). С. 33-44. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-1-33-44>
2. Civitillo S., Juang L.P., Badra M., Schachner M. The interplay between culturally responsive teaching, cultural diversity beliefs,

- and self-reflection: A multiple case study, *Teaching and Teacher Education*, Volume 77, 2019, Pages 341-351, ISSN 0742-051X, <https://doi.org/10.1016/j.tate.2018.11.002>.
3. *Gay G.* Acting on Beliefs in Teacher Education for Cultural Diversity. *Journal of Teacher Education*, 61(1–2), 2010, 143–152. <https://doi.org/10.1177/0022487109347320>
  4. *Horenczyk G., Tatar M.* Schools' organizational views of diversity: Perceptions and approaches // *Hyphenated selves: Immigrant identities within education contexts* / Ed. S. Vandeyar. Amsterdam, The Netherlands: Unisa Press, 2011. P. 131–148.
  5. *Thornberg R.* The lack of professional knowledge in values education *Teaching and Teacher Education*, 24 (7) (2008), pp.1791-1798, <https://doi.org/10.1016/j.tate.2008.04.004>

Детерминанты рискованного поведения пешеходов в городском пространстве мегаполиса

Текутьева Д.Е., Бессчетнова О.В.
ФГБОУ ИВО МГГЭУ, Москва, Россия
tekutev2922@gmail.com, oksanabesschetnova@yandex.ru

Введение.

Согласно глобальному отчету ВОЗ о состоянии безопасности дорожного движения за 2019 г., количество дорожно-транспортных происшествий (ДТП) со смертельным исходом увеличилось до 1,37 млн., т.е., в мире ежедневно умирает почти 3800 человек [4]. К наиболее уязвимым участникам дорожного движения относятся пешеходы, велосипедисты, мотоциклисты, которые стали жертвами в 54% случаев (из них, пешеходы - 23%). К основным причинам ДТП следует отнести рискованное поведение, недостатки организации дорожно-транспортного движения, погодные условия, проблемы дорожного покрытия, нарушение правил, превышение скорости, состояние алкогольного или наркотического опьянения [2].

По данным Госавтоинспекции в 2022 году в России ежегодно совершается около 70 тыс. наездов, каждое четвертое ДТП (с пострадавшими) – на пешеходном переходе. В крупных городах до

50% всех происшествий составляют наезды на пешеходов; каждый третий пешеход сам является виновником инцидента, подвергая свое здоровье и жизнь опасности. За последние пять лет, в результате ДТП на дорогах страны ежегодно гибли от 8,7 до 10 тыс. пешеходов; около 9 тыс. стали инвалидами [1].

Наезды на пешеходных переходах – самая острая проблема дорожного движения в России, которая обусловлена рядом специфических особенностей, среди них: (1) агрессивное вождение, неразвитость культуры взаимоотношений между участниками дорожного движения, которая проявляется в том, что водители не пропускают пешеходов, воспринимают других автомобилистов как соперников; (2) неадекватная оценка пешеходами своей собственной видимости на дороге водителями, особенно в темное время суток, при плохих погодных условиях, сложных конфигурациях дорог, невнимательность, наличие посторонних шумов или отвлекающих внимание факторов (наушники), совершение рискованных действий; (3) несовершенство нормативно-законодательной базы, позволяющие водителю избежать адекватного наказания за травматизацию или смерть пешехода; (4) отсутствие социальной рекламы и образовательных программ для детей разного возраста и взрослых на центральных каналах ТВ по проблеме безопасного передвижения на дорогах.

Теоретико-методологическая база исследования.

Понятие риск является чрезвычайно сложным в определении, о чем свидетельствует отсутствие единого смыслового контента в разных областях науки. Наиболее полной, хотя и носящей несколько формальный характер, представляется классификация типов определений рисков, предложенная В. И. Зубковым [3].

Обратимся к рассмотрению теорий рискованного поведения. В социально-психологическом подходе можно выделить микросоциальную и макросоциальную модели рискованного поведения. Согласно первой модели (Л. А. Головей, Д. Н. Исаев, В. Е. Каган, А. Е. Личко), причиной рискованного поведения является нарушение межличностных взаимоотношений. В рамках второй модели (М. В. Бородатова, С. Гроф, Б. М. Левин, В. Д. Лисовский, Э. А. Колесникова) существуют два взаимодополняющих друг друга направления: во-первых, рискованное поведение как особое социальное явление, несущее определенную функциональную

нагрузку, во-вторых, рискованное поведение как особенность функционирования общества (социально-экономическое положение, кризис системы ценностей и т. п.).

С точки зрения положений этического подхода, рискованное поведение является аморальным, мотивированным гедонистическими стремлениями личности, следствием бездуховности и морального несовершенства (Б. С. Братусь, Е. К. Веселова, А. Ф. Лазурский, М. С. Неймарк, Д. В. Новиков). С позиций интеракционистского подхода (Л. М. Шипицына, Л. С. Шпилени) оно обусловлено причинами биологического, социального и психологического характера. Другие авторы рассматривают его как результат процесса социализации, который включает четыре этиологических фактора: когнитивные навыки, особенности самовосприятия, социальное окружение, ценностные ориентации человека, в том числе автономию, контроль и давление группы, которые усиливают готовность к рискованному поведению (Ч. Ирвин); стремление к острым ощущениям в подростковом возрасте (М. Цукерман); связывают его с уровнем притязаний и потребности в безопасности (Л. Лопес). Вместе с тем, несмотря на многоаспектное изучение проблемы рискованного поведения, его причин и мотивов, следует отметить недостаток исследований, связанных с оценкой степени риска и стратегий поведения пешеходов на различных участках дорожного движения [5].

Материалы и методы

Цель эмпирического исследования заключалась в анализе возрастных и гендерных особенностей пешеходов, нарушающих ПДД и выбирающих рискованные стратегии поведения в качестве участников дорожного движения. Исследование проводилось в марте 2023 года методом невключенного наблюдения. Общий временной объем наблюдения составил 10 часов 15 минут, в результате было выявлено 40 пешеходов – мужчины и женщины молодого, среднего и пожилого возраста, взрослые с несовершеннолетними детьми, подростки без сопровождения взрослых, которые проявляли рискованное поведение на перекрестках, нарушая правила дорожного движения.

Для оценки степени риска при переходе дороги пешеходами на красный сигнал светофора был разработан авторский бланк наблюдения. К основным индикаторам рискованного поведения были отнесены следующие: вид перехода (прямой-диагональный;

регулируемый - нерегулируемый); время, затрачиваемое на переход (от 10 до 30 секунд); половозрастная характеристика пешехода (пол, примерный возраст); момент совершения перехода дороги (за несколько секунд до смены зелёного красным сигналом; в момент включения зелёного/ красного сигнала; спустя некоторое время после включения красного сигнала светофора); поведение человека в момент перехода дороги (смотрит по сторонам, не обращает внимание на участников дорожного движения, разговаривает по телефону, находится в наушниках, отвлекается на другие факторы); скорость движения по пешеходному переходу (медленно, не увеличивает скорость; идет обычным шагом; ускоряется, старается перебежать перекресток); наличие/отсутствие светоотражающих элементов на одежде, обуви.

Результаты

В ходе наблюдения было установлено, что 50 % нарушителей, наиболее ярко демонстрирующих рискованное поведение при переходе дороги на красный сигнал светофора, составили мужчины молодого, среднего и предпенсионного возраста (визуально от 25 до 55 лет), которые, как правило, не обращали внимание на других участников дорожного движения, были погружены в разговор по телефону, переходили дорогу медленно, не торопясь.

Четверть нарушителей – это женщины среднего и предпенсионного возраста, в том числе, в трех случаях с малолетними детьми, которые не только показывают девиантные формы поведения как пример для подражания, но и подвергают их здоровье и жизнь опасности.

В остальных случаях (12,5%) нарушение ПДД совершалось женщинами пожилого и старческого возраста (визуально 65 +), часто обремененными тяжелыми сумками, пакетами, что замедляло их скорость, задерживая движение трафика.

Полученные нами данные, согласуются с результатами исследования зарубежных ученых, где все испытуемые совершали рискованные действия, по крайней мере, время от времени, а одна пятая пострадала в дорожно-транспортных происшествиях при переходе дороги [7-8].

Таким образом, на основании проведенного исследования можно выделить три категории граждан, которые чаще других нарушают правила дорожного движения на пешеходных переходах: во-первых,

при переходе дороги на красный сигнал светофора мужчины рискуют в два раза чаще, чем женщины, что может быть обусловлено более высокой склонностью к риску, социокультурными паттернами маскулинности, пренебрежением собственной жизнью и здоровьем; во-вторых, родители с несовершеннолетними детьми, где первые прямо демонстрируют примеры девиантного поведения, которое могут привести к необратимым последствиям для жизни и здоровья – инвалидности или смерти; в-третьих, люди пожилого возраста, чье рискованное поведение предположительно объясняется приоритетом фактора возраста (социокультурной традицией уважения пожилых людей в обществе), нежели соблюдением правил дорожного движения, что делает пожилых пешеходов крайне уязвимой категорией к совершению наезда и провоцированию конфликтных ситуаций с автомобилистами.

Литература

1. Госавтоинспекция опубликовала статистику нарушений ПДД за 2022 год. URL: <https://news.drom.ru/93128.html>
2. *Дик П.В.* Психологические концепции риска и рискованного поведения // Актуальные проблемы психологии.
3. *Зубков В.И.* Социологическая теория риска / В. И. Зубков. – М., 2003.
4. Мир. Организация здравоохранения. Глобальный отчет о состоянии безопасности дорожного движения 2019 г. // Всемирная организация здравоохранения. -Женева: Швейцария, 2019.
5. *Тарасов А.Ю., Тарасова И.А.* Некоторые аспекты изучения взаимодействия пешеходов и водителей транспортных средств // Вопросы безопасности. 2022. № 3.
6. *Шаболтас А.В.* Риск и рискованное поведение как предмет психологических исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Вып. 3.
7. *Narváez Y.V., Parra Sierra V., Peña Cárdenas F., Ruiz Ramos L., Zamorano González B., Vargas Martínez J.I., Monreal Aranda O.* Road risk behaviors: Pedestrian experiences. *Traffic Inj Prev.*

- 2019;20(3):303-307. doi: 10.1080/15389588.2019.1573318. Epub 2019 Apr 11. PMID: 30971147.
8. *Poó F.M., Ledesma R.D., Trujillo R.* Pedestrian crossing behavior, an observational study in the city of Ushuaia, Argentina. *Traffic Inj Prev.* 2018 Apr 3;19(3):305-310. doi: 10.1080/15389588.2017.1391380. Epub 2018 Feb 8. PMID: 29053374.

Осмысленность жизни, тревожность и копинг-стратегии в юношеском возрасте

Темирболат Е.Н., Синельникова Е.С.
ФГБОУ ВО ПГУПС, Санкт-Петербург, Россия
Yes_mnm@mail.ru

В ситуации мирового политического и экономического кризиса мир становится все менее безопасным для человека. Угрозы и риски, как реальные, так и вероятные способствуют росту тревожности у людей. Тревога была распространенной реакцией на пандемию COVID-19 у респондентов, принадлежащих к таким разным культурам, как Германия и США [1;2]. Поскольку в ближайшие годы нет предпосылок для снижения уровня напряженности в мире, то актуальным становится поиск психологических ресурсов, благодаря которым человек способен справиться с тревогой и неопределенностью. Осмысленность жизни является психологическим ресурсом, роль которого возрастает в ситуации индивидуальных или социальных кризисов.

Цель эмпирического исследования –изучить особенности осмысленности жизни, тревожности и копинг-стратегий в юношеском возрасте. Методики исследования: для изучения осмысленности жизни – шкала экзистенции А. Лэнгле, К. Орглера (в адаптации С. В. Кривцова); для изучения уровня тревожности– шкала проявления тревоги Дж. Тейлор (в адаптации Т. А. Немчина); для изучения копинг-поведения – методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Н. Эндлера, Д. Паркера (в адаптации Т. А. Крюковой). Выборка исследования представлена респондентами юношеского возраста в количестве 50 человек (50% юношей, 50% девушек). В

исследовании применялись качественный анализ, корреляционный анализ Пирсона, t-критерий Стьюдента.

По шкале осмысленности жизни у респондентов обеих групп наиболее выражен показатель самотрансценденции, отражающий способность ощущать ценность жизни. А показатель самодистанцирования менее выражен, что демонстрируют низкую способность создания внутренней дистанции по отношению к себе. Показатель уровня тревожности у всей выборки равен среднему с тенденциями к высокому, что говорит о том, что у респондентов присутствует склонность к частым переживаниям состояния тревоги. Наиболее выраженной копинг-стратегией является решение проблемы, в то время как пассивная копинг-стратегия, направленная на снижение эмоционального напряжения, присуща лишь малой части респондентов.

Статистически значимые различия среди юношей и девушек были выявлены между показателем уровня тревожности с большей выраженностью по средним значениям у девушек ($r = 3,013, p \leq 0,01$).

У юношей общий показатель осмысленности жизни ($r = -0,677, p \leq 0,001$), экзистенциальность ($r = -0,645, p \leq 0,001$), персональность ($r = -0,579, p \leq 0,001$), ответственность ($r = -0,648, p \leq 0,001$), свобода ($r = -0,507, p \leq 0,01$), самодистанцирование ($r = -0,514, p \leq 0,01$) и самотрансценденция ($r = -0,466, p \leq 0,01$) имеют отрицательную связь с уровнем тревожности. У девушек общий показатель осмысленности жизни ($r = -0,627, p \leq 0,001$), экзистенциальность ($r = -0,583, p \leq 0,001$), персональность ($r = -0,535, p \leq 0,01$), ответственность ($r = -0,534, p \leq 0,01$), свобода ($r = -0,546, p \leq 0,01$), самодистанцирование ($r = -0,506, p \leq 0,01$) и самотрансценденция ($r = -0,447, p \leq 0,05$) имеют отрицательную связь с уровнем тревожности. Результаты исследования позволяют предположить, что большая осмысленность жизни, прояснение своих целей и ценностей способствует снижению тревоги в юношеском возрасте.

У юношей ($r = 0,704, p \leq 0,001$) и девушек ($r = 0,546, p \leq 0,001$) эмоционально-ориентированный копинг имеет положительную связь с уровнем тревожности. Чем выше уровень тревожности у юношей и девушек, тем больше они склонны фокусироваться на неприятных эмоциях и чувствах.

У юношей стратегия отвлечения имеет прямую связь с уровнем тревожности ($r = 0,449, p \leq 0,05$). Данная связь говорит о том, что чем выше уровень тревожности, тем в большей степени юноши стремятся отвлечься от стрессовой ситуации, стараясь уклониться от контакта с окружающей действительностью и уйти от решения сложившихся проблем. У юношей общая осмысленность жизни ($(r = -0,566, p \leq 0,01), (r = -0,412, p \leq 0,05)$), ответственность ($(r = -0,712, p \leq 0,001), (r = -0,524, p \leq 0,01)$), экзистенциальность ($(r = -0,661, p \leq 0,001), (r = -0,5, p \leq 0,01)$) и свобода ($(r = -0,448, p \leq 0,05), (r = -0,524, p \leq 0,01)$), имеет отрицательную связь с эмоционально-ориентированным копингом и с стратегией отвлечения. Данная отрицательная связь говорит о том, что чем более юноши открыты, решительны, готовы к действию, ответственны и свободны, тем менее они склонны закрываться на неприятных эмоциях и чувствах, а также не стремиться отвлекаться от стрессовых ситуаций.

У девушек общая осмысленность жизни ($r = -0,508, p \leq 0,01$), ответственность ($r = -0,535, p \leq 0,01$), экзистенциальность ($r = -0,573, p \leq 0,001$) и свобода ($r = -0,526, p \leq 0,01$) имеют отрицательную связь с эмоционально-ориентированным копингом.

Результаты исследования свидетельствуют, что осмысленность жизни тесно взаимосвязана с показателями тревожности как у юношей, так и у девушек. Чем более осмысленна жизнь юношей и девушек, чем в большей степени их решения и поступки соответствуют их ценностям, чем в большей степени они способны к сопереживанию и близости с другими людьми, тем менее они тревожны. Способность децентрироваться, видеть реальные возможности, которые открыты перед ними, принимать решения в соответствии со своими ценностями и воплощать их в жизнь также связана с меньшей тревожностью как у юношей, так и у девушек. Осмысленность жизни помогает девушкам и юношам взять ответственность за свою жизнь на себя, не винить себя, сталкиваясь с трудностями и неудачами, и обрести чувство свободы и контроля, несмотря на внешние обстоятельства.

Литература

1. *Rohr S. et al. Psychosocial impact of quarantine measures during serious Coronavirus outbreaks: A rapid review / Rohr S., Muller F.,*

- Jung F., Apfelbacher C., Seidler A., Riedel-Heller S.G. // *Psychiatrische Praxis*. 2020. V. 47. P. 179–189. doi:10.1055/a-1159-5562
2. Talevi D. et al. Mental health outcomes of the CoVID-19 pandemic / Talevi D., Socci V., Carai M., Carnaghi G., Faleri S., Trebbi E., Di Bernardo A., Capelli F., Pacitti F. // *Rivista di Psichiatria*. 2020. V. 55. Iss. 3. P.137–144.

Детско-родительские отношения как фактор адаптации первоклассников к школе

Терехова Е.С., Орлов В.А.
ФГОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
esterekhova@ya.ru, vladimirorlov@bk.ru

Проблема готовности к школе и социально-психологической адаптации младших школьников продолжает оставаться одним из наиболее активно развивающихся направлений теоретических и прикладных исследований. У многих первоклассников наблюдаются низкие показатели адаптации и симптомы школьной дезадаптации, отмечается значительный рост числа педагогически запущенных детей [7; 8]. Известно, что от успешности прохождения первоклассником первых лет обучения во многом зависит его успеваемость в последующие годы, эмоциональное состояние и, в целом, личностное развитие [1; 2].

Успешность учебно-воспитательного процесса в школе в значительной мере определяется эффективностью взаимодействия основных субъектов образовательного процесса – учителей, школьников, а также их родителей [2; 6]. Согласно ряду исследований, образовательные результаты учащихся школ во многом определяются, наряду с другими показателями, именно их семейным положением [4; 7; 8; 10].

Многими исследованиями показано, что нарушение отношений ребенка с родителями, такими, как отчуждение, симбиотическая связь преимущественно с матерью, оказывает значительное влияние на

формирование «слабой» личностной позиции школьника и затрудняет обучение ребенка в школе [7; 9].

Проведенные исследования подтверждают, что первоклассники из неблагополучных семей, где родители не проявляли интереса к успеваемости ребенка, не помогали в выполнении домашних заданий, не выражали поддержки и, при необходимости, не защищали их интересы, обладали высокой степенью педагогической запущенности. В учебной деятельности такие дети проявляли низкий уровень учебной мотивации, несформированность учебных навыков, имели высокий уровень семейной и школьной тревожности [5; 8].

Хотя сами родители отмечают снижение образовательных результатов учащихся в школе, большинство из них оценивают успеваемость своих детей в школе как хорошую или отличную [4]. Это говорит о нежелании родителей признавать проблемы своих детей в адаптации к учебному процессу. Чаще они объясняют неуспешность детей отсутствием способностей к отдельным предметам, трудностью учебных программ, снижением интереса школьников к учебе, недостаточным профессионализмом учителей [4]. Проводимые исследования показывают, что родители младших школьников не готовы сотрудничать с педагогическим составом школы на предмет психологического сопровождения младших школьников, не считают себя субъектами совместной деятельности, которые несут равную ответственность за обучение и воспитание ребенка [3].

Таким образом, у родителей младших школьников в большинстве случаев отсутствует понимание своей роли в адаптации детей к обучению. При этом их ожидания от других субъектов образовательного процесса могут стать предпосылкой снижения эффективности совместной деятельности сторон, способствующих социально-психологической адаптации младших школьников.

Несмотря на то, что на сегодняшний день существует большое количество исследований, посвященных трудностям младших школьников в прохождении этапа социально-психологической адаптации, а также средствам помощи им, остаются вопросы взаимосвязи детско-родительских отношений, стилей семейного воспитания с особенностями прохождения социально-психологической адаптации младшими школьниками при вхождении в школьную среду и, в целом, в социум [1; 4].

Проведенное нами пилотажное исследование дает основание предполагать, что компоненты родительской воспитывающей деятельности – безусловное принятие и поддержка ребенка, наряду с контролем выполнения родительских ожиданий-требований (выполнение «внешних инструкций»), включение во взаимоотношения с ребенком такой формы, как «взрослый-взрослый», поручение «взрослых» домашних заданий и ряд других социально-психологических компонентов детско-родительских взаимодействий, способствуют более эффективному прохождению социально-психологической адаптации первоклассниками. В то же время, непоследовательность в воспитательных действиях, отстраненность, неприятие со стороны родителей чаще всего приводят к развитию симптомов школьной дезадаптации.

На основании результатов пилотажного исследования в настоящее время спланировано и проводится эмпирическое исследование влияния разных типов детско-родительских отношений на успешность адаптации младших школьников к условиям образовательного процесса.

Полученные результаты позволят расширить теоретические знания об особенностях взаимодействия субъектов школьного образовательного процесса и влиянии детско-родительских взаимоотношений на характер социально-психологической адаптации детей к условиям школьного образовательного процесса и могут быть использованы в работе школьных психологов и педагогов с целью оптимизации процесса социально-психологической адаптации детей к обучению в школе и построения конструктивного взаимодействия с родителями учащихся.

Литература

1. *Архипова И.П.* Взаимодействие семьи и школы в воспитании личности младшего школьника. Научный электронный журнал Меридиан. № 5 (16) 2018. с. 30-32.
2. *Бельшева А.Н.* Особенности адаптации современных первоклассников к обучению в школе. Педагогическая психология. 2021. с. 1-10.
3. *Бесчасная А.А.* Ребёнок в триаде отношений «школа–ученик–семья» в период освоения дистанционного обучения.

- Социологическая наука и социальная практика. № 1(33), 2021. с. 76-94.
4. *Клячко Т.Л., Семионова Е.А., Токарева Г.С.* Успешность и неуспешность школьников: ожидания родителей, оценка учителей // Вопросы образования, 2019, с. 71-92.
  5. *Никитин С.В.* Социально-педагогическая адаптация как проблема психолого-педагогической науки // Вестник Тамбовского университета, 2022.
  6. *Орлов В.А.* Экспектации субъектов образовательного процесса относительно роли школьного психолога как фактор эффективности их взаимодействия: дис. ...канд.психол.н. МГППУ. М., 2006.
  7. *Плотникова Н.Ю.* Взгляд на становление личностной позиции школьника в контексте детско-родительских отношений. PsyJournal. 2008. с. 71-81.
  8. *Рерке В.И.,* Формирование социальной ответственности у родителей младших школьников с педагогической запущенностью, Современный ученый, № 1, 2018, с. 17-20.
  9. *Фролова Е.В., Рогач О.В., Воронцова И.В., Рябова Т.М., Шалашиникова В.Ю.* Анализ удовлетворенности родителей школьным образованием: ключевые проблемы и точки роста // Перспективы науки и образования. 2020. № 3 (45). С. 239-251.
  10. *Lerner R.E., Grolnick W.S.* Maternal involvement and children`s academic motivation and achievement: The roles of maternal autonomy support and children`s affect // Motivation and Emotion. 2020. Vol. 44. № 3. P. 373-388.

Психологическая состоятельность сотрудников организации и баланс жизненных сфер

Терещенко А.А., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
a.tereschenko98@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

В современном мире сотрудники организаций сталкиваются с множеством задач и обязанностей, которые требуют не только высокой профессиональной квалификации, но и умения

балансировать между работой, семьей, личным временем и другими жизненными сферами. Отсутствие у сотрудников баланса в жизни может привести к психологическому и физическому переутомлению, что в свою очередь может негативно сказаться на эффективности и результативности их работы [8].

Психологическая состоятельность определяется как личностное свойство, позволяющее справляться с трудностями и стрессовыми ситуациями, сохранять психическую устойчивость, а также достигать жизненных целей и задач [2]. Важным элементом психологической состоятельности является баланс жизненных сфер, который представляет собой равномерное распределение времени и усилий между работой, семьей, друзьями, личным временем и другими жизненными сферами [5].

Существует множество исследований, подтверждающих связь между психологической состоятельностью и балансом жизненных сфер. Например, исследование, проведенное Д.А. Леонтьевым и Е.И. Рассказовой, показало, что у сотрудников, которые имеют хороший баланс жизненных сфер, выше уровень психологической состоятельности [5]. Это связано с тем, что баланс жизненных сфер позволяет сотрудникам не только более эффективно справляться с работой, но и находить время на удовлетворение своих потребностей и интересов, что влияет на их эмоциональное состояние.

Согласно исследованию, проведенному А. А. Коротковым и В. А. Бондаренко, психологическая состоятельность сотрудников организации напрямую зависит от баланса между работой и личной жизнью. Исследование показало, что сотрудники, которые чувствуют, что могут уделить достаточно времени семье и личным интересам, имеют более высокий уровень психологической состоятельности. В то же время, сотрудники, которые чувствуют дисбаланс в этом отношении, более склонны к стрессу и психологическому выгоранию [1].

Другие исследования также подтверждают важность баланса между работой и жизнью для психологической состоятельности сотрудников организации. Например, исследование, проведенное К. Гриффитсом и его коллегами, показало, что сотрудники, которые имеют возможность гибко управлять своим рабочим временем и оставлять время на личные интересы и семью, имеют более высокий

уровень удовлетворенности работой и меньше склонны к перегрузке и психологическому выгоранию [7].

Кроме того, А. А. Лебедев подчеркивает, что баланс между работой и личной жизнью важен не только для психологического здоровья, но также для физического здоровья. Он обнаружил, что перегрузка на работе связана с ухудшением физического здоровья, в то время как наличие баланса между работой и личной жизнью способствует его улучшению [3].

Также отмечается в исследованиях, что для достижения равновесия необходимо иметь четкие границы между работой и личной жизнью, а также уделять достаточно времени для здорового образа жизни, духовного и культурного развития. Кроме того, важно иметь поддержку со стороны коллег и руководства в достижении баланса. Сотрудники, которые чувствуют поддержку и понимание со стороны своих коллег и имеют более высокую мотивацию работать.

Для достижения равновесия между работой, семьей, личным временем и другими жизненными сферами необходимо уделить внимание каждой из них. Другой вопрос, как именно это можно сделать и как это влияет на психологическую состоятельность сотрудников организации?

Мы обращаем внимание на то, что исследовательских работ, направленных на описание баланса личной жизни и работы, много, но на данный момент недостаточно изучена область, где баланс – это не просто пропорционально затраченное количество времени на разные сферы жизни, а связь между удовлетворенностью трудом и пониманием важности выполняемой деятельности и ее пользы для социума, приводящая к повышению удовлетворенности в других сферах жизни.

Согласно деятельностному подходу, трудовая деятельность является одной из важнейших сфер жизни человека. Когда человек удовлетворен своим трудом, это может привести к положительным результатам в других сферах его жизни [4].

Так, например, в исследовании, проведенном нами, были получены результаты, показывающие, что наличие большого количества привлекательных факторов трудовой деятельности приводит к высокому уровню удовлетворенности браком [6]. Таковую

закономерность мы можем объяснить тем, что личность реализуется в обществе через профессиональную деятельность, соответственно, с увеличением ее успешности повышается шанс на успешность реализаций и других форм деятельности, что в свою очередь приводит к балансу между личной жизнью и работой.

Исследования этой взаимосвязи определяют дальнейшую перспективу развития рассматриваемой проблемы. В связи с этим, психологам важно помочь людям научиться достигать баланса между работой и личной жизнью, не только учитывая индивидуальные особенности, современную геополитическую обстановку, рабочие процессы, но удовлетворенность, привлекательность трудовой деятельности и потребность индивида в проявлении своей личности в этом процессе.

Литература

1. *Коротков А.А., Бондаренко В.А.* Влияние баланса между работой и личной жизнью на психологическую состоятельность сотрудников организации // Психология и психотехника. 2019. Т. 24. № 2.
3. *Крылов А.А.* Психологическая состоятельность личности как психологический ресурс ее успешности // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 298.
4. *Лебедев А.А.* Перегрузка на работе и здоровье: механизмы, последствия и коррекция // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1.
5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
6. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Психологическая состоятельность как фактор успешности социальной адаптации личности // Вестник Пермского университета. 2013. Т.2.
7. *Терещенко А.А., Кочетков Н.В.* Взаимосвязь психического выгорания в супружеских отношениях и удовлетворенности профессией (на примере педагогов) // Социальная психология: вопросы теории и практики. 2021.

8. *Griffiths K.L., Michelmore L., MacKinnon S.L.* The impact of organizational interventions designed to promote work–life balance: A meta-analysis // *Work and Stress*, 2012. Т.26. №4.

Аккультурация и трансформация идентичности у русскоязычных мигрантов в Норвегии

Титова О.В., Ткаченко Н.В.

МГППУ, Москва, Россия

olgatitova@mail.ru, tkachenkonv@mgppu.ru

Цель исследования состояла в том, чтобы проанализировать и выявить черты аккультурационных процессов и процессов трансформации идентичности среди русскоязычных мигрантов в Норвегии. В ходе исследования было произведено эмпирическое исследование процесса аккультурации и трансформации идентичности среди русскоязычных мигрантов в Норвегии.

В связи с тем, что исследование носит качественный характер, особый интерес был обращен на сам процесс аккультурации, изменения в стратегии аккультурации и их результаты, а также на аспекты трансформации идентичности у русскоязычных мигрантов в процессе аккультурации [1; 2].

В ходе исследования аккультурации и трансформации были сформулированы три основных вопроса:

Какие стратегии аккультурации выбираются русскоязычными иммигрантами?

Какие факторы и причины влияют на выбор стратегии аккультурации?

Как трансформируется идентичность иммигрантов и какая взаимосвязь существует между трансформацией идентичности и процессами изменений в ходе аккультурации?

Основой для теоретического изучения психологических аспектов аккультурации мигрантов послужили работы Дэвида Л. Сэма и Джона Берри. Вопросы связи аккультурации и актуализации различных видов идентичности рассматривались на основании работ Кармелы Либкинд.

В качестве методики исследования применялся метод качественных исследований, построенный на полуструктурированном интервью с русскоязычным иммигрантами в Норвегии.

В качестве наиболее яркого примера приведем ниже анонимизированный анализ кейса.

Респондент - женщина 50 лет из одной из бывших республик СССР, проживающая в Норвегии 20 лет. Имеет высшее образование. Приехала как супруга норвежца.

В ходе интервью выяснилось, что первый и длинный этап аккультурации, представлял собой этап активной ассимиляции. Вот как респондент описывала свой опыт в течение первых десяти лет проживания в Норвегии.

- «Розовые очки»;
- «Сбылись все мечты»;
- «Достижение конкретных целей».

Рассказ респондента демонстрирует пример адаптации через активный копинг, направленный на решение проблем: «Я учила язык, говорила только на норвежском», «Разговаривала с ребенком только на норвежском», «Я месяца через три-четыре пошла работать». Респондент сменила несколько работ, постепенно улучшая свое социально-экономическое положение. Респондент отмечала, что в этот период она была довольна своей семейной жизнью.

Впоследствии в ходе интервью мы смогли пронаблюдать за изменением в стратегии аккультурации респондента после переезда в крупный город, сопровождающийся сменой работы, изменением жизненных условий и заметными переменами в качестве семейной жизни.

Переезд в крупный город респондент описала как «переломный момент» в жизни. Приложенные усилия в семейной жизни не получили признания. Это время в жизни респондента пронизано ощущением горечи, обиды. Она говорит об этом, как об ощущение преданных надежд на принятие в культуре, ощущение тщетности усилий: «...у меня было столько надежд на то, что у меня наконец будет вот эта культура. Они такие более прохладные, меня наконец-то примут, когда я поняла, что, что бы я не делала, меня не примут...».

Респондент отмечает ощущение отделения, незаинтересованности представителей доминирующего общества в общении.

Смена стратегии аккультурации описывалась респондентом через понимание того, что ее не примут в принимающей культуре. Она рассказывает: «Когда я поняла, мне стало легче...».

Респондент позже говорит о принятии себя, нахождение своего места через воцерковление. Она возвратилась к своему языку и культуре после переломного переезда и стала ощущать себя русской даже больше, чем там, откуда переехала изначально. Ее приобщение к православной церкви стало отчасти попыткой поддержать свою этническую и культурную идентичность в принимающей культуре. Ощущение своей принадлежности к русской культуре респондент также видела через язык и культуру и описывала это таким образом: «Русский тот, кто знает Пушкина, мелодию из Щелкунчика».

Несмотря на то, что респондент опиралась на свою русскую культурную идентичность в период сложных для нее перемен, она сохранила успешную связь с норвежским обществом посредством работы и учебы в новом городе.

Таким образом, нам удалось понаблюдать за изменениями в стратегиях аккультурации в ходе жизни респондента в принимающей культуре. Мы проследили за связью изменений в стратегиях аккультурации с переломными моментами в жизни респондента. Респондент движется от стратегии ассимиляции к стратегии интеграции, где респондент имеет возможность получить поддержку в родной культуре, однако успешно существует и в новой среде.

Трансформация идентичности респондента происходит через новое обретение русской культурной идентичности, также под влиянием кризиса. Мы увидели, что в условиях стресса происходит опора на собственную изначально культурную и религиозную идентичность. Трансформация идентичности может рассматриваться как результат изменений в процессе аккультурации.

Мы можем предположить, что смена стратегии адаптации и трансформация идентичности мигрантов в Норвегии могут быть связаны с личными кризисами и с изменениями в семейной жизни, и они могут изменяться в течение пребывания в принимающей культуре.

Литература

1. *Liebkind K., Mähönen T.A.E., Varjonen S.A., Jasinskaja-Lahti, I.* (2016). Acculturation and identity. В J. B. D.L. Sam, *The Cambridge handbook of Acculturation Psychology* (стр. 30-49). Cambridge: Cambridge University Press.
2. *Sam D.L., & Berry J.W.* (Eds.). (2006). *The Cambridge handbook of acculturation psychology*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press.

Особенности организации образовательного процесса при реализации совместных образовательных программ высшего образования

Титовец Т.Е.

*БГПУ, Минск, Республика Беларусь
t_titovets@mail.ru*

Ведущую роль в модернизации качества высшего образования играют совместные образовательные программы, обеспечивающие взаимообмен и взаимообогащение профессиональных знаний, расширение поля научных исследований, формирование у студентов универсальных, профессиональных и исследовательских компетенций [1].

В реальной практике организации сотрудничества между учреждениями высшего образования по созданию совместных образовательных программ зачастую возникают трудности на уровне интеграции учебных планов, на уровне адаптации методов и средств обучения к новому контингенту студентов. Особую сложность вызывают ситуации, когда университеты-партнеры относятся к разным государствам и у студентов возникает языковой барьер при обучении, их концептосфера не адаптирована к ментальным традициям подачи информации, принятым в другой культуре. Поэтому процесс проектирования содержания обучения в совместных образовательных программах, дизайн учебных планов имеет специфические особенности. Рассмотрим их подробнее.

Ведущими принципами организации образовательного процесса на факультетах и специальностях, где реализуются совместные образовательные программы, являются принцип межкультурного диалога, студентоцентрированности и практикоориентированности. В соответствии с принципом межкультурного диалога, задачи профессиональной подготовки студентов не сводятся к овладению рядом компетенций, обеспечивающих эффективность их предстоящей трудовой деятельности. Важной задачей обучения становится ценностное самоопределение обучающегося в системе различных культурных установок, овладение техниками межкультурного взаимодействия, формирование широкого мировоззрения и кругозора.

В связи с этим проектирование учебных программ по каждой дисциплине основано на сопоставлении своей культуры с культурой страны или региона, к которой относится университет-партнер. Иными словами, все отобранное для изучения темы составлено таким образом, что так или иначе они затрагивают межкультурный сравнительный анализ, сопоставление национальных традиций и предполагают осмысление каждого профессионального явления через призму ценностей разных культур.

Принцип студентоцентрированности организации образовательного процесса означает, что в содержание лекционных и практических занятий по каждой учебной дисциплине включается в первую очередь тот материал, который соответствует когнитивным, ментальным, языковым особенностям студентов, которые являются представителями университета-партнера. С целью реализации принципа студентоцентрированности при работе со студентами из партнерской организации в образовательном процессе на постоянной основе используется диагностическое оценивание – диагностика готовности студентов к освоению каждой новой темы как в плане имеющихся у них представлений по данной теме, так и в плане уровня владения ключевыми понятиями, лежащими в основе темы. Такая диагностика проводится в форме мини-беседы со студентами в начале занятия (лекции), дискуссии по просмотренному фрагменту видеоматериала или мини-теста.

Обязательным требованием к стилистическому оформлению программной и учебной документации является лаконичная формулировка проблем и вопросов учебного курса на доступном языке, а в учебных пособиях и дидактических материалах приветствуется использование конкретных историй-примеров (кейсов)

с запечатленной цепью событий и причинно-следственных отношений.

Учитывая возможный языковой барьер студентов, в изложении учебного материала практикуется использование метафор, наличие резюме по каждой рассмотренной теме, обилие наглядного материала и средств визуализации, постоянное обращение студентов к глоссарию по учебной дисциплине. Кроме того, при управлении работой студентов в межсессионный период им предлагаются не только списки источников рекомендуемой литературы, но и аннотации и резюме по каждому источнику, краткая квинтэссенция каждого блока предложенного им для изучения материала.

В соответствии с принципом практикоориентированности образовательного процесса в содержании учебных дисциплин делается акцент на изучение наиболее актуальных проблем, знание которых повышает профессиональную компетентность будущего специалиста в выбранной сфере трудовой деятельности. Задачам практикоориентированности также способствует кумулятивность содержания каждой учебной дисциплины, при которой в каждом следующем по счету учебном задании или в каждой новой теме имплицитно представлены практические умения, отработанные в ходе освоения предыдущего занятия.

При реализации совместных образовательных программ немаловажное значение имеет задача формирования у студентов опыта межличностного взаимодействия с обучающимися из университета-партнера. Решению данной задачи способствует создание межвузовских команд (студенческих кластеров, рабочих групп) по решению определенной проблемы – проведению совместного научного исследования, разработке общего проекта и т.п. Обучение умению находить консенсус при переговорах с представителями других культур наиболее эффективно происходит при обсуждении проблемы, не имеющей однозначного решения, решаемой по-разному в разных культурах. Студенты составляют проект такого решения, которое удовлетворяло бы требованиям и интересам всех задействованных сторон, приобретая ценный опыт межкультурного сотрудничества.

С целью обучения студентов межкультурному взаимодействию и сотрудничеству на занятиях может использоваться метод межкультурной проекции. В рамках метода межкультурной проекции студенту предлагается сконструировать диалог с представителями

другой культуры по проблеме, которая широко встречается в его предстоящей профессиональной практике.

Организация образовательного процесса при реализации совместных программ высшего образования требует особой подготовки педагогических кадров [2]. Преподаватель, который проводит занятия со студентами из университета-партнера, должен быть готовым работать с разным контингентом обучающихся, учитывать их ментальные особенности – владеть разномодальными способами представления учебной информации, нарративными технологиями, а также вариативными методами и приемами визуализации.

Литература

1. *Анцыпирович О.Н.* Анализ опыта реализации экспериментальной сетевой образовательной программы «Экспертиза качества дошкольного образования» / О. Н. Анцыпирович, Т. В. Поздеева, Т. Е. Титовец // Вести БГПУ. Серия 1. 2019. № 2. С. 24–28.
2. *Горылев А.И.* Методика разработки и реализации международных совместных программ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 3. С. 168–174.

Удовлетворенность браком как фактор восприятия успешности карьеры у женщин

Тихомандрицкая О.А., Хайитова Д.И.

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова,

Ташкент, Республика Узбекистан

dunikhayitova99@gmail.com, otihomandr@mail.ru

Понятие «профессиональная успешность» многогранно. В нем можно выделить несколько факторов, которые так или иначе могут охарактеризовать данный феномен. Особое место в этой проблематике занимает успешность женщин в профессиональной деятельности [1; 4]. После того, как в средние века женщины впервые легально

появились на рынке труда [5], они подвергались критике за выход от своей традиционной роли – хранительница очага, счастливая мать, покорная хорошая жена. В наше время развитие многих стран невозможна без участия женщин. Но по-прежнему не утихают дискуссии о том, что важнее для женщины – работа или семья, и общепризнанным является, что подобный ролевой конфликт мешает женщинам достичь профессионального успеха [2]. Обобщая ряд работ, Ю. Е. Алешина обозначает удовлетворенность браком как характеристику «субъективной оценки каждым из супругов характера их взаимоотношений». [3]. Также важно отметить, что удовлетворенность браком – это интегральная переменная характеристика, которая объединяет многие характеристики брачных отношений и отражает динамику семейных отношений.

В Узбекистане профессиональная успешная карьера и семья, а именно совмещение этих двух пластов в жизни женщины является актуальной, но относительно недавно озвученной вслух и признанной проблемой. Для решения этой проблемы нет достаточного количества данных, и, как итог, нет сведений об определенных причинах возникновения категоричного мнения по отношению к женщинам с успешной карьерой, зная которые можно было бы эту проблему решить. По этому вопросу сложно привести перечень каких-либо научных данных, более того, целостных исследований в данной сфере именно с психологической точки зрения (в частности, в центральноазиатских странах) проведено не было. Научная новизна проявляется, в первую очередь, в выборке. Большая часть психологических (в частности, в социальной психологии) исследований (вплоть до середины двадцатого века) проводилась, преимущественно, с участием женщин, где отдельно изучались женщины в браке и женщины-руководители. А ведь в наше время есть женщины, которые вполне удовлетворены в браке, имея за спиной успешную карьеру. На сегодняшний день степень изученности проблемы развития карьеры у женщин в отечественной и зарубежной психологии остается недостаточной, т.к. данная тема настолько обширна по своему содержанию, что систематизировать и проанализировать все факты, связанные с особенностями развития данного феномена представляется весьма проблематично.

В нашем исследовании мы рассматриваем взаимосвязь успешности карьеры и факторов удовлетворенности браком у женщин в возрасте

от 35 до 55 лет, которые занимают руководящие должности от 3-5 лет и состоят в браке.

Основной проблемой исследования является то, что всегда ли женщинам приходится выбирать между семьёй и работой? Если нет, то какие факторы влияют, чтобы женщина, будучи счастливой женой и мамой, успешно продвигалась по службе и «строила» карьеру наравне с мужчинами. О таких женщинах есть много бытовых знаний, жизненный аксиом, что не скажешь о фактически научных данных.

Практическим запросом можно назвать возможностью разработкой соответствующей методики психологами, которые занимаются поиском и подбором персонала. А также, снятию стереотипов о замужних женщинах и женщинах с успешной карьерой.

Основная цель исследования – узнать, есть ли связь между успешностью карьеры и факторами удовлетворенности браком у женщин, которые занимают руководящие должности.

Основная гипотеза. Предполагается, что что есть взаимосвязь между успешностью карьеры и удовлетворённостью браком у женщин.

Исследование проводится в один этап, включающих в себя: Распространение опросника с закрытыми и открытыми вопросами среди замужних женщин-руководительниц в возрасте 35-55 лет. Опросник состоит из тест-опросника удовлетворенности браком (ОУБ), разработанный В.В. Столиным, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко, опросника «Карьерные ориентации» Э.Г. Шейна в адаптации А.А. Жданович, авторской методики оценки успешности карьеры А.М. Рикеля, авторского опросника «Отношение к карьере» А.М. Рикеля, опросника «Пословицы» И.С. Клециной, опросника «Распределение ролей в семье» Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская, методики «Типовое семейное состояние» Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкис, опросника «Рольевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой.

На данный момент в процессе исследования значимая корреляционная связь между удовлетворенностью браком и успешностью карьерой была обнаружена (по результатам опроса 100 человек). Также была выявлена связь между удовлетворенностью браком и ролевой структурой семьи, и степенью согласованности ролевых и гендерных установок между супругами. Подавляющее большинство респондентов писали, к примеру, о том, что для них важно иметь успешную карьеру как средство высокого дохода, но

826

немало важно, чтобы в этом мужья их поддерживали. Также важно, чтобы в распределении ролей придерживаться эгалитарного принципа, что облегчает женщине продвигаться по карьерной лестнице, оставаясь счастливой мамой и женой.

Практическая значимость исследования: полученные данные помогут выявить, если она присутствует, корреляционную связь между успешностью карьеры и удовлетворенностью браком у женщин. Данное исследование может положить начало дальнейшего исследования карьеры и семьи у женщины как значимого социального явления, а также предположить, как можно решить указанную проблему.

Литература

1. *Алешина Ю.Е., Лекторская Е.В.* Ролевой конфликт работающей женщины // Вопросы психологии. – М.: Юристь, 1989. № 5 – С. 80–88.
2. *Алешина Ю.Е.* Индивидуальное и семейное психологическое консультирование М.,1993.-175 с.
3. *Алешина Ю.Е.* Социально-психологические методы исследования супружеских отношений [Текст] / Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская. М.: МГУ, 2002. 120 с
4. *Андреева Т.В.* Семейная психология: Учеб. пособ. [Текст] / Т.В. Андреева. СПб.: Речь, 2004. 244 с
5. *Сюллеро Э.* История и социология женского труда. М.: Прогресс, 1973. 237 с.

Связь этнической идентичности с выбором коммерческого продукта

*Томлянович Е.Т., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
marleenlanz@gmail.com, aleksandrova.elenaandreevna@mail.ru*

Разработка рекламных кампаний с опорой на характерные черты этнической культуры давно стали важной частью жизни современного индустриального общества. Эта тенденция ожидаемо привела к

появлению целого ряда научных исследований, посвящённых особенностям функционирования этнической идентичности, её отражения в бытовом поведении, в том числе в предпочтении выбора товара [1; 4]. В результате разработки данного направления было доказано, что связь между этнической идентичностью и выбором товара существует [2]. Однако проблема изучена не до конца, остаются ещё не решённые вопросы. В связи с этим нами был разработан план исследования с целью описать и проанализировать особенности связи этнической идентичности и выбора коммерческого продукта в контексте русской культуры.

Основная гипотеза нашего исследования: частота выбора продукта в современном российском экономическом и культурном пространстве людьми, идентифицирующими себя со славянами, связана с использованием элементов славянской культуры.

Мы уделили особое внимание такому критерию выбора продукта как использование русской (славянской) этнической символики в его презентации на рынке.

В опросе приняли участие 50 человек в возрасте от 15 до 35 лет. Среди них 70% женщины и 30% - мужчины. Респонденты являются жителями 11 городов Российской Федерации, при этом наибольший процент опрошенных пришелся на Москву и Московскую область.

Исследование состояло из следующих трех этапов.

1. В первой части респондентам предлагалось ответить на несколько вопросов о себе.

- a. Сколько вам полных лет?
- b. Пол, указанный у вас в официальных документах?
- c. Можете ли вы назвать себя славянином?
- d. Город, в котором вы проживаете.
- e. Город, в котором вы родились.
- f. Оцените ваш уровень жизни.
- g. Оцените свое материальное положение.

По итогам первого этапа 72% респондентов ответили, что могут назвать себя славянами, в то время как 28% респондентов отметили обратное.

2. Второй этап предполагал заполнение респондентами методики Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой «Типы этнической идентичности» [3]. Методика направлена на выявление степени выраженности того или иного типа идентичности у респондентов. Это нужно для того, чтобы соотнести их с результатами первой и третьей

частей исследования, с целью выявить закономерности между степенью выраженности типов этнической идентичности и стратегиями поведения при выборе продукта у респондентов.

По итогам проведения второго этапа было выявлено, что среди респондентов, ответивших положительно на вопрос «Можете ли вы назвать себя славянином» у 58,4% отмечается высокий уровень позитивной этнической идентичности, у 30,5% - повышенный и средний у 11,1% респондентов. Среди респондентов, ответивших отрицательно на вопрос «Можете ли вы назвать себя славянином» у 42,85% отмечается высокий уровень позитивной этнической идентичности, у такого же количества респондентов отмечается повышенный уровень позитивной этнической идентичности и у 14,3% опрошенных отмечается средний уровень позитивной этнической идентичности.

Из полученных результатов мы можем сделать следующий промежуточный вывод: среди тех, кто могут назвать себя славянами, процент тех, у кого преобладает высокий и повышенный уровень позитивной этнической идентичности, выше, чем среди тех, кто ответил отрицательно на вопрос «Можете ли вы назвать себя славянином».

3. На третьем этапе респондентам предлагалось выбрать из четырех возможных вариантов один, согласно их собственным предпочтениям. Предложенные четверки можно сгруппировать следующим образом:

- выбор названия коммерческого продукта – 1 четверка, 5 четверка, 10 четверка;
- выбор логотипа – 2 четверка, 6 четверка, 7 четверка;
- выбор дизайна продукта питания – 3 четверка, 9 четверка;
- выбор визуального образа – 4 четверка, 8 четверка, 11 четверка.

Среди каждой из предложенных четверок присутствовали варианты, при составлении которых были использованы элементы славянской культуры, элементы, не имеющие этнической окраски и другие.

В результате проведения исследования и анализа полученных данных, мы пришли к следующему выводу.

Этническая идентичность связана с числом выборов продуктов, в презентации которых использованы элементы славянской культуры

(орнаменты, узоры, изображения мифических героев и персонажей эпосов и т.д.). Относящий себя к славянам индивид совершит больше выборов, связанных с продуктами, использующими ярко выраженную славянскую этническую символику. Не относящий себя к славянам индивид совершит меньше выборов, связанных с продуктами, использующими соответствующую этническую символику.

Полученные результаты достаточны для первичного подтверждения выдвинутой гипотезы, а также для внесения корректив в план дальнейшего исследования. Среди них представлены следующие изменения:

- увеличить выборку;
- исключить элемент узнавания бренда, посредством разработки собственных визуальных образов, включающих в себя элементы этнической культуры;
- провести углубленное теоретическое исследование среди материалов маркетинговых и дизайнерских исследований.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М., 2005.
2. *Дудин А.С.* Реклама как отражение этнокультурной, национальной и государственной идентичности (теоретико-методологическое обоснование проблемы) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. №10. С. 47-52.
3. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
4. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 1999.

Особенности исполнения решения группой: процессуальный подход

Третьякова В.Э.

*Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
antarestar@mail.ru*

Актуальность проблемы исследования исполнительской деятельности в психологической науке обусловлена запросами разных сфер социальной практики, когда недостаточно решение принять,

важна качественная его реализация. Разные аспекты исполнительской деятельности чаще всего рассматриваются в ракурсе исследования управленческих решений и являются предметом изучения военной психологии, организационной психологии, психологии управления и т.д. [1 и др.]. Соответственно, субъектами такой деятельности будут являться отдельные сотрудники, специалисты. Гораздо реже можно встретить работы, в которых в качестве исполнителя выступает сама группа.

Охарактеризуем современное состояние исследований в контексте психологии исполнительской деятельности: 1) преимущественно изучаются случаи, в которых исполнители реализуют не свои собственные решения, а чужие; 2) данные разработки проводятся в сферах обороны страны, управления, а также искусства и промышленного производства; 3) обычно в ранге исполнителя изучают отдельных людей, игнорируя при этом способность группы совместно реализовывать исполнительскую деятельность. Таким образом, не выявленными до конца остаются аспекты, связанные с исполнением решений группой как субъектом.

В последние десятилетия ввиду актуальности проблематики исполнительской деятельности и на основе изучения различных взаимодействия руководителей и подчиненных, совместной деятельности [4 и др.] удалось исследовать содержательные, типологические, а также ряд других параметров исполнительской деятельности, провести классификацию типов исполнителей, описать их психологические свойства [2 и др.]. В зарубежной психологической науке прослеживается схожая тенденция: преимущество отдается изучению деятельности управленческой, при этом деятельность групп как исполнителей собственных решений остается без должного внимания. В работах зарубежных авторов просматривается многомерный подход к пониманию исполнения рабочих задач, подразумевающий их разделение на четыре сферы: принятие решений, командная работа, выполнение решений, творческая работа.

Обращаясь к разработкам отечественных авторов, обратимся к позиции А.Л. Журавлева, понимающего под исполнительской деятельностью «совокупность методов и приемов реализации управленческих решений, принятых аппаратом управления,

руководителем или коллегиальным органом управления и самоуправления и доведенных до субъекта исполнения в форме приказов и распоряжений, поручений и просьб и т.д.» [4, с. 136]. Исследователь обозначает ряд свойств, которые выражены полярными характеристиками: а) целенаправленность – разбросанность (бесцельность); б) заинтересованность (мотивированность, увлеченность) – незаинтересованность исполнением; в) самостоятельность – зависимость исполнения; г) организованность – стихийность исполнения; д) ответственность – безответственность исполнения; е) компетентность (профессиональность) – некомпетентность (непрофессиональность) исполнения; ж) творческий характер (креативность) – рутинность исполнения [3].

К сожалению, при изучении работ, касающихся исполнительской деятельности, не нашлось таких, где исполнение решения описывалось бы как процесс, который содержит ряд этапов. Восполняя этот пробел, предлагаем выделить ряд этапов процесса исполнения собственного решения группой – по аналогии с совместным принятием решения [5]: 1) ориентирование – является предпосылкой непосредственного исполнения; 2) конкретизация цели исполнительской деятельности как понимание группой насколько продуктивно и полно будет осуществлено на практике ею принятое решение; 3) сбор и анализ информации, являющейся значимой для совместной деятельности, направленной на реализацию решения; 4) разработка программы исполнения решения – включает этапы будущей работы, а именно: предполагаемые результаты, ожидаемые сроки и необходимые средства, в том числе установление определенного исполнителя для каждого этапа; 5) реализация программы исполнения решения при необходимости совокупных усилий каждого члена группы; 6) рефлексия достигнутого результата подразумевает необходимость группы проверить, что поставленные задачи выполнены в полном объеме, что данная реализация согласуется с исходной целью.

При типе самовосприятия «субъект» группа воспринимает себя субъектом исполнения принятого решения, планирует и реализует активность по его осуществлению, верит в свою способность осуществить намеченное без посторонней помощи, понимая

собственную ответственность за это. При объектном типе самовосприятия группа не является способной самостоятельно осуществлять свое решение, предполагая, что данное решение может быть реализовано другими вместо нее, старается избежать ответственности, ищет помощи со стороны. Иными словами, она не проявляет своей субъектности.

Таким образом, психология исполнительской деятельности является перспективным направлением исследований, которое складывается на сегодняшний день. Тем не менее, мы не можем считать ее разработанной в полной мере без изучения такого значимого аспекта, как реализация самостоятельно принятых решений группой как субъектом. Последнее можно охарактеризовать посредством процессуальных его характеристик.

Литература

1. *Абрамова С.В.* Социально-психологическое обоснование организации исполнения управленческих решений: на примере руководителей среднего звена в Службе социальной защиты населения: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
2. *Галкина И.А.* Взаимосвязь самооценки личности и характеристик исполнительской деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.
3. *Журавлев А.Л.* Социально-психологический анализ исполнительской деятельности // Психол. журнал. 2007. Т. 28, № 1.
4. *Журавлев А.Л.* Социально-психологический анализ исполнительской деятельности в трудовом коллективе / А.Л. Журавлев // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 2. – С. 136-149.
5. *Третьякова В.Э.* Проблема исполнения групповым субъектом принятых решений // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия: научный журнал. 2016. № 2(5).

Склонность к конформности у старшеклассников с разными личностными особенностями

Троицкая Е.А.

*ФГБОУ ВО МГЛУ, Москва, Россия
ea.troitskaya@mail.ru*

Актуальность исследования склонности к конформности в виртуальном пространстве в юношеском возрасте определяется тем, что молодежь всё чаще склонна ориентироваться на мнение людей, представленное в виртуальном пространстве, т. к. личности, популярные в интернете, представляются лидерами мнений. Конформизм понимается как изменение своих мнений, суждений или действий таким образом, чтобы они стали более согласованными с мнениями, суждениями или действиями других людей, нормами социальной группы, целью которого является избегание негативных санкций. Ильин В.А. и Кондратьев М.Ю. отмечают, что важно выявлять и содействовать развитию учащихся, способных к личностному самоопределению, которое является полноценной психологической альтернативой конформизму и негативизму [2].

Гипотеза исследования заключалась в том, что склонность к конформности в виртуальном пространстве у старшеклассников связана с их личностными особенностями.

Нами совместно с ученицей 10 класса Предуниверситария ФГБОУ ВО МГЛУ Коротковой Валерией было проведено пилотажное эмпирическое исследование для проверки выдвинутой гипотезы. В качестве испытуемых выступили 66 человек: 46 девочек и 20 мальчиков в возрасте 16–17 лет ($M = 16,3$, $SD = 0,46$).

Для оценки склонности к конформности в виртуальном пространстве был составлен онлайн-опросник. Испытуемым предлагалось ответить «да» или «нет» на вопрос и оценить степень своей уверенности в ответе, затем им демонстрировалась диаграмма, на которой было изображено, в каком процентном соотношении на этот вопрос ответили их ровесники, после этого испытуемым предлагалось дать окончательный ответ на тот же вопрос и заново оценить степень своей уверенности в ответе. Всего было

предложено 10 вопросов (например, «Имеют ли полученные знания ценность, если их не удастся использовать на практике?», «Вы тот же человек, каким были 7 или 10 лет назад?», «Всегда ли хорошо иметь выбор?»). Инструкция для испытуемых была сформулирована так: «Мы проводим исследование с целью изучить важность обратной связи от группы в условиях онлайн-опроса. Предлагаем Вам ответить на ряд вопросов, затем Вы увидите, какие ответы на эти вопросы давали Ваши ровесники, после этого Вы сможете изменить данный Вами изначально ответ, если захотите».

Для исследования личностных особенностей применялся Короткий портретный опросник Большой пятерки (М.С. Егорова, О.В. Паршикова) [1] и методика «Эмоциональная, когнитивная и действенная эмпатия» (Е.А. Троицкая) [3]. Посредством компьютерной программы jamovi (version 2.3.21) был осуществлен статистический анализ данных по тесту Шапиро-Уилка, критерию Уилкоксона, точному критерию Фишера, критерию Манна-Уитни.

Анализ ответов испытуемых показал, что 11 человек (16,7% опрошенных) один или два раза меняли свой ответ на противоположный после знакомства с «ответами ровесников». Данных испытуемых можно считать более склонными к конформности, чем тех, кто свои ответы не поменял ни разу.

Степень уверенности в своем ответе испытуемые меняли после ознакомления с «ответами ровесников» чаще, чем сам ответ. С помощью статистического критерия Уилкоксона было проведено сравнения степени уверенности в ответе до и после знакомства с «ответами ровесников» для всех испытуемых, кроме тех, кто менял ответ на соответствующий вопрос. Были выявлены статистически значимые различия в степени уверенности в ответе на вопрос № 2 до и после знакомства с «ответами ровесников» на уровне значимости $p = 0,047$: средняя уверенность до равна 86,57, а после – 89,18. После знакомства с «ответами ровесников» испытуемые стали более уверенными в своем ответе на вопрос «Есть ли такие вещи, как свобода воли и право выбора?».

По точному критерию Фишера не было обнаружено половых различий между склонными и несклонными к конформности ($p > 0,05$). Возрастные различия По критерию Манна-Уитни не было выявлено между склонными и несклонными к конформности ($p >$

0,05).

С помощью точного критерия Фишера было обнаружено, что склонные и несклонные к конформности испытуемые по-разному ответили на вопрос № 6 ($p = 0,018$) как до, так и после ознакомления с «ответами ровесников»: среди склонных к конформности ответ «да» выбрали 81,8% опрошенных, «нет» – 18,2%, а среди несклонных к конформности соотношение составляет 40% к 60% (проценты ответов «да» и «нет» до и после совпадают). Получается, что 81,8% склонных к конформности верят в понятие любви с первого взгляда, а среди несклонных к конформности в него верят только 40%.

Различия по личностным особенностям между склонными и несклонными к конформности испытуемыми определялись по критерию Манна-Уитни. Склонные и несклонные к конформности статистически значимо ($p = 0,011$) различаются только по одной личностной характеристике – действенной эмпатии: среднее значение действенной эмпатии у несклонных к конформности выше, чем у склонных к конформности (27,73 против 24,36). Можно предположить, что склонные к конформности не готовы самостоятельно активно помогать человеку в беде, если рядом нет тех, кто тоже готов помочь.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что под влиянием мнения большинства, представленного в виртуальном пространстве, у школьников изменяется степень уверенности в правильности их ответов, а склонные к конформности школьники обладают более низкой действенной эмпатией.

Литература

1. *Егорова М.С., Паршикова О.В.* Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (B5-10) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45.
2. *Ильин В.А., Кондратьев М.Ю.* Групповое давление и групповое влияние: конформизм, неконформизм, личностное самоопределение // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 44-58.
3. *Троицкая Е.А.* Особенности разработки методики

исследования структурных компонентов эмпатии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 7 (640). С. 144-157.

Сравнительный анализ факторных структур стратегий совладающего поведения и психологического благополучия у студентов

*Трушевская В.С., Шляхта Д.А.
ФГБОУ ВО РУДН, Москва, Россия
trushevskai.a.valeriia@mail.ru shlyakhta_da@pfur.ru*

Вопрос взаимосвязи психологического благополучия и стратегий совладающего поведения личности изучается зарубежными и отечественными авторами относительно недавно. В современном мире люди стали чаще сталкиваться с депрессивными симптомами, испытывать стресс и эмоциональное выгорание. Остро стоит проблема психического здоровья студентов, испытывающих высокий уровень напряжения в учебной деятельности. Поэтому применение копинг-стратегий становится одним из ключевых аспектов психологического благополучия.

Применение стратегий совладающего поведения необходимо при преодолении психоэмоционального напряжения. Принято выделять три подхода к определению копинг. Первый подход характеризует копинг как динамический процесс, формирующийся в зависимости от ситуации и от личностного отношения субъекта к происходящему. Второй детерминируется тем, что адаптивные и неадаптивные копинг стратегии формируются на идентичных процессах, целью которых является снижение уровня напряжения. В третьем подходе копинг – это склонность субъекта к определенному стилю реагирования на стресс-фактор [1].

В психологии существует два общепринятых подхода к рассмотрению проблемы психологического благополучия: гедонистический и эвдемонистический. В гедонизме удовольствие - цель непосредственная, а в эвдемонизме - опосредованная. Гедонистическое благополучие - внутреннее состояние,

представленное комплексом субъективных оценок качества жизни. Эвдемонистическое благополучие - стремление к человеческому совершенству, трудности являются стимулом для самоактуализации [2]. Наше исследование рассматривает психологическое благополучие, основываясь на принципах эвдемонистической концепции и транзакционную модель стресса, где копинг выполняет функцию предотвращения стрессовой реакции.

Цель исследования - изучение различий в факторной структуре переменных копинг стратегий с учетом интегрального показателя психологического благополучия у студентов-медиков начальных и выпускных курсов и разработка рекомендаций для психологов образовательных учреждений.

Методики и выборка исследования. Выборку данного исследования составили студенты 1-2 и 5-6 курсов медицинского направления «Лечебное дело» университетов РУДН (г. Москва) и МГМУ им. И.М. Сеченова в количестве 110 человек. В первую выборку вошли 56 студентов (1-2 курсы), возраст ($min = 17$; $max = 21$; $\mu = 18,41$; $\sigma = 0,89$). Вторая выборка – 54 студентов (5-6 курсы), возраст ($min = 22$, $max = 26$; $\mu = 23,81$; $\sigma = 0,8$). Психодиагностический инструментарий: Опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, Т.П. Фесенко); Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса. Обработка результатов проводилась с помощью сравнительного эксплораторного факторного анализа в программе Jamovi 2.3.18.

Обсуждение результатов исследования.

Для выявления особенностей структуры взаимосвязей интегрального показателя психологического благополучия и переменных совладающего поведения был проведен факторный анализ методом минимальных остатков с последующим вращением облимин. У студентов младших курсов выделилось 3 фактора объясняющих 70% совокупной дисперсии анализируемых переменных.

Нас в первую очередь интересовало, в какой фактор войдет и с какими копинг стратегиями объединится суммарный «Психологическое благополучие». Было выявлено, что у студентов 1-2 курсов показатель «Психологическое благополучие» (0,823) вошел в третий фактор вместе с переменной «Положительная переоценка»

(0,528). Это, возможно объясняется тем, что студенты младших курсов преимущественно применяют стратегию позитивного переосмысления трудностей, тем самым изменяя отношение к ситуации и снижая уровень тревожности.

В факторной структуре, полученной на выборке студентов 5-6 курсов, также выделилось 3 фактора, объясняющих 55% совокупной дисперсии анализируемых переменных. В группе выпускных курсов переменная «Психологическое благополучие» почти поровну поделена между первым и третьим фактором, вошла в них с равными весами, но противоположным знаком (первый фактор 0,337, второй фактор -0,338).

В первый фактор помимо переменной «Психологического благополучия» также вошли со значимыми весами переменные «Поиск социальной поддержки» (0.681), «Планирование решения проблемы» (0.867), «Положительная переоценка» (0.697). Данные копинг-стратегии способствуют целенаправленному разрешению трудностей и переосмыслению в позитивном ключе проблемной ситуации. Результаты показывают, что для комфортного психологического состояния студентам важна поддержка ближнего окружения. В третьем факторе у группы студентов 5-6 курсов отражена обратная зависимость переменной «Психологическое благополучие» от потребности понимания личной роли в возникновении трудностей (переменная «Принятие ответственности» (0,734)). Данная особенность обусловлена тем, что из-за большого количества обязательств и давящего чувства ответственности, студентам легче отдалиться от решений проблем непрямых к их деятельности.

Заключение. В ходе исследования была установлена разница в выборе копинг-стратегий у студентов 1-2 и 5-6 курсов. Ограниченное количество применяемых копинг-стратегий говорит о низкой информированности об способах преодоления стресса. Необходимо внедрение обучающих программ, направленных на своевременное выявление аффективных и когнитивных переживаний и на овладение навыками оказания самопомощи.

Литература

1. *Битюцкая Е.* Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. 2011. Психология №1. Серия 14. с.100-111
2. *Рикель А.М., Тунияц А.А., Батырова Н.* Понятие субъективного благополучия в гедонистическом и эвдемонистическом подходах // Вестник Московского университета. 2017. Психология, №2. Серия 14. с.64–82.

Особенности семейного самоопределения юношей и девушек

Трушкова С.В.

*ФГБОУ ВО МАДИ, НОУ ВО МСПИ, Москва, Россия
SvetVTr@mail.ru*

Изучение проблемного поля семьи находится в приоритетной сфере внимания социологов, психологов, педагогов последние несколько десятилетий. Социологические исследования показывают негативные тенденции изменения семейных ценностей – увеличение возраста вступления в брак и рождения первенца, снижение рождаемости, увеличение числа нерегистрируемых браков и внебрачных детей [6]. Сходные изменения отмечают и в психолого-педагогических работах (Карташова, 2011; Кара Ж.Ю., Крутелова Л.Ю., 2016) [3; 4]. Помимо указанных изменений, исследования, проведенные на российской выборке, выявляют формирование ценностного разрыва и обострения противоречий между поколениями, в том числе и в семейной сфере (Ильиных С.А., 2012; Акутина С.П., 2020) [1; 2]. Еще одной составляющей проблемного поля межпоколенческих отношений в семье является значимость ориентиров родительской семьи. Например, в масштабном эмпирическом исследовании, проведенном в восьми регионах разных федеральных округов России с общим объемом репрезентативной выборки более 7000 человек выявлено, что, с одной стороны, в структуре жизненных ценностей молодежи семья по-прежнему занимает одно из первых мест, а с другой – что для **большинства молодых людей их нынешняя, родительская семья не является ориентиром и образцом** [7].

Характеристика исследования. Выборку исследования составили 31 девушка и 29 юношей в возрасте от 18 до 22 лет, не состоящие в браке. Для анализа особенностей семейного самоопределения применялись следующие методики: «Шкала семейной адаптации и сплоченности» Д.Х. Олсона, «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) А.Н. Волковой и «Измерение установок в семейной паре» Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской.

Результаты исследования по методике Д. Олсона. По параметру семейной сплоченности 48% юношей воспринимают свою родительскую семью как «разделенную семью», характеризующуюся с одной стороны, определенной ориентированностью членов семьи на свои интересы и задачи, с другой – присутствием направленности на совместное обсуждение возникающих проблем и поиск совместного решения при возникновении трудных ситуаций. У 55 % девушек образ родительской семьи можно охарактеризовать как «разобщенную систему», основными характеристиками которой являются эмоциональная обособленность, отсутствие оказания поддержки друг другу и направленности на совместное решение жизненных проблем. Уровень семейной адаптации так же оказался более благоприятным в подгруппе юношей – 52% характеризуют его как умеренно гибкую стратегию взаимодействия с элементами вовлечения всех членов в обсуждение существующего распределения ролей и принимаемых решений относительно их изменения. В подгруппе девушек 58% указали на «хаотичный» тип принятия решений в родительской семье, характеризующийся импульсивностью и непродуманностью принимаемых решений в родительской семье. Таким образом, у большей части юношей сформирован «сбалансированный» тип родительской семьи воспринимается как, а большая часть девушек воспринимает родительскую семью как «несбалансированную» систему.

Анализ ответов юношей и девушек о своей будущей семье позволил выявить ориентированность на эмоциональную близость и лояльность. По уровню семейной адаптации во обеих подгруппах преобладает ориентированность на «гибкий» тип семьи, по шкале семейной сплоченности – на «связанную» систему. Полученные результаты сравнивались с помощью критерия Вилкоксона, выявлены статистически значимые различия. Таким образом, можно сделать

вывод, что, с одной стороны, существует расхождение между существующими и желаемыми семейными отношениями, с другой – у юношей и девушек в семейном самоопределении присутствует запрос на сбалансированные и более гармоничные семейные отношения.

Результаты исследования по методике «Рольевые ожидания и притязания в браке» А. Н. Волковой. В обеих подгруппах наиболее значимыми ожиданиями являются интимно-сексуальная гармония, эмоциональная поддержка, наличие сходных интересов, ориентированность на внешнюю социальную активность.

Результаты исследования по методике «Измерение установок в семейной паре» Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской. Наиболее выраженными установками в обеих подгруппах являются романтические отношения, отношение к детям, наличие автономности и личных границ. У юношей присутствует также ориентированность на материальный достаток в будущей семье.

Обобщая полученные результаты, можно сделать вывод, что семейное самоопределение юношей и девушек в опрошенной выборке характеризуется более позитивным образом будущей семьи, наличием запроса на психологическую комфортную атмосферу с уважением границ друг друга. Однако отсутствие перечисленных составляющих в родительской семье у большей части молодежи свидетельствует о недостатке моделей и примеров взаимодействия для выстраивания взаимодействия в будущей партнерской семье.

Литература

1. *Акутина С.П.* Формирование семейных ценностей молодежи в эпоху трансформации преемственности поколений // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. 2020. № 1. С. 11-113.
2. *Ильиных С. А.* Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). Вып. 1. С. 220–232.
3. *Кара Ж.Ю., Крутелева Л.Ю.* Особенности смысложизненных и ценностных ориентаций молодежи // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16. С. 34-41.

4. *Карташова Т.Е.* Динамика и структура брачно-семейных установок современной молодежи. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 132. С. 336-341.
6. *Митрикас А.А.* Семья как ценность: состояние и перспективы, ы ценностного выбора в странах Европы. // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 65-73.
7. *Реан А.А.* Отношение молодежи к институту семьи и семейным ценностям // Национальный психологический журнал. 2016. № 1(21). С. 3-8.

Специфика предпочтений в типах медиаконтента у подростков и юношей с разными типами поведения

Туйчиева М.Д., Делибалт В.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
psy.research.mgppu@gmail.com

В наше время интернет и цифровые технологии играют огромную роль в социализации и формировании личности человека, что особенно ярко отражается на подростках, так как именно подростковый возраст является наиболее сензитивным для любых влияний. Кроме того, подростки и юноши являются наиболее активными пользователями интернета, они постоянно сталкиваются с различным медиаконтентом в нем. Медиаконтент безусловно может оказывать положительное влияние (удовлетворять социальные, информационные и эмоциональные потребности человека), однако он может содержать в себе и определенные риски.

Под медиаконтентом понимаются любые данные (текст, звук, зрительные образы или комбинации мультимедийных данных) представленные на разнообразных носителях (бумага, различные электронные носители) [4]. Также в наше время в науке медиаконтент часто определяется как любое наполнение сети, в том числе и новостных порталов, сайтов традиционных СМИ, социальных сетей – то есть совокупность всего, что опубликовано в Интернете [3].

Девиантным поведением обычно считается поведение, которое: не соответствует наиболее важным общепринятым социальным нормам; вызывает негативную оценку общества; причиняет вред самому человеку и окружающим его людям; сопровождается проявлениями социальной дезадаптации; является многократным, длительным, стойко повторяющимся [1].

В нашем исследовании мы предположили, что существуют различия в склонности к девиантному поведению у подростков и юношей в зависимости от предпочитаемых типов медиаконтента.

Методиками исследования выступили: тест «Склонность к девиантному поведению» Э.В. Леус, А.Г. Соловьев [2] и авторская анкета «Предпочтения в медиаконтенте».

Выборку нашего исследования составили 96 человек в возрасте от 12 до 18 (средний возраст - 15,7 лет). Из них юношей - 48 чел., девушек - 48 чел. Респонденты набирались в сети интернет посредством опроса через Google-форму.

Описывая полученные результаты, можно сказать, что в среднем современные подростки и юноши проводят 3-6 часов свободного времени в интернете. Самыми популярными и предпочитаемыми соцсетями являются ВКонтакте, YouTube, Instagram и Tik-tok. Если говорить про типы медиаконтента, то наиболее предпочитаемыми являются видеографический и звуковой. Также подростки предпочитают информационный и развлекательный контент.

В нашем эмпирическом исследовании в среднем респонденты показали следующие результаты: ориентацию на социально обусловленное поведение (подростковую реакцию группирования), отсутствие признаков делинквентного, зависимого и агрессивного поведения и ситуативную предрасположенность к аутоагрессивному поведению.

Мы провели анализ результатов и выявили статистически значимые различия в склонности к девиантному поведению у подростков и юношей в зависимости от двух предпочитаемых типов контента.

Критерий Краскала-Уоллиса показал, что подростки и юноши, предпочитающие текстовый медиаконтент, имеют меньшую склонность к аутоагрессивному поведению чем не предпочитающие, а

те, кто предпочитает графический медиаконтент, имеют большую склонность к социально-обусловленному и зависимому поведению чем не предпочитающие.

Мы считаем, что интерпретация подобных закономерностей требует дополнительного исследования с расширением методического инструментария, однако попробуем предположить, чем могут объясняться данные закономерности.

Возможно, подростки и юноши, предпочитающие текстовый медиаконтент, имеют более широкий круг интересов чем не предпочитающие, так как объективно текст несет более разностороннюю информацию чем фото, музыка и в ряде случаев видео. А широкий круг интересов является одним из защитных факторов, предотвращающих девиантное поведение, в том числе и аутоагрессивное поведение.

Что касается графического медиаконтента, данные закономерности можно попробовать объяснить через особенности соцсети, в которой чаще всего потребляется подобный контент – Инстаграм, в котором большая часть контента – это фото, несущие информацию о жизни других людей. При этом люди показывают свою жизнь лучше, чем есть на самом деле, не показывают проблемы и выставляют только те фото, которые будут одобрены обществом и оценены в виде лайков. Подростки склонны к подражанию, возможно в этом и заключается склонность к социально-одобряемому поведению у тех, кто предпочитает фото-контент. Постоянно видя социально-одобряемые фото, подростки и сами пытаются получить одобрение от общества.

Склонность к аддиктивности также может объясняться на примере инстаграма. Фото-контент является более легким для восприятия по сравнению с другими видами медиапродукции, а отражение в форме ленты в соцсети, в которой содержится бесконечное количество информации, еще больше облегчает потребление фото-контента и затрудняет контроль над количеством потребляемой информации, что может приводить к аддиктивности.

Интерпретации могут быть спорными, так как наше исследование не позволяет установить точную причинно-следственную связь.

Литература

1. *Змановская Е.В.* Девиантология (психология отклоняющегося поведения). М., 2008. 288 с.
2. Методическое руководство. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» / Н.В. Дворянчиков, В.В. Делибалт, Е.Г. Дозорцева [и др.]. М., 2017. 198 с.
3. *Самарцев О.Р.* К вопросу о функциональной дифференциации понятий «медиаконтент» и «журналистика» // Вестник электронных и печатных СМИ. 2017. № 1(25). С. 72-89.
4. *Шестеркина Л.П., Лободенко Л.К.* От медиатекста к медиабренду: к вопросу о взаимодействии журналистики, рекламы и PR в конвергентных СМИ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2014. Т. 11. № 3. С. 50-55.

Взаимосвязь вовлеченности в профессиональную деятельность и самоотношения личности

Углова Е.К.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
elena.k.uglova@gmail.com*

В современном обществе наблюдаются значительные социальные и экономические изменения, которые оказывают влияние и на рынок труда. Высокая доступность высшего образования, существенный рост активизации бизнес-процессов – все это привело к увеличению требований к сотрудникам организаций, не только к их профессиональной компетентности, но и к личностным качествам. В этой связи актуален вопрос о том, какие личностные характеристики могут позволить им более эффективно выполнять свою деятельность, в частности – испытывать большую вовлеченность в профессиональную деятельность, проявлять инициативу, стремиться

вносить свой вклад в работу организации. К таким качествам могут быть отнесены позитивные особенности самоотношения личности.

Вовлеченность в актуальных исследованиях рассматривается как психологическая переменная, характеризующая особое состояние, на основе которого работники оказываются способными поддерживать высокий уровень продуктивности своей деятельности. Она проявляется в виде положительных оценок сотрудниками компании, где они работают, стремления прилагать максимум усилий для достижения целей компании. Как указывает Д.Б. Резапова, «...исследование вовлеченности и удовлетворенности персонала – практика, которая дает организации возможность в короткие сроки собрать обратную связь от сотрудников по текущему положению дел, выделить приоритетные направления работы, которые позволят компании мотивировать сотрудников для повышения эффективности их работы» [3, с. 75]. Таким образом, подчеркивается вклад вовлеченности сотрудников в эффективность работы компании, а также отмечается связь вовлеченности с мотивацией профессиональной деятельности. Е.Ю. Литвинова и Н.В. Киселева определяют вовлеченность в деятельность в качестве многомерного конструкта, который включает установки, представления, мотивы и смыслы, касающиеся выполняемой деятельности [2].

Большое количество работ посвящено изучению факторов вовлеченности. М.С. Яровая считает, что для создания предпосылок формирования вовлеченности у сотрудников в организации должна быть создана система, в рамках которой учитывается индивидуальный вклад каждого сотрудника в общее дело. Важно, чтобы сотрудники понимали цели компании и планы по их реализации, осознавали наличие перспектив для роста и личностного развития, ощущали, что их достижения признаются. Кроме этого, немаловажными являются уровень материального вознаграждения, отношения в коллективе и с руководством [5].

Одним из ключевых психологических феноменов, значимых для успешности любой деятельности, является самоотношение личности. Самоотношение может рассматриваться как комплексное образование, включающее в себя сумму взаимосвязанных между собой когнитивных и аффективных компонентов отношения личности к самой себе. При этом однозначных данных о характере связи

самоотношения с вовлеченностью в деятельность на данный момент мало. Роль самоотношения в профессиональном развитии в целом, согласно Ж.Г. Гараниной и соавторов, заключается, прежде всего, в формировании на его основе направленности личности на рост и развитие. На фоне понимания своей ценности человек получает возможность полноценно осознать перспективы своего карьерного роста, тем самым лучше понимая свои цели, что создает основу для творческого развития [1]. Можно предположить, что именно в контексте самоотношения личность получает возможность соотносить собственные возможности и цели с целями и требованиями организации, что сказывается на уровне вовлеченности и мотивации.

Е.В. Селезнева отмечает, что для понимания значимости самоотношения для успешности деятельности важно уделить внимание понятию «самоэффективность». Самоэффективность – это интегральное качество, на основе которого обеспечивается регуляция целенаправленной деятельности человека путем создания уверенности в собственной возможности достигнуть успеха. И самоотношение, и самоэффективность формируются под влиянием активности человека по взаимодействию с внешним миром; в то же время – они определяют продуктивность и особенности саморазвития личности [4]. Внося вклад в формирование высокого уровня самоэффективности, позитивное самоотношение может являться фактором, определяющим уровень вовлеченности личности в деятельность: на основе положительной оценки себя и собственных способностей у сотрудника повышается уверенность в себе, в силу чего он может проявлять больше усилий, направленных на достижение целей организации. С другой стороны, можно предположить и обратную связь: негативное самоотношение может способствовать формированию направленности личности на самоутверждение, в том числе – в контексте профессиональной деятельности, что будет выражаться в виде повышения вовлеченности работника в труд, его стремления прилагать максимальные усилия для достижения целей компании.

Нам представляется, что в современных исследованиях связь самоотношения личности с ее вовлеченностью в профессиональную деятельность отражена недостаточно. В частности, нет однозначного ответа на вопрос о том, может ли позитивное самоотношение

сотрудника рассматриваться в качестве ресурса, способствующего повышению его вовлеченности в работу в организации, а также какое влияние негативное самоотношение сотрудника оказывает на его вовлеченность.

В связи с этим была представляется перспективным изучение взаимосвязи между вовлеченностью в профессиональную деятельность и особенностями самоотношения сотрудников, в частности такими его параметрами, как самопринятие и самоэффективность. Для решения этой задачи целесообразно, на наш взгляд, использование следующего методического инструментария: методики диагностики вовлеченности в работу Дж. Гэллапа; «Шкалу увлеченности работой» В. Шауфели в адаптации Д. Кутузовой; шкалу самопринятия методики исследования самоотношения С.Р. Панталеева, В.В. Столина; тест самоэффективности Дж. Маддукса и М. Шеера в адаптации А. Огнева.

Литература

1. *Гаранина Ж.Г., Баляев С.И., Ионова М.С.* Роль самоотношения в личностно-профессиональном саморазвитии студентов высшей школы / Ж.Г. Гаранина, И.С. Баляев, М.С. Ионова // *Образование и наука.* 2019.. №1. С. 82-96.
2. *Литвинова Е.Ю., Киселева Н.В.* Структурная модель вовлеченности обучающихся в непрерывное образование // *Социальная психология и общество.* 2016. № 3. С. 5–17.
3. *Резапова Д.Б.* Вовлеченность сотрудников в работу // Д.Б. Резапова // *Университетское управление: практика и анализ.* 2016. №1. С. 73-75.
4. *Селезнева Е.В.* Особенности взаимовлияния самоотношения и самоэффективности специалистов в области управления // Е.В. Селезнева // *Акмеология.* 2016. № 2. С. 23-29.
5. *Яровая М.С.* К вопросу вовлеченности персонала как инструмента формирования мотивации сотрудников организации // М.С. Яровая // *Znanstvena Misel.* 2021. № 60. С.41-44.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и невербального поведения в конфликтно-напряженных ситуациях

*Уоская Д.О., Смирнова Ю.С.
Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь
darya.usoskaya@gmail.com, smiry@bsu.by*

Распространенность конфликтов в современном обществе диктует необходимость их всестороннего изучения. Одной из областей исследований являются психологические факторы возникновения и развития конфликтов: когнитивные, эмоциональные, мотивационные, поведенческие. В фокусе нашего внимания находятся эмоциональный интеллект и стратегии невербального поведения личности в конфликтно-напряженных ситуациях, взаимосвязь которых в период средней зрелости и составила предмет проведенного эмпирического исследования.

Теоретико-методологические основания исследования составили модель эмоционального интеллекта Д.В. Люсина, рассматривающего последний как конструкт, имеющий двойственную когнитивно-личностную природу и определяемый как «способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими» [3, с. 33]. В своем исследовании мы также опирались на типологию стратегий невербального поведения в конфликтно-напряженных ситуациях Н.И. Леонова, включающую партнерскую, нейтрально-независимую, конфликтную или соперничающую, защитно-неуверенную и манипулятивную невербальные стратегии [2, с. 57-60]. Для сбора данных использовались опросник эмоционального интеллекта ЭИИ Д.В. Люсина и опросник «Стратегии невербального поведения в конфликтно-напряженных ситуациях» Н.И. Леонова. В опросе приняло участие 103 респондента в возрасте от 26 до 46 лет. 47% опрошенных – мужчины, 53% – женщины. Для статистической обработки данных применялись критерий Манна-Уитни, частотный и корреляционный анализы.

Наиболее выраженными стратегиями невербального поведения в конфликтно-напряженных ситуациях в период средней зрелости являются конфликтная и партнерская стратегии; причем партнерская

стратегия является более выраженной у женщин ($p = 0,041$), а конфликтная – у мужчин ($p = 0,048$). Показатели по шкале «Конфликтная, соперничающая невербальная стратегия» свидетельствуют о готовности к борьбе, невербальными индикаторами которой являются следующие: готовность вскочить, кисти рук сжаты в кулаки, твердый взгляд на партнера, подчеркнута закрытый или сжатый рот, напряженная поза, повышение тона голоса и др. [2, с. 58]. Показатели по шкале «Партнерская невербальная стратегия» свидетельствуют о готовности к кооперации в конфликтно-напряженных ситуациях; невербальные индикаторы включают кивание в знак согласия, открытый взгляд, удобную посадку, разворот туловища к собеседнику, минимальную дистанцию и др. [2, с. 57]. Обе стратегии характеризуются стремлением реализовать свои интересы: партнерская – с учетом интересов другого, а конфликтная – за счет других. Первая обладает высоким конструктивным потенциалом и способствует разрешению конфликта, последняя, напротив, может привести к его эскалации и деструктивному развитию.

Реализация каждой из невербальных стратегий сопряжена с эмоциональными проявлениями и необходимостью их понимания и управления ими. Управление и понимание эмоций, как мы уже отмечали ранее, составляют структуру эмоционального интеллекта. У половины респондентов, принимавших участие в исследовании, уровень эмоционального интеллекта низкий (8%) или очень низкий (42%); средний уровень характерен для 19% респондентов, высокий – 20%, очень высокий – 11%. Сравнение показателей эмоционального интеллекта мужчин и женщин продемонстрировало наличие статистически значимых различий ($p \leq 0,05$): способность понимать и управлять своими и чужими эмоциями у женщин выше, чем у мужчин. Это согласуется с результатами исследований других авторов, которые продемонстрировали, что «у женщин (девушек) по сравнению с мужчинами (юношами) эмоциональный интеллект в целом выше» [1, с. 28].

Структура корреляционных связей показателей эмоционального интеллекта и стратегий невербального поведения женщин в конфликтно-напряженных ситуациях включает статистически значимые слабые или умеренные положительные корреляции почти всех показателей эмоционального интеллекта (кроме понимания и управления своими эмоциями) и партнерской невербальной стратегии,

статистически значимые слабые или умеренные отрицательные корреляции всех показателей эмоционального интеллекта (за исключением управления своими эмоциями) и конфликтной невербальной стратегии, а также отрицательную корреляцию способности к управлению чужими эмоциями и манипулятивной невербальной стратегии. Чем выше эмоциональный интеллект, тем в большей степени выражена у женщины в период средней зрелости партнерская невербальная стратегия и в меньшей степени – конфликтная. Таким образом, высокий уровень эмоционального интеллекта женщин сопряжен с использованием ими в конфликтно-напряженных ситуациях более конструктивных стратегий невербального поведения. У мужчин в период средней зрелости понимание эмоций положительно коррелирует с нейтральной и отрицательно с конфликтной невербальными стратегиями поведения в конфликтно-напряженных ситуациях, а также нейтральная стратегия поведения положительно коррелирует с пониманием чужих эмоций.

Таким образом, в период средней зрелости показатели эмоционального интеллекта взаимосвязаны со стратегиями невербального поведения в конфликтно-напряженных ситуациях, причем существуют различия в структуре этих взаимосвязей у мужчин и женщин. Можно предположить, что у женщин эмоциональный интеллект является значимым предиктором поведения в конфликте, что не характерно для мужчин. Дальнейшие исследования могут быть направлены на проверку и уточнение этого предположения.

Литература

1. *Андреева И.Н.* Эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность: специфика и взаимодействие. Новополец, 2020.
2. *Леонов Н.И.* Психология конфликта: методы изучения конфликтов и конфликтного поведения. Москва, 2022.
3. *Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М., 2004.

Суеверия как социально-психологический феномен

Федорова Д.Д., Александрова Е.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

ddmfedorova@gmail.com, aleksandrovaea@mgppu.ru

Суеверия являются неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Несмотря на их ненаучный характер, люди продолжают опираться на суеверия в различных жизненных ситуациях и на основе этого выстраивать своё поведение. В данной работе рассмотрена актуальность суеверий в современном мире через анализ их роли в социуме и через обобщение функций, которые суеверия выполняют [5].

Издавна суеверия были способом, с помощью которого люди узнавали мир. Их можно рассматривать через коллективные представления, о которых говорили Л. Леви-Брюль и Эмиль Дюркгейм [2]. Так, формирование коллективных представлений было жизненно необходимо для социума. Они образовались на основе индивидуальных представлений и заключили в себе весь опыт человечества, представляющий индивиду с рождения, с момента включения его в социум. Л. Леви-Брюль разделял коллективное мышление на пралогическое и логическое и отмечал тесную связь первого с аффективной сферой. Данный тип мышления использует предпонятия и предсвязи [2].

Представители английской антропологической школы Э. Тайлор и Дж. Фрезер объясняли феномен суеверие через пережитки [2]. Так, пережитки, однажды возникнув у «примитивных» культур, сохранились в нашем обществе по сей день.

Актуальность суеверий также объясняется через обыденное сознание, которое состоит из повседневных потребностей и ценностей, эмоциональных составляющих и наиболее важных для нас стереотипных представлений, обычаев, традиций и норм поведения [1, 7].

Суеверия являются частью национального характера. Сферой его проявления является деятельность, а именно обычаи, традиции, искусство и язык. Устойчивость суеверий объясняется за счёт

устойчивости черт национального характера: они сохраняются из-за межпоколенной передачи опыта.

Структуру суеверий, по мнению Ю.В. Саенко [5], можно представить в виде трёх компонентов: когнитивный, аффективно-мотивационный и поведенческий. В основе первого лежат познавательные процессы. Для аффективно-мотивационного компонента характерно рассмотрение эмоциональных состояний и переживаний. Рассматривая поведенческий компонент, можно выделить конкретные практики и ритуальные действия, совершаемые людьми.

Говоря о природе суеверий, следует обратиться к И.Р. Габдуллину [3], утверждающему, что они возникают в результате отсутствия рационального мышления и нежелания выявлять причинно-следственные связи между явлениями.

Причиной сохранения суеверий в обществе является их неразрывная связь с аффективной сферой. Суеверие же является защитным механизмом, снижающим тревожность и обеспечивающим чувство безопасности перед различными страхами, такими как страх смерти (И.Д. Ялом [8]), страх ответственности (Эрих Фромм [6]), страх перед неизвестностью будущего (Д.В. Ольшанский [4]).

Обобщая вышесказанное, выделим функции суеверий:

- познавательная: издавна суеверия являлись средством, с помощью которого люди изучали мир и его явления;
- защитная: суеверие является защитным механизмом;
- регулятивная: суеверие регулирует поведение людей за счёт обрядов и обычаев;
- прогностическая: суеверия используются как способ предсказать дальнейшие события;
- суеверия являются носителем опыта поколений;
- суеверия отражают особенности культуры, в которой они возникли.

Несмотря на то, что некоторые функции потеряли свою актуальность в современном мире и являются лишь частью истории, многие из них до сих пор играют большую роль в жизни людей.

Таким образом, суеверия остаются актуальным явлением в современном обществе и нуждаются в дальнейшем изучении, поскольку исследований, посвящённых анализу данного феномена, не

так много в научном дискурсе. Информация, приведённая в работе, может послужить материалом для будущих исследований.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. М., 2001.
2. *Белик А.А.* Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие. М., 2009. 613 с.
3. *Габдуллин И.Р.* Явление предрассудка: гносеологические корни и социальные детерминанты // *Credo*. 1997. №5.
4. *Ольшанский Д.В.* Психология масс. СПб., 2002. 368 с.
5. *Саенко Ю.В.* Психологические аспекты изучения суеверий // Вопросы психологии. №6. 2006.
6. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 2016.
7. *Чернова Г.Р.* Социальная психология: учеб. для вузов. СПб., 2010. 200 с.
8. *Ялом И.Д.* Лечение от любви и другие психотерапевтические новеллы. Пер. с англ. А.Б. Фенько. М., 1997. 288 с.

Условия достижения взаимопонимания в межличностном взаимодействии

Филько Д.Д., Есенова А.Ю.

*ГОУ ВПО «ДОННУ», Донецк, Россия
a.esinova@donnu.ru, dashsfilko@gmail.com*

Вопрос изучения гармонизации межличностных отношений в разных сферах современного социума является актуальной темой в научном сообществе. Взаимопонимание как осуществимость и способность людей познавать друг друга представляется ключевой задачей человеческого взаимодействия. Окружающий мир становится разнороднее, а духовный мир человека беспрестанно индивидуализируется, и чем труднее человеку бывает проявить себя, тем важнее, жизненно необходимее ему быть понятым [1]. Этим

можно объяснить рост исследований проблемы взаимопонимания в современной науке.

Как указывает Л.Э. Кузнецова, актуальность исследования психологических закономерностей достижения взаимопонимания в межличностном общении определяется недостатком исследований предоставленной проблемы и непосредственной связью взаимопонимания с общением, взаимоотношениями и совместной деятельностью людей [2, с. 290].

Изучая во всех подробностях особенности межличностного общения и возможности достижения в нем взаимопонимания, возможно интерпретировать многие социальные противоречия становления общества, семьи и личности. Являясь обязательным атрибутом существования человека, межличностное общение играет огромную роль во всех сферах жизнедеятельности. При этом важно понимать, что качество межличностного общения во многом находится в зависимости от уровня достигнутого понимания. И, напротив, недостаток взаимопонимания в процессе общении приводит к усложнению, а нередко и разрушению взаимоотношений между людьми.

Согласно исследованиям Е.И. Головаха, Н.Р. Панина, взаимопонимание — это сложный, целостный процесс понимания себя, другого и понимание другим. Взаимопонимание оказывается вероятным при едином понимании информации и ситуации общения, так как понимание другого еще не означает, что он также понимает тебя. Главными механизмами взаимопонимания являются идентификация, рефлексия и эмпатия. Идентификация как рациональное понимание партнера по общению, эмпатия как стремление эмоционально откликнуться на проблемы человека и рефлексия как осознание субъектом того, как он воспринимается партнером по общению, дополняют друг друга, делая возможным достижение взаимопонимания в общении [3].

В контексте динамики взаимодействия людей в группе, взаимопонимание выступает высшим уровнем, при котором они осознают содержание и структуру настоящего и возможного очередного действия партнера, а также взаимно содействуют достижению единой цели. Иначе говоря, для взаимопонимания

недостаточно совместной деятельности, необходимо также взаимосодействие.

Каковы же условия достижения взаимопонимания среди людей? Для развития взаимопонимания между людьми нужно создавать конкретные условия, соблюдение которых представляется критерием его достижимости.

Опираясь на мнение Худайкулова Х.Д. (2016), можно перечислить такие условия как: - понимание речи взаимодействующей личности; - осознание проявляющихся качеств взаимодействующей личности; - выявление влияния на личность ситуации взаимодействия с партнёром; - выработка соглашения и практическое его выполнение по установленным правилам [4].

Конечно, чтобы понимать человека необходимо первично уметь распознавать, воспринимать текст, речевые сообщения, исходящие от него. После понимания отдельных фраз, предложений происходит проникновение в смысл сообщения целиком. Для достижения взаимопонимания также важно знание подтекста речи, что, в свою очередь является условием «глубинного прочтения» мыслей. Иначе говоря, обучать и воспитывать в человеке умение не только «распознавать», но индивидуально «слышать» другого в процессе взаимодействия – значит делать многое для достижения взаимопонимания между ними.

Во время межличностного взаимодействия человек проявляет собственные и соприкасается с убеждениями, интересами, способностями и чувствами других людей. Этот процесс «столкновения» неизбежно связан с оценкой действий, поступков других и самооценкой своих качеств, целей. Путем активного наблюдения и тесного межличностного контакта появляется возможность понять другого человека, его мотивы и стремление к содействию-противодействию с нами. Человеку, не очень хорошо понимающему себя, слабо осознающему собственные коммуникативные интенции, намерения, не удастся передать свои переживания партнеру, что актуализирует фантазию и, возможно, искаженную интерпретацию последнего. Таким образом, формирование чуткой наблюдательности в контакте за другим и навыков активного самонаблюдения и в целом, самопознания, могут

стать хорошими ориентирами для достижения взаимопонимания в межличностном общении.

На наш взгляд, значительное влияние на партнеров по общению оказывает та обстановка и конкретные обстоятельства их взаимодействия. Количество и качество элементов обстановки, их размещение в пространстве и изменение во времени создают конкретные обстоятельства взаимодействия. Поэтому зачастую такой фактор вынуждает человека изменять поведение, искать пути приспособления к ситуации, что можно способствовать или препятствовать достижению взаимопонимания в общении. Считаем, что умение гибко лично «встраиваться» в изменяющиеся условия взаимодействия с другими, отчасти являясь индивидуально-природным качеством, может существенно способствовать развитию установленного взаимопонимания между партнерами по общению.

Достигнутый уровень взаимопонимания проверяется на практике следованием ранее установленным границам ответственности, правилам и обязательствам в общении. Такие взаимные договоренности способствуют доверию, открытости в контактах, и в целом, эффективности совместной деятельности. И, напротив, расхождение «слов с делом» свидетельствует об искажениях во взаимопонимании, нарастании рисков противоречий, внешней и внутренней конфликтности.

Таким образом, необходимыми универсальными условиями достижения взаимопонимания в межличностном общении будут являться коммуникативная компетентность личности как способность устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми; сензитивность как чувствительность к психическим состояниям других, к их стремлениям, ценностям и целям; умение брать ответственность за сложившийся уровень отношений.

В большинстве сфер деятельности человека (семья, бизнес, личные отношения, воспитание детей и др), где присутствует межличностное общение, важно достигать взаимопонимания. Изучать, осмысливать и использовать условия такого взаимопонимания необходимо для достижения гармонии в семейных, личных отношениях, эффективности совместной деятельности и делового общения, успешной социально-психологической адаптации личности в социуме. Приобретать актуальные личностные навыки для развития

взаимопонимания между людьми призваны многообразные формы и методы оказания психолого-педагогической помощи людям – социально-психологические тренинги, индивидуальное консультирование, краткосрочная психотерапия и др.

Литература

1. *Крысько В.Г.* Социальная психология: Курс лекций // М., Омега-Л, 2006. С 104
2. *Кузнецова Л.Э.* Особенности достижения взаимопонимания в межличностном общении у мужчин и женщин // Молодой ученый. 2016. № 24 (128). — С. 290-292.
3. Социальная психология // Сост. *Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая*. М. Аспект Пресс, 2003.
4. *Худайкулов Х.Д.* Соблюдение правил взаимопонимания // Психология: традиции и инновации. Самара. ООО «Изд-во АСГАРД», 2016. С. 41-45.

Цифровая этнография, применяемая для улучшения обучения: приложение для отслеживания взгляда

Фоке-Алехин Ф. (Fauquet-Alekhine Ph.)

Лаборатория исследований в области энергетики,

Монтагре, Франция

Лондонская школа экономики, Лондон, Великобритания

p.fauquet-alekhine@lse.ac.uk

SEBE или цифровая этнография была определена С. Лахлоу [4] как семейство методов, разработанных в цифровой этнографии для исследований в области социальных наук, основанных на субъективных аудио- и видеозаписях с использованием миниатюрных видеокамер (обычно носимых на уровне глаз субъекта: субкамера).

Метод использовался в различных контекстах и доказал свою эффективность при анализе деятельности человека [1], особенно при обучении в сфере образования [2] или в профессиональной деятельности [3]. Однако в последнем случае оборудование,

используемое для записи видео, оказывается пригодным для типа работы, анализируемой с помощью цифровой этнографии. Действительно, использование миниатюрной камеры, закрепленной на очках, хорошо подходит для записи субъективного видео, когда субъект анализируемой деятельности работает в широкой среде, где перемещение взгляда с одного объекта на другой сопровождается перемещением головы. Таким образом анализ записанного видео позволяет легко понять, куда смотрит человек при выполнении работы. Это имеет основополагающее значение при анализе видеозаписи.

Это относится к агенту, работающему на промышленной установке вне помещения, или оператору, работающему в помещении и управляющему сложным промышленным процессом. Как, например, операторы ядерных реакторов или операторы нефтеперерабатывающих заводов. С другой стороны, этот тип видеокамер неприемлем, когда объект анализируемой деятельности работает в узкой среде. Это касается, например, пилота робота, который использует один или несколько компьютерных экранов, а также клавиатуру или пару джойстиков. Миниатюрная камера больше не может указывать, где фокусируется взгляд, поэтому необходимо использовать устройство слежения за глазами. Этот тип устройства недавно был применен в группе робототехники INTRA в рамках анализа деятельности управления роботом.

Устройство не только доказало надлежащий анализ деятельности, позволив достичь качества результата, идентичного предыдущим исследованиям [1-3], но также позволило получить дополнительные результаты. Используемое устройство было предоставлено Pupils Lab. Он позволяет субъективно снять видео того, что человек смотрит при работе, и определить точки фиксации взгляда этого человека на видео. Видео было записано на смартфон, и программное обеспечение позволяет извлечь из этого видео серию количественных данных. В этом случае в качестве новых данных использовались пропорция времени фиксации взгляда по отношению к общей продолжительности активности, доля времени, затраченного на фиксацию отдельных последовательностей действий по отношению к общей активности, распределение времени фиксации взгляда и количество перевода взгляда между экранами и джойстиками.

Эти данные дополнили матрицу навыков, полученную после опроса пилотов по результатам субъективной видеозаписи их действий по методу SEBE. Были отмечены существенные различия в матрицах навыков опытного пилота по отношению к начинающему пилоту. Дополнительные количественные данные отслеживания взгляда подтвердили разницу между опытным пилотом и пилотом-новичком. Они также позволили лучше охарактеризовать это различие. В перспективе возникает вопрос: было бы разумно систематически использовать оборудование с высоким уровнем слежения, даже если человек, чья деятельность анализируется, работает в широкой среде, для которой в настоящее время используются миниатюрные камеры? Этот вопрос может стать предметом соответствующего исследования в будущем.

Литература

1. *Фоке-Алехин Ф., Лалу С.* Субъективная доказательная этнография и психология // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева (12–13 мая 2020 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 535-538.
2. *Фоке-Алехин Ф., Мартинес П.* Повышение компетенций школьников на основе применения модели «воспринимаемый квадрат действия» // Социальная психология и общество: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А.В. Петровского (15-16 октября 2019 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. С. 479-475.
3. *Фоке-Алехин Ф., Лалу С.* Факторы эффективности в совместной деятельности: вклад теории интерсубъективности и цифровой этнографии // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2022 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. С. 499-502.

4. *Lahlou S.* How can we capture the subject's perspective? An evidence-based approach for the social scientist // *Social science information*, 2011, 50(3-4), p. 607-655.

Напористость как личностная черта: обзор теоретических подходов и возможностей психодиагностики

Фокина М.В., Чентырёв Р.А.

ОЧУВО «Московский инновационный университет»,

Москва, Россия

maria_fokina@mail.ru, chentyrev-roman@mail.ru

В современной психологии на практике понятием напористость широко оперируют при описании активного наступательного самоутверждающего настойчивого поведения; набирают популярность тренинги напористого поведения. Однако устоявшегося научного термина напористости не выработано, а альтернативные понятия расходятся по смыслу.

В психологии напористость рассматривается как качество личности; поведенческий навык; способность к соответствующему поведению. В отечественной психологии, начиная с работ Н.Д. Левитова, понятие напористости сближается с волевым компонентом позитивной агрессивности: созидательной наступательностью, энергичным преодолением препятствий и движением к цели без намерения причинить вред другим [2; 6]. В ряде работ напористость связывается с волевым развитием, целеустремленностью [7; 9]. Таким образом, если агрессивное наступательное поведение выполняет социально безопасную созидательную роль, оно ассоциируется с понятием напористости. Как личностная черта напористость частично пересекается с «пармией» в терминах Р. Кетелла, включающей социальную смелость, активность, предприимчивость [3]; с упорством, решительностью, настойчивостью, но не укладывается целиком ни в одно из этих понятий.

Одной из тенденций в понимании напористого поведения выступает его противопоставление деструктивной агрессивности и покорности, причем напористое поведение рассматривается не как

«среднее арифметическое» этих противоположностей, а как самостоятельное качественно своеобразное целое. Тогда говорят об ассертивном поведении и ассертивности. Ассертивное поведение – открытое, решительное, свободное и неагрессивное самоутверждение; ассертивность – ненасильственное, честное, спонтанное выражение чувств и мыслей даже при несогласии с ними значимого окружения; принятие ответственности за собственные действия; саморегуляция и способность проживать свои эмоции без подавления и искажения. В основе лежит способность осознавать потребности и руководствоваться ими; ощущение внутренней силы; уверенность в себе [2; 4; 8].

В ряде работ напористость связывают с психологическим здоровьем. Классики гуманистической психологии к проявлениям психологического благополучия относили целенаправленность, спонтанность, способность к ясности, прямоте, осознание и признание своих потребностей, что может находить выражение в напористом поведении, но им не исчерпывается. Подобного же взгляда на напористость придерживаются практические психологи [8].

На основании идей Р. Лазаруса и последователей напористость рассматривается как личностный ресурс противостояния и преодоления жизненных сложностей, планомерные мыслительные и поведенческие усилия для решения проблем [1].

В некоторых работах, напротив, акцентируется отрицательная направленность напористости. Как отрицательное качество, напористость рассматривается как производная эгоизма и эгоцентризма; синонимична бесцеремонности, наглости, подавлению окружающих. Так, J.L. Ireland показано, что некоторые проявления ассертивности связаны с издевательским поведением среди заключенных [9]. Однако, с нашей точки зрения, негативная трактовка сужает базовое понятие напористости по его единичным признакам.

В целом, существенными свойствами напористости как черты личности и поведенческого паттерна выступают настойчивость, натиск, решительность в достижении цели. Напористость связывается с настойчивостью, ассертивностью, наступательностью, агрессивностью; однако понимание напористости не исчерпывается и не ограничивается ни одним из указанных терминов. Преимущественно напористость рассматривается как

психологический ресурс – личностная черта или поведенческий навык, способствующий целенаправленному достижению субъективно значимой цели.

Психодиагностика напористости может осуществляться методом наблюдения за особенностями деятельности личности в ситуации выполнения когнитивной или практической задачи; опросными методами, в том числе – с использованием ряда личностных опросников. Отдельные проявления напористости могут быть исследованы методикой оценки упорства Е.П. Ильина и Е.К. Фещенко; опросником уверенности в себе В.Г. Ромека; методикой оценки доминирующей стратегии конфликтного поведения Н.П. Фетискина, В.В. Козлова и Г.М. Мануйлова; опросником ассертивности В. П. Шейнова, А. С. Девыцына.

Перспективами нашей работы выступает изучение напористости на материале наблюдения ситуаций профессионального взаимодействия.

Литература

1. *Ерофеева В. Г.* Особенности личных нарративов о достижениях в зависимости от настойчивости // Психологические исследования. 2021. Т. 14.
2. *Ильин Е. П.* Психология агрессивного поведения. СПб., 2014.
3. *Капустина А.Н.* Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб., 2001.
4. *Леонтьев А.А.* Леонтьев А.А., Харре Р., Аргайл М., Фернхэм А., Грэхем Д.А. Ассертивность. Общение и деятельность общения. СПб.: Питер, 2008.
5. *Шейнов В.П.* Ассертивное поведение: оценки и свойства // Российский психологический журнал. 2014. Т. 11. № 4.
6. *Шестакова Е.Г., Дорфман Е.Я.* Агрессивное поведение и агрессивность личности // Образование и наука. 2009. № 7 (64).
7. *Шутова Н.В., Порунова А.И.* Ассертивное поведение как показатель профессиональной зрелости будущих психологов - консультантов // Нижегородский психологический альманах. 2020. Т. 1, № 1.

8. *Egolf A.* Interpersonal effectiveness in action: The therapeutic milieu for DBT assertiveness skills practice // *The Brown University Child and Adolescent Behavior Letter*. 2023. Volume 39, Issue 3. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/cbl.30693>
9. *J. L. Ireland.* How does assertiveness relate to bullying behaviour among prisoners? // *Legal and Criminological Psychology* Volume. 2002. № 7, Issue 1. URL: <https://bpspsychub.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1348/135532502168405>

Проблема измерения патриотизма

Фофанова Г.А.

БГУ, Минск, Республика Беларусь
gfofanova@gmail.com

Патриотизм – чрезвычайно сложный для операционализации и измерения социально-психологический феномен. Анализ литературы показал, что на настоящий момент в арсенале психологической науки представлено небольшое количество методов и методик, которые можно было бы применять для измерения данного феномена. Рассмотрим их.

Бланковая методика изучения патриотизма, разработанная А.В. Потемкиным [6]. Методика представляет собой опросник из восьми биполярных шкал, измеряющих ценностные, динамические, эмоциональные, регуляторные, мотивационные, когнитивные, продуктивные характеристики и характеристики типов затруднений. Автор определяет патриотизм как «свойство личности, т.е. совокупность инструментально-стилевых и мотивационно-смысловых характеристик, обеспечивающих постоянство стремлений и готовность индивида к реализации социально значимых ценностей, идеалов и убеждений, связанных с защитой Родины и ее интересов» [7, с. 39]. Несмотря на возможность построения содержательных профилей выраженности патриотизма, ограничения методики связаны с самим методологическим основанием ее построения: патриотизм

понимается как свойство личности, т.е. достаточно устойчивое образование, с трудом поддающееся изменению. Также, на наш взгляд, методика в большей степени измеряет представления респондента о патриотизме, нежели собственно патриотические свойства или качества.

Опросник для оценки типов патриотического поведения, разработанный О.В.Гордяковой и А.Н.Лебедевым [1]. Патриотизм рассматривается как социальное чувство и социально ориентированное поведение и подразделяется на три типа: 1) идеологический (неконструктивный - наименее рациональный, четко проявляется при ингрупповом фаворитизме); 2) проблемный (или конструктивный, наиболее эффективный для решения социально-экономических задач; 3) конформный [5]. Опросник содержит 19 утверждений, каждое из которых необходимо оценить по дихотомической шкале. Опросник удобен в применении, отнимает у респондента немного времени, но, вместе с тем обладает рядом существенных ограничений. Отсутствие у респондента возможности выбора *степени* согласия с тем или иным утверждением вкупе с потенциальной непредставленностью в его опыте ситуаций, которые он должен оценить, в качестве итога могут способствовать получению искаженной реальности.

Психологические опросники измерения ценностей, в том числе связанных с комплексом патриотических. Большинство методик построено на принципе ранжирования респондентом предложенных авторами ценностей (например, «Ценностные ориентации» М. Рокича и т.д.). Патриотизм в русле данного направления может выступать как самостоятельная ценность либо репрезентироваться как многокомпонентый феномен, состоящий из различных ценностей. Главное ограничение методик – потенциальное несоответствие постулируемых ценностей реальному поведению, характерное в разной степени выраженности для большинства опросников, однако, в отношении круга данных методик возникает наибольшее количество вопросов. Респондент может искренне отдавать предпочтение тем или иным ценностям, но его реальное поведение может свидетельствовать о доминировании в качестве ведущих мотиваторов совершенно иных ценностей.

Измерение патриотизма с помощью качественных методов исследования (метод ассоциаций, методика незаконченных предложений, полуструктурированное и глубинное интервью). Использование качественных методов исследования позволяет получить более широкий и глубокий спектр субъективных описаний, смыслов и значений любого предметного поля [4], в целом, и патриотизма, в частности. Вместе с тем, данные методы чрезмерно затратны, требуют от интервьюеров и аналитиков специальной подготовки, и, как следствие, более уместны в рамках научного исследования на этапе сбора информации для последующей генерации вопросов и утверждений количественного исследования (опроса).

Таким образом, анализ имеющихся научных подходов и потребности практики приводят нас к пониманию патриотизма как социального чувства, а не свойства личности или ее отдельных ценностей, имеющего в качестве своих отличительных признаков осознанное отношение к моральным нормам и обязанностям перед Родиной; привязанность, преданность Родине, гордость ее достижениями и культурой; идентификацию себя с соотечественниками как особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране, своему гражданству, языку, традициям [3]. Данное понимание коррелирует с подходом А.Л. Журавлева, в соответствии с которым в структуру патриотизма входят чувство любви к Родине, готовность приносить в жертву личные интересы общественным и соответствующее поведение, а также идентификация со своей страной, ее историей и народом. «Патриотизм можно определить как сложный социально-нравственный принцип и морально-психологическое чувство» [2, с. 89].

С учетом необходимости практического применения результатов опросов групп, при измерении патриотизма необходимо обращаться к его субъективно-личностному смыслу – тем переживаниям, мыслям, отношениям, паттернам поведения, которые проявляются у человека в его повседневности, с одной стороны, и наиболее оптимальной форме – с другой. Методика диагностики патриотизма должна базироваться на следующих принципах: 1) измерение всех упомянутых выше параметров (также должно быть достаточное количество пунктов для описания каждого из них, при этом время заполнения опросника не должно быть чрезмерным и утомлять респондента); 2) релевантность

описаний опыту повседневности респондента (поведенческие паттерны микроуровня); 3) возможность выбора *степени* согласия или несогласия респондента с каждым из утверждений (для максимально реалистичного отражения реального опыта респондента); 4) анонимность и индивидуальность опроса (для минимизации социальной желательности). Описания в опроснике на микроуровне помимо диагностического компонента, могут обладать корректирующим потенциалом: анализ не только показателей в целом, а ответов по каждому утверждению поможет выработать рекомендации для конкретных организационных мероприятий.

Литература

1. *Гордякова О.В.* Чувство патриотизма и типы патриотического поведения молодых граждан России / О.В.Гордякова, А.Н.Лебедев // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник 2017. М., 2017. С. 307-327.
2. *Журавлев А.Л.* Патриотизм как объект изучения психологической науки / А.Л. Журавлев, А.В.Юревич // Психологический журнал. 2016. М. Т. 37. № 3. с. 88-98.
3. *Игнатович Е.С.* Оценка эффективности патриотического воспитания населения Республики Беларусь как квалиметрическая проблема / Е.С. Игнатович, В.Н. Пунчик, Ю.П. Бондарь // Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. статей. Минск: РИВШ, 2022. С. 104-112.
4. *Квале С.* Исследовательское интервью / С.Квале. // М.: Смысл. 2003. 301 с.
5. *Лебедев А.Н.* Теоретические и методологические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально ориентированного поведения / А.Н. Лебедев // Социальная и экономическая психология. 2016. Том 1. № 1. с. 23-40.
6. *Потёмкин А.В.* Бланковая методика изучения патриотизма / А.В. Потёмкин // Аспирант и соискатель. М. 2004. № 2. С.141-143.
7. *Потёмкин А.В.* Новые методы диагностики патриотизма / А.В. Потёмкин // Известия Волгоградского государственного

педагогического университета. Серия «Педагогические науки». 2008. № 4. С. 39-42.

Особенности дезадаптивного мышления у молодежи с разной готовностью к саморазвитию

*Фрольцова К.И., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kri0410stina@mail.ru*

Проблема факторов, влияющих на успешное саморазвитие личности в современном обществе с каждым годом становится все более значимой, поскольку возрастают противоречия и мозаичность коммуникативного пространства, что затрудняет выборы личности, осознание ценностных ориентаций, формирование устойчивой системы мотивов и смыслов, направленности как системообразующей характеристик зрелого человека. Актуальность выбранной темы также заключается в ответах на важные вопросы: что такое дезадаптация личности, и как она связана с готовностью к саморазвитию? Каковы ее основные формы? Поэтому, проблема взаимосвязи дезадаптации мышления и ориентации личности на саморазвитие является сегодня одной из актуальных проблем, связанных с изменением типа мышления в обществе в контексте его цифровизации.

Именно процесс саморазвития обеспечивает личности максимально полное проявление ее потенциальных возможностей, обретение духовных ценностей и смыслов, проживать каждый момент своей жизни на экзистенциальном уровне. При этом очень важно осознать свои механизмы дезадаптивного мышления и преодолеть их как барьеры, препятствующие продуктивным изменениям самого себя.

Представленный материал является частью более объемного исследования. Целью явилось выявление доминирующих механизмов дезадаптивного мышления у молодежи с разной готовностью к саморазвитию. Соответственно, гипотеза исследования заключалась в предположение о том, что существуют статистически достоверные

различия в группах с разной готовностью к саморазвитию в выраженности механизмов дезадаптивного мышления.

Исследование было организовано и проведено в одной из организаций закрытого типа в Москве.

Всего в исследовании приняли участие 92 человека.

Для проверки выдвинутой гипотезы использованы следующие методики:

1) опросник А. Эллиса для выявления психологических проблем личности (механизмов дезадаптивного мышления) [1];

2) тест готовности к саморазвитию (В. Павлов) [2].

Для выявления достоверных различий среди разных подгрупп, выделанных по критерию готовности к саморазвитию применен критерий Манна-Уитни.

Эмпирические данные исследования были статистически обработаны с помощью стандартных программ SPSS (v. 23.0) и Excel.

Вся выборка была разделена по признаку готовности к саморазвитию, описанному авторами теста:

1) первый вариант готовности к саморазвитию заключается в том, что такой тип людей полагают, что они «могут самосовершенствоваться», но при это «не хотят себя знать»;

2) второй тип людей, готовых к саморазвитию, полагают, что они и «хотят знать себя» и «могут измениться»;

3) для третьего типа готовности к саморазвитию свойственно «не хотеть знать себя» и «не иметь желания изменяться»;

4) в свою очередь, четвертый вариант готовности к саморазвитию связан с тем, что такие люди «хотят знать себя», но уверены, что «не могут себя изменить».

При сравнении выделенных групп по критерию готовности к саморазвитию были получены следующие результаты.

Подгруппы 1 и 3. Участники исследования с такой готовностью к саморазвитию отличаются друг от друга по таким механизмам мышления, как фрустрация, подавленные потребности и/или активность; страх достижений, боязнь сделать ошибку (выше в подгруппе 3). Несправедливое отношение со стороны значимых людей, а также драматизация и склонность преувеличивать будущие риски и опасности выражены выше в подгруппе 1.

Подгруппы 1 и 4. Лица с данной готовностью к саморазвитию отличались такими механизмами дезадаптивного мышления, как фрустрация, подавленные потребности и/или активность (выше в группе 4). Тенденция к драматизации, стремление гиперболизировать возможные риски и опасности выражены в два раза больше в группе 1.

Подгруппы 3 и 4. Респонденты с такой готовностью к саморазвитию достоверно отличаются друг от друга по следующим механизмам дезадаптивного мышления: это недостаточное самопринятие и неадекватная заниженная самооценка; также у них фрустрированные потребности; их отличает друг от друга низкий уровень мотивации достижений, страхи, связанные с возможностью совершить ошибку и низкий уровень притязаний (этот механизм в три раза выше в группе 3). Таким образом, в подгруппе 3 все механизмы, имеющие достоверные различия, выражены выше. Это люди, которые как не хотят узнавать что-то о самих себе, так и не имеют желания преобразоваться. В отличие от респондентов, которые все-таки настроены на самопознание, но при этом не очень верят в то, что могут себя изменить.

Подавляющее большинство испытуемых продемонстрировали готовность к саморазвитию через самопознание и мотивацию на изменения, поэтому они не были включены для сравнения с участниками, которые составили подгруппы респондентов, демонстрирующих не полную готовность к саморазвитию.

Таким образом, частная гипотеза исследования нашла свое подтверждение.

Ограничением работы является неоднородность выборки, поскольку, как указывалось, большинство принявших участие в тестировании респондентов направлены на саморазвитие.

Литература

1. *Эллис А., Драйден У.* Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии. СПб, 2002.
2. *Ратанова Т.А., Шляхта Н.Ф.* Психодиагностические методы изучения личности. М.: Флинта, МПСИ, 2008.

Социально-психологический тренинг как инструмент изменения поведения в конфликтах педагогов ДОУ

Хавыло А.В., Кобак Е.С.

*КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия
katrina.kobak@mail.ru, khavylo@strider.ru*

Феномен социально-психологического конфликта изучен достаточно полно, но существует необходимость изучения возможностей возникновения межличностных конфликтов и поиска путей их разрешения.

Специфика дошкольного образовательного учреждения состоит в том, что взаимоотношения, которые в нём культивируются, переносятся на детей.

Гипотеза исследования: социально-психологический тренинг по методике Осиповой Е.А., Чуменко Е.В. «Конфликты и методы их преодоления» более эффективно развивает у педагогов ДОУ адаптивные стратегии поведения (компромисс и сотрудничество) в конфликте по сравнению с информационно-просветительской работой.

На сегодняшний день не существует общепринятого определения понятия «тренинг», что приводит к обозначению этим термином самых разных приемов, форм, способов и средств, используемых в психологической практике [3].

Наиболее часто используется термин «психологическое воздействие». Макшанов С.И. предложил термин «преднамеренное изменение», который дает возможность описания множества явлений, относящихся к динамике психологических феноменов человека и группы, отражает процессуальные и продуктивные характеристики тренинга.

В связи с этим предлагается определить тренинг как многофункциональный метод преднамеренных изменений психологических феноменов человека, группы и организации с целью гармонизации профессионального и личностного бытия человека [2].

Основная цель социально-психологического тренинга – повышение компетентности в общении.

Современное понимание конфликтов предполагает, что конфликт содержит в себе потенциальные позитивные возможности. Конфликт - это стимул к изменениям, это вызов, требующий творческой реакции. В конфликте потенциально заложено мощное конструктивное начало, а, значит, конфликт - это может быть хорошо [1].

Для проверки гипотезы исследования нами было проведено психологическое обследование воспитателей ДОУ д/с №5 «Дюймовочка». Экспериментальную группу 1 составили 11 педагогов, а в экспериментальную группу 2 вошли 13 педагогов.

Для выяснения имеющихся различий до проведённого эксперимента и после, нами был применён метод статистической оценки сдвига Уилкоксона.

Согласно показателям шкал методики «Тест описания поведения» Томаса К. в экспериментальной группе 1 до и после эксперимента воспитатели стали использовать способы регулирования конфликтов такие, как Компромисс и Приспособление. Это может быть обусловлено тем, что воспитателям по роду своей деятельности часто приходится находиться в конфликтных ситуациях, а, для того чтобы конфликт не переходил в деструктивную форму, они стали больше прибегать к компромиссным уступкам и кооперации. Использование такой стратегии поведения как Сотрудничество не претерпело изменений. Это можно объяснить тем, что данная стратегия характеризуется высоким уровнем направленности, как на собственные интересы, так и на интересы соперника, т.е. более сложной.

В экспериментальной же группе 2 никаких значительных сдвигов не произошло. Это связано скорее всего с тем, что проведённые лекционные занятия не дают такой эффект, как проведение социально-психологического тренинга.

Для анализа стиля межличностного поведения была использована методика диагностики межличностных отношений Лири Т.

В экспериментальной группе 1 по большинству шкал методики показатели понизились. Можно сделать вывод: воспитатели стали меньше полагаться только на своё мнение. Стали в большей степени прислушиваться к мнению своих коллег. В отношениях стали меньше бояться высказывать собственное мнение, стали проявлять склонность к сотрудничеству в отношениях, кооперации, а также стали более гибкими при решении конфликтных ситуаций. Мы связываем эти

изменения с тем, что с экспериментальной группой 1 был проведён социально-психологический тренинг, который был направлен на получение теоретических знаний и практического опыта эффективного разрешения конфликтных ситуаций.

В экспериментальной группе 2 после эксперимента показатели также имеют изменения. Воспитатели стали в меньшей степени перекладывать свои трудности на окружающих, уменьшилась склонность к соперничеству.

Изменения могли произойти за счёт того, что с экспериментальной группой 2 также была проведена работа в виде проведения лекционных занятий, направленных на изменение отношения к конфликтам, но эти изменения не столь значительны как у экспериментальной группы.

Для определения достаточно ли воспитатели корректны в отношениях с окружающими мы использовали методику «Тест А. Ассингера (Оценка агрессивности в отношениях)».

Здесь мы не получили каких-либо значительных изменений. Воспитатели умеренно агрессивны в своём поведении, что свидетельствует о том, что в своей профессиональной деятельности воспитатели стараются быть корректными в отношениях с окружающими и с ними легко общаться, используют конструктивные стратегии выхода из конфликтных ситуаций, не прибегая к агрессии.

Таким образом, цель исследования была достигнута. Социально-психологический тренинг по методике Осиповой Е. А., Чуменко Е. В. «Конфликты и методы их преодоления» позволяет развить у педагогов ДООУ такие стратегии поведения в конфликте, как компромисс более эффективно, чем применяемые теоретические занятия.

Литература

1. *Зеркин Д.П.* Основы конфликтологии.: Курс лекций. (Серия «Учебники и учебные пособия»). Ростов-н/Д: «Феникс», 1998. 480с.
2. *Макшианов С.И., Хрящева Н.Ю.* Психогимнастика в теннинге. СПб., 1993.
3. *Немов Р.С., Алтунина И.Р.* Социальная психология: Учебное пособие. СПб: Питер, 2008. 432 с.

Дисфункциональная семья как источник созависимых отношений

Хаймовская Н.А., Берда М.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

mberda@mail.ru

Проблема физической и психологической зависимости, а также роли семьи в формировании созависимых отношений является теоретически и практически значимой для специалистов многих смежных областей: психологов, педагогов, врачей. Основные механизмы, которые ведут к формированию созависимости находятся в фокусе зрения психологии на протяжении многих лет [1]. К специалистам, исследующим различные аспекты этой проблемы относятся отечественные и зарубежные авторы: Старшенбаум Г. В., Москаленко В. Д., Емельянова Е. В., Артемцева Н., Решетников М. М., Короленко Ц. П., Захарова М. Л., Былкина Н. Д., Гаранян Н. Г. И Холмогорова А. Б., Мехтиханова Н. Н., Айвазова А. Е., Леонова Л. Г. Бочкарёва Н. Л., Эйдемиллер Э. Г. и Юстицкис В. В., Кристал Г., Винникотт Д. В., Джудит С. Райкус и Рональд С. Хьюз, Войтиц Д., Сатир В., Уайнхолд Б. и Уайнхолд Дж. и других.

Опираясь на данные исследования, можно сформулировать определение созависимости как одной из распространенных проблем, которая мешает жизни и которую можно отнести не только к личности человека, но к культуре и обществу. Будучи явлением культуры, созависимость оказывается широко распространенной в обществе и включенной в определенный культурный контекст – стереотипы поведения, вызываемые этим феноменом, укрепляются в культурной традиции и принимаются обществом как идеал, пропагандируются искусством и литературой, таким образом формируя модель созависимого поведения в обществе и становясь нормой существования человека. Созависимость можно определить как серьезную психологическую, медицинскую и социальную проблему.

Это актуализирует не только теоретическую необходимость более глубокого изучения данной проблематики, но и практическую значимость систематизации и выработки помогающей психологической помощи через отдельно взятую личность обществу.

Целью исследования явилось изучение дисфункциональности и уровня созависимости личности во взаимосвязи с алекситимией у взрослых.

Объект исследования - созависимость личности.

Предмет исследования - созависимость личности во взаимосвязи с личностными особенностями и спецификой семейных отношений.

Гипотеза исследования - созависимость как личностное качество связано с уровнем дисфункциональных установок и с алекситимией.

Исследование было организовано и проведено на платформе для создания и администрирования опросов и онлайн-форм «Google Forms». Выборку составили 54 взрослых респондента с различной степенью зависимых моделей отношений, дисфункциональных убеждений и уровня алекситимии. Из них 49 женщин в возрасте от 24 до 70 лет и 5 мужчин в возрасте от 27 до 42 лет.

Для проверки выдвинутой гипотезы использованы следующие психодиагностические методики: «Шкала дисфункциональных установок» А. Бека и А. Вейсман, «Шкала созависимости» Б. и Дж. Уайнхолд, «Торонтская алекситимическая шкала» (адаптированная в институте им. В.М. Бехтерева). Методы обработки включали в себя сравнительный анализ данных при использовании выбранных методик, в процессе проведения исследования данные обрабатывались в программе Microsoft Excel и в программе Jamovi (коэффициент корреляции Спирмена), для наглядного сравнения и анализа показателей и выводов использовались таблицы и гистограммы.

В ходе анализа полученных результатов установлено следующее.

Выявлена статистически значимая взаимосвязь между выраженностью созависимости, дисфункциональными убеждениями и алекситимией. Сила связи является высокой - между созависимостью и дисфункциональными убеждениями, и средней - между созависимостью и алекситимией. При этом взаимосвязь является положительно направленной – то есть с увеличением степени зависимых моделей уровень дисфункциональных убеждений и алекситимии увеличивается.

В качестве базы исследования респонденты были распределены по степени зависимых моделей (или созависимости, согласно шкале созависимости Берри и Джены Уайнхолд) на 2 категории:

- 1 категория (48% опрошенных) – респонденты с высокой степенью зависимых моделей;

- 2 категория (50% опрошенных) – респонденты со средней степенью зависимых моделей;

В ходе исследования было выявлено следующее:

У респондентов 1 категории (48% с высокой степенью зависимых моделей):

- В 50% случаев превалирует высокая выраженность дисфункциональных убеждений и в 35% случаев превалирует средняя степень выраженности дисфункциональных установок, при этом 19% обладают «алекситимическим» типом личности и 39% респондентов находятся в группе риска по алекситимии;

У респондентов 2 категории (50% со средней степенью зависимых моделей):

- В 4% случаев превалирует высокая выраженность дисфункциональных убеждений и в 26% случаев превалирует средняя степень выраженности дисфункциональных установок, при этом 7% обладают «алекситимическим» типом личности и 11% респондентов находятся в группе риска по алекситимии.

Таким образом, гипотеза исследования о взаимосвязи созависимости с уровнем дисфункциональных установок и алекситимией нашла свое подтверждение: в случае высокой степени зависимых моделей уровень дисфункциональных убеждений и наличие алекситимии выше, чем в случае средней степени зависимых моделей.

Ограничением исследования является неоднородность выборки, поскольку большинство принявших участие в тестировании респондентов – женщины, что требует дальнейших исследований на расширенной выборке.

Литература

1. *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Психосоциальная аддиктология. Изд. «Олсиб», Новосибирск, 2001. с. 122-127.

Особенности формирования копинг-стратегий у педагогов с разным стажем профессиональной деятельности

Хван А.А.

*ФГБОУ ВО Гжельский госуниверситет, Москва, Россия
andrian-khvan@mail.ru*

Профессия учителя относится к тяжелым и напряженным видам трудовой деятельности с большой вероятностью развития хронического стресса на рабочем месте. Об этом свидетельствуют показатели текучести кадров, повышенной конфликтности и утомляемости, выгорания педагогов. Известно, что в нашем образовании доля педагогов со стажем более 20-ти лет составляет большинство, а педагогов со стажем менее 5-ти лет крайне мало (по разным оценкам от 4 до 7 %) [3]. С другой стороны, текучесть кадров максимальна именно в первые 5–8 лет работы. Другими словами, критической зоной для успешной адаптации учителей является стажевая группа до 10 лет работы. Чем опытнее учителя (стажевая группа более 20 лет работы), тем чаще «они показывают очень высокую удовлетворенность своей работой» и нежелание сменить профессию, даже «при условии наличия такой возможности» [3, с. 8–9]. Следовательно, педагоги этой стажевой группы вполне успешно адаптировались к условиям трудовой педагогической деятельности по сравнению с начинающими учителями, которые не справляются с нагрузкой. Представляется, что успешная адаптация педагогов и дальнейшая эффективная работа во многом связаны с формированием системы стратегий успешного преодоления стресса на начальном этапе работы.

Для проверки данного предположения были обследованы с помощью опросников диагностики утомления [2] и копинг-стратегий [1] 73 учителя г. Раменское различного возраста и стажа. Были выделены три группы учителей по стажу профессиональной деятельности: до 10 лет работы (29 человек), от 10 до 20 лет (14 человек) и свыше 20 лет работы (30 человек).

Установлено, что в целом и по стажевым группам у обследованных педагогов выявлен средний уровень стресса, по данным оценки

физического, умственного и хронического утомления, без крайних форм развития (очень высоких или очень низких). Различия в уровне утомления в первой и третьей стажевых группах не выявлены.

Анализ структуры и степени популярности используемых копинг-стратегий показал, что у педагогов отсутствуют ярко выраженные лидеры и аутсайдеры в применяемых способах преодоления стресса. Практически все копинг-стратегии используются в диапазоне от 40 до 50 Т-баллов, что соответствует средней частоте использования, отсутствуют различия между группами. Более того, популярность использования тех или иных копинг-стратегий практически совпадает в первой и третьей стажевых группах (коэффициент ранговой корреляции Спирмена составил 0,78 при $p < 0,05$). Обращает внимание, что тройка ведущих способов преодоления стресса в первой и третьей стажевых группах представлена идентичным набором («Планирование», «Дистанцирование», «Положительная переоценка») в разных сочетаниях. При этом в другом исследовании учителей, с ярко выраженным уровнем стресса (утомления), мы получили другую тройку ведущих копинг-стратегий: «Бегство», «Принятие ответственности», «Дистанцирование» [4]. Можно предположить, что в условиях стресса среднего уровня педагоги разных стажевых групп используют сходные формы копинг-стратегий, при высоком же уровне стресса набор копинг-стратегий меняется.

При этом надо иметь в виду, что человек не использует копинг-стратегии изолированно, по одной, но всегда в комплексе, что дает определенный синергетический эффект. Соответственно, мы выделили корреляционные плеяды (на уровне значимости не ниже, чем 0,01) используемых копинг-стратегий во всех трех стажевых группах. Для получения максимально простых и информативных структур повысили уровень значимости коэффициентов корреляции до 0,001. В результате получили две различных структуры в первой и третьей группах, при этом все корреляции положительны и меняются в диапазоне от 0,55 до 0,71. В первой группе получена «звездная» структура с центром (стратегия «Бегство») и лучами к трем другим показателям («Дистанцирование», «Самооценка» и «Конфронтация»). В третьей группе выделена кольцевая структура с многократными связями между пятью стратегиями. Показатели «Самооценка» и

«Социальная поддержка» выступают в качестве своеобразных центров притяжения и имеют по четыре связи с другими компонентами структуры. Показатели «Положительная переоценка», «Планирование» и «Дистанцирование» имеют по три связи с другими стратегиями.

Таким образом, в первые 10 лет работы у педагогов в условиях выраженного хронического стресса формируется психологическая основа для принятия решения об уходе из профессии как адекватном способе преодоления стресса. У более опытных работников формируется адаптивный комплекс, позволяющий трудиться без особого ущерба для здоровья. Учитывая практически полное отсутствие программ адаптации молодого учителя на рабочем месте, программ психологической поддержки педагогов в школах, проблема текучести молодых учителей может стать весьма актуальной.

Литература

1. *Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Исаев Е.Р. и др.* Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. Пособие для врачей и медицинских психологов. СПб., 2009. 45 с.
2. *Леонова А.Б.* Методы субъективной оценки субъективных состояний человека //Практикум по инженерной психологии и эргономике. М.: Академия, 2004. С. 136- 66.
3. TALIS. Отчет по результатам международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS-2018 (TEACHING AND LEARNING INTERNATIONAL SURVEY). Часть 1. Непрерывное обучение учителей и директоров школ. М., 2019. 41 с.
4. *Хван А.А., Симонов Т.А.* Психологический стресс (утомление) и копинг-стратегии учителей. Введение в проблему. – Казань: Бук, 2021. 130 с.

ИмPLICITНЫЕ представления сотрудников НКО и государственных центров помощи о молодых выпускниках детских домов

Хезай А.С.

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

askhegay@yandex.ru

По разным данным в России в учреждениях для детей сирот проживают около 60000 человек (около 35000 детей-сирот и около 25000 детей, временно размещенных в учреждения). Примерно 7000 молодых взрослых ежегодно выпускаются из учреждений и начинают самостоятельную жизнь [1]. Несмотря на многочисленные программы социализации выпускников детских домов в РФ, нельзя сказать, что на данный момент все сложности этой группы населения решены. Одним из существенных барьеров реализации программ поддержки является редкое обращение выпускников детских домов за помощью в государственные организации и НКО на ранних этапах возникновения проблем.

Обращение за помощью – комплексный процесс, в ходе которого члены уязвимых групп признают проблему, оценивают ее потенциальные последствия, определяют потенциальные затраты/выгоды от обращения за услугами, и лишь затем приступают к поиску помощи [6]. Клиенты из уязвимых групп склонны поддерживать контакты с теми людьми, которые, по их мнению, будут важны для них, если они столкнутся с нестабильными ситуациями [7, с. 15].

Представляется важным взглянуть на нежелание выпускников детских домов обращаться за помощью на ранних этапах возникновения сложностей как на своеобразную обратную связь психологам, специалистам социальных служб и служб занятости, информацию о том, насколько выпускникам комфортно получать эту помощь [4, с. 27], насколько они могут сохранить свое самоуважение, почувствовать себя компетентными авторами своей жизни в процессе получения помощи [8]. Нередко помогающие специалисты, трактуя неудобное поведение клиента как «сопротивление», недооценивают то, как сами могут случайно разрушать рабочий альянс с клиентом [3].

Имплицитные предубеждения работников социальной сферы, педагогов, чиновников и сотрудников НКО в адрес определенных групп людей влияют на то, насколько часто эти группы обращаются за помощью. Постоянное столкновение с предубеждениями в свой адрес могут приводить к интериоризации предубеждений и стигмы, что становится причиной низкой самооценки, переживания стыда, страха, стресса, а также ухудшает общее здоровье [2]. Люди могут избегать раннего обращения за помощью, если ожидают столкновения с предубеждениями в свой адрес [5]. Одновременно с этим негативное восприятие клиентов также влияет на качество и интенсивность помощи, которую специалисты потенциально готовы им оказывать. Целью данного исследования стал анализ имплицитных представлений помогающих специалистов о выпускниках детских домов.

Методы сбора данных и выборка. Онлайн фокус-группы (67 человек из 18 регионов РФ) и индивидуальные с сотрудниками профильных НКО (6 интервью), директорами детских домов (5 интервью) и сотрудниками государственных служб сопровождения выпускников (4 интервью).

Гайд для интервью и фокус-групп. Полуструктурированное интервью для создания портрета типичного выпускника детского дома, его сильных сторон и дефицитов.

Методы анализа данных. Тематический и дискурсивный анализ качественных данных.

Результаты.

Дискурсы, которые, потенциально могут затруднять взаимодействие специалистов и выпускников детских домов. **Дискурс лени.** «Они ленивые». «Они не хотят трудиться». **Дискурс иждивенчества.** «Они привыкли получать все даром». «Они не ценят возможности, которые им достаются просто так». **Дискурс ненадежности.** «Они легко бросают работу, которую им нашли НКО, а работодатель больше не хочет с этим НКО работать». «Не понимают и не принимают обоснованную критику. Например, ему говорят, что он опоздал и будет оштрафован, а он обижается: «Ну я же пришел». **Дискурс «видят только интернет, а не реальную жизнь».** «Они хотят зарабатывать в интернете, но не знают как, хотят найти сразу кучу денег, работа за кусок хлеба им не нравится,

а в регионах часто только такую и можно найти». Дискурс «нужно обязательно бросить свое окружение». «Они смотрят на своих друзей, и если у них не хуже, то они и довольны». «Я вообще не приветствую, если у нас ребята из детских домов находят кого-то вот тоже такого, потому что оба просто друг друга вниз потянут, и ничего из этого не получится». Успешность выпускников с точки зрения специалистов определяется их целеустремленностью, трудолюбием, уверенностью в себе и коммуникабельностью.

Выводы

ИмPLICITные представления о выпускниках детских домов как о проблемных членах общества могут снижать готовность специалистов к построению равных рабочих отношений с выпускниками детских домов, что в свою очередь может снижать готовность молодых взрослых искать помощи в трудных жизненных ситуациях у специалистов НКО и государственных служб. Необходимы дополнительные исследования для выявления данного типа сложностей в различных ситуациях и создания методических рекомендаций по снижению их влияния.

Литература

1. *Если быть точным.* Сиротство в России. <https://tochno.st/problems/orphanhood>
2. ООН. Предубеждения и дискриминация: Барьеры для социальной инклюзии. <https://www.un.org/development/desa/dspd/2018/02/prejudice-and-discrimination/>
3. *De Shazer S.* The death of resistance // Family process. 1984. Vol. 23. № 1. P. 11-17.
4. *Isebaert L.* Solution-focused cognitive and systemic therapy: The Bruges Model. // Taylor & Francis. 2016
5. *Schomerus G.* Stigma and its impact on help-seeking for mental disorders: what do we know? // Epidemiology and Psychiatric Sciences. 2008. Vol. 17, №1. P. 31-37.
6. *Rickwood D.* Young people's help-seeking for mental health problems. // Australian e-journal for the Advancement of Mental health. 2005. Vol. 4. №3. P. 218-251.

7. *Törrönen M., Borodkina O.* Trust in reciprocal relationships - The construction of well-being // *Empowering social work: Research & practice* / Ed. Heino E. Kotka, 2013.
8. *Zimmerman M.A.* Empowerment theory: Psychological, organizational and community levels of analysis // *Handbook of community psychology* / Ed. Rappaport J. New York, 2000.

Как поддержать ресурсное состояние педагога и сохранить его эмоциональную устойчивость в современной образовательной среде

Храмова С.Л., Андрианова И.Н.
МБОУ СОШ № 23, МБОУ СОШ № 21, Ковров, Россия
s.l.khramova@yok33.ru, i.n.andrianova@yok33.ru

2023 год объявлен в России годом педагога и наставника. Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что личность учителя, его эмоции, мудрость, теплота, внимание и сила убеждений оказывают колоссальное влияние на интеллектуальное и нравственное становление учеников [3]. При этом он также обратил внимание на значимость использования учителем, в процессе построения, урока новых технологий. Не секрет, что современные школьники отлично ориентируются в электронных программах, часто во многих вопросах разбираются лучше взрослых. «Они порою знают больше нас, философы в 13 с половиной» [4]. Современному учителю уже невозможно построить процесс обучения без использования электронных образовательных ресурсов, но также важно сохранить значимость живого общения. И молодым специалистам, и опытным педагогам очень нелегко соответствовать профессиональному стандарту педагога, который предполагает постоянное развитие и движение. Профессия учителя всегда относилась к категории профессий, связанных с высокой эмоциональной нагрузкой, риском эмоционального выгорания.

В настоящий момент поддержка педагогов осуществляется на уровне государства. Благодаря реализации национального проекта «Образование» в образовательные организации приходят молодые

специалисты, возвращаются педагоги, которые по разным причинам имели перерывы в педагогической деятельности, остаются в профессии учителя, уже имеющие педагогическую выслугу. И молодые специалисты, и опытные педагоги нужны образовательным организациям, но, кроме материальной поддержки, любой категории учителей необходима эмоциональная помощь. Молодежь заряжает энергией, энтузиазмом, но часто, в начале профессионального пути, ей не хватает умений и навыков. Молодые учителя сталкиваются с трудностями организации учебного процесса, общения с родителями и т.д., что может способствовать быстрому эмоциональному выгоранию. Опытные учителя владеют прочной методической базой, в совершенстве знают предмет, но не всегда успевают осваивать новые электронные образовательные ресурсы, при этом испытывают неуверенность, что также ускоряет процесс эмоционального выгорания.

Для того, чтобы увеличить эффективность образовательного процесса, улучшить психологический климат педагогического сообщества школы и эмоционального состояния каждого учителя, особую актуальность сохраняет работа, направленная на поддержку ресурсного состояния учителя, сохранения и укрепления его эмоциональной устойчивости. Творческой группой педагогов-психологов г. Коврова была разработана и апробирована программа профилактики эмоционального выгорания учителей. В ее основу положены разработки известных отечественных педагогов-психологов В.В. Бойко, Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой, В.С. Третьяковой, М.В. Борисовой [1; 2; 7; 8] и др.

Программа рассчитана на один учебный год, при ее разработке были учтены такие факторы, как системность и компактность предлагаемой теоретической и практической информации. В школах был установлен четкий график реализации мероприятий программы, известный педагогам. Программа велась по нескольким направлениям: диагностические обследования, просветительские, развивающие, профилактические и управленческие мероприятия. В начале и в конце программы было организовано обследование и проведен анализ уровня эмоционального выгорания педагогов и состояние психологического климата в коллективе. Для данной цели были использованы методики В.В. Бойко [5] Просветительские

события включали в себя семинары и самостоятельную работу учителей с электронными ресурсами. В данной деятельности был активно задействован школьные чат и сайт, в которых публиковались короткие видео и мотивирующие притчи. Например, притча «Четыре свечи» [6] Развивающие и профилактические мероприятия предполагали отработку практических упражнений (саморегуляция, звуковая гимнастика, дыхание и др.), направленные на ослабление эмоциональной усталости. Также проводились практические занятия, консультации, мастер-классы и велась работа, направленная на оптимизацию досуговой деятельности педагогов. Особое внимание было отведено управленческим мероприятиям. Для эффективной работы педагогического коллектива важны такие моменты, как организация рабочего места учителя, строгая определенность должностных инструкций и обязанностей, конструктивная и «прозрачная» система поощрений и наказаний, принятая в коллективе, справедливая кадровая политика, возможность продвижения по служебной лестнице, оказание социальной поддержки и защита интересов сотрудников.

Анализ всех этапов работы, который проводился в ходе апробации программы, позволил сделать вывод о том, что только совместная деятельность всех служб образовательной организации, совместная работа молодых специалистов и опытных педагогов может гарантировать устойчивый положительный результат, сохранить психосоматическое здоровье учителей и сделать учебно-воспитательный процесс эффективным. Наблюдения, отзывы и диагностические исследования также показали, что позитивный эмоциональный фон, возможность обращения за помощью, также повышает корпоративную культуру, делает коллективы более сплоченными, сближает учеников с педагогами и является гарантией развития образовательной организации.

Литература

1. *Бойко В.В.* Энергия эмоций. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2004. 474 с.

2. *Борисова М.В.* Психологические детерминанты феномена эмоционального выгорания у педагогов // Вопросы психологии. 2005. № 2. С. 96-104.
3. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 336 с.
4. Методика диагностики уровня «Эмоционального выгорания» В. В. Бойко // Психологи на b17.ru [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.b17.ru/article/4338/> Дата обращения: 09.04.2023.
5. Образование – национальный проект [электронный ресурс] Режим доступа: <https://национальныепроекты.рф/projects/obrazovanie> Дата обращения: 19.03.2023
6. Орленок. Философы в 13 с половиной [электронный ресурс] Режим доступа: <https://teksty-pesenok.ru/rus-orlenok/tekst-pesni-filosofy-v-13-s-polovinoj/1884534/> Дата обращения: 19.03.2023.
7. *Третьякова В.С.* Исследование синдрома эмоционального выгорания в педагогической среде [электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sindroma-emotsionalnogo-vygoraniya-v-pedagogicheskoy-srede/viewer> Дата обращения: 09.04.2023.
8. Четыре свечи // Притча. ru [электронный ресурс] Режим доступа: https://pritchi.ru/id_4322 Дата обращения: 09.04.2023.

Психологическое благополучие личности как фактор референтной значимости образовательной среды

Худякова Т.Л., Петросянец В.Р., Гридяева Л.Н., Клепач Ю.В.
 ФГБОУ ВО ВГПУ, Воронеж, Россия
kafedra-pp@mail.ru

Согласно А.В. Петровскому «становление личности определяется особенностями взаимоотношений личности с членами референтной группы... Референтность обнаруживается в ситуации, когда определяется отношение субъекта к значимым для него объектам» [1,

с. 326]. Вслед за А.В. Петровским отметим, что «мое отношение к моей среде есть мое сознание» [3, с. 19]. Это и обусловило постановку проблемы исследования факторов референтности образовательной среды для педагогов.

Целью эмпирического исследования стало выявление взаимосвязи психологического благополучия личности педагогов и референтной значимости для них образовательной среды.

В исследовании приняло участие 342 педагога общеобразовательных учреждений г. Воронеж и Воронежской области (324 женщины (94,7%), 18 мужчин (5,3%)). Средний возраст респондентов $M = 47,5 \pm 10,4$ лет, средний стаж $M = 24,4 \pm 12,0$. Выборка педагогов представлена 52 образовательными учреждениями.

Для определения психологического благополучия педагогов была использована методика «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, адаптированная Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко [4], позволяющая оценить степень реализации педагогами собственного потенциала и умения выстраивать отношения с окружающими.

С целью изучения референтности образовательной среды для педагогов применялась методика «Психологическая безопасность образовательной среды», разработанной И.А. Бaeвой [2]. Критерием референтности образовательной среды выступало отношение педагогов к той образовательной среде, включенными участниками которой они являются.

В результате проведенного анализа полученных эмпирических данных было установлено, что педагоги обладают средним уровнем психологического благополучия ($M = 347,25 \pm 38,88$). Процентное соотношение уровней выраженности сторон психологического благополучия педагогов показало его относительно равномерное распределение, выразившееся в том, что для большинства педагогов свойственен средний уровень развития всех сторон психологического благополучия. Однако, обращает на себя внимание также и тот факт, что по параметрам «личностный рост», «цели в жизни» и «позитивные отношения» достаточно высок процент (более 20%) низкого уровня благополучия. Отдельного внимания заслуживает и такая сторона психологического благополучия педагогов, как автономия, поскольку

это единственный параметр, по которому было зафиксировано более 10% педагогов с высоким уровнем развития.

Оценка референтной значимости образовательной среды педагогов осуществлялась на основе подхода И.А. Баевой к психологической безопасности образовательной среды [2]. Референтная значимость среды фиксируется в таком параметре психологической безопасности этой среды, как отношение к ней. Дифференцированная оценка педагогами отношения к образовательной среде позволяет установить один из трех типов отношения – позитивное, нейтральное и негативное. По итогам аналитической оценки отношения педагогов к образовательной среде было установлено, что преобладающее большинство педагогов позитивно относится к образовательной среде, включенными участниками которой они являются (87,4%). Эти данные говорят о том, что для данных педагогов сохраняется референтная значимость образовательной среды. Педагоги принимают нормы и ценности данной образовательной среды, разделяют мнения, суждения своих коллег, для них значимо быть вовлеченными с ними в общую систему отношений. Нахождение педагогов в референтной для них образовательной среде позволяет им чувствовать себя в ней комфортно и безопасно. Негативное отношение к образовательной среде свойственно для 2% педагогов. Несмотря на низкую представленность в выборке, рассматриваемая группа педагогов требует особого внимания со стороны психолога в вопросах сопровождения психологической безопасности образовательной среды. Это обусловлено тем, что негативная оценка педагогами образовательной среды сопряжена со стремлением покинуть ее вследствие накопившихся у них внутренних и внешних противоречий в системе отношений с включенными в нее участниками и, как следствие, потеря этой средой референтной значимости для педагога. Для 10,5% педагогов референтность образовательной среды носит неоднозначный характер. Они занимают нейтральную позицию по отношению к образовательной среде, в которой реализуют свои трудовые функции. Риск нейтрального отношения педагогов к среде состоит в том, что, при ряде сопутствующих обстоятельств, оно может переходить в сферу негативного отношения.

Результаты корреляционного анализа позволили установить, что позитивное отношение к образовательной среде положительно тесно

взаимосвязано со всеми сторонами их психологического благополучия. Диаметральные противоположные результаты были установлены в отношении негативного и нейтрального отношения педагогов к образовательной среде: чем сильнее они выражены, тем менее проявлены все стороны их психологического благополучия.

Таким образом, по результатам корреляционного анализа была установлена прямая тесная взаимосвязь между психологическим благополучием педагогов и их оценкой референтности образовательной среды.

Литература

1. Введение в психологию: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Под общ. ред. А.В. Петровского. М.: «Академия», 1996.
2. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство / Под ред. И. А. Баевой. Санкт-Петербург: Речь, 2006.
3. *Петровский А.В., Шпалинский В.В.* Социальная психология коллектива. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов. М., «Просвещение», 1978.
4. *Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П.* Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. №3.

Факторы социальной адаптации личности в условиях глобальных вызовов: стратегии психолого-педагогического сопровождения

Чернева С.П.

*МБОУ «СОШ№71г. Челябинска», Россия
chtrnevas@mail.ru*

Процесс, который происходит сегодня в постоянно меняющемся неустойчивом мире многие исследователи и идеологи называют «*нарастанием социальной неопределенности*». И одновременно, это время вызовов, ведущих к изменению взглядов на многие идеи, в том

числе на систему образования и воспитания детей с особыми образовательными потребностями.

В отечественной науке исследования опираются на общепсихологические закономерности и основы возрастной социальной психологии групп, в соответствии с которыми, следствием пребывания в неопределенности, является *кризис идентичности*, что означает утрату стабильности, разрушение ценностей и представлений о себе, искажение норм, регулирующих поведение [1; 3].

Проблемой адаптации к новым условиям социума, созданию психологически безопасной среды для развития личности сегодня не занимается только ленивый. Но с еще большей ответственностью необходимо подходить, говоря о формировании и поддержке психического здоровья обучающихся с особыми образовательными потребностями.

Возникновение «ситуации неопределенности» для личности подростка имеет кризисный характер: теряется чувство уверенности в завтрашнем дне, происходит отдаление от своего личностного сценария, крах планов на жизнь после школы, преследуют негативные эмоции. Длительное пребывание в подобных состояниях отрицательно сказывается на качестве жизни и психическом здоровье подрастающего поколения [5, с. 142–162].

К факторам успешной социальной адаптации личности в условиях глобальных вызовов относятся эмоциональная стабильность и уровень нейротизма. За последние три года, начиная с «ковидного-19» года, мы отмечаем постоянно снижающийся уровень эмоциональной стабильности у обучающихся данной категории. Исследование эмоциональной стабильности/нестабильности (нейротизма) обучающихся 8-9 классов с особыми образовательными потребностями проводится «Личностным опросником Айзенка (Eysenck Personality Inventory или EPI)» [4].

Эмоциональная стабильность - черта, выражающая сохранение организованного поведения, ситуативной целенаправленности в обычных и стрессовых ситуациях; характеризуется зрелостью, отличной адаптацией, отсутствием большой напряженности, беспокойства. Нейротизм выражается в чрезвычайной нервности, неустойчивости, плохой адаптации, склонности к быстрой смене настроений (лабильности), рассеянности внимания, неустойчивости в стрессовых ситуациях.

Таким образом, анализируя данные обследования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья 14-15 лет по шкалам экстраверсии/ интроверсии и нейротизма, мы получили следующие показатели: большинство подростков склонны к экстраверсии и эмоциональной стабильности. Но, как видно из статистических данных, количество обучающихся с низким уровнем нейротизмом снижается, а процент обучающихся с высоким уровнем нейротизмом растёт от года к году.

Высокий уровень нейротизма или повышенная эмоциональная лабильность являются психопатологическим симптомом, характеризующимся легкостью развития аффективной реакции в социуме в ответ на слабые и умеренные раздражители [2]. Все чаще у подростков проявляется плаксивость, пугливость, вспышки раздражения и гнева, настроение переменчивое, эмоции выраженные, с перепадами от позитивных до негативных, на пике переживаний снижается самоконтроль и способность объективно оценивать ситуацию.

Именно такие проявления все чаще приводят к повышенной агрессивности, конфликтности, травли и дискриминационным отношениям по признакам национальной, языковой, расовой и религиозной принадлежности. Такие случаи могут наблюдаться и в связи с появлением рисков солидаризации с деструктивными сообществами/практиками в социальных сетях.

Неблагоприятные условия социализации и межличностного взаимодействия легко меняют ситуацию в молодежной среде. Мы отметили следующие изменения у обучающихся с разным уровнем нейротизма:

- сангвиники, при отсутствии серьёзной цели, становятся поверхностными, теряют навык двигаться вперед;
- при отсутствии активной жизни холерический темперамент часто проявляется в раздражительности, несдержанности, вспыльчивости, неспособности к самоконтролю;
- меланхолик превращается в тревожного, склонного к тяжелым переживаниям;
- флегматики в «условиях неопределённости» отличаются вялостью, безучастностью к окружающему, безволием, бедностью эмоций.

Психологическая жизнеспособность, успешность, благополучие и качество жизни будущего взрослого человека во многом зависят от его возможностей справляться с «неопределенностью бытия». Наша задача предупредить подобные явления в образовательной среде, обеспечить психологическую комфортность всех участников образовательного процесса.

Цель комплексной работы педагогов и специалистов, советников и наставников, родителей и тренеров - обеспечение благоприятных условий для коррекции и развития личности обучающихся в сложных реалиях внешнего мира. Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся в нашем образовательном учреждении направлено на формирование психологически комфортной и безопасной образовательной среды. Для осуществления этой цели администрацией школы и специалистами социально-психологической службы принято решение по реализации с сентября 2022 года проекта «По ступенькам к успеху». Задачи, реализуемые в данном проекте, включают поэтапное формирование успешной социализации обучающихся - уверенного поведения, позитивного мышления, взаимоуважения друг к другу, толерантного отношения к обстоятельствам и событиям вокруг каждого и его семьи.

Наиболее эффективной формой достижения цели и задач выбрана *групповая работа с элементами тренинга*, как один из гарантированных подходов к решению актуальных и перспективных социально-психологических проблем. Именно тренинг, как метод активации когнитивных и психических процессов подростка, позволяет запустить механизм саморегуляции, вербализовать конкретные актуальные переживания с позиций внутреннего мира себе подобных, убедиться, что «ты не один», и под руководством специалиста (психолога, социального педагога, медиатора) перейти к анализу собственных поступков и переживаний (рефлексии) [5].

В результате проработки в интерактивной форме проблем подростков с особенностями развития раскрываются механизмы личностной защиты, корректируется мотивационная составляющая, причем, не только учебная, но и витальная, и коммуникационная. По итогам прохождения групповой психологической коррекции и последующего индивидуального сопровождения, нами отмечена положительная динамика эмоциональной стабильности обучающихся

с ОВЗ, в учебных коллективах укрепилась атмосфера принятия и взаимоуважения, доброты и сочувствия.

Таким образом, при комплексном и профессиональном психолого-педагогическом сопровождении, ситуация «неопределенности» и глобальных вызовов становится источником развития личности подростка, предлагает оригинальное видение решения задач, меняет стратегии поведения всех участников образовательного пространства.

Литература

1. Амбрумова А.Г. Анализ состояний психологического кризиса и их динамика // Психологический журнал. -1985. -Т. 6, № 6. - С. 107-115.

2. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. - 1994. - Т. 15, № 1. - С. 3-18.

3. Белинская Е. П. Конструирование идентификационных структур личности в ситуации неопределенности / Е. П. Белинская // Социально-экономическая трансформация в России. - № 130. - 2001. - С. 30–53

4. Личностный опросник ЕРІ (методика Г.Айзенка) / Альманах психологических тестов - М., 1995. С.217-22

5. Моросанова В.И. Саморегуляция и выбор в преодолении субъективной неопределенности // Психология саморегуляции в XXI веке / отв. ред. В.И. Моросанова. - СПб.; М.: Нестор-История, 2011. - С. 142-162.

Возможности применения современных технологий для развития способностей детей дошкольного возраста

Чубукова Р.А., Кротова Н.В.

*МДОУ «Детский сад №5 СЕРПАНТИН»,
Ростов, Ярославская область, Россия
ryslana@inbox.ru, nata.krotova1970@mail.ru*

Детство – это важнейший период развития, в ходе которого начинают проявляться и развиваться потенциальные задатки, общие и специальные способности ребенка. Именно они в дальнейшем

позволяют человеку самоопределиться и самореализоваться на этапе жизненного пути.

По мнению психологов, современные дети обладают достаточно разноуровневым потенциалом развития. Поэтому в дошкольные образовательные учреждения приходят как нормотипичные дошкольники, так и дети с психическими отклонениями в развитии и дети с признаками одаренности. Наличие установленных различий в психическом развитии детей должно предполагать использование индивидуального подхода к воспитанию и обучению с целью создания наиболее благоприятных условий для их социализации в обществе.

В большей степени решить эту задачу позволяет реализация гуманистического подхода в образовании, ориентированного на устойчивые интересы и склонности ребенка, которые по утверждению Б.М.Теплова свидетельствуют о своеобразии способностей, а ряде случаев и одаренности [3].

В.Д. Шадриков отмечает, что способности – это свойства функциональных систем, реализующих определенную психическую функцию, имеющие индивидуальную меру выраженности, проявляющуюся в успешности освоения и выполнения деятельности.

Таким образом, способности представляют собой интегральные образования, создающие условия с одной стороны для системной организации работы мозга, а с другой это необходимое условие развития индивида, субъекта деятельности и личности [4; 5; 8].

Основным средством, обеспечивающим развитие общих и специальных способностей детей на этапе дошкольного возраста, являются педагогические технологии.

Б.Т. Лихачев определяет педагогическую технологию как совокупность психолого-педагогических установок, которые определяют специальный набор и компоновку форм, методов, способов приемов обучения и воспитательных средств [2].

Ориентация на личность ребенка как субъекта в образовательной технологии предполагает опору на психические и психологические особенности детей.

Результаты научных исследований свидетельствуют о том, что для современных дошкольников характерен высокий интерес детей к современным техническим устройствам, повышение качества усвоения знаний при использовании пошаговой инструкции, слабое владение навыками общения, снижение уровня когнитивного развития, особенно дивергентного мышления, сужение уровня

развития сюжетно-ролевой игры, приводящее к недоразвитию мотивационно-потребностной сферы, воли и произвольности, незрелость внутреннего плана действий и тонкой моторики, недостаточная социальная компетентность и любознательность [6].

Принимая во внимание данные возрастные особенности современных детей для развития способностей дошкольников нами были выбраны две технологии: игровая технология и ИКТ-технология. Выбор данных технологий был обусловлен тем, что, во-первых, они ориентированы на интересы и склонности ребенка, которые свидетельствуют о своеобразии способностей, во-вторых, создают условия для развития психических функций дошкольников, являющихся частью сложных функциональных систем, реализующих способности.

Реализация игровой технологии, направленной на развитие творческих способностей детей, осуществлялась посредством применения методического набора «Дары Фребеля» [1; 7]. Применение данного методического набора было реализовано в процессе организации сюжетно-ролевых игр («Повар», «Экология», «Цветоводы», «Магазин», «Строители», «Морское путешествие» и т.д), развивающих игр и использованием карт-схем («Снегирь», «Футбол», «мячи для котят» и т.д) и коллективных творческих игр («Сказочный лес», «Экскурсия по городу», Школа волшебников»).

Применение в образовательном процессе ИКТ-технологии осуществлялось посредством использования интерактивной системы тестирования и голосования VOTUM, которая позволяет сделать обучение наглядным, увлекательным и создает условия для развития инженерных, математических и коммуникативных способностей дошкольников. Эта система прекрасно зарекомендовала себя в процессе проведения коллективных мероприятий, таких как математическая олимпиада «Интеллектум», олимпиада «Одаренки», муниципальный фестиваль технического творчества KidsКОД, подгрупповые занятия, направленные на развитие коммуникативных способностей детей по программе «Развивай-ка».

Таким образом, применение игровых и ИКТ-технологий, адаптированных под современные интересы и возрастные особенности дошкольников способствует развитию познавательной мотивации, произвольной памяти, внимания и восприятия, гибкости и самостоятельности мышления, творческого воображения, способностей конструктивного взаимодействия со сверстниками и

взрослыми, развитию мелкой моторики. Создание условий для развития этих способностей на этапе дошкольного детства способствует формированию профессиональных предпочтений, благоприятной социализации и самореализации подрастающего поколения.

Литература

1. *Карпова Ю.В., Кожевникова В.В., Соколова А.В.* Комплект методических пособий по работе с игровым набором «Дары Фребеля», Москва: ООО издательство «Варсон», 2014.
2. *Лихачев Б.Т.* Педагогика. М., 1992.
3. Психологический словарь / Под ред. Давыдова В.В., Запорожца А.Д., Ломова Б.Ф. и др. М., 1983.
4. Психология одаренности детей и подростков /Под.ред. Н.С. Лейтеса. М.,1996.
5. *Судаков К.В.* Общие закономерности системогенеза // Теория системогенеза / Под ред. К.В. Судакова. М.,1997.
6. *Фельдштейн Д.И.* Изменяющийся ребенок в изменяющемся мире: психолого-педагогические проблемы новой школы//Национальный психологический журнал. 2010. №2(4). С. 6-11.
7. *Фребель Ф.* Будем жить для наших детей. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
8. *Шадриков В.Д.* Психология деятельности человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Профессиография УХ-исследователя в деятельности информационного типа

Шарапов Н.А.

*АНО ВО «Российский новый университет», Москва, Россия
sharapov_na@mail.ru*

В современном мире особое место занимают способы взаимодействия с информацией, а профессии информационного типа являются наиболее востребованными. В недавнем исследовании

сервиса по подбору и найму персонала «HeadHunter» были получены данные, согласно которым больше половины ИТ-компаний намерены увеличивать свою сферу деятельности и штат компании. Уровень зарплат в сфере ИТ (интернет-технологии) будет увеличен в 41% компании. Данные исследования «Зарплата.ру» показывают рост соответствующих вакансий на 31%, при этом спрос выше предложения, из-за чего сфера ИТ будет оставаться актуальной и востребованной в ближайшие годы.

В работе представлен анализ психологических классификаций профессиональной деятельности, особенностей деятельности информационного характера, а также психологический анализ содержания и методов профессии UX-исследователя (исследователя опыта пользователей). Проблема исследования заключается в низком уровне изучения профессий ИТ-сферы в отечественной и зарубежной психологии. Целью исследования является анализ содержания и методов UX-исследователя. Научная новизна отражается в дополнении и уточнении знаний о профессиях информационного типа, UX-исследованиях и исследователях, применяемых методах.

В своих работах С.Л. Леньков выделил особенный тип отношений, который выходил за рамки классических представлений об особенностях субъект-объектных и субъект-субъектных типов. Выделение субъект-информационных отношений характеризуется обусловленностью информации субъектом. Современный мир нужно рассматривать не только с точки зрения субъекта, объекта, но и с точки зрения большого количества информации, которое появляется при любых типах взаимодействий [2; 4].

В дополнении к представленной субъектно-информационной теории, Т.В. Разина обосновала научную деятельность как имеющую определенные признаки для включения в класс информационной деятельности [5]. Исходя из этой позиции, можно заключить, что изучение теоретических представлений, планирование и проведение эмпирических исследований, являясь научной деятельностью, может определяться как деятельность информационного типа. Данное нами рабочее определение термина «информационная деятельность» звучит так: «Информационная деятельность – это специфичный, выходящий за рамки объекта и субъекта тип деятельности, включающий

информацию в качестве предмета труда и создающий по результатам анализа новые знания».

Зарубежные авторы используют сокращение UX, которое образовалось от «user experience», что может трактоваться как пользовательский опыт. Данная сфера отражает процесс взаимодействия пользователя с функциями системы. Специалисты в сфере UX делятся на: дизайнеров и исследователей [6]. Исследователи UX используют различные методы, среди которых: опросы, тестирования, интервью, эксперимент, фокус-группы [1]. Помимо классических для психологии методов цифровые технологии позволяют также применять методы: тепловые карты, eye-tracking, сортировка карточек, древовидное тестирование, исследование «дневников», тест пяти секунд, панельные исследования, A/B-тестирования, анализ кликстрима (clickstream) [7; 8]. Также в исследованиях могут быть использованы биометрические данные: измерение активности мозга, гальванический отклик кожи. Исследования UX позволяют проанализировать поведение пользователя в рамках конкретного сайта или приложения, чтобы понять удобство и дружелюбность интерфейса, функционала. Примером такого исследования будет изучение легкости поиска функции смены пароля в социальной сети.

Процесс исследования начинается с формирования целей и гипотез исследования, задач, которые уточняются у клиента. Последующий анализ позволяет узнать преимущества и недостатки компании, продукта, чтобы сделать акценты на преимуществах в дизайне и устройстве IT-продукта. Далее формируется Customer Journey Map (CJM), который является дорожной картой, и в ней прописываются все сценарии взаимодействия пользователя с сайтом, а сам процесс делится на различные этапы (от знакомства с продуктом до совершения покупки). На основе полученной информации создается или редактируется сайт, раздел приложения, которые UX-исследователь изучает при помощи описанных ранее методов (качественных и количественных) [7]. Анализ полученных данных происходит при помощи методов математической статистики, с помощью программ SPSS и других. UX-исследователю может быть поставлена задача о сборе данных по готовому продукту, поиску респондентов и опросу, анализу. Он может принимать активное

участие с самого начала, создавая СМ, изучая конкурентов, внося корректировки в дизайн и позиционирование, выбор целевой аудитории, но это уже будет выходить за рамки UX, переходя в сферу CX (customer experience), которая исследует опыт взаимодействия пользователя со всей компанией, брендом, а не только конкретным продуктом и функцией [6].

Специфика данной профессии заключается в том, что её составляющие можно относить к различным объектам труда, которые выделил Е.А. Климов [3]. UX-исследователь работает и с человеком (исследует его поведение и т.д.), и с техникой (программы получения и анализа данных), и с художественным образом (качественные методики и изучение интерфейса сайта), знаковой системой (анализ данных, языки программирования), и природой, если изучение пользовательского опыта связано с программами по защите окружающего мира.

Компетенции UX-исследователя находятся на стыке гуманитарных и технических наук, что отражается в содержании профессиональной деятельности. Каждый из существующих объектов труда может относиться к данной профессии, но мы выделим основным – информацию, которая генерируется в процессе взаимодействия с каждым объектом.

Литература

1. *Дружинин В.Н.* Классификация методов психологического исследования // Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000. С.27–32.
2. *Карпов А.В., Леньков С.Л.* Структурно-функциональное строение профессиональной деятельности информационного характера: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. 448 с.
3. *Климов Е.А.* Развивающийся человек в мире профессий : [вопросы выбора или перемены профессии] / Е.А. Климов. Обнинск : Принтер, 1993. 56 с. URL: <http://www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=18520> .
4. *Леньков С.Л.* Психологическое обеспечение профессиональной деятельности экономиста в современных

- информационных средах: Дис. ... д-ра психол. н.: 19.00.03 / Ленков С.Л. 2004. 388 с.
5. *Разина Т.В.* Структурно-функциональная организация и генезис мотивации научной деятельности: Дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.03 / Разина Т.В. 2016. 612 с.
  6. *Barnum C.* The state of UX research // Journal of Usability Studies. 2019. Т. 15. №. 1. С. 1-7.
  7. *Linder J., Arvola M.* IPA in UX Research: Interpretative phenomenological analysis in a user experience design practice // Proceedings of the European Conference on Cognitive Ergonomics. 2017. С. 17-24.
  8. *Rohrer C.* When to use which user-experience research methods // Nielsen Norman Group. 2014. Т. 12. С. 21.

К вопросу о взаимодействиях преподавателя и студента в образовательных платформах e-pedagogy

Шаталина В.В.

*Исследовательский центр социальных систем,
Глазго, Великобритания*

Иващенко Н.Н.

*ННГУ, Нижний Новгород, Россия
v.shatalina@rcs-systems.org, nni@fsn.unn.ru*

Введение

Стремительное развитие цифровой педагогики (e-pedagogy) в старшей и высшей школе порождает проблемы взаимодействия преподавателя и учащегося в процессе использования новых технологий и образовательных платформ. Качество этого взаимодействия становится ключевым звеном, определяющим эффективность обучения в целом.

Новые образовательные технологии нацелены на развитие следующих, очень сложных способностей студента:

- аналитическое мышление и создание инноваций;
- активное включенное учение и использование стратегии самообучения;

- комплексное решение проблем;
- критическое мышление и анализ;
- креативность, оригинальность и инициатива.

Согласно «Всемирному экономическому» форуму, это пять основных навыков, которые будут наиболее востребованными работодателями во всем мире к 2025 году [1].

Для достижения поставленных целей от преподавателя требуется постоянное повышение квалификации, развитие особых коммуникативных навыков, овладение новыми и новыми приемами и умениями по обслуживанию этих платформ и технологий.

С целью понимания особенностей и современных трудностей взаимодействий преподавателя и учащегося в e-pedagogy, было проведено пилотное исследование того, как эти проблемы видят создатели образовательных платформ на ежегодной выставке BETT – British education teaching technology [2].

Методы исследования

Методом глубинного интервью face-to-face было опрошено 18 представителей международных компаний, создающих образовательные платформы, преимущественно для старшей и высшей школы. В число респондентов вошли разработчики и менеджеры, обеспечивающие продажи как прямые, так и опосредованные. Основной темой интервью являлось обсуждение ожиданий (expectations) от современного студента и современного преподавателя и особенностей цифрового взаимодействия между ними, необходимых для продвижения этих электронных платформ.

Дискуссия

Предварительный анализ полученных результатов позволил выделить следующие ожидания представителей инновационных платформ:

От студентов ожидается:

- любопытство и активное стремление учиться;
- самомотивацию по самосовершенствованию, платформы обычно предлагают постановку личных целей;
- адаптивность к новым методам обучения, предполагается, что платформы подбирают персонализированный подход и умеют менять стратегии обучения;

- сотрудничество в виде развитых навыков общения, что позволяет им эффективно делиться своими знаниями и учиться у своих сверстников;
- рефлексивность, как стремление к мета познанию, и размышление о своем учебном прогрессе.

От преподавателей ожидается:

- использование технологий и интеграция предложенной платформы в свою педагогическую практику;
- умение уделять первостепенное внимание потребностям своих учеников, используя персонализированные инструменты обучения и аналитики, чтобы поддержать уникальный индивидуальный учебный путь каждого ученика;
- непрерывное обучение посредством использования ресурсов платформ и аналитических данных для совершенствования преподавания;
- сотрудничество, создание учебной среды, умение побуждать учащихся работать вместе и учиться друг у друга, сотрудничать с другими преподавателями;
- гибкость как использование формирующих оценок и аналитику платформ (если она имеется), чтобы корректировать свои инструкции и обеспечивать своевременную и целенаправленную обратную связь для поддержки прогресса учащихся.

На базе собранных материалов выделяются несколько проблемных областей взаимодействия, таких как планирование, мониторинг и оценивание результатов учебной работы и студентом и преподавателем.

Многие образовательные платформы учитывают какую-либо одну сторону взаимодействия. Популярен подход к созданию социальных сетей взаимодействия среди обучающихся, реализующий потребность в отношениях с другими людьми, общении, разделении мнений или ответственности. Самой сложной темой оказалась проблема учебной мотивации в новой цифровой среде.

Выводы

Современные цифровые образовательные платформы предполагают, что преподаватель все более и более совершенствуется, постигая не только свой предмет более широко и углубленно, но

осваивая индивидуальный подход к обучению учащегося. За преподавателем предполагается поиск путей освоения знаниями именно этим учащимся, к тому же преподаватель должен овладеть диагностикой навыков, умений и способностей студента, используя возможность влияния на них посредством прилагаемых к платформе инструментами.

Однако студент остается закрытой системой, его активность, самостоятельность и мотивация - дело рук самого обучающегося. Если они сформированы и высоки, платформы могут быть очень эффективны, если нет вопрос об эффективности взаимодействий остается открытым.

Литература

1. The World Economic Forum, in its Future of Jobs report (2020), из доклада (Trend Forecast Report 2022: <https://edu.googlee.com/future-of-education/>
2. British Education Teaching Technology: <https://uk.bettshow.com> ; <https://www.aheadbybett.com/agenda-2023>.

К вопросу о профессиональном выгорании сотрудников и возможностям развития талантов в организации

Шаталина С.В., Ковалева Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
sv.shatalina@gmail.com

В современном мире, в быстро меняющихся экономических и социальных условиях (политические и экономических кризисы, пандемии, вооруженные конфликты) мы сталкиваем с колоссальным давлением, оказываемым на индивида и организации, которые не могут пройти незаметно. Так, вызовы, стоящие перед нами в личной и профессиональной сферах, подталкивают нас к стремлению вперед, постановке амбициозных целей и часто вынужденным оперативным действиям в условиях невозможности существования в привычной парадигме и высокой неопределенности. Данная реальность

способствует повышению стресса у индивидов и в организационной среде, что в свою очередь приводит к растущему числу проблем, связанных с психологическим благополучием людей, которые влияют на все сферы жизни, в том числе на личную и профессиональную.

Одной из таких проблем является эмоциональное выгорание, которое негативно сказывается на психологическом состоянии сотрудников компаний, а, следовательно, и на эффективности процессов в организациях. Организациям следует иметь четкое представление, как именно они могут повлиять на эмоциональное состояние своих сотрудников, чтобы избежать признаков эмоционального выгорания у них и обеспечить непрерывность бизнес-процессов.

При этом на сегодняшний день для организаций чрезвычайно возрастает роль квалификации их сотрудников, растет потребность в совершенствовании знаний, навыков, творческом подходе к работе, готовности принимать решения в нестандартных условиях. В этих условиях становится важным учитывать развитие талантов в организации, способных быстро и эффективно справиться с возникающими вызовами. Для самих сотрудников также критически важно «осознанно, опираясь на свою аутентичность, на знание себя, представление о своем призвании, индивидуальности, ценностях, сильных и слабых сторонах, интересах и стремлениях, ставить перед собой цели и планировать их достижение» [2].

Таким образом, мы должны признать, что последовательная работа над противодействием эмоциональному выгоранию сотрудников является важной составляющей благополучия персонала компании, а, следовательно, неразрывно связана с обеспечением непрерывности и эффективности бизнес-процессов. Кроме того, построение системы управления талантами, основанной на регулярной оценке персонала по значимым для организации параметрам, определении зон развития и последующем обучении сотрудников является залогом успешной работы с персоналом, устойчивого уровня вовлеченности сотрудников и эффективности организации. В таких условиях очень важно становится развивать критические для организации компетенции, которые быстро окупаются, имеют прямую ценность для бизнеса и являются его конкурентным преимуществом.

Теоретическая основа исследования представлена описанием подходов к профессиональному выгоранию в современной науке, а также методов развития талантов в организациях. Анализ психологической литературы позволяет отметить, что существует целый ряд подходов к рассмотрению профессионального выгорания. Профессиональное выгорание определяется следующим образом:

1) данный синдром представляет собой «трехмерный конструкт, включающий в себя эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личных достижений» [3];

2) феномен, связанный с «деформацией ценностно-смысловой сферы личности, проявляющейся в различных признаках психологического отчуждения» [1; 5];

3) «синдром, развивающийся на фоне хронического стресса и ведущий к истощению эмоционально-энергетических и личностных ресурсов человека», возникает как результат «накопления отрицательных эмоций без соответствующей разрядки, или освобождения от них» [4, с. 34].

В определении понятия «таланты» мы опираемся на детальное исследование понятия «талант», проведенное Gallardo-Gallardo E., Dries N. & GonzálezCruz T.F. [6], согласно которому в рамках субъектного подхода понятие «талант» относится к совокупности людей. При этом в нем также выделяются 2 подхода:

- инклюзивный: под талантами понимаются все сотрудники организации;
- эксклюзивный: к талантам относят только определённый круг сотрудников организации.

На данный момент организации фокусируются на «обучении и развитии талантливых индивидов, чтобы обеспечить их приверженность организации» и ее целям [7]. К составляющим направления управления талантами в организациях относятся такие процессы, как «идентификация критических позиций, обучение компетенциям, развитие и управление вознаграждением» [7]. В рамках развития талантов мы рассматривали целеполагание и карьерный диалог с руководителями в организации.

Цель нашего исследования – выявить взаимосвязь профессионального выгорания сотрудников и развития талантов в

организации, а также описание возможностей развития талантов в организации.

Нами был определен следующий методический инструментарий: Ольденбургский опросник профессионального выгорания Е. Демерути с коллегами (The Oldenburg Burnout Inventory, Demerouti E. et. al. 1998, 2005, 2007, 2010) в переводе и адаптации А. Смирновой, Опросник профессионального выгорания Маслач, МВИ/ПВ, авторы: Кристина Маслач, Сьюзан Джексон (1986), адаптация: Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова (2001); Е. И. Лозинская и др. (НИПНИ, 2007), а также опросная методика Морфологический тест жизненных ценностей МТЖЦ В.Ф. Сопов Л.В. Карпушина. Кроме того, мы воспользовались опросником на вовлеченность Gallup Q12, который активно применяется в организационной среде для оценки вовлеченности и ее составляющих, в том числе удовлетворенности карьерой и развитием.

В исследовании приняло участие 106 сотрудников различных компаний, из них 102 постоянных сотрудника организаций и 4 сотрудника, занятых в проектной деятельности либо имеющие самозанятость.

Опросник профессионального выгорания Маслач позволил определить общий уровень выгорания, а также его составляющие: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений. Ольденбургский опросник профессионального выгорания позволил определить положение респондентов на двух шкалах: Отстраненность – Идентификация и Истощенность – Энергичность. Опросная методика Морфологический тест жизненных ценностей МТЖЦ позволила определить мотивационно-ценностную структуру личностей респондентов.

Статистический анализ показал, что существует высокая значимая обратная взаимосвязь между уровнем удовлетворенности своим профессиональным развитием и выгоранием сотрудников. Аналогичным образом существует высокая значимая обратная взаимосвязь между уровнем удовлетворенности своим профессиональным развитием и деперсонализацией. Также нам удалось установить, что существует значимая обратная взаимосвязь между уровнем удовлетворенности своим профессиональным развитием и эмоциональным истощением, а также редукцией профессиональных достижений.

Мы также отметили, что существует высокая значимая обратная взаимосвязь между уровнем вовлеченности сотрудников и выгоранием, а также всеми его составляющими: эмоциональным истощением, деперсонализацией и редуциацией профессиональных достижений.

Подводя итоги исследования можно сделать вывод о том, что при профилактике выгорания у сотрудников организациям следует учитывать инструменты по управлению талантами, например, разрабатывать и внедрять программы развития персонала, что оказывается полезно не только с точки зрения непрерывности производственных процессов, но и с точки зрения психологического благополучия сотрудников.

Литература

1. *Бабич О.И.* Личностные ресурсы преодоления синдрома профессионального выгорания педагогов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2007. 24 с.
2. *Ковалева Т.В.* К вопросу об авторской позиции в построении собственной карьеры в новых реалиях хрупкого мира // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (12-13 мая 2022 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. (С.171-174).
3. *Маслач К.* Профессиональное выгорание: как люди справляются / К. Маслач // Практикум по социальной психологии. СПб.: Питер, 2001. 234 с.
4. *Мелетичев В.В., Шингаев С.М.* Мотивация профессиональной деятельности и профессиональное выгорание педагогов: теория, диагностика, взаимосвязь, профилактика: монография. СПб.: СПб АППО, 2014. 100 с.
5. *Мушастая Н.В.* Эмоциональное выгорание как фактор деформации ценностно-смысловой сферы личности в условиях экстремальных ситуаций: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

6. *Gallardo-Gallardo E., Dries N. & GonzálezCruz T.F.* (2013) [What is the meaning of 'talent' in the world of work?] *Human Resource Management Review*. 23 (4), 290–300
7. *Subramaniam J. & Talib P. & Khan A.* (2018). *Integrated Talent Management Scale: Construction and Initial Validation*. SAGE Open. 8. 215824401878096. 10.1177/2158244018780965.

Развитие субъектного потенциала личности обучающихся в ситуации неопределенности

Швалева Н.М., Воронкина Л.Б.
МБОУ лицей № 15, ФГБОУ ВО ПГУ,
Пятигорск, Россия
shvaleva@rambler.ru, lubava028@mail.ru

Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью реализации стоящих перед современным образованием задач. В Мире глобальных перемен XXI века человек живет в эпохе неопределенности. Осознанно или бессознательно, каждый из нас сталкивается с вызовами нового времени, которые сопровождаются различными социальными, экономическими, политическими и другими социальными изменениями, порождая новые виды рисков и стрессовых ситуаций. Неопределенность изначально трактуется как отсутствие заданности, каких бы то ни было пределов. Неопределенность есть ситуация, когда вероятность наступления каких-либо событий не может быть установлена, событие наступает совершенно неожиданно, оно не может быть предвидено. В условиях неопределенности выбора нет, разрешение назревшей ситуации зависит не от выбора субъекта, а от иных объективных причин, сил, обстоятельств [1]. В этих условиях личность должна сформировать / формирует ситуацию локальной стабильности, определяемой сохранением или созданием системы известных, постоянных или меняющихся по известным правилам обстоятельств.

Авторы предприняли попытку исследования механизмов развития субъектного потенциала личности в сложных условиях и в ситуации неопределенности опираясь на результаты деятельности краевой

инновационной площадки «Психолого-педагогические технологии формирования устойчивости школьников в ситуации неопределенности», которая реализуется на базе МБОУ лицей № 15 г. Пятигорск, Россия (2021-2022 гг.).

Данная идея соответствует задачам Концепции модернизации российского образования и Национальной доктрине образования в Российской Федерации, подчеркивающей необходимость мобилизации личностного и субъектного потенциала школьника.

К основным областям практического использования и применения результата(ов) инновационного образовательного проекта можно отнести следующие.

- Разработка и введение в образовательную практику новой компетенции «устойчивость в ситуации неопределенности».
- Определение психолого-педагогических и гуманитарных технологий формирования устойчивости у субъектов образовательной организации в ситуациях неопределенности.
- Разработка диагностического комплекса изучения психологической устойчивости школьника.
- Разработка комплексной программы психолого-педагогической поддержки субъектных проявлений на этапе школьного детства.
- Разработка превентивного и ресурсного направления деятельности школьной психологической службы.
- Внедрение в образовательную практику педагогических и психологических технологий и практик, формирующих устойчивость личности школьника.

В результате осуществления I и начала II этапа инновационной деятельности (2021-2022 год) сформировались научно-практические интересы в сфере новой педагогической компетенции «устойчивость личности в ситуации неопределенности», что проявилось в участии педагогов в организационно-деятельностных играх, конференциях, публикациях докладов, разработке инновационных психолого-педагогических технологий формирования и развития психологически устойчивой личности школьника.

Складывается система взаимодействия «педагог-ребенок-родитель», предметом которой становится устойчивость личности в сложных ситуациях и ситуациях неопределенности. Этот факт

проявился в увеличении количества обращений в психологическую службу лица обучающихся по проблеме саморегуляции поведения, осознания своих переживаний в различных ситуациях, а также в увеличении количества запросов родителей по различным аспектам устойчивости поведения их детей.

Повысилась психологическая культура всех участников образовательного процесса:

На уровне обучающихся:

- формирование у обучающихся новой компетенции «устойчивость в ситуации неопределенности», освоение ими технологии субъектного способа жизнедеятельности в различных ситуациях;
- обучение школьников способам самопознания, саморегуляции, волевого регулирования поведения в различных ситуациях;
- использование форм работы, позволяющих выявить и поддержать перспективных (талантливых и одаренных) обучающихся,

На уровне родителей (законных представителей):

- повышение качества сотрудничества с образовательной организацией по достижению результата обучения детей на основе применения новых организационных форм и инструментов.

На уровне педагогических работников:

- повышение уровня профессионального развития и готовность принимать участие в инновационных изменениях при решении новых задач педагогической деятельности, повышающих качество образования.

На уровне образовательной организаций:

- определение «точек роста» для организации и привлечение дополнительных ресурсов для развития;
- привлечение новых социально-экономических субъектов к решению задач развития образовательной организации;
- формирование имиджа в социальном окружении;
- размещение информации о результатах реализации инновационного образовательного проекта в информационной системе краевой инновационной площадки

- и (или) на прочих сайтах образовательных организаций в сети Интернет, включая размещение информации об участии в работе методических сетей организаций;
- презентация опыта деятельности краевой инновационной площадки и (или) выступление на краевых, всероссийских мероприятиях.

Литература

1. *Швалева Н.М., Косинцева Ю.Ф., Воронкина Л.Б., Асатрян С.С.* Социально-информационное пространство учащейся молодежи в ситуациях неопределенности// Материалы IV Международной научно-практической конференции «Цифровое образование в Центральной Азии и России» 10-12 февраля 2021 г. /Shvaleva, N.M., Kosintseva, J.F., Voronkina, L.B., Asatryan, S.S. Social and Information Space of Student Youth in a Situation of Uncertainty (2022) DOI: 10.1007/978-981-16-9069-3_26 Education in the Asia-Pacific Region, 65, pp. 251-258. <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-16-9069-3>.

Анализ структуры эмоционального интеллекта

Ширинская А.Д., Ревуцкая И.В.

*ФГБОУ ВО Донецкий государственный университет,
Донецк, Россия
nastiriks3@gmail.com, i.revutskaya@donnu.ru*

«Эмоциональный интеллект» – ЭИ, входит во все сферы жизнедеятельности личности. ЭИ как многоструктурный конструкт, способствующий личному развитию и влияющему на успех, который необходимо исследовать и развивать.

В исследовании данной темы нами рассмотрены разные подходы: Бар Р., Люсин Д.В., Власова О.И. рассматривали ЭИ как связь когнитивных и эмоциональных способностей. Тихомиров О.К., Рубинштейн, Манойлова М.А. уделяли внимание связи его активности и эффективности мышления. Ильин Е.П., Майер Дж. и Сэловей П.

твердили о связи эмоционального и интеллектуального, Гоулман Д., Лобанов А.П., Носенко Э.Л. и Коврига Н.В. обращали внимание на личностные способности и навыки, Бар Р., Белоконь О.В. и Барисо Дж. акцентировали внимание на межличностное взаимодействие. Большинство из них склонялось к тому, что ЭИ – способность понимать и управлять своими эмоциями и эмоциями других людей [1, 2].

На основании теоретического анализа мы пришли к пониманию, что ЭИ – особая интеллектуальная одаренность личности, которая помогает индивиду чувствовать и распоряжаться своими эмоциями и эмоциональным состоянием других людей в межличностном общении. ЭИ начинает формироваться в материнской утробе и является важным компонентом здоровья. Высокий уровень ЭИ характеризуется уровнем IQ, такие люди могут манипулировать другими людьми в своих целях, склонны к психологическому анализу поведения и становятся лидером компании.

На основании моделей Бар-Она Р., Гоулмана Д., Майер Дж. и Саловой П., Горскова Г.Г. Люсина Д.В., нами составлена структура ЭИ.

В составленную нами структуру входят критерии – эмоциональные, интеллектуальные, межличностные способности и личностные свойства, каждый из них состоит из четырех уровней сложности.

Эмоциональный критерий – способность помогать людям хорошо справиться со своими эмоциями и понимать чужие, при помощи интеллекта. 1 уровень: выражение эмоций – это поведение индивида, которое передает его эмоциональное отношение к происходящему. 2 уровень: восприятие эмоций, намерений и мотиваций – идентификация значительной смены эмоций, установление причины появления эмоций, своих и других. 3 уровень: регуляция эмоций как способность контроля своих и чужих эмоций.

Интеллектуальный критерий – интеллектуальные способности, которые помогают использовать все познавательные процессы для успешной реализации ЭИ. 1 уровень: понимание эмоций – распознавание связи между эмоциями и мыслями, интерпретация эмоций. 2 уровень: анализ и синтез эмоций – мыслительное расчленение и соединение эмоций. 3 уровень: умение применять

полученные знания на практике – установление связи теории и практики в ЭИ.

Критерий межличностных способностей – использование речи, взаимодействие с людьми, успешная адаптация. 1 уровень: умение вступать в общение – помогает вступать в общение, используя вербальное и невербальное взаимодействие. 2 уровень: межличностное восприятие – восприятие внешних признаков, соотношение их с личными характеристиками и интерпретациями, в связи с этим поведением. 3 уровень: умение налаживать и устанавливать отношения – умение общаться, правильная оценка взглядов и жестов друг друга, способность в нужную минуту прийти на помощь.

Последний критерий, личностные свойства – индивидуальные качества, врожденные и приобретенные особенности. 1 уровень: экстраверсия – это общительность. 2 уровень: самосознание – это осознание человеком самого себя, своего отношения к природе, другим, своих поступков, мыслей и психических качеств; эмпатия – способность сопереживать и осознавать эмоциональное состояние других. 3 уровень: самоконтроль – способность человека управлять своим поведением и эмоциями; эмоциональная устойчивость – черта, выражающая сохранение относительного спокойствия в стрессовых ситуациях.

Последний 4 уровень относится ко всем главным критериям: проактивное поведение – это полная ответственность за свою жизнь, за свои решения и выбор, прогнозирование ситуаций. Такой человек умеет адекватно реагировать на перемены, объединять людей, представлять чужие интересы, делегировать власть и внушать веру в лучшее.

Все уровни связаны между собой, человек с высоким уровнем ЭИ способен регулировать эмоции, умеет применять полученные знания на практике, умеет налаживать и устанавливать отношения, владеет самоконтролем и эмоциональной устойчивостью.

Таким образом нами было сформулировано понятие ЭИ как особой интеллектуальной одаренности личности, помогающей индивиду чувствовать и распоряжаться своими эмоциями и эмоциональным состоянием других людей в межличностном общении. Показано положительное и негативное влияние ЭИ на личность. Представлена

структура ЭИ из четырёх основных критериев: эмоционального, интеллектуального, межличностных способностей, личностных свойств, каждый из которых описан на четырёх уровнях.

Перспективой дальнейшего исследования является изучение формирования и развития ЭИ у современных подростков.

Литература

1. *Наймушина Л.М.* История становления понятия «Эмоциональный интеллект» в психологической науке // Педагогика: история, перспективы. 2020. Том. 3. № 4. 70 с.
2. *Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. 176 с.

Восприятие изменений традиционного образа жизни тувинцами

Шляпников В.Н.

*НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия
Shlyapnikov.vladimir@gmail.com*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00597, <https://rscf.ru/project/21-18-00597/>.

Перемены стали неотъемлемой частью современного общества. Стремительно меняются устойчивые формы индивидуальной и группой жизнедеятельности – меняется образ жизни. Какие-то из этих изменений привлекают всеобщее внимание, а какие-то остаются незамеченными. В связи с этим встает вопрос, как мы воспринимаем изменения образа жизни?

Чтобы дать ответ на этот вопрос мы сравнили восприятие образа жизни у тувинцев, проживающих в селах (Эрзин – 185 чел. и Мугур-Аксы – 265 чел.) и городах (Кызыл – 172 чел. и Москва – 105 чел.).

Образ жизни тувинцев, проживающих в селах, близок к традиционному: сохраняются традиционные виды деятельности

(скотоводство), формы социальных взаимодействия, основанные на родоплеменных отношениях, и пр. В городе общество и образ жизни меняются быстрее, чем в сельской местности. Тувинцы, проживающие в городах, заняты в сфере производства и оказания услуг. Большинство из них имеют высшее образование. Традиционные формы социального взаимодействия претерпевают существенные изменения [2].

Исследование проводилось в 2021-2022 гг. Всего в исследовании приняло участие 773 человека в возрасте от 18 до 79 лет, средний возраст $36,48 \pm 14,2$ года. Выборки были сбалансированы по возрасту и полу.

Для оценки образа жизни респондентов использовалась анкета, включающая в себя вопросы, касающиеся воспитания, семейного уклада, соблюдения традиций, использования национального языка, знакомства с традиционной культурой, религией, литературой, национальной кухней и т.д. [1].

Чтобы определить факторы восприятия респондентами образа жизни был проведен факторный анализ (метод главных компонент с последующим Варимакс-вращением). Результаты показали наличие трехфакторной структуры, объясняющей 54% дисперсии.

Первый фактор (34,45% дисперсии) образован вопросами о семейном укладе (0,768), полученном воспитании (0,734), образе жизни (0,733) и знакомстве с национальной литературой (0,453). По всей видимости, этот фактор имеет отношение к процессам **социализации и формам социального взаимодействия**, в частности воспитания. Результаты дисперсионного анализа показали наличие значимых различий между группами по данному фактору. Хотя большая часть респондентов характеризует свой образ жизни как сочетание традиционности и современности, жители сел чаще, чем городские жители оценивают свой образ жизни как традиционный (30% и 20% соответственно).

Однако результаты анализа показали, что эти различия большей частью обусловлены особенностями этнической идентичности респондентов. Факторные оценки значимо коррелирует с позитивной (0,192) и конфликтной этнической идентичностью (-0,248) (Г.В. Солдатова, С.В. Рыжова, 1998). Чем выше показатели позитивной этнической идентичности, тем чаще респонденты оценивают свой

образ жизни как современный, чем выше показатели конфликтной этнической идентичности, тем чаще респонденты оценивают свой образ жизни как традиционный.

Второй фактор (10,645%) образован вопросами об использовании тувинского языка (0,815), национальной кухни (0,703), традициях (0,610) и традиционной религии (0,486). По всей видимости этот фактор имеет отношение к **повседневной жизнедеятельности и быту** респондентов. Жители сел чаще, чем жители городов, используют в повседневной жизни тувинский язык (85% и 65%) придерживаются национальных традиций (50% и 30%), традиционной религии (85% и 50%) и национальной кухни (50% и 35%).

Оценки по данному фактору значимо коррелируют с показателями теста СЖО (Д.А. Леонтьев, 2000) (-0,228) и опросника ценностных ориентаций Ш. Шварца (1992) (-0,215). Чем выше эти показатели, тем чаще респонденты оценивают свой образ жизни как традиционный. Тем не менее, различия между группами не удастся объяснить исключительно смысловыми факторами. В связи с этим, можно предположить, что оценки по данному фактору отражают какие-то объективные различия в образе жизни респондентов.

Третий фактор (9,645%) образован вопросами о национальной политике (0,801), воспитании детей (0,600), интересе к традиционной этнической культуре (0,583) и литературе (0,404). Можно заключить, что данный фактор связан с **интересом к традиционной этнической культурой и ценностями**. Сельские жители чаще отдают предпочтение своей культуре (90% и 65%), тогда как городские жители чаще демонстрируют мультикультурализм (7% и 30%). Оценки по третьему фактору слабо, но значимо коррелируют только с тестом СЖО (-0,135). Сравнимые группы также значимо различаются по данному фактору.

Таким образом, с восприятием образа жизни и его изменением у тувинцев связаны как минимум три фактора.

Восприятие трансформаций традиционных форм социального взаимодействия тесно связано с этнической идентичностью. За последние 50 лет социальная структура тувинского общества объективно сильно изменилась [2]. Можно предположить, что позитивная идентичность в этих условиях помогает принять

изменения общества, а конфликтная идентичность, напротив, мешает этому.

Восприятие трансформаций повседневной деятельности и быта более консервативно. Большинство тувинцев, проживающих в Кызыле и Москве и занятых в сфере услуг или на производстве, отмечают, что продолжают придерживаться этнических традиций в быту. В связи с этим, можно предположить, что традиции могут выполнять важную смыслообразующую функцию в жизни человека, помогать в регуляции деятельности.

Интерес к своей/чужой культуре выделяется в отдельный фактор. Жители сел более консервативны, а жители городов к мультикультурализму.

Литература

1. *Ананьева К. И., Басюл И. А., Выскочил Н. А., Демидов А. А., Шляпников В. Н.* Человек и этнос: восприятие, оценка, саморегуляция. М., 2020.
2. *Ламажсаа Ч.К.* Тува между прошлым и будущим. 2-е изд. СПб., 2011.

Цифровые технологии и традиционные формы работы в психологии и образовании

Шляховая Е.В.

*ОАНО «МЦШ БИТ», Москва, Россия
elena_shlyakhovaya@yahoo.com*

Согласно исследованию Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ, в ходе которого были проанализированы более 27,5 тыс. зарубежных и русскоязычных источников из массива профессиональных СМИ за 2017–2021 гг., многие из образовательных трендов, набирающих силу в разных уголках мира, связаны с внедрением передовых цифровых технологий. Это, например, проектное и онлайн-обучение, распространение образовательных платформ, использование в

учебном процессе технологий виртуальной и дополненной реальности, интерактивных досок (whiteboards) и рабочих столов (smart tables), школьных электронных дневников и т.д. Параллельно с развитием новых технических инструментов и усилением цифровой грамотности растет интерес к психологическим и гуманитарным аспектам применения передовых технологий в образовании, изучению их влияния на развитие человека и его личный прогресс, раскрытие индивидуальности, талантов и способностей [3].

Таким образом, несмотря на повышение цифровизации образования и активное применение цифровых технологий в процессе обучения, можно допустить сохранение высокой востребованности традиционных форм работы, доказавших свою эффективность для развития личности обучающихся, на фоне изучения психологических и гуманитарных аспектов цифровизации образования. Также возможно допустить, что совмещение цифровых технологий и традиционных форм работы в психологии и образовательном процессе может способствовать повышению качества обучения, вовлеченности обучающихся, а также способствовать развитию их личностной зрелости и творческого потенциала.

Отметим, что цифровые технологии в образовании – это инновационный способ организации учебного процесса, основанный на использовании электронных систем, обеспечивающих наглядность, в целях повышения качества и эффективности учебного процесса, а также в целях успешной социализации обучающихся [1].

При этом традиционные формы работы основываются на деятельности информативно-иллюстративного характера со стороны преподавателя и деятельности репродуктивного характера со стороны обучающегося, то есть осуществляется субъект-объектное взаимодействие учителя и обучающихся [4].

В нашей практике совмещение цифровых технологий и традиционных форм работы в психологии и образовании осуществлялось посредством разработки психологических викторин для подростков в возрасте одиннадцати-восемнадцати лет, направленных на развитие личностной зрелости и творческого потенциала, а также творческих практикумов по изготовлению «Коллажа идей» для взрослой аудитории, содержащего психологические подсказки для более эффективных и продуктивных

решений. В качестве формата исполнения психологических викторин и творческих практикумов были выбраны электронные презентации, разработка которых происходила в специальных графических редакторах.

Совмещение цифровых технологий и традиционных форм работы в образовании, позволяющее создать современные (нетрадиционные) формы работы с обучающимися, адаптирующиеся под особый психолого-педагогический замысел и предполагающие субъект-субъектное взаимодействие учителя и обучающихся [4], происходило с помощью «формы и содержания». Полноцветная и дизайнерская графика презентаций с активными ссылками для психологических викторин и творческих практикумов дополнялась психологическими заданиями, направленными на развитие творческого потенциала и личностной зрелости. В частности, большая часть заданий предполагала ручное творчество, даже если психологическая викторина или творческий практикум полностью проходили в онлайн-формате. Подобная организация психологического и образовательного «пространства» помогала нам использовать красочность и наглядность цифровых материалов, созданных в специальных программах, и сохранять реальность предметного мира, имеющего фундаментальное значение для развития мышления.

Также стоит отметить, что содержание психологических викторин и творческих практикумов составлялось на основе нашего авторского метода единых компетенций, позволявшего применить на практике отдельные положения научного направления самоопределяющегося субъекта А.Б. Купрейченко [2]. Ценность данного направления, по нашему мнению, заключается в его высокой актуальности в «эпоху цифровизации», так как самоопределяющийся субъект всегда оставляет за собой право выбора и присутствия в реальном мире, несмотря на «подсказки» искусственного интеллекта и удобство виртуальной реальности.

Основу метода единых компетенций составляют пять взаимосвязанных и равноценных блоков компетенций: блок аналитики, блок общения, блок информации, блок творчества и блок самодиагностики. Теоретическими основаниями метода единых компетенций стали как отдельные положениями направления самоопределяющегося субъекта А.Б. Купрейченко, так и различные

подходы к пониманию компетенций, в частности, компетенций цифровой экономики.

Литература

1. Ваганова О.И., Гладков А.В., Коновалова Е.Ю., Воронина И.Р. Цифровые технологии в образовательном пространстве // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 9. № 2 (31), 2020. С. 53-56.
2. Купрейченко А.Б. Нравственная детерминация экономического самоопределения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
3. *Технологические и гуманитарные тренды в образовании* [Электронный ресурс] // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2022. URL: <https://issek.hse.ru/news/755466825.html> (дата обращения 10.04.2023)).
4. *Традиционные и нетрадиционные формы обучения и воспитания: учебное пособие* / ав.-сост.: В.Г. Закирова, В.К. Власова, Л.Р. Каюмова, Э.Г. Сабирова. Казань: Казан.ун-т, 2018.

Моральная идентичность как предиктор просоциального поведения подростков

Шмелева Е.А., Ланцова С.В.

ИвГУ, Иваново, Россия

Кисляков П.А.

РГСУ, Москва, Россия

noc_shmeleva@mail.ru, svetlanalantsova11@gmail.com, pack.81@mail.ru

Просоциальное поведение – это форма морального поведения, которое приносит пользу другим людям, от мимолетной любезности и эмоциональной поддержки до сотрудничества, оказания помощи, волонтерства. Просоциальное поведение имеет важное значение для поддержания позитивных социальных отношений и социальной адаптации людей, особенно подростков. Просоциально

ориентированные подростки имеют больше друзей, лучшую учебную успеваемость, ощущают себя более благополучными и счастливыми, чаще добиваются успеха во взрослой жизни, по сравнению с их менее просоциальными сверстниками [3; 7; 8].

Одним из индивидуальных различий, связанных с просоциальностью, является моральная идентичность (МИ), определяемая как самооценка, организованная вокруг набора моральных черт [2], самоощущение человека как хорошего и нравственного, а также совокупность поступков, которые говорят об этом самому человеку и всем окружающим [1]. К. Акино и А. Рид обосновали актуальность МИ в качестве предиктора морального познания и поведения [2].

МИ имеет два теоретических измерения: интернализация – степень, в которой моральные черты занимают центральное место в самоконцепции человека, и символизация – степень, в которой моральные черты проявляются в действиях и в общественном выборе. Они концептуализируются как формируемые различными мотивационными механизмами. Интернализация вызывает желание поддерживать самосогласованность идентичности и поведения [9], а символизация может быть обусловлена мотивами самопрезентации, связанными с признанием себя как социального субъекта и самоутверждающей обратной связью с другими [6]. Считается, что интернализация предсказывает просоциальное поведение более надежно [2; 4].

Во многих исследованиях измерение интернализации используется в качестве единственного предиктора МИ, и, хотя она достоверно предсказывает просоциальное поведение [4; 9], мало известно о символизации МИ для просоциального поведения. Мы предположили, что и интернализация, и символизация будут значимо связаны с просоциальным поведением.

Выборку составили 342 учащихся из средних школ и колледжей Ивановской области от 12 до 19 лет ($M = 15,2$). Для измерения были использованы методики «Самооценка моральной идентичности», «Просоциальная батарея личности» Л. Пеннера (шкала *полезность*).

В пошаговой регрессионной модели, включающей интернализацию, символизацию, доверие и эмпатию, символизация оказалась единственным значимым предиктором просоциального поведения ($p < 0,001$).

S. Gotowiec и S. Mastrigt также обнаружили, что именно символизация, а не интернализация моральной идентичности прогнозирует все просоциальные формы поведения. Причем символизация предсказывала как публичное, так и анонимное просоциальное поведение, в то время как интернализация обычно была связана лишь с одним аспектом. И в общественной, и в частной сферах люди с низким уровнем интернализации и с высоким уровнем символизации проявили наибольшее количество просоциальных действий [5].

Полученные данные свидетельствуют о том, что просоциальное поведение современных подростков в значительной степени связано с символизацией моральной идентичности. Для них важен не имидж хорошего, нравственного человека и одобрение их просоциальных поступков окружающими, а, совершая просоциальные поступки, они хотят чувствовать себя моральными людьми.

Наше исследование вносит вклад в изучение многофакторной природы просоциального поведения в реальном мире, открывает перспективы по разработке мероприятий, направленных на поощрение межличностного и общественного просоциального поведения.

Литература

1. *Лебедева Р.В.* Характеристики нравственной сферы личности у молодых людей с различными типами жизненных ориентаций: Дис. канд. психол. н.: Санкт-Петербург, РГПУ им. Герцена, 2021. 167 с.
2. *Aquino K., Reed A.* The self-importance of moral identity // *Journal of personality and social psychology.* 2002. Vol.83, no. 3. P. 1423-1440. DOI: 10.1037//0022-3514.83.6.1423.
3. *Gerbino M., Zuffianò A., Eisenberg N., Castellani V., Luengo Kanacri B.P., Pastorelli C., et al.* Adolescents' Prosocial Behavior Predicts Good Grades Beyond Intelligence and Personality Traits // *Journal of Personality.* 2018. Vol. 86, no. 2, P. 247-260. DOI: 479 <https://doi.org/10.1111/jopy.12309>
4. *Hardy S.A., Carlo G.* Moral Identity: What Is It, How Does It Develop, and Is It Linked to Moral Action? // *Child Development Perspectives.* 2006. Vol. 5, no. 3. P. 212-218 DOI:10.1111/j.1750-8606.2011.00189

5. *Gotowiec S., van Mastrigt S.* Having versus doing: The roles of moral identity internalization and symbolization for prosocial behaviors // *The Journal of social psychology.* 2019. Vol. 159, no. 1. P. 75-91.
6. *Jennings P. L., Mitchell M. S., Hannah S. T.* The moral self: A review and integration of the literature // *Journal of Organizational Behavior.* 2015. Vol. 36, no. 1. P. 104-168. DOI: <https://doi.org/10.1002/job.1919>
7. *Jin G., Fu R., Li D., Chen X., Liu J.* Longitudinal Associations Between Prosociality and Depressive Symptoms in Chinese Children: The Mediating Role of Peer Preference // *Journal of Youth and Adolescence.* 2022. Vol. 51, no. 5. P. 956-966. DOI: [10.1007/s10964-021-01501-4](https://doi.org/10.1007/s10964-021-01501-4).
8. *Son D., Padilla-Walker L.M.* Happy Helpers: A Multidimensional and Mixed-Method Approach to Prosocial Behavior and Its Effects on Friendship Quality, Mental Health and Well-Being During Adolescence // *Journal of Happiness Studies.* 2020. Vol. 21, no. 5. P. 1705-1723. DOI: [595 10.1007/s10902-019-00154-2](https://doi.org/10.1007/s10902-019-00154-2).
9. *Winterich K.P., Aquino K., Mittal V., Swartz, R.* When moral identity symbolization motivates prosocial behavior: the role of recognition and moral identity internalization // *The Journal of Applied Psychology.* 2013. Vol. 98, no. 5. P. 759–770. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0033177>

Современные методы адаптации и сопровождения персонала в организации

Шмелева О.В., Ковалева Т.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

olgashmelevaaa@gmail.com, Tkovaleva2007@gmail.com

Нынешнее общество характеризуется постоянными, подчас резкими и трудно прогнозируемыми, изменениями. В связи с этим актуальной остается проблема социальной адаптации индивида, в том числе социально-психологической адаптации сотрудников в организации.

Не удивительно, что общество предъявляет новые, более жесткие требования к личности. Бизнес не отстает. Вынужденные постоянно находиться в ситуации неопределенности, компании не имеют возможности адекватно оценивать риски, им все сложнее строить долгосрочные планы и ставить стратегические цели, а значит все труднее поддерживать свою конкурентоспособность. Современные организации должны быть гибкими, способными быстро перестраиваться и подстраиваться под новые реалии, и сотрудники им нужны соответствующие – эффективные, способные свободно ориентироваться в большом потоке информации, которые, к тому же, в состоянии справиться с высокими психоэмоциональными нагрузками [1].

Отсюда возникает вопрос: кто этот сотрудник? Какими личностными чертами и качествами он должен обладать, чтобы оставаться на плаву, быть востребованным на рынке труда.

В первую очередь, важна ориентация на непрерывное развитие, как личностное, так и профессиональное. Квалификация сотрудника и его компетентность, помимо прочего, сейчас являются инструментами для адаптации в обществе.

Особое внимание уделяется развитию «soft skills» (так называемым «гибким» навыкам): эмоциональным, когнитивным, социальным и т.д. [2]. На рынке труда регулярно появляются новые профессии, другие, наоборот, теряют свою актуальность. Меняется само содержание труда. Поэтому так важно обладать навыками, которые будут применимы в различных сферах.

Современному человеку важно научиться воспринимать неопределенность как обычное явление, применять творческий подход, следить за инновациями в различных сферах и т.д. [3].

Вместе с тем, помимо новых требований к сотрудникам, появляются и новые инструменты, помогающие им ориентироваться и функционировать в текущей реальности. Одним из них являются нейронные сети.

Нейронные сети – это тип машинного обучения. Они представляют собой метод в искусственном интеллекте, обучающий компьютер обрабатывать данные тем же образом, что и человеческий мозг [4]. Нейросеть, благодаря схожести с нашим мозгом, способна воспринимать, анализировать, запоминать и воспроизводить данные.

За последние несколько лет нейросети стали нашей новой реальностью. При этом, нейросети как массовое явление, доступное и понятное большинству обывателей, появились относительно недавно. Сейчас их потенциал кажется безграничным. И человечество стоит лишь в самом начале пути внедрения их в различные сферы жизни.

Так, использование нейросетей для подбора кадров становится все более распространенным явлением. К примеру, искусственный интеллект способен осуществлять первичный отбор резюме, анализировать их и выдавать те, которые соответствуют параметрам запроса. Очевидным преимуществом такого процесса является высокая скорость обработки информации [5]. Особой популярностью это пользуется среди крупных ритейл-компаний, поскольку специфика их бизнеса предполагает большую текучесть кадров по типовым позициям, которые не требуют высокой квалификации [6].

Еще одна сфера использования нейронных сетей – социально-психологическая адаптация сотрудников в организации. И это дает ряд существенных преимуществ как организациям, так и сотрудникам.

Во-первых, автоматизация рутинных административных процессов позволит HR-службам сфокусироваться на других задачах: разработках тренингов, создании кадровых резервов, составлении должностных инструкций, программ мотивации и т.д. Что, в свою очередь, позволит повысить уровень удовлетворенности работой сотрудников компании.

Во-вторых, использование нейросети значительно упростит и ускорит процесс получения обратной связи от сотрудников (оценить уровень вовлеченности, определить, насколько быстро они адаптируются, какие сложности у них возникают и на каких этапах) за счет автоматизированного способа сбора и анализа данных.

В качестве инструментов, позволяющих повысить эффективность мероприятий по адаптации сотрудников, в настоящее время используются различные онлайн-платформы, мобильные приложения, чат-боты. И это лишь малая часть разработок, которые в скором времени должны появиться на рынке.

Это не означает, что процесс адаптации персонала в организации должен исключить личные контакты, наоборот, за счет автоматизации стандартизированных задач, у HR-служб станет больше времени для индивидуальной работы с каждым сотрудником, автоматический сбор

и анализ данных позволит оперативно определить, с какими трудностями сталкивается сотрудник, чтобы вовремя провести корректирующие мероприятия, которые повысят адаптивность персонала.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что проблема социально-психологической адаптации сотрудников в изменяющихся условиях требует разработки новых методик и подходов, которые будут учитывать современные тенденции.

Литература

1. Управление социальной адаптацией и мотивацией к развитию в современном обществе: учебник / О.К. Минева, С.А. Арутюнян, Е.А. Гаджиева, Д.Ш. Смирнова; под науч. ред. проф. О.К. Миневой. Москва: ИНФРА-М, 2020. 232 с. (Высшее образование: Магистратура).
2. Герман Греф – о том, почему мы будем строить карьеру 70 лет, а большинство школьников — работать по специальностям, которых сегодня не существует. URL: <https://www.sobaka.ru/lifestyle/finance/129148> (дата обращения 03.04.2023).
3. Ковалева, Т.В. К вопросу об авторской позиции в построении собственной карьеры в новых реалиях хрупкого мира / Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (12-13 мая 2022 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. С.171-174.
4. Что такое нейронная сеть? URL: <https://aws.amazon.com/ru/what-is/neural-network/> (дата обращения 03.04.2023).
5. Почему теперь соискателям так важно произвести неизгладимое впечатление именно на нейроны? URL: <https://www.ecopsy.ru/insights/pochemu-teper-soiskatelyam-tak-vazhno/> (дата обращения 03.04.2023).
6. Как искусственный интеллект может решить проблему массового найма в ритейле URL: <https://rb.ru/opinion/ii-vritejle/> (дата обращения 04.04.2023).

Игра «Топ-7 качеств для эффективного общения» как технология активного обучения на занятиях по социальной психологии

Щелокова Е.Г.

ФГБОУ ВО ПГУПС, Санкт-Петербург, Россия

Kas_kat@mail.ru

Работа по расширению арсенала социально-психологических методик и методических приемов с целью исследования внутри- и межгрупповых отношений, само- и взаимовосприятия в группе имеет прочный фундамент в отечественной школе социальной психологии [3].

Как показывает собственный опыт работы в вузе в роли преподавателя [5] и опыт коллег [4], в развитии у будущих психологов социальных и психологических навыков эффективным средством является применение технологий активного социально-психологического обучения, к которым можно отнести групповую дискуссию, игры и социально-психологические тренинги.

Студенты, изучающие социальную психологию, как правило на втором курсе, ожидают от практических занятий интересных активностей. Их ожидания, как в зеркале, отражаются в трендах развития современного образования, а именно – его геймификации [2], которая имеет свои возможности и ограничения (например, когда игры и упражнения для обучающихся из разряда обучающихся переходят в разряд развлекающих). В этом трансформационном процессе важно обеспечить связь традиций и инноваций и, задействовав потенциал последних, сохранить фундаментализм первых.

Как отмечает Т.Ю. Базаров [1], структуру игры целесообразно раскрыть, обозначая роль и ее принятие участниками, игровые действия, ролевые цели, которые предписываются участникам условиями игры.

В рамках данной статьи нам бы хотелось изложить педагогическую технологию – игру «Топ-7 качеств для эффективного общения: ресурсы и векторы развития». Ниже в кратком изложении представлена структура этой игры.

1. Участники игры пишут 4 качества, которые помогают им в общении (у них уже это есть, это 4 ресурса) и еще 3 качества, которых у них пока нет, но им кажется, что это важно для эффективного общения и им хотелось бы их обрести, развить (3 вектора развития).

2. Ведущий раздает игровое поле (с 7-ю столбцами: 4 – ресурсы и 3 – векторы развития). Необходимо вписать туда свои качества, ранжируя их (на 1 месте – самое важное качество-ресурс и самое ценное качество-вектор развития).

3. После этого все карточки собираются в общую колоду (в колоде также имеются карточки с названием ролей «маг», «хищник» и «мудрец»).

4. Колода размешивается и каждый достает по 4 карты.

5. Цель игры – собрать на своем поле все карточки – векторы развития.

6. Начинается игра. Ходы участников. Передача хода – по кругу

Ниже представлены некоторые варианты ходов игрока и ответные действия других участников.

1-ый вариант хода игрока: сказать, что у Вас совпала карта.

Варианты совпадения: полное, неполное, возможное совпадение.

Неполное совпадение означает, что эта карточка написана не Вами, но совпадает слово в слово, Вы говорите «Это качество написано не мной, но совпадает слово в слово. Может быть, это тоже чей-то вектор развития?». Если кто-то признается, что да, это его вектор развития, то Вы становитесь гуру для него и даете совет: «Чтобы обрести это качество, нужно....». Участник закрашивает одну область на игровом поле любым цветом, что означает набор очков (самое важное качество – 3 балла, наименее важное – 1 балл).

2-ой вариант хода: спросить, есть ли у кого-то нужное Вам качество-вектор развития.

Если у какого-либо другого игрока есть это качество, которое запросил от него участник, реализующий ход, то происходит обмен опытом (не просто формальный обмен карточками, а участники говорят друг другу: «Чтобы обрести это качество, нужно ....»)

3-ий вариант: никого не спрашивать, а просто взять еще одну карту из колоды.

4-ый вариант возможен, если у Вас карточка «маг». Маг может подарить любое свое качество (свою карточку) кому захочет, а затем вернуть карту мага в колоду и взять оттуда 2 карты.

Апробация этой игры проводилась на занятиях по социальной психологии осенью 2022 года в учебных группах студентов-психологов. Участники озвучили следующие результаты игры.

1. Образовательные: уточнилось понимание коммуникативных качеств (например, появилась дифференциация некоторых понятий, казавшихся ранее синонимичными).

2. Социально-групповые (знание об одноклассниках, группе в целом): интересно было обозначить социально-психологических словарь важных коммуникативных качеств в группе (что моя группа в целом считает важным в общении)

3. Личностные (знание о себе): интересно было попробовать разные игровые стратегии (дарить подарки в роли «мага», обмениваться опытом, выступать «гуру» для кого-то, запрашивать помощь), сравнить свой список качеств со списком других и др.

Таким образом, занятия по социальной психологии, на которых и формируется социально-психологическая компетентность будущих профессионалов, образуют пространство, позволяющее задействовать практико-ориентированный, а также диагностико-исследовательский потенциал богатого арсенала традиционных и инновационных методических приемов, технологий и инструментов.

Литература

1. *Базаров Т.Ю.* Социально-психологические методы и технологии управления персоналом организации. Автореф. дис.... докт. психол. н. Москва, 1999.
2. *Климкович Е.В.* Развитие геймификации образования в процессе реализации программ высшего и дополнительного образования // Современное педагогическое образование. 2021. № 8. С. 23-26.
3. *Кондратьев М.Ю., Лисицын В.А.* К вопросу о модификации «внутригруппового» социально-психологического инструментария для исследования межгрупповых отношений

- и взаимовосприятия // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 133-149.
4. *Осадчук О.Л.* Развитие у будущих педагогов профессионального обучения умения работать в команде посредством деловых игр по социальной психологии // Человек и общество в нестабильном мире: Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Г.И. Тюменцева. Омск. 2019. С. 142-145.
  5. *Щелокова Е.Г.* Диагностика и развитие психологической культуры у студентов экономических направлений в процессе изучения психологии как учебного курса // Наука ЮУрГУ: Материалы 67-й научной конференции. Челябинск. 2015. С. 1311-1318.

Ревность как субъективный предиктор ожидания измены партнера

Щукина О.Г.
ФГБОУ ВО ГУП, Мытищи, Россия
olgashchukina.psy@gmail.com

Ревность является сложной психологической категорией, включающей целый комплекс эмоциональных, когнитивных и поведенческих проявлений [1]. Ревность в романтических отношениях может переживаться как чувство и как психологическое состояние особой настороженности, вызванное потенциальной угрозой отношениям, их гомеостазу. Как отмечает Ю.Н. Мошкина, предикторами ревности может выступать широкий спектр факторов, однако в самом общем виде – это реальное или мнимое предпочтение романтическим партнером другого человека или других людей [4].

В зависимости от личностных особенностей ревнующего и характеристик межличностных отношений в паре ревность может быть в большей степени угрозой чувству собственности и представлять собой риск недополучения внимания и любви или угрозой чувству нужности, тогда ревнующий будет также переживать сильную тревогу и страх отвержения, расставания.

Интенсивность переживания ревности и в том, и в другом случае зависит от оценки ревнующим действий партнера, выявленных причинно-следственных связей. На объективность такой оценки в свою очередь влияют особенности личности ревнующего, его опыт романтических отношений, тип привязанности, склонность к когнитивным искажениям, уровень доверия в паре и другие факторы, не являющиеся предметом данного исследования. По результатам оценки рисков для ревнующего партнера переживаемое чувство может быть маркировано как:

- не представляющее угрозы для отношений, но вызывающее раздражение, тревогу. Такая ревность, как правило, связана с недополучением партнером внимания, неудовлетворенностью отношениями в целом. Характерным примером причин такой ревности без ожидания измены являются просмотр партнером порнографических материалов, чрезмерная увлеченность партнером работой или друзьями, виртуальное общение [7]. Ревность в данном случае носит преимущественно ситуативный характер;

- реакция на измену (реальную и мнимую). В данном случае ревнующий партнер убежден в факте измены, ощущает себя преданным, может испытывать гнев, горе и другие сильные эмоции и чувства, направленные на проживание ненормативного кризиса в отношениях;
- реакция на угрозу измены или ожидание измены. Данное состояние сопровождается тревогой, потерянностью, амбивалентностью эмоциональных реакций [2]. Н.Г. Гаранян и А.В. Серебряная отмечают, что интенсивную ревность, вызванную ожиданием измены партнера, можно рассматривать как самостоятельное тревожное расстройство [2].

Ревность как субъективный предиктор ожидания измены партнера на эмоциональном уровне поддерживает высокий уровень тревоги, сплавленной с гневом, а на поведенческом и когнитивном уровнях запускает стратегии сверхконтроля и минимизации угрозы [2]. Индивид, переживая подобную ревность, переживает также фрустрацию, вызванную внутренним и внешним конфликтами. Внутренний конфликт обусловлен тем, что ревнующий партнер, с одной стороны, воспринимает свою ревность (субъективное

переживание) как нечто объективное, указывающее на угрозу измены, а, с другой стороны, видит в ревности возможность измену предотвратить и сохранить отношения. Также к этому может быть добавлено критическое осмысление своей ревности как эгодистонного состояния. Еще одной формой внутреннего конфликта может быть амбивалентность чувств к партнеру, с одной стороны, чувство любви и страх потерять, а с другой – агрессия и раздражение. Также, с одной стороны, ревнующий партнер может бояться измены, которая неизбежно приведет к изменениям, а, с другой стороны, ожидать ее как повод завершить отношения или, напротив, получить дополнительный рычаг управления партнером посредством чувства вины.

Внешний конфликт может выражаться в отсутствии диалога с партнером, в его отказе признавать чувства и переживания ревнующего, отказе от разговора.

Ревность как субъективный предиктор ожидания измены партнера может иметь здоровую и невротическую форму. Так в исследовании Е.В. Тихомировой и др. было выявлено, что большинство мужчин и женщин, состоящих в браке, считают, что могут легко распознать факт измены супруга «на уровне интуиции» или по изменившемуся поведению [6], то есть ревность воспринимается как некий диагностический инструментарий для оценки супружеской верности. Отметим, что переживание ревности как предиктора ожидания измены отличается у мужчин и женщин на разных этапах романтических (семейных) отношений. Так, например, мужчины с детьми-подростками более ревнивы, чем мужчины с детьми до 3 лет, что может быть связано с тем, что женщина становится менее занята воспитанием детей [6].

Говоря о невротической форме ревности как предикторе потенциальной измены, мы в первую очередь подразумеваем страх супружеской измены и механизм проекции. С.Т. Губина анализирует страх супружеской измены по аналогии со страхом смерти, отмечая его связь с «базальным недоверием к себе и окружающему миру, отсутствием личностной (самостной) платформы» [3, с. 40]. В таком случае перманентная ревность позволяет индивиду не сталкиваться с собственными более глубокими переживаниями.

Проективная ревность была подробно исследована в рамках психоанализа и представляет собой проекцию на партнера собственных интенций к измене [5]. В результате ревнующий попадает в замкнутый круг: чем сильнее его собственное стремление к измене, тем сильнее будет переживание ожидания измены партнера.

Таким образом, ревность как субъективный предиктор ожидания измены может рассматриваться как симптом, позволяющий лучше понять состояние межличностных отношений в паре, их динамику, а также личность ревнующего.

Литература

1. *Бреслав Г.М.* Ревность в любовных отношениях в среднем возрасте: спасение или разрушение? // Национальный психологический журнал. 2016. №2 (22). С. 38-49.
2. *Гаранян Н. Г.* Ревность и дисфункциональные когнитивные схемы / Н. Г. Гаранян, А. В. Серебряная // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 1(76). С. 020-041
3. *Губина С.Т.* Страх супружеской измены: психологическое консультирование с применением музыкальных средств // Научный диалог. 2013. №4 (16). С. 38-48.
4. *Мошкина Ю.Н.* Психология ревности: предикторы и феноменологические паттерны // Гуманизация образования. 2010. №8. С. 32-38.
5. *Спиридонов Я.В.* Динамическая модель ревности: концептуальные, клинические и функциональные аспекты // Журнал практической психологии и психоанализа. 2013. № 2. URL: <https://psyjournal.ru/articles/dinamicheskaya-model-revnosti-konceptualnye-klinicheskie-i-funkcionalnye-aspekty>
6. *Тихомирова Е.В.,* Восприятие потенциальной измены супругами на разных этапах жизненного цикла семьи / Е.В. Тихомирова, Н.С. Шипова, А.Г. Самохвалова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. №4. С. 165-172.

7. Хилл, Ю.В. Цифровая измена: новый вид верности или повод для ревности? / Ю. В. Хилл // Центр системной семейной терапии. 2022. № 3. С. 68-71.

Социальная дистанция как фактор межкультурного взаимодействия

Эгамбердиева Е.В.

ФГБОУ ИВО МГТЭУ, Москва, Россия

egamberdievaev@gmail.com

В постоянно обновляющемся, неустойчивом мире с множеством неопределенных социальных ситуаций наблюдается тесное и при этом противоречивое взаимодействие культур, которое так или иначе обеспечивает поступательное развитие политического, экономического и социального потенциала человечества.

В силу еще недавно существовавшего мощного межкультурного обмена в настоящее время в вузах России, как и во многих вузах других стран, сформировалась поликультурная образовательная среда. В наличных условиях интенсивной трансформации российского общества в высшей школе необходимы условия, способствующие освоению студенческой молодежью практики межкультурного взаимодействия, поскольку в процессе обучения студенты ведут совместную учебную деятельность с представителями различных национальностей, и от получаемого ими личного опыта межэтнических контактов в перспективе будут зависеть отношения между странами.

На современном этапе развития всемирного общества при высоком уровне конфликтности межнациональных отношений, которые вызывают напряжение и недоверие в общении представителей разных этнических общностей, а также представителей различных стран мира, особую актуальность приобретает проблема изучения социальной дистанции в условиях межкультурного взаимодействия.

Изучением данной проблемы занимались такие ученые, как В.А. Петровский, Б.Д. Парыгин, А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко, Е.И. Кузьмина и др.

В рамках социологического подхода Р. Парк и И. Берджен определяли социальную дистанцию как «ступени и уровни понимания, интимности, характеризующие межличностные и общественные отношения» [1]. А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко в своих работах рассматривали психологическую дистанцию и определили следующие критерии ее категоризации: статус, доверие, интерес в социальных контактах, продолжительность контактов, вид взаимодействия, полнота информации и другие [2].

А.Б. Купрейченко описала три подхода к пониманию и определению дистанции: 1) дистанция как «симпатия и взаимопонимание между личностями»; 2) дистанция как объективные различия; 3) дистанция как «физическое расстояние» [2]. А.В. Петровский в своей теории коллектива рассматривал социальную дистанцию как «степень сближения ценностей и позиций членов коллектива, отсутствие противостояния и отдаленности друг от друга» [1].

Цель исследования – выявить социальную дистанцию в условиях межкультурного взаимодействия.

В исследовании приняли участие 324 студента одного из московских вузов, из них 148 студентов – граждане Российской Федерации; 176 студентов – граждане Узбекистана. Испытуемые обучались по очной форме и часто находились в ситуации тесного межличностного общения и взаимодействия.

В ходе проведения исследования с помощью методики «Шкала социальной дистанции Богардуса» было выявлено, что группа студентов с гражданством Узбекистана минимальную социальную дистанцию выставляет по отношению к узбекам (2,6). Они готовы вступать в родственные и дружеские отношения с представителями своих народов. В группе студентов с гражданством Российской Федерации отдается явное предпочтение своей этнической группе – минимальная социальная дистанция по отношению к русским (2,0). Результаты обеих групп наглядно нам демонстрируют феномен ингруппового фаворитизма.

Все остальные этнические группы расположились в диапазоне от 2,6 до 3,6 – в группе студентов с гражданством Узбекистана, и в диапазоне от 2,4 до 3,6 – в группе студентов с гражданством Российской Федерации.

В группе студентов с гражданством Узбекистана ближе по социальной дистанции русские, армяне и азербайджанцы, чем белорусы, татары и чеченцы.

В группе студентов с гражданством Российской Федерации ближе оказались славянские народы (белорусы и украинцы), чем азербайджанцы, чеченцы и узбеки.

Следует отметить, что в обеих группах наблюдается большая социальная дистанция с чеченцами. Возможно, это связано с этническими стереотипами относительно данной этнической группы.

Также обратим внимание, что представители с российским гражданством имеют большую дистанцию по отношению к узбекам, нежели представители с узбекским гражданством к русским. Возможно, это связано с тем, что студенты, обучающиеся на территории России в меньшей степени находились в общении со студентами, приезжающими из Узбекистана. А студенты с узбекским гражданством, приезжающие на территорию России, наоборот стремятся подружиться и общаться с российскими студентами, так как им необходимо освоиться в новой обстановке, изучить правила и традиции другой страны, на территории которой им предстоит обучение.

Литература

1. *Духновский С.В.* Психология личности и деятельности педагога: Учеб. пособие. М., 2016.
2. *Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. М., 2008.

Связь эмпатии и эмоциональной компетентности супругов с их удовлетворенностью супружескими отношениями

Юнусова Д.Д.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

dana28008@gmail.com

Психологический климат в семье влияет не только на эмоциональное состояние взрослых, но и на состояние и развитие детей. Работ, посвященных исследованию факторов

удовлетворенности браком довольно много, а результаты их разнородны. Актуальность данной области позволяет продолжить ее изучение и, возможно, приблизиться к разработке целостной модели психологических факторов удовлетворенности браком, позволяющей увидеть картину целиком, комплексно, а не только выявляя отдельные факторы, что позволит в дальнейшем выработать способы повышения уровня удовлетворенности супружескими отношениями.

Цель работы - выявление и исследование связей удовлетворенности супружескими отношениями с эмпатией и эмоциональной компетентностью (ЭК) супругов.

Основная гипотеза исследования заключается в предположении о том, что наибольшая удовлетворенность супружескими отношениями связана с более высоким уровнем позитивных феноменов эмпатии, а также с более высоким уровнем развития по другим параметрам ЭК супругов (алекситимия, психологическая разумность (ПР), ценность эмоционального контроля и уровень дисфункциональности семейной родительской системы.).

В исследовании приняли участие 32 супружеские пары со стажем совместной жизни от трех лет.

Для осуществления сбора данных, были выбраны следующие методики.

1. Многофакторный опросник эмпатии М. Дэвиса в адаптации Т.Д. Карягиной [1].
2. Тест-опросник Удовлетворенности браком (Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М.)
3. Семейные эмоциональные коммуникации (А.Б. Холмогорова, С.В. Воликова) [5].
4. Шкала психологической разумности (Х. Конте, Р. Плутчик, Б. Юнг) Адаптация: М. А. Новикова, Т. В. Корнилова [2].
5. Торонтская шкала Алекситимии (Г. Тэйлор и др., адаптация Е. Г. Старостина и др.) [4].
6. Опросник «Ценность эмоционального контроля» (А. Маусс, адаптация А.А. Панкратова) [3].

Все опросники заполняются респондентами на основании самоотчета.

Первым этапом выявления связей между шкалами всех опросников с удовлетворенностью браком был корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Удовлетворенность браком по всей выборке положительно коррелирует с «Децентрацией» и «Психологической разумностью» супругов. Отрицательная связь обнаружена с «Эмпатическим дистрессом», «Алекситимией», с подшкалами «Семейных эмоциональная коммуникаций» и «Ценностью эмоционального контроля».

Корреляционный анализ отдельно на мужской и женской половинах показал, что женская структура связей значительно меньше, чем мужская.

Для мужчин значимой является женская готовность и желание обсуждать переживания, умение их выразить, важен низкий уровень эмпатического дистресса жены. Из личных характеристик на мужской удовлетворенности браком положительно отражаются его децентрация, вера в пользу от обсуждения переживаний и открытость новому опыту.

Для женщин в браке важна вера партнера в пользу от обсуждения переживания, собственное желание и готовность обсуждать переживания, а также низкая собственная ценность эмоционального контроля.

Далее был проведен факторный анализ.

График зависимости распределения мужской выборки согласно степени выраженности первых двух факторов выявил наибольшее количество респондентов в сегменте с низко развитой эмпатией и высоко развитой психологической разумностью (ПР). При этом удовлетворенность браком респондентов, находящихся в данном сегменте, была средней.

Максимальная удовлетворенность браком наблюдалась в сегменте с низкими показателями по обоим факторам, то есть с низкой развитостью эмпатии и ПР. Что опровергает наше предположение о прямой зависимости удовлетворенности браком с данными характеристиками.

В целом, такие результаты можно объяснить некоторым кризисом маскулинности: существует весомый пласт мужчин, которые не заинтересованы в сфере переживаний - как это принято в более патриархальных культурах, и удовлетворенно чувствуют себя в этом. Но все же, подавляющее большинство респондентов попали в один из двух сегментов, в которых развита либо в большей степени только ПР, либо ПР совместно с эмпатией, что свидетельствует о том, что сфера

переживаний важна для мужчин, у них есть желание и интенциональность к пониманию партнера.

График зависимости данных двух факторов у женщин рисует стройную логическую картину зависимостей, подтверждающую основную гипотезу. В поле сильной родительской критики и высокой алекситимии находятся женщины с самой низкой удовлетворенностью супружескими отношениями. А в поле высоко развитой ПР, эмпатической фантазии и децентрации наблюдаются максимально удовлетворенные браком женщины.

Система связей удовлетворенности браком с ЭК и эмпатией супругов неоднозначна, но в основном, выдвигаемые гипотезы были подтверждены. Существуют явные различия в структуре таких связей в зависимости от пола респондента.

Литература

1. Будаговская Н.А., Карягина Т.Д., Дубровская С.В. Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // Консультативная психология и психотерапия. – 2013. Том 21. № 1. С. 202–227.
2. Новикова, М. А. «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально-личностного потенциала (адаптация опросника) / М. А. Новикова, Т. В. Корнилова // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35. – № 1. – С. 95-110.
3. Панкратова, А. А. Кросс-культурное исследование особенностей эмоционального контроля (Россия, Азербайджан) / А. А. Панкратова, Е. Н. Осин // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 44. – С. 6.
4. Старостина Е. Г., Тэйлор Г. Д., Квилти Л. К. [и др.] / Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных // Социальная и клиническая психиатрия. – 2010. – Т. 20. – № 4. – С. 31-38.
5. Холмогорова А.Б., Воликова С.В., Сорокова М.Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. № 4. С. 97–125.

Социально-психологическая подготовка спортсменов

Юров И.А.

ФГБОУ ВО СГУ, Сочи, Россия

sov36@mail.ru

Спортивная игровая деятельность требует от спортсменов не только оптимальных антропометрических данных, психомоторики, технической, теоретической, материальной, физической, функциональной подготовленности, но и сплоченности, взаимосвязанности, надежности, взаимной подстраховки и морально-психологического климата.

В юношеской баскетбольной команде (18-19 лет, все –кандидаты в мастера спорта) профессионального клуба «Кубань-Локомотив» возникали рассогласованность спортивной деятельности и нарушение алгоритма учебно-тренировочного процесса из-за того, что команда была собрана из спортсменов разных городов не только Краснодарского края, но и других регионов Юга России. В команде отсутствовало принятие игроков друг друга, сплоченность, доброжелательное отношение, часто между игроками возникали возмущения и крики без видимых причин, что не способствовали успешному выступлению в соревнованиях.

Материалы и методы. Противоречие между требованиями современного спортивного игрового клуба и уровнем социально-психологической подготовленности спортсменов составило проблему данного исследования.

В работе исходили из социально-психологической теории коллектива, строящаяся на принципах деятельностного опосредствования, являющаяся основой для решения конкретных проблем развития коллективов и личности в коллективе [1].

Цель работы: провести методами социально-психологической подготовки повышение спортивной эффективности и оптимальное регулирование межличностных отношений в спортивной команде.

В данной работе использовались следующие методы.

1. Наблюдение за эффективностью деятельности.
2. Социометрия.
3. Индивидуальные и групповые беседы.

4.Рациональная психотерапия.

В исследовании приняли участие 15 баскетболистов юношеской команды.

Обсуждение. Данная программа включала независимый и объективный анамнез профессиональной деятельности спортсменов в естественных условиях

(время прихода-ухода на тренировку, эмоциональное состояние, отношение к задачам учебно-тренировочного занятия, советы и замечания со стороны тренера, отношение к выполнения функциональных обязанностей, количество и качество контактов, позитив-негатив вербально и невербального общения игроков в команде, с тренером).

Нами был проведен социометрический опрос игроков: «С кем бы Вы хотели провести свой рождения?». Результаты: двое отказались участвовать в опросе, три игрока оказались предпочитаемыми, пять – приемлемыми, пять – отвергаемыми, лидером никто не стал.

После исследования эффективности тренировочной деятельности спортсменов и социометрии было проведено психологическое регулирование их деятельности в спортивном коллективе:

I.Групповые беседы со спортсменами. Темы групповых бесед:

1. Цели Вашей спортивной деятельности (тренировок) в спортивной команде (возможны ли они отдельными спортсменами, а не командой в целом)

2.Функциональные характеристики игроков и их позитивное выполнение (защитники, нападающие, центровые).

3.Психологическая расстановка в спортивной команде.

4.Разбор психологических качеств игроков в баскетбольной команде.

5. Обсуждение морально-психологического климата в команде.

6. Пути и способы повышения эффективности учебно-тренировочной и соревновательной деятельности.

II. Организация досуга вне тренировочной и соревновательной деятельности:

1. Совместные посещения соревнований по спортивным и разбор выступления спортсменов.

2. Совместные экскурсии по историческим местам Краснодарского края.

3. Совместное празднование знаменательных дат (Нового года, 23 февраля, дней рождений игроков и тренеров).

III. Проведение индивидуальных бесед:

1. Что влияет на Вашу эффективность деятельности в команде?

2. Какова Ваша персональная роль в команде?

3. Что нужно предпринять для формирования оптимального морально-психологического климата в команде?

4. Что Вас интересует кроме спорта, есть ли у Вас хобби?

5. Что Вы планируете делать после завершения спортивной карьеры?

IV. Проведение индивидуальных бесед с тренерами:

1. Психология юношеского возраста.

2. Формирование целеполагания, уровня притязаний, потребностей и мотивации в спортивной деятельности.

3. Особенности вербального и невербального общения со спортсменами.

4. Чередование учебно-тренировочного процесса с активным и содержательным отдыхом.

IV. Проведение рациональной психотерапии.

После полугодовой социально-психологической работы со спортсменами и тренерами было проведено социометрическое исследование («Кому бы Вы смогли обратиться в трудную минуту?»). Результаты: лидеров нет, предпочитаемых оказалось восемь, приемлемых – семь спортсменов, отвергаемых нет.

Включенное наблюдение показало, вербальное общение в игре значительно сократилось, качество и интенсивность невербального общения сместилось к жестам, мимике и пантомимике, меньше стало оценочных суждений по поводу ошибок партнеров по команде [2].

Исследование показало необходимость формирования позитивных целей, мотивации, уровня притязаний, самооценки, перспектив спортивного, морального и психологического самоусовершенствования одинаково всех спортсменов. Эффективность тренировочной и соревновательной деятельности баскетбольной команды значительно повысилась. Команда впервые по итогам турнира Южного федерального округа заняла третье призовое место.

Литература

1. *Петровский А.В.* Психология и время. СПб.: Питер, 2007.
2. *Юров И.А.* Психологическое обеспечение и сопровождение спортсменов. М., 2021

Возможности технологии Клуба «Точка сборки», в работе с одарёнными детьми, имеющими высокий риск школьной неуспешности

Ямщикова О.А.

*ППЦ «Здоровье» Петроградского района,
Санкт-Петербург, Россия
62olgaolga@gmail.com*

Актуальность технологий в работе с одаренными детьми, имеющими высокий риск школьной неуспешности связана с тем, что интеллектуальный и творческий потенциал одарённого ребенка не всегда проявляется в реальных достижениях. Часто у этой группы детей возникают трудности в межличностных взаимоотношениях со сверстниками, конфликты с учителями, родителями и администрацией школы.

Одарённые дети и подростки относятся к группе лиц с высоким риском школьной неуспешности (Е.И. Щепанова, 2004, Reis, McCoach, 2002) [3; 4].

Одарённые дети могут попадать в группу риска школьной неуспешности по разным причинам. Это может быть использование неадаптивных стратегий поведения, эмоциональных протестов, отсутствие взаимопонимания со значимым окружением. Необходимы технологии, которые эффективно снижают риски школьной неуспешности у одаренных детей, в том числе у детей и подростков со скрытой одаренностью [1].

Клубная работа – технология апробированная и сама по себе не новая. Однако возможности данной технологии далеко не исчерпали себя. Клуб создаёт особое пространство, особое место для общения; особую обстановку. Работа клуба «Точка сборки» в рамках ППЦ

«Здоровье» Петроградского района обеспечивает профилактику школьной неуспешности; способствует развитию эмоционального интеллекта у одаренных детей и подростков группы риска, повышает уровень педагогической абнотивности у учителей, развивает родительскую компетентность, координирует взаимодействие в триаде «учитель-одаренный ребенок с риском школьной неуспешности-родители».

Занятия в клубе «Точка сборки» были апробированы и реализованы на базе ОУ Петроградского района Санкт-Петербурга в 2020-2021 г. и 2021-2022 г.

Цель клуба «Точка сборки» – психолого-педагогическое сопровождение снижения рисков школьной неуспешности одарённых детей и подростков решалась через следующие задачи.

1. Формирование метапредметных умений и навыков у одарённых детей, и подростков группы риска (soft skills).

2. Развитие эмоционального интеллекта у одарённых детей и подростков [2].

3. Развитие педагогической абнотивности (способность педагога заметить одаренного ребенка/подростка и оказать необходимую психолого-педагогическую поддержку в развитии его творческого потенциала).

4. Совершенствование родительской компетентности в воспитании одарённых детей и подростков, имеющих высокие риски школьной неуспешности.

5. Управление взаимодействием среди участников образовательного процесса в триаде «педагог – одарённый ребёнок с риском школьной неуспешности – родители».

На основе пилотажных встреч клуба «Точка сборки» в ОУ Петроградского района были разработаны презентации и методическое сопровождение 36 занятий. В рамках данной технологии использовались следующие формы работы: занятия с элементами тренинга, беседы, устный журнал, обучающие игры, дискуссии, форсайт-сессии, пресс-конференции, конкурсы.

Целевыми группами клуба «Точка сборки» стали «Учитель/Педагог – одарённый ребёнок/подросток с риском школьной неуспешности – родители». Работа клуба предлагает режимы работы как оффлайн, так и онлайн.

Оценка эффективности технологии клуба «Точка сборки» психолого- педагогического сопровождения учащихся группы риска школьной неуспешности включает в себя разработанные вопросники, анкеты и рефлексивные дневники.

Среди главных результатов технологии клуба «Точка сборки» можно выделить три направления для всех категорий участников образовательного процесса:

- 1) Для родителей: повышение психолого-педагогической и медико-социальной компетентности в общении с детьми с риском школьной неуспешности.
- 2) Для педагогов: развитие педагогической абнотивности, снижение риска профессионального выгорания.
- 3) Для одарённых детей и подростков с риском школьной неуспешности: формирование навыка работы с реалистическими целями; усиление интереса к саморазвитию, выстраивание здоровых взаимоотношений со сверстниками.

Реализация предлагаемой технологии призвана также способствовать:

- созданию условий для развития интеллектуального и творческого потенциала учащихся;
- созданию системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогов, психологов с целью профилактики школьной неуспешности у детей с признаками одаренности;
- созданию условий для сохранения и укрепления психологического здоровья одарённых детей;
- формированию устойчивой мотивации к интеллектуальной и творческой деятельности;
- формированию банка, технологий и программ для профилактики школьной неуспешности у способных и одаренных детей;
- развитию самостоятельной интеллектуальной и творческой деятельности у одаренных детей.

Клуб «Точка сборки» получил высокие оценки и положительные отзывы среди участников образовательного процесса, благодаря чему занял первое место в конкурсе инновационных продуктов

Петроградского района Санкт-Петербурга и был рекомендован к диссеминации инновационного педагогического опыта.

Литература

1. *Богоявленская Д.Б.* Рабочая концепция одаренности / Д.Б. Богоявленская, В.Д. Шадриков, Ю.Д. Бабаева. 2–е изд., расшир. и перераб. Москва: 2003. 95 с.
2. *Журба Н.Н.* Детская одаренность как педагогическое понятие / Н.Н. Журба // Вестник Южно–Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2010. № 23(199). С. 127–133.
3. *Халмедов Ш.Р.* Инновационные технологии в работе с одаренными детьми / Ш.Р. Халмедов, П.Р. Халмедов // European Research: innovation in science, education and technology: материалы XLIV Международной научно–практической конференции (20–21 сентября, 2018 г.). Казань, 2018. С. 60–62.
4. *Щебланова Е.И.* Психологическая диагностика одаренности школьников: проблемы, методы, результаты исследований и практики. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2004. 368 с.

Проявление межличностной толерантности в отношениях у подростков с разным уровнем успеваемости

Ярмыш И.А.

ФГБОУ ВО «ДонГУ», Донецк, ДНР, Россия

yarmyshia@mail.ru

В условиях социальной, экономической и политической нестабильности нынешнего мира к проблеме толерантности возникает заслуженно повышенный интерес у представителей различных областей науки и практики, в том числе и социальной психологии.

Понятие «толерантность», первоначально рассматриваемое на индивидуальном уровне как осмысленный выбор личности и атрибут воспитания, активно вышло на социальный уровень – как

толерантность в обществе. Это обусловлено тем, что межличностные отношения являются основополагающими в жизни личности. Проявление толерантного отношения к другой личности способствует свободному и открытому диалогу, достижению согласия в обществе. Его отсутствие сегодня – одна из существующих социально-психологических проблем.

Проведенный теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований по указанной проблеме показал, что толерантность – феномен сложный и многоуровневый [4]. Если обобщенно, то толерантность как конструкт – это готовность и способность человека жить и конструктивно действовать в мире непохожих людей и идей. Толерантность динамична по своей сути, ее можно формировать, стимулировать и корректировать. Выделяют как иерархические уровни толерантности (цивилизационный, международный, этнический, социальный, индивидуальный) [5], так и виды толерантности [7]. Фундаментом любой толерантности в обществе выступает межличностная толерантность, которая в наибольшей степени поддается целенаправленному формированию при обучении и социальном воспитании [1;4].

В данном исследовании под межличностной толерантностью понимается комплексное качество личности, проявляющееся в разных смысловых значениях: когнитивном, эмоциональном, поведенческом и имеет составные части (характеристики): эмпатию (сопереживание), общительность, принятие «другого», мобильность, способность к самоуправлению [2].

Особое значение приобретает проблема формирования межличностной толерантности в подростковом возрасте. Отметим, что этот возраст является сензитивным к развитию межличностной толерантности, поскольку в этот период жизни процессы личностного формирования и адаптации в социуме протекают наиболее активно: закладывается способность к эмпатии, развиваются социальная активность и ответственность, формируются и закрепляются мировоззрение, личностное самоопределение, этническое сознание, самосознание, усваиваются социально значимые ценности, идет поиск приемлемых социальных ролей, закладываются толерантные (интолерантные) качества личности, формируются будущая жизненная позиция и способы поведения в обществе. В большинстве

отечественных работ показатели межличностной толерантности подростков рассматриваются через психологическое благополучие; изучается структура межличностной толерантности представителей разных возрастных категорий и в различных видах деятельности [3;8;9]; изучается взаимосвязь компонентов общего уровня межличностной толерантности с условиями учебной среды и качествами личности учеников [6]. При этом недостаточно рассмотрено проявление межличностной толерантности в условиях учебной деятельности у подростков с разным уровнем академической успеваемости, что обусловило актуальность представленного исследования.

Цель исследования: изучение межличностной толерантности у подростков с разным уровнем академической успешности.

Объект исследования: межличностная толерантность у подростков.

Предмет исследования: особенности межличностной толерантности у подростков с разным уровнем успешности в учебной деятельности.

Гипотеза исследования: нами выдвинуто предположение, что у подростков с разным уровнем успешности в учебной деятельности существуют различия в проявлении характеристик межличностной толерантности: эмпатия, принятие «другого», мобильность, способность к самоуправлению.

Эмпирической базой исследования выступила МОУ «Школа №135 г. Донецка». Общее количество испытуемых составило 52 человека (26 мальчиков, 26 девочек) в возрасте 14-15 лет (средний возраст 14,5 лет); все они учащиеся 8-х классов. На основании анализа данных об академической успеваемости выявлены две подгруппы: первая подгруппа – 23 человека: испытуемые с высоким уровнем успеваемости; вторая подгруппа – 21 человек: испытуемые с низким уровнем успеваемости.

Методы и методики исследования: анализ документов; беседа; психодиагностические методики: «Опросник для диагностики способности к эмпатии» А. Мехрабиена и Н. Эпштейна, «Методика на выявление способности к самоуправлению в общении» Н.М. Пейсахова, «Опросник коммуникативной толерантности» В.В. Бойко, «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, «Диагностика уровня эмпатии» И.М. Юсупова.

Результаты исследования. Анализ степени понимания понятия «толерантность» с помощью опроса показал, что подростки не в полной мере знакомы с данным понятием, недостаточно владеют информацией: лидирующее положение в понимании и определении занимает понятие «терпимость» (46,45%), затем, в порядке убывания, представлены: сдержанность (22,27%), понимание (18,18%), воспитанность (9,09%). С понятиями «уступчивость» и «тактичность» дети знакомы не в полной мере.

Установлено сходство в подгруппах в проявлении как общего уровня толерантности, так и социальных установок в различных сферах взаимодействия. Представители обеих групп в целом проявляют терпимое отношение к другим, эмпатию, однако характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт: в одних социальных ситуациях подростки ведут себя толерантно, в других – могут проявлять интолерантность. Это указывает на то, что толерантность как черта личности еще не сформирована окончательно, нет еще четких «границ толерантности».

Выявлены значимые различия отдельных аспектов толерантности: «Этническая толерантность» ($U_{энт} = 210,5; p \leq 0,05$) больше проявляется у подростков с академической успешностью: их отличает терпимое отношение к различным социальным группам, умение корректно и грамотно излагать свою позицию, не задевая чувства окружающих.

Выявлены особенности в системе личностных и социальных установок, ожиданий в процессе взаимодействия, которые оказывают влияние на проявление межличностной толерантности. Так, успешные в академической деятельности подростки обладают более высоким уровнем общей коммуникативной толерантности в условиях учебной деятельности: суммарные показатели толерантных установок личности у них выше.

Выраженными интолерантными установками в обеих подгруппах, те, что мешают подросткам в межличностном общении, являются: «категоричность или консерватизм в оценке других», «неумение прощать ошибки», а также «неумение скрывать негативные чувства». Это указывает на недостаточное проявление гибкости, отсутствие широты кругозора, наличие консерватизма в оценках людей.

Значимые различия при сравнении средних значений социальных установок выявлены в блоке «Использование себя в качестве эталона при оценках других» ($U_{эм} = 231$; $p \leq 0,05$). Подростки с высоким уровнем успеваемости при оценивании поведения, образа мыслей или отдельных характеристик других людей чаще в качестве эталона приводят самих себя, что может помешать при коммуникации с другими участниками.

Показано, что по параметрам мобильности подростков в общении, способности произвольно корректировать, изменять уже сложившиеся формы общения в обеих группах преобладают средние значения: подростки строят свое поведение в зависимости от ситуации, проявляют направленность на партнера, склонность к взаимодействию в общении; иногда это проходит в виде своеобразной игры. У успевающих учеников способность к самоуправлению в общении формируется в большей степени ($U_{эм} = 188,5$; $p \leq 0,01$): у них начинает формироваться мобильность в общении, умение подстраиваться к поведению партнера, готовность к диалогу в общении.

Выводы. Качество академической успеваемости школьника может способствовать или, наоборот, препятствовать межличностному отношению подростков.

У подростков с высоким уровнем академической успеваемости отмечается более терпимое отношение к различным социальным группам, умение корректно и грамотно излагать свою позицию, не задевая чувства окружающих, им присуща стабильная модель общения, начинает формироваться мобильность в общении, умение подстраиваться к поведению партнера, готовность к диалогу в общении. Однако иногда их подвижность проходит в виде своеобразной игры. Формирование толерантности у подростков может быть успешно при проведении школьными психологами специально разработанной тренинговой программы.

Литература

1. *Асмолов Г.А.* Слово о толерантности [Текст] // Век толерантности. 2001.
2. *Безюлева Г.В.* Толерантность в пространстве образования [Текст]. М.: Московский соц.-психологич. ин-т, 2005.

3. *Бондырева С.К.* Толерантность (введение в проблему). М., Воронеж, 2003.
4. *Братченко С. Л.* Психологические основания исследования толерантности в образовании // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление. Красноярск, 2003.
5. *Ильинская С.Г.* Толерантность как философская категория/С.Г. Ильинская // Полит Вектор: сетевой журнал. 2010. – URL: <http://politvektor.ru/glavnaya-tema/4259>.
6. *Маркелова Е.В.* Динамика личностных характеристик толерантности в подростковом возрасте // Психология, социология и педагогика. – 2013. – № 8. – [Электронный ресурс]. URL: <https://psychology.snauka.ru/2013/08/2369>.
7. *Мацковский М.С.* Толерантность как объект социологического исследования // Толерантность – гармония в многообразии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/VT-3-4-tolerkak.php?PrPage=VT>.
8. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности/Под ред. Г.У. Солдатовой и др. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.
9. *Солдатова С.Ю.* Формирование толерантности среди подростков и молодёжи // Психология, социология и педагогика. 2017. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2017/08/8359>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ¹

Аблековская Оксана Николаевна, доцент кафедры общей и медицинской психологии, кандидат биологических наук, доцент. Факультет философии и социальных наук. Белорусский государственный университет (БГУ).

Авраменко Вера Григорьевна, младший научный сотрудник ГАОУ ВО МГПУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Адилова Эльнура Темиркановна, PhD, старший преподаватель Казахского национального университета им. аль-Фараби. Алматы, Республика Казахстан.

Азизова Назокат Бабуровна, студент Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте, кандидат психологических наук. Ташкент, Республика Узбекистан.

Азнаурьянц Артем Александрович, аспирант кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Воронеж, Россия.

Айбушев Якуб Камилевич, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Аймаганбетова Ольга Хабижановна, профессор кафедры общей и прикладной психологии, факультет философии и политологии, доктор психологических наук. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан.

Аксеновская Людмила Николаевна, декан факультета психологии, заведующая кафедрой общей и социальной психологии, доктор психологических наук. ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия.

Алейникова Ксения Игоревна, студент направления подготовки «Психология» ФГБОУ ВО ПГУ. Пятигорск, Россия.

---

¹ Сведения составлены на основании заявок, поданных на конференцию, и не являются исчерпывающими.

Алейникова Татьяна Николаевна, студент факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. Минск, Республика Беларусь.

Александрова Елена Андреевна, кандидат культурологии, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Аликин Марк Игоревич, аспирант Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева. Красноярск, Россия.

Андрианова Ирина Николаевна, педагог-психолог, МБОУ СОШ №21 имени В.Г. Фёдорова, Ковров, Владимирская область, Россия.

Андрущенко Пётр Валентинович, преподаватель, Барановичский государственный университет. Барановичи, Республика Беларусь.

Андрюшкова Надежда Петровна, старший преподаватель кафедры психологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», Донецк, Россия.

Анисимова Екатерина Владимировна, заведующая сектором психологического сопровождения отдела по воспитательной и социальной работе. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Антипин Павел Андреевич, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии, кандидат социологических наук. Северный государственный медицинский университет. Архангельск, Россия.

Артеменко Олеся Александровна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Афанасьева Ольга Федоровна, аспирант АНО ВО «Российский новый университет», Москва, Россия.

Бабаджанова Наргис Рамзовна, доцент Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте, кандидат психологических наук. Ташкент, Республика Узбекистан.

Бабанин Петр Алексеевич, старший преподаватель кафедры социальной психологии развития, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Бабикова Марина Рашитовна, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации, риторики, русского языка как иностранного УрГПУ, кандидат филологических наук. Екатеринбург, Россия.

Бавишенко Вера Олеговна, педагог-психолог ГКОУ «Школа № 3 Костромской области для детей с ограниченными возможностями здоровья», студент магистратуры «Психопедагогика социальных стимуляторов и игровых образовательных сред» ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет». Кострома, Россия.

Багданян Алиса Гришаевна, студент магистратуры «Психологическое благополучие в детско-юношеском возрасте». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Баканов Арсений Сергеевич, ведущий научный сотрудник, доктор технических наук. ИП РАН, Москва, Россия.

Баканова Нина Борисовна, ведущий научный сотрудник, доктор технических наук. ИПМ им. М.В. Келдыша РАН. Москва, Россия.

Балева Милена Валерьевна, доцент кафедры общей и клинической психологии, кандидат психологических наук. ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия.

Бардиер Галина Леонидовна, профессор, доктор психологических наук. Невский институт языка и культуры. Санкт-Петербург, Россия.

Баринова Наталия Геннадиевна, студент магистратуры «Психология Востока», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Барьяхтар Оксана Федоровна, старший преподаватель кафедры психологии. Донецкий государственный университет. Донецк, Россия.

Басанова Елена Евгеньевна, доцент кафедры общей и педагогической психологии ФГБОУ ВО ПГУ, кандидат психологических наук, доцент. Пятигорск, Россия.

Башилова-Селезнева Екатерина Валерьевна, аспирант программы «Социальная психология» ФГАОУ «Волгоградский государственный университет». Волгоград, Россия.

Безгодова Дарья Леонидовна, студент НИУ «Высшая Школа Экономики». Москва, Россия.

Безродный Владимир Иванович, доцент кафедры психологии Донецкого национального университета, кандидат психологических наук, доцент. Донецк, Донецкая народная республика, Россия.

Белинская Елена Павловна, профессор кафедры социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Белов Михаил Сергеевич, заведующий кафедрой физического воспитания Ивановского государственного энергетического университета им. В.И. Ленина, кандидат культурологии, доцент. Иваново, Россия.

Берда Мария Александровна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Беспанская-Павленко Екатерина Дмитриевна, заведующая кафедрой общей и медицинской психологии, кандидат психологических наук, доцент. Белорусский государственный университет, Минск, республика Беларусь.

Бессчетнова Оксана Владимировна, профессор кафедры социологии и медиакоммуникаций, доктор социологических наук. ФГБОУ ИВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет», Москва, Россия.

Бешенцев Иван Дмитриевич, студент автомобильно-дорожного факультета СПбГАСУ. Санкт-Петербург, Россия.

Биндасова Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры психологии и коррекционной работы Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, Могилев, Беларусь.

Блинова Елена Евгеньевна, профессор кафедры прикладной психологии и развития личности, ГБОУ ВО «Херсонский государственный университет», доктор психологических наук, профессор. Херсон, Россия.

Бовина Инна Борисовна, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, доктор психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Богачева Татьяна Игоревна, педагог-психолог МБДОУ детский сад «Ивушка» № 10. Орёл, Россия.

Богущая Диана Игоревна, студент факультета социально-педагогических технологий УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка». Минск, Республика Беларусь.

Бочкова Маргарита Николаевна, магистр психологии, независимый исследователь. Москва, Россия.

Будякова Татьяна Петровна, профессор кафедры педагогики и образовательных технологий, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина., Елец, Россия.

Буркова Валентина Николаевна, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, НИУ ВШЭ, кандидат исторических наук. Москва, Россия.

Бусарова Ольга Ренатовна, доцент кафедры юридической психологии и права факультета «Юридическая психология», кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Бутовская Марина Львовна, профессор, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук. Москва, Россия.

Бухарина Алина, Директор по организационному развитию и трансформации ГК Фитц; аспирант ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Быховская Анна Викторовна, студент магистратуры факультета психологии. ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.

Быч Кира Эдуардовна, студент магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Бычкова Дина Ильинична, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Валова Анна Витальевна, студент магистратуры магистратуры «Организационная психология», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Васильев Василий Анатольевич, Старший преподаватель кафедры МиТСП Академия ФСИН России, Рязань.

Васильева Светлана Викторовна, доцент РГПУ им. А.И. Герцена, кандидат психологических наук, доцент. Санкт-Петербург, Россия.

Вержибок Галина Владиславовна, профессор кафедры психологии и педагогики УО «Университет права и социально-информационных технологий», кандидат психологических наук, доцент. Минск, Республика Беларусь.

Веселова Елена Константиновна, профессор кафедры психологии человека, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена», доктор психологических наук, Санкт-Петербург, Россия.

Видулина Валерия Сергеевна, студент магистратуры «Организационная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Визгина Елена Николаевна, старший воспитатель КУ «Специализированный Дом ребенка «Малютка» Минздрава Чувашии. Чебоксары, Россия.

Вильчевская В.Е., студент факультета психологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Гродно, Республика Беларусь.

Виноградова Анна Владимировна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Виноградова Екатерина Сергеевна, педагог-психолог МБДОУ «Детский сад комбинированного вида №4 «Ласточка», Симферополь, Россия.

Виталёва Яна Витальевна, педагог-психолог, МБДОУ «Детский сад №10 "Кораблик"» г. Лесосибирска, Россия.

Вишнякова Ольга Александровна, педагог-психолог МОУ СШ №24. Волгоград, Россия.

Власов Игорь Юрьевич, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике», ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Волк Марина Игоревна, доцент кафедры психологии и педагогики филологического факультета РУДН имени Патриса Лумумбы, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Волкова Наталья Владимировна, доцент, кандидат психологических наук. НИУ ВШЭ. Санкт-Петербург, Россия.

Волох Алина Дмитриевна, студент гуманитарно-юридического факультета, ОП «Психология». Университет «Туран». Алматы, Республика Казахстан.

Воронкина Любовь Борисовна, доцент кафедры психологии личности и профессиональной деятельности ФГБОУ ВО ПГУ, кандидат психологических наук, Пятигорск, Россия.

Воронко Елена Валентиновна, заведующая кафедрой психологии и педагогики, кандидат психологических наук, доцент. Учреждение образования «Гродненский государственный медицинский университет». Гродно, Республика Беларусь.

Воронкова Инна Викторовна, доцент кафедры «Педагогическая психология имени профессора В.А. Гуружапова» факультета «Психология образования», кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Воронова Виталия Евгеньевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Гайдар Карина Марленовна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой общей и социальной психологии. ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Воронеж, Россия.

Гарбажа Марина Сергеевна, студент магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Гафиятуллин Эдуард Эдуардович, магистр психологии, аспирант факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Гафурова Севара Шухратовна, студент Филаала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкент. Ташкент, Республика Узбекистан.

Гильмутдинова Диана Дамировна, студент магистратуры Института психологии. Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, Россия.

Глушакова Алёна Владимировна, заведующая аспирантурой, магистр психологических наук, ГУО «Академия последипломного образования», Минск, Республика Беларусь.

Гордеева Екатерина Николаевна, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук. Руза, Россия.

Горохов Алексей Юрьевич, доцент РГПУ имени А.И. Герцена, кандидат психологических наук, Санкт-Петербург, Россия.

Горькая Жанна Владимировна, доцент ФГБОУ РГСУ «Российский государственный социальный университет», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Гревцев Иван Артемович, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике», ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Григорян Алвина Грачиковна, студент магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Гриднева Дарья Андреевна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Гридяева Людмила Николаевна, доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук. Воронеж, Россия.

Гритченко Мария Александровна, студент магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Гриценко Валентина Васильевна, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, доктор психологических наук, профессор. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Гумницкая Анна Сергеевна, методист ГБУ ДПО ЧИППКРО. Челябинск, Россия.

Давыденко Анастасия Павловна, педагог-психолог, Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение «Ясли-сад общеразвивающего типа №3 «Радуга» города Ясиноватая. Ясиноватая, ДНР, Россия.

Дагбаева Соелма Батомункуевна, заведующая кафедрой теоретической и прикладной психологии, доктор психологических наук ЗабГУ. Чита, Россия.

Даниленко Ольга Васильевна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Даниленко Ольга Ивановна, профессор факультета психологии ФГБОУ ВО СПбГУ, доктор культурологии. Санкт-Петербург, Россия.

Дворянчиков Николай Викторович, декан факультета юридической психологии, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Деканова Юлия Николаевна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Делибальт Варвара Васильевна, доцент кафедры юридической психологии и права факультета «Юридическая психология». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Делиденко Анна Андреевна, студент филологического факультета. РУДН имени Патриса Лумумбы. Москва, Россия.

Демина Анастасия Валерьевна, психолог ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей». Воронеж, Россия.

Демина Инна Сергеевна, педагог-психолог ГБОУ Школа №1573, кандидат психологических наук, Москва, Россия.

Демяненко Елизавета Эрнестовна, студент факультета философии и социальных наук БГУ. Минск, Республика Беларусь.

Денисенкова Наталия Сергеевна, доцент кафедры социальной психологии развития, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Дергилева Яна Александровна, студент ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Воронеж, Россия.

Добрынина Екатерина Игоревна, студент магистратуры «Психология личностного и профессионального развития». Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева. Самара, Россия.

Дроздова Екатерина Николаевна, библиотекарь, филиал «Октябрьская сельская библиотека» ГУК «Буда-Кошелевская центральная районная библиотека». Буда-Кошелев, Республика Беларусь.

Дубовских Юлия Владимировна, студент магистратуры по направлению «Социальная психология» факультета психологии СПбГУ. Санкт-Петербург, Россия.

Дунаева Н.А., педагог-психолог МБДОУ «Детский сад №16 «Красная Шапочка». Новочебоксарск, Россия.

Дунская Екатерина Юрьевна, студент магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Душина Ирина Александровна, педагог-психолог МБОУ СОШ №2 г. Великие Луки Псковской области, Почетный работник образования России. Великие Луки, Россия.

Елесичева Надежда Ивановна, студент магистратуры «Организационная психология», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Ершов Даниил Сергеевич, аспирант кафедры общей психологии и психологии труда АНО ВО «Российский новый университет». Москва, Россия.

Есенова Анна Юрьевна, старший преподаватель кафедры психологии ФГОУ ВО «ДонГУ». Донецкая народная республика, Донецк, Донецкая народная республика, Россия.

Ефременкова Мария Николаевна, аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Жарков Алексей Вячеславович, преподаватель, Барановичский государственный университет, Барановичи, Республика Беларусь.

Жилыев Денис Викторович, студент магистратуры, ОП Психология. ЕНУ им.Л.Н.Гумилева. Астана, Республика Казахстан.

Жукова Наталья Николаевна, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Журкин Дмитрий Васильевич, студент магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Завгородняя Ирина Владимировна, доцент, доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» кандидат психологических наук, Воронеж, Россия.

Зарецкий Петр Сергеевич, аспирант факультета психологии. ОЧУВО «Московский инновационный университет», Москва, Россия

Захарова Лидия Станиславовна, научный сотрудник Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева. Красноярск, Россия.

Зикеева Анна Александровна, студент магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Зими́на Альбина Александровна, педагог-психолог, аспирант факультета экстремальной психологии. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Зими́на Ната́лия Алекса́ндровна, старший преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности, кандидат психологических наук, доцент. Приволжский институт повышения квалификации ФНС России.

Зиязетдинова Алия Рустамовна, руководитель и основатель проекта «Движение – это жизнь», председатель СПб РОО «Развитие гражданского общества «Паритет». Санкт-Петербург, Россия.

Зубова Юлия Константиновна, техник кафедры социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия.

Ивакина Полина Александровна, студент магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Иванкова Дарья Леонидовна, доцент кафедры психологии и педагогики; начальник психологической лаборатории, кандидат психологических наук, ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого»; ФКУ ИК-2 УФСИН России по Тульской области, Тула, Россия.

Ивашиненко Нина Николаевна, руководитель Научно-образовательного центра исследования социальных систем факультета социальных наук, профессор кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, доктор экономических наук, Нижний Новгород, Россия.

Ивина Алла Владимировна, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Игнатенко Ирина Николаевна, студент магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Ильиных Юлия Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии семьи и детства. ФГБОУ ВО РГГУ, «Институт психологии им. Л.С. Выготского». Москва, Россия.

Истомина Елена Владимировна, доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук. Государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования «Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования». Санкт-Петербург, Россия.

Калашиникова Екатерина Александровна, ведущий научный сотрудник Центра социологии образования, кандидат психологических наук. ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», Центр социокультурных проблем современного образования ФГБНУ «ПИ РАО», Москва, Россия.

Калиниченко Ольга Вячеславовна, доцент ФГАОУ ВО ДВФУ, кандидат психологических наук. Владивосток, Россия.

Камчыбек уулу Мырзабек, декан факультета социально-гуманитарных наук, Кыргызский Национальный университет имени Жусупа Баласагына, кандидат психологических наук, доцент. Бишкек, Кыргызская Республика.

Карев Кирилл Андреевич, студент магистратуры «Психология Востока», ФГБОУ ВО МГППУ.

Касымжанова Анаргуль Алиакпаровна, профессор кафедры «Психология» университета «Туран», кандидат психологических наук. Алматы, Республика Казахстан.

Кауненко Ирина Ивановна, доктор психологии, доцент, старший научный сотрудник Центра Этнологии Института Культурного Наследия Министерства образования, культуры и исследований, Республика Молдова, Кишинёв.

Качаева Ирина Александровна, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Качевская Елена Николаевна, аспирант кафедры общей и когнитивной психологии Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева, врач-кардиолог кардиологического отделения №1 ГБУЗ Астраханской области «Городская клиническая больница №3 имени С.М. Кирова».

Киселев Константин Анатольевич, аспирант кафедры социальной психологии, психолог лаборатории юридической психологии, ассистент кафедры социальной психологии ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского». Саратов, Россия.

Киселева Людмила Геннадьевна, студент магистратуры «Психологическая диагностика и профилактика в образовании» факультета «Психология образования», ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия,

Киселева Татьяна Геннадьевна, декан дефектологического факультета, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», Ярославль, Россия.

Кисляков Павел Александрович, профессор кафедры психологии и конфликтологии, доктор психологических наук. РГСУ. Москва, Россия.

Клементьева Марина Владимировна, профессор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при правительстве Российской Федерации», доктор психологических наук. Москва, Россия.

Клепач Юлия Владимировна, доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук. Воронеж, Россия.

Клочкова Анна Сергеевна, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кобак Екатерина Сергеевна, студент Института психологии КГУ им. К.Э. Циолковского. Калуга, Россия.

Ковалева Полина Владиславовна, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Ковалева Татьяна Вячеславовна, доцент кафедры психологии управления факультета социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Ковыльникова Екатерина Александровна, специалист по учебно-методической работе факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кожухарь Галина Сократовна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Колесник Екатерина Анатольевна, студент направления «Психология», Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I. Санкт-Петербург, Россия.

Кольвах Полина Павловна, студент факультета «Социальная психология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Комаров Вадим Владимирович, ведущий научный сотрудник Самарского филиала РАНХиГС, кандидат педагогических наук. Москва, Россия.

Комарова Полина Сергеевна, студент Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте, Ташкент, Республика Узбекистан.

Комарова Тамара Константиновна, доцент кафедры общей и социальной психологии, кандидат психологических наук, доцент. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы. Гродно, Республика Беларусь.

Кондратьев Михаил Дмитриевич, доцент кафедры общей психологии РАНХиГС, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Кононыхина Василина Борисовна, аспирант кафедры общей психологии и психологии труда. Гуманитарный институт, АНО ВО «РосНОУ». Москва, Россия.

Кончакова Евгения Викторовна, аспирант Воронежского государственного университета. Воронеж, Россия.

Конысбай Т.Е., Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан.

Коробцева Кристина Дмитриевна, студент ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», специальность «Психология служебной деятельности». Воронеж, Россия.

Косицина Вероника Игоревна, аспирант кафедры возрастной психологии и семейного консультирования НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия.

Косолапова Анастасия Владимировна, старший преподаватель ИЯКТ НИТУ МИСИС, аспирант кафедры социальной психологии ФБГОУ ВО ГУП. Москва, Россия.

Косьмина Дарья Геннадиевна, студент факультета «Юридическая психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кочетков Никита Владимирович, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кочетова Татьяна Викторовна, доцент кафедры психологии управления, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Красило Дарья Александровна, доцент кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Красило Татьяна Александровна, доцент кафедры социальной психологии развития, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кротова Наталья Владимировна, воспитатель МДОУ «Детский сад №5 «Серпантин». Ростов, Ярославская область, Россия.

Кружкова Ольга Владимировна, заведующая лабораторией перспективных социально-средовых исследований ФГБОУ ВО УрГПУ, кандидат психологических наук, доцент. Екатеринбург, Россия.

Крушельницкая Ольга Борисовна, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Крюкова Татьяна Леонидовна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии. ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», Кострома, Россия.

Кудратходжаева Муаззамхон Шерзодхон кизи, студент факультета психологии Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте. Ташкент, Республика Узбекистан.

Кузнецов Игорь Михайлович, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат социологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кузнецова Анастасия Дмитриевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кузьмина Елена Ивановна, и.о. декана факультета дистанционного обучения ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кулиева Саида Зияфат кызы, студент факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета. Минск, Республика Беларусь.

Куприкова Дария Андреевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Курило Мария Валерьевна, преподаватель-стажер факультета педагогики и психологии. Барановичский государственный университет. Барановичи, Республика Беларусь.

Курьянова Анжелика Юрьевна, педагог-психолог. Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования Октябрьского района Ростова-на-Дону «Центр дополнительного образования детей». Ростов-на-Дону, Россия.

Куценко Роман Геннадьевич, аспирант ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (УрГПУ). Екатеринбург, Россия.

Кучерова Елизавета Юрьевна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Конысбай Толқынай Ержанқызы, студент магистратуры факультета философии и политологии. Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан.

Лаврешкин Никита Владимирович, старший преподаватель кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Ладушкин Сергей Иванович, доцент кафедры философии и социологии, кандидат философских наук. ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России». Санкт-Петербург, Россия.

Лазарева Анастасия Владимировна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Ланцова Светлана Вячеславовна, аспирант ИвГУ. Иваново, Россия.

Ланицов Дмитрий Николаевич, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Лацицкая Юлия Сергеевна, старший преподаватель кафедры психологии и коррекционной работы, магистр психологических наук. Учреждение образования «Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова». Могилёв, Республика Беларусь.

Ларина Галина Николаевна, доцент, кандидат психологических наук. Курский государственный университет, Курск, Россия.

Ларькина Виктория Андреевна, аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии. Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Лебедева Анна Александровна, старший научный сотрудник Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации; доцент департамента психологии, кандидат психологических наук. Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, Россия.

Лебедева Валерия Евгеньевна, студент магистратуры «Позитивное психологическое консультирование». Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Саратов, Россия.

Левашова Анна Игоревна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Лежнева Екатерина Юрьевна, студент РГПУ им. Герцена. Санкт-Петербург, Россия.

Леонова Олеся Игоревна, доцент факультета «Психология образования», кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Леонович Оксана Олеговна, аспирант ФФСН БГУ. Минск, Республика Беларусь.

Лесин Александр Михайлович, доцент кафедры общей и специальной психологии с курсом педагогики, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, Рязань. ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России

Лисова Екатерина Николаевна, доцент, кандидат психологических наук, ФГБОУ ВО Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия.

Литвинова Елена Юрьевна, доцент кафедры психологии управления, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Лобанова Юлия Игоревна, доцент кафедры истории и философии СПбГАСУ, кандидат психологических наук, доцент. Санкт-Петербург, Россия.

Лобза Ольга Валерьевна, доцент кафедры общей и социальной психологии МГИМО МИД России, кандидат психологических наук. Одинцово, Московская область, Россия.

Лозвинова Маргарита Игоревна, ассистент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Лукьянченко Наталья Владимировна, доцент Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, кандидат психологических наук. Красноярск, Россия.

Лындина Елена Ивановна, студент магистратуры «Практическая этнопсихология», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Майсак Надежда Васильевна, доцент, к.псх.н., доцент кафедры конфликтологии и организационной психологии Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева.

Майский Дмитрий Олегович, аспирант, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Макаров Дмитрий Русланович, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Макушина Ольга Петровна, доцент ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», кандидат психологических наук. Воронеж, Россия.

Малова Галина Александровна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Маринова Татьяна Юрьевна, профессор кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат биологических наук, доцент. Декан факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Маркина Нина Витальевна, доцент, кандидат психологических наук ГБУ ДПО ЧИППКРО. Челябинск, Россия.

Матвеева Алена Игоревна, аналитик управления научных исследований, аспирант. ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Екатеринбург.

Матчанова Камила Матназар кизи, студент Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте. Ташкент, Республика Узбекистан.

Махлаева Анна Петровна, студент магистратуры «Психологическое консультирование» Российского университета дружбы народов. Москва, Россия.

Мельникова Дарья Вячеславовна, преподаватель кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Мельникова Ольга Тимофеевна, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова, доктор психологических наук, Москва, Россия.

Мельничук Андрей Степанович, доцент факультета психологии Института общественных наук, кандидат психологических наук, доцент РАНХиГС при Президенте РФ. Москва, Россия.

Мешкова Наталья Владимировна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Мизаев Расул Абуевич, студент магистратуры «Психология Востока». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Милованова Алина Валерьевна, студент магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Минияров Валерий Максимович, профессор, доктор педагогических наук. Самарский филиал ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет».

Миновская Ольга Владиславовна, доцент Костромского государственного университета, кандидат педагогических наук. Кострома, Россия.

Мирей Анастасия, студент магистратуры «Практическая этнопсихология», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Мишина Татьяна Александровна, студент магистратуры магистратуры «Организационная психология», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Могилевская Яна Валерьевна, студент магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Молчанов Сергей Владимирович, доцент кафедры возрастной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Мороз Ксения Игоревна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Морозова Нелли Борисовна, доцент СПбГУП, кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Московцева Анастасия Сергеевна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование», ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Муковнина Дарья Дмитриевна, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Нагаев Михаил Михайлович, студент магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Назарова Шахзода Рустамовна, студент магистратуры факультета психологии Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте. Ташкент, Республика Узбекистан.

Насыйбуллина Эльвира Зиннуровна, студент магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Наурузбаева Бийбизада Икрамовна, студент факультета психологии Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте. Ташкент, Республика Узбекистан.

Недошивина Мария Александровна, старший преподаватель кафедры социальной психологии факультета психологии. Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Нестерова Альбина Александровна, профессор кафедра социальной психологии, доктор психологических наук. ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет».

Нестерова Екатерина Михайловна, аспирант факультета психологии Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Николаева Наталья Викторовна, директор, Научно-информационного центра А.Р.Т., кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Никулин Станислав Алексеевич, доцент кафедры психологии управления факультета социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Ничипорчук Екатерина Сергеевна, студент магистратуры «Психология Востока». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Нурматова Угилой Фарруховна, студент магистратуры. Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте. Ташкент, Республика Узбекистан.

Огарева Екатерина Ивановна, доцент кафедры социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Одинцова Мария Антоновна, заведующая кафедрой психологии и педагогики дистанционного обучения ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Онучина Анастасия Владимировна, педагог-психолог, кандидат педагогических наук. МОУ СОШ с УИОП №1 города Советска Кировской области, Советск, Россия.

Орлов Владимир Алексеевич, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Орлова Ирина Вячеславовна, студент магистратуры «Психология развития». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Отмани Валентина Юрьевна, студент магистратуры «Практическая этнопсихология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Очеретина Юлия Андреевна, педагог-психолог ГБУ ДО ЦППМСП Выборгского района г. Санкт-Петербург. Санкт-Петербург, Россия.

Павлова Ольга Сергеевна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат педагогических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Павлова Юлия Борисовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Пак Ванесса Юрьевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Палагина Анна Александровна, выпускник факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, ООО ФСК «Лидер».

Панина Ирина Александровна, студент магистратуры «Практическая Этнопсихология». ФГБОУ ВО МГППУ. Сергиев Посад, Россия.,

Панфилова Анна Викторовна, студент магистратуры «Семейная психология» Института психологии им Л.С. Выготского (РГГУ). Москва, Россия.

Паулова Дарья Александровна, студент магистратуры «Практическая этнопсихология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Пащенко Александр Константинович, доцент кафедры социальной психология развития ФГБОУ ВО МГППУ, старший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации ПИ РАО, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Пенькова Виктория Николаевна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Первачева Ольга Александровна, аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук. Москва, Россия.

Перевёртова Мария Васильевна, студент факультета «Социальная психология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Петросянци Виолетта Рубеновна, доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук. Воронеж, Россия.

Петрушихина Елена Борисовна, декан факультета психологии образования, кандидат психологических наук. Института психологии им. Л.С. Выготского, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». Москва, Россия.

Писарчук Павел Михайлович, аспирант кафедры социальной психологии, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.

Плюснин Александр Сергеевич, студент магистратуры. Курский государственный университет, Курск, Россия.

Погодина Алла Васильевна, заведующая кафедрой психологии управления, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Погодина Елена Константиновна, старший преподаватель факультета социально-педагогических технологий УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка». Минск, Республика Беларусь.

Поддубный Сергей Евтихиевич, ассоциированный научный сотрудник Института психологии РАН, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Позднякова Татьяна Борисовна, старший преподаватель кафедры социальной психологии СПбГУ, кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Позняков Владимир Петрович, главный научный сотрудник, профессор ФГБУН «Институт психологии» РАН, доктор психологических наук. Москва, Россия.

Полякова Ирина Сергеевна, студент магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Пономарева Оксана Дмитриевна, студент. ФГБОУ ВО ВГУ. Воронеж, Россия.

Попова Кристина Алановна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Посохин Антон Сергеевич, студент магистратуры «Организационная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Курск, Россия.

Почебут Людмила Георгиевна, профессор кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Провоторова Наталия Викторовна, доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук. ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ». Луганск, Россия.

Прокофьева Карина Вячеславовна, врач клинической лабораторной диагностики УЗ «Бобруйский родильный дом». Могилев, Беларусь.

Пронин Роман Олегович, ассистент преподавателя кафедры психологии Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте. Ташкент, Республика Узбекистан.

Прудникова Марианна Георгиевна, ведущий менеджер сектора психолого-педагогической, методической и консультативной помощи родителям ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Пынтя Екатерина Сергеевна, студент магистратуры «Психология развития». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Пышинова Алина Игоревна, студент магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Радина Надежда Константиновна, профессор кафедры общей и социальной психологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», кандидат психологических наук, доктор политических наук. Нижний Новгород, Россия.

Расходчикова Марина Николаевна, МГППУ, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, заместитель декана по учебно-методической работе факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Ратманова С.А., педагог-психолог МБДОУ «Детский сад №16 «Красная Шапочка». Новочебоксарск, Россия.

Ратнер Екатерина Владимировна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование», ФГБОУ ВО МГППУ.

Ревуцкая Ирина Викторовна, старший преподаватель кафедры психологии ФГБОУ ВО «ДонГУ». Донецкая народная республика. Донецк, Донецкая народная республика, Россия.

Репещук Ксения Юрьевна, аспирант ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Робин Сергей Дмитриевич, лаборант. ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Екатеринбург.

Романенко Дина Александровна, студент направления подготовки «Психология», Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. Санкт-Петербург, Россия.

Романова Наталья Михайловна, доцент кафедры социальной психологии ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», кандидат психологических наук. Саратов, Россия.

Ромашева Жанагуль Жумабековна, помощник проректора по профессиональному образованию. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Рымина Анастасия Викторовна, аспирант кафедры общей и социальной психологии факультета педагогики и психологии. ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», Кострома, Россия.

Рябинкина Елена Валентиновна, студент магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Рягузова Елена Владимировна, заведующая кафедрой психологии личности СГУ им. Н.Г. Чернышевского, доктор психологических наук, профессор. Саратов, Россия.

Савченкова Вероника Андреевна, студент факультета психологии РАНХиГС. Москва, Россия.

Садыкова Раушан, студент магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании» ФГБОУ ВО МГППУ. Астана, Республика Казахстан.

Саенко Алексей Юрьевич, аспирант РГСУ. Москва, Россия.

Сазонова Светлана Дмитриевна, доцент, кандидат психологических наук. ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет».

Сапего Екатерина Ивановна, доцент кафедры кадровой политики и психологии управления, кандидат психологических наук. Академия управления при Президенте Республики Беларусь.

Сачкова Марианна Евгеньевна, профессор кафедры общей психологии, доктор психологических наук, профессор. ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС.

Седова Алла Рифатовна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Семенова Лидия Эдуардовна, профессор кафедры общей и социальной психологии, доктор психологических наук. ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород.

Семенова Наталия Сергеевна, психолог, Ильинская СОШ №25, Раменское, Россия.

Семина Анастасия Игоревна, учитель иностранных языков, классный руководитель ГБОУ ЦОиС «Москва-98», студент магистратуры «Психология управления и социальных коммуникаций), МГИМО, Москва, Россия.

Серебрякова Каринэ Арташесовна, директор Института системного консультирования и тренинга, преподаватель Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Серова Влада Вячеславовна, студент магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Сиваш Ольга Николаевна, начальник отдела психологического сопровождения ГБУ «Система 112», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Симакова Майя Владиславовна, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике», ФГБОУ ВО МГППУ.

Синельникова Елена Семеновна, доцент кафедры «Прикладная психология», кандидат психологических наук. Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I. Санкт-Петербург, Россия.

Скарлош Игорь Антонович, студент магистратуры «Практическая этнопсихология», ФГБОУ ВО МГППУ.

Скоробогатько Олег Вячеславович, аспирант кафедры гуманитарных дисциплин ОЧУВО «Московский инновационный университет». Москва, Россия.

Смирнова Юлия Сергеевна, доцент факультета философии и социальных наук, кандидат психологических наук. Белорусский государственный университет. Минск, Республика Беларусь.

Смолина Татьяна Леонидовна, доцент кафедры социальной психологии, кандидат психологических наук, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. Санкт-Петербург, Россия.

Смык Анастасия Андреевна, старший преподаватель кафедры социальной и педагогической психологии, магистр психологических наук. УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», Гомель, Беларусь.

Собкин Владимир Самуилович, руководитель лаборатории «Центр социокультурных проблем современного образования» ПИ РАО, доктор психологических наук, профессор, академик РАО. Москва, Россия.

Созинова Мария Валерьевна, доцент кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (СПбГУП), кандидат педагогических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Соколова Ирина Владимировна, аспирант кафедры Социальная психология ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Соколова Татьяна Анатольевна, педагог-психолог МАОУ «Лицей №200», Новосибирск, Россия.

Солодкова Анна Вадимовна, аспирант ФГБОУ ВО МГППУ, педагог-психолог ГБОУ Школа 1286. Москва, Россия.

Сорокин Константин Геннадьевич, ассистент кафедры общей и социальной психологии Института Психологии РГПУ им. Герцена. Санкт-Петербург, Россия.

Стаменкович Юлия Владимировна, студент магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Столярова Елизавета Владимировна, выпускник НИУ «Высшая Школа Экономики». Москва, Россия.

Субботина Татьяна Алексеевна, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике», ФГБОУ ВО МГППУ.

Судакова Вера Дмитриевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Султанова Лилия Зиятудиновна, доцент кафедры психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук. Ташкент, Республика Узбекистан.

Сунгурова Нина Львовна, доцент кафедры психологии и педагогики филологического факультета, руководитель магистерской программы «Психологическое консультирование», кандидат психологических наук, доцент. Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

Суннатов Рано Иззатовна, профессор департамента психологии Института педагогики и психологии образования ФГБОУ ВО МГПУ, доктор психологических наук. Москва, Россия.

Сутягина Анна Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Тамаров Лев Ильич, аспирант кафедры психологии и педагогики филологического факультета РУДН. Москва, Россия.

Тарасов Семён Васильевич, младший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН. Москва, Россия.

Тарулина Наталья Владимировна, студент магистратуры «Практическая этнопсихология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Текутьева Дарья Евгеньевна, студент факультета социологии и журналистики МГГЭУ. Москва, Россия.

Тельшева Варвара Алексеевна, курсант Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Руза, Россия.

Темирболат Ескендир, студент направления «Психология» Петербургского государственного университета путей сообщения императора Александра I. Санкт-Петербург, Россия.

Терехова Елена Сергеевна, аспирант факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Терещенко Анна Алексеевна, студент магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Титова Ольга Владимировна, студент магистратуры «Психология Востока». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Титовец Татьяна Евгеньевна, доцент кафедры общей и дошкольной педагогики, кандидат педагогических наук. «Белорусский государственный педагогический университет» имени Максима Танка, Минск, Республика Беларусь.

Тихомандрицкая Ольга Алексеевна, заведующая кафедрой социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Тихонова Дарья Владимировна, студент факультета социальной психологии. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Ткаченко Наталья Владимировна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Толстых Наталия Николаевна, заведующая кафедрой «Социальная психология развития», доктор психологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Томлянович Евгения Тимофеевна, студент магистратуры «Практическая Этнопсихология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Третьякова Виктория Эдуардовна, преподаватель факультета философии и психологии, кандидат психологических наук. Воронежский государственный университет. Воронеж, Россия.

Троицкая Елена Авенировна, доцент кафедры психологии и педагогической антропологии ИГПН ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Трушевская Валерия Сергеевна, выпускник ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». Москва, Россия.

Трушкова Светлана Викторовна, профессор кафедры социально-психологической безопасности личности, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский социально-педагогический институт».

Туйчиева Мадина Дилишодовна, студент факультета «Юридическая психология». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Туманова Валерия Михайловна, студент факультета социальных технологий, направление «Психология управления». СЗИУ РАНХиГС. Санкт-Петербург, Россия.

Углова Елена Константиновна, студент магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Усманова Эльмира Зиядовна, доцент кафедры психологии Филлиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте, Ташкент, Республика Узбекистан.

Усояская Дарья Олеговна, студент факультета философии и социальных наук. Белорусский государственный университет. Минск, Республика Беларусь.

Федорова Дарья Дмитриевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Федотова Людмила Александровна, директор МБУ Центр ППМСП «Успех». Химки, Московская область, Россия.

Феоктистова Светлана Васильевна, профессор кафедры общей психологии и психологии труда, доктор психологических наук. АНО ВО «Российский новый университет» (АНО ВО «РосНОУ»).

Филько Дарья Дмитриевна, студент филологического факультета, направление «Психолого-педагогическое образование», ФГОУ ВО «ДонГУ». Донецкая народная республика, Донецк, Россия.

Фоке-Алехин Филипп (Fauquet-Alekhine Philippe), сотрудник Лаборатории субъективной доказательной этнографии психологических и поведенческих наук (SEBE-Lab), Лаборатории исследований в области энергетики (Монтагре, Франция), кафедры психологических и поведенческих наук. Лондонская школа экономики, Лондон, Великобритания.

Фокина Мария Владимировна, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, кандидат психологических наук. ОЧУВО «Московский инновационный университет». Москва, Россия.

Фофанова Галина Александровна, доцент кафедры психологии Белорусского государственного университета, кандидат психологических наук. Минск, Республика Беларусь.

Фрольцова Кристина Игоревна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Хавыло Алексей Викторович, заведующий лабораторией информационно-психологической безопасности, доцент кафедры общей и социальной психологии, кандидат психологических наук. КГУ им. К.Э. Циолковского. Калуга, Россия.

Хайитова Дилноза Ишонкуловна, студент направления «Психология», Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в городе Ташкенте. Ташкент, Республика Узбекистан.

Хаймовская Наталия Ароновна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Хван Андриан Андрианович, доцент кафедры психологии и педагогики, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО Гжельский государственный университет, Москва.

Хегай Анна Сергеевна, приглашенный преподаватель департамента психологии НИУ ВШЭ. Москва, Россия.

Хлябич Юлия Николаевна, студент факультета клинической психологии Северного государственного медицинского университета. Архангельск, Россия.

Храмова Светлана Леонидовна, педагог-психолог, МБОУ СОШ № 23 имени Героя Советского Союза Д.Ф. Устинова, Ковров, Владимирская область, Россия.

Худякова Татьяна Леонидовна, заведующая кафедрой практической психологии Воронежского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент. Воронеж, Россия.

Чанкаева Ирада Рустамовна, студент магистратуры АНО ВО «РосНОУ». Москва, Россия.

Чан-Сян Милена Анатольевна, студент программы «Психология» СПбГУП. Санкт-Петербург, Россия.

Чентырѐв Роман Александрович, аспирант Московского Инновационного Университета. Москва, Россия.

Чернева Светлана Павловна, педагог-психолог, практический психолог, МБОУ «СОШ №71 г. Челябинска». Челябинск, Россия.

Чибисова Марина Юрьевна, доцент кафедры социальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО МПГУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Чикер Вера Александровна, доцент кафедры социальной психологии СПбГУ, кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Чубукова Руслана Александровна, педагог-психолог МДОУ «Детский сад №5 «Серпантин». Ростов, Ярославская область, Россия.

Чупракова Нина Николаевна, старший преподаватель кафедры юридической психологии и права факультета «Юридическая психология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Шаповаленко Ирина Владимировна, заведующая кафедрой «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой», кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Шарапов Никита Александрович, аспирант кафедры общей психологии и психологии труда. АНО ВО «Российский новый университет», Москва, Россия.

Шаталина Валентина Вениаминовна, Technician Director, Research Centre for Social Systems, Glasgow, UK, кандидат психологических наук, Лондон Великобритания.

Шаталина Светлана Владимировна, студент магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Швалева Нина Михайловна, методист по научной и инновационной работе МБОУ «Лицей № 15», кандидат психологических наук, доцент, Пятигорск, Россия.

Шингаев Сергей Михайлович, заведующий кафедрой психологии, профессор, доктор психологических наук, доцент. Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования. Санкт-Петербург, Россия.

Ширинская Анастасия Дмитриевна, студент магистратуры «Психология в сфере образования» ФГБОУ ВО «ДонГУ». Донецкая народная республика. Донецк, Донецкая народная республика, Россия.

Шимарева Людмила Владимировна, старший преподаватель кафедры психологии образования ЗабГУ. Чита, Россия.

Шляпников Владимир Николаевич, заведующий кафедрой психологии личности и дифференциальной психологии НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Шляхова Елена Вадимовна, педагог-психолог, автор онлайн-проекта «Психологическая студия "Креативность Онлайн"» кандидат психологических наук. Московская онлайн-школа «БИТ», Москва, Россия.

Шляхта Дмитрий Александрович, доцент ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Шмелева Елена Александровна, профессор кафедры психологии и социальной педагогики, доктор психологических наук, доцент. Ивановский государственный университет. Иваново, Россия.

Шмелева Ольга Валерьевна, студент магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Шнайдер Джанат Жантемирович, профессор ЕНУ им. Л.Н.Гумилева. Астана, Республика Казахстан.

Шорохова Валерия Альбертовна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Шпунтова Виктория Владимировна, доцент кафедры общей психологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, кандидат психологических наук, доцент. Самара, Россия.

Щелокова Екатерина Галиуловна, доцент кафедры «Прикладная психология» ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I», кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Щукина Ольга Геннадьевна, аспирант ФГБОУ ВО ГУП. Мытищи, Россия.

Эгамбердиева Евгения Витальевна, старший преподаватель ФГБОУ ИВО МГГЭУ Москва, Россия.

Эшманова Эдгара Фархадовна, студент магистратуры «Юридическая психология» ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского». Саратов, Россия.

Юдин Георгий Львович, студент СПбГАСУ. Санкт-Петербург, Россия.

Юнусова Дана Дамировна, психолог «Детского телефона доверия», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Юров Игорь Александрович, доцент кафедры психологии и дефектологии, кандидат психологических наук, ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет». Сочи, Россия.

Ямицкова Ольга Александровна, методист ППЦ «Здоровье» Петроградского района Санкт-Петербурга, кандидат психологических наук, доцент. Санкт-Петербург, Россия.

Ярмыш Ирина Александровна, доцент ФГБОУ ВО «ДонГУ», кандидат психологических наук. Макеевка, ДНР, Россия.

Ястребова Анна Александровна, педагог-психолог ГБУ ДО ЦППМСП Выборгского района Санкт-Петербурга. Россия.

**Социальная психология:
вопросы теории и практики**

**Материалы VIII Международной научно-
практической конференции
памяти М.Ю. Кондратьева
(11–12 мая 2023 г.)**

**Москва, ФГБОУ ВО МГППУ
Факультет социальной психологии**